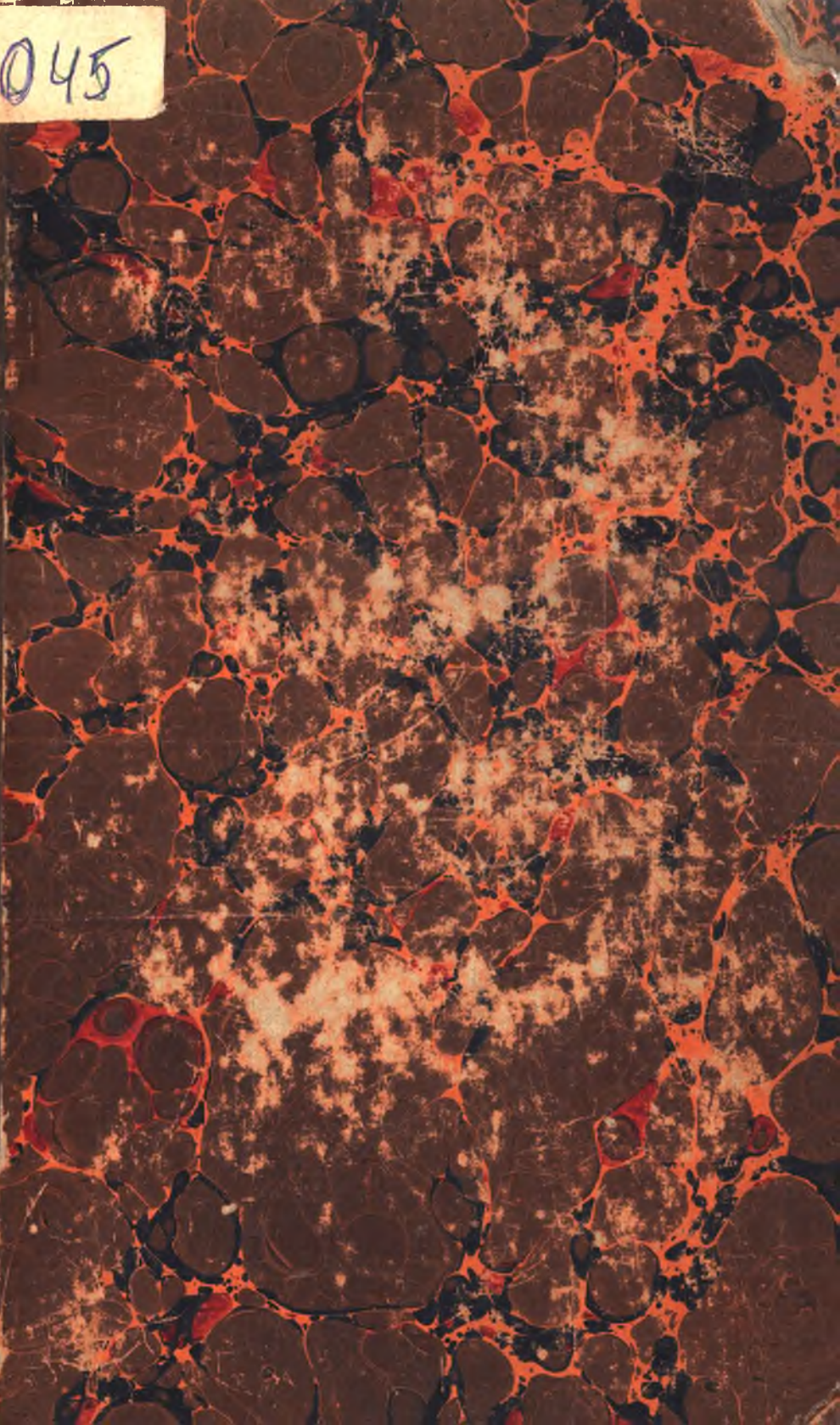

6045

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА

Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1876.

с
с 60

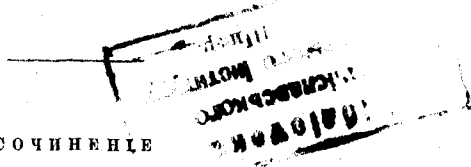
ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II-ГО

И

ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

Рост

6045

7

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

19. 22.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1876.

НБ ПНУС

6045

76
73. a

Г Л А В А I.

Окончаніе царствованія имперарицы Екате- рины I Алексѣевны.

Дѣла вѣшнія.—Персидская война.—Мнѣніе Остермана о персидскихъ дѣлахъ.—Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій назначенъ главнокомандующимъ.—Его донесенія.—Дѣла турецкія.—Неудачи Турокъ въ Персіи.—Дѣятельность Долгорукаго.—Внушенія французскаго посланника Туркамъ.—Отношенія Россіи къ Франціи.—Ганноверскій союзъ.—Появленіе англійской эскадры у русскихъ береговъ въ угрожающемъ положеніи.—Союзъ Россіи съ Австріею.—Дѣла польскія.—Торнское дѣло.—Дѣятельность комиссара Рудавковскаго въ Могилевѣ.—Дѣла курляндскія.—Посольство Ягужинскаго въ Польшу.—Дѣла шведскія; отправленіе въ Стокгольмъ князя Василя Лукича Долгорукаго.—Приступленіе Швеціи къ Ганноверскому союзу.—Отношенія къ Даніи.—Отношенія къ Пруссіи.—Общій взглядъ на вѣшнія отношенія Россіи при Екатеринѣ 1-й.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Мнѣніе Остермана о со-
глашеніи интересовъ.—Герцогъ голштинскій—епископъ Любскій, женихъ цесаревны Елисаветы.—Заботливость о войскахъ.—Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра.—Движенія противной стороны.—Дѣло Девьера.—Завѣщаніе Екатерины.—Кончина ея.—Провозглашеніе великаго князя Петра Алексѣевича императоромъ.

Разбираясь въ матеріалъ преобразования, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія финансоваго, правительство Екатерины 1-й постоянно имѣло въ виду необходимость войска. И дѣйствительно войско было нужно, ибо опасность постоянно грозила съ юга и запада. Персидская война не прекратилась петербургскимъ договоромъ, который не хотѣли подтверждать въ Персіи, да и некому было подтверждать при страшной смутѣ, господствовавшей въ этой странѣ. Въ Рязнѣ русское войско съ генераломъ Матюшкинымъ постоянно должно было отбиваться отъ

нападенія Персіямъ, хотя и постоянно отбивалось съ успѣхомъ, не смотря на многочисленность враговъ. Въ Сальянѣ полковникъ Зимбулатовъ съ офицерами были зазваны на обѣдъ княгинею и измѣнически умерщвлены. Шамхаль Тарковскій Алди-Гирей измѣнилъ и, поддерживаемый сосѣдними владѣльцами, приходилъ осаждать крѣпость св. Креста, былъ прогнанъ, но не переставалъ враждовать. Въ апрѣлѣ 1725 года сенатъ постановилъ о персидскихъ дѣлахъ слѣдующее: генералу Матюшкину послать указъ, чтобъ завоеваніе Мазандерана и Астрабата до времени отложилъ; для полученія большаго простора долженъ, по возможности, распространять русское владычество въ Гиляни и укрѣпляться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ сообщенія изъ другихъ областей съ Гилянью, чтобъ получить безопасность отъ непріятеля; если для очищенія воздуха и безопасности отъ подходу непріятельскаго понадобится вырубить лѣсъ, пусть вырубаетъ по своему разсмотрѣнію, какіе бы лѣса ни были. На Курѣ или близъ Кура долженъ занять постъ и, хотя маленькую крѣпостцу сдѣлать, по своему разсмотрѣнію, также устроить сообщенія отъ Гиляни къ рѣкѣ Курѣ и укрѣпиться въ нашихъ границахъ близъ моря¹. Такимъ образомъ кругъ военныхъ дѣйствій уже былъ ограниченъ.

При учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта вице-капцлеръ баронъ Остерманъ, представляя общій обзоръ отношеній Россіи къ чужимъ государствамъ, говорилъ о персидскихъ дѣлахъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, они находятся въ самомъ печальномъ положеніи: въ Гиляни русскія войска не только не могутъ распространяться внутрь страны, но съ великимъ трудомъ удерживаются и въ занятыхъ прежде мѣстахъ; жители всѣ разбѣжались, податей никакихъ не платится, и, кромѣ народнаго возмущенія, отъ Казбинской и Мосульской стороны собираются многочисленныя персидскія войска; изъ Сальянской области и съ рѣки Куры Русскіе принуждены отступить въ Баку; шаховы войска хотятъ идти къ Баку и засѣсть у нефтяныхъ источниковъ; окрестные князьки согласились вырубить въ Дербентѣ Русскихъ и Армянъ; горскіе народы всѣ въ собраніи, и отъ нихъ гарнизонъ въ крѣпости св. Креста находится въ великомъ угѣсеніи. При этомъ надобно обращать вниманіе на слѣдующее обстоятельство: по договору съ Портою Россія должна склонить шаха Тохмасиба къ принятію этого договора или вмѣстѣ съ Портою возвести на престолъ

другого шаха; если это дѣло затянется, то Порта можетъ большею частію Персіи овладѣть, и даже шахъ Тохмасибъ, изъ страха предъ сильнымъ наступленіемъ Турокъ, можетъ и совершенно имъ поддаться; Турки увидя слабость Русскихъ въ тѣхъ странахъ, могутъ соединиться съ тамошними народами и принять намѣреніе вытѣснить русскія войска. Дѣйствовать для предотвращенія этихъ опасностей Россія можетъ двумя способами: способомъ наступательнымъ: овладѣть всѣми остальными уступленными провинціями и шаха Тохмасиба низвергнуть, но для этого нужна сила и войско; другой способъ оборонительный: отложить на время завоеваніе другихъ провинцій и укрѣпляться только въ занятыхъ уже мѣстахъ; наблюдать за дѣйствіями Турокъ и приводить шаха Тохмасиба къ принятію нашего договора съ Портою; о совершенномъ же покинутіи персидскихъ дѣлъ не должно и думать: это значило бы отворить ворота всѣмъ этимъ народамъ въ сердце Россіи. Остерманъ больше всего опасался Турокъ, и потому совѣтовалъ показать себя твердыми въ Персіи, приготавливаться къ войнѣ турецкой, а между тѣмъ склонять всячески Персіанъ, Армянъ и Грузинъ на свою сторону, даже обѣщать шаху возвращеніе части завоеваннаго. Мнѣнія, подданныя другими членами совѣта, въ сущности были сходны съ мнѣніемъ Остермана. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній, а именно въ мнѣніи князя Меншикова проглядывало сильное желаніе отдѣлаться отъ персидскихъ завоеваній, которыя слишкомъ дорого стоятъ. 30 марта члены совѣта ходили къ императрицѣ съ доношеніемъ такого своего мнѣнія: персидскія провинціи и мѣста всѣ содержатъ не только очень трудно, но почти невозможно по огромнымъ расходамъ и вредному для русскаго войска климату; въ опредѣленные туда 20 баталіоновъ отправлено уже рекрутъ 29,000 человекъ, а теперь еще большаго числа требуютъ: поэтому не лучше ли искать способа мало-по-малу изъ этихъ персидскихъ дѣлъ выйти, однако съ тѣмъ, чтобъ Турки не могли въ Персіи утвердиться; нельзя ли для склоненія шаха на свою сторону уступить ему всѣ три провинціи, Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабатъ? Императрица согласилась.³

Но затрудненіе состояло въ томъ, что не съ кѣмъ было заключать мира, не кому уступать выговоренныхъ въ трактатѣ областей. Шахъ Тохмасибъ не былъ владѣльцемъ всей Персіи; въ

Испагани господствовали афганскій похититель Эшрефъ, убившій въ 1725 году брата своего Магомета-Мирвейза. Турки пользовались смуткою въ Персїи, дѣйствовали наступательно, и успѣхи ихъ волновали все магометанское народонаселеніе. Остерманъ въ своей запискѣ упоминалъ, что Дербентъ и даже крѣпость св. Креста находились въ опасности. Но это было не совсѣмъ такъ: въ октябрѣ 1725 года генераль-маіоры Кропотовъ и Шереметевъ ходили опустошать владѣніе шамхала и сожгли двадцать селеній, въ томъ числѣ и Тарки, столицу шамхала, состоявшую изъ 1.000 дворовъ; всего дворовъ было сожжено 6.110. Шамхаль, имѣя только 3.000 войска, не могъ сопротивляться превосходному числу Русскихъ, у которыхъ однихъ козаковъ и Калмыковъ было 8.000 человекъ, не считая регулярныхъ войскъ, двухъ полковъ пѣхоты и двухъ кавалерїи; Алди-Гирей ушелъ изъ Тарокъ вмѣстѣ съ турецкимъ посланникомъ и разослалъ грамоты къ другимъ горскимъ владѣльцамъ, прося помощи, но получилъ отказъ. Въ слѣдующемъ году, въ половинѣ мая объявленъ былъ новый походъ; въ крѣпости св. Креста явился Андреевскій владѣлецъ Гайдемиръ и отъ имени шамхала просилъ отложить походъ на три дня: самъ шамхаль прїѣдетъ въ это время къ генераламъ, а потомъ отправится въ Петербургъ просить милости у императрицы. Генералы велѣли ему сказать, что будутъ дожидаться его три дня, но похода не отложили. 20 мая, когда Русскіе стали лагеремъ у мѣстечка Кумтаркалы, шамхаль прислалъ въ аманаты двоихъ мальчиковъ, внука своего Аракъ-Бека и сына одного князька, а самъ стоялъ при ущельѣ, дожидаясь чтобъ выѣхалъ къ нему генераль Шереметевъ и обнадежилъ, что его не убьютъ въ русскомъ лагерѣ. Вмѣсто Шереметева отправился полковникъ Еропкинъ, и привезъ шамхала въ лагерь; потомъ Алди-Гирей отправили въ крѣпость св. Креста и посадили подъ стражу. Въ Петербургѣ хотѣли отправить на Кавказъ искуснаго генерала, который бы сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ, и одинъ былъ въ отвѣтъ. Выборъ палъ на опальнаго петровскаго времени, князя Василія Владиміровича Долгорукаго. Новый главнокомандующій въ августѣ писалъ Макарову изъ крѣпости св. Креста: «Никогда такой слабой команды я не видалъ; прошу для интереса государственнаго прислать сюда добраго и искуснаго командира. Зрѣлое око имѣть надобно на здѣшнихъ горскихъ и

другихъ владѣльцевъ; что же ко мнѣ писано о шевкалѣ, то доношу, что его отнюдь освобождать не надобно; держать его здѣсь, а если въ Астрахань послать, то всѣхъ владѣльцевъ въ конфузiю и въ размышленiе можемъ привести. Я объявлялъ шевкалу всѣ продерзости его, и чтобъ онъ вину свою заслужилъ, возвратилъ бы солдатъ и другихъ людей, кои у него были въ полону и кои лошади дѣтymi его взяты и другими подвластными; обѣщалъ возвратить и просился самъ, давалъ за себя поруки; я ему отвѣчалъ: видя тебя такого въ продерзостяхъ слабаго (неудержливаго), отпустить невозможно, покажи себя справедливымъ: будучи въ нашихъ рукахъ, чрезъ письма все возврати, пиши ко всѣмъ владѣльцамъ, подвластнымъ князьямъ и къ дѣтямъ своимъ, чтобъ они всѣ были въ вѣрности къ ея императорскому величеству; когда увидимъ отъ тебя вѣрность, можешь и свободу получить. Все то принялъ съ радостiю и послалъ письма. Чтобъ шевкалу не быть, а раздѣлить его власть по другимъ зѣло полезно, только трудно дѣлать по здѣшнему состоянiю; однако буду съ здѣшними владѣльцами въ Дербентѣ разговоръ имѣть; а что велѣно мнѣ написать во мнѣнии, ктобъ удобнѣе изъ владѣльцевъ на шевкалово мѣсто, о семъ не могу писать, еще ихъ не знаю, а надѣюсь всѣ равны: кто будетъ шевкалъ, всякій будетъ воръ, такого они состоянiя люди; полезнѣе-бъ не быть шевкалу.»

Изъ Дербента въ сентябрѣ Долгорукой писалъ: «Какъ дагестанскiе, такъ и горскiе владѣльцы безъ противности себя показываютъ, и, по здѣшнимъ оборотамъ, я съ ними нынѣ для разграничванiя обхожусь поласковѣе, чтобъ безъ всякаго помѣшательства въ комиссию господина Румянцева дѣла окончились. За то мнѣ сумнительно и печаленъ отъѣздъ мой въ Гилянъ: какъ на Сулакѣ, такъ и въ Дербентѣ безнадежны командиры, о чемъ уже многажды я доносилъ, и зѣло мнѣ удивительно, что отъ васъ скорой резолюцiи не учинено. Изволь разсудить, какая крайняя нужда для государственнаго интереса, чтобъ были здѣсь командиры добрые. Здѣшнiй народъ такой обычай имѣетъ, чтобъ командиры были вездѣ генералы, то и боятся и въ дѣло ставятъ, они того не знаютъ, что генераль-майоръ или генераль-поручикъ; гдѣ имя генеральское помянется, то и боятся; а ежели гдѣ полковникъ комендантомъ, хотя бы онъ какого состоянiя ни былъ

страху отъ него не имѣють и въ дѣло его не ставятъ и называютъ его маленькой господинъ. Самая нужда быть добрымъ командирамъ на Сулакѣ и въ Дербентѣ, понеже между Дербентомъ и Сулакомъ всѣхъ владѣльцевъ жилище. Меня отправили для исправленія дѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и дали мнѣ полную мочь, чтобъ я привелъ въ доброе состояніе и безопасность: какъ возможно мнѣ одному здѣшнія дѣла въ то доброе состояніе привести? Въ такой опасности Дербентъ и Сулакъ остаются, что никакой надежды нѣтъ, кромѣ милости Божіей. Здѣшняго корпуса генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры безъ прибавки жалованья пропитать себя не могутъ по здѣшней дороговизнѣ; офицеры пришли въ крайнюю нищету несносную, что уже одинъ майоръ и три капитана съ ума сбредли, уже многіе знаки свои и шарфы закладываютъ; сначала здѣшняго похода безперемѣнно здѣсь, кромѣ несноснаго здѣшняго воздуха, въ великихъ трудахъ обрѣтаются, безпрестанно по карауламъ въ партіяхъ на работахъ; а другіе ихъ братья, всѣ служатъ въ корпусѣ на Украинѣ, въ великой выгодѣ и покоѣ, а жалованье получаютъ равное; что на Украинѣ купить на рубль, здѣсь на 10 рублей того не сыщешь; и по моему мнѣнію или въ жалованьи прибавку учинить, или офицерамъ съ перемѣною быть. Еще есть изъ перемѣны офицеровъ и государственная польза, коли офицеры обращаются въ воинскихъ случаяхъ всегда въ практикѣ; какая польза—одни служить другіе покоятся.»³

Въ это время Долгорукій былъ ободренъ неудачами Турокъ. Мы видѣли, что еще Петръ отправилъ въ Константинополь бригадира Румянцева, который оттуда долженъ былъ ѣхать для проведенія новой границы между Россією и Турцією во взятыхъ у Персіи областяхъ. Когда пришла страшная вѣдомость о кончинѣ Петра, то первымъ дѣломъ Румянцева было внушить французскому посланнику Дандрезелю, смѣнившему Бонака, что эта перемѣна не произведетъ въ Россіи никакихъ внутреннихъ смуть и просить его, чтобы онъ старался внушать то же самое и Портѣ. Румянцевъ писалъ императрицѣ: «теперь, кажется, всѣ противныя мнѣнія у Турокъ отняты; однако, по ихъ непостоянству, вопляѣ вѣрить нельзя; я и резидентъ (Неплюевъ) стараемся, и, кажется, что ничего не опущено въ дѣлахъ вашего величества. Теперь вся сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ Персіи войска наши

не ослабѣли, и хотя бы знакъ сдѣлать, что туда войскъ прибавлено, потому что Турки какъ намъ, такъ и послу французскому безпрестанно говорятъ, что нашихъ войскъ въ Персіи мало и дѣйствовать противъ Тохмасиба по силѣ трактата нельзя.» Въ августѣ 1725 года, извѣщая о взятіи Турками Тавриза и дальнѣйшихъ движеніяхъ ихъ, Румянцевъ писалъ: «По силѣ вашего величества указовъ будемъ всячески сами и чрезъ французскаго посла трудиться и пристойнымъ образомъ отвращать Турокъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій; но не думаемъ, чтобъ могли ихъ удержать; а они постоянно упрекаютъ насъ, что въ Гиляни и другихъ мѣстахъ наши войска не дѣйствуютъ.»

Турки заняли провинцію Лористанъ; на представленіи Румянцева и Неплюева, что этимъ нарушается послѣдній договоръ, ибо перейдена граница, въ немъ означенная, получались увертливые отвѣты; а между тѣмъ русскіе министры получали извѣстія, что Турки распоряжаются отправленіемъ войска въ Дагестанъ и вошли въ переговоры съ Эшрефомъ, требуя отъ него подданства султану; объ отправленіи Румянцева для проведенія границы не было и помину, и, къ довершенію непріятностей, со стороны французскаго посла оказалась холодность. На представленіе Румянцева и Неплюева, что Порта нарушаетъ договоръ, вступая въ сношеніе съ бунтовщикомъ Эшрефомъ, имъ отвѣчали, что договоръ былъ бы нарушенъ, еслибъ Тохмасибъ его принялъ; но такъ какъ этого не послѣдовало, и Турки съ оружіемъ въ рукахъ, съ потерей людей и денегъ, должны были забирать выговоренные въ трактатѣ города, то они не имѣютъ никакой обязанности отвергать предложеніе Эшрефа, по единовѣрью съ нимъ и потому еще, что владѣя въ Испаніи, онъ ихъ сосѣдъ, и странно было бы Портѣ преслѣдовать единовѣрнаго суннита и стараться объ утвержденіи на персидскомъ престолѣ шіита. Наконецъ ви-зирь велѣлъ объявить: вмѣсто того, чтобъ искать челоуѣка, кого бы возвести на персидскій престолъ, не лучше ли Россіи и Турціи раздѣлить между собою Персію, какъ добрымъ друзьямъ?

Русскіе министры не приняли этого предложенія, настаивая на точное исполненіе послѣдняго договора. 9 декабря 1725 года явился къ Румянцеву переводчикъ Порты съ объявленіемъ, что ему не будутъ болѣе даваться кормовыя деньги, ибо онъ посолъ, а не комиссаръ. Причиною такого поступка со стороны Порты

было то, что накануне был у визиря англійскій посланникъ. Румянцевъ, обнадеживая переводчика милостію императрицы, выспросилъ у него, что сообщилъ Англичанинъ. Сообщенія состояли въ томъ, что цесарь римскій, покинувъ Англію и французское посредничество, заключилъ съ Испаніею союзный договоръ; Англія же, Франція и Пруссія заключили между собою союзъ, къ которому полезно было бы присоединиться и Портъ; Голландія будетъ вмѣстѣ съ ними же; но російскій дворъ въ этотъ союзъ не вступилъ, потому что герцогъ голштинскій, посредствомъ Россіи, старается отнять у датскаго короля Шлезвигъ; Англія не можетъ на это позволить, потому что гарантировала Шлезвигъ Даніи. И съ римскимъ цесаремъ у русской государыни, по причинѣ частныхъ дѣлъ, союза быть не можетъ; и такимъ образомъ Россія находится безъ союзниковъ.

18 декабря въ Константинополь раздалися пушечные выстрѣлы: праздновали взятіе Ардевиля. На представленіе Румянцева, что здѣсь новое нарушеніе договора, ему отвѣчали, что Турки вовсе не хотѣли брать Ардевилъ, но жители сами просили принять ихъ въ подданство.

1726 годъ Румянцевъ и Нецлюевъ начали извѣстіемъ о *студености* французскаго посла, о томъ, что онъ получилъ отъ двора своего указы, послѣ чего тайно началъ сходитьсѣ съ англійскимъ посломъ въ частныхъ домахъ для совѣщаній. Но отъ этихъ совѣщаній не послѣдовало ничего вреднаго русскимъ дѣламъ, потому что, съ одной стороны, Порта обманулась на счетъ предложеній, которыя надѣялась получить отъ Эшрефова посла: вмѣсто просьбы о принятіи въ подданство, Эшрефъ объявлялъ, что онъ занялъ персидскій престолъ, какъ самостоятельный государь, и требовалъ возвращенія занятыхъ Турками персидскихъ областей; съ другой стороны, Порту встревожило извѣстіе о заключеніи союза между Россіею и Австріею. Въ маѣ мѣсяцѣ Румянцевъ былъ отпущенъ на свою комиссію разграниченія, и на прощаніи визирь просилъ его увѣрить императрицу, что Порта находится въ твердомъ намѣреніи содержать дружбу. Прежде было постановлено, что вмѣстѣ съ Румянцевымъ долженъ отправиться на персидскую границу чиновникъ французскаго посольства, какъ представитель посредствующей державы; но теперь французскій посоль далъ знать, что, не получая на свой за-

прось никакого отвѣта отъ своего двора, не можетъ отпустить чиновника.

По отъѣздѣ Румянцева, Неплюевъ имѣлъ длинный разговоръ съ великимъ визиремъ: «Я долженъ объявить откровенно, говорилъ резидентъ, что и прежде не безподозрительны были для Россіи дѣйствія Турціи, которая переходила условленную границу; но съ нашей стороны молчали. Порта начала и съ другой стороны распространять свои владѣнія: взяла Ардевилъ, хочетъ овладѣть и Казбиномъ, а эти мѣста очень близки отъ Гиліаніи, и если Порта будетъ продолжать свои движенія, то произойдетъ нарушеніе не только персидскому трактату, но и вѣчно поставленной дружбѣ; потому что Россія не можетъ допустить къ Каспійскому морю никакой другой державы, не можетъ также допустить и Персію до паденія: давно уже мы твердимъ Портѣ, что Россія считала и считаетъ эти два пункта главными».

— «Удивительно предложеніе русское», отвѣчалъ визирь: сами вы ничего не дѣлаете, и Портѣ совѣтуете, чтобъ сложа руки сидѣла. Порта беретъ города только для того, чтобъ охранить ихъ отъ похитителя Эшрефа, и дѣлаетъ это по просьбѣ самихъ жителей и для собственной безопасности, чтобъ не отдать ихъ въ руки узурпатору. То же самое надобно дѣлать и Россіи съ своей стороны. Порта желаетъ, чтобъ персидскіе города были въ русскіихъ рукахъ, а не у Эшрефа: точно также и Россія должна быть довольна, что Порта забираетъ персидскіе города въ свою протекцію, не допуская ихъ попасть въ руки общаго непріятеля Эшрефа; а послѣ обо всемъ можно по силѣ договора согласиться. Удивительно, что Россія лучше желаетъ видѣть персидскія области въ рукахъ Эшрефа, чѣмъ у Турокъ, не рассуждая того, что когда Эшрефъ утвердится, то современемъ и у Россіи отберетъ Гиліанъ и Дербентъ, такъ какъ теперь Портѣ заявилъ претензію на всю Персію».

— «Если будемъ препираться политическими аргументами, говорилъ Неплюевъ, то словъ наплодимъ много, а прибыли не получимъ никакой, потому что съ обѣихъ сторонъ много такихъ резоновъ найдется. Но я, оставя свой министерскій характеръ, какъ желатель покоя, въ надеждѣ на вашу благосклонность и мудрое разсужденіе, беру смѣлость показать натуральные резоны этого дѣла. Хотя Россія и въ дружбѣ съ Портою, но обѣ

онѣ великія державы и не могутъ безъ подозрѣнія смотрѣть на успѣхи другъ друга, не могутъ не бояться сближенія своихъ границъ. Для сохраненія дружбы между ними необходимо самое точное исполненіе договоровъ и значительное разстояніе между ихъ границами. Что же касается Эшрефа, то онѣ не можетъ подать повода къ такой зависти, потому что онѣ послѣдняя паутина на свѣтѣ, владѣетъ почти одною Испаганью и не пользуется любовію персидскаго народа; и съ Кандагаромъ у него сношенія пресѣклись, потому что тамъ другой владѣлецъ явился, ему враждебный, и потому силамъ эшрефовымъ не откуда умножиться, но день ото дня ослабѣваютъ, и для изгнанія его довольно одного согласія между обѣими имперіями, и легко можно разсудить, что Порта взяла Ардевиль не для защиты отъ Эшрефа, потому что этотъ городъ очень далеко отъ него».

Визирь, разсмѣявшись, началъ говорить: «Напрасно пренебрегаете вы народомъ, который владѣетъ цѣлымъ персидскимъ государствомъ; но, оставя всѣ споры, объяснюсь и я откровенно: не вѣрю я, что Россія склонитъ шаха Тохмасиба на принятіе трактата, хотя и старается объ этомъ; шахъ упрямится, и имѣетъ причины упрямиться, потому что Россія противъ него ничего не дѣйствуетъ; одна Порта съ огромными издержками и кровопролитіемъ забрала свою долю, которую надѣялась получить по русской медиціи; и теперь держитъ въ тѣхъ краяхъ 150.000 войска. Россія легко можетъ разсудить, какія издержки на это мы должны употреблять и можемъ ли такое число войска содержать тамъ праздно: разумѣется, мы должны употреблять его для изгнанія непріятели и полученія себѣ покоя. Порта думаетъ, что русскія предложенія состоятъ въ однихъ словахъ, а не въ дѣлѣ; видно, что Россія хочетъ только время проводить подъ разными предлогами. Но если Россія хочетъ имѣть успѣхъ въ тѣхъ странахъ, то она должна имѣть тамъ сильный корпусъ войскъ, безъ чего тамошнихъ дѣлъ окончить нельзя, хотя бы шахъ Тохмасибъ и принялъ трактатъ, ибо по тому трактату Россія должна ему сильно помогать; не только Эшрефа надобно выгнать, но и другихъ Персіянъ привести подъ руку шахову, ибо многіе ханы захотятъ независимости въ своихъ областяхъ. Еслибы Порта знала, что Россія непременно склонитъ шаха къ принятію трактата, то могла бы еще подождать мѣсяць или два

и удержать военныя дѣйствія въ Персіи; но такой склонности отъ шаха не надѣется». Неплюевъ сказалъ, что двухъ мѣсяцевъ мало для полученія обстоятельнаго отвѣта отъ Тохмасиба, и визирь согласился ждать четыре мѣсяца ⁴.

Черезъ четыре мѣсяца дѣла Турокъ пошли дурно: Эшрефъ разбилъ ихъ войска. 30 ноября Долгорукій писалъ императрицѣ съ Кавказа: «Турецкія дѣйствія въ Персіи зѣло въ слабость при-
ходятъ; Армяне неоднократно Турокъ побили и требуютъ съ нашими войсками соединиться, слезно просятъ хотябъ нѣкото-
рую часть къ нимъ прислать; а мнѣ за указомъ вашего импера-
торскаго величества того учинить нельзя для озлобленія Турокъ,
и, сколько могу, Армянъ обнадеживаю, чтобъ съ терпѣливостію
ожидали нѣсколько времени; однакожь видятъ они, что отъ насъ
имъ никакой пользы и надежды нѣтъ, и сколько могутъ съ ве-
ликою отвагою противъ Турокъ мужественно поступаютъ, и
ежелибъ въ нынѣшнее благополучное время соединиться было
можно нашимъ войскамъ съ Армянами, видя слабость турецкую,
можно-бъ надѣяться, что дѣйства наши сильныя могли быть. А
что велѣно мнѣ Армянъ уговаривать, чтобъ въ завоеванныхъ
нашихъ провинціяхъ въ Персіи, гдѣ похотятъ, селились бы, и
Армяне о томъ слышать не хотятъ, и правда, великой резонъ
есть: оставить мѣста удобныя и идти въ бесплодныя. Паша, ко-
торый былъ опредѣленъ для разграничиванія съ г. Румянцевымъ,
пошелъ изъ Шемахи на Армянъ; и ежели Турки пользу какую
надъ Армянами получаютъ и приведутъ въ подданство къ себѣ,
зѣло сожалѣть намъ ихъ Армянъ, что мы ихъ оставили, и
впредь намъ Армянъ трудно къ себѣ присовокупить будетъ.
Еслибы въ нынѣшнее время, при здѣшнемъ зломъ и проклятомъ
народѣ, не Левашева (генераль-майора) крѣпкаго, и искуснаго, и
вѣрнаго, и радетельнаго поступкомъ содержана была здѣшняя
страна—великая бы опасность чаялась. О здѣшнемъ гиланскомъ
состояніи доношу о воздухѣ, какой зной язвительный, нездоров-
вый; къ тому же солдаты пропитаніе имѣютъ зѣло скудное;
только хлѣбъ и вода; къ томужь и жалованья солдаты не полу-
чали одиннадцать мѣсяцевъ; работы великія, партіи непрестан-
ныя, трудъ несутъ несносный, а выгоды не имѣютъ, лѣкарствъ
я засталъ ничего нѣтъ, а коли и отпускаютъ лѣкарствы, равно
какъ на другіе полки, на Сулакъ и въ Дербентъ, а сюда надле-

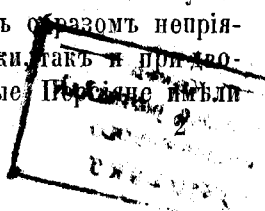
жить, по здѣшнему злому воздуху, отпускать втрое противъ другихъ мѣстъ; къ тому жь лѣкарей мало зѣло и комплету нѣтъ; надлежитъ быть здѣсь дохтуру и аптекарю съ полною аптекою, а другому дохтуру въ Астрахани, понеже лазаретъ въ Астрахани великій: къ Сулаку изъ Дербени и изъ Баки присылаются больные, одному дохтуру какъ можно вездѣ усмотрѣть? лучше людей жалѣть, нежели денегъ на жалованье дохтурамъ и лѣкарямъ».

Не дожидаясь распоряженій изъ Петербурга, Долгорукій велѣлъ выдать солдатамъ жалованье изъ мѣстныхъ сборовъ персидскою монетою по настоящей цѣнѣ; по недостатку лѣкарствъ велѣлъ покупать вино, уксусъ и другіе матеріалы на счетъ медицинской канцеляріи. Кавалеріи содержать было нельзя, потому что прокормленіе каждой лошади становилось въ годъ около 40 рублей, травы не было кромѣ осоки, лошадей кормили соломою и пшеномъ. Въ русскомъ войскѣ было двѣ иностранныхъ роты, армянская и грузинская, каждому человѣку въ нихъ давалось жалованья по 15 рублей; русскихъ козаковъ было 250 человѣкъ, которые служили безъ жалованья, и между тѣмъ были чрезвычайно полезны. Долгорукій назначилъ имъ жалованье по 10 рублей человѣку: «По мнѣнію моему, писалъ онъ, лучше своимъ дать жалованье,—они же и служатъ больше и непріятелю страшнѣе; правда и Армяне и Грузинцы служатъ изрядно, однако козаки отважнѣе дѣйствуютъ».

1727 годъ Долгорукій началъ прежними увѣщаніями—воспользоваться слабостію Турокъ и предпринять наступательное движеніе. Въ январѣ онъ писалъ Макарову изъ Ряци: «Видя турецкую слабость, не надобно пропускать благополучнаго времени и не дать въ силу войти Туркамъ; и въ слабости Турки вступаютъ въ наши провинціи, а еслибы они были въ старой своей силѣ, то не посмотрѣли бы на трактатъ: все по берегу Каспійскаго моря, что въ нашу сторону надлежитъ, намѣрены присокупить къ себѣ. Чего намъ дожидаться? ежели нынѣ себѣ пользы не сыщемъ, а когда въ силу войдутъ Турки, то мы не только прибыли не получимъ въ Персіи, и стараго удержать трудно. Иной надежды не находится, что въ нынѣшнее благополучное время, согласясь съ кѣмъ надлежитъ, помянутыхъ мнимыхъ пріятелей выгнать изъ Персіи, и самимъ въ ней усилиться и утвердиться, и тѣмъ государственный убытокъ исправить».

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Долгорукій доносилъ самой императрицѣ изъ провинціи Ленкоранской: «Изъ Ряща поѣхалъ я, января 29, сухимъ путемъ ради многихъ причинъ къ нашей пользѣ: первая, чтобъ Турки и Кизильбаши (Персіане), къ намъ недоброжелательные, видѣли, что мы, какъ водою, такъ и землю свободно путь имѣемъ. 2) Корреспонденція будетъ скорѣе сухимъ путемъ. 3) Великое учинено обнадеживаніе обывателямъ, по Каспійскому морю лежащимъ. Во всѣхъ провинціяхъ, коими я ѣхалъ, съ великою радостію меня встрѣчали ханы, салтаны и всѣ старшины, по ихъ обычаю, съ своими музыками, и во всемъ меня довольствовались, не токмо которые въ нашу порцію достались, но которые по трактату и не въ нашей порціи, всѣ желаютъ быть въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества, и просятъ меня, чтобъ я ихъ принималъ въ протекцію Россійской имперіи, чего мнѣ учинить чрезъ трактатъ и безъ указа невозможно; однакожъ, какъ могу, съ ними обхожусь ласково и вовсе не отказываю, чтобъ ихъ не озлобить до времени. И такъ весь здѣшній народъ желаетъ Вашего Императорскаго Величества протекціи съ великою охотою, видя, какая отъ насъ справедливость, что излишняго мы съ нихъ ничего не требуемъ и смотримъ крѣпко, чтобъ отнюдь ни мало имъ обиды отъ насъ не было и крѣпкими указы во всѣ команды отъ меня подтверждено подъ жестокимъ штрафомъ; а которые въ Турецкомъ владѣніи такъ ожесточены, въ конецъ раззорены и такое ругательство и тиранство Турки дѣлаютъ, какъ больше того быть нельзя. И такъ всѣ народы, какъ христіане такъ и бусурманы, всѣ противъ нихъ готовы, только просятъ, чтобъ была имъ надежда на насъ».

По возвращеніи въ Дербентъ, Долгорукій писалъ въ апрѣлѣ: «Прибыль я сухимъ путемъ въ Дербентъ ^{счастливо} и въ пробѣздъ свой привелъ въ подданство Вашему Императорскому Величеству провинціи, лежація по берегу Каспійскаго моря, а именно: Кергеруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кизиль-Агацкую, Уджаруцкую, Сальянскую, степи: Муранскую, Шеговенскую, Мазаригскую, съ которыхъ будетъ доходу на годъ около ста тысячъ рублей. Приѣздъ мой великую пользу учинилъ: какъ въ послушаніе и надежду весь народъ пришли, равнымъ образомъ непріятель въ великое сумнѣніе, понеже какъ Турки, такъ и ^{при до}рѣ Тахмасибовомъ, и всѣ недоброжелательные Персіане имѣли

надежду о слабости нашей, будто мы только можем держаться по гварнизонамъ и за безсиліемъ больше не можемъ никакихъ дѣйствъ въ Персіи показывать. И я, видя помянутое ихъ мнѣніе, показалъ себя, что мы можемъ дѣйства сильныя показывать: напередъ себя отправилъ бригадира Штерншанца человекъ въ пятистахъ, и потомъ, взявъ съ собою 300 человекъ драгунъ, пошелъ: изъ того числа оставилъ въ Астарѣ сто человекъ, а со мною двѣсти было, и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ крѣпости приказалъ дѣлать, а именно: въ Астаринской и Ленкоранской; а неприятелю въ страхъ, чтобъ не думали о нашей слабости. Всѣхъ удивило, и въ великое размышленіе пришли, что мы сухимъ путемъ тракты узнали. Въ небытность мою въ Дербенѣ, писалъ ко мнѣ генераль-маіоръ Румянцевъ, что здѣсь начинаются шатости отъ Горскихъ — Сурхая и Усмей, а до прибытія моего здѣшній мѣста содержалъ онъ, генераль-маіоръ Румянцевъ, благоизрядно, въ чемъ я имъ за то доволенъ, и ежелибъ его Румянцева въ небытность мою здѣсь не было, тобъ немалая опасность быть могла». Къ Макарову Долгорукій писалъ: «Легко можно разсудить, что мой трудъ несносный на седьмомъ десяткѣ, въ такое злое время, такой дальній путь со вьюками проѣхалъ по калмыцки. Отъ роду своего не видывалъ, чтобъ кто въ эти лѣта началъ жить калмыцкимъ манеромъ»⁵.

Въ Петербургѣ были очень довольны дѣйствіями Долгорукаго—поднятіемъ значенія Россіи съ малыми средствами; но никакъ не хотѣли принимать его совѣта и дѣйствовать противъ Турціи, тѣмъ болѣе, что со стороны послѣдней не было опасности. Неплюевъ доносилъ въ началѣ 1729 года, что султанъ, человекъ жестокой и трусливой, сильно испугался успѣховъ Эшрефа надъ турецкими войсками; боялся онъ возмущенія народнаго, и что Турки могутъ провозгласить султаномъ Эшрефа, по единовѣрью какъ суннита. Султанъ обратился къ визирю съ требованіемъ, чтобъ какъ можно скорѣе былъ заключенъ миръ съ Эшрефомъ; но визирь представилъ, что «несчастіе произошло отъ недосмотра Ахмета, паши вавилонскаго, ввѣрившагося Курдамъ, которыхъ ему и въ службу принимать было не велѣно; а теперь можно распорядиться лучше, послать большое войско и пригласить Русскій дворъ къ общему дѣйствию, отъ чего, по договору, онъ отказаться не можетъ. Этими средствами Эшрефа

можно искоренить: если же Богъ послалъ его въ наказаніе, то ничто не поможетъ; однако безвременно и безъ нужды искать у него мира не слѣдуетъ; послать къ нему теперь съ просьбою о мирѣ—значить обнаружить свою слабость и подвигнуть его еще больше на Турцію, а народы сосѣдніе получаютъ объ насъ дурное мнѣніе». Эти представленія въ первое время не успокоили султана; онъ сердился и бранилъ визиря всячески; тотъ отвѣчалъ, что если его представленія неуютны, то султанъ воленъ смѣнить его и назначить человѣка болѣе искуснаго. Султанъ въ сердцахъ уѣхалъ отъ визиря, но черезъ четыре дня прислалъ ему соболью шубу и во всемъ на него положился.

Визирь хотѣлъ продолжать войну; но французскій посланникъ внушалъ муфтію и другимъ сановникамъ, что Портѣ лучше заключить отдѣльный миръ съ Эшрефомъ какъ можно скорѣе; тогда Эшрефъ всѣ свои силы обратитъ противъ Россіи и свяжетъ ей руки, а между тѣмъ Порты могла бы въ союзѣ съ Франціею и другими ганноверскими союзниками возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, чѣмъ расторгнется сообщеніе между Австріею и Россіею и отнимется у нихъ средство помогать другъ другу. А если обѣ имперіи останутся въ покоѣ, въ связи съ Польшею и Венеціею, то Портѣ современемъ немалый вредъ произойти можетъ. Во всѣхъ мѣстахъ явились подметныя письма, что война съ Эшрефомъ незаконная по единовѣрью⁶.

Такимъ образомъ въ царствованіе преемницы Петра Великаго въ короткое время отношенія измѣнились: Франція вмѣсто того, чтобъ помогать Россіи, какъ прежде, дѣйствуетъ противъ нея въ Константинополѣ. При вступленіи на престолъ Екатерины въ Парижѣ находился старый князь Куракинъ, котораго Людовикъ XV обнадѣживалъ неизмѣнною своею дружбою къ ея величеству. Все еще имѣлось въ виду примиреніе Россіи съ Англіею посредствомъ Франціи, и Куракинъ уже требовалъ отъ англійскаго правительства доказательства, что оно дѣйствительно желаетъ этого примиренія. Агентъ его въ Лондонѣ, Третьяковъ далъ ему знать, что русскій эмигрантъ, Аврамъ Веселовскій, подалъ парламенту просьбу о принятіи его въ англійское подданство. Куракинъ обратился къ государственному секретарю, графу Морвилю, съ просьбою — употребить французское вліяніе при англійскомъ дворѣ для того, чтобъ Веселовскій съ братомъ не

только не были приняты въ англійское подданство, но и позволено ихъ было арестовать, что въ Петербургѣ будетъ принято за особенный знакъ дружбы французскаго короля, и дворъ англійской покажетъ этимъ истинное свое желаніе возстановить доброе согласіе съ Россією. Морвиль обѣщаль исполнить желаніе Куракина, который отправилъ въ Англію канцеляриста своего Колушкина съ такимъ наказомъ: отдать письмо корреспонденту Самуилу Гольдену и съ нимъ совѣтоваться—какъ бы Аврама Веселовскаго и брата его Федора арестовать. Причины ареста объявить Гольдену такія: оба брата были при иностранныхъ дворахъ резидентами, и, не сдавъ своихъ комиссій и отчета въ издержанныхъ деньгахъ, ушли въ Англію, и до сихъ поръ жили скрытно; поэтому надобно ихъ теперь арестовать, послѣ чего императорскій дворъ обстоятельно объявить всѣ причины и счета. По приѣздѣ въ Лондонъ, Колушкинъ долженъ провѣдать, гдѣ Веселовскіе живутъ и кто имъ покровительствуетъ, изъ министровъ и лордовъ; узнавши о мѣстѣ жительства, стараться арестовать, при чемъ, въ нужномъ случаѣ, получить покровительство французскаго посла. Но Колушкинъ не могъ отыскать Веселовскихъ, просьба которыхъ впрочемъ осталась безъ исполненія въ парламентѣ.

~~Мы~~ Мы видѣли, что еще Петръ Великій возложилъ на Куракина порученіе — высватать цесаревну Елисавету за Людовика XV. Отъ 22 марта Куракинъ писалъ: «Всѣ мы, министры иностранные, стараемся всячески открыть намѣреніе здѣшняго двора на счетъ женитьбы королевской, но никакъ это намъ не удается; по слухамъ, имѣется въ виду дочь Станислава Лещинскаго, но и этому слуху вѣрить еще нельзя. Вѣрно одно, что король женится въ нынѣшнемъ году и потому ищутъ принцессу, соответствующую его лѣтамъ». Но отъ 14 мая Куракинъ даль знать, что старанія герцога Бурбона и епископа Флѣри увѣичались наконецъ успѣхомъ: король согласился жениться на Маріи, дочери Станислава Лещинскаго. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ Куракинъ писалъ: «Понеже супружество короля французскаго уже заключено съ принцессою Станислава, и такъ сіе сямъ окончилось; теперь доношу и напоминаю прежнее желаніе дука де Бурбона, который требовалъ себѣ въ супружество цесаревну Елизавету Петровну». Въ сентябрѣ новое предложеніе по старому сватов-

ству: «Передъ четырьмя годами, писалъ Куракинъ, его императорскому величеству было предложено отъ умершаго дуга Дорлеанса о супружествѣ государыни цесаревны за сына его нынѣ владѣющаго дуга Дорлеанса, перваго принца крови и наслѣдника короны французской, ежели король дѣтей имѣть не будетъ, который (дугъ) нынѣ овдовѣлъ. И ежели вашего величества высокое намѣреніе къ тому супружеству государыни цесаревны есть, то велите меня снабдить указами». Къ этому времени посѣлъ и портретъ Елисаветы; отсылая его къ Куракину, Макаровъ писалъ: «Зѣло сожалѣю, что умедлилъ онымъ портретомъ живописецъ, ибо писалъ близко году, и нынѣ предъ тою персоною государыня цесаревна гораздо стала полнѣе и лучше».

На Куракина было возложено и другое семейное дѣло: онъ долженъ былъ хлопотать объ интересахъ герцога голштинскаго вмѣстѣ съ посланникомъ его Цедергельмомъ; но Куракину было трудно это дѣлать по причинамъ, какія онъ самъ выставилъ въ донесеніи своемъ отъ 27 марта: «Баронъ Шлейниціъ усилилъ свои интриги противъ меня и успѣлъ присоединить къ себѣ барона Цедергельма, который, по наставленію Шлейница и по своему малодушію, доносить своему двору все, что можетъ быть на меня вымыслено; я умолчу о другихъ разглашеніяхъ; но честь и вѣрность побуждаютъ меня упомянуть о двухъ главныхъ: во-первыхъ, разглашаютъ, что я принадлежу къ партіи внука вашего величества и потому, гдѣ только могу, повреждаю ваши интересы. Во-вторыхъ, разглашаютъ, будто я здѣсь внушаю о себѣ и о сынѣ своемъ, что, по смерти великаго князя внука вашего, мы, по свойству своему съ нимъ (Куракинъ былъ женатъ на Лопухиной, родной сестрѣ царицы Евдокии Феодоровны), имѣемъ право на россійскій престоль. Первое разглашеніе опровергается вѣрностію, какую я показалъ во время дѣла умершаго царевича, отца великаго князя; во все это время я держалъ себя чуждымъ всѣхъ интригъ и партій, ибо честолюбіе мое состоитъ въ томъ, чтобъ проводить жизнь честно и безпорочно. Что же касается до свойства моего съ великимъ княземъ, то это свойство съ самаго начала вредило моему счастью, нанося постоянное безпокойство. Я надѣялся наконецъ снискать себѣ спокойствіе своею вѣрною службою, но враги не хотятъ дать мнѣ покою». Изъ Петербурга потребовали указанія на тѣ лица, ко-

торыя сообщили Куракину о разсѣваемыхъ противъ него слухахъ; Куракинъ отказался дать эти указанія, потому что «предостереженія бываютъ между друзьями, особами знатными и министрами иностранными; пунѣтъ этотъ деликатный, въ немъ состоитъ честь каждаго и жизнь». При этомъ Куракинъ писалъ, что въ исполненіе присяги предаеть все забвенію и готовъ дѣйствовать заодно съ барономъ Цедергельмомъ.

Но всѣ эти семейныя дѣла не могли имѣть успѣха вельдствие охлажденія, происшедшаго между Петербургскимъ и Версальскимъ дворами по причинамъ политическимъ. Франція, разорвавъ съ Испанією вельдствие не состоявшагося брака между Людовикомъ XV и инфантою, и угрожаемая союзомъ Испаніи съ Австрією, искала союза съ Россією, къ которому должна была приступить и Англія. Кампредонъ вель дѣло въ Петербургѣ, Куракинъ во Франціи. «Еслибы не герцогъ голштинскій съ Бассевичемъ, то дѣло о союзѣ съ Францією и Англією и теперь находилось бы въ томъ же положеніи, въ какомъ было въ минуту кончины царя», писалъ Кампредонъ въ концѣ апрѣля 1725 года. Причиною медленности было то, что главные вельможи раздѣлились на двѣ стороны по вопросу объ англо-французскомъ союзѣ: Меншиковъ, Апраксинъ, Голицынъ, Толстой и, повидимому, Остерманъ были склонны къ союзу; но канцлеръ графъ Головкинъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Репнинъ и Ягужинскій были противъ него; особенно горячился Ягужинскій, настаивая, что никакъ нельзя союзиться съ Англією; въ этихъ-то спорахъ объ англо-французскомъ союзѣ шумный Ягужинскій поссорился съ Меншиковымъ и пошелъ въ Петропавловскій соборъ жаловаться на обидчика предъ гробомъ Петра. Кампредонъ такъ распредѣлялъ 60,000 червонныхъ, назначеннымъ русскимъ вельможамъ за союзный договоръ между Россією и Францією: гратификаціи публичныя: канцлеру графу Головкину, графу Толстому и барону Остерману по 3000, Степанову 1500, секретарямъ и другимъ чиновникамъ 1000. Гратификаціи секретныя: Меншикову 5000, Толстому, Апраксину и Остерману по 6000, Голицыну 4000, Долгорукому 3000, Макарову 4000, Ягужинскому 2000, Бассевичу 6000, Рагузинскому 6000. Приближеннымъ къ императрицѣ дамамъ, Олсуфьевой и Вильбуа подарки на 1000 червонныхъ. Но Кампредона не столько беспокоили горячность Ягужинскаго, упорство

Головкина, крайняя осмотрительность и осторожность Долгорукаго, сколько двусмысленное поведение Остермана, могущественное влияние котораго при рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики не было тайною для иностранныхъ дипломатовъ, и который не проговаривался ни предъ живыми, ни передъ мертвыми; Кампредонъ началъ подозрѣвать, что Остерманъ не очень расположенъ къ Франціи и Англии. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины приверженцы ея подозрительно смотрѣли на Австрію, которой не могло быть пріятно отстраненіе отъ престола великаго князя Петра, племянника цесаревы, и эти отношенія естественно заставляли склоняться къ французскому союзу; но съ теченіемъ времени дѣла перемѣнились; обнаружилась неодолима трудность заключенія союза съ Франціею, потому что Россія, имѣя прежде всего въ виду Турцію, съ которою ежеминутно можно было ожидать разрыва по дѣламъ персидскимъ, требовала, чтобъ Франція обезпечивала русскіе интересы относительно этой державы; но Франція охотно желая имѣть на сѣверо-востокѣ Европы сильную союзницу, которая замѣнила бы ей обезсилѣвшую Швецію, не могла однако пожертвовать своею старинною союзницею, Турціею: «Всему свѣту извѣстно, говорилъ Морвиль Куракину, какъ Франціи полезна дружба султана; съ какою бы европейскою державою Франція ни находилась въ союзѣ, союзъ ея съ Турціею долженъ быть ненарушимъ; надобно вспомнить, какія выгоды получили мы въ прошлые годы отъ Турціи противъ Австрійскаго дома; кромѣ того треть королевства французскаго получаетъ свое благосостояніе отъ торговли, производящейся во владѣніяхъ султана; король не можетъ согласиться ни на какое условіе, которое могло бы дать хотя малѣйшее подозрѣніе Портѣ». Вторая трудность заключалась въ голштинскомъ дѣлѣ: Россія требовала, чтобъ герцогъ голштинскій получилъ, по крайней мѣрѣ, равносильное вознагражденіе за потерю Шлезвига, и чтобъ Франція не мѣшала Россіи добыть ему это вознагражденіе, если Датскій дворъ отвергнетъ представленія Англии и Франціи; но Франція и Англія хотѣли только обязаться хлопотать о доставленіи герцогу какого-нибудь вознагражденія за Шлезвигъ, не нарушая гарантіи, данной ими Даніи на это герцогство. Наконецъ Россія требовала, чтобъ Франція и Англія настояли на очищеніи Мекленбургскихъ

владѣній отъ ганноверскихъ войскъ; но Франція и Англія обѣщали только заботиться объ интересахъ герцога мекленбургскаго безъ нарушенія законовъ Германской имперіи.

Переговоры еще продолжались, когда въ сентябрѣ Куракинъ далъ знать своему двору о заключеніи въ Ганноверѣ союза между Франціею, Англіею и Пруссіею противъ Австріи и Испаніи. Въ началѣ 1726 года Куракинъ доносилъ, что онъ по возможности старается переговоры продолжать, и отъ времени до времени предлагаетъ разные способы къ соглашенію, но на каждое предложеніе одинъ отвѣтъ, что французское правительство не можетъ ничего измѣнить въ своемъ послѣднемъ рѣшеніи; при чемъ французскіе министры прибавляли, что у Россіи идутъ переговоры о союзѣ съ Австріею, и потому Франція должна дожидаться, чѣмъ кончится это дѣло. «Сомнительно одно, говорилъ Морвиль, чтобъ австрійскій дворъ оказалъ Русскимъ такія же услуги, какія оказаны были Франціею. Франція повсюду старалась дѣйствовать въ интересахъ Россіи; но ваши министры повсюду дѣйствуютъ противъ интересовъ королевскихъ, особливо въ Испаніи и Гагѣ: графъ Головкинъ голландскимъ штатамъ всячески запрещалъ и мѣшалъ, чтобъ не приступали къ ганноверскому союзу». — «А вы зачѣмъ стараетесь склонить Швецію къ ганноверскому союзу? говорилъ Куракинъ: развѣ это не вредитъ русскимъ интересамъ! Вы знаете, что Швеція въ союзѣ съ Россіею, и потому вамъ слѣдовало предложить о приступленіи къ союзу не одной Швеціи, но и Россіи». Такъ какъ главный интересъ Россіи въ это время сосредоточивался въ Турціи, то Куракинъ требовалъ, чтобъ французскій посланникъ въ Константинополь продолжалъ свое посредничество между Россіею и Портою. На это Морвиль отвѣчалъ: «Со стороны нашего короля никогда не будетъ дано нашему послу въ Константинополь указовъ дѣйствовать противъ интересовъ русской государыни и помогать въ чемъ бы то ни было королю англійскому; то же самое будетъ соблюдено и относительно французскихъ министровъ при другихъ дворахъ. Но король не можетъ приказывать своему послу при Портѣ продолжать медиацию въ интересахъ русскихъ; скажу прямо, что посоль нашъ получилъ приказаніе отстать отъ медиации и оставить всѣ дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся». — «Это объявленіе

наумляетъ меня, отвѣчалъ Куракинъ: извѣстно, какъ пламенно государыня наша желала заключенія союза съ вами, и до сихъ поръ не перестала этого желать; но дѣло остановилось по вашей винѣ; дѣла въ вашихъ рукахъ: отнимите трудности, вами противопоставляемыя, и договоръ немедленно будетъ заключенъ». Морвиль отвѣчалъ: «Всею свѣту извѣстно, въ какой тѣсной дружбѣ находитесь теперь вашъ дворъ съ Вѣнскимъ, и можетъ быть въ сію минуту союзный договоръ между ними уже и заключенъ; но какой бы союзъ ни былъ заключенъ вами съ цесаремъ, онъ будетъ всегда предосудителенъ Франціи. Объявляю опять: у насъ рѣшено нигдѣ ничѣмъ не вредить интересамъ Россіи, и этимъ на будущее время оставить отворенныя ворота для пріятельскихъ сношеній и дружбы съ вами и вступленія, при случаѣ, въ тѣсныя обязательства, ибо Франція не отступитъ отъ плана находится съ Россіею въ тѣсныхъ обязательствахъ». Куракинъ отвѣчалъ, что старанія Франціи привлечь къ себѣ въ союзъ Швецію должны казаться гораздо подозрительнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ переговоры Россіи съ Австріею для французскаго двора; но императрица смотритъ на это равнодушно, чтобъ сохранить дружбу съ французскимъ королемъ и на будущее время оставить отворенными ворота для тѣсныхъ обязательствъ.

Между тѣмъ Кампредонъ изъ Петербурга далъ знать своему двору, что въ Россіи дѣлаются морскія приготовленія для войны съ Даніею; а 15 апрѣля Куракинъ написалъ въ Петербургъ, что англійская эскадра изъ 20 кораблей назначена въ Балтійское море по требованію двора датскаго, также и по требованію короля шведскаго и его партіи, которая хочетъ этимъ средствомъ усилиться и настоять на приступленіи къ ганноверскому союзу.

Дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Уоджера (Wager), явилась передъ Ревелемъ, и адмиралъ переслалъ императрицѣ грамоту короля Георга, въ которой говорилось, что сильныя вооруженія Россіи въ мирное время возбудили подозрѣнія въ правительствѣ Англій и въ союзникахъ, и потому неудивительно, что онъ, король, отправилъ въ Балтійское море сильную эскадру для предотвращенія опасностей, могущихъ произойти отъ русскихъ вооруженій. «Ваше величество, писалъ Георгъ, хорошо знаете, что мы всегда

желали не только сохраненія тишины въ Европѣ, но и установленія полного согласія и дружбы между Великобританією и Россією. По вступленіи вашего императорскаго величества на престолъ, мы немедленно, вмѣстѣ съ королемъ французскимъ, объявили вамъ о нашей готовности окончить переговоры, начатыя при покойномъ императорѣ; но по долговременныхъ и праздныхъ отлагательствахъ мы усмотрѣли, что министры вашего величества требовали внесенія въ проектированный договоръ такихъ отмѣнъ, которыя не соответствуютъ истинному Россійской имперіи интересу, противны обязательствамъ, въ какихъ мы находимся съ Францією и другими государствами, и способны привести сѣверныя державы къ новымъ смутамъ. Не можемъ также скрыть нашего великаго удивленія, въ какое мы были приведены извѣстіемъ, что при вашемъ дворѣ принимаются мѣры въ пользу претендента на корону нашу. Послѣ этого вашему императорскому величеству не будетъ удивительно, что мы, принужденные заботиться о безопасности нашихъ государствъ, о соблюденіи обязательствъ, заключенныхъ съ нашими союзниками, и о сохраненіи всеобщей тишины на Сѣверѣ, угрожаемой военными приготовленіями вашего величества, признали необходимымъ отправить сильный флотъ на Балтійское море съ цѣлію предупредить новыя смуты въ тамошнихъ прибрежныхъ странахъ, препятствуя флоту вашего величества выходить изъ гаваней. Но при этомъ мы усердно желаемъ, чтобы ваше императорское величество, зрѣло разеудя объ истинномъ интересѣ вашего народа, позволили ему пользоваться благословеннымъ миромъ, полученнымъ дѣбною столькой крови и денегъ подъ руководствомъ покойнаго императора; усердно желаемъ, чтобъ ваше императорское величество вмѣсто принятія такихъ мѣръ, которыя необходимо вовлекутъ Россію въ войну и весь Сѣверъ приведутъ въ смятеніе, изволили явить своему народу и всему свѣту опытъ вашей склонности къ миру и пребыванію въ дружбѣ съ вашими сосѣдами».

Екатерина отвѣчала: «Но хотимъ скрыть своего удивленія, что мы получили грамоту вашего величества не прежде появленія вашего флота у нашихъ береговъ: было бы сходнѣе съ принятымъ между государствами обычаемъ, еслибы вашему королевскому величеству угодно было объясниться о своихъ напрас-

ныхъ подозрѣнiяхъ, по поводу вооруженiя нашего флота, и не поступать такъ недружественно прежде полученiя нашего отвѣта. Тогда, безъ всякихъ убытковъ съ вашей стороны, вы бы увѣрились, что мы вовсе не намѣрены нарушать покой на Сѣверѣ; напротивъ стараемся отклонить все то, что можетъ подать поводъ къ этому нарушенiю. А теперь вы отвергаете всѣ дружественные и справедливые способы и пути къ окончанiю переговоровъ, и требуете отъ насъ того, что нашему интересу и, важнѣе всего, нашей чести и славы и самой справедливости прямо противно. Изъ этого оказывается одно, что министры вашего королевскаго величества никогда не имѣли прямого намѣренiя къ заключенiю союза между Россiею и Англіею, и отправленiе эскадры есть слѣдствiе той злобы, которую нѣкоторые изъ вашихъ министровъ въ продолженiе многихъ лѣтъ, постоянно, вездѣ и явно противъ насъ показываютъ. Ваши министры не могли придумать ничего новаго, и потому предъявили старое, ложное и гнилое нареканiе за сношенiя наши съ претендентомъ. Вы вольны давать своимъ адмираламъ указы, какіе заблагоразсудите; но при этомъ не извольте принять за противное, если мы, когда захотимъ отправить флотъ свой въ море, не допустимъ себя воздержаться отъ этого вашего королевскаго величества запрещенiемъ; и какъ мало желаемъ мы сами себя возвышать и другимъ законы предписывать, такъ мало же намѣрены принимать законы и отъ кого-нибудь другого, будучи самодержавною и абсолютною государынею, которая не зависитъ ни отъ кого, кромѣ единаго Бога. Впрочемъ мы весьма склонны и готовы съ вашимъ королевскимъ величествомъ постоянное доброе согласiе содержать, и ничего не предпримемъ, что могло бы нарушить дружбу между обоими государствами, такъ какъ оба государства должны признать, что эта дружба для нихъ очень полезна. Совершенно справедливо, что покойный императоръ, будучи оставленъ всѣми своими союзниками, съ неописанными трудами добылъ блаженный миръ своему государству, и наша главная цѣль состоитъ въ сохраненiи этого мира; но мы знаемъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда мы, по примѣру нашего супруга, будемъ всегда наготовѣ въ нужномъ случаѣ доставить нашимъ союзникамъ потребную помощь, и нашихъ вѣрныхъ подданныхъ отъ всякаго

нападенія оборонить. Съ этою-то цѣлю и сдѣланы тѣ пригото-
вленія, которыя возбудили подозрѣнія въ вашемъ величествѣ». Вслѣдъ затѣмъ, по примѣру Петра, Екатерина издала объявле-
ніе, что, несмотря на враждебные поступки англійскаго короля,
подданные его будутъ пользоваться въ Россіи свободною тор-
говлей.

Въ половинѣ 1726 года Куракинъ далъ знать объ удаленіи
герцога Бурбона отъ дѣлъ. Этотъ переворотъ былъ, повидимому,
благопріятенъ для Россіи: «Теперь, писалъ Куракинъ, француз-
скій дворъ не такъ поступаетъ, какъ при герцогахъ Орлеан-
скомъ и Бурбонѣ, не уступаетъ всѣмъ требованіямъ двора ан-
глійскаго, ибо епископъ Фрежюсъ (Флѣри) имѣетъ только въ
виду интересъ французскій безъ всякой страсти, и пенсіи отъ
Англіи никакой не беретъ; маршалъ Дюксель такого же харак-
тера, и человѣкъ упрямый, не во всемъ будетъ соглашаться съ
Англією». Въ августѣ мѣсяцѣ Куракинъ сообщалъ Флѣри о за-
ключеніи союза между Россією и Австрією: «Ея величество, го-
ворилъ Куракинъ, изъ уваженія и постоянной дружбы къ ва-
шему королю, приказала мнѣ объявить вамъ объ этомъ, изъ чего
ясно можете видѣть, что ничего предосудительнаго для Франціи
этотъ договоръ не заключаетъ. Ея величество имѣетъ непре-
мѣнное намѣреніе пребыть всегда съ королемъ вашимъ въ до-
бромъ согласіи и заключить союзный договоръ, если съ вашей
стороны обнаружится къ тому склонность». Флѣри и Морвиль
благодарили за откровенный поступокъ и взаимно обнадеживали
намѣреніемъ своего короля къ содержанію дружбы съ русскою
государыней. Вслѣдъ затѣмъ Куракинъ донесъ, что Англія не
перестаетъ дѣйствовать враждебно противъ Россіи, именно хо-
четъ, вмѣстѣ съ Швецією и Данією, потребовать отъ Россіи,
чтобъ она изъ завоеваній Петра Великаго удержала только
земли до Ревеля, остальные же земли отдала герцогу голштин-
скому въ вознагражденіе за Шлезвигъ; если же Россія откажет-
ся исполнить это требованіе, то союзники объявятъ ей войну.
Но этотъ англійскій планъ не нравится французскому двору,
который согласенъ, вмѣстѣ съ Англією, сдѣлать упомянутыя
предложенія Россіи, но участвовать въ войнѣ противъ нея ни-
какъ не хочетъ, требуетъ, чтобъ ему оставаться нейтральнымъ.
Куракинъ, извѣщая объ этомъ, совѣтовалъ готовиться къ веснѣ

1727 года, чтобъ не ограничиться оборонительною войной, но тотчасъ послѣ ея объявленія дѣйствовать наступательно противъ Швеціи и привести въ трепетъ Стокгольмъ; потомъ Куракинъ совѣтовалъ возстановить поскорѣе торговлю Архангельска, ибо въ случаѣ появленія на Балтійскомъ морѣ враждебныхъ эскадръ русская морская торговля прекратится на цѣлый годъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что этотъ совѣтъ былъ принятъ.

Но къ веснѣ 1727 года военная гроза стала собираться на другой сторонѣ: Испанцы начали осаду Гибралтара, ждали открытія военныхъ дѣйствій между Австріею и Франціею, а Россія послѣднимъ договоромъ обязалась, въ случаѣ нападенія на Австрію, помогать ей войсками. Это очень тревожило французское правительство, во главѣ котораго стоялъ миролюбивый, робкій кардиналъ Флѣри. На конференціяхъ съ Куракинымъ Флѣри увѣрялъ, что Франція первая не нападетъ на императора, почему русская государыня не будетъ имѣть никакой обязанности двигать своихъ войскъ; да и во всякомъ случаѣ можно уклониться отъ этого обязательства, потому что обыкновенно война начинается такъ, что трудно разобрать, кто первый напалъ. Флѣри толковалъ также, что Англія не думаетъ предпринимать что-нибудь противъ Россіи, но высылаетъ эскадру въ Балтійское море только для того, чтобъ защитить Данію отъ Россіи, которая своими вооруженіями грозитъ нарушеніемъ покоя на Сѣверѣ.

Итакъ союзъ съ Австріею, о которомъ шли такіе длинные и бесполезные переговоры при Петрѣ Великомъ, дѣйствительно былъ заключенъ при его преемницѣ и возбуждалъ такое опасеніе на Западѣ. Во время предсмертной болѣзни Петра, посланникъ его въ Вѣнѣ, Ланчинскій хлопоталъ о приступленіи Австріи къ шведскому союзу и о томъ, чтобъ цесарь помогъ въ дѣлѣ возвращенія герцогу голштинскому Шлезвига. Ему отвѣчали: «Окажите намъ полную довѣренность, а не половинную, какъ теперь дѣлается; ищите помощи у цесаря, чтобъ герцогу голштинскому достался Шлезвигъ: здѣшній дворъ на это согласенъ; но въ то же время съ особеннымъ стараніемъ ведете вы переговоры съ Франціею и Англіею, не только о томъ же дѣлѣ, но и о примиреніи съ Англіею, а намъ о ходѣ этихъ переговоровъ ничего не сообщаете, и по всему ясно, что на дру-

гихъ вы полагаете большую надежду. Мы хорошо помнимъ, въ какомъ положеніи находились мы съ своимъ титулярнымъ посредничествомъ сѣвернаго мира: одна воюющая держава за другою отдѣльно примирялись, а мы, державши столько лѣтъ министровъ въ Брауншвейгѣ и понесши немалые убытки, принуждены были прекратить конгрессъ безплодно и не къ чести себѣ. Не упоминаемъ другихъ случаевъ: всегда насъ къ дѣламъ послѣ праздника приглашаете, къ чему мы не привыкли. Если надѣетесь, что мы можемъ помочь, то ищите помощи; если же разсуждаете, что и безъ насъ черезъ другихъ можете достигнуть своихъ цѣлей, то не беспокойте насъ». Въ Вѣнѣ ждали, чѣмъ кончатся переговоры о примиреніи Россіи съ Англіею, и до того времени не хотѣли высказываться.

Когда Ланчинскій въ торжественной аудіенціи объявилъ Карлу VI о кончинѣ Петра и о вступленіи на престолъ Екатерины, то цесарь сказалъ внятно: «Нынѣ правительствующая царица насъ обнадеживаетъ о желаніи своемъ продолжать дружбу, къ чему и мы, съ нашей стороны, охотно способствовать будемъ». Потомъ императоръ сказалъ еще словъ съ двадцать, но не внятно, такъ что посланникъ ничего не понялъ. Осенью Ланчинскому начали внушать, что Франція дѣйствуетъ въ Константинополѣ противъ Россіи и Австріи. Когда Ланчинскій вывѣдывалъ, что думаетъ Вѣнскій дворъ о бракѣ французскаго короля на дочери Станислава Лещинскаго и не принимаются ли по этому случаю какія мѣры съ польскимъ королемъ, то ему отвѣчали: «оставьте мысль, будто нашъ дворъ имѣетъ намѣреніе помогать наслѣдному принцу саксонскому въ полученіи польской короны; такое намѣреніе было бы явно противъ интереса цесарскихъ дочерей; развѣ захочетъ нашъ дворъ усиливать домъ саксонскій для того, чтобъ послѣ оны помѣшалъ цесарской дочери получить въ наслѣдство австрійскія земли, или, по крайней мѣрѣ, могъ что-нибудь отторгнуть отъ Венгріи, Силезіи или Богеміи; еслибы еще у цесаря были сыновья, то могло бы еще быть подозрѣніе, хотя также неосновательное, ибо интересъ цесаря требуетъ, чтобъ польское правленіе оставалось въ безурядицѣ. Правда, двору нашему супружество французскаго короля съ дочерью Лещинскаго не совсѣмъ пріятно; но опасность отъ Лещинскаго еще очень далека; не видно, чтобъ оны былъ очень честолюбивъ; если же что впе-

редь отъ него окажется, то въ свое время и мѣры принять можно. Теперь въ Европѣ образуются двѣ партіи: въ одной цесарь, Испанія и другія державы, которыя захотятъ съ ними соединиться; въ другой Франція и Англія съ союзниками: такъ вашему двору надобно рѣшиться однажды навсегда, нашей ли — или противной стороны держаться».

Успѣхи Турокъ въ Персіи произвели очень непріятное впечатлѣніе въ Вѣнѣ, и хотя на требованія Ланчинскаго, чтобъ не оставались при этомъ равнодушными и подумали о слѣдствіяхъ, отвѣчали, что дѣло идетъ въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, пусть морскія державы и Россія объ немъ заботятся, однако извѣстія съ дальняго Востока не могли не имѣть вліянія на склонность Вѣнскаго двора удовлетворить давнему требованію двора Петербургскаго, приступить къ шведско - русскому оборонительному союзу. При этомъ Ланчинскій получилъ слѣдующіе вопросы: 1) въ оборонительномъ договорѣ Россіи съ Швеціею означены только европейскія державы, и потому въ Вѣнѣ желаютъ знать, угодно ли русской государынѣ внести въ договоръ и Турокъ? 2) О Польшѣ надобно объяснить откровенно, особенно о Курляндіи; надобно постановить ненарушимымъ правиломъ, что Польшѣ оставаться при своей вольности и безъ ущерба земель, ибо интересъ обѣихъ сторонъ того требуетъ. Съ русской стороны надобно съ Польшею обходиться пріязненно, потому что она не только въ общую партію годна, но и въ дѣйствіяхъ противъ Турокъ полезна. Можно думать, что Россія хочетъ если не удержать Курляндію, то, по крайней мѣрѣ, отдать ее принцу, который долженъ жениться на одной изъ русскихъ принцессъ: надобно знать, какой это принцъ. Въ это время восточную Европу сильно занимало возмущеніе, вспыхнувшее въ Торнѣ, вслѣдствіе столкновения протестантовъ съ католиками; протестантскія державы считали своею обязанностію вступить за своихъ одновѣрцевъ и не выдавать ихъ польскому правительству. Австрійскіе министры внушали Ланчинскому, что надобно и въ торнскомъ дѣлѣ поступать умѣренно, и такъ какъ видно, что прусскій король подъ этимъ предлогомъ хочетъ отторгнуть отъ Польши какую-нибудь провинцію, то кажется надобно съ русской стороны объявить прусскому королю, что Россія не можетъ допустить Польшу до разоренія, а тѣмъ менѣе до уменьшенія ея государственной об-

ласти. 3) Надобно обозначить подробно о числѣ войска и о способѣ, какимъ Россія намѣрена помогать герцогу голштинскому въ возвращеніи ему Шлезвига.—«Знайте, внушали Ланчинскому, что всѣ противности происходятъ отъ англійскихъ интригъ; вамъ черезъ кого-нибудь третьяго совѣтуютъ удержать Курляндію, можетъ-быть, для какого-нибудь гессенскаго принца; вамъ обѣщаютъ отъ того славу, а на самомъ дѣлѣ стараются поссорить васъ съ Польшею. Также стараются черезъ прусскаго короля поднять войну, будто за религію, а на самомъ дѣлѣ хотятъ васъ и насъ засуетить, чтобъ мы не были въ состояніи помочь герцогу голштинскому, ибо дѣло извѣстное, что у насъ съ Польшею старый союзъ, и въ торнскомъ дѣлѣ мы не можемъ оставить ее безъ помощи; и еслибъ за Курляндію вы поссорились съ Польшею, то какъ въ такомъ случаѣ поступать нашему двору, чью сторону держать?»

Ланчинскій получилъ отъ своего двора порученіе вести переговоры о союзѣ; къ Петербургскому двору, гдѣ до сихъ поръ находился только секретарь посольства, отправленъ былъ посломъ графъ Рабутинь. Испанскій посоль, извѣстный Риперда, устроившій союзъ между Австріею и Испаніею, пріѣзжалъ къ Ланчинскому «зѣло откровенно и ласково обшелся и равно какъ есть права зѣло усерднаго, такъ безъ всякихъ обстоятельствъ объявилъ», что дворъ Англійскій, увидѣвъ признаки союза между Россіею, Австріею и Испаніею, понизилъ голосъ и начинаетъ искать примиренія въ Вѣнѣ. — «Но я, говорилъ Риперда, всячески буду этому мѣшать, потому что все обманъ, стараются только о томъ, какъ бы опять разъединить и произвести холодность; я уже получилъ полномочіе договориться съ вами и Швеціею о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, причемъ король мой согласенъ гарантировать герцогу голштинскому Шлезвигъ; другое полномочіе получилъ я на заключеніе такого же договора съ Португаліею, и необходимо все это дѣло должно быть окончено въ нынѣшнемъ году».

Но въ концѣ 1723 года дѣло только началось и шло очень медленно. Въ началѣ 1726 года Ланчинскій былъ у принца Евгенія съ повтореніемъ многократныхъ прежнихъ представленій, чтобъ вѣнскій дворъ принялъ во вниманіе усиліе Турокъ въ Персіи, что вредно какъ всему христіанству, такъ особенно це-

сарю. Принцъ отвѣчалъ, что англійскій посланникъ въ Константинополь подучаетъ Турокъ къ войнѣ противъ Россіи и Австріи, и для того совѣтуетъ имъ помириться съ ханомъ Эшрефомъ, причѣмъ хвастается ганноверскимъ трактатомъ. «Мы, говорилъ принцъ, разумѣется, обращаемъ большое вниманіе на турецкія дѣла, и къ нашему резиденту при Портѣ скоро отправленъ будетъ указъ, чтобъ обходился съ русскими министрами откровенно и помогаль имъ при всякомъ случаѣ». Когда послѣ этого Ланчинскій началъ говорить ему, чтобъ поскорѣе составленъ былъ проектъ союзнаго договора, то принцъ отвѣчалъ, что вѣнскій дворъ вполне увѣренъ въ желаніи Россіи заключить съ нимъ союзъ, точно также какъ и Австрія желаетъ этого; но сильно сомнѣвается относительно Швеціи, которая, по многимъ извѣстіямъ, близка къ ганноверскому союзу: дѣйствуютъ деньги, Англичане 100.000 фунтовъ переслали въ Швецію; но во всякомъ случаѣ цесарь готовъ заключить союзъ съ Россіею и безъ Швеціи. Оказывалось, что въ Вѣнѣ хотѣли, чтобъ Россія приступила къ союзу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приступила къ нему Испанія; надѣялись, что одно заключеніе союза между Россіею и Австріею удержитъ Турокъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ обохъ дворовъ; въ случаѣ же, еслибы англійскія внушенія въ Константинополь взяли верхъ, то надѣялись управиться съ Турками въ союзѣ съ Россіею, къ которому должна была пристать и Венеція: эта республика сильно встревожена была успѣхами Турокъ въ Персіи и толковала о возобновленіи священнаго союза.

Въ апрѣлѣ 1726 года пріѣхалъ въ Петербургъ чрезвычайный цесарскій посланникъ графъ Рабутинъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ нимъ и пересылокъ съ Ланчинскимъ, послѣдній заключилъ наконецъ въ Вѣнѣ, 6 августа 1726 года, договоръ между «освященнымъ цесарскимъ и королевскимъ католическимъ величествомъ и освященнымъ всероссійскимъ величествомъ». Цесарь приступилъ къ союзу, заключенному между Россіею и Швеціею 1724 года, а русская государыня приступила къ мирному трактату, заключенному между Испаніею и Австріею въ 1725 году, въ слѣдствіе чего приняла на себя гарантію всѣхъ государствъ и провинцій, находящихся во владѣніи цесарскомъ, такъ что если кто нападетъ на цесаря по причинѣ заключеннаго имъ договора

съ Испанією или по какой-нибудь другой причинѣ, то русская государыня подастъ ему помощь и, въ случаѣ нужды, объявляетъ войну нападчику и не заключаетъ съ нимъ мира, пока цесарь не получитъ удовлетворенія. Цесарь, съ своей стороны, перенимаетъ гарантію всѣхъ государствъ и областей, находящихся во владѣніи ея всероссійскаго величества въ Европѣ, и если кто нападетъ на нее по какой бы то ни было причинѣ, обязуется подать помощь и, въ случаѣ нужды, объявить наступательную войну и не заключать мира, пока Россія не получитъ удовлетворенія Договаривающіяся державы обязуются не давать убѣжища и помощи взбунтовавшимся подданнымъ и вассаламъ другъ друга, и, узнавая о вредныхъ умыслахъ, немедленно другъ другу сообщать о нихъ и содѣйствовать ихъ уничтоженію. Относительно взаимной помощи въ случаѣ вражяго нападенія условлено, что обѣ державы присылаютъ другъ другу по 30,000 войска, именно 20,000 инфантеріи и 10 тысячъ драгунъ. Еслибы Россія вознамѣрилась вооружить флотъ и употреблять его съ согласія цесаря, то флотъ этотъ имѣетъ безопасное пристанище не только во всѣхъ цесарскихъ, но и въ испанскихъ владѣніяхъ. Положено пригласить къ заключаемому союзу короля, королевство польское, и окончательно примирить ихъ съ Швецією. Кромѣ того цесарь обѣщалъ помогать герцогу голштинскому въ возвращеніи Шлезвига, и наконецъ въ секретнѣйшемъ артикулѣ обязательство цесаря—подавать помощь вообще противъ всѣхъ нападчиковъ было повторено именно относительно Турціи.

По отношеніямъ къ Востоку сочли необходимымъ заключить союзъ съ Австрією; но, разумѣется, не хотѣли быть принужденными исполнять условія союза вельдствие войны Австріи съ ганноверскими союзниками, и потому сильно хлопотали о примиреніи Франціи съ Испанією, чтобъ отнять у Франціи необходимость держаться Англій. Въ началѣ 1727 года Ланчинскій говорилъ австрійскимъ министрамъ, чтобъ они похлопотали о примиреніи Франціи съ Испанією. Принцъ Евгений отвѣчалъ ему: «Мы сами этого желаемъ, но добрымъ способомъ, а Франція желаетъ этого своимъ способомъ.» Въ Вѣнѣ не надѣялись на миръ, готовились къ войнѣ, вельдствие чего и Россія должна была двинуть корпусъ войскъ къ границамъ.

Въ Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины особенно зани-

малъ вопросъ торнскій. Зная, что Петръ уже являлся въ Польшѣ покровителемъ не одного православнаго русскаго народонаселенія, но и всѣхъ диссидентовъ, министры протестантскихъ дворовъ въ Варшавѣ обратились къ русскому министру, князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, съ требованіемъ, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ ними, поддерживалъ торнскихъ протестантовъ. Но Долгорукій совѣтовалъ своему двору поступать осторожно: «Въ дѣлѣ торнскомъ, писалъ онъ, лучше нейтрально поступить, потому что, еслибъ, паче чаянія, у польскаго двора съ прусскимъ произошло столкновеніе, то ваше величество будете тогда въ состояніи принять посредничество; также надобно смотрѣть, чтобъ не привести Поляковъ въ отчаяніе и не дать саксонскому двору повода исполнить свое намѣреніе, ибо когда Поляки увидятъ вашего величества соглашеніе съ дворомъ прусскимъ, котораго они опасаются и вообще ненавидятъ, тогда, не видя себѣ ни откуда надежды, принуждены будутъ принять предложеніе австрійскаго посланника, графа Вратислава, и заключить союзъ съ дворомъ цесарскимъ. Поляки прусскаго двора не боятся, торнскаго декрета для него не измѣнять, и почти всѣ желаютъ войны съ Пруссією, но при этомъ, по внушенію придворныхъ креатуръ, опасаются, что ваше величество вооружитесь противъ нихъ вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ».

Въ Могилевѣ Рудаковскій продолжалъ свою коммисію. Отъ 24 февраля 1725 года онъ написалъ еще на имя Петра любопытное донесеніе: «Въ здѣшнихъ краяхъ отъ злоковарственныхъ и злозамышляющихъ враговъ побликуются, сердце и утробу мою проникающія, вѣдомости, что будто ваше императорское величество соизволилъ преселиться въ небесные чертоги, чему я, рабъ вашъ, не имѣя извѣстія отъ двора вашего величества, весьма вѣры дать не могу. Слыша объ этомъ, мухи мертвыя носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что Русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, да и въ Могилевѣ жизнь моя не безопасна». Извѣстіе о спокойномъ воцареніи Екатерины вывело Рудаковскаго изъ тяжелаго положенія: онъ поднялъ голову въ свою очередь, и началъ толковать, что новая императрица не оставитъ въ сиротствѣ церковь восточную, но будетъ всѣми силами ее оборонять, какъ единая благочестивая государыня и про-

текторка святаго благочестія. Донося о слухѣ, что будетъ война между Польшею и протестантскими державами по поводу торнскаго дѣла, Рудаковскій писалъ: «Смѣху достойна отвага здѣшняго народа, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни магазиновъ, ни войска, ни пушекъ, ни мелкаго оружія, который надѣется на одни свои сабли, да и тѣ уже очень позаржавѣли; правда, мелкая шляхта сядетъ на коней, но не для сопротивленія непріятелямъ, а только для грабежа и разоренія своего отечества. Если этотъ огонь загорится, то ни я, ни князь Четвертинскій, епископъ Бѣлорусскій, не можемъ оставаться здѣсь спокойно; да хотя бы огонь и не загорѣлся, то мнѣ безъ отряда русскихъ воинскихъ людей оставаться здѣсь нельзя, потому что многіе изъ шляхты присягнули лишить меня жизни; особенно враждебенъ мнѣ, за мою горячность къ восточной церкви, шляхтичъ Петръ Свяцкій». Страхъ предъ послѣдствіями торнскаго дѣла былъ выгоденъ для православныхъ, которыхъ теперь на время оставили въ покоѣ.

Въ апрѣлѣ 1725 года Рудаковскій былъ вызванъ въ Петербургъ, по какому случаю канцлеръ писалъ епископу Сильвестру князю Четвертинскому, чтобъ онъ не сомнѣвался относительно этого вызова: императрица не оставитъ православныхъ безъ защиты и какъ скоро Рудаковскій дастъ отчетъ о подлинномъ состояніи православныхъ въ Польшѣ, то или онъ возвратится или кто-нибудь другой будетъ отправленъ на его мѣсто. Въ отвѣтъ на увѣдомленіе канцлера Четвертинскій писалъ самъ императрицѣ, «Отзывъ Рудаковскаго сильно опечалилъ церковь Божию и меня съ православными, какъ корабельщиковъ на морѣ при усилившихся жестокихъ вѣтрахъ. Слезно прошу, да изволите подать руку помощи мнѣ, окруженному отовсюду смертными злоключеніями и немедленно отправить къ намъ какую-нибудь особу, дабы заступалъ насъ, какъ господинъ комиссаръ, здѣсь обрѣтавшійся, или его же самого, потому что онъ знаетъ здѣшній край и его обычаи, стоялъ за правду и не молчалъ претивъ враговъ нашихъ».

Опасенія епископа не были напрасны. Въ іюнѣ онъ писалъ императрицѣ: «По отъѣздѣ комиссара изъ Могилева двоихъ служителей моихъ посадили въ тюрьму безо всякой причины, оковали имъ руки и ноги, стоящихъ къ стѣнѣ за шею прико-

вали и шесть недѣль голодомъ морять; боясь такой же бѣды, прочіе духовные и мірскіе люди разбѣжались, оставя меня съ однимъ священникомъ. Если не присланъ будетъ скоро комиссаръ, то принужденъ буду оставить церковное правленіе. Тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ іезуиты на могилевскихъ мѣщанъ, которые не надѣются больше на русское покровительство. Также недавно прислали ко мнѣ мѣщане бѣшенковицкіе съ жалобою, что православный священникъ отъ нихъ изгнанъ и скоро они принуждены будутъ сдѣлаться уніатами. Виленскій бискупъ Чернявскій постановилъ, чтобъ церкви православныя не строились выше школъ жидовскихъ; въ Оршѣ запрещено строить каменные церкви; а частныя обиды дѣлаются православнымъ каждый день.

Но въ то же время пришелъ въ Синодъ доносъ на Сильвестра изъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря, вслѣдствіе чего Синодъ отправилъ къ нему такое посланіе: «радуемся духовно о вашемъ благочестіи, въ которомъ бѣлорусская епархія въ томъ же съ великороссійскою и всею восточною Церковію соединеніи непоколебимо пребываетъ. О семъ радуемся яко о общемъ нашемъ и вашемъ спасеніи. Не безпечальни же есмь, слышаще о другихъ дѣлахъ твоихъ неприличныхъ православному епископу, а именно: будто ты, господинъ епископъ, не по Бозѣ и не по доброй совѣсти, но по властолюбію, православные монастыри, не подлежащіе твоей власти, вооруженною силою наѣзжая, подъ власть свою подбиваешь, и по сребролюбію своему грабишь, противящихся озлобляешь и убиваешь, и своего похищеннаго тобою просящихъ предаешь анаемѣ и прочая и прочая. Аще убо помянутая непотребная дѣла въ тебѣ обрѣтаются, господинъ епископъ, престани, по доброжелательному нашему совѣту, оными славиться себѣ на безчестіе: не простирай насильно власти твоя за предѣлы епархіи твоя, въ монастыри, подлежащіе Кіевской каедрѣ; похищенное возврати Полоцкому Богоявленскому монастырю по реестру, при семъ написанному, и къ клятвѣ не буди скоръ».

Между тѣмъ въ маѣ того же 1725 года, по поводу сейма, назначенъ былъ опять чрезвычайнымъ министромъ въ Польшу князь Василій Лукичъ Долгорукій, который, по пріѣздѣ въ Варшаву, нашелъ на первомъ планѣ торнское дѣло. Въ сентябрѣ онъ писалъ императрицѣ: «По состоянію здѣшнихъ дѣлъ наи-

лучшій способъ въ торнскомъ дѣлѣ тотъ, чтобъ склонять обѣ заинтересованныя стороны къ принятію медиціи вашего величества; для этого нужно, чтобъ короли англійскій и прусскій и другія государства, вступающіяся вмѣстѣ съ ними за диссидентовъ, не ослабляли въ своихъ домогательствахъ, требуя скорого окончанія дѣла, употребляя угрозы словомъ и дѣломъ; а я въ это время всѣми способами буду склонять Поляковъ къ принятію медиціи вашего величества и поступать съ ними умѣренно». Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Долгорукій донесъ: «Не видя совершенно твердости въ поступкахъ протестантскихъ государей, я до сихъ поръ въ торнское дѣло горячо вступать не хотѣлъ чтобъ прежде времени не показать намѣреніе вашего величества, и тѣмъ не озлобить которой-нибудь изъ заинтересованныхъ сторонъ».

Къ концу 1723 года торнское дѣло затихло, потому что Пруссія, принявшаяся было такъ горячо за него, испугалась возможности религіозной войны и ослабѣла въ своей настойчивости. Вмѣсто торнскаго дѣла на первый планъ выдвинулось дѣло курляндское. Мы видѣли, что въ ожиданіи смерти стараго и бездѣтнаго герцога Фердинанда, сосѣднія державы хлопотали, чтобы будущность Курляндіи устроилась согласно съ ихъ интересами, причемъ дѣло усложнялось и затруднялось тѣмъ, что претенденты на курляндскій престолъ должны были вмѣстѣ быть и женихами герцогини-вдовы Анны Іоанновны. Короли польскій и прусскій предлагали своихъ кандидатовъ; Россія колебалась и медлила, не желая проводить вліянія этихъ королей на Курляндію; а Поляки хотѣли присоединить Курляндію къ своему государству, какъ выморочный лень, раздѣлить ее на воеводства, чего никакъ не хотѣли допустить Россія и Пруссія, чего не хотѣлъ и король польскій, хотя явно и не могъ этому противодѣйствовать. Самые вліятельные польскіе вельможи говорили Долгорукому: «Курляндія безспорно принадлежитъ Рѣчи Посполитой; республика готова оружіемъ защищать свои права и не допустить, чтобъ Фердинандъ имѣлъ преемника, зная, что новый курляндскій князь будетъ имѣть родственниковъ или друзей, отъ чего Рѣчи Посполитой великія безпокойства и опасность, а Рѣчь Посполитая въ своихъ владѣніяхъ хочетъ быть спокойна, и для того не пожалѣетъ не только денегъ, но и крови». До сихъ поръ дѣло шло тихо, потому что

претенденты дѣйствовали только дипломатическимъ путемъ, посредствомъ покровительствовавшихъ имъ дворовъ; но теперь явился претендентъ, который захотѣлъ взять съ бою невѣсту и герцогство. То былъ молодой Морицъ, графъ саксонскій, побочный сынъ польскаго короля Августа II. Морицъ, уже заключившій разъ бракъ по расчету съ богатою наслѣдницею, Викторіею фонъ Лебень, развелся съ нею, и теперь искалъ другой богатой невѣсты. Такою была герцогиня Анна курляндская. Кромѣ того саксонскій посланникъ въ Петербургъ, Лефортъ писалъ Морицу, что можно взять Курляндію въ приданое и за болѣе привлекательною невѣстою именно за вторую дочь императрицы Екатерины, Елисаветою Петровною. Морицъ объявилъ Долгорукому, что желаетъ знать согласна ли будетъ императрица на то, чтобы онъ занялъ курляндскій престолъ, а безъ соизволенія ея величества дѣла не начнетъ. Литовскій подканцлеръ, князь Чарторыйскій, говоря Долгорукому, что напрасно Морицъ затѣваетъ такое неосновательное дѣло, прибавилъ, что, по слухамъ, дѣло начато по согласію съ русскою государынею. Долгорукій отвѣчалъ, что ея величество не имѣетъ никакого понятія о затѣяхъ Морица. Весною 1726 года при Польскомъ дворѣ рѣшили отправить Морица въ Курляндію и Петербургъ, подъ предлогомъ претензій, которыя его мать, графиня Кенигсмаркъ, имѣла на нѣкоторыя земли въ прибалтійскихъ областяхъ. 24 апрѣля король Августъ разговаривалъ въ своемъ саду съ Долгорукимъ въ присутствіи Морица. Разговоръ зашелъ о слухѣ, что императрица Екатерина отправляется въ Ригу; король сказалъ Морицу: «Если этотъ слухъ справедливъ, то тебѣ только половину дороги ѣхать». Послѣ этого разговора Морицъ началъ говорить Долгорукому, что король велѣлъ ему самому ѣхать ко двору императрицы и просить ея соизволенія начинать курляндское дѣло; Морицъ при этомъ спросилъ у Долгорукаго, что онъ ему присовѣтуетъ? Тотъ отвѣчалъ, что лучшему дожидаться въ Варшавѣ извѣстія о согласіи императрицы, и Морицъ объявилъ, что будетъ дожидаться. 7 мая Долгорукій писалъ въ Петербургъ: «2 числа пріѣзжалъ ко мнѣ Морицъ и сказалъ, что король непремѣнно велитъ ему ѣхать въ Петербургъ какъ можно скорѣе, и потому онъ, Морицъ, хочетъ выѣхать того же числа; но я его разными разсужденіями удержалъ, и надѣюсь еще удержать до 14 числа, но больше не надѣюсь, потому что король очень

спѣшить его поѣздкою; удерживаю я его здѣсь для того: если это дѣло вашему императорскому величеству не угодно, то чтобъ поѣздкою Морица не подать Полякамъ напраснаго подозрѣнія на ваше императорское величество. Я вижу, что король, не желая озлобить Рѣчи Посполитой, ничего явно въ пользу Морица дѣлать не хочетъ; и что по сіе время дѣлается, король отъ всего отрекается и хочетъ помогать только подъ рукою разными способами. Литовскій гетманъ Потѣй и нѣкоторые другіе изъ вельможъ, для короля, помогаютъ Морицу въ этомъ дѣлѣ, а другіе помогать обѣщаютъ. А вести Морица въ Курляндію думаютъ такимъ образомъ: король тайно отъ министровъ польскихъ подписалъ позволеніе Курляндцамъ созвать сеймъ для избранія герцога; но на этомъ позволеніи нѣтъ печати, и хотя Морицъ давалъ подканцлеру коронному Липскому тысячу червонныхъ за приложеніе печати, однако тотъ не согласился; поэтому король велѣлъ Морицу ѣхать въ Петербургъ черезъ Вильну, гдѣ живутъ гетманъ Потѣй и канцлеръ литовскій Вишневецкій, который долженъ приложить литовскую печать къ королевскому позволенію.

Между тѣмъ еще въ мартѣ Бестужевъ даль знать изъ Митавы, что туда пріѣхалъ литовскаго войска генераль-кригсъ-коммиссаръ курляндскій шляхтичъ Карпъ, съ вѣрющимъ письмомъ отъ литовскаго гетмана Потѣя къ курляндскимъ оберъ-ратамъ. Карпъ объявилъ, что король позволяетъ Курляндцамъ просить себѣ герцога, какого захотятъ, только бы онъ былъ угоденъ королю, который обѣщаетъ содержать Курляндію при древнихъ правахъ и вольностяхъ, при сеймѣ помогать и до раздѣленія на воеводства не допускать. Карпъ явился и къ Бестужеву съ объявленіемъ, что онъ присланъ въ Митаву разузнать, пріятенъ ли будетъ Курляндцамъ принцъ Морицъ саксонскій, также при дворѣ царевны Анны провѣдать, согласна ли она будетъ вступить въ бракъ съ Морицомъ, и если императрица будетъ согласна на этотъ бракъ, то можно въ Митавѣ сочинить и свадебный договоръ. Оберъ-раты, съ своей стороны, объявили Бестужеву, что они желаютъ имѣть герцогомъ Морица съ тѣмъ, чтобъ онъ женился на герцогинѣ Аннѣ. Несмотря на эту подготовку въ Митавѣ, король Августъ, особенно по настоянію канцлера короннаго Шембека, перемѣнилъ, разумѣется наружно, свое намѣреніе и запретилъ Морицу ѣхать въ Курляндію. Но Морицъ не послу-

шался и тайкомъ ускользнулъ изъ Варшавы. Въ Митавѣ онъ представился герцогинѣ Аннѣ и успѣлъ ей сильно понравиться; успѣлъ онъ понравиться и курляндскому дворянству: «Моя наружность имъ понравилась», писалъ Морицъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы отправленный туда еще въ 1724 году курляндскій депутатъ Бракль и объявилъ, именемъ королевскимъ, что если Курляндцы выберутъ въ герцоги Морица, то онъ, король, склонитъ Рѣчь Посполитую признать его, и съ русской стороны не будетъ никакого препятствія; другого же никакого кандидата ни король, ни Рѣчь Посполитая не допустятъ и раздѣлятъ Курляндію на воеводства ».

Но что скажутъ объ этомъ въ Варшавѣ, Берлинѣ, и особенно въ Петербургѣ? Въ Петербургѣ 16 мая въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали, что Морица въ герцоги курляндскіе по многимъ причинамъ допустить невозможно, а надобно вмѣсто него пріискать другого принца, который бы королямъ прусскому и польскому не былъ противенъ, именно двоюроднаго брата герцога голштинскаго, втораго сына умершаго епископа Любскаго. Императрица одобрила это рѣшеніе, прибавивъ что и покойный императоръ не согласился посадить на курляндскій престолъ герцога вейсенфельскаго, какъ саксонскаго принца¹⁰. Къ Петру Бестужеву въ Курляндію отправленъ былъ 31 мая указъ: «Избраніе Морица противно интересамъ русскимъ и курляндскимъ: 1) Морицъ, находясь въ рукахъ королевскихъ, принужденъ будетъ поступать по частнымъ интересамъ короля, который чрезъ это получить большую возможность приводить въ исполненіе свои планы въ Польшѣ; а планы эти и намъ и всѣмъ прочимъ сосѣдямъ курляндскимъ могутъ быть иногда очень противны, отъ чего и для самой Курляндіи могутъ быть всякія сомнительныя послѣдствія. 2) Между Россією и Пруссією существуетъ соглашеніе удержать Курляндію при прежнихъ ея правахъ; Россія не хочетъ навязать курляндскимъ чинамъ герцога изъ бранденбургскаго дома; но если они согласятся на избраніе Морица, то Прусскій дворъ будетъ имѣть полное право сердиться, зачѣмъ бранденбургскому принцу предпочтенъ Морицъ? И тогда Курляндія со стороны Пруссіи не будетъ имѣть покоя: Пруссія скорѣе согласится на раздѣленіе Курляндіи на воеводства, чѣмъ на возведеніе въ ея герцоги саксонскаго принца. 3) Поляки никогда

не позволять, чтобъ Морицъ былъ избранъ герцогомъ курляндскимъ и помогаль отцу своему въ его замыслахъ относительно Рѣчи Посполитой ¹¹. Но представленія Бестужева не имѣли никакой силы. Всѣ депутаты, съѣхавшіеся на сеймъ, хотя и порознь, но единогласно отвѣчали, что они со стороны Россіи имѣютъ обѣщаніе не допускать до нарушенія ихъ правъ; теперь они поступаютъ по своимъ правамъ, и крѣпко надѣются, что императрица ихъ правъ нарушить не велитъ, а позволить царевнѣ Аннѣ вступить въ бракъ съ графомъ Морицомъ; если они выпустятъ изъ рукъ настоящей счастливый случай, то онъ уже никогда не возвратится, Курляндія будетъ раздѣлена на воеводства и память ея погибнетъ. 18 іюня сеймъ единогласно избралъ Морица. Анна послала къ Меншикову и Остерману письма съ просьбою, чтобъ убѣдили императрицу дать согласіе на бракъ ея съ Морицомъ. Между тѣмъ, кромѣ Морица и герцога голиштинскаго, явились и другіе претенденты: старый герцогъ Фердинандъ предложилъ принца гессенъ-кассельскаго. Разумѣется въ Петербургѣ не могли принять этого предложенія по извѣстнымъ отношеніямъ къ шведскому королю, также гессенскому принцу; въ Петербургѣ подлѣ прежняго кандидата, молодого епископа Любскаго, явился новый—свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ Меншиковъ сталъ хлопотать о курляндскомъ престолѣ, и въ 1711 году хотѣлъ предложить польскому королю 200,000 рублей, если тотъ поможетъ его предпріятію; въ Курляндіи составилаь партія въ пользу Меншикова, главою которой былъ генераль Ренне; но при Петрѣ Меншикову было трудно ставить свои личныя выгоды подлѣ государственныхъ; теперь же обстоятельства перемѣнились. 2 апрѣля 1726 года Меншиковъ написалъ князю Василью Лукичу въ Варшаву слѣдующее письмо: «Г. Бестужевъ изъ Митавы пишетъ, что королевское величество польской предлагалъ курляндскому управительству, дабы выбрали кого желаютъ въ князи курляндскіе, а понеже тогда какъ я первый разъ имѣлъ маршъ Помераніи, многіе знатные изъ шляхетства курляндскаго мнѣ желали въ князи; и господинъ фельтмаршалъ Флемингъ и дворъ королевской къ тому въ тѣ времена были склонны; того ради вашего сіятельства, какъ истиннаго моего друга, прошу, изволить въ семъ случаѣ меня помогать и моею персоною у тамошнихъ министровъ какъ наплутче

къ тому рекомендовать, и господамъ Флемингу и Шембеку, или кому ваша милость за потребно разсудить, нѣкоторую сумму денежную отъ меня обѣщать, дабы въ томъ помогли и надѣюсь что его королевское величество за ихъ протекцію тую милость мнѣ явить изволить паче егда вѣрностію моею и услугами обнадѣживанъ будетъ»¹². 18 іюня императрица изволила разсуждать въ Совѣтѣ что ни принца гессенъ-кассельскаго, по представленію герцога Фердинанда, ни принца Морица, по старанію короля польскаго, по многимъ причинамъ, допускать къ избранію въ герцоги курляндскіе не надлежитъ. Всѣ члены Совѣта единогласно совѣтовали, что для уничтоженія этихъ выборовъ и для избранія кандидатовъ, представленныхъ съ русской стороны, надобно отправить немедленно въ Курляндію знатныхъ персонъ. Императрица приказала ѣхать князю Меншикову подъ предлогомъ осмотра войскъ для предосторожности отъ англійской и датской эскадръ, а въ случаѣ надобности, для устрашенія Курляндцевъ, можно выставить полки за Двину, но при этомъ не предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій; для склоненія курляндскихъ чиновъ къ выбору русскихъ кандидатовъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ ѣхать князю Василью Лукичу Долгорукому; если Курляндцы не согласятся на выборъ князя Меншикова, то предложить имъ герцога голштинскаго, сына епископа Любскаго; потомъ прибавлены были еще два кандидата, принцы гессенгобургскіе, находившіеся въ русской службѣ¹³. На мѣсто князя Долгорукаго былъ назначенъ въ Польшу бывший въ Стокгольмѣ Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

26 іюня, пріѣхавъ въ Митаву, князь Долгорукій призвалъ членовъ правительства, сеймоваго маршала, депутатовъ, и объявилъ имъ, что императрица графа Морица въ герцоги курляндскіе допустить никакъ не изволить, и если онъ уже избранъ, то эти выборы должны быть уничтожены, и долженъ быть избранъ или князь Меншиковъ или герцогъ голштинскій; въ противномъ случаѣ императрица лишитъ ихъ своего покровительства и, быть можетъ, возбудитъ противъ нихъ Рѣчь Посполитую. Маршалъ отвѣчалъ, что сеймъ кончился, депутаты разъѣхались, а которые остались, тѣ ничего сдѣлать не могутъ; вновь созвать депутатовъ и уничтожить выборы нельзя, ибо это противно ихъ правамъ и обычаямъ; князя Меншикова избрать нельзя, потому что онъ не

нѣмецкаго происхожденія и не лютеранскаго закона; герцогу же голштинскому только 13 лѣтъ и до совершеннолѣтія никакой пользы Курляндіи отъ него не будетъ; притомъ они не могутъ избирать никого безъ позволенія королевскаго. «Когда хотятъ драться, то берутъ всегда секундантавъ», сказалъ имъ Долгорукій, намекая на то, что имъ предстоитъ борьба съ Польшею, причемъ необходима русская помощь. Курляндцы отвѣчали, что не имѣютъ нужды въ секундантахъ, потому что биться не хотятъ: однако обѣщали подумать ¹⁴. Но отъ этого думанія Долгорукій не получилъ никакой пользы: всѣ дальнѣйшіе переговоры оканчивались упорнымъ отказомъ. 27 іюня пріѣхалъ въ Ригу Меншиковъ, и такъ описывалъ императрицѣ случившееся съ нимъ здѣсь: «Вашему Величеству всенижайше доношу: прибылъ я въ Ригу сего мѣсяца 27 числа, а 28, увѣдавъ о моемъ прибытіи, прибыла сюда царевна Анна Ивановна въ коляскѣ съ одною дѣвушкою, и, не бывъ въ городѣ, стала за Двиною и прислала ко мнѣ служителя своего, которой мнѣ объявилъ о прибытіи ея высочества и просилъ, дабы я къ ея высочеству пріѣхалъ туда повидаться, что я выслушавъ, тотчасъ поѣхалъ, и когда прибылъ въ квартиру ея высочества, тогда изволила принять меня благопріятнымъ образомъ и, приказавъ всѣхъ выслать и не вступая въ дальніе разговоры, начала рѣчь о извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ великою слезною просьбою, чтобъ въ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее позволеніе; представляя резоны: первое что уже столько лѣтъ какъ вдовствуетъ, второе что блаженные и вѣчно достойные памяти государь императоръ имѣлъ о ней попеченіе и уже о ея супружествѣ съ нѣкоторыми особами и трактаты были написаны, но не допустилъ того нѣкоторый случай. На что я со учтивостію ея высочеству отвѣтствовалъ, что ваше величество онаго Морица до герцогства курляндскаго для вредительства интересовъ Россійскихъ и Польскихъ допустить не изволите; второе ея высочеству въ супружество съ нимъ вступать неприлично, понеже оной рожденъ отъ матресы, а не отъ законной жены, что вашему величеству и ея высочеству и всему государству будетъ безчестно, третье, ваше величество изволите трудиться для интересовъ Россійской имперіи, чтобъ она отъ сей сто-

роны всегда была безопасна и для пользы всего княжества курляндскаго, дабы оное подъ высокою вашего величества протекціею при своей вѣрѣ и вольности въ вѣчныя времена по прежнему было. И для того позволили указать представить сукцессоровъ, которые написаны въ инструкціи князя Долгорукаго, дабы ея высочество о такомъ вашемъ высококомъ соизволеніи была извѣстна и избирала изъ того лучшее; что же Петръ Бестужевъ, имѣя вашего величества указы и вѣдая того дѣла важность, не такъ поступалъ и повидимому чинилъ факціи, объ ономъ особливой указъ имѣю, которое мое предложеніе ея высочество выслушавъ, разсудила все то свое намѣреніе оставить, и навящшее желаетъ дабы въ Курляндіи герцогомъ быть мнѣ, понеже она во владѣніи своихъ деревень надѣется быть спокойна, ежели же другою кто избранъ будетъ, то она не можетъ знать, ласково-ль съ нею поступать будетъ, и дабы ея не лишалъ вдовствующаго пропитанія; притомъ же съ великимъ прошеніемъ упоминала, чтобъ Бестужева ни до какого бѣдства не допустить и быть бы ему при ней по прежнему, на что ея высочеству паки я отвѣтствовалъ: ежели она чрезъ трудъ свой то Морицово избраніе опровергнетъ и вмѣсто того учинить такъ, какъ вашего величества высокое есть изволеніе, то я о отпущеніи вины его ваше высочество съ покорностію просить буду, на что съ великою охотою склонилась, объявляя, что для опроверженія того Морицова дѣла призоветъ къ себѣ канцлера Кейзерлинга, и прикажетъ ему курляндскимъ управителемъ и депутатамъ къ опроверженію того Морицова дѣла всѣ вышеописанные представлять резоны, и съ тѣмъ намѣреніемъ вчерашняго числа поѣхала въ Митаву. А послѣ отъѣзду ея высочества пополуночи въ первомъ часу прибылъ въ Ригу тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Долгорукой и Бестужевъ, которые мнѣ объявили, что князь Долгорукой по силѣ своей инструкціи предоставлялъ имя мое и герцога голштейнскаго, а о гессенгомбургскихъ князьяхъ еще не упоминалъ; Курляндцы отвѣтствовали, что того учинить невозможно: меня для вѣры, а принца голштейнскаго, что еще молодъ; притомъ же депутаты князю Долгорукому объявляли, что о имени моемъ по киршпилямъ нигдѣ было не упомянуто, а ежелибъ о имени моемъ по киршпилямъ было объявлено заблаговременно, то въ томъ дѣлѣ могли иначе поступать; а понеже объявлено было

объ одномъ Морицѣ, котораго они по своимъ правамъ избрали и перемѣнять не будутъ, а ежелибъ того не учинили, тобъ Рѣчь Посполитая раздѣлила Курляндію на воеводства и всябъ Курляндія отъ того могла пропасть, на что князь Долгорукій имъ предлагалъ, что то они учинили интересомъ Россійской имперіи весьма противно, и ежели не отмѣнять, то съ ними другимъ образомъ поступлено будетъ, что выслушавъ, хотѣли совѣтовать. Бестужеву я говорилъ, для чего онъ по силѣ вашего величества указомъ о мнѣ и о князѣ голштейнскомъ не предлагалъ и то дѣло пропустилъ? и онъ мнѣ на то отвѣтствовалъ, что ему вельно о томъ стараться подъ рукою, о чемъ онъ подъ рукою старался и съ нѣкоторыми о томъ на словахъ и спорилъ, на что ему я пока припоминалъ, хотябъ онъ о томъ и подлинно указу не имѣлъ, однакожъ, видя такой противной случай, письменнобъ протестовалъ и оногo Морица до того не допускалъ; но понеже изo всѣхъ его оправданій повидному кажется, что во избраніи Морицовомъ желаніе было для того, чтобъ царевнѣ вступить съ нимъ въ супружество, а Бестужеву вѣчно остаться въ Курляндіи»¹⁵. По отсылкѣ этого письма Меншиковъ отправился въ Митаву съ большимъ конвоемъ и велѣлъ отряду русскихъ войскъ вступить ночью въ этотъ городъ. На другой день утромъ Морицъ явился къ нему и не заводилъ рѣчи о причинѣ его пріѣзда; Меншиковъ самъ сталъ говорить, и говорилъ то же самое, что и князь Долгорукій прежде, только съ большею силою: «Императрица желаетъ, говорилъ онъ, чтобъ курляндскіе чины собрались снова и произвели новые выборы, которые могутъ пасть только или на меня, или на герцога голшинскаго, или на одного изъ принцевъ гессенгомбургскихъ; единственно для этого дѣла я и въ Митаву пріѣхалъ.»—«Сеймъ кончился, отвѣчалъ Морицъ, чины разѣхались; сеймъ выбралъ меня и не можетъ выбрать другого; а если заставить выбрать силою, то принужденіе отниметъ у выборовъ всю важность. Или Курляндія будетъ раздѣлена на воеводства и присоединена къ Польшѣ, или удержитъ свою древнюю форму правленія, въ какомъ случаѣ я одинъ могу быть герцогомъ; или, наконецъ, Курляндія будетъ завоевана Россією.»—«Ничего этого не будетъ», сказалъ Меншиковъ.—«Что же будетъ съ Курляндіей?» спросилъ Морицъ.—«Она не можетъ искать другого покровительства, кромѣ русска-

го, отвѣчалъ Меншиковъ. Въ тотъ же день онъ призвалъ сеймоваго маршала, канцлера и нѣкоторыхъ депутатовъ, и объявилъ имъ о необходимости произвести новые выборы; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ Сибирью, а Курляндіи введеніемъ въ нее 20,000 русскаго войска ¹⁶.

Когда Меншиковъ 3-го іюля далъ знать объ этомъ въ Петербургъ, то здѣсь встревожились и разсердились на свѣтлѣйшаго за такой крутой поворотъ дѣла, могшій повлечь къ большимъ несприятностямъ при тогдашнихъ отношеніяхъ Россіи; герцогиня Анна Іоанновна, пріѣхавшая въ это время въ Петербургъ, усиливала раздраженіе своими жалобами. Императрица написала Меншикову: «Мы вполне одобряемъ объявленіе, сдѣланное вами графу Морицу и курляндскимъ чинамъ, что мы избраніемъ графа Морица очень недовольны и не можемъ согласиться на него, какъ на противное правамъ Рѣчи Посполитой. Но что касается до того, что вы принудили ихъ собрать новый сеймъ для избранія кандидатовъ, по предложенію князя Василья Лукича, то мы не знаемъ, будетъ ли это полезно нашимъ интересамъ и намѣреніямъ: мы избраніе графа Морица особенно опорочили тѣмъ, что оно совершилось вопреки правамъ Рѣчи Посполитой; а если теперь мы сами, безъ вѣдома и согласія Рѣчи Посполитой, будемъ принуждать курляндскіе чины къ новымъ выборамъ, то Рѣчь Посполитая за это на насъ можетъ озлобиться, и курляндскіе чины станутъ говорить, будто они силою принуждены къ новому избранію, и чтобъ этимъ не сдѣлать нашимъ намѣреніямъ остановки и вдругъ не затѣять безвременной ссоры съ королемъ и Рѣчью Посполитою. Поэтому, пока вы тамъ будете, надобно вамъ разсуждать и совѣтоваться съ княземъ Васильемъ Лукичемъ, который состояніе этого дѣла въ Польшѣ лучше знаетъ, и поступайте съ общаго съ нимъ согласія, какъ полезнѣе будетъ нашимъ интересамъ, чтобъ безременно съ Рѣчью Посполитою въ ссору не вступить; и если Рѣчь Посполитая взглянетъ враждебно на новые выборы, то не лучше ли будетъ сперва хлопотать въ Польшѣ, чтобъ Рѣчь Посполитую къ нашимъ намѣреніямъ склонить, ибо потомъ легко будетъ чины курляндскіе и добрымъ способомъ привести къ тому, что будетъ сочтено для насъ полезнымъ. Хотя вы пишете, чтобъ вамъ побыть еще тамъ, пока сеймъ окончится, и хотя это было бы недурно; однако и

здѣсь вы надобны для совѣта о нѣкоторыхъ новыхъ и важныхъ дѣлахъ, особенно о шведскихъ, ибо прошла вѣдомость, что Швеція къ Ганноверпамъ пристаеъ: поэтому вамъ долго медлить тамъ нельзя, но возвращайтесь сюда»¹⁷.

Меншиковъ выѣхалъ изъ Митавы, а 28 іюля къ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ полученъ былъ указъ императрицы: «Понеже нынѣ курляндскія дѣла находятся въ великой конфузїи, и не можемъ знать, кто въ томъ дѣлѣ правъ или виноватъ, того для надлежитъ немедленно освидѣтельствовать и изслѣдовать о поступкахъ тайнаго совѣтника Бестужева, что онъ, будучи въ Курляндіи, все ли по указамъ чинилъ, и потомъ у рейхсмаршала нашего князя Меншикова и у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Долгорукаго взять на письмѣ репорты на указы наши и освидѣтельствовать, что, будучи въ Курляндіи, все ли они тако чинили, какъ тѣ наши указы повелѣвали.» Совѣтъ, въ засѣданїи 2 августа, оправдалъ Бестужева; но на другой день императрица сама присутствовала въ Совѣтѣ, и объявила, что по ея мнѣнію Петръ Бестужевъ не безъ вины: указы были посланы съ осмотрѣніемъ, и еслибы по нихъ поступлено было, тобъ ни до чего не дошло. Несмотря однако на это, Екатерина приказала дѣло прекратить. Въ засѣданїи Совѣта 6-го августа императрица рассуждала о томъ, какъ несостоятельно желаніе свѣтлѣйшаго князя, ея подданнаго, быть герцогомъ курляндскимъ, до чего конечно ни король, ни Поляки допустить не могутъ; поэтому приказала послать указъ Михайлѣ Бестужеву, чтобъ онъ больше о Меншиковѣ при дворѣ польскомъ не предлагалъ, но старался о другихъ кандидатахъ, и если Польскій дворъ ихъ не приметъ, то дать на его волю, кого самъ захочетъ, кромѣ Морица и принца гессенъ-кассельскаго¹⁸.

Видѣли, что Меншиковъ раздражилъ Курляндцевъ противъ Россїи и хотѣли изгладить непрїятное впечатлѣніе, произведенное свѣтлѣйшимъ, потому что прежде всего хотѣли поддержать въ Курляндцахъ отвращеніе къ слитію съ Польшею. Въ концѣ 1726 года положили отправить въ Митаву генераль-майора Девьера, которому дали секретную инструкцію: «Надобно вамъ тайнымъ образомъ развѣдать, кто изъ Курляндцевъ желаетъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, и кто этого не желаетъ, кто относится доброжелательно къ Россїи и требуетъ ея покровительства. На-

добно вамъ искуснымъ образомъ чины курляндскіе уговаривать. чтобъ они крѣпко стояли при своихъ правахъ, чтобъ быть имъ по прежнему, подъ особымъ своимъ герцогомъ. Доброжелательныхъ Курляндцевъ снабдите нашею милостію и прилежно трудитесь всякими способами имъ внушать, чтобъ они и противную партію къ себѣ склоняли, чтобъ всё сообща стояли при своихъ правахъ; при этомъ можно раздавать подарки и денежные дачи; также провѣдайте, нельзя ли склонить къ принятію подарковъ тѣхъ польскихъ вельможъ, которые назначены будутъ въ комиссію для рѣшенія курляндскаго дѣла; но такъ какъ это дѣло очень деликатное, то поступайте какъ можно осторожнѣе и скрытнѣе. Также развѣдайте о Морицѣ, гдѣ онъ теперь и въ какомъ положеніи находится; постарайтесь съ нимъ повидаться и разузнать обо всехъ его намѣреніяхъ, но чтобъ это свиданіе происходило тайнымъ образомъ и не могло возбудить подозрѣнія ни въ Полякахъ, ни въ Курляндцахъ.»

10-го января 1727 года Девьеръ уже донесъ императрицѣ о своемъ свиданіи съ Морицомъ: «Вчерашняго дня удалось мнѣ видѣть тайно господина Морица, и, сколько могъ я примѣтить, желаетъ онъ сильно быть подъ покровительствомъ вашего величества и во всемъ полагается на вашу волю. Когда случалось въ разговорѣ упоминать о имени вашего величества, то у него изъ глазъ слезы выступали; замѣтивъ это раза два и три, я спросилъ у него: отъ чего это онъ плакать хочетъ? и онъ отвѣчалъ: сердце у меня болитъ, что добрые люди обнесли меня государынѣ напрасно; много разъ писалъ я ея величеству, чтобъ быть мнѣ въ Петербургѣ и донести обстоятельно, какъ дѣло было, и какъ насъ снабживали. Морицъ хочетъ просить у вашего величества высокой милости и дать такое обѣщаніе въ вѣрности, какое угодно будетъ вашему величеству. А если ваше величество подозреваете, что онъ можетъ поступать вопреки интересамъ русскимъ, то это дѣло несбыточное, потому что Курляндцы не обязаны никому помогать, въ этомъ состоитъ ихъ право; да хотя бы и хотѣли, то не могутъ по недостатку средствъ. Морицъ говоритъ о здѣшнемъ герцогѣ, что онъ почти никакой власти не имѣетъ, какъ будто кукла, и Курляндцы не только помогать другимъ, и самихъ себя едва прокормить могутъ.—Здѣшніе дворяне почти всё его любятъ и всё, въ честь его, носятъ

такое же платье, какъ и онъ; онъ ѣздитъ часто къ нимъ по деревнямъ, и дворини иногда говорятъ между собою въ компаніяхъ: надобно намъ за него умереть.»

Несмотря на это донесеніе Девьера, столь благопріятное для Морица, въ Петербургѣ посмотрѣли иначе на дѣло, принявъ во вниманіе тогдашнія конъюнктуры. Здѣсь разсуждали, что дѣло графа Морица, при нынѣшнихъ конъюнктурахъ, весьма деликатно и небезопасно, во первыхъ потому, что за него надобно въ ссору вступить съ Рѣчью Посполитою; а русскіе интересы теперь требуютъ, что если уже войны миновать невозможно, то по крайней мѣрѣ надобно стараться, чтобъ она не была на границахъ. Повторныхъ, въ этой ссорѣ ни откуда ея величеству помощи не будетъ, ниже отъ самого короля польскаго, который ни въ качествѣ польскаго короля, ни въ качествѣ курфирста саксонскаго, съ Рѣчью Посполитою ссориться или намъ противъ нея помогать не можетъ, и до сихъ поръ никакихъ предложеній объ этомъ не сдѣлалъ. Въ третьихъ, принявши сторону Морица, озлобляемъ короля прусскаго и вовсе его потерять можемъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на сообщеніе, сдѣланное на дняхъ отъ цесарскаго двора о согласіи и обязательствахъ, въ которыхъ будто Морицъ находится съ Англією, и намѣренъ Англичанамъ отдать одну гавань въ Курляндіи. Велѣдствіе этого рѣшенія, 21-го января императрица велѣла написать Девьеру: «Такъ какъ мы изъ реляцій твоихъ усмотрѣли, что сеймъ отложенъ до 14-го февраля, то, пользуясь этою отсрочкою, пріѣзжайте сюда къ намъ на время, и хотя писалъ къ вамъ нашимъ указомъ тайный совѣтникъ Макаровъ, чтобъ съ извѣстною персоною свиданіе отложить, но такъ какъ мы усмотрѣли изъ вашей реляціи, что свиданіе уже произошло, то быть тому такъ, только впредь свиданія съ нимъ болѣе не имѣйте, и, по возможности, отъ него удалитесь, чтобъ больше не нажить подозрѣнія». 4-го февраля написана была новая тайная инструкция Девьеру: «Курляндцевъ продолжайте накрѣпко обнадеживать, что мы имъ всемѣрно будемъ помогать держаться при прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, не упоминая при томъ ни о графѣ Морицѣ, ни о какомъ иномъ кандидатѣ, и эти обнадеживанія можете дѣлать явно и тайно, только словесно, а не письменно. Если Курляндцы будутъ требовать, чтобъ вы объявили имъ на-

мѣреніе Россіи относительно графа Морица, то можно двумъ или тремъ особамъ изъ главныхъ сторонниковъ Морица, которымъ совершенно вѣрить можно, въ самомъ высшемъ секретѣ объявить, что, поспѣшивъ своимъ избраніемъ, самъ онъ виновать въ томъ, что Рѣчь Посполитая на послѣднемъ сеймѣ приняла такія жестокія рѣшенія, и если мы станемъ теперь тотчасъ же снова твердить о Морицѣ, то этимъ только раздразимъ Поляковъ и сами заставимъ ихъ, какъ можно скорѣе, привести въ исполненіе принятыя на сеймѣ рѣшенія. Поэтому надобно сперва стараться какъ-нибудь утишить дѣло, и политическими, умными и умѣренными поступками хотя немного нынѣшнюю ихъ горячность утолить и основательнымъ доказательствомъ правъ курляндскихъ склонить Поляковъ къ тому, чтобъ они отъ своего намѣренія отстали. Такъ какъ герцогъ Фердинандъ еще живъ и до смерти его Полякамъ Курляндіи раздѣлить нельзя, то неприлично теперь частымъ упоминаніемъ о графѣ Морицѣ съ Рѣчью Посполитою ссориться, отъ чего самому Морицу не только никакой пользы не будетъ, но дѣло его еще больше будетъ испорчено. Надобно Курляндцамъ внушить, чтобъ они на своемъ сеймикѣ теперь о Морицѣ помолчали, и выборовъ его не подтверждали и не уничтожали. Можете двумъ или тремъ особамъ секретно дать знать, что естественно и необходимо напередъ тайно согласиться о графѣ Морицѣ съ королемъ польскимъ и принимать съ нимъ въ этомъ дѣлѣ мѣры сообща.

Итакъ курляндское дѣло могло рѣшиться только въ Польшѣ, съ которою въ Петербургѣ не хотѣли ссориться въ виду опасностей отъ ганноверскаго союза. Бестужевъ, по прибытіи своемъ въ Варшаву, долженъ былъ объявить королю, что императрица извѣстно его желаніе доставить Курляндію принцу Морицу; но пусть онъ самъ разсудитъ, что наибольшая часть Рѣчи Посполитой этому сильно противится, и потому озлобится не только на него, но и на Россію; что будетъ сильно озлобленъ и король прусскій, ибо извѣстно, что покойный императоръ заключилъ съ нимъ договоръ насчетъ передачи Курляндіи одному изъ бранденбургскихъ принцевъ; и хотя императрица, въ угодность его королевскому величеству польскому, объ исполненіи этого договора старанія прилагать не будетъ, однако не можетъ согласиться и на избраніе принца Морица, для избѣ-

жавія ссоры съ королемъ прусскимъ. Императрица имѣла зрѣлое разсужденіе, избирала изъ всѣхъ принцевъ, кто бы не былъ никому противенъ, и особенно его королевскому величеству польскому, и никого не имѣла найти удобнѣе свѣтлѣйшаго князя Меншикова, который ни съ какими другими посторонними державами не имѣетъ никакихъ партикулярныхъ интересовъ, его королевскому величеству и никакому другому государю противенъ быть не можетъ. Поэтому ея императорское величество повелѣла ему, Бестужеву, просить его королевское величество, чтобъ онъ, по дружбѣ, показалъ свое снисхожденіе, и также склонилъ Рѣчь Посполитую на избраніе князя Меншикова, который всегда пользовался особенною его королевскою милостію и во всѣхъ случаяхъ показывалъ къ нему особенное благоговѣніе, а получа новое благодѣяніе, останется вѣчно благодаренъ; императрица также, съ своей стороны, можетъ показать всевозможную склонность относительно другихъ намѣреній королевскихъ.» — Бестужевъ долженъ былъ склонять къ тому же и сына Августа II, наслѣднаго принца саксонскаго, давши ему искуснымъ образомъ знать, что Россія за то можетъ быть ему полезна въ его честолюбивыхъ интересахъ. Съ подобными же предложеніями Бестужевъ долженъ былъ обратиться и къ саксонскимъ министрамъ, пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ короля. Вельможамъ польскимъ Бестужевъ долженъ былъ объявить, что Россія никакъ не можетъ допустить до раздѣленія Курляндіи на воеводства; Курляндія должна остаться въ прежнемъ положеніи; но такъ какъ Рѣчи Посполитой не можетъ нравиться, чтобъ курляндскимъ герцогомъ былъ принцъ саксонскій или бранденбургскій, то Русскій дворъ и предлагаетъ князя Меншикова, который оказалъ великія услуги какъ Россіи, такъ и Польшѣ; кромѣ того по владѣніямъ своимъ въ Польшѣ онъ польскій шляхтичъ, и въ этомъ званіи всегда будетъ стараться о благополучіи Рѣчи Посполитой, которой пріятно и полезно, если на престолъ курляндскій сядетъ кто-нибудь изъ ея шляхтичей. Если ни король, ни польскіе вельможи не примутъ этого предложенія, то предложить въ кандидаты двоюроднаго брата герцога голштинскаго; если не согласятся и на это, то одного изъ князей гессенъ-гомбургскихъ.

Король на предложеніе Бестужева о Меншиковѣ отвѣчалъ: «Все

то, что со стороны ея величества мнѣ приходитъ, очень мнѣ приятно», — и болѣе ни слова. Вельможи польскіе отговорились тѣмъ, что дѣло можетъ рѣшиться только на сеймѣ, который скоро долженъ собраться въ Гроднѣ. 3 августа 1726 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили отправить въ Польшу на гродненскій сеймъ Ягужинскаго, который привыкъ при Петрѣ исполнять важныя дипломатическія порученія. Мы видѣли, что уже и къ Бестужеву былъ отправленъ указъ не хлопотать болѣе о Меншиковѣ; теперь Ягужинскому было наказано: «Всевозможные труды прилагать, дабы Рѣчь Посполитую не допустить до вредныхъ для Россіи предпріятій относительно Курляндіи, особенно не допустить до раздѣла Курляндіи на воеводства, также до утвержденія принца Морица и до избранія принца гессенъ-кассельскаго, и въ необходимомъ случаѣ стараться сеймъ разорвать; со стороны ея величества представлять кандидатовъ прежнихъ, кромѣ князя Меншикова; если же польскій дворъ ни на одного изъ кандидатовъ не согласится, то дать на волю, пусть выберутъ кого хотятъ, толькобъ не Морица и не принца гессенъ-кассельскаго. Ягужинскій отправился прямо на сеймъ, и 26 сентября писалъ изъ Гродна: «Я представлялъ польскимъ министрамъ, что государственныя причины не позволяютъ сосѣднимъ державамъ согласиться на перемѣны въ курляндскомъ устройствѣ; пусть дѣлаютъ кого хотятъ герцогомъ, только не Морица; но Поляки упрямятся и потому единственное средство помѣшать дѣлу—это порвать сеймъ.» Черезъ мѣсяцъ онъ доносилъ: «Неизвѣстно, чѣмъ кончится настоящій сеймъ: шестая уже недѣля, какъ онъ продолжается, и дѣла никакого не сдѣлано, только безпрестанный крикъ и сочиненія разныхъ проектовъ о Курляндіи; заводчикъ часовъ, бискупъ краковскій Шанявскій, который не только курляндское дѣло ведетъ, со всею горячію, но и въ диссидентскомъ дѣлѣ неусыпно трудится, т.-е. хлопочетъ объ искорененіи диссидентовъ. Я, сколько смысла и силы имѣлъ, мѣшалъ всемъ этимъ предпріятіямъ и не безъ нѣкотораго успѣха: благодаря разнымъ затрудненіямъ сеймъ затянулся, не сдѣлавши ни малѣйшаго дѣла, и подозрѣваютъ, что я виновникъ этого. Какъ бы то ни было, никакого основанія въ курляндскомъ дѣлѣ еще не положено, и хотя король манитъ Рѣчь Посполитую обѣщаніями выдать всѣ оригинальные документы о Курляндіи и

не защищать Морица, однако все ограничивается одними общаніями. Король дѣйствительно былъ уже намѣренъ выдать оригинальные документы насчетъ Морицова избранія; но пріятельницы Морица, находящіяся при королѣ, именно жена маршалка Бѣлинская и гетманша Потѣиха слезно просили короля, чтобъ удержался отъ выдачи документовъ, въ противномъ случаѣ получить дурную славу во всемъ свѣтѣ, а на споры и шумъ Поляковъ смотрѣть нечего: пошумятъ и перестанутъ. Съ другой стороны, Рѣчь Посполитая твердо стоитъ на томъ, чтобъ Морица выслать не только изъ Курляндіи, но и изъ Польши; въ Курляндію хотятъ послать комиссію судить Курляндцевъ; сверхъ того на послѣдней сессіи подконюшій литовскій предлагалъ послать депутацію къ послу французскому и объявить Морица безчестнымъ, чтобъ онъ не былъ терпимъ и во Франціи, гдѣ имѣетъ полкъ и доходъ. Королевскіе сторонники въ посольской избѣ обнадеживаютъ Поляковъ, что король все курляндское дѣло и Морица выдастъ Рѣчи Посполитой, пусть что съ ними захочетъ, то и сдѣлаетъ, и этимъ средствомъ они достигаютъ того, что сеймъ не рвется; также стараются привести пословъ въ соединеніе съ сенаторскою избою, гдѣ надѣются все по своему желанію сдѣлать. Здѣшнія дамы къ сибирскимъ (т.-е. китайскимъ) шелкамъ большую охоту имѣютъ, и потому не худо было бы прислать сюда нѣсколько, также и мѣховъ лисьихъ, горностаевыхъ и овчинныхъ. Что же касается до короля, то онъ великій охотникъ до завѣсовъ китайскихъ и всякихъ обоевъ персидскихъ, и потому нужно и такихъ вещей сюда нѣсколько прислать. Безстыдный воевода троцкій, Огинскій безпрестанно, какъ только со мною увидится, спрашиваетъ, не пришли ли ко мнѣ мѣха, и удивляется, что ея величество позабыла объ немъ; я отговариваюсь однимъ, что сибирскіе караваны всегда зимою приходятъ, и теперь еще не пришли.»

Сеймъ кончился 30 октября; назначена была комиссія о Курляндіи изъ бискупа варминскаго Шембека, воеводы полоцкаго Денгофа, воеводы мазовецкаго Хоментовскаго, воеводы троцкаго Огинскаго; комиссары должны были договариваться съ Курляндцами насчетъ будущей формы правленія у нихъ. Король кассировалъ выборы Морица и выдалъ оригинальныя бумаги, относящіяся къ этому дѣлу. Король уступилъ, чтобъ склонить Поляковъ

къ утверженію стараго договора съ цесаремъ; но Поляки позволяли только вступить въ переговоры съ цесарскимъ посломъ и принять дѣло къ рѣшенію на будущей сеймъ. Было сдѣлано другое предложеніе, о вступленіи въ переговоры со Шведами, и многіе депутаты закричали, что согласны; но другіе объявили, что хотя желаютъ всегда быть въ дружбѣ съ Швеціею, но такъ какъ шведскаго министра въ Польшѣ не находится, то они не могутъ понять, откуда можетъ произойти такое предложеніе? Дѣло этимъ и остановилось. Возбуждено было подозрѣніе, что короли польскій и шведскій находятся другъ съ другомъ въ тайныхъ сношеніяхъ и посредникомъ употребляютъ литовскаго подскарбія Понятовскаго, шведскаго приверженца въ прошлую войну. Ягужинскій былъ увѣренъ въ тайныхъ соглашеніяхъ между двумя королями, тѣмъ болѣе, что со стороны Августа II-го не видалъ никакого расположенія къ Россіи. Когда посоль хотѣлъ вывѣдать намѣреніе короля относительно курляндскаго дѣла, то Августъ отвѣчалъ ему: «Я не могу тутъ ничего ни сдѣлать, ни присовѣтовать, потому что какъ только Поляки подмѣтятъ мое желаніе, противное ихъ намѣренію, то не миновать конфедераціи; я былъ бы радъ, еслибы Морицъ получилъ помощь отъ Россіи; я сталъ бы помогать подъ рукою, по возможности». Дальнѣйшей откровенности Ягужинскій не могъ добиться, а генераль Флюгъ, съ которымъ онъ свелъ дружбу, сказалъ ему подъ секретомъ, что когда король у себя разговаривалъ о Россіи, то сказалъ: «Я не вѣрю Русскимъ». Въ это время Ягужинскій получаетъ письмо отъ Анны, герцогини курляндской: «Какъ здѣсь слышу, что курляндское дѣло въ Польшѣ весьма худо идетъ, и Поляки комисію сюда отправлять хотятъ для щету моихъ деревень и моей претензіи, и ежели до того допущено было, тобъ великое предосужденіе россійскимъ интересомъ было, такожь слышно, что князю Фердинанту хотятъ лѣны дать, и то также противъ россійскихъ интересовъ, изъ чего здѣшняя земля въ великую канфузію и въ дисперацию приходитъ, и то все дѣлаецца чрезъ здѣшнихъ плутовъ Костюшки Юфеберховой фамиліи и Буххольца и Рацкова, которымъ предстатель великой канцлеръ Шамбекъ; я васъ прилѣжно прощу, приискавъ къ тому удобные способы, до того не допустить, а паче до отправленія сюда комисіи, чѣмъ меня во вѣки одолжите, и за что, доколѣ жива вашу любовь буду въ памяти имѣть и пребываю вамъ всегда доброжелательна Анна».

И въ Петербургѣ желали того же самаго; но легко было написать: «прискавъ къ тому удобные способы, до того не допустить», трудно было исполнить. Ягужинскій видѣлъ, что единственное средство сдержать Поляковъ, это дѣйствовать рѣшительно, дѣйствовать, а не говорить только; но въ Петербургѣ были озабочены ганнOVERскимъ союзомъ, дѣлами шведскими, и не хотѣли дѣйствовать по курляндскому дѣлу, чтобъ не поссориться съ Поляками. Девьеръ писалъ Макарову изъ Митавы: «Извольте объявить ея величеству, чтобъ изволили сильное стараніе имѣть при польскомъ дворѣ о курляндскихъ дѣлахъ, потому что безъ того ничему доброму сдѣлаться нельзя. Хотя Курляндцы истиннымъ сердцемъ хотятъ стоять при своихъ правахъ, однако принуждены требовать помощи ея величества, а безъ того держаться не могутъ по своему безсилію. Если отъ нашего двора не будетъ сильнаго старанія о томъ, чтобъ не допустить Курляндію до раздѣла пли присоединенія къ коронѣ польской, то Курляндцы принуждены будутъ отдаться въ волю Полякамъ; пословица говоритъ: сила солону ломить, а другая: съ сильнымъ не дерись, съ богатымъ не тянись: такъ и въ ихъ дѣлахъ курляндскихъ, если не будетъ на кого вмѣ опереться, то они будутъ принуждены поступать по волѣ короны польской. О вышеупомянутомъ дѣлѣ извольте ея величество предостерегать, чтобъ осторожно въ томъ дѣлѣ были, чтобъ не допустить до ссоры; а если допустить до ссоры, то извольте видѣть, въ какомъ состояніи наше государство. Какъ видно наши министры на сеймѣ никакого старанія о Курляндіи не имѣли, а еслибъ имѣли, тобъ никогда корона польская не рѣшилась дѣлать того, что на сеймѣ положили». Это требованіе—дѣйствовать рѣшительно, какъ дѣйствовали при Петрѣ, и въ то же время уклоняться отъ ссоры—ставило Ягужинскаго въ непріятное положеніе, сердило его. Въ раздраженія онъ написалъ слѣдующее письмо къ Макарову, 7 января 1727 года: «Въ курляндскомъ дѣлѣ здѣсь у Поляковъ никакими мѣрами ничего исходатайствовать нельзя, и хотя умные люди между ними разсуждаютъ, что силою не могутъ одолѣть, если Курляндцы хотя одни, сами собою заупрямятся, но все хотятъ попытаться: можетъ быть и удастся! Мы, съ своей стороны, должны Курляндцевъ обнадеживать, что будемъ защищать ихъ права, но при этомъ мы не должны ихъ пугать, ибо въ этомъ

дѣлъ остался только одинъ, ласковый способъ. Приходится дѣйствовать однимъ, потому что на прусскаго короля нѣтъ надежды, скорѣе надобно ожидать тайнаго согласія съ Поляками. Король польскій еще боленъ и раньше трехъ недѣль сюда не прїѣдетъ; между тѣмъ вольница польская все по деревнямъ живутъ и до прибытія королевскаго мало ихъ съѣдется. Флемингъ также умиралъ, а теперь оба, и король и Флемингъ, ожили, и когда съѣдутся, будетъ назначена конференція, а что на ней произойдетъ, о томъ можете узнать отъ бывшаго при здѣшнемъ дворѣ министра, князя Долгорукова, ибо уже нѣсколько лѣтъ сряду всемъ нашимъ министрамъ дается одинъ отвѣтъ. Но если такихъ бывалыхъ и искусныхъ людей ни съ чѣмъ отправляли, то мнѣ нечего ждать. Я неоднократно доносилъ, ясно изобразивъ все дѣло, и удивляюсь, что до сихъ поръ не присылаютъ мнѣ никакого указа, какъ далѣе поступать, а по данной мнѣ инструкціи больше дѣлать нечего, ибо Поляки, видя только наши словесныя представленія, и не опасаясь никакого дѣйствія, не могутъ быть приведены къ резону. Хотябъ велѣно было мнѣ говорить въ прибавку, что если не отмѣнять своего рѣшенія, то силою будемъ ихъ удерживать и комиссаровъ въ Курляндію не пустимъ. Такъ поступаетъ съ ними цесарь: если Поляки не дадутъ удовлетворенія за пограничныя обиды, то онъ пошлетъ полкъ или два въ тѣ мѣста, гдѣ была сдѣлана обида, и сдѣлаетъ самъ себѣ удовлетвореніе; не теперь, а со временемъ не миновать и съ нашей стороны того же. Князь Иванъ Юрьевичъ (Трубецкой) пишетъ ко мнѣ изъ Кіева, чтобъ я жаловался здѣсь на тамошнія обиды, которыя становятся нестерпимы; но здѣсь жалобами можно достигнуть только того, что назначать комиссаровъ для развода пограничныхъ ссоръ, и когда съѣдутся — Богъ вѣсть; а между тѣмъ обиды дѣлаются по прежнему. Къ тому же въ нашихъ пограничныхъ дѣлахъ заинтересованъ каждый шляхтичъ, ибо наши бѣглые Русскіе почти у каждаго есть, и церковей греческаго исповѣданія множество въ шляхетскихъ имѣніяхъ: то кто заставитъ ихъ добровольно выдать бѣглыхъ? поневолѣ надобно будетъ послѣдовать примѣру цесаря. Изволили вы упоминать о русскомъ орденѣ для Мантейфеля; но онъ ему не надобенъ, потому что уже польскую ленту носить, да и Флемингъ никакой другой не носить, кромѣ польской; къ тому же ни Мантейфеля, ни Флеминга

лентами не склонить на нашу сторону, ибо старый противный духъ еще въ нихъ находится, и еслибы Саксонцы не боялись насъ, то давно бы въ ганноверскій союзъ стали склоняться. Впрочемъ оставляю это въ глубочайшее разсужденіе другимъ, *которые только любятъ поперекъ възжечь, зная и не зная состоянія дѣла*».

Въ мартѣ 1727 года пріѣхалъ въ Варшаву курляндскій депутатъ Медемъ съ просьбою отъ Курляндцевъ, чтобъ ихъ оставили при прежнихъ правахъ и никакой комиссіи о перемѣнѣ ихъ правленія не было бы. Когда эта просьба была прочтена въ совѣтѣ, собранномъ у примаса Потоцкаго, то всѣ присутствовавшіе единогласно закричали, что такого бунтовщика и присланнаго отъ бунтовщиковъ надобно взять подъ стражу и судить, что и было исполнено. «Мы, писали Ягужинскій и Бестужевъ, при такомъ ихъ дикомъ поступкѣ, не знаемъ что дѣлать: если прямо вступить въ дѣло, то ихъ пуще разъяришь; если же дать имъ волю, то пуще загорятся. Будемъ смотрѣть, какъ лучше поступить. Что касается до отправленія комиссіи въ Курляндію, то гетманы послали уже третьи подтвердительные указы къ войску, чтобъ готово было къ маю: войско станетъ у границъ курляндскихъ, чтобъ войти въ эту страну по первому требованію комиссаровъ. Хотя это грозное войско и не очень опасно, потому что не велико; однако если имъ позволить отправить свою комиссію, то легко могутъ осмѣлиться сыграть торнскую трагедію: дѣло зависить отъ мудраго расположенія вашего величества и отъ милостивой защиты бѣдной Курляндіи. О раздѣленіи Курляндіи на воеводства Поляки больше не думаютъ, хотя и оставятъ правительство нѣмецкое, только не хотятъ слышать объ избраніи новаго герцога. На наши представленія въ пользу Курляндіи одинъ жестокий отвѣтъ, что мы въ ихъ домашнія дѣла не имѣемъ права мѣшаться. Отъ другихъ министровъ помощи никакой не имѣемъ»²⁰.

Ягужинскій не утерпѣлъ, чтобъ не задѣтъ Меншикова, который «въѣхалъ поперекъ» въ курляндское дѣло. Были обвиненія и на Ягужинскаго: до насъ дошло слѣдующее любопытное письмо Михайлы Бестужева къ сестрѣ, княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ Волконской: «Изъ вашего письма увѣдомился я, что Свѣчниковъ, по приказу Павла Ивановича (Ягужинскаго), старается, чтобъ Голембовскому быть здѣсь въ Польшѣ резидентомъ, и что уже о

томъ Свѣчниковъ Алексѣю Васильевичу (Макарову) говорилъ. Я даю на разсужденіе, сходно ли это съ интересомъ нашимъ, чтобъ Поляку быть министромъ въ Польшѣ, и какъ можно ему дѣла повѣрить? Можно Поляку быть нашимъ министромъ при другомъ дворѣ, какъ Ланчинскій въ Вѣнѣ, а не при польскомъ. Злясь на то, что его здѣсь не оставили, о чемъ его стараніе было, онъ хочетъ, чтобъ и мнѣ не быть, и рекомендуетъ такого человѣка, которому быть нельзя. Къ тому же у Голембовскаго не тѣ поступки и не тѣ ухватки, какіе слѣдуетъ министру имѣть. Сію цедулку можете показать Антону Мануиловичу (Девьеру) и всячески до того не допускать, представляя означенные резоны. Павелъ все сватаетъ дочь свою за Поляковъ, а изъ Москвы велѣлъ себѣ привезти всякаго запаса и на продажу китайскихъ вещей имѣховъ, въ той надеждѣ, что ему здѣсь остаться. Усмотрѣлъ я, что Свѣчниковъ Макарову говорилъ отъ Павла о Голембовскомъ, чтобъ ему въ Польшѣ резидентомъ быть; не извольте этого допускать для того: какъ Поляку въ Польшѣ дѣла повѣрить? И такъ Павелъ худо дѣлалъ, что ему все открывалъ; я объ этомъ уже къ вамъ писалъ, какъ скоро провѣдалъ, что Павелъ приказалъ Свѣчникову о немъ стараться. О поѣздкѣ моей за королемъ надобно умолчать: я для того писалъ, думалъ, что Павла оставятъ здѣсь; а теперь, такъ какъ онъ поѣдетъ отсюда, то надобно умолчать; развѣ сами повелятъ ѣхать, и на то надобны деньги. Можешь узнать дружбу ко мнѣ Павлову изъ того: Голембовскаго хотѣлъ сдѣлать резидентомъ, а о себѣ писалъ къ тестю своему (канцлеру Головкину), чтобъ ему здѣсь остаться, а меня бы копнуть. Онъ же будучи пьянъ, одному саксонскому министру говорилъ, чтобъ ему король далъ здѣсь староство: я-де здѣсь останусь, а въ Россію нынѣ не поѣду, и разныхъ другихъ рѣчей множество болтаетъ, какъ напьется пьянъ, что мерзко слышать: не только министру не прилично такъ говорить, но и простому человѣку не слѣдуетъ; однимъ словомъ сказать: человѣкъ этотъ совсѣмъ плохъ, я чаялъ въ немъ больше пути и дѣла; Антонъ Мануиловичъ (Девьеръ) справедливо объ немъ разсуждаетъ; истинно я въ немъ чаялъ больше проку, а теперь вижу, что просто вѣтреница, что ни говоритъ—слушать нечего. Намъ онъ пріятелемъ не будетъ, извольте въ этомъ свои мѣры взять. Онъ писалъ о секретарѣ Голембовскомъ, который находится при мнѣ, чтобъ

его сдѣлать здѣсь резидентомъ; но такъ какъ этотъ секретарь Полякъ родомъ, и ему одному повѣрить дѣлъ здѣсь нельзя, то Ягужинскому, какъ полномочному, здѣсь быть и другому съ нимъ. Этотъ секретарь Голембовскій не такой человекъ, чтобъ ему министромъ быть, Богъ его такимъ не сдѣлалъ, и онъ, кромѣ языка, не только въ резиденты, и въ секретари не годится. Онъ Ягужинскому угрождаетъ сватаньемъ дочери его за Поляковъ, также и племянницу его, Ивана Головкина дочь; и такъ какъ Павелъ сдѣлалъ Ланчинскаго Поляка министромъ въ Вѣнѣ, то и этотъ того же отъ него хочетъ. Правда, что Ланчинскій въ дѣло годится, притомъ же онъ при нѣмецкомъ дворѣ; а Полякъ при польскомъ дворѣ опасенъ, хотя бы и годился, и нельзя его пускать во всѣ письма глядѣть, какъ Павелъ дѣлалъ, а я до того не допускалъ. Изволь объ этомъ съ Антономъ Мануиловичемъ въ конфиденціи поговорить, чтобъ никакъ до этого не допустить. Также Павелъ писалъ къ Макарову, чтобъ домогаться о голубой лентѣ Лосу, который у насъ прежде посланникомъ былъ, да другому, оберъ-штабмейстеру королевскому: кстати ли это? Король имъ и своей ленты не дастъ, которая не въ такомъ почтеніи какъ наша; развѣ красную ленту—то пусть дають. Павелъ только хочетъ чрезъ это показать силу свою, будто онъ у насъ при дворѣ силенъ. Объ этомъ также скажи Антону Мануиловичу, чтобъ не допустить»²¹. Девьеръ долженъ былъ взять свои мѣры, и взять; 21 января 1727 года онъ писалъ императрицѣ изъ Митавы: «Сказано мнѣ за тайну оберъ-ратами, что министръ вашего величества при польскомъ дворѣ будто бы никакого старанія о курляндскомъ дѣлѣ не имѣетъ, и будто подъ рукой Полякамъ говорить, чтобъ они никакого опасенія не имѣли, потому что ваше императорское величество въ курляндскомъ дѣлѣ никакого имъ помѣшательства дѣлать не соизволите, и хотя я во всемъ имъ не вѣрю, однако бѣшенство его что нибудь можетъ сдѣлать»²².

Девьеръ бездоказательно обвинялъ Ягужинскаго въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ Польшѣ вопреки русскимъ интересамъ; то же обвиненіе легло на Меншикова въ шведскихъ дѣлахъ, и легло съ доказательствами.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго мы оставили въ Стокгольмѣ представителемъ Россіи Мих. Петр. Бестужева. Увѣдомляя графа Головкина о разнесшейся по городу вѣсти о кончинѣ Пе-

тра, Бестужевъ писалъ: «Доброжелательные и добрые патриоты отъ всего сердца опечалились, а я въ такую алтерацію и конвузію пришелъ, что не могу опомниться и лихорадку получилъ; однако черезъ силу ко двору ѣздилъ и увидалъ короля и его партизановъ въ немалой радости». Новой государынѣ Бестужевъ писалъ: «Дворъ сильно надѣялся, что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и все дѣла испровергнутся; но когда узнали, что ваше величество вступили на престолъ и все окончилось тихо, то придворныя стали ходить повѣся носъ: такимъ образомъ этотъ случай открылъ сердца многихъ людей. Намѣрѣніе здѣшняго двора было въ мутной водѣ рыбу ловить; надѣялись, что герцогъ голштинскій принужденъ будетъ выѣхать изъ Россіи, отъ которой не будетъ имѣть болѣе поддержки, и тутъ можно будетъ вести кассельскія интриги и умножать свою партію. Эта надежда превратилась въ дымъ вступленіемъ на престолъ вашего величества; партія герцога голштинскаго здѣсь теперь не уменьшится: только при нынѣшнихъ конъюнктурахъ надобно ее ласкать, а враговъ приводить на истинный путь умнымъ и пріятнымъ обхожденіемъ».

Шведскимъ посломъ къ Петербургскому двору, кромѣ прежняго Цедеркрейца, назначенъ былъ одинъ изъ голштинской партіи, баронъ Цедергельмъ. Бестужевъ просился пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, чтобъ участвовать непосредственно въ переговорахъ и получить подробнѣйшую инструкцію. Это ему было дозволено; но потомъ Бестужевъ уже не возвращался въ Стокгольмъ. Объясненіемъ этому служатъ отношенія его къ голштинскому министру въ Швеціи Рейхелю, зятю Бассевича; передъ отъѣздомъ, въ домѣ Цедергельма, Рейхель подошелъ къ Бестужеву и началъ его упрекать во враждѣ къ нему, въ желаніи удалить его изъ Стокгольма и въ неблагодарности, потому что своимъ настоящимъ положеніемъ Бестужевъ былъ обязанъ тестю его Бассевичу; въ заключеніе разговора Рейхель вызвалъ Бестужева на дуэль. Шведскіе вельможи потушили дѣло, помирили Рейхеля съ Бестужевымъ; несмотря на то, послѣдній писалъ своему *патрону* Остерману, чтобъ онъ постарался до его пріѣзда въ Петербургъ, утисить злобу Бассевича. Но злоба не была утисена: 7 августа 1725 года въ тайномъ совѣтѣ, держанномъ въ иностранной коллегіи, Бассевичъ подалъ меморіаль,

чтобъ Бестужева въ Швецію не посылать и что герцогъ уже доносилъ объ этомъ императрицѣ.

Вмѣсто Бестужева въ Стокгольмѣ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ флотскій капитанъ графъ Николай Головинъ. Новый посланникъ далъ знать, что видѣе всѣхъ вельможъ въ Швеціи графъ Горнъ, человѣкъ великаго ума, и его нужно всевозможными средствами уловлять въ русскую партію. Въ сентябрѣ 1725 года Головинъ далъ знать, что вѣрные друзья предлагаютъ усилить ревелскій флотъ, что должно произвести впечатлѣніе и помѣшать ганноверскимъ интригамъ; а между тѣмъ въ Стокгольмѣ уже распускались слухи, что герцогъ голштинскій скоро явится въ Швецію съ русскимъ войскомъ для занятія престола. Въ декабрѣ Головинъ доносилъ, что часто происходятъ тайныя конференціи у короля съ министрами французскимъ и англійскимъ, въ которыхъ бываетъ иногда графъ Горнъ или гофмаршалъ Дибенъ: «Имѣю подозрѣніе, писалъ Головинъ, что эти конференціи идутъ о славнѣйшей ганноверской алліанціи, въ которую нынѣ призывается Швеція». Въ конференціи съ комиссарами сената министры французскій и англійскій явно предлагали Швеціи союзъ. Предложеніе перешло изъ комиссіи въ сенатъ, при чемъ поданы были письменные протесты отъ сенаторовъ Тессина, Веллинга и Гилленборга.

1726 годъ Головинъ началъ извѣщеніемъ, что доброжелательныя обнадѣживаютъ его, что не допустятъ правительство свое приступить къ ганноверскому союзу; но французскій и англійскій министры деньгами привлекаютъ многихъ на свою сторону и разглашаютъ, что король и его партія дали имъ твердое обѣщаніе, что Швеція приступитъ къ ганноверскому союзу; посредствомъ денегъ и подарковъ знаютъ они все, что происходитъ ежедневно въ Стокгольмѣ. 15 февраля графъ Горнъ объявилъ Головину указомъ отъ короля и сената, что въ сенатѣ принято рѣшеніе продолжать конференціи о ганноверскомъ союзѣ и выслушивать дальнѣйшія предложенія министровъ англійскаго и французскаго, и обѣщаль сообщить, что будетъ постановлено на этихъ конференціяхъ. Въ сенатѣ же принято было рѣшеніе не упоминать въ конференціяхъ о возвращеніи Шлезвига герцогу голштинскому до окончанія переговоровъ: при этомъ большинство голосовъ въ сенатѣ оказалось у королевской партіи.

Несмотря на то доброжелательные продолжали увѣрять, что Швеція никогда не приступитъ къ ганноверскому союзу; а баронъ Гепкинъ ручался, что изъ конференціи ничего не выйдетъ и просилъ Головина писать объ этомъ императрицѣ. Въ апрѣлѣ графъ Горнъ прислалъ въ сенатъ письмо, присланное къ нему изъ Петербурга отъ шведскаго посланника при тамошномъ дворѣ, Цедеркрейца. Цедеркрейцъ извѣщалъ о разговорѣ своемъ съ Басевичемъ, который будто бы сказалъ ему, что если шведское правительство будетъ дѣйствовать вопреки интересамъ герцога голштинскаго, то Россія пошлетъ къ берегамъ Швеціи галерный флотъ съ 30,000 войска. Письмо произвело сильное дѣйствіе, и въ сенатѣ состоялось рѣшеніе послать инженеровъ во всѣ крѣпости и осмотрѣть ихъ, а король предложилъ привести въ движеніе полки и дѣлать другія военныя приготовленія. Въмѣсто русскаго галернаго флота явилась англійская эскадра, и члены королевской партіи принялись говорить, что эта эскадра спасла Швецію отъ нашествія Русскихъ.

Въ концѣ іюня въ сенатѣ происходила подача голосовъ по вопросу, приступать ли Швеціи къ ганноверскому союзу или нѣтъ? Въ пользу утвердительнаго отвѣта были голоса графовъ: Горна, Таубе, Делагарди, Екеבלата, Ливена, Банера, Шпара и два королевскихъ голоса; за отрицательный отвѣтъ объявили себя графы: Кронгельмъ, Тессинъ, Дикеръ, Гилленборгъ, Лагербергъ, старый Горнъ и баронъ Цедергельмъ, возвратившійся изъ Петербурга. Вслѣдствіе такого отношенія голосовъ дѣло было оставлено. Несмотря на то, въ іюлѣ Головинъ доносилъ, что, благодаря англійскимъ деньгамъ, королевская партія усиливается, и по всѣмъ обстоятельствамъ можно видѣть, что графъ Горнъ, прежде созванія сейма, постарается ввести Швецію въ ганноверскій союзъ. Горнъ прямо объявилъ Головину, что король и сенатъ давно уже приняли намѣреніе приступитъ къ ганноверскому союзу и приведутъ это въ исполненіе при первомъ удобномъ случаѣ; и когда Головинъ замѣтилъ ему, что императрица въ такомъ случаѣ должна принимать свои мѣры, то онъ отвѣчалъ, что русская государыня можетъ принимать мѣры, какія ей угодно, а Швеція имѣетъ право входить въ договоры съ державами, смотря по единству интересовъ, и въ настоящемъ случаѣ новыя обязательства Швеціи не находятся въ противорѣчій съ

прежними ея обязательствами относительно Россіи. Наконецъ въ сенатѣ принято было рѣшеніе приступить къ ганноверскому союзу, и теперь доброжелательные начали утѣшать Головина тѣмъ, что сеймъ не согласится на это рѣшеніе.

Въ сентябрѣ собранъ сеймъ, и, несмотря на увѣренія благонамѣренныхъ, что русская партія сильнѣе, предсѣдателемъ сейма или ландмаршаломъ былъ избранъ графъ Горнъ. Головинъ приписывалъ это торжество противной партіи раздачѣ большихъ суммъ, «а которыхъ отъ меня дачи происходили, писалъ онъ, и тѣ всё зѣло твердо и непоколебимо спорили». Головинъ доносилъ, что при этихъ выборахъ ни одного знатнаго лица не было на сторонѣ Горна, дало перевѣсъ мелкое шляхетство и офицерство, подкупленное деньгами, и еслибы извѣстная сумма пришла изъ Россіи мѣсяцемъ прежде, то большую часть офицерства и дворянства можно было бы склонить къ русской партіи. Потерпѣвши неудачу въ дворянскомъ сословіи, Головинъ обратился къ купеческому, которому далъ нѣкоторую сумму и обѣщалъ большую; купцы обѣщали склонить сословіе духовное и крестьянское; вся эта вербовка депутатовъ, по расчету Головина, не должна была стать дороже 5000 червонныхъ. Герцогъ голштинскій писалъ къ своему министру въ Стокгольмъ, чтобъ выдалъ генераль-майору Стаалу 500 рублей на раздачу мелкому дворянству и офицерству; но у голштинскаго министра не было денегъ, и Головинъ счелъ полезнымъ выдать 500 рублей своихъ ²³.

Видя такое затруднительное положеніе дѣль, въ Петербургѣ рѣшили отправить въ Стокгольмъ искуснѣйшаго дипломата, князя Василя Лукича Долгорукаго, какъ скоро онъ возвратится изъ Курляндіи; разсуждали, что надобно дѣйствовать подкупами, если же не удастся, то сильно протестовать. Въ засѣданіи Тайнаго Совѣта 6 августа опредѣлено послать въ Швецію вексель въ 20,000 рублей на раздачу шляхетству и другимъ мелкимъ персонамъ, которыя скудны, а силу имѣютъ, а прочимъ главнымъ обѣщать знатные подарки, если они сдѣлаютъ по желанію Русскаго двора. Князю Долгорукову опредѣлено давать по 100 рублей на день; на ливрею и экипажъ отпустить 11,000 рублей, отпустить обои на одну комнату, сервизъ серебряный. Императрица отъ себя обѣщала отпустить портретъ свой и разныхъ винъ, также балдахинъ, тотъ самый, который былъ въ Академіи.

когда императрица недавно тамъ присутствовала, «разсуждать и вводить, что не надобно робко съ Швеціею поступать»²⁴.

Князь Василій Лукичъ нашелъ въ Стокгольмѣ два враждебныхъ лагеря одинъ противъ другаго: одна партія тянула Швецію въ ганноверскій союзъ, другая, *доброжелательная* въ глазахъ русскаго посланника, не хотѣла этого союза. Сначала могло казаться, что силы обѣихъ партій находятся въ равновѣсіи; но скоро опытный дипломатъ началъ удостовѣряться, что «доброжелательные» слабѣе. Однимъ изъ самыхъ доброжелательныхъ былъ Цедергельмъ; но онъ показался Долгорукому «человѣкомъ остроты не пуцей», какъ называютъ добрымъ человѣкомъ; Гепкинъ оказался поострѣе; съ Велингомъ нельзя было говорить ни о какомъ дѣлѣ, потому что къ нему приставлены были два офицера: онъ былъ обвиненъ королемъ въ томъ, что въ 1722 году побуждалъ его занять у прусскаго короля деньги и заложить островъ Вольгастъ. «Говорять, писалъ Долгорукій, что острѣе всѣхъ здѣсь графъ Горнъ, только я его еще не видалъ, а изъ доброжелательныхъ никого нѣтъ большой остроты; королева здѣшняя, какъ говорятъ, русскаго народа очень не любитъ». 25 ноября Долгорукій писалъ: «Третьяго дня мнѣ сказано, что король въ тотъ самый день говорилъ одному изъ сенаторовъ: «скажите мнѣ сущую правду, какія партіи составляются здѣсь противъ меня, и какими способами русская государыня хочетъ лишить меня престола»? Сенаторъ отвѣчалъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ и не слышалъ. Ваше величество изъ этого изволите усмотрѣть, какія со стороны Россіи опасности королю внушены, и если онъ такое мнѣніе имѣетъ, то какъ его склонить къ постоянной съ вашимъ величествомъ дружбѣ? Я для этого намѣренъ, послѣ аудіенціи, искать случаевъ, какъ бы мнѣ чаще съ королемъ видѣться и внушить ему, что онъ совершенно безопасенъ со стороны вашего величества, а потомъ стану ему показывать, какая опасность грозитъ ему отъ короля англійскаго; только, какъ я слышу, король мнителенъ отъ природы и вѣритъ людямъ мало знающимъ, которые при немъ; съ чужестранцами въ разговоры глубокіе не входитъ, только развѣ что выслушаетъ; однако я буду случая искать ему самому обо всемъ довести, а черезъ людей нельзя, потому что еще никого не знаю. Надѣюсь, что аудіенціею моею здѣсь не замедлятъ и что я успѣю съѣздить

съ визитами не только къ мущинамъ, но и къ дамамъ, и, отдавъ визиты, могу ихъ звать къ себѣ. Я намѣренъ былъ вчерашняго числа торжествовать тезоименитство вашего императорскаго величества и дѣлалъ къ тому приготовленія, особенно намѣренъ былъ для подлаго народа пустить вино; но нѣкоторые изъ здѣшнихъ мнѣ сказывали, будто король для того аудіенцію откладывалъ, чтобъ я не устраивалъ этого торжества, и особенно чтобъ подлаго народа не ласкалъ; хотя я королевскаго намѣренія подлинно не знаю, но какъ только я объ этомъ услышалъ, тотчасъ распустилъ слухъ, что торжество отложено, и будетъ устроено дней десять спустя послѣ аудіенціи. Иначе мнѣ было сдѣлать нельзя, потому что ни одна дама ко мнѣ не поѣхала бы, пока я не сдѣлалъ бы имъ визитовъ; а визитовъ частнымъ лицамъ прежде королевской аудіенціи сдѣлать нельзя.

29 ноября была наконецъ аудіенція. Для произведенія сильнаго впечатлѣнія, Долгорукій подарилъ золотую шпагу королевскому капитану, который привезъ его на яхтѣ, капитанъ-поручику серебряную посуду, рядовымъ матросамъ далъ по два червонныхъ, унтеръ-офицерамъ по шести. Всѣ остались очень довольны; шпагу король велѣлъ принести къ себѣ и разсматривалъ. «Мое намѣреніе, доносилъ Долгорукій, чтобъ короля, и особенно Горна, который здѣсь всемогущъ, отвратить отъ англійской стороны; если же этого нельзя, то, по крайней мѣрѣ, смягчить, чтобъ на нынѣшнемъ сеймѣ не приступили къ ганноверскому союзу; для того я намѣренъ къ Горну привязаться всевозможными способами, чтобъ увидать, нельзя ли какъ-нибудь съ нимъ сдѣлать по моему намѣренію; но и другихъ способовъ помѣшать союзу не упущу. До сихъ поръ король обходится со мною милостиво и говоритъ со мною чаще, чѣмъ съ другими, однако о постороннихъ дѣлахъ; у Горновой жены я дважды былъ, и тутъ видѣлъ Горна одного, началъ съ нимъ говорить о дѣлѣ, но окончить не могъ. Баронъ Спаръ, министръ шведскій при дворѣ англійскомъ, нарочно изъ Англій пріѣхалъ сюда для сейма; какъ мнѣ сказано, король англійскій далъ ему 5000 фунтовъ стерлинговъ для склоненія здѣсь къ союзу. Я не разъ говорилъ съ нимъ противъ союза, бывали разговоры болѣе часа и споры великіе; потомъ Спаръ у меня обѣдывалъ, и я у него однажды. Это мое поведеніе относительно короля, Горна и Спара возбудило было по-

дозрѣніе въ нѣкоторыхъ изъ доброжелательныхъ; но я главнымъ изъ нихъ объяснилъ, для чего я то дѣлаю и что я присланъ не праведныхъ спасти, а грѣшныхъ: не смогу ихъ оттянуть къ моей сторонѣ, то, быть-можетъ, наведу на нихъ подозрѣніе у ихъ единомышленниковъ тѣмъ, что они со мною ласково обходятся. Противная сторона очень сильна, особенно Горномъ и дворомъ; англійскія деньги, говорятъ, раздаются здѣсь въ большомъ количествѣ, не только частнымъ людямъ, но и самъ король, говорятъ, получаетъ пенсію отъ англійскаго короля; Горнъ, говорятъ, получилъ 160,000 рублей; а доброжелательная партія очень слаба и состоитъ изъ людей робкихъ, поэтому я принужденъ здѣсь сильнѣе дѣйствовать и говорить, ибо преданные намъ люди говорить не смѣютъ, главные болѣе другихъ опасаются. Король пригласилъ меня ѣздить съ нимъ на медвѣжью охоту, и я приготовился; мнѣ сказали, что это знакъ милости и что всего удобнѣе говорить съ его величествомъ о дѣлахъ во время охоты. Здѣшній дворъ несравненно хуже датскаго, начиная съ главныхъ, большинство люди посредственные, а есть такіе, что съ трудомъ и говорятъ. Горнъ оказался мнѣ человѣкъ острый и лукавый: надобно съ нимъ будетъ обходиться умѣючи и зацѣплять его тѣмъ, къ чему онъ склоненъ и что ему надобно, а силою одолѣть его очень трудно. Здѣшній сеймъ очень похожъ на ярмарку: всѣ торгуются и одинъ про другаго рассказываетъ, кому что дано; только смотрятъ, чтобъ на судѣ нельзя было изболѣчить, ибо наказаніе — смертная казнь».

Только 13 декабря Долгорукій началъ праздновать именины императрицы: въ этотъ день обѣдали у него сенаторы, иностранные министры и другія знатныя особы съ женами, а 15 числа былъ балъ и *маскара*: начался въ 5 часовъ пополудни и кончился въ 5 часовъ полночи; позвано было 500 человѣкъ обоого пола, всѣ безъ исключенія, которые могли входить въ «знатныя компаніи», и всѣ ужинали; графиня Горнъ и Делагарди были выбраны — одна королевою бала, а другая вице-королевою; послѣ ужина хозяинъ послалъ спросить обѣихъ дамъ, примутъ ли онѣ отъ него подарокъ, но обѣ отказались.

Ни обѣдъ, ни балъ съ маскарой не помогали. Когда Долгорукій потребовалъ конференцій, то для переговоровъ съ нимъ назначили людей противной партіи, которые спрашивали: для чего

въ нынѣшнемъ году такъ сильно вооружили русскій флотъ? Зачѣмъ приведено 40,000 войска въ Петербургъ? Зачѣмъ готовили сухари съ такою поспѣшностію, что не было ни одного лучшаго дома, чтобы ихъ не пекли? Жаловались, что слышали не только словесныя, но и письменныя угрозы со стороны русской государыни. Тѣ изъ приверженцевъ ганноверскаго союза, которые не хотѣли разрывать и съ Россіею, толковали, что эта держава не имѣетъ никакой причины считать вступленіе Швеціи въ ганноверскій союзъ такимъ противнымъ для себя дѣломъ, потому что Швеція, находясь въ дружбѣ съ англійскимъ королемъ, можетъ черезъ него добиться удовлетворенія герцогу голштинскому въ шлезвигскомъ дѣлѣ и примирить Россію съ Англіею. Главами ганноверской партіи были Горнъ, Делагарди и Фонъ-Кохенъ. Двое послѣднихъ, по словамъ Долгорукаго, готовы, какъ раскольники, отдать съечъ себя живыми за короля англійскаго; а Делагарди, какъ говорили, получалъ изъ Англіи ежегодную пенсію въ 4000 фунтовъ. Горнъ побѣхалъ на Святки въ деревню и взялъ съ собою двоихъ лучшихъ членовъ секретной комиссіи, Белке и Левенгаупта, чтобъ уговаривать ихъ къ ганноверскому союзу: одному обѣщаль деревню въ бременской области въ 30,000 рублей, другому фельдмаршалскій жезлъ.

Англійская или ганноверская партія перевѣшивала по тому, что въ ней были способные и энергичные люди, чего недоставало русской партіи. Ганноверская партія не пренебрегала никакими средствами: въ залу, гдѣ собиралась секретная комиссія, подкинута было извѣщеніе о заговорѣ, цѣлю котораго лишить короля и королеву престола и возвести на него герцога голштинскаго, при чемъ прописаны были имена заговорщиковъ — членовъ русской партіи. Людей, не принадлежавшихъ ни къ какой партіи, застращиваніями заставляли приставать къ ганноверской; однимъ внушали, что когда герцогъ голштинскій будетъ возведенъ на престолъ, то у нихъ отберуть ихъ земли и раздадутъ другимъ, указывая кому именно раздадутъ; другимъ шептали, что отнимутъ у нихъ чины. «Я никакъ не думалъ встрѣтить здѣсь такіа затрудненія, писалъ Долгорукій въ январѣ 1727 года: главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что всѣ важныя дѣла рѣшаются въ секретной комиссіи, а съ членами ея говорить никакъ нельзя, потому что имъ подъ присягою запрещено сноситься съ

иностранными министрами; король въ разсужденія о важныхъ дѣлахъ не входитъ, а съ вельможами, которые хотять приступить къ ганноверскому союзу, говорить нечего: легче турецкаго муфтію въ христіанскую вѣру обратить, чѣмъ ихъ отвлечь отъ ганноверскаго союза; всякое дѣло и слово надобно закаулками проводить до того мѣста, гдѣ оно надобно». Въ началѣ февраля Долгорукій писалъ: «были у меня двѣ особы изъ доброжелательныхъ и ради самого Бога просили, чтобъ я именемъ вашего величества обѣщаль субсидіи, ибо только однимъ этимъ способомъ можно помѣшать акцессіи; Горнъ беретъ верхъ только представленіемъ, что Швеція находится въ крайней бѣдности, а король англійскій обѣщаетъ субсидію безусловно». Долгорукій находился въ затруднительномъ положеніи: онъ имѣлъ указъ обѣщаль субсидіи только въ томъ случаѣ, когда бы Швеція согласилась, вмѣстѣ съ Россією, вступить въ шлезвигское дѣло; но если упомянуть объ этомъ условіи, то можно было все дѣло испортить, ибо придворная партія закричала бы, что Россія вовлекаетъ Швецію въ войну; сказать неопредѣленно, что получать субсидіи, если вступять съ Россією въ какое-нибудь общее дѣло для собственной пользы, стануть привязываться, въ чемъ состоитъ эта общая польза; а если не объявить точно и опредѣленно, то стануть говорить, что русскій посланникъ ихъ только обманываетъ для отвлеченія отъ акцессіи. «Дѣло такое трудное, писалъ Долгорукій, что я до сихъ поръ не найду къ нему приступа». Долгорукій нашелъ такой приступъ, что обѣщаль неопредѣленныя субсидіи, но не получилъ никакого отвѣта на свое предложеніе.

Въ мартѣ ганноверская партія достигла своей цѣли. Нѣкоторые члены секретной комиссіи, взявшіе русскія деньги, противились акцессіи; Горнъ рѣшился перекупить ихъ, и дня въ три уладилъ дѣло; небогатымъ купцамъ и сельскимъ священникамъ дали по пяти сотъ и по тысячѣ червонныхъ. Употребивши это могущественное средство, Горнъ держалъ членовъ секретной комиссіи отъ семи часовъ утра до восьми пополудни, и довелъ дѣло до того, что, вмѣсто удовлетворенія герцогу голштинскому за Шлезвигъ, чего прежде упорно требовала комиссія, согласились довольствоваться одними добрыми услугами Франціи и Англии, и тутъ ограничились словесными обѣщаніями, потому что ми-

вистры французскій и англійскій отказались внести этотъ пунктъ въ договоръ, ибо короли ихъ обязались прежде удерживать Плезвигъ за Данією; согласились отпустить за границу шведскія войска, въ числѣ 8000, на помощь Англии и Франціи, которыя за это обѣщали платить субсидіи въ продолженіи трехъ лѣтъ, и платить каждый годъ впередъ по 200,000 червонныхъ; но шведское правительство просило по 300,000 червонныхъ въ годъ, и въ продолженіи всего времени, пока договоръ будетъ въ силѣ. На этомъ дѣло остановилось. Долгорукій совѣтовался съ цесарскимъ и голштинскимъ министрами, какія теперь употребить послѣднія средства для удержанія Швеціи отъ акцессіи, и не могли ничего придумать кромѣ денегъ. Долгорукій обѣщаль съ русской стороны платить ежегодно по сту тысячъ рублей въ продолженіи трехъ лѣтъ, да столько же обѣщаль цесарскій министръ отъ своего государя.

Но и это не помогло: акцессія была принята; король и сенатъ согласились на нее. Чтобъ истощить всѣ средства сопротивленія, Долгорукій и Фрейтагъ, цесарскій министръ, раздали еще 4000 червонныхъ, чтобъ произвести, по крайней мѣрѣ, сильный крикъ въ полномъ собраніи сейма: «Мало надежды, писалъ Долгорукій, чтобъ могли передѣлать, когда уже сдѣлано; однако увидимъ, что тотъ крикъ произведеть?»

Крикъ не произвелъ ничего: акцессія прошла окончательно на сеймѣ. Но Долгорукаго, привыкшаго при Петрѣ къ уваженію, съ какимъ относились къ могущественной Россіи, особенно оскорбило невниманіе шведскихъ вельможъ къ предложеніямъ представителя русской императрицы. «При другихъ дворахъ, къ которымъ я былъ посыланъ, такихъ необыкновенныхъ и гордыхъ поступковъ не видѣлъ, писалъ онъ въ Петербургъ. Хотя я знатныя субсидіи отъ вашего величества и отъ цесаря обѣщаль, однако здѣшніе правители не только не отвѣчали учтивою благодарностію, но даже не отозвались ни однимъ словомъ. По такимъ здѣшняго двора гордымъ поступкамъ, видится, не прилично мнѣ здѣсь быть въ характерѣ, въ какомъ я сюда присланъ.» Въ концѣ марта Долгорукій писалъ: «По всѣмъ поступкамъ королевскимъ и Горновымъ и ихъ партіи видится, что они мыслятъ о войнѣ противъ Россіи; а безъ такого намѣренія, какъ нагло и гордо презря обязательство съ вашимъ императорскимъ

величествомъ, акцессіи они-бъ не учинили и въ такое тѣсное обязательство съ королемъ англійскимъ не вошли, особенно въ то время, когда онъ вамъ непріятель; и если они вскорѣ войны не начнутъ, то конечно за недостаткомъ и невозможностію; но на все это совершенно положиться нельзя, ибо, какъ я слышу, усиленно и неусыпно трудятся экономію и государственные доходы, какъ возможно, лучше исправить, войско, флотъ и все нужное къ войнѣ въ доброе состояніе привести. Поэтому, для всякаго опаснаго случая, нужно Выборгъ снабдить гарнизономъ, артиллерією, амунициєю и провіантомъ. Ежели ваше императорское величество повелите войска къ Выборгу или къ рубежамъ финляндскимъ послать, всенокорно прошу, прежде нежели войска посланы будутъ, повелѣть меня отсюда отозвать, чтобъ я успѣлъ выѣхать; а ежели здѣсь увѣдаютъ, что войска къ рубежамъ идутъ, то по нынѣшнимъ здѣшнимъ поступкамъ можно опасаться, что меня здѣсь удержатъ, о чемъ одинъ изъ друзей моихъ уже мнѣ и говорилъ.» Въ секретнѣйшей реляціи Долгорукой доносилъ, что, такъ какъ графъ Горнъ былъ единственнымъ виновникомъ приступленія Швеціи къ ганноверскому союзу, то нельзя не предвидѣть его замысловъ, которые клонятся къ возвращенію завоеванныхъ Россією провинцій и къ доставленію со временемъ шведской короны англійскому принцу; нѣкоторые изъ доброжелательныхъ Россіи лицъ желаютъ, чтобъ къ Выборгу скорѣе были присланы русскія галеры съ 20,000 войска подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Голицына, дабы этимъ способомъ принудить къ созванію новаго сейма и къ выбору новаго маршала вмѣсто Горна, уничтожить союзъ съ англійскимъ королемъ и утвердить прежній союзъ съ Россією.

10 апрѣля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали о шведскихъ дѣлахъ. Понятно было сильное безпокойство герцога голштинскаго, у котораго стокгольмскія событія грозили отнять надежду на наслѣдство шведскаго престола и на возвращеніе Шлезвигъ. Герцогъ говорилъ, что въ Петербургѣ находится шведскій капитанъ, который, за убійство своего соперника на поединкѣ, принужденъ былъ покинуть отечество и предлагаетъ съ четырьмя полками конницы завоевать всю Финляндію. Герцогъ потомъ совѣтовалъ министрамъ исполнить желаніе австрійскаго посланника графа Рабутина, пригласить его на конференцію и всѣ его

предложенія принимать на доношеніе императрицѣ; внушалъ, что бы не только на эту конференцію, но и на всѣ другія допускался съ его герцоговой стороны министръ его, графъ Бассевичъ. Наконецъ герцогъ совѣтоваль писать въ Швецію къ князю Долгорукому, требовать отъ него и отъ тамошнихъ доброжелателей мнѣнія, какъ Россіи поступить со Швеціею по случаю присоединенія ея къ ганноверскому союзу. Члены совѣта согласились, и Остерманъ сейчасъ же написалъ проектъ рескрипта Долгорукому; всѣ члены одобрили проектъ; одинъ Меншиковъ требовалъ добавить, чтобъ посоль взялъ отъ русскихъ доброжелателей списокъ ихъ имѣній, дабы въ случаѣ войны можно было шадить ихъ; но вопреки Меншикову, въ рескриптѣ написали, чтобъ Долгорукій увѣдомилъ, какъ велика партія доброжелательныхъ къ Россіи людей, предупредивъ ихъ, что приступленіе Швеціи къ ганноверскому союзу заставитъ Россію принять сильныя мѣры, и требовалъ ихъ согласія на это.

Но прежде полученія этого рескрипта, Долгорукій объяснилъ главную причину, почему въ Швеціи рѣшились порвать съ Россіею и съ такимъ презрѣніемъ относились къ представленіямъ ся посланника. «Горнъ и его партія, писалъ Долгорукій отъ 13 апрѣля, всякому внушаютъ, что за акцессію отъ стороны вашего величества ни малѣйшаго опасенія нѣтъ и впредь не будетъ; а нынѣ въ самомъ крайнемъ секретѣ мнѣ сказано, что шведскій министръ Цедеркрейцъ, который при дворѣ вашего императорскаго величества, въ реляціи своей писалъ, будто при дворѣ вашего императорскаго величества между нѣкоторыми изъ главныхъ особъ великія несогласія; ту его реляцію читали въ секретной комиссіи, и король съ Горномъ и со всею его партіею очень обрадовались, и разсуждаютъ, что по причинѣ этихъ несогласій ни малѣйшей опасности съ русской стороны коронѣ шведской быть не можетъ. Отъ другихъ слышу, что и въ частныхъ письмахъ о томъ сюда пишутъ, и это производитъ здѣсь немалую радость и безопасность». Въ этомъ донесеніи Долгорукій говорилъ неопредѣленно о великихъ несогласіяхъ между главными лицами; но гораздо опредѣленнѣе писалъ онъ Меншикову еще въ декабрѣ 1726 года: «Для собственнаго вашей свѣтлости извѣстія не хотѣлъ я преминуть, не увѣдомя вашу свѣтлость: сказывали мнѣ чловѣкъ пять или шесть, всякій за секретъ, что

писалъ сюда шведскій министръ Цедеркрейцъ, будто онъ имѣлъ съ вами разговоръ, въ которомъ будто вы изволили ему дать знать, что здѣшняя акцессія не весьма противна ея императорскому величеству будетъ, ежели корона шведская можетъ исхоратайствовать его королевской свѣтлости (герцогу голштинскому) удовольствіе въ дѣлѣ шлезвигскомъ. Тотъ разговоръ, какъ я слышу, противная партія въ пользу себѣ толкуетъ. Прошу вашу свѣтлость содержать сіе тайно, а особливо не объявлять, что я вамъ доносилъ; я не хотѣлъ преминуть, чтобъ по должности моей вашу свѣтлость о семъ не увѣдомить». Въ послѣдствіи было узно о письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену, гдѣ свѣтлѣйшій князь увѣрялъ, что русскіе министры въ Стокгольмѣ дѣйствуютъ противъ акцессіи только для вида, изъ угожденія новому союзу съ цесаремъ; что онъ, Меншиковъ, имѣя въ рукахъ войско, не допуститъ до войны; что здоровье императрицы очень слабо, и чтобы, въ случаѣ ея кончины, пріятельскія внушенія его не были забыты въ Швеціи, когда ему понадобится какая-нибудь помощь. Меншиковъ сообщалъ Цедеркрейцу о всемъ, происходившемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, за что получилъ черезъ него англійскими деньгами 5000 червонныхъ²⁵.

Голштинское дѣло сообщало особенное значеніе отношеніямъ Россіи къ Даніи. Когда въ Копенгагенѣ получено было извѣстіе о кончинѣ Петра, то произвело неописанную радость; по словамъ резидента, Ал. Петр. Бестужева: «Изъ первыхъ при дворѣ яко генерально и всѣ подлые съ радости опилися было». Королева въ тотъ же день въ четыре церкви для нищихъ и въ госпитали послала тысячу ефимковъ подъ предлогомъ благодарности Богу за выздоровленіе короля; но въ городѣ повсюду говорили, что королева благодарила Бога за другое, потому что король выздоровѣлъ уже недѣлю тому назадъ, да и прежде король часто и опаснѣе болѣлъ, однако королева ни гроша ни въ одну церковь не посылала. Только король велъ себя прилично и сердился на тѣхъ, которые обнаруживали нескромную радость. Радость эта происходила отъ того, что ожидали смуты въ Россіи; уже мечтали о томъ, что цесарь дастъ королю инвеституру и гарантію на Шлезвигъ, и оба двора, какъ вѣнскій такъ и копенгагенскій, обяжутся доставить русскій престолъ великому князю Петру Алексѣевичу, что легко будетъ сдѣлать, потому

что Шведы, Поляки и Турки воспользуются смутою для своихъ выгодъ. Восторгъ прекратился, когда слѣдующая почта привезла извѣстіе, что Екатерина признана самодержавною императрицею безо всякой смуты. Въ высшихъ кругахъ, впрочемъ, еще не теряли надежды на смуту: камергеръ Габель говорилъ публично и рѣшительно, что черезъ три мѣсяца получитъ извѣстіе о страшной смутѣ въ Россіи. Въ этомъ ожиданіи и въ надеждѣ на то, что Россія во всякомъ случаѣ будетъ занята персидскими, турецкими и польскими (по поводу торнской смуты) дѣлами, королевская фамилія со всѣмъ дворомъ находилась «въ добромъ и веселомъ гуморѣ» и въ подлѣйшей безопасности, такъ что Бестужевъ писалъ, что теперь самое удобное время предпринять что-нибудь въ пользу герцога голштинскаго. Даже извѣстіе, что русскій флотъ готовится къ походу, не произвело впечатлѣнія; при дворѣ говорили: «мы уже привыкли, что русскій флотъ каждое лѣто воду мутитъ, выходя въ море для обученія компасу и навигаціи».

Но въ маѣ «добрый и веселый гуморъ» исчезъ по тревожнымъ вѣстямъ изъ Петербурга отъ датскаго резидента при тамошнемъ дворѣ, Вестфалена: пушки, которыя было уже начали свозить съ кораблей въ арсеналь, опять поворотили на корабли, которые были приготовлены наспѣхъ безъ достаточнаго числа матросовъ. Слабая Данія находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи: Англія и Франція предлагали помощь противъ Россіи, но за то требовали вступленія въ ганноверскій союзъ; а съ другой стороны присылалъ цесарь съ обѣщаніями дѣйствовать въ пользу Даніи, если она обяжется не давать никому своихъ войскъ, кромѣ него, за субсидію; нужна была помощь Англіи и Франціи, и страшно было отвергнуть предложеніе цесаря, который могъ соединиться съ Россіею и Швеціею. Рѣшили тянуть время, и если съ русской стороны не будетъ нападенія, то не вступать ни съ кѣмъ въ обязательства, при первомъ же появленіи русскаго флота у датскихъ береговъ вступить въ союзъ съ Англіею и Франціею. Но ганноверскіе союзники не могли успокоиться на такомъ рѣшеніи Даніи; они представляли, что бояться нечего, если она вступитъ въ ихъ союзъ: Пруссія и Голландія въ числѣ союзниковъ, Швецію уговорятъ непременно приступить къ нему; съ другой стороны, Англія и Франція употребятъ всѣ усилія

поднять Турокъ противъ Россіи, противъ которой вооружится и Швеція для возвращенія завоеванныхъ у нея провинцій.

Осенью, когда русскій флотъ возвратился въ Ревель Бестужевъ имѣлъ разговоръ съ канцлеромъ графомъ Гольстомъ: «Для чего, говорилъ резидентъ, Данія каждый годъ тратится на вооруженіе флота по ложнымъ внушеніямъ, будто русскій флотъ выходитъ изъ своихъ гаваней съ враждебными противъ Даніи намѣреніями; кажется датскій дворъ можетъ ясно видѣть, что русскій флотъ выходитъ въ море только для упражненій». — «Что же дѣлать? отвѣчалъ Гольстъ: мы не можемъ помѣшать, чтобъ русскій флотъ не выходилъ въ море для упражненій, а между тѣмъ ежегодный выходъ его возбуждаетъ здѣсь подозрѣнія и мы не можемъ не предпринимать мѣръ предосторожности». — «Лучше было бы обоимъ государямъ вступить въ соглашеніе; этимъ средствомъ Данія скорѣе достигнетъ безопасности, чѣмъ вступленіемъ въ разные союзы», замѣтилъ Бестужевъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что Данія ни въ какіе союзы не вступаетъ, и предпочитаетъ дружбу русской государыни, желая возобновить ее и утвердить древнимъ союзомъ. «Датская дружба, говорилъ Гольстъ, для Россіи надежнѣе, чѣмъ какая-нибудь другая; притворство другой новой дружбы современемъ окажется, когда Турки вооружатся противъ Россіи; Данія же всегда желала, чтобъ Россія была сильнѣе своихъ сосѣдей; для собственныхъ интересовъ Данія не можетъ соперничать съ Россіею». Пріятели внушали Бестужеву, что если оберъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ фонъ Гагену дать тысячу червонныхъ и четыре тысячи посулить, да канцлеру графу Гольсту посулить 20,000 червонныхъ, то эти деньги болѣе принесутъ пользы герцогу голштинскому, чѣмъ 50 русскихъ линейныхъ кораблей въ Балтійскомъ морѣ, потому что датскій король охотнѣе вступить въ соглашеніе съ Россіею и останется нейтральнымъ, чѣмъ пристанетъ къ какой-нибудь сторонѣ. Но въ Россіи считали дѣломъ очень труднымъ уладиться съ датскимъ дворомъ насчетъ шлезвигскаго дѣла, и не хотѣли тратиться попустому; ждали, чтобъ Данія сдѣлала первый шагъ и указала какой-нибудь выходъ изъ затрудненія.

Весною 1726 года на Датскихъ водахъ явился англійскій флотъ, и Бестужевъ примѣтилъ, что король и весь дворъ чрезвычайно обрадовались гостямъ, избавлявшимъ ихъ отъ безпокойства на-

счетъ прогулки русскаго флота. Ганноверскій министръ, Ботмаръ, встрѣтившись при дворѣ съ Бестужевымъ, спросилъ его: видѣлъ ли онъ англійскій флотъ? и сталъ хвалить его: «прекрасный флотъ!»—«Этого флота я еще не видалъ, отвѣчалъ Бестужевъ: но тотъ флотъ, который въ 1721 году возвращался отъ береговъ Швеціи въ Англію, я видѣлъ; зачѣмъ теперь флотъ сюда пришелъ: развѣ гдѣ нибудь война?»—«Въ Петербургѣ дѣлаются большіи военныя приготовленія», сказалъ Ботмаръ. Бестужевъ отвѣчалъ ему, что по адмиралтейскому Уставу Петра Великаго треть флота ежегодно должна выходить въ море для упражненій. — «Вездѣ слышно объ угрозахъ, которыя переносить нельзя», возразилъ Ботмаръ. Бестужевъ доносилъ въ Петербургъ, что съ появленіемъ англійскаго флота всѣ стали чуждаться его резидента, какъ зачумленнаго.

Осенью англійская эскадра возвратилась, не тронувши русскаго флота. Это обстоятельство и союзъ Россіи съ Австріею удержали Данію отъ приступленія къ ганноверскому союзу; и когда весною 1727 года англійская эскадра опять появилась на датскихъ водахъ, и англійскій адмиралъ требовалъ, чтобъ датскій флотъ соединился съ его флотомъ, то получилъ отказъ: при этомъ Бестужевъ узналъ о донесеніяхъ Вестфалена изъ Петербурга, что съ русской стороны не будетъ противъ Даніи никакого непріятельскаго поступка ²⁶.

Пруссскій король Фридрихъ Вильгельмъ 1-й прослезился, когда графъ Александръ Головкинъ объявилъ ему о кончинѣ Петра, и увѣрялъ, что будетъ продолжать дружбу и къ его преемницѣ: «Я по смерти своего дражайшаго друга хочу показать свою вѣрность», сказалъ король, и сталъ носить трауръ даже въ Потсдамѣ, чего никогда не дѣлывалъ; всѣмъ велѣлъ носить трауръ четверть года, тогда какъ по другихъ государяхъ носили только шесть недѣль. На вопросъ своего посланника въ Петербургѣ Мардефельда, какъ ему носить трауръ? король отвѣчалъ: «Какъ по мнѣ». Головкинъ писалъ императрицѣ: «При нынѣшнихъ конъюнктурахъ надобно дорожить дружбою короля прусскаго, и если ваше величество изволите принять какія нибудь мѣры къ продолженію взаимной дружбы, то имѣю надежду успѣть въ этомъ, особенно если со стороны вашего величества будетъ сдѣлано королю что нибудь угодное, именно присылкою нѣсколькихъ ве-

ликановъ, потому что этимъ способомъ и при блаженной памяти императоръ важныя дѣла были исправлены; и другія государства этимъ же способомъ его склоняють». Король самъ предложилъ заключить оборонительный союзъ между Россією и Пруссією, и особенно обращалъ вниманіе Екатерины на Польшу: «Надобно намъ между собою ближайшимъ образомъ согласиться, говорилъ онъ Головкину; надобно откровенно другъ другу объявить свое мнѣніе, ибо легко можетъ случиться, что король польскій осуществитъ свои вредные замыслы, и тогда трудно и поздно будетъ препятствовать, надобно заранѣе обо всемъ между собою согласиться: не даромъ саксонскіе полки готовятся, какіе нибудь злые замыслы имѣють». Фридрихъ Вильгельмъ велѣлъ объявить саксонскому посланнику, что если черезъ девять дней саксонскій дворъ не объявитъ подлиннаго намѣренія о приготовленіяхъ своихъ войскъ, то прусское войско соберется при саксонской границѣ. «Если Саксонцы, говорилъ король Головкину, не смотря на то, вступятъ въ свои лагери близъ моихъ границъ, то я прямо на нихъ пойду, и потому что сдѣлается, не я буду виновать, и всѣ потери съ нихъ требовать буду. Саксонцы такой народъ, что имъ отнюдь ни въ чемъ вѣрить нельзя; но еслибъ какое другое сосѣднее государство войско свое собирало, напримеръ, еслибъ вашихъ войскъ собралось хотя бы сто тысячъ при самыхъ моихъ границахъ, то я бы ни малѣйшаго подозрѣнія не имѣлъ, потому что я ничего отъ васъ не опасаюсь».

Саксонскій дворъ уступилъ и велѣлъ своему посланнику объявить Фридриху Вильгельму, что не будетъ больше собирать полковъ на бранденбургскихъ границахъ. Король успокоился; но лѣтомъ 1725 года пришла грамота отъ англійскаго короля, что Россія вооружаетъ флотъ противъ Даніи въ пользу герцога голштинскаго, и потому Пруссіи, гарантировавъ Даніи Шлезвигъ, обязана помочь и въ этомъ случаѣ дипломатическимъ путемъ, а въ случаѣ нужды и войскомъ. Отвѣтная грамота прусскаго двора была «въ генеральныхъ и прикрытыхъ терминахъ, чтобы англійскій дворъ не могъ ни за явный отказъ, ни за обѣщаніе принять». Но Европа подѣлилась на два союза—англо-французскій и австро-испанскій; Фридрихъ Вильгельмъ отправился въ Ганноверъ для свиданія съ англійскимъ королемъ, и, по возвращеніи, объявилъ Головкину: «Такъ какъ вѣнскій дворъ съ Испанією всту-

пилъ въ тѣсный союзъ, и другія католическія державы къ этому союзу приглашаетъ, то король англійскій нашелъ нужнымъ образовать другой сильный союзъ, и я вступилъ въ этотъ союзъ, который имѣетъ главною цѣлю сохраненіе вестфальскаго и оливскаго договоровъ; но увѣряю васъ, что въ этомъ новомъ союзѣ нѣтъ ничего предосудительнаго русскимъ интересамъ, и всѣ желаютъ, чтобъ и Россія въ него вступила, того же особенно желаю и я. Россія не приступала къ ганноверскому союзу; но это не мѣшало Фридриху Вильгельму сохранять съ нею дружественныя отношенія; онъ объявлялъ, что съ Англіею и Франціею онъ только въ оборонительномъ союзѣ, и очень радъ быть въ такомъ же союзѣ съ Россіею. «Когда мы, говорилъ король, съ покойнымъ императоромъ русскимъ въ доброй дружбѣ были, то изрядную фигуру дѣлали».

Въ мартѣ 1726 года прусскіе министры предложили Головкину, не угодно ли будетъ русскому двору посредничество прусскаго для отстраненія препятствій, мѣшающихъ Россіи приступить къ ганноверскому союзу, и такъ какъ главное препятствіе состоитъ въ требуемомъ Россіею вознагражденіи герцогу голштинскому за Шлезвигъ, то прусскій король предлагаетъ отдать герцогу Курляндію. Головкинъ отказался принять это предложеніе на доношеніе, сообразивъ, что: 1) онъ ничего не знаетъ о намѣреніи императрицы относительно Курляндіи; 2) герцогъ голштинскій уже разъ не согласился на это предложеніе, сдѣланное ему прямо берлинскимъ дворомъ; 3) дѣло можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на Поляковъ. Въ Петербургѣ были очень довольны поступкомъ Головкина: «сей поступокъ весьма апробуется, и впредь такимъ же способомъ отъ того уклонялся бы». Дружескія сношенія петербургскаго двора съ вѣнскимъ сильно безпокоили Фридриха Вильгельма; но Головкинъ относительно австрорусскаго союза говорилъ ему то же, что король говорилъ о вступленіи своемъ въ ганноверскій союзъ: «Если и заключенъ будетъ какой нибудь договоръ, то въ немъ не будетъ ничего предосудительнаго для Пруссіи, а, можетъ быть, еще подастся случай выговорить что нибудь въ ея пользу». «Я желаю одного, отвѣчалъ король, чтобъ цесарь оставилъ меня въ покоѣ, тогда и я бы оставилъ его въ покоѣ; я потому и къ ганноверскому союзу приступилъ». Когда былъ присланъ изъ Петербурга давно желанный

проектъ союзнаго договора между Россіею и Пруссіею, то король, изъявляя готовность принять этотъ проектъ, повторялъ, что желаетъ посредствомъ Россіи получить отъ вѣнскаго двора обнадеживаніе, что дворъ этотъ не только не будетъ дѣлать впередъ никакихъ противностей Пруссіи, но и будетъ ей благопріятствовать. «Другіе меня вовсе оставятъ, а съ цесарскимъ дворомъ у меня не гораздо большая гармонія, поэтому-то я и желаю получить письменное обнадеженіе отъ цесарскаго двора, что онъ фаворабельнымъ ко мнѣ себя покажетъ, и тогда дѣла основательно поведены быть могутъ. По нынѣшней ситуаци дѣлъ въ Европѣ легко можетъ война произойти, а мои земли въ серединѣ стали, и легко можетъ театрумъ войны въ моихъ земляхъ быть, и я все думаю, какъ бы это добрымъ способомъ отъ себя отвести».

Таковы были вѣшнія отношенія Россіи при Екатеринѣ I. Мы видѣли, какъ въ разныхъ странахъ, враждебныхъ новой имеріи, обрадовались при извѣстїи о неожиданной, преждевременной смерти великаго царя. Ожиданія были обмануты: внутренней смуты въ Россіи не послѣдовало; несмотря на то, Россія находилась въ затруднительномъ положенїи; русскіе люди прежде всего требовали отдыха, и не было болѣе человѣка, который могъ возбуждать ихъ къ постоянной дѣятельности; вниманіе было поглощено внутренними дѣлами, тяжелою разборкою въ матеріалахъ преобразованія, финансовыми затрудненіями. Хотѣли поскорѣе развязаться съ войною персидскою, особенно въ ожиданїи войны турецкой и столкновенїи западныхъ. Смерть Петра произвела свое дѣйствіе: къ Россіи обращались уже не съ такимъ уваженіемъ, какъ въ послѣднее время предшествовавшаго царствованія; англійскій флотъ сторожилъ русскіе берега, и теперь надъ нимъ не насмѣялись такъ, какъ насмѣялся Петръ опустошеніемъ шведскихъ береговъ; въ Швеціи русская партія поникла; въ дѣлахъ курляндскихъ остерегались раздражить Польшу. Но и Западная Европа, съ своей стороны, боялась войны: противъ союза ганноверскаго образовался союзъ австро-испанскій, къ которому естественно примкнула Россія и возстановила равновѣсіе. Дряхлый правитель Франціи, кардиналъ Флери, полный представитель одряхлѣвшей французской монархіи, сильно боялся, что австрійское войско будетъ подкрѣплено тридцати-тысячнымъ русскимъ корпусомъ; Англія также не хотѣла тратиться на войну, отъ ко-

торой не ждала непосредственныхъ для себя выгодъ, и довольствовалась тѣмъ, что защитила Данію; прусскій король боялся больше всего, чтобъ въ его землѣ не былъ театрумъ войны,— и Россія могла прожить въ мирѣ опасное время по смерти Петра Великаго, когда нужно было рѣшать столько важныхъ внутреннихъ вопросовъ, и прежде всего вопросъ о престолонаслѣдіи.

Приверженцы Екатерины, настоявши на возведеніи ея на престолъ, не рѣшали страшнаго для себя вопроса, а только отерочивали его рѣшеніе. «Не сомнѣваются, что при Екатеринѣ дѣла пойдутъ хорошо, но сердца всѣхъ за сына царевичева», писалъ саксонскій посланникъ Лефортъ къ своему двору. Легко было возвести на престолъ Екатерину во время малолѣтства великаго князя Петра, но неужели этотъ единственный мужескій представитель династіи, относительно правъ котораго нельзя было назвать нималѣйшаго сомнѣнія, и въ лѣтахъ совершенныхъ будетъ отстраненъ въ пользу одной изъ дочерей Екатерины? Мужескій потомокъ царей будетъ отстраненъ въ пользу женщины, которая выйдетъ за мужъ или за иностраннаго принца, или за русскаго, своего подданнаго—въ обоихъ случаяхъ неудобство громадное. Милостями и ласками Екатерина надѣялась привязать къ себѣ и къ своимъ дѣтямъ старыхъ вельможъ; но милости и ласки способны привязать къ правительству твердому; у слабаго же берутъ награды и озираются кругомъ, ища чего нибудь болѣе твердаго. При первомъ неудовольствіи вельможъ на правительство по поводу Меншикова, грозное имя великаго князя Петра переходило изъ устъ въ уста, и напуганному воображенію уже представлялась украинская армія,двигающаяся къ Петербургу подъ начальствомъ любимаго вождя, князя Михаила Михайловича Голицына. Неудовольствіе вельможъ, при разрозненности стремленій ихъ къ личнымъ выгодамъ, одно могло быть и не опасно; но опасно оно было тѣмъ, что находило поддержку въ огромномъ большинствѣ народа, для котораго было невысказано отстраненіе Петра II-го въ пользу тетки, какъ невысказано было прежде отстраненіе Петра I-го въ пользу сестры. Событія конца прошлаго вѣка были въ свѣжей памяти у всѣхъ, и для всѣхъ ясны были причины паденія царевны Софьи. Поминовеніе въ церквахъ обѣихъ цесаревенъ прежде великаго князя Петра Алексѣевича, какъ намекъ на отстраненіе послѣдняго, первенство герцога голштинскаго

предъ великимъ княземъ при погребеніи Петра Великаго, хвастовство Бассевича, что онъ возвелъ Екатерину на тронъ и держитъ ее въ своихъ рукахъ—возбуждали сильное неудовольствіе, которое начало высказываться подметными письмами. Послѣ 2 апрѣля 1726 года присутствія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не было двѣ недѣли: императрица была потревожена подметными письмами, направленными противъ постановленія, по которому царствующій государь имѣлъ право назначать себѣ преемника. Подозрѣвали, что эти подметныя письма есть дѣло людей значительныхъ; министры совѣтовались между собою на словахъ, и каждый изъ нихъ лично изъяснялъ императрицѣ, какими, по его мнѣнію, способами можно оградить престолъ отъ потрясеній. Остерманъ подалъ письменное мнѣніе, въ которомъ всего лучше выставлено было затруднительное положеніе правительства въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Остерманъ предлагалъ, для примиренія интересовъ, женить великаго князя Петра Алексѣевича на цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Зная, что главнымъ препятствіемъ этому браку будетъ близость родства, Остерманъ писалъ: «Въ началѣ, при сотвореніи міра, сестры и братья посягали, и чрезъ то токмо человѣческій родъ распложался, слѣдовательно такое между близкими родными супружество отнюдь общимъ натуральнымъ и божественнымъ законамъ не противно, когда Богъ Самъ оное, яко средство міръ распространить, употреблялъ». Но для насъ важнѣе всего тѣ соображенія Остермана, изъ которыхъ оказывалась невозможность отстранить великаго князя въ пользу цесаревенъ: «Если же наслѣдство на одномъ изъ ея величества дѣтей или кровныхъ наслѣдниковъ, съ исключеніемъ великаго князя, установить, то всегда въ Россійскомъ государствѣ раздѣленія и партіи останутся, и можетъ какой бездѣльный, бѣдный и мизерабельный мужикъ, подъ фальшивымъ именемъ, однакожъ себѣ единомышленниковъ прибрать: чего же не можетъ государь при взрослыхъ лѣтахъ учинить, котораго рожденіе неложно и которое ему въ государствѣ не токмо многое почтеніе придаетъ, но и его многіе сродники знатные великую часть націи сочиняютъ, который такожъ и внѣ государства на римскаго цесаря, яко своего дядю, сильную подпору въ способное время уповать можетъ. Не можетъ такая мудрая императрица ни 12 человѣкъ изъ своихъ вельможъ въ соединеніи содержать: какже возможно

уповать, чтобъ по смерти ея принцессы, которыя въ правительствѣ гораздо не такъ обучены, безъ нападковъ и опасности остался? При которыхъ смятеніяхъ обѣ всего своего благоповеденія лишиться могутъ».

Но Остерманъ зналъ, что бракъ между Петромъ и Елисаветою не обезпечивалъ интересовъ дочерей Екатерины: Петръ могъ поступить съ своею женою подобно дѣду, развестись и заключить ее въ монастырь, тѣмъ болѣе, что оправданіе найти было легко: незаконность брака по причинѣ близкой степени родства. Въ избѣжаніе этого Остерманъ предлагалъ при заключеніи брака опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія: по смерти Екатерины на престолъ взойдетъ великій князь Петръ, а принцесса Елисавета получитъ въ наслѣдственное владѣніе провинціи, завоеванныя у Швеціи; въ случаѣ, если у нея кровныхъ наслѣдниковъ не будетъ, то эти провинціи поступаютъ во владѣніе наслѣдниковъ принцессы Анны Петровны, при чемъ тотъ изъ ея наслѣдниковъ, который будетъ призванъ на шведскій престолъ, не можетъ получить ихъ. Если и великій князь и принцесса Елисавета умрутъ бездѣтны, то они не должны располагать послѣ себя престоломъ, но должно опредѣлить, чтобъ находящійся тогда въ живыхъ наслѣдникъ принцессы Анны вступилъ на престолъ. Чтобъ принцесса Елисавета была безопасна во владѣніи завоеванныхъ провинцій, жители ихъ заблаговременно должны присягнуть обѣимъ принцессамъ, а находящіеся въ нихъ всѣ полки должны поклясться, что по смерти императрицы будутъ находиться въ послушаніи у принцессы Елисаветы. Весь народъ русскій и самъ великій князь должны подтвердить присягою это постановленіе; великій князь подтверждаетъ его вторично, когда придетъ въ совершенныя лѣта, и чтобы все получило надлежащее начало, принцесса Елисавета должна быть назначена немедленно губернаторомъ завоеванныхъ провинцій, какъ эрцгерцогиня австрійская была въ Брабантѣ; римскоцесарскій дворъ и Швеція должны гарантировать это постановленіе; всѣ члены императорской фамиліи должны его одобрить и съ присягою подписать. По словамъ Остермана, бракъ Петра съ Елисаветою примиритъ партіи, утишитъ смятенія, возвратитъ спокойствіе народу и поселитъ въ сосѣднихъ державахъ уваженіе къ Россіи ²⁸.

Въ этомъ проектѣ чрезвычайно ясно была выставлена невозможность отстранить великаго князя Петра въ пользу цесаревнѣ,

но, разумѣется, средство, предложенное Остерманомъ для соединенія интересовъ тетокъ и племянника, не могло быть принято: искушать русскій народъ бракомъ племянника на родной теткѣ было нельзя, и упрочивать незаконный, и потому легко расторгимый, бракъ прибалтійскими областями было бесполезно, ибо гарантіи чужихъ державъ не могли спасти ихъ отъ вторичнаго завоеванія, тѣмъ болѣе, что защищать ихъ отъ русскаго императора должны были—русскіе же полки! Екатеринѣ оставалось одно: настаивать на своемъ правѣ назначить себѣ преемника и предоставить дѣло времени, предоставить себѣ рѣшить его «смотря по конъюнктурамъ». Во всякомъ случаѣ нужно было заботиться о ближайшихъ интересахъ своихъ дочерей, и мы видѣли, какъ Екатерина хлопотала о возвращеніи Шлезвига герцогу голштинскому. Относительно второй дочери, цесаревны Елисаветы, желанный отцемъ и матерью бракъ ея съ королемъ французскимъ не состоялся; бракъ съ побочнымъ сыномъ Августа II-го, искателемъ приключеній Морицомъ, былъ слишкомъ непривлекателенъ. Явился женихъ болѣе приличный. Въ Петербургъ пріѣхалъ двоюродный братъ герцога голштинскаго, старшій родной братъ назначавшагося въ герцоги курляндскіе, Карль, титулярный епископъ Любскій, былъ обласканъ, получилъ орденъ св. Андрея и 5 (16) декабря 1726 года написалъ императрицѣ слѣдующее письмо: «Черезъ нѣкоторое время весь свѣтъ единому премудрому веденію всецѣдраго Бога удивлялся, по которому случилось, что его королевское высочество, государь герцогъ Карль Фридрихъ шлезвигъ-голштинскій, предъ нѣкоторыми лѣтами въ Россію пріѣхалъ, чтобъ ему здѣсь издавеча милостиво поданную сильную руку помощи нынѣ принять. Потомъ за благословеніемъ Божиимъ съ нимъ здѣсь толь счастливо учиненное кровное свойство есть тому явственное доказательство, что его королевское высочество самый тотъ путь нашелъ, чрезъ который Богъ опредѣлилъ его паки благословить, и его всему княжескому дому крѣпкую podporу ко вpredбудущему благоповеденію показать. При семъ его королевскому высочеству весьма увеселительно быть имѣть, что чрезъ нѣкоторое время взаимно въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ уже явственно оказалось, что съ нимъ учиненное соединеніе россійскому государству такожь свою превеликую пользу съ собою приносить и вpredъ тому еще вѣще полезнѣе быть имѣть. Сіи

разсужденія, всемилостивѣйшая императрица, такожъ и меня, яко его королевскаго высочества ближняго кровнаго сродника, возбудили, по его склонному совѣту, сюды прѣхать, чтобъ такъ о помянутомъ благословенномъ слѣдованіи нынѣ вкупѣ порадоваться возможи какъ и особливо счастье имѣти вашему императорскому величеству персонально знаему быть и вашу неоцѣненную превысочайшую милость въ глубочайшей покорности получить. И къ полученію оной съ Божіею помощію имѣю я толь навящшую надежду, понеже ваше императорское величество (за что пока всепокорнѣйше благодареніе воздаю) мнѣ чрезъ пожалованіе кавалеріи св. Андрея уже милостивый опытъ тому подали. Ежели же предвидѣніе всевысочайшаго Бога то такъ устроило, чтобъ я съ моей стороны не зналъ себѣ въ свѣтѣ вящаго счастья желать, какъ чтобъ и я удостоенъ быть могъ отъ вашего императорскаго величества вторымъ голстинскимъ сыномъ (für einen zweiten Holsteinischen Sohn) въ вашу императорскую высокую фамилію воспріяту быть. Можетъ быть отъ меня весьма смѣло učinено, что я дерзаю вашему императорскому величеству вдругъ такое откровенное представленіе чинить. Но ежели я въ томъ проступился, то ваше императорское величество да соизволитъ милостиво сіе мое преступленіе токмо истинному, совершенному высокопочтенію приписать, съ которымъ я несравненныя добродѣтели и высокія дарованія прекраснѣйшей принцессы Елисаветы, ея императорскаго высочества, въ моемъ сердцѣ почитаю и которое далѣе утѣтъ мнѣ невозможно было. Якоже и я оставить не могу вашего императорскаго величества симъ всепокорнѣйше просить ко мнѣ высокую свою милость явить, высокопомянутую принцессу, дочь свою, ея императорское высочество мнѣ въ законную супругу матернею высочайшею милостію позволить и даровати. Утвержденіе моего временнаго благоповеденія предается симъ токмо въ руцѣ великаго Бога и вашего императорскаго величества, и присовокупляю еще токмо къ сему сіе вѣрное обнадеживаніе, что я во всю свою жизнь готовъ буду за ваше императорское величество, императорскую фамилію и за интересъ російскаго государства и послѣднюю каплю крови радостно отдать и сакрификовать. Въ ожиданіи скорой, всемилостивѣйшей и склонной резолюціи пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій, преданнѣйшій слуга Карлъ бискупъ Любецкій ²⁹.»

Склонная резолюція послѣдовала, принцъ Карль голштинскій сталъ женихомъ цесаревны Елисаветы. Старшій герцогъ голштинскій, подкрѣпленный этою новою связью, могъ думать, что крѣпко утвердился въ Россіи; это утверженіе было ему теперь тѣмъ болѣе необходимо, что надежда на шведское наслѣдство, такъ усилившаяся въ послѣднее время царствованія Петра, начала снова ослабѣвать. Но въ то самое время, когда изъ Стокгольма приходили дурныя вѣсти о торжествѣ партіи, враждебной Россіи и герцогу голштинскому, онъ былъ пораженъ извѣстіемъ, что Меншиковъ просилъ императрицу о согласіи на бракъ его дочери съ великимъ княземъ Петромъ, и что Екатерина дала согласіе.

До сихъ поръ люди, всего болѣе содѣйствовавшіе возведенію на престолъ Екатерины, хотя и сознавали, какъ трудно будетъ въ другой разъ отстранить отъ престола великаго князя Петра въ пользу одной изъ его тетокъ, однако могли надѣяться, что Екатерина проживетъ еще долго и обстоятельства могутъ нѣсколько разъ измѣниться въ ихъ пользу. Остерманъ грозилъ возстаніями народа за Петра, какъ единственнаго законнаго наслѣдника; ему могли отвѣчать, что войско на сторонѣ Екатерины, что оно будетъ и на сторонѣ дочерей ея. Привязанность войска сильно поддерживалась. Въ газетахъ, которыми правительство старалось дѣйствовать на общественное мнѣніе, подлѣ заботливости Екатерины о просвѣщеніи, о продолженіи дѣлъ Петра, особенно выставлялась заботливость ея о войскѣ: «Ея императорское величество, печаталось въ газетахъ, матернее имѣетъ попеченіе къ своимъ подданнымъ, а наипаче въ тѣхъ дѣлахъ, кои начаты при его величествѣ, дабы ихъ, всемѣрно въ дѣйствіе произвести, а наипаче о наукахъ молодыхъ шляхтичей для которыхъ новые профессеры изъ другихъ краевъ выѣхали и ко онымъ профессорамъ великую показала милость и высокую свою протекцію, и указала имъ прежнюю академію разсмотрѣть и вновь еще молодыхъ шляхтичей набирать и школы умножать. Немалое имѣетъ попеченіе о воинскихъ дѣлахъ, и въ прочемъ, что принадлежитъ къ удовольствію полковъ, и часто изволитъ сама при экзерциціяхъ присутствовать. Между тѣми же полезными государству и подданнымъ своимъ дѣлами, не оставила въ Питергофѣ, яко въ любимомъ мѣстѣ государя императора, на память его величества славныхъ дѣлъ, нѣкоторые дома додѣлывать и игровы-

ми водами и прочими украшеніями украшать.» Подъ девятымъ числомъ ноября 1725 года въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ читали извѣстіе что императрица дѣлала смотръ пингерманландскому полку на лугу, гдѣ стоитъ большой глобусъ; потомъ вошла въ шатеръ и всѣхъ офицеровъ изъ рукъ своихъ напѣтками жаловала; тутъ же были цесаревны и герцогъ голштинскій. Въ 1726 году читали извѣстіе о слѣдующемъ случаѣ: «На гаптвахтѣ что у Зимняго Дома караульный капитанъ-поручикъ Петръ Чичеринъ, когда посѣщалъ ко фрунту для отданія чести цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, наткнулся на протазанъ и жестоко поколосся, такъ что не чаяли живу ему быть. Ея величество тогожь момента изволила, вставъ изъ-за кушанья сама выйти къ тому раненому и указала его отнестъ въ особливую палату, архіатеръ лейбъ-медикусъ и лѣкари придворные призваны, и указала того раненаго при себѣ перевязать, и потомъ едва не по вся дни изволила его сама надзирать. И тако тотъ офицеръ чрезъ помощь Божію и милостивое призрѣніе животъ свой спасъ». Потомъ читали, что на гвардейскіе полки сдѣланъ мундиръ преизрядный, какого никогда въ тѣхъ полкахъ не бывало.

На войско крѣпко надѣялись; но для войска нуженъ былъ искусный предводитель, и такимъ былъ фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, первая военная знаменитость, оставленная славнымъ царствованіемъ Петра. Толстой, несмотря на весь его умъ и ловкость, не могъ занимать перваго мѣста при рѣшительномъ дѣйствіи и уступалъ его Меншикову, именно какъ полководцу. Вотъ почему Меншиковъ былъ такъ необходимъ для партіи приверженцевъ Екатерины и ея дочерей, ибо кого можно было противопоставить другому фельдмаршалу, любимому вождю украинской арміи, князю Михаилу Михайловичу Голицину? Вотъ почему можно принять извѣстіе, что когда, во время отсутствія Меншикова въ Курляндію, противъ него въ Петербургѣ поднялась сильная буря, то герцогъ голштинскій своимъ предстательствомъ у императрицы успѣшилъ успокоить эту бурю. Но если Меншиковъ былъ такъ необходимъ для партіи Екатерины и дочерей ея, то легко понять ужасъ и раздраженіе этой партіи, когда узнали, что свѣтлѣйшій измѣняетъ ей. Что же побудило главу партіи къ этой измѣнѣ?

Меншиковъ, подобно Остерману, долженъ былъ понимать, какъ трудно было бы отстранить отъ престола великаго князя

Петра; долженъ былъ понимать, что на него, Меншикова, какъ на самое видное лицо въ противной Петру партіи, должна была обрушиваться вся ненависть приверженцевъ великаго князя, а къ этимъ приверженцамъ принадлежало народное большинство. Въ подметныхъ письмахъ говорилось: Извѣстіе дѣтямъ россійскимъ о приближающейся гибели россійскому государству какъ при Годуновѣ надъ царевичемъ Дмитріемъ учинено: понеже князь Меншиковъ истиннаго наслѣдника, внука Петра Великаго, престола уже лишилъ, а поставляютъ на царство россійское князя голштинскаго. О горе, Россія! смотри на поступки ихъ что мы давно проданы». Мысль, что преемникомъ Екатерины долженъ быть Петръ не ослабѣвала въ народѣ: осенью 1726 года ходили слухи, что императрица послѣ именинъ своихъ поѣдетъ въ Москву короновать внука. Аранскаго (Нижегородскаго) монастыря архимандритъ Исая поминалъ на ектеніяхъ: «Благочестивѣйшаго великаго государя нашего Петра Алексѣевича» вмѣсто «благовѣрнаго великаго князя», и когда ему возражали, отвѣчалъ: «хотя мнѣ голову отсѣките, буду такъ поминать, а противъ присланной формы поминать не буду, потому что онъ нашъ государь и наслѣдникъ»³⁰. Меншикова выставляли Годуновымъ; но въ чью пользу онъ, по мнѣнію народа, готовъ былъ совершить годуновское дѣло? Въ пользу герцога голштинскаго. Въ самомъ дѣлѣ для чего Меншиковъ долженъ былъ выставлять себя въ такомъ ненавистномъ свѣтѣ, подвергаться такимъ опасностямъ, поддерживать дѣло трудное, почти невозможное. Для того чтобъ по восшествіи на престолъ цесаревны Анны или Елисаветы уступить все свое вліяніе какому-нибудь Бассевичу! Меншиковъ сталъ добиваться курляндскаго герцогства для обезпеченія будущности своей и своего семейства; потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ подумать о чемъ нибудь другомъ. Додумался ли онъ самъ? Есть извѣстіе, что другіе указали ему средства выйти изъ затруднительнаго положенія.

Россія заняла важное мѣсто среди европейскихъ державъ, съ могущественнымъ вліяніемъ, особенно на судьбу державъ сосѣднихъ. Понятно, что послѣднія должны были заботливо слѣдить за внутренними перемѣнами въ ней и сильно волноваться вопросомъ: кто будетъ преемникомъ Екатерины? Особенно этотъ вопросъ былъ важенъ для Дави, которой вступленіе на русскій престолъ герцогини голштинской грозило страшною опасностію,

а вступленіе великаго князя Петра уменьшало или даже уничтожало опасность. Датскій министръ въ Петербургѣ Вестфаленъ долженъ былъ больше всѣхъ трудить свою голову надъ придумываніемъ средствъ, какими можно было помочь возвести на престолъ великаго князя Петра, и наконецъ нашелъ средство: оно состояло въ томъ, чтобъ отнять у партіи, враждебной Петру, ея главу Меншикова и заставить его дѣйствовать въ пользу Петра. Но Вестфаленъ, по извѣстнымъ отношеніямъ своего двора къ русскому, не могъ самъ дѣйствовать, и обратился къ министру другого двора, котораго интересы относительно престолонаслѣдія въ Россіи были тождественны съ интересами датскими. Мы видѣли, что Остерманъ, разбирая средства великаго князя Петра, указывалъ на поддержку, которую онъ долженъ найти у австрійскаго двора, будучи племянникомъ цесаревы. Теперь съ австрійскимъ дворомъ былъ заключенъ союзъ и посланникъ цесаря, графъ Рабутинъ, занималъ самое видное мѣсто въ Петербургѣ между представителями европейскихъ дворовъ, пользовался наибольшею довѣренностію и доступомъ. Къ нему-то и обратился Вестфаленъ съ предложеніемъ привлечь Меншикова на сторону великаго князя указаніемъ на блестящую будущность, которая ожидаетъ его при Петрѣ, если онъ выдастъ за него дочь свою; со стороны цесаря Рабутинъ обѣщалъ Меншикову первый фьефъ какой только сдѣлается вакантнымъ въ имперіи. Разумѣется, Меншиковъ долженъ былъ съ радостію принять это предложеніе, представлявшее ему такой блестящій выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Оставалось получить согласіе императрицы на бракъ великаго князя съ княжною Меншиковою. Свѣтлѣйшій воспользовался тѣмъ, что дочь его была сговорена за польскаго выходца графа Санегу, но императрица взяла этого жениха для своей племянницы Скавронской, и Меншиковъ въ вознагражденіе, началъ просить согласія на бракъ своей дочери съ великимъ княземъ. Императрица согласилась. Нужно ли объяснять это согласіе однимъ упадкомъ нравственныхъ силъ въ Екатеринѣ, о которомъ доносили нѣкоторые иностранные министры дворамъ своимъ, или Екатерина видѣла невозможность отстранить отъ престола великаго князя въ пользу одной изъ дочерей своихъ, и думала, что упрочиваетъ ихъ положеніе, соединяя съ будущимъ императоромъ человека, на признательность котораго имѣла право рассчитывать?

Какъ бы то ни было, дѣло было рѣшено въ мартѣ 1729 года, и это рѣшеніе привело въ ужасъ цесаревенъ и ихъ приверженцевъ. Обѣ цесаревны бросились къ ногамъ матери, заклиная ее подумать о гибельныхъ слѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага; къ нимъ на помощь явился Толстой съ своими представленіями: онъ говорилъ объ опасности, какой императрица подвергаетъ своихъ дѣтей и своихъ самыхъ вѣрныхъ слугъ; грозилъ, что послѣдніе, не будучи въ состояніи съ этихъ поръ быть ей полезными, принуждены будутъ ее покинуть; онъ самъ скорѣе подвергнетъ жизнь свою опасности, чѣмъ станетъ спокойно дожидаться страшныхъ послѣдствій ея согласія на просьбу Меншикова. Екатерина защищалась, говорила, что не можетъ измѣнить слову, данному по фамилнымъ причинамъ, и бракъ великаго князя на Меншиковой не перемѣнитъ нисколько ея тайнаго для всѣхъ намѣренія относительно престолонаслѣдія. Несмотря на то, представленія Толстова произвели сильное впечатлѣніе на Екатерину, и герцогъ голштинскій сталъ надѣяться на побѣду; рѣчь Толстова была положена на бумагу; Бассевичъ носилъ ее въ карманѣ и всѣмъ читалъ. Но радость была не продолжительна: Меншиковъ имѣлъ вторую секретную аудіенцію, и дѣло было рѣшено окончательно ³¹.

Меншиковъ торжествовалъ. На его сторонѣ, по крайней мѣрѣ, повидимому, былъ представитель стараго вельможества, князь Дм. Мих. Голицынъ, который видѣлъ себя наконецъ уцѣли своихъ желаній: въ противномъ лагерѣ раздоръ, и посредствомъ того самаго Меншикова, который возвелъ на престолъ Екатерину, можно возвести Петра, а тамъ что Богъ дастъ! Соединенные противники были неодолимы, а поодиночкѣ можно одолѣть и Меншикова. Другіе понимали дѣло именно такъ, что Голицынъ ласкаетъ Меншикова только до поры до времени; но Меншикову, какъ человѣку его происхожденія, обремененному до сихъ поръ ненавистію старой знати, пріятно было думать, что теперь онъ становится съ нею заодно, въ челѣ ея. Съ нимъ заодно былъ первый дѣлецъ, Остерманъ, который видѣлъ всю невозможность обойти великаго князя, и присталъ къ партіи, на сторонѣ которой былъ теперь вѣрный успѣхъ. Меншиковъ, Голицынъ, Остерманъ и австрійскій посланникъ Рабутинъ составляли теперь тайный совѣтъ, въ которомъ разсуждалось о будущемъ Россіи, и всего важнѣе было то, что Россія принимала охотно это буду-

щее, которое вполне ее удовлетворяло, обезнечивая ее спокойствием.

Меншиковъ торжествуетъ, онъ въ безопасной пристани, а Толстой съ товарищами играетъ въ опасную, отчаянную игру. Гдѣ же его товарищи? Ихъ не видно, онъ одинъ, а два года тому назадъ ихъ было много, и все сильные люди. Ягужинскій, заклятой врагъ Меншикова, человекъ смѣлый, далеко въ Польшѣ; тестъ его графъ Головкинъ слишкомъ остороженъ, напроломъ не пойдетъ; великій адмиралъ графъ Апраксинъ въ затруднительномъ положеніи между двумя друзьями — Меншиковымъ и Толстымъ, раздѣлившимися теперь въ противоположныхъ стремленіяхъ, а какъ было прежде хорошо, покойно старику опираться на такихъ двоихъ друзей, и какъ обоимъ друзьямъ было выгодно держаться за такого старика! Говорили, что Апраксинъ сдѣлалъ выборъ, сталъ на сторону Толстова; но отъ него трудно было ожидать дѣятельной помощи въ минуту рѣшительную. Такимъ образомъ Толстому нечего было надѣяться на людей, высоко стоявшихъ, великаго канцлера и великаго адмирала; онъ долженъ былъ обратиться къ людямъ второстепеннымъ, кто посмѣлѣе: таковы были старый генералъ Ив. Ив. Бутурлинъ и только, что возвратившійся изъ курляндской посылки графъ Девьеръ, оба враждебные Меншикову, несмотря на то, что Девьеръ былъ женатъ на родной сестрѣ свѣтлѣйшаго, Аннѣ Даниловнѣ. Недавно, только во время курляндской посылки, Девьеръ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; но онъ уже мечталъ о мѣстѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Бутурлинъ и Девьеръ были равнодушны къ вопросу, кто будетъ преемникомъ Екатерины; они боялись одного — усиленія Меншикова, и если они желали отстраненія отъ престола Петра, такъ потому только, что Петръ вступалъ въ бракъ съ дочерью Меншикова; одинъ Толстой прямо не хотѣлъ Петра, боясь, что сынъ отплатитъ ему за то, что онъ сдѣлалъ противъ отца.

«Меншиковъ, говорилъ Бутурлинъ, что хочеть то и дѣлаеть, и меня, мужика стараго обидѣлъ, команду отдалъ мимо меня младшему, къ тому жъ и адъютанта отнял, и откуда онъ такую власть взялъ? развѣ за то онъ меня обижаетъ, что я ему много добра дѣлалъ, о чемъ онъ самъ хорошо знаетъ, а теперь забыто! Такъ-то онъ знаетъ, кто ему добро дѣлаеть! Не думалъ бы онъ

того, что князь Дм. Мих. Голицынъ и братъ его, и князь Борисъ Ив. Куракинъ и ихъ фамиліи допустили его, чтобъ онъ властвовалъ; напрасно онъ думаетъ, что они ему друзья; какъ только великій князь вступитъ на престолъ, то они скажутъ Меншикову: «полно, миленькій, и такъ ты нами долго властвовалъ, поди прочь! Еслибъ великій князь сдѣлался наслѣдникомъ по волѣ ея величества, то князь Борисъ Ивановичъ (Куракинъ, какъ близкій родственникъ) тотчасъ прикатилъ бы сюда. Меншиковъ не знаетъ, съ кѣмъ знаться: хотя князь Дмитрій Михайловичъ манитъ или льститъ, не думалъ бы, что онъ ему вѣренъ, только для своего интереса».

Девьеръ толковалъ также о Меншиковѣ: «Что жъ вы молчите? говорилъ онъ Толстому: Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ Верховнымъ Совѣтомъ; лучше бъ было, еслибъ меня въ Верховный Совѣтъ опредѣлили». Толстой толковалъ свое: «Если великій князь будетъ на престолѣ, то бабку его возьмутъ изъ монастыря, а она будетъ мнѣ мстить за мои къ ней грубости и будетъ дѣла покойнаго императора опровергать». Всѣ соглашались, что бракъ великаго князя на дочери Меншикова опасенъ: Меншиковъ будетъ больше добра хотѣть зятю своему, чѣмъ императрицѣ и ея дочерямъ. Но какъ быть? Ждать; а если что случится съ императрицею? Меншиковъ дремать не будетъ. Надобно представить императрицѣ необходимость распорядиться поскорѣ престолонаслѣдіемъ. Но которую выбрать изъ дочерей? Девьеру и Бутурлину больше нравилась старшая, Анна Петровна: «Нравомъ она изряднымъ, умильна и пріемна, и умъ превеликій, много на отца походить и человѣчествомъ изрядная; и другая цесаревна изрядная, только будетъ посердитѣе». Но Толстой былъ за Елисавету, потому что мужъ Анны, герцогъ голштинскій смотрѣлъ на Россію только какъ на средство добыть престолъ шведскій. Елисавету Петровну надобно возвести на престолъ; но какъ освободить ее отъ страшнаго соперника, великаго князя Петра? Онъ еще малъ, пусть поучится, потомъ онъ поѣдетъ за границу еще поучиться, какъ дѣлаютъ другіе принцы, а тѣмъ временемъ цесаревна коронуется и утвердится на престолѣ».

Но главнымъ орудіемъ успѣха считалось войско, и герцогъ голштинскій говорилъ Толстому: «хочу просить себѣ у государыни чина генералиссимуса, а лучше, еслибъ мнѣ отдали воен-

ную коллегію: я бы тогда сиденъ былъ въ войскѣ и ея величеству вѣренъ».—Изрядно, отвѣчалъ Толстой: извольте промышлять къ своей пользѣ что вамъ угодно».

Всѣ эти рѣчи происходили въ ожиданіи, что время еще не ушло, что можно еще и помѣшать браку великаго князя на дочери Меншикова, женихъ еще молодъ, ему надобно учиться въ Россіи, надобно учиться за границею, а между тѣмъ можно склонить императрицу назначить наслѣдницею цесаревну Елисавету. Разумѣется, медлить было опасно, потому что здоровье Екатерины не было надежно; надобно поскорѣе обратиться съ этою просьбой къ императрицѣ: но кто возьмется за такое деликатное дѣло? Толстой брался; подговаривалъ и Девьера, чтобъ и тотъ не упустилъ благоприятнаго случая; Девьеръ трусилъ, подбивалъ Бутурлина, котораго считалъ посмѣлѣе: «Что же вы не доносите императрицѣ? говорилъ онъ ему: я говорилъ о доносѣ съ Толстымъ, и тотъ сказалъ: лучше донести изъ насъ кому одному».— «Для чего вы къ ея величеству не ходите? спрашивалъ Девьеръ Бутурлина».— «Насъ не пускаютъ», отвѣчалъ тотъ. — «Напрасно затѣваете, продолжалъ Девьеръ, сами лѣнитесь и не ходите, а говорите, что не пускаютъ». Герцогъ голштинскій говорилъ, что онъ пробовалъ дѣлать императрицѣ намеки, но она промолчала.

Рѣшительная минута наступила ранѣе, чѣмъ ожидали эти господа. 10 апрѣля у императрицы открылась горячка. Герцогъ голштинскій прислалъ сказать Толстому, чтобъ пріѣхалъ для совѣщанія въ домъ къ Андрею Ушакову; Толстой отправился къ Ушакову, но не засталъ его дома, и пошелъ во дворецъ. На дорогѣ нагоняетъ его герцогъ голштинскій въ коляскѣ, сажаетъ его съ собою и везетъ къ себѣ; пріѣхавши домой, рассказываетъ ему, что императрица очень больна, мало надежды на выздоровленіе; тутъ приходитъ Андрей Ушаковъ, и герцогъ говорить: «Если императрица скончается, не распорядившись насчетъ престолонаслѣдія, то мы всѣ пропадемъ, нельзя ли теперь ея величеству говорить, чтобъ объявила наслѣдницею дочь свою». — «Если прежде этого не сдѣлано, то теперь уже поздно, когда императрица при смерти», отвѣчалъ Толстой, и Ушаковъ согласился съ этимъ.

Одни, чувствуя свою слабость, говорили, что поздно; другіе, въ сознаніи своей силы, спѣшили достигнуть цѣли своихъ стре-

млений; по поводу опасной болѣзни императрицы созваны были во дворецъ: члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, Сенатъ, Синодъ, майоры гвардіи и президенты коллегій для совѣщанія о престолонаслѣдіи. Было три предложенія: за цесаревну Елисавету, за цесаревну Анну и за великаго князя Петра. Послѣднее, разумѣется, взяло верхъ, и согласились, чтобъ новый императоръ оставался несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ; во время малолѣтства Верховный Тайный Совѣтъ сохраняетъ свое настоящее значеніе и составъ, кромѣ того, что цесаревны—Анна и Елисавета занимаютъ въ немъ первыя мѣста; никакое его рѣшеніе не имѣетъ силы, если не будетъ подписано всѣми членами безъ исключенія; великій князь и всѣ его подданные должны обязаться страшною клятвой не мстить никому изъ подписавшихъ смертный приговоръ его отцу. При совершеннолѣтіи государя цесаревны получаютъ по 1,800,000 рублей и между ними поровну раздѣляются всѣ брилліанты ихъ матери.

Въ то время, когда Толстой рѣшилъ, что ужс опоздали, Девьеръ, своимъ неосторожнымъ поведеніемъ во дворцѣ, далъ Меншикову возможность захватить въ свои руки враждебныхъ ему людей. Послѣ 16 апрѣля канцлеръ графъ Головкинъ получаетъ отъ Меншикова бумагу при слѣдующей запискѣ: «Извольте собрать всѣхъ къ тому опредѣленныхъ членовъ и объявить указъ ея величества, и всѣмъ, не вступая въ дѣло, присягать, чтобъ поступать правдиво и никому не манить, и о томъ дѣлѣ ни съ кѣмъ нигдѣ не разговаривать и не объявлять, кромѣ ея величества, и завтра поутру его допросить, и что онъ скажетъ, о томъ довести ея императорскому величеству, а розыску надъ нимъ не чинить». Указъ состоялъ въ томъ, что комиссія должна была допросить генералъ-лейтенанта Девьера по слѣдующимъ пунктамъ: 1) Понеже объявили намъ ихъ высочества государыни цесаревны, что сего апрѣля 16 числа, во время нашей, по волѣ Божіей, при жестокой болѣзни параксизмуса, всѣ доброжелательные наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Девьеръ, въ то время будучи въ домѣ нашемъ, не только не былъ въ печали, но и веселился, и плачущуюся Софью Карлусовну (Скаврѣнскую, племянницу императрицы) вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: «не надобно плакать». 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадилъ съ собою его высочество великаго князя и нѣчто ему

на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у стола въ той же палатѣ, плакала; и въ такой печальный случай онъ, Девьеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, но со злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на той кровати: «о чемъ печалишься? выпей рюмку вина!» И говоря то, смѣялся и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ.

3) Когда выходила въ ту палату государыня цесаревна Елисавета Петровна въ печали и слезахъ, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ, и смѣялся о нѣкоторыхъ персонахъ. 4) Его высочество великій князь объявилъ, что онъ Девьеръ, въ то время, посадя его съ собою на кровати, говорилъ ему: «поѣдемъ со мной въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой». и притомъ его высочеству напоминалъ, что его высочество сговорилъ жениться, а они за нею (за невѣстою его) будутъ волочиться, а его высочество будетъ ревновать. 5) Ея высочество великая княжна (Наталья Алексѣевна, сестра великаго князя Петра) объявила, что въ то время рейхсмаршалъ, генераль-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь, видя его Девьеровы такіе злые поступки, ея высочеству говорилъ, чтобъ она никого не слушала, но была бы всегда при матушкѣ съ нимъ свѣтлѣйшимъ княземъ вмѣстѣ».

Девьеръ отвѣчалъ, что 16 апрѣля, въ домѣ ея величества, въ покояхъ, гдѣ дѣвицы сидятъ, попросилъ онъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ; князя Никиту Трубецкаго называли шутя товарищи его Егоромъ, и когда онъ Девьеръ попросилъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ, то Трубецкой на это слово обернулся, и всѣ засмѣялись; великій князь спросилъ у него: чему вы смѣетесь? И онъ, Девьеръ, ему объяснилъ, что Трубецкой этого не любитъ, и шепнулъ на ухо, что онъ къ тому же и ревнивъ. Софью Карлусовну вертѣлъ ли — не помнить. Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ говорилъ упомянутыя въ обвиненіи слова, утѣшая ее. Цесаревна Елисавета Петровна сама не велѣла никому вставать. Великому князю означенныхъ въ обвиненіи словъ не говорилъ, а прежде говаривалъ часто, чтобъ изволилъ учиться, а какъ надѣлъ кавалерію худо учится, и еще какъ сговорить жениться, станетъ ходить за невѣстою и будетъ ревновать, и

учиться не станетъ.—Коммиссія представила эти отвѣты императрицѣ, отъ имени которой было написано слѣдующее: «Мнѣ о томъ великій князь самъ доноситъ самую истину; я и сама его (Девьера) присмотрѣла въ ево противныхъ поступкахъ, и знаю многихъ, которые съ нимъ сообщники были, и понеже оное все чинено отъ нихъ было къ великому возмущенію, того ради объявить Девьеру послѣднее, чтобъ онъ объявилъ всѣхъ сообщниковъ».

Получивши на пыткѣ 25 ударовъ, Девьеръ объявилъ о извѣстныхъ намъ разговорахъ съ Толстымъ и Бутурлинымъ. Кромѣ этихъ лицъ и Ушакова, къ дѣлу примѣшаны были извѣстный уже намъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, который, какъ мы видѣли, находился при герцогѣ голштинскомъ: всѣ эти лица высказывались противъ брака великаго князя Петра на дочери Меншикова. 6 мая состоялся указъ: «Девьера и Толстова, лишивъ чина, чести и деревень данныхъ, сослать—Девьера въ Сибирь, Толстова съ сыномъ Иваномъ въ Соловки; Бутурлина, лиша чиновъ, сослать въ дальнія деревни; Скорнякова-Писарева, лиша чина, чести, деревень, и бивъ кнутомъ, послать въ ссылку; князя Ивана Долгорукаго отлучить отъ двора и, унизя чиномъ, написать въ полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему въ деревнѣ безвыѣздно; Ушакова опредѣлить къ командѣ куда слѣдуетъ. Потомъ прибавлено: Девьеру, при ссылкѣ, учинить наказанье, бить кнутомъ»³².

Герцогъ голштинскій находился въ самомъ печальномъ положеніи: хотя и соглашались, чтобъ цесаревны занимали первые мѣста въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и общали имъ деньги и брилліанты, но это не было обезпечено; не обезпечена была русская помощь при достиженіи главныхъ цѣлей — возвращенія Шлезвига и добытія шведскаго престола. «Гдѣ вы, мой любезный Бассевичъ, говорилъ герцогъ своему министру: если теперь вы намъ не поможете, то мы въ конецъ пропали». Бассевичъ отправляется къ Меншикову, начинаетъ ему представлять «съ умиленіемъ», что обѣ цесаревны, Анна и Елисавета дочери Петра Великаго, которому онъ, Меншиковъ, можетъ приписать свое счастье. Меншиковъ пришелъ въ умиленіе и согласился выдать на каждую принцессу по милліону денегъ, установить порядокъ

престолонаслѣдія и подтвердить договоры съ герцогомъ голштинскимъ; все это должно заключаться въ завѣщаніи императрицы, гдѣ также должно быть означено, что Петръ долженъ вступить въ супружество съ дочерью Меншикова. Но кто сочинить завѣщаніе? Никто не отыскивался. Тогда Бассевичъ, не могши вытерпѣть, по его словамъ, чтобъ герцогъ и обѣ принцессы пришли всѣ въ крайнюю нищету, сочинилъ наскоро завѣщаніе, которое Меншиковъ далъ подписать цесаревнѣ Елисаветѣ. Герцогъ голштинскій обязывался при этомъ заплатить свѣтлѣйшему князю съ милліона 80,000 руб.: 60,000 впередъ, а 20,000 при послѣдней выдачѣ. Несмотря на то, Меншиковъ сказалъ Бассевичу, что герцогъ долженъ выѣхать изъ Россіи, потому что ему, какъ Шведу, не довѣряютъ³².

Нужно было снѣшить съ завѣщаніемъ. Мы видѣли, что императрица занемогла 10 апрѣля; 16, когда Девьеръ неприлично вель себя во дворцѣ, былъ кризисъ, послѣ котораго стало легче, и нѣсколько дней надѣялись на выздоровленіе; но потомъ кашель, прежде слабый, сталъ усиливаться, обнаружилась лихорадка, больная стала ослабѣвать день ото дня и явились признаки поврежденія легкаго. 6 мая, въ девятомъ часу пополудни, Екатерина скончалась.

На другой день, 7 мая, собрались въ дворецъ: вся царская фамилія, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, синода, сената, генералитетъ, и начали читать завѣщаніе покойной императрицы, подписанное собственною ея величества рукою, какъ сказано въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Завѣщаніе это состояло изъ 15 пунктовъ: 1) Великій князь Петръ Алексѣевичъ имѣеть быть сукцессоромъ; 2) и именно со всѣми правами и прерогативами какъ мы онымъ владѣли. 3) До... лѣтъ не имѣеть за юностию въ правительство вступать. 4) Во время малолѣтства имѣють администрацію вести наши обѣ цесаревны, герцогъ и прочіе члены Верховнаго Совѣта, которой обще изъ 9 персонъ состоять имѣеть. 5) И симъ имѣеть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять. 6) Множествомъ голосовъ вершать всегда и никто одинъ повелѣвать не имѣеть и не можетъ. 7) Великій князь имѣеть въ совѣтѣ присутствовать, а по окончаніи администраціи ни отъ кого никакого отвѣта не требовать. 8) Ежели

великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣть по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдовать, однакожь мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожь никогда россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣеть. 9) Каждая изъ цесаревенъ, понеже отъ короннаго наслѣдства своего роднаго отца выключены, въ нѣкоторое награжденіе, кромѣ приданныхъ 300 т. рублей и приданаго, одинъ милліонъ рублей наличными деньгами получить и оныя во время малолѣтства великаго князя имъ по малу заплачены быть, которыхъ ни отъ нихъ, ни отъ ихъ супруговъ никогда назадъ не требовать; такожъ имѣютъ онѣ обѣ цесаревны всѣ наши мобиліи въ камняхъ драгоценныхъ, деньгахъ, серебрѣ, уборахъ и экипажѣ, которыя намъ, а не коронѣ принадлежать, у себя и у своихъ удержать, наши же лежащія маестности и земли, которыми мы, пока короны и скипетра не получили, владѣли, имѣютъ между нашими ближними сродниками нашей собственной фамиліи чрезъ правительство администраціи по праву раздѣлены быть. 10) Пока лѣта администраціи продолжаются, имѣеть каждой цесаревнѣ сверхъ прежнихъ по 100,000 рублей плачено быть. 11) Принцессу Елисавету имѣеть его любовь герцогъ шлезвигъ-голштинскій и бискупъ любецкой въ супружество получить, и даемъ ей наше матернее благословеніе; также имѣютъ наши цесаревны и правительство администраціи стараться между его любовью (т.-е. великимъ княземъ Петромъ) и одною княжною князя Меншикова супружество учинить. 12) Его королевскаго высочества герцога голштинскаго дѣло шлезвицкаго возвращенія и дѣло шведской короны по взятымъ обязательствамъ имѣеть накрѣпко исполнено и россійское государство такъ какъ и великій князь къ тому обязаны быть. Что же его королевское высочество герцогъ здѣсь по се число получалъ, не имѣеть никогда назадъ требовано или на счетъ поставлено быть. 13) Все сіе имѣеть тотчасъ по смерти нашей, кромѣ что до пункта его королевскому высочеству праведно принадлежащей сукцессіи въ Швеціи касается, опубликовано, присягою утверждено и твердо содержано; а кто тому противенъ будетъ, яко измѣнникъ наказанъ быть и

римскаго цесаря гарантіи на сіе искать. 14) Фамилія между собою имѣть подь опасеніемъ нашей матерней клятвы, согласно жить и пребывать; великому князю голштинскаго дому, пока нашей цесаревны потомство онымъ владѣть будетъ, не оставлять, но по полученіи совершеннаго возраста, чего еще не достанетъ, исполнить. Напротивъ того и голштинской домъ и его королевское высочество, когда герцогъ шведской престолъ получить, тоже съ Россією чинить имѣть. 15) Такожъ имѣть цесаревнамъ, когда онѣ отсюда поѣдутъ, свободный транспортъ позволенъ быть, такожъ и на голштинское посольство способной и отъ всякихъ тягостей и судебного принужденія уволенной домъ изъ государственной казны купленъ быть ³⁴.

Когда прочтенъ былъ этотъ знаменитый тестаментъ, въ которомъ, именемъ Екатерины, отмѣнялся законъ Петра Великаго о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника, и устанавливался порядокъ престолонаслѣдія, то всѣ присутствовавшіе начали поздравлять новаго императора и присягать ему; гвардія, собранная предъ зимнимъ дворцомъ, также присягнула и крикнула: вивать! Послѣ этого всѣ отправились къ обѣднѣ и молебну, а по возвращеніи изъ церкви, собрались въ залу, гдѣ бывало засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Здѣсь Петръ II сидѣлъ въ креслахъ императорскихъ подь балдахиномъ; на правой сторонѣ, на стульяхъ, сидѣли: цесаревна Анна Петровна, ея супругъ, великая княжна Наталья Алексѣевна и великій адмиралъ графъ Апраксинъ; по лѣвую руку—цесаревна Елисавета Петровна, Меншиковъ, канцлеръ графъ Головкинъ и князь Дм. Мих. Голицынъ; Остерманъ, получившій должность оберъ-гофмейстера, стоялъ подлѣ императорскихъ кресель справа; также «почтены были стулами» ростовскій архіепископъ Георгій да вновь вступившій въ русскую службу Полякъ, фельдмаршалъ графъ Сапѣга. Снова прочтено завѣщаніе, и рѣшено: записать въ протоколъ, что все должно потому тестаменту исполнять; протоколъ подписанъ всѣми сидѣвшими; начиная съ императора, потомъ генералитетомъ и сенатомъ ³⁵.

Тестаментъ былъ обнародованъ, хотя тутъ же и пошли слухи, что онъ подложный: графъ Сапѣга, не отходявшій отъ постели умирающей императрицы, увѣрялъ, что онъ ничего не видалъ и не слышалъ. Но на завѣщаніе, какъ видно, мало обратили вни-

манія: для огромнаго большинства права новаго государя были безспорны. Не боялись смуты и въ старой Москвѣ, и не дѣлали никакихъ тамъ распоряженій. Макаровъ увѣдомилъ о восшествіи на престолъ Петра II главное лицо въ Москвѣ, старика графа Мусина - Пушкина слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ, гдѣ Петръ является государемъ по завѣщанію, по избранію и по наслѣдству: «7 мая, въ девятомъ часу утра собрались въ большую залу вся императорская фамилія, весь Верховный Тайный Совѣтъ, св. синодъ, сенаторы, генералитетъ и прочіе знатные воинскіе и статскіе чины: по ея императорскаго величества *тестаменту*, учинено избраніе на престолъ російской новымъ императоромъ *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу» ³⁶.

Г Л А В А II.

Царствованіе императора Петра II Алексѣевича.

Меншиковъ. — Его мѣры для упроченія своей власти. — Переездъ императора въ домъ Меншикова. — Обрученіе Петра съ дочерью послѣдняго. — Остерманъ, Минихъ, Голицыны и Долгорукіе. — Герцогъ голштинскій, его выѣздъ изъ Россіи. — Царица-бабка. — Шафировъ. — Разогнаніе бестужевскаго кружка. — Макаровъ, Матвѣевъ и Волынский. — Планъ преподаванія молодому императору. — Верховный Тайный Совѣтъ; Сенатъ. — Финансы. — Уничтоженіе главнаго магистрата. — Дѣятельность комиссіи о коммерціи. — Смягченіе нравовъ. — Дѣла церковныя. — Борьба Теофана Прокоповича съ его врагами. — Возстановленіе гетманства въ Малороссіи. — Паденіе Меншикова. — Положеніе Голицынскихъ. — Положеніе Остермана. — Причины выгоднаго положенія Долгорукихъ. — Царица-бабка; переписка ея съ Остерманомъ. — Переездъ двора въ Москву. — Отношенія императора къ бабкѣ по отцу. — Отношенія къ другой бабкѣ, по матери, герцогинѣ Бланкенбургской. — Рѣшительный фаворъ Долгорукихъ. — Меншиковъ въ Березовѣ. — Новая бѣда съ бестужевскимъ кружкомъ. — Герцогиня Анна Курляндская и ея фаворитъ Биронъ. — Герцогиня голштинская Анна Петровна; рожденіе у нея сына Карла Петра Ульриха; ея кончина. — Придворныя движенія. — Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта. — Уничтоженіе Преображенскаго приказа. — Коллегіи. — Областное управленіе. — Полиція. —хлопоты о составленіи уложенія. — Дѣятельность комиссіи о коммерціи. — Дурное состояніе арміи и флота. — Дѣло адмирала Змаевича. — Дѣятельность геодезистовъ. — Академія наукъ. — Состояніе церкви. — Продолженіе борьбы Теофана Прокоповича съ врагами. — Дѣла на Украйнахъ. — Внѣшняя дѣятельность: дѣла Персидскія, Турецкія, Французскія, Австрійскія, Польскія, Курляндскія, Шведскія, Датскія, Прусскія, Китайскія. — Рѣшеніе вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой. — Помолвка императора на княжѣ Долгорукой. — Богданъ Петра. — Замысль Долгорукихъ. — Кончина императора.

Новый императоръ былъ признанъ безпрекословно: безпокойство, вызванное вопросомъ о престолонаслѣдїи, прекратилось; но второму императору, какъ называли Петра, было только одиннадцать лѣтъ. До совершеннолѣтія долженъ управлять Россіей

Верховный Тайный Совѣтъ вмѣстѣ съ цесаревнами. «Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ», было сказано въ завѣщаніи, которое всѣ поклялись исполнять; но всѣмъ было хорошо извѣстно, что въ послѣднее время Меншиковъ повелѣвалъ въ Верховномъ Совѣтѣ. Меншикову теперь уже нельзя было пріобрѣсти большей силы, большаго значенія, поэтому онъ оставилъ все какъ было, и только хлопоталъ о томъ, чтобъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Средствами къ тому были: полное подчиненіе молодого императора своему вліянію, сосредоточеніе въ своихъ рукахъ военнаго управленія, составленіе для себя сильной партіи изъ людей способныхъ и значительныхъ, удаленіе людей враждебныхъ или подозрительныхъ.

Оставить Петра во дворцѣ, по одну сторону Невы, а самому жить въ своемъ домѣ на Васильевскомъ островѣ было опасно для Меншикова: свой глазъ вѣрнѣй всякаго другого, и потому свѣтлѣйшій князь перевезъ императора въ свой домъ на островъ, который вмѣсто Васильевского велѣно было называть Преображенскимъ. 25 мая совершенно было торжественное обрученіе императора на княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Меншиковой, которую стали поминать въ церквахъ великою княжною и нарѣченную невѣстою императора; 34,000 рублей ежегодно назначено было на содержаніе ея особаго двора. Еще прежде, 13 мая, Меншиковъ получилъ наконецъ давно желанное званіе генералиссимуса, котораго такъ хотѣлось и герцогу голштинскому при Екатеринѣ: теперь не было въ войскѣ челоувѣка, равнаго Меншикову.

Но кромѣ войска всюду нужно было имѣть преданныхъ людей. Меншикову должно отдать честь, что онъ настоящимъ образомъ понималъ свои обязанности въ отношеніи къ молодому императору, понималъ, что Петру надобно долго и много учиться, чтобъ быть достойнымъ вторымъ императоромъ. Кому же ввѣрить надзоръ за воспитаніемъ? Способнѣе не было Андрея Ив. Остермана, челоувѣка, знавшаго много и умѣвшаго прилагать свои знанія къ дѣлу, слѣдовательно могшаго научить и другого подобному же приложенію; притомъ Остерманъ имѣлъ уже заслуги относительно Петра: онъ въ 1726 году такъ убѣдительно представилъ невозможность отстранить его отъ престола. Еще при Екатеринѣ, какъ только улажено было дѣло о женитьбѣ великаго князя на дочери

Меншикова, Остерманъ былъ сдѣланъ оберъ-гофмейстеромъ Петра, съ обязанностію руководить воспитаніемъ! Вице-канцлера стали уже видать на прогулкахъ вмѣстѣ съ его воспитанникомъ. Отъ этого времени до насъ дошла любопытная записка Остермана къ Меншикову: «За его высочествомъ великимъ княземъ я сегодня не поѣхалъ, какъ за болѣзнію, такъ и особливо за многодѣльствомъ, и работаю какъ отправленіемъ курьера въ Швецію, такъ приготовленіемъ отпуски на завтрашней почтѣ, и сверхъ того разсуждаю, *чтобъ не вдругъ очень на него налетать.*» По восшествіи на престолъ Петра Остерманъ сталъ получать по 6.000 рублей жалованья, тогда какъ канцлеръ Головкинъ и князь Дм. Мих. Голицынъ получали по 5.000³⁷. Остерманъ—сила, драгоценный человѣкъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, а между тѣмъ онъ не опасенъ, у него нѣтъ связей, знать смотритъ на него свысока, Головкинъ его не любитъ, какъ помощника слишкомъ даровитаго; обязанный такъ много Меншикову, онъ долженъ остаться ему вѣренъ, какъ человѣкъ, не могущій обойтись безъ сильной подпоры. Притомъ, какъ говорятъ, во все царствованіе Екатерины, Остерманъ, чуя гдѣ сила, постоянно держался Меншикова, тѣмъ болѣе, что Толстой былъ его заклятой врагъ, быть можетъ за расположеніе къ великому князю Петру и Австріи, а привязанность къ австрійскому союзу, кромѣ другихъ соображеній и побужденій, могла происходить въ Остерманѣ изъ убѣжденія, что великій князь, племянникъ цесаревны, не можетъ быть отстраненъ отъ престола. Изъявлено было расположеніе и къ другому даровитому иностранцу, оставшемуся послѣ Петра, Миниху: ему дано было 5.000 рублей за труды по Ладожскому каналу³⁸.

Мы уже видѣли, что переходъ на сторону Петра сближалъ Меншикова съ знатію, и теперь генералиссимусъ старался упрочить это сближеніе. Бутурлинъ могъ быть правъ, говоря, что князь Дм. Мих. Голицынъ наружно показывалъ преданность Меншикову, пока тотъ былъ ему нуженъ для возведенія на престолъ Петра; но по крайней мѣрѣ, въ первое время царствованія Петра продолжались лады между ними. Меншиковъ, забывъ прошлое, старался привязать къ себѣ и другую знатную фамилію—Долгорукихъ; князь Алексѣй Григорьевичъ получилъ мѣсто гофмейстера при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, мѣсто важное по тому вліянію, какое имѣла великая княжна на брата,

императора; приближеніе отца необходимо вело, хотя вѣроятно не вдругъ, къ приближенію сына, князя Ивана Алексѣевича, несмотря на то, что этотъ молодой человекъ такъ недавно еще подвергся опалѣ за противодѣйствіе браку Петра на дочери Меншикова. Князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій былъ сдѣланъ сенаторомъ. Братъ его, князь Василій Владиміровичъ, еще не зная о кончинѣ Екатерины, писалъ къ Меншикову съ Кавказа 11 мая: За высокую вашу, моего государя и отца, милость, показанную къ брату моему и ко мнѣ неотплатную попремногу благодарствую, и не могу чѣмъ заслужить до смерти моей того, только могу просить Всемогущаго Бога, да воздастъ вамъ, моему отцу, всевышне за ваше великодушіе со всею вашею высокою фамиліею. Вашей свѣтлости высокою милостію мы взысканы; по вѣрной вашей свѣтлости службѣ къ ея императорскому величеству и чистой вашей совѣсти предстательствуешь, видя всѣхъ насъ къ ея императорскому величеству вѣрныя заслуги; все получаемъ чрезъ ваше предстательство, и со всякою охотою свидѣтельствую самимъ Богомъ, всѣмъ сердцемъ, сколько слабago моего смыслу есть, съ радостію служу, не жалѣя своего здоровья, и прошу у Всевышняго, чтобъ могъ я исправно положенныя на мнѣ дѣла управить и пользу принести отечеству своему и вѣрную свою услугу на старости моей ея императорскому величеству показать, и всю свою надежду имѣю на вашу свѣтлость, моего милостиваго государя и отца, и надѣюсь на великодушіе вашей свѣтлости, что оставленъ вашею высокою милостію не буду, и кромѣ васъ, моего государя и отца, надежды не имѣю какъ вашей милости самому извѣстно»³⁹.

Желая привязать къ себѣ съ одной стороны людей даровитыхъ, государственныхъ работниковъ неутомимыхъ, съ другой, людей знатныхъ, Меншиковъ въ то же время безпощадно преслѣдовалъ людей, въ которыхъ зналъ или подозрѣвалъ вражду къ себѣ и которые стояли на его дорогѣ. Мы видѣли, какъ еще до смерти Екатерины онъ объявилъ Бассевичу, что герцогъ голштинскій долженъ оставить Россію. 19 мая герцогъ голштинскій засѣдалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; явился Бассевичъ и донесъ Совѣту словесно объ опасной болѣзни принца голштинскаго, епископа Любскаго, жениха цесаревны Елисаветы Петровны, послѣ чего Бассевичъ подалъ меморіаль: 1) о дачѣ цесаревнамъ двухъ

засвидѣтельствованныхъ копій съ завѣщанія императрицы Екатерины и съ приглашенія цесаря къ гарантіи этого завѣщанія; 2) объ опредѣленіи комиссаровъ къ описи оставшихся послѣ покойной императрицы алмазовъ, золота и проч.; 3) объ опредѣленіи, изъ какихъ сборовъ получать назначенныя герцогу голштинскому и цесаревнѣ Елисаветѣ 100.000 рублей на годъ; 4) о ежегодной уплатѣ извѣстной части изъ отказаннаго въ завѣщаніи обѣимъ цесаревнамъ милліона рублей; 5) о покупкѣ для голштинскаго посольства особаго двора въ Петербургѣ; 6) о позволеніи занять для герцогской свиты нѣсколько комнатъ въ академіи. На этотъ разъ меморіаль остался безъ отвѣта.

Въ тотъ же день, т.-е. 19 мая, епископъ любскій умеръ. Слѣдующимъ черезъ мѣсяць, 27 іюня, голштинское дѣло было возобновлено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: призванъ былъ гофмейстеръ цесаревны Елисаветы, Сем. Григор. Нарышкинъ, которому объявлено, чтобъ онъ, по данной ему копіи брачнаго договора съ герцогомъ голштинскимъ, всячески наблюдалъ и предостерегалъ, всѣ ли обязательства этого договора будутъ исполняться со стороны герцога; приданные 300.000 рублей всѣ уже выплачены, и герцогъ въ полученіи этой суммы прислалъ росписку: потому приказали, чтобъ Нарышкинъ сдѣлалъ отъ имени членовъ Верховнаго Совѣта цесаревнѣ Аннѣ представленіе, что они для выгоды ея высочества желаютъ знать, выплачиваются ли ей надлежащія проценты? На другой день, 28 іюня, министры герцога голштинскаго, Бассевичъ и Стамке явились въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявили формально о намѣреніи своего государя и его супруги выѣхать изъ Россіи, при чемъ подали новый меморіаль, заключавшій въ себѣ тѣ же требованія, какія мы видѣли въ меморіалѣ 19 мая. Члены Совѣта согласились удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, только отказали въ выдачѣ копій съ завѣщанія императрицы Екатерины, объявивъ, что дать эту копію неприлично и невозможно, къ тому же она герцогу и не нужна, ибо распоряженіе касательно наследства русскаго престола зависитъ исключительно отъ воли императора. Разумѣется, голштинскіе министры могли возразить, что въ завѣщаніи, которое всѣ, начиная съ императора, поклялись исполнять, прямо опредѣленъ былъ порядокъ престолонаслѣдія. Наконецъ голштинскимъ министрамъ было объявлено, что изъ имѣнія покойной императрицы

для цесаревны Елисаветы оставлено будетъ столько, сколько дано уже герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ, остальное же пойдетъ въ равный раздѣлъ между обѣими сестрами ⁴⁰. 24 іюля, отъ имени императора, за подписью членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, герцогу голштинскому дана была декларація, въ которой говорилось, что всѣ трактаты и секретныя артикулы, которые императоръ Петръ I заключилъ съ Швеціею въ пользу герцога и съ нимъ самимъ, равно какъ тайная конвенція, заключенная императрицею Екатериною съ цесаремъ на счетъ Шлезвига, наикрѣпчайшимъ образомъ возобновляются и утверждаются; и пока шлезвигское дѣло не будетъ окончено, герцогъ получаетъ отъ Россіи ежегодно по 100.000 цесарскихъ гульденовъ; изъ назначеннаго ему миліона рублей герцогъ получаетъ до отъѣзда 200.000, остальные выплачиваются въ восемь лѣтъ ⁴¹. Въ послѣдствіи Бассевичъ показалъ, какъ мы видѣли, что между нимъ и Меншиковымъ было условлено, чтобъ герцогъ изъ этого миліона заплатилъ Меншикову 80.000 рублей, именно 60.000 впередъ, а 20.000 при послѣдней выдачѣ. Когда все дѣло было кончено и Бассевичъ привезъ Меншикову 60.000 рублей и письменное обязательство герцога уплатить остальные 20.000, то Меншиковъ отдалъ это обязательство Бассевичу назадъ, сказавши ему: «Ваше превосходительство много при томъ труда имѣлъ; я дарю тебѣ эти 20.000, возьми ихъ съ герцога, ты ихъ заслужилъ». Бассевичъ взялъ записку и отдалъ ее герцогу, говоря, что отдаетъ въ его волю, чѣмъ ему угодно будетъ наградить его. Герцогъ взявши записку, надавалъ Бассевичу много устныхъ и письменныхъ обѣщаній, но не далъ ни копѣйки денегъ; напротивъ цесаревна Елисавета Петровна подарила ему алмазный крестъ, доставшійся ей послѣ отца; и этотъ крестъ герцогъ вымѣнилъ у Бассевича на свой, который, по меньшей мѣрѣ, стоилъ 4.000 ефимковъ дешевле ⁴².

Герцогъ и герцогиня голштинскіе уѣхали изъ Петербурга (25 іюля). По приѣздѣ въ свою резиденцію, Киль, Анна Петровна писала къ сестрѣ въ Петербургъ: «Государыня дорогая моя сестрица! Доношу вашему высочеству, что я, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ сюда приѣхала съ герцогомъ, и здѣсь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мнѣ; только ни одинъ день не проходитъ, чтобъ я не плакала по васъ, дорогая моя сестрица: не вѣдаю, каково вамъ тамъ жить. Прошу васъ, дорогая

сестрица, чтобъ вы изволили писать ко мнѣ почаще о здравіи вашего высочества. При семъ посылаю къ вашему высочеству гостинецъ: онахало, такое какъ здѣсь всѣ дамы носятъ, мушечную коробку, зубочетку, готовальню, орѣхи; прислала бѣ здѣшнихъ фруктовъ, только невозможно; крестьянское платье, какъ здѣсь носятъ, а шапку прошу ваше высочество отдать Микитѣ Волокитѣ и бѣлую шляпу. Впрочемъ рекомендую себя въ неотмѣнную любовь, и остаюсь вѣрная до гроба сестра и служница Анна. Прошу ваше высочество отдать мой поклонъ всѣмъ петербургскимъ, а наши Голштинцы приказали отдать свой поклонъ вашему высочеству»⁴³.

Мы видѣли, что Толстой, вооружаясь противъ возведенія на престолъ Петра II, выражалъ опасенія на счетъ вліянія, которое должна будетъ получить бабка Петра инокиня Елена (Авдотья Ѳедоровна Лопухина). И Меншиковъ подобно Толстому, не могъ надѣяться добраго расположенія къ себѣ отъ первой жены Петра Великаго; но оставлять въ заключеніи бабу императора было нельзя: Елену освободили изъ Шлиссельбурга и отправили прямо въ Москву, гдѣ она была помѣщена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ приличнымъ содержаніемъ. 3 іюня велѣно было освободить Елену; а 26 іюля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся именной указъ объ отобраніи манифестовъ 1718 года по дѣлу царевича, Глѣбова и Доснѣея, чтобы впредь ни въ какихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и по церквамъ ихъ не было и не читали; а кто имѣетъ ихъ изъ частныхъ людей, тѣ должны приносить въ Петербургѣ въ Сенатъ, въ Москвѣ въ сенатскую контору, по городамъ и уѣздамъ отдавать губернаторамъ и воеводамъ; утаившіе будутъ отданы подъ судъ. Въмѣстѣ съ означенными манифестами были отобраны манифестъ 1718 года о наслѣдствѣ и уставъ о наслѣдствѣ престола російскаго 1722 года: этимъ хотѣли показать, что Петръ II есть законный императоръ по наслѣдству, и что уставъ Петра Великаго потерялъ силу⁴⁴.

Меншиковъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ своего заклятого врага Шафирова, который, возвращенный, какъ мы видѣли, изъ ссылки Екатериною, получилъ мѣсто президента коммерцъ-коллегіи. Но еще въ мартѣ 1726 года Меншиковъ выхлопоталъ указъ, по которому президентъ коммерцъ-коллегіи долженъ былъ отправиться въ Архангельскъ для устройства китоловной компаніи.

Говорятъ, что Остерманъ, для котораго бывший вице-канцлеръ былъ очень опасенъ, поддерживалъ старую вражду и опасенія Меншикова. Шафировъ, по нездоровью, остановился въ Москвѣ; но 12 іюня 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили, что надобно опредѣлить въ коммерцъ-коллегію президента настоящаго, а Петру Шафирову имѣть только титулъ президента этой коллегіи, и быть ему въ Архангельскѣ для завѣдыванія дѣлами китоловной компаніи; 19 числа приказано было послать въ Москву къ графу Мусину-Пушкину указъ, чтобъ Петра Шафирова выслалъ въ Архангельскъ къ китоловному дѣлу немедленно ⁴⁵. Ягужинскому, бывшему генераль-прокурору, потомъ посланнику въ Польшѣ, велѣно было отправиться въ противоположную сторону—въ украинскую армію.

Дѣло Девьера вскрыло для Меншикова кружокъ людей молодыхъ, невидныхъ, которые однако старались подняться на верхъ съ помощію Петра II. Въ числѣ людей, выведенныхъ Петромъ Великимъ за даровитость и образованіе, были хорошо уже извѣстные намъ члены семьи Бестужевыхъ-Рюминыхъ, состоявшей изъ отца Петра, котораго мы видѣли русскимъ министромъ въ Курляндіи, и сыновей: Михайлы, министра въ Швеціи и потомъ въ Польшѣ, и Алексѣя, министра въ Даніи. Бестужевымъ и особенно самому даровитому и самому честолюбивому изъ нихъ, Алексѣю не хотѣлось ограничиваться дипломатическими мѣстами, оставаться постоянно вдалекѣ отъ Россіи, безъ непосредственнаго вліянія на дѣла, въ зависимости отъ другихъ; ихъ тянуло въ столицу, ко двору, къ источнику силы и почестей. Это стремленіе во что бы то ни стало выдвинуться, заискать, пользуясь конъюнктурами, едва было не погубило Алексѣя Бестужева въ самомъ началѣ, когда онъ, по волѣ Петра, служилъ камеръ-юнкеромъ при дворѣ курфирста ганноверскаго и короля англійскаго Георга. Въ 1717 году, узнавши, что царевичъ Алексѣй ушелъ изъ Россіи и находится подъ покровительствомъ императора, Алексѣй Бестужевъ 7 мая отправилъ къ нему слѣдующее письмо: «*Serenissime et augustissime altasuccedens Princeps gratiosissime Domine Czarewicz*. Такъ какъ отецъ мой, братъ и вся фамилія Бестужевыхъ пользовалась особою милостію вашею, то я всегда считалъ обязанностью изъяснить мою рабскую признательность и ничего такъ не желалъ отъ юности, какъ служить

вамъ; но обстоятельства не позволяли. Это принудило меня, для покровительства, вступить въ чужестранную службу, и вотъ уже четыре года я состою камеръ-юнкеромъ у короля англійскаго. Какъ скоро вѣрнымъ путемъ я узналъ, что ваше высочество находитесь у его цесарскаго величества, своего шурина, и я по теперешнимъ конъюнктурамъ замѣчаю, что образовались двѣ партіи, при томъ же воображаю, что ваше высочество, при нынѣшнихъ очень важныхъ обстоятельствахъ не имѣете никого изъ своихъ слугъ, я же чувствую себя достойнымъ и способнымъ служить вамъ въ настоящее важное время, посему осмѣливаюсь вамъ писать и предложить вамъ себя, какъ будущему царю и государю, въ услуженіе. Ожидаю только милостиваго отвѣта, чтобъ тотчасъ уволиться отъ службы королевской, и лично явлюсь къ вашему высочеству. Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что единственнымъ побужденіемъ моимъ есть высокопочитаніе къ особѣ вашего высочества» ⁴⁶.

Царевичъ истребилъ письмо, только нѣмецкій переводъ его сохранился въ вѣнскомъ архивѣ; бѣда не коснулась Бестужева по слѣдственному дѣлу, ибо царевичъ и устно не показалъ на него; но несчастный исходъ дѣла царевичева не истребилъ въ Бестужевыхъ убѣжденія, что права сына Алексѣева рано или поздно получатъ силу, и что надобно держаться великаго князя Петра, а также и вѣнскаго двора, котораго интересы были такъ тѣсно связаны съ интересами родного племянника цесаревы. Алексѣй Бестужевъ, ставши русскимъ министромъ въ Копенгагенѣ, сносился съ Вѣною, а родная сестра его, княгиня Аграфена Петровна Волконская была въ Петербургѣ душою кружка, который сосредоточивался около двора великаго князя Петра. Главною связью кружка съ этимъ дворомъ служилъ Семенъ Аванасьевичъ Мавринъ, завѣдывавшій съ 1719 года воспитаніемъ великаго князя. Это мѣсто, какъ видно, Мавринъ получилъ по указанію императрицы Екатерины, при которой находился безотлучно въ пажлахъ съ 1711 года; въ 1725 году онъ былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры, получилъ за службы въ вѣчное владѣніе деревни въ Гдовскомъ и Кобыльскомъ уѣздахъ ⁴⁷; въ началѣ 1727 года онъ упоминается уже въ числѣ камергеровъ ⁴⁸ и пользовался немаловажнымъ значеніемъ, потому что о свадьбѣ его на камеръ-фрейлинѣ княжнѣ Лобановой, гувернанткѣ графини Софьи Ска-

вронской, племянницы императрицыной, упоминает саксонскій посланник Лэфортъ въ своихъ донесеніяхъ. Другими членами кружка были: кабинетъ-секретарь Иванъ Черкасовъ, совѣтникъ военной коллегіи Егоръ Пашковъ, сенаторъ Нелединскій, секретарь Исаакъ Павловичъ Веселовскій, братъ извѣстнаго бѣглеца Абрама Веселовскаго, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, арабъ Петра Великаго, воспитанный имъ за границею. Принадлежность Бестужевыхъ къ этому кружку объясняетъ намъ, почему Михаилъ Петровичъ Бестужевъ былъ удаленъ изъ Швеціи по настоянію Бассевича и голштинскаго министра при стокгольскомъ дворѣ, какъ человѣкъ, непріязненный герцогу голштинскому. Союзъ Россіи съ Австріею и вслѣдствіе того сильное вліяніе вѣнскаго кабинета въ Петербургѣ, потомъ извѣстіе о перемѣнѣ въ судьбѣ великаго князя внушили Алексѣю Петровичу Бестужеву большія надежды, показывая ему въ то же время основательность его расчетовъ; отъ 23 мая 1729 года онъ писалъ сестрѣ своей, княгинѣ Волконской: «какъ къ Рабутину (австрійскому посланнику въ Петербургѣ) отсюда писано, такъ и къ вѣнскому двору, дабы онъ Рабутинъ инструированъ былъ стараться о васъ, чтобы вамъ при государынѣ великой княжнѣ цесарскаго высочества (Натальѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ Петра II) оберъ-гофмейстеринной быть, также и друзья наши, Абрамъ Петровичъ (Ганнибалъ) и Исаакъ Павловичъ (Веселовскій) достойнѣйше награждены были. Вы извольте согласно съ помянутымъ Рабутиномъ о томъ стараться. Что же принадлежитъ до брата нашего и до меня, и я намѣренъ потерпѣть дондеже вы награжденіе свое, чинъ оберъ-гофмейстерины получите и помянутыя друзья наши, ибо награжденіе мое чрезъ вѣнскій дворъ никогда у меня не уйдетъ. Согласитесь съ Рабутиномъ о себѣ и о вышеписанныхъ друзьяхъ нашихъ, также и о родителяхъ нашемъ прилежно чрезъ Рабутина стараться извольте, чтобы пожалованъ былъ графомъ, что Рабутинъ легко учинить можетъ»⁴⁹.

Но Алексѣй Петровичъ Бестужевъ жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ: Рабутинъ умираетъ, а въ бумагахъ Девьера находятъ письма къ нему отъ Бестужевыхъ, отъ княгини Волконской, изъ которыхъ видна тѣсная связь между всѣми этими враждебными Меншикову людьми, ибо свѣтлѣйшій князь былъ убѣжденъ, то Петръ Бестужевъ разстроивалъ его курляндскіе планы.

Ненависть Бестужевыхъ къ камергеру Левенвольду, который былъ одинъ человекъ съ Остерманомъ, указываетъ на сильную борьбу Маврина и его кружка съ Остерманомъ и Левенвольдомъ, при чемъ назначеніе Остермана оберъ-гофмейстеромъ при великомъ князѣ Петрѣ должно было возбудить крайнее ожесточеніе въ Мавринѣ и его друзьяхъ. Какъ бы то ни было, одновременно съ арестованіемъ Девьера стража была поставлена и въ домъ княгини Волконской, которой запрещенъ пріѣздъ ко двору. Важныхъ уликъ не было. Несмотря на то, къ княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ явился секретарь Меншикова Андрей Яковлевъ, и объявилъ ей, чтобъ ѣхала въ Москву, жила тамъ или въ деревняхъ гдѣ хочетъ, привнесъ и подорожную, гдѣ было сказано глухо, чтобъ посланнымъ людямъ давать подводы, безъ означенія именъ. Противъ другихъ членовъ кружка также не было никакихъ уликъ, и потому ихъ могли разослать только въ почетную ссылку, давши порученія въ Сибирскіе города. Мавринъ и Ганнибалъ отправлены были въ Тобольскъ, послѣдній съ порученіемъ строить крѣпость, потому что былъ инженеромъ; изъ Казани, 29 іюня онъ писалъ Меншикову: «Не погуби меня до конца имене своего ради, и кого давить такому превысокому лицу такого гада и самая послѣдняя креатура на земли, котораго червь и трава можетъ сего свѣта лишить: нищъ, сиръ, беззаступенъ, иностранецъ, нагъ, босъ, алченъ и жажденъ; помилуй, заступникъ и отецъ и защититель сиротамъ и вдовицамъ»⁵⁰ и проч. Иванъ Черкасовъ въ званіи синодскаго оберъ-секретаря отправленъ въ Москву для описи церковной утвари; 7 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было рѣшено: «О Иванѣ Черкасовѣ въ сенатѣ объявить, чтобъ по посланному къ нимъ указу объ отправленіи его въ Москву чинилъ немедленно»⁵¹. Изгнанникъ Федоръ Веселовскій, не зная, что дѣлается въ Россіи, думалъ, что съ восшествіемъ на престолъ сына царевича Алексѣя наступило удобное время просить позволенія возвратиться въ Россію. 19 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ читано было письмо его изъ Лондона, гдѣ онъ, объявляя причины своего бѣгства, просилъ о помилованіи. Но въ Совѣтѣ нашли оправданія его не заслуживающими уваженія. Остерманъ понесъ письмо къ Меншикову, и тотъ объявилъ, что нельзя дать помилованія. Когда старикъ генераль-адмиралъ графъ Апраксинъ завелъ было рѣчь въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о

Мавринъ и Петровъ, за что они сосланы, то Остерманъ сталъ просить его, чтобъ онъ больше объ этомъ не говорилъ.

Царевна Анна Ивановна сѣшшла умиловить Меншикова унизительными письмами: «Вашей свѣтлости многія милости ко всѣмъ людямъ показаны, и какъ ирежде, такъ и нынѣ чрезъ вашу свѣтлость получили многіе милости; также и государыня моя матушка и всѣ мы много отъ вашей свѣтлости одолжены. И съ покорностію прошу вашу свѣтлость: какъ ирежде я имѣла вашей свѣтлости къ себѣ многую любовь и милость, тако и нынѣ и по нынѣшнемъ нашемъ свойству меня не оставить, но содержать въ милости и протекціи, въ которую протекцію вашей свѣтлости и себя нижайше рекомандую». Въ томъ же родѣ Анна писала письмо и къ женѣ Меншикова и къ свояченицѣ его Варварѣ Арсеньевой: но все напрасно!

Петръ Михайловичъ Бестужевъ вызванъ былъ изъ Митавы въ Петербургъ и задержанъ здѣсь, несмотря на жалобные вопли герцогини о возвращеніи необходимаго ей человѣка; самой царицѣ Меншиковъ не позволилъ пріѣхать въ Петербургъ для поздравленія императора съ восшествіемъ на престолъ⁵².

Кабинетъ, существовавшій при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I подъ управленіемъ знаменитаго кабинетъ-секретаря Макарова, былъ упраздненъ, какъ ненужный при малолѣтнемъ императорѣ; Макаровъ лишился своего важнаго значенія, въ которомъ не могъ всѣмъ угодить, и былъ назначенъ президентомъ въ камеръ-коллегію. Пріятель его графъ Матвѣевъ по просьбѣ, за долготѣнія службы, отъ дѣлъ уволенъ и позволено ему жить гдѣ захочетъ. Волинскій, уволенный отъ губернаторства въ Казани, жилъ въ Петербургѣ въ званіи шталмейстера; его назначили министромъ ко двору герцога голштинскаго; потомъ передумали и назначили въ украинскую армію. Герольдмейстеръ и оберъ-церемоніймейстеръ графъ Санти былъ засланъ далеко въ Сибирь по связи съ Толстымъ, которому онъ служилъ переводчикомъ.

Семена Маврина не было болѣе при императорѣ; при Петрѣ не было и учителя Зейкина. Иванъ Алексѣевичъ Зейкинъ былъ учителемъ въ домѣ Александра Львовича Нарышкина, съ которымъ ѣздилъ за границу. Въ 1722 году онъ получилъ отъ Петра Великаго слѣдующую записку: «Господинъ Зейкинъ: понеже время приспѣло учить внука нашего, того ради, вѣдая ваше ис-

куство въ такомъ дѣлѣ и добрую вашу совѣть, опредѣляемъ васъ къ тому, которое дѣло начини съ Богомъ по осени». Зейкинъ сталъ отговариваться, выставляя свою неспособность къ такому важному дѣлу, и дѣло затянулось надолго. Въ ноябрѣ 1723 года Зейкинъ получилъ отъ государя записку уже въ другомъ тонѣ: «Указъ г. Зейкину: опредѣляемъ васъ учителемъ къ нашему внуку, и когда сей указъ получишь, вступи въ дѣла свои немедленно». Но и послѣ этого указа Александръ Львовичъ Нарышкинъ не отпускалъ Зейкина. Тогда Петръ написалъ Макарову: «Нарышкинъ его не отпускаетъ, притворяя удобъ возможные подлоги, и также я не привыкъ жить съ такими, которые не слушаются смирно: того ради скажи и объяви сіе письмо, что ежели Зейкинъ по указу не учинитъ, то я не надъ Зейкинымъ, но надъ нимъ (Нарышкинымъ) то учиню, что доводится преслушникамъ чинить, ибо все сіе отъ него происходитъ». 10 іюля 1727 года Зейкинъ былъ выпровоженъ за границу въ Венгрію, его отечество. Тверской архіепископъ Теофилактъ Лопатинскій, вооружаясь противъ лютеранства, хвалилъ благочестіе и ученіе Зейкина, говорилъ, что онъ былъ бы очень надобенъ въ нынѣшнее время къ наставленію государя въ добрыхъ правилахъ и благочестіи. Мавринъ и Зейкинъ были отстранены; Остерманъ остался одинъ; но кромѣ Петра для него очень было важно подчинить своему вліянію сестру императора, великую княжну Наталью. Она была только годомъ старше брата, но была развита выше своего возраста, особенно быть-можетъ, вслѣдствіе болѣзненности, чахоточности, хотя, разумѣется, мы не имѣемъ надобности вѣрить восторженнымъ отзывамъ о необыкновенныхъ способностяхъ Натальи, сохранившимся въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ: извѣстно, какъ партія, примыкающая къ высоко-поставленному лицу, обыкновенно преувеличиваетъ достоинства этого лица, тогда какъ партія противная, наоборотъ, уменьшаетъ ихъ. Петръ очень любилъ сестру, съ которою вмѣстѣ выросъ, и слушалъ ее; Остерману не трудно было овладѣть волею великой княжны, которая была доступнѣе внушеніямъ учителя, чѣмъ мальчикъ, который думалъ объ одномъ, какъ бы изъ класса вырваться поскорѣе куда-нибудь, гдѣ повеселѣе. Въ бумагахъ Остермана сохранилось слѣдующее писаніе Петра II на латинскомъ языкѣ: «каждый разъ какъ я съ собою разсуждаю,

сколь много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ безопасности и благоденствію народа, не могу не принести неизмѣнной признательности свѣтлѣйшей княжнѣ, моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда-либо забыть столько заслугъ ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе нѣкогда будетъ мое государство, тѣмъ болѣе, признавая плоды ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и императора»⁵³.

Должно быть еще Зейкинъ выучилъ Петра по латынѣ, ибо мы видимъ, что онъ на этомъ языкѣ переписывается съ Остерманомъ, т.-е. набираетъ латинскія слова, оставляя фразу русскою. Остерманъ составилъ планъ ученія, въ который входила: 1) Древняя исторія: «Читать исторію и вкратцѣ главнѣйшіе случаи прежнихъ временъ, перемѣны, приращеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдовавшею потомъ пользою и славою представлять. И такимъ образомъ можно во время полугода пройти Ассирійскую, Персидскую, Греческую и Римскую монархіи до самыхъ новыхъ временъ, и можно къ тому пользоваться авторомъ первой части историческихъ дѣлъ Яганомъ Гибнеромъ, а для прискиванія такъ называемымъ Билдерзааломъ». 2) Новая Исторія: «Новую исторію трактовать, и въ оной, по приводу г. Пуфендорфа, новое дѣяніе cadaго, и особливо пограничныхъ государствъ, представлять, и впрочемъ извѣстіе о правительствующей фамиліи cadaго государства, интересъ, формъ правительства, силъ и слабости по малу подавать». 3) Географія: «Географія, отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ, показывать, и къ тому употреблять краткое описаніе Гибнерова». 4) Математическія операціи, ариѳметика, геометрія и прочія математическія части и искусствъ изъ механики, оптики и проч. Обозначены были и забавы: концертъ музыкаскій, стрѣльба, игра подъ названіемъ вальяntenшпиль, бильярдъ, ловля на острову. Но кромѣ того сохранилась записка, подписанная самимъ Петромъ, гдѣ говорится: въ понедѣльникъ пополудни отъ 2 до 3-го часа учиться, а потомъ солдатъ учить; по полудни вторникъ и чет-

вергъ съ собаки на полѣ; по полудни въ среду солдатъ обучать, по полудни въ пятницу съ птицами ѣздить; по полудни въ субботу музыкою и танцованіемъ; по полудни въ воскресенье въ лѣтній домъ и въ тамошніе огороды ⁵⁴.—**Оеофанъ Прокоповичъ** написалъ. «Какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багряно-роднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ».

По плану **Остермана** **Петръ** долженъ былъ каждую среду и пятницу присутствовать въ **Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ**. 21 іюня въ началѣ одиннадцатаго часа императоръ пріѣхалъ въ **Совѣтъ** и объявилъ: «Послѣ какъ Богъ изволилъ меня въ малолѣтствѣ всея Россіи императоромъ учинить, навящшее мое стараніе будетъ, чтобъ исполнить должность добраго императора, то-есть, чтобъ народъ мѣ подданный съ богобоязненностію и правосудіемъ управлять, чтобъ бѣдныхъ защищать, обиженнымъ помогать, убогихъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отогнать, но веселымъ лицомъ жалобы ихъ выслушать, и по похваленному императора **Веспасіана** примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать». Послѣ, во все время господства **Меншикова**, мы не встрѣчаемъ извѣстій о присутствіи **Петра** въ **Тайномъ Совѣтѣ**. **Меншиковъ** присутствовалъ также очень рѣдко; **Остерманъ** не присутствовалъ или приходилъ поздно; къ нимъ обонимъ тайный совѣтникъ **Степановъ** носилъ дѣла на домъ для полученія ихъ мнѣнія; такъ подѣ 19 іюля читаемъ въ журналѣ: «Написанный указъ о раздѣленіи ихъ высочествамъ государынямъ цесаревнамъ вещей носилъ тайный совѣтникъ **Василій Степановичъ** къ барону **Андрею Ивановичу Остерману**, и, возвратясь, донесъ, что тому указу быть въ той силѣ **Андрей Ивановичъ** согласился, а свѣтлѣйшаго князя о томъ доложить не получилъ». Иногда отъ свѣтлѣйшаго князя объявлялись приказы, чтобъ изволили издать такой-то указъ. Присутствовали обыкновенно трое: **Апраксинъ**, **Головкинъ** и **Голицынъ**.

Вслѣдствіе предпологавашагося упраздненія Кабинета, 24 мая **Верховный Тайный Совѣтъ** объявилъ именной указъ, чтобъ о новыхъ и важныхъ дѣлахъ, о которыхъ прежде висали прежде всего въ Кабинетъ, теперь прямо доносили въ **Совѣтъ**, именно о нападеніи непріятели, о моровой язвѣ или о какихъ-нибудь замѣшательствахъ; относительно же трехъ первыхъ пунктовъ, т.-е. злоумышленія противъ государя, измѣны и возмущенія изъ

близкихъ къ Петербургу губерній и провинцій писать въ Сенатъ, изъ дальнихъ въ Москву къ генераль-губернатору князю Ромодановскому ⁵⁵. Относительно Сената Верховный Тайный Совѣтъ показалъ свою власть 17 июля: впущенъ былъ сенатскій оберъ-прокуроръ Воейковъ, и выговаривано ему о неисправленіи дѣлъ сенатскихъ, что сѣзды бывають не ежедневно и то пріѣзжаютъ поздно, по счетамъ большой суммы не взыскивають, и для чего онъ, оберъ-прокуроръ, должности своей не исполняетъ; приказано неисправленіе его должности расписать, и для лучшаго въ отправленіи сенатскихъ дѣлъ порядка подавать ежедневно журналы, кто въ какой часъ пріѣдетъ и какъ будутъ отправляться дѣла ⁵⁶.

Главный упрекъ Сенату былъ за невзысканіе значительныхъ суммъ. Работа надъ средствами поправленія финансовъ продолжалась въ Совѣтѣ. По указу 9 февраля запрещено было посылать комиссаровъ и подьячихъ для сбору подушныхъ денегъ, велѣно было принимать эти деньги земскимъ комиссарамъ въ городахъ, въ надеждѣ, что подданные будутъ платить подушную подать исправно въ указные сроки; но надежда не оправдалась: подданные не уплачиваютъ подати сами въ опредѣленное время. Вслѣдствіе этого изданъ былъ указъ: губернаторамъ и воеводамъ посылать отъ себя нарочныхъ въ вотчины, не заплатившія податей, и, взявши въ города, править деньги на самихъ помѣщикахъ, а гдѣ ихъ самихъ нѣтъ, на ихъ прикащикахъ, старостахъ, выборныхъ и крестьянахъ, а въ дворцовыхъ и духовныхъ вотчинахъ на управителяхъ и крестьянахъ. Недоборъ будетъ взысканъ на губернаторахъ и воеволахъ; они же будутъ отвѣчать, если посланные ими нарочные позволятъ себѣ обижать уѣздныхъ людей ⁵⁷. 1 іюня въ Совѣтѣ разсуждали о томъ, чтобъ сложить поворотныя деньги; въ указѣ, обнародованномъ 20 іюля, говорилось, что поворотный сборъ съ привозныхъ всякихъ воезовъ указано отставить для народной пользы и для пресѣченія воровства отъ сборщиковъ; сумму, которая получалась отъ этого сбора, взявъ сборъ средняго года, разложить на кабацкія питейныя продажи ⁵⁸. Имѣя въ виду недостатокъ людей и денегъ, продолжали разбирать, нѣтъ ли какихъ учрежденій и должностей, которыя можно было бы уничтожить. Мы видѣли, что въ предшествовавшее царствованіе рѣшились подчинить магистраты губер-

наторамъ и воеводамъ; теперь пришли къ мысли, что лучше со-
всѣмъ ихъ уничтожить, потому что люди понапрасну заняты, а
дѣла въ губерніяхъ поручить губернаторамъ и воеводамъ ⁵⁹.
Мысль эта не была приведена въ исполненіе; но порѣшили съ
главнымъ магистратомъ: 18 августа изданъ былъ указъ: «Понеже
городовые магистраты повелѣно подчинить губернаторамъ: того
ради указали мы въ С.-Петербургѣ главному магистрату не быть,
а учинить только для суда здѣшняго купечества въ ратушѣ од-
ного бургомистра и съ нимъ двухъ бурмистровъ, кромѣ тѣхъ,
которые были нынѣ въ магистратѣ членами, и быть имъ погодно
съ перемѣною за выборомъ купецкихъ людей, добрымъ и знат-
нымъ людямъ; а которыя дѣла имѣютъ быть между иностран-
ныхъ купцовъ, тѣмъ дѣламъ быть въ камерцъ-коллегіи» ⁶⁰. Въ
Совѣтѣ кто-то спросилъ: «Когда онаго магистрата не будетъ, то
городовые магистраты, ежели имъ отъ воеводъ обида происхо-
дитъ будетъ, къ кому писать будутъ»? Но вопросъ этотъ остался
безъ отвѣта ⁶¹. Въ Совѣтѣ разсуждали также, чтобъ въ Москвѣ
коллежскимъ конторамъ не быть, а посылать изъ коллегій указы
прямо къ московскому губернатору; въ Синодѣ оберъ-секретарю
не быть; московской синодальной конторѣ и дикастеріи не быть,
а быть духовному приказу подъ вѣдѣніемъ крутицкаго архіерея,
коллегіи экономіи и камеръ-конторѣ не быть ⁶². Хотѣли перевести
вотчинную коллегію въ Москву; но затруднялись тѣмъ, что
прежній указъ о перепискѣ дачъ и столбцовъ былъ неиспол-
ненъ, и теперь хотѣли ограничиться только описаніемъ дачъ и
столбцовъ и снятіемъ точныхъ копій съ однихъ ветхихъ дѣлъ;
ибо если коллегія въ Москву отпустится, то чтобъ дѣла не рас-
пропали. Былъ вопросъ о переводѣ камеръ-и-юстицъ-коллегій въ
Москву, но тутъ же рѣшили оставить ихъ въ Петербургѣ ⁶³.

Мы видѣли, что въ предшествовавшее царствованіе забота о
поднятіи торговли возложена была на Остермана, предсѣдателя
коммиссіи о коммерціи. Коммиссія работала. Петръ Великій, имѣя
въ виду заведеніе своихъ мануфактуръ, поднялъ пошлину съ
сырыхъ произведеній, отпускаемыхъ изъ Россіи за-границу: такъ
съ льняной и пеньковой пряжи бралось по $37\frac{1}{2}$ процентовъ.
Коммиссія о коммерціи нашла что съ такою высокою пошлиною
пряжи отпускать нельзя, отъ чего русскому купечеству и крестъ-
янству большое разореніе, ибо прежде пряжи отпускалось за

границу много, и какъ купечество, такъ и крестьянство имѣли отъ того пропитаніе, и пошлинь сходило много, тогда какъ теперь ни пошлинь въ казну, ни народной пользы. Коммиссія представляла, что надобно позволить отпускать пряжу, взимая по пяти процентовъ ефимками; а русскіе фабриканты должны уговариваться заблаговременно съ поставщиками пряжи чтобы поставляли имъ пряжу лучшую, чтобъ можно было дѣлать въ Россіи полотна одинакія съ заморскими. Представленіе коммиссіи было утверждено ⁶⁴. Остерманъ исходатайствовалъ указъ: «Ежели который городъ или кто и партикулярно въ купечествѣ имѣетъ какое недовольство или въ чемъ признаваетъ тягость, или и сами усмотрятъ, что какъ генерально и партикулярно къ распространенію и умноженію купечества полезно быть можетъ, и чтобъ объявляли безъ всякаго сумнѣнія и опасенія съ яснымъ доказательствомъ, и подавали-бъ въ городахъ письменно нашимъ генераль-губернаторамъ и губернаторамъ и воеводамъ, которымъ, принимая то, не удерживая, отсылать въ учрежденную коммиссію въ С.-Петербургъ, по которому чинено будетъ въ той коммиссіи разсмотрѣніе къ народной пользѣ ⁶⁵». По доношенію той же коммиссіи сибирскій торгъ мягкою рухлядью велѣно отдать въ вольную торговлю для всенародной пользы ⁶⁶.

Но при этихъ заботахъ о матеріальныхъ средствахъ государства встрѣчаемъ распоряженіе, которое служитъ признакомъ смягченія правовъ, стремленіе дать народу лучшее воспитаніе, истребляя слѣды варварскихъ, азіатскихъ привычекъ. 10 іюля объявленъ былъ именной указъ: «Которые столбы въ С.-Петербургѣ внутри города на площадяхъ каменные сдѣланы, и на нихъ также и на кольяхъ винныхъ людей тѣла и головы потыканы, тѣ всѣ столбы разобрать до основанія, а тѣла и взоткнутыя головы снять и похоронить ⁶⁷.»

Къ сожалѣнію блюстительница народной нравственности, главная участница въ народномъ воспитаніи, церковь представляла неутѣшительныя явленія, которыя ослабляли уваженіе къ ея пастырямъ. Сильныя жалобы Ростовскаго архіепископа Георгія на оскуднѣніе доходовъ были теперь услышаны; 26 мая объявленъ былъ именной указъ: «Ростовской епархіи всѣ епаршескіе сборы изъ домовыхъ вотчинъ, какъ денежныя такъ и хлѣбныя доходы отдать до предбудущаго нашего указу въ вѣдомство той епар-

хив архіепископу Георгію, на содержаніе соборной и домовыхъ и ружныхъ церквей, и на собственные его и домовыхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ служителей, обрѣтающихся въ той епархіи и въ С.-Петербургѣ, расходы, также сиропитательницы и ружниковъ; и для того, которые доходы положены были собирать въ синодскую камеръ-контору, нынѣ тѣхъ доходовъ не брать; также и ему, архіерею ни на какое содержаніе больше тѣхъ опредѣленныхъ съ его епархіи доходовъ не требовать, и всѣ надлежащіе расходы исправлять тѣми епаршескими и собираемыми съ домовыхъ вотчинъ доходами, кромѣ собираемыхъ съ вѣчныхъ памятей пошлинъ, которыя по прежнему указу отсылать на гошпиталь ⁶⁸. 12 іюня члены Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждали о томъ, чтобъ деревни отдать архіереямъ по прежнему, архіереи же должны платить въ камеръ-коллегіи положенные на эти деревни сборы ⁶⁹.

Но послышалась жалоба съ другой стороны, не на матеріальные недостатки, а на ослабленіе той мѣры, посредствомъ которой Петръ Великій старался поднять нравственное значеніе духовенства. Ректоръ московскихъ славяно-греко-латинскихъ школъ, архимандритъ Гедеонъ Вишневскій донесъ Синоду, что указомъ 1723 года велѣно во всѣхъ монастыряхъ переписать молодыхъ монаховъ и выслать въ школы для ученія: но прислано только изъ Смоленской епархіи два іеродіакона, изъ которыхъ одинъ и теперь въ школахъ, а другой бѣжалъ, да изъ Сибирской епархіи одинъ іеродіаконъ, который въ 1726 году, по указу изъ московской синодальной канцеляріи, отпущенъ домой въ Сибирь, да своею охотою уматся четыре человѣка; изъ прочихъ епархій и изъ московскихъ монастырей, хотя въ нихъ и довольно молодыхъ и къ ученію способныхъ монаховъ, изъ которыхъ бы могъ быть плодъ церкви и произошли бы въ учителя и проповѣдники, и понынѣ никто не присылыванъ. Синодъ приговорилъ послать подтвердительные указы о высылкѣ молодыхъ монаховъ въ Москву ⁷⁰.

Въ отношеніяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Синоду мы не замѣчаемъ уваженія, должнаго верховному церковному правительству. Мы видѣли, что съ Англіею у русской церкви были постоянныя сношенія и канцлеръ графъ Головкинъ представилъ Совѣту письмо находящихся въ Англіи русскихъ духовныхъ

особь, въ которомъ объявляли, что присланъ къ нимъ изъ Синода указъ о приводѣ къ присягѣ новому императору, но имъ приводить къ присягѣ некого. Распоряженіе Синода; если въ немъ и заключалась нѣкоторая неосмотрительность, незаслуживало однако того чтобъ на него нужно было обратить большое вниманіе; несмотря на то, Совѣтъ рѣшилъ: синодскихъ членовъ призвавъ, выговорить, что имъ такого указа не спросяся, посылать не надлежало ⁷¹. Спустя немного времени послѣ того, въ одно изъ засѣданій Совѣта явился оберъ-секретарь и объявилъ отъ свѣтлѣйшаго князя приказъ, чтобъ изволили опредѣлить указомъ коломенскому архіерею имѣть смотрѣніе надъ петербургскими попами по примѣру архіерея крутицкаго, завѣдывающаго духовенствомъ московскимъ ⁷². Странно, что петербургское духовенство поручалось коломенскому архіерею, мимо архіепископа Новгородскаго; но этотъ архіепискомъ самый представительный членъ Синода по дарованіямъ и образованности, былъ вовлеченъ въ непріятное дѣло, которое было не безъ вліянія на отношенія Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Синоду.

Мы видѣли, что церковныя преобразованія, совершившіяся при Петрѣ, возбуждали неудовольствіе не въ однихъ низшихъ слояхъ народонаселенія, но и между сенаторами, которые и указывали Синоду на нѣкоторыя крайности и неприличіе пріемовъ въ этихъ перемѣнахъ. Главными поборниками нововведеній въ дѣлѣ церковномъ считались двое главныхъ членовъ Синода, Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Первый, человекъ страстный, неосторожный, непослѣдовательный и не выдававшійся своими дарованіями, палъ въ началѣ царствованія Екатерины—и никто не жалѣлъ о немъ. Ѳеофанъ былъ ловокъ, остороженъ и послѣдователенъ, потому не сталкивался съ Петромъ; преобразователь видѣлъ въ немъ человека вполне сочувствовавшаго преобразованію; разбирать же, въ чемъ Ѳеофанъ переходилъ должные предѣлы или нѣтъ, Петръ не имѣлъ возможности: Стефанъ Яворскій съ своими приверженцами упрекалъ Ѳеофана въ неправославіи; но на самого Стефана сыпались такіе же упреки изъ столицы православія, Константинополя; Петръ защитилъ Стефана отъ константинопольскаго патріарха, и тѣмъ болѣе могъ считать своимъ правомъ и обязанностію защитить Ѳеофана отъ Рязанскаго митрополита. Но другіе смотрѣли иначе на дѣло, и

считали Теофана главнымъ виновникомъ непріятныхъ имъ церковныхъ преобразованій. Навлекши на себя негодованіе однихъ какъ авторъ «Духовнаго регламента», Теофанъ навлекъ на себя негодованіе другихъ какъ авторъ «Правды воли монаршей»,—сочиненія направленаго противъ правъ великаго князя Петра. Понятно, что Теофанъ долженъ былъ примкнуть къ сторонѣ, которая хлопотала о возведеніи на престолъ Екатерины, и вздохнулъ свободно, когда эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Мы видѣли, что паденіе Θεодосія очистило для Теофана первое мѣсто въ Синодѣ; но архіепископъ Новгородскій скоро увидаль, что твердой руки, поддерживавшей его, не было болѣе, что Екатерина и для него не могла замѣнить Петра. И человекъ, менѣе Теофана проникательный, могъ легко усмотрѣть слабость императрицы, происходившую сколько отъ характера, столько же и отъ положенія, чрезвычайно непрочнаго, что заставляло ее продолжать и на престолѣ прежній образъ дѣйствій, къ какому она привыкла при жизни мужа, т.-е. угождать всѣмъ, заискивать у всѣхъ, не обращая большаго вниманія на послѣдовательность, на подчиненіе отдѣльныхъ отношеній общему, единому плану дѣйствія; Екатерина уступала всякой силѣ, желая съ каждою жить въ ладу, не имѣть ни одной противъ себя. Она покровительствовала Теофану; но въ то же время уступила просьбамъ людей, нерасположенныхъ къ нему, которые хотѣли ввести въ Синодъ ему соперника, человека совершенно противоположнаго направленія и характера, именно Георгія Дашкова архіепископа Ростовскаго. Мы видѣли дѣятельность Георгія во время астраханскаго бунта,—дѣятельность, которая обратила на него вниманіе Петра; Дашковъ былъ сдѣланъ келаремъ, потомъ архимандритомъ Троицкаго монастыря, а въ 1718 году посвященъ въ епископы въ Ростовъ, даже несмотря на то, что не былъ ученымъ монахомъ и даже несмотря на то, что не былъ оправданъ по доносу въ злоупотребленіяхъ богатою казною Троицкаго монастыря. Въ лицѣ новаго Ростовскаго архіерея, энергическаго, честолюбиваго, ловкаго, умѣвшаго заводить связи и пробиваться къ своей цѣли всякими средствами, способнаго природными дарованіями прикрывать недостатокъ образованія,—въ лицѣ Дашкова получили своего представителя тѣ великорусскіе духовные, которые были отстраняемы отъ высшихъ степеней ненавистными *ляшечками*,

малороссійскими монахами, управлявшими русскою церковію потому только что учились въ школахъ. Георгій не могъ равнодушно снести, что ляшенки наполняли Синодъ, а онъ не былъ членомъ священной коллегіи; тотчасъ же, въ 1721 году, онъ столкнулся съ Синодомъ, написавши къ нему доношеніе «весьма противное и дерзостное во многихъ нарекательныхъ терминахъ»; Синодъ отвѣчалъ ему выговоромъ съ угрозою, что если не испроситъ у Синода прощенія, то не останется безъ должнаго наказанія. Дашковъ смирился, но не оставилъ мысли попасть въ Синодъ какимъ бы то ни было способомъ; онъ обратился къ любимцу императрицы Монсу съ просьбою, чтобъ тотъ выхлопоталъ ему или мѣсто вице-президента въ Синодѣ или, по крайней мѣрѣ, переводъ на Крутицы: мѣсто крутицкаго архіерея было очень важно, во первыхъ потому, что онъ завѣдывалъ московскимъ духовенствомъ, во вторыхъ потому, что дворъ и Сенатъ посѣщали древнюю столицу и долго въ ней оставались. Ни то, ни другое желаніе Георгія не было исполнено въ царствованіе Петра Великаго; но онъ недолго дождался: Екатерина въ 1725 году назначила его членомъ Синода, несмотря на нежеланіе послѣдняго. Время было благопріятное; люди враждебные церковнымъ нововведеніямъ и нововводителямъ, могли высказываться свободнѣе безъ Петра; Екатеринѣ могли указать и сама она могла замѣтить раздраженіе противъ неблагоразумныхъ нововводителей въ разныхъ слояхъ общества, начиная съ высшаго, и, разумѣется, въ ея выгодахъ было смягчить это раздраженіе, приобрести популярность болѣе православнымъ поведеніемъ; не безъ разчета могли поступить строго съ Θεодосіемъ, привести его въ жертву всеобщему неудовольствію, и не безъ разчета спѣшили назначить въ Синодъ въ товарищи Прокоповичу и Лопатинскому неляшенка, человѣка съ противоположнымъ направленіемъ.

Георгій, представитель стараго направленія въ церкви, членъ Синода; Θεофану, представителю новаго, не ловко; онъ недоволенъ: недоволенъ Екатериною, которая измѣнила въ его глазахъ дѣлу Петра Великаго, возвышая людей, враждебныхъ этому дѣлу; недоволенъ особенно Меншиковымъ, который, какъ главный между птенцами Петра, не поддерживалъ своихъ, позволялъ давать дорогу людямъ имъ враждебнымъ. Θεофана не трогали какъ знаменитость прошлаго царствованія и по неимѣнію поводовъ; но поводы могли найтись, и дѣйствительно нашлись.

Еще въ началѣ 1725 года Синоду было донесено, что въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ лежатъ на полу 70 иконъ со снятыми окладами и вѣнцами, и въ допросѣ показывали, что снимать вѣнцы и оклады приказывалъ архимандритъ монастыря Маркелль Родышевскій, а Маркелла поставилъ архимандритомъ и судьей архіерейскаго дома Теофанъ. Въ 1725 году Теофану удалось замять дѣло—выручить своего кліента; но въ началѣ 1726 года дѣло возобновилось, быть можетъ, не безъ цѣли привлечь къ нему и Теофана, оставшагося теперь главою нововодителей. Маркелль пріѣхалъ въ Петербургъ отвѣчать предъ Синодомъ на обвиненіе, ходилъ къ Теофану; однажды явился онъ къ нему въ большомъ страхѣ и рассказывалъ, что два раза встрѣтилъ гвардейскаго солдата, который грозилъ ему: «Будемъ васъ, Федосовщину, за то, что ругаете и обираете св. иконы, съ вашими начальниками, скоро губить; помни это крѣпко! вотъ скоро дождемся колокола и будетъ вамъ!» Сначала Теофанъ старался успокоить Маркелла, и, приписывая его ужасъ болѣзненному состоянію, призывалъ къ нему доктора; но потомъ счелъ необходимымъ препроводить его для допросовъ въ Преображенскую Канцелярію. Поступокъ совершенно понятный: человѣкъ свидѣтельствуешь о приготавливающейся смутѣ; пусть онъ донесетъ объ этомъ, гдѣ слѣдуетъ; ибо если Маркелль самъ пошелъ бы съ доносомъ въ Преображенскую Канцелярію и въ допросѣ сказалъ, что объявлялъ объ угрозахъ солдата преосвященному новгородскому, то послѣдняго не поблагодарили бы. Теофанъ впрочемъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что убѣдился въ притворствѣ Маркелла, отъ чего родился въ немъ страхъ, не знаетъ ли и въ самомъ дѣлѣ онъ чего-нибудь подобнаго и не распускаетъ ли этихъ слуховъ нарочно для смущенія народа и для опечаленія ея величества? Какъ бы то ни было, если понятенъ поступокъ Теофана, то понятно также, что Маркелль, отосланный въ Преображенскую Канцелярію человѣкомъ, отъ котораго ждалъ только милости и защиты, сильно раздражился противъ Теофана и рѣшился выпутаться изъ своего страшнаго положенія, и вмѣстѣ отомстить Теофану и пріобрѣсть расположеніе и защиту его враговъ доносомъ на новгородскаго архіерея.

Въ Преображенской Канцеляріи Маркелль, показавъ, что онъ боленъ меланхоліею, которую навели на него слова двоихъ але-

ксандроневскихъ монаховъ; одинъ сказалъ ему: «Богъ знаетъ, увидимся ли съ тобою!» а другой говорилъ: «Я подарилъ тебѣ одну лютеранскую книгу, возьми у меня еще двѣ такія же». Изъ этихъ словъ Маркеллъ заключилъ, не грозитъ ли бѣда нѣкоторымъ синодальнымъ членамъ за ихъ противности къ церкви? и боялся не взяли бы и его понапрасну, потому что онъ о противностяхъ къ церкви нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ знаетъ и объявить, гдѣ будетъ приказано. Меланхолія напала на него еще и отъ того, что шелъ за нимъ какой-то унтеръ-офицеръ, бранилъ бывшего архіерея Федоса за иконоборство и, обратившись къ нему Маркеллу, сказалъ: «Вы и ваши начальники такіе же иконоборцы и церкви противники, потому что противъ Федоса ни въ чемъ не спорили, помните, что за это скараетъ васъ Богъ». На другой день гвардейскіе солдаты, указывая на него, говорили: «Это все Федосовщина; хорошо бы всю Федосовщину истребить». Маркеллъ объявилъ и о разговорахъ своихъ съ Феофаномъ политическаго содержанія. Однажды Феофанъ говорилъ ему: «Государыня императрица благоволила немного ошибиться въ томъ, что свѣтлѣйшаго князя изволила допустить до всего, за что всѣ на него негодуютъ, такъ что и ея величеству не очень пріятно, что она то изволила сдѣлать. Поистинѣ говорю, что я наипаче ея величество и на престолѣ всероссійскомъ утвердилъ, а то по кончинѣ его императорскаго величества стали были иные насчетъ этого прекословить. А нынѣ многіе негодуютъ, особенно за свѣтлѣйшаго князя, что ея величество изволила ему вручить весь домъ свой, и Богъ знаетъ, что будетъ далѣе. Подождать мало: вотъ въ скоромъ времени у насъ произойдетъ что-нибудь великое; про ея императорское величество говорятъ и то, что она иноземка и лютеранка. Когда императрица изволила смотрѣть строю, и въ то время чуть ее изружей не убили дважды, и пулею убило человѣка, который былъ отъ нея въ полусаженіи, изъ чего видно, что многіе ея величеству не благопріятствуютъ; только одинъ кажется вѣренъ—графъ Толстой, но и тотъ, какъ всѣ вознегодуютъ, къ нимъ же приклонится; и то захотѣлось ей жеманиться, да отнюдь не пристало, потому что вотъ на нее какіе замахи: а воинство муштроватъ есть на то генералы, а не ея дѣло».—Принемъ, Маркеллъ, былъ у Феофана Александроневскій архиман-

дрить и говорилъ: «Вчерашняго числа былъ у насъ въ монастырѣ свѣтлѣйшій князь и пѣлъ молебень». Теофанъ, покачавъ головою, сказалъ на это: «На что Бога обманывать: онъ самый недобрый человекъ, многимъ зло дѣлаетъ, а показываетъ себя богомоломъ и молебны поетъ». Спрошенный: кто именно синодальные члены и какія противности къ церкви имѣютъ? Маркеллъ представилъ обличеніе на Теофана въ неправославныхъ мнѣніяхъ, и указалъ на людей, которые раздѣляютъ эти мнѣнія, между прочимъ на извѣстнаго проповѣдника, Гавриила Бужинскаго. Между тѣмъ въ Синодѣ продолжалось дѣло о Маркеллѣ, и явилось на него новое обвиненіе: между его вещами нашли епитрахиль и пелену со споротыми жемчугами. Синодъ прислалъ въ Преображенскую Канцелярію вопросные пункты Маркеллу, и тотъ отвѣчалъ, что онъ обиралъ жемчугъ съ епитрахили и пелены по приказанію Теофана ⁷³.

Императрица, по докладу Тайной Канцеляріи, приказала потребовать объясненія отъ Теофана. Теофанъ представилъ объясненія. Ему легко было написать, что Маркеллъ оклеветалъ его относительно «непристойныхъ словъ»; но нѣкоторымъ, особенно Меншикову, трудно было повѣрить, что Маркеллъ все это выдумалъ. Теофанъ далъ такой смыслъ своимъ рѣчамъ о государынѣ и Меншиковѣ: «Когда мнѣ сказалъ страхованіе свое и слова мятежныя Маркеллъ, тогда, отводя его отъ онаго страха или мечтанія, говорилъ я, что солдатъ, который будто на него и прочихъ кричалъ и угрожалъ мятежемъ и сѣченіемъ, былъ нѣкто отъ малконтентовъ: таковой (молвилъ я), ярости полный, увидя тебя и дѣло твое объ окладахъ иконнычъ слышавъ, ядъ гнѣва своего на тебя излевалъ. На примѣръ же малконтентовъ вспоманувъ о письмѣ подметномъ и о выстрѣленной пулѣ на экзерциціи, и приложилъ и сіе, что, можетъ быть, нѣкіи ярятся и на князя свѣтлѣйшаго за превосходство его: все же то сказалъ я вкратцѣ и не къ безчестію князя свѣтлѣйшаго и не къ поношенію ея величества, но просто къ его (Маркеллову) утѣшенію, понеже сей лукавецъ притворялъ себѣ великій страхъ и трепетъ. Нерядовой же и клеветникъ, который слово похвальное передѣлать умѣетъ на ругательное. Онъ и предики мои похвальныя перетолкуетъ на хульныя. Воспоминаю, какова извѣстная моя и къ ея императорскому величеству и ко всей ея ве-

личества высокой фамилии и ко всему российскому государству вѣрность: ибо не токмо никто и никогда ни въ дѣлѣ, ниже въ словѣ моемъ, никакой не могъ признать противности, но и многими дѣйствиими моими должная моя вѣрность свидѣтельствована стала. Свидѣтельствуютъ о ней многія мои проповѣди и не единая книжица изданная, въ которыхъ тщательно и многократно поучаю, какъ вѣрни подданіи и послушливы должны быть государямъ своимъ; свидѣтельствуютъ иныя мои сочиненія, которыми, какъ ни есть, по силѣ моей, слава ихъ величества послужилъ я. Тоже свидѣляется и отъ прошлогодскаго дѣла о Ѳеодосіи. А еще въ прошлыхъ 1708 и 1709 годахъ, когда Мазепина измѣна была и введенный оною въ отечество непріятель, — каковъ я тогда былъ къ государю и государству, засвидѣтельствуетъ его сіятельство, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Но, паче всего, каковое о моей вѣрности свидѣтельство блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ неоднократно произносилъ, ихъ сіятельству высокими министрамъ извѣстно. А о Маркеллѣ, какъ къ плутовству охотный онъ, все вѣдаютъ, кто его изблизка знаетъ: и въ прошломъ 1718 году, когда онъ тщался клеветою погубить преосвященнаго Ѳеофилакта, тверскаго архіепископа, его величество государь императоръ, яко премудрѣйшій государь, и слушать не похотѣлъ.

Ссылкою на свидѣтельство Петра Великаго Ѳеофанъ начинаетъ защиту свою противъ обвиненій въ неправославіи: «Извѣстно всѣмъ, что я поученій никогда не говорилъ, развѣ въ присутвіи множества честныхъ людей, но и самого императора. Смотри же, благоразсудный, какъ бѣснуется Маркелль: всѣхъ честныхъ людей, безъ всякаго изъятія, въ дураки ставитъ. Самъ Петръ Великій, не меньше премудрый, какъ и сильный монархъ въ предикахъ моихъ не узналъ ереси, а въ преблаженной кончинѣ своей и съ лобзаніемъ принималъ сіе мое ученіе (объ оправданіи вѣроу), которое Маркелль ересью нарицаетъ. Извѣстно же намъ, что тотъ же монархъ двѣ предики Маркелловы въ Кронштадтѣ, яко безумныя и хульныя обличилъ; а въ моихъ не усмотрѣлъ, что усмотрѣлъ Маркелль. Что же надлежитъ до моихъ книжиць, первую (о отроческомъ наставленіи) апробовалъ императорское величество, и какъ именнымъ указомъ его сдѣлана, такъ егоже величества указомъ вездѣ разослана и повелѣно

изъ нея учить дѣтей росіянскихъ; а книжицу «о блаженствахъ» егожъ величество въ Низовомъ походѣ прочелъ и на письмѣ своемъ своеручномъ прислалъ объ оной книгѣ таковое въ Синодъ свидѣтельство, что въ ней показуется прямой путь спасенія. Ктожъ не видитъ, коликое Маркеллово дерзновеніе? Кто бо не видитъ, что онъ терзаетъ славу толикаго монарха?»

Маркелль обвинялъ Теофана въ мѣніи, что одно Св. писаніе полезно намъ къ спасенію, а св. отецъ писаніе имѣетъ въ себѣ многія неправости: потому не надобно его въ великой чести имѣть и на него полагаться. Теофанъ отвѣчаетъ: Всѣ мы учимъ и исповѣдуемъ, что едино Св. писаніе есть ученіе основательное о главнѣйшихъ догматахъ богословскихъ; приедемъ и преданія, оному непротивная; а св. отецъ книги, хотя и во второмъ по Св. писаніи, мѣстѣ полагаемъ, однакоже многопользныя нарицаемъ. О моемъ къ отеческимъ книгамъ почитанію не едино свидѣтельствуемъ дѣло мое: привожу въ предикахъ изъ книгъ отеческихъ свидѣтельства, тожъ дѣлаю въ книжицѣ «о блаженствахъ» и въ книжицѣ «правда воли монаршей» и въ книжицѣ «о крещеніи» и проч.; и въ библиотекѣ моей есть особливая отъ нихъ прочіихъ часть всѣхъ церковныхъ учителей, авторовъ числомъ больше 600 содержащая, на которыя издержалъ я больше тысячи рублей. И давно уже, по силѣ, обучаюсь и навыкаю вѣдать, о чемъ который отецъ св. пишетъ дабы въ случающихся церковныхъ нуждахъ скоро можно было выписывать свидѣтельства. А Маркелль, подлинно вѣдаю, ни единой никогда книги отеческой и въ рукахъ не держалъ, развѣ у меня въ шкафѣ стоящія и неотверзтыя видѣлъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о Маркеллѣ: «И не ложно могу сказать, что если бы такъ часто хлѣбъ ѣлъ онъ, какъ книги читаетъ, то въ три-четыре дни не стало бы его».

Маркелль обвинялъ Теофана: «Св. иконъ въ чести достоудожной не содержатъ, а содержатъ такъ, какъ содержатъ люторы». Теофанъ отвѣчаетъ: «Протолковалъ бы Маркелль, кая честь иконамъ св. достоудожная и тогда бы то или другое говорилъ на меня. А мое о чести, иконамъ св. подобающей, толкованіе напечатано въ наставленіи отроческомъ: и не мое самого, но всего собора седьмаго». Маркелль доносилъ: «Мнитъ Теофанъ и прочимъ сказываетъ, что водоосвященіе въ церкви суевѣріе есть и ни

къ чему оное не полезно». Теофанъ отвѣчаетъ: «А для чегожь въ домовой моей церкви водоосвященіе бываетъ, и въ мою и въ прочіи келіи приходитъ священникъ съ водокропленіемъ!» Между прочими обвиненіями Маркелль написалъ: «Чудотворца Николая многаяжды бранилъ Теофанъ и называлъ русскимъ богомъ». Теофанъ отвѣчаетъ: «Да не сподобитъ мене Богъ достигнуть онаго блаженства, которое и Николай св. и прочіи угодницы Божіи получили, если не жеть Маркелль! А то правда, что плотникамъ и другимъ простакамъ, по случаю говорилъ, дабы св. Николая не боготворили, съ полезнымъ разсужденіемъ, для того, что память св. Николая выше господскихъ праздниковъ ставятъ». Маркелль написалъ: «Говоритъ, что ученія никакого добраго въ церкви св. нѣтъ, а въ лютеранской церкви все ученіе изрядное». Теофанъ отвѣчаетъ: «Говорилъ часто со вздыханіемъ не о лютеранахъ однихъ, но и о папистахъ, кальвиникахъ, арминіанахъ и о самыхъ злѣйшихъ и магомтанскому злочестію близкихъ соцініанахъ что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И ино есть ученіе, иноже ученый человекъ. Ученіе церковное въ Св. писаніи, такожь въ соборахъ правильныхъ и книгахъ отеческихъ. А ученый человекъ который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго, хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи въ книгахъ заключенномъ. Извѣстно всѣмъ ученымъ, каковаго ученія Маркелль; что нетокмо не чель и не читаетъ ни Св. писанія, ни отеческихъ, ни соборныхъ и никакихъ книгъ, но и разумѣть не можетъ, и изъ латинскаго языка перевести не умѣетъ: и когда нѣкую книжицу переводить тщался, то между безчисленными смѣшными погрѣшеніи и сей толкъ положилъ, который и доселѣ для забавы воспоминается. Написано было: «эра троинская», а онъ перевелъ: «мать троинская». И не дивно: еще бо и въ школахъ тупость его вѣдома была. Изъ котораго его невѣжества произошло, что и въ сихъ пунктахъ своихъ нѣкіе главные церкви св. догматы ересью нареклъ. Какъ же таковой невѣжа можетъ чіе ученіе разсуждать и судить? Дадимъ же ему и умѣніе и силу искусства богословскаго (которой не бывало), и если въ 47 артикулахъ мои ереси содержатся, какъ то онъ описуетъ, то я не рядовой по мнѣнію

его, еретикъ. Для чего же Маркеллъ доселѣ молчалъ? для чего не охранялъ церкви отъ толь вреднаго развратника? Еще же и вѣщше, для чего мене не отвращался, но благословенія у меня требовалъ, и отцемъ и пастыремъ нарицалъ мене, и имя мое, яко пастырское, въ церкви при священнослуженіяхъ возносилъ? Была бы его вина, еслибъ онъ толь многія ереси за мною вѣдалъ, не скоро, гдѣ надлежитъ, донеслъ, хотя бы и свободенъ доносилъ: а то тогда уже доносить, когда въ важномъ дѣлѣ за арестъ уже посаженъ. А по шестому правилу св. собора втораго вселенскаго, не важно на архіерея доношеніе того, который самъ донесенъ, покамѣстъ самъ не оправдится». Θεοφάνъ заключилъ свою защиту такъ: «Если я не отъ всего сердца желаю сыномъ російскимъ спасеннаго пути и вѣчнаго блаженства, и если Маркеллъ прямо и по совѣсти сія на мене написалъ, то да буду анаѳема отъ Христа Іисуса, Господа моего! А на него клятва сія и на его (аще кѣи суть) сообщниковъ и пособниковъ падеть аще не покаются».

Несмотря на неудовлетворительность отвѣтовъ Θεοφάна, относительно «непристойныхъ словъ», его не могла постигнуть участь Θεοδοсія: Θεοδοсій не имѣлъ блестящихъ способностей, рѣзко выдававшихся достоинствъ, и выходки его противъ благодѣтеля еще болѣе оправдывали всеобщее нерасположеніе къ нему, тогда какъ Θεοφάνъ былъ знаменитъ своими дарованіями и ученостію, занималъ въ этомъ отношеніи безспорно первое мѣсто въ русскомъ духовенствѣ; былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ украшеній великаго царствованія, слава котораго осѣняла и царствованіе настоящее; Θεοφάνъ былъ великолѣпный памятникъ петровскаго времени: разрушить памятникъ значило наругаться надъ этимъ временемъ; не даромъ Θεοφάνъ настаивалъ на то, что вся его дѣятельность, противъ которой теперь вооружаются, освящена одобреніемъ Петра Великаго: это имѣло особенный смыслъ для Екатерины, которая блистала свѣтомъ, заимствованнымъ отъ Петра; притомъ Θεοφάνъ не возбуждалъ противъ себя такого всеобщаго негодованія, какъ Θεοδοсій; напротивъ, за Θεοφάна были люди, которымъ дорогъ былъ новый порядокъ вещей, новорожденное русское просвѣщеніе, въ глазахъ которыхъ ударъ Θεοφану былъ тяжелымъ ударомъ этому просвѣщенію; можно сказать, что въ глазахъ этихъ людей, для

которыхъ новый порядокъ вещей представлялся свѣтомъ въ сравненіи съ прежнею тьмою, въ глазахъ этихъ людей Теофанъ былъ наслѣдникомъ Петра, главнымъ носителемъ идей преобразованія въ смыслѣ образованія; Теофанъ былъ вождемъ этихъ людей въ ихъ борьбѣ съ дѣтьми мрака, Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи. Низверженіе ученѣйшаго архіепископа новгородскаго было бы въ глазахъ этихъ людей и въ глазахъ Европы самымъ вѣрнымъ знакомъ покинутія дѣла Петрова и возвращенія къ прежнему варварству; но подать этотъ знакъ никакъ не могли согласиться люди, съ устъ которыхъ не сходило, по крайней мѣрѣ оффиціально, имя великаго преобразователя. Теофанъ не даромъ старается выставить свое дѣло съ Маркелломъ какъ борьбу науки, учености съ невѣжествомъ. Но еслибы даже и рѣшились низвергнуть Теофана, то какимъ способомъ можно было это сдѣлать, воспользовавшись настоящимъ случаемъ, доносомъ Маркелла? Былъ одинъ доносъ безъ свидѣтелей; по обычному порядку надобно было пытаться доносчика, и еслибы онъ на пыткѣ не стоворилъ, то надобно было пытаться обвиненнаго, и этотъ обвиненный былъ Теофанъ Прокоповичъ! Разумѣется, Екатерина не могла на это согласиться, и потому данъ былъ такой указъ: «архимандрита Маркелла Родышевскаго, за его сумнительныя продерзкія слова, держать въ с.-петербургской крѣпости отъ другихъ колодниковъ особо, подъ крѣпкииъ карауломъ, до указа. А что онъ, Родышевскій, показалъ на новгородскаго архіепископа Теофана о непристойныхъ словахъ и о церковныхъ противностяхъ, и тому его показанію вѣрить не указала (императрица) потому: оный архіерей въ отвѣтахъ написалъ, подъ заключеніемъ проклятія и анаѣмы, что онъ, противъ показанія его архимандричья, непристойныхъ словъ и прочихъ не говаривалъ и никакой противности къ церкви святой не имѣетъ; да и потому: оный архимандритъ въ Преображенскую Канцелярію взять по доношенію онаго архіерея въ его сумнительныхъ къ устрасію смертнаго мятежа словахъ, о чемъ оный архимандритъ хотя не во всемъ, однакоже показалъ, что де былъ въ нѣкоторой бѣзности отъ приключившейся ему меланхоліи, чего было ему, собою разсуждая, о таковыхъ страхованіяхъ говорить и сумнѣнія имѣть, незная подлинно, не надлежало.

По этому указу Теофанъ выходилъ съ торжествомъ изъ дѣла: вѣрить доносу было не указано; но Теофану было сдѣлано другое объявленіе, въ которомъ ему показано, что онъ не исполнѣ оправдался, что онъ остается въ подозрѣніи не только относительно непристойныхъ словъ, но и относительно православія своего образа мыслей и поступковъ, и чтобъ впредь велъ себя какъ прилично православному, великороссійскому архіерею, иначе не будетъ ему такого снисхожденія, какое оказано теперь: «Слушавъ его отвѣты, въ которыхъ нѣкоторые противъ показанія архимандрита Маркелла и неподлинно изъяснены, слѣдовать и тому архимандритскому показанію вѣрить императрица не указала; а впредь ему, архіерею, противностей св. церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безоблаженное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ; также чтобъ и въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ нисколько отмѣны не чинилъ предъ великороссійскими архіереями; а если онъ въ противности св. церкви, по чьему изобличенію, явится виновенъ, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ» (8 декабря 1726 года).

Но бѣда этимъ не кончилась. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Екатерина умираетъ: на престолъ восходитъ Петръ II, противъ правъ котораго было направлено знаменитое сочиненіе Теофана «Правда воли монаршей»; Меншиковъ, озлобленный на Теофана по дѣлу Родышевскаго, теперь всемогущій правитель. Новгородскому архіепископу нельзя было ожидать ничего добраго для себя. Первый ударъ состоялъ въ томъ, что «Правду воли монаршей» велѣно было отбирать; второй ударъ полученъ по поводу стараго дѣла Родышевскаго. Мы видѣли, что указомъ Екатерины велѣно было держать Маркелла въ крѣпости *до указу*, слѣдовательно должны были снова поднять и пересмотрѣть это дѣло, чтобъ положить окончательное рѣшеніе. Меншиковъ не могъ низвергнуть Теофана и теперь по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ онъ не могъ этого сдѣлать при Екатеринѣ, тѣмъ болѣе, что теперь нужно было еще уничтожить рѣшеніе покойной императрицы; но сочли нужнымъ повторить для Теофана униженіе, уже испытанное имъ въ прошлое царствованіе. 20 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсужденіе имѣли по дѣлу новгородскаго архіерея съ архимандритомъ Маркелломъ, и положено ар-

химандрита послать въ Невскій монастырь и жить ему тамъ въ братствѣ; архіерея призвать въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявить ему: понеже по тому дѣлу является немалая важность, а онъ въ отвѣтахъ своихъ много не изъяснилъ, о чемъ надлежало было въ подлинникъ изслѣдовать, однакожь то оставляется, но чтобъ онъ зналъ, что ему то оставленіе учинено изъ его императорскаго величества милости»⁷⁴.

Въ то время какъ представитель малороссійскихъ духовныхъ, вызванныхъ Петромъ для распространенія просвѣщенія между духовенствомъ великороссійскимъ, подвергался униженію, что естественно поднимало людей, враждебныхъ ляшенкамъ, архіереевъ изъ Великороссіянъ и главнаго изъ нихъ Георгія Дашкова, который уже начиналъ мечтать о патріаршествѣ,—въ это время на родинѣ Теофана происходила перемѣна въ угоду малороссійскому народу, какъ говорили въ Петербургѣ, но вопреки мысли Петра Великаго: рѣшено было уничтожить малороссійскую коллегію и возстановить гетманское достоинство. Побужденіями къ тому могли быть: 1) общее движеніе, высказавшееся по смерти Петра, къ возстановленію прежней простѣйшей формы одноличнаго управленія, требующей менѣе денегъ и людей; 2) постоянное опасеніе турецкой войны, въ которой Малороссія, по своему положенію, должна играть важную роль, и потому хотѣли, чтобъ Малороссіяне были довольны и привязаны къ Россіи, и движенія козацкаго войска имѣли болѣе единства; еще при Екатеринѣ въ началѣ 1726 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было положено: прежде войны съ Турками приласкать Малороссіянъ, позволивъ имъ выбрать изъ своей среды гетмана; подати, съ нихъ собираемая, отмѣнить, а въ разсужденіи сборовъ на жалованье и содержаніе войскъ поступать, какъ бывало прежде при гетманахъ; судъ и расправу производить имъ самимъ, и одни апелляціонныя дѣла отправлять въ Малороссійскую Коллегію; наконецъ, 3) къ возстановленію прежняго порядка могли побудить жалобы на членовъ Малороссійской Коллегіи и ея президента Вельяминова. Меншиковъ могъ имѣть личныя побужденія: пріобрѣсти благодарность и расположеніе вліятельнѣйшихъ жителей Малороссіи и вѣрнаго слугу въ гетманѣ, которымъ назначалъ своего стараго кліента Апостола. Новый императоръ, въ первое засѣданіе свое въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, опредѣ-

диль: «Въ Малой Россіи, ко удовольствію тамошняго народа постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всемъ по содержанію пунктовъ, на которыхъ сей народъ въ подданство Россійской Имперіи вступилъ»⁷⁵. Еще 12 мая объявленъ былъ именной указъ: «Пожаловали мы, милосердую о своихъ подданныхъ, малороссійскаго народа, указали: доходы съ нихъ денежные и хлѣбные собирать тѣ, которые надлежатъ по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, и которые собираются при бытности бывшихъ потомъ гетмановъ; а которые всякіе доходы положены съ опредѣленія коллегіи по доношеніямъ генераль-майора Вельяминова вновь, тѣ оставить вовсе, и впредь съ нихъ не собирать, и о томъ въ Малую Россію къ тамошней старшинѣ и во всѣ полки послать наши указы изъ Сената, и притомъ ихъ обнадежить, что къ нимъ въ Малую Россію гетманъ и старшина будутъ опредѣлены впредь вскорѣ, какъ прежде было по договору гетмана Богдана Хмельницкаго; а Малороссійской Коллегіи президенту Вельяминову съ приходными и расходными книгами быть въ С.-Петербургъ немедленно»⁷⁶. Того же числа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ отвергнуто было предложеніе Сената о позволеніи Великороссіянамъ покупать земли въ Малороссіи, «чтобъ отъ того Малороссіянамъ не было учинено озлобленія»⁷⁷. До Петра Великаго дѣла малороссійскія и козацкія были вѣдомы въ Посольскомъ Приказѣ; Петръ Великій дѣла козацкія, какъ дѣла известной части войска, отдалъ въ вѣдѣніе военной Коллегіи, а дѣла малороссійскія передалъ изъ Иностранной Коллегіи въ Сенатъ, чѣмъ уничтожилось значеніе этихъ областей, какъ отдѣльныхъ отъ имперіи, ибо только въ этомъ смыслѣ сношенія съ ними могли производиться чрезъ Иностранную Коллегію. Теперь же, когда задумано было возстановленіе гетманства, 16 іюня, въ присутствіи Меншикова, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было положено—малороссійскимъ дѣламъ быть въ Иностранной Коллегіи попрежнему⁷⁸.

22-го іюля былъ изданъ указъ: «въ Малороссіи гетману и генеральной старшинѣ быть и содержать ихъ по трактату гетмана Богдана Хмельницкаго; а для выбора въ гетманы и въ старшину послать тайнаго совѣтника Ѳедера Наумова, которому и быть при гетманѣ министромъ»⁷⁹. Инструкцію Наумову, составленную въ Иностранной Коллегіи, тайный совѣтникъ Степановъ носилъ

къ свѣтлѣйшему князю, и его свѣтлость въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей до-полнить велѣлъ: «кромѣ Жидовъ»; при томъ же разсуждать изволилъ, что полковникъ Лубенскій, шурина гетмана Скоропадскаго, изъ Жидовъ, и много отъ него народу въ полку его тягости, такъ лучше его отставить. Относительно Жидовъ Меншиковъ остался вѣренъ взгляду Петра Великаго; такъ и послѣ на докладъ о Жидахъ приказалъ: «чтобъ Жидовъ въ Россію ни съ чѣмъ не впускать»⁸⁰.

Малороссія получила гетмана; лифляндское шляхетство просило сейма, и въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ на 1727 годъ сеймъ позволили, разсуждая, что нынѣ тамъ генераль Леси (Ласу, Лас-си, Лассій) съ командою⁸¹.

Таковы были правительственныя распоряженія въ первые че-тыре мѣсяца царствованія Петра II, когда власть сосредоточи-валась въ рукахъ Меншикова. Черезъ четыре мѣсяца Меншиковъ палъ: какія же были причины его паденія? Отвѣчаютъ обыкно-венно: придворныя интриги, указываютъ на Остермана, на Долго-рукихъ, князя Алексѣя Григорьевича и его сына Ивана, какъ на главныхъ виновниковъ низверженія Меншикова. Но обратимъ прежде всего вниманіе на источникъ власти Меншикова, на его отношенія къ императору. Начнемъ съ того, что на положеніе, какое имѣлъ Меншиковъ въ описываемое время, онъ не имѣлъ никакого права; въ знаменитомъ завѣщаніи Екатерины I-й онъ не былъ назначенъ правителемъ, вся власть была передана Вер-ховному Тайному Совѣту. Меншиковъ распоряжался, заставлялъ Совѣтъ принимать свои мнѣнія, дожидаться своихъ рѣшеній един-ственно потому, что никто ему не противорѣчилъ, никто не спрашивалъ у него, по какому праву онъ такъ поступаетъ. Но почему же его боялись и молчали, почему считали его сильнымъ? Вопервыхъ потому, что между людьми, могшими не молчать, не было никакого единства, всѣ жили врознь, и кто бы хотѣлъ вы-сказаться противъ Меншикова, тотъ не имѣлъ никакой увѣрен-ности, что другіе его поддержать, не выдадутъ свѣтлѣйшему; во вторыхъ, Меншиковъ былъ будущій тестъ императора, кото-рый жилъ въ его домѣ, находился въ его рукахъ. До тѣхъ поръ пока существовали такія отношенія между Петромъ и Меншико-вымъ, пока всѣ думали, что воля Меншикова и воля Петра одно

и то же, до тѣхъ поръ всѣ преклонялись предъ Меншиковымъ. Слѣдовательно, вотъ гдѣ былъ источникъ власти свѣтлѣйшаго князя, источникъ власти всѣхъ людей близкихъ къ самодержавному государю, всѣхъ фаворитовъ. Но фаворъ Меншикова былъ самаго непрочнаго свойства. Въ первые дни мальчикъ подчинился человѣку, который казался очень силенъ, который содѣйствовалъ его возведенію на престолъ; но очень скоро, безъ всякаго посторонняго внушенія, при первомъ непріятномъ чувствѣ отъ неисполненія какого-нибудь желанія, должна была явиться мысль, по какому праву этотъ человѣкъ мною распоряжается, меня воспитываетъ, держитъ въ плѣну? Эта мысль должна была явиться особенно тогда, когда надобно было расплачиваться за услуги, которыя не могли очень ясно сознаваться, когда нужно было обручиться съ дочерью Меншикова, которая вовсе не правилась. Мальчикъ былъ не охотникъ учиться, любилъ погулять, страстно любилъ охоту; но обо всемъ надобно спрашиваться свѣтлѣйшаго князя и часто ждать суроваго отказа, и по какому праву онъ отказываетъ? Баронъ Андрей Ивановичъ—другое дѣло: онъ воспитатель, умнѣйшій, ученѣйшій человѣкъ, получше Меншикова знаетъ что надобно дѣлать, но и онъ не отказываетъ.

При такихъ отношеніяхъ столкновенія между Петромъ и Меншиковымъ были необходимы и должны были обнаружиться очень скоро. При такихъ отношеніяхъ что было дѣлать окружающимъ? на какую сторону становиться? Легко было предвидѣть, что рано или поздно дѣло кончится разрывомъ; не вооружая пока противъ себя Меншикова, надобно упрочить свое положеніе при Петрѣ—стараніемъ ему понравиться; а ему никакъ нельзя понравиться внушеніемъ, что надобно слушаться Меншикова, да и какъ это внушать? Легко внушать мальчику, что надобно слушаться отца, сестры, наставника, кого-нибудь уполномоченнаго закономъ; но свѣтлѣйшаго князя кто уполномочивалъ распоряжаться? Положеніе Остермана было труднѣе всѣхъ: онъ былъ обязанъ смотрѣть, чтобъ молодой императоръ хорошо учился, не потакать его стремленію къ удовольствіямъ, и въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ дѣйствовать заодно съ Меншиковымъ; но нельзя же слишкомъ налегать на мальчика, особенно въ лѣтнюю пору, когда дворъ переѣхалъ въ одинъ изъ «веселыхъ домовъ», въ Петергофъ; очень удобно понравиться государю, складывая всю вину стѣсни-

тельныхъ мѣръ на Меншикова; при томъ находится подѣ властію Меншикова, отдавать ему во всемъ отчетъ очень стѣснительно: тяжелый, повелительный, несимпатичный человѣкъ, и что онъ смыслить въ воспитаніи, и по какому праву распоряжается? когда его не будетъ, никто не будетъ мѣшать искусному воспитателю взять совершенно воспитанника въ свои руки.

И такъ баронъ Андрей Ивановичъ очень добрый человѣкъ, онъ же самый умный и ученый человѣкъ: это постоянно говорить сестрица Наталья Алексѣевна; а сестрица Наталья Алексѣевна необыкновенная умница, которую надобно во всемъ слушаться: это послѣднее говорить—Андрей Ивановичъ, самый умный и ученый человѣкъ. Съ барономъ Андреемъ Ивановичемъ весело: онъ такой добрый; весело съ сестрицей: сироты изначала привыкли жить душа въ душу; весело съ князьями Долгорукими: добрые люди только и хлопчуть о томъ, какъ бы угодить, какъ бы повеселить. Но всего веселѣе съ тетушкой, цесаревной Елисаветой Петровной.

Елисаветѣ Петровнѣ было 17 лѣтъ; она останавливала взоры всѣхъ своею стройностію, круглымъ, чрезвычайно миловиднымъ личикомъ, голубыми глазами, прекраснымъ цвѣтомъ лица; веселая, живая, беззаботная, чѣмъ отличалась отъ своей серьезной сестры Анны Петровны, Елисавета была душою молодаго общества, которому хотѣлось повеселиться; смѣху не было конца, когда Елисавета станеть представлять кого-нибудь, на что она была мастерица; доставалось и людямъ близкимъ, на примѣръ, мужу старшей сестры герцогу голштинскому⁸³. Неизвѣстно—три тяжелые удара, смерть матери, смерть жениха и отѣздъ сестры, надолго ли набросили тѣнь на веселое существо Елисаветы; по крайней мѣрѣ мы видимъ ее спутницею Петра II-го въ его веселыхъ прогулкахъ, и встрѣчаемъ извѣстіе о сильной привязанности его къ ней. Близкое родство благопріятствуетъ частымъ свиданіямъ и безцеремонному обращенію, а между тѣмъ могло быть узнано, что умнѣйшій и ученѣйшій человѣкъ, баронъ Андрей Ивановичъ подавалъ проектъ о необходимости брака Петра на Елисаветѣ,—брака, примирявшаго все партіи и упрочивавшаго спокойствіе государства. Какъ было бы тогда весело! А теперь эта скучная, противная Меншикова! Баронъ Андрей Ивановичъ безспорно самый добрый, умный и ученый человѣкъ.

Прусскій дворъ хлопочеть, какъ бы устроить бракъ Елисаветы съ однимъ изъ своихъ принцевъ, имѣя въ виду приданое— Курляндію; но Елисавета отклоняетъ предложеніе, она желаетъ остаться въ Россіи; за нее идетъ споръ у Петра съ сестрою его Натальею, которую беспокоитъ дружба брата съ теткою; но Петръ не хочетъ ничего слышать; мальчикъ сталъ упрямъ, повелителенъ, онъ не терпитъ противорѣчій и проводитъ время на охотѣ, въ веселыхъ прогулкахъ съ неразлучною спутницею — цесаревною Елисаветою Петровною. Чего же смотритъ Меншиковъ? Онъ сильно боленъ: кровохарканіе и лихорадка изнурили его въ конецъ; онъ собирается умирать, пишетъ прекрасное наставительное письмо императору, указываетъ ему его обязанности относительно Россіи; «этой недостроенной машины», увѣщеваетъ слушаться Остермана и министровъ, быть правосуднымъ, пишетъ и къ членамъ Верховнаго Совѣта, поручаетъ имъ свою семью⁸². Что будетъ, когда умретъ Меншиковъ? Многимъ будетъ легко, избавятся отъ деспота; старинныя фамиліи поднимутся; князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ будетъ имѣть первый голосъ въ гражданскихъ дѣлахъ, братъ его фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ—въ военныхъ. Но уже той силы въ правительствѣ, какая была при Меншиковѣ, не будетъ. Императоръ не женится на княжнѣ Меншиковой⁸³.

Меншиковъ выздоравливаетъ, но роковая болѣзнь уже произвела свое дѣйствіе: Петръ пожилъ на свободѣ и, разумѣется, употребитъ всѣ усилія, чтобы не возвратиться назадъ къ своему тюремщику. Не хочетъ этого возвращенія Остерманъ, великая княжна Наталья, цесаревна Елисавета, не хотятъ Долгорукіе и весь дворъ, не хотятъ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Все готово, но никто не рѣшится начать дѣла, кромѣ императора, хотя этому императору только 12 лѣтъ. Меншиковъ вызываетъ его на борьбу, потому что въ государствѣ и во дворцѣ играетъ роль самовластнаго господина. Еще передъ болѣзнію у него была сцена съ императоромъ. Цѣхъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ государю 9000 червонныхъ, которые Петръ отослалъ въ подарокъ своей сестрѣ; но посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который велѣлъ ему отнести деньги въ свой кабинетъ, сказавши при этомъ: «Императоръ еще очень молодъ и потому не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ». Петръ, уз-

навши объ этомъ, спрашиваетъ у Меншикова раздраженнымъ голосомъ, какъ онъ смѣлъ помѣшать исполненію его приказанія? Свѣтлѣйшій князь, который никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса отъ покорнаго до сихъ поръ мальчика, сначала обезпамятѣлъ, потомъ отвѣчалъ, что государство нуждается въ деньгахъ, казна истощена, и что онъ въ тотъ же день хотѣлъ представить проектъ, какъ лучше употребить эти деньги. Петръ топнулъ ногою и сказалъ: «Я тебя научу, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться». Съ этими словами онъ повернулся къ нему спиною и пошелъ; Меншиковъ отправился за нимъ и успѣлъ успокоить мальчика, еще не привыкшаго къ подобнымъ выходкамъ ⁸⁵.

По выздоровленіи, Меншиковъ, какъ видно, забылъ эту сцену. Царскому камердинеру дано было 3000 рублей для мелкихъ расходовъ императора; Меншиковъ потребовалъ отчета у камердинера, и, узнавъ что онъ далъ Петру небольшую сумму изъ этихъ денегъ, разбилъ его и прогналъ. Петръ поднялъ изъ-за этого страшный шумъ и принялъ снова къ себѣ камердинера. Въ другой разъ Петръ потребовалъ у Меншикова 500 червонныхъ. За чѣмъ? спрашиваетъ Меншиковъ. Надобно, отвѣчаетъ Петръ; и, получивши деньги, опять даритъ ихъ сестрѣ; Меншиковъ взбѣшенный, велитъ взять деньги у великой княжны. Петръ выходитъ изъ себя, не можетъ равнодушно ни видѣть, ни слышать Меншикова ⁸⁶; а тутъ старикъ, великій канцлеръ, графъ Головкинъ умоляетъ государя заступиться за его зятя Ягужинскаго, котораго Меншиковъ ссылаетъ въ украинскую армію; Петръ говорить объ этомъ съ Меншиковымъ, требуетъ удержанія Ягужинскаго въ Петербургѣ; но Меншиковъ не соглашается, и послѣ крупнаго разговора съ самимъ Головкинымъ, Меншиковъ настаиваетъ на своемъ: Ягужинскій долженъ выѣхать изъ Петербурга ⁸⁷. Меншиковъ видитъ, что Долгорукіе служатъ ему дурную службу при Петрѣ, хочетъ опереться на Голицыныхъ, хочетъ устроить бракъ своего сына на дочери фельдмаршала Голицына ⁸⁸; князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, чуя бѣду, хлопочетъ о соединеніи Головкина, Голицына и Апраксина противъ Меншикова ⁸⁹. Но болѣе другихъ долженъ отвѣчать Остерманъ за поведеніе своего воспитанника. Остерманъ продолжаетъ давать отчетъ Меншикову, переписывается съ нимъ, когда отправляется на охоту съ императоромъ. 19 августа онъ писалъ Меншикову:

«Сего момента получилъ я вашей высококняжеской свѣтлости милостивѣйшее писаніе отъ 19. Его императорское величество радуется о счастливомъ вашей великокняжеской свѣтлости прибытіи въ Ораніенбомъ, и отъ сердца желаетъ, чтобъ сіе гуляніе ваше дражайшее здравіе совершенно возставить могло, еже и мое вѣрное всепокорнѣйшее желаніе есть; при семъ вашей высококняжеской свѣтлости всенижайше доношу, что его императорское величество намѣренъ завтра послѣ обѣда отсюда итти и ночевать въ Стрѣльнѣ, а оттуда въ понедѣльникъ въ Ропшу, и надѣюсь, что въ четвертокъ изволитъ прибыть въ Петергофъ, и хотя здоровье мое весьма плохое, однакожъ тудажъ побреду. Вашу высококняжескую свѣтлость всепокорнѣйше прошу о продолженіи вашей высокой милости, и моля Бога о здравіи вашемъ пребываю съ глубочайшимъ респектомъ вашей высококняжеской свѣтлости всенижайшій слуга А. Остерманъ». Петръ приписалъ: «И я при семъ вашей свѣтлости и свѣтлѣйшей кнегине и невесте и своячине и тетке и шурину поклонъ отдаю любителны. Петръ». 21 августа новое донесеніе изъ Стрѣльны: «Вашей высококняжеской свѣтлости милостивѣйшее писаніе изъ Ораніенбома я вчерашнягожъ дня во время самага выѣзду изъ С.-Петербурга въ путь исправно получилъ, и вашей высококняжеской свѣтлости за оное всепокорнѣйше благодарствую, и при семъ въ скорости токмо сіе доношу, что его императорское величество вчерашняго дня ввечеру, въ 9 часу, слава Богу, счастливо сюда прибыть изволилъ, и сего утра, позавтракавъ, побѣдемъ въ Ропшинскую мызу при провожденіи всей охоты нашей. Его императорское величество писанію вашей высококняжеской свѣтлости весьма обрадовался и купно съ ея императорскимъ высочествомъ любезно кланяются, а на особливое писаніе нынѣ ваша свѣтлость не изволите погнѣваться, понеже учрежденіемъ охоты и другихъ въ дорогу потребныхъ предуготовленій забавлены, а изъ Ропши надѣюсь писать будутъ. Я хотя весьма худъ и слабъ и нынѣшней ночи разными припадками страдалъ, однакожъ ѣду»⁹⁰. Любопытно, что ни Петръ, ни сестра его, въ приготовленіяхъ къ охотѣ, не находятъ времени написать Меншикову.

26 августа, въ Петергофѣ, въ день именинъ великой княжны Натальи, Меншиковъ узвалъ, что Остерманъ обманывалъ его въ

своёмъ письмѣ насчетъ расположенія императора къ нему. Только-что Меншиковъ начиналъ говорить съ Петромъ, тотъ поворачивался къ нему спиною, на поклоны свѣтлѣйшаго князя онъ не обращалъ никакого вниманія, и былъ очень доволенъ, что могъ унижать его: «Смотрите, сказалъ онъ одному изъ приближенныхъ, развѣ я не начинаю вразумлять его»? На невѣсту свою онъ также не обращалъ никакого вниманія; услыхавъ, что Меншиковъ жалуется на это, Петръ сказалъ: «Развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе 25 лѣтъ»⁹¹.

Приближенные видятъ, что борьба въ разгарѣ; но чѣмъ дѣло кончится—неизвѣстно, и, повидимому, Меншиковъ господствуетъ какъ прежде. Въ началѣ августа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было постановлено, что такъ какъ расходы государственные опредѣляются вопреки назначенію своему, то не выдавать ни откуда денегъ безъ собственноручнаго повелѣнія императорскаго. Въ началѣ сентября изданъ указъ, что это постановление не касается князя Меншикова, потому что еще при Петрѣ I словесныя и письменныя повелѣнія его исполнялись; притомъ же онъ, по бытности его всегда при дворѣ, часто получаетъ приказы отъ самого императора.

Въ Ораніенбаумѣ, имѣніи Меншикова, къ 3-му сентября готовилось большое торжество—освященіе церкви. Меншикову хотѣлось непременно, чтобъ императоръ присутствовалъ на торжествѣ: это уничтожило бы слухи о неприятностяхъ между ними, и притомъ можно было бы постараться разными средствами смягчить Петра и устроить примиреніе. Самыя униженные просьбы со стороны свѣтлѣйшаго князя были употреблены, чтобъ склонить Петра къ посѣщенію Ораніенбаума, и тотъ сначала не отказывался; но когда все было готово, послалъ сказать, что не будетъ; есть извѣстіе, что Меншиковъ имѣлъ неосторожность не пригласить цесаревну Елисавету⁹².

Церковь была освящена безъ императора. Это было въ воскресенье; на другой день, 4 числа, Меншиковъ пріѣхалъ въ Петергофъ на ночь, и едва могъ вскользь видѣться съ императоромъ. Быть-можетъ на другой день, день именинъ цесаревны Елисаветы, можно будетъ найти случай объясниться. Тщетная надежда: рано утромъ императоръ отправился на охоту; великая княжна

Наталья, чтобъ не встрѣтиться съ Меншиковымъ, выпрыгнула въ окно и отправилась вмѣстѣ съ братомъ. Осталась имянинница, цесаревна Елисавета. Меншиковъ пошелъ поздравлять ее; на сердцѣ было очень тяжело, хотѣлось облегчить себя, высказавшись; и вотъ свѣтлѣйшій начинаетъ жаловаться цесаревнѣ на неблагодарность Петра, вычисляетъ свои заслуги, и заключаетъ, что, видя всѣ свои старанія тщетными, хочетъ удалиться въ Украйну и принять тамъ начальство надъ войскомъ⁹³. Не дождавшись возвращенія царя въ Петергофъ, Меншиковъ отправляется въ Петербургъ со всѣмъ семействомъ. Но въ этотъ же самый день въ Петербургѣ, въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ присутствовали Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ, объявленъ былъ указъ его величества интенданту, Петру Мошкову: «Лѣтній и зимній дома, гдѣ надлежитъ починить и совсѣмъ убрать, чтобъ къ приходу его величества совсѣмъ были готовы, и спрошенъ онъ, Мошковъ, былъ, какъ тѣ дома вскорѣ убраны быть могутъ; Мошковъ донесъ, что дни въ три убраны быть могутъ»⁹⁴.

Дворцы надобно было прежде всего убрать тѣми вещами императора, которыя находились въ домѣ Меншикова, и въ среду 6 числа, по приказанію Верховнаго Тайнаго Совѣта, всѣ вещи императора были перенесены изъ меншиковского дома въ лѣтній дворецъ. Въ этотъ день Петръ былъ на охотѣ и ночевалъ въ Стрѣльнѣ, а на другой день, въ четвергъ 7 числа, пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ лѣтнемъ дворцѣ. Онъ, и съ нимъ вмѣстѣ многіе другіе освобождались изъ-подъ ига Меншикова; но можно ли было имъ на этомъ успокоиться, покончить борьбу, оставивъ Меншикова въ прежнемъ значеніи генералиссимуса, члена Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ его огромнымъ богатствомъ, съ вліяніемъ на войско, на администрацію, гдѣ у него вездѣ были свои люди, или отпустивъ его начальствовать войскомъ на Украйнѣ? Борьба, разгорѣвшаяся до такой степени, что императоръ говорилъ: «Я покажу, кто императоръ: я, или Меншиковъ»⁹⁵, не могла такъ кончиться; Петръ не могъ выносить присутствія Меншикова, имъ вдвоемъ было тѣсно; прекрасное средство—освободиться изъ подобныхъ отношеній отъѣздомъ падшаго вельможи за границу—еще не было тогда изобрѣтено; притомъ Меншиковъ выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ падшихъ министровъ: его побоялись бы отпустить за границу. Намъ го-

ворять, что Петръ былъ упоренъ въ своихъ желаніяхъ не по лѣтамъ; мы знаемъ, какъ былъ упоренъ его отецъ; но у отца упорство было страдательное, потому что ему воли не было; а у сына была теперь воля; его желанія всѣми исполнялись кромѣ Меншикова, и легко понять, какъ не любилъ онъ Меншикова: «Или я императоръ, или онъ». Ненависть увеличивалась еще тѣмъ, что было обязательство жениться на дочери Меншикова; ненависть увеличивалась тѣмъ, что Меншиковъ считалъ себя въ правѣ упрекать въ неблагодарности. Ненависти можно было предаться: она оправдывалась тѣмъ, что, освобождая себя изъ-подъ ига, Петръ освобождалъ и другихъ, всю Россію: сестра Наталья Алексѣевна не можетъ выносить Меншикова; говорятъ, она первая поклялась, что нога ея не будетъ въ его домѣ ⁹⁶; цесаревна Елисавета не можетъ быть расположена къ Меншикову, особенно послѣ удаленія сестры, цесаревны Анны. 5 сентября въ Петергофѣ Меншиковъ съ полчаса тайно разговаривалъ съ Остерманомъ, и есть очень вѣроятное извѣстіе, что разговоръ былъ крупный, ибо Меншиковъ, видя отвращеніе Петра къ себѣ, долженъ былъ прежде всего потребовать объясненія у воспитателя. Чтобъ пригрозить Остерману, Меншиковъ сталъ его упрекать въ томъ, что онъ старается отратить императора отъ православія, за что будетъ колесованъ; Остерманъ отвѣчалъ, что онъ такъ ведетъ себя, что колесовать его не за что, но что онъ знаетъ человѣка, который можетъ быть колесованъ ⁹⁷. Наталья, Елисавета, Остерманъ были главные привязанности и авторитеты; Долгорукіе и съ ними весь дворъ вторили имъ; члены Верховнаго Тайнаго Совѣта не окажутъ сопротивленія.

Свѣтлѣйшій князь въ страшномъ положеніи, въ какомъ никогда не бывалъ при Патрѣ I, потому что тогда отъ гнѣва грознаго царя были у него постоянно два могущественныхъ защитника—Екатерина и самъ Петръ. Но теперь гдѣ защитники? Меншиковъ въ мучительной тоскѣ ищетъ, на кого бы опереться; пишетъ къ князю Михаилу Михайловичу Голицыну: «Изволите ваше сіятельство послѣдовать сюда какъ возможно на почтѣ, и когда изволите прибыть къ перспективной дорогѣ, тогда изволите къ намъ и къ брату вашему князю Дмитрію Михайловичу Голицыну прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число, въ которое намѣрены будете сюда прибыть, а съ Ижоры опять же обоихъ насъ паки

увѣдомить, понеже весьма желаемъ, дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами». Голицыны приласканы, довольны, они помогутъ, потому что не захотятъ видѣть усиленія Долгорукихъ или Нѣмца Остермана. Этотъ Остерманъ больше всѣхъ виноватъ, онъ обманывалъ, увѣрялъ въ добромъ расположеніи Петра и сестры его; Остермана надобно непременно свергнуть; но кѣмъ замѣнить, кто былъ бы угоденъ? Некѣмъ больше, какъ старымъ учителемъ Зейкинымъ, и свѣтлѣйшій пишетъ къ Зейкину, который еще не успѣлъ выѣхать изъ Россіи: «Господинъ Зейкинъ! Понеже его императорское величество изволилъ вспомнить ваши службы и весьма желаетъ васъ видѣть, того ради изволите ѣхать сюда немедленно; ежели же за распутіемъ ѣхать сюда не похочете, тогда извольте быть у Александра Львовича Нарышкина, а мы тебя весьма обнадеживаемъ, что мы васъ не оставимъ, а паче прежняго въ милости содержаны быть имѣете».

Еще день, другой—и, быть можетъ, Меншиковъ вспомнилъ бы и о Мавринѣ; но ему не дали времени припоминать людей, на которыхъ бы онъ могъ опереться въ борьбѣ съ приближенными Петра. Въ тотъ самый день, когда онъ написалъ письма къ Голицыну и Зейкину, 7 сентября, Петръ, по своемъ прибытіи въ Петербургъ, послалъ объявить гвардіи, чтобъ она слушалась только его приказаній, которыя будутъ объявлены ей майорами ея, княземъ Юсуповымъ и Салтыковымъ. Вечеромъ этого дня невѣста императора и ея сестра явились въ лѣтній дворецъ поздравить Петра съ пріѣздомъ, но были такъ приняты, что должны были очень скоро уѣхать. 8 сентября, въ пятницу, въ день Рождества Богородицы, судьба Меншикова рѣшилась: поутру къ нему явился майоръ гвардіи, генералъ-лейтенантъ Семень Салтыковъ съ объявленіемъ ареста, чтобъ онъ со двора своего никуда не съѣзжалъ⁸⁸. Услыхавъ это, Меншиковъ упалъ въ обморокъ; ему пустили кровь: жена его, вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою, Варварою Арсеньевой, поспѣшила во дворецъ, гдѣ на колѣнахъ встрѣтила императора, возвращавшагося отъ обѣдни; но Петръ не обратилъ никакого вниманія на просьбы этой достойной женщины, которую всѣ уважали и о которой всѣ жалѣли. Она бросилась къ великой княжнѣ Натальѣ, къ цесаревнѣ Елисаветѣ, но и тѣ ушли отъ нея, не сказавши ни слова. Оставалась послѣд-

мил надежда, нельзя ли умилостивить Остермана, убѣдить его, что онъ можетъ не бояться колесованія и не погубивъ свѣтлѣйшаго князя. Три четверти часа княгиня стояла на колѣнахъ предъ Остерманомъ, понапрасну ⁹⁹. Барону Андрею Ивановичу нужно было спѣшить въ Верховный Тайный Совѣтъ, куда долженъ былъ пріѣхать самъ императоръ. Здѣсь Петръ подписалъ указъ: «Понеже мы всемилостивѣйшее намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать, и всѣмъ указамъ отправленнымъ быть за подписаніемъ собственныя нашей руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта: того ради повелѣли, дабы никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оныя ни были, которые отъ князя Меншикова, или отъ кого бы иного партикулярно писаны или отправлены будутъ, не слушать, и по онымъ отнюдь не исполнять, подѣ опасеніемъ нашего гнѣва; и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и въ войснѣ изъ Сената ¹⁰⁰.

Меншиковъ прислалъ чрезъ Салтыкова слѣдующее письмо къ императору: «Всемолюбивѣйшій государь императоръ! по вашего императорскаго величества указу сказанъ мнѣ арестъ; и хотя никакого вымышленнаго предъ вашимъ величествомъ погрѣшенія въ совѣсти моей не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ чемъ свидѣтельствуюсь нелицемѣрнымъ судомъ Божиимъ, развѣ, можетъ быть, что вашему величеству или вселюбезнѣйшей сестрицѣ вашей, ея императорскому высочеству, учинилъ забвеніемъ и невѣдѣніемъ, или въ моихъ вашему величеству для пользы вашей представленіяхъ: и въ такомъ моемъ невѣдѣніи и недоумѣніи всенижайше прошу за вѣрныя мои къ вашему величеству извѣстныя службы всемилостивѣйшаго прощенія, и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ-подъ ареста свободить памятуя рѣченіе Христа Спасителя нашего: да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ; сіе все предаю на всемилостивѣйшее вашего величества разсужденіе; я же общаюсь мою къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего. Также сказанъ мнѣ указъ, чтобъ мнѣ ни въ какія дѣла не вступаться, такъ что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелѣли для моей старости и болѣзни отъ всѣхъ дѣлъ меня уволить вовсе, какъ по указу блаженной и вѣчной достойной памяти ея императорскаго величе-

ства уволенъ генераль-фельдцейгмейстеръ Брюсъ. Что же я Кайсарову далъ письмо, дабы безъ подписанія моего расходоѡ не держать, а словесно ему неоднократно приказывалъ, чтобы безъ моего или Андрея Ивановича Остермана приказу расходоѡ не чинилъ: и то я учинилъ для того, что понеже штатъ еще не оконченъ, и онъ къ тому опредѣленъ на время, дабы подь образомъ повелѣнія вашего величества напрасныхъ расходоѡ не было. Ежели же ваше величество изволите о томъ письмѣ разсуждать въ другую силу, и въ томъ моемъ недоумѣннн прошу милостиваго прощенія»¹⁰¹. На письмо это не послѣдовало никакого отвѣта.

На другой день, 9 сентября, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ докладывали его величеству о князѣ Меншиковѣ и о другихъ лицахъ, къ нему близкихъ, по запискѣ руки барона Остермана, которая была сочинена передъ приходомъ государя по общему совѣту всѣхъ членовъ. Меншикова лишали всѣхъ чиновъ и орденовъ, и ссылали въ дальнее имѣнне его — Ораніенбургъ. Государь согласился; по его выходѣ изъ Совѣта, указъ о лишеннн чиновъ былъ написанъ; государь подписалъ его въ своихъ покояхъ и отправилъ объявить его Меншикову генерала Семена Салтыкова, который привезъ во дворецъ двѣ кавалернн, взятыя у бывшаго генералиссимуса—Андреевскую и Александровскую. 10 числа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ продолжали разсуждать о Меншиковѣ. Положили дать офицеру Пырскому, назначенному провожать его, 500 рублей на расходы, да на 50 подводъ прогонныхъ денегъ, а за другія 50 подводъ князь Меншиковъ долженъ былъ платить свои деньги. Призвали новгородскаго архіерея и сказали ему указъ, чтобы впредь обрученной невѣсты въ церквахъ не номинали. Призвали Алексѣя Макарова и Петра Мошкова и приказали имъ, чтобы они взяли у Меншикова большой яхонтъ. Во время этнхъ распоряженнн Меншиковъ присылаетъ просьбу изъ четырехъ пунктовъ: 1) государыни обрученной невѣсты Марнн Александровны ея гофмейстеръ просить милости уволить въ деревни свои; 2) о деньгахъ, пожалованныхъ на жалованье ея высочеству и служителямъ, которые опредѣлены были и заслуженное жалованье не брали, оныя бь (деньги) позволено было вывезть, сумма 34.000; 3) свѣтлѣйшнй князь просить съ покорностію милости о дохтурѣ и о лѣкарѣ, который лѣкаръ

шведской породы и полоневъ и при немъ живетъ съ 20 лѣтъ, чтобъ повелѣно было при немъ отпустить; 4) о Петрѣ Апостолѣ, гетманскомъ сынѣ, который жилъ при его свѣтлости, позволено-ль будетъ его съ собою взять?—Прежде всего призвали гетманскаго сына и сказали ему указъ, чтобъ онъ съ княземъ Меншиковымъ не ѣздилъ, а жилъ въ Петербургѣ безвыѣздно и часто являлся въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. На остальные пункты послѣдовали рѣшенія: 1) кто захочетъ съ нею ѣхать, тотъ бы ѣхалъ, а кто захочетъ остаться, тотъ бы оставался; 2) о жалованныхъ деньгахъ справиться; 3) дохтуру и лѣкару съ княземъ Меншиковымъ ѣхать позволить ¹⁰². Въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни, Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга. Впереди огромнаго поѣзда ѣхали четыре кареты шестернями: въ первой сидѣлъ самъ свѣтлѣйшій князь съ женою и свояченицею Варварою Арсеньевою; во второй сынъ его съ карлою; въ третьей двѣ княжны съ двумя служанками; въ четвертой братъ княгини Арсеньевъ и другіе приближенные люди; всѣ были въ черномъ. Поѣздъ провожалъ гвардейскій капитанъ съ отрядомъ изъ 120 человекъ ¹⁰³. По городу ходили слухи о страшныхъ злоупотребленіяхъ Меншикова и о томъ, что онъ не довольствовался своимъ положеніемъ, но простиралъ взоры къ коронѣ; рассказывали, что найдено письмо Меншикова къ прусскому двору, гдѣ онъ просилъ дать ему взаймы 10 милліоновъ, обѣщаясь возвратить вдвое, какъ только получить русскій престолъ; рассказывали, что уже отданы были приказанія удалить, подъ разными предлогами, гвардейскихъ офицеровъ, чтобъ замѣнить ихъ людьми, вполне преданными Меншикову. Начали толковать и о завѣщаніи Екатерины: рассказывали, что герцогъ голштинскій и Меншиковъ заставили цесаревну Елисавету подписать это завѣщаніе вмѣсто матери, которая ничего о немъ не знала; говорили что будетъ не хорошо и голштинскому двору, и уже читали на озбоченіи лицъ его министра сознаніе затруднительности своего положенія; догадывались, что Меншикова не оставятъ покойнымъ въ Ораніенбургѣ, что его вмѣстѣ съ свояченицею зашлютъ въ Сибирь, а жену съ дѣтьми оставятъ на свободѣ; а другіе предсказывали, что оба, мужъ и жена, недолго проживутъ ¹⁰⁴.

По словамъ стороннихъ наблюдателей, трудно было изобразить всеобщую радость, произведенную паденіемъ Меншикова.

Многіе, разумѣется, радовались отъ души; другіе же показывал радостный видъ, чтобъ угодить радующимся отъ души. Въ Килѣ обрадовались отъ души. Цесаревна Анна Петровна писала сестрѣ: «Что изволите писать объ князѣ, что его сослали, и у насъ такая же печаль сдѣлалась объ немъ, какъ у васъ». Въ другомъ письмѣ Анна писала: «Зѣло меня порадовало письмо ваше, что увѣдомилась о здоровіи вашемъ, такожде, что государь вамъ пожаловалъ деревни матушкины, чѣмъ васъ поздравляю, матушка моя, и дай Боже, чтобъ такъ бы всегда счастливой вамъ быть; при томъ прошу васъ пожалуйста не отставайте отъ государя. Пожалуй Лестоку поклонъ мой рапской отдай и поблагодари за обнадеженіе милости его, такожде изволь у него спросить, такъ ли онъ много говоритъ про Гришку, да Марѳушку» ¹⁰⁵.

Отъ души былъ радъ Ѳеоданъ Прокоповичъ. Онъ писалъ къ одному изъ архіереевъ: «Молчаніе наше извиняется нашимъ великимъ бѣдствіемъ, претерпѣннымъ отъ тиранніи, которая, благодаря Бога, уже разрѣшилась въ дымъ. Ярость помѣшаннаго чловѣка, чѣмъ болѣе возбуждала противъ него всеобщей ненависти и предускоряла его гибель, тѣмъ болѣе и болѣе со дня на день усиливала свое свирѣпство. А мое положеніе было такъ стѣснено, что я думалъ, что все уже для меня кончено. Поэтому я не отвѣчалъ на твои письма и, казалось, находился уже въ царствѣ молчанія. Но Богъ, воздвигающій мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Іаковль, разсыпавши совѣты нечестивыхъ и сомкнувши уста зіяющаго на насъ земнаго тартара, оживотворилъ насъ по безпредѣльному Своему милосердію» ¹⁰⁶.

Отъ души были рады члены кружка Бестужевыхъ и Маврина, которые думали, что, по низверженіи Меншикова, опять откроется имъ доступъ ко двору, что Петръ прежде всего вспомнить о старыхъ своихъ приверженцахъ. Пашковъ писалъ Черкасову въ Москву: «Прошла и погибла суетная слава прегордаго Голіаѳа, котораго Богъ сильною десницею сокрушилъ; всѣ этому очень рады, и я многогрѣшный, слава св. Троицу, пребываю безъ всякаго страха; у насъ все благополучно и такихъ страховъ теперь ни отъ кого нѣтъ, какъ было при князѣ Меншиковѣ».

Родовались напрасно.

Меншиковъ свергнуть; надобно было подѣлать наслѣдство; это наслѣдство была воля малолѣтнаго царя, которою надобно было

овладѣть, чтобъ стать въ челѣ управленія, занять мѣсто свѣтлѣйшаго князя. Ошибались тѣ, которые думали, что власть перейдетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, а Совѣтъ будетъ находиться подъ вліаніемъ самаго виднаго изъ своихъ членовъ, князя Дмитрія Михайловича Голицына, опиравшагося на брата своего, фельдмаршала князя Михаила, теперь первую военную знаменитость Россіи. Голицыны дѣйствительно сіяли собственнымъ свѣтомъ, но этотъ свѣтъ былъ слабъ въ сравненіи съ тѣмъ, которымъ озарялись ближайшія къ солнцу планеты. Никто изъ вельможъ не имѣлъ большаго права на расположеніе и благодарность Петра, какъ Голицыны, изначала и постоянно приверженцы его отца и его самого, считавшіе его одного законнымъ преемникомъ дѣда. Но эта приверженность по принципу рѣдко оцѣнивается, какъ слѣдуетъ; тѣмъ менѣе могла она быть оцѣнена теперь, по характеру Голицына, по характеру и положенію Петра. Самый лестный отзывъ о князѣ Дмитріи состоялъ въ томъ, что это былъ человѣкъ честный, но жесткій; онъ не былъ способенъ, для какой бы то ни было дѣли, отказаться отъ своей самостоятельности и независимости, передать себя въ полное распоряженіе другому; совершенно былъ неспособенъ постоянно смотрѣть въ глаза, угодничествомъ добиться *фавору* при дворѣ, а при тогдашнихъ условіяхъ только фаворитъ могъ занять первое мѣсто. Меншиковъ, фаворитъ Петра I, не хотѣлъ быть фаворитомъ Петра II; хотѣлъ быть опекуномъ, отцомъ — и чѣмъ кончить? Изъ-подъ тяжелой опеки освободились, и конечно поостерегутся дать большое значеніе человѣку, который хоть сколько-нибудь напоминалъ бы прежняго опекуна. И дѣйствительно современники наблюдатели указываютъ намъ на сильное нерасположеніе Петра къ Голицынымъ, указываютъ на неблагоклонный приемъ императоромъ первой военной знаменитости имперіи, князя Михаила Голицына, только-что пріѣхавшаго въ Петербургъ ¹⁰⁷. Объясняли это тѣмъ, что Голицыны въ послѣднее время сблизились съ Меншиковымъ и хотѣли выдать дочь фельдмаршала князя Михаила за молодого Меншикова. Ходилъ слухъ, что фельдмаршалъ, на представленіи своемъ императору, заступался за Меншикова ¹⁰⁸; быть-можетъ произнесены были непріятныя слова, что не слѣдуетъ наказывать, ссылатъ чело-вѣка безъ суда. Естественно, что Голицыны были непрочъ по-

ослабить значеніе свѣтлѣйшаго князя, заставить его искать въ другихъ, подѣлиться властію, были непрочь дать Верховному Тайному Совѣту то значеніе, какое предоставлено было ему въ извѣстномъ тестаментѣ, но не хотѣли совершеннымъ низверженіемъ Меншикова поднимать Долгорукихъ или Остермана съ его Левенвольдомъ. Голицынъ не могъ бороться за фаворъ: онъ не имѣлъ рѣшительно къ тому средствъ ни въ характерѣ, ни въ положеніи, не будучи человѣкомъ близкимъ, придворнымъ. Главою могущественной аристократической партіи онъ быть не могъ. Новая Россія не наслѣдовала отъ старой—аристократіи; она наслѣдовала только нѣсколько знатныхъ фамилій или родовъ, которые жили особно, безъ признанія общихъ интересовъ и обыкновенно во враждѣ другъ съ другомъ; единства не было никакого, слѣдовательно не было никакой самостоятельной силы; сильною могла стать та или другая фамилія только черезъ фаворъ. Фавору добиваться, за фаворъ бороться могли только люди близкіе; они только могли дѣлить меншиковское наслѣдство. Послѣ паденія Меншикова, видѣе всѣхъ при дворѣ и ближе всѣхъ къ императору остался Остерманъ. Но положеніе Остермана по-прежнему было очень затруднительно: онъ былъ воспитатель молодого императора, долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы Петръ хорошо воспитывался, хорошо учился; а Петръ не хотѣлъ учиться, хотѣлъ жить въ свое удовольствіе. При Меншиковѣ положеніе Остермана облегчалось тѣмъ, что онъ могъ нравиться, угождать, являясь добрѣе, снисходительнѣе свѣтлѣйшаго князя, *не налегая такъ*. А теперь Петръ слышать не хочетъ о серіозныхъ занятіяхъ, всю ночь напролетъ гуляетъ съ молодымъ камергеромъ, княземъ Ив. Алекс. Долгорукимъ, ложится въ 7 часовъ утра. Всѣ представленія Остермана остаются тщетными, усиливать ихъ и раздражать Петра опасно: будетъ то же, что съ Меншиковымъ, потому что враги поджидаютъ первой вспышки неудовольствія Петра на воспитателя, чтобы свергнуть послѣдняго; а съ другой стороны вся отвѣтственность за дурное поведеніе императора, за дурное воспитаніе его лежитъ на Остерманѣ, и враги также воспользуются этимъ, чтобы выказать предъ своими и чужими все недостоинство воспитателя. Однажды Остерманъ обратился къ Петру съ просьбою уволить его отъ должности воспитателя, ибо иначе ему придется дать строгій отчетъ,

у Петра сердце не успѣло очерствѣть, онъ былъ очень привязанъ къ Остерману: со слезами на глазахъ онъ умолялъ его остаться; но къ вечеру не преодолѣлъ искушенія и, по обычаю, пробѣгалъ всю ночь по городу ¹⁰⁹; своей воли не доставало, а чужая не сдерживала. Остерманъ, видя, что плыть противъ теченія нельзя, пошелъ на сдѣлку съ совѣстью и съ обстоятельствами: онъ рѣшился остаться при Петрѣ, пользоваться своимъ вліяніемъ на него для достиженія своихъ цѣлей по дѣламъ управления, въ которыхъ онъ теперь не признавалъ себѣ соперника, но не учить и не воспитывать человѣка противъ его воли, не одобрять поведенія Петра, не угождать исполненіемъ его желаній, но и не раздражать бесполезными наставленіями.

Остерманъ удержался; Петръ пересталъ видѣть въ немъ скучнаго воспитателя съ вѣчными выговорами и наставленіями, видѣлъ въ немъ искуснаго, необходимаго министра съ обширными способностями и познаніями, которыхъ никто отвергать не могъ, и успокоился, не выдавалъ Остермана врагамъ; враги эти были разъединены и робки, не смѣли огорчать императора неприятными для него предложеніями, а предложеніе объ удаленіи Остермана было бы ему очень неприятно; нужно было рѣшиться на сильную борьбу и съ Петромъ, который исполнялъ только то, что было ему пріятно, и съ великою княжною Натальею, продолжавшею имѣть сильное вліяніе на брата и продолжавшею быть подъ сильнымъ вліяніемъ Остермана.

Сначала зашевелился было старикъ, великій канцлеръ Головкинъ, которому Остерманъ былъ очень неудобенъ, какъ человѣкъ, заслонявшій его въ иностранныхъ дѣлахъ. Противъ Остермана трудно было что-нибудь выставить, кромѣ равнодушія къ религіи, и, говорятъ, Головкинъ обратился однажды къ нему съ такими словами: «Неправда ли, странно, что воспитаніе нашего монарха поручено вамъ, человѣку не нашей вѣры, да, кажется, и никакой». Думали что Головкинъ хочетъ замѣнить Остермана своимъ сыномъ ¹¹⁰. Но борьба съ Остерманомъ была не подъ силу Головкину, особенно когда ходила страшная молва, что Голицыны хотятъ захватить власть въ свои руки и возвратитъ Меншикова; а мы видѣли въ какомъ отношеніи находился Головкинъ къ Меншикову, который сослалъ зятя его Ягужинскаго въ украинскую армію; Ягужинскаго возвратили тотчасъ же послѣ

паденія Меншикова, пожаловали въ генералы отъ кавалеріи и въ капитанъ-лейтенанты отъ кавалергардіи; но дѣла могли пойти иначе съ усиленіемъ Голицыныхъ и возвращеніемъ Меншикова, который, обязанный теперь Голицынымъ, конечно не будетъ препятствовать возвышенію близкаго имъ человѣка Шафирова, а Шафировъ Головкину острый ножъ; изъ двухъ золь надобно было выбирать меньшее: Головкинъ выбираетъ Остермана; намъ указываютъ партію, членами которой были—Апраксинъ, Головкинъ и Остерманъ, и 26 сентября состоялось рѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта: быть Петру Шафирову въ Москвѣ до зимняго пути, а зимнимъ путемъ ѣхать въ Архангельскъ ¹¹¹.

Труднѣе было Остерману бороться съ Долгорукими, которые сначала также хотѣли свергнуть его. Положеніе Долгорукихъ и дѣятельность ихъ были очень просты и легки: они должны были какъ можно чаще находиться съ императоромъ, во всемъ угождать ему, дѣлать себя чрезъ это пріятными и необходимыми, пріобрѣсти фаворъ. Долгорукіе, какъ видно, сдѣлали уже большіе успѣхи на этомъ поприщѣ и при Меншиковѣ, когда князь Алексѣй былъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ Натальѣ; теперь, чтобъ имѣть право быть еще чаще при Петрѣ, онъ выпросилъ себѣ мѣсто помощника воспитателя, т.-е. помощника Остерманова при самомъ императорѣ; сынъ его князь Иванъ, сдѣланъ камергеромъ на мѣсто Левенвольда, а Левенвольдъ получилъ мѣсто гофмаршала при великой княжнѣ. Охотники до разныхъ соображеній сейчасъ же обратили вниманіе на то, что у Долгорукаго хорошенькія дочери, которыя должны играть роль. Долгорукіе въ самомъ началѣ сильно схватились съ Остерманомъ ¹¹², который мѣшалъ имъ своимъ авторитетомъ; но получили отпоръ, увидали, что вліяніе Остермана на Петра колебать очень трудно. Въ свою очередь, когда Остерманъ вздумалъ было указать Петру, что постоянное общество молодого Долгорукаго вредитъ ему, то императоръ не отвѣчалъ ни слова. Остерманъ заболѣлъ отъ этого молчанія, и Петръ два раза въ день ѣздилъ навѣщать его съ сестрою и теткою, Елисаветою Петровою ¹¹³. Несмотря на молодость, Петръ съ извѣстнаго рода смысломъ распоряжался отношеніями къ близкимъ людямъ: прямо показывалъ Остерману, что онъ его любитъ, считаетъ необходимымъ для дѣлъ правительственныхъ: пусть онъ и занимаетъ

ся этими дѣлами, но не вмѣшивается въ его удовольствіи, гдѣ необходимы ему Долгорукіе, которыхъ онъ не выдастъ Остерману, точно такъ какъ не выдастъ Остермана Долгорукимъ. И Долгорукіе и Остерманъ наконецъ должны были понять свои взаимныя отношенія, понять предѣлы того круга дѣятельности, которые начерталъ для нихъ Петръ, и успокоились. Но это успокоеніе, разумѣется, не могло быть полно и произойти вдругъ.

Послѣ паденія Меншикова, взоры всѣхъ, хотѣвшихъ подѣлить его наслѣдство, обратились къ Москвѣ, куда свѣтлѣйшій князь перевелъ бабуку императора, инокиню Елену, которая однако не иначе называла себя какъ *царицею*. Петръ и сестра его, по чужимъ внушеніямъ и сами по себѣ, должны были чувствовать неловкость въ присутствіи ославленной бабушки, репутацію которой нельзя было возстановить отобраніемъ петровыхъ манифестовъ о ея похожденіяхъ. Внуки были довольны, что они въ Петербургѣ, а бабушка въ Москвѣ; но бабушка не была этимъ довольна, и 21 сентября написала внуку: «Державнѣйшій императоръ, любезнѣйшій внукъ! Хотя давно желаніе мое было не токмо поздравить ваше величество съ воспріятіемъ престола, но паче васъ видѣть; но по несчастію моему по сіе число не сподобилась, понеже князь Меншиковъ, не допустя до вашего величества, послалъ меня за карауломъ къ Москвѣ. А нынѣ увѣдомилась, что за свои противности къ вашему величеству отлученъ отъ васъ; и тако приѣмлю смѣлость къ вамъ писать и поздравить. Притомъ прошу: естли ваше величество къ Москвѣ вскорѣ быть не изволите, дабы мнѣ повелѣли быть къ себѣ, чтобъ мнѣ по горячности крови видѣть васъ и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей». Вслѣдъ затѣмъ другое письмо: «Дай, моя радость, мнѣ себя видѣть въ моихъ такихъ несносныхъ печаляхъ: какъ вы родились, не дали мнѣ про васъ слышать, ниже видѣть васъ». Петръ отвѣчалъ: «Дорогая и любезная государыня бабушка! Понеже мы увѣдомились (только теперь!) о бывшемъ вашемъ задержаніи и о нынѣшнемъ вашемъ прибытіи къ Москвѣ, того ради я не хотѣлъ оставить чрезъ сіе самъ къ вамъ писать и о вашемъ намъ весьма желательномъ здравіи освѣдомиться. И для того прошу васъ, государыня, дорогая бабушка, не оставить меня въ пріятнѣйшихъ своихъ писаніяхъ о своемъ многолѣтнемъ здравіи. Такжеже прошу ко мнѣ

отписать: въ чемъ я вамъ могу услугу и любовь мою показать? еще я вѣрно исполнять не премину. Я самъ ничего такъ не желаю, какъ чтобъ васъ видѣть, и надѣюсь, что съ Божіею помощію еще нынѣшней зимы то учиниться можетъ». Это свиданіе, необходимое вслѣдствіе преднамѣренной поѣздки государя въ Москву для коронаціи, безпокоило многихъ: что, если кровь заговорить и внукъ подчинится вліянію бабушки, единственнаго родного существа у круглыхъ сиротъ? Предусмотрительный Остерманъ постарался тотчасъ же приобрести благосклонность царицы, тѣмъ болѣе, что его легче можно было погубить въ ея мнѣніи, какъ иностранца, выведеннаго Петромъ I-мъ. вмѣстѣ съ первымъ письмомъ отъ внука, Елена получила письмо и отъ его воспитателя: «Всемиловѣйшая государыня, писалъ Остерманъ: когда я о подлинномъ состояніи вашего величества увѣдомился, то я не оставилъ его императорскому величеству немедленно о томъ доносить; и потому его величество самъ изволилъ при семъ къ вашему величеству писать, при которомъ случаѣ и я дерзновеніе воспріялъ ваше величество о всеподданнѣйшей моей вѣрности обнадежить, о которой какъ его императорское величество, такъ и впрочемъ всѣ тѣ, которые къ вашему величеству принадлежатъ, сами вѣще засвидѣтельствовать могутъ». Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ баронъ Андрей Ивановичъ обнадеживалъ царицу «въ горячести», какую чувствуетъ къ ней внукъ, и увѣрялъ, что «по своей должности не пренебрежетъ его величество при тѣхъ склонностяхъ содержать стараться». Царица отвѣчала: «Благодарна за услугу твою, что хранишь здоровье внука моего, и впредь о томъ же прошу, чтобъ мнѣ порадоваться, какъ услышу про здоровье ихъ и за писаніе твое благодарю жъ, и впредь прошу; а за твою услугу воздастъ тебѣ Богъ, а сколько силы моей будетъ, и я вамъ всегда доброхотствовать буду». Жена Остермана, Марѳа Ивановна, урожденная Стрѣшнева, также писала царицѣ, «вручала себя въ высочайшую ея величества милость», увѣряя при этомъ, что мужъ ея государю и ей, царицѣ, со всякимъ усердіемъ вѣрно служить и служить будетъ. 22 октября Остерманъ, посылая царицѣ службу сочиненную въ день рожденія государя, рисунокъ фейерверка, сожженнаго въ этотъ день и манифестъ о коронаціи, писалъ: «Яко я на семъ свѣтѣ ничего иного не желаю, окромѣ

чтобъ его императорскому величеству безъ всякихъ моихъ партикулярныхъ прихотей и страстей прямиа и вѣрныя свои услуги показать, такъ и ваше величество соизволите всемилюшійше благонадежны быть о моей вѣрнѣйшей преданности къ вашему величества высокой особѣ. Потому не распространяю, понеже вѣдаю, что какъ его императорское величество, такъ и ея императорское высочество, государыня великая княжна, мнѣ въ томъ вѣрное свидѣтельство подать изволятъ, и вѣрная моя служба всегда болѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели пустыми словами явна будетъ». Елена поняла послѣднія слова такъ, что Остерманъ жалуется на людей, которые наносили ей на него, писали пустыя слова противъ него, и отвѣчала: «Еще жъ ты упоминаешь, что будто ясно мнѣ пустыми словами: и я истинно объ васъ ничего пустова не слыхала, кромѣ всякой услуги ко внуку моему и ко мнѣ; и ежелибъ кто мнѣ и говорилъ, и у меня никогда етова не бывало, чтобъ мнѣ вѣрить, и впредь не будетъ что я вижу отъ васъ услугу къ нему и къ себѣ. И какъ ты началъ служить, такъ и служи и храни ево здорье; и я чаю, что ты ни на ково ево здорье не промѣняешь, и надѣюсь на тебя крѣпко»¹¹⁴. Объ этомъ письмѣ царицы узнали, и пошелъ слухъ, что дѣйствительно Долгорукіе, и отецъ и сынъ, писали Еленѣ письмо, въ которомъ выставляли свои заслуги, а на Остермана взводили всевозможныя обвиненія, что Елена переслала письмо Долгорукихъ къ Остерману, и въ своемъ письмѣ хвалила его и благодарила за попеченіе о ея внукахъ¹¹⁵.

Но во время этой борьбы не забывали о Меншиковѣ. Сильно боялись энергической свояченицы свѣтлѣйшаго князя, Варвары Арсеньевой, и 5 октября Остерманъ, пришедши въ Верховный Тайный Совѣтъ, объявилъ, чтобъ Варвару послать въ Александровъ монастырь и взять ордена у сына и дочерей Меншикова, также и у Василья Арсеньева, шурина его. Послѣ Андрей Ивановичъ объявилъ въ Совѣтѣ, что кавалеріи св. Екатерины, взятыя у сына и дочерей Меншикова, императоръ подарилъ сестрицѣ своей; кавалерія св. Александра отдана князю Ивану Долгорукому, а перстень обручальный взять ко двору его величества. Петръ попрежнему дѣлалъ подарки сестрицѣ, и Остерманъ заботился объ ней попрежнему: такъ еще въ сентябрѣ онъ принесъ въ Совѣтъ алмазы, которые предлагалъ жупить для великой княжны

за 85000 рублей; члены Совѣта, видя, что алмазы очень дешевы, согласились купить ¹¹⁶. Остерманъ приходилъ и объявлялъ; Петръ позабылъ свое обѣщаніе присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, и члены его воспользовались первымъ случаемъ чтобъ напомнить ему объ этомъ обѣщаніи. Въ ноябрѣ русскій посланникъ при шведскомъ дворѣ, графъ Головинъ, донесъ объ известномъ письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену. Донесеніе Головина было прочтено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, послѣ чего члены его представили государю, что по всемъ поступкамъ Шведовъ видны ихъ непріязненные замыслы противъ Россіи; чтобъ дать Шведамъ отпоръ, они, министры, прилагаютъ всевозможное стараніе о содержаніи войска въ добромъ порядкѣ и приведеніи его въ лучшее состояніе, чѣмъ какъ было при Меншиковѣ, что приказано вооружить къ будущей веснѣ 24 линейныхъ корабля и 120 галеръ, и что для поощренія и усмотрѣнія трудовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта нужно присутствіе его величества. На это государь изъявилъ свое благоволеніе и обѣщаль чаще присутствовать въ Совѣтѣ. Насчетъ Меншикова Петръ разсуждалъ, что такіе поступки его могутъ почестся измѣною, и приказаль послать къ нему нарочнаго, который бы обо всемъ допросилъ его съ принужденіемъ и угрозами; также приказаль опечатать все его имѣніе и обстоятельно пересмотрѣть находящіяся при немъ и въ Петербургѣ письма. Къ Меншикову отправленъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Плещеевъ, которому, кромѣ шведскихъ дѣлъ, велѣно было допросить Меншикова о деньгахъ, взятыхъ съ герцога голштинскаго ¹¹⁷. Секретарь Меншикова Вистъ представилъ въ Верховный Тайный Совѣтъ біографію Меншикова (гисторію о княжомъ житіи), сочиненную барономъ Гизеномъ ¹¹⁸.

Въ концѣ 1727 года начались сборы двора въ Москву для коронаціи. Эта поѣздка имѣла теперь совершенно другое значеніе, чѣмъ послѣднія поѣздки Петра Великаго въ древнюю столицу. Теперь на вопросъ: долго ли останется дворъ въ Москвѣ, уже слышался отвѣтъ: быть можетъ навсегда, а этотъ отвѣтъ былъ очень приятенъ однимъ и приводилъ въ отчаяніе другихъ. Нравился онъ русскимъ вельможамъ, которые до сихъ поръ не могли привыкнуть къ неудобствамъ новооснованнаго города, въ странѣ печальной, болотистой, вдали отъ ихъ деревень, доставка запа-

совъ изъ которыхъ соединялась съ большими затрудненіями и расходами; тогда какъ Москва была мѣсто нагрѣтое, центральное, окруженное ихъ имѣніями, расположенными въ разныхъ направленіяхъ, и откуда такъ легко было доставлять все нужное для содержанія барскаго дома и огромной прислуги, а это было главное при отсутствіи денегъ, при неразвитой еще роскоши, требующей произведеній иностранныхъ. Ужасомъ обдавалъ этотъ отвѣтъ тѣхъ, которые въ удаленіи изъ «парадиза» видѣли удаленіе отъ дѣла Петра Великаго, удаленіе отъ Европы, пренебреженіе моремъ, флотомъ, упадокъ значенія Россіи, какъ европейской державы. Боялись переѣзда въ Москву люди созданные новымъ, преобразовательнымъ направленіемъ и въ его ослабленіи видѣвшие ослабленіе собственнаго значенія; въ челѣ такихъ людей стоялъ человекъ самый видный по своей государственной дѣятельности и близкій къ государю, Остерманъ. За границей смотрѣли такъ же на это дѣло: какъ только узнали здѣсь о паденіи Меншикова, такъ сейчасъ же явилась мысль, что вельможи увезутъ императора въ Москву, и Россія возвратится къ прежнему донетровскому порядку. Польскій король объявилъ объ этомъ испанскому герцогу Лирія, отправлявшемуся въ Россію въ качествѣ посланника. Житель Пиренейскаго полуострова, Лирія привыкъ приписывать англійскимъ деньгамъ страшное могущество, и потому первая мысль, пришедшая ему въ голову, была та, что англійскія деньги заставятъ и русскаго царя поселиться навсегда въ Москвѣ¹¹⁹. Одни съ надеждою, другіе со страхомъ ожидали слѣдствій свиданія императора съ бабушкою; въ Петербургъ доходили вѣсти, что Шафировъ, подъ предлогомъ болѣзни, не поѣхалъ въ Архангельскъ по первому пути, а вмѣсто того ежедневно бываетъ у старой царицы¹²⁰.

Въ началѣ января 1728 года дворъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву; но на дорогѣ императоръ заболѣлъ и принужденъ былъ пробыть двѣ недѣли въ Твери¹²¹. Петръ остановился на нѣсколько времени подъ Москвою, чтобъ приготовиться къ торжественному въѣзду. Бабушка рвалась къ нему; писала къ великой княжнѣ Натальѣ: «Пожалуй, свѣтъ мой, проси у брата своего, чтобъ мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились, не дали мнѣ про васъ слышать, не токмо что видѣть». Писала къ Остерману: «За вѣрную вашу службу ко внуку моему

и къ намъ я по премногу благодарствую, а у меня истинно на васъ надѣяніе крѣпкое. Только о томъ васъ прошу, чтобъ мнѣ внучать своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть; а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу. А я истинно надѣюсь, что и вы мнѣ будете ради, какъ я при нихъ буду; и мнѣ истинно уже печали наскучили, и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печаляхъ и умереть; и ежелибъ я съ ними вмѣстѣ была, и я бъ такія свои несносныя печали всѣ позабыла. И такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынѣ опять сокрушаютъ, а я не знаю сіе чинится отъ ково». Къ самому Петру писала: «Долго ли, мой батюшка, мнѣ васъ не видать? или васъ и вовсе мнѣ не видать? а я съ печали истинно умираю, что васъ не вижу: дайте, мой батюшка, мнѣ васъ видѣть! хотя бы я къ вамъ приѣхала». Писала опять къ Остерману: «Долго ли вамъ меня мучить, что по сю пору въ семи верстахъ внучать моихъ не дадите мнѣ ихъ видѣть! а я съ печали истинно сокрушаюсь. Прошу васъ: дайте хотя бъ я на нихъ поглядѣла, да умерла»¹²².

4 февраля былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Когда было первое свиданіе съ бабушкой, неизвѣстно; извѣстно только, что оно было холодно со стороны внука, который потомъ явно избѣгалъ свиданій съ старою царицею; и братъ и сестра при свиданіи съ бабушкой, имѣли при себѣ цесаревну Елисавету, чтобъ старушка не увлекалась разговорами о нѣкоторыхъ деликатныхъ дѣлахъ; но увѣряли, что царица успѣла поговорить внуку о его поведеніи, совѣтовала ему лучше жениться, хотя даже на иностранкѣ, чѣмъ вести такую жизнь, какую онъ велъ до сихъ поръ¹²³. Вышнія приличія были соблюдены: 9 февраля Петръ явился въ Верховный Тайный Совѣтъ, и не сядя на свое мѣсто, стоя объявилъ, что онъ, изъ любви и почтенія къ государынѣ бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ ея величество, по своему высокому достоинству, была содержана во всякомъ довольствѣ: такъ пусть члены Совѣта учинятъ опредѣленіе и ему донесутъ. Сказавши это, императоръ удалился; а члены Совѣта принялись разсуждать о штатѣ для царицы и назначили ей по 60,000 рублей въ годъ и волость до 2000 дворовъ. Съ этимъ рѣшеніемъ отправились къ царицѣ князь Василій Лукичъ Долгорукій и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, при чемъ донесли ей, что если и сверхъ того изволитъ чего потребовать, то его величество,

по особенной своей къ ней любви и почтенію, исполнить ея требованіе ¹²⁴. Опредѣливши содержаніе бабушки по отцу, не забыли и бабушку по матери: Остерманъ объявилъ въ Совѣтѣ, чтобъ бабкѣ его величества, герцогинѣ блакенбургской, давать пенсію по 15,000 рублей въ годъ ¹²⁵. Эта бабушка очень хлопотала, чтобъ внукъ велъ себя получше и берегъ свое здоровье: до насъ дошли два письма ея, какъ видно, къ брауншвейгскому повѣренному въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ, въ которыхъ она поручаетъ обратиться къ князю Ивану Долгорукому и сказать ему отъ ея имени, что, зная, какъ императоръ уважаетъ его достоинства, она умоляетъ его уговорить молодаго государя, чтобъ онъ больше заботился о своемъ драгоценномъ здоровьѣ. Въ другомъ письмѣ герцогиня пишетъ: «Дайте почувствовать князю Ивану Долгорукому необходимость вывезти императора изъ Москвы. Князь Долгорукій, человѣкъ знатнаго происхожденія, не такой какъ Меншиковъ, вышедшій изъ черни, человѣкъ безъ воспитанія, безъ благородныхъ чувствъ и принциповъ; это обстоятельство доставляетъ мнѣ безконечное удовольствіе, ибо я не сумнѣваюсь, что этотъ вельможа (Долгорукій) всегда будетъ внушать моему дорогому императору чувства, достойныя великаго монарха» ¹²⁶.

Рѣшительный фаворъ Долгорукихъ обозначился тотчасъ по прїѣздѣ двора въ Москву; наканунѣ торжественнаго вѣзда, князья Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ назначены были членами Верховнаго Тайнаго Совѣта; 11 февраля молодой князь Иванъ Алексѣевичъ сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ. Князь Алексѣй и сынъ его были всѣмъ обязаны приближенію, фавору; но между Долгорукими были двое извѣстныхъ своими способностями и заслугами: знаменитый дипломатъ, князь Василій Лукичъ, какъ мы видѣли, получилъ мѣсто въ верховномъ правительственномъ учрежденіи; здѣсь онъ достойно представлялъ фамилію подлѣ главы другой, соперничающей фамиліи, подлѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына, и подлѣ другого соперника по приближенію и перваго дѣльца, подлѣ Остермана; но у Голицыныхъ былъ знаменитый полководецъ, князь Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ; Долгорукіе противъ него выставили свою военную знаменитость, князя Василя Владиміровича, котораго военное поприще было прервано опаломъ, но въ послѣднее

время было возстановлено въ Персіи; Долгорукимъ было важно имѣть его при себѣ, и потому, подъ предлогомъ болѣзни, онъ былъ вызванъ изъ Персіи, и 25 февраля, на другой день коронаціи, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ, губернаторомъ Кіевскимъ. Минихъ былъ пожалованъ въ графы: эту милость приписывали тому, что Минихъ сговорилъ жениться на оберъ-гофмейстеринѣ цесаревны Елисаветы, графинѣ Салтыковой. Генераль-майоръ Воынской, назначенный было Меншиковымъ къ удаленію въ Голштинію, остался въ Россіи и былъ возстановленъ на старомъ своемъ мѣстѣ, казанскомъ губернаторствѣ, съ порученіемъ ему дѣлъ башкирскихъ ¹²⁷. Мы видѣли, что Шафировъ не поѣхалъ по зимнему пути въ Архангельскъ; объ немъ доносили, что онъ очень боленъ, страдаетъ меланхоліею и безпрестаннымъ жаромъ; докторъ опасается за его жизнь ¹²⁸. Въ февралѣ 1728 года Шафировъ уволился отъ всѣхъ дѣлъ по его челобитной ¹²⁹; такимъ образомъ онъ избавился отъ почетной ссылки въ Архангельскъ, какою назначилъ ему свѣтлѣйшій князь.

Но самъ Меншиковъ покончилъ ссылкой въ Сибирь. Находящійся при немъ въ Раненбургѣ офицеръ Мельгуновъ прислалъ требованіе, что для лучшаго надзора необходимо прибавить еще капральство. По этому поводу 16 января Верховный Тайный Совѣтъ имѣлъ разсужденіе, не лучше ль послать князя Меншикова куда-нибудь подальше, напримѣръ въ Вятку, и держать при немъ караулъ не такъ большой. 9 февраля Остерманъ объявилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, что его императорское величество изволилъ о князѣ Меншиковѣ разговаривать, чтобъ его куда-нибудь послать, а пожитки его взять, оставивъ княгинѣ и дѣтямъ тысячъ по десяти на cadaго, да нѣсколько деревень, и чтобъ объ этомъ члены Совѣта изволили впредь учинить опредѣленіе, потому что изъ Военной и другихъ Коллегій и Канцелярій подаются доношенія, что князь Меншиковъ взялъ изъ казны деньги и матеріалы, и требуютъ возвращенія изъ пожитковъ его; также Мельгуновъ пишетъ, что многіе служители Меншикова требуютъ отпуску; изъ деревень къ нему пишутъ и онъ отвѣчаетъ ¹³⁰. Верховный Тайный Совѣтъ почему-то замедлил своимъ рѣшеніемъ; но дѣло подвинулось тѣмъ, что 24 марта у Спасскихъ воротъ было найдено подметное письмо въ пользу Меншикова;

слѣдствіемъ было то, что 9 апрѣля изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ данъ указъ Сенату о посылкѣ Меншикова съ семействомъ въ Березовъ, о дачѣ имъ и людямъ ихъ кормовыхъ денегъ по шести рублей на день, и о постриженіи Варвары Арсеньевой въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Сорскомъ женскомъ монастырѣ и о дачѣ ей по полуполтинѣ на день ¹³¹.

Ссылка Меншикова въ Сибирь не улучшила участи тѣхъ, которые были имъ сосланы. Мы видѣли, какъ обрадовались паденію Меншикова члены бестужевского кружка; но оставшіеся изъ нихъ въ Петербургѣ очень скоро увидели, что возвратить сосланныхъ и пробиться ко двору будетъ очень трудно: тамъ сильные люди боролись за власть, и одинъ изъ этихъ сильныхъ людей, Остерманъ съ своимъ пріятелемъ Левенвольдомъ знали прежнія связи и стремленія Маврина и Бестужевыхъ. Въ участи Девьера произошла только та перемена, что женѣ его позволено было отправиться къ нему, т.-е. сочли удобнымъ сослать сестру Меншикова подъ видомъ позволенія соединиться съ мужемъ ¹³². Въ сентябрѣ 1727 года Егоръ Пашковъ писалъ княгинѣ Волконской: «О суетномъ состояніи нашемъ всего вамъ описать не могу: такъ было хорошо отъ крайнихъ пріятелей нашихъ, которые насъ безъ совѣсти повреждали; много того случалось, что и смотрѣть на нихъ не смѣли; однакоже ото всѣхъ ихъ нападеній избавилъ насъ Богъ, а ихъ слава суетная пропала вся до конца. Надлежитъ вамъ чаще ѣздить въ Дѣвичій монастырь искать способу себѣ какова. О Семенѣ Мавринѣ и объ Аврамѣ стараюсь, чтобъ ихъ взять изъ ссылки, да не могу чрезъ кого учинить, всѣ проклятые злы на нихъ какъ собаки. Нынѣ у насъ много хотятъ быть первыми, а какъ видимъ по ихъ ревности безсовѣстной, не теряютъ ли и послѣдняго. Про компанію нашу прежнюю часто и милостиво изволить упоминать (Петръ), только отъ прежнихъ вашихъ непріятелей не можно свободного способу сыскать, какъ бы порядочно донести, однакоже хотя и съ трудомъ, только дѣлаемъ сколько возможно». Черкасову Пашковъ писалъ: «Мнѣ кажется, лучше вамъ быть до зимы въ Москвѣ и чаще ѣздить молиться въ Дѣвичъ монастырь чудотворному образу Пресвятой Богородицы. О вѣрныхъ пріятеляхъ нашихъ, объ Аврамѣ и объ Семенѣ прилежно стараюсь, какимъ бы случаемъ ихъ взять, и кажется, что многіе объ нихъ сожалѣютъ, а говорить никто не

хочетъ за поврежденіемъ себя (т.-е. боясь повредить себѣ), а Левольдъ безсовѣстно старою своею компаніею ихъ повреждаетъ и всячески тщится, чтобъ ихъ не допустить ко взятію; надлежитъ вамъ съ княгинею Аграфенею Петровною стараться, чтобъ какимъ случаемъ дойти государыни царицы Евдокіи Ѳеодоровнѣ, и будетъ допустить какой случай, обо всемъ донести съ яснымъ доказательствомъ о ссылкѣ ихъ въ Сибирь, а впредь уповая на милость Божию, какъ прибудемъ въ Москву, безсовѣстная клеотура, можно надѣяться, что скоро пропадетъ, а ихъ никому удержать будетъ невозможно. Нынѣ у насъ въ Питербурхѣ многіе говорятъ и показываютъ вѣрность свою, кто какія заслуги показалъ, которые безмѣрно трусятъ и боятся гнѣву государыни царицы Евдокіи Ѳеодоровны, а паче всѣхъ боится безсовѣстная клеотура Левольдова; однимъ словомъ сказать, какъ будемъ въ Москвѣ, все будетъ другое». За грѣницею, въ Копенгагенѣ, разумѣется, дѣло не казалось такъ труднымъ, и Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, получивъ извѣстіе о паденіи Меншикова, былъ въ полной надеждѣ, что сестра его и пріатели могутъ снова явиться въ Петербургѣ и начать прежнюю дѣятельность. Въ октябрѣ онъ писалъ сестрѣ: «Конечно-бъ по желанію всѣхъ васъ и коегождо особно учинилось, ежелибъ смерть графа Рабутина въ томъ не попрепятствовала, и ежелибъ его императорское величество да не свободилъ имперію свою отъ ига варварскаго, тобъ мнѣ трудно было толь скоро всѣмъ вамъ вспомочь; нынѣ же уповаю, что вы съ друзьями нашими и безъ посторонней помощи, по отлученіи извѣстнаго варвара (Меншикова) всякой сами себѣ вспомочь можете. Понеже чрезъ печатные указы опубликовано, чтобъ указовъ Меншикова не слушать, того ради, не ожидая себѣ никакого позволенія, поспѣшите въ С.-Петербургъ, о чемъ и къ друзьямъ нашимъ, господину Маврину и прочимъ, совѣтуйте, ибо такъ онымъ, какъ и вамъ не отъ его императорскаго величества, но отъ Меншикова повелѣно было». Въ ноябрѣ Алексѣй Бестужевъ писалъ: «Посолъ цесарскій, графъ Вратиславъ, въ пользу всѣхъ васъ отъ двора своего накрѣпко инструкированъ, токмо оная помощь медленна будетъ, ибо онъ ко двору нашему прежде не можетъ прибыть какъ послѣ Пасхи. И того ради стараться такъ о себѣ какъ о Мавринѣ, Петровѣ и Веселовскомъ чрезъ заступу царевны Анны Ивановны».

Ссылные не считали возможнымъ безъ позволенія отпра-
влять въ Петербургъ; но и они крѣпко надѣялись, что Бестужевы
съ своими петербургскими пріятелями освободятъ ихъ. Абрамъ
Петровъ писалъ княгинѣ Волконской изъ Томска: «Что вы мнѣ
обѣщали сдѣлать, пожалуй не запамятуй, чтобъ *Панталонъ* и *Ко-
зелъ* (Михайла и Алексѣи Бестужевы) приложили къ тому свое
стараніе, особливо больше моя надежда на Козла, что онъ меня
не оставитъ». Мавринъ мечталъ уже о дворѣ, о приближеніи, и
писалъ Волконской изъ Тобольска: «Прошу, чтобъ вы трудъ при-
ложили за меня, а нынѣ случай будетъ изрядный, какъ здѣсь
слышно, что его императорское величество изволитъ прибыть
въ Москву и конечно съ бабушкою своею будетъ видѣться, и
тутъ можно будетъ обо мнѣ бѣдномъ вспомнить. Княгинѣ На-
стасѣ Ѳедоровнѣ (Лобановой) можете вы растолковать, что у
нихъ при его величествѣ никого нѣтъ, на кого бы они прямо
свою надежду имѣли, и имъ такой человекъ надобенъ. Я всегда
былъ ихъ слуга».

Изъ Тобольска, Томска и Копенгагена торопили; изъ Петер-
бурга совѣтовали поступать осторожниѣе. Пашковъ писалъ кня-
гинѣ Волконской: «Писалъ я къ вамъ, чтобъ порядочнаго искать
случая, на которое мое письмо изволите объявлять, что сыскать
не черезъ кого; въ томъ опасаться не извольте, можетъ Богъ
хотя одного не оставить компаніи нашей, то будемъ довольны;
сколько мерзкой клеветурѣ (креатурѣ—Остерману и Левенвольду)
не искать себѣ защищенія по своимъ худымъ дѣламъ, только
имъ себя не можно никакъ закрыть; вѣдають они и сами, что
дѣлали худо, да миновать нынѣ никакъ нельзя, что имъ всѣмъ
обидѣ заплатить. Отважно ни въ какое дѣло вступать не извольте,
пока время покажетъ спокойное. Надлежитъ вамъ всѣмъ, буде
станете ѣздить въ Дѣвичъ монастырь, беречься Степановой Ло-
пухина сестры, которая старицею, чѣмъ бы васъ не повредила,
понеже они люди добрые и очень всѣмъ извѣстны по своей со-
вѣсти бездѣльной». Пашковъ отыскивалъ членовъ разогнанной
партіи и просилъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома хлопотать при каж-
домъ удобномъ случаѣ о попавшихъ въ бѣду: «Просилъ я о васъ
Кириллу Петровича Матюшкина, писалъ онъ Черкасову въ Мос-
кву, чтобъ онъ васъ не оставилъ въ случаѣ хорошемъ, что и
обѣщалъ, а онъ компаніи нашей и добрый человекъ»¹³³.

Но главная надежда партій основывалась на двухъ лицахъ царскаго дома, на старой царицѣ и на царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ. Мы видѣли, какъ послѣдняя не щадила униженныхъ просьбъ къ Меншикову и Остерману, чтобъ только отпустили назадъ къ ней въ Митаву необходимаго ей Петра Михайловича Бестужева. Понятно, въ какомъ восторгѣ была Анна, получивши извѣстіе о наденіи Мевшикова. Немедленно отправила она письмо императору: «Я неоднократно просила, чтобъ мнѣ позволено было по моей должности вашему императорскому величеству съ воспріятіемъ престола російскаго поздравить и цѣловать вашего величества дорогие ручки; но получила на всѣ мои письма отъ князя Меншикова отвѣтъ, чтобъ мнѣ не ѣздить. Нынѣ паки всепокорно вашего императорскаго величества прошу повелѣть мнѣ, для моей поѣздки въ Петербургъ, поставить въ прибавку почтовыхъ, какъ прежде мнѣ давано было, лошадей». Такія же письма были отправлены къ великой княжнѣ Натальѣ и къ Остерману¹³⁴. Но Анна позабыла, что у Остермана были такія же сильныя побужденія, какъ и у Меншикова не давать ходу бестужевской партіи, не допускать ея покровительницу, герцогиню курляндскую, хлопотать за нее при личномъ свиданіи съ императоромъ; Остерманъ тѣмъ болѣе долженъ былъ теперь остерегаться Бестужевыхъ, что Петръ Михайловичъ не сидѣлъ сложа руки въ Петербургѣ, но, увидавши борьбу между Остерманомъ и Долгорукими, сталъ заискивать у послѣднихъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и только въ концѣ 1729 года Анна получила приглашеніе отправиться прямо въ Москву на коронацію; тогда же отпущенъ былъ къ ней и Бестужевъ, ибо стало извѣстно, что онъ не можетъ быть опасенъ, что у Анны уже другой фаворитъ.

Этотъ фаворитъ былъ знаменитый Эрнстъ Иванъ Биронъ или Биренъ, сынъ придворнаго служителя герцоговъ курляндскихъ. Говорятъ, что онъ еще въ 1714 году пріѣзжалъ въ Петербургъ искать мѣста при дворѣ принцессы Софіи, жены царевича Алексѣя, но получилъ отказъ какъ человекъ низкаго происхожденія. Достоверно одно, что въ 1722 году онъ долго сидѣлъ подъ арестомъ въ Кенигсбергѣ за то, что участвовалъ въ ночной дракѣ съ городскою стражею. По возвращеніи въ Курляндію, онъ былъ принятъ ко двору герцогини Анны, благодаря покровительству оберъ-гофмейстера Бестужева. Это покровительство объясняли связью оберъ-

гофмейстера съ сестрою Бирона ¹³⁵. Оберъ-камеръ-юнкеръ Биронъ сопровождалъ герцогиню въ Москву на коронацію Екатерины въ 1724 году, и сблизился тамъ съ *своими*, съ камергеромъ Левенвольдомъ, что видно изъ письма его къ послѣднему отъ 25 іюля 1725 года: Биронъ описываетъ несчастіе, случившееся съ нимъ въ Кенигсбергѣ, говоритъ что онъ выпущенъ оттуда только съ условіемъ заплатить 700 талеровъ штрафу, и проситъ ходатайствовать предъ прусскимъ дворомъ о сложеніи штрафа. Не знаемъ, получилъ ли Биронъ желаемое; знаемъ только, что онъ сталъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ какъ знатокъ въ лошадахъ и хорошій человѣкъ. До насъ дошелъ указъ императрицы Бестужеву: «Немедленно отправить въ Бреславль оберъ-камеръ-юнкера Бирона, или другого который бы зналъ силу въ лошадахъ и охотникъ къ тому былъ и добрый человѣкъ, для смотрѣнія и покупки лошадей» ¹³⁶. Въ отсутствіе Бестужева, задержаннаго Меншиковымъ въ Петербургѣ, Биронъ сблизился съ герцогинею и сталъ ея фаворитомъ, такъ что когда Бестужевъ возвратился въ Митаву, то былъ принятъ ласково, но между собою и Анною уже нашелъ другого человѣка. Герцогиня отправилась въ Москву; по прежнимъ расчетамъ, тамъ своимъ вліяніемъ она должна была поднять «компанію»; но теперь сдѣлаетъ ли она это, уже высвободившись изъ-подъ вліянія Бестужева, находясь подъ другимъ, враждебнымъ вліяніемъ? Бестужевъ писалъ своей дочери, княгинѣ Волконской въ Москву: «Я въ несносной печали; едва во мнѣ духъ держится, потому что чрезъ злыхъ людей другъ мой сердечный отъ меня отѣнился, а вашъ другъ (Биронъ) болѣе въ кредитъ остался; но вы объ этомъ не давайте знать, вы должны угождать и твердо поступать и служить во всемъ, чтобъ въ кредитъ быть и ничѣмъ нимало не раздражать, только утѣшать во всемъ и искусно смотрѣть, что о насъ будетъ (Биронъ) говорить, не въ противность ли? Вы ищите случая, какъ бы вамъ съ вашими непріятелями помириться и брата помирить, а такъ какъ друзей Маврина допускать не будутъ, то вы осторожно поступайте; съ Дмитріемъ Соловьевымъ дружески поступайте, отпишите осторожно подъ чужимъ конвертомъ о состояніи двора ея высочества (Анны); отпишите, какъ ея высочество отъ кого принята будетъ. Степанъ Лопухинъ какъ былъ вамъ непріятель, такъ и мнѣ дѣлалъ обиды и затѣвалъ на меня, а теща его ко мнѣ добра: вы

ищите чрез нея случай съ уклонкою съ ними въ дружбу войти. Аврамова жена (Лопухина) вамъ сватья и ласкова, вы ищите дружбы и съ другими, кто имѣетъ кредитъ. Вы про ея высочество ни съ кѣмъ ничего, кромѣ милости ея, не говорите, потому что обѣщано мнѣ въ милости содержать. Ради Бога осторожно живите и пишите, и какъ ея высочество сюда поѣдетъ, вы старайтесь съ нею ѣхать или и напередъ отпроситесь, усмотря какъ лучше. Особенно вы должны приобрѣсть любовь князя Алексѣя Григорьевича и Павла Ивановича (Ягужинскаго), Степана Васильевича. Если вамъ стануть говорить о фрейлинѣ Бироновой, то дѣлайте видъ, что ничего не знаете. Поговорите у себя въ домѣ со Всеволожскимъ ¹³⁷, чтобъ между служителями ея высочества было какъ можно болѣе смуты и безпорядка, потому что я знаю жестокіе поступки того господина (Бирона). Вы о моей обидѣ не давайте знать, какъ будто ничего не знаете; служите старательно и вѣрно безо всякой противности, хотя что и видите—молчите, только меня увѣдомляйте; всего печальнѣе для меня то, что я не знаю, въ какомъ состояніи находитесь вы и прежніе ваши друзья; однако я слышу, что Александръ (Бутурлинъ) въ кредитѣ. Я въ такой печали нахожусь, что всегда жду смерти, ночей не сплю; знаешь ты, какъ я того человѣка (Анну) люблю, который теперь отъ меня отбѣнился.» Въ мартѣ 1728 года Бестужевъ писалъ дочери: «Послалъ я Салова къ вамъ, и велѣлъ ему побывать на Москвѣ, и отъ кого можно освѣдомиться, нѣтъ ли гнѣва на меня ея высочества, потому что изъ писемъ вижу, и опасаясь, чтобъ нашъ пріятель (Биронъ) за наши многія къ нему благодаренія не заплатилъ бы многимъ зломъ. Чтобъ объ немъ (Саловѣ) никто кромѣ васъ не зналъ, и чтобъ сестра ваша не знала ¹³⁸, также чтобъ онъ остерегался всѣхъ тамъ людей (при дворѣ герцогини), а особливо тенориста и Кобозова, отъ котораго все зло мнѣ происходитъ ¹³⁹. Салова у себя не держите, отправьте ко мнѣ немедленно, велите ѣхать не скоро, матери и мужу не сказывайте, что онъ у меня былъ, ради Бога осторожниѣе, чтобъ не дознались, что отсюда ѣхалъ; они могутъ мнѣ обиду сдѣлать: хотя бы она (Анна) и не хотѣла, да онъ (Биронъ) принудитъ» ¹⁴⁰.

Никакія осторожности не помогли. Люди князя Никиты Волконскаго, Зайцевъ и Добрянскій явились къ Остерману и донесли, что помѣщицѣ ихъ княгинѣ Волконской за дерзости ея ве-

льно жить въ деревнѣ, не вѣзжая въ Москву, а она живетъ въ подмосковной деревнѣ двоюроднаго своего брата Федора Талызина ¹⁴¹, откуда ѣздитъ тайно подѣ Москву въ Тушино для свиданія съ Юріемъ Нелединскимъ и съ другими нѣкоторыми людьми, между прочимъ видѣлась и съ секретаремъ Исакомъ Веселовскимъ; ведетъ тайную переписку со многими лицами въ Москву и другія мѣста; недавно привезъ тайно же изъ Митавы отъ отца ея, Петра Бестужева, челоуѣкъ его письма, зашитыя въ подушкѣ. Волконскую схватили и со всѣми письмами отъ родныхъ и друзей. 10 мая 1828 года въ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта она была допрошена и объявила, что дѣйствительно видѣлась въ Тушинѣ съ Нелединскимъ и Веселовскимъ, съ первымъ по свойству, а со вторымъ по давнему знакомству и дружеству. У нея потребовали объясненія темныхъ мѣстъ въ письмахъ, къ кому относятся неблагопріятные отзывы: она нигдѣ не показала на Остермана, вмѣсто него вставляла царевну Анну, хотя иногда и не кетати. Волконская заиралась, что, по письмамъ къ ней, въ Москву не ѣздила и ни у кого не была; но у Талызина нашли отъ нея такое письмо: «Въ Слободѣ (Нѣмецкой) побывай и поговори извѣстной персонѣ, чтобъ, сколько ему возможно, того каналью хорошенько рекомендовалъ курляндца, а онъ уже отъ меня слышалъ, и провѣдалъ бы, нѣтъ ли отъ канальи какихъ происковъ къ моему родителю, понеже ему легко можно знать отъ Александра (Бутурлина), и чтобъ поразгласилъ о немъ гдѣ пристойно, что онъ за челоуѣкъ.» Въ допросѣ княгиня Волконская объявила, что извѣстная персона въ Слободѣ—это лѣкарь цесаревны Елисаветы Лестоукъ, а каналья—Биронъ.

Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялось такое мнѣніе, что «княгиня Волконская и ея пріятели дѣлали партіи и искали при дворѣ его императорскаго величества для собственной своей пользы дѣлать интриги, и тѣми интригами причинить при дворѣ безпокойство, и дабы то свое намѣреніе сильнѣе въ дѣйство произвести могли, искали себѣ помощи чрезъ Вѣнскій дворъ, и такъ хотѣли вмѣшати посторонняго государя въ домовыя его императорскаго величества дѣла, и въ такой ихъ Волконской и брата ея Алексѣя откровенности можетъ быть что они сообщали тѣмъ чужестраннымъ министрамъ и о внутреннихъ здѣшняго государства дѣлахъ, сверхъ же того провѣдывали о дѣлахъ и словахъ

Верховнаго Тайнаго Совѣта.» За такія вины Совѣтъ разсудилъ: княгиню Волконскую сослать до указа въ дальній женскій монастырь и содержать ее тамъ неисходно подъ надзоромъ игуменьи; сенатору Нелединскому въ Сенатѣ у дѣлъ впредь до указа не быть; Егору Пашкову въ Военной Коллегиі не быть; Веселовскаго сослать въ Гиланъ; шталмейстера Кречетникова записать въ прапорщики и послать служить въ армейскіе полки; Черкасова въ Астрахань къ провіантскимъ дѣламъ. Это миѣніе отправлено было къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому, при такомъ письмѣ: «Сіятельный князь! Понеже дѣло княгини Волконской и прочихъ по тому дѣлу ко окончанію приведено, того ради ваше сіятельство просимъ, изволите по тому миѣнію его величества доложить, и что изволитъ указать, о томъ насъ увѣдомить. А что написано о Егорѣ Пашковѣ, чтобъ ему у дѣлъ въ Военной Коллегиі не быть, и то въ такой силѣ, что по отлученіи отъ этихъ дѣлъ опредѣлить его на Воронежъ вице-губернаторомъ. Вашего сіятельства слуги: Апраксинъ, Головкинъ, братъ вашъ князь В. Долгоруковъ.» Князь Алексѣй прислалъ отвѣтъ: «Сіятельные тайные дѣйствительные совѣтники, мои милостивые государи: по письму вашихъ сіятельствъ и по присланномъ приговорѣ его императорскому величеству докладывалъ и чрезъ сіе мое объявляю: его величество по приговору вашихъ сіятельствъ быть повелѣлъ, и тако сіе донесши, пребываю вашихъ сіятельствъ нижайшій слуга князь Алексѣй Долгорукой¹⁴²».

Оба брата княгини Волконской, Алексѣй и Михаилъ Бестужевы, хотя и заподозрѣнные въ приговорѣ, остались однако на своихъ дипломатическихъ постахъ; но отецъ ихъ не могъ остаться спокойно въ Курляндіи. Когда дѣло Волконской вскрылось, Бестужевъ былъ взятъ изъ Курляндіи «съ опалою», бумаги его были запечатаны. Царевна Анна съ Бирономъ были въ это время въ Москвѣ. Конечно «креатуры» дали знать «канальѣ Курляндцу», какъ онъ трактуется въ захваченныхъ письмахъ. Бестужевъ не даромъ писалъ: «Они могутъ мнѣ обиду сдѣлать: хотябъ она и не хотѣла да онъ принудитъ». Возвратившись въ Митаву, Анна старалась поддержать «высочайшую милость» императора и сестры его «всеглубочайшимъ респектомъ», которымъ дышатъ ея письма къ нимъ, и угожденіями. Въ одномъ письмѣ она увѣдомляетъ великую княжну Наталью: «Доношу вашему высочеству, что нѣ-

сколько собакъ сыскано какъ для его величества, такъ и для вашего высочества, а прежде августа послать невозможно: охотники сказываютъ, что испортить можно, ежели въ нынѣшнее время послать. И прошу ваше высочество донести государю братцу о собакахъ, что сысканы, и еще буду стараться». Анна старалась насчетъ собакъ для императора и сестры его; Биронъ, будучи въ Москвѣ, обѣщалъ князю Ивану Долгорукому сыскать для него собаку; по возвращеніи въ Митаву ни о чемъ больше не думалъ какъ объ исполненіи своего обѣщанія, и нашелъ собаку самой лучшей породы. За собакъ долженъ былъ расплатиться Бестужевъ. Въ началѣ августа 1728 года Анна писала царевнѣ Натальѣ: «О себѣ вашему высочеству нижайше доношу: въ разореньѣ и въ печаляхъ своихъ жива. Всепокорно, матушка моя и государыня, прошу не оставить меня въ высокой и неотмѣнной вашего высочества милости, понеже вся моя надежда на вашу высокую милость». Въ томъ же мѣсяцѣ оказалось, отъ кого было разоренье и печали. Великая княжна получила такое письмо отъ Анны: «По необходимой моей нуждѣ послала я моего камеръ-юнкера Корфа въ Москву, велѣла донести его императорскому величеству, какимъ образомъ меня разорилъ и расхитилъ Бестужевъ, котораго камеръ-юнкера рекомендую въ высокую милость вашего высочества и покорно прошу меня не оставить милостивымъ защищеніемъ. А моя вся надежда крѣпкая на ваше высочество¹⁴³». Въ просьбѣ своей императору Анна писала: «Вашего величества свѣту похвальное правосудіе упричиняетъ, что я прибѣжище мое къ вашему величеству приѣмлю и во всей покорности представляю, коимъ образомъ прежній мой оберъ-гофмейстеръ Бестужевъ обманомъ поступалъ: 1) онъ, Бестужевъ, чрезъ свою злую диспозицію меня разорилъ; 2) подлинныя доказательства мои, касающіяся отдачи вдовьихъ маестностей моихъ, которыя отданы отъ здѣшняго княжескаго правленія, тайно утащилъ и къ великому поврежденію моему съ собою увезъ, чрезъ что я осталась безъ обороны, изъ чего довольно можно усмотрѣть, что понеже я на вѣрность его полагалась, а онъ меня невѣрно чрезъ злую диспозицію свою обманулъ и въ великій убытокъ привелъ чрезъ *финесы* свои, какъ обо всемъ отъ меня посланный камеръ-юнкеръ Корфъ обстоятельно представить и доказательство учинить». Вслѣдствіе этой просьбы учреждена была коммиссія, чтобъ счи-

татъ Бестужева. Корфъ былъ обвинителемъ; но Бестужевъ, въ свою очередь, началъ насчитывать на Анну свои вещи и деньги ¹⁴⁴. Дѣло затянулось, несмотря на то, что Анна просила Остермана приказать какъ можно скорѣе окончить его: «Понеже вашему превосходительству извѣстно, что я разорена, а нынче мой камеръ-юнкеръ въ Москвѣ, и ежели еще долго пробудеть, и мнѣ не безъ убытку его содержать такъ долго. А я на ваше превосходительство въ весьма великой надеждѣ, что ваше превосходительство меня не оставите по вашей ко мнѣ склонности и дружбѣ; а мнѣ изволь вѣрить, что я вамъ и вашей фамильѣ вѣчно пребуду въ вѣрности и отслужу за вашу ко мнѣ великую склонность ¹⁴⁵». Въмѣсто Бестужева русскій дворъ назначилъ для управленія дѣлами Анны Курляндца Рацкаго, вступившаго въ русскую службу; Рацкій писалъ Остерману, что при дворѣ герцогини много лишнихъ людей и царствуетъ сильная роскошь не по средствамъ: гофмаршаломъ Сакенъ, оберъ-гофмейстериною Фонъ-Денъ-Рекъ, камергеромъ Биронъ, сверхъ того три камеръ-юнкера, шталмейстеръ надъ двумя цугами и футтеръ-маршалъ, двѣ камеръ-фрейлины, одна камеръ-фрау и множество гофратовъ, рейтмейстеровъ, секретарей, переводчиковъ и комнатныхъ служителей, которые все ни за что получали жалованье; сверхъ того герцогиня приняла еще въ службу Курляндца Корфа, назначеннаго въ Москву резидентомъ съ жалованьемъ по 1.200 рублей въ годъ; Рацкій жаловался также, что его дурно принимаютъ при дворѣ Анны ¹⁴⁶.

Паденіе Меншикова и вліяніе цесаревны Елисаветы должны были сблизать молодаго императора съ родной его теткою, герцогинею голштинскою Анною Петровною. Въ концѣ февраля 1728 года пріѣхалъ въ Москву изъ Голштиніи майоръ Дитмаръ съ извѣстіемъ, что 10 (21) февраля у цесаревны Анны родился сынъ герцога Петръ, и съ просьбою къ императору быть восприемникомъ; Дитмаръ получилъ 300 червонныхъ въ подарокъ за радостное извѣстіе; при дворѣ былъ балъ по этому случаю. Теофанъ Прокоповичъ счелъ нужнымъ отправить длинное поздравительное письмо герцогу и герцогинѣ: «Родился Петру Первому внукъ, Второму братъ, августѣйшимъ и державнѣйшимъ сродникамъ и ближнимъ—краса и приращеніе, Россійской державѣ—опора и, какъ заставляеть ожидать его кровное происхожденіе,—великихъ дѣлъ величайшая надежда. А смотря на васъ, счастливѣйшіе ро-

дители, я плачу отъ радости, какъ недавно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, отверженныхъ, униженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ. Теперь для меня очевидно, что вы у Бога находитесь въ числѣ возлюбленнѣйшихъ чадъ, ибо Онъ посѣщаетъ васъ наказаніями, а послѣ печалей возвеселяетъ, какъ и всегда дѣлаетъ съ людьми благочестивыми». Описавши огорченія, претерпѣнныя мужемъ и женою, Теофанъ особенно останавливается на притѣсненіи отъ Меншикова, и не даетъ пощады падшему: «Васъ постигло то, что почти превышаетъ мѣру вѣроятія. Этотъ бездушный человѣкъ, эта язва, этотъ негодяй, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унизить до той низкой доли, изъ которой самъ рукою вашихъ родителей, былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія и, въ добавокъ, наглый человѣкъ показалъ примѣръ неблагодарной души въ такой же мѣрѣ, въ какой былъ облагодѣтельствованъ. Этотъ колоссъ изъ пигмея, оставленный счастіемъ, которое довело его до опьяненія, упалъ съ великимъ шумомъ. Что же касается до васъ, то вы можете ожидать всего лучшаго отъ того, что поставленъ въ безопасности августѣйшій вашъ племянникъ, нашъ всемилостивѣйшій государь; но и въ вашемъ домѣ Отецъ щедротъ посѣтилъ васъ своею милостію, даровавъ вамъ сына. Поздравляя васъ съ такимъ благомъ, дарованнымъ для васъ, для августѣйшей фамиліи, для многихъ царствъ и народовъ, молю всеблагаго Бога, чтобъ Онъ, услышавъ ваши молитвы, увѣнчалъ ваши надежды исполненіемъ, и сохранилъ родителей и рожденнаго невредимо радостными и цвѣтущими на многія лѣта».

Пожеланія Теофана не пошли въ прокъ. По поводу крещенія новорожденнаго принца, въ Кылѣ была иллюминація и фейерверкъ. Герцогиня хотѣла смотрѣть ихъ и стояла у открытаго окна въ холодную и сырую ночь; придворныя дамы представляли ей опасность и затворили окно; она смѣялась надъ ними, хвалясь своимъ русскимъ здоровьемъ; но ихъ опасенія сбылись: герцогиня простудилась и скончалась на десятый день ¹⁴⁷ (4 мая). Такъ какъ въ завѣщаніи она просила, чтобъ тѣло ея положено было при гробахъ родительскихъ, то велѣно было отправить въ Голштинію генераль-майора Бибикова съ архимандритомъ, тремя священниками, діаконами и пѣвчими и потреб-

ною утварью на кораблѣ Рафанль и фрегатѣ Крейсеръ подъ командою контръ-адмирала Бредаля ¹⁴⁸.

Въ томъ же году случилась бѣда съ человѣкомъ, котораго при Петрѣ Великомъ придворные слухи назначали женихомъ цесаревны Анны Петровны, съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Мы видѣли, что онъ попался въ девьеровское дѣло и былъ сосланъ въ свои деревни. Нарышкинъ жилъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Чашниковѣ; когда ему дали знать, что императоръ охотился по близости, и что ему, Нарышкину, слѣдуетъ выѣхать къ государю съ поклономъ, то онъ отвѣчалъ: «Что мнѣ ему съ чего поклоняться? Я и почитать его не хочу; я самъ таковъ же какъ и онъ, и думалъ на царствѣ сидѣть, какъ онъ; отецъ мой государствомъ правилъ; дай мнѣ выйти изъ этой нужды—я знаю что сдѣлать!»—«Его императорское величество, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ оное дѣло розыскомъ вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не могло бѣ разгласиться и въ народѣ разсѣяно быть, того ради его величество указалъ послать его, Нарышкина, въ дальнюю его деревню».

Цесаревна Елисавета осталась въ Россіи—предметомъ исканія для разныхъ жениховъ, предметомъ нескончаемыхъ толковъ для придворныхъ, для министровъ иностранныхъ. Виднѣе всѣхъ молодыхъ людей былъ фаворитъ императора, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, привязанность Петра къ которому достигла высшей степени; и вотъ начинаются толки, что князь Иванъ влюбленъ въ Елисавету, и что Остерманъ, безъ котораго ничто не можетъ сдѣлаться, нарочно раздуваетъ эту страсть, чтобъ погубить обоихъ, и Елисавету и Долгорукаго. Откажутъ въ рукѣ Елисаветы знаменитому жениху всѣхъ выгодныхъ невѣстъ, Морицу саксонскому, выскажется князь Долгорукій съ негодованіемъ о предложеніи Морица—это служить подтвержденіемъ, что онъ самъ имѣетъ виды на цесаревну. Другой вопросъ первой важности, занимающій всѣхъ—это въ какихъ отношеніяхъ находятся двѣ силы—Долгорукіе и Остерманъ? Остерманъ столкнулся съ фаворитомъ, поссорились; Остерманъ помирился съ фаворитомъ—вотъ важнѣйшія новости; отъ этого зависить возвращеніе двора въ Петербургъ, чего желаетъ Остерманъ, и чего не хотятъ русскіе вельможи; если фаворитъ помирился съ Остерманомъ, то и онъ бу-

доть уговаривать императора возвратиться въ Петербургъ; да прочно ли это примиреніе? Князь Иванъ ненавидитъ Остермана; а князь Алексѣи расположенъ теперь къ Остерману, считаетъ его умницею; князь Алексѣи не любитъ сына своего Ивана, фаворита, любитъ другого; въ слѣдствіе чего самые представительные изъ Долгорукихъ дѣлятся: князь Василій Лукичъ на сторонѣ князя Алексѣи, заправляетъ имъ; князь Василій Владиміровичъ на сторонѣ фаворита. Остерманъ пользуется этимъ разъединеніемъ, держится, и крѣпко держится, заправляетъ дѣлами внутренними и внѣшними. Его не любятъ, противъ него работаютъ при дворѣ; но случись какое-нибудь трудное дѣло въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, всѣ обращаются къ Остерману, потому что онъ трудолюбивъ, на него всѣ любятъ складывать тяжесть подробностей.

Остерманъ держится крѣпко, но покоенъ быть не можетъ; онъ силенъ разъединеніемъ противниковъ; но его партія слаба, ему не на кого опереться въ случаѣ невзгоды; уже толковали, что старый Головкинъ долженъ будетъ отказаться отъ должности великаго канцлера; но его мѣсто займетъ не Остерманъ, а князь Василій Лукичъ Долгорукій, человѣкъ имѣющій большую дипломатическую опытность и свой взглядъ, противоположный взгляду Остермана. Петръ отвыкъ совершенно отъ серьезнаго занятія, отъ серьезныхъ разговоровъ; кто хотѣлъ приблизиться къ нему, тотъ долженъ былъ говорить о вещахъ ему пріятныхъ, доступныхъ, объ охотѣ, собакахъ и т. п. Остерманъ не могъ, не умѣлъ объ этомъ говорить, что же ему оставалось! Да и трудно было найти доступъ къ императору: онъ надолго уѣзжалъ изъ Москвы на охоту съ Долгорукими, которые могли, умѣли съ нимъ говорить, умѣли забавлять его, и потому овладѣли имъ. Петръ дичалъ, горизонтъ его суживался; ему неловко уже становилось при чужихъ людяхъ, а чужими становились всѣ тѣ, которые не участвовали въ его забавахъ. Внукъ завелъ свою *компанію*; но эта компанія походила однимъ только на компанію дѣда, безцеремонностію, грубостію обращенія. Фаворитъ охарашивался предъ иностранными министрами, которые заявляли ему, что онъ не Меншиковъ, не изъ черни, но человѣкъ знатный, образованный; что ему слѣдуетъ блюсти за молодымъ государемъ, сдерживать его; фаворитъ охарашивался, начиналъ играть роль недовольнаго и

отзываться съ презрѣніемъ о компаніи, въ которой отецъ его былъ главнымъ лицомъ; фаворитъ говорилъ, что не ѣздитъ за городъ съ государемъ потому, что не хочетъ быть свидѣтелемъ глупостей, которыя заставляютъ дѣлать Петра, и наглости, съ какою компанія обращается съ нимъ ¹⁴⁹. Но иностранные министры подозрѣвали, что фаворитъ не ѣздитъ съ царемъ для того только, чтобъ во время отсутствія царя предаваться собственнымъ удовольствіямъ; русскіе современники своими разсказами подтверждали ихъ подозрѣнія ¹⁵⁰.

Фаворитъ съ негодованіемъ отзывался о забавахъ императора во время его выѣздовъ; но если онъ дѣйствительно чувствовалъ негодованіе, то не имѣлъ силы характера, гражданскаго мужества для того, чтобъ воспользоваться своимъ вліяніемъ для противо-дѣйствія этимъ забавамъ, или считалъ, подобно Остерману, всякое противо-дѣйствіе бесполезнымъ для царя, и только вреднымъ для того, кто захочетъ противо-дѣйствовать. Фаворитъ уклонялся отъ выѣздовъ по какимъ бы то ни было побужденіямъ, не провожала императора и тетка, цесаревна Елисавета: между нею и племянникомъ произошло охлажденіе; она жила въ уединеніи; но вредныя для ея репутаціи слухи не переставали кружить въ обществѣ; пріятели Долгорукихъ толковали, что князь Алексѣй нарочно увозить императора такъ часто и на такое продолжительное время изъ Москвы, чтобъ удалить его отъ опасной Елисаветы. Сталъ нравиться императору камергеръ князь Сергѣй Дмитріевичъ Голицынъ, сынъ князя Дмитрія, человекъ, по отзывамъ современниковъ, достойный; допустить вліяніе Голицыныхъ — страшная опасность для Долгорукихъ, и князя Сергѣя постарались удалить, назначивъ его посланникомъ въ Берлинъ. Прежде сильнымъ вліяніемъ на императора пользовалась сестра его великая княжна Наталья, проводница остермановскаго вліянія; но болѣзненная Наталья занемогла лѣтомъ 1728 года, не могла слѣдить за братомъ, провожать его на охоту, и 22 ноября скончалась. Такимъ образомъ не было болѣе никакого вліянія, которое бы противо-дѣйствовало вліянію Долгорукихъ; изъ женщинъ Петра провожали на его прогулки княгиня Долгорукая, жена князя Алексѣя, съ двумя дочерьми, и стали толковать, что одна изъ нихъ будетъ объявлена невѣстою императора.

«Все въ Россіи въ страшномъ разстройствѣ, доносили ино-

странные посланники своимъ дворамъ: царь не занимается дѣлами и не думаетъ заниматься; денегъ никому не платятъ, и Богъ знаетъ, до чего дойдутъ финансы; каждый воруетъ сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго Совѣта нездоровы и не собираются; другія учрежденія также остановили свои дѣла; жалобъ бездна; каждый дѣлаетъ то, что ему придется на умъ. Объ исправленіи всего этого серьезно никто не думаетъ, кромѣ барона Остермана, который одинъ не въ состояніи сдѣлать всего»¹⁵¹. Въ этихъ извѣстіяхъ была правда. Дѣйствительно съ перваго взгляда все должно было представляться въ страшномъ разстройствѣ; но, при этомъ видимомъ разстройствѣ правительственной машины, болѣе внимательные наблюдатели¹⁵² замѣчали однако, что народъ вообще былъ доволенъ; это довольство происходило прежде всего отъ мира, продолжавшагося уже семь, восемь лѣтъ, отъ уменьшившихся тягостей, поборовъ людьми и деньгами, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ при Екатеринѣ I-и; но послѣдствія этихъ мѣръ оказывались только теперь; торговля и промышленность усиливались, благодаря дѣятельности остермановской «коммисіи о коммерціи»; что же касается до злоупотребленій, до безцеремоннаго обращенія съ казенными деньгами, то всякій иностранецъ и прежде и послѣ могъ услышать нѣсколько поразительныхъ примѣровъ, и на ихъ основаніи провозглашать страшное разстройство. Посмотримъ же, на основаніи свидѣтельствъ негословныхъ, что было сдѣлано въ это время и хорошаго и дурного.

Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ половина членовъ — Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ были недовольны: императоръ не присутствуетъ въ Совѣтѣ, и двое членовъ его, князь Алексѣй Долгорукій и Остерманъ являются посредниками между императоромъ и Совѣтомъ; сами они почти никогда не ходятъ въ засѣданія и къ нимъ нужно посылать мнѣнія Совѣта съ просьбою провести дѣло, доложивъ императору. Мы привели образчикъ подобной отсылки мнѣнія Совѣта къ князю Алексѣю Долгорукому по поводу дѣла княгини Волконской. Для примѣра подобныхъ же сношеній съ Остерманомъ можно привести слѣдующій случай: 4 сентября 1728 года въ собраніи Совѣта положено было переимѣнить при гетманѣ въ Малороссіи министра, послать вмѣсто Ѳедора Наумова кого-нибудь другого, и представлены кандидаты,

генералы — Матюшкинъ, Мамоновъ и Солтыковъ съ запискою; объ этомъ рѣшеніи посланъ былъ къ барону Андрею Ивановичу Остерману оберъ-секретарь, которому велѣно просить барона, чтобъ изволилъ о томъ доложить императорское величество. Остерманъ приказалъ господамъ министрамъ донести, что по запискѣ ихъ императору докладывать нельзя, потому что не означено точно, кому изъ трехъ особъ быть при гетманѣ; онъ, баронъ, думаетъ, что императоръ изволилъ спрашивать ихъ министерскаго мнѣнія, и для того изволили бы точно опредѣлить, кому при гетманѣ быть; баронъ изволилъ при этомъ также сказать, что завтра у цесаревны Елисаветы Петровны на именинахъ изволилъ быть императоръ, будутъ и министры, слѣдовательно тутъ всѣмъ сообща можно будетъ доложить его величеству. Министры, Апраксинъ, Головкинъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и Голицынъ, написали другую записку, гдѣ указали прямо на Солтыкова; но докладъ послѣдовалъ только 23 октября, и государь посылать Солтыкова въ Малороссію не указалъ ¹⁵⁴. 9 ноября того же года Совѣтъ потерялъ старшаго изъ своихъ членовъ, генераль-адмирала графа Апраксина.

Восшествіе на престолъ Петра II-го удовлетворяло огромное большинство въ народѣ, и потому не могло быть значительныхъ протестовъ; Преображенскому Приказу было мало дѣла, и его уничтожили 4 апрѣля 1729 года въ самый приличный день, въ Страстную пятницу; дѣла его были раздѣлены между Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ, смотря по-важности. Сенаторамъ опять въ 1728 году Верховный Совѣтъ сдѣлалъ замѣчаніе въ небрежномъ отправленіи должности, велѣлъ спросить, для чего не сидятъ? ¹⁵⁵ Въ коллегіяхъ попрежнему чувствовался недостатокъ въ способныхъ членахъ; опытъ показалъ, что приглашеніемъ иностранцевъ горю помочь нельзя, и Остерманъ въ маѣ 1728 года представилъ, что въ коллежскихъ членахъ великій недостатокъ, и когда случаются ваканціи или отлучки, тогда опредѣляются отъ другихъ дѣла люди непривычные. Поэтому рассуждено, чтобъ во всѣ коллегіи выбрать по три человека изъ молодого шляхетства, которымъ быть тамъ для обученія, и хотя имъ голосовъ не имѣть, однако рассужденія отъ нихъ требовать ¹⁵⁶. Лѣтомъ того же года велѣно было Коллегіямъ — военной, юстиціи, камеръ, бергъ и ревизіонъ и докладной канцеляріи быть въ Мос-

кву, знакъ, что дворъ намѣренъ былъ остаться въ древней столицѣ; въ Петербургѣ оставлены были конторы подъ управленіемъ одного члена. Въ Москвѣ уже начали чувствовать неудобства сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ губернаторской канцеляріи, и потому начали думать объ учрежденіи особыхъ приказовъ, одного для дѣлъ гражданскихъ, другого для уголовныхъ, въ которыхъ было бы по одному судѣ съ товарищемъ; изъ Московской губерніи было показано 21.388 нерѣшенныхъ дѣлъ¹⁵⁷. Въ сентябрѣ составленъ былъ въ Сенатѣ и одобренъ въ Тайномъ Совѣтѣ наказъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ товарищамъ¹⁵⁸, необходимый вслѣдствіе того, что въ предшествовавшее царствованіе отступили отъ направленія Петра Великаго, соединили всѣ дѣла попрежнему въ одномъ губернаторскомъ и воеводскомъ управленіи, только подчинивши городовыхъ воеводъ провинціальнымъ воеводамъ, а этихъ губернаторамъ. Въ наказѣ говорится: всѣ прежде бывшія въ разныхъ конторахъ дѣла, *а нынѣ въ единой собранныя*, между канцелярскими служителями росписать, какъ прежде бывало, повѣты или столы, то-есть: у которыхъ судныя и розыскныя дѣла или счета и прочее имъ подобное, у такихъ никакого денежнаго прихода не было бъ, а у которыхъ денежный пріемъ и расходъ, такимъ прочихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ не придавать. Во всѣхъ городахъ въ ратушахъ бурмистрамъ судъ имѣть между купечествомъ, и кто на купцовъ будетъ бить челомъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, которыя поручены губернаторамъ и воеводамъ, въ гражданскихъ дѣлахъ отъ бурмистровъ апелляціи къ воеводамъ и губернаторамъ, а отъ губернатора въ Юстицъ-Коллегію. Дворцовые крестьяне судятся между собою въ Дворцовой Канцеляріи, но въ уголовныхъ дѣлахъ у губернаторовъ и воеводъ. Синодскаго вѣдомства крестьянамъ и прикащикамъ и прочимъ чинамъ, кромѣ духовныхъ, въ судахъ и розыскныхъ дѣлахъ быть въ вѣдѣніи губернаторовъ и воеводъ, а въ крестьянскихъ собственныхъ ссорахъ, въ брани, въ бою, въ займахъ, расправу имѣть управителямъ и прикащикамъ такъ, какъ помѣщики съ своими крестьянами поступаютъ. Подушный сборъ положенъ на губернаторовъ и воеводъ, которые имѣютъ окладныя книги и по этимъ книгамъ собираютъ деньги по третямъ года; для сбора быть при нихъ земскимъ комиссарамъ; деньги эти губернаторы отдають штабъ-офицерамъ, присланнымъ

Военною Коллегіею, а эти отсылають куда слѣдуетъ по указамъ. Кромѣ подушныхъ денегъ, собираемыхъ на войско, губернаторы и воеводы должны имѣть отъ Камеръ-Коллегіи окладную книгу всякимъ доходамъ. Если гдѣ явится моровая язва, то около тѣхъ мѣстъ по всемъ дорогамъ и по малымъ стежкамъ поставить крѣпкія заставы, дабы отнюдь никакого проѣзда и прохода не было. Въ которыхъ домахъ язва явится, изъ тѣхъ домовъ людей вывести въ особыя пустыя мѣста и около ихъ завалить и зарубить лѣсомъ, дабы они никуда не расходились, а пищу и питье приносить имъ и класть въ виду отъ нихъ, и, не дожидаясь ихъ, принесшимъ здоровымъ людямъ отходить немедленно, а дома ихъ съ пожитками, скотомъ и лошадьми, если возможно, сжечь съ такимъ осмотрѣніемъ, чтобъ отъ того другіе дома не погорѣли. За безопасностію отъ пожаровъ въ городахъ смотрятъ ратуши и бурмистры подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ и воеводъ. Мѣры предосторожности старыя: для страпни лѣтомъ дѣлать печи на дворахъ, въ огородахъ, подалше отъ строенія, а въ хоромахъ лѣтомъ нигдѣ не должны топить и поздно съ огнемъ не сидѣть; если особой печи за тѣснотою сдѣлать будетъ нельзя, то съ мая по сентябрь топить только два раза въ недѣлю.

Старыя предосторожности противъ огня, старые пожары! 23 апрѣля 1729 года въ шесть часовъ вечера, въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ загорѣлся домъ, и въ полчаса пламя обхватило уже шесть или восемь домовъ. Гвардейскіе солдаты съ топорами въ рукахъ прибѣжали на пожаръ, и стали, какъ бѣшеные, врываться въ дома и грабить, грозя топорами хозяевамъ, когда тѣ хотѣли защищать свое добро, и все это происходило передъ глазами офицеровъ, которые не могли ничего сдѣлать. Другіе русскіе, сбѣжавшіеся на пожаръ, говорили громко: «Что за важность! горять все Нѣмцы да Французы». Государя не было въ Москвѣ; увидавши зарево, онъ прискакалъ во весь духъ, и его присутствіе остановило грабежъ; солдаты начали помогать тушить. Пожаръ однако продолжался до двухъ часовъ ночи; сгорѣло 124 дома, не считая флигелей и службъ; потеря простиралась до 300,000 рублей. Когда Петру донесено было о грабежѣ, то онъ велѣлъ забрать виновныхъ; но фаворитъ постарался потушить дѣло, чтобъ выгородить гренадеръ, которые всѣ были замѣшаны, а онъ былъ ихъ капитаномъ ¹⁵⁹.

Другое бѣдствіе продолжало свирѣпствовать въ прежнихъ размѣрахъ: это разбой, происходившіе особенно на восточной Украинѣ, въ странахъ близкихъ къ козачеству, гдѣ еще пахло разинскимъ духомъ. Въ 1728 году Верховный Тайный Совѣтъ узналъ что въ Алаторскомъ уѣздѣ разбойники, человекъ съ 40, выжгли село князя Куракина Пряшево и прикащика убили, сожжено было двѣ церкви и больше 200 дворовъ. Писали, что пострадало не одно это село, и разбойники стоять близъ Алатыря въ большомъ количествѣ со всякимъ оружіемъ и пушками, и хвалятся, что возьмутъ и разорять городъ, гдѣ гарнизона нѣтъ, и для поимки воровъ послать некого. Писали, что разбойники ѣздить многолюдствомъ и разоряютъ въ Пензенской провинціи и другихъ низовыхъ уѣздахъ, помѣщиковъ и крестьянъ мучать и бьютъ; самое главное пристанище ихъ въ селѣ Торцевѣ, гдѣ поселилось, года въ четыре, всякаго *многонаброднаго* народа съ пять тысячъ человекъ, живутъ въ горахъ, земляныхъ избахъ и лачугахъ; другіе поселились въ пустыхъ мѣстахъ на вершинѣ рѣки Хойра, по двумъ рѣчкамъ Сетреницамъ и по рѣчкѣ Терсинкѣ; иные вновь селятся въ пустыхъ разоренныхъ деревняхъ на рѣчкѣ Печалойкѣ, а деревни эти разорены и выжжены за воровство и жители ихъ высланы на старыя жилища. Совѣтъ предписалъ деревни эти опять разорить, бѣглыхъ бить кнутомъ и выслать на прежнія жилища, и вновь селиться не позволять; противъ разбойниковъ послать генераль-майора или полковника съ драгунами ¹⁶⁰.

Еще было старое зло, противъ котораго правительство тщетно придумывало разныя средства: то были грабежи и проволочка дѣлъ въ судахъ. Мы видѣли, что въ царствованіе Екатерины для скорѣйшаго составленія Уложенія придумали назначить къ этому дѣлу по двѣ персоны изъ духовныхъ, гражданскихъ, военныхъ и изъ магистрата. Но дѣло не двинулось. Теперь придумали другое средство; вѣроятно кто-нибудь вспомнилъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были выборные изъ областей. Кромѣ того перемѣнили планъ: оставили сводъ русскаго Уложенія съ иностраннымъ, велѣли прежнее Уложеніе пополнить, для чего всѣ указы и новоуказныя статьи разобрать: которыя изъ нихъ явятся въ пополненіе старому Уложенію, а не въ противность, или что еще потребно сверхъ того пополнить, то выписывать и прино-

сить въ Сенатъ, а въ Сенатѣ слушать немедленно; и когда будетъ утверждено, подавать въ Верховный Тайный Совѣтъ, и когда здѣсь будетъ одобрено, то, напечатавъ, присоединять къ соотвѣтствующимъ главамъ Уложенія. Чтобъ не было проволочки, какъ только разобраны будутъ соотвѣтствующіе извѣстной главѣ указы, такъ сейчасъ же представлять ихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, не дожидаясь остальныхъ. Для этого дѣла выслать въ Москву изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ изъ шляхетства, которымъ давать по полтинѣ на день человѣку жалованья ¹⁶¹. Новая тяжелая служба! только что нѣкоторые высвободились изъ полковъ по недавнимъ указамъ, чтобъ пожить въ деревняхъ, и вотъ надобно снова ѣхать въ Москву! Разумѣется, начали отбывать; притомъ лучшіе и знающіе люди были у дѣла, и здѣсь былъ въ нихъ недочетъ; гдѣ же было сыскать праздныхъ? Прислали кого-попало, вовсе не добрыхъ и не знающихъ людей, глухихъ и хромыхъ, старыхъ и дряхлыхъ, мелкопомѣстныхъ, имѣвшихъ по одному двору, или даже и ни одного, и опять указъ: «Указали мы офицеровъ и дворянъ, которые изъ губерній высланы къ Москвѣ для сочиненія Уложенія, нынѣ отпустить въ дома ихъ попрежнему; а къ губернаторамъ послать наши указы, чтобъ на ихъ мѣсто выбрали другихъ знатныхъ и добрыхъ людей, которые-бъ къ тому дѣлу были достойны, изъ каждой губерніи по два человѣка, согласясь губернаторамъ общесъ дворянами, и тѣ выборы, закрѣпя имъ, губернаторамъ, и тѣмъ дворянамъ, прислать прежде ихъ (выборныхъ) высылки въ Верховный Тайный Совѣтъ, а ихъ самихъ до нашего указа къ Москвѣ не высылать. А ежели усмотрѣно будетъ, что губернаторы выберутъ къ тому дѣлу неспособныхъ людей, то взыскано будетъ на нихъ, и для того повелѣно будетъ съ такими людьми къ Москвѣ быть самимъ губернаторамъ или товарищамъ ихъ, чтобъ могли сами отвѣтствовать ¹⁶².

Относительно поправленія финансовъ, казалось, все было придумано въ прошедшее царствованіе, какъ бы ограничить расходы, и оставалось только барону Остерману въ своей комиссіи о коммерціи хлопотать о поднятіи промышленности и торговли, и посредствомъ ихъ увеличивать доходы. По доношенію комис-

си о коммерціи, императорское величество, милосердую къ вѣр-
нымъ своимъ подданнымъ, повелѣлъ табачный торгъ отворить
въ вольную продажу съ платежомъ пошлины, дабы купечество
отъ преждебывшей при табачной продажѣ службы не токмо были
свободны, но тѣмъ табачнымъ торгомъ пользовались; а казен-
ную продажу и табачные откупы отставить, и впредь онымъ не
быть и ни подъ какимъ предлогомъ и вымысломъ не вчинать ¹⁶³.
Коммиссія о коммерціи увидала пониженіе вексельнаго курса,
вредъ отъ этого торговлѣ, убытокъ казнѣ; начала разсуждать,
отъ чего это происходитъ, и нашла, что изъ разныхъ коллегій
и канцелярій ежегодно за моря переводятъ чрезъ вексель боль-
шія суммы денегъ; въ Россіи иноземцамъ по договору за высылку
матеріаловъ выдаются изъ казны большія деньги; русскіе купцы
за море на свой счетъ товаровъ мало, или и ничего не посы-
лаютъ, и кому изъ нихъ случится въ деньгахъ нужда за моремъ,
берутъ у иноземцевъ векселя: и когда на вексель изъ казны от-
дача случается, то иноземцы векселя низко держать. Для поправ-
ленія вексельнаго курса коммиссія признавала лучшимъ сред-
ствомъ то, чтобъ русскіе купцы сами умножили отпуски своихъ
товаровъ за море и корреспондентовъ имѣли, потому что въ дру-
гихъ государствахъ деньги на государственные расходы чрезъ
купцовъ переводятъ, а своего государственнаго капитала въ чужихъ
краяхъ не имѣютъ. Но такъ какъ нельзя скоро сравнять
русское купечество съ иностраннымъ въ этомъ отношеніи, то
коммиссія придумала такой способъ: чтобъ казенные товары, ко-
торые продаются при русскіхъ гаваняхъ, поташъ, смольчугъ,
сибирское желѣзо, икру, клей, треску и сало продавать въ 1728
году на готовые ефимки, которые отдать въ Голландіи или Гам-
бургѣ кому нибудь въ коммиссію, чтобъ при первомъ случаѣ хотя
небольшой капиталъ въ тамошнихъ мѣстахъ завести; если въ
нынѣшнемъ году казенные товары будутъ у портовъ дешевѣть,
то отпустить ихъ на казенный счетъ въ коммиссію этому из-
вѣстному лицу и приказать, чтобъ тамъ ихъ продали, а выручен-
ные ефимки держали для подачи по векселямъ въ готовности; а
съ 1729 года учредить особенную коммиссію или контору, кото-
рая бы, по образцу регулярныхъ купеческихъ конторъ, могла
производить покупку и продажу казенныхъ товаровъ за моремъ
и держать деньги и векселя для государственныхъ расходовъ,

также безъ подрядовъ высылать иностранное серебро въ монетное дѣло ¹⁶⁴. Въ 1729 году комиссія о коммерціи сочинила вексельный Уставъ ¹⁶⁵ «для пользы и лучшаго распорядка въ купечествѣ и для удержанія излишнихъ расходовъ и опасностей».

Усиленіе промысловъ было также предметомъ заботъ комиссіи о коммерціи. Такъ она нашла, что слюденный промыселъ въ Архангельской губерніи и Сибири не размножается потому, что берутъ съ промышленниковъ въ казну десятый пудъ лучшей слюдою и другія препятствія дѣлаются. По представленію комиссіи, промыслу слюдою дана была вольность, кто захочетъ, тотъ и промысляетъ безпрепятственно, и вмѣсто десятаго пуда брать пошлину съ настоящей цѣны по гривнѣ съ рубля ¹⁶⁶. По представленію той же комиссіи, съ 1728 года соляные промыслы и продажа соли отданы были въ вольную торговлю ¹⁶⁷. Наконецъ комиссія о коммерціи представила, что изъ сибирскихъ отдаленныхъ мѣстъ ѣздить за позволеніемъ заводить разные металлургическіе заводы не только въ Петербургъ, но и въ Екатеринбургскій Бергъ-амтъ тяжело, притомъ же заводчикъ долженъ серебро и мѣдь отдавать въ казну и платить отъ прибыли десятую долю, что невозможно дѣлать изъ отдаленныхъ сибирскихъ мѣстъ, и потому въ землѣ скрытое богатство и общая польза остается туне. Вслѣдствіе этого представленія состоялся указъ: за Тобольскомъ въ Иркутской и Енисейской провинціяхъ всякій можетъ строить заводы, какіе захочетъ, свободно и безвозбранно, и всѣ выработанные металлы и минералы свободно продавать съ платежемъ одной таможенной пошлины; десятой доли отъ прибыли не брать десять лѣтъ; но за границу золото и серебро отпускать запрещается. Горное начальство должно оказывать этимъ заводчикамъ всякое вспоможеніе, давать мастеровъ и учениковъ безденежно. Такъ какъ въ Сибири находятся многіе цвѣтные камни, то добыватели могутъ продавать ихъ безъ всякой пошлины и явки ¹⁶⁸.

О крестьянахъ особой комиссіи не было; но вопросъ, возбуждвшій такое сильное вниманіе въ предшествующее царствованіе, вопросъ о необходимости облегченія участи крестьянъ удерживалъ свою важность и теперь: въ іюль 1729 года Сенату объявленъ былъ приказъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобъ подушныхъ денегъ въ работную пору не правили ¹⁶⁹.

Всѣ современники, какъ описывающіе черными красками состояніе Россіи въ царствованіе Петра II, такъ и находившіе свѣтлыя стороны въ этомъ времени, одинаково жалуются на печальное состояніе арміи и флота. Роспускъ офицеровъ по домамъ, предпринятый, какъ мы видѣли, въ финансовыхъ дѣлахъ, не могъ не подѣйствовать вредно на армію и флотъ; кромѣ того, послѣ ссылки Меншикова не было президента Военной Коллегіи; Минихъ былъ вице-президентомъ, но когда коллегія отправилась въ Москву, онъ остался въ Петербургѣ по другимъ своимъ занятіямъ. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали, что когда Военною Коллегіею завѣдывалъ князь Меншиковъ, то, вслѣдствіе непорядочнаго управленія, армія пришла въ слабость, оказывается недостатокъ въ аммуниціи и магазинахъ; многіе молодые и способные офицеры отставлены, и потому необходимо опредѣлить въ Военную Коллегію президента человѣка знатнаго, заслуженнаго и умнаго, который бы могъ все то поправить, также очень нужно быть генералу кriegs-коммиссару для осмотра армейскихъ полковъ; въ эту должность надобно взять Григорія Чернышева изъ Риги; въ Смоленскѣ, какъ порубежномъ городѣ, нужно быть русскому губернатору; въ Ригу на мѣсто Чернышева отправить Матюшкина; въ Петербургъ генераль-губернаторомъ назначить князя Ивана Трубецкого. Въ октябрѣ 1729 года, Верховный Тайный Совѣтъ доложилъ государю, что въ Военной Коллегіи уже давно нѣтъ президента и членовъ недостаточно, вслѣдствіе чего въ дѣлахъ слабое отправленіе и остановка, особенно относительно добраго содержанія арміи, снабженія ея какъ людьми такъ и мундиромъ. Въ 1729 г., при императрицѣ Екатеринѣ велѣно было для этого учредить особую комиссію, но указъ не былъ приведенъ въ исполненіе; поэтому Верховный Тайный Совѣтъ думаетъ, что теперь надобно его привести въ исполненіе, разсмотрѣть, какимъ бы образомъ армію содержать въ добромъ и исправномъ порядкѣ, безъ излишнихъ расходовъ; освидѣтельствовать армейскіе полки съ того времени, какъ начался подушный сборъ: сколько въ каждомъ году который полкъ получилъ жалованья, мундира и аммуниціи, провіанта и фуража, и что противъ положенія въ которомъ году должно быть въ остаткѣ. Комиссія должна разсмотрѣть штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, по кончивъ Петра Великаго, отъ армейской службы отставлены и

опредѣлены къ дѣламъ, также которые и вовсе отъ дѣлъ уволены, и если которые изъ нихъ окажутся еще годными къ армейской службѣ, тѣхъ опредѣлить въ нее попрежнему, чтобъ при полкахъ было больше старыхъ офицеровъ. Въ этой комиссіи быть генераль-фельдмаршаламъ, находящимся теперь въ Москвѣ и съ ними потребному числу изъ генералитета и полковниковъ¹⁷⁰; Но обстоятельства помѣшали и теперь комиссіи составиться. не могло осуществиться и намѣреніе Остермана—устроить весною 1729 года въ окрестностяхъ Москвы лагерь въ 12 или 15 тысячъ человекъ и попробовать, нельзя ли этимъ средствомъ удержать хотя на нѣсколько времени Петра отъ его бесплодныхъ поѣздокъ и дать ему нѣкоторое понятіе о военномъ искусствѣ¹⁷¹. Но люди, въ рукахъ которыхъ находилась теперь власть, успѣли провести выгодную для себя мѣру, которой, какъ мы видѣли, они не могли провести при Екатеринѣ: запрещено было принимать въ полки вольницу изъ боярскихъ людей и крестьянъ¹⁷².

Строеніе кораблей было прекращено, хотѣли ограничиться строеніемъ однихъ галеръ. Въ апрѣлѣ 1728 года въ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, бывшемъ въ Слободѣ (нѣмецкой), во дворцѣ, по довольномъ разсужденіи, императоръ указалъ: для избѣжанія напрасныхъ убытковъ корабли большіе, средніе и малые и фрегаты, что касается корпуса ихъ и принадлежащаго къ нимъ такелажа, содержать во всякой исправности и починкѣ, чтобъ, въ случаѣ нужды, немедленно можно было вооружить ихъ къ походу, провіантъ и прочіе припасы заготовлять на нихъ поодждать, только изготовить изъ меньшихъ кораблей пять для обыкновеннаго крейсированія въ морѣ, для обученія офицеровъ и матросовъ, а въ море безъ указу не выходить; фрегатовъ къ Архангельску послать два, да сверхъ того два флейта; а въ Остзеѣ крейсировать двумъ фрегатамъ, однако не далѣе Ревеля; галерамъ же быть въ полномъ числѣ, готовить и дѣлать ихъ неослабно¹⁷³. Разсказываютъ, что Остерманъ, желая все возратить Петра въ Петербургъ, подговорилъ родственника его, моряка Лопухина, представить ему, что флотъ исчезаетъ вслѣдствіе удаленія его отъ моря; Петръ отвѣчалъ: «Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то я пойду въ море; но я не намѣренъ гулять по немъ, какъ дѣдушка»¹⁷⁴.

И кратковременное царствованіе Петра II-го не обошлось безъ

суда надъ однимъ изъ самыхъ видныхъ людей, обвиненнымъ въ казнокрадствѣ. Въ декабрѣ 1727 года велѣно было судить адмирала Змаевича за то, что онъ, имѣя въ своемъ завѣдываніи галерную верфь, и галерную гавань и строеніе переведенцамъ свѣтлицъ, подъ видомъ займа отъ опредѣленныхъ при тѣхъ дѣлахъ оберъ-офицеровъ, бралъ на свои потребности много казенныхъ матеріаловъ; отдалъ иностранному шкиперу, будто по знакомству, казенные канаты безденежно; по его приказанію майоръ Пасынковъ передѣлывалъ списки служителей, которымъ слѣдовало за работныя деньги съ прибавкою на тѣхъ, которымъ, по указамъ, денегъ давать не слѣдовало, и вслѣдствіе этой передѣлки Змаевичъ получилъ 333 рубля, въ чемъ и повинился; при подрядѣ присвоилъ себѣ 1100 бревенъ; большое число служителей своей команды бралъ для своей собственной работы, въ чемъ не записался. Судъ приговорилъ Змаевича и Пасынкова къ смертной казни; но, по рѣшенію императора, Змаевичъ пониженъ былъ чиномъ, написанъ впредь до выслуги въ вице-адмирала и посланъ въ Астрахань командиромъ тамошняго порта, а за ущербъ, причиненный казнѣ, велѣно взять съ него втрое; Пасынковъ написанъ въ капитаны и посланъ на службу въ новозавоеванныя персидскія провинціи ¹⁷⁵.

Если поддержка арміи и флота въ томъ состояніи, въ какомъ они находились при Петрѣ Великомъ, встрѣчала сильное препятствіе въ самомъ второмъ императорѣ, который ни по лѣтамъ, ни по привычкамъ, не былъ способенъ даже играть въ солдаты и корабли, то остальные дѣла Преобразователя, которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, преднамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ русскихъ людей, стоявшихъ въ это время на верху. Петръ Великій разослалъ по всему государству геодезистовъ для составленія ландкартъ и описанія областей. Дѣло шло, но къ концу не приходило. Въ 1728 году Сенатъ, видя, что изъ многихъ губерній и провинцій ландкарты въ Сенатъ уже присланы, а изъ нѣкоторыхъ городовъ не присланы, слушалъ выписокъ, доношеній и справокъ, и разсуждая, что ландкарты пужны, и если полного описанія не кончить, то сводить сдѣланныя уже ландкарты въ общія губернскія, тѣмъ менѣе составить изъ нихъ го-

сударственную — нельзя, распорядился разсылкою геодезистовъ для составленія ландкартъ остальнымъ мѣстамъ. Изъ Сибирской губерніи прислана была только одна ландкарта Тобольскаго уѣзда, и потому сибирскому губернатору подтверждено понуждать геодезистовъ въ описаніи и составленіи ландкартъ, въ которыхъ означать не только жилье русскихъ, но и кочевья тамошняго народа; журналы вести, и изъ нихъ прилагать къ ландкартамъ экстракты, гдѣ какіе народы, какихъ вѣръ и чѣмъ питаются, и какой гдѣ хлѣбъ родится или не родится, и о прочемъ, что прилично географическому описанію. Сенату стало извѣстно, что нѣкоторые геодезисты, ѣздя по уѣздамъ, понуждаютъ подавать себѣ сказки о деревняхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ и разстояніяхъ, чѣмъ вводятъ крестьянъ въ убытокъ и свое дѣло задерживаютъ, и потому имъ велѣно накѣпико подтвердить, чтобъ они письменныхъ сказокъ не требовали, но словесно спрашивали и записывали у себя въ журналъ ¹⁷⁶.

Мы видѣли, что по смерти Петра Великаго учрежденія прекратили присылку извѣстій для напечатанія въ газетахъ; Екатерина, узнавши объ этомъ, предписала присылать попрежнему; но Сенатъ не распорядился привести въ исполненіе указъ императрицы; теперь Академія Наукъ вошла въ Сенатъ съ доношеніемъ, что при академической типографіи печатаются газеты на латинскомъ, нѣмецкомъ и російскомъ діалектахъ съ иностранныхъ газетъ, и чтобъ велѣно было изъ коллегій, канцелярій и конторъ всякія вѣдомости для напечатанія въ газетахъ присылать въ Академію; Сенатъ привелъ въ исполненіе указъ покойной императрицы ¹⁷⁷. Академія имѣла свою типографію. Въ октябрѣ 1727 года, по доношенію Синода, велѣно быть друкарнямъ (типографіямъ) въ двухъ мѣстахъ: для напечатанія указовъ въ Сенатѣ, для напечатанія же историческихъ книгъ, которыя на російскій языкъ переведены и въ Синодѣ одобрены будутъ, при Академіи; а прочія типографіи, которыя были въ Синодѣ и въ Александровскомъ монастырѣ, перевести въ Москву и печатать только однѣ церковныя книги, и Синоду смотрѣть прилежно, чтобъ въ печатаніи этихъ книгъ никакихъ погрѣшеній и противности какъ закону, такъ и церкви быть не могло ¹⁷⁸.

Академія Наукъ, требуя для печатаемыхъ ею газетъ извѣстій отовсюду, сама заявляла въ газетахъ о своей дѣятельности по

поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ. Такъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 22 февраля 1729 года было напечатано: «Въ будущій понедѣльникъ, т.-е. 24 дня сего мѣсяца, въ 9-мъ часу поутру, будетъ здѣшняя императорская Академія Наукъ ради торжественнаго дня коронованія Его Императорскаго Величества публичное собраніе имѣть, въ которомъ г. профессоръ Лейтманъ предлагать будетъ о новоизобрѣтенныхъ вѣскахъ безъ стрѣлки, которые зѣло исправно сдѣланы, также и о поліэдрѣ, которое персону Его императорскаго величества Петра Второго безобразнѣ изображенную весьма ясно показываетъ: на что г. профессоръ Мейеръ именемъ всея Академіи будетъ отвѣтствовать». — 25 февраля напечатанъ былъ отчетъ о торжествѣ: «Вчерашнее публичное собраніе Академіи Наукъ зѣло преславно отправлялось. Были: епископъ псковскій Рафаиль, адмиралъ Сиверсъ, графъ Миннихъ. Обѣ машины были всѣмъ зрителемъ, ради осмотра оныхъ, поставлены, при чемъ большая часть особливо о искуснограненомъ поліэдрѣ удивлялася, понеже во ономъ вмѣсто написаннаго въ срединѣ доски російскаго орла персону его императорскаго величества Петра Второго видѣли, которая изъ многихъ межъ другими фигурами раздѣленныхъ частей паки совершенно соединялася, и оную зѣло ясно видѣть возможно было». — 29 октября Академія удивила праздникомъ не въ честь какого нибудь русскаго счастливаго, событія, но въ честь рожденія дофина во Франціи. «29 октября отправлялъ г. профессоръ Делиль, ради счастливаго рожденія дофина во Франціи, великое торжествованіе. Торжество происходило въ большой академической залѣ. При входѣ въ залу и внизу на лѣстницѣ поставлено было на караулъ 30 человекъ гренадеровъ. Все кушанье было зѣло деликатное и въ великомъ множествѣ. Самыя лучшія виноградныя питія были каждому по требованію подаваны, а за здравіе пили при играниі на трубахъ и битіи на литаврахъ; снаружи были также всѣ палаты со всѣхъ сторонъ иллуминованы; также имѣла бы и большая башня обсерваторія во всѣхъ жильяхъ лампадами иллуминована, и на спицѣ той башни иллуминованный лазоревыми золотыми лилеями украшенный небесный кругъ поставленъ быть, но великій вѣтръ и дождевая погода въ томъ препятствовали. А какъ покушали чинено приуготовленіе къ балу, который отъ г. Штерлинга съ госпожею Де-

лишею и отъ г. генераль-майора фонъ-Тессина съ фрейлиною фонъ-Сивершею начать».

Академія Наукъ подбѣлила типографію съ Синодомъ; въ ея рукахъ изданіе «Вѣдомостей»; но у Синода осталась цензура книгъ печатаемыхъ въ академической типографіи. Западное образованіе допускается подъ условіемъ—не вредить православію. Для многихъ вопросъ объ отношеніяхъ нововводимаго просвѣщенія, преобразованія къ старому православію, былъ на первомъ планѣ; церковь должна быть охранена отъ вліянія иновѣрныхъ учителей. Не подверглась ли уже она этому вліянію? чисты ли отъ него всѣ пастыри церкви? Новая форма церковнаго управленія достаточна ли для того, чтобъ охранить православіе въ опасной борьбѣ? не слѣдуетъ ли возвратиться къ прежней формѣ, тѣмъ болѣе, что движеніе къ старымъ формамъ уже началось въ областномъ управленіи? Эти вопросы занимали очень многихъ, и потому неудивительно, что по поводу ихъ происходитъ борьба, за нихъ хватаются люди, преслѣдуя свои личные интересы, нападая на своихъ враговъ и соперниковъ, или защищаясь отъ нихъ. Мы видѣли, какъ по смерти Преобразователя когда свободнѣе и спокойнѣе можно было заняться разными вопросами, возбужденными преобразованиемъ, главный дѣятель преобразованія въ сферѣ церковной, Θεοφάνη Прокоповичъ подвергся нападѣніямъ; враги увидали, что это не Θεοδοσίη Яновскій, что его не такъ легко свергнуть какъ послѣдняго; но за то и Θεοφάνη пришлось пережить тяжелое время, когда онъ, первый архіерей русскій, оставленъ былъ въ подозрѣніи, когда ему объявили, что онъ освобождается отъ должнаго ему наказанія только по милости императора. Разумѣется, онъ не могъ быть покоенъ при Меншиковѣ въ которомъ видѣлъ врага своего. Послѣ ссылки свѣтлѣйшаго князя, Θεοφάνη вздохнулъ спокойнѣе, но не избавился отъ опасности; попрежнему долженъ былъ вести трудную оборонительную войну, съ напряженнѣмъ вниманіемъ слѣдить за движеніями враговъ. Самымъ главнымъ, самымъ опаснымъ врагомъ Θεοφана былъ естественно самый видный по энергіи, способностямъ и связямъ архіерей Георгій Ростовскій, стремившійся къ первенству, думавшій и о возстановленіи патріаршества—для себя ¹⁷⁹, и потому необходимо сталкивавшійся съ Θεοφаномъ, занимавшимъ первое мѣсто. Обстоя-

тельства послѣ ссылки Меншикова были таковы, что могли возбуждать въ разныхъ лицахъ разныя надежды и заставлять ихъ начинать движеніе, начинать борьбу; но обстоятельства были вмѣстѣ таковы, что не допускали рѣшительнаго окончанія борьбы. Когда Меншиковъ сильною рукой держалъ правленіе, тогда рѣшеніе всѣхъ вопросовъ зависѣло отъ него, и конечно онъ не могъ благосклонно отнестись къ мысли о возстановленіи патріаршества. Послѣ его паденія, такого сосредоточенія власти уже не было; все зависѣло отъ того, кто въ извѣстную минуту и въ извѣстномъ вопросѣ окажетъ больше вліянія на молодого императора. За это вліяніе спорили или дѣлили его любовно Остерманъ и Долгорукіе. Остерманъ не могъ, разумѣется, желать возстановленія патріаршества, и всѣ симпатіи его были обращены къ Ѳеофану: оба они были дѣти однихъ и тѣхъ же условій извѣстнаго времени и должны были подавать другъ другу руки для поддержанія этихъ условій, для поддержанія направленія, господствовавшего при Петрѣ Великомъ; Долгорукимъ не было ни времени, ни охоты думать о вопросахъ, подобныхъ вопросу о возстановленіи патріаршества; у нихъ было одно на умѣ—удержаться въ фаворѣ, закрѣпить его для себя какъ можно сильнѣе. Для другихъ вельможъ придворныя отношенія, придворная смута была на первомъ планѣ; все вниманіе ихъ было обращено туда, всѣ другія дѣла покидались; при случаѣ могли потолковать о Синодѣ и патріаршествѣ, и высказать свое сочувствіе къ послѣднему, высказать больше сочувствія къ Георгію, чѣмъ къ Ѳеофану; но словами это сочувствіе и ограничилось и Георгій Дашковъ понапрасну раздаривалъ лошадей своимъ вліятельнымъ людямъ, какъ утверждали его враги. Такимъ образомъ Ѳеофанъ могъ держаться крѣпко противъ всѣхъ нападеній, на него направленныхъ. Другая громадная выгода его положенія состояла въ томъ, что враги были гораздо ниже его по своимъ личнымъ средствамъ, борьба съ нимъ была тяжела; если и Меншиковъ не могъ рѣшиться наложить свою тяжелую руку на эту звѣзду краснорѣчія и учености, то кого другого можно было заставить содѣйствовать низверженію Ѳеофана? Многіе могли его не любить, какъ Остермана, но когда представлялся случай, требовавшій особеннаго знанія и умѣнья, то должно было обращаться къ Ѳеофану, какъ въ затруднительныхъ вопросахъ ди-

пломатин и внутренней администраціи обращались къ барону Андрею Ивановичу. Преобразование сдѣлало свое дѣло: оно породило потребности, для удовлетворенія которымъ необходимы были Остерманы и Теофаны; Теофанъ Прокоповичъ могъ быть свергнутъ такимъ же Теофаномъ Прокоповичемъ, но никакъ не Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи.

Но Георгіи, послѣ паденія Меншикова, началъ борьбу, думая, что обстоятельства теперь благоприятны; его, какъ многихъ другихъ, манила надежда на Москву, куда собирался дворъ для коронаціи, манила надежда на вліяніе царицы-бабки. Средство дѣйствовать противъ Теофама было указано—обвиненіе въ неправоусланіи; орудіе также готовое—старый обвинитель, Маркеллъ Родышевскій. Маркеллъ въ концѣ 1727 года подаетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ доносъ, что съ 1722 года появились въ Россіи разныя книжки неизвѣстно чьего сочиненія, и неизвѣстно кто осмѣлился одобрить эти книжки указомъ императора Петра Великаго и тѣмъ опорочить его преславное имя, потому что въ нихъ содержится кальвинская и лютеранская ересь. Но прежде, чѣмъ доносъ былъ поданъ, Теофанъ узналъ о немъ, досталъ его и представилъ въ Синодъ вмѣстѣ съ своими опроверженіями. «Въ этомъ злорѣчїи, пишетъ Теофанъ, заключается не одна ложь, но плевели и клеветы мятежныя: Синодъ обвиняется въ ереси и достойной смерти дерзости, ибо выходитъ, что Синодъ дерзнулъ опорочить славное имя Петра Великаго, потому что книжки напечатаны по приказанію Синода». Въ заключеніи Теофанъ внушаетъ Синоду, что «хотя мятежесловъ Маркеллъ дерзокъ и шатокъ, безстыденъ и безсовѣстенъ: однако отнюдь не отважился бы такъ поступать самъ собою, но есть одинъ или нѣсколько людей, которые для интересовъ своихъ, имъ душепагубныхъ, церкви же и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ такому возмущенію, и его въ продерзостяхъ безпечальна творятъ и великими обѣщаніями дурака обнадеживаютъ». Въ доказательство этого Теофанъ скоро представилъ въ Синодъ разспросныя рѣчи двухъ своихъ слугъ, которые разговаривали съ Маркелломъ въ Невскомъ монастырѣ; по ихъ показанію Маркеллъ говорилъ: «Я желаю покориться его преосвященству (Теофану), пошелъ бы я на колѣнахъ въ домъ его архіерейства и въ Невскаго монастыря, только-бъ меня во всей моей винѣ про-

стиль; да не велить мнѣ вышняя моя власть, преосвященный Ростовскій, который вскорѣ будетъ патріархомъ, да превысокіе мои господа и милостивцы, на которыхъ и надѣюсь».

Съ такимъ напутствіемъ отъ обѣихъ борющихся сторонъ отправился Синодъ въ Москву. 8 января выѣхалъ дворъ изъ Петербурга; 13 уѣхалъ изъ Невскаго монастыря Маркеллъ—прямо въ Москву, оставивъ на имя архимандрита любопытное письмо: «Понеже получилъ я именной его величества словесный указъ—ѣхать мнѣ, по моей челобитной, въ Москву: того ради и побѣду прямо, и гнать за мною не для чего, понеже въ лицо, а не отъ лица ѣду, и не ухожу, только отъ бѣды избавляюся. *Ктому несобственный никакъ имѣю интересъ явиться ея величеству, всепресвѣтлѣйшей государынѣ императрицѣ Евдокии Теодоровнѣ*». Когда въ Синодѣ началось дѣло Маркелла, то Теофанъ отстранилъ Дашкова, какъ причастнаго къ дѣлу. Тогда Маркеллъ, видя бѣду, сдѣлалъ то же, что часто дѣлывали люди въ его положеніи, перевелъ дѣло въ Преображенскую Канцелярію, объявивъ за собою государево слово. Здѣсь онъ донесъ, что въ службѣ на праздникъ по случаю мира съ Швеціею заключается поношеніе чести царевича Алексѣя Петровича; въ «Правдѣ воли монаршей» написано противъ правъ царствующаго государя и т. д. Доносить объ этомъ было не нужно, потому что все это было всѣмъ извѣстно, и въ мартѣ 1729 года, по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта, Родышевскій былъ отосланъ въ Симоновъ монастырь, чтобъ быть ему тамъ неисходно¹⁸⁹. Теофанъ остался нетронутъ, и надежды Дашкова на патріаршество не осуществились; не осуществились надежды на покровительство «государынѣ императрицѣ Евдокии Теодоровнѣ».

Какъ только по смерти Петра Великаго обнаружилось враждебное движеніе противъ главныхъ дѣятелей церковнаго преобразования, когда Θεодосій былъ сосланъ и Теофанъ подвергся нападкамъ за неправославное, именно протестантское направленіе, такъ естественно должны были вспомнить о покойномъ Стефанѣ Яворскомъ, который обвинялъ Прокоповича въ томъ же направленіи. Мы видѣли, что еще при Екатеринѣ подняли вопросъ объ изданіи книги Яворскаго: «Камень Вѣры», написанной противъ протестантовъ. При Петрѣ II Верховный Тайный Совѣтъ окончилъ это дѣло: въ засѣданіи 25 октября 1727 года

велѣно книгу: «Камень Вѣры», которую свидѣтельствовалъ тверской архіерей (Феофилактъ Лопатинскій), къ нему послать, чтобъ онъ на ней подписалъ своеручно, что онъ ее свидѣтельствовалъ, а какъ подпишетъ, послать въ Синодъ при указѣ, чтобъ, напечатавъ ее, пустить въ продажу. На другой день посланный къ Феофилакту донесъ, что архіерей книгу своеручно не засвидѣтельствовалъ, а объявилъ, что ему ее еще надобно посвидѣтельствовать и поправить, и чтобъ на то время дано было ему до 28 числа ¹⁸⁴. Съ такими предосторожностями была издана наконецъ книга, которой суждено было имѣть такую громкую извѣстность.

Но въ то время, когда печатали книгу противъ протестантовъ, генераль-майоръ Алексѣй Потемкинъ донесъ изъ Смоленска, что здѣсь между шляхтою распространяется католицизмъ, и нѣкоторые изъ принявшихъ латинство смольнянъ находятся въ Москвѣ; одинъ изъ нихъ, Ларіонъ Лярскій, уѣхалъ за польскій рубежъ и постригся въ ксендзы. Верховный Тайный Совѣтъ велѣлъ смоленскаго епископа выслать въ Москву, а на его мѣсто назначить другого, вызвать въ Москву и всѣхъ смольнянъ, принявшихъ латинство; въ Смоленскѣ завести школу. Смоленскій епископъ Гедеонъ составилъ пункты о мѣрахъ къ удержанію смоленской шляхты отъ принятія латинства; пункты были утверждены Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и состояли въ слѣдующемъ: находящимся на границѣ караульнымъ офицерамъ и драгунамъ подтвердить съ жестокимъ прещеніемъ, чтобъ изъ Польши и Литвы не доускали выѣзжать въ Россію римскихъ ксендзовъ, а смоленскую шляхту выѣзжать за границу безъ указа и паспортовъ. Если какой-нибудь ксендзъ пріѣдетъ по своимъ дѣламъ, о такомъ объявлять губернатору, а губернаторъ даетъ знать архіерею; ксендзу назначается время, въ какое онъ долженъ исправить всѣ свои дѣла, и берется съ него письменное обязательство, чтобъ онъ русскихъ людей по римской вѣрѣ не исповѣдывалъ и не причащалъ, никакими вымыслами къ своей вѣрѣ не склонялъ, въ дома ихъ для того ни тайно, ни явно не ходилъ, и не носилъ другого платья кромѣ того, какое носятъ ксендзы. У всѣхъ смоленскихъ шляхтичей взять сказки подъ жестокимъ истязаніемъ, чтобъ они нигдѣ съ римскими ксендзами ни тайно, ни явно сообщенія не имѣли, въ дома къ себѣ ихъ

не пускали, для исповѣди къ нимъ не ходили и никакихъ наговоровъ отъ нихъ не слушали. Ослушниковъ ксендзовъ и шляхтичей брать и, сковавъ, присылать въ Сенатъ немедленно; Сенатъ разспрашиваетъ ихъ и доноситъ немедленно же въ Верховный Тайный Совѣтъ, и послабленія въ томъ никому никакого не дѣлаютъ. Смоленской шляхтѣ дѣтей своихъ для науки за границу въ Литву и никуда отнюдь не отдавать, отдавать въ смоленскія, московскія и кievскія школы. Если кто по обученіи въ русскіихъ школахъ захочетъ ѣхать въ другія государства, тѣхъ отпускать подь присягою и брать поруки, что отъѣзжающій за границую не останется, вѣры греческаго исповѣданія не перемѣнитъ и противъ Россійской имперіи въ службу нигдѣ ни къ кому не вступитъ. Смоленской шляхтѣ въ домахъ своихъ для обученія дѣтей и родственниковъ отнюдь не держать римскихъ учителей или инспекторовъ, а имѣть инспекторовъ изъ русскіихъ подданныхъ и вѣры греческаго исповѣданія; если же такихъ сыскать не могутъ, то по нуждѣ могутъ брать изъ-за границы только православной вѣры греческаго исповѣданія и со свидѣтельствомъ архіерейскимъ; а когда русскіихъ инспекторовъ будетъ довольно, тогда изъ-за границы не брать никого, чтобъ подь видомъ православныхъ не было римской вѣры ксендзовъ. Если изъ-за польскаго рубежа римской вѣры дѣвицы и вдовы захотятъ выйти замужъ за смоленскіихъ шляхтичей, то имъ это позволять, когда они примутъ православную вѣру греческаго исповѣданія, а смоленской шляхтѣ дочерей и родственницъ за границу замужъ не выдавать за католиковъ и униатовъ. Изъ смоленской шляхты желающихъ постригать въ монахи въ указныя лѣта, а возвратившихся изъ-за границы шляхтичей, которые стали тамъ ксенздами и захотятъ быть въ греческой вѣрѣ монахами или бѣльцами, принимать, и писать о томъ въ Синодъ. Школы въ Смоленскѣ завести и быть имъ въ городѣ при монастырѣ; учителей брать изъ кievскихъ монастырей и изъ московскихъ школъ по указамъ изъ Синода; учить латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, и которые захотятъ быть въ священникахъ, тѣхъ учить и греческому языку. Смольнянъ, принявшихъ католицизмъ, сначала велѣно было отправить въ ссылку и деревни отобрать въ казну; но въ сентябрѣ 1728 года Остерманъ объявилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ импера-

торскій указъ, чтобъ ихъ не ссылатъ, оставить на житье въ Москвѣ и деревни не конфисковать ¹⁸².

Но въ то время, какъ принимались такія строгія мѣры, чтобъ ксендзы не пробрались въ Смоленскъ и, подъ видомъ учителей и инспекторовъ, не водворялись въ шляхетскихъ домахъ, ксендзъ, подъ этимъ именно видомъ, пробрался въ Москву и совѣщался здѣсь съ русскими духовными о соединеніи церковей. Этотъ ксендзъ былъ аббатъ Жюбэ, пріѣхавшій въ 1728 году въ Россію подъ видомъ наставника дѣтей княгини Ирвы Петровны Долгорукой, урожденной Голицыной, которая приняла католицизмъ, будучи съ мужемъ своимъ, княземъ Сергѣемъ, въ Голландіи. Пользуясь покровительствомъ двухъ самыхъ сильныхъ фамилій, Долгорукихъ и Голицыныхъ, и посланника испанскаго, герцога Лирія, Жюбэ, въ подмосковной Голицына, толковалъ о соединеніи церковей съ тверскимъ архіереемъ Теофилактомъ Лопатинскимъ и другими знатными духовными лицами ¹⁸³.

Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ приняты были мѣры и противъ протестантской пропаганды. Въ ноябрѣ 1728 года препозитомъ лютеранскихъ церковей объявленъ былъ синодскій указъ, чтобъ пасторы не дерзали русскихъ православныхъ христіанъ учить своимъ догматамъ и привлекать въ лютеранскую или другія вѣры. Приходящихъ на исповѣдь дѣтей духовныхъ пасторы должны спрашивать, не были ли они въ вѣрѣ греческаго исповѣданія, и, если окажется, что были, то такихъ не принимать, но немедленно объявлять о нихъ въ канцеляріи Синода. При бракахъ спрашивать, оба ли сопрягающіяся лица лютеранской вѣры, одно изъ нихъ не греческаго ли исповѣданія, и невѣста не оставила ли живого мужа за несогласіемъ относительно вѣры ¹⁸⁴.

Касательно дѣлъ на Украйнахъ, на Дону шелъ старый и жизненный для козачества вопросъ о выдачѣ бѣглыхъ. Лѣтомъ, 1728 года, отправился въ Черкасскъ полковникъ Таракановъ, чтобъ высланы были всѣ бѣгле, поселившіеся на Дону съ 1695 года. Козаки собрали кругъ, прочли императорскую грамоту, посоветовались и пришли къ Тараканову съ объявленіемъ, что во всемъ будутъ исполнять государевъ указъ и вышлютъ бѣглыхъ, поселившихся у нихъ съ 1712 года, о пришедшихъ же съ 1695 по 1712 годъ посылаютъ въ Москву старшихъ бить челомъ его им-

ператорскому величеству: выслать этих бѣглыхъ нельзя, потому что изъ нихъ у нихъ старшины и всѣ лучшіе люди и его императорскаго величества слуги; если ихъ выслать, то всѣ городки опустошить, службы служить, границы и черты охранять будетъ некому. Выбѣтъ съ этими вѣстями пришли вѣсти болѣе тревожныя: полковникъ Роговскій, командированный съ полкомъ въ Трапезементъ на перемѣну, пріѣхалъ въ урочище Распопинскій Юрть; наказной атаманъ Якимъ Расторгуевъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, привезъ проводниковъ, но при этомъ началъ говорить: «Дай тебѣ Богъ дойти до Трапеземента въ добромъ здоровьи, потому что у насъ по Дону и по другимъ запольнымъ рѣчкамъ не смирно: козаки волнуются, потому что хотятъ высылать бѣглыхъ съ 1695 года, опасно, чтобъ собравшись не ушли на Кубань: по степнымъ мѣстамъ къ Кубани дорога имъ безвозбранная». — Фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, донося объ этомъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, писалъ: «Я далъ указъ Чекину, что если изъ разспросовъ Расторгуева будетъ достовѣрно козацкое возмущеніе, далъ бы мнѣ знать какъ можно скорѣе, а самъ бы съ полками былъ готовъ; смотря по ходу дѣла, я самъ пойду для усмиренія козаковъ или пошлю генарала Вейсбаха. Только доношу: Чекинъ репортовалъ мнѣ, что въ его полкахъ больныхъ болѣе 600 человекъ, и число ихъ безпрестанно увеличивается, на день занемогаетъ человекъ по 20 и по 30, штабъ-и-оберъ-офицеры едва не всѣ больны, и если козацкое возмущеніе дѣйствительно вспыхнетъ, то тамошнимъ царьцынскимъ корпусомъ утушить его нельзя; въ Малороссіи и слободскихъ полкахъ находится только 10 полковъ, но и то за раскомандированіемъ очень малолюдны, едва по 300 человекъ въ полку; притомъ здѣшнія мѣста оставить не безопасно, и на ландмилицію за ея новостію, что люди огня не видали, слабая надежда»¹⁸⁵.

Когда въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ заслушано было донесеніе Голицына и отписки донского войска съ просьбою не выдавать бѣглыхъ раньше 1712 года, то рѣшили бѣглыхъ вывозить съ 1710 года; атамана Расторгуева подвергнуть розыску; князь Голицынъ долженъ послать въ команду свое предписаніе, чтобъ прежде времени съ донскими козаками не поступали жестоко¹⁸⁶. Расторгуевъ съ пытки не повинился; но такъ какъ полковникъ

Роговскій подтвердилъ свое показаніе присягою, то атамана сослали въ Сибирь ¹⁸⁷. При всякомъ слухѣ о какой-нибудь смутѣ, о самозванцѣ, козаки были тутъ; такъ разглашали, что у Евдокин Лопухиной есть сынъ, котораго она хочетъ воцарить, и что онъ живетъ на Дону у козаковъ, и что подметныя письма, явившіяся въ Петербургѣ, подкинуты козаками. Смутъ впрочемъ никакихъ не было при Петрѣ II; даже раскольники въ своихъ пророчествахъ говорили: «Антихристовы страсти—исповѣдныя всенародныя тричастныя книги умершимъ, новорожденнымъ (метрическія книги), и нашимъ Россійскимъ государствомъ овладѣютъ еретики, и что нынѣ Синодъ, то антихристовъ престолъ, и будетъ князь великій императоромъ вторымъ, и при немъ сыщется истинная вѣра предъ Богомъ и будетъ людямъ жить добро, да не долго» ¹⁸⁸.

Съ донскими козаками не велѣли поступать жестоко потому, что приходили извѣстія о калмыцкихъ и башкирскихъ движеніяхъ. Въ концѣ 1727 года получены были изъ Казани извѣстія, что Калмыки находятся не въ прежнемъ состояніи: къ Дундуку-Омбо пріѣхали башкирскіе посланцы, 12 человекъ, и объявили, что у нихъ пронесся слухъ, будто Калмыки намѣрены воевать противъ Россіи, и если это правда, то приняли бы они и Башкирцевъ къ себѣ въ союзъ; эти посланцы остались у Дундука-Омбо, дожидаются, на что рѣшатся Калмыки, переправившись съ луговой стороны на горную. Въслѣдствіе этого русскимъ правительствомъ отправлены были по всемъ дорогамъ увѣщательныя грамоты, чтобъ Башкирцы жили спокойно, и если отъ кого есть имъ обиды, чтобы жаловались, и получать удовлетвореніе безъ волокиты, могутъ ѣхать съ жалобами въ Петербургъ или Москву; ассессоръ уфимской провинціи Лихачевъ, обвиняемый Башкирцами въ обидахъ и взяткахъ, былъ вызванъ къ отвѣту ¹⁸⁹.

Въ распоряженіяхъ относительно Малороссіи, состоявшихся при Меншиковѣ, не было сдѣлано никакой перемѣны. Въ тайной инструкціи Наумова говорилось: хотя въ грамотѣ его императорскаго величества, съ нимъ посланной къ малороссійскому народу и въ данной ему инструкціи написано, что его императорское величество указалъ въ Малой Россіи гетмана выбрать по прежнему обыкновенно, однако сіе избраніе написано для лица, а въ самомъ

дѣлѣ его императорскаго величества соизволеніе быть гетманомъ миргородскому полководнику Данилу Апостолу, зачаемо, что отъ народу не иной кто, но онъ Апостоль по старшинству и по заслугамъ и ради имѣющагося его у нихъ кредиту избранъ будетъ. Прибывъ въ Глуховъ, смотрѣть и развѣдывать, его ли Данила Апостола въ гетманы народъ будетъ избирать, и ежели-бъ нѣкоторые изъ того народа о комъ мною намѣреніе имѣли въ гетманы обирать, въ такомъ случаѣ того предостерегать и путь къ тому предуготовить, чтобъ конечно Данила Апостола, а не иного кого въ гетманѣ народъ избралъ. А какъ пріѣдетъ въ Глуховъ Данила Апостоль, и ему объявить секретно, что его императорское величество указалъ его, а не иного кого въ гетманы обирать, и чтобъ онъ служилъ вѣрно и непоколебимо. Ежели, паче чаянія, старшина и народъ малороссійскій Данила Апостола въ гетманы обирать не стануть, а будутъ выбирать иного кого по своей волѣ, и ему, Наумову, того учинить не допустить, и то обраніе подъ какимъ пристойнымъ претекстомъ остановить, и писать въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Наумовъ, пріѣхавъ въ Глуховъ 18 сентября, объявилъ, что государь указалъ быть у нихъ въ Малороссіи гетману по прежнему, кого они выберутъ изъ малороссійскаго народа вольными голосами попрежнему обыкновенію. Потомъ Наумовъ спрашивалъ *партикулярно и обще*, кого хотять выбрать въ гетманы, и получилъ единогласный отвѣтъ, что миргородскаго полковника, Данилу Павловича Апостола. 1 октября созвана была рада изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Министръ спрашивалъ всѣхъ вслухъ, кого себѣ избирають въ гетманы? И всѣ единогласно сказали, что желаютъ миргородскаго полковника. И долгое время всѣ его просили до послѣдняго человѣка, а онъ отговаривался, что старъ и такого великаго правленія понести не можетъ. Тогда тайный совѣтникъ и министръ объявилъ, что, по избранію малороссійскаго народа, его императорское величество жалуетъ Апостола въ гетманы. Тутъ полковники, подхватя его подъ руки, поставили на столъ, всѣ поздравляли его и шапками на него махали. Новозбранный билъ челомъ за милость его императорскаго величества, а народъ кланялся. Изъ чиновниковъ упраздненной Малороссійской коллегіи Наумовъ долженъ былъ нѣкоторыхъ удержать въ Глуховѣ, потому что явилась странность: онъ привезъ съ собою

копію съ приходныхъ вѣдомостей, получавшихся въ Сенатѣ отъ президента коллегіи Вельяминова; но когда Наумовъ сравнилъ эти вѣдомости съ поданною ему въ Глуховѣ за секретарскою рукою, то нашолъ большую разницу, а именно: въ 1722 году въ сенатской вѣдомости показано было въ приходѣ 45527 рублей, а въ коллежской 22672; въ 1723 году—въ первой 85854, а во второй 47734; въ 1724 году—въ первой 141342, во второй 108054. Наумову велѣно было подъ рукою провѣдать о коллежскихъ членахъ, и услышалъ онъ о великихъ обидахъ отъ нихъ народу.

Сильныя жалобы поданы были Наумову также на войсковыхъ командировъ изъ Нѣмцевъ, находившихся въ Малороссіи; къ жалобамъ Малороссіянъ присоединялись жалобы полковниковъ изъ Великороссіянъ. Полтавскій полковникъ писалъ на генерала Вейсбаха, что постоянно требуетъ для разныхъ домовыхъ посылокъ подводъ, сторожей, водовозовъ, ремесленниковъ, бабъ для кухни, по обывательскимъ лугамъ косить сѣно даровыми работниками и возить его на полковыхъ подводахъ, рыбаковъ беретъ перемѣнно по четыре человекъ съ сотни, двѣ слободы поселилъ себѣ на обывательскихъ земляхъ людьми Полтавскаго полка, и уволилъ эти слободы отъ квартирной и порціонной обязанности. На генераль-поручика Роппа и генераль-майора Дукласа нѣжинскій полковникъ Хрущовъ съ старшиною показали, что Роппъ занялъ себѣ квартиру не по указу и безъ отводу, требуетъ не указныхъ всякихъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ ежедневно; находящійся при немъ прапорщикъ Михневъ билъ комиссара смертнымъ боемъ и окровавилъ, а полковника Хрущова Роппъ держалъ подъ карауломъ, отобравъ шпагу, а старшину полковую грозилъ бить кіями; племянникъ его, прапорщикъ Виттинъ, пришедши въ прилуцкую ратушу, требовалъ у войта подводъ безъ прогоновъ, войтъ не далъ, и за то былъ прибитъ плетью; обозному того же полка Виттинъ проломилъ голову. Дукласъ отяготилъ народъ въ Переяславскомъ полку требованіями лѣса на постройки. Наумовъ написалъ Вейсбаху, чтобъ изслѣдовалъ о поступкахъ Роппа и Дукласа; полковникамъ посланъ указъ, чтобъ лишняго никому ничего не давали, а кто будетъ насильно брать, о томъ писали бы къ нему и присылали обстоятельныя вѣдомости. Наумовъ оканчиваетъ свои донесенія такъ: «А чтобъ въ томъ справедливость была учинена, о томъ познать не по чему,

понеже и на самого его, генерала Вейсбаха, обиды показываются болѣе другихъ».

Въ наказѣ Наумову говорилось: выбрать кандидатовъ въ генеральную старшину, а именно въ обозные, генеральные судьи, генеральные писаря, есаулы, бунчуковые, хорунжіе и прочіе чины, которые при гетманахъ обыкновенно бывали, а выбирать въ тѣ кандидаты гетману по совѣту съ Наумовымъ во всякій чинъ человѣка по два и по три, и Наумову при томъ смотрѣть и предостерегать, чтобъ кандидаты были люди добрые и ни въ чемъ не подозрительные, особенно такіе, которые были вѣрны во время измѣны Мазепиной; имена избранныхъ прислать въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ, а до полученія указа быть при гетманѣ въ тѣхъ чинахъ наказнымъ (исправляющимъ должность), потому что безъ старшины гетману быть нельзя. Наумовъ писалъ, что въ обозные лучше всего назначить полковника Галагана, ибо хотя онъ и писать не умѣетъ, однако отличался всегда вѣрностію императорскому величеству; къ судейской должности способны Троцына и Стороженко, къ писарской Турковскій, хотя и говорятъ, что онъ не изъ знатныхъ; въ есаулы достойны Гамалѣя и Лисенко, люди добрые и смиренные; въ хорунжіе Борозна; въ бунчужные Василій Савичъ.

Относительно суда и расправы было постановлено: быть по прежнему ихъ обыкновенію суду въ городахъ на ратушахъ у сотниковъ; отсюда дѣла переносятся въ полковой судъ, на который аппелляція въ Глуховъ къ генеральному войсковому суду; но такъ какъ на этотъ судъ были жалобы отъ малороссійскаго народа и теперь приходятъ, что въ немъ дѣлаются большія неправды изъ-за взятокъ, вслѣдствіе чего бѣдные козаки и посполство бывають обвинены, полковая старшина, на которую подаются челобитья отъ козаковъ и простыхъ людей, случаются въ свойствѣ и дружбѣ съ генеральными судьями, и потому не можетъ быть безъ похлебства,—то императоръ указалъ въ этомъ генеральномъ судѣ засѣдать изъ русскихъ троимъ. Если кто генеральнымъ судомъ не будетъ доволенъ, тотъ можетъ подавать челобитную гетману, который разсматриваетъ и вершитъ дѣла вмѣстѣ съ Наумовымъ.

Относительно податей Наумовъ долженъ былъ объявить малороссійскому народу, что новые сборы, положенные при существованіи коллегіи, уничтожаются.

Такъ какъ прежде полковники назначали сами сотниковъ и другихъ урядниковъ, безъ объявленія гетману, по своимъ личнымъ отношеніямъ и за взятки, то теперь вѣдно было полковнику собирать раду изъ полковой старшины и сотниковъ, и на этой радѣ, по общему приговору, назначать двоихъ или троихъ кандидатовъ и присылать ихъ къ гетману и Наумову, которые изъ нихъ выбираютъ по ихъ мнѣнію достойнѣйшаго.

Но и Наумовъ долженъ былъ столкнуться съ гетманомъ, и прежде всего относительно судебного порядка. Мы видѣли, какъ опредѣленъ былъ этотъ порядокъ, какъ постановлена была аппелляція отъ суда городского къ генеральному, и отъ генеральнаго къ гетману. Несмотря на то, продолжалось прежнее обыкновеніе подавать челобитныя на имя гетманское, и гетманъ, по старинѣ, принявъ челобитную, отдавалъ ее въ генеральную канцелярію генеральному писарю, который прикажетъ на оборотѣ челобитной выписать кратко, кто и о чемъ проситъ, на кого жалуется, и къ отвѣтчику посылается отъ гетмана универсалъ или позывный листъ съ приказаніемъ, чтобъ онъ или помирился съ истцомъ, или явился бы на срокъ къ гетману, и когда явится, то гетманъ посылаетъ обонхъ въ генеральный судъ. «Это напоминаніе отъ гетмана прежде суда не худо, писалъ Наумовъ; но бываетъ у нихъ и то, что гетманъ посылаетъ, мимо генеральнаго суда, сыщиковъ, которые привозятъ свои сыски въ генеральную канцелярію, и гетманъ по этимъ сыскамъ судить самъ мимо генеральнаго суда. Тутъ не безъ сомнѣнія, да и порядку нѣтъ, продолжаетъ Наумовъ; и другія подобныя резолюціи бываютъ изъ генеральной канцеляріи. Я этому противлюсь; но гетманъ отвѣчаетъ мнѣ, что въ томъ состоятъ ихъ прежній судъ, а въ императорской грамотѣ написано, что суду и расправѣ быть по прежнему ихъ обыкновенію.» Потомъ гетманъ, получивъ челобитье, не сообщая о немъ генеральному суду, поручалъ судъ извѣстнымъ лицамъ: Наумовъ указалъ нѣсколько такихъ случаевъ, которые продолжались, несмотря на представленія его гетману. Когда случалось нѣкоторыя дѣла слушать Наумову вмѣстѣ съ гетманомъ и съ общаго согласія полагать рѣшенія, по обыкновенію съ императорскимъ титуломъ, то гетманъ не скрѣплялъ этихъ приговоровъ, отговариваясь, что прежде у нихъ приговоры на письмѣ не дѣлались и не закрѣплялись. Наконецъ гетманъ,

отправляясь въ Москву, посылалъ въ генеральный судъ универсалы, чтобъ до счастливаго его возвращенія на резиденцію приговоры по извѣстнымъ дѣламъ не приводили въ исполненіе.

Мы видѣли, что всѣ новые сборы, положенные при существованіи малороссійской коллегіи, были уничтожены. Но Наумовъ долженъ былъ привести въ извѣстность и порядокъ финансовое положеніе страны. Поэтому, до избранія гетманскаго и послѣ него, много разъ принимался онъ говорить съ старшиною и духовенствомъ, какимъ образомъ собирать подати съ малороссійскаго народа, и спрашивалъ у нихъ, были ли прежде какіе-нибудь сборы съ Малороссіи въ казну государеву? Всѣ единогласно отвѣчали, что не были. Наумовъ показывалъ имъ пункты, Богдана Хмельницкаго; на это былъ отвѣтъ, хотя и не единогласный, что говорено было посланцами Хмельницкаго, а въ грамотѣ его объ этомъ не было прошено, и хотя посланцы и говорили о сборѣ въ царскую казну, но на дѣлѣ ничего не сдѣлано. Брюховецкій, будучи въ Москвѣ, согласился на сборъ доходовъ въ царскую казну, но по возвращеніи измѣнилъ, и дѣло осталось безъ исполненія. Наумовъ уговаривалъ старшину и духовенство, чтобъ Малороссія платила въ императорскую казну ежегодно извѣстную сѹмму денегъ, но не могъ уговорить. Изъ доходовъ, объявленныхъ малороссійскою Коллегіею на бумагахъ, налицо не оказалось до 100,000 рублей.

Въ 1728 году гетманъ, пріѣхавъ въ Москву на коронацію, билъ челомъ, чтобъ возвращены были Малороссіи ея старыя права, по пунктамъ Богдана Хмельницкаго, чтобъ никто изъ Великороссіянъ не вступался въ суды войсковые. На это въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ былъ написанъ отвѣтъ, что Малороссіяне будутъ судиться своими въ сотенныхъ и полковыхъ судахъ; но если кто будетъ недоволенъ рѣшеніемъ послѣднихъ, то имѣетъ право переносить дѣло въ генеральный судъ, состоящій изъ трехъ Великороссіянъ и трехъ Малороссіянъ; гетманъ получаетъ значеніе президента этого суда, и мимо нижнихъ судовъ прямо въ генеральный судъ челобитенъ подавать нельзя; если же кто не будетъ доволенъ и рѣшеніемъ генеральнаго суда, тотъ можетъ бить челомъ императору въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ. На просьбу объ избраніи урядниковъ вольными голосами, изъ «родимцовъ малороссійскихъ», былъ отвѣтъ, что генеральную

старшину и полковниковъ выбирать вольными голосами нѣскольکو кандидатовъ и требовать императорскаго указа, которымъ одинъ изъ кандидатовъ и опредѣляется; кандидаты же въ полковую старшину и сотники выбираются вольными голосами, и одинъ изъ нихъ утверждается гетманомъ, который обязанъ писать объ этомъ императору, съ объясненіемъ причинъ утверженія. Относительно сбора доходовъ было постановлено, что, для предупрежденія гетманскаго произвола при сборѣ и расходованіи, учредить подскарбіевъ, одного изъ Великороссіянъ, а другого изъ Малороссіянъ. Отмѣненъ былъ указъ, изданный при Меншиковѣ, чтобъ Великороссіянамъ не покупать имѣній въ Малороссіи; сказано: «Продажа во всей Россійской имперіи маентностей и прочаго недвижимаго должна быть свободна, и потому, какъ Великороссіянамъ (кромѣ иноземцевъ) въ Малороссіи, такъ и Малороссіянамъ въ великороссійскихъ городахъ всякія недвижимыя имѣнія покупать и продавать невозбранно; при чемъ опредѣляется всѣмъ Великороссіянамъ, владѣющимъ землями въ Малороссіи, съ тѣхъ земель службы, подати и повинности отправлять и все нести съ прочими Малороссіянами, равно и быть подъ судомъ малороссійскимъ; только великороссійскимъ вотчинникамъ запрещается въ малороссійскія деревни свои переводить крестьянъ изъ деревень великороссійскихъ». О раскольникахъ, поселившихся въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ, опредѣлено: «Выслать ихъ, по важнымъ резонамъ, невозможно; а вѣдать ихъ тому, кто при гетманѣ будетъ: онъ долженъ послать добраго офицера и освидѣтельствовать, а если ихъ сверхъ прежней переписи прибавилось, то и окладу на нихъ прибавить и собираемыя деньги присылать въ коллегію Иностранныхъ дѣлъ; если раскольники обидятъ кого-нибудь изъ Малороссіянъ, то судить ихъ и, по сыску, указъ чинить гетману вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ при немъ отъ императорскаго величества. А что они другихъ въ свою ересь обращаютъ, за то грозитъ имъ смертною казнію, и велѣтъ по возможности ихъ самихъ отъ ереси отводить, какъ въ Великой Россіи дѣлается, и нѣкоторые обращаются». Такимъ образомъ гетманъ не получилъ желаемаго; во всего болѣе нецпріятно ему было то, что онъ былъ подчиненъ главнокомандующему украинскою арміею, фельдмаршалу Голицыну.

Вѣсть о возстановленіи малороссійской старины, объ избраніи

гетмана скоро достигла Запорожцевъ и подала имъ надежду, что русское правительство согласится снова принять ихъ въ подданство. Кто-то распустилъ у нихъ слухъ, что гетманомъ назначенъ Сафѣга, и они прислали къ нему письмо съ шляхтичемъ Хмелевскимъ, въ которомъ выражали желаніе удалиться отъ Агарянской страны, и, поклонившись его императорскому величеству, подъ его властію попржнему жить. Кошевымъ атаманомъ подписался Павелъ Ѳеодоровичъ. Наумову и гетману велѣно было такъ отвѣчать Хмелевскому словесно: «Мы не безнадежны, что милосердый монархъ склонится на желаніе Запорожцевъ; вины ихъ простить и при удобномъ случаѣ въ державу свою попржнему принять укажетъ, какъ и Малую Россію въ прежнее состояніе возстановилъ и гетману быть повелѣлъ; но для этого Запорожцамъ нужно показать непоколебимую вѣрность, въ знакъ которой должны сноситься со мною и съ гетманомъ, увѣдомля насъ о тамошнихъ происшествіяхъ». Но въ Запорожьѣ желали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Россіи; отсюда писали къ гетману: «Хотимъ поклониться его царскому пресвѣтлому престолу, и вашу вельможность просимъ: умилосердись, какъ щедролюбивый отецъ, непусти насъ погибать, чтобъ мы не подпали врагамъ Татарамъ на расхищеніе. Доброувѣщательныхъ писемъ вашихъ не можемъ слышать, потому что начальствующие, находясь подъ игомъ татарскимъ, боятся войску объявлять; а когда умилосердится ваша вельможность и подастъ намъ свою помощь войсковую, тогда все будетъ явно и ясно. Мы общаемся монаршему маестату и вашей вельможности вѣрно служить до конца нашей жизни, и все войско запорожское низовое на Старую Сѣчу собирается, отъ крымской стороны совѣмъ отступаетъ, потому что ханъ нѣсколько сотъ нашей братьи на свою службу заслалъ за море, и атамана кошевого со всею старшиной захватилъ подъ свою державу».

5 іюня 1728 года Верховный Тайный Совѣтъ, слушавъ доношеніе фельдмаршала князя Голицына, гетмана Апостола и тайнаго совѣтника Наумова и письма Запорожцевъ, въ которыхъ они объявляютъ свое намѣреніе — забравъ изъ Новой Сѣчи войсковые клейноты, перейти въ Старую Сѣчь и объявить, что они находятся подъ покровительствомъ его императорскаго величества, — разсудилъ, воервыхъ, присланныхъ къ гетману изъ Запорожья

четырехъ козаковъ отправить назадъ съ такимъ же словеснымъ приказомъ, какъ и въ прошломъ году, прибавя, что если они въ нынѣшнее время учинять какія противности турецкой сторонѣ, то они въ русскія границы никакъ впущены не будутъ. Вторыхъ, послать указы къ фельдмаршалу и гетману, чтобъ они повсюду подтвердили—Запорожцевъ, если они придутъ многолюдствомъ и съ ружьемъ, отнюдь не принимать и отъ границъ отбивать оружіемъ, а подъ рукою словесно обнадеживать ихъ, что при удобномъ времени они будутъ приняты; это объявлять имъ при случаѣ тайно чрезъ важныхъ людей, а отъ другихъ содержать въ наивысшемъ секретѣ; полагается на разсужденіе фельдмаршала, къ какому изъ Запорожцевъ и подарки посылать, чтобъ ихъ содержать склонными къ сторонѣ его императорскаго величества. Въ третьихъ, въ Царьградъ къ резиденту Неплюеву писать, чтобъ онъ принесъ Портѣ на Запорожцевъ жалобу, что, по слуху, они изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ поселены по трактатамъ, хотятъ приближаться къ русскимъ границамъ, переходить въ Старую Сѣчь и другія мѣста, гдѣ, по договорамъ, строенію быть не слѣдуетъ: такъ чтобъ Порта не допускала ихъ до этого, ибо отъ этихъ безпокойныхъ и непостоянныхъ людей и безъ того купечеству русскому происходятъ обиды. Поѣмному и безъ оружія Запорожцевъ велѣно было принимать и прежде и теперь, и полтавскій полковникъ доносилъ, что по первое іюня 1728 года пришло Запорожцевъ на житье въ Малороссію 201 человекъ, а въ послѣднихъ числахъ приходятъ ватагами человекъ по десяти и пригоняютъ съ собою стада; болѣе желаютъ жить по Самарѣ и ниже ея. Голицыну писали изъ Москвы, что этого много, и нельзя защищать тѣхъ Запорожцевъ, которые поселятся по Самарѣ, потому что, по договору, эта рѣка въ сторонѣ турецкой. Но въ то время, когда въ Москвѣ дѣлались распоряженія о непріятіи Запорожцевъ, они поднялись и перешли на Старую Сѣчь, приславъ на имя императора такую грамоту, отъ 30 мая: «Склонивши сердце своихъ порушенные мысли ко благому обращенію и повергну мизерныя главы свои до стопы ногъ вашего императорскаго величества, отлагаемся отъ бусурманской державы. Осмотрѣлись мы, что вѣрѣ святой православной, церкви восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежитъ намъ служить, а не подъ бусурманомъ магометански поги-

бать. Отвори средца своего источникъ къ намъ, своимъ чадамъ, разръши ласково преступленія нашего грѣхъ и нареки насъ по-прежнему сынами жребія своего императорскаго. Еще же просимъ: подайте намъ войсковое отъ руки своей подкрѣпленіе, дабы не попали мы въ расхищеніе невѣрнымъ варварамъ, ибо не знаемъ, зачѣмъ орды отъ всѣхъ своихъ краевъ подвинулись: для того ли, что мы уже отъ нихъ отступили со всѣми своими клейнотами 24 мая, и пребываемъ уже въ Старой Сѣчи, или они это дѣлаютъ по своимъ замѣшательствамъ?»

Но вслѣдъ затѣмъ къ генералу Вейсбаху явился кошевой атаманъ Иванъ Петровъ Гусакъ и рассказывалъ: «Въ Новой Сѣчи отъ крымскаго хана было намъ много притѣсненій: въ прошломъ 1727 году въ декабрѣ мѣсяцѣ Калга-салтанъ, стоя по рѣкѣ Бугу, забралъ на промыслахъ козаковъ съ двѣ тысячи, повелъ ихъ въ Бѣлогородчину, и тамъ показалъ хану нѣкоторыя противности; пришелъ въ Бѣлогородчину самъ ханъ, Калгу схватилъ и сослалъ въ Царьградъ, а Запорожцевъ, бывшихъ при немъ, разослалъ на каторги, а другихъ распродали, будто бы за то, что они съ Калгою бунтовали, а Калга прежде говорилъ, что беретъ ихъ по приказу ханскому. Видя такое насиліе, мы и стали совѣтоваться, что лучше быть по-прежнему подъ державою его императорскаго величества въ своей православной вѣрѣ, неужели у бусурмана терпѣть неволю и разореніе. Когда мы забирали клейноты и хоругвь, чтобъ идти въ Старую Сѣчь, то старый кошевой измѣнникъ Костя Гордѣенко, да Карпъ Сидоренко и другіе стали намъ говорить: «для чего же намъ изъ Новой въ Старую Сѣчь идти? намъ и тутъ жить хорошо!» Однако они насъ не могли удержать, да и не могли много говорить, боясь, чтобъ ихъ войскомъ не убили. И чтобъ отъ нихъ больше возмущенія не было, то мы взяли Костю Гордѣенка и Карпа Сидоренка подъ караулъ и везли ихъ подъ карауломъ до самой Старой Сѣчи, и пріѣхавъ туда, отколотили ихъ палками и отпустили на свободу. Послѣ этого мы послали въ Глуховъ къ гетману; но посланные возвратились ни съ чѣмъ, объявивъ, что гетмана въ Глуховѣ нѣтъ, онъ въ Москвѣ; тогда войско стало волноваться, начали говорить: если мы отъ императорскаго величества милости не получимъ, то кошевого и старшину, которые перевели насъ сюда, побьемъ до смерти; испугавшись этого, я ушелъ.»

Въ мартѣ 1729 года князь Михайлъ Михайловичъ Голицинъ писалъ императору, что, по вѣстямъ, Турки хотятъ объявить войну Россіи, и потому надобно принять Запорожцевъ. Ему отвѣчали изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобъ онъ въ обнадѣживаніи Запорожцевъ насчетъ принятія ихъ при способномъ и удобномъ случаѣ поступалъ по своему мнѣнію и по прежнимъ указамъ, потому что теперь еще нѣтъ удобнаго времени, пока не обнаружится явная противность съ турецкой стороны.

Въ 1727 году, при возстановленіи гетманства, подвергся опалѣ лубенскій полковникъ Андрей Марковичъ; явились жалобы на его злоупотребленія; но главною причиною опалы, какъ видно, было близкое родство съ Скоропадскими и Полуботками и вражда гетмана Апостола. Сынъ Андрея Марковича, Яковъ, отправился въ Москву хлопотать за отца и вмѣстѣ за тетку, вдову бывшаго гетмана Скоропадскаго, которую тѣснилъ новый гетманъ. Этотъ Яковъ оставилъ по себѣ любопытныя записки, которыя переносятъ насъ въ тогдашнюю Москву, старую столицу новой, преобразованной Россіи, и обрисовываютъ намъ отношенія Малороссіянъ къ императорскому правительству. Съ начала эпохи преобразованія Малороссіянъ, ѣхавшій въ Москву или Петербургъ, былъ увѣренъ, что найдетъ тамъ покровителей въ землякахъ своихъ, какъ между знатнымъ чернымъ, такъ и между бѣлымъ духовенствомъ. Такъ и нашъ Яковъ Марковичъ, пріѣхавъ въ Москву, прямо остановился у духовника государева, отца Тимоея Васильевича. Марковичъ пріѣхалъ въ Москву въ генварѣ 1728 года, когда еще всѣ думали, что царица-бабка будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла; и вотъ онъ отправляется въ Новодѣвичій монастырь, куда ведетъ его тамошній священникъ Василій и приводитъ къ игуменьѣ изъ Малороссіянокъ, Олимпіадѣ Коховской, къ которой онъ привезъ письмо отъ тетки Скоропадской; былъ у царицы, которая подчивала его изъ своихъ рукъ водкой. Когда онъ пировалъ послѣ того у священника Василія, туда же пріѣхалъ карла царицы, и Марковичъ счелъ за нужное побрататься съ нимъ и въ знакъ любви подарить пять червонныхъ. Понятно, что Марковичъ не могъ обойти представителя малороссійскихъ духовныхъ—Ееофана Прокоповича. Онъ былъ у него нѣсколько разъ и записалъ, о чемъ шла бесѣда: «Вечеру былъ у архіерея новгородскаго, гдѣ и архимандритъ Круликъ былъ, и

тутъ происходилъ разговоръ о сентенціи картезіановъ, всякое чувство отъ животныхъ всѣхъ отнимающихъ, а только единому человѣку, имущему умъ, причитающихъ, будто чувство безъ ума не можетъ быть; и потому называютъ они животныхъ автоматами. Въ разговорѣ же было то, что оное мнѣніе Картезія есть не крѣпкое, ибо явственно спорить противъ повседневныхъ экспериментовъ, по которымъ видимы диковинные животныхъ поступки, которымъ безъ чувствій и безъ памятованія (якое Картезіи чувствомъ называетъ) невозможно быть. Также о существѣ духа разсужденіе было, что не въ самомъ помышленіи онаго духа существо содержится, но есть особливѣйшее нѣчто, чего мы не видимъ, но должны признать. Изъ такого разсужденія можно нѣкоторый видъ дебелига и весьма скуднаго помышленія животнымъ причесть, однако онаго безсмертнымъ назвать невозможно, а какое онѣ есть, неизвѣстно, для того что не только духа, но и тѣла существъ (сущности) не знаемъ, и отъ незнаемой вещи знаемую утверждать невозможно, развѣ вопреки.» Но не всегда у Теофана Прокоповича были такіе философскіе разговоры. Въ другой разъ Марковичъ записалъ: «Бздилъ до архіерея новгородскаго, который въ разговорѣ объявлялъ мнѣ способъ садить регулярно малину, ежевику и другія ягоды; онъ же сказывалъ и способъ дѣлать простые барометры.» Наконецъ записано: «Бздилъ до архіерея новгородскаго, который въ разговорѣ сказывалъ: чтобъ пиво было вскорѣ свѣтло, должно песку крупнаго, придавши къ оному мало сахару, разжарить и всыпать въ бочку, то за недѣлю, а много за двѣ, будетъ свѣтло».

Монастырями и архіерейскими подворьями малороссійскому челоубитчику, разумѣется, ограничиться было нельзя, и потому Марковичъ немедленно отправился къ секретарю Иностранной Коллегіи, Курбатову, и отдалъ ему письмо отъ отца и тетки Скоропадской вмѣстѣ съ 30-ю червонными; потомъ опять былъ у секретаря, поигралъ съ нимъ въ карты (шнипъ-шнапъ) и на другой уже день отправился къ канцлеру графу Головкину съ просительнымъ письмомъ отъ отца и Скоропадской, и чрезъ день Курбатовъ далъ ему письмо Головкина къ Наумову, чтобъ не притѣснять старика Марковича. Молодой Марковичъ счелъ нужнымъ побывать и у другихъ вельможъ; но важнѣе всего было побывать у производителя дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Степанова, а

къ производителямъ дѣлъ и секретарямъ съ пустыми руками ѣздить было нельзя, и Марковичъ къ письмамъ отца и Скоропадской присоединилъ 40 червонныхъ. При такихъ средствахъ дѣло пошло на ладъ, и старика Марковича велѣно сдѣлать генеральнымъ подскарбіемъ.

Между тѣмъ молодой Марковичъ, человѣкъ любознательный, покупалъ въ Москвѣ книги: купилъ шесть польскихъ книгъ за семь рублей съ гривною: *Speculum Saxonum*, Конституціи коронныя, Статутъ, Твардовскій, о Турецкомъ государствѣ и Политику Аристотелеву, да сверхъ того книжку о небоземныхъ глобусахъ за полтину; купилъ русскую книжку — Синописисъ за полтину, книжку о князьяхъ за полтину; для церкви годовую Минею за 23 рубля, два календаря за полтину; возвратясь въ Малороссію, онъ пересчиталъ свои книги и нашель, что ихъ было 340. У иноземца Морица онъ купилъ въ Москвѣ барометръ, заплатилъ рубль.

Но не одними книгами и барометрами запасался Малороссіянинъ въ столицѣ, покупалъ рыбу: за осетра, двѣ лосося и 10 стерлядей заплатилъ 3 рубля, за фунтъ икры 5 копѣекъ, за фунтъ чаю пять рублей съ полтиной, за фунтъ кофе 20 алтынъ, за фунтъ сахару канарскаго полкопы, за 20 свѣчекъ благовонныхъ 16 копѣекъ. Купилъ камлоту на кунтушъ, заплатилъ по 20 алтынъ за аршинъ; мѣхъ бѣличій купилъ за 2 рубля 20 алтынъ; 18 паръ соболей за 140 рублей; въ телѣжномъ ряду купилъ англійскую коляску за 22 рубля, карету за 38 рублей. Квартира въ Китаѣ-городѣ у Москворѣцкихъ воротъ, три избы съ кладовою и погребомъ, стоила ему три рубля въ мѣсяцъ.

Марковичъ воспользовался своею поѣздкою въ Москву, чтобъ полѣчиться у знаменитаго доктора Быдла (Бидлоо); докторъ прописалъ ему рецептъ на декоктъ, а на другой день прислалъ лѣкаря, который поставилъ ему пиявки и получилъ за это четыре талера ¹⁹⁰.

Изъ дѣлъ внѣшнихъ по прежнему болѣе всего тяготила томительная война персидская. Сначала боялись турецкихъ успѣховъ, а потомъ стали безпокоиться, что Турки, потерпѣвъ неудачу, поспѣшатъ помириться съ Эшрефомъ, который будетъ имѣть возможность обратиться со всеми силами противъ Россіи. 17 ноября 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено было императору о персидскихъ дѣлахъ, что Эшрефъ побѣдилъ

Турокъ, которые теперь ищутъ мира хотя съ уступкою всего, а это можетъ быть вредно для Россіи; представляли, что солдатамъ русскимъ отъ воздуха въ тамошнихъ мѣстахъ немалая убыль. Государь, наслышавшись этихъ толковъ и жалобъ прежде, рассуждалъ, что намъ отъ Гилани никакой прибыли нѣтъ, а только убытокъ въ людяхъ и казнѣ. Представляли о непріязненныхъ намѣреніяхъ Калмыковъ, вступившихъ въ связь съ возмущившимися Башкирцами, что между Калмыками находится турецкій подданный Бахты-Гирей-дели-салтанъ, котораго до сихъ поръ нельзя было ни приманить, ни поймать, что для этого и теперь Верховный Тайный Совѣтъ посылаетъ указы съ нарочными къ Калмыкамъ и донскимъ козакамъ. Государь изволилъ сказать, что козакъ скоро поймать его могутъ.

Мы видѣли, что человекъ, посланный при Екатеринѣ для восстановления единства и силы движенія русскихъ войскъ въ прикаспійскихъ областяхъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, оказался, по соображеніямъ своихъ родственниковъ, нужнѣе въ Москвѣ. При отъѣздѣ онъ получилъ рескриптъ, что хотя въ прикаспійскихъ областяхъ опасность очевидная, однако нельзя послать туда сильной помощи по европейскимъ обстоятельствамъ, которыя заставляютъ держать въ готовности армію на западѣ; что въ Персію изъ Казани и Воронежа назначены два регулярныхъ полка съ донскими козаками, но двигаются еще шесть полковъ къ Казани, чтобъ, въ случаѣ нужды, явиться на помощь персидскому корпусу.

Долгорукій сдалъ начальство генераламъ Левашову и Румянцеву, сдалъ и обязанность заключить миръ съ Эшрефомъ, хотя бы съ уступкою всѣхъ завоеванныхъ у Персіи провинцій, выговоривъ одно условіе, чтобъ Персіяне не допускали Турокъ на берега Каспійскаго моря. Въ 1729 году русскихъ войскъ въ прикаспійскихъ областяхъ было 17 пѣхотныхъ полковъ и семь конныхъ. Положено было увеличивать только нерегулярные полки, для чего написали Румянцеву, чтобъ онъ, сколько возможно, велѣлъ князю Бековичу-Черкасскому набирать изъ Грузинъ, Армянъ и горскихъ Черкесъ такихъ, которые бы къ войнѣ были обычны и во всемъ исправны, обѣщая каждому жалованья по 15 рублей въ годъ или и больше. Положено было также убѣдить донскихъ атамановъ Краснощѣченка, Ивана Матвѣева и Данилу

Ефремова, чтобъ они подговорили добровольно двѣ или три тысячи Донскихъ козаковъ и съ ними поселились около крѣпости св. Креста и около рѣки Аграхани, за что назначить Краснощеченку жалованья по 1.000 рублей и снабдить, что онъ будетъ надъ этими козаками войсковымъ атаманомъ ¹⁹¹.

Турки дѣйствительно заключили миръ съ Эшрефомъ.

Неплюевъ началъ свои донесенія новому императору сообщеніемъ словъ рейсъ-ефенди, что если въ нынѣшнюю кампанію Турки будутъ оставлены Россіею безъ помощи, то въ счастья и несчастья отрекутся отъ исполненія договора и не будутъ признавать за Россіею персидскихъ областей, выговоренныхъ въ трактатѣ. Резидентъ представлялъ самому визирю, что вина на сторонѣ Турокъ: тавризскій паша нарушаетъ трактатъ, вступаясь въ принадлежація Россіи мѣста, Даудъ-Бекъ шемахинскій также поступаетъ непріятельски, коммиссія разграниченія не окончена по турецкой же винѣ; русскія войска могутъ тогда только дѣйствовать противъ общаго непріятели, когда будутъ покойны со стороны границъ. Визирь возражалъ: «Хотя бы все это и правда была, но странно, что вы, будучи здѣсь резидентомъ, не можете намъ означить, сколько русскихъ войскъ въ Персіи, отговариваетесь, что число ихъ вамъ неизвѣстно: ясно, что тамъ войскъ очень мало, поэтому о числѣ ихъ и не объявляете. Пограничныя ширванскія дѣла вовсе не имѣютъ важности: надобно прежде съ общимъ непріятелемъ управиться, а другія дѣла рѣшить всегда время будетъ, и еслибъ русское войско двинулось въ Персію, то на пути могло бы всё мѣста взять въ свое владѣніе; если же придавать важность пограничнымъ ссорамъ, то и Порта имѣетъ право жаловаться, что Россія поданнымъ своимъ Калмыкамъ позволяетъ соединяться съ турецкими измѣнниками и грузинскаго хана Вахтанга отправила въ Персію будто для веденія переговоровъ съ Тахмасибомъ, а Вахтангъ между тѣмъ бунтуетъ турецкихъ подданныхъ». Резидентъ на это сказалъ: «Россія отъ принятія общихъ мѣръ по трактату не отрекается, только бы Порта отстранила зависяція отъ нея затрудненія, именно окончила бы ширванское разграниченіе по договору и велѣла Даудъ-Беку и пашамъ своимъ сохранять договоръ». Визирь отвѣчалъ: «Какъ бы ни было, мы, съ своей стороны, отстранимъ всё затрудненія, пошлемъ крѣпкіе указы, чтобъ паша и Даудъ-Бекъ въ русскія вла-

дѣнія не вступали и комиссары произвели разграниченіе немедленно: за это Россія должна сдержать Калмыковъ, вызвать изъ Персіи отправленнаго ею туда грузинскаго царя Вахтанга и велѣть своимъ генераламъ, чтобъ они, по возможности, дѣйствовали противъ общаго врага Эшрефа; Порта ничего отъ Персіи не желаетъ, кромѣ своей доли; Порта не требуетъ большаго числа войскъ русскихъ; но пусть ваши генералы, по возможности, сдѣлаютъ диверсію; вступать съ разореніемъ въ землю общаго непріятеля, пусть подойдутъ къ Казбину, если къ Испагани идти не въ состояніи; главное дѣло—изгнать общаго непріятеля, послѣ чего Порта на все будетъ готова—раздѣлить ли Персію или поставитъ тамъ независимаго государя. Россіи надобно разсудить: если Порта одна побѣдитъ, то она отъ всѣхъ обязательствъ признаетъ себя свободною; а если, паче чаянія, Эшрефъ побѣдитъ, то онъ будетъ враждовать одинаково къ Россіи и къ Турціи, сколько мочи его станеть». — «Извините меня за откровенность, сказалъ на это резидентъ: я не понимаю, почему Порта въ мартѣ мѣсяцѣ не приняла этого рѣшенія и упустила благоприятное время, потому что тогда мои предложенія были точно такія же, какія теперь вы сами мнѣ сдѣлали; теперь бы ширванское разграниченіе было уже окончено, всѣ затрудненія отстранены, и нашимъ генераламъ ничего больше бы не оставалось, какъ дѣйствовать противъ общаго непріятеля». Визирь смолчалъ на это и велѣлъ подавать шербетъ.

Скоро послѣ этого Неплюевъ сталъ доносить о возможности мира между Турціею и Эшрефомъ; писалъ, что не только султану и министерству, но и всему турецкому народу персидская война омерзѣла, кажется несносною. Эшрефъ прислалъ къ турецкому муфтію и ко всѣмъ мулламъ письмо, въ которомъ говорилъ, что султанъ поступаетъ противозаконно, отторгнувъ персидскія провинціи и не признавая его, Эшрефа, законнымъ государемъ персидскимъ, тогда какъ онъ завоевалъ Персію у еретиковъ; Эшрефъ писалъ, что муллы отдадутъ отвѣтъ предъ Богомъ за междоусобное кровопролитіе между мусульманами; а онъ стоитъ въ ополченіи, готовый къ миру и войнѣ, надѣясь на правду свою. По выслушаніи этого письма, всѣ муллы единогласно сказали: «Изъ всего видно, что помощь Божія съ Эшрефомъ, а не съ нами; слѣдовательно противъ воли Вышняго отваживаться нельзя, но

лучше заблаговременно мира искать». На это визирь сказалъ, что Эшрефъ запрашиваетъ взятыхъ Турками областей и безъ того не мирится. Муллы отвѣчали, что прежде невѣрнымъ Полякамъ отдали Каменецъ: тѣмъ легче теперь можно сдѣлать уступку единовѣрному Эшрефу. Визирь остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ, ибо видѣлъ невозможность продолжать войну по безпорядочности и несклонности народа, предвидя и для себя близкую гибель, если приключится новое несчастіе, тѣмъ болѣе, что требовали отпращиванія его самого въ Персію. Рѣшили приступить къ мирнымъ переговорамъ, которые были поручены вавилонскому (багдадскому) пашѣ Ахмету, и 19 октября 1727 года получено было въ Константинополь извѣстіе, что мирный договоръ съ Эшрефомъ заключенъ. Рейсъ-эффенди, объявляя объ этомъ Неплюеву, прибавилъ, что если и Россія пожелаетъ помириться съ Эшрефомъ, то Порты не отрекается употребить къ тому свои старанія. Русскій дворъ изъявилъ на это согласіе.

Но это согласіе не могло повести ни къ чему. Весь 1728 годъ прошелъ въ спорахъ Неплюева съ турецкими министрами насчетъ пограничныхъ столкновеній. Турки жаловались, что Калмыки, соединясь съ ихъ бунтовщикомъ Бахты-Гиреемъ, опустошали ихъ владѣнія; Неплюевъ жаловался, что турецкіе паши въ новыхъ границахъ вступаютъ въ принадлежащія Россіи земли и народы. Неплюевъ писалъ своему двору: «Не думаю, чтобъ Турки легкомысленно провинціи вашего величества дѣйствительно обезпокоить дерзнули, и войны съ Россією они удаляются по многимъ причинамъ: 1) знаютъ неискусство своихъ войскъ; 2) настоящее министерство ищетъ себѣ покоя; 3) еслибъ они и получили что нибудь отъ Россіи со стороны Персіи, то Россіи отъ этого вреда не будетъ, а имъ можетъ быть большой вредъ отъ войны съ европейской стороны, гдѣ у нихъ никакихъ приготовленій нѣтъ, а здѣсь они одинъ Азовъ не промѣняютъ на всѣ персидскія провинціи. Однако за такой варварскій нестойанный дворъ ручаться нельзя: можетъ случиться перемѣна министерству или другой какой случай, а въ такихъ случаяхъ у нихъ принимаются скорыя и слѣпныя мѣры. Теперь они, сколько возможно, желаютъ держать персидскія владѣнія вашего величества въ безпокойствѣ». Въ 1729 году Неплюевъ писалъ: «Всѣ пограничные паши, также и Суркай, пишутъ къ Портѣ, что если она не вы-

тѣснить русскихъ изъ Персіи, то никогда не можетъ обезопасить тамъ своихъ владѣній, потому что русскіе генералы возмущаютъ тамошніе народы противъ Турокъ и въ нужномъ случаѣ оказываютъ имъ покровительство; вытѣснить же Русскихъ изъ Персіи можно, потому что ихъ тамъ немного». Вѣсти объ этихъ письмахъ передалъ Неплюеву переводчикъ Порты, который прибавилъ, что не знаетъ ничего о рѣшеніяхъ Порты по этому дѣлу, но замѣчаетъ въ ней холодность къ Россіи. Въ слѣдъ затѣмъ Неплюевъ донесъ: «Изъ всего видно, что Турки намѣрены въ будущую осень напасть на персидскія наши провинціи, считая это время самымъ благоприятнымъ, ибо въ октябрѣ и ноябрѣ въ европейскомъ климатѣ зима, препятствующая воинскимъ дѣйствіямъ. Я здѣсь почти не имѣю никакого значенія, потому что Турки моихъ предложеній не слушаютъ, о дѣлахъ мнѣ не сообщаютъ, посылатъ курьера запрещаютъ. Непріятеля визиря внушили султану, что русскихъ давно можно было бы выгнать изъ Персіи, но время упущено влѣдствіе неспособности визиря къ войнѣ; онъ заключилъ съ Россіею договоръ, предосудительный Портѣ, уступилъ Россіи многія персидскія провинціи съ единовѣрными Туркамъ народами, которыхъ султанъ долженъ былъ по единовѣрью защищать, а не отдавать въ подданство невѣрнымъ. Султанъ съ гнѣвомъ выговаривалъ за это визирю, почему тотъ принужденъ на все отваживаться. Миръ можетъ сохраниться въ двухъ случаяхъ: если Турки увидятъ, что Россія готова къ войнѣ, и что находится въ союзѣ съ цесарскимъ дворомъ; азіатскимъ войскамъ уже влѣдно двигаться въ персидскія области». Потомъ другое извѣстіе: «Хотя не все утихло, но и не возрастаетъ: только пограничные наши ложными своими извѣстіями не перестаютъ плевелы сѣять». Цесарскій резидентъ Дальманъ предъявилъ полномочіе быть посредникомъ въ спорахъ между Россіею и Турціею; но Неплюевъ опасался, чтобы Турки не предложили посредничества французскаго посла, на томъ основаніи, что послѣдній договоръ у нихъ съ Россіею заключенъ былъ при посредничествѣ Франціи ¹⁹².

Х Франціи не довѣряли попрежнему. При вступленіи на престолъ Петра II, Куракинъ, извѣщая о предстоящемъ заключеніи договора между Франціею, Англіею, Испаніею и императоромъ, писалъ, что во Франціи очень рады мирному окончанію

дѣла, но что министръ англійскій въ Парижѣ, Вальполь, недоволенъ, ему лучше бы хотѣлось войны, онъ боится, что Франція, сблизившись съ Испанією и Австрією, освободится изъ рабства Англии: «И всю сію оперу, писалъ Куракинъ, при помощи Божеской, надѣмся увидать въ свое время». Для окончательнаго улаженія дѣлъ назначенъ былъ конгрессъ въ Камбрэ, и Россія, какъ принимавшая участіе въ послѣднихъ движеніяхъ въ качествѣ союзницы императора, назначила на конгрессъ своихъ уполномоченныхъ, князя Бориса Куракина и графа Александра Головкина. По наказу они должны были стараться о допущеніи своемъ прямо ко всѣмъ переговорамъ, какъ представители стороны интересованной; чтобъ дѣло герцога голштинскаго было окончено на конгрессѣ; чтобъ при постановленіи генеральной гарантіи и Россія была въ нее включена. Между тѣмъ умеръ англійскій король Георгъ I, которому наследовалъ сынъ его, Георгъ II: эту перемѣною хотѣли воспользоваться для возобновленія пріязненныхъ сношеній между Россією и Англією. Флѣри былъ посредникомъ, и 27 августа Вальполь, пріѣхавъ къ Куракину, объявилъ ему, что корбль его ничего такъ не желаетъ, какъ предать забвенію все прошлое, возобновить дружбу и сношенія съ русскимъ императоромъ, и готовъ отправить отъ себя знатнаго человѣка поздравить Петра II съ восшествіемъ на престолю, причемъ надѣется, что и со стороны русскаго двора будетъ поступлено такимъ же образомъ.

Но князю Борису Куракину не суждено было привести къ окончанію всѣхъ этихъ дѣлъ: 18 сентября онъ умеръ, и мѣсто его занялъ сынъ его князь Александръ, съ титуломъ совѣтника посольства. Но и князь Александръ въ 1728 году получилъ позволеніе возвратиться въ Россію, потому что весь интересъ сосредоточился теперь въ Суассонѣ, гдѣ былъ назначенъ конгрессъ вмѣсто Камбрэ. Въ Суассонѣ отправился одинъ графъ Александръ Головкинъ, который получилъ новый подробнѣйшій наказъ: по пріѣздѣ въ Суассонѣ онъ прежде всего долженъ осведомиться объ установленныхъ тамъ порядкахъ относительно церемоніала. Его императорское величество въ церемоніалѣ излишняго ничего не требуетъ, но, кромѣ цесаря римскаго, никому изъ коронованныхъ главъ первенства уступить не можетъ. Наблюдать, чтобъ съ нимъ поступаемо было такъ, какъ съ ми-

министрами ганноверскихъ союзниковъ, преимущественно съ шведскими. Относительно возвращенія Шлезвига герцогу голштинскому или достойнаго ему вознагражденія долженъ согласиться съ цесарскими министрами и дѣлать все то, что они дѣлать станутъ; особенно должно дѣйствовать на кардинала Флери, представляя ему, что французскій интересъ требуетъ улаженія этого дѣла съ полнымъ удовлетвореніемъ герцога. Стараться, чтобы Россія непременно включена была въ общую гарантію; если же представится затрудненіе по причинѣ Турокъ и Персіанъ, то его величество будетъ доволенъ, если гарантія будетъ поставлена относительно однихъ европейскихъ его владѣній. Болѣе всего графъ Головкинъ долженъ быть въ согласіи съ цесарскими министрами, искать ихъ довѣренности и помогать имъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ, которыя не противны русскимъ интересамъ; потомъ долженъ искать довѣрія кардинала Флери, особенно стараться провѣдать о намѣреніяхъ Франціи относительно Швеціи и Даніи; внушить кардиналу Флери, что русскій императоръ вовсе не думаетъ заставлять Швецію возвести на престолъ герцога голштинскаго, предоставляя это дѣло волѣ Божіей и склонности шведскаго народа; возбудить въ кардиналѣ подозрѣніе относительно замысловъ Англіи въ Швеціи. Съ министрами англійскими долженъ имѣть политическое дружеское обхожденіе, объявлять имъ, что съ русской стороны никакой причины къ озлобленію не подано, у обоихъ государствъ нѣтъ причины другъ другу завидовать, и потому могутъ находиться въ вѣчной дружбѣ ¹⁹³ X

Болѣе всего Головкинъ долженъ былъ дѣйствовать въ согласіи съ цесарскими министрами. Ланчинскій началъ свои донесенія новому императору извѣстіемъ о радости, въ какой находится Вѣнскій дворъ, начиная съ цесаря и цесаревы, что племянникъ послѣднихъ занялъ русскій престолъ, и хотя копія съ завіщанія Екатерины и не была еще получена въ Вѣнѣ, но уже толковали, что оно написано во всемъ предусмотрительно и основательно, и только по волѣ Божіей скипетръ перешелъ изъ одной руки въ другую и спокойствіе русскаго государства упрочено. Ланчинскій, именемъ новаго императора, повторялъ о высокоомъ почтаніи его къ цесарю и цесаревѣ и о истинномъ намѣреніи не только сохранять прежнюю дружбу, но и еще бо-

лѣе укрѣплять ее. Но велѣдъ затѣмъ Ланчинскій донесъ своему двору, что въ Вѣнѣ *безплодность* въ дѣлахъ еще продолжается; ограничивались увѣреніями, что цесарь намѣренъ на конгрессѣ стараться прилежно о шлезвигскомъ дѣлѣ, и выражали увѣренность, что на конгрессѣ ни Гибралтаръ за Англією, ни Шлезвигъ за Данією остаться не могутъ. Въ доказательство своей тѣсной связи съ Вѣнскимъ дворомъ, русское правительство велѣло Ланчинскому объявить цесарскимъ министрамъ, что со стороны Англіи сдѣланы предложенія о прекращеніи несогласій, но что со стороны Россіи не дано еще никакого рѣшительнаго отвѣта, ибо императоръ будетъ ждать совѣта римскаго цесарскаго величества, какъ при настоящихъ конъюктурахъ поступить? Принцъ Евгенийъ отвѣчалъ: «И намъ Англичане дѣлаютъ предложенія въ разныхъ мѣстахъ, однако не видимъ ихъ прямого намѣренія, и знаемъ, что въ то же время они дѣлаютъ цесарю всевозможныя непріятности. Съ русской стороны надобно зрѣло разсудить, что Англичане отторгнули отъ русскаго союза Швецію, деньгами и интригами приклонили ее къ ганноверскому союзу, и безпрестанно при шведскомъ дворѣ куютъ противъ интересовъ русскихъ; герцога голштинскаго гонятъ несносно, и не только стараются отнять у него всякую надежду на шведскій престолъ, но, что хуже всего, стараются приготовить путь къ этому престолу для одного изъ своихъ принцевъ. Прошлаго года съ такою гордостію присылали въ Балтійское море эскадру, и если не сдѣлали никакого вреда, такъ только потому, что нашли Россію въ готовности отражать силу силою. Какъ же такія великія противности могутъ они загладить тѣмъ, что пришлютъ къ русскому двору министра? Всего лучше вамъ удержаться отъ отвѣта на англійскія предложенія и смотрѣть на обращеніе конъюктуръ». Послѣ этого русскій дворъ считалъ себя въ правѣ требовать, чтобъ между нимъ и вѣнскимъ дворомъ произошло полное соглашеніе насчетъ того, какъ ихъ уполномоченнымъ дѣйствовать на суассонскомъ конгрессѣ, чтобъ на основаніи этого соглашенія можно было и дать инструкцію русскому уполномоченному; Ланчинскій требовалъ у австрійскихъ министровъ, чтобъ они объявили ему, какъ они намѣрены дѣйствовать на конгрессѣ относительно русскихъ интересовъ, именно гарантіи русскихъ владѣній и вознагражденія герцога гол-

штинскаго. Министры отвѣчали уклончиво, что у нихъ еще нѣтъ системы относительно дѣйствій на конгрессѣ, что все должно зависть отъ хода переговоровъ, но что цесарь, съ своей стороны, употребить всѣ старанія для удовлетворенія желаніямъ русскаго государя; къ этому отвѣту принцъ Евгений прибавилъ, что Англія старается оттѣснить Россію отъ европейскихъ дѣлъ, Австрія же, наоборотъ, старается ввести ее въ европейскія дѣла;

Несмотря на уклончивость Австріи относительно русскихъ требованій, въ началѣ 1729 года Ланчинскій, по приказанію своего двора, долженъ былъ объявить цесарскимъ министрамъ отъ имени своего государя, что каковъ бы ни былъ исходъ суассонскаго конгресса, русскій императоръ никогда не отступитъ отъ цесарскаго величества и всегда пребудетъ твердо и нерушимо при союзѣ съ нимъ. За это принцъ Евгений отплатилъ объявленіемъ, что если дойдетъ до трактата относительно шлезвигскаго дѣла, то въ этомъ трактатѣ будетъ положено доброе основаніе и опредѣлится срокъ, въ который герцогу голштинскому должно быть дано удовлетвореніе, и что цесарь ни на что не согласится прежде, чѣмъ русскій государь и герцогъ голштинскій заявятъ, что довольны рѣшеніемъ дѣла; Ланчинскому указывали надежду на благоприятный исходъ голштинскаго дѣла въ томъ, что Франція и Англія хотя и гарантировали датскому королю обладаніе Шлезвигомъ, однако признали, что герцогу голштинскому надобно дать вознагражденіе. Въ Россіи желали, чтобъ суассонскій конгрессъ кончился генеральнымъ и формальнымъ трактатомъ, а не какимъ-нибудь провизіональнымъ актомъ, ибо для Россіи и Австріи всего важнѣе порвать ганноверскій союзъ, а этого можно достигнуть только въ первомъ случаѣ. На представленія Ланчинскаго объ этомъ принцъ Евгений отвѣчалъ: «Какъ это сдѣлать, чтобъ ганноверскій союзъ разорвался? Какъ союзникамъ ганноверскимъ запретить, чтобъ и послѣ формальнаго трактата они не продолжали оставаться въ прежнемъ союзѣ? Другіе министры прибавляли, что какъ цесарю никто не можетъ запретить, послѣ какого бы то ни было суассонскаго трактата, оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ съ своими союзниками, такъ и ганноверскимъ союзникамъ нельзя запретить оставаться при старыхъ обязательствахъ. Остерманъ по этому случаю писалъ Ланчинскому, что австрійскіе министры не поняли въ чемъ дѣло: если въ Суас-

сонъ будетъ заключенъ формальный трактатъ, прекращающій все столкновеніе, то Франція необходимо выйдетъ изъ ганноверскаго союза, ибо кому неизвѣстно, да и сами французскіе министры, не таись, нашему послу не разъ говорили, что настоящіе ихъ обязательства собственнымъ и естественнымъ французскимъ интересамъ противны, и что они ищутъ одного, какъ бы съ честью выйти изъ этихъ обязательствъ и снова получить свободныя руки поступать по натуральнымъ своимъ интересамъ.

Россія могла еще сквозь пальцы смотрѣть на уклончивость и неопредѣленность отвѣтовъ австрійскаго кабинета на вопросы не первой важности для нея, ибо австрійскій союзъ считался необходимымъ по отношеніямъ турецкимъ и польскимъ, преимущественно первымъ; но австрійскій кабинетъ обнаруживалъ такую же уклончивость и относительно другой союзницы своей, Испаніи, которая не хотѣла смотрѣть на это сквозь пальцы, потому что испанскій дворъ, повинаясь желаніямъ королевы Елисаветы, настойчиво добивался исполненія испанскихъ принцовъ въ Италиі; въ этомъ заключалась главная цѣль союза Испаніи съ императоромъ. Франція и Англія воспользовались медленностію, уклончивостію Австріи въ исполненіи желаній Испаніи и предложили послѣдней получить желаемое съ ихъ помощію. Испанскій дворъ принялъ предложеніе, и въ ноябрѣ 1729 года былъ заключенъ въ Севиллѣ договоръ между Испаніею съ одной стороны, Франціею, Англіею и Голландіею съ другой. Австрія осталась одна съ Россіею. Этотъ севилльскій договоръ измѣнилъ отношенія иностранныхъ министровъ при русскомъ дворѣ; испанскій посланникъ, герцогъ Лирія, который прежде дѣйствовалъ заодно съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Вратиславомъ, теперь сталъ дѣйствовать наперекоръ ему, хлопотать, чтобы Россія не исполняла обязательствъ своего договора съ Австріею, не посылала своего войска на помощь цесарю.

Кромѣ дѣлъ западно-европейскихъ, предметомъ сношеній между обоими дворами были дѣла польскія, ибо въ Москву и Вѣну приходили извѣстія о стараніяхъ Швеціи и Франціи посадить по смерти Августа II на польскій престолъ Станислава Лещинскаго. На представленія Ланчинскаго по этому поводу графъ Цинцендорфъ отвѣчалъ, что Вѣнскій дворъ думаетъ, согласно съ русскимъ, что Польшу надобно удерживать при нынѣшнемъ ея

состояніи безъ всякой перемѣны, Станислава Лещинскаго отъ польскаго престола отстранить непремѣнно, а потомъ, смотря по ходу дѣлъ, возвести на престолъ или наследнаго принца саксонскаго или Пяста; получено также извѣстіе, что нѣкоторые польскіе вельможи склонны къ брату португальскаго короля, инфанту дону-Эмануелю, но что, впрочемъ, о польскихъ дѣлахъ нужно сноситься и съ королемъ прусскимъ¹⁹⁴.

Въ Польшѣ на первомъ планѣ продолжало стоять курляндское дѣло. Ягужинскій былъ отозванъ изъ Варшавы еще при Екатеринѣ, оставивъ тамъ одного Бестужева, который въ первомъ донесеніи своемъ новому императору писалъ: «По полученіи извѣстія о кончинѣ ея величества, Поляки сильно загордились и начали явно говорить, что Курляндію дѣлить на воеводства; они льстили себя надеждою, что въ Россіи, при нынѣшнемъ случаѣ, произойдетъ смута, которою они воспользуются: чего желаютъ, тѣмъ себя и льстятъ. Я всякими мѣрами опровергаю эти ихъ разсужденія, и, получая академическія печатныя вѣдомости, давалъ имъ читать, чтобъ они могли видѣть, что, за помощію Всемогущаго, въ Россіи все тихо и благополучно». Въ іюнѣ 1727 года Бестужевъ извѣщалъ, что Морицъ отправился въ Курляндію и, будучи въ Дрезденѣ, говорилъ польскимъ министрамъ, что изъ уваженія къ королю и для общаго блага готовъ отказаться отъ притязаній на титулъ герцога курляндскаго и ограничиться штатгалтерствомъ; если же и этого нельзя, то можетъ согласиться на такую сдѣлку: когда назначенная коммиссія прибудетъ въ Курляндію, то пусть его обнадежатъ, что будутъ избирательные воеводы, при чемъ онъ надѣется быть избраннымъ, а онъ за это обѣщаетъ склонить Курляндцевъ къ принятію предложеній коммиссіи, потому что пользуется между ними большою любовію и довѣріемъ.

Въ Россіи не хотѣли допустить ни одной изъ этихъ сдѣлокъ, и чтобъ отнять у Поляковъ поводъ распорядиться въ Курляндіи, генераль Леси, перейдя съ войскомъ Двину, выгналъ Морица изъ этой страны (въ Августѣ 1727 г.). Но Морицъ и тутъ не хотѣлъ успокоиться относительно Россіи: въ ноябрѣ того же года присланный отъ него совѣтникъ Баконъ подалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ слѣдующія предложенія: такъ какъ Морицъ одинъ только можетъ удержать Поляковъ отъ присоединенія

Курляндіи къ Польшѣ, то если Россія признаетъ его герцогомъ курляндскимъ, онъ обяжется быть русскимъ данникомъ, будетъ платить ежегодно по 40,000 рублей до того времени, пока Курляндія формально приметъ покровительство Россіи и сдѣлается леномъ ея, при чемъ онъ, Морицъ, даетъ честное слово держать столько войска, сколько ему предпишетъ Россія. Въ началѣ 1728 года Бакону было объявлено, что предложеніе его не можетъ быть принято, и чтобъ онъ немедленно выѣхалъ изъ Россіи. Но въ то же самое время саксонскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему двору, что Минихъ поднялъ вопросъ о бракѣ Морица на цесаревнѣ Елисаветѣ, и отправленіе Бакона Лефортъ объяснялъ такъ: «Всѣ разговоры съ Бакономъ и поспѣшность, съ какою его отправили, имѣютъ одинъ сокровенный смыслъ: ступайте и привозите его къ намъ». Годъ слишкомъ Лефортъ манилъ Морица этимъ бракомъ, и только въ мартѣ 1729 года написалъ, что нѣтъ болѣе надежды. Но еще прежде предложенія Морицова изумило предложеніе стараго герцога Фердинанда, который объявилъ, что желаетъ вступить въ бракъ съ цесаревною Елисаветою или съ другою русскою принцессою. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили: относительно цесаревны Елисаветы отказать, предложить ему царевну Анну Ивановну, или, если не согласится, то сестру ея, царевну Прасковью.

Но возвратимся къ Курляндіи. Здѣсь Леси, по изгнаніи Морица, послалъ польскимъ комиссарамъ объявленіе, чтобъ они удержались отъ вступленія въ Курляндію. На жалобы польскихъ министровъ Бестужевъ отвѣчалъ, что высылкою Морица императоръ сдѣлалъ угодное королю и Рѣчи Посполитой и поступилъ согласно съ своими интересами, ибо есть извѣстіе, что Морицъ имѣлъ сношеніе съ враждебными Россіи державами; притомъ онъ вступилъ въ Курляндію съ немалыми людьми и военною аммунициею, получивъ отъ нѣкоторой державы значительную сумму денегъ; наконецъ онъ сталъ укрѣпляться на островѣ, поджидая къ себѣ еще людей; и потому, предупреждая вредныя слѣдствія этихъ поступковъ, императоръ распорядился согласно съ своими интересами и согласно союзному договору съ королемъ и Рѣчью Посполитою; что же касается до объявленія генерала Леси, чтобъ комиссары не вступали въ Курляндію, то комиссія назначена была для уничтоженія выборовъ графа Морица, а такъ какъ онъ

со всѣми своими людьми высланъ изъ Курляндіи, то этимъ самымъ выборы уничтожены и въ комиссіи нѣтъ болѣе никакой нужды. Въ разговорѣ съ великимъ канцлеромъ короннымъ Шембекомъ Бестужевъ объявилъ, что Россія не допуститъ до перемѣны формы правленія въ Курляндіи; а Шембекъ отвѣчалъ, что Рѣчь Посполитая по смерти герцога Фердинанда никогда не допуститъ до избранія новаго герцога, хотя бы изъ этого проистекли и дурныя послѣдствія.

Несмотря на объявленія Леси, польскіе комиссары вѣхали въ Курляндію и начали свое дѣло; Леси протестовалъ. По этому поводу Бестужевъ имѣлъ крупный разговоръ съ польскими министрами въ октябрѣ: «Для чего, кричали Поляки, генералъ Леси противъ нашей комиссіи протестуетъ и такъ явно въ наши домашнія дѣла мѣшается! Еще мы вами не завоеваны, чтобъ вы могли законы намъ предписывать; мы объявимъ объ этомъ не только предъ всѣми дворами европейскими, но и при Портѣ». Бестужевъ повторялъ одно, что Курляндія Польшею не завоевана, присоединилась добровольно, и Россія не можетъ допустить нарушенія въ ея правительственной формѣ; дѣло курляндское не домашнее польское, а публичное; Турокъ императоръ не боится, и эти угрозы Портою приносятъ Полякамъ болѣе стыда, чѣмъ чести и пользы. Въ Курляндіи образовались партіи: одна, желавшая сохранить старый порядокъ и потому державшаяся Россіи, хотѣвшей того же самого, и польская; комиссары начали притѣснять членовъ первой и выдвигать на важныя должности членовъ второй, отставили ландгофмейстера Бринка, и должность его передали главному противнику Россіи, оберъ-бургграфу Костюшкѣ, католику; канцлера Капзерлинга посадили подъ арестъ, и на его мѣсто канцлеромъ сдѣланъ Бракель, который орудовалъ морицовымъ дѣломъ. Въ ноябрѣ Бестужевъ представилъ польскимъ министрамъ, что комиссары ихъ въ Курляндіи позволяютъ себѣ жестокости и насилія, нѣкоторые оберраты и депутаты сеймовые были содержаны подъ стражею, и оберраты поневолѣ должны были дать комиссарамъ записку, что по смерти герцога Фердинанда не будутъ избирать себѣ новаго герцога и даже предъявлять право свое на избраніе. Противъ такихъ поступковъ генералъ Леси протестовалъ именемъ императорскимъ, а теперь онъ, Бестужевъ, объявляетъ, что императоръ никогда не допу-

ститъ до измѣненія правительственной формы въ Курляндіи. Поляки отвѣчали: «Еслибы Курляндцы сами просили вашего государя о покровительствѣ и помощи, то была бы еще причина ему вступаться въ это дѣло; но такъ какъ просьбы никакой нѣтъ, то удивительно, что посторонняя держава въ наши домашнія дѣла хочетъ мѣшаться; что же касается до комиссіи, то она не имѣетъ права что-либо установить въ Курляндіи; но должна о всемъ томъ, на чемъ согласится съ Курляндцами, донести сейму, который утвердитъ эти соглашенія или не утвердитъ».

Въ концѣ 1727 года Бестужевъ получилъ отъ своего двора приказаніе не предлагать ничего болѣе польскимъ министрамъ о курляндскихъ дѣлахъ, но дожидаться сейма. Но сейма не было въ 1728 году по причинѣ болѣзни королевской, и всѣ дѣла остановились, кромѣ одного, о притѣсненіяхъ православнымъ отъ католиковъ. Въ началѣ 1728 года бѣлорусскій епископъ, князь Четвертинскій прислалъ императору подробное описаніе бѣдствій, которымъ подвергалась его епархія послѣ отъѣзда комиссара Рудаковского: «Повелѣно было моему смиренію доносить о своихъ нуждахъ князьямъ Долгорукимъ, Василью Лукичу и Сергію Григорьевичу, бывшимъ тогда при польскомъ дворѣ; они старательно предлагали королю и Рѣчи Посполитой, чтобъ насъ оставили въ покоѣ, но ничего не воспослѣдовало, только одни деклараціи. На сеймѣ 1726 года генераль Ягузинскій прилагалъ неусыпный трудъ, чтобъ православнымъ была отрада, и получилъ декларацію, что наше дѣло должно окончиться на конференціяхъ. Теперь министр Бестужевъ также всячески старается о насъ, но получаетъ одинъ отвѣтъ, что дѣло рѣшится на сеймѣ, а на сеймѣ о немъ ни полслова, отлагаютъ до конференцій. Прежде всего прошу, чтобъ г. Бестужевъ исходатайствовалъ позволеніе управлять по моей смерти бѣлорусскою епархіею назначенной отъ меня особѣ до тѣхъ поръ, пока изберутъ другого епископа, ибо многіе уніаты уже теперь стараются получить привилегію и восхитить престоль бѣлорусскій; чтобъ выданъ былъ королевскій универсалъ, запрещающій обижать православныхъ и отбирать у нихъ церкви, пока не назначать къ сейму комиссаровъ для разсмотрѣнія обидъ; прошу о присылкѣ въ Могилевъ русскаго комиссара, потому что прежній былъ великою помощію для православныхъ; прошу дать указъ изъ св. Синода, чтобъ

архієпископъ кievскій не вступался въ мою епархію, равно какъ и другіе архіереи».

Эта просьба была послѣдняя: 13 февраля 1728 года князь Четвертинскій скончался; духовенство немедленно избрало игумена Гедеона Шишку намѣстникомъ и архидіакона Каллиста Заленскаго администраторомъ бѣлорусской епископіи; но могилевскій магистратъ обратился къ кievскому архіерею съ просьбою назначить намѣстника и съ жалобою на Заленскаго, что онъ при жизни епископа Сильвестра ссорился съ городомъ и братствомъ, и теперь сильно вредитъ вѣрѣ благочестивой, потому что въ немъ нѣтъ ни вѣры, ни благочестія, ни правды, одинъ обманъ и лесть, старается всячески высвободиться изъ-подъ власти кievскаго архіерея; магистратъ просилъ, чтобъ духовенство не дѣлало ничего безъ горожанъ, которымъ должно быть предоставлено свободное избраніе достойнаго въ епископы. Такую же жалобу магистратъ отправилъ и прямо въ Синодъ, называя Заленскаго волкомъ въ кожѣ овчей, приписывая ему то, что церковь каѳедральная, сдѣланная изъ досокъ, гніеть, тогда какъ онъ на ея строеніе собираетъ большія деньги съ вѣчныхъ памятей; священники, угнетаемые имъ, обращаются въ унию; а кievскій архіерей доносилъ Синоду, что Заленскій хочетъ похитить могилевское епископство и отступить отъ православія, при чемъ многіе знатныя особы изъ католиковъ и шляхты стоятъ за него.

Синодъ передалъ дѣло въ Верховный Тайный Совѣтъ, который въ маѣ 1728 года отправилъ въ Могилевъ смоленскаго шляхтича Швейковскаго, приказавъ ему увидаться наединѣ съ архидіакономъ Заленскимъ и сказать ему, что при императорскомъ дворѣ онъ, архидіаконъ, извѣстенъ какъ человекъ управлявшій лѣтъ 20 всѣми дѣлами епархіи при прежнемъ епископѣ, и потому пріѣхалъ бы онъ самъ въ Москву для донесенія, какого бы человека добраго, благочестиваго и вѣры православной блюстителя выбрать на епископію бѣлорусскую. Потомъ Швейковскій долженъ былъ развѣдать пристойнымъ образомъ, кто изъ членовъ магистрата люди постоянные и православія ревнители, и поговорить съ такими тайно, чтобъ архидіаконъ не узналъ, сказать имъ, что прошенія ихъ приняты милостиво императоромъ, который приказалъ узнать, кого они изъ своихъ духовныхъ считаютъ достойнымъ епископства, чтобъ русскому двору можно было

помочь такому при избраніи и утвержденіи королевскомъ. Наконецъ Швейковскій долженъ былъ въ Могилевѣ и въ другихъ мѣстахъ распросить у православныхъ русскихъ людей, духовныхъ и мірскихъ, въ чемъ между духовными и свѣтскими людьми, и особливо между магистратомъ и архидиакономъ распря, и каковъ самъ архидіаконъ въ благочестіи и духовномъ правленіи, можно ли ему вѣрить?

Въ августѣ воротился Швейковскій изъ Бѣлоруссіи и донесъ, что магистратъ между могилевскими духовными не знаетъ ни одного достойнаго челоуѣка и проситъ прислать къ нимъ кого-нибудь отъ Синода или изъ Кіева. Въ то же время пріѣхалъ въ Москву и Заленскій, привезъ письмо отъ всего духовенства, которое заявляло о достоинствахъ архидіакона и просило вѣрить ему во всемъ. Такъ какъ Могилевцы, не имѣя на кого указать изъ своихъ, избраніе епископа предоставили Синоду, то въ Москвѣ и выбранъ былъ межигорскій архимандритъ Арсеній Берло, и для прекращенія усобицы рѣшено было, что Заленскій не возвратится болѣе въ Могилевъ. Но смута этимъ не прекратилась: новый епископъ писалъ въ Москву, что прибытіе его въ Могилевъ тамошнимъ жителямъ и особенно братству неприятно, съ братствомъ заодно и бывший намѣстникъ Гедеонъ Шишка, и вскорѣ по пріѣздѣ его, епископа Арсенія, явились на него пасквили, противъ чего онъ протестовалъ въ могилевской ратушѣ, объявивъ, что этотъ позоръ терпитъ онъ отъ Шишки. Арсеній писалъ также, что ругатели вѣры православной грозятъ его убить; шляхта въ селахъ и городахъ православныя церкви насильно отторгаетъ къ уни. Іезуиты могилевскіе, имѣя у себя въ школѣ двухъ воспитанниковъ, сыновей знатныхъ горожанъ могилевскихъ, совратили было ихъ въ свою римскую церковь; стараніемъ игумена Братскаго монастыря Сильвестра мальчиковъ отняли у іезуитовъ и снова присоединили къ православію; но за это католическій епископъ позвалъ къ суду игумена и русскихъ горожанъ; епископъ прибавлялъ что всѣ эти затрудненія и бѣдствія дѣлаются по интригамъ Каллиста Заленскаго, бывшаго архидіакона могилевскаго. Канцлеръ графъ Головкинъ отвѣчалъ Арсенію, что напрасно онъ нарекаетъ на Гедеона Шишку, челоуѣка честнаго и заявившаго о своемъ расположеніи къ нему, Арсенію, что пасквили написаны врагами православія, и не слѣдовало ему

жаловаться на нихъ въ ратушѣ, но оставить ихъ безъ вниманія, ибо въ тамошнемъ вольномъ государствѣ много того бываетъ, поляки иногда и на своихъ государей пишутъ пасквили, но такихъ злодѣевъ сыскать нельзя; о гоненіяхъ на православіе должно писать къ русскому посланнику въ Варшавѣ; интригъ отъ Каллиста Заленскаго никакихъ быть не можетъ, потому что онъ самъ не захотѣлъ возвращаться въ Могилевъ и уже поставленъ архимандритомъ въ Межигорскій монастырь: «Ваше преосвященство, писалъ Головкинъ, должны сноситься съ Заленскимъ и требовать его совѣта, потому что вы еще теперь не можете узнать тамошнихъ людей; да и съ Гедеономъ Шишкою извольте пріятно обходиться, какъ съ человѣкомъ знающимъ всѣ тамошнія дѣла, и совѣтоваться съ нимъ».

Избранный въ Москвѣ Арсеній Берло не могъ въ Могилевѣ называться епископомъ, и назывался только номинатомъ до полученія королевскаго утвержденія. Объ этомъ утвержденіи долженъ былъ хлопотать снова отправленный въ Варшаву въ качествѣ полномочнаго министра, князь Сергій Григорьевичъ Долгорукій, хотя Михаила Бестужева и оставили тамъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Въ началѣ 1729 года Долгорукій писалъ: «О епископѣ бѣлорусскомъ хотя чаю быть не безъ трудности, дабы изъ кievскихъ архимандритовъ позволили, однакожъ всемѣрно стараться буду». При свиданіи съ примасомъ Потоцкимъ, Долгорукій объявилъ ему, что онъ присланъ для обнадеженія короля и республики непремѣнною дружбой; императоръ не имѣетъ никакихъ партикулярныхъ интересовъ въ королевствѣ польскомъ, имѣетъ только одинъ общій съ Рѣчью Посполитою интересъ, именно, чтобъ она въ своихъ правахъ и вольностяхъ была ненарушима во вѣки; посланникъ прибавилъ, что императоръ особенно уважаетъ его, примаса, лично и всю его фамилію. Поблагодаривши за это, примасъ началъ говорить, что короля очень долго вѣтъ въ Польшѣ; жаловался, что Августъ имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ что возбуждаетъ подозрѣніе, не постановили ли они чего-нибудь противнаго вольности польской и не было бы сдѣлано какого насилія относительно королевскаго избранія. Посланникъ, именемъ своего государя, обнадежилъ, что въ такомъ случаѣ Россія будетъ помогать Рѣчи Посполитой, равно какъ и Австрія. Потоцкимъ очень

не нравилось возвышеніе Понятовскаго, котораго король прочилъ въ гетманы. Возвышеніе Понятовскаго, по его отношеніямъ къ Швеціи и Лещинскому, не нравилось и Россіи, и потому Долгорукій долженъ былъ дѣйствовать сообща съ Потоцкими, въ чемъ ихъ и обнадеживалъ. Брату примасову, маршалку надворному Потоцкому, хотѣлось быть гетманомъ, хотѣлось и короны, но Долгорукій писалъ къ своему двору: «Для интересовъ вашего величества, ни Лещинскаго, ни Потоцкихъ не надобно, а по моему рабскому разсужденію, годнѣе всѣхъ въ гетманы кто-нибудь изъ князей Вишневецкихъ».

Свиданіе польскаго и прусскаго королей сильно беспокоило и польскихъ вельможъ и русскаго посланника. Долгорукій отправился въ Дрезденъ, и оттуда давалъ знать въ Москву о трактатѣ, будто бы заключенномъ между Саксоніею и Пруссіею, по которому Пруссія обязалась помогать возведенію саксонскаго наслѣднаго принца на польскій престолъ, за что получить польскую Пруссію, а прусскій король обѣщалъ отдать свои швейцарскія владѣнія Морицу вмѣсто Курляндіи; если же Пруссіи нельзя будетъ получить польской Пруссіи, то король Августъ обязался уступить ей часть Лузаціи. Долгорукій не сомнѣвался въ существованіи подобнаго трактата: «Понеже, писалъ онъ, нужнѣе прусскому двору польскіе Пруссы, нежели кусокъ въ Швейцарахъ. Дворъ здѣшній, повидимому, никогда надеженъ не былъ на свои прогрессы какъ нынѣ, и во всѣхъ компаніяхъ говорятъ почти публично и уже какъ бы заподлинно, что королевичъ королемъ будетъ въ Польшѣ». Изъ Москвы успокивали Долгорукаго: «Есть ли какія секретныя обязательства между королями польскимъ и прусскимъ насчетъ польскаго престола о томъ до сего времени подлинно провѣдать мы не могли, и можно думать, что такихъ обязательствъ нѣтъ; по всѣмъ вѣроятностямъ при нынѣшнемъ министерствѣ прусскомъ за такую химеру, какъ приобрѣтеніе польской Пруссіи, не возьмутся, ибо никто изъ сосѣдей не допуститъ, чтобъ польская Пруссія была оторвана отъ Рѣчи Посполитой, особливо цесарь никогда на это не согласится; несмотря на то, надобно вамъ стараться подлинно провѣдывать о тайныхъ обязательствахъ между двумя дворами, чтобъ мы могли заблаговременно свои мѣры взять». Но Долгорукій не успокивался, и причиною безпокойства выставялъ сильный

наборъ войска въ Саксоніи и небывалую прежде дружбу съ Пруссією; а возвратившись въ Варшаву, посланникъ доносилъ, что здѣсь всѣ убѣждены насчетъ трактата между Саксонією и Пруссією о возведеніи наслѣднаго принца саксонскаго на польскій престолъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ открылся сеймъ въ Гроднѣ: «Неимовѣрно писалъ Долгорукій, съ какимъ желаніемъ король и всѣ придворные сторонники стремятся доставить гетманскую булаву Понятовскому не жалѣя ни труда, ни денегъ, всѣ единодушно, кромѣ фамиліи Потоцкихъ, князя Сангушки и гетмана литовскаго Потѣя, которые со мною чрезвычайно сблизились; я общаю Потоцкимъ милость вашего величества и вспоможеніе для полученія гетманства члену ихъ фамиліи; надѣюсь, что королю ни въ чемъ не будетъ успѣха и сеймъ скоро разорвется, потому что, по рабской моей должности, неусынное стараніе имѣю, и на сеймикахъ нѣкоторыхъ пословъ избрать помогъ пристойными дачами». Сеймъ разорвался ¹⁹⁵.

Въ Швеціи послѣ отъѣзда князя Василья Лукича Долгорукаго остался попрежнему въ званіи чрезвычайнаго посланника графъ Николай Головинъ. Онъ началъ свои донесенія новому императору жалобами на холодность, какую оказывало ему шведское правительство. Какой-то благонадежный другъ за великую конфиденцію сказывалъ Головину, что шведское министерство ищетъ всякаго способа какъ бы заставить русскій дворъ объявить Швеціи войну, чтобъ можно было приписать Россіи начало враждебнаго движенія, и такимъ образомъ, въ силу договора о приступленіи къ ганноверскому союзу, требовать помощи отъ Франціи и Англіи. Съ русскимъ посланникомъ обходились холодно, а присланнаго отъ султана агу осыпали ласками. Графъ Горнъ съ товарищи вездѣ разглашалъ что теперь самое благопріятное время для отобранія у Россіи завоеваній Петра Великаго. Отправили шведскому посланнику въ Петербургъ Цедеркрейцу приказаніе объявить русскимъ министрамъ, что шведское правительство не будетъ давать ихъ государю императорскаго титула, если Россія не уступитъ Швеціи Выборга. Но Цедеркрейцъ отвѣчалъ, что такое предложеніе теперь дѣлать неудобно, потому что правительство въ Россіи идетъ порядочно, никакой смуты нѣтъ и впередъ ожидать нельзя, войско въ хорошемъ состояніи, и хотя

относительно флота есть упущенія, однако все можно исправить въ непродолжительное время. Эти донесенія заставили переменить тонъ: Горнъ чрезъ своихъ сторонниковъ началъ разглашать, что такъ какъ герцогъ голштинскій и его министры удалены изъ Россіи, то этимъ всѣ столкновенія между русскимъ и шведскимъ дворами прекращаются. Въ сентябрѣ Головинъ сообщалъ любопытное извѣстіе: «Здѣсь недоброжелательные къ Россіи люди очень жалбуютъ объ удаленіи князя Меншикова отъ двора, говорятъ явно, что они потеряли въ своихъ намѣреніяхъ великаго патрона». Въ то же время Головинъ далъ знать, что къ турецкому агѣ пріѣзжали министры англійскій и французскій, и говорили чтобъ онъ отписалъ своему двору о необходимости приготовляться къ войнѣ съ Россіею и цесаремъ. Война должна быть начата будущею весной, когда Швеція, съ помощію англійскаго и французскаго флотовъ, нападетъ на Россію. Ага дѣйствительно написалъ объ этомъ къ Портѣ, за что получилъ отъ англійскаго и французскаго министровъ 2000 червонныхъ. Горнъ и сенаторъ Дибинъ, съ своей стороны, говорили агѣ, что если по его старанію Порты объявить войну Россіи, то онъ получитъ отъ шведскаго правительства 10.000 червонныхъ, а въ задатокъ подарили ему 1000 червонныхъ и мѣхъ соболій. Надежный пріятель сказалъ Головину, что какъ скоро турецкій ага выѣдетъ изъ Стокгольма, то король пошлетъ отъ себя къ Портѣ въ званіи чрезвычайнаго посланника Нейгебауера, который уже былъ тамъ министромъ при Карлѣ XII. Головинъ доносилъ, что такъ-называемые доброжелательные, баронъ Цедергельмъ и графъ Тесинъ, просятъ пенсіоновъ, выставя на видъ, что пострадали за приверженность къ Россіи; къ этимъ двоимъ Головинъ прибавлялъ также графа Дикера; но въ Россіи противъ его донесенія замѣтили: «Мнитса, что хотябъ и дать на годъ на другой по нѣскольку, когда уемотримъ, какъ наши дѣла съ Швеціею обойдутся». Въ Швеціи также дожидались, какъ дѣла въ Россіи обойдутся. Головинъ доносилъ что графъ Горнъ и его партія безстыдно льстятъ себя надеждою, что въ Россіи будетъ бунтъ и царь намѣренъ вовсе оставить Петербургъ и жить въ Москвѣ.

Но въ концѣ 1727 года вѣтеръ переѣнился: король принялъ Головина чрезвычайно милостиво, и было узнано, что съ двухъ сторонъ, изъ Англій и изъ Франціи, пришли внушенія не соо-

риться съ Россією до времени. Горнъ также началъ разсыпаться въ увѣреніяхъ насчетъ своей преданности къ Россіи, и объявилъ, что въ скоромъ времени представитъ доказательства этой преданности. Впрочемъ Горнъ имѣлъ и другія побужденія перемѣнить обращеніе съ Головинымъ: онъ разладилъ съ королемъ, а король продолжалъ ласкать турецкаго агу, подбуждая его писать къ Портѣ противъ Россіи, именно, что скоро будетъ бунтъ на Украинѣ, и Порта можетъ воспользоваться этимъ случаемъ для приведенія Украины подъ свою власть, а Швеція въ это время отберетъ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области.

Въ началѣ 1728 года Головинъ доносилъ, что вражда между королемъ и Горномъ день ото дня увеличивается, и Горнъ соединяется съ русскимъ сторонникомъ, фельдмаршаломъ графомъ Дикеромъ для поддержанія шведской вольности, угрожаемой королемъ. На это извѣщеніе посланникъ получилъ отвѣтъ изъ Россіи: «Вражду между графомъ Горномъ и королемъ содержать, и, ежели возможно, еще умножать весьма-бъ полезно было; но потребно будетъ въ томъ со всякою осторожностію поступать.»— «Буду объ этомъ стараться, писалъ Головинъ, только надобно имѣть нѣкоторую сумму денегъ для раздачи фаворитамъ графа Горна, чтобъ они побуждали его къ большей ссорѣ съ королемъ; теперъ время перетянуть Горна на русскую сторону, и сдѣлать это легко, заплативши ему 12.000 ефимковъ, которые долженъ ему герцогъ голштинскій, потому что при послѣднемъ свиданіи графъ Горнъ упоминалъ мнѣ объ нихъ. ставя себѣ въ обиду, что герцогъ не отдаетъ ему долга».

Въ ноябрѣ 1728 года пріѣхалъ въ Стокгольмъ на побывку бывшій въ Петербургѣ посланникомъ баронъ Цедеркрейцъ и донесъ королю, что сухопутное войско русское находится въ добромъ порядкѣ и можетъ выступить въ походъ по объявленіи указа въ три дня; касательно галернаго флота объявилъ, что хотя каждый годъ строится по нѣскольку галеръ, однако теперъ галерный флотъ передъ прежнимъ сильно уменьшается, а корабельный флотъ приходитъ въ прямое разореніе, потому что старые корабли, находящіеся въ Кронштадтѣ, все гнилы и на будущій годъ изъ кронштадтской гавани больше четырехъ или пяти линейныхъ кораблей вскорѣ вывести нельзя, а постройка новыхъ кораблей ослабѣла, потому что при отъѣздѣ его только два или три линей-

ныхъ корабля при петербургскомъ адмиралтействѣ на штапеляхъ были, изъ которыхъ одинъ къ будущей осени можетъ быть готовъ; въ адмиралтействѣ такое несмотрѣніе, что флотъ и въ три года нельзя привести въ прежнее состояніе, а объ этомъ приведеніи въ прежнее состояніе и не думаютъ. Но рассказы объ упадкѣ русскаго флота не могли успокоить короля, когда въ то же время давали знать, что сухопутное войско въ порядкѣ, слѣдовательно Финляндія не можетъ быть безопасна. Король удивилъ Головина своимъ ласковымъ обхожденіемъ и высказываніемъ желаній сблизиться съ Россією; посланникъ приписывалъ это сближенію своему съ графомъ Горномъ и неудовольствію Шведовъ на Англичанъ; но, какъ видно, была еще другая важнѣйшая причина: придворная партія интриговала, чтобъ брату королевскому, гессенъ-кассельскому принцу Георгію, данъ былъ въ Швеціи чинъ генераль-фельдцейгмейстера и такимъ образомъ проложенъ былъ путь къ престолу шведскому; но такъ какъ права голштинскаго дома на шведскій престолъ поддерживались Россією, то король хотѣлъ сблизиться съ русскимъ дворомъ, въ надеждѣ, что императоръ для дружбы съ Швеціею откажется отъ цокровительства герцогу голштинскому. Головинъ доносилъ, что голштинская партія слабѣетъ, во первыхъ отъ того, что членамъ ея не выплачиваются пенсіоны, а во вторыхъ, отъ высокобѣрнаго обращенія голштинскаго резидента въ Стокгольмѣ Рейхеля, котораго переимѣнить нѣтъ надежды, потому что онъ зять Бассевича.

Предложеніе о назначеніи гессенскаго принца фельдцейгмейстеромъ не прошло въ Сенатѣ; но король все продолжалъ заискривать дружбу русскаго императора. Въ апрѣлѣ 1729 года онъ отозвалъ Головина въ свой кабинетъ и объявилъ, что желаетъ возстановленія дружбы и тѣснаго союза между Россією и Швеціею, распространялся въ похвалахъ Петру II, мудрости его правленія, и въ заключеніе сказалъ, что получены вѣрныя извѣстія о намѣреніи императора предпринять лѣтомъ путешествіе въ Германію, и если ему угодно будетъ ѣхать чрезъ Кассель, то онъ, король, сильно желалъ бы тамъ съ нимъ повидаться. Но возстановленіе дружбы и союза зависѣло не отъ одного короля; а Горнъ объявилъ Головину, что это возстановленіе произойдетъ, когда Россія поможетъ Швеціи въ ея денежныхъ нуждахъ, именно заплатить за нее голландскій долгъ, и при этомъ давалъ знать, что

и онъ долженъ получить за свои труды вознагражденіе. О голландскомъ долгѣ сказалъ Головину и самъ король. На донесенія объ этомъ Головинъ получилъ такой отвѣтъ изъ Москвы: «Что надлежитъ до голландской претензіи, то вовсе въ томъ не отказывай, но и не обязывайся платежемъ, а подь пристойными предлогами отводи дѣло вдаль, ибо надлежитъ и намъ смотрѣть, какимъ образомъ Швеція впередъ будетъ поступать относительно насъ, особливо когда сеймъ будетъ» ¹⁹⁶.

Легко понять, что извѣстіе о вступленіи на престолъ Петра II нигдѣ не было принято съ такимъ восторгомъ какъ въ Даніи. Ал. Петр. Бестужевъ, описывая въ своихъ донесеніяхъ этотъ восторгъ, прибавляетъ: «Король надѣется получить вашу дружбу и готовъ искать ее всевозможными способами, прямо и посредствомъ цесаря; впрочемъ здѣшній дворъ съ безпокойствомъ ждетъ извѣстія, герцогъ голштинскій попрежнему ли будетъ присутствовать въ вашемъ Тайномъ Совѣтѣ, ибо въ такомъ случаѣ король датскій не можетъ поступать откровенно съ вашимъ величествомъ, и, не получа искренней вашей дружбы, не можетъ потерять дружбу королей французскаго и англійскаго; вотъ почему хотя здѣшній дворъ и не хочетъ отпустить свою эскадру въ море, тѣмъ менѣе соединить ее съ англійскою, однако долженъ въ запасъ приберегать связь съ Англіею и Франціею, и, чтобъ выманить субсидіи, велѣлъ тремъ полкамъ выступить въ Голштинію». Герцогъ голштинскій выѣхалъ изъ Россіи, и датскій дворъ успокоился, объявляя на всѣ стороны, что хочетъ держаться строгаго нейтралитета ¹⁹⁷.

Въ Пруссіи, въ іюлѣ 1727 года, Головкинъ замѣтилъ любопытную перемѣну во взглядѣ на польскія дѣла. Когда русскій министръ, по обыкновенію, началъ говорить Фридриху Вильгельму, что въ случаѣ смерти Августа II, по требованію общихъ интересовъ Россіи и Пруссіи, надобно хлопотать о возведеніи на польскій престолъ какого нибудь шляхтича, то король отвѣчалъ: «Я и самъ того же мнѣнія; но если, паче чаянія, въ Польшѣ образуются двѣ сильныя партіи, саксонская и Станислава Лещинскаго, то лучше будетъ поддерживать саксонскую партію, чѣмъ Станиславову». Перемѣна объяснялась тѣмъ, что Франція и Англія съ своими союзниками начали стараться о возведеніи на престолъ Лещинскаго, что было бы вредно для Пруссіи и всей

германской имперіи, потому что Станиславъ будетъ всегда держаться Франціи и Англіи; и для общихъ интересовъ полезнѣе было бы, чтобъ наслѣдный принцъ саксонскій сталъ королемъ польскимъ, ибо онъ удобнѣе можетъ преодолѣть сторонниковъ Лещинскаго, чѣмъ Пясть. Но, разумѣется, Пруссія не хотѣла помогать Саксоніи даромъ, и та общала ей не выкупать Эльбингскаго круга, но оставить его въ вѣчномъ владѣніи Пруссіи. Касательно курляндскаго дѣла прусскіе министры прямо говорили Головкину: «Если нашему принцу нельзя быть въ Курляндіи, то зачѣмъ намъ и вмѣшиваться въ дѣла этой страны; намъ пріятнѣе, чтобъ это герцогство раздѣлено было на воеводства, чѣмъ досталось такому принцу, который не былъ бы склоненъ къ нашей сторонѣ». Между тѣмъ прусскій посланникъ Мардефельдъ сдѣлалъ Петербургскому кабинету также предложеніе относительно кандидатуры наслѣднаго принца саксонскаго въ Польшѣ. Головкинъ, по указу своего двора, объявилъ лично королю, что такая перемѣна въ прусской политикѣ не *безудивительна* для русскаго императора, который думаетъ, что къ этимъ саксонскимъ намѣреніямъ надобно относиться осторожно. Король отвѣчалъ: «Теперь образовались въ Европѣ двѣ партіи: цесарская и французская; Польша должна непременно пристать къ одной изъ нихъ, и потому надобно заранѣе принять въ разсужденіе, какая партія общимъ интересамъ можетъ быть полезнѣе, а я думаю, что наслѣдный принцъ саксонскій, принадлежащій къ цесарской партіи, гораздо полезнѣе Лещинскаго, который втянетъ Польшу во французскую партію». Головкинъ замѣтилъ на это, что не слѣдуетъ необходимо предполагать приступленія Польши къ какой нибудь изъ европейскихъ партій; Польша живетъ особнякомъ, и при избраніи короля будетъ смотрѣть на свои интересы, а между тѣмъ и европейскія отношенія могутъ перемѣниться; его величество можетъ самъ разсудить, какъ полезно будетъ для Россіи и Пруссіи, если на польскій престолъ вступитъ король, у котораго будетъ 20.000 и больше собственнаго войска, и какія бы выгодныя условія ни были предложены Пруссіи со стороны Саксоніи, всѣ эти условія химерическія и никогда исполнены быть не могутъ. Король отвѣчалъ, что если императоръ не желаетъ видѣть саксонскаго наслѣднаго принца на польскомъ престолѣ, то и онъ, король, не дастъ на это своего согласія и будетъ свято соблюдать договоры съ Россією ¹⁹⁸.

Еще въ царствованіе Екатерины, въ 1725 году, отправленъ былъ въ Китай пилрирійскій графъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Савва Владиславичъ Рагузинскій: «Понеже съ китайской стороны для приключившихся пограничныхъ нѣкоторыхъ несогласій не токмо съ Россійскою имперіею отправленіе купечества пресѣчено и по прежнему обыкновению отправленный русскій караванъ въ Китай не пропускается, но и агентъ Лоренцъ Лангъ, бывший при дворѣ хановъ въ Пекинѣ и всѣ русскіе купецкіе люди изъ китайскаго владѣнія предъ двумя годами высланы, а главнѣйшая съ китайской стороны претензія и домогательство чинится въ разграниченіи земель и объ отдачѣ перебѣжчиковъ». Какъ Владиславичъ началъ свое трудное дѣло, видно изъ доношенія его, присланнаго изъ Иркутска въ маѣ 1726 года: «По прибытіи въ Тобольскъ, трудился я сколько могъ въ тамошней канцеляріи для пріисканія вѣдомостей о бѣглецахъ, о границахъ и о прочемъ, и что могъ собрать, то взялъ съ собою, хотя ничего въ подлинномъ совершенствѣ получить не могъ за худымъ управленіемъ прежнихъ губернаторовъ и комендантовъ и за такимъ дальнимъ разстояніемъ мѣстъ и разности народовъ. Пріѣхавши въ Иркутскъ, получилъ я письма отъ агента Ланга изъ Селенгинска и при нихъ ландкарту нѣкоторой части пограничныхъ земель. Эту ландкарту я осмотрѣлъ подробно и увидалъ, что изъ нея мало пользы будетъ, потому что въ ней кромѣ рѣки Аргуна ничего не означено, а разграничивать нужно въ немалыхъ тысячахъ верстъ на обѣ стороны. Увидѣлся я здѣсь съ четырьмя геодезистами, которые посланы для сочиненія ландкартъ сибирскимъ провинціямъ, и отправилъ двоихъ изъ нихъ для описанія тѣхъ земель, рѣкъ, и горъ, которыя начинаются отъ рѣки Горбицы до Каменныхъ горъ, и отъ Каменныхъ горъ до рѣки Уди, потому что при графѣ Головинѣ все это осталось не разграниченнымъ. Другихъ же двоихъ геодезистовъ отправилъ я вверхъ по Иркуту рѣкѣ, которая изъ степей монгольскихъ течетъ подъ этотъ городъ, и оттуда велѣлъ имъ изслѣдовать пограничныя мѣста до рѣки Енисея, гдѣ Саянскій камень, и до рѣки Абакана, которая близъ пограничнаго города Кузнецка; также велѣно имъ ѣхать по Енисею рѣкѣ за Саянскій камень до вершинъ. Всѣ пограничныя крѣпости—Нерчинскъ, Иркутскъ, Удинскъ, Селенгинскъ находятся въ самомъ

плохомъ состояніи, все строеніе деревянное и отъ ветхости развалилось, надобно ихъ хотя полисадами укрѣпить для всякаго случая. И Китайцы люди не служивые, только многолюдствомъ и богатствомъ горды, и не думаю, чтобъ имѣли намѣреніе съ вашимъ величествомъ воевать; однако разсуждаютъ, что Россія имѣетъ необходимую нужду въ ихъ торговлѣ, для полученія которой сдѣлаетъ все по ихъ желанію».

Въ августѣ 1726 года, съ рѣчки Буры, Владиславичъ писалъ: «Сибирская провинція, сколько я могъ видѣть и слышать, не губернія, но имперія, всякими обительными мѣстами и плодами украшена: въ ней больше сорока рѣкъ, превосходящихъ величиною Дунай, и больше ста рѣкъ, превосходящихъ величиною Неву, и нѣсколько тысячъ малыхъ и среднихъ; земля благообительная къ хлѣбному роду, къ рыболовлямъ, звѣроловлямъ, рудамъ разныхъ матеріаловъ и разныхъ мраморовъ, лѣсовъ предовольно, и чаю, такого преславнаго угодыя на свѣтѣ нѣтъ; только очень запустѣла за многими причинами, особенно отъ превеликаго разстоянія, отъ малолюдства, глупости прежнихъ управителей и неурядковъ пограничныхъ. Во всей Сибири нѣтъ ни единого крѣпкаго города, ни крѣпости, особенно на границѣ по сю сторону Байкальскаго моря; Селенгинскъ не городъ, не село, а деревушка съ 250 дворикомъ и двумя деревянными церквами, построенъ на мѣстѣ ни къ чему негодномъ и открытомъ для нападений, четвероугольное деревянное укрѣпленіе таково, что въ случаѣ непріятельскаго нападения въ два часа будетъ все сожжено; а Нерчинскъ, говорятъ, еще хуже».

Съ августа 1726 года до мая 1727 г. отъ Владиславича не было никакихъ донесеній, потому что онъ находился въ это время въ Пекинѣ, и все сношенія, по распоряженію китайскаго двора, были пресѣчены. По словамъ Владиславича, императрицыну грамоту богдыханъ принялъ на престолѣ своими руками съ превеликимъ почтеніемъ, и прочее обхожденіе чинено по достоинству императрицы и соотвѣтственно характеру посла съ большою отменною противъ прежняго. Потомъ для переговоровъ опредѣлены были три верховные министра, съ которыми Владиславичъ имѣлъ болѣе тридцати конференцій. Съ китайской стороны явились сильныя запросы, объявили, что монгольская земля простирается до Тобольска, потомъ спустились до Байкала и рѣки Ангары, гдѣ

хотѣли провести границу; своихъ перебѣжчиковъ насчитывали больше шести тысячъ. Въ 23-й конференціи согласились на словахъ и трактатъ написали начерно, что каждая имперія должна владѣть тѣмъ, чѣмъ теперь владѣть безъ прибавки и умаленія. Но спустя два дня министры объявили Владиславичу, что они говорили это отъ себя и его тѣшили, а богдыханъ не согласился, потому что монгольскіе владѣльцы прислали просьбу, чтобъ Россійской имперіи земель ихъ не уступать, что послѣ головинскаго мира Русскіе завладѣли монгольскими землями на нѣсколько дней, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по недѣлѣ ходу; и если это имъ не будетъ возвращено, то они станутъ отыскивать свое, хотя и въ конецъ разорятся. Потомъ министры принесли проектъ трактата съ такими крючками и неправдою, что немалая часть Сибирской губерніи отрывалась отъ Русской имперіи. Восемь конференцій Китайцы настаивали на принятіи этого проекта, то грозили послу, то обѣщали большое награжденіе. Владиславичъ отвѣчалъ съ *равномѣрною гордостію*, какъ самъ выражается, что онъ не измѣнникъ и не предатель отечества и о такомъ трактатѣ и слышать не хочетъ, не только его подписывать. Тогда начали притѣснять посла и свиту его и наконецъ стали посылать свитѣ соленую воду, отъ чего половина людей занемогла. Когда и тутъ Владиславичъ объявилъ, что хотя бы всѣ и померли, но договора не подпишетъ, Китайцы сказали ему: «Ты упрямецъ, а не посолъ; ты пріѣхалъ сюда только для поздравленія богдыхана и отдачи подарковъ: возьми подарки къ своей императрицѣ и поѣзжай ни съ чѣмъ». Призванный въ Верховный Совѣтъ, Владиславичъ говорилъ: «Россійская имперія дружбы богдыхана желаетъ, но и недружбы не очень боится, будучи готова къ тому и другому». — «Или ты намъ войну объявляешь!» сказали Китайцы. — «Войну объявить указу не имѣю, отвѣчалъ Владиславичъ: но если вы Россійской имперіи не дадите удовлетворенія и со мною не обновите мира праведно, то съ вашей стороны миръ нарушенъ, и если что потомъ произойдетъ противно и непорядочно, Богу и людямъ будетъ отвѣтчикъ тотъ, кто правдѣ противится». Послѣ этого Китайцы потребовали проекта отъ посла и, получивъ его, поднесли богдыхану; тотъ нѣсколько разъ прочелъ и наконецъ рѣшилъ, что въ Пекинѣ ничего не заключать, дабы монгольскихъ владѣльцевъ не озлобить, а послать на гра-

виду съ Владиславичемъ трехъ министровъ, на границѣ всѣ дѣла окончить и границу опредѣлить.

«Я болѣе жилъ за честнымъ карауломъ, чѣмъ вольнымъ посломъ, писалъ Владиславичъ: какъ можно видѣть изъ всѣхъ ихъ поступковъ, они войны сильно боятся, но отъ гордости и лукавства не отступаютъ; а такого непостоянства отъ рожденія моего я ни въ какомъ народѣ не видалъ, воистину никакого резону человѣческаго не имѣютъ кромѣ трусости, и еслибъ граница вашего императорскаго величества была въ добромъ порядкѣ, то все-бъ можно дѣлать по своему; но видя границу отворену и всю Сибирь безъ единой крѣпости, и видя, что русскіе часто къ нимъ посольство посылаютъ, Китайцы пуще гордятся, и что ни дѣлаютъ, все изъ боязни войны, а не отъ любви. Въ мою бытность въ Пекинѣ имѣлъ я письменныя сношенія съ тамошними іезуитами и многія извѣстія чрезъ нихъ получилъ; они очень усердствовали, однако могли оказать мало помощи, потому что сами терпятъ большія притѣсненія отъ нынѣшняго богдыхана; нѣкоторые бояре китайскіе, которые приняли было римскую вѣру, казнены за это, и всякая религія, кромѣ китайской, подвержена гоненію; поэтому преосвященному Кульчицкому (Инокентію, назначенному въ Китай еще Петромъ Великимъ), хотя и договоръ заключится, въ Пекинѣ быть нельзя. Государство Китайское вовсе не такъ сильно, какъ думаютъ, и какъ многіе историки ихъ возвышаютъ; я имѣю подлинныя извѣстія о ихъ состояніи и силахъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ; нынѣшнимъ ханомъ никто не доволенъ, потому что дѣйствительно хуже римскаго Нерона государство свое притѣсняетъ и уже нѣсколько тысячъ людей казнилъ, а нѣсколько милліоновъ ограбилъ; изъ двадцати четырехъ его братьевъ только трое пользуются его довѣріемъ, прочіе же одни казнены, а другіе находятся въ жестокомъ заключеніи; въ народѣ нѣтъ ни крѣпости, ни разума, ни храбрости, только многолюдство и чрезмѣрное богатство, и какъ Китай начался, столько золота и серебра въ казнѣ не было какъ теперь, а народъ умираетъ съ голоду; народъ малодушный какъ жида; ханъ тѣшится сребролюбіемъ и домашними чрезмѣрными забавами, никто изъ министровъ не смѣетъ говорить правду, почти всѣ старые министры отставлены, какъ военные такъ и гражданскіе; на ихъ мѣстахъ молодые, кото-

рые тѣшатъ хана полезными репортами и безпрестанною стрѣльбою, пушечною и ружейною, будто для воинскихъ упражненій, и болѣе для устрашенія народа и ханскихъ родственниковъ, чтобъ не бунтовали. Передъ отѣздомъ моимъ изъ Пекина я завелъ цифирную переписку съ французскимъ іезуитомъ, патеромъ Парени, который пользовался большимъ расположеніемъ покойнаго хана, и хотя теперешній ханъ къ нему не очень благоволяетъ, однако часто его въ совѣтъ призываютъ. Этотъ патерь нашелъ возможность установить тайную дружбу между мною и ханскимъ тайнымъ совѣтникомъ Аллегодою Маси, который сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя полезныя предостереженія; я его одарилъ, и онъ обѣщаль мнѣ помогать въ пограничныхъ переговорахъ, которые я буду вести съ китайскими министрами».

20 августа 1727 года на рѣкѣ Бурѣ Владиславичъ заключилъ съ китайскими министрами договоръ, на основаніи, какого онъ домогался въ Пекинѣ, т.-е. чтобъ обѣ имперіи на будущее время владѣли тѣмъ, чѣмъ теперь владѣютъ. Съ сѣверной стороны на рѣкѣ Кяхтѣ караульное строеніе Россійской имперіи; съ южной стороны на сопкѣ Орогойтѣ караульный знакъ Срединной имперіи: между этими караулами раздѣлить землю пополамъ, и тутъ будетъ отправляться съ обѣихъ сторонъ пограничная торговля. Отсюда на обѣ стороны отправить комиссаровъ для опредѣленія границы, которую проводить между русскими и монгольскими караулами и маяками; если вблизи владѣнія русскихъ или монгольскихъ людей находятся какія-нибудь сопки, хребты и рѣки, то ихъ причестъ за границу; а гдѣ сопокъ, хребтовъ и рѣкъ нѣтъ, прилегли степи, то раздѣлить по срединѣ поровну отъ обѣихъ владѣній. Донося объ этомъ уже императору Петру II-му, Владиславичъ писалъ: «Могу ваше императорское величество поздравить съ подтвержденіемъ дружбы и обновленіемъ вѣчнаго мира съ Китайскою имперіею, съ установленіемъ торговли и разведеніемъ границы къ немалой пользѣ для Россійской имперіи и невзрѣченной радости пограничныхъ обывателей, въ чемъ мнѣ помогалъ Богъ, счастье вашего величества и слѣдующія причины: Вопервыхъ, я былъ отправленъ съ поздравленіемъ новаго богдыхана со вступленіемъ на престолъ, что было ему чрезвычайно пріятно и онъ велѣлъ меня принять въ Пекинѣ: иначе я бы въ этомъ городѣ не былъ и ни одного бы дѣла не окончилъ. Вотто

рыхъ, въ бытность мою въ Сибири прискалъ я на Китайцевъ съ русской стороны большія претензіи, которыя дали мнѣ возможность держаться твердо въ Пекинѣ; всегда я имъ на одно слово отвѣчалъ двумя и грозилъ войною, хотя и не явно; я представлялъ имъ, что Россія сносила ихъ обиды до настоящаго времени, потому что вела три войны, шведскую, турецкую и персидскую, которыя всѣ кончила чрезвычайно для себя выгодно; теперь же, не имѣя ни съ кѣмъ войны, послала меня къ нимъ искать дружбы и удовлетворенія. Въ третьихъ, чрезъ подарки, посредствомъ отцовъ іезуитовъ, сыскалъ я въ Пекинѣ доброжелательныхъ людей, которые хотя мнѣ помочь не могли, однако посредствомъ тайной переписки открывали мнѣ многіе замыслы, лукавства и намѣренія китайскихъ министровъ; больше всѣхъ я обязанъ названному мною въ прежнемъ донесеніи тайному совѣтнику (по ихъ алегода) Маси, которому я послалъ съ караваномъ въ подарокъ мягкой рухляди на 1.000 рублей, а посреднику патеру Парени на сто рублей. Въ четвертыхъ, на границѣ труднѣе всего было мнѣ спорить съ однимъ изъ китайскихъ министровъ, дядею богдыхана Лонготю, и вдругъ въ полночь 8 августа пріѣхали изъ Пекина офицеры и этого гордаго Лонготю взяли и отвезли въ столицу подъ крѣпкимъ карауломъ, оставшіеся же два министра были гораздо умѣреннѣе; кромѣ того сблизился я съ однимъ старымъ тайшою или князькомъ монгольскимъ, который пользуется большимъ уваженіемъ между китайцами: онъ меня во всемъ предостерегалъ и увѣдомлялъ о поступкахъ и замыслахъ китайскихъ министровъ, и о чемъ они днемъ съ нимъ совѣтовались, о томъ ночью давалъ онъ мнѣ знать чрезъ своего свойственника; за это я его наградилъ и обѣщалъ давать ежегодно по двадцати рублей до самой его смерти, а долго онъ не проживаетъ, потому что ему за 70 лѣтъ. Въ пятыхъ, прибытіе тобольскаго гарнизоннаго полка на границу, закрытіе нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ полисадами, построеніе новой крѣпости на Чикойской стрѣлкѣ, вѣрность ясачныхъ иноземцевъ, бывшихъ въ добромъ вооруженіи со мною на границѣ, болѣе всего помогли заключенію выгоднаго договора.» При этомъ Владиславичъ доносилъ о разныхъ злоупотребленіяхъ въ Сибири: такъ пограничные правители отправляли въ Китай своихъ людей для торгу или для другихъ частныхъ прихотей, а въ грамотахъ писали ихъ послан-

виками и посланцами, вслѣдствіе чего въ Китаѣ давали имъ кормъ и подводы. Сборщики ясака черныхъ соболей брали себѣ, а въ казну ставили желтыхъ, которыхъ коптили такъ искусно, что ни Владиславичъ, ни сибирскій губернаторъ не могли отличить копченаго соболя отъ настоящаго; но Китайцы различали, и это дѣлало большой подрывъ каравану, отпускаемому правительствомъ съ его товарами.

Большую заботу доставляло Владиславичу устройство церковныхъ дѣлъ въ Пекинѣ. Онъ писалъ въ Петербургъ, что архіерея послать туда нельзя, ибо это возбудитъ сильное подозрѣніе Китайцевъ и взволнуетъ европейцевъ другихъ исповѣданій. Въ слѣдствіе этого Иннокентію Кульчицкому велѣно было остаться въ Сибири въ санѣ епископа иркутскаго, а въ Пекинъ назначенъ былъ архимандритъ Вознесенскаго иркутскаго монастыря Антоній, который въ сентябрѣ 1729 года и пріѣхалъ въ Селенгинскъ, но вмѣсто іеромонаха привезъ съ собою только одного бѣлаго священника, «который совершенный шумница» (пьяница). Антоній жаловался, что Иннокентій, осердясь на него, не далъ ему священниковъ, не выдалъ за первый годъ жалованья и показывалъ всякія другія противности, какъ явному непріятелю. Иннокентій, съ своей стороны, писалъ Владиславичу на Антонія, что тотъ въ конецъ разорилъ монастырь, монастырскихъ денегъ на немъ болѣе 3000 рублей, и просилъ эти деньги съ него взыскать. «Кто изъ нихъ правъ, о томъ Богъ вѣдаетъ», писалъ Владиславичъ въ Петербургъ.

Заключенный на Бурѣ договоръ былъ найденъ въ Россіи очень выгоднымъ и Владиславичъ былъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Александра Невскаго ¹⁹⁹. На другомъ концѣ Сибири, Берингъ, выполняя инструкцію Петра Великаго, нашелъ, что Азія отдѣляется отъ Америки широкимъ проливомъ, и послѣ пятилѣтняго путешествія въ мартѣ 1730 года возвратился въ Россію; онъ не засталъ уже здѣсь и второго императора.

Въ началѣ сентября 1729 года Петръ выѣхалъ въ сопровожденіи Долгорукихъ изъ Москвы съ 620 собаками, и возвратился только въ началѣ ноября. Слѣдствія такой долгой отлучки оказались 19 ноября, когда торжественно было объявлено, что императоръ вступаетъ въ бракъ съ дочерью князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, Екатериною, которой было 17 лѣтъ. 30 нояб-

ря было обрученіе, княжну Екатерину Алексѣевну уже начали называть императорскимъ высочествомъ. По рукамъ ходила рѣчь фельдмаршала Долгорукаго, сказанная имъ племянницѣ при поздравленіи: «Вчера я былъ твой дядя, нынче ты моя государыня, и я буду всегда твой вѣрный слуга. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но, слава Богу, ова очень богата и члены ея занимаютъ хорошія мѣста, и такъ если тебя будутъ просить о милости кому-нибудь, хлопочи не въ пользу имени, но въ пользу заслугъ и добродѣтели; это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего тебѣ желаю» ²⁰⁰.

Но вмѣстѣ съ этою рѣчью ходили слухи, что фельдмаршалъ Долгорукій, наиболѣе уважаемый изъ всей фамиліи, противился браку племянницы съ императоромъ, какъ не могущему повести къ добру. Ходило много зловѣщихъ слуховъ: предсказывали, что Долгорукіе, идя по стопамъ Меншикова, будутъ имѣть одинаковую съ нимъ участь; ихъ всѣ ненавидятъ, они не хотятъ пріобрѣсти ничего расположенія, женятъ императора силою, употребляя во зло его малолѣтство; но когда онъ достигнетъ 15 или 16 лѣтъ, то вѣрные министры разъясятъ ему сущность дѣла, тогда онъ раскается въ своей женитьбѣ, и Долгорукіе погибли, а царица навѣрное кончитъ монастыремъ ²⁰¹. Толковали, что Долгорукіе уже дѣлятъ между собою высшія должности: Алексѣй хочетъ быть генералиссимусомъ или первымъ министромъ, Иванъ великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ великимъ канцлеромъ, Сергѣй оберъ-штальмейстеромъ. Но иностранные министры зорко подсматривали, какъ обходится императоръ съ своею невѣстою и поражались холодностію ихъ отношеній, точь-въ-точь какъ Петръ обходился съ прежнею своею невѣстою, княжною Меншиковою; но при этомъ шли слухи, что невѣста и неохотно принимала бы нѣжности жениха, потому что сердце ея отдано другому, графу Миллезимо, родственнику цесарскаго посла, графа Вратислава ²⁰².

Петръ находился теперь въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ при Меншиковѣ. Тогда онъ вооружился за свои права противъ человѣка, беззаконно похитившаго власть и употреблявшаго ее во зло, тогда онъ схватился съ человѣкомъ, который хотѣлъ держать его въ рукахъ, не давать ему воли, оскорблялъ его, людей къ

нему близкихъ, тиранствовалъ, какъ увѣряли, надъ Россіею. Но къ Долгорукиимъ другія отношенія: они постоянно, самымъ ревностнымъ образомъ, исполняли всѣ его желанія, угождали, забавляли его безъ малѣйшаго прекословія; онъ самъ отдался имъ въ руки, его притянула къ нимъ его собственная страсть, нерасположеніе заниматься серіознымъ дѣломъ, желаніе забавляться, развлекаться. Какимъ бы образомъ ни было сдѣлано внушеніе о бракѣ, онъ его принялъ, согласился, не имѣя силъ порвать съ людьми, къ которымъ привыкъ, не имѣя силъ вынести печальныхъ лицъ *компании*; онъ согласился, дѣло не безъ него сдѣлалось, его не принуждали. Какъ легко ему было оборачиваться спиною къ Меншикову, такъ тяжело было это сдѣлать относительно Долгорукиихъ. А между тѣмъ тяжело и сохранить прежнія отношенія: невѣста не нравится, самолюбіе страдаетъ: позволилъ завести себя дальше чѣмъ слѣдовало; какъ они смѣли! но самъ согласился, самъ одобрилъ и оправдалъ ихъ смѣлость; гдѣ была сила воли, гдѣ характеръ? И всѣ считаютъ его безхарактернымъ ребенкомъ, потому что съ какой стати ему, императору, жениться на Долгорукой, которая старше его и которая вовсе ему не нравится? Раздраженіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе выходъ изъ положенія, возбуждающаго раздраженіе.

«Царь начинаетъ стряхать съ себя иго», пишутъ иностранные министры къ своимъ дворамъ въ началѣ 1730 года: недавно тайкомъ ночью уѣхалъ онъ къ Остерману и у него имѣлъ совѣщаніе еще съ двумя другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Видѣлся онъ и съ теткою цесаревною Елисаветою, которая со слезами жаловалась ему на свое печальное положеніе: во всемъ терпитъ она страшный недостатокъ, даже соли не отпускаютъ сколько надобно. Петръ отвѣчалъ, что онъ не виноватъ, онъ много разъ давалъ приказанія удовлетворить ея требованія, но онъ скоро найдетъ средство разбить свои оковы. До самаго конца ходили упорные слухи, что фаворитъ хочетъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ; но что она никакъ не соглашается на это, и объявила, что скорѣе вовсе не выйдетъ замужъ, чѣмъ выйдетъ за подданнаго. Ненависть къ ней Долгорукиихъ могла происходить отсюда; могла происходить и изъ опасенія ея вліянія надъ Петромъ: они постоянно могли видѣть въ ней помѣху своимъ планамъ. Слухъ, что ей грозилъ монастырь отъ Долгорукиихъ, подтверждается послѣдующимъ при-

знаніем князя Ивана, который приписывалъ опалу своей фамиліи наговорамъ цесаревны и объявилъ, что хотѣлъ сослать ее въ монастырь и съ отцемъ своимъ наединѣ о томъ говаривалъ для того, что казалась къ нимъ немилостива ²⁰³.

Долгорукіе готовились къ двумъ свадьбамъ: свадьбѣ императора на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и свадьбѣ фаворита князя Ивана на графинѣ Натальѣ Борисовнѣ Шереметьевой, дочери покойнаго фельдмаршала. Враги Долгорукихъ толковали о несогласіяхъ, господствовавшихъ въ фамиліи: князь Алексѣй не можетъ терпѣть сына Ивана, котораго ненавидитъ также и сестра, невѣста императора, потому что фаворитъ не даетъ ей брилліантовъ, принадлежавшихъ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

6 генваря водоосвященіе на Москвѣ-рѣкѣ и парадъ: войска къ Иордани велъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгорукивъ; когда они построились въ каре, пріѣхалъ императоръ изъ Слободского или Лефортова дворца, гдѣ жилъ въ это время, и занялъ полковничье мѣсто.

На другой день слухи, что императоръ нездоровъ; придворные озабочены, грустны—значитъ болѣзнь опасная. У государя оспа!

Иностранные министры уже толкуютъ о томъ, что будетъ, если случится несчастіе; указываютъ на четыре партіи: партію цесаревны Елисаветы, партію царицы-бабки, партію невѣсты, княжны Долгорукой, партію малолѣтнаго герцога голштинскаго; и самыя сильныя изъ этихъ партій, партія царицы-бабки и невѣсты, Долгорукой ²⁰⁴. Идутъ слухи, что князь Алексѣй хочетъ обвинять больного Петра въ постели на своей дочери. Больше всѣхъ иностранныхъ министровъ волнуется датскій, Вестфаленъ. Три года тому назадъ ему удалось отстранить герцогиню голштинскую и сестру ея отъ русскаго престола; но теперь опасность возобновляется. Вестфаленъ раздѣзжаетъ то къ Долгорукимъ, то къ Голицынымъ. Князю Василью Лукичу онъ говоритъ: «Слышалъ я, что князь Дмитрій Голицынъ желаетъ, чтобъ быть наслѣдницею цесаревнѣ Елисаветѣ, и если это сдѣлается, то сами вы знаете, что нашему двору это будетъ очень непріятно; если не вѣрите, то я вамъ письменно сообщу объ этомъ, чтобъ вы могли показывать всякому, съ кѣмъ у васъ будетъ разговоръ». Князь Василій отвѣчалъ ему: «Теперь, слава Богу, оспа высыпала, и есть большая надежда, что императоръ выздоровѣетъ; но если и умретъ, то приняты мѣ-

ры, чтобъ потомки Екатерины не взошли на престолъ; можете писать объ этомъ къ своему двору, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ.» Вестфаленъ однако прислалъ письменное заявленіе, которое состояло въ слѣдующемъ: «Слухи носятя, что его величество очень боленъ, и если престолъ російскій достанется голштинскому принцу, то нашему датскому королевству съ Россією дружбы имѣть нельзя. Обрученная невѣста изъ вашей фамиліи, и можно удержатъ престолъ за нею, какъ Меншиковъ и Толстой удержали престолъ за Екатериною Алексѣевою; по знатности вашей фамиліи вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и нрава имѣете». Князь Василій Лукичъ прочелъ письмо въ кругу родныхъ, но тутъ объ этомъ дѣлѣ не разсуждали, потому что императору стало легче ²⁰⁵.

Но скоро ему опять стало хуже. Изъ головинскаго дворца, гдѣ жилъ князь Алексѣй Григорьевичъ съ семействомъ, посланы были гонцы по родственникамъ, чтобъ съѣзжались. Родственники съѣхались и нашли князя Алексѣя въ спальнѣ, на постелѣ. «Императоръ боленъ, началъ онъ, и худа надежда, чтобъ живъ былъ: надобно выбирать наслѣдника». Князь Василій Лукичъ спросилъ: «Кого вы въ наслѣдники выбрать думаете?» Князь Алексѣй указалъ пальцемъ вверхъ и сказалъ: «вотъ она!» Наверху жила дочь его, обрученная невѣста. Князь Сергѣй Григорьевичъ началъ говорить: «Нельзя ли написать духовную, будто его императорское величество учинилъ ее наслѣдницею»? На это возразилъ князь Василій Владиміровичъ: «Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть російскаго престола наслѣдницею! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? не только посторонніе, но и я и прочіе нашей фамиліи никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ. Княжна Катерина съ государемъ не вѣнчалась». — «Хоть не вѣнчалась, но обручалась», сказалъ князь Алексѣй. — «Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное, возразилъ князь Василій Владиміровичъ: да еслибъ она за государемъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ея наслѣдницею не безъ сомнѣнія было». Григорьевичи представляли ему, что стоитъ только энергически приняться за дѣло, и въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя: «Мы уговоримъ графа Головкина и князя Дмитрія Михайловича Голицына, а если они заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить. Ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ майоръ, и въ Семеновскомъ

полку спорить о томъ будетъ некому».—«Что вы ребячье вретел возразилъ князь Василій Владиміровичъ: какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ.» Послѣ этого спора князь Василій Владиміровичъ уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Михайлою. Тогда князь Василій Лукичъ, сѣвши у камина на стулъ и взявъ листъ бумаги да чернилицу, началъ было писать духовную, но скоро пересталъ и сказалъ: «Моей руки письмо худо, кто бы получше написалъ?» Сталъ писать князь Сергѣй Григорьевичъ со словъ Василья Лукича и Алексѣя Григорьевича, и написалъ два экземпляра. Тутъ князь Иванъ Алексѣевичъ, вынувъ изъ кармана черный листъ бумаги, началъ говорить: «Вотъ посмотрите письмо государевой и моей руки: письмо руки моей слово въ слово какъ государево письмо; я умѣю подѣ руку государеву подписываться, потому что я съ государемъ въ шутку писывалъ», и написалъ: «Петръ». Всѣ нашли, что похоже, и рѣшили, чтобъ Иванъ подписалъ подѣ духовную, если государь, за тяжкою его болѣзнію, самъ подписать духовной будетъ не въ состояніи ²⁰⁶.

Государь уже не былъ въ состояніи подписывать. Въ бреду онъ все звалъ къ себѣ Андрея Ивановича (Остермана); наконецъ произнесъ зловѣщія слова: «запрягайте сани, хочу ѣхать къ се-стрѣ» ²⁰⁷ и скончался съ 18 на 19 генваря, во второмъ часу ночи, 14 лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ со днями.

Г Л А В А III.

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

Избраніе Анны на престоль.—Ограниченіе самодержавія.—Неудовольствія въ духовенствѣ, генералитетѣ и шляхетствѣ.—Посольство въ Митаву.—Анна соглашается на условія, ей предложенныя.—Поведеніе Ягужинскаго; его арестъ.—Мнѣнія о государственномъ устройствѣ, подававшіяся въ Верховный Тайный Совѣтъ.—Проекты Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Пріѣздъ Анны.—Похороны Петра II-го.—Торжественный вѣздъ Анны въ Москву.—Новая форма присяги.—Движенія партій.—Возстановленіе самодержавія.—Вторичная присяга.—Характеръ новой императрицы.—Уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Возстановленіе Сената въ прежнемъ значеніи.—Присутствіе императрицы въ Сенатѣ.—Уничтоженіе майората.—Учрежденіе Кадетскаго корпуса.—Мѣры относительно правосудія.—Хлопоты объ Уложеніи.—Измѣненіе въ судопроизводствѣ.—Раздѣленіе Сената на департаменты.—Возстановленіе должности генераль-прокурора.—Учрежденіе Суднаго и Ссыскаго приказовъ.—Возстановленіе Сибирскаго приказа.—Распоряженіе относительно воеводскихъ злоупотребленій.—Финансовыя мѣры.—Заботы о войскѣ.—Флотъ.—Вопросъ о штатахъ.—Дѣятельность коммиссіи о коммерціи.—Полиція.—Церковь.—Дѣла на Украйнахъ.—Гоненіе на Долгорукихъ.—Биронъ, Левенвольдь и Остерманъ.—Увеличеніе гвардіи.—Роскошь при дворѣ.—Неудовольствія.—Опала Румянцева.—Сильное ожесточеніе.—Смерть князя Мих. Мих. Голицына и опала князя Васил. Владим. Долгорукаго.—Причины торжества иноземцевъ.—Возстановленіе Преображенскаго приказа.—Учрежденіе Кабинета.—Удаленіе Ягужинскаго и Шафирова.—Переѣздъ двора въ Петербургъ.—

Вышняя дѣятельность въ три первые года царствованія Анны.

Три архіерея, совершавшіе елеосвященіе надъ умиравшимъ государемъ, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и многіе изъ сенаторовъ и генералитета находились во дворцѣ во время кончины Петра. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, именемъ другихъ свѣтскихъ сановниковъ, сперва просилъ архіереевъ пождать немного, потому что скоро должно начаться совѣщаніе

объ избраніи новаго государя; но спустя нѣсколько времени явился къ нимъ опять и объявилъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось назначить собраніе въ десятомъ часу утра въ палатахъ Верховнаго Совѣта, куда приглашаются архіереи и архимандриты—синодальные члены. Архіереи уѣхали, но свѣтскіе остались и началось предварительное совѣщаніе о томъ, кому долженъ достаться престолъ; Остермана не было, по его показанію: онъ находился при тѣлѣ государя. По другимъ извѣстіямъ, когда его приглашали на совѣщаніе, то онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ иностранецъ, и потому приметъ общее рѣшеніе²⁰⁸. Князь Алекс. Григ. Долгорукій потребовалъ престола для дочери своей и показалъ «нѣкое письмо, якобы Петра II-го завѣтъ»²⁰⁹; но на это письмо не обратили вниманія, равно какъ на предложеніе объ избраніи монахини Лопухиной, сдѣланное неизвѣстно кѣмъ. Прежде, какъ мы видѣли, толковали о четырехъ партіяхъ: цесаревны Елисаветы, царицы-бабки, герцога голштинскаго и княжны Долгорукой; но ясно, что партій не было; кончина послѣдняго изъ мужской линіи Романовыхъ поразила всѣхъ врасплохъ; притомъ мы должны осторожно обходиться съ извѣстіями иностранцевъ о партіяхъ въ Россіи. Петръ Великій, несмотря на все свое стараніе, не могъ въ короткое время приучить русскихъ людей дѣйствовать сообща, «кумпанствами»; обыкновенно всѣ шли въ разбродъ, личные и фамиліные интересы были на первомъ планѣ, что и давало возможность сильному человѣку захватывать власти больше, чѣмъ сколько ему слѣдовало. Иностранцы говорятъ, что изъ означенныхъ четырехъ партій сильнѣе всѣхъ были партіи княжны Долгорукой и царицы-бабки; но эти же самые иностранцы говорятъ, что противъ Долгорукихъ было всеобщее нерасположеніе: кто же могъ составлять сильную партію княжны Екатерины? Ясно, что должно разумѣть здѣсь силу не партіи, а фамиліи; и дѣйствительно, еслибы въ фамиліи не было разногласія, еслибы всѣ Долгорукіе рѣшились дѣйствовать также энергически, какъ дѣйствовали Меншиковъ и Толстой въ 1725 году, то еще можно было бы ожидать успѣха; но этой энергіи не достало, а съ однимъ «нѣкимъ письмомъ» нельзя было ничего сдѣлать. Указываютъ на силу другой партіи—царицы-бабки: это значить, что много людей произносили имя Лопухиной, и понятно почему:

многіе, застигнутые врасплохъ страшнымъ событіемъ, не зная, на комъ остановиться, хотѣли поскорѣе занять праздное мѣсто лицомъ, не могшимъ долго на немъ оставаться, но дававшимъ время пообдумать, приготовиться; никакой сильной партіи не было и здѣсь. При отсутствіи партій, при всеобщемъ недоумѣніи и нерѣшительности, голосъ сильнаго человѣта рѣшаетъ дѣло, особенно если онъ находитъ рѣшеніе наиболѣе удовлетворительное. Теперь это былъ голосъ князя Дмитрія Мих. Голицына, который объявилъ, что домъ Петра I-го пресѣкъся смертію Петра II-го, и справедливость требуетъ перейти къ старшей линіи, царя Іоанна Алексѣевича; старшую изъ дочерей его, царевну Екатерину, трудно выбрать, потому что она замужемъ за герцогомъ мекленбургскимъ, тогда какъ вторая, Анна, герцогиня курляндская, свободна и одарена всѣми способностями, нужными для трона. Всѣ закричали: «Такъ, такъ, нечего больше разсуждать, мы выбираемъ Анну!» Тутъ приглашенъ былъ Остерманъ и съ радостію присоединилъ свой голосъ.²¹⁰

Почему князь Дмитрій Голицынъ остановилъ свой выборъ на Аннѣ, это понятно: онъ смотрѣлъ не очень благосклонно на бракъ Петра Великаго съ Екатериною и на дѣтей, отъ этого брака происшедшихъ; притомъ, когда пресѣклось мужское колено, то имѣли право обратиться къ старшей женской линіи; завѣщаніе Екатерины I-й, установившее порядокъ престолонаслѣдія, нельзя было приводить какъ актъ неоспоримый; кромѣ молодости и отсутствія серьезности въ поведеніи, цесаревну Елисавету отстраняли отъ трона права племянника, сына старшей сестры, герцога голштинскаго; но малолѣтство послѣдняго не давало никакого обезпеченія, а пріѣздъ герцога отца его, да еще съ Бассевичемъ, никому не могъ быть желателенъ. Анна слыла женщиною очень умною, отличалась серьезностію поведенія, величественною, царственной наружностію; пріѣзжая въ Петербургъ и въ Москву изъ Митавы, всегда съ просьбами о помощи, о поддержкѣ, она старалась заискать расположеніе всѣхъ, и потому оставляла послѣ себя пріятное воспоминаніе. Старикъ Бестужевъ не могъ нарушить этой пріятности: онъ былъ одинъ, его друзья разославы. Были извѣстны нѣкоторыя курляндскія отношенія; но князь Дмитрій Михайловичъ уже придумалъ лѣкарство отъ болѣзней власти—ея ограниченіе.

Вспомнивъ судьбу Голицына, мы поймемъ, какимъ образомъ въ головѣ его созрѣла мысль объ ограниченіи императорской власти. Гордый своимъ личными достоинствами и еще болѣе гордый своимъ происхожденіемъ, считая себя представителемъ самой знатной фамиліи въ государствѣ, Голицынъ, какъ мы видѣли, постоянно былъ оскорбляемъ въ этихъ самыхъ сильныхъ своихъ чувствахъ. Его не отдаляли отъ правительства, но никогда не приближали къ источнику власти, никогда не имѣлъ онъ сильнаго вліянія на ходъ правительственной машины, а что было виною -- фаворитизмъ! Его отбивали отъ первыхъ мѣстъ люди худородные, но умѣвшіе приближаться къ источнику власти, угождать, служить лично, къ чему Голицынъ не чувствовалъ никакой способности. Съ негодованіемъ смотрѣлъ Голицынъ на бракъ Петра I-го съ худородною женщиною, около которой сосредоточивались ненавистные выскочки, и долженъ былъ преклониться предъ этою женщиною, какъ предъ самодержавною государынею. Наконецъ онъ дождался счастливаго времени: вступилъ на престолъ законный наслѣдникъ отъ честнаго брака рожденный, и какая же награда Голицыну, человѣку, сильнѣе котораго конечно никто не желалъ воцаренія сына Алексѣева? Чуть-чуть не опала, и вся власть въ рукахъ людей изъ враждебной фамиліи, вся власть въ рукахъ двоихъ Долгорукихъ и, какъ нарочно, самыхъ незначительныхъ изъ фамиліи по личнымъ достоинствамъ. Долго ли же терпѣть? Петръ II-й умираетъ; Голицынъ указываетъ ему преемницу и всѣ повинуются этому указанію. Какъ же благодарна будетъ новая императрица Голицыну, главному виновнику ея избранія? Но Голицынъ наученъ горькимъ опытомъ: онъ знаетъ, что сначала будутъ благодарны, сначала поласкають человѣка, неспособнаго быть фаворитомъ, а потомъ какой-нибудь сынъ конюха, русскаго или курляндскаго, черезъ фаворъ оттѣснитъ перваго вельможу на задній планъ. Вельможество самостоятельнаго значенія не имѣетъ; при самодержавномъ государѣ значеніе человѣка зависитъ отъ степени приближенія къ нему. Надобно же покончить съ этимъ, надобно дать вельможеству самостоятельное значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія на фаворитовъ.

Когда всѣ изъявили свое согласіе на избраніе Анны, князь Дмитрій началъ говорить: «Воля ваша, кого изволите, только на-

добно намъ себѣ полегчить». — «Какъ себѣ полегчить?» спросилъ кто-то. — «Такъ полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить», отвѣчалъ Голицынъ. Если вѣрить собственному показанію князя Василя Лукича Долгорукаго, онъ возразилъ: «Хотя и зачнемъ, да не удержимъ этого»; на что Голицынъ отвѣчалъ: «Правда удержимъ», и, видя что никто не рѣшается произнести своего согласія, продолжалъ: «Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты» ²¹¹. Послѣ или прежде этого предварительнаго совѣщанія, было, какъ видно, засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ «разсуждено фельдмаршаламъ князю Михайлу Мих. Голицыну и князю Василю Владиміровичу Долгорукому присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ» ²¹². Такимъ образомъ Совѣтъ прежде всего обнаружилъ свою власть, самъ назначивъ новыхъ своихъ членовъ. Это назначеніе было знакомъ соединенія двухъ самыхъ сильныхъ семей. Объ этомъ соединеніи, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ²¹³, сильно хлопоталъ въ послѣднее время князь Алексѣй Долгорукій, чтобъ не встрѣчать въ Голицыныхъ сопротивленія своимъ замысламъ насчетъ женитьбы государя на своей дочери; но теперь Голицынъ, для проведенія своихъ замысловъ, нуждался въ помощи Долгорукихъ и самыхъ лучшихъ изъ нихъ; для поддержанія значенія Верховнаго Тайнаго Совѣта было необходимо, чтобъ между его членами находились обѣ военныя знаменитости, принадлежавшія къ обѣмъ семействамъ; притомъ было извѣстно, что князь Василій Владиміровичъ вовсе не жилъ въ ладахъ съ княземъ Алексѣемъ, а при паденіи значенія послѣдняго и князь Василій Лукичъ не сталъ бы ему поддакивать. Обыкновенно число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ описываемое время полагается восемь, и къ извѣстнымъ уже намъ семи присоединяютъ князя Михаила Владиміровича Долгорукаго; но мы не знаемъ, когда послѣдовало его назначеніе.

Въ этихъ совѣщаніяхъ и распорядженіяхъ прошло время до десятаго часа, когда въ залахъ дворца собрались Сенатъ, Синодъ и генералитетъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта вышли къ собравшимся, и канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ, что, по мнѣнію Совѣта, російская корона слѣдуетъ курляндской герцогинѣ, но требуется согласіе всего отечества въ лицѣ собравшихся чиновъ. Согласіе послѣдовало полное и Феоданъ

Прокоповичъ изъявилъ желаніе духовенства немедленно отслужить благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ; но при этомъ столь естественномъ, предложеніи, верховники (какъ называли членовъ Совѣта), смутились и отвѣчали, что надобно еще подождать съ молебномъ ²¹⁴.

Между тѣмъ Голицынъ все хлопоталъ съ *пунктами*; видя, что многіе изъ генералитета, уже расходятся, онъ вошелъ и сказалъ: «Надобно ихъ воротить, чтобъ не было отъ нихъ чего», и воротили Дмитріева-Мамонова, Льва Измайлова, Ягужинскаго и нѣкоторыхъ другихъ; Голицынъ говорилъ имъ: «Станемъ писать пункты, чтобъ не быть самодержавствію» ²¹⁵.

Написали сперва письмо отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ новоизбранной императрицѣ: «Премилостивѣйшая государыня! Съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ вашему императорскому величеству Верховный Тайный Совѣтъ доноситъ, что сего настоящаго году генваря 18, пополудни въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго государя, его императорскаго величества Петра II-го не стало, и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣцкіе люди того жъ времени заблагоразсудили российский престолъ вручить вашему императорскому величеству, а какимъ образомъ вашему величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи, которыя къ вашему величеству отправили изъ собранія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ князь Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ и з генераломъ маоромъ Леонтьевымъ, и всепокорно просимъ оныя собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды в Москву ѣхать и российский престолъ и правительство воспріять. 19 генваря 1730». Кондиціи, которыя должна была подписать Анна, были написаны въ такой формѣ: «Черезъ сіе наикрѣпчайше общаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о сохраненіи, но и крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православыя нашей вѣры греческаго исповѣданія; также по принятіи короны российской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще общаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради

мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ въ осми персонѣхъ всегда содержать и безъ онаго согласія 1) ни съ кѣмъ войны не вчинять, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податями не отягощать, 4) въ знатныя чины, какъ въ стацкіе такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. 5) У шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворныя чины какъ русскихъ такъ и иноземцевъ не производить; 8) государственныя доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны российской». Подъ письмомъ подписались: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ, князь В. Долгорукій, князь Дмитрій Голицынъ, князь Алексѣи Долгорукій, Андрей Остерманъ ²¹⁶.

Какъ только узнали о новости, затѣянной въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, сильное волненіе и неудовольствіе обнаружилось въ высшихъ слояхъ общества. вмѣсто одного государя—восемь. Россія должна потерять всякое значеніе, снизойти на степень Польши и Швеціи, гдѣ иностранныя державы пріобрѣтаютъ вліяніе деньгами, которыя онѣ раздають членамъ ограничивающихъ королевскую власть учрежденій. Россія, Австрія и Пруссія постоянно договариваются, чтобъ въ Польшѣ сохранялся существующій порядокъ, т.-е. чтобъ Польша оставалась постоянно слабою; а теперь въ Россіи хотять заводить подобный порядокъ! Всѣ гарантіи для осьми, а противъ осьми для остальныхъ гдѣ гарантіи? И кто эти восемь? Четверо Долгорукихъ и двое Голицыныхъ, остальные Головкинъ и Остерманъ. Шестеро принадлежали къ двумъ знатымъ фамиліямъ, двое къ людямъ, выдвинувшимся въ эпоху преобразования: нѣтъ никакого равновѣсія между сторонами, обозначившимися по смерти Петра Великаго. Сначала восторжествовала вторая восшествіемъ на престолъ Екатерины, и мы видѣли, какъ это торжество выразилось въ составѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ одинъ Голицынъ былъ изъ древняго знатнаго рода. Измѣна Меншикова своей сторонѣ, ссылка

Толстова, ссылка Меншикова, смерть Апраксина, господство Долгорукихъ перемѣнили отношенія, и птенцамъ Петровымъ, оставшимся въ такомъ меншинствѣ, стало страшно среди Голицыныхъ и Долгорукихъ, они не могли спокойно и радостно принять новое величіе, осѣнившее верховниковъ, вовсе не обезпеченные въ томъ, долго ли они останутся верховниками, долго ли старинные князья, потомки Рюрика и Гедвина, позволять засѣдать съ собою ненавистнымъ выскочкамъ. Такимъ образомъ среди самаго Верховнаго Совѣта были люди, несочувствовавшіе новѣсти. Взглядъ этихъ людей раздѣляли другіе дѣти преобразованія, и въ челѣ ихъ первый архіерей и первая знаменитость въ духовенствѣ по талантамъ и учености, преосвященный новгородскій, Ѳеоданъ Прокоповичъ.

Ѳеоданъ вздохнулъ свободно послѣ паденія Меншикова; но еще свободнѣе вздохнулъ онъ, когда по смерти сына Алексѣева избрана была герцогиня курляндская, не имѣвшая никакого отношенія къ его предшествовавшей дѣятельности. Но вотъ страшная новостъ, что новая императрица не будетъ имѣть никакой власти; вся власть будетъ въ рукахъ людей, отъ которыхъ Прокоповичу нечего ждать добра, которые смотрятъ на него какъ на еретика и рабскаго исполнителя повелѣній деспота. Андрей Ивановичъ Остерманъ не можетъ удержаться при такомъ порядкѣ, и тогда придется проиграть дѣло съ Георгіемъ Дашковымъ. У Ѳеодана есть друзья и почитатели, истые дѣти преобразованія, преданные наукѣ, обожающіе Преобразователя, считающіе его непогрѣшительнымъ и не терпящіе никакой реакціи его направленію; они убѣждены въ необходимости самодержавія для Россіи, они требуютъ стройности, порядка, единства и силы въ государственномъ управленіи. Таковъ князь Антиохъ Кантемиръ, второй сынъ пріютившагося въ Россіи молдавскаго господаря; таковъ уже извѣстный намъ Василій Никитичъ Татищевъ. Какъ смотрѣли на дѣло люди видные по своимъ талантамъ, люди изъ шляхетства и генералитета, но не изъ первыхъ фамилій, видно изъ письма казанскаго губернатора Волынскаго: «Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и такъ мы, шляхетство, совѣмъ пропадемъ»

и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожь впредь конечно у нихъ безъ разборовъ не будетъ, и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того являя, вредить и губить станутъ. Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлебствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. И такъ хотя бы и вольные всего общества голоса требованы въ правленіе дѣлъ были, однакожь бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а безсильный хотя бы и достойный былъ, всегда назади оставаться будетъ. Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ; а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ; и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ. Четвертое, если офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у тѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю, не будетъ. Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ, и правда, что въ неволѣ служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣство вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбъ, и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ

останутся одни холопы и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и въ тое чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насаждаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впередъ самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя конечно потеряемъ. Притомъ же подь властью такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ испотворены будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можно команду содержать, или отъ какихъ шалостей унять одному генералитету, если въ полкахъ не будетъ добрыхъ офицеровъ? Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкій будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать стануть, и воровскія пристани у себя въ домахъ держать будутъ, а для того, хотя бъ и выпустить, однакожь, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50 и по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодая и шаткія свои лѣта пробылъ подь страхомъ, а не на своей воли прожилъ».

Движеніе идетъ сильное: Сенать, генералитетъ, знатнѣйшее шляхетство недовольны. Насчитываютъ человекъ 500, которые волнуются, собираются, кричатъ противъ верховниковъ. Но это масса безъ вождя; она уже дѣлится на два стана: одни хотятъ употребить смѣлую, рѣшительную мѣру: напасть внезапно на верховниковъ съ оружіемъ въ рукахъ, и если они не захотятъ отстать отъ своихъ замысловъ, то перебить ихъ. Другіе противъ такой насильственной мѣры; они хотятъ войти спокойно въ собраніе Совѣта и представить верховникамъ, что затѣи ихъ не тайны, что немногимъ передѣлывать составъ государства преступно; еслибы даже они придумали и что-нибудь очень полезное, то нельзя этого скрывать. Первая мѣра оказывается слишкомъ сильною, вторая слишкомъ слабою; третьей не придумываютъ, спорятъ; одни хотятъ удержать прежнюю форму правленія непремѣнно; другіе готовы и перемѣнить, сердятся на верховниковъ только за то, зачѣмъ они взяли все себѣ, съ другими не подѣлились. Верховники знаютъ обо всемъ: между пятьюстами человекъ не безъ предателей, да и вообще трудно удер-

жать тайну въ такомъ множествѣ; верховники знаютъ и дѣйствуютъ угрозами и увѣщаніями, распускаютъ слухи, что мятежныя сборища имъ извѣстны, что безпокойныя головы, ихъ составляющія, уже отмѣчены, судятся какъ враги отечества, и скоро будутъ перехватаны; что напрасно надѣются они на свое множество: войско въ рукахъ Верховнаго Совѣта, между членами котораго находятся оба фельдмаршала; напрасно надѣются, что можно будетъ укрыться отъ бѣды: стоитъ только схватить нѣсколько человѣкъ, и тѣ на пыткахъ укажутъ всѣхъ своихъ товарищей. Угрозы произвели свое дѣйствіе: многіе, особенно тѣ, которые не могли надѣяться на сильную поддержку, испугались до того, что боялись жить въ своихъ домахъ, переходили по ночамъ съ мѣста на мѣсто переодѣтые, подъ чужими именами. Напугать людей незначительныхъ было легко; но этимъ цѣль не достигалась: сильные не трусили, и неудовольствіе ихъ получить особенное значеніе, когда пріѣдетъ императрица и захочетъ опереться на нихъ, чтобъ высвободиться изъ-подъ опеки Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ отношеніи къ этимъ сильнымъ надобно дѣйствовать иначе, не угрозами, а ласкою, надобно соединить ихъ интересы съ своими. И вотъ верховники призываютъ къ себѣ значительнѣйшихъ противниковъ, принимаютъ съ распростертыми объятіями, клянутся, что начали дѣло не въ собственныхъ интересахъ; жалуются, что напрасно обвиняютъ ихъ въ утайкѣ этого дѣла отъ общаго свѣдѣнія: прежде всего они хотѣли узнать, какъ взглянетъ на это новая государыня, а какъ скоро она согласится, то Верховный Тайный Совѣтъ намѣренъ созвать всѣ чины и просить у нихъ совѣта, какъ съ наибольшею пользою устроить на будущее время государственное управленіе. Нѣкоторые заподозрили искренность верховниковъ, но другіе, и большая часть, рѣшились спокойно дожидаться отвѣта изъ Митавы и призыва къ совѣщанію о новыхъ правительственныхъ формахъ ²¹⁷.

Второго февраля повѣстка отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: *просятъ* на другой день членовъ Сената, Синода и генералитета пожаловать въ собраніе, зачѣмъ—неизвѣстно; посланные говорить, что будетъ разсуждаться о государственномъ установленіи. Большая часть приглашенныхъ повѣрили этому показанію; другіе, не отличавшіеся храбростію, начали говорить, что не на-

добно ѣхать: тутъ новая хитрость верховниковъ, или силою заставитьъ принять свой планъ или вдругъ захватить противниковъ. Верховники и слуги ихъ очень веселы—дурной знакъ! Говорятъ, что изъ Митавы пришло какое-то извѣстiе: должно быть желанiе верховниковъ исполнилось.

3 февраля чины собрались; вошли верховники, пригласили къ молчанiю и велѣли читать письмо императрицы: «Хотя я разсуждала, писала Анна, какъ тяжело есть правленiе толь великой и славной монархiи, однакоже, повинуюсь Божеской волѣ и прося Его, Создателя, помощи, къ тому-жь не хотя оставить отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ чтобы всѣ наши подданные, какъ мирскiе такъ и духовные, могли быть довольны. А понеже къ тому моему намѣренiю потребны благiе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для предъ вступленiемъ моимъ на россiйскiй престолъ, по здоровомъ разсужденiи, изобрѣли мы за потребно, для пользы Россiйскаго государства и къ удовольствованiю вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячность и правое наше намѣренiе, которое мы имѣемъ къ отечествiю нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ, какими способы мы то правленiе вести хотимъ, и подписавъ нашу рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленiя на престолъ, пойдемъ. Дано въ Митавѣ 28 января 1730 года». Вслѣдъ за этимъ письмомъ прочтены были извѣстные пункты, подписанные Анною: «По сему общаю вся безъ всякаго изъятiя содержать».

Пусть Теофанъ Прокоповичъ на своемъ оригинальномъ языкѣ разскажетъ намъ о впечатлѣнiи, произведенномъ чтенiемъ этихъ бумагъ: «Никого, почитай, кромѣ верховныхъ не было, кто бы, таковая слушавъ, не содрогнулся, и сами тѣм, которые всегда великой отъ сего собранiя пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанiя нѣкая во множествѣ ономъ прешумливали, а съ негодованiемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчанiе! Сами господа верхов-

ные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и, остро глазами поглядывая, притворяясь, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи, удивляются. Одинъ изъ нихъ только, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ часто похаркивалъ: «Видите-де, какъ милостива государыня! и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ея подвинулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!» Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарекать сталъ: «Для чего никто ни единого слова не проговоритъ? Изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ-де ничего другого говорить, только благодарить толь милосердой государынь!» И когда нѣкто изъ кучи тихимъ глосомъ съ великою трудностію промолвилъ: «Не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло государынь такъ писать!» то на его слова ни отъ кого отвѣта не было». Слова, выражавшія неудовольствіе, исчезли въ толпѣ, и присутствующіе стали подписывать протоколъ, въ которомъ говорилось, что «Верховный Тайный Совѣтъ, св. Синодъ, Сенатъ, генералитетъ и прочіе тѣхъ ранговъ, выслушавъ, за такую ея императорскаго величества показанную ко всему государству неизрѣченную милость, благодарили Всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что тою милостію весьма довольны и подписуемся своими руками. Первая подпись — *Евдокия Прокоповича*; потомъ: *Георгія Ростовскаго, Игнатія Коломенскаго, Сильвестра Казанскаго, Гавріила Рязанскаго, Леонида Крутицкаго, Іоакима Переяславскаго, графа Ивана Мусина-Пушкина, князя Ивана Трубецкаго, князя Михаила Долгорукаго, енарала Матюшкина* и т. д., всего подписей съ пятьсотъ ²¹⁸. Но при этомъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій потребовалъ на словахъ, чтобъ ему и другимъ позволено было подать мнѣнія о новомъ государственномъ устройствѣ. Верховники согласились ²¹⁹, исполняя этимъ свое прежнее обѣщаніе. Имъ нельзя было раздражать людей, которые согласились съ ними въ основаніи дѣла и не соглашались только относительно подробностей; но они хотѣли показать примѣръ строгости надъ человѣкомъ, который рѣшился пойти прямо наперекоръ основанію ихъ дѣла: въ самомъ собраніи 3 февраля былъ арестованъ Ягужинскій.

Между показаніями князей Долгорукихъ находятся любопыт-

ныя извѣстія о поведеніи Ягужинскаго во время избранія Анны 19 января. Послѣ того какъ Верховный Тайный Совѣтъ объявилъ Синоду, Сенату и генералитету объ этомъ избраніи и всѣ согласились на него, Ягужинскій подошелъ къ князю Василю Лукичу и сталъ говорить ему: «Батюшки мои! прибавьте намъ какъ можно воли!» Князь Василій отвѣчалъ ему: «Говорено ужь о томъ было». Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій показывалъ, что Ягужинскій и ему въ то же время говорилъ: «Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ: долго ли намъ будетъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ, теперь время думать, чтобъ самовластію не быть». Князь Сергѣй отвѣчалъ ему: «Не мое это дѣло». Мы видѣли также что Ягужинскій былъ изъ числа тѣхъ немногихъ вельможъ, которые, по распоряженію князя Дмитрія Голицына, были возвращены въ залу собранія для написанія пунктовъ. Мы не знаемъ, какъ велъ себя при этомъ случаѣ Ягужинскій; только видимъ, что онъ немедленно же перемѣнилъ свои мысли: рѣшимость верховниковъ сосредоточить всю власть въ однихъ своихъ рукахъ; невыборъ Ягужинскаго, бывшего генераль-прокурора, въ члены Верховнаго Совѣта, несмотря на ревность, высказанную имъ къ дѣлу, задуманному верховниками; пополненіе Совѣта только изъ двухъ фамилій—Голицыныхъ и Долгорукихъ, показывавшее аристократическое стремленіе и лишавшее людей новыхъ надежды получить когда-либо въ немъ мѣсто; опасность, которая начала вслѣдствіе этого грозить и Головкину, тестю Ягужинскаго—все это могло повліять на перемѣну мнѣній послѣдняго и заставить его рѣшительнѣе всѣхъ дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ. Несмотря на заставы, расположенныя около Москвы, на удержаніе почтъ, чтобъ никто не могъ проѣхать въ Митаву прежде посланной туда отъ Верховнаго Совѣта депутаціи, отправленный Ягужинскимъ Петръ Спиридовичъ Сумароковъ успѣлъ пробраться туда и передать Аннѣ отъ Ягужинскаго, что «ежели изволитъ его послушать, чтобъ не всему вѣрить, что стануть представлять князь Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ посланы, до того времени, пока сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь Василій Лукичъ по тѣмъ пунктамъ принуждать будетъ подписываться, чтобъ ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трѣхъ персонъ такого письма за подписаніемъ рукъ ихъ, что они отъ всего народа оное привезли; ежели скажутъ,

что съ согласіа народа; а ежели письма дать не похотятъ, то бъ объявила, что ея величество оное учинить по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москвѣ, чтобъ оное такъ было какъ представляютъ». Ягужинскій велѣлъ также сказать Аннѣ, чтобъ была благонадежна, что они всѣ желаютъ прибытія ея въ Москву ²²⁰. Князь Василій Лукичъ съ товарищами, узнавъ, что Сумароковъ въ Митавѣ, велѣли схватить его, допросили, и допросныя его рѣчи и его самого въ оковахъ отправили съ генераломъ Леонтьевымъ, который повезъ письмо Анны и подписанныя ею пункты въ Москву. Вслѣдствіе этого верховники схватили Ягужинскаго и другихъ, которые знали о поѣздкѣ Сумарокова; но одного изъ знавшихъ о поѣздкѣ Сумарокова, именно Воина Корсакова, не нашли въ Москвѣ; онъ отправился въ свои новгородскія деревни; это обстоятельство очень обезпокоило верховниковъ, которые тотчасъ же отправили нарочнаго къ новгородскому губернатору, чтобъ велѣлъ схватить Корсакова и держать подъ крѣпкимъ карауломъ.

Обрадованные согласіемъ Анны на пункты и въ то же время озабоченные дѣломъ Ягужинскаго, верховники забыли о дѣлѣ чрезвычайной важности: 3 февраля, послѣ того какъ объявлено было о согласіи Анны принять престолъ и объ извѣстной милости ея къ вѣрнымъ подданнымъ, синодальные члены стали говорить, что теперь уже не для чего болѣе откладывать благодарственное молебствіе; никто не возражалъ, и въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, при чемъ протодіаконъ провозгласилъ Анну по прежней формѣ самодержицею. Верховники спохватились, но уже было поздно; съ этимъ же титуломъ Синодъ въ тотъ же день разослалъ извѣщенія по епархіямъ ²²¹. Чтобъ не было разногласія, положили оставить пока по старому до присяги, которую отложили. 4 февраля Верховный Тайный Совѣтъ издалъ манифестъ объ избраніи Анны, и что она согласилась принять престолъ и находится на дорогѣ къ Москвѣ; манифестъ оканчивался словами: «А какъ ея императорское величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приводѣ къ присягѣ отъ ея императорскаго величества указы выданы будутъ впродъ немедленно.» 5 февраля изданъ былъ указъ, что новая императрица будетъ имѣть такой же титулъ, какъ и покойная императрица Екатерина ²²². Дѣло это однако сильно обезпокоило верховниковъ.

7 февраля въ засѣданіи Совѣта смотрѣнъ былъ манифестъ печатный, и разсуждалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, чтобъ «въ оный внести кондиціи и письмо ея величества, чтобъ народъ вѣдалъ ради соблазну». Головкинъ и оба Голицыны говорили: «чтобъ о кондиціяхъ объявленіе тогда учинить, когда ея императорское величество прибудетъ, отъ ея лица, для того, чтобъ народъ не сумнѣвался, что выданы отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не отъ ея величества; а когда пріѣдетъ ея величество, тогда отъ своего лица ту свою милость объявить изволить». Остерманъ согласился съ ними; но князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій объявилъ, что «въ Москвѣ всемѣрно надлежитъ публиковать кондиціи, чтобъ инако ихъ не толковали»²²³.

Между тѣмъ въ Верховный Тайный Совѣтъ начали подаваться мнѣнія, и всѣ они требовали увеличенія числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта вообще и уменьшенія числа членовъ изъ одной фамиліи, слѣдовательно всѣ посягали на настоящій составъ Совѣта. Подъ однимъ мнѣніемъ подписались: одинъ полный генераль, одинъ генераль-лейтенантъ, статскихъ того ранга четыре, генераль-майоровъ пять, статскихъ того ранга четыре, и того 15 человекъ. Мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: 1) къ Верховному Тайному Совѣту, къ настоящимъ персонамъ мнѣтся прибавить, чтобъ съ прежними было отъ 12 до 15; 2) нынѣ въ прибавокъ и впредь на ваканціи въ Верховный Тайный Совѣтъ выбирать обществомъ, генералитету военному и статскому и шляхетству на одну персону по три кандидата, изъ которыхъ одного выбрать предоставляется Верховному Тайному Совѣту; 3) или выбравъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ трехъ персонъ и изъ тѣхъ трехъ персонъ баллотировать (балантировать) генералитету военному и статскому и шляхетству не меньше 70 персонъ, въ которомъ бы числѣ одной фамиліи болѣе двухъ персонъ не было; а которые будутъ выбираться въ кандидаты, тѣмъ бы не баллотировать, а для баллотированія выбрать бы другихъ такимъ же образомъ, только бъ было не менѣе вышеозначеннаго числа.

Подъ вторымъ мнѣніемъ подписались: генераль-лейтенанта 3, статскихъ того ранга 4, генераль-майоровъ 9, статскихъ и придворныхъ того ранга 13, оберъ-прокуроръ Синода, всего 30 человекъ. Въ мнѣніи говорилось: 1) въ началѣ учредить вышнее

правительство изъ 21 персоны; 2) дабы оное множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія прочихъ дѣлъ учинить Сенатъ въ 11 персонахъ; 3) въ высшее правительство, и въ Сенатъ, и въ губернаторы и въ президенты коллегій кандидатовъ выбирать и баллотировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамилии не выбирать, также и при баллотированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамилии не быть, а при баллотированіи быть не меньше 100 персонъ; 4) въ выснемъ правительствѣ и въ Сенатѣ впредь кромѣ обращающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамилии не быть, считая въ обоихъ, какъ въ выснемъ правительствѣ, такъ и въ Сенатѣ. Въ третьемъ миѣнїи графа Ив. Алекс. Мусина-Пушкина также говорилось, что число членовъ въ государственномъ правленіи должно быть увеличено и должны быть они выбраны общимъ совѣтомъ и между ними не должно быть болѣе двухъ персонъ изъ одного рода. При этомъ высказывались разныя требованія, не относившіяся къ главному дѣлу, которыя и были удовлетворены въ царствованіе Анны: такъ требовалось ограничить срокъ шляхетской службы двадцатью годами, уничтожить майоратъ.

Верховный Тайный Совѣтъ отвѣчалъ на эти миѣнїя: «Понеже Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точїю для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а впредь ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалыя мѣста выбирать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту обще съ Сенатомъ, и для апробаціи представлять ея императорскому величеству изъ первыхъ фамилій изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не воспоминая объ иноземцахъ). И смотрѣть того, дабы въ такомъ первомъ собраніи одной фамилии больше двухъ персонъ умножено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ закономъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для онаго въ Верховный Тайный Совѣтъ имѣють для Совѣту и раз-

сужденія собраны быть—Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство, буде же что касаться будетъ къ духовному правленію, то и синодскіе члены и прочіе архіереи по усмотрѣнію важности дѣла».

Видя, что этотъ отвѣтъ не удовлетворяетъ, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ начали разсуждать о новыхъ уступкахъ: полагали впустить въ свою среду еще четырехъ членовъ, чтобъ было 12. Для привлеченія высшаго духовенства полагалось уничтожить коллегію экономіи, и управленіе имѣніями отдать епархіямъ и монастырямъ. Обѣщали, что какъ архіереи, такъ и іереи почтеніе имѣть будутъ какъ служители престола Божія. Въ Сенатѣ, Коллегіи, Канцеляріи и въ прочія управленія будутъ выбираться члены изъ фамильныхъ людей, изъ генералитета и изъ знатнаго шляхетства, достойные и доброжелательные обществу, также и все шляхетство будетъ содержано, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, въ надлежащемъ почтеніи и въ ея императорскаго величества милости и консидераціи, а особливо старыя и знатныя фамилія будутъ имѣть преимущества, получать ранги и къ дѣламъ будутъ опредѣлены по ихъ достоинству. Шляхетство въ солдаты, матросы и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять; а чтобъ воинское дѣло не ослабѣвало, то для обученія военнаго устроить особливныя кадетскія роты, изъ которыхъ опредѣлять, по обученіи, прямо въ оберъ-офицеры и производить чрезъ гвардію, а въ морскую службу чрезъ гардемариновъ. Которые находятся въ управленіи гражданскомъ хотя и не изъ шляхетства, а дослужились ранговъ, тѣ будутъ присоединены къ шляхетству и опредѣлять ихъ къ дѣламъ какъ заблагоразсудится. Приказныхъ людей производить по знатнымъ заслугамъ и «по опыту вѣрности всего общества», а людей боярскихъ и крестьянъ не допускать ни къ какимъ дѣламъ. Послѣ казенныхъ смертію у женъ ихъ, дѣтей и сродниковъ имѣнія не отнимать, и тѣмъ ихъ не укорять. О солдатахъ и матросахъ смотрѣть прилежно, какъ о дѣтяхъ отечества, дабы напрасныхъ трудовъ не имѣли, а до обидъ ихъ не допускать. Лифляндцы и Эстляндцы, какъ шляхетство такъ и гражданство, да будутъ содержаны равною ея императорскаго величества милостію, какъ и російскіе, и во всемъ поступаться будетъ по ихъ правамъ и привилегіямъ; также и къ прочимъ иноземцамъ, которые теперь

находятся и которые впредь будутъ въ русской службѣ, имѣть почтеніе и склонность ко всякой любви и по контрактамъ жалованье да будетъ неотъемлемо. Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ него всякія обиды и неволи, и въ торгахъ имѣть ему волю, и никому въ одни руки никакихъ товаровъ не давать, и въ податяхъ должно купцовъ облегчить, а прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшаться. Крестьянъ въ податяхъ сколько можно облегчать. Резиденціи, убѣгая государственныхъ излишнихъ убытковъ и для исправленія всему обществу домовъ своихъ и деревень, быть въ Москвѣ непремѣнно, и въ другое мѣсто никуда не переносить ²²⁴.

Не знаемъ, было ли извѣстно объ этихъ уступкахъ недовольнымъ; во всякомъ случаѣ онѣ не могли удовлетворить; надобно было дѣйствовать рѣшительнѣе, немедленно же назначить четверыхъ новыхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта изъ самыхъ сильныхъ людей между недовольными; но этого не сдѣлали. Духовенство, разумѣется съ Θεофаномъ Прокоповичемъ въ челѣ, усердно работало противъ верховниковъ: князь Дмитрій Голицынъ не скрывалъ своего презрѣнія къ членамъ Синода за то, что по смерти Петра Великаго они позволили возвести на престолъ Екатерину мимо Петра II ²²⁵, и члены Синода не могли быть благодарны за это самому видному изъ верховниковъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали прїѣзда новой императрицы. Верховники, желая, по крайней мѣрѣ, уничтожить неудовольствіе въ собственной средѣ, успокоить старика Головкина, рѣшились выпустить зятя его Ягужинскаго изъ-подъ ареста и возстановить его въ прежнемъ значеніи; но Ягужинскій не согласился принять отъ нихъ прощеніе въ винѣ, которой за собою не признавалъ: «Вы меня запятали, говорилъ онъ, но очистить меня вы не можете» ²²⁶.

10 февраля получено было извѣстіе, что императрица уже недалеко отъ Москвы, и три архіерея съ тремя сенаторами отправились къ ней навстрѣчу; на заставѣ офицеръ потребовалъ отъ нихъ паспортовъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, и когда паспорта были объявлены, то офицеръ пересчиталъ всѣхъ, и господъ, и слугъ. Архіереи и сенаторы нашли Анну въ Чашникахъ, и въ то время какъ они ее привѣтствовали, сопровождавшій ее князь Василій Лукичъ Долгорукій зорко оглядывалъ ихъ съ ногъ

до головы. Въ тотъ же день Анна пріѣхала въ село Всесвятское подъ Москвою, и здѣсь остановилась, давши приказаніе похоронить на другой день Петра II.

11 февраля чѣмъ-свѣтъ собрались всѣ чины въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ находилось тѣло покойнаго государя, и долго ждали: причиною медленности оказалось то, что невѣста, княжна Долгорукая, требовала себѣ въ церемоніи мѣста и всей обстановки особы императорскаго дома. Эта безтактность со стороны Долгорукихъ возбудила противъ нихъ сильное негодованіе ²²⁷. Погребальное шествіе тронулось безъ невѣсты. Но въ то время какъ многіе бранили княжну Екатерину и ея родственниковъ, на нечальную церемонію смотрѣла изъ окна шереметевскаго дома другая женщина, которой суждено было дать фамиліи Долгорукихъ другаго рода блескъ, блескъ нравственной чистоты и мужества въ страданіяхъ: то была невѣста бывшаго фаворита, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, Наталья Борисовна Шереметева. Когда она обручилась съ Долгорукимъ, то отовсюду только и слышала восклицанія: «ахъ какъ она счастлива!» Но это счастье продолжалось только нѣсколько дней. Послѣ извѣстія о смерти Петра II «не можно было плачь мой пресѣчь», писала потомъ Наталья Борисовна: «я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средство, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня уговаривать, что я еще человекъ молодой, а такъ себя безрассудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время, правда, что одинъ женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, и сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла

такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла... Пришелъ тотъ назначенный несчастливый день: нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подь окошкомъ, смотря на ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ несли государственные гербы, кавалерію, разные ордены, короны, въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подь руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявшись противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миной: кого погребаетъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю»²²⁸. Петра погребли въ Архангельскомъ соборѣ, вынудши для его гроба два гроба сибирскихъ царевичей²²⁹.

Мысли многихъ присутствовавшихъ 11 февраля въ Архангельскомъ соборѣ обращались въ Всесвятское. Верховники уже были недовольны: тотчасъ по пріѣздѣ Анны въ Всесвятское, явился туда батальонъ Преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ: Анна вышла къ нимъ, объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, и каждому изъ послѣднихъ поднесла сама по рюмкѣ водки. Это распоряженіе насчетъ полковничества и капитанства гвардіи было явнымъ нарушеніемъ условій; однако 14 числа Верховный Тайный Совѣтъ, Сенатъ и генералитетъ отпразднели въ Всесвятское благодарить императрицу за дарованную народу милость, при чемъ графъ Головкинъ, какъ старшій кавалеръ, поднесъ ей орденъ св. Андрея; есть очень вѣроятное извѣстіе, что Аннѣ не понравилось это поднесеніе отъ Верховнаго Совѣта, ибо она считала себя въ правѣ на этотъ орденъ, какъ императрица: «Ахъ, правда, я и позабыла его надѣтъ», сказала она, взяла орденъ и велѣла надѣтъ его на себя одному изъ окружающихъ, не допуская сдѣлать это кого-нибудь изъ членовъ Верховнаго Совѣта²³⁰. На

другой день, 15 февраля, императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Москву. Всѣ чины были созваны къ присягѣ въ Успенскій соборъ, который былъ обставленъ войскомъ. Въ синодской палатѣ Теофанъ Прокоповичъ внушалъ духовенству, что присяга есть дѣло великое; бѣда если кто присягаетъ на томъ, что противно совѣсти, или чего онъ не хочетъ или не знаетъ, и настоялъ, чтобъ Синодъ прежде всего потребовалъ отъ Верховнаго Совѣта форму присяги, которая, какъ ходили слухи, измѣнена. Нѣсколько разъ ходили секретари изъ Синода въ Верховный Совѣтъ съ требованіемъ формы присяги; верховники нѣсколько разъ обѣщались ее прислать, но не присылали, и вдругъ прислано сказать архіереямъ, что члены Верховнаго Совѣта уже въ церкви и дожидаются духовенства. Теофанъ совѣтовалъ не ходить, но другіе архіереи двинулись, и онъ не рѣшился остаться одинъ. Только-что архіереи вошли въ соборъ, какъ верховники приступили къ нимъ съ убѣжденіемъ, чтобъ первые присягнули, какъ всего народа пастыри и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. Тутъ Теофанъ началъ опять говорить о важности присяги; въ толпѣ шляхетства послышались вздохи и восклицанія, что присяга дѣло страшное. Теофанъ настаивалъ, чтобъ форма присяги прежде всего была прочтена всѣмъ вслухъ съ амвона. Князь Дмитрій Голицынъ возражалъ ему, но другіе верховники, боясь смуты, согласились. Новую форму присяги прочли: въ ней хотя нѣкоторыя прежнія выраженія, означавшія самодержавіе, и были исключены, однако не было и выраженій, которыя бы означали новую форму правленія, и, главное, не было упомянуто о правахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и о подтвержденныхъ императрицею условіяхъ; существенная перемена состояла въ томъ, что присягали государынѣ и отечеству; поэтому присутствовавшіе, разсудивъ, что новая форма не приноситъ верховникамъ никакакой пользы, рѣшились принять ее и присягнули ²³¹. Говорятъ, была попытка заставить присягнуть государынѣ и Верховному Совѣту: такую форму присяги попытался было предложить фельдмаршалъ князь Василій Владим. Долгорукій Преображенскому полку, но получилъ отвѣтъ, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то ему ноги переломаютъ ²³².

Отъ новой формы присяги не было пользы верховникамъ; но не было и вреда; они были сильны безсиліемъ своихъ против-

никовъ, недостаткомъ единства между ними, отсутствіемъ энергическихъ вождей. Теофанъ Прокоповичъ не рѣшился, или ему не позволили сказать громко привѣтственную рѣчь новой императрицѣ въ день ея торжественнаго вѣзда въ Москву; онъ подалъ рѣчь на письмѣ; въ ней говорилось: «Твое персональное доселѣ бывшее состояніе всему міру извѣстно: кто же, смотря на оное, не воздохнулъ, видя порфирородную особу, въ самомъ цвѣту лѣтъ своихъ впадшую въ сиротство отшествіемъ державныхъ родителей, тоску вдовства пріемшую лишеніемъ любезнѣйшаго подружія, не по достоинству рода пропитавіе имущую, но, и что вспомнить ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ приключеній отъ неблагодарнаго раба и весьма безбожнаго злодѣя, страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе претерпѣвшую. На сія смотря, которіи о промыслахъ Божіихъ искусно разсуждаютъ, узнали величество ваше быти въ числѣ любимыхъ чадъ Божіихъ; а суемудріи челоуѣцы, можетъ быть, въ сердцахъ своихъ говорили: Богъ оставилъ ю. А се нынѣ Отецъ нашъ небесный, сира и вдову пріемлющій, всему міру ясно показалъ, какъ не оставилъ тебе».

Теофанъ здѣсь указывалъ на гоненіе, претерпѣнное Анною отъ Меншикова, «неблагодарнаго раба и весьма безбожнаго злодѣя»; но онъ старался внушить, что Анна и теперь терпитъ страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе отъ неблагодарныхъ рабовъ и весьма безбожныхъ злодѣевъ; люди, дѣйствовавшіе по мысли Теофана, духовенство, были на чувство преданности къ царской особѣ и возбуждали состраданіе къ печальному положенію государыни, которая находится въ неволѣ: князь Василій Лукичъ Долгорукій помѣстился во дворцѣ, и никому нельзя было приблизиться къ императрицѣ безъ его позволенія; даже сестры ея могли говорить съ нею только въ его присутствіи: «Смотрите, говорили, она никуда не показывается, народъ не видитъ ея, не встрѣчаетъ радостными криками; князь Василій Лукичъ стережетъ ее какъ драконъ; неизвѣстно, жива ли она, и если жива, то на силу дышетъ». — «Симъ и симъ подобная когда вездѣ говорено, другой компаніи (противной верховникамъ) ревность жестокаѣ воспламенялась; видать было на многихъ, что нѣчто весьма страшное умышляютъ», разсказываетъ самъ Теофанъ. Но у верховниковъ было не безъ приверженцевъ, которые также

не молчали; образчикомъ ихъ рѣчей можетъ служить разсказъ бригадира Козлова казанскому губернатору Вельнскому о московскихъ происшествiяхъ: «Теперь у насъ прямое правленiе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченiе дѣламъ будетъ, и уже больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между главными согласiе было. А если будетъ между ими согласiе, такъ какъ положено, конечно никто сего опровергнуть не можетъ. Есть вѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ, а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партишкою князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскiй), однакожъ ничего не успѣваютъ, и не сдѣлается. И о государынѣ такъ положено: что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно вышлютъ назадъ въ Курляндiю, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня российская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100.000, и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже дядя ея императоръ и съ теткой ея довольствовался только 60.000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ничего, развѣ съ позволенiя Верховнаго Тайнаго Совѣта; также и деревень никакихъ, ни денегъ не повинна давать никому, и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками. А всего лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ свойственниковъ своихъ не держать, и другихъ ко двору никого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволить Верховный Тайный Совѣтъ. И теперь Салтыковыхъ и духу нѣтъ, а впредь никого не допускать. И что она сдѣлана государынею, и то только на первое время, помазка по губамъ».

Борьба между двумя «компанiями» состояла въ томъ, что верховники старались убѣдить Анну поскорѣе явиться въ ихъ засѣданiе и торжественно подтвердить новое государственное устройство, а противная компанiя уговаривала императрицу, чтобъ она этого не дѣлала. Но князь Василiй Лукичъ стерегъ Анну какъ драконъ, и потому послѣдней компанiи сноситься съ нею было трудно; надобно было дѣйствовать тайкомъ, черезъ женщинъ; главною посредницею была свояченица князя Черкаскаго, штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожден-

ная Трубецкая, по мужу свойственница императрицъ ²³³. Рассказывали, что употреблялись и другія средства сноситься съ императрицею, будто приносили къ ней каждый день ребенка, бирюзова сына, и клали ему за пазуху записки о ходѣ дѣла; наконецъ будто Ѳеоданъ Прокоповичъ подарилъ Аннѣ столовые часы, въ которыхъ подъ доскою она нашла увѣдомленіе, что преданные ей люди положили дѣйствовать рѣшительно ²³⁴. Ходилъ также слухъ, что верховники, утрашенные всеобщимъ неудовольствіемъ и не надѣясь выиграть дѣло, предложили Аннѣ провозгласить ее самодержицею, на что она отвѣчала: «Это для меня слишкомъ мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ» ²³⁵.

Какъ бы то ни было, въ то время какъ «другая компанія» собиралась въ разныхъ домахъ для совѣщаній о рѣшительныхъ мѣрахъ, для подписанія просьбы императрицъ о пересмотрѣ подписанныхъ ею въ Митавѣ пунктовъ, Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ распоряжаться, и 24 февраля рѣшилъ участь лицъ, къ которымъ императрица не могла быть равнодушна, а именно: тайный совѣтникъ Петръ Бестужевъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ; арапа Аврама Петрова велѣно освободить изъ-подъ караула и быть ему въ Тобольскѣ при полкахъ майоромъ ²³⁶. На другой день, 25 числа, члены Совѣта также собрались на обычное засѣданіе; сидѣли князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, его братъ князь Дмитрій, князь Алексѣи Григорьевичъ Долгорукій и занимались разными дѣлами ²³⁷, какъ вдругъ входитъ князь Василій Лукичъ и зоветъ ихъ къ императрицѣ. Въ большой залѣ дворца нашли они государыню и множество изъ Сената, генералитета и шляхетства, человекъ 800, отъ имени которыхъ начали читать просьбу: въ ней говорилось, что императрица, по своей неизреченной милости, изволила подписать условія, предложенныя ей Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, за что всѣ вѣрноподданные приносятъ ей глубочайшую благодарность за себя и за потомковъ своихъ, которые не перестанутъ благодарить имя ея величества; несмотря на то, обязанность вѣрноподданныхъ заставляеть представить ея величеству, что въ означенныхъ пунктахъ заключаются обстоятельства, заставляющія опасаться впредь для народа событій непріятныхъ, которыми враги отечества могутъ воспользоваться; послѣ зрѣлаго размышле-

ніа объ этихъ условіяхъ, сдѣланы были Верховному Тайному Совѣту письменныя представленія, требовалось, чтобъ по большинству голосовъ установлена была правильная и хорошая форма правленія. Но Верховный Тайный Совѣтъ отвѣчалъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія ея величества. Зная натуральное милосердіе императрицы, присутствующіе наипокорѣйше просятъ приказать разсмотрѣть различные проекты, предложенные ими, призвавши одну или двухъ персонъ изъ каждой фамиліи, для установленія такой правительственной формы, которая бы угодна была всему народу. Хотя просьба подписана и немногими лицами, потому что боялись собираться, однако присутствующіе увѣряютъ, что все шляхетство ее одобряетъ.

Когда чтеніе было кончено, князь Василій Лукичъ обратился къ императрицѣ съ просьбою обдумать вмѣстѣ съ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, какой отвѣтъ дать на подобное прошеніе. Тутъ вдругъ подлѣ Анны очутилась сестра ея, Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, съ перомъ и чернилицею въ рукахъ: «Нечего тутъ думать, государыня, сказала она сестрѣ: извольте подписать.» Анна подписала; но тутъ встала буря, и не со стороны членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые стояли совершенно пораженные: гвардейскіе офицеры и другіе изъ шляхетства, хотѣвшіе полнаго возстановленія прежней правительственной формы, начали кричать: «Не хотимъ, чтобъ государынѣ предписывались законы, она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи.» Когда Анна, раздраженная шумомъ, стала ихъ унимать, то они бросились передъ нею на колѣна съ крикомъ: «Государыня, мы вѣрные подданные вашего величества; мы вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ, и сложимъ свои головы на службѣ вашего величества; но мы не можемъ терпѣть, чтобъ васъ притѣсняли. Прикажите, государыня, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ.» Тутъ Анна сказала капитану гвардіи: «Вижу, что я здѣсь не безопасна; повинуйтеся генералу Салтыкову и только ему одному.»

Шляхетство имѣло теперь въ рукахъ подписанную императрицею просьбу о пересмотрѣ всѣхъ проектовъ и установленіи, съ общаго согласія, новой правительственной формы. Но къ чему повело бы это, когда уже такъ громко было заявлено желаніе,

чтобъ возстановленъ былъ старый порядокъ вещей, когда представители вооруженной силы высказались, что не позволять подписывать законовъ государынѣ? Благоразумно ли было давать опереживать себя въ преданности и подвергаться явной опасности? Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ голоса людей, требовавшихъ полного возстановленія самодержавія, взялъ верхъ, и дворянство, вышедши въ другую залу, положило просить императрицу о принятіи самодержавія. Но для написанія новой просьбы требовалось время, и потому стали просить о допущеніи на аудіенцію послѣ обѣда. Анна согласилась и пошла за столъ, къ которому пригласила и членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта²⁸⁸: такимъ образомъ послѣдніе не имѣли возможности подумать вмѣстѣ о своемъ положеніи.

Въ четвертомъ часу пополудни дворянство возвратилось во дворецъ съ новою просьбой, въ которой говорилось: «Когда ваше императорское величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за тако превосходную вашего императорскаго величества милость. Однакожь усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; также нынѣ въ члены и впредь на увалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно бѣ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущаго времени нынѣ установить. Мы напоследокъ

вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе раби надѣмся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному величества вашего благоутробію презрѣнны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препроводятъ имѣемъ.»
Февраля 25, 1730. Подписи: князь Иванъ Трубецкой, Григорій Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, князь Григорій Юсуповъ, Михайла Матюшкинъ, князь Алексѣй Черкасскій, Сукинъ, Олсуфьевъ, князь Никита Трубецкой, графъ Михайла Головкинъ и т. д., подписей 150.

Когда прочли эту просьбу, императрица иритворилась удивленною: «Какъ, сказала она: развѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ, были составлены не по желанію цѣлаго народа.» «Нѣтъ!» отвѣчали собравшіеся.—«Такъ, значитъ, ты меня, князь Василій Лукичъ, обманулъ,» сказала Анна ²³⁹. О послѣдующемъ въ протоколѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта записано: «Пополудни въ четвертомъ часу къ ея императорскому величеству призыванъ статскій совѣтникъ Масловъ и приказано ему пункты и письмо принести къ ея величеству, которые въ то-жъ время и отнесены, и ея величеству отъ господъ министровъ поднесены, и тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила принять разорвать. Февраля 26: Господа министры изволили быть во дворцѣ, куда призыванъ статскій совѣтникъ Масловъ и велѣно ему сочинить вновь присягу о самодержавіи ея величества, которая въ то-жъ время и сочинена, и ея величество тое присягу опробовать соизволила, и господа министры тое присягу подписавъ вручили ея величеству. 28 февраля по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ объявлено, чтобъ завтра, т.-е. 1-го марта, въ 8 часовъ утра всѣ шли паки къ присягѣ въ соборы и церкви.»

Бригадиръ Ив. Мих. Волынскій такъ увѣдомилъ объ этихъ событіяхъ двоюроднаго брата своего, Артемія Петровича Волынскаго: «Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ его величества выбрали царевну Анну Ивановну съ подписаніемъ пунктовъ, склонныхъ вольности, и чтобъ быть въ правленіи государства Верховному Совѣту восьми персонамъ и въ Сенатѣ одиннадцати. И въ ономъ спорило больше шляхетство, чтобъ быть въ Верховномъ Совѣтѣ 21 персонѣ, и выбирать оныхъ балтированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было восемь пер-

сонъ. И за то шляхетство подало челобитную ея величеству, чтобы быть въ 21 персонѣ, и оная челобитная ея величества собственною рукою подписана тако: «По сему разсмотрѣть», и потомъ ея величество и оную челобитную изволила отдать князю Алекс. Мих. Черкасскому. И съ шляхетствомъ подавалъ челобитную князь Алексѣи Михайловичъ, и потомъ за опасностію шляхетство подало челобитную другую ея величеству, чтобъ соизволила принять суверенство, и тако учинилась въ суверенствѣ, и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все князь Алексѣи Михайловичъ и генералитетъ, съ нимъ и шляхетство, и что отъ того будетъ впредь, Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, и живетъ онъ вверху и ночуетъ при ея величествѣ, а большіе въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ обрѣтаются, двѣ фамиліи и съ ними Матюшкинъ, Измайловъ, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матвѣи Воейковъ, и такова дѣла отъ начала не бывало ^{240.}»

Присягнули самодержицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, ей одной только, и, за очень немногими исключеніями, всѣ были очень довольны; перепугались только, какъ говорятъ, когда вечеромъ 25 числа красный цвѣтъ сѣвернаго сіянія покрылъ горизонтъ. Въ кругу людей близкихъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ произносилъ зловѣщія слова: «Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть; пострадаю за отечество; мнѣ уже не много остается, и тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего» ^{241.}

Но отъ кого же плакать? отъ самой императрицы? Мы уже нѣсколько разъ встрѣчались съ герцогинею курляндскою и все въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ея жизни. Жизнь до сихъ поръ, дѣйствительно, была незавидная. Раннее и бездѣтное вдовство въ странѣ слабой, за вліяніе надъ которою спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны игрушку политическихъ отношений и соображеній; она стала невѣстою всѣхъ бѣдныхъ принцевъ, желавшихъ получить Курляндію въ приданое; планы о бракѣ ея составлялись и раздѣлывались смотря по отношеніямъ между Россіею, Польшею и Пруссіею; неприятно было положеніе Анны при великомъ дядѣ; еще неприятнѣе при Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ. Чаша униженія была выпита до дна,

а натура была жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная къ униженію. Во всемъ препятствія, борьбы; за отношенія къ Бестужеву гоненіе отъ матери, царицы Прасковьи, на которую Анна была очень похожа жесткостію и энергіею; понравился Мориць саксонскій—«неблагодарный рабъ» разстриваетъ дѣло; изъ-за Бирона неприятная исторія съ Бестужевымъ. Выбрали въ императрицы, когда уже Аннѣ было 37 лѣтъ; но князь Василій Лукичъ Долгорукій привезъ ограничительные пункты, и требуетъ, чтобъ Биронъ не ѣздялъ въ Москву²⁴²; князь Василій Лукичъ стережетъ какъ драконъ. Наконецъ тюрьма отпирается, Анна на полной свободѣ, она самодержавная императрица; наконецъ-то можно пожить; но уже молодость прошла, оставивъ много горечи на сердцѣ; да и дадутъ ли спокойно пользоваться властію? Выбрали съ ограниченіемъ; ограничительные пункты разорваны, но остались недовольные, и недовольны сильные и знатные люди; при первомъ неудовольствіи къ нимъ пристанутъ и другіе, и начнутъ смотрѣть въ другую сторону: въ Голштиніи соперникъ опасный, родной внукъ Петра Великаго! Надобно смотрѣть зорко и жить въ постоянномъ страхѣ; а подозрительность и страхъ—это такія чувства, которыя не умягчаютъ душу. Русское знатное шляхетство подозрительно; правда, оно было противъ верховниковъ; но оно сочиняло разные проекты государственнаго устройства, и 25 февраля просило свободы просмотрѣть эти проекты и составить одинъ наиболее удовлетворительный; только энергическое движеніе гвардіи заставило поспѣшить возстановленіемъ самодержавія. Надобно привязать къ себѣ эту гвардію, увеличить ея число и, главное, сосредоточить всю власть въ рукахъ людей вполне преданныхъ, которыхъ интересы неразрывно связаны съ интересами Анны, которымъ грозила и постоянно грозитъ бѣда, если власть перейдетъ въ руки русской знати. Эти люди—иностранцы. Но возвышеніемъ иностранцевъ, и особенно одного изъ нихъ, который въ глазахъ народа не имѣлъ никакого права на возвышеніе, оскорблялись русскіе; Анна при своемъ умѣ, котораго у нея никто никогда не отнималъ, не могла не сознавать этого, и потому не могла быть покойна. Чтобъ успокоиться, забыться среди постоянно тяжелыхъ обстоятельствъ жизни для натуры неспособной уходить во внутренній міръ души и оттуда вызывать успокоеніе

для натуры недоступной, неприготовленной образованіемъ къ высшимъ средствамъ возстановленія падающихъ силъ духа,— для такой натуры оставалось одно средство—внѣшнее развлеченіе, празднества, окруженіе себя существами, которыя бы постоянно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство, и Аннѣ необходимо имѣть подлѣ себя женщинъ, которыя бы болтали безъ умолку. Такъ она писала въ Москву: «У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны въ Москвѣ живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка: и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испугалась: то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ что она много говоритъ». Въ другой разъ Анна писала въ Переяславль: «Поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Татьяну Новокшенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ посороку и также-бъ говорливы, какъ та Новокшенова или какъ были княжны Настасья и Анисья» ²⁴³. Въ послѣдствіи люди знатные оскорблялись тѣмъ, что при Аннѣ въ числѣ шутовъ были два князя—Волконскій и Голицынъ ²⁴⁴; но желаніе развлечься насчетъ ближняго, поймать его, посмѣяться надъ нимъ было такъ сильно въ Аннѣ, что она не останавливалась ни предъ какимъ саномъ, что видно изъ письма ея къ казанскому архіерею: «Пресвященный архіерей! Письмо ваше изъ Казани мы получили, въ которомъ пишешь, что ты пріѣхалъ туда въ самой Благовѣщеневъ день и даешь знать, что то есть марта 25 числа; за то мы благодарствуемъ, что научилъ насъ здѣсь въ Петербургѣ знать, въ которомъ числѣ оный день бываетъ: а мы до сихъ поръ еще не знали, однакожъ уповали, что то какъ въ Казани, такъ и здѣсь въ одно время прилучается» ²⁴⁵. Въ заключеніе представимъ два портрета Анны, нарисованные въ разные времена, одинъ наблюдателемъ совершенно безпристрастнымъ, другой наблюдательницею очень пристрастною; но все же и второй портретъ заслуживаетъ вниманія. Голштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, въ 1724 году такъ описываетъ визитъ, сдѣланный его герцогомъ курляндской герцогинѣ Аннѣ: «Она приняла его высочество очень ласково, но не просила его садиться и не приказывала разносить

вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня женщина живая и пріятная, хорошо сложена, не дурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе». Другой портретъ отъ 1730 года: невѣста князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, Наталья Борисовна Шереметева смотрѣла на торжественный въѣздъ Анны въ Москву и описала ее такъ: «Престрашнаго была взору; отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше и чрезвычайно толста».

Какъ же началась дѣятельность новаго правительства?

Просьба генералитета и шляхетства объ уничтоженіи Верховнаго Совѣта и восстановленіи Сената въ томъ значеніи, какой онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, была немедленно исполнена (4 марта) ²⁴⁶. Число сенаторовъ, какъ именно просили, было назначено 21: канцлеръ графъ Головкинъ, фельдмаршалы князь Голицынъ, Долгорукій и Трубецкой, князь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій, князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, генераль Ягужинскій (освобожденный изъ-подъ ареста 25-го же февраля), Григорій Петровичъ Чернышевъ, Иванъ Ильичъ Мамоновъ, князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой, князь Иванъ Ѳеодоровичъ Борятинскій, Семенъ Ивановичъ Сукинъ, Василій Яковлевичъ Новосильцевъ, князь Григорій Алекс. Урусовъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Этотъ списокъ не поражалъ новостію въ сравненіи съ прежними временами: изъ двадцати одной фамиліи только одна была нѣмецкая—Остермана, но и барона Андрея Ивановича, какъ прежде Брюса, переставали считать иностранцемъ. На другой день, 5 марта, сенаторы присягали и немедленно имѣли разсужденіе, надлежитъ ли въ Сенатѣ быть генераль-прокурору, оберъ-прокурору и рекетмейстеру? Разсудили, что рекетмейстеру быть надлежитъ; но отъ безпокойныхъ блюстителей и напоминателей закона себя освободили ²⁴⁷. 18 марта «ея императорское величество изволила присутствовать въ Сенатѣ и засѣдать въ своемъ мѣстѣ. Притомъ изволила отдать пункты и указала по онымъ о сбавкѣ подушныхъ денегъ разсмотря доложить ей императорскому величеству. Изволила же дать указъ о благочестивомъ содержаніи православныя вѣры и

прочаго, что касается ко св. церкви, и по прочтеніи оныхъ, министры за такую ея императорскаго величества милость благодарили. Изволила слушать реестръ докладамъ и указала тѣ доклады взнести современемъ въ домъ ея императорскаго величества, и тогда разсматривать изволить. Потомъ изволила отсутствовать»²⁴⁸.

Мы видѣли, что Верховный Тайный Совѣтъ, желая удовлетворить недовольное шляхетство, обѣщаль уничтоженіе майората и учрежденіе военнаго училища, изъ котораго молодые шляхтичи могли бы выходить прямо офицерами, не подвергаясь унижительной службѣ въ солдатахъ. Самодержавная императрица признала за нужное исполнить эти обѣщанія уничтоженнаго ею Совѣта. Въ декабрь 1730 года утвержденъ былъ докладъ Сената, что «въ 1714 году Петръ Первый, императоръ, по первенству одного наслѣдникомъ учинить соизволилъ, въ такомъ всемилостивѣйшемъ намѣреніи: 1) чтобъ отъ раздѣленія деревень въ разныя руки фамиліи и знатныя дома не упали, и крестьяне не отягчены были помѣщиковыми податями, и для того бѣ исправнѣ государственныя подати платить могли. 2) Чтобъ тѣ дѣти, которыя къ деревнямъ наслѣдники не будутъ, принуждены были хлѣба искать службою, ученіемъ и торгами. Но нынѣ усмотрѣно, что тѣ пункты по состоянію здѣшняго государства не къ пользѣ происходятъ, а именно: 1) отцамъ не только естественно, но и законъ Божій повелѣваетъ дѣтей своихъ всѣхъ равно награждать, и для того, которые у себя имѣютъ по два или по три сына и по нѣсколько дочерей, тѣ всячески ищутъ, какимъ бы образомъ всѣхъ равно удовлетворить, и если прочихъ движимымъ наградить нечѣмъ, то принуждены съ крестьянъ излишнее брать или деревни продать въ чужой родъ, чтобъ деньги на раздѣлъ прочимъ оставить, или тѣ жъ деревни перепродавать чрезъ нѣсколько лицъ для укрѣпленія меньшимъ дѣтямъ, и въ платежѣ пошлинъ несутъ великіе убытки; а если кто при себѣ не сдѣлаетъ, то принужденъ написать въ духовной на себѣ немалый долгъ и съ клятвою наслѣднику завѣщать подъ тѣмъ образомъ заплатить меньшимъ дѣтямъ, и нѣкоторые, исполняя волю отцовскую, платятъ, продавъ тѣ же отцовскія деревни, а иные наслѣдники, вѣдая что на отцѣ ихъ такого долгу не было, духовныя оспариваютъ, и происходятъ между братьями ненависти и ссоры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ съ обѣихъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ,

и въ такой ненависти и злобѣ вѣчно принуждены оставаться, и не безъизвѣстно есть, что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти. 2) Хлѣбъ, лошадей и всякій скотъ за движимое почитаютъ и отдаютъ меньшимъ братьямъ съ сестрами, и такимъ образомъ у наслѣдника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніи быть не могутъ а у меньшихъ братьевъ безъ деревень хлѣбъ и скотъ пропадаютъ, и какъ наслѣдники, такъ и кадеты отъ того въ разореніе приходятъ. И хотя опредѣлено, чтобъ тѣ, которые къ деревнямъ не наслѣдники, искали бъ себѣ хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ, но того на самомъ дѣлѣ не исполняется, ибо всѣ шляхетскіе дѣти, какъ наслѣдники такъ и кадеты, берутся въ службу сухопутную и морскую въ нижніе чины, что кадеты за двойное несчастіе себѣ почитаютъ, ибо и отеческаго лишились и въ продолжительной солдатской или матросской службѣ бывають, и до такого отчаянія приходятъ, что уже всѣ свои шляхетные поступки теряють. 3) Деревень въ приданое за дочерьми давать не велѣно, чтобъ онѣ въ чужіе роды не выходили; это также съ немалою тягостію происходитъ, ибо вмѣсто того, чтобъ дать въ приданое деревни, принуждены ихъ продавать, и тѣ деньги за дочерьми давать, потому что безъ этой продажи дать нечего, и потому деревни стали больше прежняго выходить изъ роду, тогда какъ отдачею деревень въ приданое ущерба фамиліямъ быть не можетъ: когда кто деревню отдастъ за дочерью, то вмѣсто того сынъ его возьметъ за женою изъ другаго рода. 4) Въ дѣлахъ превеликое затрудненіе и волокита происходятъ, потому что Уставъ, какъ въ государствѣ необычный, разнымъ образомъ толкуется; а такъ какъ благополучіе государства и польза состоятъ въ правосудіи и благосостояніи подданныхъ, то мы, всеподданнѣйшіе вашего императорскаго величества рабы, собраніе правительствующаго Сената, доносимъ и всепокорно просимъ вѣрныхъ рабовъ своихъ пожаловать, повелѣть съ сего указа въ раздѣленіи дѣтямъ, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ имѣній чинить по уложенью, и то, какое награжденіе давать женамъ и дочерямъ, опредѣлить вновь пунктами; которыя дѣла рѣшоны по пунктамъ 1714 года, а спору и челобитья нѣтъ, тѣмъ быть такъ; а которые отцы уже сдѣлали наслѣдникомъ одного изъ сыновей, а теперь пожелаютъ раздѣлить всѣмъ, или кто изъ

братьевъ по смерти отцовой сдѣланъ одинъ наслѣдникомъ, а пожелаетъ самъ съ меньшими братьями раздѣлить полюбовно и о томъ будутъ бить челомъ, тѣмъ дать на волю» ²⁴⁹.

При Екатеринѣ I и Петрѣ II происходили отѣны уставовъ Петра Великаго; но майоратъ не былъ тронутъ, потому что власть находилась въ рукахъ немногихъ людей самыхъ богатыхъ и знатныхъ, старыхъ или новыхъ—все равно; самое установленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта уже обозначало это выдѣленіе немногихъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей, для которыхъ майоратъ не могъ быть тяжекъ: они имѣли средства наградить своихъ младшихъ сыновей или кадетовъ, какъ тогда называли, движимымъ, имѣли возможность выгодно устроить ихъ браки, выгодно устроить ихъ службу. Но для массы землевладѣльцевъ майоратъ, разумѣется, былъ страшно тяжекъ въ государствѣ земледѣльческомъ, съ слабымъ промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, съ ничтожнымъ потому количествомъ денегъ; новая Россія, несмотря на средства, данныя ей преобразованіемъ, была еще очень недалеко отъ старой Россіи, гдѣ, за отсутствіемъ денегъ, землею платили за государственную службу, землею платили за поминъ души, и гдѣ надобилось движимое, тамъ вмѣсто денегъ употребляли звѣриныя шкуры, мѣха; понятно, что землевладѣльцу неоткуда было добывать денегъ для надѣла младшихъ сыновей и дочерей, онъ могъ жить только день-за-день доходами съ земли, получая ихъ преимущественно натурою, и отсюда всѣ, указанныя въ сенатскомъ докладѣ, неудобства; пропущено еще одно зло, что при рѣдкости денегъ желавшимъ продавать деревни трудно было найти покупателей, и деревни должны были продаваться за низкую цѣну. Понятно, что верховники, желая привлечь на свою сторону массу землевладѣльцевъ, бывшую противъ нихъ, не могли придумать лучшаго средства, какъ обѣщать уничтоженіе майората, и правительство Анны точно также нашло необходимымъ для себя исполнить это обѣщаніе. Масса землевладѣльцевъ или шляхты, требуя равенства правъ для всѣхъ своихъ членовъ и восторжествовавши надъ верховниками, этими людьми, которые хотѣли быть старшими, привилегированными братьями въ семьѣ дворянской, — масса землевладѣльцевъ воспользовалась своимъ торжествомъ, чтобъ просить о восстановленіи равенства между братьями въ каждой частной семьѣ шляхетской.

Другое обѣщаніе верховниковъ было исполнено неранѣе половины 1731 года, вѣроятно по финансовымъ затрудненіямъ. 29 іюля данъ былъ указъ Сенату объ учрежденіи Кадетскаго корпуса: «Весьма нужно, говорилось въ указѣ, дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были; того ради указали мы: учредить корпусъ кадетовъ, состоящій изъ 200 человѣкъ шляхетскихъ дѣтей, отъ 13 до 18 лѣтъ, какъ російскихъ такъ и эстляндскихъ и лифляндскихъ провинцій, которыхъ обучать ариметикѣ, геометріи, рисованію, фортификаціи, артиллеріи, шпажному дѣйствию, на лошадяхъ ѣздить и прочимъ къ воинскому дѣйствию потребнымъ наукамъ. А понеже не каждого человѣка природа къ одному воинскому склонна, также и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованію, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы вида природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять. И на содержаніе того корпуса и учителей и на прочіе расходы опредѣляемъ сумму 30.000 рублей.» Въ ноябрѣ изданъ былъ Уставъ корпуса, гдѣ говорилось, что «Корпусу кадетовъ быть въ С.-Петербургѣ, понеже тамо они какъ въ опредѣленной при Академіи Наукъ Гимназіи въ разныхъ наукахъ обучены быть, также и отъ Академіи самой, къ вящшему ихъ въ наукахъ успѣху, потребные способы получать могутъ; сверхъ того-жъ въ С.-Петербургѣ всегда знатное число войскъ, артиллерія и полный расеналъ содержится, также ежедневно гражданской и военной архитектуры строенія отправляются, при чемъ обучаемые молодые люди, купно съ теоріею, современнымъ и практику видѣть могутъ, не меньше же къ обхожденію съ разными иностранными націями и къ обученію ихъ языкамъ больше и лучше случая имѣется.» Для помѣщенія корпуса отданъ домъ князя Меншикова на Васильевскомъ островѣ. Корпусъ раздѣляется на 4 класса: въ четвертомъ или низшемъ кадеты обучаются русскому и латинскому языкамъ, чистописанію и ариметикѣ; въ третьемъ классѣ геометріи, географіи и грамматикѣ; во второмъ фортификаціи, артиллеріи, исторіи, правильному въ письмѣ складу и стилю, риторикѣ, юриспруденціи, морали, геральдикѣ и прочимъ воинскимъ и политическимъ наукамъ. Въ первомъ классѣ обу-

чаются далѣе тѣмъ наукамъ, къ которымъ въ прежнихъ классахъ больше склонности, прилежанія и понятія показали; переводятся въ этотъ классъ и выпускаются изъ него военными и гражданскими чинами послѣ строгаго экзамена. Русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ кадеты обучаются во всѣхъ классахъ, также и латинскому — по охотѣ. Въ кадетскомъ домѣ высшихъ трехъ классовъ всякому кадету должно пять или шесть лѣтъ неотлучно въ ученіи быть, чтобъ фундаментальное знаніе могли получить; а которые, имѣя охоту къ высшимъ гражданскимъ наукамъ, желаютъ еще болѣе ими заниматься, тѣ могутъ учиться у профессоровъ Академіи Наукъ. Число русскихъ кадетъ должно быть 150, эстляндскихъ и лифляндскихъ 50²⁵⁰.

Новое учрежденіе представляетъ намъ естественное развитіе въ исторіи учебныхъ заведеній въ Россіи. Академія Наукъ, по плану Петра Великаго, заключала въ себѣ Академію Наукъ, Университетъ и Гимназію. Теперь выдѣлилось высшее учебное заведеніе, вовсе не специально военное, ибо это специализированіе, по тогдашнимъ средствамъ Россіи, было еще невозможно; новое учрежденіе носитъ характеръ военный и гражданскій вмѣстѣ, ибо, какъ говорится въ указѣ и Уставѣ, не всякій способенъ къ военной службѣ, и гражданское образованіе также нужно въ государствѣ, какъ и военное.

Мы видѣли, что императрица въ первомъ засѣданіи своемъ въ Сенатѣ дала указъ о «благочестивомъ содержаніи православной вѣры»; послѣ она сочла необходимымъ придать другой указъ о рѣшеніи дѣлъ судьямъ по чистой совѣсти: «понеже правосудіе есть цѣлость и здравіе государства, а гдѣ того нѣтъ, тамъ Божіе благословеніе и милость отъемлются и въ праведный Его гнѣвъ выпадаютъ»²⁵¹. Но одни подобныя провозглашенія не могли подействовать на судей, и въ іюнѣ 1730 года данъ былъ Сенату указъ, чтобы каждую субботу подавались императрицѣ два рапорта за подписью сенаторовъ: въ одномъ должно быть означено, сколько въ прошедшую недѣлю рѣшено было въ Сенатѣ такихъ дѣлъ, которыя могли быть рѣшены на основаніи существующихъ законовъ; во второмъ рапортѣ должны быть означены такія дѣла, которыя не могутъ быть покончены безъ собственнаго рѣшенія и указа императрицы, и за полученіемъ этого указа сенаторы должны являться каждую субботу къ императрицѣ, или всѣ или, по крайней мѣрѣ, отъ 5 до 6 человекъ²⁵².

Но «ничто такъ не было нужно къ праведному и незазорному суду, какъ совершенное Уложение, ибо послѣ стараго россійскаго Уложенья многіе разные указы и въ разныя времена выдавались и затѣмъ есть одинъ съ другимъ не вовсе согласные, чрезъ что случай подается безсовѣстнымъ судьямъ, подбирая указы, на которую сторону хотятъ дѣло рѣшить несправедливо». — «Относительно Уложенья до сихъ поръ ничего не сдѣлано», говорилось въ указѣ 1-го іюня 1730 года: «и мы, послѣдуя нашего дяди намѣренію, милосердуя къ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, чтобъ во всей нашей имперіи былъ судъ равный и справедливый, повелѣваемъ начатое Уложение немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію Сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ; а чтобъ поспѣшнѣе оканчивали, то, козь скоро которую главу окончатъ, слушать въ Сенатѣ всѣмъ собраніемъ, и, утверди по крайнему разсужденію и подписавъ, возносить къ намъ, и какъ отъ насъ апробовано и подписано будетъ, тогда, напечатавъ, публиковать и по онымъ дѣла рѣшать, и такъ одну по другой главы къ совершенству привести»²⁵³. Мысль о присутствіи выборныхъ изъ областей при составленіи Уложенія не была покинута, и вслѣдъ за приведеннымъ указомъ Сенатъ распорядился, чтобъ дворянъ, которые по указу 1729 года выбраны въ губерніяхъ, для сочиненій Уложенія, достойные по выбору тамошняго шляхетства, тѣхъ выслать въ Москву непременно къ 1-му сентября 1830 года, а гдѣ еще не выбраны, тамъ выбирать и высылать къ тому же сроку²⁵⁴.

Сенатъ воспользовался поднятіемъ дѣла объ Уложеніи, чтобъ возбудить вопросъ о майоратѣ: въ іюлѣ сенаторы разсуждали: если ея императорское величество дастъ позволеніе, чтобъ о наслѣдствахъ поступать по прежнимъ указамъ и Уложению, то въ сочиненіи новаго Уложенья вотчинной главы трудъ очень уменьшится, потому что многіе пункты прежняго Уложенья достаточны будутъ»²⁵⁵. Но надобно было немедленно исполнять указъ объ окончаніи новаго Уложенія. Мы видѣли, что это дѣло было поручено Ивану Познякову и секретарю Сверхкову. Они были призваны въ Сенатъ и спрошены: что дѣлаютъ? Отвѣчали,

что сведена глава о богохульникахъ, которую и представили. Потомъ сенаторы начали разсуждать, что первому титулу о законодателѣ быть не надобно, что надлежащую до духовности главу надобно разсматривать Синоду или опредѣлить съ свѣтскими нѣкоторыхъ духовныхъ персонъ. Разсмотрѣвши форму главы о богохульникахъ, приказали Познякову и Сверчкову, чтобъ сводили по той формѣ, только что касается изъ Кормчей книги до гражданства, того также не выписывали бы, и шли-бъ по оглавленіямъ, и титулъ по титулѣ, на основаніи прежняго Уложенія, разнося по приличности главъ. Сочли необходимымъ прибавить работниковъ, и приказали быть у сочиненія Уложенія: Григорью Ергольскому, Степану Колычеву, Семену Карпову, Ивану Кожину, Петру Лобкову²⁵⁶. Приѣхали выборные изъ областей, но Сенатъ убѣдился, что они не могутъ принести никакой пользы дѣлу, и потому въ концѣ 1730 года опредѣлили отпустить ихъ по домамъ, новыхъ не вызывать, а увеличить число знающихъ людей: въ декабрѣ приказали у сочиненія и *окончанія* Уложенія быть, сверхъ прежде опредѣленныхъ, тайному совѣтнику Феодору Наумову; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: Алексѣю Зыбину, Алексѣю Баскакову, бригадиру Петру Засѣцкому; статскимъ совѣтникамъ: Аванасью Савелову, Ивану Вельяминову, совѣтнику Дмитрію Потемкину, Ивану Алмазову, Василью Высоцкому, и для скорого сочиненія и окончанія Уложенія присутствовать изъ членовъ прав. Сената по одной персонѣ съ перемѣною по недѣлю; а какъ будутъ сочиняться надлежащія до юстицъ-и-вотчинной коллегій главы, въ то время быть при томъ тѣхъ коллегій членамъ²⁵⁷.

Окончаніе Уложенія было только на бумагѣ; а между тѣмъ громко вопили противъ несправедливыхъ рѣшеній въ судахъ. Сенатъ думалъ, какъ помочь дѣлу, и въ началѣ 1731 года придумалъ такое средство: «Прежде во всѣхъ приказахъ, и особенно въ судныхъ, спорныя дѣла судьи слушали при самихъ истцахъ и отвѣтчикахъ, и челобитчики были этимъ очень довольны, потому что подъячіе не могли неправо докладывать, и еслибъ захотѣли одной сторонѣ сдѣлать ущербъ, а другой норовить и для того выпустить что-нибудь изъ дѣла или утаить, то истцы и отвѣтчики предостерегали сами и тогда же судьямъ о томъ спорили и напоминали. А теперь не только въ коллегіяхъ и

канцеляріяхъ, и въ самыхъ нижнихъ судахъ, въ Москвѣ и го-
родахъ воеводы, въ ратушахъ бурмистры спорныя дѣла слушаютъ
безъ истцовъ и отвѣтчиковъ; и хотя утверждаютъ на томъ,
что по спорнымъ дѣломъ истцы и отвѣтчики прикладываютъ къ
выпискамъ руки: однако тутъ бываетъ не безъ грѣха; часто слу-
чается, что одна какая-нибудь рѣчь всю силу дѣла въ себѣ со-
держитъ, а секретарь или подъячій эту сильную рѣчь или со-
держаніе указа пропустить, что судьи и усмотрѣть не могутъ,
и такимъ образомъ истецъ или отвѣтчикъ обвиненъ быть можетъ.
Для избѣжанія этого приказали: во всѣхъ судныхъ мѣстахъ
спорныя дѣла слушать при истцахъ и отвѣтчикахъ, какъ такой
порядокъ былъ прежде, а притомъ имъ никакихъ излишнихъ
рѣчей и споровъ не имѣть, дабы отъ того въ слушаніи дѣлъ
помѣшательства и затрудненія не происходило ²⁵⁸.

Ошибки въ докладахъ и выпискахъ выставлены главнымъ по-
бужденіемъ въ указѣ 1 іюня 1730 года, которымъ предписыва-
лось раздѣленіе Сената на департаменты: «Такъ какъ всѣ дѣла
въ прав. Сенатѣ опредѣляются по докладамъ и выпискамъ, дѣ-
лаемымъ канцелярскими служителями, и легко случиться можетъ,
что въ этихъ докладахъ и выпискахъ, не по пристрастію, а отъ
простоты, многодѣльства, поспѣшности, или отъ какого-нибудь
другаго случая бываютъ погрѣшности, отъ которыхъ, и безъ
всякой вины прав. Сената, въ резолюціяхъ по временамъ могутъ
произойти какія-нибудь несходства; къ тому же отъ множества
дѣлъ, какъ государственныхъ такъ и челобитчиковыхъ, которыя
надобно слушать и рѣшать всему собранію, недостаетъ времени
для рѣшенія государственныхъ дѣлъ безъ продолженія и чело-
битчиковыхъ безъ волокиты: поэтому разсуждаемъ за благо, въ
правит. Сенатѣ, по примѣру другихъ государствъ, всѣ дѣла раз-
дѣлить по разнымъ департаментамъ, на примѣръ: 1) о духовныхъ
дѣлахъ, въ чемъ они до правит. Сената касаться будутъ. 2) О
военныхъ сухопутныхъ и морскихъ дѣлахъ. 3) О Камеръ-колле-
гій дѣлахъ и доходахъ и расходахъ государственныхъ. 4) О
юстиціи и челобитческихъ дѣлахъ. 5) О купецкихъ дѣлахъ и
государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и бергверкахъ. При каж-
домъ департаментѣ были бы четыре или пять человекъ изъ чле-
новъ прав. Сената, которыхъ должность въ томъ состоятъ бу-
детъ, что когда въ правит. Сенатъ какія дѣла войдутъ, касаю-

ціяся ихъ департамента, то они напередъ между собою эти дѣла сами разсмотрятъ, надлежащимъ образомъ изслѣдуютъ, однимъ словомъ все то изготовятъ, что къ полному рѣшенію и опредѣленію его потребно; а потомъ съ объявленіемъ своего мнѣнія, въ полномъ собраніи правит. Сенату для рѣшенія предложить. Черезъ это: 1) всякія погрѣшности въ канцеляріи правит. Сената упредятся; 2) всякія дѣла съ лучшимъ основаніемъ и благоугоднымъ правосудіемъ и 3) безволочитно и безъ остановки рѣшены и отправлены будутъ; 4) правит. Сенату великое облегченіе сдѣлается»²⁵⁹.

Мы видѣли, что при возстановленіи своемъ въ прежнемъ значеніи, господа Сенатъ хотѣли избавиться отъ прокуроровъ; но наверху кто-то постарался представить, что это установленіе великаго дяди необходимо, безъ него дѣла идутъ дурно, и, главное, какимъ образомъ исчезли прокуроры, о томъ никто не знаетъ. 2 октября 1730 года явился манифестъ: «Не безъизвѣстно намъ есть, что въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ въ государственныхъ дѣлахъ слабое чинится управленіе, и челобитчики по дѣламъ своимъ справедливаго и скорого рѣшенія получить не могутъ, и бѣдныя отъ сильныхъ утѣсняемыя, обиды и разоренія претерпѣваютъ. А такъ какъ блаж. пам. дядя нашъ и государь, при сочиненіи должности сенатской, такіе непорядки и утѣсненія бѣднымъ не точію отвратить некалъ, но дабы оныя весьма искоренить и совершенный, добрый порядокъ ввести, разсудилъ учинить особое опредѣленіе. Для этого не понапрасну чинъ генераль-прокурора и ему помощника оберъ-прокурора при Сенатѣ, а въ коллегіяхъ и тогда бывшихъ Надворныхъ Судяхъ прокуроровъ учредить изволилъ. *Какимъ же указомъ оный чинъ, по кончинъ дяди нашего, оставленъ и къмъ отръшенъ, о томъ намъ неизвѣстно.* Поэтому повелѣваемъ и учреждаемъ быть, по опредѣленію дяди нашего и государя, при Сенатѣ чину генераль-прокурора и ему помощникомъ оберъ-прокурору; также во всѣхъ коллегіяхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ прокурорамъ быть попрежнему». Временно исправлять должность генераль-прокурора поручено было Ягужинскому; оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ стат. совѣт. Масловъ²⁶⁰.

Мы видѣли, какъ скоро почувствовано было, что въ стремленіи сократить число учреждений, явившихся при Петрѣ Великомъ,

перейдена была граница, какъ скоро почувствовано было, что въ Москвѣ нельзя было уничтожить Надворный и Провинціальный судъ и всѣ дѣла сосредоточить въ губернской канцеляріи. Въ мартѣ 1730 года Сенатъ подалъ докладъ, что до учрежденія губерній въ Москвѣ было семь приказовъ для суда и расправы, и волокиты челобитчикамъ не было! (Черезъ 30 лѣтъ старина уже начала забываться, стали забываться жалобы людей XVII вѣка на знаменитую московскую волокиту!) Потомъ были учреждены Надворные и Провинціальные суды: но въ 1727 году Надворнымъ судамъ быть не велѣно, а судъ и расправа была положена на губернаторовъ и воеводъ, вслѣдствіе чего судныя и розыскныя дѣла взяты въ Московскую Губернскую канцелярію, и въ томъ числѣ невершенныхъ дѣлъ 21.388. По обширности города Москвы и губерній, Сенатъ считалъ необходимымъ учредить въ Москвѣ Судный и Сыскной приказы: въ первомъ давать судъ всякаго чина людямъ, которые будутъ находиться въ Москвѣ, во второмъ вѣдать воровскія, разбойныя и убійственныя дѣла, съ апелляціею на оба приказа въ Юстицъ-коллегію. Докладъ былъ утвержденъ ²⁶¹. Въ декабрѣ того же года Сенатъ представилъ о необходимости возстановленія Сибирскаго приказа, потому что сибирскіе губернаторы имѣютъ слишкомъ обширную власть, воеводы не могутъ мимо ихъ ни о чемъ писать ни въ Сенатъ, ни въ Камеръ-коллегію, и въ такомъ дальнемъ краю ничего не видно, какъ воеводы поступаютъ. Докладъ былъ утвержденъ и возобновленный приказъ былъ порученъ Ягужинскому ²⁶². Относительно коллегій въ октябрѣ 1731 года Бергъ-коллегія и Мануфактуръ-контора соединены были съ Коммерцъ-коллегіею, «потому что отъ раздѣленія ихъ никакой пользы не было, кромѣ казеннаго убытка и въ дѣлахъ затрудненія и между ними излишнихъ переписокъ» ²⁶³.

Мы видѣли, что еще при Петрѣ II-мъ стали тяготиться отѣмною мѣрѣ Петра Великаго относительно областного управленія, сосредоточеніемъ всей власти въ рукахъ воеводъ, которыхъ сами правительственныя лица называли волками. Волки бросились на добычу, и отовсюду поднялись страшныя вопли, какъ было въ допетровской Россіи, и вотъ появляется указъ, какъ будто списанный съ указовъ прежнихъ царей: «Извѣстно учинилось, что многіе воеводы, какъ посадскимъ такъ и уѣзднымъ людямъ, чи-

нять великія обиды и разоренія и другіе непорядочные поступки, и берутъ взятки, о чемъ уже и челобитныя многія въ правит. Сенатъ на нихъ поданы, а на иныхъ и бить челомъ опасаются, для того, что тѣ воеводы многіе годы живутъ безпремѣнно: того ради великая государыня императрица указала во всѣхъ городахъ воеводамъ быть съ перемѣною на два года, и по перемѣнѣ приѣзжать имъ съ росписными и счетными списками приходу и расходу вѣдомства ихъ, и съ вѣдомостями о доимкахъ, какъ денежныхъ такъ рекрутскихъ, въ Сенатъ. И буде который исправенъ, и послѣ смѣны въ годъ челобитчиковъ на него не будетъ, такихъ опредѣлять въ воеводы же по разсмотрѣнію»²⁶⁴. Потомъ догадались, что воеводы безъ секретаря или подъячаго все равно что безъ рукъ, и потому велѣно приѣзжать вмѣстѣ съ воеводами для отчета и секретарямъ или, гдѣ секретарей нѣтъ, подъячимъ, составившимъ вѣдомости, «дабы воеводы по тѣмъ вѣдомостямъ и счетнымъ спискамъ лучшую отвѣдь чинить имѣли безъ всякихъ отговорокъ»²⁶⁵.

Губернаторовъ и воеводъ обвинили въ безпорядкахъ относительно сбора подушныхъ денегъ съ крестьянъ, и на этомъ основаніи возстановили систему Петра Великаго. Въ указѣ, данномъ Сенату въ октябрѣ 1730 года, говорится, что Петръ Великій на крестьянъ всего государства положилъ одну подать, и для того велѣно армейскіе и гарнизонные полки росписать по уѣздамъ и расположить на вѣчныя квартиры, и чтобъ крестьянамъ излишнихъ тягостей сверхъ подушнаго не было, сборъ порученъ былъ земскимъ комиссарамъ подъ смотрѣніемъ полковниковъ; земскихъ комиссаровъ по окончаніи года считали и на ихъ мѣста выбирали новыхъ сами помѣщики, которые имѣли власть наказывать комиссаровъ, которые были замѣчены въ отягощеніи крестьянъ; сверхъ того польза отъ расположенія войскъ по уѣздамъ была очевидна въ удержаніи воровства, разбоевъ, крестьянскихъ побѣговъ и въ охраненіи крестьянъ отъ гражданскихъ правителей. Въ 1727 году, продолжаетъ указъ, это полезное опредѣленіе отмѣнено, подушный сборъ положенъ на губернаторовъ и воеводъ, офицеры отъ сбора отрѣшены, отъ чего въ уѣздахъ отъ воеводъ и отъ подъячихъ многіе непорядки и крестьянамъ тягости, а именно послабленіемъ многая на крестьянахъ доимка запущена, что крестьянамъ къ большому разо-

ренію, а не къ пользѣ произошло, комиссары излишніе и вымышленные сборы производили, и, принявъ деньги, отписей не давали, а писали въ доимку; произошло многое въ уѣздахъ воровство и разбой, и крестьяне бѣгутъ. Поэтому подушный сборъ положенъ попрежнему на полковниковъ съ офицерами ²⁶⁶. Въ слѣдующемъ 1731 году новый именной указъ, что по вѣдомостямъ, присланнымъ отъ офицеровъ, показано множество доимокъ, которыхъ запускать не надлежало, и потому императрица повѣла объявить, чтобъ помѣщики, архіереи и монастырскія власти заплатили эту доимку въ три мѣсяца безъ всякаго отлагательства, а взыскивать на нихъ офицерамъ безъ всякаго послабленія ²⁶⁷. Въ то же время былъ изданъ регламентъ Камеръ-коллегіи, въ которомъ постановлялось: «Подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ, прикащикамъ и старостамъ, или тѣмъ людямъ, кому эти деревни приказаны; а дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ самимъ управителямъ, не дожидаясь повѣстки, деньги отвозить самимъ въ городъ и отдавать воеводамъ; въ случаѣ непривоза денегъ въ срокъ, полковники вмѣстѣ съ воеводами посылаютъ въ незаплатившія деревни экзекуцію, велятъ немедленно править на помѣщикахъ или прикащикахъ и старостахъ ²⁶⁸. Въ концѣ 1731 года первый указъ былъ повторенъ съ угрозою штрафовъ ²⁶⁹. Тогда же данъ былъ указъ Дворцовой Канцеляріи, что на дворцовыхъ волостяхъ много доимки, которую взыскать на судьяхъ и управителяхъ, ибо ихъ несмотрѣніемъ доимка запущена ²⁷⁰.

Подушныя деньги шли на войско, состояніемъ котораго были недовольны и въ прошлое царствованіе. Еще Верховный Тайный Совѣтъ, наканунѣ знаменитаго 25 февраля, издалъ указъ о принятіи иностранныхъ инженеровъ въ русскую службу «за недовольствомъ въ инженерномъ корпусѣ оберъ-офицеровъ, и въ тотъ же день на содержаніе пограничныхъ крѣпостей и артиллеріи опредѣлена сумма въ 70.000 рублей на годъ ²⁷¹. Въ іюнь 1730 года самодержавная императрица издала указъ: «Всякій вѣрный сынъ отечества признать долженъ, что крѣпость и безопасность государства, содержаніе мира и святого покоя отъ чужихъ непріятелей и слѣдовательно благополучіе всѣхъ подданныхъ по Божѣ отъ содержанія порядочной и благоустроенной

арміи зависить; а по кончинѣ дяди нашего многіе непорядки и помѣшательства при ней явились и нынѣ еще являются и происходятъ, для поправленія которыхъ еще при теткѣ нашей и племянникѣ нашемъ особливья комиссіи учреждены были, но въ дѣйство не произведены. Наше соизволеніе есть—учрежденіе Петра Великаго крѣпко содержать, все непорядки и помѣшательства исправлять и привести армію въ доброе состояніе безъ излишней народной тягости, и потому мы заблагоразсудили учредить особливую комиссію съ двоякою цѣлю: 1) дабы сухопутную нашу армію въ порядочномъ состояніи всегда содержать; 2) дабы обстоятельно можно было знать, какая сумма именно на содержаніе войска необходима²⁷³. Въ іюнѣ 1730 года въ Сенатѣ разсуждали, что Военная Коллегія и Коммиссаріатъ состоятъ не въ такомъ порядкѣ какъ надлежитъ, многое упущено и вѣдомостей Коллегія въ Сенатъ не подаетъ; Коммиссаріату надобно быть особо, а не въ вѣдѣніи Военной Коллегіи. Впущенъ былъ завѣдывавшій Коммиссаріатомъ генераль-майоръ Кропотовъ, спрошенъ о вѣдомостяхъ и доносилъ, что въ Военную Коллегію поданы, и притомъ говорилъ, что нѣкоторые расходы Коллегія дѣлаетъ мимо Коммиссаріата и сообщаетъ для вѣдома послѣ. Собраніе объявило ему, чтобъ онъ вѣдомости въ Сенатъ отъ себя подавалъ прямо, мимо Военной Коллегіи, потому что впредь онъ въ вѣдомствѣ этой Коллегіи не будетъ. Кропотовъ отвѣчалъ, что если такъ, то онъ будетъ подавать въ Сенатъ вѣдомости съ показаніемъ непорядковъ Военной Коллегіи; онъ же доносилъ, что комиссары должны быть не изъ офицеровъ, потому что отъ нихъ много продерзостей; но Сенатъ разсуждалъ, что могутъ быть и офицеры, только по прошествіи каждаго года они должны быть присылаемы въ Коммиссаріатъ къ отвѣту и отчету²⁷³. Тогда же сенатъ слушалъ доношеніе Военной Коллегіи о рекрутахъ, въ какія лѣта и въ какую мѣру ихъ брать? Приказали принимать мѣрою не меньше двухъ аршинъ съ четвертью, а лѣтами отъ 15 до 30²⁷⁴.

Относительно флота, въ іюль 1730 года императрица дала указъ Сенату: «Мы, послѣдуя дяди нашего установленію и разсуждая о нуждѣ, которая для благополучія и безопасности государства нашего въ содержаніи корабельнаго и галернаго флотовъ имѣется, повелѣваемъ нашему правительствующему Сенату

въ Коллегію Адмиралтейскую наискрѣпчайше подтвердить, чтобъ корабельный и галерный флоты содержаны были по уставамъ, регламентамъ и указамъ, не ослабѣвая и уповая на нынѣшнее благополучное мирное время²⁷⁵. Но въ слѣдующемъ году толковали, что флотъ погибаетъ, едва 12 кораблей могутъ выйти въ море. Нѣкоторые стали выражать мысль, которую имѣлъ еще Меншиковъ, не лучше ли уничтожить военные корабли и оставить однѣ галеры? Мысль эта нравилась при дворѣ, потому что освобождала отъ издержекъ; но противъ нея возсталъ дядя императрицы, Салтыковъ; онъ говорилъ, что главные издержки на флотъ уже сдѣланы при Петрѣ Великомъ, а теперь остается только поддерживать. Адмиралъ Сиверсъ былъ того же мнѣнія, говорилъ, что галерный флотъ одинъ безъ военныхъ кораблей не можетъ выйти въ море, первая буря дастъ возможность неприятельскимъ кораблямъ уничтожить его; притомъ Россія безъ флота потеряетъ значеніе на сѣверѣ. Рѣшено было увеличивать число военныхъ кораблей²⁷⁶.

Сенатъ сильно занималъ вопросъ о штатахъ: въ ноябрѣ 1730 года князь Василій Владиміровичъ Долгорукій предложилъ, что статскіе чины жалованья получаютъ много, а военные противъ нихъ находятся въ обидѣ, во первыхъ, умаленіемъ ранга, во вторыхъ, жалованья получаютъ гораздо меньше, вслѣдствіе чего отнимается охота къ военной службѣ, и стараются быть опредѣленными къ статскимъ дѣламъ; поэтому надобно статскимъ чиновникамъ убавить жалованья. Остерманъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Князь Черкасскій предложилъ, что до 1715 года въ приказахъ дьяковъ и подъячихъ было гораздо меньше, а дѣла исправлялись безъ остановки; а какъ съ 1715 года опредѣлено жалованье, то секретарей и подъячихъ стало больше, и теперь въ коллегіяхъ такіа дѣла, которыя прежде бывали у одного повѣтчика, раздѣлены на многія повѣтья, и отъ того увеличено число секретарей и подъячихъ; а въ вѣдомостяхъ изъ коллегій показываютъ, что безъ такого числа въ дѣлахъ справиться нельзя. Для этого надобно сенатскимъ членамъ, хотя по денно, свидѣтельствовать коллежскихъ и канцелярскихъ служителей, какія у нихъ дѣла, и можно ли изъ нихъ убавить, дабы лишнихъ служителей не было, потому что лучше оставить хотя немногихъ, только достойныхъ, которымъ по ихъ достоинству и жа-

лованье опредѣлить. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ предложилъ, что у статскихъ жалованья убавить нельзя и приказныхъ служителей убавлять не слѣдуетъ, чтобъ коллегіи недостаточнымъ числомъ служителей въ исправленіи дѣлъ впередъ не отговаривались; а хотя и свидѣтельствовать, только не о числѣ служителей, но о суммѣ, какой коллегіи за излишній трудъ передъ прочими прибавить, а гдѣ меньше труда, у тѣхъ убавить. Князь Черкасскій представлялъ, что для сочиненія штата надобно рассмотретьъ о числѣ коллегій, всѣмъ ли имъ надобно быть или убавить, потомъ привести ихъ въ лучшей порядокъ; а затѣмъ опредѣлить, сколько надобно гдѣ членовъ и служителей и съ какимъ жалованьемъ, а особливо говорилъ о Бергъ-коллегіи, что не такъ смотритъ надъ заводами какъ слѣдуетъ, и надобно въ коллегіяхъ раздѣлить дѣла между членами по частямъ.

Относительно торговли продолжала работать остермановская комиссія о коммерціи. По ея донесенію въ 1731 году позволена была свободная торговля по всей Россіи всякаго званія иноземцамъ съ уплатою положенной пошлины²⁷⁷. Въ 1730 году Сенать занималъ вопросъ о казенныхъ товарахъ; въ послѣднее время эти товары отдавались прусскимъ купцамъ, которые за то поставляли сукна на русское войско; но теперь, вслѣдствіе того, что враждебныя отношенія между Россіею и Англіею готовы были прекратиться, англійскіе купцы явились соперниками прусскимъ, и Сенать явно склонился на ихъ сторону. Въ іюнѣ мѣсяцѣ сенаторы согласно разсудили: написавъ предложенія какъ англійскихъ такъ и прусскихъ купцовъ, доложить ея величеству, и притомъ представить, что съ Англичанами изстари русскій торгъ производится, отъ котораго большая польза: Англичане покупаютъ русскіе товары на свои деньги, и сукна англійскія лучше прусскихъ; русскіе купцы въ своихъ торговыхъ дѣлахъ съ Англичанами довольны ими, тогда какъ на прусскихъ купцовъ и отъ своихъ и отъ иностранцевъ много жалобъ, притомъ же Пруссаки деньги изъ государства вывозятъ. Комиссія о коммерціи представила въ Сенать донесеніе русскихъ купцовъ о помѣхъ торгамъ ихъ вслѣдствіе поставки прусскихъ суконъ. Выслушавъ это донесеніе, сенаторы начали разсуждать, не лучше ли казенные товары послать для продажи за море въ комиссію, чтобъ не было монополіи. Въ пользу этого мнѣнія Остерманъ пред-

ставлялъ, что если здѣсь продажу казенныхъ товаровъ и поставку суконъ заключить на пять лѣтъ съ одними купцами, то будетъ двѣ монополіи: первая въ продажѣ въ однѣ руки товаровъ, вторая въ поставкѣ одними купцами сукна; а если товары отпустить въ комиссію, то хотя расходовъ на нихъ будетъ и больше, только не будетъ монополіи и помѣхи русскимъ купцамъ въ ихъ торгахъ; если казенные товары продавать и въ Россіи, то не всё, а небольшое число, чтобъ поднять имъ цѣну, а сукна покупать у вольныхъ продавцовъ, кто изъ нихъ возьметъ дешевле, не входя ни съ кѣмъ въ обязательство; впередъ казенныхъ товаровъ, поташа и смольчуга для заморскаго отпуску или продажи въ Россію заготовлять съ нѣкоторою убавкою по послѣдующимъ причинамъ: 1) отъ мнoгаго заготовленія этихъ товаровъ лѣсъ истребляется; 2) чѣмъ больше заготовлено товаровъ, тѣмъ цѣна на нихъ меньше; 3) если товаровъ заготовлять меньше, то цѣна ихъ будетъ высока и лѣсъ не такъ будетъ выводиться. Дѣла не рѣшили безъ совѣта съ знающимъ человекомъ; послали спросить Осипа Соловьева: казенные товары здѣсь ли продать полезнѣе на извѣстныхъ условіяхъ, или послать за море и на какихъ судахъ, и кому ихъ въ комиссію поручить? Соловьевъ отвѣчалъ: если отпускать на своихъ корабляхъ, то довольно отпустить въ Амстердамъ, на комиссію 1.500 бочекъ смольчуга, 500 поташа, сверхъ того, если Виллерсъ или Мееръ примутъ на свои руки 1.000 бочекъ и пошлютъ къ своимъ корреспондентамъ на комиссію, то это будетъ полезно. Мееръ объявилъ, что возьметъ 1.500 бочекъ поташа по 17 ефимковъ. Но Остерманъ представилъ, что императрица, по докладу его, указала: поташъ отправить въ Англію на комиссію, на какихъ условіяхъ Сенатъ заблагоразсудитъ, а смольчугъ и прочіе товары продать русскимъ купцамъ. Осипъ Соловьевъ донесъ, что для нагрузки ластовыхъ судовъ, которыя должны отправиться съ казенными товарами, чтобъ наемъ не былъ даромъ, надобно купить у Архангельска пеньки, холста, льну и пряжи. Спросили его: какому надежному человѣку поручить покупку? Онъ отвѣчалъ: Льву Семенникову, который учился въ Англіи. Согласился²⁷⁸.

Относительно полиціи обратились къ мѣрамъ Петра Великаго противъ нищихъ. Въ іюлѣ 1730 года императрица говорила Се-

нату въ своемъ указѣ: «Усмотрѣли мы, что нищіе прямые, престарѣлые, дряхлые и весьма больные безъ всякаго призрѣнія по улицамъ валяются, а иные бродятъ; съ другой стороны намъ извѣстно, что въ богадѣльни, вмѣсто прямыхъ нищихъ, записываютъ такихъ, которые могутъ работою питаться, а иные и въ богадѣльняхъ не живутъ, но одно жалованье получаютъ, и не безъ грѣха, что бѣдные безъ призрѣнія страдаютъ, а вмѣсто нихъ тунеядцы хлѣбъ похищаютъ; поэтому повелѣваемъ немедленно тунеядцевъ изъ богадѣленъ выслать, или опредѣлить на работу, а прямыхъ нищихъ въ богадѣльни ввести; помѣщичьихъ отдать помѣщикамъ, посадскихъ въ посады для пропитанія; малолѣтныхъ мужескаго пола опредѣлять въ гарнизонныя школы, чтобъ, выросши, годились въ службу вмѣсто рекрутъ; дѣвочекъ на фабрики, или кто захочетъ взять ихъ на воспитаніе и въ услуженіе»²⁷⁹. Сенатъ распорядился немедленнымъ исполненіемъ указа; но въ ноябрѣ долженъ былъ писать, что многіе нищіе по улицамъ бродятъ, и грозить полиціи жестокимъ наказаніемъ²⁸⁰. Полиція не имѣла никакихъ средствъ исполнить указъ Сената и обратилась къ Синоду, признаваясь, что несмотря на строгіе указы, число нищихъ умножилось, и особенно находятъ они себѣ убѣжище въ церквахъ и рядахъ: чтобъ св. Синодъ далъ указъ священникамъ не позволять просить милостыни при церквахъ²⁸¹. Синодъ далъ указъ; но какія средства имѣли священники для его исполненія?

Плохое состояніе медицинскаго дѣла побудило къ смѣнѣ архіатера (Блументроста); медицинской канцеляріи дали коллегіальное устройство, назначивъ ея членами докторовъ: Быдла, Шоберта, фонъ-Дегульста, Севаста и Теульса. Главною обязанностію конторы было смотрѣть за аптекою, лабораторією и магазиномъ, и отправлять въ войско искусныхъ лѣкарей «безъ всякаго похлѣбства, ни по дружбѣ, ниже по ненависти»²⁸².

Такъ какъ Москва была резиденцією, то въ 1730 году озаботились объ ея освѣщеніи. Для зимнихъ ночей по большимъ улицамъ велѣно сдѣлать изъ полицмейстерской канцеляріи и поставить на столбахъ фонари стеклянные, на разстояніи 10 сажень одинъ отъ другого; горѣло въ нихъ конопляное масло съ фитилемъ въ тѣ ночи, когда объ этомъ данъ будетъ приказъ отъ двора; содержать ихъ и чинить должны были обыватели²⁸³.

Съ какимъ трудомъ отвыкали русскіе люди отъ дикихъ привычекъ въ пользу общежитія, видно между прочимъ изъ того, что указы противъ скорой ѣзды по улицамъ, начавшіеся издаваться еще съ XVII вѣка, оставались безъ дѣйствія. «Хотя прежде сего на Москвѣ опубликовано, говоритъ указъ 1730 года, дабы всякихъ чиновъ люди, какъ дневнымъ такъ и ночнымъ временемъ, ѣздили, какъ въ саняхъ такъ и верхами, смирно и никого лошадами не давили и не топтали: однако нынѣ ея величеству извѣстно стало, что многіе люди ѣздятъ въ саняхъ рѣзво, и верховые ихъ люди предъ ними необыкновенно скачутъ и, на другихъ наѣзжая, бьютъ плетями и лошадами топчутъ». Вѣрно было посылать разѣзды изъ драгунъ и солдатъ и ловить такихъ рѣзвыхъ людей ²⁸⁴. Правительство сочло нужнымъ напомнить указомъ, что за волшебство законъ опредѣляетъ сожженіе. «Извѣстно ея величеству, что въ Россіи нѣкоторые люди показываютъ себя, будто волшебства знаютъ и общаются простымъ людямъ чинить всякіе способы» ²⁸⁵.

Мы видѣли, что верховники потребовали прежде всего отъ новой императрицы, чтобъ она была вѣрна православію. Анна, сдѣлавшись самодержавною, не опускала случая показывать свою ревность къ православію, чтобъ не подумали, что долговременное пребываніе въ странѣ иновѣрной ослабило эту ревность. 17 марта подписанъ былъ ею манифестъ, въ которомъ она провозглашала, что прилежное попеченіе имѣть о храненіи и защищеніи православнаго закона христіанскаго восточныхъ церкви и прочихъ преданій, славы ради и хвалы Божія учрежденныхъ, и повелѣвала правит. духовному Синоду «прилежное попеченіе имѣть, дабы всѣ христіане законъ Божій сохраняли, тайны святыя, на спасеніе наше отъ Спасителя нашего намъ преданныя, и прочія преданія, отъ церкви святой узаконенныя, со тщаніемъ и благоговѣніемъ исполняли, и въ праздники и въ воскресные дни на службу Божію въ церковь приходили со тщаніемъ, и во время службы святой въ церквахъ благочиніе сохраняли; сущіе же подъ властію нашею разные народы, которые не знаютъ христіанскаго закона, также раскольниковъ, невѣжествомъ своимъ противляющихся св. церкви, обращать увѣщаніемъ и ученіемъ во благочестіе и соединеніе св. церкви; храмы же святыя и нищепитательныя дома, которые отъ скудости или инымъ какимъ об-

разомъ опустѣли, возобновить и всѣми потребными удовольствовать. Училища учредить по Регламенту Духовному. Установленные же въ нашей имперіи крестные ходы и благодарныя моленія во дни тезоименитства нашего и нашей фамиліи и въ прочіе опредѣленные дни, также на памяти усопшихъ предковъ нашихъ молитвы и поминовенія отправлять неотложно, и во время посылаемыхъ отъ Бога разныхъ наказаній молитвы и прошенія творити объ отвращеніи праведнаго Его гнѣва со смиреніемъ, благоговѣніемъ и съ наложеніемъ по разсужденію поста, по примѣру Ниневитскому, и во оныхъ всѣхъ ходахъ и молитвахъ, для чести и показанія собою образа, присутствовать архіереямъ и отправлять благочинно и порядочно, не оставляя ничего, *такъ какъ прежде сего при ихъ величествахъ дѣды и отцы нашемъ было*, и притомъ присутствовать по одной персонѣ изъ сенаторовъ и по двѣ персоны къ тому изъ другихъ чиновъ по разсмотрѣнію сенаторскому» ²⁸⁶.

Манифестъ былъ, повидимому, направленъ противъ архіереевъ нововодителей, пренебрегавшихъ крестными ходами, на что сердился Сенатъ еще во времена Петра Великаго; архіереемъ нововодителемъ считался Теофанъ Прокоповичъ; въ манифестѣ заключалась даже выходка противъ дяди-Преобразователя, объявлялось, что все будетъ по старинѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ государыни. Но все это было повидимому, въ первыя минуты, когда, въ страхѣ предъ сильною борьбою, хотѣли прикрыться ревностію къ православію и прикрыть Бирона. Усердіе Теофана Прокоповича не могло остаться безъ награды, его не могли выдать врагамъ. Теофанъ въ стихахъ прославлялъ 25 февраля:

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
 Разтерзавши на себе хирографъ подложный,
 И выняла скипетръ свой отъ гражданскаго ада,
 И тѣмъ стала Россія весела и рада,
 Таково смотрѣніе продолжи намъ, Боже,
 Да державѣ Россійской не вредитъ ничто же.
 А ты всякъ, кто ни мыслить вводить строй отманнѣй,
 Бойся самодержавной, прелестниче, Анны.
 Какъ она бумажка, всѣ твои подлоги
 Растерзанныя падуть подъ царскія ноги.

Неизвѣстно, съ какой стороны было внушено, что Синодомъ надобно заняться, и 20 мая данъ былъ указъ: «Всѣмъ извѣстно, какъ дядя нашъ, Петръ Великій, правит. духовный Синодъ учредилъ и регламентами принадлежащими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ; а нынѣ Синодъ не въ такомъ состояніи какъ прежде былъ. Разсуждая объ этомъ какъ объ очень благопотребномъ дѣлѣ, благоизволяемъ Синодъ въ добрый порядокъ привести, и повелѣваемъ духовному правит. Синоду, снесшись съ правит. Сенатомъ, общимъ совѣтомъ постановить: такому же ли числу персонъ быть въ Синодѣ, какъ положено въ Регламентѣ, или еще прибавить, и по скольку изъ какихъ чиновъ быть? Персонамъ опредѣленнымъ въ Синодъ непременнымъ ли быть или переменнымъ; и если положено будетъ переменять, то во сколько времени переменять? Выбрать кандидатовъ по именамъ для избранія въ число, какое опредѣлено будетъ. Такъ какъ въ Синодѣ число персонъ очень малое, только четыре, то повелѣваемъ, для совѣта о вышесказанномъ дѣлѣ, взять въ прибавокъ изъ духовныхъ персонъ людей къ тому достойныхъ» ²⁸⁷.

Сенатъ, прежде совѣщанія съ Синодомъ, обсудилъ это дѣло одинъ и рѣшилъ: быть въ Синодѣ членамъ съ переменною по два года, а именно, изъ архіереевъ по 4, изъ архимандритовъ и игуменовъ по 2, да два протопопа, въ томъ числѣ половина Малороссіяны и половина Великороссіяны. 9 іюня была конференція у Сената съ Синодомъ. Сенаторы объявили свое рѣшеніе; но члены Синода предлагали, чтобъ быть членамъ изъ архіереевъ и архимандритовъ 12 человекамъ безъ перемены, потому что если всѣхъ вдругъ переменять, то новые не могутъ знать, что прежде ихъ въ Синодѣ дѣлалось, также и обхожденія канцелярскаго не знаютъ; игуменамъ и протопопамъ не быть, потому что они при начальникахъ своихъ свободнаго голоса имѣть не могутъ; притомъ протопопы еще указомъ Петра I отставлены; въ епархіи для управленія опредѣлять викаріевъ, или сами архіереи, присутствующіе въ Синодѣ, могутъ по временамъ посѣщать свои епархіи. Во второй конференціи сенаторы стояли за свое прежнее мнѣніе о переменѣ членовъ Синода, говорили, что отъ такой перемены въ дѣлахъ остановки не будетъ, ибо въ Синодѣ такія же церковныя дѣла, какія и въ епархіяхъ бываютъ, а викаріямъ

быть не слѣдуетъ, потому что они потребуютъ лишняго расхода; если же непременнымъ членамъ Синода для осмотра епархій отвѣзжать на время, то въ такое короткое время ничего осмотрѣть нельзя, а когда будутъ члены Синода переменные, то и въ епархіяхъ лучшее смотрѣніе будетъ. Синодъ, видя, что надобно уступить, предлагалъ, чтобъ изъ 11 членовъ быть шести архіереямъ, и если имъ быть переменнымъ, то переменяться каждый годъ по одному, такъ что въ шесть лѣтъ могутъ все перемениться. Синодальные члены, и особенно Феофанъ Новгородскій, предлагали, чтобъ архіереевъ и архимандритовъ выбирать баллотировкою, или каждому члену, написавъ имена кандидатовъ, не означать своего имени, кто кого выбираетъ; но Сенатъ настаивалъ, чтобъ написать всемъ росписи и выбирать достойныхъ. Императрица, по выслушаніи всехъ этихъ мнѣній, указала: въ Синодѣ присутствовать новгородскому и нижегородскому архіереямъ безпеременно, и къ нимъ еще опредѣлить двоихъ архіереевъ, да архимандритовъ и протопоповъ, чтобъ всехъ было одиннадцать персонъ, между которыми половина (?) была бы изъ Великороссіянъ, а другая изъ Малороссіянъ²⁸⁸. Но число членовъ не достигло одиннадцати: въ концѣ 1731 года назначено было жалованье только девяти членамъ: новгородскому архіепископу прежній его вице-президентскій окладъ 2500 рублей, прочимъ тремъ архіереямъ каждому по 1500 рублей, тремъ архимандритамъ по 1000 рублей, двумъ протопопамъ по 600 руб.²⁸⁹

Феофанъ Прокоповичъ и Питиримъ Нижегородскій, знаменитый борецъ противъ раскола, два самые видные архіерея эпохи преобразования на первомъ планѣ, они непременные члены Синода. Феофанъ и Питиримъ одинъ человекъ, значить Феофанъ въ силѣ; эта сила ему очень нужна, потому что враги не оставляютъ его въ покоѣ.

Мы видѣли, какъ по смерти Петра Великаго, защищавшаго людей, которые помогали ему въ церковныхъ преобразованіяхъ, и бравшаго на себя всю отвѣтственность, поднялись люди, враждебные этимъ преобразованіямъ и напали на помощниковъ Преобразователя, оставшихся теперь безъ прикрытія. Послѣ паденія Θεодосія Яковскаго, нападенія сосредоточились на Феофанѣ; но онъ стоялъ, отбиваясь ловко и упорно. Смутное время царствования Петра II, останавливая все вопросы, всякое движеніе, оста-

новило и борьбу Θεοφана съ его противниками; восшествіе на престоль Анны возобновило ее. Знаменитый манифестъ 17 марта обманулъ враговъ Θεοφана, заставивъ ихъ думать, что пришло наконецъ удобное время низвергнуть еретика, котораго не будетъ защищать правительство, провозгласившее, что въ церковномъ отношеніи обращается къ старинѣ допетровской. Мы оставили Маркелла Родышевскаго въ заточеніи въ Симоновѣ монастырѣ. Такъ какъ были люди, и люди значительные, считавшіе Маркелла борцомъ за правое дѣло, мученикомъ, то заключеніе его не могло быть очень тѣснымъ: вольно было къ нему приходить, вольно было ему самому выѣзжать, содержали его хорошо. Въ это время познакомился съ нимъ человекъ, считавшійся дѣльнымъ и знающимъ, вѣрный слуга преобразования и Преобразователя, который однако былъ встревоженъ движеніемъ преобразования, показавшимся ему опаснымъ для вѣры, для церкви, и сталъ употреблять усилія, чтобъ остановить это движеніе: то былъ управлявшій прежде типографіею, извѣстный намъ Михаилъ Петровичъ Аврамовъ. Самъ Аврамовъ рассказываетъ, что еще при Петрѣ Великомъ, когда никто не смѣлъ говорить противъ церковныхъ преобразованій и преобразователей, онъ своими представленіями и внушеніями государю сдерживалъ опасное движеніе. «Благоволить Богъ чрезъ меня, послѣдняго изверга, о заблужденіи и лукавыхъ вымыслахъ еретиковъ—Θеодосія, Θεοφана, Гавріила (Бужинскаго) и прочихъ ихъ единомышленниковъ объявить такимъ образомъ. Когда эти льстецы, вкравшись въ многоутружденную святую монаршескую душу и обольстя государя, смѣло начали поносить древнее благочестіе, тетрадами, книжечками и словесно старались вводить свое злочестивое лжеученіе, явно начали посты святые разорять, дѣла добрыя, какъ не нужныя для спасенія, отвергать, покаяніе и умерщвленіе плоти выставять баснословіемъ, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать, дѣство представлять дѣломъ невозможнымъ и, подъ покрываломъ имени христіанскаго, стали вездѣ осматривать и перебирать св. мощи, ломать часовни и обирать св. образа, обдирать ихъ привѣсы и оклады, уничтожать все чудотворные образа; когда лютерскаго еретичества пьянствомъ бѣснующійся ересіархъ Θеодосъ въ приходской церкви образъ Богородицы Казанской ободралъ и возилъ съ собою ругательствомъ: тогда я, написавши

челобитную на него еретика и единомышленниковъ его, во дворцѣ подалъ его величеству, и государь въ тотъ же день, въ домѣ генерала Чернышева на крестинахъ болѣе часа со мною уединенно разговаривалъ и отпустилъ милостиво, и скоро послѣ того, въ день рожденія цесаревны Елисаветы Петровны, на старомъ почтовомъ дворѣ при мнѣ публично за столомъ, въ присутствіи императрицы, архіереевъ и министровъ, долго говорилъ о чудотворныхъ образахъ и другихъ св. церкви догматахъ. И послѣ того эти отчаянные смѣльчаки, какъ земляные кроты забившись въ норы, съ излишними своими вымыслами на долгое время было утихли, а потомъ опять мало-по-малу начали подниматься и, укряпившись нуще прежняго, достигли того, что государь подписалъ Духовный Регламентъ, подъ которымъ подписались, изъ страха, духовные и мірскіе особы, безъ разсмотрѣнія скрывавшихся въ этомъ Регламентѣ ересей. Съ этихъ норъ, въ наказаніе, испортилось здоровье государя.

При Петрѣ II Аврамовъ сочинилъ книгу: «О благихъ въ обществѣ дѣлахъ», и подалъ ее императору; но книга «досталась въ руки лукаваго Остермана и у него до времени погасла». Теперь Аврамовъ подалъ императрицѣ Аннѣ проектъ: «О должности, какъ ея императорскому величеству управлять христіанскою, боговрученною ея величеству имперіею». Здѣсь Аврамовъ требовалъ уничтоженія присяги; возстановленія патріарха, только не отъ польскихъ и малороссійскихъ людей: «во всемъ съ патріархомъ о полезномъ правленіи духовенства Россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобъ оное духовенство въ древнее ввести благочиніе и доброе благосостояніе. И всѣ гражданскіе уставы и указы обрѣтающіеся съ нимъ, разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ Божиимъ и церковными св. отецъ уставами, также и съ преданіями церковными, и, буде которые не согласны, тѣ бы оставить, а впредь узаконять въ согласіи Божьяго закона и церковнаго разума».

Кто же будетъ патріархомъ? Для такого искренняго ревнителя древняго благочинія, какъ Аврамовъ, который для искупленія старыхъ грѣховъ (а между страшными грѣхами своими считалъ онъ и напечатаніе мнѳологій) умерщвлялъ плоть свою веригами, — для такого искренняго ревнителя кандидатомъ на патріаршество не могъ быть Георгій Дашковъ, котораго немовашеская дѣя-

тельность, немонашескій образъ жизни слишкомъ выдавались наружу; не могъ быть и Теофилактъ Лопатинскій, котораго нѣкоторые прочли за его ученость, но противъ котораго было также нареканіе за немонашескія привязанности: объ немъ говорили, что скрипочки да дудочки мѣшаютъ ему быть патріархомъ; для людей хотѣвшихъ ученаго патріарха и знавшихъ, что такого можно найти только между Малороссіянами, идеаломъ былъ покойный Стефанъ Яворскій, подобнаго которому не находили, и надобно замѣтить, что, кромѣ другихъ неблагопріятныхъ условій, возстановленію патріарха именно мѣшало то, что не было лица, достойнаго; кромѣ того между людьми, желавшими возстановленія патріаршества, господствовало сильное разногласіе: новыя потребности были сильны и потому многіе не могли себѣ представить неученаго патріарха; другіе ни подъ какимъ видомъ не хотѣли на этомъ мѣстѣ Малороссіянина. Аврамовъ, для котораго чистота православія и благочестія были на первомъ планѣ, не думалъ объ учености, и остановилъ свой выборъ на духовникѣ императрицы, троицкомъ архимандритѣ Варлаамѣ, отличавшемся монашескою жизнію, благочестіемъ, не скажемъ наружнымъ, потому что историкъ не можетъ произносить своего суда, выслушавши только одну сторону, не можетъ основаться на сатирическомъ представленіи Варлаама, сдѣланномъ противниками.

Аврамовъ убѣждалъ Варлаама попросить императрицу объ освобожденіи Маркелла Родышевскаго и для показанія его невинности возобновить дѣло о доносахъ его на Теофана. «Пусть напишетъ прошеніе, а на книги, что знаетъ, изъясненіе», отвѣчалъ Варлаамъ; и Родышевскій написалъ прошеніе, чтобъ дали ему съ новгородскимъ архіереемъ очную ставку; при этомъ Родышевскій просилъ, чтобъ еретическія руки Теофана не допускать до муропомазанія и коронованія ея величества, потому что втораго императора, Петра Алексѣевича, короновалъ Теофанъ, и государь скоро скончался: такъ чтобъ и ея величества здравіе охранить». Еще болѣе распространился объ этомъ въ своемъ доносѣ на Теофана дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома Носовъ, который писалъ, что Теофанъ хуже Теоодосія, церкви и монастыри грабилъ, деньги, полученныя за проданныя церковныя вещи, на непристойную монашеству роскошь употреблялъ, напримѣръ на покувку вина; несмотря на то, онъ, какъ безпорочный, надъ

духовными начальствуетъ и подвизаетъ гнѣвъ Божій, который и обнаруживается: онъ былъ допущенъ до коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны и Петра II-го, и царствованіе ихъ величествъ было очень кратковременно; Петра II-го Теофанъ обручалъ съ двумя невѣстами, а свадьбы не было; вѣнчалъ цесаревну Анну Петровну съ герцогомъ голштинскимъ и цесаревна скоро скончалась.

Несмотря на эти доносы, новгородскій архіепископъ первенствовалъ и при коронаціи Анны, совершенной 28 апрѣля; первенствовалъ не по сану только, первенствовалъ умѣньемъ говорить краснорѣчивыя предики. А между тѣмъ Теофану приготовляли полное торжество люди, возбуждавшіе подозрительность Анны, тогда какъ преданность архіепископа новгородскаго заподозрить было нельзя; и притомъ странно было бы вѣрить его врагамъ, выставившимъ его неправославіе, когда онъ недавно просилъ императрицу за православныхъ Сербовъ, принуждаемыхъ австрійскимъ правительствомъ къ уни ²⁹⁰. Подозрительность императрицы была возбуждена происшествіемъ въ Воронежѣ: когда здѣсь полученъ былъ манифестъ о кончинѣ Петра II-го и восшествіи на престолъ Анны, то епископъ Левъ Юрловъ въ недѣлю Православія (первое воскресенье великаго поста), гдѣ надобно было поминать государыню, велѣлъ возглашать: «О благочестивѣйшей великой государынѣ нашей царицѣ и великой княгинѣ Евдокии Θεодоровнѣ и о державѣ ихъ», потомъ о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ. Вице-губернаторъ, извѣстный намъ Пашковъ, требовалъ, чтобъ архіерей объявилъ манифестъ; тотъ отвѣчалъ, что безъ точнаго указа изъ Синода этого не сдѣлаетъ, потому что можетъ случиться кака-нибудь перемѣна. Пашковъ донесъ въ Москву; потребовали объясненія отсюда; Левъ отвѣчалъ, что Пашковъ клеветаетъ на него напрасно, по злобѣ. Когда въ Синодѣ 20 марта слушали это объясненіе, то Георгій Дашковъ сказалъ: «У воронежскаго архіерея съ вице-губернаторомъ давняя ссора и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія». Дѣло этимъ на первый разъ кончилось, потому что на первыхъ порахъ опасались употреблять строгія мѣры противъ подозрительныхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Но въ половинѣ года нашли, что можно дѣйствовать посмѣлѣе. Мы

видѣли, что непремѣнными членами Синода назначены были двое—**Феофанъ** и **Питиримъ**; къ нимъ были приданы смѣняемые — крутицкій **Леонидъ** и суздальскій **Іоакимъ**, а трое прежнихъ — **Георгій Ростовскій**, **Феофилактъ Тверской** и **Игнатій Коломенскій** увольнялись; уволены были такимъ образомъ люди, непріязненные **Феофану**, который теперь сталъ господствовать въ Синодѣ, ибо остальные члены коллегіи были его покорные слуги. Теперь уже не боялись никакой помѣхи и возобновили дѣло **Юрлова**, съ котораго сняли архіерейскій санъ и монашество и отослали въ Сенатъ для розыска, какъ обвиненнаго въ государственномъ преступленіи. По высочайшему именному указу, **Юрлова** сослали въ **Крестный монастырь**, гдѣ велѣли содержать въ кельѣ неисходно, не допуская къ нему никого, не давая чернилъ и бумаги, вода въ церковь за карауломъ. **Юрловъ** оговорилъ **Дашкова** и **Игнатія**, что писалъ къ нимъ о заступленіи и помощи, при чемъ **Дашкову** послалъ чуваль винныхъ ягодъ. **Игнатія** лишили сана и послали въ **Свяжскій Богородицкій монастырь**; **Дашкова** сначала приговорили сослать въ **Харьковскій монастырь** съ сохраненіемъ сана, потомъ, *за тѣ же вины*, велѣли снять санъ и сослать въ **Каменный Вологодскій монастырь**: здѣсь мы должны обратить вниманіе на это постепенное усиленіе наказанія, что увидимъ и въ судьбѣ свѣтскихъ людей. Въ томъ же 1730 году лишенъ былъ сана и сосланъ въ **Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь** кievскій архіепископъ **Варлаамъ Вонатовичъ** за то, что не отслужилъ благодарственного молебна о восшествіи на престолъ **Анны**.

Но въ то время какъ **Феофанъ** торжествовалъ надъ враждебными ему архіереями, **Маркеллъ Родышевскій** писалъ: «Житіе новгородскаго архіепископа, еретика **Феофана Прокоповича**: монахъ **Іона**, добавляя это сочиненіе разными вставками въ видѣ гимновъ, псалмовъ и молитвъ, распространялъ его въ народѣ. Въ началѣ 1731 года списокъ «Житія» попался въ руки **Феофану** и онъ донесъ объ немъ, указавъ на **Родышевскаго**, какъ автора, и на другихъ, какъ распространителей возмутительныхъ тетрадей. Въ то же самое время архимандритъ **Варлаамъ** представилъ императрицѣ другія обличительныя сочиненія **Родышевскаго** на **Феофана**. **Родышевскій**, **Іона** и **Аврамовъ** были арестованы.

Въ бумагахъ **Родышевскаго** заключались возраженія на **Духов-**

ный Регламентъ и на указъ о монашествѣ. Онъ доказывалъ, что патріаршество есть древнѣйшая и единственно-законная форма церковнаго управленія. Въ возраженіяхъ на указъ о монашествѣ Родышевскій не отрицаетъ необходимости исправленія монашества; но ему не нравятся способы, опредѣленные въ указѣ; онъ представляетъ свой способъ: «Первое дѣло власти императорской—велѣть духовному правленію искать себѣ отъ монашескаго чина самыхъ богодухновенныхъ монаховъ, и, освидѣтельствовавъ, что они дѣйствительно таковы, какъ о нихъ слухъ идетъ, производить въ архіереи и архимандриты. Когда такіе добрые епископы будутъ, то станутъ всячески стараться по епархіямъ своимъ исправить все монашество, особенно когда въ главнѣйшемъ духовномъ правленіи будутъ такіе же, или такой человѣкъ будетъ поставленъ главнымъ правителемъ церкви, ибо онъ будетъ производить въ епископы только подобныхъ себѣ. Которые же въ семинаріи будутъ учиться у лютеранскихъ учителей, или хотя и у своихъ, но духомъ еретическимъ зараженныхъ, такіе начнутъ не назидать, но развращать всю церковь, и хотя постригнутся въ монахи, но сдѣлаютъ это не ради монашества, а въ надеждѣ архіерейства и архимандритства. А въ архіереи и архимандриты не такъ нужны люди ученые, какъ богодухновенные и добродѣтельные, которые учили бы не столько словомъ, сколько дѣломъ».

Іона показалъ, что «по означеннымъ въ пунктахъ Родышевскаго резонамъ, новгородскій архіерей званія своего недостойнъ; о тѣхъ резонахъ онъ, Іона, самъ не свѣдомъ, и видѣлъ ихъ въ экстрактѣ Родышевскаго. Долгорукіе, архіерей ростовскій и прочіе за вины свои сосланы; а по показанію Родышевскаго на новгородскаго архіерея указа не учинено, и потому мыслить онъ, Іона, что объ немъ ея величеству отъ господъ не донесено; поэтому и написалъ на нихъ господъ, что божескую честь презираютъ, должно быть охраняя его архіерея, потому что еслибъ ея величеству о томъ было донесено, то по показанію Родышевскаго, давно бы изслѣдовано было, ибо ея величество благочестивую вѣру содержитъ твердо и по вступленіи своемъ на російскій престолъ прежде ревность возымѣла о св. Божіихъ церквахъ, чѣмъ о гражданскихъ дѣлахъ. А противныхъ дѣлъ за новгородскимъ архіереемъ онъ, Іона, не знаетъ, а усмотрѣлъ о томъ

занскаго архіерея Сильвестра съ Іосифомъ Салникѣвымъ, бывшимъ архимандритомъ Спасскаго Казанскаго монастыря Іоною. Сильвестръ обвинилъ Іону въ разграбленіи имущества ввѣреннаго ему монастыря; Синодъ приказалъ отрѣшить Іону отъ управленія монастыремъ и взыскать съ него деньги за проданныя вещи; тогда Іона, въ свою очередь, подалъ доносъ на Сильвестра, какъ «ругателя указовъ и императорскаго величества». Доносъ былъ найденъ неосновательнымъ, Іону разстригли и высѣкли кнутомъ; но онъ подалъ новый доносъ на Сильвестра, что тотъ рвалъ челобитныя и другія бумаги, писанныя на высочайшее имя. По этому доносу наряжено было слѣдствіе въ Казани, и въ числѣ слѣдователей былъ тамошній губернаторъ Волынской. У Сильвестра съ Волынскимъ давно уже были неудовольствія; архіерей уже прежде подавалъ на губернатора жалобы въ Сенатъ, Юстицъ-коллегію и другія мѣста; теперь, чтобъ отстранить Волынскаго отъ слѣдствія, Сильвестръ подалъ прошеніе въ Синодъ съ прописаніемъ всѣхъ обидъ, нанесенныхъ ему губернаторомъ: Волынской отнялъ землю, принадлежавшую архіерейскому дому; матеріалъ, приготовленный для построекъ, взялъ себѣ и употребилъ на строеніе своего дома; въ архіерейскомъ саду и огородѣ травилъ собаками волковъ и зайцевъ, молодые деревья велѣлъ выкопать и перенести на свой загородный дворъ; вырубилъ рощу около архіерейскаго монастыря; дьякона и двоихъ церковниковъ велѣлъ отстегать прутьями до полусмерти; велѣлъ до полусмерти прибить архіерейскаго домового иконописца и духовной школы аудитора; за секретаремъ духовнаго приказа гонялся съ обнаженною шпагою и тотъ едва ушелъ; увидавши во время крестнаго хода на одномъ діаконѣ стихарь изъ персидской золотой парчи, велѣлъ принести его къ себѣ, распоролъ, парчу оставилъ у себя, а оплечье прислалъ назадъ; по дѣлу Салникѣева велѣлъ привести къ себѣ секретаря архіерейскаго Богданова, сперва билъ его и за волосы дралъ самъ, а потомъ велѣлъ бить палками и топтунами солдатамъ и оставилъ едва жива; даромъ заставлялъ работать на себя архіерейскихъ мастеровыхъ людей; потворствуетъ раскольникамъ; лѣтомъ и зимою ѣздитъ со псовою охотою многлюдствомъ и топчетъ архіерейскій и монастырскій хлѣбъ, ночуетъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ деревняхъ и разоряетъ крестьянъ; въ Чебоксарахъ, по согласію съ тамош-

нимъ воеводою, велѣлъ изъ пушекъ палить, и въ то время отъ потѣхи ихъ пушку разорвало и побило человѣкъ съ пятнадцать. «Объ этомъ наше смиреніе, писалъ Силвестръ, боясь суда Божія, по должности моего званія, и умолчать опасся, понеже отъ ихъ господскихъ чрезвычайныхъ забавъ люди Божіи безъ всякаго христіанскаго исправленія лишены сего свѣта безвременно».

Волинскій съ восшествіемъ на престолъ Анны и съ принятіемъ ею самодержавія могъ надѣяться для себя всего хорошаго по родству съ Салтыковыми. Мы видѣли, что онъ былъ за самодержавіе и донесъ дядѣ своему Салтыкову о рѣчахъ бригадира Козлова. Салтыковъ написалъ ему, что императрица приказала прислать обстоятельное доношеніе, какіе имѣлъ Козловъ разговоры и кто былъ при его разговорахъ съ Волинскимъ, «чтобъ произвестъ въ дѣйство можно было». Волинскій отвѣчалъ: «Служить ея императорскому величеству такъ, какъ самому Богу, я и по должности, и по совѣсти долженъ. Притомъ же и предостерегать, конечно, повинность моя, не только что къ высокой ея императорскаго величества пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ вашего превосходительства надлежитъ служить мнѣ, какъ свойственнику и милостивому моему благодѣтелю, за толикія ваши ко мнѣ отеческія милости. А чтобъ мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколько то не токмо мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать? И понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доносчикахъ и въ доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза мои показать? Извольте сами разсудить, кто отважится честный человѣкъ итти въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумный или уже ни къ чему непотребный. Понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ людяхъ, и не только кому, но и самому себѣ потомъ мерзокъ будетъ».

Салтыковъ, который не понималъ, что доносить тайно есть обязанность, а доказать справедливость доноса безчестно, такъ что доноситель и съ своею правдою самому себѣ мерзокъ будетъ,—Салтыковъ написалъ племяннику: «Понеже уновая я на то, что вы, государь мой, изволили писать ко мнѣ, и я думалъ, что писали вы очень благонадежно, что слѣдъ какой покажется

отъ васъ. А какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя: на что-бъ такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ничего не сдѣлалъ. И будто о томъ приносилъ я напрасно, а то все пришло чрезъ письмо отъ васъ ко мнѣ, понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то, стало быть, и мнѣ не хорошо, что будто неправо я сказывалъ, и потому видно что лучше-бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ, а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради я совѣтую лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами чтобъ можно было произвести въ дѣйство. Понеже какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили надобно къ окончанію привести. Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждается, худобы къ вамъ никакое не причтется, развѣ причтетъ тотъ, который доброй совѣсти не имѣеть». Но Волыскій отвѣчалъ что его обязанность была донести тайно, обязанность же правительства повѣрить ему на-слово и не требовать доказательствъ: «Должность моя была къ вамъ писать, и вамъ, конечно, надобно было о томъ сообщить той персонѣ, повѣря мнѣ, что я не лгу и не затѣю, въ чемъ и теперь изволите мнѣ повѣрить; я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того не только нынѣ, и впредь отъ того, что писалъ, не отпруся никогда, но все какъ было не отрекаюся подробно самъ донести, да только приватно, а не публично. Ежелибъ я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ по благодти Господней видимъ, поистинѣ я бы, несмотря на то, хотя-бъ кто лучше меня былъ, конечно, и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ, и то-бъ мнѣ приличнѣе было, да не зналъ что такое благополучіе намъ будетъ. И вправду донести, имѣлъ къ тому немалый и резонъ; но, понеже и тогда еще дѣло на балансѣ было, для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть. Понеже прежде нежели покажетъ время, трудно угадать совершенно, что впредь будетъ. И для того всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ себя и своей чести не повредить.»

Салтыковъ сердился, и вотъ, къ усилению его раздраженія, Синодъ пересылаетъ въ Сенатъ жалобу Сильвестра на Волын-

скаго, и тотъ обращается къ дядюшкѣ съ просьбою о помощи и съ оправданіями: «Есть ли какая моя вина, по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти сыщется, я не буду просить никакого милосердія; а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды обороненъ былъ. Для того я ваше превосходительство, милостиваго государя и отца, всепокорно прошу показать ко мнѣ отеческую милость, пожаловать поговорить архіереямъ, также и господамъ сенаторамъ, чтобъ приказали про меня, безо всякаго мнѣ послабленія, изслѣдовать, какія я кому дѣлалъ обиды. Я столько смѣло доношу, что я готовъ поднестись на смерть, если онъ на меня что докажетъ дѣльно. Покажи Божескую надъ мной милость, обороните меня, Бога ради, отъ такого плута! Понеже столько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не го-жусь, и что многіе, по его старости и чину, вѣрятъ ему.» Салтыковъ отвѣчалъ: «Мнѣ кажется, государь мой, лучше жить по-смирнѣе. Что изъ того прибыли, что много жалобы происходятъ. И такъ, кромѣ архіерея, жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо. Пожалуй, изволь меня послушать и жить по-смирнѣе. Лучше вамъ будетъ самимъ. А какъ казанскій архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свой, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что истинно-де я не зналъ того, что Артемій Петровичъ свой тебѣ, а то-бъ ни о чемъ просить не сталъ; хотябъ-де и обидно было, лучше-бъ могъ вытерпѣть. И не знаю, продолжаетъ Салтыковъ, для чего такъ вы, государь мой, себя въ людяхъ озлобили, что, сказываютъ, до васъ доступъ очень тяжелъ и мало кого до себя допускать изволите, и это не очень хорошо, можно и оставить. Которые на васъ пункты подалъ архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно. Не токмо, чтобъ поступать такъ и стыдно слушать какъ будутъ честь. Я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать. А я вѣдаю, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ помянуть не хочетъ. Я какъ слышалъ, что обхожденіе ваше въ Казани съ такимъ сердцемъ, и на кого серднишься, велишь бить при себѣ, также и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на что поступалъ и всѣхъ озлобилъ? Я напередъ сего до васъ, государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе

противъ прежнихъ своихъ писемъ (о Козловѣ). На что изволили ко мнѣ писать: какъ-де я покажу себя въ люди доносителемъ? А мнѣ кажется, что развѣ кто не можетъ разсудить, чтобъ тебя могъ этимъ порекать. А нынѣ сами то себя показали присланныя ваши два доношенія на архіерея, въ которыхъ нимало какого дѣйства, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Сколько возможно, извольте осмотрительно и осторожно охранять себя какъ отъ архіерея, такъ и отъ другихъ. Я вижу здѣсь, сколько вамъ недрузей, на сколько друзей, что вы и сами извѣстны; а я, воистину, сколько могу, васъ охраняю; однакожъ трудно противъ многихъ охранять».

Вслѣдъ затѣмъ Сильвестръ подалъ новую жалобу Салтыкову на его племянника: Волынской пыталъ передъ собою канцеляриста Плетеневского въ застѣнкѣ тремя стряпками смертно, спрашивая: что къ вамъ архіерей и вы къ нему пишете, и въ чемъ онъ въ Москвѣ на меня доносить? У Плетеневского выломали руки и ноги бревномъ; кромѣ того губернаторъ съ великимъ боемъ и нестерпимыми пытками производилъ слѣдствіе о церковныхъ пошлинахъ, желая подыскаться подъ архіерея. Въ сентябрѣ состоялся страшный для Волынскаго указъ. «Казанскому губернатору Волынскому, пока изслѣдовано будетъ по дѣлу съ архіереемъ, губернію не вѣдать, а вѣдать товарищу его Кудрявцеву». Волынской видѣлъ что одно родство съ Салтыковымъ не поможетъ, и отправилъ въ Москву лошадей въ подарокъ сильнымъ людямъ. Нѣкоторые приняли, другіе нѣтъ; богачъ Черкасскій принялъ двухъ иноходцевъ, сказавши: «хотя и мелки, только не стары.» Но и лошади не помогли: Волынской лишень былъ совершенно губерніи и получилъ приказъ пріѣхать въ Москву. Волынскаго утѣшали, что эта перемѣна послужитъ ему въ пользу; но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе, и отправилъ въ Москву довѣреннаго человѣка съ наказомъ стараться, чтобъ его не смѣняли, а только во время слѣдствія не засѣдать ему въ губернской канцеляріи и въ команду не вступать; съ другой стороны и архіерея отрѣшить на то время отъ епархіи и Кудрявцеву не присутствовать въ канцеляріи, потому что у него съ Волынскимъ ссора. Онъ отправилъ прошеніе на имя императрицы, которое долженъ былъ дать ей Салтыковъ; по этому поводу Волынской писалъ дядѣ: «Ежели вы меня нынѣ оставите, истинно вамъ за

то будетъ самъ Богъ мститель, и я съ печали умереть могу.» Такъ какъ незадолго передъ тѣмъ Волынской потерялъ жену, «человѣка добраго» по его словамъ, то онъ наказывалъ довѣренному человѣку «навѣдаться о невѣстѣ, нѣтъ ли какой».

Доброжелатели совѣтовали Волынскому ѣхать какъ можно скорѣе въ Москву; Волынской умолялъ оставить его въ Казани до весны 1731 года; но просьба его не была исполнена, несмотря на оправдательную записку его, въ которой онъ отвѣчалъ на каждый пунктъ силвестровыхъ обвиненій: нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій онъ рѣшительно отрицалъ, другіе поступки свои выставлялъ въ иномъ видѣ, чѣмъ какъ они были представлены у Силвестра. Напримѣръ относительно порубки рощи Волынской писалъ: «Все оное архіерей солгалъ, понеже того ничего не бывало, оная роща и теперь цѣла вся.» Побои, нанесенные дьякону и дьячкамъ Волынской объяснялъ тѣмъ, что эти люди купались передъ его домомъ и за то были отогнаны прутьями; относительно стихаря утверждалъ, что обмѣнялъ его на новый съ согласія архіерейскаго и т. д.

Волынской пріѣхалъ въ Москву, и въ началѣ 1731 года послѣдовало назначеніе его въ Украинскій корпусъ. Но Волынской увидалъ въ Москвѣ, что бѣды еще не прекратились, враговъ много; извѣстно, какъ въ это время тяготились персидскою войною, какъ сильно желали поскорѣй окончить ее, и вотъ Волынской узнаеть, что его выставляютъ виновникомъ этой ненавистной войны, этого бѣдствія! Волынской пишетъ въ свою защиту: «Ежели принесено на меня то, будто я причиною былъ начинанію персидской войны, на сіе отвѣтствую. Не только я въ томъ невиненъ, но ниже самъ отъ себя его императорское величество Петръ Первый сіе намѣреніе воспріять изволялъ, но послѣдовалъ тѣмъ дѣломъ родителю своему, царю Алексѣю Михайловичу, о чемъ явно доказать можно. Понеже въ морскомъ Уставѣ имянно о томъ напечатано, какъ его царское величество воспріалъ намѣреніе дѣлать корабли и навигацію на Каспійскомъ морѣ, и какъ вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компанією мастеровъ и матрозовъ, которые и сдѣлали корабль, именуемый Орелъ, да яхту или галіотъ; но сему дѣлу препятствовалъ бунтовщикъ Стенька Разинъ, который, въ нашествіи своемъ на Астрахань, оное начатое дѣло разорилъ и капитана Бутлера убилъ, и прочіе той компаніи

избиты, а двое изъ нихъ, а именно лѣкаръ Иванъ Термунтъ, да корабельный мастеръ Брантъ ушли чрезъ Персію въ Индію, откуда наки по умирениі бунта, возвратились въ Москву, и лѣкаръ Термунтъ во время государствованія Петра Перваго титулованъ докторомъ и взятъ ко двору и въ крайней его величества былъ милости, отъ котораго, а притомъ и отъ корабельнаго мастера Бранта о вышеупомянутомъ отеческомъ дѣлѣ, также и о Персіи изволилъ слышаться, какъ я отъ его императорскаго величества о томъ самъ слыхалъ, понеже до семисотаго года присланы были мастера иноземцы въ Казань, которые сдѣлали кромѣ галеръ и другихъ мелкихъ судовъ, большихъ шмаковъ 150 или 160 такой пропорціи, что на каждое судно можно было посадить для транспорта по 300 человекъ, да провіанта положить тысячи полторы или по двѣ тысячи четвертей. Изъ которыхъ судовъ уже нѣсколько десятковъ сплавлены были къ Астрахани еще въ то время, когда тамъ воеводою былъ Иванъ Алекс. Мусинъ-Пушкинъ, и нѣсколько туда морскихъ офицеровъ иноземцевъ съ матрозами было отправлено; только и сему астраханскому флоту такое-жъ несчастье приключилось, какъ и первому, повеже, когда забунтовали тамъ стрѣльцы, тогда и оныхъ офицеровъ и матрозовъ побили, а суда оныя разорили. И когда такіе флоты начинали на Каспійскомъ морѣ оныя славные монархи, отецъ и сынъ, какая тамъ нужда была имѣть военные корабли и иныя великія суда, еслибъ не имѣли издавна намѣренія воевать Персію? Не вѣдаю намѣренія царя Алексѣя Михайловича (понеже я тогда не родился): что же о его императорскомъ величествѣ, конечно, могу безъ сомнѣнія сказать поистинѣ, не меньше великаго Александра оный августѣйшій монархъ нашъ желалъ вездѣ славу свою показать. Понеже по замысламъ его величества не до одной Персіи было ему дѣло. Ибо еслибъ посчастливилось намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Индіи; а имѣлъ въ себѣ намереніе и до Китайскаго государства, что я сподобился отъ его императорскаго величества, по его ко мнѣ, паче достоинства моего, милости, самъ слышать и, кромѣ себя, могу въ томъ и нынѣ на сіе его величества намѣреніе и высокіе замыслы нѣсколько свидѣтелей представить, которые, надѣюсь, многократно и пространнѣе, нежели я, сами отъ его величества о томъ слыхали. Буде же кто

нарекаетъ на меня и клепаетъ тѣмъ, будто бы я склонилъ его императорское величество и привелъ къ тому, что онъ изволилъ воспріять походъ свой въ Персію, и то явная ложь, понеже памятуется мнѣ, что я еще былъ въ турецкой землѣ, а его императорское величество изволилъ послать нѣсколько морскихъ офицеровъ и навигаторовъ въ Астрахань описать Каспійское море и берега. А потомъ въ прошломъ 715 году ни я искалъ, ниже желалъ быть въ такомъ отдаленномъ, а паче въ варварскомъ государствѣ, токмо принужденъ ѣхать по волѣ его императорскаго величества, и теперь имѣю инструкцію ту, которая тогда дана мнѣ (слѣдуетъ изложеніе извѣстной намъ инструкціи). Посему всякому добросовѣстному легко можно разсудить, что не по выѣздѣ моемъ изъ Персіи, но за нѣсколько лѣтъ прежде уже имѣлъ конечно его императорское величество оное свое намѣреніе, и что подлинно не я тому причина. И что же, мнѣли-бы возможно было обуздаты моими слабыми представленіями такого мудраго монарха и вести туда, куда-бы его величество самъ итти не изволилъ, и потому-бы было ни моей силы дѣло, понеже тогда уже его величество былъ въ лучшей крѣпости совершеннаго мужества своего, а я моложе его величества былъ безъ мала двадцати лѣтами? А какая деференція противъ его величества въ недостатокѣ ума моего, о томъ, сколько я о себѣ вѣдаю, столько-бы и прочимъ знать мощно, понеже сіе не закрытое, но всѣмъ было явное. Сверхъ того, представляю и сіе послѣднее мое оправданіе: когда его императорское величество изволилъ вступить уже въ персидскую войну, видѣлъ совершенно самъ въ томъ дѣлѣ многія неудачи и убытки въ людяхъ и въ прочемъ, однакожь того ничего на мнѣ взыскивать не изволилъ; самъ его величество подлинно изволилъ вѣдать, что тому дѣлу не я былъ виною, и не только Персію оставить не хотѣлъ, но и самъ паки въ прошломъ 1725 году итти былъ по вскрытіи воды намѣренъ токмо то скорая смерть пресѣкла.»

«А кто, злодѣйствуя мнѣ, говорилъ то, что его императорское величество гнѣвался на меня въ низовомъ походѣ, и вмѣняетъ въ томъ образѣ, будто-бы прогнѣвался за неудачу персидскаго дѣла, и то подлинно солгано, понеже тогда еще ни Персію мощно было разсмотрѣть, ни о будущихъ неудачахъ возможно было вѣдать: а слѣдалось сіе мнѣ несчастье такимъ образомъ: когда

мы при его величествѣ перешли море, и сталъ флотъ на якоряхъ подлѣ персидскихъ береговъ, повелѣлъ его величество, забавляясь, купать въ морѣ, начавъ съ адмирала всѣхъ до послѣдняго (а при томъ и самъ купаться изволилъ); между тѣмъ хотѣлося адмиралу и Петру Толстому, чтобъ и я былъ купанъ, къ чему и его величество склоняли; но я поупрямился въ томъ, понеже тогда былъ пьянъ, и тѣмъ своимъ упрямствомъ его величество прогнѣвалъ; подъ то-жъ время получены были письма отъ бригадира Витерянова о взятіи города, именуемаго Андреева деревня, которой велѣно было тому бригадиру доставать; но онъ непорядочно въ томъ поступалъ и потерялъ одного подполковника и съ 80 человекъ драгунъ. Подъ такой случай адмиралъ и Толстой, злодѣйствуя мнѣ, привели его величество на наибольшій гнѣвъ; претворяя себѣ въ жалость о убыткахъ, такъ какъ бы уже многія тысячи пропали, и при томъ рассуждали, что тѣмъ дѣломъ непріятелю, на кого шли, будто великій авантажъ будетъ и прочее тому подобное внушали его величеству; но онимъ господамъ ни побитыхъ жаль было, ни о непріятелѣ нужда рассуждать была; кромѣ что до меня одного было дѣло, чтобъ тѣмъ больше повредить и ввести въ побой, что по ихъ желанію и сдѣлалось. Понеже его величество скоро съ адмиральскаго судна на свое изволилъ притить (хотя тогда и ночь была), однакожъ изволилъ прислать по меня, и тутъ, гнѣваяся, бить тростью, полагая вину ту, что будто тотъ городъ явился многолюднѣе, нежели я доносилъ, токмо всемилостивѣйшая государыня императрица до большихъ побой милостиво довести не изволила. Но хотя-жъ и претерпѣлъ я, однакожъ не такъ какъ мнѣ рабу надлежало терпѣть отъ своего государя, но изволилъ наказать меня какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою, и назавтра самъ всемилостивейше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моея въ томъ не было, милосердуя раскаялся, и шаки, какъ милосердый отецъ и государь нашъ, изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость.»

Но гораздо труднѣе было Волынскому отвѣчать на жалобы ясачныхъ иновѣрцевъ, которые обвиняли его въ лишнихъ поборахъ. Волынской былъ арестованъ и признался, что взялъ съ ясачныхъ 2500 рублей за освобожденіе ихъ отъ корабельной работы. Въ награду за признаніе его освободили и оставили въ Мо-

сквѣ, хотя онъ числился между генералами Украинскаго корпуса. Съ Сильвестромъ случилось хуже: онъ былъ впутанъ въ дѣло Игнатія Коломенскаго, и въ концѣ 1731 года сосланъ въ Невскій монастырь; но, какъ тогда обыкновенно водилось, въ слѣдующемъ году наказаніе усилено: его заперли въ Выборгскую крѣпость ²⁹¹.

Преслѣдуя отдѣльныя лица въ духовенствѣ, правительство оставалось вѣрно манифесту 17 марта. Мы видѣли, что при Петрѣ II обращено было вниманіе на католическую пропаганду среди смоленской шляхты. При новой императрицѣ, въ апрѣлѣ 1730 года Сенатъ распорядился: присланнаго изъ Смоленска бернардина Вербитскаго, которой вышелъ изъ-за польской границы въ Россію для навращенія русскихъ обывателей въ римскую вѣру, послать въ Смоленскую губернію подъ карауломъ при указѣ, велѣть его отдать за польскую границу тамошнимъ командирамъ и объявить, чтобъ такимъ въ Россійскую имперію выходъ былъ запрещенъ; а если впредь такіе будутъ выходить, то съ ними поступлено будетъ по правамъ; также и на учрежденныхъ форпостахъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ такихъ отнюдь не пропускать ²⁹². Не хотѣли потакать и лютеранамъ. Въ Малороссіи стоялъ отрядъ нѣмецкаго войска, взятый еще Петромъ Великимъ у герцога мекленбургскаго, и потому извѣстный подъ именемъ мекленбургскаго корпуса. Черниговскій епископъ жаловался, что начальники этого корпуса не хотятъ хоронить своихъ мертвецовъ внѣ городовъ и селъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, самовольно хоронятъ при православныхъ церквахъ и дѣлаютъ каменные капища; также принуждаютъ священниковъ пріобщать св. таинъ находящихся при нихъ Малороссіянокъ, по роду жизни своей этого недостойныхъ; когда священникъ отрекается, то присылаютъ къ нему солдатъ, бранятъ, грозятъ побоями. Синодъ послалъ указъ въ Военную Коллегію, чтобъ какъ въ мекленбургскомъ корпусѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ находящихся на службѣ императорской лютеранъ, кальвинистовъ и другихъ иновѣрцевъ при церквахъ не хоронили, надъ ними капищъ не дѣлали и священниковъ не обижали; а черниговскому епископу построенныя капища велѣть сломать ²⁹³. Относительно раскольниковъ возстановлены были распоряженія Петра Великаго и Синода его времени, по которымъ Питириму Нижегородскому для обращенія раскольни-

ковъ отданы были изъ синодальной области города Балахна, Юрьеvecь Поволжскій, Галицкій уѣздъ по рѣку Унжу, Ярополчъ, Гороховецъ, Арзамасъ и Вязниковская слобода «для ревностнаго его преосвященства тщанія, чтобъ раскольническому суетумудрiю размноженія не происходило»²⁹⁴. По смерти Петра Великаго противодѣйствiе его распоряженiямъ шло дальше отобранiя нѣсколькихъ городовъ изъ питиримовой епархiи: въ сентябрѣ 1727 года, по распоряженiю Синода, велѣно было отобрать отъ всѣхъ церквей службу св. Александру Невскому на 30 августа и запрещено праздновать святому въ этотъ день, а велѣно праздновать попрежнему 23 ноября. Теперь, въ сентябрѣ 1730 года, по именному указу императрицы и по опредѣленiю Синода, опять велѣно праздновать 30 августа²⁹⁵.

Синодъ долженъ былъ обратить вниманiе на явленiе, которое приверженцы старины могли также приписывать вредному влиянiю новаго духа. Мы видѣли, что въ до-Петровской Россiи мужья легко отдѣлывались отъ нелюбимыхъ женъ, заставляя ихъ постригаться въ монахини; теперь это было невозможно, и потому естественно должны были умножиться случаи разводовъ; для противодѣйствiя этому, въ декабрѣ 1730 года изданъ былъ указъ: которыя люди съ женами своими, не ходя къ правильному суду, самовольно между собою разводиться будутъ, то отцамъ ихъ духовнымъ ни къ какимъ разводнымъ ихъ писемамъ рукъ отнюдь не прикладывать подъ тяжкимъ штрафомъ и наказанiемъ и подъ лишенiемъ священства²⁹⁶.

Мы видѣли, что съ торжествомъ Феодана Прокоповича должно было восторжествовать требованiе образованности отъ духовенства, и потому въ правѣ ожидать, что Синодъ, въ которомъ новгородскiй архiепископъ получилъ такую силу, выскажетъ громко это требованiе. Дѣйствительно въ концѣ 1731 года встрѣчаемъ указъ, въ которомъ говорится, что, по доношенiю ректора Московской Славяно-Греко-Латинской Академiи, священники, дьяконы и причетники не отдаютъ своихъ сыновей въ эту Академiю вопреки указамъ Петра Великаго, отъ чего число учениковъ уменьшилось и распространенiе ученiя пресѣкается; а вмѣсто Академiи духовенство отдаетъ дѣтей своихъ въ разныя коллегiи и канцелярiи въ подъячiе. Синодъ предписалъ духовенству отдавать дѣтей своихъ въ Академiю безъ всякаго отлагательства и отго-

ворокъ, и въ подъячіе не отдавать подь страхомъ лишенія чиновъ и безщаднаго наказанія; а въ Сенатъ сообщено вѣдѣніе, чтобъ сыновей духовенства запрещено было принимать въ подъячіе и другіе свѣтскіе чины ²⁹⁷.

Таковы были правительственныя распоряженія въ два первые года царствованія Анны. Относительно Украинъ въ августѣ 1730 года канцлеръ и вице-канцлеръ докладывали императрицѣ о малороссійскихъ денежныхъ доходахъ, что въ 1728 году положено разнаго званія сборовъ по 85.577 руб. на годъ, а теперь не соизволить ли ея величество изъ тѣхъ сборовъ убавить до указа, а именно со пчель, за табачную десятину, съ мостовъ, съ перевозовъ и съ гребель, отъ чего убудетъ 26.624 рубля; императрица согласилась. Тутъ же князь Алексѣй Шаховской подтвержденъ министромъ при гетманѣ, и въ тайной инструкціи ему, кромѣ обычныхъ пунктовъ, помѣщено: «Еслибы стали ему говорить о сборѣ съ Малороссіи доходовъ, что прежде у нихъ такой тягости не бывало, то отвѣчать: прежде когда всѣ сборы были въ вѣдомствѣ гетмановъ, подскарбіевъ не было, и вѣдали сборы гетманскіе люди, то по гетманской волѣ съ однихъ доходы собирались, а съ другихъ нѣтъ, собранными деньгами сборщики корыстовались, расходъ имъ былъ не порядочный по одной гетманской волѣ, въ войсковомъ скарбѣ ничего не оставалось, и народу была несносная и немалая обида: а теперь ея величество указала доходы собирать въ войсковой ихъ скарбѣ съ однихъ только промысловъ для ихъ же пользы, и чтобъ ея величество о доходѣ съ нихъ могла знать». Замѣтное въ новомъ правительствѣ возвращеніе къ мѣрамъ великаго дяди не обѣщало Малороссіи, что возстановленное при Петрѣ II-мъ гетманство будетъ долго существовать. Это всего яснѣе обозначалось въ письмѣ Анны къ находившемуся при гетманѣ императорскому министру князю Алексѣю Шаховскому, отъ 31 декабря 1730 года. Письмо это было написано по поводу индуктнаго откупа, который, согласно указу Петра Великаго, велѣно было отдавать только природнымъ Малороссіянамъ. Шаховской имѣлъ неосторожность представить, что откупъ лучше отдать Гаврилѣ Владиславичу Рагузинскому, иваче прежніе откупщики, сѣвскіе жители Шереметевы, возьмутъ его себѣ, подставивъ какихъ-нибудь Малороссіанъ для наружнаго соблюденія закова. Раздраженная этимъ

представленіемъ императрица отвѣчала Шаховскому: «Доношеніе твое отъ 5 ноября не только намъ удивительно, но и странно: ты въ немъ объ индуктѣ малороссійской такое дѣлаешь представленіе, какова мы отъ тебя не надѣялись, потому что должность твоя состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть прилежное смотрѣніе объ однихъ дѣлахъ публичнаго интереса безъ всякой страсти, но изъ дѣла видно, что ты поступаешь болѣе похлѣбственно или, паче чаянія, корыстно, потому: хотя гетманъ противъ Шереметцевыхъ и имѣлъ бы какое нарѣканіе, и то надлежитъ прежде освидѣтельствовать, и еслибъ найдено было что противное, то можно-бъ тогда въ томъ имъ отказать; а что угадываніемъ забѣгаешь, что Шереметевы могутъ, малороссійскаго народа людей сыскавъ, въ откупщики представить, а подъ ихъ именемъ сами индуктою владѣть и купечество разорять, то эта предосторожность безъ всякаго основанія: вопервыхъ, ты знаешь, что дядя нашъ именнымъ своимъ указомъ накрѣпко утвердилъ, чтобъ индуктному откупу быть за малороссійскими природными обывателями; вовторыхъ, тѣхъ Малороссіянъ, которые будутъ требовать, чтобъ имъ дали на откупъ, можно освидѣтельствовать, справиться о ихъ состояніи и имуществѣ; въ-третьихъ, какъ ты можешь дать Гаврилѣ Владиславичу право считаться между малороссійскими жителями? Ты объявляешь, что онъ содержитъ индукту порядочно и купцы довольны: это можетъ служить похвалою его персонѣ, но тебѣ въ этомъ никакой исправки нѣтъ, ибо ты затѣмъ тамъ и живешь, чтобъ народъ нашъ вѣрный малороссійскій отъ всякихъ обидъ и не порядковъ былъ охраненъ. Болѣе всего чувствительно намъ то, что и ты, приставъ къ неосновательному разсужденію, стращаешь насъ, что народъ малороссійскій, будучи легкомысленъ, всякую новизну за противность принять можетъ: объясни, что ты подъ этимъ разумѣешь; а намъ довольно извѣстно, что при блаж. пам. дядѣ не только такое малое дѣло, о которомъ народъ едва знаетъ, но самая перемѣна въ правленіи малороссійскомъ отъ народа съ великою благодарностію принята, только старшинъ, рабительства и друиыхъ злыхъ намѣреній ради, то было противно. И такъ видно, что ты, послѣдуя прежнимъ нарушителямъ благоопредѣленія дяди нашего, то же что и они дѣлаешь и должностію своею пренебрегаешь. Мы слышимъ, что малороссійскаго народа въ купечествѣ обращается самое малое

число, но болѣе торгуютъ Греки, Турки и Жиды: и такъ нечего опасаться, чтобъ легкомысленный народъ новизну эту принялъ за противность, потому что въ этомъ дѣлѣ ни новости, ни великой народу простому пользы не обрѣтается»²⁹⁸. И такъ императрица знала, или ей внушили, что уничтоженіе гетманства при дядѣ ея большинствомъ малороссійскаго народа было принято съ великою благодарностію, но не понравилось только старшинѣ изъ дурныхъ побужденій.

Относительно прибалтійскихъ областей замѣчательно было одно изъ засѣданій Сената въ іюнѣ 1730 года: слушали доношеніе ревельскаго губернатора и приложенную при томъ челобитную тамошняго рыцарства на ревельскихъ депутатовъ. При этомъ Остерманъ собранію предлагалъ, что съѣздовъ и сеймовъ, о которыхъ упомянуто въ губернаторскомъ донесеніи, безъ здѣшняго (т.-е. сенатскаго) указа и безъ вѣдома губернаторскаго дѣлать не надлежитъ²⁹⁹.

И отдѣльныя лица, имѣвшія причины быть довольными, и официальные органы прославляли въ стихахъ и прозѣ, по-латыни и по-русски, новое царствованіе. Феофанъ Прокоповичъ воспѣвалъ:

Прочь уступай прочь
 Печальная ночь!
 Солнце восходить,
 Свѣтъ возводить,
 Радость родить.
 Прочь уступай прочь
 Печальная ночь!
 Коликій у насъ мракъ былъ и ужасъ!
 Солнце Анна возсіяла —
 Свѣтлый намъ день даровала.
 Богомъ вѣнчанна
 Августа Анна!
 Ты намъ ясный свѣтъ,
 Ты красный цвѣтъ.
 Ты красота,
 Ты доброта,
 Ты веселіе
 Велие.
 Твоя держава
 Наша то слава.

Да вознесеть Богъ
 Силы твоей роугъ,
 Враги твоя побѣждая,
 Тебя въ бѣдахъ заступаая.
 Рцыте всѣ люди:
 О буди, буди ³⁰⁰.

Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ писали изъ Москвы отъ 22 июня 1730 года: «Хотя ея величество еще непрестанно въ Измайловѣ при нынѣшнемъ лѣтнемъ времени пребываетъ, однако о государственныхъ дѣлахъ превеликое попеченіе имѣть изволить, понеже не токмо Сенатъ здѣсь (т.-е. въ Москвѣ) свои ежедневныя засѣданія имѣетъ, но такожде и два дня въ недѣлю назначены, чтобъ оному у ея императорскаго величества въ Измайловѣ собираться, и въ ея присутствіи въ среду иностранныя, а въ субботу здѣшнія государственныйя дѣла воспринимать: такожде изволить ея величество сверхъ того министровъ до аудіенціи ежедневно допускать». Извѣщая о побѣдкѣ Анны къ Троицѣ на праздникъ св. Сергія (5 іюля), Вѣдомости прибавляютъ: «Изволила при отправленіи службы Божіей Всевышнему Богу съ великимъ благоговѣніемъ молиться». Въ Вѣдомостяхъ объявлялось также, что императрица экзерцировала полки. Подъ 15 марта 1731 года читаемъ: «Ея величество изволить еще непрестанно о правительствѣ неизреченное матернее попеченіе имѣть. Ея императорское величество изволила вновь знакъ высокой своей природной императорской милости и великодушія явно показать: оставшуюся послѣ бывшаго князя Меншикова (умершаго въ Березовѣ въ октябрѣ 1729 года) фамилію сына и дочь паки сюда привезти повелѣтъ изволила. При прибытіи оныхъ, сына и дочери, въ Москву, побѣхали они прямо во дворъ ея императорскаго величества и представлены того-жъ часа въ ихъ черномъ платьѣ, въ которомъ они изъ ссылки прибыли. Сынъ пожалованъ по прежнему въ поручики Преображенскаго полка, а дочь въ камеръ-фрейлины, и онымъ на надлежащій экипажъ нѣкоторую сумму денегъ съ алмазными вещми пожаловать изволила».

Этимъ знакомъ великодушія къ дѣтямъ «неблагодарнаго раба» быть можетъ желали ослабить впечатлѣніе, производимое опалами. 25-е февраля поставило новое правительство во враждебныя отношенія къ двумъ самымъ виднымъ фамиліямъ — Голицы-

ныхъ и Долгорукихъ; объ желательно было удалить; но боялись дѣйствовать круто и начинать царствованіе опалами; соображали, противъ которой изъ двухъ фамилій и противъ кого именно изъ ея членовъ можно безопасно начать преслѣдованіе. Разумѣется, безопасно всего было начать съ Долгорукихъ. Фаворъ послѣднихъ въ предшествовавшее царствованіе и неумѣренное пользованіе этимъ фаворомъ возбудили къ нимъ нерасположеніе очень многихъ. Иностранные наблюдатели писали: «Радуются, что смерть Петра II убавить спѣши у Долгорукихъ, которая стала нестерпима и своимъ и чужимъ; посланники австрійскій и испанскій по цѣлымъ часамъ дожидались у нихъ въ передней, когда они пили кофе»³⁰¹. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая рассказываетъ, что когда, въ день вѣзда Анны, она возвращалась изъ дворца домой и проѣзжала черезъ полки, то одни кричали: «это отца нашего невѣста!» подбѣгали къ ней: «мамушка наша, лишились мы своего государя!» а другіе кричали: «прошло ваше время, теперь не старая пора!» Мы видѣли, какъ возбуждалось общество противъ Долгорукихъ внушеніями, что они захватили себѣ въ руки всю власть и томятъ государыню какъ плѣнницу. Несмотря однако на то, что Долгорукіе не могли найти себѣ защитниковъ, ждали, думали болѣе мѣсяца; лично ненавистнаго Аннѣ князя Василья Лукича удалили въ подмосковную; въ продолженіе нѣсколькихъ дней Анна совѣтовалась съ Остерманомъ³⁰², и наконецъ 8 апрѣля Сенатъ получилъ указъ за подписаніемъ собственной руки императрицы, что дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Долгорукій опредѣляется губернаторомъ въ Сибирь; князь Михалъ Долгорукій—въ Астрахань; тайный совѣтникъ князь Иванъ (Григорьевичъ) Долгорукій воеводою въ Вологду; князю Алексѣю Григорьевичу со всею семействомъ и брату его князю Сергѣю велѣно жить въ дальнихъ деревняхъ. Въ тотъ же день Сенатъ получилъ указъ, что назначенный было Верховнымъ Совѣтомъ въ губернаторы въ Нижній Петръ Бестужевъ ссылается на житье въ дальнія деревни; дочь его, княгиню Волконскую, велѣно было содержать въ Тихвинѣ дѣвичьѣ монастырѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Но участь ея пріятеля, Абрама Петрова, была облегчена: въ сентябрѣ 1730 года Ягужинскій объявилъ собранію Сената, что ея величество указала лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ поручика Абрама Петрова,

которому велѣно быть въ Тобольскомъ гарнизонѣ майоромъ, послать въ команду графа фонъ-Минихена, а ему опредѣлить его въ Перновѣ къ инженернымъ и фортификаціоннымъ дѣламъ по его рангу ³⁰³.

Подождали еще нѣсколько дней, прислушались — ропота нѣтъ, и ударили посильнѣе; быть можетъ также внушили, что озлобленные вельможи будутъ опасны какъ правители отдаленныхъ областей. 14 апрѣля изданъ былъ манифестъ: «Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Понеже всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ извѣстно есть, коимъ ненадлежащимъ и противнымъ образомъ князь Алексѣй Долгорукой съ сыномъ своимъ князь Иваномъ, будучи при племянникѣ нашемъ, блаженной памяти Петрѣ Второмъ, Императорѣ и Самодержцѣ Всероссійскомъ, не храня его величества дражайшаго здравія, поступали, а именно: по пришествіи его величества къ Москвѣ, во первыхъ, стали всѣми образы тщиться и не допускать, чтобъ въ Москвѣ его величество жилъ, гдѣбъ всегда правительству государственному присматривался и своихъ подданныхъ, какъ вышнихъ и знатныхъ чиновъ такъ и прочихъ, обхожденіе видѣть могъ; но всячески приводили его величество, яко суще младаго монарха, подъ образомъ забавъ и увеселенія, отъѣзжать отъ Москвы въ дальнія и разныя мѣста, отлучая его величество отъ добраго и честнаго обхожденія, что тогда народу весьма прискорбно и печально было. И какъ прежде Меншиковъ, еще будучи въ своей великой силѣ, ненасытнымъ своимъ властолюбіемъ, его величество взявъ въ свои собственные руки, на дочери своей въ супружество сговорилъ, такъ и онъ князь Алексѣй съ сыномъ своимъ и съ братьями родными его величество въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, которыя еще къ супручеству не приспѣли, Богу противнымъ образомъ, безъ всякаго ближайшимъ кровнымъ нашей императорской фамиліи и прочимъ, которымъ вѣдать о томъ надлежало, сообщенія, и Совѣту, и противно предковъ нашихъ обыкновенію, привели на сговоръ супружествомъ дочери его князя Алексѣевой княжнѣ Катеринѣ. Многія и непорядочныя и противныя дѣла, и въ чины, по своимъ прихотямъ, производили, о чемъ отъ насъ впредь разсмотрѣно и указомъ объявлено будетъ. Не храня его императорскаго величества дражайшаго здравія и не имѣя о томъ попеченія, непрестанными и дальними отъ Москвы отлучка-

ми, не токмо въ лѣтвіе дни, но и въ самыя осеннія студеныя времена и зимою, привели къ безпокойству, отъ чего его императорскаго величества здравію вредъ учинили, и въ послѣднюю его величества тяжкую болѣзнь, даже до дни кончины, о томъ министрамъ подливно не объявили, но все то тайно содержали, не допуская знать, не точію министровъ и прочихъ, но и придворныхъ. Они-жъ, князь Алексѣй и сынъ его князь Иванъ многій нашъ скорбь, состоящій въ драгихъ вещахъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, къ себѣ забрали и заграбили, не точію при жизни племянника нашего, но и по кончинѣ уже, при вступленіи нашемъ на російскій нашъ престоль, что нынѣ указомъ нашимъ у нихъ сыскано и отобрано. И понеже всѣ тѣ продерзости и преступленія чинили онъ князь Алексѣй съ сыномъ своимъ князь Иваномъ и съ братьями своими родными по согласію обще, за что по государственнымъ правамъ подлежали жестокому истязанію; однакожъ мы того чинить имъ не указали, а повелѣли ему князь Алексѣю съ женою и со всѣми дѣтьми, и брату его князь Сергѣю съ женою-жъ и съ дѣтьми, жить въ дальнихъ ихъ деревняхъ, а братьевъ его князь Ивана и князь Александра опредѣлить въ отдаленные города воеводами, и чины у всѣхъ у нихъ, которые получили не по заслугамъ и къ намъ вѣрности, такожъ и кавалеріи, данныя имъ, у нихъ отобрать. А князь Василья княжъ Лукина сына Долгорукова, за многіе его намъ самой и къ государству нашему безсовѣстные противные поступки, и что онъ, не боясь Бога и страшнаго Его суда и пренебрегая должность честнаго и вѣрнаго раба, дерзнулъ насъ весьма вымышленными и отъ себя самого токмо составными дѣлами безбожно оболгать и многихъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ въ невѣрство и подозрѣніе привести, какъ онъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ уже самъ повинную припесъ: и за такія его преступленія хотя и достоинъ былъ наижесточайшему истязанію, однакожъ мы, милосердуя, пожаловали вмѣсто того, указали, лиша всѣхъ его чиновъ и кавалеріи снявъ, послать въ дальнюю его деревню, въ которой жить ему безъвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ³⁰⁴.

Такимъ образомъ одни изъ Долгорукихъ наказывались за явныя вины; князь Василій Лукичъ за какую-то таинственную вину противъ самой императрицы. Въ слѣдующихъ показаніяхъ князя Василія находится любопытное извѣстіе, относящееся къ описывае-

тому времени: «Какъ ея императорское величество соизволила шествовать въ Москву, и въ то время, будучи въ пути, доносилъ онъ, что духовная о наслѣдствіи княжны Екатерины сочинена и нынѣ помнится ему, что и о томъ, что оную подписалъ князь Иванъ, онъ доносилъ же, и по пришествіи ея величества въ Москву, какъ онъ высланъ былъ въ подмосковную, и тогда прѣзжалъ къ нему генераль Чернышевъ и объ оной духовной его спрашивалъ, и онъ, сожалья своихъ братьевъ, сказалъ, что не помнитъ, доносилъ ли ея величеству о духовной. И потомъ прѣхалъ къ нему князь Александръ Григорьевичъ Долгорукій и говорилъ, что прислалъ къ нему братъ его Алексѣй и приказалъ сказать: ежели будутъ его, князь Василія спрашивать о духовной, чтобъ онъ отнюдь не могъ сказывать, понеже отъ того можемъ пропасть; и послѣ того прѣхалъ къ нему гвардіи капитанъ Хрущовъ и спрашивалъ его объ оной же духовной, и онъ, сожалья своихъ братьевъ, сказалъ, что онъ, князь Василій, доносилъ государынѣ ложно, желая чрезъ то получить ея милость»³⁰⁵. Но дѣйствительно, по какому побужденію могъ князь Василій сказать объ этомъ Аннѣ во время дороги? Неужели для того, чтобъ получить ея милость? Вѣроятнѣе для того, чтобъ напугать ее извѣстіемъ о существованіи духовной въ пользу княжны Долгорукой; что же касается до подписи духовной княземъ Иваномъ, то самъ князь Василій говоритъ, что *помнится ему*, что доносилъ и объ этомъ: при вторичномъ страшномъ допросѣ ему было выгодно сказать такъ, хотя и тутъ онъ не рѣшился сказать утвердительно.

Теперь пока и за это донесеніе съ послѣдующимъ отрицаніемъ князь Василій подвергался обвиненію въ обоганіи, обманѣ, хотя таинственное обвиненіе главнымъ образомъ относилось къ другому: «Такъ ты, князь Василій Лукичъ, меня обманулъ», сказано ему было 25 февраля. Фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго не тронули: онъ остался съ прежнимъ значеніемъ. Еще болѣе опасались тронуть Голицыныхъ. Люди, господствовавшіе при дворѣ, Левенвольды сдѣланный оберъ-гофмаршаломъ и фаворитъ Биронъ хотѣли *раздѣляя властвовать*; говорили, будто они послали сказать Голицынымъ, что если они будутъ держаться ихъ стороны, то они помогутъ имъ и будутъ ихъ вѣрными друзьями³⁰⁶. Дѣйствительно фельдмаршалъ князь Михаилъ

Михайловичъ Голицынъ при коронаціи былъ пожалованъ волостями, селами и деревнями въ Можайскомъ уѣздѣ изъ дворцовыхъ³⁰⁷, сдѣланъ былъ президентомъ Военной Коллегіи; но Голицыны могли тотчасъ же замѣтить, что приближенія и вліянія на дѣла имъ не дадутъ. Самый приближенный человекъ, фаворитъ, былъ иностранецъ низкаго происхожденія. Анна и Биронъ понимали очень хорошо, что русскіе люди, и прежде всего русская знать, не могли сносить этого спокойно; Анна и Биронъ чувствовали, что есть оскорбленные и, естественно, оскорбители питали неприязнь къ оскорбленнымъ. Естественно было окружить себя людьми, которые не могли быть оскорблены иноземствомъ фаворита, для которыхъ онъ былъ свой и давній пріятель: таковъ былъ Остерманъ, умнѣйшій и опытнѣйшій государственный человекъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, котораго сами русскіе признавали необходимымъ; таковъ былъ неразлучный другъ Остермана, Левенвольдь. Но у русскихъ двѣ военныя знаменитости, два фельдмаршала, Голицынъ и Долгорукой; надобно противопоставить имъ своего, и такой есть—генераль-фельдцейгмейстеръ Минихъ, военный талантъ первоклассный: Минихъ является предсѣдателемъ упомянутой нами выше комиссіи объ исправленіи военной части въ Россіи. Такимъ образомъ, опираясь на Остермана въ дѣлахъ внутреннихъ и въ дѣлахъ внѣшней политики, на Миниха въ дѣлахъ военныхъ, на Левенвольда при дворѣ,—можно быть покойну. Можно ласкать и русскихъ, людей неопасныхъ, безъ претензій: таковъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, знатный человекъ и первый богачъ, но не опасный по личнымъ средствамъ, способный удовольствоваться однимъ почетомъ; Салтыковы—родственники императрицы также не опасны по личнымъ средствамъ; великій канцлеръ графъ Головкинъ и въ молодости не отличался безпкойнымъ характеромъ: его можно держать въ большомъ почетѣ, какъ развалину славнаго царствованія великаго дяди; безпокоенъ и очень безпокоенъ зять его, Ягужинскій; но съ однимъ человекомъ можно справиться.

Еще передъ коронаціею фельдмаршалъ Голицынъ со слезами жаловался на презрѣніе, какое оказываютъ заслуженнымъ особамъ. Во время коронаціи (28 апрѣля) Голицыны представляли печальную фигуру: императрица не удостоивала ихъ взглядомъ,

тогда какъ особенное вниманіе оказывала Остерману, пожалованному въ графы, и князю Черкасскому. Противъ заслугъ графа Андрея Ивановича трудно было спорить; князь Черкасскій знатный человѣкъ и въ послѣднюю смуту очень выдвинулся своимъ усердіемъ. Но неизвѣстный Курляндецъ Биронъ пожалованъ въ оберъ-камергеры, наслѣдство прежняго фаворита, князя Ивана Долгорукаго, украшенъ кавалеріями! Онъ пожалованъ въ оберъ-камергеры за то, говорилось въ рескриптѣ, что «сіятельный, особливо намъ любезно вѣрный графъ Яганъ Эрнестъ фонъ Биронъ, чрезъ многіе годы будучи въ нашей службѣ при комнатѣ нашей (камергеромъ), во всемъ такъ похвально поступалъ и такую совершенную вѣрность и ревностное радѣніе къ намъ и нашимъ интересамъ оказалъ, что его особливые добрые качества и достохвальные поступки и къ намъ показанныя многія вѣрныя, усердныя и полезныя службы не иначе какъ къ совершенной всемплоствѣйшей благоудности нашей касаться могли».

Уже въ маѣ 1730 года иностранные министры замѣчаютъ, что Биронъ и Левенвольдъ управляютъ императрицею какъ хотятъ, и русскіе ненавидятъ этихъ Нѣмцевъ ³⁰⁸; но сзади ихъ стоитъ Остерманъ и управляетъ имперіею ³⁰⁹. Противъ неудовольствія надобно принять мѣры. Надобно увеличить число гвардейскихъ полковъ. Князь Михайлъ Михайловичъ Голицынъ, будучи главнокомандующимъ украинскою арміею, составилъ изъ мелкой шляхты шеститысячный корпусъ милиціи; изъ этого корпуса выбрано было 2.000 человѣкъ для составленія новаго гвардейскаго полка, который названъ измайловскимъ, по имени села Измайлова, любимаго подмосковнаго пребыванія императрицы. Князь Голицынъ надѣялся, что ему, въ благодарность, будетъ порученъ выборъ офицеровъ, но императрица сама назначила графа Карла Густава Левенвольда полковникомъ новаго полка и поручила ему набрать остальныхъ офицеровъ «изъ Лифляндцевъ, Эстляндцевъ и Курляндцевъ и прочихъ націй иноземцевъ и изъ русскихъ». Этотъ Левенвольдъ былъ братъ оберъ-гофмаршала, графа Рейнгольда Левенвольда; въ званіи лифляндскаго ландрата явился онъ въ Москву въ числѣ другихъ депутатовъ, пріѣхавшихъ просить новую императрицу о подтвержденіи лифляндскихъ привилегій, остался въ Москвѣ, былъ пожалованъ генераль-лейтенантомъ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ. Шотландецъ Кейтъ, перешедшій изъ испанской

службы въ русскую, назначенъ былъ подполковникомъ измайловскаго полка ³¹⁰.

Національное чувство было сильно оскорблено; но въ то же время обнаружилось посягательство и на матеріальное благосостояніе. Мы видѣли, что уже въ Курляндіи жаловались на сильную роскошь, которою отличался дворъ герцогини вдовы. Сама Анна любила роскошь, развлеченія, празднества; люди, къ ней близкіе, чужіе для Россіи, спѣшили весело пожить на чужой счетъ, ибо получали деньги даромъ, отъ щедротъ императрицы. И вотъ праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, балъ смѣнялся маскарадомъ, и отличались они необыкновенною роскошью, требовали огромныхъ издержекъ. «Во всемъ городѣ устроены иллюминаціи и такія великолѣпныя, подобныхъ которымъ не видали въ этой странѣ. Вчера мы были приглашены во дворецъ, гдѣ былъ балъ и ужинъ, и никогда не видалъ я такого блестящаго праздника и такого отличнаго ужина. Вы не можете себѣ вообразить роскошь этого двора. Я былъ при многихъ дворахъ, но могу увѣрить, что здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходить даже самые богатѣйшіе, не исключая и французскаго» ³¹¹. Такъ писали иностранные министры къ своимъ дворамъ; но у насъ есть и русскія официальные извѣстія, изъ которыхъ видимъ, что не пропускалось никакого случая для празднества; въ 1731 году, 15 февраля праздновали даже годовщину публичнаго вѣзда Анны въ Москву. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ писали по этому случаю: «Кушали при дворѣ всѣ иностранные и здѣшніе министры съ знатнѣйшими дамами. Пополудни былъ балъ, при чемъ также и маскарадомъ увеселялись; въ 10 часу ввечеру имѣеть изрядный фейерверкъ зажженъ быть». Отъ 18 февраля извѣстіе изъ Москвы: «Маскарадомъ здѣсь еще и понынѣ непрестанно забавляются (маскарадъ начался 8 февраля), при чемъ маскарадное платье всегда перемѣняется. Итальянскіе придворные комедіанты короля польскаго сюда уже прибыли и будутъ на сей недѣль первую комедію при дворѣ дѣйствовать». Извѣстіе отъ 25 февраля: «Въ прошедшее воскресеніе былъ маскарадъ при дворѣ; во вторникъ былъ маскарадъ у великаго канцлера, а потомъ у фельд-маршала князя Долгорукаго, сегодня у вице-канцлера Остермана».

Не забудемъ, что эти великолѣпные праздники «при чемъ маскарадное платье всегда перемѣнялось», происходили въ государ-

ствѣ чрезвычайно бѣдномъ. Знать была очень небогата; обязанная службою, она, еслибъ даже хотѣла и умѣла, не могла успѣшно заниматься хозяйственною дѣятельностію, откуда и неодолимое у многихъ стремленіе увеличивать свои скудные доходы служебными же средствами, на счетъ казны, на счетъ управляемыхъ и подсудимыхъ. При Петрѣ Великомъ было тяжело, принуждены были для нуждъ военныхъ и преобразовательныхъ платить много; разорилъ Петербургъ, гдѣ нужно было строить дома, гдѣ жизнь была дорога вдали отъ деревень, доставлявшихъ продовольствіе; но за то не было никакой роскоши, самъ царь подавалъ примѣръ сокращенія расходовъ вслѣдствіе умѣренности и простоты жизни. При Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ отдохнули отъ войны и сильнаго преобразовательнаго движенія, успѣли перебраться и въ Москву; удобства жизни увеличивались, но роскоши замѣтно не было. Теперь со вступленіемъ на престолъ Анны начинается сильная роскошь; къ каждому празднику новое платье! До сихъ поръ богатый человѣкъ, т.-е. имѣвшій много деревень, доставлявшихъ ему много съѣстныхъ припасовъ, показывалъ свою роскошь тѣмъ, что давалъ сытныя пиры, кормилъ много приживальцевъ и приживалокъ, содержалъ большую двѣрню, множество лошадей; но денегъ было мало, и потому не щеголяли перемѣннымъ платьемъ, не стыдились, по старинѣ, носить платье отцовское и материнское; а теперь требуется къ каждому празднику новое платье: гдѣ же взять денегъ на покупку дорогихъ заморскихъ матерій? Приходится продавать деревни! ропотъ страшный; вздыхаютъ о временахъ Петра Великаго ³¹², о знаменитыхъ, теперь уже, несмотря на близость, баснословныхъ временахъ простоты и умѣренности, временахъ гоненія на роскошь. Неудовольствіе не могло ограничиться знатью, людьми имѣющими приѣздъ ко двору. Въ мирныя царствованія Екатерины I-й и Петра II-го, при убѣжденіи, что надобно льготить крестьянина, отъ благосостоянія котораго зависитъ благосостояніе другихъ частей народонаселенія, смотрѣли сквозь пальцы на доимки; но зачѣмъ теперь вдругъ приводятся въ исполненіе строгіе указы противъ доимокъ? Развѣ нужно заводить снова войско и флотъ, развѣ снова Шведъ вступилъ въ русскіе предѣлы? Въ три мѣсяца помѣщики, архіереи, и монастырскія власти должны заплатить доимки; на помѣщикахъ или ихъ прикащикахъ офицеры правятъ доимки. Войны

нѣтъ — куда же пойдутъ деньги? на фаворитовъ-Нѣмцевъ, на балы и маскарады!

Въ связи съ неудовольствіемъ на роскошь было дѣло Румянцева. Мы видѣли, что одинъ изъ близкихъ къ Петру Великому людей былъ отправленъ съ дипломатическо-военнымъ порученіемъ на персидско-турецкія границы. Румянцевъ, игравшій такую роль въ дѣлѣ царевича Алексѣя, разумѣется, не могъ пользоваться особенною благосклонностію правительства въ царствованіе Петра II-го. При Петрѣ Великомъ онъ получилъ часть деревень, отобранныхъ у Лопухиныхъ и другихъ опальныхъ; при Петрѣ II у него отобрали эти деревни для возвращенія прежнимъ владѣльцамъ. Анна, рассчитывая на неудовольствіе Румянцева предшествовавшимъ царствованіемъ и желая пріобрѣсти вѣрнаго слугу въ видномъ генералѣ и, главное, въ одномъ изъ любимцевъ великаго дяди, не можемъ имѣть ничего общаго съ Голицыными и Долгорукими, вызвала Румянцева въ Москву и приняла необыкновенно любезно: онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, подполковникомъ гвардіи, получилъ 20,000 рублей въ вознагражденіе за отобранныя при Петрѣ II-мъ деревни. Но императрица и фавориты ошиблись въ расчетѣ: Румянцевъ былъ человѣкъ совершенно петровскаго закала; господство Нѣмцевъ и роскоши при дворѣ его возмутили; онъ столкнулся съ братомъ Бирона и отдѣлалъ его. При дворѣ забили тревогу: Аннѣ стали внушать, что она жестоко ошиблась въ Румянцевѣ, что это человѣкъ подозрительный, какъ любимецъ Петра Великаго онъ радѣеть потомству своего благодѣтеля. Императрица призываетъ его къ себѣ, упрекаетъ въ неблагодарности, говоритъ, что она не можетъ оставить его подполковникомъ гвардіи, какъ человѣка къ ней нерасположеннаго, но назначить его президентомъ одной изъ финансовыхъ коллегій. Румянцевъ отвѣчаетъ, что онъ всегда служилъ вѣрою и правдою, что, будучи всегда солдатомъ, онъ ничего не смыслить въ финансахъ, и, разгорячившись, начинаетъ высказывать то, что было на душѣ у русскихъ людей; говоритъ, что онъ не умѣетъ выдумывать средствъ для удовлетворенія роскоши, введенной теперь при дворѣ. Тутъ Анна прервала его, выгнала вонъ, велѣла арестовать и отдать на судъ Сената. Сенатъ рѣшилъ, что Румянцевъ, за неповиновеніе волѣ императрицы, достоинъ смерти; Анна перемѣнила смертную казнь на ссылку въ казанскія деревни; Александровская лента была съ него снята и 20,000 рублей взяты назадъ.

Опала Румянцева, явившагося героемъ, произвела страшное раздраженіе противъ Нѣмцевъ. Польскій посланникъ Потоцкій въ разговорѣ съ секретаремъ французскаго посольства Маньяномъ, сказалъ: «Боюсь, чтобъ Русскіе теперь не сдѣлали того же съ Нѣмцами, что сдѣлали съ Поляками во время Лжедмитрія, хотя Поляки и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ ожесточенію». Маньянъ отвѣчалъ ему: «Не беспокойтесь: тогда не было гвардіи, а теперь у Русскихъ нѣтъ вождя по смерти фельдмаршала Голицына»³¹³.

Голицынъ умеръ въ концѣ 1730 года, и легко понять, какъ отлегло на сердцѣ у фаворитовъ. Оставался другой фельдмаршалъ—изъ Долгорукихъ; ему передали мѣсто Голицына, президентство въ Военной коллегіи; но и онъ недолго оставался въ покоѣ. Долгорукихъ продолжали казнить постепенно, жечь медленнымъ огнемъ. Послѣ извѣстныхъ распоряженій относительно ихъ участи въ апрѣлѣ, въ серединѣ 1730 года послѣдовали новыя распоряженія: князя Алексѣя съ дѣтьми сослали въ Березовъ; князя Василия Лукича въ Соловки, князя Сергѣя въ Ораніенбургъ, князя Ивана Григорьевича въ Пустозерскъ; мать князя Алексѣя въ Ораніенбургъ³¹⁴. Судьба князя Алексѣя не могла возбуждать сожалѣнія, потому что одновременно съ этими распоряженіями въ журналахъ Сената записывалось: «допущенъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шереметевъ и подалъ за своею, да за князя Петра Черкаскаго и князя Якова Голицына руками доношеніе и при немъ реестръ забраннымъ изъ дому покойнаго дяди ихъ, генераль-адмирала графа Апраксина, князь Алексѣемъ Долгорукимъ безденежно вещамъ, и чтобъ тѣ вещи или за нихъ деньги къ нимъ возвратить». Но въ концѣ 1731 года изданъ былъ манифестъ, изъ котораго узнали, что самый видный и самый почтенный изъ Долгорукихъ за какія-то таинственныя преступленія заточенъ въ крѣпость: «Хотя всѣмъ извѣстно, говорилось въ манифестѣ, какіе мы имѣемъ неусышныя труды о всякомъ благополучіи и пользѣ государства нашего, что всякому видѣть и чувствовать возможно изъ всѣхъ въ дѣйство произведенныхъ государству полезныхъ нашихъ учреждений, за что по совѣсти всякъ добрый и вѣрный подданный нашъ долженъ благодареніе Богу воздавать, а намъ вѣрнымъ и благодарнымъ подданнымъ быть. Но кромѣ чаянія нашего, явились нѣкоторыя безсовѣстные

и общаго добра ненавидящіе люди, а именно: бывший фельдмаршалъ князь Василій Долгорукій, который, презря нашу къ себѣ многую милость и свою присяжную должность, дерзнулъ не токмо наши государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, въ чемъ по слѣдствію дѣла изобличенъ; да бывший гвардіи капитанъ князь Юрій Долгорукій, прапорщикъ князь Алексѣй Борятинскій, Егоръ Столѣтовъ, которые, презрѣвъ свою присяжную должность, явились въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ не токмо противъ нашей высочайшей персоны, но и къ поврежденію государственнаго общаго покоя и благополучія касающихся, въ чемъ обличены и сами признались, а потомъ и съ розысковъ въ томъ утвердились. За которыя ихъ преступленія собранными для того министры и генералитетомъ приговорены они всѣ къ смертной казни. Однакожь мы, по обыкновенной своей императорской милости, отъ той смертной казни всемилостивѣйше ихъ освободили, а указали: отобравъ у нихъ чины и движимое и недвижимое имѣніе, послать въ ссылку подъ карауломъ, а именно князь Василья Долгорукова въ Шлиссельбургъ, а прочихъ въ вѣчную работу—князь Юрья Долгорукова въ Кузнецкъ, Борятинскаго въ Охотскій острогъ, а Столѣтова на Перчинскіе заводы»³¹⁵.

Двоихъ русскихъ фельдмаршаловъ нѣтъ болѣе—одинъ въ могилѣ, другой въ крѣпости. У Русскихъ нѣтъ вождя, говоритъ умный Французъ, и потому недовольствіе ихъ неопасно. Сила Нѣмцевъ упрочена, потому что у нихъ есть вожди—Остерманъ, Минихъ. Какъ же это случилось, что Русскіе очутились безъ вождей, куда исчезли люди, которыхъ оставилъ Россіи Петръ Великій? Много важныхъ задачъ завѣщаль рѣшить русскимъ людямъ Преобразователь, для чего такъ старался возбудить ихъ духовныя силы, приучить къ самодѣятельности, къ дѣйствию сообща; но самая важная задача состояла въ томъ, чтобъ выйти невредимо изъ страшнаго опасности, необходимо связанной съ преобразованиемъ: выучиться всему нужному у чужихъ, не давши учителямъ значенія больше, чѣмъ сколько имъ слѣдовало, сохранить свое національное достоинство, удержавъ за своею національнію господство. Мы видѣли, какъ Петръ заботливо охранялъ достоинство русской національности, какъ высоко держалъ ея знамя, какъ,

привлекая отовсюду полезных иностранцевъ, не давалъ имъ первыхъ мѣстъ, которыя принадлежали Русскимъ. Петръ оставилъ судьбу Россіи въ русскихъ рукахъ. Чтобъ такой порядокъ вещей продолжался, нельзя было ограничиться однимъ физическимъ исключеніемъ иностранцевъ; для этого нужно было поступать такъ, какъ училъ Петръ Великій: не складывать рукъ, не засыпать, постоянно упражнять свои силы, сохранять старыхъ людей способныхъ и продолжать непрестанную гоньбу за новыми способностями. Появленіе Остермана между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта показывало, что русскіе люди, стоявшіе наверху, не могли преодолѣть искушенія сложить тяжелый трудъ изученія подробностей на даровитаго и приготовленнаго иностранца. Это бы еще не бѣда: для такого человѣка, какъ Остерманъ, можно было сдѣлать исключеніе и изъ правила Петра Великаго. Но что всего хуже, русскіе люди, оставленные Петромъ наверху, начинаютъ усобицу, начинаютъ истреблять другъ друга. Двое людей, которые при соединеніи своихъ силъ были такъ могущественны, что дали престолъ Екатеринѣ, начинаютъ усобицу, и Меншиковъ засылаетъ Толстова въ Соловки; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Меншиковъ очутился въ ссылкѣ; по смерти Петра II дворянство и генералитетъ, раздраженные олигархическими стремленіями верховниковъ, выдаютъ ихъ новому правительству, и въ два года не досчитываются двоихъ даровитыхъ дѣятелей, князей Василя Владиміровича и Василя Лукича Долгорукихъ; смерть поражаетъ фельдмаршала князя Михайла Михайловича Голицына, и чрезъ это отнимается значеніе у брата его, князя Дмитрія. Апраксинъ умеръ еще при Петрѣ II, Головкинъ одряхлѣлъ, да и никогда не отличался энергіею; изъ знаменитостей петровскаго времени остался одинъ Ягужинскій, но одинъ въ полѣ не воинъ. Ряды разрѣдѣли; на Салтыковыхъ и Черкасскихъ не было благословенія Петра Великаго, и на празднахъ мѣста выступаютъ таланты, завѣщанные также Преобразователемъ, но иностранцы—Остерманъ и Минихъ. Можно было помириться съ возвышеніемъ этихъ иностранцевъ, очень даровитыхъ и усыновившихъ себя Россіи, неразрывно соединившихъ свою славу съ ея славою, благоговѣнно чтившихъ память великаго человѣка, давшаго ихъ Россіи; но нельзя было помириться съ тѣми условіями, которыя ихъ подняли и упрочили ихъ значеніе: передъ ними стоялъ фаво-

рять, оберъ-камергеръ графъ Биронъ, служившій связью между иностранцами и верховною властію. Биронъ и Левенвольды, по личнымъ своимъ средствамъ вовсе недостойные занимать высокія мѣста, вмѣстѣ съ толпою иностранцевъ ими поднятыхъ и имъ подобныхъ, были тѣми паразитами, которые производили болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны. Биронъ, красивый и привлекательный въ своемъ обращеніи господинъ, нравившійся не однимъ женщинамъ, но и мужчинамъ своею любезностію, не былъ развращеннымъ чудовищемъ, любившимъ зло для зла; но достаточно было того, что онъ былъ чужой для Россіи, былъ челоуѣкъ, не умѣравшій своихъ корыстныхъ стремленій другими высшими; онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ случаемъ, своимъ временемъ, фаворомъ, чтобъ пожить хорошо на счетъ Россіи; ему нужны были деньги, а до того, какъ они собирались, ему не было никакого дѣла; съ другой стороны, онъ видѣлъ, что его не любятъ, что его считаютъ недостойнымъ того значенія, какое онъ получилъ, и, по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, преслѣдовалъ людей, которыхъ считалъ опасными для себя и для того правительства, которымъ онъ держался. Этихъ стремленій было достаточно для произведенія *бироновщины*.

Въ началѣ царствованія, именно въ апрѣлѣ 1730 года изданъ былъ указъ противъ ложныхъ доносовъ; велѣно было обнародовать, въ какой силѣ состоятъ первые два пункта; запрещено вѣрять доносамъ воровъ и разбойниковъ, приговоренныхъ къ смерти «дабы, продолжая животъ свой, не затѣвали, и невинные бы по живымъ ихъ доносамъ напрасно не страдали»³¹⁶. Но въ мартѣ 1731 года нашли нужнымъ возстановить учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Преображенскаго Приказа, и уничтоженное, какъ мы видѣли, при Петрѣ II; возстановленное учрежденіе было поручено генералу Ушакову³¹⁷ и получило названіе Канцеляріи Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ³¹⁸. Тайныя дѣла были взяты изъ Сената, потому что, какъ сказано въ указѣ, они мѣшали отпращиванію прочихъ государственныхъ дѣлъ. И относительно другихъ дѣлъ успѣшили избавиться отъ многолюднаго собранія сенаторовъ, между которыми были люди непріятные. Еще въ началѣ царствованія, въ апрѣлѣ 1730 года въ высшихъ сферахъ носились слухи объ учрежденіи Кабинета или Совѣта изъ четырехъ или пяти приближенныхъ лицъ³¹⁹. Но только 10 ноября 1731 года былъ

данъ указъ Сенату: «Для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, заблагодарасудили учредить при дворѣ нашемъ Кабинетъ, и въ оный опредѣлить изъ министровъ нашихъ—канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Черкаскаго». На слѣдующій день новый указъ: «Нынѣ мы, ревнуя закону Божію и имѣя о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ богоугодное попеченіе, чтобъ всѣмъ судъ происходилъ неллицемѣрный, неотмѣнно и безволочитно, по учрежденію нашего Кабинета заблагодарасудили, изъ всѣхъ обрѣтающихся здѣсь вышнихъ и нижнихъ судебныхъ правительствъ, какъ изъ Сената и изъ Синода, такъ изъ коллегій, приказовъ и канцелярій, для собственного нашего въ тѣхъ челобитчиковыхъ дѣлахъ усмотрѣнія, безволочитно-ль онымъ рѣшенія бывають, собирать въ Кабинетъ нашъ краткіе рапорты помѣсячно»³²⁰.

Также рано, въ маѣ 1730 года императрица начала уже публично говорить о переѣздѣ въ Петербургъ, даже назначала для этого время слѣдующую зиму; но прибавляла при этомъ, что не останется въ Петербургѣ навсегда, главная резиденція будетъ въ Москвѣ. Зима прошла, дворъ оставался въ Москвѣ; только въ концѣ 1731 года переѣздъ въ Петербургъ былъ рѣшенъ окончательно. Мы видѣли, что фельдмаршалъ Долгорукій вмѣсто Петербурга отправился въ Шлиссельбургъ; изъ старыхъ верховниковъ возвращались въ Петербургъ графъ Головкинъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и Остерманъ. Генераль-прокуроръ Ягужинскій не переѣхалъ въ Петербургъ; это былъ безпокойный и опасный человекъ, способный усиливать глазную болѣзнь, которою часто страдалъ Остерманъ. Въ 1731 году, въ праздникъ восшествія на престолъ Анны, Ягужинскій, во дворцѣ, выпивши пива, какъ говорятъ, притворившись пьянымъ, принялся бранить Остермана и брата его, мекленбургскаго посланника; императрица, любившая подобныя сцены, смѣялась и говорила, что это дѣйствуетъ вино; но Остерманъ не смѣялся и говорилъ: «Жаль, что законъ не позволяетъ обиженному самому отомстить обидчику.» На другой день Анна сдѣлала Ягужинскому легкой выговоръ, тотъ клялся, что ничего не помнитъ, что наболталъ подъ влияніемъ бахуса и, по обычаю,

давалъ зарокъ не пить больше ³²¹. Императрица не выдавала Ягужинскаго, а тутъ еще новая связь по женѣ: третій сынъ графа Головкина, Михаилъ, женился на княжнѣ Ромодановской, двоюродной сестрѣ императрицы (княгиня Ромодановская и царица Прасковья Ѳедоровна были родныя сестры). Несмотря на то, къ концу 1731 года успѣли удалить и Ягужинскаго въ почетную ссылку, отправили его посланникомъ въ Берлинъ. Былъ еще чело-вѣкъ неудобный, хотя и не такъ опасный и безпокойный какъ Ягужинскій: то былъ старый вице-канцлеръ Шафировъ, о кото-ромъ не переставали твердить какъ о чело-вѣкѣ способностей не-обыкновенныхъ; Меншиковъ хотѣлъ заслать его въ Архангельскъ; теперь послали его въ противоположную сторону, на персидскія границы съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Въ августѣ 1730 года дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Петръ Ша-фировъ призванъ былъ въ Сенатъ и предъ собраніемъ объявленъ ему указъ ея императорскаго величества о бытіи въ Гилани вто-рымъ полномочнымъ министромъ. Шафировъ доносилъ, что онъ ея императорскому величеству со всякою вѣрностію и усердіемъ служить готовъ, только имѣетъ великія болѣзни и безпамятство, и чтобъ отъ того въ дѣлахъ ея величества не учинились упущенія; къ тому-жъ онъ, Шафировъ, одолжалъ немалыми долгами и отправиться ему туда нечѣмъ, и просилъ о томъ доложить ея величеству. Средства, съ чѣмъ отправиться, были даны; на болѣзни и безпамятство не обратили вниманія. Опасные и безпокойные люди были все отстранены; съ Головкинымъ и Черкасскимъ Остерману было легко отправиться въ Петербургъ; князь Алексѣй Михайловичъ одно время побезпокоился было: у него была одна только дочь, наследница громаднаго имѣнія, на кото-рое обратилъ вниманіе Левенвольдъ и предложилъ княжнѣ свою руку. Отецъ былъ въ страшномъ затрудненіи: сильно не хочется выдать дочь за Левенвольда, и отказать нельзя; согласился; обручи-ли; но наверху сочли неудобнымъ огорчать Черкасскаго и поз-волили разорвать дѣло даже послѣ обрученія.

Въ началѣ 1732 года дворъ былъ уже въ Петербургѣ. Остав-ленный въ Москвѣ главнокомандующимъ, оберъ-гофмейстеръ и ге-нераль Семень Салтыковъ получилъ слѣдующій наказъ: 1) чтобъ во всемъ здѣсь на Москвѣ надлежащій добрый порядокъ содер-жать, и всякіе неурядки, конфузїи и замѣшанія по крайней воз-

возможности прережены и отвращены были. 2) И для того надлежитъ ему какъ льно, такъ и подь-рукою за оставшимся здѣсь, какъ главными такъ и прочими управителями, коллегіями и командирами прилежно смотрѣть, дабы всѣ ихъ поступки были порядочные, и каждый должность свою по своему званію съ такимъ вѣрнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ отправлялъ, какъ по присяжной всеподданнической должности надлежитъ. 3) А ежелибъ кто тому противно поступалъ, то не токмо намъ о томъ немедленно доносить, но и смотря по важности дѣла, съ общаго сношенія съ оставшимися здѣсь сенатскими членами, съ такимъ поступать какъ наши указы и регламенты повелѣваютъ. 4) А ежелибъ такое дѣло случилось, о которомъ ему-бъ и сенатскимъ членамъ сообщить было не возможно и которое-бъ времени не терпѣло, то въ такомъ случаѣ чинить и ему одному все то, что къ нашимъ интересамъ и къ пререженію опасныхъ не порядковъ потребно будетъ, и намъ о томъ безъ всякаго упущенія времени репортовать. 5) Ему-жъ прилежно въ Сенатѣ присутствовать и смотрѣть дабы дѣла порядочно и во всемъ по нашимъ указамъ и регламентамъ въ ономъ отправлены были безъ всякой волокиты и остановки. 6) Надлежитъ же ему смотрѣть, дабы оставшіеся здѣсь батальоны отъ полковъ гвардіи нашей въ добромъ порядкѣ и военной дисциплинѣ содержаны были, тожъ смотрѣть и за прочими здѣшней команды полевыми полками, и чтобъ оная команда порядочно и по военнымъ нашимъ регламентамъ во всемъ отправлена была. 7) Впрочемъ имѣеть онъ обо всемъ, что здѣсь происходитъ станетъ и къ нашему вѣдѣнію для интересовъ нашихъ принадлежить, намъ часто и обстоятельно доносить, и впрочемъ сіи пункты весьма секретно содержать и никому, кто-бъ ни былъ, объ оныхъ сообщать или объявлять ³²².

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ.

Смерть Петра II, разумѣется, должна болѣе всего огорчить австрійскій дворъ: цесаревъ не рѣшились вдругъ объявить объ этомъ несчастіи, но приготовили ее исподоволь; узнавши, она сказала, что сердце ея съ самаго начала предчувствовало бѣду; Цесарь, выслушавъ у Ланчинскаго извѣщеніе о смерти Петра и восшествіи на престолъ Анны, отвѣчалъ: «Сердечно сожалѣемъ о преждевременной кончинѣ государя, подававшего такія великія надежды; потеря намъ очень чувствительна какъ по дружбѣ,

такъ и по свойству, но преклоняемся предъ волею Божіею. Похвальна осторожность російскихъ чиновъ, что праздный престолъ немедленно замѣстили; и съ новою царицею мы готовы продолжать ту же дружбу и обязательство, какія имѣли съ покойнымъ царемъ и его предшественниками». Пруссійскій король обнадеживалъ также своею дружбою новую императрицу; но особенную радость Фридрихъ Вильгельмъ обнаружилъ, когда узналъ о возстановленіи самодержавія въ Россіи; за столомъ пилъ за здоровье Анны изъ большого бокала и давно не былъ такъ веселъ: «Теперь, говорилъ онъ, я уже не стану смотрѣть на Польшу въ дѣлахъ курляндскихъ». Король шведскій изъявилъ желаніе усилить дружбу съ русскою государынею; король польскій обнадеживалъ постоянною дружбою и *партикулярнымъ* почтеніемъ. Въ Копенгагенѣ радовались всего болѣе, что преемницею Петра была Анна, ибо видѣли въ этомъ утвержденіе своей безопасности со стороны Россіи.

Прежде всего нужно было покончить съ Персіею, гдѣ Тахмасибъ бралъ верхъ надъ Эшрефомъ, благодаря знаменитому визирю своему, Тахмасу Кулы-хану. Посоль Тахмасиба находился въ началѣ 1730 года въ Москвѣ, и въ конференціи объявилъ слѣдующіе пункты: 1) чтобъ Россія помогла его шаху очистить его государство отъ непріятелей, послѣ чего шахъ уступитъ императрицѣ всѣ провинціи, какъ занятія русскими войсками такъ и обѣщанныя въ договорѣ, заключенномъ съ Петромъ Великимъ; 2) если же съ русской стороны помощи не будетъ, то Россія должна возвратитъ ему всѣ провинціи, и дружба и торговля между обоими государствами будетъ попрежнему, русскимъ купцамъ дастся позволеніе торговать въ Персіи безошлично, также дадутся имъ мѣста для построенія домовъ, гдѣ они сами пожелаютъ; 3) такъ какъ Турки и Афганцы очень непостоянны, и потому Русскіе не должны имъ ни въ чемъ вѣрять: они могутъ у Россіи обманомъ взять персидскія провинціи, чего шахъ не сдѣлаетъ.

Иностранная коллегія представила разсужденіе о мѣрахъ для успѣшнѣйшаго окончанія персидскихъ дѣлъ. Въ разсужденіи говорилось, что у Россіи съ Турціею заключенъ былъ договоръ, въ которомъ оба государства обязались покончить персидскія дѣла съ общаго согласія. Несмотря на то, Турки, увидя силу Эшрефа заключили съ нимъ формальный трактатъ безъ согласія

Россіи. Эшрефъ теперь побѣжденъ законнымъ шахомъ Тахмасибомъ, который усиливается и, по всеѣмъ вѣроятностямъ, утвердится на персидскомъ престолѣ. Порта всеѣми способами старается помириться съ Тахмасибомъ и сильно вооружается, чтобъ тѣмъ скорѣе склонить его къ миру или, въ противномъ случаѣ, силою оружія удержать за собою завоеванныя мѣста. Такъ какъ сомнительно, чтобъ шахъ Тахмасибъ вдругъ согласился на уступку Турціи занятыхъ ею областей, то Порта предлагаетъ Россіи исполнить договоръ, т.-е. окончить персидскія дѣла съ общаго согласія: это она дѣлаетъ нарочно, чтобъ Россія не заключала отдѣльнаго договора съ Тахмасибомъ, или, что еще хуже, не соединилась бы съ нимъ противъ Порты. Россія хотя также, по примѣру Турціи, заключила договоръ съ Эшрефомъ, но при этомъ не порвала сношеній и съ Тахмасибомъ, котораго посоль и теперь находится въ Москвѣ. Съ одной стороны, война персидская ея императорскому величеству очень убыточна и тяжка становится, а содержаніе завоеванныхъ персидскихъ провинцій очень трудно, и едвали когда-нибудь могутъ быть получены отъ нихъ выгоды, какихъ сначала ожидали; съ другой стороны Турки не желаютъ разширенія и утвержденія русскаго владычества въ Персіи, точно такъ какъ и усиленія Турокъ тамъ противно русскимъ интересамъ, и Россія никакимъ образомъ не можетъ допустить Турокъ до Каспійскаго моря: на этомъ основаніи еще генераль-фельдмаршалу князю Долгорукому даны были указы, подтвержденные потомъ и Левашеву—если усмотрятъ, что въ Персіи утвердится такой владѣтель, который въ силахъ поддержать себя, то заключить съ нимъ миръ, хотя бы и съ уступкою занятыхъ областей. Изъ этого краткаго предисловія видна уже дорога, по которой надобно будетъ идти въ настоящемъ дѣлѣ, но здѣсь однако должно различать двѣ части: отношенія турецкія и отношенія собственно персидскія.

Такъ какъ турецкія дѣла въ Персіи находятся не въ цвѣтущемъ состояніи, то нельзя думать, чтобы Порта могла объявить войну Россіи, особливо зная союзъ ея съ цесаремъ, и потомъ персидская война становится Туркамъ очень тягостна. Поэтому они предлагаютъ теперь Россіи рѣшить персидскія дѣла съ общаго согласія, и еслибы на Турокъ можно было положиться, еслибы можно было ожидать отъ нихъ умѣренности, то этотъ способъ и

для Россіи былъ бы самый надежный: но на Турокъ полагаться нельзя; гораздо болѣе вѣроятія, что они предлагаютъ это только для того, чтобъ усыпить Россію; притомъ дальнѣйшія военныя дѣйствія въ Персіи, еслибъ Порты по общему соглашенію стала ихъ требовать, тяжелы для Россіи, тѣмъ болѣе, что она никакихъ дальнѣйшихъ завоеваній себѣ тамъ не желаетъ, и эти дѣйствія могутъ приносить пользу однимъ Туркамъ. Но такъ какъ русскій интересъ требуетъ, чтобы Порты одна, безъ соглашенія съ Россіею, не оканчивала своихъ дѣлъ съ шахомъ Тахмасибомъ, то надобно подать Портѣ надежду, что ея императорское величество склонна поступать въ персидскихъ дѣлахъ съ общаго согласія и въ то же время всевозможно стараться отводить Турцію отъ отдѣльнаго примиренія съ шахомъ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ необходимо поступать съ твердостію и всегда быть въ состояніи, въ нужномъ случаѣ, дать надлежащій отпоръ, ибо общее и неопровержимое правило говорить: кто хочетъ избѣжать войны, тотъ долженъ быть всегда къ ней готовымъ.

Что касается Персіи, то тамъ надобно поступать по прежнему, именно, подтвердить Левашеву, чтобъ старался какъ можно скорѣе заключить договоръ съ шахомъ Тахмасибомъ и употреблялъ все способы для отклоненія его отъ договора съ Портою. Если шахъ не согласится на договоръ безъ уступокъ, то уступка можетъ быть обѣщана въ договорѣ, но дѣйствительно сдѣлать ее опасно до тѣхъ поръ, пока шахъ не утвердится на престолѣ и окончитъ свои дѣла съ Турками, ибо при неудачной войнѣ Тахмасибъ съ послѣдними, они могутъ овладѣть уступленными областями. Передъ Турціею можно отговориться тѣмъ, что: 1) у Россіи съ шахомъ Тахмасибомъ давно уже заключенъ договоръ, и новый договоръ есть только подтвержденіе стараго; 2) что Турки подали примѣръ, заключивъ миръ съ Эшрефомъ безъ общаго согласія; 3) что въ договорѣ Россія не обязалась помогать шаху противъ Порты. Такъ какъ исходъ дѣла еще неизвѣстенъ, то надобно держать наготовѣ значительныя силы и потомъ стараться удерживать тамошніе народы при русской сторонѣ, для чего находящихся здѣсь посланниковъ отъ тамошнихъ владѣльцевъ надобно вполнѣ удовлетворить и отпустить домой.

23 мая императрица одобрила этотъ планъ. Найдено также неудобнымъ, что начальство въ Закавказьѣ дѣлилось между двумя ге-

нералами Левашевымъ и Румянцевымъ; Румянцевъ былъ отозванъ и вся власть поручена одному Левашеву; но на помощь ему при веденіи дипломатическихъ переговоровъ былъ отправленъ, какъ мы видѣли, Шафировъ.

1730 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ; въ началѣ 1731 г. Левашевъ доносилъ изъ Рящи, что состояніе шахова двора «худое, удивительное и развращенное является; безмѣрно наполнены гордости и суетвѣрія, ничего слышать не хотятъ, по безпутной амбиціи признаютъ себя умнѣе всего свѣта, и по разногласію партій одинъ боится другаго». При этомъ еще глубокіе снѣга зимою мѣшали сообщеніямъ. Весною Левашевъ и Шафировъ получили отъ своего двора указы—оставя все претензіи на денежное вознагражденіе, объявить шаху, что императрица не хочетъ оставить за собою ни одной изъ персидскихъ провинцій и повелѣла вначалѣ очистить все занятыя земли по рѣку Куру, когда шахъ прикажетъ заключить договоръ о возстановленіи со-сѣдственной дружбы и ратификуетъ его; и прочія провинціи отъ рѣки Куры будутъ уступлены, когда шахъ выгонитъ непріятелей изъ своего государства. Предписывалось снѣшить заключеніемъ договора, чтобъ предупредить Турокъ. Левашевъ и Шафировъ исполнили волю императрицы; но когда донесли въ Москву объ этомъ исполненіи, то получили замѣчаніе, что уступку провинцій слѣдовало шаху только обѣщать, а не вдругъ покидать свою прежнюю твердость, что Персіане могутъ почестъ признаніемъ въ слабости и возгордиться, тѣмъ болѣе, что персидскія дѣла въ надежный порядокъ еще не пришли и Турки изъ Персіи еще не изгнаны; вслѣдствіе этого повелѣвалось стараться о заключеніи договора по прежнимъ указамъ, объ уступкѣ Гиляни до Куры только обѣщать, а уступку земель отъ Куры до Баки и прочихъ мѣстъ вдругъ не обѣщать и не утверждать, что и они будутъ уступлены, но объявлять только на словахъ, что когда Турки изъ всей Персіи будутъ выгнаны, тогда и объ этихъ земляхъ будетъ соглашеніе и склонность императрицы къ шаху можетъ быть показана; если же шахъ будетъ требовать уступки областей по послѣднему предложенію, то требовать съ него за это знатной суммы денегъ. Новый указъ впрочемъ заключался тѣмъ, что все предоставляется на разсужденіе Левашева и Шафирова, которые должны сообразоваться съ тамошнимъ состояніемъ дѣлъ

и движеніемъ Турокъ. Левашовъ и Шафировъ отвѣчали, что не признаютъ никакой пользы для интересовъ императрицы въ отступленіи отъ проекта Договора, уже предложеннаго ими персидскому двору; требовать съ шаха денегъ за уступленныя провинціи также бесполезно, потому что, вслѣдствіе крайняго разстройства въ финансахъ, онъ заплатитъ ничего не въ состояніи; это требованіе можетъ повести только къ разрыву и заставить Персіанъ поспѣшить заключеніемъ мира съ Турками.

Но въ Москву пришли извѣстія, что Турки одержали надъ Персіанами значительную побѣду подъ Эриванью, и потому отложили всякую мысль мириться съ шахомъ, прежнихъ пословъ его отдали подъ стражу, новаго отправили въ ссылку и вознамѣрились энергически вести войну въ Персію; съ другой стороны Афганцы начали опять усиливаться, одержали верхъ надъ Тахмасъ-Кулы-ханомъ, и Магометовъ братъ Гуссейнъ уже сталъ величать себя персидскимъ шахомъ. Остерманъ подаль мнѣніе: «Но вышеозначеннымъ турецкимъ и персидскимъ вѣдомостямъ прилично ли тотчасъ уступить гиланскую провинцію, или нѣтъ? По отправленнымъ къ Левашову и Шафирову послѣднимъ указамъ такъ просто сдѣлать уступку не велѣно, но положено на ихъ разсужденіе, смотря по тамошнимъ конъюнктурамъ и опасностямъ. Главнымъ основаніемъ русскихъ интересовъ въ персидскихъ дѣлахъ положено было то, чтобъ никакъ не допускать Турокъ къ Каспійскому морю и въ сосѣдство къ нему. Теперь, хотя Турки заключенный съ ними Россіею договоръ и не соблюли, однако этотъ договоръ во всѣхъ дѣлахъ съ Портою служилъ основаніемъ; по нему гиланская провинція съ прочими остается за Россіею, вслѣдствіе чего Турки до сего времени явно и на дѣлѣ къ нимъ не прикасались. Но если русскія войска теперь изъ этой провинціи выступятъ, то мы сами отступимъ отъ договора и Турки получатъ желанную возможность направить свои дѣйствія къ Каспійскому морю, утвердиться тамъ, и порвать всѣ сообщенія русскихъ съ шахомъ. Вступленіе русскихъ войскъ изъ Гилани безвсякой видимой нужды можетъ быть почтено знакомъ слабости, почему тамошніе народы могутъ возмутиться и обезпokoить русскія войска, соединившись съ дагестанскими и ширванскими народами, находящимися въ турецкомъ подданствѣ. Если выступитъ только изъ Гилани, а страну по сю сторону Кура удерживать

до тѣхъ поръ, пока Турки выгнаны будутъ изъ Персіи, то отъ этого Россіи никакого облегченія не будетъ, только потеряются доходы, получаемые изъ Гиліи, велики ли они или малы. Русская торговля въ Персіи, начавшая было приходить въ нѣкоторый порядокъ, вслѣдствіе уступки Гиліи, можетъ опять остановиться, и если, по несчастію, Турки засядутъ въ Гиліи, то можетъ совсѣмъ прекратиться къ немалому государственному убытку. Противъ этого могутъ возразить: занимаемая нами персидскія области слишкомъ обширны и нашимъ небольшимъ тамъ войскомъ всѣ онѣ не могутъ быть охранены отъ непріятельскихъ нападений; если не выступить изъ Гиліи, то находящіяся тамъ наши войска могутъ быть отрѣзаны Турками или Персіянами и пропасть; что персидская война очень тяжела и отъ тамошняго климата люди умираютъ въ большемъ числѣ. На это можно отвѣчать: 1) если охранять каспійскіе берега отъ Турокъ признается необходимымъ, то самая обширность земель заставляетъ остерегаться, чтобъ Турки въ какомъ-нибудь мѣстѣ внезапно не утвердились; 2) по нынѣшнимъ вѣдомостямъ не видно никакой опасности ни съ турецкой, ни съ персидской стороны, и Турки не посмѣютъ напасть на Гиліань, пока тамъ находятся русскія войска, зная, что слѣдствіемъ этого будетъ генеральная война; 3) чтобъ русскія войска не могли быть отрѣзаны въ Гиліи, можно генералу Левашову подтвердить, чтобъ онъ, въ случаѣ явной опасности, выходилъ изъ Гиліи и отступалъ за Куръ; 4) уже восемь лѣтъ Русское государство несетъ эту тягость, и въ болѣе опасныхъ обстоятельствахъ Гиліань и другія области удерживало за собою не для чего иного, какъ только для того, чтобъ не допустить Турокъ къ этимъ мѣстамъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, кажется, выгоднѣе будетъ помедлить теперь дѣйствительною уступкою Гиліи; надобно подождать и посмотреть, какъ пойдутъ въ Персіи турецкія дѣла, а генералу Левашову дать позволеніе уступить Гиліань, когда персидскія дѣла такъ поправятся, что отъ Турокъ опасности больше не будетъ; а Персіанъ между тѣмъ подъ рукою всѣми способами побуждать къ сильнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ.

Въ концѣ сентября, увѣдомляя о турецкихъ успѣхахъ, Левашовъ и Шафировъ писали: «Мы прикажемъ увѣрять шаха, что мы готовы заключить договоръ, только бы онъ насъ увѣдомилъ, какъ

онъ намѣренъ дѣйствовать противъ Турокъ; велимъ его ободрять, чтобъ онъ, собравши войско и призвавъ Тахмасъ-Кулы-хана, не допустилъ Турокъ до расширения въ своихъ наслѣдныхъ провинціяхъ; однако, не увидя въ его дѣлахъ прямой надежды, не посмѣемъ съ нимъ договоръ заключить безъ указа; мы сомнѣваемся, успѣютъ ли наши представленія при его слабости послѣ пораженія и при его безумныхъ поступкахъ, происходящихъ отъ шумства (пьянства); еслибъ онъ не былъ такъ безпутенъ, имѣлъ хорошихъ полководцевъ и сохранялъ порядокъ, то вслѣдствіе численнаго превосходства своихъ войскъ надъ турецкими, вышелъ бы побѣдителемъ изъ борьбы. Мы теперь находимся въ крайней печали и опасаемся, что если Турки покажутъ хотя малую склонность къ миру, то онъ, не видя себѣ ни откуда помощи, помириться съ ними на какихъ бы то ни было условіяхъ; а упредить намъ Турокъ никакъ нельзя какъ по указамъ вашего величества, такъ и по нашему о нынѣшнемъ состояніи шаха разсужденію: отдать ему областей нельзя, Турки у него ихъ отнимутъ; а безъ уступки областей шаховъ посланникъ мирза Ибрагимъ не соглашается заключать мирнаго договора. Въ такихъ обстоятельствахъ мы рѣшились послать тайно изъ здѣшняго народа вѣрнаго и неглупаго человѣка къ Тахмасъ-Кулы-хану побуждать его къ дѣйствіямъ противъ Турокъ и обнадеживать помощію съ нашей стороны, увѣряя въ склонности вашего величества къ ихъ персидской сторонѣ и къ нему особенно, признавая его одного изъ всѣхъ персидскихъ полководцевъ добрымъ воиномъ и благонамѣреннымъ оборонителемъ своего отечества: при этомъ мы прикажемъ своему посланцу вывѣдать намѣренія Тахмасъ-Кулы-хана, хочетъ ли онъ вступить за шаха или искать своихъ выгодъ, и смотря по тому велимъ говорить».

Въ концѣ года Левашовъ и Шафировъ получили отъ своего двора указы ни подъ какимъ видомъ не позволять Туркамъ упредить Россію заключеніемъ мира съ Персією; съ другой стороны разнесся слухъ, что главнокомандующій турецкими войсками Ахметъ-паша уже заключилъ этотъ страшный миръ, и Персіяне стали упряме: посланникъ шаха, мирза Ибрагимъ объявилъ, что не заключить мирнаго договора съ Россією, если еще до шаховой ратификаціи хотя часть Гиляни не будетъ очищена отъ русскихъ войскъ. Левашовъ и Шафировъ сочли нужнымъ согла-

ситься на это требованіе разсуждая, что еслибъ послѣ отдачи одной крайней провинціи, а именно Лагеджани, шахъ и не подтвердилъ договора, чего впрочемъ никакъ ожидать нельзя, то можно будетъ эту провинцію и опять занять, потому что въ ней никакихъ крѣпостей нѣтъ; согласились и на то, чтобъ отданы были шаху доходы съ областей за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода изъ нихъ русскихъ войскъ на томъ соображеніи, что когда жители областей узнаютъ объ уступкѣ ихъ Персіи, то станутъ всеми мѣрами уклоняться отъ платежа податей въ русскую сторону и ничего съ нихъ получить будетъ нельзя, развѣ силою оружія. Договоръ съ Ибрагимомъ былъ заключенъ 21 генваря 1732 года, а 22 марта получена шахова ратификація ²²³.

Ходъ персидскихъ дѣлъ зависѣлъ отъ турецкихъ отношеній: главнымъ основаніемъ политики служило то, чтобъ не допускать Турокъ къ берегамъ Каспійскаго моря; заключеніемъ мира съ Персіянами спѣшили, чтобъ предупредить миръ Порты съ ними. Кромѣ дѣлъ персидскихъ предметомъ сношеній у Россіи съ Турціею были пограничныя ссоры. Извѣстный намъ Суркай напалъ на русскія владѣнія; Румянцевъ наказалъ его; Порта требовала удовлетворенія за эту расправу Румянцева съ подданнымъ турецкимъ, отказалась имѣть дѣло съ Румянцевымъ. Неплюевъ писалъ новой государынѣ: «Порта не будетъ вступать въ ссору съ вашимъ величествомъ, но, по варварскому своему обыкновенію, хочетъ испытать васъ при восшествіи вашемъ на престоль, какъ вы поступите. И по смерти императора Петра I Турки такимъ же образомъ поступали, пока не получили рѣшительнаго отвѣта отъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Очень вѣроятно, что по состоянію своихъ внутреннихъ дѣлъ и по персидскимъ отношеніямъ, Порта не отважится на ссору съ вашимъ величествомъ, развѣ, паче чаянія, ослѣпится, чего при настоящемъ министерствѣ ожидать нельзя; хотя Турки по природѣ и горды, но слабость свою хорошо знаютъ».

Порта не менѣе Россіи желала поскорѣе заключить миръ съ Персіею, и чтобъ вынудить у шаха выгодныя условія, страшала его самозванцемъ, который жилъ въ Константинополѣ и выдавалъ себя также за сына Гуссейнова, слѣдовательно брата Тахмасибова; въ конференціяхъ съ персидскимъ посланникомъ турецкіе министры говорили, чтобъ шахъ прежде отобралъ отъ Россіи свои

провинціи, а потомъ нашелъ бы средство и съ Портою дружески согласиться, какъ государь единовѣрный; посланникъ отвѣчалъ, что у нихъ съ Россіею ссоры нѣтъ, желаютъ они прежде съ Портою покончить, а потомъ найдутъ средство къ соглашенію и съ Россіею, которая обѣщаетъ имъ уступку. Порта такой уступки не обѣщала, Персія не хотѣла мириться безъ уступки; Неплюевъ нашелъ средство сноситься съ персидскимъ посланникомъ и уговаривалъ его не уступать, потому что шахъ находится въ лучшемъ положеніи чѣмъ прежде, и Россіею покинуть не будетъ, русская императрица непременно хочетъ охранять Персію противъ всѣхъ враговъ и особенно противъ Турокъ. Въ половинѣ 1730 года въ Константинополѣ былъ написанъ проектъ мирнаго договора между Турціею и Персіею, по которому Порта отказывалась отъ послѣднихъ своихъ завоеваній, довольствуясь уступкою Грузіи, Арменіи и Ширвани; но Порта не вѣрила, что шахъ согласится подтвердить этотъ договоръ, а потому объявленъ былъ походъ визиря и самого султана въ Азію.

Осенью 1730 года Неплюевъ донесъ о переворотѣ въ Константинополѣ: 17 сентября произошелъ бунтъ, и султанъ, въ угоду бунтовщикамъ, долженъ былъ предать смерти визиря, муфтія и капитанъ-пашу; но этимъ бунтовщики не удовольствовались, свергли султана и возвели на престолъ племянника его Махмуда, сына султана Мустафы. Крымскій ханъ Капланъ-Гирей находился при новомъ султанѣ и участвовалъ во всѣхъ совѣтахъ; Неплюева безпокоили слухи, что ханъ вооружаетъ Порту противъ Россіи; другіе успокаивали резидента, утверждая, что при настоящемъ волненіи ханъ не выражаетъ самостоятельныхъ мнѣній, а слѣдуетъ только мнѣніямъ другимъ: «Чему вѣрить не знаю, писалъ Неплюевъ: за хана ручаться нельзя, понеже и онъ того же ехиднина порожденія сынъ; буду смотрѣть прилежно.» Безпокоилъ резидента и другой слухъ, будто французскій посолъ черезъ хана склоняетъ Порту вступить въ посольскія дѣла и поддерживать кандидатуру Станислава Лещинскаго, потому что когда послѣдній будетъ польскимъ королемъ, то, вмѣстѣ съ Франціею, будетъ постоянно держаться турецкой стороны. «По природному французъ легкомыслію и склонности къ интригамъ, писалъ Неплюевъ, отъ сего рода кромѣ пакости ожидать ничего невозможно; но не думаю, чтобъ преуспѣть въ чемъ могли, покуда Порта своего

интереса гдѣ не усмотритъ.» Скоро однако Неплюевъ счелъ себя въ правѣ донести своему двору, что ханъ, по внушеніямъ французскаго посланника, дѣйствуетъ противъ Россіи: слѣдствіемъ этихъ интригъ было то, что, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ новаго султана, къ русскому двору былъ назначенъ чиновникъ низшаго ранга, чѣмъ къ дворамъ французскому и вѣнскому. Неплюевъ протестовалъ, что Россія не Рагуза, и настоялъ, что отправляемаго въ Россію чиновника повысили въ чинѣ, хотя все не сравнивали съ отправленнымъ въ Вѣну, отговариваясь старымъ обычаемъ. Неплюевъ писалъ, что отправленный въ Россію Саидъ-эффенди человѣкъ знатный и умный; не худо-бѣ его удовольствовать, а если можно, то и другомъ сдѣлать, подкупить хотя бы и большими подарками, а на подкупъ онъ подается, потому что человѣкъ повадный и мало суевѣренъ, говоритъ по-французски, и потому вице-канцлеръ можетъ давать ему деньги непосредственно.

Конференціи резидента съ турецкими министрами о дѣлахъ персидскихъ не оканчивались ничѣмъ; Неплюевъ въ началѣ 1731 года обратился къ капитанъ-пашѣ за объясненіемъ, почему Порта не хочетъ въ этихъ дѣлахъ дѣйствовать сообща съ Россіею. Капитанъ-паша отвѣчалъ, что совѣтуетъ не докучать болѣе Портѣ персидскими дѣлами,—ибо не възявъ на заключенный прежнимъ правительствомъ договоръ съ шахомъ, Персіяне нанесли Туркамъ много обидъ, и теперь Порта вооружается, чтобъ отомстить и покончить дѣло; отъ Россіи же требуютъ одного, чтобъ она Персіянамъ не давала помощи и оставалась при своихъ владѣніяхъ, въ которыя Порта не вступаетъ и вступаться не будетъ. «Порта ищетъ мира со всею горячностію, писалъ Неплюевъ, но можетъ ли его получить—время покажетъ; отвратить Турокъ отъ этого желанія мира нельзя, потому что трудность веденія войны для нихъ очевидна; но Порта не хочетъ и не можетъ покинуть всѣхъ завоеванныхъ въ Персіи провинцій, ибо въ такомъ случаѣ произойдетъ новый бунтъ, такъ какъ весь народъ знаетъ, что прежнее правительство заключило договоръ, по которому Персіяне уступили Турціи многія мѣста». Персидскіе послы теперь именно требовали этихъ уступокъ, и потому война должна была рѣшить дѣло.

Мы видѣли, что въ этой войнѣ успѣхъ обнаружился на турецкой сторонѣ, и видѣли, какое вліяніе этотъ успѣхъ произвелъ на взглядъ русскаго Кабинета относительно мирныхъ переговоровъ съ Персією. Но мирные переговоры не остановились, тѣмъ болѣе, что съ осени 1731 года у Россіи начинаются столкновенія съ Турцією на другой сторонѣ. Преемникъ князя Мих. Мих. Голицына въ начальствованіи украинскою армією, генераль-аншефъ графъ-фонъ Вейсбахъ прислалъ въ Москву изъ Полтавы отъ 25 августа донесеніе, что крымскій ханъ съ крымскою, бѣлгородскою и ногайскою ордами и Запорожцами изъ Сѣчи стоитъ готовый къ походу, а куда пойдетъ неизвѣстно: нѣкоторые думаютъ, что на Кабарду, другіе указываютъ иныя мѣста. Вейсбахъ приказалъ регулярнымъ войскамъ тотчасъ выступить къ границамъ, и написалъ малороссійскому гетману, чтобъ онъ немедленно шелъ туда же со всеми казацкими войсками. Неплюевъ принесъ визирю жалобу на хана «въ самыхъ крѣпкихъ терминахъ», требуя, чтобъ войска ханскія были немедленно распущены. Визирь отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ и не думаетъ, чтобъ ханъ могъ сдѣлать какую-нибудь дерзость, потому что ему накрѣпко приказано сохранять сосѣдственную дружбу съ Россією, и обѣщаль повторить это приказаніе. «Уповаемъ на Бога, писалъ Неплюевъ, что до ссоры не дойдетъ, потому что сама Порта ея не желаетъ: визирь человѣкъ старый и увѣчный, и хотя не глушь, но и не очень уменъ, человѣкъ откровенный и несамовластный, потому что до сихъ поръ султанскимъ умомъ владѣетъ Кизляръ-Ага; кромѣ того Турки, отягченные персидскою войною, принуждены сохранять дружбу съ вашимъ величествомъ. Визирь, при окончаніи конференціи сказалъ, чтобъ мы о ханскихъ поступкахъ въ народѣ не разглашали; а потомъ рейсъ-эффенди, призвавши къ себѣ нашего переводчика, сказалъ ему, что султанъ удивился, и руками и ногами замахалъ, какъ ханъ крымскій осмѣлился поступать противъ его воли и указовъ, и велѣлъ изготovitъ указъ къ хану, чтобъ не только не смѣлъ приближаться къ русскимъ границамъ но и оставилъ свои вооруженія противъ Кабардинцевъ, и жилъ бы въ тишинѣ. Рейсъ-эффенди, объявилъ также резиденту, что въ Азовъ отправленъ изъ Кандіи губернаторомъ паша перваго класса Бенгли-Мустафа, которому накрѣпко наказано охранять всякую сосѣдственную дружбу съ Россією.

Муфтий и другіе сановники говорили Неплюеву, что если ханъ хотя малую дерзость себѣ позволить, то не только смѣнень, но и смертію казенъ будетъ, потому что имъ, Туркамъ, теперь ссориться ни съ кѣмъ нельзя. Но дѣло этимъ не покончилось: Неплюевъ получилъ отъ своего двора извѣщеніе, что татарское войско вступило въ Большую Кабарду, причемъ не оставило въ покоѣ и Малой. На жалобы Неплюева, въ концѣ 1731 года, рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что, какъ видно изъ ханскихъ доношеній, Крымцы ходили въ Кабарду для успокоенія народовъ подвластныхъ хану, и этимъ походомъ никакого подозрѣнія Россіи не подано, тѣмъ менѣе показана какая-нибудь обида; мадо того, хотя это дѣло касалось одного хана, однако, по указамъ отъ Порты, ханъ оставилъ его и распустилъ свое войско.

Но тутъ начался споръ о Кабардѣ и Черкесахъ—кому они принадлежатъ, потому что Неплюевъ никакъ не хотѣлъ признать надъ ними господства крымскаго хана. Въ началѣ 1732 года рейсъ-эффенди велѣлъ объявить Неплюеву, что указъ данный прежде Портою хану о выводѣ войска его изъ Кабарды, произошелъ отъ незнанія настоящаго дѣла: ханъ имѣлъ полное право вводить свое войско въ эту страну, потому что Кабарда, и Большая и Малая, изстари принадлежатъ Крыму, и Россія, по договору, никакого права на Кабарду не имѣетъ; русскихъ земель хану касаться не велѣно, и такъ какъ онъ человекъ умный и хорошо знаетъ миролюбивыя намѣренія визиря, то никогда въ чужое вступаться не дерзнетъ. Неплюевъ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что не зналъ отношеній Россіи къ Кабардамъ; онъ писалъ: «Прошу снабдить меня указомъ, какъ мнѣ въ кабардинскихъ дѣлахъ поступать, а именно, какъ о Большой Кабардѣ объявить? И какъ давно Малая Кабарда находится подъ русскимъ покровительствомъ? Какъ давно ея князья даютъ намъ аманатовъ, и гдѣ эти аманаты содержались до персидской войны, чтобъ я могъ Портѣ обстоятельно доказать и тѣмъ ханскія ложныя донесенія опровергнуть. Это кабардинское дѣло больше безпокойства принесетъ, чѣмъ послѣднее Суркаево, потому что ханъ крымскій при Портѣ гораздо больше имѣетъ значенія, чѣмъ Суркай, особенно если Россія захочетъ присвоить себѣ Большую Кабарду. Этимъ дѣло поднимется; если же держать въ своей защитѣ одну Малую Кабарду и тамъ имѣть хотя

немного русскаго войска, то хотя и за это много спору будетъ, однако не думаю, чтобъ Порта позволила хану начать ссору; только съ нашей стороны надобно сдерживать князей Малой Кабарды, чтобъ они Нагайцевъ и Кубанцевъ не обижали». Положеніе Неплюева затруднялось еще тѣмъ, что, основываясь на грамотѣ Петра Великаго къ султану 1722 года и на указѣ императрицы Анны 1731 года, онъ объявилъ большую Кабарду вольною, и только недавно узналъ, что русскіе генералы на Кавказѣ принимаютъ подъ русское покровительство и князей Большой Кабарды. Турецкіе министры настаивали, чтобъ пограничныя дѣла улаживали пограничные командиры, и дворовъ своихъ ими не утруждали; но когда съ русской стороны было сдѣлано объ этомъ распоряженіе, то намѣстникъ хана крымскаго (Калга) на Кубани отказался сноситься о кабардинскихъ дѣлахъ съ генераломъ Еропкинымъ, командовавшимъ въ крѣпости св. Креста, грозился не только Кабарду разорить, но послать и въ Россію Татаръ и Запорожцевъ, крича, что можетъ Россію плетью заметать. Рейсъ-эффенди говорилъ переводчику русскаго посольства: «Резидентъ намъ кабардинскими дѣлами голову вскружилъ, представилъ претензію на Кабарду Большую и Малую съ доказательствами изъ своихъ архивовъ, такъ что мы не знаемъ, что хану крымскому писать, потому что прежде такихъ претензій съ русской стороны никогда не бывало». Переводчикъ отвѣчалъ: «Прежде не представляли съ нашей стороны доказательства о Кабардахъ, потому что крымскіе ханы никогда не присвоили себѣ права на владѣніе ими.»

Турецкое министерство молча соглашалось съ Неплюевымъ, что Кабарду должно оставить въ покоѣ, какъ страну нейтральную, и не начинать объ ней разговора, пока со стороны хана не окажется какого-нибудь новаго непріязненнаго поступка. Но крымцы не успокоивались: ханскій намѣстникъ на Кубани, Пурадинъ-султанъ, называя Кабарду своею, грозилъ вступить въ нее съ войскомъ, и Неплюевъ въ октябрѣ 1732 года объявилъ рейсъ-эффенди, что при первомъ движеніи Татаръ русскія войска вступятъ въ Кабарду для ея защиты. Неплюеву было трудно говорить съ Турками, потому что въ 9-мъ пунктѣ послѣдняго мирнаго договора было прямо сказано, что Черкесы принадлежатъ хану. Произошло и другое столкновение: извѣстный намъ калмыцкій

ханъ Дундукъ-Омбо отложился его Россіи и отдался подъ покровительство крымскаго хана; Россія требовала его выдачи; но въ томъ же 9-мъ пунктѣ мирнаго договора и о Калмыкахъ было сказано такъ, какъ будто бы они были вольные. Турецкіе министры налегали на этотъ 9-й пунктъ не такъ сильно только потому, что были обезпокоены со стороны Персіи, гдѣ Тахмасъ-Кулы-ханъ вышелъ изъ повиновенія шаху и объявилъ, что будетъ продолжать войну съ Турками. Подкупленные Неплюевымъ турецкіе чиновники дали ему знать, что къ хану отправлены указы не подавать ни малѣйшаго повода къ ссорѣ съ Россією, которой дружба теперь очень нужна Портѣ; какимъ бы то ни было образомъ оскорбѣ выслать Дундука-Омбо, и въ Кабарду войскъ не посылать, въ такомъ случаѣ и русскія войска туда не пойдутъ. Указы возымѣли свое дѣйствіе, потому что, какъ выражался Неплюевъ, у Порты довольно было чаду въ головѣ отъ персидскихъ дѣлъ: Тахмасъ-Кулы-ханъ свергнулъ шаха Тахмасиба, обвиняя его въ заключеніи послѣдняго мира съ Турками, провозгласилъ шахомъ новорожденнаго сына Тахмасибова и взялъ всю власть въ свои руки; война между Персією и Турцією была слѣдовательно неизбѣжна ³²⁴.

Какое же положеніе должна была принять Россія при такихъ конъюнктурахъ? Какъ должна была воспользоваться ими? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ состоянія дѣлъ европейскихъ. Европа по прежнему представляла два враждебныхъ лагеря, хотя и съ перемѣною отношеній вслѣдствіе севильскаго договора. Вѣнскій дворъ не хотѣлъ уступить требованіямъ Испаніи и ея союзниковъ относительно надѣла испанскихъ принцевъ въ Италиі: вслѣдствіе этого толковали о неизбѣжности войны, хотя никто не хотѣлъ ея. Но если война откроется, то Австрія, по договору, получить русскій тридцатитысячный вспомогательный корпусъ, и въ Москвѣ австрійскій посланникъ графъ Вратиславъ хлопочетъ, чтобъ новое правительство выполнило договоръ; испанскій посланникъ Лирія и секретарь французскаго посольства Маньянъ хлопочутъ о противномъ; Англія смотритъ равнодушно на эти континентальныя отношенія, пока они не касаются прямо ея интересовъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ даетъ знать Россіи, что сильно желаетъ возобновить съ нею дружбу. Австрія ничего не теряла со смертію племянника цесаревы, Петра II,

пока при новой императрицѣ находился въ силѣ Остерманъ убѣжденный въ необходимости австрійскаго союза по отношенію Россіи къ сосѣднимъ державамъ, Турціи, Польшѣ и Швеціи, и такъ какъ восточныя дѣла находились въ томъ же положеніи, какое привело къ австрійскому союзу при Екатеринѣ I, и такъ какъ со дня на день нужно было ждать переменъ въ Польшѣ, то, по мнѣнію вице-канцлера и надобно было поддерживать австрійскій союзъ, хотя бы даже и пришлось двинуть вспомогательный корпусъ. За Остермана былъ, разумѣется, Левенвольдъ; Биронъ не вмѣшивался въ важные вопросы политики; но его легко привлечь подарками. Биронъ будетъ имѣть вліяніе на императрицу; но она не подчинится этому вліянію безпрекословно; она самолюбива, любитъ показывать свое значеніе, свое вліяніе на дѣла, прислушиваться къ разнымъ мнѣніямъ, ее надобно убѣдить. Противъ Остермана сильная партія, такъ-называемая русская, во главѣ которой находится Ягужинскій. Хотѣлось, во что бы то ни стало, сохранить миръ, необходимый при скудости финансовыхъ средствъ страны и не для того сѣвши покончить персидскія дѣла съ уступкою Петровыхъ пріобрѣтеній, чтобъ вмѣшаться въ совершенно чуждыя для Россіи дѣла западныя и тратить войско безо всякой выгоды. Маньяну передали, что когда въ апрѣлѣ 1730 года графъ Вратиславъ пріѣхалъ къ Ягужинскому и настаивалъ, чтобъ Россія помогла цесарю войскомъ, то Ягужинскій отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія Россія останется вѣрна своимъ обязательствамъ и поможетъ императору; но когда Вратиславъ вышелъ, то Ягужинскій расхохотался и сказалъ: «Они считаютъ насъ дураками! очень намъ нужно вмѣшиваться въ отдаленныя распри, тогда какъ мы можемъ у себя наслаждаться покоемъ»³²⁵.

Но Ягужинскому трудно было бороться съ Остерманомъ. Въ іюнѣ 1730 года графъ Вратиславъ вручилъ оберъ-камергеру Бирону дипломъ на графство священной Римской имперіи, портретъ императора, осыпанный брилліантами и 200.000 талеровъ, на которыя, прибавивъ своихъ денегъ, Биронъ купилъ помѣстье Вартебергъ въ Силезіи. У Вратислава въ запасѣ было еще четыре портрета, и Лирія доносилъ своему двору: «Графа Вратислава и прусскаго посланника при здѣшнемъ дворѣ осыпаютъ

любезностями, а со мною ограничиваются только обыкновенными вѣжливостями: изъ этого ясно, что отличія, которыми меня удостоивали прежде, были оказываемы въ уваженіе тогдашней нашей дружбы съ Вѣнскимъ дворомъ, который можетъ теперь здѣсь дѣлать все, что ни захочетъ. Думаю, что 30.000 войска тотчасъ же выступятъ въ походъ, какъ только ихъ потребуетъ императоръ, хотя русскіе вельможи и противятся этому. Они смертельно ненавидятъ иностранцевъ, приближенныхъ къ царицѣ, явно говорятъ, что тѣ думаютъ только о своихъ собственныхъ интересахъ, а не объ интересахъ страны, служатъ больше чужимъ государямъ, чѣмъ своему, что Биронъ удостоился такой чести отъ императора конечно не за службу своей государынѣ; прибавляютъ, что и Нѣмцы будутъ имѣть такой же конецъ, какой имѣли и прежніе временщики». Въ іюль подаренъ былъ портретъ императора украшенный брилліантами князю Черкасскому³²⁶. А между тѣмъ французскій дворъ оказалъ услугу австрийскому, протестовавши слишкомъ поспѣшно противъ выступленія тридцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса и употребивши въ своемъ протестѣ выраженія, которыя заключали въ себѣ угрозу. Маньянъ объявилъ Остерману отъ имени своего правительства, что такъ какъ участники севиляскаго договора вовсе не имѣютъ намѣренія нападать ни на императора, ни на имперію, то трудно себѣ представить, почему бы русская государыня стала вмѣшиваться въ предстоящую войну; что весь вопросъ заключается въ занятіи крѣпостей Тосканы и Пармы гарнизонами или испанскими или швейцарскими, что не имѣетъ никакой важности для русскаго двора; такъ какъ было всегда доброе согласіе между Франціею и Россіею, то король его государь надѣется, что царица не приметъ участія въ войнѣ; въ противномъ же случаѣ король не будетъ въ состояніи скрыть свое неудовольствіе. Остерманъ смутился и, дрожа, отвѣчалъ: «Нельзя не удивляться, что это не было объявлено русскому посланнику въ Парижѣ, не сдѣлано ему даже никакого намека. Императрица всегда желала сохранить дружбу съ его христіаннѣйшимъ величествомъ, но она знаетъ свои обязательства и предѣлы, до которыхъ они простираются. Ея величество не входила въ причины, заставившія короля вступить въ новыя обязательства по севильскому трактату, но она не откажется и отъ своихъ обязательствъ; моя

государыня и ея союзники никогда не потерпят, чтобъ какой нибудь монархъ предписывалъ имъ законы». Маньянъ дрожаніе Остермана принялъ за слѣдствіе затрудненія, въ какое онъ поставилъ его своимъ объявленіемъ; но Лирія доносилъ своему двору: «Я его (Остермана) знаю, и приписываю это дрожаніе гнѣву и бѣшенству, потому что, не смотря на свое низкое происхожденіе, это одинъ изъ самыхъ высокоумныхъ людей».

Въ то же время французскій посланникъ въ Стокгольмѣ сдѣлалъ такое же объявленіе при шведскомъ дворѣ. По поводу этихъ объявленій графъ Александръ Головкинъ имѣлъ разговоръ въ Компьенѣ съ кардиналомъ Флѣри и хранителемъ печати Шовеленомъ. Онъ представлялъ кардиналу, что оборонительный договоръ Россіи съ цесаремъ не вредитъ никому и заключенъ прежде севильскаго договора, что Россія готова заключить такой же оборонительный союзъ и съ Франціею. Кардиналъ отвѣчалъ, что и Франція имѣетъ одинаковое желаніе быть въ доброй дружбѣ съ Россіею; но такъ какъ Россія дружбе съ цесаремъ, то съ такимъ раздраженіемъ и принимаетъ объявленія, сдѣланныя французскимъ министромъ въ Швеціи и секретаремъ Маньяномъ; лучше объ этомъ позабыть, потому что все произошло на словахъ, а не на бумагѣ. Флѣри изъявилъ сожалѣніе, что цесарскій дворъ не показываетъ нималаго снисхожденія, и потому война необходима, хотя онъ, кардиналъ, всячески трудился объ ея отвращеніи. Хранитель печати высказался съ большею горячностію. Головкинъ представилъ ему о неприличіи поступка Маньяна, который не аккредитованъ при русскомъ дворѣ, представилъ, что его слова не согласны съ уваженіемъ, какое самодержавные государи между собою сохранять должны, и съ дружбою, которая существовала всегда между Россіею и Франціею, и неужели употребленіе угрозъ есть прямая дорога къ сохраненію мира, о которомъ Франція хлопочетъ съ такою достохвальною ревностію. Хранитель печати отвѣчалъ: «Представленіе сдѣлано именно вслѣдствіе намѣренія Франціи сохранить дружбу съ Россіею; кромѣ того, всему свѣту извѣстно, что севильскіе союзники не намѣрены напасть на цесаря, которому сдѣланы такія умѣренные и разумныя предложенія, что по справедливости ему нельзя ихъ отвергнуть, развѣ онъ имѣетъ намѣреніе овладѣть всею Италіею; въ такомъ случаѣ мы должны употребить силу. Но если дѣла

находятся въ такомъ положеніи, то вашъ оборонительный союзъ съ цесарскимъ дворомъ едва ли имѣть силу въ этомъ случаѣ. Мы не отводимъ васъ отъ вашего союзника, но представляемъ вамъ, чтобъ вы не шли далѣе условій вашего союза; а впрочемъ какъ вы въ этомъ случаѣ будете поступать съ нами, такъ и мы съ вами. Мы вашей дружбы всегда искали и думали даже прежде министра къ вамъ отправить». Когда Головкинъ замѣтилъ ему, что императрицѣ будетъ пріятно имѣть при дворѣ своемъ французскаго министра, то хранитель печати отвѣчалъ: «Дѣло теперь въ такомъ положеніи, что не только новаго министра посылать, но и Маньяна есть ли зачѣмъ держать» ³²⁷.

Между тѣмъ въ Москвѣ шла борьба между Ягужинскимъ и Остерманомъ, и сначала толковали, что первый беретъ верхъ, особенно когда онъ былъ снова назначенъ генераль-прокуроромъ ³²⁸. Но въ 1731 году, какъ мы видѣли, Остерманъ переселился, и Ягужинскій долженъ былъ отправиться въ Берлинъ. Россія не вмѣшалась въ войну, потому что войны не было: императоръ уступилъ требованіямъ Испаніи и Англии, которыя за то признали прагматическую санкцію. На этотъ разъ миролюбивая политика восторжествовала; но впереди готовились новыя борьбы. Послѣ борьбы религіозной, окончившейся въ XVII вѣкѣ тридцатилѣтнею войною, въ Европѣ начали господствовать чисто свѣтскіе интересы. Усилить себя, расширить свои владѣнія и не дать другому усилиться — вотъ основаніе политики европейскихъ государствъ отъ Вестфальскаго мира до конца XVIII вѣка. Въ это время важное значеніе имѣли вопросы о наслѣдствѣ, возбуждаемые прекращеніемъ династій, когда, вслѣдствіе кровныхъ связей, государства могли соединяться подъ одною властію или подъ одною, по крайней мѣрѣ, династією, и такимъ образомъ нарушать политическое равновѣсіе. Неудивительно, что въ это время мы видимъ три войны за наслѣдство. Въ началѣ новой исторіи не было войны за то, что Габсбургскій домъ соединялъ подъ своею властію государства западной и средней Европы; но XVIII вѣкъ начинается страшною войною за наслѣдство испанскаго престола. Теперь предстояло два подобныхъ же вопроса: вопросъ о томъ, кто будетъ въ Польшѣ преемникомъ Аугуста II, которому оставалось очень недолго жить, и вопросъ о томъ, кто будетъ въ австрійскихъ владѣ-

ніяхъ преемникомъ императора Карла VI, у котораго не было сыновей, и который захотѣлъ оставить все владѣнія свои дочери Маріи Терезіи. Признанія правъ этой дочери на наслѣдство или такъ-называемой «прагматической санкціи» отъ европейскихъ державъ онъ старался получить дипломатическимъ путемъ, но встрѣчалъ препятствія. Саксонія, Баварія, Пфальцъ не хотѣли признать санкціи вслѣдствіе претензій своихъ государей на австрійскія владѣнія по родственнымъ связямъ. Извѣчная соперница австрійскаго дома Франція не хотѣла, чтобъ все владѣнія этого дома остались нераздѣльными подъ одною властію, тѣмъ болѣе, что наслѣдница ихъ, Марія Терезія, была обручена за герцога Франца Лотарингскаго, и такимъ образомъ страна, находившаяся въ такой тѣсной связи съ Франціею, должна была примкнуть къ Австріи. Съ вопросомъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ для Франціи тѣсно соединялся вопросъ польскій. Въ своей постоянной борьбѣ съ Австріею, Франція всегда домогалась вліянія на востокъ Европы, именно въ сосѣдней съ Австріею Польшѣ. Теперь домогаться этого она должна была въ виду борьбы за австрійское наслѣдство, и къ тому же претендентъ на польскій престолъ, имѣвшій болѣе другихъ надежды на успѣхъ, былъ Станиславъ Лещинскій, тесть французскаго короля. Но теперь на востокъ Европы существовала новая могущественная держава, которой интересы были сильно замѣшаны въ польскомъ вопросѣ: то была Россія. Отсюда понятно, что въ Петербургѣ, куда переѣхалъ теперь русскій дворъ, Австрія и Франція должны были вступить въ окончательную дипломатическую борьбу для рѣшенія вопроса, на чьей сторонѣ будетъ Россія.

Повидимому вопросъ былъ рѣшенъ еще въ Москвѣ удаленіемъ Ягужинскаго, торжествомъ Остермана главнаго поборника австрійскаго союза. Но въ Петербургѣ Остерманъ нашелъ себѣ другого соперника. Смерть фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына и заключеніе въ крѣпости фельдмаршала и президента Военной Коллегіи князя Василія Владиміровича Долгорукаго выдвигали на первый планъ даровитаго иностранца: генералъ фельдцейгмейстеръ Минихъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, президентомъ Военной Коллегіи, губернаторомъ петербургскимъ. Русскіе стерты; иностранные министры пишутъ къ

своимъ дворамъ: «Нѣтъ болѣе помина о партіи старыхъ русскихъ (*parti des vieux Russes*): вожди удалены и никто не посмѣетъ внушать что-нибудь противъ настоящаго порядка вещей» ³²⁹. Но если Русскіе не имѣютъ никакого значенія, то нельзя ли обратиться къ могущественному. Нѣмцу — Миниху, противопоставить его Остерману? Франція такъ и сдѣлала. Въ срединѣ 1732 года у Маньяна съ Минихомъ былъ разговоръ. Минихъ говорилъ: «Швеція дала нашей государынѣ императорскій титулъ; мы не ждемъ съ ея стороны никакого безпокойства, какъ по причинѣ превосходства нашихъ силъ, такъ и по формѣ ея правленія. Съ Даніей не можетъ быть никакого столкновенія, когда голштинское дѣло рѣшено; съ Англіей и Голландіей, также; съ Персіей миръ. Остается Турція, которая связываетъ наши интересы съ интересами императора: чего мы въ этомъ отношеніи должны ожидать отъ Франціи? Намъ тяжело переносить, что Азовъ у Турокъ; быть можетъ, мы пойдемъ вырывать его у нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, если не удастся достигнуть этого мирнымъ путемъ, если султанъ не согласится взять Дербентъ за Азовъ. Кромѣ Турціи—Польша; Поляки не даютъ намъ удовольвенія: подлѣ Кіева находится пространство земли, которое по договорамъ должно оставаться пустымъ; но Поляки его населяютъ, и кѣмъ же? Бѣглыми изъ Россіи, которые принимаются радушно и потому толпами переселяются въ Польшу! Потомъ Польша не отказывается отъ своихъ притязаній на Ливонію. Далѣе интересъ Россіи требуетъ, чтобъ Курляндія, отдѣляющая ее отъ Пруссіи, была отдѣльнымъ владѣніемъ, чего Поляки не хотятъ. Въ случаѣ смерти короля, у императрицы большая партія въ Польшѣ, и Россія будетъ дѣйствовать, чтобъ не былъ избранъ человекъ, преданный императору. Будетъ ли Франція во всѣхъ этихъ вопросахъ поступать согласно желаніямъ Россіи? Наконецъ согласится ли французскій король дать государынѣ императорскій титулъ и платить субсидіи, ибо здѣсь нѣтъ денегъ? Если да, то императрица согласится держать въ распоряженіи Людовика XV не только 30, но 40 и 50 тысячъ войска, 12 или 15 хорошихъ кораблей и 100 галеръ».

Когда Маньянъ далъ знать объ этомъ разговорѣ своему правительству, то оно отвѣчало ему: «Что вамъ сказалъ Минихъ о

тождествѣ интересовъ императора и Россіи, относительно Турокъ, справедливо въ теоріи, но на практикѣ это вещь чисто идеальная, и мы всегда удивлялись, что Русскіе серьезно рассчитываютъ на исполненіе своего договора съ императоромъ за помощь тридцатитысячнымъ корпусомъ; тогда какъ мы можемъ сказать безъ хвастовства, что, благодаря нашему вліянію въ Константинополь, мы оказали во времена Петра I такія услуги Россіи, какихъ имперія не могла бы оказать, хотя бы употребила всѣ свои силы. Такимъ образомъ благоразумная политика требуетъ, чтобъ Россія не вводила насъ ни въ какое обязательство, которое могло бы насъ поссорить съ Портою; но вы можете увѣрить именемъ королевскимъ, что какъ скоро у насъ будетъ заключенъ союзъ съ Россіею, мы будемъ поддерживать русскіе интересы въ Константинополь такъ, что въ умѣ царицы не останется ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ вѣрности и пользы нашей дружбы, и потому достаточно, если въ договорѣ будетъ заключаться взаимная гарантія всѣхъ европейскихъ владѣній. Обратите вниманіе г. Миниха на то, что никогда Россія не получитъ существенной помощи отъ императора противъ Турокъ, и что никогда этотъ государь не станетъ поддерживать Турокъ противъ Россіи. Относительно Польши чрезвычайно трудно заключить какія-нибудь опредѣленные условія, не повредивши дѣламъ царицы; дайте почувствовать фельдмаршалу Миниху, что Россія можетъ быть покойна насчетъ сохраненія Ливоніи, если въ договорѣ будетъ условлена общая гарантія европейскихъ владѣній; что касается Курляндіи, то мы будемъ очень рады видѣть на ея престолѣ кого-нибудь угоднаго царицѣ; но никакъ не слѣдуетъ прямо идти противъ послѣдняго сеймоваго рѣшенія въ Польшѣ относительно Курляндіи; это рѣшеніе должно быть предметомъ переговоровъ, въ которыхъ мы будемъ охотно помогать Россіи. Мы достигнемъ здѣсь большихъ результатовъ, если со временемъ будетъ въ Польшѣ король, на котораго мы могли бы вполне положиться; итакъ мы думаемъ, что было бы опасно входить въ подробности, и что достаточно на словахъ согласиться въ принципахъ, по которымъ будемъ дѣйствовать въ послѣдствіи. Мы съ удовольствіемъ дадимъ царицѣ императорскій титулъ. Мы увѣрены, что съ русской стороны не будутъ настаивать на субсидіи, такъ какъ мы не хотимъ быть въ тя-

гость Россіи, заставляя ее держать наготовѣ чрезвычайныя силы. Когда мы будемъ находиться именно въ обстоятельствахъ, обозначенныхъ въ договорѣ, то понятно, что мы сочтемъ своимъ долгомъ помочь Россіи, и мы это сдѣлаемъ безъ предварительныхъ обязательствъ. Если Минихъ будетъ настаивать, то можно постановить вообще, что мы будемъ поддерживать интересы Россіи при Портѣ, безъ означенія въ чемъ именно и не называя Азовъ. Относительно Курляндіи никакъ нельзя составить никакого условія; еслибы въ Польшѣ узнали о соглашеніяхъ Россіи съ Франціею, противныхъ послѣднему сеймовому рѣшенію, то король Августъ воспользовался бы этимъ для соединенія Поляковъ въ пользу своего сына, который охотно согласится поддерживать распоряженія республики относительно Курляндіи, и царица тогда только достигнетъ своихъ цѣлей, когда будетъ содѣйствовать возведенію на польскій престолъ чело-вѣка, который бы могъ находиться совершенно подъ нашимъ вліяніемъ. Подарки, которые мы сдѣлаемъ участникамъ при составленіи договора, будутъ болѣе значительны, если мы не будемъ обязаны платить ежегодныя субсидіи»³³⁰.

Французскія предложенія должны были поставить Миниха въ затруднительное положеніе: разрозненность русскихъ и французскихъ интересовъ по отношеніямъ къ Турціи и Польшѣ была очевидна, а при такой разрозненности союзъ могъ ли быть возможенъ? Россія постоянно имѣла въ виду войну съ Турціею; война послѣдней съ Персіею давала возможность выгоднаго вмѣшательства для уничтоженія тяжкихъ условій договора 1711 года; а Франція продолжала твердить одно: не ссорьте меня съ Турціею, я вамъ буду помогать въ Константинополь, какъ помогла при Петрѣ I; но тогда Франція могла помочь, потому что Россія, имѣя на плечахъ персидскую войну, не хотѣла разрывать съ Турціею; теперь же обстоятельства были совсѣмъ другія: Россія искала союзника въ войнѣ, а не помощника для избѣжанія войны. Въ Польшѣ Франція обѣщала также помогать, но твердила, что Россія прежде всего должна была помочь ей возвести на польскій престолъ чело-вѣка, вполнѣ подчиненнаго французскому вліянію, т.-е. Станислава Лещинскаго: кто же могъ повѣрить, что Франція въ угоду Россіи будетъ ослаблять значеніе преданнаго ей короля и свое собственное вліяніе, застав-

ляя Рѣчь Посполитую уступать русскимъ требованіямъ? Неискренность, явное желаніе употреблять Россію только орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей просвѣчивали въ каждомъ словѣ французскихъ предложеній, и въ такомъ видѣ Минихъ, разумѣется, не могъ настаивать на ихъ принятіи, долженъ былъ требовать отъ Маньяна большей опредѣленности и широты въ предложеніяхъ. 23 сентября онъ объявилъ ему, что очень доволенъ вчерашнимъ вечеромъ: вмѣстѣ съ Бирономъ онъ объяснялъ императрицѣ пользу союза съ Франціею; Анна и Биронъ убѣждены въ этой пользѣ; императрица непремѣнно хочетъ отдѣлаться отъ связей съ Австріею, ибо прагматическая санкція до нея вовсе не касается, тѣмъ болѣе, что сама она ни у кого не проситъ гарантировать ея наслѣдство. Но при этомъ Минихъ внушалъ Маньяну, что со стороны Остермана сильное сопротивленіе, и особенно вице-канцлеръ возражаетъ на предложенія о Польшѣ, слѣдовательно, чтобъ уладить дѣло несмотря на сопротивленіе Остермана, Франція должна еще болѣе приблизиться къ требованіямъ Россіи. Маньянъ отвѣчалъ, что Франція не можетъ выйти по этому предмету изъ своихъ принциповъ, и что если дѣло поступило на разсмотрѣніе Остермана, то напрасно будетъ съ нимъ спорить. «Я этимъ очень огорченъ, говорилъ Маньянъ: Остерманъ непремѣнно дастъ знать въ Вѣну обо всемъ». — «Не посмѣетъ, отвѣчалъ Минихъ: во всякомъ случаѣ, если союзъ съ Франціею не состоится, то и союза съ императоромъ не будетъ; онъ никогда не получитъ тридцатитысячнаго корпуса на помощь, Россія останется нейтральною; императрица объявила рѣшительно, что она непремѣнно хочетъ освободиться отъ вѣнскихъ трактатовъ, что Екатерина заключила ихъ единственно въ интересахъ герцога голштинскаго, а теперь этихъ интересовъ не существуетъ для русскаго двора». При этомъ Минихъ внушалъ, что Франція должна подарить Бирону 100.000 экю, а самой императрицѣ прислать гобелиновъ ³³¹.

Чѣмъ затруднительнѣе было положеніе Миниха, тѣмъ легче было положеніе Остермана, которому немного труда стоило показать несостоятельность французскихъ предложеній и пользу стараго союза съ Австріею. Относительно предложенія французской гарантіи европейскихъ владѣній Россіи онъ замѣчалъ: «Надобно зрѣло подумать о томъ, можно ли для французской га-

съ какимъ-нибудь нѣмецкимъ владѣніемъ. Проектъ былъ принятъ русскимъ дворомъ ³²³. Скоро Австрія выставила кандидата, котораго предлагала и прежде русскому двору, инфанта Эммануила, брата португальскаго короля, который въ 1730 году прїѣзжалъ въ Москву съ цѣлю получить руку императрицы, но уѣхалъ съ отказомъ; отказано было и прежнему жениху, Морицу Саксонскому; Анна рѣшилась не выходить замужъ, а упрочить русское наслѣдство въ линіи царя Іоанна посредствомъ брака племянницы своей Анны Леопольдовны, дочери герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны, и братъ гофмаршала, генераль-поручикъ графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ, отправился за границу искать жениха; при этомъ ему поручено было также улаживать въ Вѣнѣ и Берлинѣ польское дѣло.

Мы видѣли, какую радость произвело въ Берлинѣ извѣстіе о возстановленіи самодержавія въ Россіи. Когда князь Сергѣи Голицынъ далъ знать объ этой радости въ Москву, то ему велѣно было увѣрить Фридриха Вильгельма, что императрица, по своему высокопочитаію къ его особѣ, будетъ нерушимо сохранять дружбу къ Пруссіи и приложить особенное стараніе усилить ее и утвердить, и исполнить всѣ обязательства, какъ прилично вѣрной союзницѣ. Король отвѣчалъ, что у Россіи съ Пруссіею дружба старая, и еслибъ онъ самъ не хотѣлъ этой дружбы, то государственный интересъ принуждаетъ его къ ней; что хотя его области находятся и близко отъ Россіи, однако съ обѣихъ сторонъ нѣтъ никакихъ претензій и запросовъ, которые могли бы повести къ нарушенію согласія. Король спѣшилъ предложить возобновленіе союзныхъ договоровъ между Россіею и Пруссіею; русскій дворъ отвѣчалъ, что охотно исполнить желаніе королевское, пусть только пришлется проектъ, въ какой формѣ желаютъ возобновленія договора. Въ сентябрѣ заключенъ былъ договоръ, по которому оба двора обязались не допускать на польскій престолъ Лещинскаго и наслѣднаго принца саксонскаго, поддерживать существующій порядокъ вещей въ Польшѣ, не позволять ни отреченія Августа II въ чью бы то ни было пользу, ни избранія новаго короля при жизни стараго.

Въ октябрѣ того же года князь Сергѣи Голицынъ былъ отозванъ изъ Берлина; на его мѣсто былъ назначенъ отозванный отъ польскаго двора Мих. Петр. Бестужевъ, который въ декабрѣ

размѣнялся съ прусскими министрами ратификаціями возобновленнаго союзнаго договора.

Мы уже упоминали, что въ концѣ 1731 года былъ отправленъ къ прусскому двору Ягужинскій. Въ инструкціи, ему данной 23 декабря, говорилось: «Такъ какъ ея императорское величество, по нынѣшнимъ конъюнктурамъ и обращаемымъ дѣламъ въ Европѣ, за потребно разсудить изволила, ради лучшаго предостереженія высокихъ своихъ интересовъ, имѣть при дворѣ королевскаго величества прусскаго знатную персону: потому изволила повелѣть обрѣтающагося нынѣ тамъ министра Михаила Бестужева отозвать и отправить ко двору шведскому, а его господина генерала графа Ягужинскаго къ тому прусскому двору избрать» ³³⁴. Но «знатная персона» не была довѣренною персоною, и графъ Карлъ Густавъ Левенвольдъ два раза являлся въ Берлинъ для переговоровъ по польскому дѣлу. Во вторую поѣздку въ 1732 году онъ объявилъ, что отношенія въ Петербургѣ очень натянуты: Минихъ овладѣлъ волею императрицы, Биронъ колеблется, Августъ II предложилъ ему Курляндію и полмилліона, Франція дѣлаетъ императрицѣ огромныя обѣщанія; теперь ему, Левенвольду, и его братьямъ удалось поддержать Остермана, котораго Минихъ старается удалить, но всего лучше поддержитъ его заключеніе союза между тремя черными орлами. Союзный договоръ былъ написанъ: союзники обязывались употребить всѣ средства, чтобъ на польскій престолъ избранъ былъ кандидатъ, способный сохранять доброе согласіе съ сосѣдними державами; обязывались во время выборовъ выставить армию на польскихъ границахъ, не для стѣсненія выборовъ, а наоборотъ, для охраненія польской вольности отъ чужестраннаго стѣсненія; цесарь выставляетъ кавалерійскій корпусъ въ 4000 человекъ и одинъ гусарскій полкъ; русская императрица 6000 конницы и 14000 пѣхоты; король прусскій 12 батальоновъ пѣхоты и 20 эскадроновъ конницы, войска должны быть расположены такимъ образомъ, чтобъ могли соединиться въ теченіи четырехъ недѣль. Союзники обязывались, въ случаѣ нужды, увеличить это число и даже дѣйствовать всѣми своими войсками, пока цѣль союза не будетъ достигнута, и если въ это время какая-нибудь посторонняя держава нападетъ на одного изъ союзниковъ, другіе помогаютъ ему. Курляндія должна сохранить прежнюю форму правленія, а не сливаться

съ Польшею; новый герцогъ курляндскій долженъ отказаться за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ владѣнія другими землями; Польша по прежнему сохраняетъ свое верховное право надъ Курляндіею. Къ договору присоединены были сепаратные артикулы: 1) союзники постановили предложить въ кандидаты на польскій престолъ португальскаго принца Эммануила: Для доставленія успѣха своему кандидату каждый изъ союзныхъ дворовъ долженъ отправить своимъ посламъ въ Варшавѣ не менѣе 36.000 червонныхъ, при чемъ цесарь будетъ стараться у португальскаго короля, чтобъ эти деньги или вовсе не понадобились, или были возвращены союзникамъ. 2) Русская императрица обѣщаетъ стараться всѣми силами, чтобъ по смерти нынѣшняго герцога курляндскаго былъ избранъ второй сынъ прусскаго короля. Въ составленіи договора участвовалъ и австрійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, графъ Секендорфъ.

Когда, 5 декабря, договоръ надобно было подписывать, Левенвольдъ объявилъ, что онъ готовъ подписать трактатъ, но не сепаратные артикулы; если же король дастъ письменное обѣщаніе заплатить Бирону 200.000 талеровъ, то онъ ручается головою, что не только получитъ приказаніе подписать трактатъ, но и доставитъ ратификацію императрицы. Секендорфъ совѣтовалъ отпустить Левенвольда въ Петербургъ съ условіемъ, чтобъ онъ въ шесть или восемь недѣль доставилъ ратификацію. Левенвольдъ отправился съ письменнымъ королевскимъ обѣщаніемъ для Бирона, и въ Берлинѣ могли считать дѣло конченнымъ ³³⁵.

Обратимся къ скандинавскимъ государствамъ.

Легко понять чувство, съ какимъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ узналъ въ Копенгагенѣ о восшествіи на престолъ Анны; горестъ должна была еще усиливаться мыслию, что года два тому назадъ воцареніе Анны было бы для него величайшимъ счастіемъ. Но чувство было сжато въ груди, и Бестужевъ спѣшилъ написать новой императрицѣ: «Что Всемогущій императора Петра Алексѣевича изъ сего временнаго въ вѣчное блаженство преселилъ, а ваше императорское величество по единогласному всѣхъ чиновъ Россійской имперіи совѣту и желанію ко всенародному порадованію (*наипаче мнѣ, вашему и здравле върному рабу и служителю*) на російско-императорскій престолъ державнѣйшею императрицею и самодержицею всея Россіи щедро-

милостиво избрать соизволил: того ради, падая къ подножію высочайшаго вашего престола, дерзаю изъ глубины сердца моего со всеподданнѣйшимъ респектомъ ваше императорское величество со счастливымъ восшествіемъ на престолъ съ неописанно-великою радостію поздравить и притомъ всею крѣпостію силъ моихъ сердечно пожелать, да возложить всецѣдный Богъ вѣнецъ благословенія на освященную главу вашу со всякимъ изобиліемъ по желанію сердца вашего и да одаритъ ваше императорское величество счастливо-разумно-премудрымъ правленіемъ и долгоденствіемъ до высочайшей степени человѣческой жизни къ вѣчной радости всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ. Могу засвидѣтельствовать, что не только король, министерство и весь дворъ, но и весь народъ оказываетъ великую радость о восшествіи вашего императорскаго величества на престолъ, тѣмъ болѣе, что не племянникъ вашего величества принцъ голштинскій или кто другой къ тому избранъ, ибо чрезъ нынѣшнее избраніе корона здѣшняя не токмо почитаетъ себя отъ російской имперіи въ безопасности, но и уповаеъ въ прежнюю дружбу, доброе согласіе и тѣснѣйшія обязательства придти».

18 апрѣля Бестужевъ повторилъ свое поздравленіе и привелъ письмо Анны къ себѣ изъ Митавы отъ 10 февраля 1729 года: «Очень сожалѣю о вашемъ пожарномъ разореніи, а что вы просите о вспоможеніи вамъ, я истинно буду рада вамъ вспоможеніе учинить, понеже я отъ васъ никакой противности къ себѣ не видала, крѣмъ вашихъ ко мнѣ вѣрныхъ службъ; ежели Богъ меня исправитъ, по возможности моей васъ не оставлю».—«Государыня всемилостивѣйшая, пишетъ Бестужевъ: Всецѣдный Богъ молитву мою услышалъ, и толь ваше императорское величество исправилъ, что нынѣ не токмо по возможности вспомочь мнѣ въ состояніи, но и все сіе временное по Божѣ въ высочайшей дещицѣ, власти и силѣ вашей и самовѣчную мнѣ и всей моей бѣдной фамиліи фортуна учинить». Перечисляя свои заслуги, Бестужевъ жалуется, что не имѣетъ никакого авансаменту: «По успеніи Петра Великаго повсягодно многимъ авансаменты, промоціи и разныя награжденія учинены, и не токмо російскимъ служителямъ разныя граціалы учинены, но и здѣшнему министру Вестфалю кавалерія пожалована; а я бѣдный и безпомощный кадетъ (за десятилѣтнія мои вѣрно-рабскія услуги и за мое здѣсь

претерпѣніе для присутствія герцога голштинскаго въ Россіи и для его претензіи на Шлезвигъ всегда былъ здѣсь ненавидимъ и житіе мое было не легче полону) однако всегда я былъ забвенію преданъ. Съ начала моего сюда прибытія и понынѣ всегда я высочайшую вашу ко мнѣ и къ бѣдной моей фамиліи милость прославлялъ и прославляю, чего ради всему двору здѣшнему извѣстно, что у вашего императорскаго величества былъ я оберъ-камеръ-юнкеромъ, и что ваше императорское величество у всѣхъ моихъ трехъ сыновей всемилостивѣйше соизволила быть высочайшею воспріемницею, и того ради при восшествіи вашего императорскаго величества на руссійско-императорскій престолъ всѣ мнѣ при дворѣ здѣшнемъ и въ городѣ знакомые поздравляли къ скорому моему авансаменту, и ежели я забвенію преданъ буду, какія при дворѣ здѣшнемъ разныя о мнѣ рефлексіи учинены быть могутъ, не только къ чувственнѣйшему моему прискорбію и печали, но и толь паче къ предосужденію вашего императорскаго величества высочайшаго здѣсь респекту и интересамъ руссійской имперіи, что я толь наипаче во уничтоженіе здѣсь приду и нигдѣ толь свободнаго приступа и съ достойною дистинкціею обхожденія имѣть весьма не буду).

30 сентября 1730 года умеръ король Фридрихъ IV и ему наследовалъ сынъ его Христіанъ VI. Бестужевъ воспользовался этимъ случаемъ и написалъ императрицѣ: «Слезно прошу, да соизволите во всемилостивѣйшую консидерацію принять, что уже я въ осьмой годъ вступаю яко камергеромъ и въ одиннадцатый яко резидентомъ, такъ что уже во ономъ характерѣ четыре кредитива подалъ; для Всещедраго Бога да соизвольте помилосердствовать надо мною безпомощно-бѣднымъ и весьма сирымъ кадетомъ, пожаловать меня при дворѣ здѣшнемъ чрезъ сей новый и пятый кредитивъ чрезвычайнымъ посланникомъ».

Вмѣсто повышенія, весною 1731 года, Бестужеву велѣно было отправиться резидентомъ въ ганзейскіе города Гамбургъ, Любекъ и Бременъ, а на его мѣсто въ Копенгагенъ отправленъ былъ человекъ *отрпный*, курляндецъ фонъ-Бракель, принятый въ русскую службу въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Бракель, по пріѣздѣ въ Копенгагенъ, писалъ императрицѣ въ особой реляціи: «Ваше императорское величество приказали, чтобъ я вамъ партикулярно доносилъ, о чемъ сочту нужнымъ: 'а по-

тому доношу, что здѣшній оберъ-камергеръ Плейсе, королевскій фаворитъ, у меня былъ съ объясненіемъ, что датскій король охотно съ вашимъ величествомъ желаетъ вступить въ тѣсный союзъ, при чемъ сдѣлаетъ все въ угоду вашего величества и даже кой-что въ пользу герцога голштинскаго, если ваше величество гарантируете королю герцогство шлезвигское. Я ему отвѣчалъ, что еще указу не имѣю, но думаю, что императрица будетъ довольна, если герцогство шлезвигское останется за королемъ при условіи нѣкотораго вознагражденія за это герцогу голштинскому.—Цесарь, Швеція, Пруссія молчатъ относительно голштинскаго дѣла, а вашего величества интересъ требуетъ освободиться отъ этого дѣла и привести въ забвеніе голштинскую партію въ Россіи, императорскій титулъ и другія полезныя условія отъ Даніи получить и вступить въ естественный и полезный союзъ, который Россіи никогда не вредилъ, а герцогъ голштинскій можетъ быть доволенъ и тѣмъ, что онъ изъ Россіи получилъ. Поэтому я не вижу, для чего пропускать удобный случай сблизиться съ Даніею и ссориться съ нею за такое дѣло, которое вашему величеству никакой пользы принести не можетъ, ибо надобно выбирать одно изъ двухъ: или оставить герцога голштинскаго, или изъ-за него начать войну. Прошу это мое письмо въ совѣтъ не приносить, чтобъ оно мнѣ не надѣлало враговъ».

Мнѣніе Бракеля, разумѣется, очень понравилось; но переговоры затянулись по медленности вѣнскаго двора, который, по своимъ обязательствамъ, долженъ былъ принять участіе въ голштинскомъ дѣлѣ. Только весною 1732 года пріѣхалъ въ Копенгагенъ цесарскій посолъ при прусскомъ дворѣ, графъ Секендорфъ для рѣшенія этого дѣла. Начали торговаться; датскіе министры объявили, что король ихъ относительно герцога ничѣмъ не обязанъ и съ нимъ никакого дѣла не имѣетъ; но для возстановленія добраго согласія и старой дружбы съ цесарскимъ и русскимъ дворами онъ соглашается дать 600.000 ефимковъ, а издержать болѣе Данія не въ состояніи. При этомъ датскіе министры показали Секендорфу и Бракелю договоръ, заключенный Даніею съ Ганноверомъ, по которому Георгъ I обязался, что если Данія когда нибудь будетъ принуждена заплатить что-нибудь за герцогство шлезвигское, то онъ платитъ половину; но нынѣшній король

английскій, Георгъ II, велѣлъ объявить датскому кабинету, что онъ не намѣренъ давать ни одного ефимка, потому что не видитъ, кто можетъ принудить Данію къ уплатѣ при английской и французской гарантіи. Бракель настаивалъ на уплату двухъ милліоновъ, и требовалъ, чтобъ дѣло было донесено въ Петербургъ и Вѣну; но Секендорфъ не соглашался такъ долго жить въ Копенгагенѣ, а датскіе министры объявили, что если шлезвигское дѣло не будетъ окончено теперъ же въ присутствіи цесарскаго министра, то они болѣе ждать не будутъ и заключать союзъ съ Франціею, которая предлагала милліонъ ливровъ субсидій; съ другой стороны Англія требовала отъ Даніи, чтобъ она не обѣщала Россіи никакой гарантіи, а заключила бы союзный договоръ съ Швеціею, къ которому приступить и Англія и также будетъ платить Даніи субсидіи. Въ такихъ обстоятельствахъ Секендорфъ и Бракель сочли необходимымъ заключить такой договоръ: Данія уплачиваетъ герцогу голштинскому милліонъ ефимковъ; если онъ на это не согласится, то Россія и Австрія прекращаютъ въ отношеніи къ нему свои обязательства; Данія соглашается на прагматическую санкцію и гарантируетъ русскія владѣнія, а Россія и Австрія гарантируютъ настоящія владѣнія датскаго короля. Договоръ былъ заключенъ 26 мая 1732 года ³³⁶.

Изъ Швеціи графъ Головинъ началъ свои доношенія новой императрицѣ извѣстіемъ, что онъ отдалъ 5000 червонныхъ графу Горну; мужъ не бралъ, такъ онъ отдалъ женѣ, послѣ чего мужъ заставилъ его дать клятву держать дѣло объ этомъ подаркѣ въ величайшей тайнѣ, а самъ увѣрялъ, что будетъ прилагать стараніе при всякомъ случаѣ къ распространенію дружбы между обоими государствами и удержанію равновѣсія между королемъ и герцогомъ голштинскимъ, какъ прилично истинному патриоту. Фельдмаршалъ и сенаторъ графъ Дикеръ получивъ 2000 червонныхъ, обѣщавъ свои покорныя услуги до смерти; графъ Белке и баронъ Дибинъ получили 2000 червонныхъ; графы Гилленборгъ и Гилленстернъ, баронъ Кронштетъ 1000; гофъ-канцлеръ фонъ-Кохенъ и графъ Бонде по 1000; послѣдній прямо сказалъ, чтобъ деньги были оданы не ему, а женѣ, хотя и въ его присутствіи. Несмотря на 5000 червонныхъ, данныхъ Горну, Головинъ сильно хлопоталъ, чтобъ на будущій сеймъ, назначенный въ январѣ 1731 года, Горнъ не былъ избранъ ландмаршаломъ,

уговаривалъ гвардейскихъ и артиллерійскихъ офицеровъ, чтобъ они не подавали своихъ голосовъ въ пользу Горна. Въ декабрѣ Головинъ извѣщалъ, что партія Горна сильна, потому что французскій и англійскій посланники помогаютъ ему покупать голоса. Къ 1731 году Головинну было переведено изъ Россіи 10.000 рублей «на употребленіе при сеймѣ потребнымъ особамъ»; при этомъ Головину писали именемъ императрицы: «Мы на твое искусство и извѣстное къ нашимъ интересамъ радѣніе надѣемся, что ты всемѣрное стараніе имѣть будешь, дабы выборъ маршала по нашему намѣренію къ интересамъ нашимъ произведенъ былъ; но ежели-бъ ты, паче всякаго чаянія, предусмотрѣлъ, что тебѣ какимъ образомъ въ томъ предупѣть не возможно было, въ такомъ случаѣ себя содержать тихо; всѣ твои поступки съ такою осторожностію поведены быть имѣютъ, дабы противную сторону, ежели-бъ она очень сильна была, явно не озлоблять, и тѣмъ имѣ къ предосудительнымъ относительно насъ поступкамъ поводъ не подать». Графъ Головинъ отвѣчалъ, что «англійскій министръ Финчъ получилъ отъ своего двора 60.000 фунтовъ стерлинговъ, и почти ежедневно угощаетъ у себя сенаторовъ и другихъ знатныхъ особъ». «Поэтому, писалъ Головинъ, я переведенною ко мнѣ суммою никакъ не въ состояніи отвратить предложенія англійскаго двора, и хотя въ секретной комиссіи находится много доброжелательныхъ персонъ, однако они мнѣ откровенно сами и черезъ другихъ даютъ знать, чтобъ имъ дано было нѣкоторое награжденіе, въ противномъ случаѣ они могутъ пристать и къ другой сторонѣ; поэтому я переведенную ко мнѣ сумму на нихъ почти всю употребилъ, такъ что другимъ доброжелательнымъ и на покупку новыхъ голосовъ для сопротивленія англійскимъ интригамъ денегъ неостанетъ».

Маршаломъ сейма былъ выбранъ графъ Горнъ, и въ апрѣлѣ 1731 года Головинъ доносилъ, что маршалъ старается склонить членовъ секретной комиссіи къ французскому союзу, обѣщая хорошія субсидіи. Члены секретной комиссіи увѣряли Головина, что Горново предложеніе не пройдетъ, но между тѣмъ объявили, что Швеція смотритъ на одно, откуда бы ей субсидіи получить, потому что ей безъ того пробавиться никакъ нельзя: такъ еслибы они могли быть увѣрены, что получаютъ субсидію отъ Россіи, то легко провели бы предложеніе о возобновленіи

союза съ нею. Горнъ явно избѣгалъ разговоръ съ русскимъ министромъ, извиняя себя тѣмъ, что по своей должности онъ не можетъ сноситься съ иностранными министрами, хотя въ то же время должность не мѣшала ему имѣть тайныя конференціи съ французскимъ посланникомъ графомъ Кастежа.

Но Англія и Голландія помирились съ цесаремъ; ганноверскій союзъ рушился, Франція оставалась одна, и потому союзъ съ нею не былъ очень выгоденъ. Гофъ-канцлеръ фонъ-Кохенъ пріѣхалъ къ Головину съ предложеніемъ, не можетъ ли Россія перенять на себя уплату денегъ, которыя Швеція должна Голландіи. Головинъ отвѣчалъ, что если съ шведской стороны будутъ показаны знаки дружбы, то можно надѣяться, что императрица перейметъ на себя голландскій долгъ.—«Что же Швеціи надобно для этого сдѣлать?» спросилъ Кохенъ.—«Возобновить союзъ съ Россіею», отвѣчалъ Головинъ: «изготовьте проектъ, я его отправлю къ своему двору». Члены комиссіи, выслушавъ донесеніе Кохена о разговорѣ его съ Головинымъ, изъявили сильное желаніе составить требуемый проектъ союза; но Горнъ возразилъ, что дѣло требуетъ зрѣлаго разсужденія, ибо, какъ видно, русскій дворъ желаетъ, чтобъ Швеція начала его.

Въ маѣ Головинъ узналъ, что датскій посланникъ Шметтау хлопочетъ также о союзѣ, при чемъ поддерживается французскимъ посланникомъ; Кастежа прибавилъ, чтобъ и его дворъ былъ включенъ въ датско-шведскій союзъ, за что Франція будетъ давать субсидіи — по 100.000 ефимковъ ежегодно. Между тѣмъ король, зная, что новое русское правительство не имѣетъ сильныхъ побужденій хлопотать за герцога голштинскаго, оказывалъ Головину особенные знаки вниманія: однажды нечаянно пріѣхалъ къ нему въ шесть часовъ вечера, ужиналъ и оставался до двухъ часовъ по полуночи, при чемъ говорилъ, что болѣе всего желаетъ усиленія дружбы между Россіею и Швеціею. Головинъ отвѣчалъ, что теперь, по случаю сейма, самый удобный случай исполнить это желаніе, именно возобновить прежній союзъ. «Очень бы я желалъ, отвѣчалъ король, возобновить союзъ; но здѣсь въ Швеціи много другихъ господъ королей, которые, руководясь своими интересами, дѣлаютъ что хотятъ; но я съ своими приверженцами буду внушать чинамъ о возобновленіи союза».

Предложеніе о датскомъ союзѣ было отстранено на томъ осно-

ваніи, что еще неизвѣстно, какъ поступятъ Испанія и Франція вслѣдствіе вѣнскаго договора, заключеннаго между Австріею, Англіею и Голландіею; отложено было и дѣло о возобновленіи русскаго союза; ждали, не предложитъ ли цесарь и Англія, чтобъ Швеція приступила къ вѣнскому договору. Въ іюніи сеймъ окончился, и французскій посланникъ остался очень недоволенъ Горномъ за то, что тотъ не настоялъ на заключеніи союза съ Даніею.

Въ 1732 году графъ Головинъ былъ смѣненъ переведеннымъ изъ Берлина Михайломъ Петровичемъ Бестужевымъ. Новый «чрезвычайный посланникъ» началъ свои донесенія извѣстіями о движеніяхъ французскаго посланника графа Кастежа, для привлеченія Швеціи во французскій союзъ. Такъ какъ теперь у Франціи съ Россіею уже было покончено, то Кастежа не довольствовало тѣмъ, что предлагалъ субсидіи, но внушалъ, что королю его было бы всего пріятнѣе видѣть Швецію въ прежнемъ могущественномъ положеніи, давая этимъ знать, что Франція скорѣе всѣхъ можетъ помочь Швеціи въ возвращеніи отъ Россіи завоеванныхъ Петромъ областей. Извѣстіе о заключеніи союза между Россіею и Даніею было пріятно королю и королевѣ, какъ доказательство, что русскій дворъ отступилъ отъ герцога голштинскаго, и непріятно министрамъ, которые досадовали, что позволили Россіи предупредить себя. За эту непріятность они отплатили русскому двору тѣмъ, что заключили миръ съ Польшею, тогда какъ по ништадтскому договору миръ между Швеціею и Польшею долженствовалъ быть заключенъ при посредствѣ Россіи ³³⁷.

Обратимся наконецъ къ Польшѣ, изъ-за которой было столько хлопотъ. Первое важное извѣстіе, полученное въ новое царствованіе изъ Варшавы, было извѣстіе о продолжающемся гоненіи на православныхъ. Въ началѣ 1730 года къ русскому посланнику, Михаилу Петровичу Бестужеву, приходили жалобы изъ Бреста Литовскаго, изъ Бѣльска, — вездѣ главными дѣятелями были іезуиты. «На конференціи и въ другое время, писалъ Бестужевъ, я настаиваю, чтобъ православнымъ дано было удовлетвореніе, но ничего изъ этого не выходитъ, потому что римское духовенство имѣетъ здѣсь большую силу, всякими средствами дѣйствуютъ у министровъ, чтобъ православнымъ не дано было удовлетворенія, не дано было покоя; поэтому я считаю нужнымъ, чтобъ

ваше величество прислали объ этомъ грамоту къ королю и Рѣчи Посполитой, чтобъ мнѣ, при подачѣ грамоты, можно было дѣлать болѣе сильныя представленія. Также нужно прислать другую грамоту на счетъ утверженія бѣлорускаго епископа Берла, потому что на первую до сихъ поръ нѣтъ отвѣта, а между тѣмъ есть опасность, чтобъ и на эту послѣднюю епархію не посадили униата, ибо здѣшніе духовные не малое лакомство къ тому имѣютъ и постараются исполнить свое желаніе».

Осенью собрался сеймъ въ Гроднѣ; но полномочнымъ министромъ туда былъ отправленъ не Бестужевъ, а генераль Вейсбахъ, который увѣдомилъ, что король выдалъ указъ противъ Берла, который выставлялся человѣкомъ, пріѣхавшимъ на бѣлорусскую епархію нахально, безъ вѣдома и воли короля и Рѣчи Посполитой, и потому могилевскимъ жителямъ, подъ страхомъ наказанія, запрещалось признавать его владыкою и слушаться его. Сеймъ былъ разорванъ по интригамъ Потоцкихъ, которые хотѣли, чтобъ гетманство великое коронное досталось одному изъ нихъ, но когда увидали, что король на это не соглашается, то чрезъ одного изъ своихъ креатуръ и разорвали сеймъ. Вейсбахъ отправился въ Варшаву и представилъ королю о притѣсненіяхъ, которымъ подвергается епископъ Берло и вообще всѣ православные; король отвѣчалъ, что всякое удовольствіе въ желаніяхъ русской государыни показать стараться будетъ; Вейсбахъ подалъ промеморію вице-канцлеру Липскому о гоненіяхъ на православныхъ, и слѣдствіемъ было то, что отправлено было къ могилевскому эконому письмо, въ которомъ приказывалось оставить Берла жить спокойно и безопасно въ Могилевѣ; наконецъ Вейсбахъ выхлопоталъ и грамоту королевскую, по которой Берло могъ пріѣхать въ Варшаву для представленія королю и министрамъ и полученія привилегіи на епископство.

Вейсбахъ долго не остался въ Польшѣ. Полномочнымъ министромъ туда былъ отправленъ графъ Левенвольдъ третій (Фридрихъ Казимиръ, дѣйствительный камергеръ). Въ началѣ 1731 г. министры—прусскій, англійскій и голландскій; находившіеся при польскомъ дворѣ, обратились къ Левенвольду съ просьбою ходатайствовать вмѣстѣ съ ними за диссидентовъ; Левенвольдъ согласился. Но, ходатайствуя вмѣстѣ съ другими за диссидентовъ вообще онъ никакъ не могъ добиться, чтобъ Берлу дана была привилегія на бѣлорусское епископство, и тотъ принужденъ

быль ни съ чѣмъ уѣхать изъ Варшавы назадъ въ Могилевъ. «Я нахожу, писалъ Левенвольдъ, что если со стороны вашего величества сильная резолюція принята не будетъ, то отъ Рѣчи Посполитой во всѣхъ этихъ обидахъ скорого удовлетворенія трудно дожидаться». Главное препятствіе относительно утвержденія Берла Левенвольдъ встрѣтилъ въ вице-канцлерѣ Чарторыйскомъ, «русскому двору и всѣмъ его интересамъ явномъ непріятелѣ». Мало того, что Берла выпроводили изъ Варшавы: ему приказали по пріѣздѣ въ Могилевъ, немедленно забрать свои вещи и ѣхать откуда пріѣхалъ, и это приказаніе прописано было въ паспортѣ, выданномъ ему Чарторыйскимъ; въ Могилевъ отправленъ былъ королевскій указъ, который грозилъ жителямъ лишеніемъ всѣхъ вольностей и жестокою казнію, если они немедленно не выпроводятъ Берла, и эконоомъ объявилъ послѣдному, чтобъ чрезъ недѣлю непременно выѣхалъ, въ противномъ случаѣ велитъ солдатамъ выкинуть его за городъ; войты могилевскіе съ цѣлымъ магистратомъ и посполитыми людьми приходили къ Берлу и говорили ему: «изволь преосвященство твое, не дожидаясь большей конфузїи, немедленно выѣхать отъ насъ, больше твое преосвященство держать не можемъ, потому что король грозитъ намъ отнятіемъ вольностей и смертною казнію». По полученіи этого извѣстія, въ Москвѣ сдѣлано было сообщеніе польскому посланнику Потоцкому, который написалъ могилевскому эконоому, чтобъ тотъ удержался отъ насильственныхъ дѣйствій противъ Берла до будущаго рѣшенія между обоими дворами. Поэтому канцлеръ графъ Головкинъ писалъ епископу, чтобъ онъ оставался въ Могилевѣ и ѣхалъ въ Москву только въ случаѣ принужденія. «Но, и въ такомъ случаѣ, писалъ Головкинъ, весьма потребно вамъ надлежащую твердость возымѣть и выѣздомъ не торопиться; ибо нельзя ожидать, чтобъ Поляки дѣйствительно показали къ вамъ какой нибудь непріятельскій поступокъ: по извѣстному польскому обыкновенію, они болѣе угрозами страшатъ, а въ самомъ дѣлѣ того не отваживаются чинить».

Берло остался въ Могилевѣ; но въ концѣ 1731 года писалъ императрицѣ: «Шляхта бѣлорусская продолжаетъ отторгать церкви православныя къ уни; меня, бѣднаго, нестерпимымъ ругательствомъ поносятъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ только 30 мужиковъ имѣется, превеликую обиду и разореніе чи-

нять, а недавно и совсѣмъ отнять хотѣли, такъ что я, продавъ лошадей и платье свое, принужденъ былъ оплачиваться, и оплатился на время: все это они дѣлаютъ для того, чтобъ меня отсюда выжить. Хотя я живу здѣсь по-всемплостивѣйшему вашего императорскаго величества указу для управления духовныхъ дѣлъ и для всякихъ епархій бѣлорусской порядковъ: однако духовенство здѣшнее, зная о королевскихъ указахъ, запрещающихъ имѣть меня епископомъ, и не боясь Бога, самовольно живутъ, отъ чегò происходитъ всенародный соблазнъ и великое безчинство; меня, мнимаго своего архіерея, ни во что вмѣняютъ, ни съ какими дѣлами ко мнѣ не обращаются, мура освященнаго отъ меня принимать не хотѣли, сверхъ того заочно меня ругаютъ, изъ нихъ едва кто твердо стоитъ въ православіи, болѣе же готовы къ униі. А я всегда боленъ обрѣтаюсь, и для того не могу здѣшнихъ польскихъ церемоній и политикъ трактовать, и, какъ зарубежный человекъ, здѣшнихъ правъ не вѣдаю, а теперь въ старости обучаться имъ не могу, также и православію святому, во всегдашнемъ гоненіи обрѣтающемуся, никакой пользы и помощи въ здѣшнемъ свободномъ народѣ не учиню. Слезно прошу, да повелитъ ваше императорское величество меня отъ сего послушанія, которое выше силы моей, освободить».

Въ январѣ 1732 года Головкинъ писалъ Арсенію, что на требованіе его утвержденія, польскій посланникъ Потоцкій отвѣчалъ: «Король и республика вовсе не препятствуютъ, чтобъ на бѣлорусской епархій былъ епископъ греческой вѣры, но не могутъ допустить Арсенія Берла, потому что онъ не изъ Поляковъ и не шляхтичъ польскій; если обыватели бѣлорусской епархій выберутъ себѣ въ епископы другого кого нибудь, польскаго происхождения, то король и республика безъ малѣйшаго отлагательства дадутъ ему конфирмацію». Ему сказали, что императрица соглашается на это подъ такимъ условіемъ, чтобъ Арсеній Берло безъ всякаго безпокойства могъ оставаться въ Могилевѣ и отправлять всѣ духовныя должности, пока будетъ избранъ и подтвержденъ другой епископъ, въ чемъ Потоцкій и обнадежилъ. «И такъ ваше преосвященство, писалъ Головкинъ, извольте, по этому соглашенію, жить въ Могилевѣ до избранія и утвержденія новаго епископа, ведите себя тихо, исправляйте одну духовную должность, а по избраніи новаго епископа будете по своему достоинству въ Россіи къ пристойной епархій опредѣлены».

11 іюля 1732 года вольными и согласными голосами избранъ былъ въ бѣлорусскіе епископы находившійся въ одномъ изъ кievскихъ монастырей игуменомъ Іоасафъ Волчанскій, природный польскій шляхтичъ. Левенвольду посланъ былъ изъ Петербурга указъ «прилежное стараніе приложить и ревностно помогаться», чтобъ Волчанскому дано было королевское утвержденіе: «Если же усмотрите, говорилось въ указѣ, что для скорѣйшаго исходатайствованія королевской привилегіи надобно кому нибудь презенты небольшіе учинить, то можете на то употребить пристойное число денегъ изъ имѣющейся у васъ нашей казны». Левенвольдъ прилагаетъ всевозможное стараніе получить привилегію; но папскій нунцій также прилагаетъ всевозможное стараніе, чтобъ удержать ее; наконецъ, благодаря добрымъ людямъ, привилегія была написана въ литовской Канцеляріи и отправлена въ Саксонію для подписи королевской ³³⁸.

Но подлѣ русскаго вопроса стоялъ вопросъ собственно польскій, занимавшій одинаково и Россію, и Австрію, и Пруссію, и Францію,—вопросъ о томъ, кто будетъ преемникомъ Августа II, которому уже оставалось очень недолго жить. Въ началѣ 1733 года онъ пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ былъ созванъ чрезвычайный сеймъ. Вельможи и земскіе послы волновались слухами, что король непременно хочетъ насильственными средствами сломить польскую конституцію въ пользу своего дома. Дѣйствительно Августъ заискивалъ въ Берлинѣ и ставилъ Фридриха Вильгельма въ затруднительное положеніе между Россією и Австрією съ одной стороны, и Саксонією съ другой: Россія и Австрія обѣщали одну Курляндію и то не непосредственно, тогда какъ Августъ, за содѣйствіе его планамъ, обѣщалъ Польскую Пруссію, часть Великой Польши, Курляндію. Приманка была сильная, но и дѣло было крайне опасное, и потому въ Берлинѣ заключили Левенвольдовъ договоръ; но Августъ не отставалъ, обѣщалъ, что опасности никакой не будетъ, что онъ удовлетворитъ и Россію и Австрію, и что «четыре орла раздѣлятъ между собою пироги». Сеймъ начался среди обычной борьбы партій, изъ которыхъ одна старалась довести его до конца, а другая разорвать, какъ 1 февраля король умеръ. Вѣсть объ этомъ событіи отозвалась въ Европѣ призывомъ къ войнѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Протоколы Сената, въ архивѣ Мин. Юстиціи.
2. Дѣла Верхов. Тайнаго Совѣта въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.
3. Кабинетъ II, кн. № 77, 78.—Записки Марковича, ч. 1; С.-Петербургскія Вѣдомости 1726 года.
4. Дѣла Турецкія 1725 и 1726 годовъ.
5. Кабинетъ II, № 85.
6. Дѣла Турецкія 1727 года.
7. Дѣла Французскія 1725 — 1727 годовъ. Донесенія Кампредона въ госуд. архивѣ; дѣла Англійскія.
8. Дѣла австрійскія 1725—1727 годовъ.
9. Дѣла Польскія 1725—1726 годовъ.
10. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ моск. архивѣ мин. ин. д.
11. Кабинетъ II, кн. № 77.
12. Дѣла Польскія и Курляндскія 1726 года.
13. Дѣла Верхов. Тайн. Совѣта.
14. Журналь Морица—Кабин. II, кн. № 77; дѣла Курляндскія.
15. Дѣла Меншикова въ москов. архивѣ мин. ин. д.
16. Кабин. II, кн. № 77.
17. Тамъ же I, кн. № 59.
18. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта.
19. Письма Девьера въ госуд. архивѣ; дѣла Курляндскія. — Лефорть продолжалъ сватать Морицу невѣстъ и требовалъ, чтобъ онъ самъ приѣхалъ въ Петербургъ „qu'il fasse belle figure, grande table, fêtes, cadeaux, car les femmes aiment la joye et le parti russeien demande ça. J'ose dire aussi qu'il faut des largesses à propos“. Графъ Мантейфель спрашивалъ Лефорта: „Dites moi a l'oreille, combien vous croyez qu'il fait droit au C. de S. pour gagner les amis en vos cantons?“ Лефорть отвѣчалъ: „La chose n'est pas facile à determiner, il s'agit de savoir si

c'est pour Nan (Анна) ou pour Lis (Елисавета). La princesse Elisabeth est une place forte à emporter non impossible, car à l'aide du coffre fort la place se rendra. La D. de Courlande coutera, mais pas tant. L'on juge icy, que si la pr. Elisabeth manque, l'on serait mieux de s'attacher à la fille de Menzikow, qu'à la D. de Courlande, elle aura des especes, sera bien fournie. Потомъ Лефорть предлагалъ графиню Софью Карловну Скавронскую. Weber's Moritz Graf von Sachsen.

20. Дѣла Польскія 1726—1727 годовъ; Кабинетъ I, кн. № 59.

21. Дѣла Курляндскія.

22. Письма Девьера въ госуд. архивѣ.

23. Дѣла Шведскія и Голштинскія означенныхъ годовъ.

24. Протоколъ Верхов. Тайн. Совѣта.

25. Кабинетъ I, кн. № 59. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Дѣла Меншикова тамъ же.

26. Дѣла Датскія означенныхъ годовъ.

27. Дѣла Прускія.

28. Москов. архивъ министр. иностр. дѣлъ, портфели Миллера, № 140.

29. Кабин. I, кн. № 59.

30. Дѣла тайной Канцеларіи въ госуд. архивѣ.

31. Донесенія Вестфалена и Маньяна тамъ же.

32. Дѣло Девьера въ госуд. архивѣ.

33. Отвѣты Бассевича тамъ же.

34. Въ такомъ видѣ дошелъ до насъ русскій текстъ завѣщанія; въ такомъ видѣ онъ находится въ госуд. архивѣ и напечатанъ въ Пол. Собр. Зак. подъ № 5070. Нѣтъ цифры, опредѣляющей—до какихъ лѣтъ императоръ долженъ считаться несовершеннолѣтнимъ; не достаесть 12 пункта, въ одиннадцатомъ же пропущено, кого именно регентство обязано было женить на княжнѣ Меншиковой, и выходитъ, что и цесаревна Елисавета и княжна Меншикова должны выйти за одно и то же лицо—герцога голштинскаго младшаго! Былъ ли исправленный русскій текстъ, подписанный Екатериною или Елисаветою? Существовало преданіе, будто былъ, и истребленъ императрицею Анною. Составитель свода дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта подъ заглавіемъ „Управление Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта“, рукописи, находящейся въ москов. архивѣ министр. иностр. дѣлъ, говоритъ, что объ этомъ объявляла ему особа, достойная вѣроятія по своему высокому положенію; иностранный текстъ правиленъ относительно пунктовъ о бракахъ, и въ 3-мъ пунктѣ означено, что императоръ считается несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ.

35. Журналъ Верх. Тайн. Сов.

36. Записная книга Кабинета въ госуд. архивѣ. О слухахъ насчетъ

подложности завѣщанія см. донесенія Лефорта въ 3-мъ томѣ Сборника русск. истор. общ.

37. Дѣла Меншикова въ москов. арх. мин. иностр. дѣль. Журналы Верх. Тайн. Сов.

38. Журналъ 2 іюня Вер. Тайн. Сов.

39. Дѣла Меншикова въ моск. архивѣ мин. иностр. дѣль.

40. Дѣла Верх. Тайн. Сов. тамъ же.

41. Пол. Собр. Зак. № 5128.

42. Отвѣты Басевиича въ госуд. архивѣ.

43. Письма цесаревны Анны къ сестрѣ, въ госуд. архивѣ. Въ одномъ изъ писемъ Анна Петровна пишетъ сестрѣ: „Доношу вамъ, что герцогу да Маврушка извлочились: ни одного дня дома не сидятъ, все водной каретѣ ѣздятъ либо въ гости, или въ комедію“.

44. Пол. Собр. Зак. № 5131.

45. Журналы Верх. Тайн. Сов.—Лефортъ.

46. Приложенія къ VI тому Исторіи царств. Петра В. Устрялова,

47. Кабинетъ II, кн. № 73, 75. Въ 1722 году конюхъ Тяпкинь говорилъ, что Семень Мавринъ имѣлъ связь съ княжной Анной Лобановой (дѣла Тайн. Кан.).

48. С.-Петербургскія Вѣдомости 1727 года.

49. Слѣдственные дѣла о Бестужевѣ и кн. Волконской въ государ. архивѣ.

50. Дѣла Меншикова въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣль.

51. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

52. Письма русскихъ государей.

53. Сборникъ русскихъ историч. общества, II, 233. Документы, относящіяся къ Зейлину уже напечатаны въ статьѣ Есипова: „Ссылка князя Меншикова“ въ Отечеств. Зал. 1860 и 1861 года. Отзывъ Лопатинскаго, см. въ книгѣ Чистовича: „Феофанъ Прокоповичъ“, стр. 467.

54. Записка въ госуд. архивѣ.

55. Пол. Собр. Зак. № 5078.

56. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

57. Пол. Собр. Зак. № 5079.

58. Тамъ же, № 5125.

59. Журналы Верх. Тайн. Сов. 12 іюня.

60. Пол. Собр. Зак. № 5142.

61. Журналы Верх. Тайн. Сов. 4 августа.

62. Тамъ же, іюня 23.

63. Тамъ же, іюня 1, 12, 13.

64. Пол. Собр. Зак. № 5080.

65. Тамъ же, № 5093.

66. Тамъ же, № 5110.

67. Тамъ же, № 5118.

68. Тамъ же, № 5081.

69. Журналы Верх. Тайн. Сов.

70. Пол. Собр. Зак. № 5091.

71. Журналы Верх. Тайн. Сов. 25 іюля.

72. Журналь 14 августа.

73. Все это дѣло подробно изложено въ книгѣ г. Чистовича: „*Феофанъ Прокоповичъ и его время*“. Мы не можемъ согласиться съ объясненіями г. Чистовича, ибо не думаемъ, чтобъ историкъ имѣлъ право бездоказательно приписывать историческимъ лицамъ то или другое дѣло. Такъ г. Чистовичъ доносъ Маркелла на Феофана рѣшительно приписываетъ наущенію Дашкова, тогда какъ на это нѣтъ никакихъ доказательствъ, и дѣло объясняется гораздо проще негодованіемъ Маркелла на Феофана, отославшаго его въ Преображенскую Канцелярію. Эту отсылку г. Чистовичъ приписываетъ желанію Феофана отклонить синодское дѣло о похищеніи церковныхъ вещей, говорить: „Нельзя не сознаться въ хитрости этого маневра“. Въ другомъ мѣстѣ г. Чистовичъ говоритъ: „Феофанъ держалъ Маркелла въ Тайной Канцеляріи такъ крѣпко, что его не вырветъ оттуда никакая *духовная* сила. Пустить его въ Синодъ, значило погубить дѣло, на которое потрачено столько ума и хитрости, значило обречь себя участи Феоодосія“. Никакого ума и хитрости мы тутъ не видимъ, ибо цѣль не была достигнута, и Феофанъ былъ такъ уменъ, что сознавалъ невозможность достигнуть цѣли, невозможность дѣломъ Тайной Канцеляріи затупить синодское дѣло. *Духовная* сила не вырвала Маркелла изъ Преображенской Канцеляріи, но ей и не нужно было этого: Маркеллъ и въ Преображенской Канцеляріи отвѣтилъ на допросные пункты Синода, и отвѣтилъ обвиненіемъ Феофана, бдльшаго онъ не могъ бы сказать и въ Синодѣ; да еще кромѣ того обвинилъ Феофана въ еретичествѣ. Ясно, что Феофанъ отослалъ Маркелла въ Преображенскую Канцелярію подъ вліяніемъ страха, наведеннаго на него рѣчами Маркелла о готовящемся возстаніи противъ икоборцевъ, т.-е. противъ самого Феофана. Въ Синодѣ Маркеллъ могъ сказать противъ Феофана одно, что онъ приказалъ ему спарывать жемчугъ и снимать оклады съ иконъ, а въ Преображенской Канцеляріи онъ обвинилъ его въ еретичествѣ и въ продерзостныхъ рѣчахъ. Еслибы было малѣйшее доказательство въ пользу объясненій г. Чистовича, то уже никакъ нельзя было бы назвать поступокъ Прокоповича хитрымъ маневромъ, а надобно было бы удивляться страшной ошибкѣ его. Также совершенно бездоказательно г. Чистовичъ приписываетъ Феоодосію Яновскому и синодскому оберъ-прокурору Болтину доносъ на Маркелла въ снятіи окладовъ съ иконъ.

74. Журналы Верх. Тайн. Сов.
75. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.
76. Пол. Собр. Зак. № 5073.
77. Журналы Верх. Тайн. Сов.
78. Тамъ же.—Пол. Собр. Зак. № 5098.
79. Пол. Собр. Зак. № 5127.
80. Журналы Верх. Тайн. Сов.
81. Тамъ же.

82. Weber — Moritz Graf von Sachsen, p. 92: Портретъ Елисаветы, сдѣланный саксонскимъ посланникомъ Лефортомъ: „с'est une blonde, qui n'est pas aussi grande que sa souer et qui incline à devenir plus puissante. Elle est d'ailleurs bien faite et d'une belle moyenne taille; un visage rond, fort gracieux, des yeux bleus remplis de jus de moineau, le teint beau et belle gorge. Pour l'humeur et les inclinations, elles sont bien differentes de son ainée, c'est un esprit extremement enjoué qui se soucie peu de la pluye ou du beau temps, d'une grande vivacité, qui tire assez sur l'etourderie, toujours un pied en l'air et ne songeant à rien de solide, ayant d'ailleurs l'admirable talent de savoir contrefaire la demarche et les gestes d'un chacun, elle n'épargne pas même ses proches p. e. le Duc. Possedant tres bien le francois, la'llemand passablement, il semble qu'elle soit née pour la France, n'aimant que faux brillant.

83. Письма въ государ. архивѣ.
84. Делеша Лефорта въ Сбор. русск. истор. общества, т. III.
85. Manstein Mémoires sur la Russie.
86. Лефорть.
87. Делеша Маньяна.
88. Лефорть.
89. Маньянъ.
90. Дѣла Меншикова въ москов. архивѣ минист. иностр. дѣлъ; тамъ же портфели Малиновскаго.
91. Лефорть.
92. Маньянъ.
93. Лефорть.
94. Журн. Верх. Тайн. Сов.
95. Лефорть.
96. Тамъ же.
97. Тамъ же.
98. Журналы Верх. Тайн. Сов.
99. Лефорть.
100. Журналы Верх. Тайн. Сов.—Пол. собр. зак. № 5151.

101. Москов. архивъ министер. Иностр. дѣлъ.
102. Журналы Верх. Тайн. Сов.
103. Лефорть.
104. Тамъ же.
105. Письма въ государ. архивѣ.
106. Труды кievск. дух. Академіи 1865 г.
107. Лефорть.
108. Маньянъ.
109. Лефорть.
110. Маньянъ.
111. Журналы Верх. Тайн. Сов.
112. Лефорть.
113. Тамъ же.
114. Письма русскихъ государей.
115. Лефорть.
116. Журналы Верх. Тайн. Сов.
117. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.
118. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
119. Осмнадцатый вѣкъ, кн. II, письма о Россіи въ Испанію дукэ-де Лирія.
120. Тамъ же.
121. Манштейнъ.
122. Письма русскихъ государей.
123. Лирія.
124. Журналы Верх. Тайн. Сов.
125. Тамъ же.
126. Письма въ госуд. архивѣ.
127. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
128. Донесенія въ Верх. Тайн. Сов., въ государ. архивѣ.
129. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
130. Тамъ же.
131. Тамъ же — Пол. Собр. Зак. № 5252.
132. Журналы Верх. Тайн. Сов.
133. Дѣло княг. Волконской въ государ. архивѣ.
134. Письма русскихъ государей.
135. Тамъ же. Здѣсь на 154 стр. переписки Анны Ивановны напечатанъ доносъ на Бестужева, присланный къ-мъ-то въ Петербургъ. Здѣсь говорится, что Бестужевъ обкрадываетъ герцогиню и водитъ къ себѣ фрейлину Биронъ и даетъ ей по 1000 талеровъ и припасы, а придворные служители гибнутъ съ голода. Говорится, что Бестужевъ укралъ болѣе 20.000; фрейлинамъ дѣтей надѣлалъ и проч.

136. Кабинетъ I, кн. № 65; Чтенія москов. истор. общ. годъ 1862, кн. I.

137. Въ извѣстномъ доносѣ говорится: „На разбой посылалъ (Бестужевъ) ночью трехъ человекъ, одинъ изъ нихъ прапорщикъ Всеволожскій“.

138. Въ другихъ письмахъ Бестужевъ пишетъ: „Я и всѣ мы въ такое несчастіе пришли черезъ сестру вашу, только надобно имѣть терпѣніе“.

139. Въ извѣстномъ доносѣ говорится: „У него (Бестужева) есть бѣлый солдатъ Кабозовъ“.

140. Дѣло кн. Волконской.

141. Деревня Талызина Дѣдово въ 30 верстахъ отъ Москвы.

142. Дѣло кн. Волконской.

143. Письма русскихъ государей.

144. Дѣло въ государ. архивѣ.

145. Письма русскихъ государей.

146. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ министр. иностр. дѣлъ.

147. Записки Штелина о Петрѣ III.

148. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

149. Маньянъ, Лирія. Лефортъ у Германа.— *Geschichte des russ. Staates.*

150. Князь М. Щербатовъ (о поврежденіи нравовъ въ Россіи) говоритъ: „Кн. Ив. Алекс. Долгоруковъ былъ молодецъ, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, къ каковымъ подвержены молодые люди, не имѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, къ стыду того вѣка скажу, что сълюбился онъ, или, лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ между прочими жену К. Н. Е. Т. рожденную Головкину, и не тою безъ всякой закрытости съ нею жилъ; но при частныхъ сѣздахъ у К. Т. съ другими своими молодыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генераль-майора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ предлюбодѣянія жены своей сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единожды бывъ въ домѣ сего кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть его въ окошко, и еслибы Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, свойственникъ государевъ по бабѣ его Лопухиной, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было. Но любо-страстіе его одною или многими не удовольствовалося, и онъ иногда

пріѣзжающихъ женщинъ, изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насилывалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его приобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не болѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турокъ во взятомъ градѣ.

151. Лирія, Лефорть.
152. См. Отзвъ Манштейна о царствованіи Петра II.
153. Журналы Верх. Тайн. Сов.
154. Тамъ же.
155. Тамъ же.
156. Тамъ же.
157. Тамъ же; Пол. Собр. Зак. № 5281; дѣла Верх. Тайн. Сов. въ государ. архивѣ.
158. Пол. Собр. Зак. № 5333.
159. Маньянъ и Лирія.
160. Журналы Верх. Тайн. Сов.; Полн. Собр. Зак. № 5290.
161. Пол. Собр. Зак. № 5287.
162. Тамъ же, № 5412. Сборникъ русск. истор. общ. II, 394.
163. Пол. Собр. Зак. № 5164.
164. Тамъ же, № 5273.
165. Тамъ же, № 5410.
166. Тамъ же, № 5171.
167. Тамъ же, № 5219.
168. Тамъ же, № 5163.
169. Тамъ же, № 5451.
170. Тамъ же, № 5474; дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ гос. архивѣ.
171. Лирія.
172. Пол. Собр. Зак. № 5161.
173. Журналы Верх. Тайн. Сов.
174. Маньянъ.
175. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ госуд. архивѣ.
176. Пол. Собр. Зак. № 5320.
177. Тамъ же, № 5267.
178. Тамъ же, № 5175.
179. Письмо протоіерея Алексѣева къ императору Павлу, гдѣ авторъ, на основаніи дошедшихъ до него слуховъ, говоритъ, что Дашковъ добивался въ патріархи (Русск. Архивъ 1863 г.). На Дашкова указываетъ Кантемиръ во II сатирѣ: „Задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати, когда лошади свои раздарилъ некстати“.
180. Чистовича—Феофанъ Прокоповичъ и его время.
181. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
182. Тамъ же.—Полн. Собр. Зак. № 5238, 5251, 5322.

183. Le Catholicisme Romain en Russie—par M. le Comte Dm. Tolstoy, I, 164.—Чистовича—Оеофанъ Прокоповичъ, стр. 369.
184. Пол. Собр. Зак., № 5343.
185. Донесеніе фельдмаршала Голицына въ Государ. Архивѣ.
186. Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
187. Дѣла Тайной Канцеляріи въ Государ. Архивѣ.
188. Выписка изъ тайныхъ дѣлъ въ Государ. Архивѣ.
189. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ.
190. Дѣла Сената по Малороссійской экспедиціи въ Архивѣ Мин. Юстиціи.—Дневныя Записки Якова Марковича, ч. I.
191. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта.
192. Дѣла Турецкія.
193. Дѣла Французскія.
194. Дѣла Австрійскія.
195. Дѣла Польскія и Курляндскія; Протоколы Верх. Тайн. Совѣта; Weber's Moritz Graf von Sachsen.
196. Дѣла Шведскія.
197. Дѣла Датскія.
198. Дѣла Прусскія.
199. Дѣла Китайскія.
200. Маньянъ.
201. Лирія.
202. Лефорть.
203. Тамъ же, Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ въ Госуд. Архивѣ.
204. Лирія.
205. Маньянъ.—Слѣдственное дѣло о Долгорукихъ.
206. Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.
207. Лефорть.
208. Слѣдственное дѣло объ Остерманѣ въ Государств. Архивѣ.—Маньянъ.
209. Оеофанъ Прокоповичъ въ приложеніи къ Запискамъ Дюка Лирійскаго, изд. Д. Языкова.
210. Маньянъ.—Остерманъ подтверждаетъ это извѣстіе, говоря, что „спустя полчаса за нимъ прислали, и объявили, что выбрана Анна“.
211. Слѣдственное дѣло о Долгорукихъ.
212. Протоколъ Верх. Т. Сов. 19 января, въ Государ. Архивѣ.
213. Оеофана Прокоповича.
214. Тамъ же.
215. Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.
216. Бумаги эти хранятся въ Госуд. Архивѣ.
217. Чтеніе Москов. Истор. Общ. 1868 года, кн. III: Дѣло Салникова.—Оеофанъ Прокоповичъ.

218. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Государ. Архивѣ.
219. Оеофанъ Прокоповичъ.
220. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. Архивѣ.
221. Оеофанъ Прокоповичъ.
222. Пол. Собр. Зак., № 5499, 5500, 5501.
223. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ.
224. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Государ. Архивѣ. — См. также пред-
ложеніе, помѣщенное въ Запискахъ Марковича, I, 346.
225. Маньянъ, Лефорть.
226. Лефорть.
227. Оеофанъ Прокоповичъ.
228. Записки кн. Нат. Бор. Долгорукой въ Русск. Архивѣ 1867 г.,
№ 1.
229. Журналы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи, 9 апрѣля 1730 года:
дѣйств. статскій совѣтникъ Зыбинъ докладывалъ, что гдѣ погребено
въ Архангельскомъ соборѣ государево тѣло вынута два гроба сибир-
скихъ царевичей, а по синодскому, такожь и по его разсужденію, гроб-
ницъ особыхъ имъ дѣлать не надлежитъ, а поставить въ стѣнѣ и учи-
нить надписи. Отъ собранія приказано быть по тому разсужденію.
230. Манштейнъ.
231. Оеофанъ Прокоповичъ.
232. Лефорть.
233. Щербатовъ.—О поврежд. нравовъ.
234. Примѣчанія къ изданію Д. Языкова Записокъ Дюба Лирійскаго.
235. Лефорть.
236. Протоколы Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. Архивѣ.
237. Тамъ же.
238. Маньянъ, Лирія.
239. Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ. — Чтеніе Москов.
Истор. Общ. 1868 года, № 3.
240. Манштейнъ.
241. Тамъ же.
242. По всему видно, что князь Василій Лукичъ имѣлъ порученіе
настоять на то, чтобы Биронъ не ѣздилъ въ Москву, и что Биронъ
дѣйствительно пріѣхалъ не вмѣстѣ съ Анною. (См. Записки кн. Нат.
Бор. Долгорукой).
243. Письма Анны въ Госуд. Архивѣ.
244. Щербатовъ.—О поврежденіи нравовъ.
245. Письма въ Госуд. Архивѣ.
246. Полн. Собр. Зак. № 5510.
247. Протоколы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи.

248. Журналы Сената тамъ же.
249. Пол. Собр. Зак. № 5653.
250. Тамъ же, № 5881.
251. Тамъ же, № 5565.
252. Тамъ же, № 5566.
253. Тамъ же, № 5467.
254. Тамъ же, № 5577.
255. Журналы Сената.
256. Тамъ же.
257. Пол. Собр. Зак. № 5654.
258. Тамъ же № 5689.
259. Тамъ же, № 5570.
260. Тамъ же, № 5625.
261. Тамъ же, № 5521, 5597.
262. Тамъ же, № 5659.
263. Тамъ же, № 5860.
264. Тамъ же, № 5522.
265. Тамъ же, № 5598.
266. Тамъ же, № 5638.
267. Тамъ же, № 5780.
268. Тамъ же, № 5789.
269. Тамъ же, № 5873.
270. Тамъ же, № 5924.
271. Тамъ же, № 5504 и 5505.
272. Тамъ же, № 5571.
273. Журналы Сената.
274. Тамъ же.
275. Пол. Собр. Зак., № 5593.
276. Мавьянь.
277. Полн. Собр. Зак., № 5806.
278. Журналы Сената.
279. Полн. Собр. Зак., № 5594.
280. Тамъ же, № 5644.
281. Пол. Собр. Зак., № 5832.
282. Тамъ же, № 5620.
283. Тамъ же, № 5650.
284. Тамъ же, № 5512.
285. Тамъ же, № 5761.
286. Тамъ же, № 5518.
287. Чистовича—Оеоф. Проконов., стр. 259.
288. Журналы Сената.

289. Пол. Собр. Зак., № 5891.
290. Русскій Архивъ 1863 года.
291. Чистовича — Теофанъ Прокоповичъ. — Чтенія Москов. Истор.
Общ. 1861 г. № 3.
292. Пол. Собр. Зак., № 5538.
293. Тамъ же, № 5560.
294. Тамъ же, № 5564.
295. Тамъ же, № 5621.
296. Тамъ же, № 5655.
297. Тамъ же, № 5882.
298. Письмо въ Государ. Архивъ.
299. Журналы Сената.
300. Чистовича—Теофанъ Прокоповичъ.
301. Маньянъ.
302. Тамъ же.
303. Журналы Сената.
304. Пол. Собр. Зак., № 5532.
305. Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.
306. Лирія.
307. Петербург. Вѣдомости.
308. Лирія.
309. Лефорть.
310. Пол. Собр. Зак., № 5623.—Маньянъ.
311. Лирія.
312. Маньянъ.
313. Тамъ же.
314. Журналы Сената.
315. Пол. Собр. Зак., № 5916.
316. Тамъ же, № 5528.
317. Тамъ же, № 5727.
318. Тамъ же, № 5738.
319. Лирія.
320. Пол. Собр. Зак., № 5871, 5872.
321. Маньянъ.
322. Дѣла Кабинета въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
323. Дѣла Персидскія.
324. Дѣла Турецкія.
325. Маньянъ.
326. Лирія.
327. Дѣла Французскія 1730 года.
328. Лирія.

329. Лефорть.
330. Маньянъ.
331. Тамъ же.
332. Бумаги Бирона въ Госуд. Архивѣ.
333. Дѣла Австрійскія означенныхъ лѣтъ.
334. Дѣла Пруссія.
335. „Droysen: Friedrich Wilhelm I.—II, 178.
336. Дѣла Датскія 1730—1732 годовъ.
337. Дѣла Шведскія 1730—1732 годовъ.
338. Дѣла Польскія тѣхъ же годовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) *Выписки о переводчикъ Суворовъ въ Сербіи.*

Въ 1724 году февраля 5-го дня, именнымъ указомъ бл. пам. Его Императорскаго Величества Петра I-го опредѣлено послать изъ св. Синода въ Сербію для обученія тамошняго народа дѣтей латинскаго и словенскаго діалектовъ двухъ учителей, а жалованья давать имъ по 300 рублей на годъ человѣку. И въ 1725 году въ августѣ мѣсяцѣ отправленъ въ Сербію въ Бѣлградъ синодальный переводчикъ Максимъ Суворовъ. А въ 1732 году, сентября въ 16 день, по указу изъ Сената въ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ опредѣлено, что онъ Суворовъ чрезъ доношенія свои требовалъ съ прибавкою, объявляя себѣ немалыя нужды, также и о позволеніи, чтобъ ѣхать оттуда въ Россію и о подъемныхъ деньгахъ, также новоопредѣленный въ Сербіи митрополитъ отъ тамошняго въ Сербіи ему ученія отказалъ и его Суворова содержать не хочетъ и живетъ онъ тамо праздно, возвратиться ему въ Россію попрежнему, и для того его выѣзду перевести къ нему изъ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ до ста рублей, которые бѣ онъ Суворовъ для ускоренія времени на дорожный проѣздъ въ Вѣнѣ занялъ. Противъ чего Суворовъ посланнику Ланчинскому представилъ, что указу Его Императорскаго Величества повиноваться готовъ и радъ тамошнее бѣдственное житье перемѣнить, но что ему въ Вѣнѣ займы денегъ дать никто не повѣритъ и путь свой онъ въ Россію ста рублями отнюдь съ женою и младенцемъ управить не можетъ. А хотя получилъ онъ Суворовъ жалованье на 1731 и на 1732 годы, то всѣ тѣ деньги одному Сегединскому жителю за долги, которые еще въ Сербіи нажилъ, заплатилъ.

И хотя ему Суворову новосербскій митрополитъ предъ нѣкоторымъ временемъ объявилъ, что онъ учительства его Суворова въ Сербіи не требуетъ, но какъ потомъ оный митрополитъ по часту въ болѣзни припадать сталъ и оказалась оная болѣзнь быть водяною и не безопасною, то петровородынскій епископъ Висаріонъ къ нему Суворову отъ 19 и отъ 24 іюня того 1733 году писалъ, объявляя желаніе свое и прочихъ сербскихъ архіереевъ имѣть его Суворова попрежнему въ Сербіи учителемъ, хотя бы помянутый митрополитъ и не хотѣлъ, которыя письма онъ Суворовъ ему Ланчинскому казалъ. И потомъ онъ же епископъ Висаріонъ къ нему Суворову отъ 12 іюля того-жъ 1733 году таки писалъ, требуя, чтобъ онъ Суворовъ пріѣхалъ въ городъ Петровородынъ какъ скоро можетъ, гдѣ самъ онъ выразумѣтъ его епископа и народное требованіе быть ему тамо попрежнему учителемъ. Въ той же силѣ писалъ къ нему Суворову отъ 6 іюля и епископъ хратской Исаія. При таковыхъ обстоятельствахъ онъ посланникъ Ланчинской, видя поправленіе зазора, которой оный Суворовъ претерпѣлъ, что хотя новой митрополитъ сербской отказалъ было оному отъ ученія, то нынѣ иные архіереи его Суворова имѣтъ для того ученія желаютъ; къ тому-жъ заподлинно вѣдая, что римско-цесарскому двору обученіе Сербскаго народа весьма не неприятно, то хотя тотъ Суворовъ уже ему Ланчинскому 150 гульденовъ былъ долженъ, увидя епископа Висаріона собственноручныя письма, не могъ онъ Ланчинской уклониться дать ему еще 100 гульденовъ какъ на проѣздъ въ Петровородынъ, а больше еще на оплату его въ Вѣнѣ квартиры и чтобъ необходимо себя содержать, тако-жъ жену и младенца въ Вѣнѣ до повороту своего могъ на пропитаніе снабдить. А потомъ въ реляціи посланникъ Ланчинской изъ Вѣны отъ 15 сентября того-жъ 1733 году доносилъ: что сверхъ писемъ къ переводчику Суворову отъ петровородынскаго епископа Висаріона присланныхъ, еще весьма сильный новый опытъ оказался Сегединскаго города жителей: прислали къ нему Ланчинскому зѣло докучное просительное письмо за подписью и печатми 9 знатнѣйшихъ персонъ, которымъ просятъ о присылки къ нимъ помянутаго переводчика Суворова для обученія дѣтей ихъ. А потомъ онъ же посланникъ Ланчинской изъ Вѣны отъ 1-го февраля 1735 года доносилъ, что вскрылося отъ новоопредѣленнаго митрополита сербскаго отрѣ-

шеніе Суворова отъ школьнаго ученія, что имѣя оной митрополитъ при Вѣнскомъ дворѣ агента Іосифа Ямбрековича, ему вѣрилъ, который, вѣдая за собою тяжкія преступленія и дабы оныя не вскрылися, старался всякія персоны отъ митрополита отдалять, которыя бы либо его коварствы проникнуть могли, въ томъ же числѣ предпринялъ и на Суворова лживымъ внушеніемъ клеветать, якобы цесарскому двору было противно, что чужестранная персона въ учителя употребляли. Чего не только никогда не бывало, но и весьма тому насупротивъ при избраніи нынѣшняго митрополита камисаръ цесарской генераль Локателли всему собранію указомъ декларовалъ, что чѣмъ болѣе народъ Сербскій во обученіи прилежать будетъ, тѣмъ милостивѣе цесарское величество сіе приметъ; но онъ Ямбрековичъ толковалъ сіе будто сказано за лице и своимъ ковы распространялъ; когда же Суворовъ изъ Сербіи въ Вѣну пріѣхалъ, то и изъ Вѣны наипаче его выбить старался, и митрополиту весьма лживо доносилъ, будто онъ весь народъ тамо въ Вѣнѣ оглашаетъ. Но наконецъ исподоволь все вскрылося и онъ арестованъ, и дѣло его слѣдуется. Чего ради сербской митрополитъ Викентій Іоанновичъ писалъ именовъ всего клира и общества къ россійскому Синоду какъ со объявленіемъ о вышеупомянутыхъ Ямбрековича тяжкихъ преступленіяхъ, такъ и съ прошеніемъ, дабы указомъ ея императорскаго величества Суворовъ у нихъ былъ попрежнему оставленъ.

Въ Синодъ переводчикъ Суворовъ доносилъ изъ Сегедина, отъ 1-го марта и отъ 17 мая 1736 года, что онъ Суворовъ по писму епископа сегединскаго Виссаріона и съ позволенія по оному посланника Ланчивскаго поѣхалъ чрезъ Горватскую землю, гдѣ видѣлся съ епископомъ Симеономъ, прежде бывшимъ его Суворовымъ ученикомъ, и оттуда въ Сегединъ пріѣхалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но епископа Виссаріона не засталъ, понеже прежде пріѣзду его Суворова съ асистенціею нѣмецкой команды бѣлградской митрополитъ взялъ его нагло безъ всякаго суда за арестъ и въ Корловицкомъ своемъ дворѣ заперъ въ тѣсной комнатѣ, имѣніе же его все освоилъ, и предъ народомъ всюду писмомъ и словомъ публиковалъ его безмѣстнымъ беззаконникомъ и хотѣвшимъ быть уніатомъ и тайнымъ съ россійскимъ царствомъ и посланникомъ корреспондентомъ. Помянутое гоненіе, начатое отъ митрополита, дѣло не знающихъ причины сначала всѣхъ удивило,

что видѣлось изъ-подъ руки, якобы всюду команды, различными мѣрами якоже и духовенство римское, ему помогали и въ разговорахъ рѣчи мирволили; но 30 генваря сего году Сегединскій капитанъ, онъ же и цесарскій толмачъ римлянинъ (Румунъ?) греко-россійскія вѣры предъ тремя офицерами сказала, что митрополитъ обѣщался быть у нихъ и весь клиръ и народъ Сербскій подъ цесарскою державою сущій на унию привести, и для того де-епископъ Виссаріонъ, что онъ не есть и унитаріемъ быть не хочетъ, подъ крутымъ арестомъ содержится. Но епархіане его, несмотря на публикаціи митрополитовы, гдѣ надлежитъ, просительныя протестаціи учинили и въ Вѣну депутатовъ послали, и собравшія нѣсколько въ декабрѣ мѣсяцѣ въ ночи внезапно изъ ареста епископа Виссаріона освободили и въ Сегединъ привезли, гдѣ онъ испросилъ себѣ у Сегединскаго коменданта караулъ, подъ которымъ въ своемъ домѣ пребываетъ; а потомъ въ великій четвертокъ онъ епископъ Виссаріонъ указомъ цесарскимъ отъ Надворнаго Военнаго Совѣта ареста освобожденъ и караулъ отъ него сведенъ и оставленъ до будущей комиссіи, яко подъ протекцію цесарскую ему прибѣгну; а митрополитъ Бѣлградской, впавъ въ болѣзнь, которую доктора врачевать отrekliсь, привезенъ 10 мая въ Петровородынь. Помянутой же митрополитъ домогался чрезъ знатную персону о указѣ, чтобъ Сегединской комендатель его Суворова яко выгнаннаго изъ Россіи волочая взялъ подъ арестъ, но комендатель сіе учинить яко съ чужестраннымъ человѣкомъ и союзной потенціи подданнымъ извинился (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

2) Въ листѣ къ его императорскому величеству архіепископъ и митрополитъ бѣлградскій Моисей изъ Вѣны, отъ 20 февраля 1728 года, пишетъ: что они его императорское величество за протектора признавають, а они нынѣ, т.-е. сербословенскій народъ, кой есть подъ властію римскаго цесаря, великіе имѣютъ налоги и несносныя и прямыя неправды и напасти, подъ коими скрытое творится насиліе вѣрѣ православной, дабы они были униаты, какъ Кроаціи и Транзильваніи учинено, о чемъ многіе командующіе Римляне явно имъ говорятъ и они сами видятъ, что для того утѣсняють ихъ и данныя имъ привилегіи уничтоживаютъ и поущаемы суть отъ своихъ духовныхъ, которые весьма нашу церковь ненавидятъ паче жидовской. Проситъ именованъ всѣхъ, дабы его

императорское величество благоволилъ въ вѣрѣ ихъ православной предложеніемъ цесарскому величеству римскому вспомошествованіе учинить, якоже отъ самаго и предесесорвъ его дарованныя имъ привилегіи гласятъ, однако таковымъ благоразумнымъ способомъ (дабы отъ нихъ не познано было, якобы они о семъ что донесли его императорскому величеству) да бѣдный народъ ихъ въ подозрѣніе-бъ коварства не пришелъ, а иначе-бъ ко двору папы римскаго какое за сихъ заступленіе быть могло, дабы духовенству заповѣдано было ихъ не напастовати ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ претекстомъ коварнаго насилія имъ не чинить, ибо они въ такомъ случаѣ сильны, гдѣ сами не дѣлаютъ, то больше чрезъ мірскую власть дѣйствуютъ, и ежели за нихъ заступленія не будетъ, то они пропасть могутъ. И нынѣ, по ихъ мнѣнію, изрядный случай быть можетъ на будущемъ конгрессѣ имперіальномъ о томъ стараться. Въ докладѣ канцлеру новскій архимандритъ Петръ представлялъ о томъ же, ссылаясь на письмо, полученное имъ изъ отечества изъ Сербской земли (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

3) Письмо княгини Аграфены Петровой Волконской къ Дивьеру: «Государь мой милостивый Антонъ Мануйловичъ. Сего время изволила у меня быть Анна Даниловна, и при ней принесли съ почты письма, въ которыхъ были ваши, токмо писма принесены пакеты оба подпечатаны, что мнѣ очень удивительно, и ваши писма отъ царевны и отца моего безъ всякова куверта положены, которыя Анна Даниловна изволила взять. Въ писмѣ отца моего къ вамъ писано о желтомъ гродетурѣ и о золотомъ позументѣ; я зѣло жалѣю, что она вѣдала о желтомъ гродетурѣ, только мнѣ заказать изволила, чтобъ я не сказывала, что она читать изволила. Я надѣюсь канешно ваши писма были запечатаны въ кувертѣ, только мой кувертъ былъ въ чьихъ-нибудь рукахъ и съ ваша кувертъ снятъ. Впрочемъ остаюсь вамъ, государю моему милостивому, со особливимъ почтеніемъ верная слуга А. В. Сіе прошу издрать. (Курляндскія дѣла въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

4) *Листъ гетмана Апостола.* Мои ласковые пріятели войско-вой канцеляріи и судовъ енеральныхъ правители. Памятно намъ есть добре же при отъѣздѣ нашемъ въ Москву польщаючи вашимъ милостемъ правленіе судовъ войсковыхъ енеральныхъ, при

казалисмо о томъ, дабы справа судїи полковаго черниговскаго з нецнотливымъ сыномъ Лисеневичемъ и публичною курвою То-маровною, а его женою была реферована до щастливаго нашего на свою резиденцію повороту, а поневажь зпевнаго донесенія извѣстилися же ваша мосць, презирая нашъ указъ, дерзнулисте самоволно чинити въ томъ слѣдствіе и по своему мѣнїю децидовати неправильно, тому немало удивляемся, таковое же ваше дерзновение въ небреженїи нашего указу знатое чинимъ, а оразъ пилно упоминаемъ, а бысте до тѣхъ дѣлъ, которые до нашего повороту отложены суть, неинтересовалися, и нетикло децизіи, но и слѣдствія онымъ чинити не дерзали о тѣхъ нецнотахъ, понеже и тая неправильно по вашемъ мѣнїи окончаная справа за прибытемъ нашимъ обновлена и по артикуламъ правнымъ слушною мѣетъ быть окончана децизією. (Архивъ Мин. Юстиціи, Дѣла Сената по Малорос. Экспедиціи.)

5) О Коцуцинѣ Петрусѣ Хризологусѣ явилось слѣдующее сего 1725 года: Данъ ему былъ нашіпортъ 20 дня января сего года; по которому велѣно ему изъ Россійской имперїи чрезъ Ригу за границу выѣхать въ мѣсяць, а онъ того не учинилъ, а жилъ своевольно въ Ревелѣ. Онъ же, Коцуцинъ, будучи въ С.-Петербурхѣ, своего закова людемъ разглашалъ; якобы ея величество римская императрица рекамандавала ему россійскаго великаго князя Петра Алексѣевича и искать тайно спесобу его высочество видѣть, а учрежденнымъ при его высочествѣ персонамъ о томъ не сказывалъ (Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

6) Письмо княжны Марїи Алекс. Меншиковой къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ: «Милостивѣйшая государыня великая княжна. Зѣло сожалѣю, что вчерашняго числа ходила я къ вашему высочеству проститься, но не получила за отѣздомъ ваше высочество видѣть; однакожь чрезъ сіе яко персонально ваше высочество поздравляю и мой достодожной отдаю поклонъ и нижайше прошу отъ меня поздравствовать его императорскому величеству вседражайшему вашего высочества братцу: не могла я того оставить, чтобъ вашему высочеству не донести, что государь мой дражайшїй родитель зѣло печалится: 1) что его величество вчерашняго числа не получилъ видѣть; 2) что по прибытїи сюда услышалъ, якобы его величество и на дворѣ его свѣтлости стоять не изволить, и нынѣ прибылъ сюда генераль-

лейтенантъ господинъ Салтыковъ и объявилъ, что его величество весьма переѣздомъ изъ дому его свѣтлости послѣшать приказалъ; напротиву же того его свѣтлости неизреченную принести радость милостивое вашего высочества предстательство, что изволили его величество о свиданіи зъ батюшкою вчерашняго числа дважды просить; того ради о семъ вашему высочеству донесши прошу: изволите его императорское величество просить, чтобъ по прибытіи сюда изволилъ прибыть въ домъ его свѣтлости дражайшаго родителя моего и съ нимъ видѣться, дабы какъ внутренніе его императорскаго величества и вашего высочества и его свѣтлости непріатели, такъ и пограничные сосѣди, видя такіа отмыны, не порадовались» (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ). Письмо безъ подписи, едва ли было отправлено.

7) Отзывъ князя Куракина объ испанскомъ министрѣ Рипердѣ: «Я онаго Риперда зналъ довольно въ Голландіи, когда былъ депутатомъ въ собраніи статовъ и мнѣ былъ добрымъ пріателемъ, котораго портретъ въ состояніи описать: есть человѣкъ смѣлый и нахальный, правда ума довольнаго, но не очень основательнаго, и, по своей великой дерзновенности, уповать падобно, что правленіемъ своимъ всеконечно приведетъ до войны въ Европѣ, и что есть внутреннимъ непріателемъ Англіи не токмо нынѣ, но когда еще и въ Голландіи былъ, и что безъ сумнѣнія въ интересъ кавалера св. Георгія будетъ стараться» (Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

8) Письмо графини Остерманъ (урожденной Стрѣшневой) къ мужу: «Любимый мой другъ, дорогой батюшка Андрей Ивановичъ. Отъ всего моего сердца желаю тебѣ моему дорогому многихъ лѣтъ и добраго здравія. Я тебя поздравляла со вчерашнимъ торжественнымъ праздникомъ въ двухъ моихъ письмахъ и нынѣ еще повторяю: здравствуй мой батюшка дорогой, и дай Богъ многія лѣта тебѣ моему другу жить въ добромъ здоровьѣ и въ радости, и мнѣ бы тебя любимаго своего друга видѣть поскорѣе; а я благодарю Бога, что сей праздникъ прошелъ; я желала, чтобъ вся недѣля прошла поскорѣе для того, что мнѣ пуце въ праздникъ тошно и скучно. Самъ ты, мой другъ, можешь разсудить, есть ли мнѣ причина тужить: праздникъ такой великій, всѣ веселятся въ домахъ своихъ съ своими мужьями, также съ своими сродниками, а я бѣдная теперь одна была. Я вчера у обѣдни сколько

могла крѣпилась, что въ такой великій день не плакать, только не могла укрѣпить: слезы сами пошли. Когда я поѣхала отъ церкви, подумала, что сеvodни великій праздникъ, я прїѣду домой — кто меня встрѣтитъ? Кто меня ласковымъ словомъ утѣшитъ? Кто обо мнѣ попеченье имѣеть? Когда ты мой другъ при мнѣ былъ, я прїѣду домой—ты меня встрѣчаешь съ прїятными милостивыми словами и имѣешь обо мнѣ попеченіе: Мареушка! что тебѣ сеvodни ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно: нынѣ кто обо мнѣ такъ имѣеть попеченіе? Когда я сіе все стану думать, какъ я могу обѣдая не плакать? Хотя я надѣюсь на Бога, что Онъ дастъ тебѣ моему другу здоровье и дастъ мнѣ тебя видѣть, и ты меня содержишь въ неотмѣнной своей милости, однакожь не могу вѣрить, что тебя милого друга скоро видѣть. Вчера у меня послѣ обѣдни былъ Семенъ Ивановичъ съ женою; я просила ихъ, чтобъ они обѣдали у меня: они сказали, что у нихъ дѣти дома, желаютъ быть съ ними обѣдать. Еще пришелъ Шубертъ поздравствовать, я его удержала обѣдать; обѣдали у меня Шубертъ и наша мама и я, и это первый разъ, что я безъ тебя обѣдала въ средней горницѣ. Послѣ обѣда, дѣлать нечего, сидѣть не съ кѣмъ, я обѣденная посидѣла маленька съ Федяшей, онъ ничего не смыслить, пришла къ себѣ и легла на постелѣ, не вставала до вечеренъ; послѣ прїѣхалъ Синявинъ и жена его, ради ихъ встала съ постели и сидѣла съ ними» (Бумаги Остермана въ Государственномъ Архивѣ).

9) Дѣло черниговскаго епископа Иродіона Жураковскаго съ бунчуковымъ товарищемъ Лизогубомъ. Доношеніе Иродіона св. Синоду: «Въ доношеніи епархіи моей Шостовицкаго попа Алексѣя Незридовича написано: ѣздилъ-де онъ съ письмомъ изъ консистору къ Семену Лизогубу въ обидѣ своей просить, чтобъ онъ заграбленные его кони войтомъ Лизогубовымъ ему попу возвратилъ, и когда о возвращеніи грабежа только помянулъ Лизогубу, тогда безъ всякой причины началъ бранить его попа Алексѣя м..., называя блазномъ и скурвымъ сыномъ, злодѣемъ, послежде велѣлъ наготовити кіовъ и батожья и принести оные, въ якомъ разѣ два его Лизогуба служители великороссійской породы тыя до побою инструмента принесли, и, взявъ его попа за руки, распяли и держали распятаго, самъ же онъ Лизогубъ многократно прискакавалъ и порывался съ кулачемъ хотя бить,

но не билъ, плюваль во очи и отошедчи въ комнаты велѣлъ вести до тюрьмы, но не ведучи толко выбить въ шію съ двора приказаль и выбито. Онъ же Лизогубъ моего смиренія называль бездѣльникомъ, чортомъ и прескаредными поносилъ словами, и тѣ слова велѣлъ попу, чтобы мнѣ сказалъ. Убо хотя на тѣ слова священника отца Алексѣя и доносъ его уповати не для чегобъ, обаче понеже неединократно уже Лизогубомъ предъ паствою поносится имя мое, чрезъ что и во исправленіи церковномъ кого-либо о томъ извѣстнаго склонити пастырски потрудно, здѣсь же честь архіерейская въ Малой Россіи дешева, и хотя просить, то весма не у кого. Да онъ же Лизогубъ возбраняетъ роковщины по древнему обычаю на препитаніе давать священникамъ, виновныхъ къ суду духовному подлежащихъ не выдаетъ людей, посылаетъ вѣнчати людей своихъ внѣ епархіи моей за границу въ Польшу, иные-жъ обвѣнчани и живыхъ имущіе женъ; говорилъ же еще многимъ людямъ и сіе по нѣкоторымъ дѣламъ: что-де вашъ Синодъ? и онъ сице архіерею своему въ силѣ яко не надъ нимъ Синодъ и я не его пастырь: того ради прошу святѣйшества вашего не мене ради старца, но чести ради архіерейской въ юрода мѣсто Лизогубомъ безъ зазрѣнія вмѣняемой и въ прочіихъ церквѣхъ противныхъ дѣйствіяхъ милостивый его императорскаго величества указъ учинить, безъ зазрѣнія бо совѣсти мнѣ донесено и азъ доношу». Лизогубъ заперся во всемъ, дѣло же съ священникомъ объяснилъ такъ, что священникъ самъ прежде пограбилъ у его мужиковъ четырехъ лошадей и возъ съ солью, которыя, лошади и соль, до сихъ поръ у епископа (Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Малороссійской Экспедиціи).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Дѣла внѣшнія.—Персидская война.—Мнѣніе Остермана Стр. о персидскихъ дѣлахъ.—Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій назначенъ главнокомандующимъ.—Его донесенія.—Дѣла турецкія.—Неудачи Турокъ въ Персіи.—Дѣятельность Долгорукаго.—Внушенія французскаго посланника Туркамъ.—Отношенія Россіи къ Франціи.—Ганноверскій союзъ.—Появленіе англійской эскадры у русскихъ береговъ въ угрожающемъ положеніи.—Союзъ Россіи съ Австріею.—Дѣла польскія.—Торнское дѣло.—Дѣятельность комиссара Рудаковскаго въ Могилевѣ.—Дѣла курляндскія.—Посольство Ягужинскаго въ Польшу.—Дѣла шведскія; отправленіе въ Стокгольмъ князя Василя Лукича Долгорукаго.—Присупленіе Швеци къ Ганноверскому союзу.—Отношенія къ Даніи.—Отношенія къ Пруссіи.—Общій взглядъ на внѣшніе отношенія Россіи при Екатеринѣ 1-й.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Мнѣніе Остермана о соглашеніи интересовъ.—Герцогъ голштинскій—епископъ Любскій, женихъ цесаревны Елисаветы.—Заботливость о войскѣ.—Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра.—Движенія противной стороны.—Дѣло Девьера.—Завѣщаніе Екатерины.—Кончина ея.—Провозглашеніе великаго князя Петра Алексѣевича императоромъ.

5

ГЛАВА II. Меншиковъ.—Его мѣры для упроченія своей власти.—Перевѣздъ императора въ домъ Меншикова.—Обрученіе Петра съ дочерью послѣдняго.—Остерманъ, Минихъ, Голицыны и Долгорукіе.—Герцогъ голштинскій; его вѣвѣздъ изъ Россіи.—Царица-бабка.—Шафировъ.—Разогнаніе бестужевскаго кружка.—Макаровъ, Матвѣевъ и Волынский.—Планъ преподаванія молодому императору.—Верховный Тайный Совѣтъ; Сенатъ.—Финансы.—Уничтоженіе главнаго магистрата.—Дѣятельность комиссіи о коммерціи.—Смягченіе нравовъ.—Дѣла церковныя.—Борьба Феофана Прокоповича съ его врагами.—Возстановленіе гетманства въ Малороссіи.—Паденіе Меншикова.—Положеніе Голицынскихъ.—Положеніе Остермана.—Причины выгоднаго положенія Долгорукихъ.—Царица-бабка; переписка ея съ Остерманомъ.—Перевѣздъ двора въ Москву.—Отношенія императора къ бабкѣ по отцу.—Отношенія къ другой бабкѣ, по матери, герцогинѣ Бланкенбургской.—Рѣшительный фаворъ Долгорукихъ.—Меншиковъ въ Березовѣ.—Новая бѣда съ бестужевскимъ кружкомъ.—Герцогиня Анна Курляндская и ея фаворитъ Биронъ.—Герцо-

гния голтшинская Анна Петровна; рождение у нея сына Карла Петра Ульриха; ея кончина.—Придворныя движенія.—Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Уничтоженіе Преображенскаго приказа.—Коллегіи.—Областное управленіе.—Полиція.—Хлопоты о составленіи уложенія.—Дѣятельность комиссіи о коммерціи.—Дурное состояніе арміи и флота.—Дѣло адмирала Змаевича.—Дѣятельность геодезистовъ.—Академія наукъ.—Состояніе церкви.—Продолженіе борьбы Теофана Прокоповича съ врагами.—Дѣла на Украйнахъ.—Вишняя дѣятельность: дѣла Персидскія, Турецкія, Французскія, Австрійскія, Польскія, Курляндскія, Шведскія, Датскія, Прусскія, Китайскія. — Рѣшеніе вопроса о соединеніи Азіи съ Америкою.—Помолвка императора на княжѣ Долгорукой.—Болѣзнь Петра.—Замыслъ Долгорукихъ.—Кончина императора 100

ГЛАВА III. Избраніе Анны на престоль.—Ограниченіе самодержавія.—Неудовольствія въ духовенствѣ, генералитетѣ и шляхетствѣ.—Посольство въ Митаву.—Анна соглашается на условія, ей предложенныя.—Поведеніе Ягужинскаго; его арестъ.—Мнѣнія о государственномъ устройствѣ, подавшіяся въ Верховный Тайный Совѣтъ.—Проекты Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Пріѣздъ Анны.—Похороны Петра II-го.—Торжественный въѣздъ Анны въ Москву.—Новая форма присяги.—Движенія партій.—Возстановленіе самодержавія.—Вторичная присяга.—Характеръ новой императрицы.—Уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Возстановленіе Сената въ прежнемъ значеніи.—Присутствіе императрицы въ Сенатѣ.—Уничтоженіе майората.—Учрежденіе Кадетскаго корпуса.—Мѣры относительно правосудія.—Хлопоты объ Уложеніи.—Измѣненіе въ судопроизводствѣ.—Раздѣленіе Сената на департаменты.—Возстановленіе должности генераль-прокурора.—Учрежденіе Суднаго и Сыскаго приказовъ.—Возстановленіе Сибирскаго приказа.—Распоряженіе относительно воеводскихъ злоупотребленій.—Финансовыя мѣры.—Заботы о войскѣ.—Флотъ.—Вопросъ о штатахъ.—Дѣятельность комиссіи о коммерціи.—Полиція.—Церковь.—Дѣла на Украйнахъ.—Гоненіе на Долгорукихъ.—Биронъ, Левенвольды Остерманъ.—Увеличеніе гвардіи.—Роскошь при дворѣ.—Неудовольствія.—Опала Румянцевъ.—Сильное ожесточеніе.—Смерть князя Мих. Мих. Голицына и опала князя Васил. Владим. Долгорукаго.—Причины торжества иноземцевъ.—Возстановленіе Преображенскаго приказа.—Учрежденіе Кабинета.—Удаленіе Ягужинскаго и Шафирова.—Переѣздъ двора въ Петербургъ.—Вишняя дѣятельность въ три первые года царствованія Анны. 243
Примѣчанія..... 374
Дополненія 887

ДОПОЛНЕНИЕ (стр. 151).

Что Елена называлась и прежнимъ свѣтскимъ именемъ, видно изъ слѣдующаго свидѣтельства, находящагося въ описи вещамъ Оружейной и Мастерской Палаты 1722 года (№ 179). Здѣсь при описаніи «рукомоя раковаго» находится примѣчаніе: «1728 января 19 дня по имянному словесному Ея Величества государыни царицы и великіе княгини Евдокии Феодоровны указу, который сказанъ въ комнатѣ Ея Величества статскому дѣйстви-тельному совѣтнику г. князю Одоевскому и по опредѣленію въ Мастерской и въ Оружейной Палатѣ сей рукомой ракови, цѣною въ 92 рубля съ полтиною, изъ оной Палаты за печатью кн. Одоевскаго въ Новодѣвичій монастырь секретарь Никифоръ Кормилицынъ отвезъ и въ комнатѣ ей государынѣ самой, объяви печать, вручилъ».

ПОПРАВКА: на стр. 109, строка 16, вв. 1729 года должно читать 1727.

ИСТОРИЯ РОССИИ.

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и Б°),
на Страстномъ бульварѣ.

1870.

ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

СОЧИНЕНІЕ

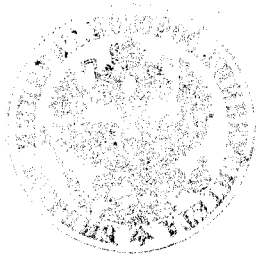
СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1870.

78
73a

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Императрицы Анны Іоанновны.

Событія въ Варшавѣ по смерти Августа II-го.—Усиленіе партіи Станислава Лещинскаго.—Поведеніе Франціи.—Дѣйствія польскихъ вельможъ.—Россія требуетъ исключенія Лещинскаго изъ кандидатовъ на польскій престолъ.—Декларациа Франціи и Австріи.—Конвокаціонный сеймъ.—Дѣйствія русскаго уполномоченнаго, графа Карла Густава Левенвольда, въ Варшавѣ.—Понятовскій, князья Чарторыйскіе, примасть Фѳдоръ Потоцкій.—Обращеніе противниковъ Лещинскаго къ Россіи.—Россія и Австрія выставляютъ своимъ кандидатомъ на польскій престолъ курфюрста саксонскаго.—Сопротивленіе Пруссіи и сношенія съ нею.—Неудача Рудомины, присланнаго Станиславцами въ Петербургъ.—Избирательный сеймъ.—Большинство избираетъ Лещинскаго.—Протестъ меньшинства.—Приходъ русскихъ войскъ.—Причины, заставившія Россію употребить вооруженное вмѣшательство.—Походъ генерала Леси.—Избраніе Августа III въ польскіе короли.—Отношенія между Левенвольдомъ и русскими генералами.—Образованіе конфедерацій въ пользу Лещинскаго, утвердившагося въ Данцигѣ.—Походъ Леси подъ Данцигъ.—Минихъ сбиваетъ его.—Минихъ беретъ предмѣстія и бомбардируетъ городъ.—Переписка его съ прусскимъ королемъ.—Движенія конфедератовъ на помощь Данцигу и неудачи ихъ.—Неудачный приступъ Русскихъ къ Гательсбергу.—Французская помощь Данцигу.—Первый бой Русскихъ съ Французами.—Сдача Данцига.—Поездки Левенвольда въ Вѣну, Лейпцигъ и Берлинъ.—Сношенія съ Данією, Швецією, Англією.—Положеніе дѣлъ въ Польшѣ.—Успѣхи русскихъ войскъ противъ Станиславцевъ.—Минихъ въ Польшѣ.—Неудовольствіе жителей Литвы.—Походъ генерала Леси къ Рейну на помощь къ императору Карлу VI.—Стоякновенія Россіи съ Турцією.—Посольство кн. Голицына въ Персію.—Причины турецкой войны.

По смерти короля первымъ лицомъ въ Рѣчи Посполитой польской становился примасть, архіепископъ Гнѣзненскій Фѳдоръ Потоцкій,—и этотъ первый человекъ, отъ котораго такъ многое зависѣло, былъ приверженцемъ Станислава Лещинскаго. Примасть роспустилъ сеймъ, роспустилъ гвардію покойнаго короля, велѣлъ

1200 Саксонцевъ, находившихся на службѣ при дворѣ Августа, немедленно выѣхать изъ Польши: это такъ напугало нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Варшавѣ, что они поспѣшили продать свое имѣніе и выѣхать изъ Польши вмѣстѣ съ придворными чиновниками; войска были двинуты къ прусскимъ и австрійскимъ границамъ. Партія Лещинскаго явно усиливалась; самъ примасъ, однажды послѣ обѣда, проговорился Левенвольду о своей приверженности къ Станиславу. Левенвольдъ совѣтовалъ своему двору дѣйствовать рѣшительно, расположить войска на польскихъ границахъ и двинуть ихъ вглубь страны какъ только потребуютъ обстоятельства. Франція и Австрія уже начали дѣйствовать деньгами: изъ Франціи было прислано болѣе милліона ливровъ, изъ Вѣны болѣе 100,000 червонныхъ; саксонскій посланникъ давалъ въ пользу своего курфюрста ежедневные обѣды на 40 человекъ. Торги шли дѣлательно, вельможи переманивались на ту или другую сторону не одними наличными деньгами, но и обѣщаніями выгодныхъ мѣстъ въ будущемъ: такъ французскій посланникъ, маркизъ Монти, сманилъ люблинскаго воеводу Тарло на сторону Станислава обѣщаніемъ короннаго гетманства. Кіевскій воевода Потоцкій также добивался этого мѣста, и вида, что Тарло выговорилъ его у Франціи, обратился къ австрійскому послу; а коронный маршалокъ Мнишекъ хлопоталъ о польскомъ престолѣ для себя у Левенвольда.

Въ то время какъ въ Варшавѣ шла эта живая, но тайная торговля, изъ Петербурга отправлена была къ примасу грозная грамота, въ которой императрица требовала исключенія Станислава Лещинскаго изъ числа кандидатовъ на польскій престолъ. «Понеже вамъ и всѣмъ чинамъ Рѣчи Посполитой давно извѣстно, что ни мы, ни другія сосѣднія державы избраніе онаго Станислава или другаго такого кандидата, который бы въ той же депенденціи и интересахъ быть имѣлъ, въ которыхъ оный Станиславъ находится, по вѣрному нашему доброжелательству къ Рѣчи Посполитой и къ содержанію оной покоя и благополучія и къ собственному въ томъ имѣющемуся натуральному великому интересу, никогда допустить не можемъ, и было бы къ чувствительному нашему прискорбію, ежели бы мы для препятствованія такого намѣренія противу воли своей иногда принуждены были иные дѣйствительные способы и мѣры предвоспріять.»

Французское правительство, имѣя въ виду преимущественно Австрію, сообщило чрезъ своихъ министровъ всѣмъ дворамъ декларацию, что поведеніе вѣнскаго двора ясно показываетъ намѣреніе его нарушить свободу Поляковъ при королевскомъ избраніи; достоинство и значеніе французскаго короля и желаніе сохранить всеобщій миръ не позволяютъ ему смотрѣть равнодушно, чтобъ какая-нибудь держава нарушала права государства, находящагося въ дружбѣ и союзѣ съ Франціею; потому король объявляетъ, что будетъ всеми силами противиться намѣреніямъ стѣснить свободу избранія новаго польскаго короля. — Вѣнскій кабинетъ отвѣчалъ декларациею, что императоръ никогда не думалъ насильственно вмѣшиваться въ избраніе польскаго короля; по сосѣдству съ Польшею онъ долженъ желать, чтобъ избранъ былъ человѣкъ ему невраждебный, но онъ будетъ стараться достигнуть этого мирнымъ путемъ. Что касается отряда войскъ, собраннаго въ Силезіи и возбудившаго подозрѣніе французскаго двора, то это необходимая мѣра предосторожности на случай волненій, безъ которыхъ не обходится королевское избраніе въ Польшѣ; императоръ имѣетъ право располагать свои войска въ своемъ государствѣ гдѣ ему угодно, не отдавая никому отчета, тѣмъ болѣе, что самъ никогда не спрашивалъ отчета въ томъ же у другихъ государей. — Стороны высказались; противники стали другъ противъ друга готовые къ бою.

27 апрѣля открылся конвокаціонный сеймъ, предшествовавшій избирательному, и было постановлено, что въ король можетъ быть избранъ только природный Полякъ и католикъ, не имѣющій своего войска, ни наслѣдственной державы, и женатый на католичкѣ. Этимъ постановленіемъ прямо исключали курфирста саксонскаго и всякаго другаго иностраннаго принца. По настоянію примаса сеймъ уполномочилъ его разослать универсалы на посполитое рушеніе и просить субсидій у иностранныхъ державъ, еслибы сосѣднія державы силою захотѣли препятствовать возведенію Лещинскаго на престоль, еслибы которая-нибудь изъ нихъ ввела войска въ Польшу или въ присоединенныя къ ней провинціи. Наконецъ было постановлено признавать врагомъ отечества того, кто провозгласитъ короля безъ согласія сейма, и было запрещено частнымъ людямъ собирать войска подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Но когда надобно было присягать въ исполненіи

всѣхъ этихъ статей, то многіе сенаторы и послы отказались отъ присяги. Примасть велѣлъ вычеркнуть изъ акта статью, запрещавшую присягавшимъ брать взятки съ кандидатовъ на престолъ, и ночью разослалъ своихъ приверженцевъ склонять другихъ къ присягѣ угрозами и деньгами. Средство однако не помогло: когда на другой день примасть, съ крестомъ въ рукахъ, началъ первый присягать, то раздались сильные протесты; другіе присягали съ разными оговорками. Когда нужно было подписывать актъ и потребовали, чтобъ онъ былъ прочтенъ, то открылось, что въ него вставлены были выраженія, о которыхъ сеймъ не зналъ. Многіе подписались также съ оговорками, многіе послы уѣхали, и не подписавшись, съ намѣреніемъ протестовать противъ всего постановленнаго на сеймѣ. Все показывало, что державы, которыя захотятъ дѣйствовать противъ избранія Лещинскаго, могутъ объявить себя защитниками вольнаго избранія и найдутъ на кого опереться.

Графа Фридриха Казимира Левенвольда въ Петербургѣ не считали способнымъ успѣшно дѣйствовать въ Варшавѣ въ такое бурное время, и потому уполномочили туда брата его оберъ-шталмейстера графа Карла Густава. 3-го мая Левенвольды, вмѣстѣ съ представителями обоихъ союзныхъ дворовъ, Вѣнскаго и Берлинскаго, отправились къ примасу; австрійскій посланникъ, графъ Вильчекъ, объявилъ, что государи ихъ не ограничиваютъ вольнаго избранія польскаго народа однимъ лицомъ; что Поляки могутъ быть совершенно покойны, если только выберутъ такого короля, который не будетъ предосудителемъ сосѣднимъ державамъ; оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ прибавилъ, что онъ совершенно согласенъ съ цесарскимъ посломъ. Начался горячій споръ: примасть говорилъ, что союзныя державы хотятъ одного, воспрепятствовать Станиславу взойти на польскій престолъ, и этимъ нарушаютъ свободу избранія. Левенвольдъ возражалъ, что Лещинскій сеймовымъ постановленіемъ лишенъ права на корону, и Франція нарушаетъ свободу избранія, назначивъ Польшѣ короля, объявивъ, что кромѣ Лещинскаго не допуститъ никакого другаго кандидата. Камергеръ Левенвольдъ замѣтилъ, что если примасть защищаетъ Францію, какъ обязанную принимать участіе въ тестѣ своего короля, то союзныя державы имѣютъ такое же право исключать Станислава изъ числа кандидатовъ во имя сво-

ихъ и польскихъ интересовъ. Разсерженный сильными возраженіями, примасъ сказалъ, что союзники своимъ противодѣйствіемъ только больше помогутъ Станиславу взойти на престоль, потому что Поляки не позволяютъ ограничивать себя въ свободѣ избранія и, въ надеждѣ на Бога, ничего не боятся. Оберъ-штальмейстеръ Левенвольдъ отвѣчалъ, что императрица питаетъ дружбу къ Рѣчи Посполитой и готова защищать ее отъ всѣхъ враговъ; но если всѣ разумныя представленія останутся тщетными, то она найдетъ средства наказать своихъ враговъ и поддержать общее спокойствіе. Примасъ проводилъ гостей словами: «Если Богъ за насъ, то кто противъ насъ?»

Чтобъ избавиться отъ присутствія на сеймѣ опасныхъ свидѣтелей, которые не имѣли обыкновенія оставаться холодными зрителями явленій, примасъ хотѣлъ привести въ дѣйствіе давно забытый законъ, запрещавшій иностраннымъ посламъ оставаться въ Варшавѣ во время избирательнаго сейма. Но когда посламъ дано было знать, что они должны удалиться, то Левенвольдъ старшій отвѣчалъ, что не знаетъ, будетъ ли онъ въ Варшавѣ во время выборовъ, но если останется до этого времени, то очень сожалѣтъ, что не можетъ исполнить объявленнаго ему закона, потому что не можетъ выѣхать изъ Варшавы безъ повелѣнія императрицы; онъ присланъ не для того, чтобъ повиноваться польскимъ уставамъ, особенно если они противны международному праву. Графъ Вильчекъ отвѣчалъ, что пусть ему пришлютъ письменное объявленіе; онъ отправитъ его въ Вѣну и будетъ ждать повелѣній императора, до полученія которыхъ не тронется. Вильчекъ прибавилъ и угрозу: «Въ Варшавѣ я безопасенъ, сказалъ онъ, хотя меня охраняетъ караулъ только въ 30 человекъ, тогда какъ за городомъ мнѣ трудно будетъ найти безопасное мѣсто, развѣ императоръ увеличитъ мой караулъ на 30,000 солдатъ.»

Ни для кого не могло быть тайной, что могущественныя сосѣднія державы противъ Станислава и потому его приверженцамъ нужно было, для усиленія своей партіи, дѣйствовать не однѣми деньгами, но и внушеніями, что вражда сосѣдей къ Станиславу безсильна. Пруссія не станетъ дѣйствовать за одно съ Россіей и Австріей, Россія не захочетъ довести дѣло до войны, Австрія же одна ничего не можетъ сдѣлать; притомъ Швеція, за французскія

субсиди, выслать войско свое къ устьямъ Вислы, и Турція не останется спокойною, если русскіе или цесарскіе войска вступятъ въ предѣлы Польши: огромное татарское войско уже готово. Во главѣ Станиславовой партіи стоялъ французскій посоль маркизь Монти, изъ Поляковъ же способнѣе и дѣятельнѣе всѣхъ былъ коронный региментарь Понятовскій, опиравшійся на родственниковъ своихъ по женѣ, Чарторыйскихъ; примасъ былъ орудиемъ въ рукахъ названныхъ лицъ. Левенвольдь писалъ даже въ Петербургъ о своихъ подозрѣніяхъ, что самый видный по личнымъ средствамъ изъ Поляковъ, Понятовскій готовилъ престолъ не для Лещинскаго, а для себя; но избраніе Понятовскаго по мнѣнію Левенвольда было еще опаснѣе, чѣмъ избраніе Лещинскаго. Затруднительность положенія союзныхъ дворовъ состояла въ томъ, что изъ польской и литовской знати не было никого, кого бы можно было предложить въ короли, притомъ всѣ паны жили врознь и согласить ихъ дѣйствовать въ пользу одного изъ нихъ не было никакой возможности.

Какъ бы то ни было, надобно было дѣйствовать, чтобъ не пустить Лещинскаго на престолъ; надобно было составить партію противную ему безъ означенія кандидата, партію, во имя которой можно было бы приступить, въ случаѣ нужды, къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Написана была и отправлена къ русскому двору декларация отъ имени «доброжелательныхъ» изъ которыхъ однако никто не подписался подъ нею. Доброжелательные объявляли, что въ виду опасностей, которые грозятъ правамъ и вольностямъ отечества со стороны Франціи и ея приверженцевъ, позволившихъ себѣ насиліями вынуждать присягу у своихъ собратій, они, доброжелательные, обращаются къ союзнымъ державамъ съ просьбою о защитѣ драгоцѣннѣйшаго сокровища Польши — права свободного избранія короля. «Мы признаемъ королемъ того, кто окажется достойнѣйшимъ и кого дастъ намъ Богъ, будетъ ли это пастъ или *чужестранецъ*. Мы не обязуемся союзнымъ дворамъ за оказанную намъ помощь никакою вещественною благодарностію, но обязуемся только не предпринимать ничего такого, что могло бы нарушить вѣчную дружбу между нами и ими.» Подписей какъ сказано не было въ деклараци; но изъ списка лицъ, мнѣнія которыхъ русскія войска должны были щадить, мы узнаемъ, что этими доброжелателями были: Мнишекъ, великій маршалокъ корон-

ный, Липскій, епископъ Краковскій, Сангушко, гофъ-маршалокъ литовскій, Любомирскіе, Радзивиллы, Сапѣга, Шембеки, Браницкіи, хорунжіи коронный и нѣкоторые другіе.

Партія Лещинскаго узнала о движеніяхъ доброжелательныхъ и не могла оставаться равнодушною: депутація отъ сената явилась къ Левенвольду съ требованіемъ объявить имена тѣхъ, которые жалуются на притѣсненіе во время конвокаціоннаго сейма и просятъ помощи императрицы. Левенвольдь отказался назвать тѣхъ, кто у него бываетъ въ домѣ, и прибавилъ, что людей потерпѣвшихъ насиліе, нельзя порицать за то, что они ищутъ защиты, да и не въ первый разъ Поляки обращаются къ Россіи съ просьбою о помощи. Депутація спрашивала также, вступятъ ли русскія войска въ Польшу или нѣтъ? Левенвольдь отказался отвѣчать на это самъ, безъ спроса у своего двора, но замѣтилъ, что Поляки ищутъ помощи у Турокъ и Татаръ. Депутація жаловалась, что Полякамъ мѣшаютъ въ вольномъ избраніи того или другаго кандидата. Левенвольдь отвѣчалъ, что нельзя требовать отъ соедѣнныхъ державъ, чтобъ они хладнокровно смотрѣли на избраніе короля, который не будетъ соблюдать съ ними мира. Вскорѣ послѣ этого объясненія оберъ-штабмейстеръ Левенвольдь отправился въ Петербургъ.

До сихъ поръ союзные императорскіе дворы не выставляли своего кандидата противъ Лещинскаго; но мы видѣли, что Австрія выставляла прежде кандидатомъ португальскаго инфанта дона Эмануила, и этотъ кандидатъ былъ внесенъ въ договоръ, приготовленный Левенвольдомъ въ Берлинѣ. Хотя этотъ договоръ не былъ подтвержденъ ни въ Петербургѣ, ни въ Вѣнѣ, однако австрійскій кабинетъ, получивши извѣстіе о смерти короля Августа, поручилъ португальскому послу уведомить своего короля о намѣреніи императора поддерживать кандидатуру его брата и спросить, желаетъ ли онъ содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ. Но пока изъ Португаліи не было еще никакого отвѣта, явился другой кандидатъ, новый курфирстъ саксонскій Августъ, которому отецъ, покойный Августъ II-й мечталъ доставить польскій престоль вопреки желанію императорскихъ дворовъ, но который теперь считалъ возможнымъ получить этотъ престоль только съ ихъ помощію. Всего естественнѣе ему было обратиться къ Австріи: онъ былъ женатъ на родной племянницѣ Карла VI, дочери бывшаго

императора Иосифа I-го; но это самое родство и послужило въ послѣднее время ко враждѣ; покойный Августъ II-й не согласился признать прагматическую санкцію, считал за своею невѣстною больше права на наслѣдство Габсбурговъ, ибо она была дочь старшаго брата, притомъ Августъ II-й сблизился въ послѣднее время съ Франціею, старался сблизиться и съ Пруссіею. Но вражда могла прекратиться, какъ скоро племянникъ исполнить страстное желаніе дяди, признаетъ прагматическую санкцію; австрійскій дворъ могъ увлечь союзный дворъ русскій, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ можно было дѣйствовать на фаворита извѣстными средствами, Пруссію можно было также склонить на свою сторону нѣкоторыми уступками, а главное, что заставляло союзниковъ взять сторону саксонскаго курфирста — это немѣние другаго вѣрнаго кандидата, котораго можно было бы съ успѣхомъ противопоставить Лещинскому. Два полномочныхъ саксонскихъ посла пріѣхали въ Вѣну хлопотать за своего курфирста; австрійскіе министры откладывали объясненія съ ними, дожидаясь отвѣта изъ Лиссабона; отвѣтъ наконецъ пришелъ: король изъявлялъ желаніе помочь въ достиженіи польскаго престола не дону Эмануилу, но другому брату своему, дону Антонию. Эта странность смутила австрійское министерство; португальскій посоль отказался отправить новаго курьера въ Лиссабонъ за объясненіемъ; а между тѣмъ саксонскій дворъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ, откуда пришла въ Вѣну депеша, что партія Лещинскаго въ Польшѣ чрезвычайно сильна, и ей можно противопоставить только партію саксонскую; потомъ надобно подумать: насколько будетъ выгодно для союзниковъ поддерживать курфирста. Обезпеченіемъ для императорскихъ и прусскаго дворовъ можетъ служить предложеніе курфирста вступить съ ними въ союзъ: потомъ Россія, Австрія, Пруссія и Англія могутъ обязать его признать прагматическую санкцію, не соглашаться на присоединеніе Курляндіи къ Польшѣ и ничего не предпринимать противъ польской вольности. Можно обѣщать курфирсту поддерживать его тайно, въ случаѣ нужды помогать деньгами, а послѣ избранія защищать оружіемъ.

Въ Вѣнѣ обрадовались и поспѣшили отослать проектъ договора къ курфирсту; но въ Петербургѣ не хотѣли спѣшить: принуждаемые необходимостію измѣнить своей постоянной политикѣ от-

носителю Польши и поддерживать сына Августа II-го въ домогательствахъ на польскій престолъ, прокладывая такимъ образомъ путь къ наслѣдственности, русскій дворъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ хорошо вознаградить себя за это и обезпечить отъ опасности, хотя, разумѣется, лучшимъ обезпеченіемъ служилъ характеръ курфирста, не способный тревожить покой сосѣдей стремленіемъ нарушить польскую конституцію. Россія требовала, чтобъ Августъ, получивши польскій престолъ, отказался отъ притязаній на Лифляндію и оставилъ нетронутымъ старый правительственный бытъ Курляндіи; но Августъ не хотѣлъ принять на себя эти обязательства, зная невозможность исполнить ихъ при ограниченной власти польскихъ королей. Это несогласіе охладило русскій кабинетъ; при вторичномъ отправленіи оберъ-штабмейстера Левенвольда въ Варшаву, онъ получилъ инструкцію, въ случаѣ медленности курфирста удовлетворить требованіямъ Россіи, хлопотать о возведеніи на польскій престолъ князя Любомирскаго. Но дѣло уладилось между Россією и Саксонією, и 14 Августа Левенвольдъ заключилъ въ Варшавѣ съ саксонскими комиссарами слѣдующій договоръ: императрица и курфирстъ заключаютъ на 18 лѣтъ оборонительный союзъ, гарантируя другъ другу всѣ ихъ европейскія владѣнія и выставляя вспомогательное войско—Россія 2000 кавалеріи и 4000 пѣхоты, а Саксонія 1000 пѣхоты и 2000 кавалеріи; курфирстъ признаетъ за русской государыней императорскій титулъ, а по достиженіи польской короны будетъ стараться, чтобъ и Рѣчь Посполитая сдѣлала то же самое; обѣ стороны пригласятъ къ союзу Пруссію, Англію и Данію; по вступленіи на польскій престолъ курфирстъ употребитъ всевозможное стараніе, чтобъ Рѣчь Посполитая удовлетворила всѣмъ требованіямъ Россіи, основаннымъ на договорѣ вѣчнаго мира (относительно земель приднѣпровскимъ и правъ православаго народонаселенія), чтобъ отказалась отъ притязаній на Лифляндію; курфирстъ обязуется употребитъ все свое стараніе, чтобъ герцогство курляндское осталось при прежнемъ своемъ образѣ правленія и общааетъ не нарушать образа правленія Рѣчи Посполитой; императрица общааетъ содѣйствовать курфирсту въ его намѣреніяхъ относительно Польши переговорами, деньгами, а въ случаѣ необходимости и войскомъ, если только это можетъ быть сдѣлано безъ нарушенія вольнаго избранія ¹.

Россия рѣшилась измѣнить своей прежней политикѣ и обязалась пригласить къ тому же и Пруссію. Та, какъ мы видѣли, и прежде была не прочь допустить сына Августа II-го къ польскому престолу за хорошую долю въ добычѣ. И теперь весь вопросъ состоялъ въ томъ же. Но Пруссіи была теперь раздражена тѣмъ, что надобно было вести еще новые переговоры съ неподатливою Саксоніею, а между тѣмъ старый договоръ, въ которомъ была выговорена такая богатая добыча, Курляндія, договоръ Левенвольдовъ 1732 года не былъ подтвержденъ въ Петербургѣ. Въ мартѣ 1733 прусскій посланникъ въ Петербургѣ Мардефельдъ дая знать своему двору, что Саксонія сильно хлопочетъ привлечь на свою сторону петербургскій дворъ, обѣщаетъ Бирону Курляндію. Фридрихъ Вильгельмъ зналъ, что и Россия и Австрія заключаютъ выгодные договоры съ саксонскимъ курфирстомъ, и потому написалъ своему посланнику въ Варшавѣ: «Если дѣло пойдетъ о саксонскомъ курфирствѣ, то онъ долженъ прежде удовлетворить нашимъ требованіямъ, иначе персона его намъ не годится.» Курфирствъ медлилъ входить въ сношенія съ Пруссіею; Фридрихъ Вильгельмъ написалъ на докладѣ министровъ: «Надобно прежде выслушать, что Саксонія хочетъ для насъ сдѣлать. Какъ скоро договоръ (Левенвольдовъ) будетъ подтвержденъ, и его исполню въ точности; если онъ не будетъ подтвержденъ и Саксонія будетъ умна, то я такъ сдѣлаю, что императоръ останется мною доволенъ; если Саксонія ничего не сдѣлаетъ, то и я сдѣлаю только ла ла ла ла.»²

Чего же хотѣла Пруссія отъ саксонскаго курфирста? Кромѣ уступокъ въ спорѣ о земляхъ германскихъ (Юлихъ-Клеве-Берга и другихъ), Фридрихъ Вильгельмъ требовалъ, чтобъ Августъ, по восшествіи на польскій престолъ, призналъ за нимъ королевскій титулъ, на что до сихъ поръ не соглашалась Рѣчь Посполитая; благопріятствовала намѣреніямъ Пруссіи относительно Курляндіи; не мѣшала Пруссіи оставить за собой уѣзды Эльбинскій и Драгнскій, заложенные ей Польшею во время Сѣверной войны. Здѣсь хотя кромѣ пункта о титулѣ отъ Августа требовалось только благопріятствовать и не мѣшать, однако уже онъ связалъ себѣ руки обязательствомъ стараться объ удовлетвореніи извѣстныхъ русскихъ требованій; обязаться еще дѣйствовать въ прусскихъ интересахъ значило явно показать себя въ Польшѣ орудіемъ чу-

жой политики, плательщикомъ на счетъ Польши за услуги, оказанныя королю сосѣдними державами при достиженіи имъ престола, что же касается до уступокъ въ Германіи, то противъ нихъ была Австрія; такимъ образомъ Августъ находился между двухъ огней. Въ надеждѣ, что Пруссія не рѣшится дѣйствовать прямо противъ императорскихъ дворовъ, и что помощь ея не очень нужна при помощи Россіи и Австріи, Августъ рѣшился, по возможности, отдѣлываться отъ тяжелыхъ обязательствъ относительно Пруссіи, представляя, что Фридрихъ Вильгельмъ заключилъ союзъ съ Россіею и Австріею прежде, чѣмъ онъ, Августъ, объявилъ желаніе взойти на польскій престолъ: зачѣмъ же онъ будетъ платить Пруссіи, когда она и безъ того должна дѣйствовать заодно съ Россіею и Австріею по союзнымъ обязательствамъ съ ними? Потомъ, выставляя ограниченность королевской власти въ Польшѣ, Августъ обѣщаль только соблюдать доброе сосѣдство и оказывать прусскому королю всевозможныя услуги.

Изъ Петербурга и Вѣны шли увѣщанія Фридриху Вильгельму не дѣлать большихъ запросовъ саксонскому курфирсту и дѣйствовать заодно съ императорскими дворами въ Польшѣ. Изъ Петербурга внушали королю, что не должно смѣшивать вопроса объ отстраненіи Станислава съ вопросомъ объ избраніи курфирста саксонскаго; что первое необходимо точно также для Пруссіи, какъ для Россіи и Австріи; что же касается до втораго, то съ курфирстомъ вошли въ сношенія, потому что онъ одинъ имѣеть въ Польшѣ сильную партію, которую можно противопоставить партіи Станислава, а потомъ нужно также отвлечь Августа отъ союза съ Франціею; при крѣпкомъ союзѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею, курфирсть Саксонскій не можетъ быть опасенъ, если даже будетъ и королемъ польскимъ; при ограниченности своей власти въ Польшѣ, Августъ можетъ обѣщать только добрыя услуги относительно прусскихъ требованій; если же обѣщаетъ больше, то поступить не честно, обязавшись большимъ, чѣмъ сколько можетъ исполнить.

Эти внушенія только раздражали Фридриха Вильгельма: не подтвердили Левенвольдова договора и заставляютъ даромъ дѣйствовать въ пользу саксонскаго курфирста, который, въ надеждѣ на Россію и Австрію, не хочетъ ничего сдѣлать для Пруссіи, прямо говорить, что прусскій король обязанъ даромъ все для него

сдѣлать по своимъ обязательствамъ съ императорскими дворами. Но гдѣ эти обязательства? Ни въ одномъ договорѣ Фридрихъ Вильгельмъ не обязывался препятствовать избранію Лещинскаго; правда, въ одномъ договорѣ находилось такое обязательство, именно въ Левенвольдовомъ, но сами Россія и Австрія не подтвердили этого договора и вмѣсто португальскаго инфанта поставили саксонскаго курфирста, не объяснивши прусскому кабинету своихъ побужденій. И зачѣмъ отдавать предпочтеніе Августу предъ Станиславомъ? Лещинскій, при первой попыткѣ нарушить польскую конституцію и повредить сосѣдямъ, легко будетъ задушенъ соединенными силами союзниковъ, окружающихъ Польшу съ трехъ сторонъ; но курфирстъ саксонскій владѣетъ большимъ и богатымъ государствомъ, можетъ распоряжаться своимъ многочисленнымъ и хорошо устроеннымъ войскомъ. Притомъ сопротивленіе Лещинскому можетъ вовлечь Пруссію въ войну съ Франціею, въ войну опасную по разбросанности прусскихъ владѣній: тогда надобно будетъ защищаться отъ Французовъ на Рейнѣ и въ Невшателѣ, отъ Поляковъ на прусскихъ границахъ и отъ Шведовъ въ Помераніи. Если хотять, чтобъ Пруссія дѣйствовала въ интересахъ саксонскаго курфирста, то пусть послѣдній исполнитъ требованія прусскаго короля и обѣзется вознаграждать его за военныя издержки. Фридрихъ Вильгельмъ ограничилъ наконецъ свои требованія однимъ, прекращеніемъ спора о юлихскомъ наслѣдствѣ; Августъ не согласился, и Фридрихъ Вильгельмъ объявилъ, что будетъ нейтральнымъ въ польскихъ дѣлахъ ³. Чтoby заставить выйти изъ этого нейтралитета, въ Петербургѣ тронули опять нѣжную струну: императрица призвала Мардефельда и объявила ему, что она не ратификовала декабрьскаго (Левенвольдова) договора, потому что польскія дѣла совершенно измѣнились, но чтoby засвидѣтельствовать свое уваженіе къ королю, она подтвердила сепаратную статью о Курляндіи, и эту статью графъ Левенвольдъ возьметъ съ собою въ Варшаву; но Фридрихъ Вильгельмъ не прельстился и этимъ, потому что дѣла начинали принимать серіозный оборотъ: «Я не могу растянуться на двѣ стороны и разориться, говорилъ король: не могу воевать въ одно время и съ Франціею и съ Польшею ⁴.»

Въ Петербургѣ должны были отказаться отъ надежды дѣйствовать въ-троемъ. Оберъ-штальмейстеръ Левенвольдъ возвращался въ

Варшаву, изъ Варшавы ѣхалъ въ Петербургъ посоль отъ примаса, брацлавскій постельничій Рудомина съ жалобами на Левенвольда, зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Варшавы, не давши о томъ знать правительству Рѣчи Посполитой. Въ письмѣ примаса, привезенномъ Рудоминою выражалась надежда, что императрица не нарушитъ свободы королевскихъ выборовъ и будетъ зеркаломъ справедливости для прочихъ державъ. Рудомина объявилъ, что присланъ за совѣтомъ, какъ утвердить внутреннюю тишину и обезпечить внѣшнюю безопасность Польши, потому что до избирательнаго сейма и во время его можно все устроить къ общему удовольствію. Ему отвѣчали, что уже черезъ оберъ-шталмейстера графа Левенвольда императрица объявила правительству Рѣчи Посполитой, что она и союзники ея не только не хотятъ сами ничего приобрести отъ Польши, но ея величество не допуститъ никого другаго отнять у республики хотя футъ земли; императрица не стоитъ особенно ни за кого изъ кандидатовъ, хочетъ поддержать свободную подачу голосовъ, исключаетъ только одного Станислава Лещинскаго, потому что онъ былъ всегда врагомъ Россіи; избраніе его она сочтетъ нарушеніемъ мира и будетъ препятствовать утвержденію Станислава на престолѣ всѣми силами, данными ей отъ Бога. Для подлитія масла въ огонь Рудомина сталъ жаловаться на Левенвольда, зачѣмъ уѣхалъ изъ Варшавы, не давши никому знать объ этомъ, и просилъ, отъ имени примаса, чтобъ въ Варшаву былъ присланъ посоль русскаго происхожденія. Ему отвѣчали, что Левенвольду не нужно было прощаться съ примасомъ, потому что онъ уѣзжалъ на время, а русской императрицѣ нельзя предписывать, какихъ пословъ держать ей въ Варшавѣ; притомъ какого бы происхожденія ни былъ посоль, онъ дѣйствуетъ по указу ея величества. Но этой безтактности и незнанія положенія дѣлъ со стороны примаса съ товарищи было мало: Рудомина привезъ письмо отъ князя Вишневецкаго къ одному изъ князей Трубецкихъ: Вишневецкій жаловался Трубецкому, что давно не получалъ отъ него писемъ, напоминалъ о происхожденіи ихъ фамилій отъ одного рода (Гедиминова) и просилъ его, какъ знатнаго сенатора, противодѣйствовать людямъ, совѣтующимъ императрицѣ послать войска свои въ Польшу до избранія короля; увѣрялъ, что новый король будетъ соблюдать договоръ со всѣми сосѣдами, особенно съ Рос-

сією, по славянскому братству обоихъ народовъ; выражалъ надежду, что князь Трубецкой приметъ на себя званіе полномочнаго посла въ Польшѣ, чтобъ мирными средствами поддерживать согласіе между обоими государствами. Младшій Левенвольдъ досталъ копію съ письма и переслалъ ее въ Петербургъ съ своими замѣчаніями, что Вишневецкіе, Сангушки и Чарторыйскіе принадлежатъ къ одному Гедиминову роду съ Трубецкими, Голицыными и Куракинными, и потому было бы очень опасно, еслибъ этотъ могущественный родъ достигъ польскаго престола въ особѣ князя Вишневецкаго.

Въ концѣ іюля опять пріѣхалъ въ Варшаву нежеланный оберъ-штальмейстеръ Левенвольдъ. Русское и саксонское посольство начали подвергаться оскорбленіямъ, и на жалобы ихъ примасъ отвѣчалъ, что не въ состояніи никого защитить отъ народной ненависти. Левенвольдъ сказалъ на это: «Если насъ отъ народной ненависти защитить не могутъ, то и я противъ казацкой пикіи никого защитить не могу.»

25 августа назначенъ былъ избирательный сеймъ. Къ этому числу поля, прилегавшія къ Варшавѣ, покрылись знаменами воеводствъ и повѣтовъ, сошедшихся на выборы. Но Литва стояла въ отдаленіи, въ Венгровѣ, за нѣсколько миль отъ Варшавы; она была противъ Станислава, требовала уничтоженія стѣснительной присяги, установленной на созывательномъ сеймѣ, требовала подтвержденія уставовъ, изданныхъ въ 1717 и 1718 годахъ противъ Станислава. Главнымъ дѣятелемъ между Литвою былъ Радзивиль, воевода Новогрудскій, и вообще Литва была склоняема ко внушеніямъ изъ Россіи, во первыхъ по сосѣдству, во вторыхъ изъ страха, что ея области пострадаютъ первыя при вступленіи русскихъ войскъ, вѣтретыхъ, по врожденной оппозиціи къ коронѣ, то есть Польшѣ, а въ четвертыхъ, наконецъ, вслѣдствіе подарковъ, получасмыхъ вліятельными людьми отъ русскихъ агентовъ, Даревского и Ливена, развѣзавшихъ передъ тѣмъ по Литвѣ съ цѣлію набирать противниковъ Станиславу. Получивъ отъ примаса неудовлетворительный отвѣтъ на свои требованія, воеводства новогрудское, минское и подляшское образовали конфедерацию для сохраненія *liberum veto*. Примасъ съ товарищи старались уговорить ихъ отстать отъ конфедерации, но напрасно; и тутъ Литвѣ досталось много денегъ, потому что партіи должны были бороться въ ея лагерѣ золотымъ оружіемъ.

Сеймъ начался 25 августа, и начался ссорами, такъ что 29 числа региментарь литовскій, князь Вишневецкій, перешелъ съ своими приверженцами, въ числѣ около 3000 человекъ, на правый берегъ Вислы въ Прагу, за нимъ послѣдовалъ краковскій воевода князь Любомирскій. Начались выборы въ сеймовые маршалы, и партія Лещинскаго восторжествовала, потому что избранъ былъ кievскій подкоморій Раджевскій, свойственникъ Станислава. Но между тѣмъ слухи о приближеніи русскихъ войскъ подтверждались все болѣе и болѣе, и приверженцы Лещинскаго издали 4 сентября манифестъ, наполненный проклятіями и угрозами противъ тѣхъ Поляковъ, которые призвали эти войска. По поводу манифеста, вожди противной партіи имѣли свиданіе съ примасомъ, и Любомирскій говорилъ ему: «Вмѣстѣ съ своимъ манифестомъ вы должны издать и привести въ исполненіе другой манифестъ противъ тѣхъ, которые хотѣли призвать сюда Французовъ, Турокъ и Татаръ. У васъ тотъ врагъ отечества, кто не стоитъ за Станислава, но развѣ у васъ нѣтъ другихъ кандидатовъ, болѣе достойныхъ? (Тутъ Любомирскій указалъ на Сангушка). Я объявляю, что не хочу такого кандидата, который вовлечетъ насъ въ войну съ иностранными державами. Кто виновать въ томъ, что русскія войска приближаются? Станиславъ. Вы хвалитесь, что выгоните Русскихъ; но гдѣ у васъ силы? Выйти противъ Русскихъ съ горстью людей значитъ заставить весь свѣтъ смѣяться надъ Рѣчью Посполитой. Но у васъ есть другія средства удалить Русскихъ: откажитесь отъ Станислава, пусть, на выборахъ господствуютъ свобода и законность, и перестаньте говорить, что того, кто подастъ голосъ противъ Станислава, надобно изрубить въ куски, какъ врага отечества.» Любомирскій указалъ также на важное нарушеніе польской свободы, допущенное большинствомъ: составленіе и пересмотръ условій, на которыхъ избирался король, отложены были до избранія.

Протестъ Любомирскаго произвелъ сильное впечатлѣніе, но большинство все же было за Станислава, который 9 сентября прибылъ тайкомъ въ Варшаву, проѣхавши по средней Европѣ подъ видомъ купеческаго прикащика. На другой день, 10 числа, начались приготовленія къ выборамъ, которые должны были происходить въ полѣ между Варшавою и мѣстечкомъ Волей. Здѣсь, около большаго деревяннаго зданія (шопы), занимаемой сенатомъ, располо-

жилося до 60,000 шляхты на коняхъ. 11 числа, когда примасъ долженъ былъ собирать голоса, паны, стоявшіе отдѣльно на правомъ берегу Вислы, прислали протестъ противъ кандидатуры Станислава, но примасъ объявилъ, что только тотъ протестъ считается законнымъ, который высказанъ на полѣ избранія, въ шляхетскомъ кругу, или такъ-называемомъ рыцарскомъ Колѣ. Началось отбирание голосовъ. Восемь часовъ подъ проливнымъ дождемъ объѣзжалъ примасъ верхомъ ряды избирателей и спрашивалъ, кого они хотятъ въ короли, и повсюду слышались громкіе крики: да здравствуетъ Станиславъ! Но меньшинство утверждало потомъ, что примасъ поступалъ недобросовѣстно, вовсе не спрашивалъ тѣхъ, которые открыто были противъ Станислава, быстро проѣзжалъ мимо подозрительныхъ хоругвей, при чемъ свята его, при звукѣ трубъ и роговъ, кричала: да здравствуетъ Станиславъ! и заглушала крики противниковъ; меньшинство утверждало, что 40 хоругвей протестовало противъ избранія Станислава. Но никто не высказывался прямо и за курфюрста; такъ Любомирскій, на вопросъ примаса: за кого онъ? отвѣчалъ: «За того, кто не вовлечетъ Польшу въ войну;» кастелянъ радомскій Малаховскій раскрылъ грудь и сказалъ громко примасу: «Здѣсь грозятъ изрубить въ куски того, кто протестуетъ противъ Станислава. Я протестую: кто посмѣетъ изрубить меня въ куски? Станиславъ на сеймахъ объявленъ врагомъ отечества; гдѣ его заслуги? Развѣ то вмѣнить въ заслугу, что онъ съ Шведами опустошилъ наше королевство?»

Но какъ бы то ни было, къ вечеру 11 числа большинство явно высказалось въ пользу Станислава, и меньшинство ночью ушло въ Прагу, гдѣ всѣхъ сенаторовъ набралось теперь до 20 съ свитою до 4000 человекъ: къ нимъ присоединился и князь Сангушко, увидавши, что никто не высказался за него. 12 числа примасъ продолжалъ собирать голоса и теперь никакихъ протестовъ уже не было, потому что меньшинство ушло. Это отдаленіе меньшинства, стоявшаго въ сомкнутомъ, и потому грозномъ положеніи, сильно тревожило примаса, который понималъ, что державы, враждебныя Станиславу, обопрутъ на это меньшинство. Онъ отправилъ въ Прагу депутацію съ просьбой, чтобъ меньшинство присоединилось къ большинству, долго дожидаясь возвращенія депутацій, наконецъ, уступилъ требованіямъ большинства и про-

возгласилъ королемъ Станислава Лещинскаго, котораго торжественно ввели въ костёлъ Св. Яна. Между тѣмъ меньшинство не тронулось просьбами двухъ депутацій отъ большинства, оно выдало манифестъ, въ которомъ жаловалось на уничтоженіе *liberum veto* и отступило въ Венгровъ, отбившись отъ наступавшаго на него большинства.

Такимъ образомъ торжество большинства и короля его далеко не было обезпечено. Никто не сомнѣвался въ приближеніи русскаго войска, а Станиславу нечего было противопоставить ему, ибо коронная армія существовала только по имени. Выдавши универсалы, призывавшіе къ посполитому рушенію, Станиславъ 22 сентября выѣхалъ въ Данцигъ въ сопровожденіи главныхъ своихъ приверженцевъ, также французскаго и шведекаго пословъ: здѣсь хотѣлъ онъ дожидаться французской помощи, также движенія въ свою пользу иностранныхъ государствъ—Швеціи, Турціи и Пруссіи.

Удаленіе Станислава не облегчило участи русскаго и саксонскаго посольства. Еще прежде Левенвольды должны были переѣхать въ домъ цесарскаго посольства; ихъ домъ былъ разграбленъ; къ нимъ никого не пускали; всѣ курьеры были останавливаемы, у нихъ отбирали бумаги и распечатывали. Домъ саксонскаго посла былъ взятъ кровопролитнымъ приступомъ, посолъ долженъ былъ выѣхать изъ Варшавы. Наконецъ, 30 сентября, на правомъ берегу Вислы, показалось двадцать тысячъ русскаго войска подъ начальствомъ Леси ⁵.

Что же побудило Россію дѣйствовать такъ рѣшительно?

22 февраля 1733 года, по указу ея величества, было въ кабинетѣ генеральное собраніе, присутствовали министры, сенатъ и генералитетъ, а именно: канцлеръ графъ Головкинъ, генеральфельдмаршалъ графъ фонъ-Миннихъ; дѣйствительные тайные совѣтники: вице-канцлеръ графъ Остерманъ, князь Черкасскій, генералъ Ушаковъ; дѣйствительные тайные совѣтники: князь Трубецкой, баронъ фонъ-Миннихъ, вице-адмиралъ графъ Головинъ, тайный совѣтникъ графъ Головкинъ, и по выслушаніи реляціи, присланной изъ Польши отъ камергера графа фонъ-Левенвольда, разсудили слѣдующее: 1) по русскимъ интересамъ, Лещинскаго и другихъ, которые зависятъ отъ короны французской и шведской и слѣдовательно отъ турецкой, до короны польской допустить

никакъ нельзя; 2) для того отправляемые въ Польшу министры должны усиленно стараться, денежные и другіе пристойные способы употребить, сообщая съ министрами союзниковъ, чтобъ Поляковъ отъ избранія Лещинскаго и другихъ подобныхъ ему отвратить, для того этихъ министровъ надобно снабжать денежными суммами; 3) а такъ какъ можетъ случиться, что вышеозначенные способы для отвращенія такихъ вредныхъ русскому государству предприятий окажутся недостаточными, и надобно будетъ силу оружія употребить, то признается нужнымъ, безъ упущенія времени, на самыхъ границахъ поставить 18 полковъ пѣхоты и 10 полковъ конницы, и расположить ихъ въ такомъ разстояніи, чтобъ въ случаѣ нужды немедленно могли собраться и маршировать; а какъ скоро вешнее время наступитъ, собрать ихъ въ два или три корпуса и велѣть ихъ вывести къ самымъ границамъ литовскимъ и польскимъ; 4) къ этому корпусу регулярно нарядить нерегулярнаго войска, Донскихъ козаковъ 2000, гусаръ украинскихъ сколько есть, слободскихъ полковъ 1000, изъ Малороссіи 10,000, Чугуевскихъ Калмыковъ 150, да Волжскихъ тысячи три; 5) къ этому корпусу опредѣлить главнаго командира и прочихъ отъ генералитета съ такимъ именнымъ указомъ, чтобъ по первому требованію отъ главнаго министра ея величества, обрѣтающагося въ Польшѣ, вступилъ въ Польшу и дѣйствовалъ бы во всемъ по его опредѣленію.—Въ собраніе былъ приглашенъ князь Дм. Мих. Голицынъ; онъ не могъ быть по болѣзни, потому кабинетскій секретарь ѣздилъ къ нему надомъ, и по мысли Голицына въ нерегулярное войско прибавлены Калмыки.

Рѣшеніе генеральнаго собранія было исполнено, войско выставлено на границу, и 29 іюня состоялось другое рѣшеніе: партія Станислава въ Польшѣ очень сильна, подкрѣплена большими французскими деньгами и намѣрена дѣйствовать на собственные средства, чтобъ провозгласить его королемъ; Поляки, которые этого не хотятъ и которыхъ не мало, не будучи обладаемы въ нашей дѣйствительной помощи и не имѣя подпоры въ нашихъ войскахъ, боятся оказывать явное сопротивленіе, и потому многіе изъ нихъ, составя письменную декларацію, насъ и союзниковъ нашихъ призываютъ на помощь, и поэтому разсуждается: 1) что по русскимъ интересамъ, Станислава до короны польской допустить нельзя, ибо извѣстно, что онъ русскому государству отъявлен-

ный непріятель, такъ тѣсно связанъ съ французскими, шведскими и турецкими интересами, что кромѣ злыхъ поступковъ ожидать отъ него ничего нельзя; притомъ онъ, по правамъ польскимъ, объявленъ изгнанникомъ и никогда непрощаемымъ врагомъ своего отечества, слѣдовательно можетъ быть выбранъ въ короли иначе, какъ съ насильственнымъ ниспроверженіемъ польскихъ правъ и конституцій, а Россіи крайне нужно не допускать ихъ до нарушенія, ибо если эти конституціи нарушатся, то могутъ быть нарушены и другія многія, постановленныя въ прошедшую шведскую войну и касающіяся до Россіи. 2) Если допустить партію Станислава насильственно и скоропостижно выбрать его въ короли, то трудно будетъ послѣ его выслать и другаго на его мѣсто поставлять.

На другой день посланъ былъ указъ ливляндскому губернатору генераль-аншефу Петру Петровичу Леси, чтобъ ѣхалъ немедленно къ полкамъ рижскаго корпуса, расположеннымъ на польской границѣ, и приготовилъ ихъ къ походу такъ, чтобъ могъ выступить на другой день по полученіи о томъ указа. Такое же повелѣніе было послано къ генералу-поручику Загряжскому, начальствовавшему смоленскимъ корпусомъ. Однимъ изъ членовъ генералитета при этомъ корпусѣ назначенъ былъ генераль-майоръ Артемій Вольнскій, находившійся тогда въ Москвѣ по дѣламъ конюшеннаго вѣдомства: ему велѣно было, передавъ эти дѣла кому-нибудь изъ находившихся при немъ штабъ-офицеровъ, ѣхать немедленно въ Смоленскъ. Оба корпуса, рижскій и смоленскій должны были соединиться и идти къ Гродно подъ главнымъ начальствомъ Леси, которому было предписано по дорогѣ обывателямъ отноудь никакихъ обидъ не дѣлать и что понадобится покупать за настоящую цѣну и платить деньги безъ удержанія. Для этого штабъ-оверъ и унтеръ-офицеры получали полторное жалованье, а рядовые по три копейки на день.

31 іюля Леси перешелъ русскую границу въ Ливляндію, и черезъ Курляндію направилъ путь въ Литву, откуда доносили, что все тихо, войсковыхъ собраній и никакихъ другихъ създовъ нѣтъ; гусарскія и панцырныя хоругви стояли по квартирамъ, но въ нихъ было мало людей; знатное шляхетство въ домахъ своихъ не сказывалось, объявляли, будто уѣхали въ Варшаву; но нѣкоторые пріѣзжали къ Леси и объявляли, что согласны съ на-

мѣреніемъ русской императрицы и бранили своихъ сенаторовъ, что заставили Россію вмѣшаться въ польское дѣло вооруженною силою. 18 августа пріѣхалъ къ Леси ковенскаго повѣта маршалъ Забѣло съ просьбою, чтобъ войска не дѣлали никакихъ обидъ жителямъ, которые Варшавѣ не присягали и благодарны русской императрицѣ за оборону Рѣчи Посполитой и вольностей ея. 25 августа, не доходя до Гродно, Леси получилъ отъ Левенвольда письмо, въ которомъ тотъ просилъ его спѣшить къ Варшавѣ. Леси писалъ въ Петербургъ, что болѣе спѣшить, какъ онъ до сихъ поръ спѣшилъ, не можетъ, ибо, несмотря на страшную грязь, шель по три и четыре мили въ сутки, и во весь походъ отдыхали только шесть дней, люди и лошади устали. 27 августа Леси пришелъ въ Гродно. 13 сентября, не доходя мѣстечка Нура, явились къ Леси послы отъ конфедерации, поздравляли его съ счастливымъ прибытіемъ въ Польшу, всенижайше благодарили императрицу за высокую милость и защиту, и просили не оставить ихъ при нынѣшнихъ ихъ крайнихъ нуждахъ: они не могли сдержатъ сильнаго нападенія Станиславовой партіи при Варшавѣ, принуждены были отступить, при чемъ потеряли нѣсколько товарищей и часть обоза, и теперь находятся въ осьми миляхъ отъ Нура, въ оконѣ подъ мѣстечкомъ Стременчиномъ. Леси совѣтовалъ имъ какъ можно скорѣе соединиться съ русскимъ войскомъ.

Въ ночь на 20 сентября Леси явился съ своимъ рижскимъ корпусомъ въ Прагу, и на другой день на берегу Вислы, противъ самой Варшавы устроилъ батарею о пяти пушкахъ; польская конница и пѣхота занимали противоположный берегъ и островъ на Вислѣ между Варшавою и Прагою. Между обоими войсками началась перестрѣлка; но съ русской стороны она скоро прекратилась, потому что изъ нашихъ полковыхъ пушекъ ядеръ не доносило до польскихъ батарей; уронъ съ русской стороны былъ незначительный: двое убитыхъ и пять человекъ раненыхъ солдатъ. 21 числа пріѣхали въ Прагу епископъ познанскій и свѣтскіе вельможи Любомирскій, Радзивиль, Сапѣга, Огинскій, Завиша, Понинскій съ большимъ числомъ шляхты, объявили Леси, что пріѣхали для королевскихъ выборовъ и просили, чтобъ главнокомандующій позволилъ имъ находиться подъ покровительствомъ русскаго войска. Леси, обнадеживъ ихъ, отправился вверхъ и внизъ по Вислѣ мили по двѣ въ каждую сторону для осмотра,

гдѣ бы можно было переправиться на ту сторону къ Варшавѣ, но не нашель ни одной лодки, всё были переведены на ту сторону или изрублены; мость между Прагою и Варшавою былъ сломанъ и сожженъ. Несмотря на то, усмотрѣвши два удобныхъ для переправы мѣста, одно внизъ, а другое вверхъ по рѣкѣ, Леси выслалъ къ нимъ отряды для постройки плотовъ.

22 сентября, подѣ неумолкаемую пальбу съ варшавскаго берега, не причинявшую впрочемъ никакого вреда, Поляки, пріѣхавшіе въ Прагу, составили конфедерацію, маршаломъ которой избранъ Понинскій. 24 числа, въ пятомъ часу пополудни, въ подмилѣ отъ Праги, въ урочищѣ Гроховѣ, сконфедерованная Рѣчь Посполитая выбрала въ корони Фридриха Августа, курфирста саксонскаго; послѣ избранія были вивать и стрѣльба, и потомъ въ церкви Бернардиновѣ отправленъ благодарственный молебенъ; въ русскомъ войскѣ также выстрѣлили 93 раза изъ пушки и три раза изъ ружей бѣглымъ огнемъ. 26 числа Леси, остави при Прагѣ генераль-майора Любераса съ нѣсколькими полками, самъ съ двумя драгунскими и четырьмя пѣхотными полками отправился внизъ по Вислѣ и въ трехъ миляхъ, у деревни Сухотино, сталъ переправляться на другой берегъ, при чемъ польскіе отряды отступили безъ малѣйшаго сопротивленія; а 28 числа Люберасъ далъ знать главнокомандующему, что отступило и то непріятельское войско, которое находилось около Варшавы. Скоро Леси получилъ письмо и отъ Левенвольда, что все войско ушло изъ Варшавы къ Кракову. Послѣ этого Леси, раздѣливъ свое войско, по недостатку продовольствія, на двѣ колонны, одну поставилъ въ Скерневичахъ, другую въ Ловичѣ (оба мѣста въ десяти миляхъ отъ Варшавы); здѣсь онъ хотѣлъ побить для поправленія людей и лошадей, пока получать извѣстіе о вступленіи въ Польшу новаго короля Августа III. При Варшавѣ оставлено было четыре пѣхотныхъ полка, одинъ драгунскій и нѣсколько иррегулярныхъ; кромѣ того, отрядъ изъ одного драгунскаго и трехъ пѣхотныхъ полковъ поставленъ былъ въ Плоцкѣ подѣ начальствомъ генераль-майора Густава Бирона. Но вмѣсто извѣстія о вступленіи новаго короля въ Польшу, въ концѣ 1733 года Леси получилъ указъ выступить къ Данцигу противъ Станислава Лещинскаго.

Леси былъ радъ уйти подальше отъ Варшавы, потому что тяжело ему было находиться подѣ командою у Левенвольда. Леси,

знавшій только свое военное дѣло, человекъ скромный и безъ связей при дворѣ, не жаловался на могущественнаго оберъ-штальмейстера; но мы видѣли, что однимъ изъ отрядовъ командовалъ Густавъ Биронъ, братъ фаворита. Биронъ 25 октября написалъ брату слѣдующее письмо: «Здѣсь какъ высшіе, такъ и низшіе страшно недовольны, потому что старшій графъ Левенвольдъ, министръ нашъ, неслыханнымъ образомъ сурово съ нами поступаетъ; рѣшенія его такъ слабы и непостоянны, что почти каждую минуту ихъ отмѣняетъ, и самъ не знаетъ, чего хочетъ; войско наше разбросано и подвержено непріятельскимъ нападеніямъ; людей нашихъ передъ нашими глазами перехватываютъ: вчера унтеръ-офицеръ съ четырьмя солдатами въ плѣнъ взятъ. Этого бы ничего не было, еслибы мы лучше охраняли заслуженную славу нашего войска, шли за непріателемъ и его разогнали; но мы, благодаря нашему министру, теряемъ время, занимаясь посторонними и неважными дѣлами, безъ всякой причины стоимъ въ Варшавѣ съ нѣсколькими пѣхотными и конными полками; принуждены на 6 или на 7 миль фуражировать, и за недостаткомъ потребнаго пропитанія почти пропадаемъ. Сверхъ того люди наши никогда покоя не знаютъ, но принуждены день и ночь работать, укрѣплять Варшаву, всѣ улицы рогатками перегораживать, какъ будто непріятеля боимся, тогда какъ прежде къ намъ было писано, что еслибъ только 100 человекъ здѣсь было, тобъ все дѣло можно было покончить. Но министръ никакихъ представленій не выслушиваетъ и всѣмъ добрымъ распоряженіямъ генерала Леси препятствуетъ, и такъ насъ обременяетъ, что терпѣть больше нельзя. Кромѣ того при всѣхъ здѣшнихъ господахъ онъ говоритъ странныя рѣчи, будто нѣкоторые изъ насъ подкуплены были и потому медлили походомъ, хотя не было никакой возможности пройти съ арміею 120 миль скорѣе, чѣмъ мы прошли. Но суровый министръ нашъ не принимаетъ никакихъ резоновъ, надобно, чтобъ все только по его волѣ дѣлалось. О пропитаніи войска нашего старанія нѣтъ; вмѣсто того, чтобъ непріятеля выгнать и о зимнихъ квартирахъ думать, мы бездѣльно стоимъ въ Варшавѣ и допускаемъ непріятеля усиливаться, а все это оттого, что министръ возымѣлъ ложную мысль, будто непріятеля можно приклонить мирными средствами: здѣсь интриги саксонскихъ министровъ, которые благодаря намъ, достигли сво-

ей цѣли, и, можетъ быть, теперь думаютъ, что мы имъ больше не очень нужны. Между тѣмъ наше войско часъ отъ часу слабѣтъ; генераль Леси не смѣетъ слова выговорить, боясь нареканий отъ графа Левенвольда, который и съ роднымъ братомъ своимъ въ ссорѣ» ⁶.

Такія отношенія между посломъ и генералами, препятствовавшія единству и быстротѣ движенія войскъ, давали партіи Лещинскаго надежду поддержать свое дѣло. Въ концѣ 1733 года въ разныхъ мѣстахъ образовались конфедераціи въ пользу Станислава: сендомирская, составленная въ Опатовѣ люблинскимъ воеводою Тарло; волынская, составленная въ Луцкѣ Михаиломъ Потоцкимъ, воеводою бѣльскимъ; подольская, составленная въ Каменцѣ Стадницкимъ; кievская въ Житомирѣ Вороничемъ. Поляки думали найти сочувствіе въ Русскихъ, недовольныхъ владычествомъ Нѣмцевъ въ Петербургѣ, и потому въ манифестѣ сендомирской конфедераціи говорилось: «Яенѣ солнца для cadaго, который изслѣдуетъ причины вещей и откуда встала буря на нашу вольность, что не русская монархія сама по себѣ была виновницею настоящей революціи въ Польшѣ и въ Европѣ, ибо эта революція въ основаніи противна интересамъ Россіи, которая сама находится подъ гнетомъ нѣмецкой власти, стремящейся ко всемірной имперіи и ненавидящей нашу вольность какъ соль въ глазу. Видя что насиліе, учиненное нашему королевству московскими войсками, сдѣлано не по совѣту доблестныхъ вельможъ, правдивыхъ наслѣдниковъ російскаго имени, обязали мы нашего маршала объявить войскамъ російскимъ и чинамъ панствъ московскихъ, что съ ними враждовать мы не желали бы» ⁷.

Но человекъ, въ пользу котораго составлялись эти конфедераціи, Станиславъ Лещинскій, меньше всѣхъ ожидалъ отъ нихъ проку; онъ очень хорошо зналъ, что эти нестройныя толпы шляхты, какъ бы даже многочисленны ни были, не въ состояніи держаться и противъ незначительныхъ отрядовъ регулярнаго войска сосѣднихъ державъ. Вся надежда Станислава была на Францію, и то только въ томъ случаѣ, еслибы она употребила большія усилія, еслибы сдѣлала съ Августомъ III то же самое, что Карль XII сдѣлалъ съ отцемъ его, т. е. еслибы ея войско заняло Саксонію, и въ Дрезденѣ заставило курфирста отказаться отъ Кракова и Варшавы. Станиславъ прямо писалъ своей дочери:

«Если король Людовикъ XV не овладѣетъ Саксоніей, то буду принужденъ покинуть Польшу и возвратиться во Францію»⁸. Но если для утверженія Лещинскаго въ Польшѣ необходимо было Французамъ напасть на Августа въ Саксоніи, то для утверженія Августа въ Польшѣ Русскимъ необходимо было выгнать Станислава изъ Данцига, куда къ нему на помощь легко могли явиться моремъ Французы, а быть можетъ и другіе союзники моремъ и сухимъ путемъ. Вотъ почему, какъ мы видѣли, Леси получили отъ своего двора приказаніе немедленно идти къ Данцигу. Несмотря на то, что въ Польшѣ находилось въ это время тысячъ пятьдесятъ русскаго войска, большая часть его была необходима здѣсь для сдерживанія конфедератовъ, и Леси могъ взять съ собою къ Данцигу не болѣе 12,000 человекъ. Въ январѣ 1734 года Леси занялъ Торнъ, жители котораго присягнули Августу III и приняли русскій гарнизонъ. Но жители Данцига рѣшились твердо держаться Станислава, въ надеждѣ на французскую помощь, и на то, что и другія, особенно морскія державы, не позволятъ раззорить такой важный торговый городъ; присутствіе французскаго посла Монти, французскихъ инженеровъ и шведскихъ офицеровъ поддерживали эти надежды, тѣмъ болѣе, что у нихъ было втрое болѣе людей, чѣмъ у осаждающихъ. Малочисленность войска, недостатокъ во всемъ нужномъ для осады и неблагоприятное время года не могли позволить Леси вдругъ сдѣлать что-нибудь важное, а въ Петербургѣ торопились, боясь весны и появленія французскихъ кораблей съ войскомъ, и потому отправили подъ Данцигъ первую военную знаменитость имперіи — графа Миниха.

Мы видѣли, что по смерти князя Михаила Михайловича Голицына и заточенія князя Василья Владиміровича Долгорукаго между Русскими не было болѣе военныхъ знаменитостей изъ славной школы Петровой, и Пѣмцы могли сдѣлать своего фельдмаршала, которому спѣшили передать всѣ высшія военныя должности: Минихъ, какъ фельдмаршалъ, командовалъ арміею, былъ президентомъ военной коллегіи и воинской комиссіи, генераль-фельдцейгмейстеромъ, петербургскимъ генераль-губернаторомъ, имѣлъ надъ всѣми Имперіи Россійской фартификаціями вышнюю дирекцію, былъ шефомъ кадетскаго корпуса, завѣдывалъ ладожскимъ каналомъ. Даровитый, энергическій и старавшій честолюбіемъ Ми-

нихъ брался за все, оказывалъ всюду большую дѣятельность, не щадя трудовъ, еще менѣе щадилъ словъ для выставленія этихъ трудовъ, для прославленія своихъ заслугъ, для указыванія безпорядковъ, которые были до него. Мѣста и почести, которыя посыпались вдругъ на Миниха, только раздражили его честолюбіе, онъ стремился захватить еще больше, стать въ чель управленія. Бирона онъ не трогалъ, въ Биронѣ заискивалъ, тѣмъ болѣе, что Биронъ не былъ правителемъ, съ нимъ легко было не сталкиваться; но трудно было Миниху не столкнуться съ Остерманомъ, у котораго была самая обширная сфера управленія, который былъ давно уже первымъ министромъ на дѣлѣ. И Минихъ столкнулся съ нимъ, столкнулся даже въ иностранныхъ дѣлахъ: мы видѣли, что Минихъ, вопреки Остерману, держался французскаго союза. Но Остерманъ привыкъ считать за собою значеніе перваго государственнаго дѣльца. Такимъ образомъ два самыхъ даровитыхъ иностранца враждебно столкнулись, и какъ русскіе вельможи должны были уступить первенствующее значеніе Пѣмцамъ вслѣдствіе усобицы, переѣвши другъ друга, такъ теперь и Пѣмцы начинаютъ также усобицу, которая повлечетъ паденіе ихъ партіи. Остерманъ и неразлучные съ нимъ Левенвольды начали подкапываться подъ Минихомъ, но самымъ лучшимъ средствомъ для этого было — поссорить его съ Бирономъ. Фавориту начали внушать, что Минихъ опасенъ, что онъ пріобрѣтаетъ часть отъ часу большее вліяніе на императрицу, что онъ кончитъ тѣмъ, что овладѣетъ полною ея довѣренностію и оттѣснитъ его, Бирона. Фаворитъ затрепеталъ за свое выгодное мѣсто и подослалъ шпионовъ наблюдать за Минихомъ; шпионы донесли, что фельдмаршалъ какъ-то невыгодно отнесся объ оберъ-камергерѣ. Для Бирона этого было довольно: когда саксонскій посланникъ жаловался ему на деспотическій образъ дѣйствій Миниха съ иностранными купцами, то Биронъ признался, что самъ удивляется поступкамъ Миниха и жалѣетъ, что такъ много сдѣлалъ для этого хамелеона. Но надобно было спѣшить поправить ошибку, и вотъ Минихъ получаетъ приказаніе очистить домъ, который онъ занималъ недалеко отъ дворца и переѣхать подальше—на Васильевскій островъ, подъ предлогомъ, что прежнее помѣщеніе фельдмаршала нужно для принцессы Анны Мекленбургской. Минихъ испугался участи Ягужинскаго и сталъ хлопотать объ умилостив-

леніи Бирона; общіе друзья, боявшіеся, какъ видно, для себя усобицы между главными членами нѣмецкой партіи⁹, помогли ему; примиреніе послѣдовало, но только видимое, а въ 1734 году явилась возможность удалить непріятнаго фельдмаршала, поручивъ ему осаду Данцига, медленность которой приписывали, по крайней мѣрѣ отчасти, медленности Леси.

Минихъ отправился подѣ Данцигъ подѣ именемъ артиллерійскаго полковника Беренса; но инкогнито не могло сохраниться: въ Мемелѣ за нѣсколько дней до его пріѣзда уже знали, что ѣдетъ Минихъ, а не Беренсъ. Изъ этого города 22 февраля Минихъ писалъ императрицѣ: «Ваше императорское величество вѣрно обнадеживаю, что я, по прибытіи моемъ къ арміи, городъ Гданскъ такъ осадить чрезъ Божию помощь уповаю, что изъ снаго и въ оный никто, кромѣ бомбъ и ядеръ, которыя съ стороны вашего величества туда посылаться будутъ, попасть не можетъ; и съ магистратомъ уповаю такъ поступить и городъ въ такое утѣшеніе привести, чтобъ полную сатисфакцію вашему величеству, такожь и славу вашего величества войску получить, ежелибъ только чрезъ помощь Божию вскорѣ туда прибыть могъ.» 5 марта Минихъ пріѣхалъ подѣ Данцигъ съ канцеляріею, небольшою свитою и съ 13 тысячами тремястами червонныхъ. Немедленно былъ созванъ войсковою совѣтъ; Минихъ объявилъ повелѣніе императрицы, не продолжая времени, поступить съ городомъ непріятельски безъ всякаго сожалѣнія, и представилъ, какимъ образомъ думаетъ овладѣть немедленно лежащими передъ городомъ горами; генераль-майоръ фонъ Биронъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Миниха, но генераль-майоръ Вольнскій, генераль-лейтенантъ князь Борятинскій и генераль Леси остались при мнѣніи, что съ такимъ малымъ войскомъ атаковать горы не безопасно, а надобно ждать артиллеріи. 9 марта Минихъ донесъ о взятіи приступомъ богатаго предмѣстія *Шотландіи*, сильно укрѣпленнаго: непріятель побитъ, пушки, ядра и порохъ отобраны, и Русскіе обѣдаютъ въ Шотландіи непріятельскимъ хлѣбомъ; Минихъ писалъ, что нельзя описать и достаточно восхвалить храбрость офицеровъ и солдатъ, которую они оказали при нападеніи, промаршировавши всю ночь подѣ дождемъ и сильнымъ вѣтромъ. На другой день началось бомбардированіе города: пушки и ядра были польскія, взятые въ Шотландіи. «Безспльные Французы, писалъ Минихъ,

еще долго пробудутъ на морѣ и меня отсюда не выгонять, ибо я знаю, что Богъ пребываетъ съ оружіемъ вашего величества; мнѣ фуражъ на здѣшнюю армію нуженъ только до травы, и въ провіантѣ никакого недостатка нѣтъ, потому что Шотландія помогла.» О данцигскихъ вѣстяхъ Минихъ сообщилъ, что Станиславъ боленъ и писалъ къ французскому королю, что хочетъ сложить голову свою въ Данцигъ; примасъ цѣлый день пьютъ маркизь дѣ-Монти и Понятовскій все дѣлаютъ»¹⁰.

Главное ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобъ побудить какъ-нибудь прусскаго короля подать помощь Станиславу; въ Берлинѣ боролись послы—русскій Ягужинскій и французскій маркизь Шетарди. Въ іюль 1733 года Ягужинскій доносилъ изъ Берлина: «Въ дѣла польскія сильнымъ и явнымъ образомъ вступитъ здѣсь склонности не видно, о чемъ мнѣ откровенно министръ Подвиль сказывалъ: такъ какъ недавно заключенный договоръ не ратификованъ, то король въ польскія дѣла мѣшаться не обязанъ, къ тому же положеніе прусскихъ земель необходимо требуетъ нейтралитета въ польскихъ дѣлахъ; здѣсь хорошо помнятъ, въ какихъ безпокойствахъ были при владѣніи короля Августа, а теперь требуютъ возведенія курфирста саксонскаго на отцовскій престолъ; цесарю въ томъ находка, что сильную противную партію въ дѣлѣ наслѣдства привлекаетъ на свою сторону, но какъ же требовать отъ прусскаго короля помощи курфирсту безъ всякаго за то вознагражденія? Здѣшнему двору нѣтъ причины ни помогать курфирсту, ни препятствовать Станиславу.» Ягужинскій писалъ, что король сказалъ цесарскому послу графу Секендорфу: «Хотя мнѣ возведеніе на польскій престолъ курфирста непріятно и интересамъ моимъ противно, однако когда цесарь и Россія этого хотятъ, то я противиться не буду; сверхъ того надѣюсь, что русская императрица удержитъ Поляковъ отъ нападенія на прусскія земли, также надѣюсь, что Курляндія будетъ отдана одному изъ здѣшнихъ принцевъ.» Ягужинскій обращалъ вниманіе своего двора на то, что и французскому министру оказывается въ Берлинѣ большая ласка. Самъ король говорилъ Ягужинскому: «Помогать курфирсту саксонскому я не обязывался; притомъ же курфирстъ у меня не заискивалъ, обращался только къ двумъ императорскимъ дворамъ; было постановлено возвести на польскій престолъ или португальскаго принца или кого-

нибудь изъ Поляковъ, а теперь за одного курфирста усиленно увязались; какую можетъ императрица встрѣтить противность въ Станиславѣ? чѣмъ онъ можетъ повредить, потому что король польскій своею особою ничего не можетъ сдѣлать?» — «Персона Станиславова, отвѣчалъ Ягужинскій, не просто одна персона, но съ цѣлымъ королевствомъ французскимъ связана, и дружбы къ императрицѣ, цесарю и къ вашему королевскому величеству отъ него ожидать нельзя.» Когда Ягужинскій настаивалъ, чтобъ Фридрихъ Вильгельмъ дѣйствовалъ сообща съ императорскими дворами и отправилъ корпусъ войскъ къ границамъ, то король сказалъ: «Корпуса отправить нельзя, потому что если съ двухъ концовъ свѣчу зажечь, то скоро исчезнетъ; цесарь требуетъ, чтобъ на Рейнъ еще корпусъ отправить; да противъ Поляковъ и не нужно большой силы: съ десятию или двѣнадцатию тысячами ихъ можно ко всему принудить.»

Когда въ Берлинѣ были получены извѣстія о двойныхъ выборахъ въ Варшавѣ, то король явно высказывалъ свое нерасположеніе къ курфирсту саксонскому, а о Станиславѣ говорилъ, что готовъ заплатить миллионъ, чтобъ только удержать его на престолѣ. Эти отношенія объяснились словами Фридриха Вильгельма, сказанными Секендорфу: «отъ Станислава дѣлаются мнѣ предложенія, а отъ курфирста ничего.» И въ 1734 году, во время осады Данцига, провозглашая строгій нейтралитетъ относительно польскихъ дѣлъ и готовность помочь цесарю, по договору, отрядомъ войскъ противъ Франціи, Фридрихъ Вильгельмъ продолжалъ оказывать свое расположеніе къ Станиславу и твердить, что дѣла его еще могутъ поправиться. Шетарди и Понятовскій, пріѣхавшій въ Берлинъ отъ Станислава, предлагали Фридриху Вильгельму признаніе Польшею его королевскаго титула, а Курляндію для его втораго сына. Съ другой стороны изъ Петербурга пріѣхалъ въ Берлинъ прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ Мардефельдъ съ предложеніями отъ императрицы Анны—города Эльбинга, Курляндія по смыслу Левенвольдова договора и половины земли въ Западной Пруссіи для непосредственнаго соединенія Восточной Пруссіи съ Померанією. Последнее предложеніе было особенно соблазнительно; король потребовалъ мнѣнія у своихъ министровъ, и Подевильсъ отвѣчалъ: «Польское дѣло еще не созрѣло, оно подвержено еще многимъ и сильнымъ перево-

ротамъ; дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ Пруссію всеми неправдами притянуть на сторону Саксоніи и втянуть въ открытую войну съ Франціею, притомъ Россія не надѣется управиться въ Польшѣ безъ прусской помощи.» Король порѣшилъ: «Мое намѣреніе постоянно: оставаться въ дружбѣ съ Россіею, но не давать связывать себѣ руки. Воевать разомъ въ двухъ мѣстахъ—на Рейнѣ и въ Помераніи или Пруссіи невозможно; въ одномъ мѣстѣ пожалуй, но въ двухъ — нѣтъ! Я убѣжденъ, что Франція никогда не заключитъ мира иначе какъ съ условіемъ удержанія Станислава на польскомъ престолѣ: тогда я все мои завоеванія потеряю, ибо для ради моихъ сѣдыхъ волосъ они не станутъ продолжать войну. Долго ли можетъ продолжать войну императоръ? по большей мѣрѣ до 1735 года; безъ Англіи и Голландіи воевать долге невозможно, и тогда мнѣ придется сидѣть между двухъ стульевъ. Поэтому мое мнѣніе — не принимать ничьей стороны. Мой честный, вѣрный Ильгенъ тысячу разъ говаривалъ, по поводу саксонскаго преемства на польскомъ престолѣ: еслибы Польша навѣки уступила Вармію, Помореллію, Данцигъ и Мариенбургъ, то и тогда можно было бы сомнѣваться, было ли бы это выгодно для Пруссіи; ибо если Саксонецъ будетъ въ Польшѣ самодержавенъ, то со всеми этими приобрѣтеніями нельзя будетъ ему противиться; интересъ Пруссіи состоитъ въ томъ, чтобъ Польша оставалась республикою, ибо въ такомъ случаѣ она никогда не будетъ въ состояніи предпринять что-нибудь важное противъ Пруссіи, по причинѣ безсвязности польскаго правительства.» Съ этимъ Мардофельдъ и поѣхалъ назадъ въ Петербургъ. 11

Порѣшивши соблюдать нейтралитетъ, Фридрихъ Вильгельмъ не хотѣлъ пропускать чрезъ свои владѣнія ни русскаго, ни французскаго войска, не хотѣлъ пропустить русскую артиллерию, шедшую изъ Риги къ Данцигу. Легко понять, съ какимъ чувствомъ узналъ объ этомъ Минихъ; съ обычнымъ своимъ спѣхомъ и пыломъ онъ обратился прямо къ королю съ требованіемъ пропуска артиллеріи; Фридрихъ Вильгельмъ отвѣчалъ ему:

«Ничто на свѣтѣ не можетъ произвести нималѣйшей перемѣны въ вѣрной дружбѣ, которую я обѣщаль вашей императрицѣ, и, надѣясь на взаимную любовь и расположеніе ея величества, думаю, что и она не потребуетъ отъ меня ничего, что можетъ послужить мнѣ во вредъ или поставить меня въ затруднительное по-

ложеііе. Мое постоянное намѣреніе было, какъ во всякихъ другихъ дѣлахъ, такъ особенно въ польскихъ, дѣйствовать согласно съ руссійскимъ императорскимъ величествомъ, и съ обѣихъ сторонъ полагалось за основаніе, чтобъ непринужденнымъ образомъ было избрано на польскій престолъ такое лицо, которѣе бѣ русскому государству и мнѣ одинаково было пріятно. Но потомъ руссійскій императорскій дворъ очень скоро и нечаянно отъ этой системы отказался и началъ слѣдовать и слѣдуетъ въ польскихъ дѣлахъ такой политикѣ, которая съ моими интересами соглашена быть не можетъ, и такъ какъ я, изъ уваженія къ ея императорскому величеству, не хотѣлъ противиться ея намѣренію, то мнѣ оставалось одно—держаться строгаго нейтралитета. Я не допущу ничего, что было бы противно Россіи; но съ другой стороны, по положенію земель моихъ, я долженъ сохранять и доброе расположеніе Франціи, и не вижу никакой причины, за чѣмъ бы я поссорился съ нею изъ-за польскихъ дѣлъ и тѣмъ поставилъ въ опасное положеніе большую часть моихъ земель. Поэтому я руссійской императрицѣ представлялъ, что ей угодно: чтобъ я предоставилъ вольный проходъ войскамъ и артиллеріи обѣихъ сторонъ, или обѣимъ сторонамъ въ томъ отказалъ? но до сихъ поръ я не получилъ отвѣта на мое предложеніе. Я и сначала проходъ русскаго войска чрезъ свои владѣнія позволилъ подъ такимъ условіемъ, что это войско ничего ни предприметь противъ Данцига, потому что мнѣ и моимъ подданнымъ очень важно сохраненіе этого города и я равнодушно не могу смотрѣть на его разореніе.»

Минихъ отвѣчалъ: «Ваше королевское величество изволили дожидаться отвѣта изъ Петербурга на ваше предложеніе: но я ваше королевское величество обнадеживаю, что моя всемилостивѣйшая императрица будетъ домогаться вольнаго пропуска своихъ войскъ, хотя бы ваше величество дозволили то же самое какимъ бы то ни было Станиславовымъ союзникамъ, и такъ какъ я нахожусь въ состояніи вступить въ дѣло со всеми ожидаемыми здѣсь Французами, Шведами и Поляками, то могу обнадежить ваше королевское величество, что ея императорское величество меня въ томъ не оставитъ, и потому покорнѣйше прошу прислать мнѣ вашего величества указъ къ правителямъ Пруссіи о пропускѣ нашей артиллеріи. Принимаю смѣлость представить также ва-

шему величеству, что Франція въ продолженіе тринадцатилѣтней войны совершенно разорилась и въ долги впала, а Россія въ продолженіи 21 года войны не сдѣлала нималѣйшаго долга: и такъ да соблаговолить ваше королевское величество такой сильной союзницѣ дружбу оказать и артиллеріи не задерживать.»

Но король не исполнилъ этой просьбы; артиллерію должны были доставить моремъ къ Данцигу съ опасностію отъ французскаго флота.

Несмотря на отсутствіе артиллеріи, 22 марта Минихъ доносилъ императрицѣ: «Каждый день съ аванажемъ одинъ постъ за другимъ счастливо отбираю отъ непріятели, между прочимъ одинъ главный постъ на берегу Вислы взять въ ночь съ 21 по 22 число. и сдѣланъ съ русской стороны крѣпкій редутъ, который пресѣчетъ сообщенія непріятели по Вислѣ. Станиславъ съ его приверженцами третьяго дня еще въ городѣ были; надѣюсь, что и теперь тамъ находятся, развѣ затопленными мѣстами въ нищенскомъ или поповскомъ платьѣ кто-нибудь изъ нихъ можетъ выйти изъ города; жителямъ Данцига и ихъ гостямъ какъ птицамъ сѣтью головы прикрыты. Въ нынѣшнее годовое время и за уменьшеніемъ людей, которые находятся безсмѣнно въ апрошахъ и на работахъ, нельзя сдѣлать больше того, что сдѣлано, а потеряно людей только 77 человекъ, да 202 человекъ ранено, уронъ очень небольшой, если принять въ соображеніе, что непріятель безпрестанно стрѣляетъ въ наши апроши и редуты и почти ни одного дня не прошло, чтобъ не было вылазки. Думаю, что вашему величеству извѣстно объ отъѣздѣ короля Августа въ Саксонію, что всему шляхетству непріятно; я къ нему писалъ и совѣтовалъ, чтобъ онъ назадъ въ Польшу возвратился.» У Миниха продолжалась переписка и съ прусскимъ королемъ; тотъ писалъ ему съ выговоромъ, за чѣмъ онъ задерживаетъ почту; Минихъ по этому случаю писалъ императрицѣ: «Извольте быть благонадежны, что никакая держава въ свѣтѣ меня не удержитъ вашему величеству съ вѣрностію служить и армію вашею, по крайнему моему разумѣнію и совѣсти, предводительствовать.»

Въ Берлинѣ сильно сердились на поступки и письма Миниха; къ дѣламъ и письмамъ присоединяли оскорбительныя слова; прусскіе министры жаловались, будто Минихъ говорилъ: «Когда управлюсь съ Данцигомъ, то отдамъ визитъ бранденбургскимъ и прус-

скимъ землямъ.» Сначала цесарскій посолъ графъ Секендорфъ писалъ Миниху, чтобъ для несходатайствованія пропуска артиллеріи онъ самъ прѣѣхалъ въ Потсдамъ съ четырьмя великанами, а потомъ писалъ, чтобъ письменно извинился предъ королемъ. Минихъ по этому случаю доносилъ императрицѣ $\frac{7}{18}$ апрѣля: «Еслибъ я въ Потсдамъ поѣхалъ и никакого успѣха не получилъ, то понесъ бы безчестіе чину, которымъ ваше величество меня пожаловали; а теперь въ отвѣтъ на явныя неправды короля писать ему извинительныя и покорныя письма никакой причины не нахожу. Что я говорилъ о непріятельскомъ визитѣ въ Бранденбургію и Пруссію — это клевета; но здѣсь разговоры и письма имѣются, по которымъ король прусскій съ войсками своими долженъ прійти на помощь Данцигу; маркизь Шетарди предлагалъ, чтобъ король оступилъ Данцигъ своими войсками, и Понятовскій именемъ Станислава обѣщаль прусскому королю епископство Варминское и городъ Эльбингъ. Сюда же долженъ прѣѣхать и медиаторъ между мною и городомъ. Но къ чему можетъ клониться такая медиация? Только къ тому, чтобъ спасти Станислава и его приверженцевъ, оказать услугу французскому королю, воспрепятствовать вашему императорскому величеству въ полученіи справедливаго удовлетворенія отъ дерзкаго города и сдѣлать безплодными труды, понесенныя армією вашего величества при его осадѣ. Но съ помощію Божією этого ничего не будетъ, и я ни съ какимъ прусскимъ медиаторомъ въ дѣло не вступлю. Здѣсь мнѣ и безъ того не безъ заботы и печали. За четыре недѣли армія вашего величества была безъ провіанта и фуражу, безъ рубахъ и обуви, большая часть въ лазаретѣ безъ медиковъ и фельдшеровъ, въ зимнее время осаждала она городъ, снабженный сильнымъ гарнизономъ и артиллерією, не имѣя инженеровъ, артиллеристовъ, пушекъ, пороху и пуль; притомъ армія такъ разбѣива, что нельзя дѣлать смѣны; отпущенная моремъ изъ Либавы артиллерія рискуеть попасться въ руки непріятелю, потому что здѣсь стоитъ французскій фрегатъ и можетъ въ нѣсколько часовъ быть въ Нидлау. Надобно ожидать ежегодно французской и шведской помощи городу. Воевода люблинскій съ своимъ корпусомъ стоитъ въ нашихъ квартирахъ у Тухеля и Хонига; генераль-лейтенантъ Загряжскій, вмѣсто того, чтобъ вступить съ нимъ въ битву, заключилъ съ нимъ перемиріе и имѣлъ свиданіе, и хотя Поляки при

этомъ говорили, что лучше хотять короля цыгана, чѣмъ Нѣмца, однако Русскіе съ ними вмѣстѣ шли, и слышно, что сынъ Загряжскаго принялъ 50 червонныхъ въ подарокъ отъ Тарло. Поэтому я принужденъ былъ вчера поутру отправить генерала Леси и 1000 человекъ изъ моего слабаго лагеря къ корпусу Загряжскаго, чтобъ этого Тарло съ Божіею помощію побить и привести себя въ безопасность съ тылу, все войско совокупить, осаду продолжать, Французамъ и Шведамъ сопротивляться. Отъ этого зависитъ слава вашего величества и вашего войска, а Тарлово намѣреніе—Станислава избавить и воспользоваться отсутствіемъ короля Августа. Генераль-майоръ Любрасъ по десятикратно повторенному приказу сюда неидеть, подъ предлогомъ, что мало оставить въ Варшавѣ 400 человекъ, затѣмъ пять полковъ его команды стоятъ тамъ, а при арміи шатровъ нѣтъ. Такимъ образомъ Загряжскій и Любрасъ подлежатъ военному суду. Волынский взялъ вчера паспортъ въ Петербургъ для лѣченія; князь Борятинскій лежитъ уже четыре недѣли боленъ, также и большая часть полковниковъ. Впрочемъ здѣсь при арміи, слава Богу, все благополучно и ни въ чемъ недостатку нѣтъ; непріятель ничего противъ меня предпринять не смѣетъ; я уже такъ близко къ его укрѣпленіямъ, что могу приступить когда только получу людей и артиллерію. Солдаты поднимають почти каждое пушечное ядро, брошенное непріятелемъ, потому что имъ платять за каждое ядро по три копѣйки: такъ какъ множество непріятельскихъ бомбъ не разрываетъ, то мы вынимаемъ изъ нихъ порохъ, который очень хорошъ. Солдаты бодры, и я тѣмъ, которые стоятъ въ апрошахъ, пока морозъ и постъ, ежедневно велю давать по чаркѣ вина и по алтыну денегъ.»¹²

Генераль Любрасъ дѣйствительно ослушался приказаній фельдмаршала и не двинулся изъ Варшавы, за что былъ отданъ подъ военный судъ, но оправдался, благодаря заступленію оберъ-штаб-мейстера Левенвольда, врага Минихова. Но Минихъ, кажется, слишкомъ поспѣшилъ обвинить генерала Загряжскаго: по другимъ извѣстіямъ конфедераты: воевода люблинскій Тарло и каштелянъ черскій Рудзинскій перешли Вислу, чтобъ идти на помощь Данцигу; высланные противъ нихъ Минихомъ генералы—Загряжскій и Карлъ Биронъ встрѣтили Рудзинскаго при городкѣ Швець; у Русскихъ было 2000 драгунъ и 1000 козаковъ; у По-

ляковъ 3000 шляхты на коняхъ и 2000 пѣхоты; несмотря однако на превосходство своихъ силъ, Поляки были совершенно разбиты. Но вскорѣ потомъ подъ мѣстечкомъ Тухолою побѣдители встрѣтили Тарло съ 12,000 войска. Предводительствуя въ четыре раза сильнѣйшимъ войскомъ, Тарло не рѣшился вступить въ битву, а вошелъ въ переговоры съ Загряжскимъ, который обѣщаль ему пропустить двоихъ офицеровъ въ Данцигъ, и въ то же время далъ знать Миниху о своемъ опасномъ положеніи и требовалъ подкрѣпленія¹³. Минихъ отправилъ Леси, который настигъ Тарло при деревнѣ Высѣченѣ, за милю отъ померанской границы, и послѣ двухчасоваго боя принудилъ къ отступленію.

1-го апрѣля въ устьяхъ Вислы появился французскій фрегатъ съ шведскимъ войскомъ и оружіемъ; но Леси принудилъ его уйти назадъ въ море; къ Русскимъ пришла артиллерія, отправленная изъ Риги и Ревеля, прибыли и саксонскія мортиры по почтѣ въ закрытыхъ телѣгахъ: ихъ пропустили чрезъ прусскія владѣнія, потому что ихъ выдали за экипажи герцога вейсенфельскаго. Эти экипажи разставили 18 апрѣля на русскія батареи и начали стрѣлять по городу. Въ это время пришла французская эскадра и нѣсколько людей успѣли высадиться; но Французы не нашли никакой возможности ни соединиться съ польскимъ войскомъ, ни войти въ городъ, потому что Минихъ взятіемъ форта Зоммершанцъ совершенно пресѣкъ сообщенія Данцига съ его гаванью Вейхельмюнде. Французы два дня имѣли намѣреніе атаковать русскіе посты, находившіеся на берегу Вислы, но отчаялись въ успѣхѣ при видѣ незначительности своихъ силъ, сѣли на корабли и вышли въ море. Тогда Минихъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, рѣшился положить конецъ осадѣ взятіемъ самаго сильнаго укрѣпленія, форта Гагельсберга. Три тысячи солдатъ должны были идти на приступъ и пять тысячъ ихъ поддерживать. Около полуночи Русскіе двинулись на приступъ въ необыкновенномъ порядкѣ и сохраняя глубокое молчаніе; они овладѣли уже батареею съ семью пушками; но по рѣдкому несчастію, предводители всѣхъ трехъ колоннъ, почти всѣ офицеры генеральнаго штаба и инженеры были убиты или ранены при первомъ залпѣ непріятеля. Колонны, вмѣсто того, чтобъ идти отдѣльно, смѣшались, и солдаты, не имѣя вождей, остановились и стояли неподвижно три часа сряду подъ страшнымъ огнемъ осажденных.

Минихъ, замѣтя безпорядокъ, послалъ адъютантовъ съ приказомъ идти назадъ; но солдаты не послушались и отвѣчали, что всѣ лягутъ на мѣстѣ, а не отступать ни на шагъ. Леси принужденъ былъ самъ отправиться уговаривать солдатъ къ отступленію, и они послушались, потому что очень любили его. Осаждающіе потеряли болѣе 2000 человекъ убитыми и ранеными и 120 офицеровъ. Минихъ утѣшалъ императрицу тѣмъ, что такія потери не представляютъ ничего необыкновеннаго, и притомъ же Русскіе показали удивительную храбрость; императрица, въ свою очередь, утѣшила фельдмаршала милостивымъ рескриптомъ.

Осажденные не воспользовались гагельсбергскою неудачею Русскихъ: они не двигались, все дожидаясь французской помощи. Минихъ доносилъ 7 мая: «До сихъ поръ въ городъ уже 1500 бомбъ брошено, и несмотря на то, осажденные не обнаруживаютъ никакой склонности къ сдачѣ; у меня есть еще бомбъ на 10 дней, а между тѣмъ надѣюсь, не придетъ ли саксонская или наша осадная артиллерія.» 13 мая показались опять на рейдѣ 11 французскихъ кораблей, которые также высадили войско на берегъ. 16 мая это войско атаковало русскіе ретраншаменты, и въ то же время осажденные, въ числѣ 2000, съ пушками сдѣлали вылазку; но и тѣ и другіе были отбиты, при чемъ съ русской стороны отличился полковникъ Олонецкаго драгунскаго полка Лесли. Узнали, что французскими войсками командуетъ бригадиръ Ламоттъ де ла Пейрузъ, а число всего войска 2040 человекъ. Такъ въ первый разъ помѣрились силами Русскіе съ Французами. «Русскіе офицеры и солдаты, по словамъ Миниха, въ сей акціи превеликій куражъ, охоту и радость оказывали, и ничего такъ не желали, какъ чтобъ Французы еще сильнѣе пришли и въ другой разъ бы отвѣдали.» Вслѣдъ за этимъ Минихъ былъ обрадованъ прибытіемъ саксонскаго войска. Русскаго войска съ подошедшими изъ Варшавы отрядами было въ это время подъ Данцигомъ 16.337 человекъ.

Въ началѣ іюня Минихъ доносилъ о прибытіи русскаго флота съ артиллеріею на данцигскій рейдъ, вслѣдствіе чего французская эскадра, оставивъ войско въ Вейхзельмюнде, удалилась, и тридцатипушечный фрегатъ, который былъ при Вейхзельмюнде, при отплытіи своемъ съѣлъ на мель; за то три русскихъ галіота попала въ руки Французамъ, которые въ своихъ извѣстіяхъ

изъ трехъ галіотовъ сдѣлали пять военныхъ кораблей, нагруженныхъ бомбами. Минихъ, получивъ артиллерію, началъ дѣлать апроши къ Вейхсельмюнде и послалъ къ бригадиру Ламотту съ требованіемъ сдачи; Ламоттъ снесся съ находившимися въ городѣ Станиславомъ и маркизомъ деонти, и тѣ отвѣчали, что намѣрены обороняться до послѣдняго человѣка и надѣются, что Вейхсельмюнде можетъ держаться по крайней мѣрѣ четыре недѣли, а между тѣмъ получитъ сильная французская помощь, и если Вейхсельмюнде будетъ защищаться какъ слѣдуетъ, то вся русская пѣхота можетъ погибнуть. Минихъ далъ знать Ламотту, что по извѣстіямъ отъ министровъ изъ Голландіи и Англіи на французскую помощь не можетъ быть никакой надежды, а русскій флотъ уже на данцигскомъ рейдѣ, и если французы по истеченіи трехъ дней не сдадутся, то никакой капитуляціи и пощады не получатъ. 12 іюня Французы сдали Вейхсельмюнде. На другой день сдалось укрѣпленіе Мюнде; 17 іюня русскій флотъ повезъ сдавшихся Французовъ, чтобы высадить ихъ въ одномъ изъ портовъ Балтійскаго моря; отвозомъ Французовъ надобно было спѣшить тѣмъ болѣе, что пришло извѣстіе о вступленіи въ Балтійское море осьми французскихъ военныхъ кораблей съ новымъ вспомогательнымъ войскомъ изъ осьми батальоновъ. Шведовъ, находившихся въ Мюнде, Минихъ отправилъ съ паспортами. Станиславъ успѣлъ уйти, переодѣвшись въ крестьянское платье, послѣ чего 28 іюня сдался Данцигъ съ обязательствомъ быть вѣрнымъ королю Августу III-му; польскіе вельможи, находившіеся въ городѣ, примасъ Потоцкій, епископъ плоцкій Залускій, воевода рускій Чарторыйскій, воевода мазовецкій Понятовскій и другіе отдались въ волю и милосердіе русской императрицы. Городъ Данцигъ долженъ былъ отправить въ Петербургъ торжественную депутацію изъ самыхъ знатныхъ гражданъ по выбору императрицы съ просьбою о всемилостивѣйшемъ прощеніи; войска, находившіеся въ городѣ, сдались военноплѣнными; городъ обязался не принимать никогда въ свои стѣны непріятелей императрицы и заплатить ей за военныя издержки милліонъ битыхъ ефимковъ; за то что во время осады, въ противность военному обыкновенію, звонили въ колокола, городъ долженъ заплатить 30,000 червонныхъ; за уходъ Станислава Лещинскаго городъ долженъ былъ выплатить милліонъ ефимковъ, если не представитъ бѣглеца въ четыре не-

дѣли. ¹⁴ Сдавшихся Французовъ привезли въ Кронштадтъ, откуда отправили въ Копорье, гдѣ держали въ лагерѣ. Такъ какъ по условію надобно было ихъ высадить въ одну изъ балтійскихъ гаваней, и конечно Французы не разумѣли здѣсь Кронштадта, то надобно было ихъ отправить въ отечество; но прежде хотѣли попробовать, нельзя ли извлечь изъ ихъ пребыванія въ Россіи какой нибудь выгоды. 23 іюля 1734 года императрица отправила въ Копорье флотскаго капитана Полянскаго съ такимъ наказомъ: «бхать тебѣ въ Копорье въ лагерь, гдѣ обрѣтаются Французы и объявить нашъ указъ гвардіи майору Албрехту или Астраханскаго полка подполковнику Лопухину, что мы указали быть тебѣ при тамошней командѣ обще съ ними, потому что ты французскаго языка умѣешь, и Французамъ также объявить, что ты для нихъ нарочно присланъ. Притомъ майору или подполковнику секретно объявить, чтобъ они помянутыхъ Французовъ впредь такъ крѣпко не держали какъ нынѣ, и ежели бь кто изъ нихъ сталъ уходить тайно, то за тѣми присматривать, и отъ того ихъ удерживать не велѣтъ, а для сыску за ними никуда не посылать, по неже изъ нихъ многіе есть мастеровые люди, и буде они будутъ уходить, то тотъ ихъ побѣгъ къ лучшему нашему интересу воспослѣдуетъ, чего ради не токмобъ ихъ отъ того удерживать, но еще по крайней возможности въ томъ имъ способствовать и къ тому приговаривать, и какъ можно тайно отправлять ихъ въ С.-Петербургъ» ¹⁵.

Первый актъ борьбы за польскій престолъ кончился взятіемъ Данцига; мѣстомъ втораго дѣйствія долженствовала быть болѣе широкая сцена. Изъ письма генерала Густава Бирона мы видѣли, что братья Левенвольды перессорились въ Варшавѣ; младшій, камергеръ просилъ отозвать его; просьба была исполнена, и на его мѣсто былъ отправленъ къ польскому двору дѣйствит. стат. совѣтникъ и президентъ Академіи Наукъ Кейзерлингъ, который впрочемъ долженъ былъ играть второстепенную роль; оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ попрежнему заправлялъ польскими дѣлами, сносясь съ тремя дворами, вѣнскимъ, берлинскимъ, и дрезденскимъ.

Левенвольдъ изъ Варшавы отправился въ Краковъ, для присутствія на коронаціи Августа III, а отсюда въ началѣ 1734 года поѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь нужно было толковать объ окончаніи поль-

скихъ дѣлъ; а между тѣмъ Левенвольдъ долженъ былъ предложить и другой, турецкій вопросъ, представивъ, что Порта относится враждебно къ австро-русскимъ интересамъ въ Польшѣ и Татары нападаютъ на русскія границы, чего терпѣть нельзя. Эти представленія были очень непріятны вѣискому двору: польское дѣло еще не кончено, предстоитъ война съ Франціей, а тутъ Россія поднимаетъ турецкую войну, въ которой Австрія должна помогать ей. Царскіе министры отвѣчали Левенвольду, что государь ихъ самымъ прилежнымъ образомъ совѣтуетъ *диссимулировать* съ Турками, и пока они находятся въ покоѣ, ничего противъ нихъ не начинать, потому что теперь не время: Французы воспользуются случаемъ, чтобъ съ большимъ успѣхомъ давать внушеніе и подстрѣкательство какъ у Порты, такъ и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Швеціи; Франція ободрится новыми безпокойствами и затрудненіями, неизбѣжными для союзниковъ при новой войнѣ; при видѣ этихъ новыхъ безпокойствъ и затрудненій, и тѣ, отъ которыхъ цесарь ожидаетъ помощи или имѣетъ право ея требовать, станутъ уклоняться. Что же касается Татаръ, то съ ними можно расправиться, и Порта не почтетъ это нарушеніемъ мира. Относительно австрійской помощи противъ Турокъ, принцъ Евгений говорилъ, что ему нужно непремѣнно знать напередъ о военныхъ распоряженіяхъ съ русской стороны, и въ то же время требовалъ, чтобъ Россія, по договору, помогла Австріи войскомъ противъ Французовъ. Левенвольдъ отвѣчалъ, что русскія войска и безъ того заняты и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и еще новую тягость налагать на нихъ нельзя; что императрица относительно сосѣдей своихъ находится въ такомъ положеніи, что принуждена думать о защитѣ собственныхъ границъ; въ Польшѣ дѣйствуетъ одна армія и конца тамошнимъ дѣламъ еще не предвидится; надобны войска въ Герсеи, и должно готовить другія въ ожиданіи войны турецкой, которую Татары уже начали своими нападеніями; не меньшую осторожность надобно наблюдать и со стороны Швеціи, которая волнуется французскими интригами. Если, по желанію цесаря, съ Турками и диссимулировать, то не мѣшаетъ заблаговременно условиться о необходимыхъ мѣрахъ, чтобъ императрица могла знать навѣрное, какую помощь получить она отъ цесаря, если Турки нападутъ на ея владѣнія, тѣмъ болѣе, что эту помощь цесарь долженъ оказать

и въ видахъ собственной безопасности, ибо интересы обѣихъ имперій относительно Турціи нераздѣльны. Австрійскіе министры отвѣчали, что все это справедливо, и русская государыня должна быть увѣрена, что цесарь подастъ ей помощь въ турецкой войнѣ нѣкоторымъ числомъ конницы и во всякомъ случаѣ будетъ стараться доказать свои вѣрно-союзническія намѣренія. Жаловались на Пруссію, что, благодаря ея равнодушію, цесарь лишень помощи остальныхъ князей германскихъ, которые соображаютъ свои поступки съ поступками Пруссіи. Левенвольдь писалъ императрицѣ, что, по его мнѣнію, вѣнскій дворъ, по возможности, обнаруживаетъ добрую склонность, а что въ польскихъ дѣлахъ войсками сообща дѣйствовать не можетъ и противъ Турокъ никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ содержанія на границахъ довольно числа войскъ, предпринять не въ состояніи,—единственную причину тому бездѣйствіе прочихъ союзниковъ, которые на одного цесаря возлагаютъ всю тяжесть Французской войны. Французы все входятъ далѣе и далѣе въ глубь имперіи и вездѣ собираютъ большія контрибуціи, только въ земляхъ курфирста пфальцскаго все деньгами платятъ и раздаютъ опасныя грамоты, что служить знакомъ добраго согласія ихъ съ курфирстомъ. Курфирстъ кельнскій набираетъ войска и возбуждаетъ также сильное подозрѣніе, а приверженность къ Франціи курфирста баварскаго давно открылась, и легко разсудить, что Франція будетъ всѣми средствами усиливать свою партію въ имперіи. Въ Саксоніи боятся, чтобъ Французы чрезъ Кассель и Турингію не пробрались къ саксонскимъ границамъ.

Въ концѣ апрѣля Левенвольдь выѣхалъ изъ Вѣны и отправился въ Саксонію для свиданія съ польскимъ королемъ. Августа III онъ нашелъ въ Лейпцигѣ и сталъ ему внушать, что всѣ затрудненія проиходятъ отъ прусскаго короля, который не оказываетъ союзнымъ дворамъ должной помощи, сердясь за возведеніе на польскій престоль его, курфирста, который поэтому обязанъ привлечь Фридриха Вельгельма на свою сторону всякаго рода угожденіями: Августъ III согласился угождать прусскому королю, предложить ему съ саксонской стороны отдать въ закладъ амтъ Гоморнь, а съ польской Эльбингъ.

Изъ Лейпцига Левенвольдь отправился въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ съ королемъ длинный разговоръ, подробно изъясняя ему ходъ

польскихъ дѣлъ, какъ Франція, стараясь возвести на престолъ Станислава Лещинскаго, имѣла въ виду одно—проложить дорогу къ польскому престолу французскимъ принцамъ и привести Польшу въ полную отъ себя зависимость, что было бы и Пруссіи такъ же вредно, какъ и другимъ сосѣднимъ державамъ. Оба императорскіе двора сначала вовсе не думали о курфирствѣ саксонскомъ, и хотѣли, согласно съ желаніемъ прусскаго короля, возвести на престолъ какого-нибудь пята: но при господствѣ французской партіи, при употребленіи огромныхъ денежныхъ суммъ и при сильныхъ вооруженіяхъ не было никакой возможности думать объ иномъ кандидатѣ, кромѣ самостоятельнаго государя, который былъ бы въ состояніи содержать свою партію собственными силами и деньгами. Выбравши Поляка, надобно было бы поддерживать его войскомъ и деньгами; но прусскій король объявилъ, что въ польскомъ дѣлѣ деньгами помогать не будетъ, и прусскіе министры въ Польшѣ съ самаго начала держали себя въ такомъ отдаленіи отъ министровъ русскаго и австрійскаго, что противная партія могла выводить отсюда самыя благоприятныя для себя заключенія. Наконецъ при такихъ обстоятельствахъ нельзя было найти ни одного Поляка, который былъ бы такъ смѣлъ, что рѣшился бы принять престолъ.

Король, выслушавъ все это, сказалъ: «А цесарь теперь находится въ трудномъ положеніи отъ Французовъ: какъ онъ изъ такихъ затрудненій выпутается? Левенвольдъ отвѣчалъ, что исходъ дѣла въ рукахъ его, Фридриха Вильгельма, если съ прямою ревностію вступить въ дѣло, выставить побольше войска противъ Французовъ или, по крайней мѣрѣ, сборомъ и движеніемъ его покажетъ видъ, что хочетъ содѣйствовать возстановленію общаго спокойствія. Король сказалъ на это, что дѣло требуетъ еще долгаго обдумыванія и что ему прежде надобно знать подлинно, какую безопасность онъ въ Пруссіи будетъ имѣть со стороны Польши, чтобъ польская смута какъ-нибудь не обратилась во вредъ ему; что онъ совершенно спокоенъ относительно русскіихъ войскъ, но не можетъ быть спокоенъ насчетъ Поляковъ, если объявятъ себя противъ нихъ и выведетъ свои войска изъ Пруссіи. Левенвольдъ отвѣчалъ, что союзъ съ Россіею служить для него лучшимъ обезпеченіемъ, и если онъ хочетъ, Россія можетъ возобновить свою гарантію Пруссіи, хотя и трудно себѣ представить,

чтобъ, при существующемъ союзѣ между Россіею и Пруссіею, Поляки осмѣлились напасть на послѣднюю. Наконецъ Левенвольдъ коснулся главнаго пункта — вознагражденія Пруссіи со стороны Августа III, упоминая, что дѣло объ амтѣ Гоморнъ можетъ быть легко улажено, и просилъ короля объявить, чего онъ еще желаетъ. вмѣсто отвѣта, король сказалъ, чего отъ него хотятъ? — «Признанія Августа III королемъ польскимъ и удаленія отсюда французскаго министра Шетарди,» отвѣчалъ Левенвольдъ. — «Немедленно велю своимъ министрамъ вступить съ вами въ конференцію,» сказалъ король и отпустилъ русскаго посланника. Но когда результаты конференціи были донесены королю, то Левенвольду объявлено было требованіе, чтобъ курфиреть Августъ уступилъ Пруссіи Курляндію и Померанію съ городомъ Эльбингомъ, и требованіе предъявлялось на основаніи общаній, полученныхъ отъ русскаго двора. Взятіе Данцига положило конецъ этимъ требованіямъ ¹⁶.

Союзную Россіи Данію польскія дѣла поставили въ затруднительное положеніе. Въ мартѣ 1733 года Бракель писалъ въ Петербургъ: «Здѣшнее министерство насчетъ проѣзда короля Станислава чрезъ Зундъ находится въ сомнѣніи: Франціи прямо отказать не хотять, и пропустить также не желаютъ. Я буду уговаривать ихъ, чтобъ не пропускали и признали за поводъ къ войнѣ, если французская военная эскадра пойдетъ въ Балтійское море.» Французскій посоль толковалъ, что его государь вмѣшивается въ польскія дѣла для охраненія польской вольности, стѣсняемый цесаремъ и его союзниками; Бракель внушалъ, что наоборотъ Франція стѣсняетъ польскую вольность, навязывая Полякамъ Лещинскаго; датскіе министры отвѣчали, что имъ сомнительно въ этомъ дѣлѣ принять ту или другую сторону, но обнадеживали Бракеля, что будутъ содержать заключенный съ Россіею союзный договоръ. Въ маѣ французскій посоль потребовалъ, чтобъ Данія, по крайней мѣрѣ, оставалась нейтральною въ польскомъ дѣлѣ, ибо какъ скоро хотя одинъ человекъ войдетъ въ Польшу для противодѣйствія избранію Лещинскаго, то необходимымъ слѣдствіемъ будетъ война съ Франціею. Датскіе министры отвѣчали, что король ихъ не отступитъ отъ австро-русскаго союза. Французъ грозилъ союзомъ Франціи съ Швеціею, что производило впечатлѣніе на Датчанъ. Въ началѣ іюля французскій по-

соль объявилъ, что король его счелъ нужнымъ отправить военную эскадру въ Балтійское море, и такъ какъ французскій дворъ находится съ датскимъ въ добромъ согласіи и дружбѣ, то онъ, посоль, обращается съ просьбою, чтобъ для этой эскадры былъ свободный пропускъ чрезъ Зундъ и чтобъ въ нужномъ случаѣ французскіе корабли могли найти пристанище и помощь въ датскихъ гаваняхъ. Ему отвѣчали, что въ проходѣ чрезъ Зундъ никакой державѣ отказано быть не можетъ и датскія гавани открыты для французскихъ кораблей, если только французская эскадра посылается не съ тѣмъ, чтобъ вступить въ какое-нибудь непріязненное столкновеніе съ союзниками Даніи.

Осенью Бракель отправился въ Гамбургъ для улаженія шлезвигскаго дѣла, т.-е. для увѣщанія герцога голштинскаго отказаться отъ Шлезвига за извѣстную сумму денегъ. По пріѣздѣ туда, Бракель доносилъ императрицѣ, что голштинской службы генераль-майоръ Штейнфлихтъ поѣхалъ во Францію, и увѣряютъ, что герцогъ послалъ его къ Станиславу Лешинскому; оберъ-камергеръ Штаркъ отправляется въ Англію. Бракель прибавлялъ къ этому извѣстію: «Герцогъ смолоду былъ дурно воспитанъ, и потому онъ до сихъ поръ приводитъ себя изъ одного несчастія въ другое. Поэтому мало надежды, что онъ приметъ наше предложеніе; графъ Бассевичъ разглашаетъ, что ему отъ нашего двора обѣщано 100,000 рублей, если онъ склонитъ герцога къ уступкѣ Шлезвига. Я объявилъ находящимся здѣсь голштинскимъ чиновникамъ, что Бассевичъ хвастаетъ, что онъ отъ Россіи не получитъ ни одного ефика, ибо для герцогскаго голштинскаго дома сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ могъ по праву требовать; притомъ извѣстно, что Бассевичъ не пользуется большимъ кредитомъ у герцога.»

Дождавшись въ Гамбургѣ цесарскаго посланника, графа Вратислава, Бракель отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Киль уговаривать герцога голштинскаго къ принятію датскаго предложенія относительно Шлезвига; герцогъ принялъ ихъ очень ласково, угостилъ, но согласія не далъ, и Бракель долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться въ Копенгагенъ. Здѣсь французскій посланникъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ Данія оставалась нейтральною въ случаѣ если Швеція объявитъ войну Россіи, или будетъ помогать Станиславу. Всѣ старанія его остались тщетными: датское правительство объ-

явило, что твердо будетъ соблюдать договоры, заключенные имъ съ обоими императорскими дворами. Но съ другой стороны Бракель не могъ убѣдить датское правительство, чтобъ оно за рускія субсидіи выставило отрядъ своего войска противъ Станислава; не могъ уговорить, чтобъ оно своимъ флотомъ помѣшало проходу французскихъ кораблей чрезъ Зундъ въ Балтійское море: датскіе министры отвѣчали, что король ихъ въ польскія дѣла не вмѣшается и приметъ за оружіе въ пользу Россіи только тогда, когда на нее будетъ сдѣлано нападеніе. Сдача Данцига прекратила эти дѣла; а въ концѣ 1734 Бракель былъ переведенъ въ Берлинъ, и на его мѣсто снова былъ назначенъ въ званіи чрезвычайнаго министра Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ¹⁷.

Братъ его Михаилъ Петровичъ не смѣнялся въ Швецію. Когда здѣсь получено было извѣстіе о смерти Августа II, то онъ отправился ко двору и прислушивался къ разговорамъ объ этой важной перемятѣ: многіе изъявляли желаніе видѣть на польскомъ престолѣ опять Станислава Лещинскаго. Въ мартѣ Бестужевъ извѣстилъ, что получены письма отъ Лещинскаго къ королю и королеві, въ которыхъ Станиславъ проситъ помочь ему въ полученіи польскаго престола. Французскій посоль Кастежа получилъ указъ склонять къ этому шведское правительство. Бестужевъ прибавляетъ: «По обстоятельствамъ и по разговорамъ здѣшнихъ министровъ и прочихъ знатныхъ персонъ, надобно думать, что дворъ шведскій, по всякой возможности, будетъ помогать Лещинскому; только нельзя надѣяться, чтобы Швеція стала на это тратить много денегъ; знающіе здѣсь люди разсуждаютъ, основываясь на скупости французскаго министерства, что и французскій дворъ надлежащихъ издержекъ для Станислава не употребитъ. Графъ Бонди сказалъ Бестужеву, что они не скрываютъ своего желанія видѣть Станислава на польскомъ престолѣ и будутъ ему помогать добрыми услугами (*bonis officiis*), но никогда не окажутъ ему такой помощи, которая бы могла завлечь ихъ далеко. Но при этомъ дали знать Бестужеву, что нѣкоторые сенаторы помогаютъ французскому послу и потому надобно имъ что-нибудь дать. По мнѣнію Бестужева достаточно было 6000 червонныхъ: главному доброжелателю Россіи барону Гепкину, предсѣдателю коммерцъ-коллегіи, 2000, да 4000 тѣмъ сенаторамъ, которыхъ онъ удержитъ отъ вспоможенія французскому послу, и другимъ надобнымъ лю-

дямъ. Въ концѣ іюня Бестужевъ донесъ, что Горнъ обходится очень дружески съ французскимъ посломъ и склоненъ въ пользу Лещинскаго; отъявленнымъ же приверженцемъ Франціи былъ сенаторъ Делагарди.

До сентября Бестужевъ не могъ извѣстить ни о чемъ важномъ. Отъ 14 числа этого мѣсяца онъ далъ знать, что извѣстіе объ избраніи Лещинскаго въ Варшавѣ произвело въ Стокгольмѣ неслезанную радость какъ при дворѣ, такъ и въ народѣ. Но радость эта скоро утихла, когда велѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе, что Станиславъ съ своими приверженцами долженъ былъ удалиться въ Данцигъ, и противная партія провозгласила королемъ Августа III. Въ концѣ октября Кастежа началъ хлопотать, чтобъ Швеція за деньги дала Лещинскому отъ 10 до 15,000 вспомогательнаго войска. Видя нерасположеніе шведскаго правительства такъ явно вмѣшаться въ дѣло, Кастежа началъ набирать въ Швецію охотниковъ—солдатъ и офицеровъ для отправленія въ Данцигъ къ Станиславу. Въ офицеры было принято 40 человекъ молодежи, при каждомъ по два человекъ рядовыхъ солдатъ, которые въ паспортахъ были показаны лакеями офицеровъ. Въ концѣ года Бестужевъ доносилъ, что хотя въ Швеціи генералы все склонны къ французской сторонѣ, однако правительство держитъ себя нейтральнымъ, и надобно надѣяться, что не переменитъ своего поведенія до будущаго сейма. Король такъ явно выказываетъ расположеніе свое къ Россіи, что даже возбуждаетъ народный ропотъ. Когда однажды Бестужевъ былъ у него, и въ это время пришли проститься съ нимъ нажи, завербованные Кастежа въ службу къ Станиславу, мальчики отъ 14 до 15 лѣтъ, то король тихонько сказалъ Бестужеву: «Вотъ войны, которые ѣдутъ выручать Данцигъ; да и между другими, отправляющимися туда, половина негодныхъ.»

Кастежа не переставалъ требовать, чтобъ Швеція отправила корпусъ войска на помощь Данцигу, обѣщая за это большія деньги; съ другой стороны Англія предложила субсидіи съ тѣмъ, чтобы имѣть наготовѣ шведское войско для поддержанія равновѣсія въ Европѣ при настоящихъ конъюнктурахъ. Поставленные этими предложеніями въ затрудненіе, шведскій сенатъ опредѣлилъ въ февралѣ 1734 года созвать чрезвычайный сеймъ. Положеніе русскаго министра въ отношеніи къ сейму было теперь

совершенно иное, чѣмъ прежде. Мы видѣли, что прежде русскіе министры противодействовали всѣми мѣрами придворной партіи, избранію ея кандидата въ предсѣдателя сейма или ландмаршала, но теперь отношенія перемѣнились, и Бестужевъ съ большимъ огорченіемъ доносилъ, что Горну, продолжавшему враждовать съ королемъ, удалось отстранить придворнаго кандидата и провести въ маршалы челоуѣка противной партіи, графа Левенгаупта, потому что только при торжествѣ королевской партіи Бестужевъ разчитывалъ на нейтралитетъ Швеціи въ польскихъ дѣлахъ. Впрочемъ Бестужевъ утѣшалъ свой дворъ тѣмъ, что Левенгауптъ считается добрымъ патриотомъ, притомъ онъ челоуѣкъ не очень искусный въ дѣлахъ и большой опасности отъ него ожидать нельзя; доброжелатели надѣются, что онъ пойдетъ прямою дорогою изъ страха, что противная ему партія такъ же сильна, какъ и его; такимъ образомъ ходъ дѣла будетъ зависеть преимущественно отъ того, какіе члены будутъ выбраны въ секретную комиссію. Скоро Бестужевъ увѣдомилъ, что выборы въ секретную комиссію удовлетворительны: только треть членовъ подозрительны, а двѣ трети королевской партіи, да и вообще депутаты кажутся миролюбивыми, такъ что едвали нынѣшнее лѣто Швеція окажетъ помощь Данцигу и Станиславу, несмотря на то, что французскій посолъ волновалъ небо и землю, чтобъ склонить шведскій народъ на свою сторону, и ежедневно угощаетъ вліятельныхъ лицъ.

Но угощенія не помогали; планы Кастежа разстроивались извѣстіями о слабой помощи, какую Французы подаютъ Данцигу и Станиславу, и Бестужевъ все болѣе и болѣе увѣрялся, что Швеція сохранить нейтралитетъ. Когда разгласилось извѣстіе о сдачѣ Данцига, то вся охота помогать Лещинскому исчезла, и Французовъ стали бранить, зачѣмъ они Станислава такъ безбожно и безстыдно покинули. Но въ то же время торжество Россіи возбудило въ Швеціи сильный страхъ и раздраженіе, и начали смотреть во всѣ стороны, на что бы опереться противъ опасной сосѣдки. Въ секретномъ комитетѣ было рѣшено отправить указъ къ шведскимъ агентамъ въ Константинополь, чтобъ они наблюдали за поступками Порты, и если увидятъ склонность ея начать войну съ Россією, то обнадежить визиря, что немедленно будетъ отправленъ въ Царьградъ шведскій министръ для заключенія со-

юза. Въ то же время Бестужевъ далъ знать, что графъ Горнъ приходитъ въ большую силу, сеймовый маршалъ дѣйствуетъ во всемъ по его наставленію, и русскій доброжелатель Гепкинъ сильно труситъ. Кастежа опять «началъ дѣлать великія движенія.» Но скоро Горнъ охладѣлъ къ Франціи: согласно желанію Англіи, онъ завелъ дѣло о союзѣ между Швеціею и Даніею въ видахъ создать оплотъ противъ могущества Россіи на сѣверѣ; но чрезъ это произошла сильная ссора между Горномъ, Гилленборгомъ и Гепкинымъ; голштинская партія, естественно не желавшая союза съ Даніею, пристала къ французской. Непріатели Горна стали внушать народу, что дѣло идетъ о бракѣ между сыномъ принца Вильгельма кассельскаго и принцессою англійскою, и когда этотъ бракъ состоится, то Англія не только овладѣетъ всею шведскою торговлею, но и можетъ упрочить наслѣдство шведскаго престола въ кассельскомъ домѣ. Кастежа воспользовался этимъ и чрезвычайно усилилъ свою партію въ секретномъ комитетѣ; онъ говорилъ, что хотя министерство ему и противно, однако онъ надѣется посредствомъ народа достигнуть своей цѣли. Бестужевъ отправился къ Горну, и, сообщивъ ему объ этихъ разглашеніяхъ Кастежа, началъ говорить, какъ неприлично иностранному министру сноситься съ народомъ: ясно, что Кастежа хочетъ поссорить министерство съ народомъ. Горнъ отвѣчалъ, что французскій посоль идетъ тою же самою дорогою, какою шли русскій посоль князь Василій Долгорукій и цесарскій графъ Фрейтагъ во время приступленія Швеціи къ ганноверскому союзу; впрочемъ онъ, Горнъ, надѣется, что и французскій посоль теперь получитъ такой же успѣхъ, какъ и тѣ два министра.

Въ сентябрѣ Бестужевъ увѣдомилъ о заключеніи союзнаго договора между Швеціею и Даніею и объ упадкѣ французскаго вліянія въ Стокгольмѣ; въ октябрѣ доносилъ о новомъ неожиданномъ его усиленіи; въ началѣ ноября опять сообщалъ успокоительныя извѣстія. Въ концѣ мѣсяца доносилъ, что партія, во главѣ которой стоитъ графъ Гилленборгъ, склонна къ Франціи не по доброжелательству къ ней и не по ненависти къ Россіи, но по враждѣ къ Горну и по ненависти къ Англіи. Въ декабрѣ окончился сеймъ, не постановивши ничего относительно вступленія въ союзъ съ тою или другою державою, но предоставивши королю и сенату поступить въ этомъ дѣлѣ смотря по конъюнктурамъ. Французская

партія выиграла одно, что чины заявили королю удовольствіе націи, если онъ получить субсидіи отъ французскаго правительства. Это полученіе субсидій, безъ всякаго за то обязательства со стороны Швеціи, было важно для Франціи и другихъ державъ въ томъ отношеніи, что препятствовало связи Швеціи съ Англіею, полученію отъ нея субсидій. «Итакъ, писалъ Бестужевъ, если у англійскаго двора есть истинное намѣреніе разлучить Швецію съ Франціею и привлечь къ себѣ, то надобно ему, безъ потери времени, предложить здѣшнему двору такія субсидіи, которыя бы превосходили французскія и могли быть приняты безотвѣтно. Я на дняхъ говорилъ англійскому министру, просилъ его написать въ Лондонъ, что если англійскій дворъ и теперь поступитъ также слабо, какъ поступалъ во время сейма, то король и сенатъ, несмотря на свое расположеніе къ англійскому союзу, принуждены будутъ принять французскія субсидіи»¹⁸.

Такимъ образомъ, послѣ знаменитой ганноверской ссоры по мекленбургскому дѣлу, интересы Россіи и Англій впервые соединились. Мы видѣли, что по смерти Георга 1-го, англійское правительство начало выражать желаніе возобновить дружественныя отношенія къ Россіи. Удаленіе Англій отъ Франціи и сближеніе съ Австріею еще болѣе облегчило путь къ этому. Англія сдѣлала первый шагъ, назначивъ прежняго секретаря посольства, Рондо, резидентомъ при русскомъ дворѣ. Старый русскій резидентъ въ Англій, Федоръ Веселовскій, не возвратился въ Россію, боясь подвергнуться отвѣтственности за брата своего Абрама, нашедшаго убѣжище въ Англій. Въ 1731 году Федоръ Веселовскій началъ сообщать Остерману извѣстія объ англійскихъ дѣлахъ, и въ маѣ мѣсяцѣ писалъ ему: «Я остановилъ было мою корреспонденцію, будучи въ сомнѣніи, что то вашему превосходительству можетъ быть негодно; но къ немалой моей радости увѣдомился я на сихъ дняхъ отъ господина Фандербурга (русскаго резидента въ Голландіи), что вы позволяете мнѣ ее продолжать и, по великодушію своему, даже изволили всѣ мои письма ея величеству представить. За такое ваше милостивое благодѣяніе всепокорнымъ сердцемъ благодарю и всенижайше прошу предстательствовать у ея величества, дабы благоволила воззрѣть на меня милосердымъ окомъ, какъ на природнаго своего подданнаго, не отмѣнивашагося ни въ своей ревности, ни въ вѣрности къ ея

освященной особѣ или къ отечеству, но несчастнымъ, невольнымъ случаемъ испуганнаго. Представляю это не въ извиненіе себѣ, но какъ несчастный подданный, молящій о милосердіи ея величества и усердно желающій употребить послѣдніе дни жизни своей на службу отечеству.» Въ концѣ 1731 года русскимъ резидентомъ при англійскомъ дворѣ былъ назначенъ поручикъ гвардіи, князь Антіохъ Кантемиръ.

Въ 1732 году Кантемиръ не могъ донести своему двору ничего важнаго; въ 1733, по случаю смерти Августа II-го, Кантемиръ извѣстилъ свой дворъ, что, по его представленію, Георгъ II-й приказалъ отправить къ своимъ министрамъ въ Вѣну и Варшаву инструкціи, чтобъ при выборѣ новаго короля поступали согласно съ министрами обоихъ императорскихъ дворцовъ. Кантемиръ писалъ: «Нынѣшнее министерство всѣми средствами старается сохранять внутри и внѣ государства тишину, которую англійскій король парламенту своему и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году обѣщаль: по этому я не надѣюсь, чтобъ противъ французскаго двора англійскій король захотѣлъ поступить открыто.» Въ маѣ англійское министерство «не малое довольство показало» Кантемиру, что русская императрица намѣрена, вмѣстѣ съ цесаремъ, поддерживать саксонскаго курфирста, потому что этимъ средствомъ французскій дворъ лишится немалой подпоры въ Германіи. Кантемиръ предложилъ англійскимъ министрамъ, какъ нужно, для сохраненія спокойствія въ Европѣ, Англии и Россіи придти въ тѣснѣйшее согласіе; ему отвѣчали именемъ королевскимъ, что его величество отъ всего сердца желаетъ заключить союзъ съ Россіею и не упустилъ бы этого случая для засвидѣтельствованія своего высокаго уваженія къ русской императрицѣ; но какъ извѣстно, король въ такихъ дѣлахъ нуждается въ согласіи парламента, и народъ, по внушенію противной двору партіи, станетъ упрекать короля и министровъ, что Англию вводятъ въ новыя обязательства и въ новыя издержки, заключая союзъ съ такимъ отдаленнымъ государствомъ какъ Россія; король думаетъ, что для удовлетворенія народа хорошо было бы заключить трактатъ коммерческій и дружественный. «Изъ этихъ рѣчей, писалъ Кантемиръ, ваше величество изволить усмотрѣть, что намѣреніе здѣшняго двора клонится къ тому, чтобъ чрезъ коммерческій трактатъ получить новыя выгоды, а къ союзу мало склонности

изъ опасенія новыхъ убытковъ и нареканій отъ противной партіи. Я думалъ, что неприлично было бы долѣ настаивать: не подумали бы министры, что ваше величество изъ-за какого-нибудь своего партикулярнаго интереса или по нуждѣ такъ горячо добиваетесь ихъ союза. Но такъ какъ ваше величество повторяете мнѣ свои прежніе указы, то я не оставляю прилагать всевозможное стараніе для соглашенія здѣшняго двора къ союзу, употребляя такой разговоръ, изъ котораго бы нельзя было усмотрѣть, что ваше величество непремѣнно этого желаетъ. Я соглашусь насчетъ этого и съ цесарскимъ посломъ, который до сихъ поръ никакой помощи мнѣ не далъ. Онъ мнѣ говорилъ, что для склоненія здѣшняго двора въ интересъ его государя необходимо, чтобъ австрійскія войска не вступали въ Польшу, потому что если король французскій нападеть на цесаря за Польшу, то англійскій король можетъ объявить въ парламентъ, что цесарь къ войнѣ причины не подалъ, и потому Англія должна помогать ему; если же цесарь введетъ войска свои въ Польшу, то оппозиція будетъ имѣть основаніе противиться дачѣ субсидій, представляя, что Англія обязана помогать цесарю только въ такомъ случаѣ, когда на него нападутъ, и введеніемъ своихъ войскъ въ Польшу онъ будетъ нападчикомъ. Поэтому цесарскій посоль здѣсь внушалъ, что ваше величество по своей самовластной волѣ приказали своимъ войскамъ вступить въ Польшу и что цесарь не можетъ вамъ въ томъ указывать. Думаю, что поступокъ вѣнскаго двора можетъ быть полезенъ для склоненія здѣшняго двора объявить себя противъ Франціи.»

Въ ноябрѣ, когда польское дѣло затянулось и можно было ожидать сильныхъ мѣръ со стороны Франціи, появленія ея флота на Балтійскомъ морѣ, Кантемиръ получилъ отъ своего двора приказаніе возобновить предложеніе о союзѣ. Кантемиръ, поневолю, отправился къ управлявшему иностранными дѣлами лорду Гаррингтону и началъ тѣмъ, что предлагаемый имъ союзъ долженъ быть основанъ на существующихъ договорахъ для сохраненія общаго спокойствія въ Европѣ и особенно на сѣверѣ; союзники должны защищать другъ друга въ случаѣ нападенія, но исключень будетъ случай нападенія на Россію Турокъ, потому что тогда Россія не можетъ ожидать отъ Англіи никакой помощи; Россія не потребуетъ ничего больше, какъ помощи одною эскадрою, если

которая-нибудь изъ сѣверныхъ державъ начнетъ противъ нея войну; а сама императрица причины къ войнѣ никогда не подастъ, довольствуясь существующими границами своего государства и не желая прибавлять къ нему ни одной пяди земли. Такой союзъ не можетъ быть въ тягость англійскому народу, потому что Великобританія для собственнаго интереса, для защиты своей торговли и безъ всякаго обязательства принуждена будетъ посылать въ Балтійское море эскадры, если миръ на сѣверѣ будетъ нарушенъ, какъ и не разъ случалось. Потомъ англійскій народъ никогда не тяготился морскимъ вооруженіемъ, потому что для этого употребляются англійскіе матросы, и деньги изъ государства вонъ не выходятъ.— На это Гаррингтонъ отвѣчалъ, что англійскій народъ привыкъ роптать противъ всѣхъ обязательствъ, въ которыя англійскій король вступаетъ съ другими государствами, хотя бы и близкими, жалуясь на падающія на него отсюда тягости, и потому надобно ожидать, большаго неудовольствія отъ новаго союза съ такою отдаленною державою какъ Россія. Союзъ можетъ быть полезенъ только одной Россіи, потому что если Англія подвергнется нападенію, то отъ Россіи не можетъ ожидать никакой помощи, ибо въ корабляхъ и деньгахъ нужды не имѣеть, а перевозить русскія войска въ такое отдаленное мѣсто неудобно. Дѣйствительно Великобританія посылывала эскадру въ Балтійское море, но теперь никакой нужды въ томъ нѣтъ, потому что она въ добромъ согласіи со всѣми сѣверными державами; а это согласіе могло бы нарушиться, еслибъ она вступила въ союзъ съ Россіею безъ всякаго повода со стороны сѣверныхъ державъ. Король не можетъ понять, какимъ бы образомъ предъ англійскимъ народомъ оправдать мѣры, принятыя для защиты Россіи безо всякой нужды.— Велѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ къ Кантемиру братъ перваго министра Роберта Вальполя, Горасъ Вальполь. Робертъ отказался отъ сношеній съ Кантемиромъ, потому что тотъ не могъ объясняться по-англійски, а Вальполь не зналъ никакого другаго языка, кромѣ своего. Горасъ Вальполь объявилъ еще откровеннѣе, что къ заключенію союза съ Россіею у Англичанъ мало склонности; съ самаго начала возобновленія пріязненныхъ сношеній между Россіею и Англіею, онъ, Вальполь, и другіе англійскіе министры не разъ представляли кардиналу Флери и цесарскимъ министрамъ, что англійскій король сильно желаетъ быть

въ тѣсной дружбѣ съ Россією и защищать ея интересы добрыми услугами при каждомъ удобномъ случаѣ, и договоры дружественныя и торговые заключить готовъ, но вступить во взаимную гарантію всегда отговаривался, потому что въ такомъ союзѣ вся выгода будетъ на сторонѣ Россіи, а вся тягость падеть на Англію. Горасъ Вальполь, продолжая дружески разговаривать съ Кантемиромъ, выразилъ удивленіе, что русскіе министры стараются затруднить заключеніе торговаго договора, требуя чтобъ вмѣстѣ заключенъ былъ и союзный договоръ, какъ будто торговый договоръ не столько полезенъ Россіи, сколько Англіи. Если Англичане увидятъ, что для торговаго трактата они должны взять на себя тягость защиты Россіи, то заведутъ въ своихъ американскихъ колоніяхъ тѣ самые товары, которые теперь принуждены брать изъ Россіи. Притомъ нынѣшнія конъюнктуры очень неблагопріятны для заключенія союза съ Россією, потому что спокойствіе на сѣверѣ уже нѣкоторымъ образомъ нарушено польскими дѣлами, и король долженъ ожидать окончанія этихъ дѣлъ. Несмотря на то, въ концѣ 1733 года Кантемиръ, по приказанію своего двора, долженъ былъ сдѣлать англійскому министерству еще новое предложеніе о союзѣ; чтобъ отдѣлаться, ему отвѣчали, что ждуть отъ русскаго двора письменныхъ условій для союза, но предупреждаютъ, что король никакъ не можетъ отправить эскадру въ Балтійское море, потому что предвидится надобность во флотѣ на Средиземномъ морѣ, въ Индіяхъ и для охраненія береговъ Великобританіи.

Но въ Петербургѣ не хотѣли понять невозможности заключенія союза, и въ началѣ 1734 года прислали Кантемиру проектъ союза для передачи англійскому министерству. Кантемиръ повиновался, но донесъ: «Смѣлость приѣмлю еще подтвердить вашему импер. величеству, что въ нынѣшнее время въ негоціацію сего союза дворъ здѣшній не поступитъ, въ чемъ одного со мною мнѣнія и цесарскій посоль.» Дѣйствительно, въ концѣ марта Гаррингтонъ объявилъ Кантемиру, что король съ великимъ сожалѣніемъ принужденъ отказаться отъ союза съ императрицею, потому что обѣщаль парламенту не принимать участія въ нынѣшней войнѣ безъ его совѣта. Но Кантемиръ не долго былъ покоенъ: въ маѣ получилъ онъ изъ Петербурга приказаніе наставить на отправленіи англійской эскадры въ Балтійское море по причинѣ

усиленія французскаго вліянія въ Швеціи. Кантемиръ отвѣчалъ: «На отправление отсюда эскадры надежды никакой нѣтъ до разрыва Англіи съ Франціею.» Изъ страха передъ этимъ разрывомъ, англійское министерство не приняло также предложенія русскаго двора признать Августа III королемъ польскимъ. Оно желало ему успѣха и тѣмъ болѣе сердилось, видя, какъ онъ своимъ нерадѣніемъ длить войну. Въ разговорѣ съ Кантемиромъ лордъ Гаррингтонъ спросилъ его съ улыбкою: «Что дѣлаетъ нашъ саксонскій курфирстъ въ Лейпцигѣ?» «Онъ принужденъ держать въ Саксоніи сеймъ для полученія денегъ, необходимыхъ для войны,» отвѣчалъ Кантемиръ.—«Пожалуй и такъ, началъ опять Гаррингтонъ, однако нужно было бы оказывать болѣе заботливости и пренебречь гуляньемъ на ярмаркѣ.»—«Я надѣюсь, отвѣчалъ Кантемиръ, что король скоро возвратится въ Польшу, и если онъ кажется не очень заботливымъ, то это можетъ происходить отъ того, что другія государства, исключая Россіи, мало его ободряютъ.» Гаррингтонъ замолчалъ.

А между тѣмъ въ Петербургѣ не переставали опасаться французской эскадры и сердились на Кантемира, зачѣмъ онъ не пристаётъ къ англійскому министерству съ требованіемъ высылки англійской эскадры въ Балтійское море. Несчастный посланникъ отписывался: «Не говорилъ я объ этомъ, во первыхъ, потому что по ревности къ славѣ вашего величества хотѣлъ избѣжать частыхъ отказовъ, а во вторыхъ потому, что никакого плода отъ моихъ домогательствъ ожидать не могъ; нижайше прошу милостивѣйшаго прощенія, если ваше величество изволить признавать въ моемъ поступкѣ пренебреженіе должностію. Лучшимъ извиненіемъ мнѣ можетъ служить примѣръ цесарскаго посла, который уже шесть лѣтъ при здѣшнемъ дворѣ и владѣетъ королевскою довѣренностію, но никакимъ образомъ не можетъ добиться англійской эскадры для Средиземнаго моря, несмотря на обязательства со стороны Англіи.» Но, дѣлать нечего, Кантемиръ опять заговорилъ Горасу Вальполю о посылкѣ эскадры; тотъ отвѣчалъ: «Мы съ Голландіею согласились предложить наше посредничество для прекращенія войны между цесаремъ и Франціею, а потому послать эскадру никакъ не можемъ.» Извѣстіе о сдачѣ Данцига вело Кантемира изъ неприятнаго положенія ¹⁹.

Англійская эскадра не надобилась больше, потому что фран-

цузскій флотъ не явился въ Балтійскомъ морѣ, и Русскіе безпрепятственно были приверженцевъ Станислава въ Польшѣ и Литвѣ. Мы видѣли, что этихъ приверженцевъ было много, но вмѣсто того, чтобъ вести войну съ Русскими, они занимались усобицею, опустошеніемъ земель своихъ противниковъ, приверженцевъ Августа. Они вредили русскимъ войскамъ только тѣмъ, что утомляли ихъ бесполезными переходами. Иногда большія массы Поляковъ приближались къ русскому отряду, распуская слухи, что хотятъ дать сраженіе: но не успѣютъ русскіе сдѣлать два пушечные выстрѣла, какъ уже Поляки бѣгутъ; никогда русскій отрядъ въ 300 человекъ не сворачивалъ съ дороги для избѣжанія 3000 Поляковъ, потому что Русскіе привыкли бить ихъ при всѣхъ встрѣчахъ²⁰. Въ Литвѣ билъ ихъ генераль Измайловъ, на Волыни и въ Подоліи Кейтъ. О Станиславѣ Лещинскомъ послѣ взятія Данцига долго не было слуховъ, говорили даже, что онъ ушелъ въ Турцію, какъ вдругъ онъ объявился въ Кролевицѣ (Кёнигсбергѣ), гдѣ прусскій король предоставилъ ему для пребыванія свой дворець. Отсюда въ августѣ 1734 года Станиславъ выдалъ манифестъ, призывавшій къ генеральной конфедераціи, которая и сформировалась въ Дзиковѣ подъ предводительствомъ Адама Тарло. Но эта конфедерація не надѣялась на собственные силы и отправила Ожаровскаго великимъ посломъ во Францію просить тамъ 40,000 войска и денегъ на его содержаніе, просить о возбужденіи Швеціи и Турціи къ войнѣ съ Россією, о нападеніи на Саксонію, чему конфедераты обѣщались содѣйствовать со стороны Силезіи, о возбужденіи противъ Австріи венгерскихъ недовольныхъ въ пользу Рагоци²¹.

Для успокоенія Польши отправленъ былъ Минихъ, который, передъ отъѣздомъ къ арміи, 11 февраля 1735 года подалъ императрицѣ слѣдующій докладъ:

1) Такъ какъ тамошняго корпуса походная комиссаріатская комиссія членами не довольно снабжена, къ тому же, не имѣя полномочія, по многимъ дѣламъ требуетъ напередъ резолюціи отъ главнаго кригсъ-комиссаріата, отъ чего въ дѣлахъ происходитъ большая остановка, какъ это въ бытность мою подъ Данцигомъ дѣйствительно оказывалось: то чтобъ было повелѣно эту комиссію членами снабдить и опредѣлить, чтобъ она, не описываясь съ главнымъ кригсъ-комиссаріатомъ, во всемъ исполняла по моимъ предложеніямъ, и если для присутствія въ ней есть люди

достойные при тамошнемъ корпусѣ, то было бы повелѣно опредѣлить ихъ по моему усмотрѣнію.—Резолюція: Учинить по сему пункту, а въ тамошній комиссаріатъ опредѣлить людей добрыхъ и достойныхъ съ согласія тамошняго генералитета.

2) Чтобъ на курьеровъ, пшюновъ и прочіе чрезвычайные расходы по моимъ предложеніямъ безо всякой остановки отпускались деньги изъ той же комиссіи: я буду подавать объ нихъ обстоятельные отчеты. Резолюція: отпускать деньги безъ остановки по письменнымъ требованіямъ генераль-фельдмаршала.

3) Если нѣкоторые иностранные офицеры будутъ просить о принятіи въ русскую службу, то приниматьли достойныхъ тѣми же чинами? — Резолюція: принимать до капитана, а о штаб-офицерахъ доносить обстоятельно, какія ихъ прежнія службы и достоинства.

4) Чтобъ позволено мнѣ было производить въ чины достойныхъ офицеровъ не по старшинству и не по баллотировкѣ, а по заслугамъ.—Резолюція: производить до капитана, а о высшихъ чинахъ доносить съ изображеніемъ ихъ службы.

Въ апрѣлѣ Минихъ пріѣхалъ въ Варшаву, откуда писалъ, что въ іюнѣ надѣется возстановить общее спокойствіе въ Польшѣ, ибо непріятель приведенъ въ совершенное безсиліе. Станиславъ и маркизь Шетарди всю зиму обнадеживали Яна Тарло, воеводу люблинскаго, что весною 12,000 шведскаго и 13,000 прусскаго войска явится въ Великой Польшѣ съ значительнымъ числомъ денегъ. Но когда Тарло вступилъ съ своимъ отрядомъ въ Великую Польшу, то не только не нашелъ обѣщанныхъ войскъ, но и узналъ, что прусскій король требуетъ отъ Поляковъ аманатовъ, чтобъ они въ границахъ его не дѣлали никакихъ безпорядковъ. Тутъ же было получено письмо отъ Станислава: претендентъ писалъ воеводѣ люблинскому, что на полученіе иноземной помощи нѣтъ надежды и чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, отступалъ. Узнавши объ этомъ письмѣ, войско взволновалось, и хотя воевода представлялъ, что ихъ болѣе 10,000, и потому можно было бы вторгнуться въ Саксонію, но войско отвѣчало, что онъ своими лживыми обѣщаніями хочетъ только привести ихъ въ конечную погибель для своихъ честолюбивыхъ видовъ. Съ этихъ поръ дисциплина исчезла, ратники начали разбѣгаться и попадали въ руки къ Русскимъ.

Пора была кончить дѣло въ Польшѣ и выводить оттуда войска, потому что въ Литвѣ слышались сильныя жалобы. Въ меморіалѣ, поданномъ Миниху Литовцами, говорилось, что господа генералы русской арміи интересуются въ сборѣ казенныхъ доходовъ съ великаго княжества литовскаго, не оказываютъ никакого уваженія литовскимъ войскамъ, выживаютъ ихъ съ квартиръ. Сыскъ русскихъ крестьянъ въ княжествѣ литовскомъ происходитъ насильственнымъ образомъ, со многими разореніемъ и обидами, и потому Литовцы просятъ, чтобъ сыскъ производился опредѣленно съ обѣихъ сторонъ комиссіею. Господинъ Бересневичъ, приверженецъ Ленцинскаго, производившій многіе разбои и грабительства въ повѣтахъ Вилкомирскомъ и Упитскомъ, получилъ прощеніе отъ господина фельдмаршала и обязался собирать рекрутъ въ русскую службу: Литовцы просили, чтобъ подъ покровительство императрицы не былъ принятъ человекъ, грабившій и разорявшій доброжелательныхъ Россіи людей, но принужденъ былъ вознаградить за причиненный имъ убытокъ. Великія контрибуціи, собираемыя русскою арміею, какъ провіантомъ и фуражемъ, такъ и наличными деньгами, привели княжество литовское въ крайнюю скудость, и потому Литовцы просятъ, чтобъ этихъ налоговъ не было болѣе; честь ея императорскаго величества требуетъ охранять и щадить тѣ повѣты, которые въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ республики оказали явные опыты твердости въ сохраненіи договоровъ и сосѣдней дружбы съ російскою имперіею. Осужденный за многія преступленія, панъ Корейво, находясь при русской арміи у кирасирскаго подполковника Роппа, всячески придирается къ шляхетству и нападаетъ на его дома: просятъ, чтобъ Корейво вѣрно было возратить все, имъ похищенное у помѣщиковъ Вилкомирскаго и Упитскаго повѣтовъ. Находящійся подъ командою генерала Бисмарка, подполковникъ Кикебушъ собираетъ провіантъ и фуражъ съ несносною тягостію, и хотя въ 1734 году три магазина были наполнены, однако въ нынѣшнемъ 1735 году онъ началъ опять собирать провіантъ, фуражъ и наличныя деньги, грозя помѣщикамъ всякими муками; онъ употребляетъ жиду Гирза Межеровича, который вымышляетъ всякіе налоги и нападки на помѣщиковъ, чтобъ только взять съ нихъ деньги, ихъ берутъ подъ стражу, бьютъ батогами: просятъ, чтобъ жидъ былъ отданъ подъ судъ и наказанъ въ примѣръ другимъ²².

Не въ одной Польшѣ и Литвѣ должны были дѣйствовать русскія войска. Императоръ Карль VI напрасно удерживался отъ посылки своихъ войскъ въ Польшу подѣ предлогомъ, что въ противномъ случаѣ союзники не помогутъ ему какъ нападчику. И безъ того никто не помогъ ему, когда Франція объявила ему войну за Польшу, усиливъ себя союзомъ съ Испанією и Сардинією. Двѣ французскія арміи направились на Германію, и въ то же время союзническія войска напали на италіанскія владѣнія императора—Неаполь и Ломбардію. Неаполь и Сицилія скоро достались Испанцамъ; Миланская область также почти вся занята была Французами и Сардинцами. Въ имперіи Баварія, Майнцъ, Кельнъ и Пфальцъ приняли сторону Французовъ; между курфюрстами ганноверскимъ и бранденбургскимъ было сильное несогласіе. Французы заняли Лотарингію, овладѣли Келемъ, Филипсбургомъ. Мы видѣли, что Австрія, по союзному договору, требовала отъ Россіи вспомогательнаго войска, и русское правительство рѣшилось дать его, чтобъ ускорить окончаніемъ войны. Леси получилъ приказаніе съ двадцатитысячнымъ корпусомъ пѣхоты двинуться на помощь войскамъ императора.

8 іюня 1735 года Леси выступилъ изъ Польши въ Силезію. Здѣсь на первыхъ дняхъ бѣжало изъ полковъ до 20 человекъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ были переловлены и казнены смертію. «Впрочемъ, писалъ Леси, по отдаленіи отъ польскихъ границъ и при настоящемъ въ пищѣ и прочемъ довольствѣ, надежно, что бѣгать не будутъ.» Провіантъ и фуражъ получали изъ цесарскихъ магазиновъ, а именно въ сутки чистаго ржанаго хлѣба по два фунта съ половиною, соли и крупъ соотвѣтственно мѣсячнымъ русскимъ обыкновеннымъ дачамъ; за фунтъ мяса получалось деньгами по три копейки; сѣна по 16 фунтовъ, овса и сѣчки по два гарнца, соломы по одному снопу въ сутки. По вступленіи въ Богемію, гдѣ, по выраженію Леси, тутошніе обыватели съ солдатами безнуждный имѣютъ разговоръ, бѣжало изъ всѣхъ полковъ до 20 человекъ. 30 іюля войско вступило въ Пюрренбергъ, откуда Леси писалъ: «До сихъ поръ походъ совершался благополучно: солдаты въ пропитаніи нужды не имѣли, и жалобъ ни отъ кого никакихъ на войско не приходило; въ здѣшнихъ краяхъ очень удивляются, что многочисленная армія содержится въ такомъ добромъ порядкѣ; изъ дальнихъ мѣстъ многіе

пріѣзжаютъ смотрѣть наше войско, особенно когда во время роздыха бывають экзерциціи.» 15 августа русская армія соединилась съ цесарскою и была расположена между Гейдельбергомъ и Ладенбургомъ подлѣ рѣки Некара. Въ сентябрѣ войска были перемѣщены, и русскій корпусъ расположился у рѣки Инца, въ двухъ миляхъ отъ Филипсбурга. «Въ командѣ моей, доносишь Леси, все состоитъ благополучно, больныхъ меньше, чѣмъ въ другихъ войскахъ, и болѣзни не тяжкія.» Въ октябрѣ армія расположилась на зимнихъ квартирахъ, въ дурлахской и виртембергской области, при чемъ Леси съ штабомъ помѣстился въ мѣстечкѣ Форцгеймѣ²³.

Русское войско не участвовало въ битвахъ, потому что съ его движеніемъ къ Рейну начали двигаться мирные переговоры между Франціею и Австріею. Кардиналь Флёрнъ былъ неохотникъ до войны и спѣшилъ прекратить ее на выгодныхъ условіяхъ; до Польши же, за которую и началась война, ему было мало дѣла. Въ концѣ ноябрю заключено было перемиріе, и Леси долженъ былъ спѣшить съ своимъ корпусомъ назадъ, чтобъ принять участіе въ турецкой войнѣ.

Мы видѣли, что до сихъ поръ все сношенія русскаго двора съ Портою обращались около дѣлъ восточныхъ: персидскихъ, крымско-кабардинскихъ, калмыцкихъ; но теперь къ этимъ дѣламъ присоединяются польскія. Въ Генварѣ 1733 года Неплюевъ, уведомляя, что будетъ имѣть съ визиремъ разговоръ о польскихъ дѣлахъ, писалъ: «Не думаю, чтобъ Порта захотѣла вмѣшаться въ эти дѣла, потому что у нея уже и такъ полны руки другихъ дѣлъ, особенно въ нынѣшнемъ положеніи султана, визиря и всего министерства; притомъ обуздаетъ Порту согласное со мною дѣйствіе цесарскаго резидента, въ чемъ Турки увидятъ крѣпость союза между двумя сильнѣйшими державами.» Неплюевъ представилъ визирю все неправды Поляковъ относительно Россіи: русскихъ подданныхъ перезываютъ, бѣглыхъ принимаютъ, съ оружіемъ въ рукахъ впадаютъ въ сосѣднія русскія области и разоряютъ ихъ; завладѣли многими мѣстами, принадлежащими Россіи по договору, и русскими людьми населяютъ тѣ мѣста, которыя, по договору же, должны оставаться впускъ; три православныхъ епископства насильно превратили къ униі, вопреки договорамъ, да и четвертое неслыханными насильственными способами при-

нуждають къ уни, дѣлають православнымъ обиды, неслыханныя и между идолопоклонниками, уши и носы рѣжутъ, и никакія представленія съ русской стороны не помогаютъ; наконецъ получены при дворѣ императрицы достовѣрныя извѣстія о намѣреніи ниспровергнуть настоящую форму правленія въ Польшѣ, установить наследственность и самодержавіе, для чего хотять ввести въ Польшу иностранное войско—дѣло предосудительное и опасное интересамъ всѣхъ сосѣднихъ державъ; все это заставило императрицу приготовить на границахъ войска, о чемъ она приказала дружески объявить Портѣ для предупрежденія всякаго подозрѣнія. Визирь благодарилъ за дружескій поступокъ и объявилъ, что Россія имѣетъ право употреблять разныя средства для полученія удовлетворенія, только бы оставался ненарушимъ договоръ о вѣчномъ мирѣ между Россією и Турцією.

Пришло извѣстіе о смерти короля Августа, и польскій посланникъ въ Польшѣ, Сбраковскій, креатура Понятовскаго, сталъ безпрестанно сноситься съ французскимъ посланникомъ Вильнёвомъ; Сбраковскій скоро уѣхалъ въ Польшу, но оставилъ въ Константинополѣ родственника своего Стадницкаго, который совершенно отдался въ волю французскаго посланника. Переводчикъ Порты сообщилъ Неплюеву, что Вильнёвъ всѣми мѣрами склоняетъ Порту вступиться за Лепчинскаго; Порта дѣйствительно расположена въ пользу Станислава и обѣщаетъ рекомендовать его Полякамъ, но этимъ и должна ограничиться при настоящихъ условіяхъ, будучи занята персидскою войною. Въ началѣ апрѣля переводчикъ Порты явился къ Неплюеву въ другой разъ и объявилъ, что хочетъ поговорить съ нимъ *въ конфиденціи*. «Между Портою и Россією, началъ переводчикъ, многія дѣла клонятся къ ссорамъ, а именно: получаютъ извѣстія, что Россія въ прошломъ году забрала нѣкоторыя польскія мѣста на Украинѣ, а по договору Порта должна охранять цѣлость Польши; также извѣстно, что русскій министръ при польскомъ дворѣ говоритъ съ Поляками высоко и со властію; потомъ Россія Кабарды называетъ своими, чего Порта не признаетъ и признать не можетъ, ибо ханъ крымскій представляетъ, что онъ всегда въ его владѣнія были и объ этомъ Татары сильно кричатъ: «Все это выдумки Поляковъ и крымскаго хана, чтобъ поссорить Россію съ Турціей, отвѣчалъ Неплюевъ; Порта должна обратить вниманіе на дѣло поважнѣе:

крымскій ханъ, подъ предлогомъ войны съ Персією, хочетъ перевести свои войска черезъ Кавказъ, т.-е. черезъ русскія владѣнія: но я не ручаюсь за послѣдствія, если Татары не перемѣнятъ этой дороги и коснутся земель ея величества.» Резидентъ получилъ извѣстіе, что въ мартѣ мѣсяцѣ ханъ отправилъ 20,000 войска, которое должно идти на Кубань, съ Кубани, не захватывая Кабарды, въ Кумыцкую землю, пройти близь гребенскихъ городковъ, не захватывая крѣпости св. Креста, а оттуда горами прямо въ Тифлисъ. Порта требовала отъ хана, чтобъ онъ этимъ походомъ не подалъ нимагъшней причины къ ссорѣ съ Россією; ханъ отвѣчалъ, чтобъ Порта была покойна: онъ русскихъ владѣній не коснется, потому что Кабарда принадлежитъ ему, а Кумыки и Дагестанцы народы вольные; Россія владѣть только крѣпостями и самою узкою полосою по морскому берегу. Порта требовала также отъ хана, чтобъ онъ выслалъ калмыцкаго бѣглеца Дундука-Омбо; ханъ отвѣчалъ, что по старому обычаю они не могутъ высылать отъ себя насильно людей, прибѣгшихъ подъ ихъ защиту, если же Дундукъ захочетъ возвратиться добровольно, то они запрещать ему не будутъ. Къ этому ханъ прибавлялъ, что если Россія захочетъ ссориться за Калмыковъ или Кабарду, то онъ въ состояніи не только отбить врага, но и нанести ему сильный вредъ.

Десятаго апрѣля Неплюевъ имѣлъ разговоръ съ визиремъ, который жаловался, что Россія собираетъ войска на польскихъ границахъ, желая воспрепятствовать вольному избранію короля; утверждалъ, что Кабарда принадлежитъ Портѣ, и говорилъ, что Татары, въ своемъ походѣ въ Грузію, могутъ захватить небольшой клочекъ русской пустой земли, отъ чего поврежденія дружбѣ не можетъ быть никакого, и не слѣдовало резиденту изъ-за этого начинать такой шумъ; дагестанскія и кумыцкія земли Россія завоевала во время нынѣшней персидской войны, и у нея съ Портою договоръ другъ другу помогать и охранять спокойствіе въ Персіи; но теперъ Тахмасъ-кулы-ханъ низвергъ шаха Тахмасиба и нарушилъ договоръ съ Портою: такъ Россіи, по договору, слѣдовало бы помогать Портѣ не только пропускомъ Татаръ, но и другими способами, и возстановить шаха Тахмасиба.—Неплюевъ опровергъ всѣ жалобы и притязанія, и заключилъ, чтобъ относительно польскихъ дѣлъ Порта была спокойна и удерживала

Татарь отъ враждебныхъ поступковъ. Послѣ этого разговора Неплюевъ послалъ переводчику Порты два лисьихъ мѣха, за что тотъ открылъ въ конфиденціи, что въ польскихъ и кабардинскихъ дѣлахъ Порту подущаютъ посоль французскій и ханъ крымскій, и хотя Порта желаетъ, чтобъ Французы возвели Станислава на польскій престоль, однако объявили Вильнёву, чтобъ они дѣлали какъ хотять, а она, кромѣ дружескихъ услугъ, ни въ какія обязательства за Лещинскаго не вступитъ, не имѣя къ тому ни времени, ни охоты. Что же касается Кабарды, то Порта думаетъ, что Татары пройдутъ въ Персію пустыми мѣстами безъ ссоры, и увѣрена, что Россія также ссоры не ищетъ: поэтому надобно относительно Кабарды найти какое-нибудь дружеское средство. Резидентъ велѣлъ ему объявить, что Татары никакъ не могутъ пройти, пусть Порта не обманываетъ себя пустою надеждою. «Кажется, что Порта хочетъ объявить Кабарду нейтральною, писалъ Неплюевъ императрицѣ: но намъ нельзя на это согласиться, потому что тогда Татары всю ее разорять и стануть придираться къ Кумыкамъ; особенно Татары начнутъ кричать, что мы въ Кабарду не право вступались: поэтому намъ нужно держаться.»

10 мая сильно смутилъ Неплюева переводчикъ Порты, принесши оригинальную грамоту Петра Великаго къ султану, гдѣ говорилось, что государь отказался принимать въ покровительство кабардинскихъ князей и не велѣлъ подданнымъ своимъ мѣшаться въ ихъ дѣла. Неплюевъ отвѣчалъ, что изъ грамоты не видно, чтобъ Кабардинцы были турецкіе подданные, и хотя Петръ Великій не захотѣлъ вмѣшиваться въ ссоры кабардинскихъ князей, однако велѣлъ астраханскому губернатору примирить ихъ, что тотъ и сдѣлалъ; грамота свидѣтельствуетъ также именно, что изстари Кабардинцы къ русскимъ государямъ прибѣгали и аманатовъ имъ давали. Переводчикъ Порты возражалъ, что это ничего не значить: и Порта въ прошломъ году старалась помирить Дундукъ-Омбо съ калмыцкимъ ханомъ; аманатовъ же Кабардинцы давали потому, что иваче Русскіе не позволяли имъ ѣздить къ Теркамъ для рыбной ловли. Неплюевъ отвѣчалъ, что посредничество турецкое по калмыцкимъ дѣламъ не принято, и Петръ Великій не могъ бы Кабардинцевъ съ Портою судить, на свѣтѣ такого примѣра нѣтъ, чтобъ отъ чужихъ подданныхъ аманатовъ брать. Но переводчикъ Порты сказалъ: «Донесите вашей государынѣ,

чтобъ она въ Кабарды мѣшаться не изволила, потому что онѣ всегда принадлежали крымскому хану и грамота Петра Великаго въ русское подданство ихъ не присвоаетъ; донесите, что Порты, освидѣтельствовавъ все свои права, не уступитъ Кабарды, до чегобъ ни дошло; хотя Кабарды и небольшой важности, но честь государственная запрещаетъ уступить свою землю.» Неплюевъ отвѣчалъ: «Если Порты желаетъ ссоры, то можно ее начать и безъ Кабарды; если же хочетъ дружбы, то не должна по своему толковать грамоты Петра Великаго; что же касается государственной чести, то она одинакова какъ у Русскаго такъ и у Оттоманскаго государства, и моя императрица не можетъ отступить отъ своихъ правъ, для защиты которыхъ способы найдутся.»

Переводчикъ Порты съ торжествомъ носилъ грамоты къ иностраннымъ посламъ, а Неплюевъ былъ въ страшномъ затрудненіи, не зная какъ ихъ очистить: «Въ нихъ явственное изображеніе въ пользу турецкую, писалъ онъ въ Петербургъ: и по лучшей изъ нихъ 1722 году постороннему и безпристрастному человѣку иначе нельзя почестъ Кабарды, какъ нейтральною.» Но резидентъ скоро былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія вступленіемъ татарскаго войска въ русскія владѣнія для прохода въ Персію. Несмотря на протесты Неплюева и командовавшаго въ прикавказскихъ владѣніяхъ, генераль-лейтенанта принца гессенъ-гомбургскаго, предводитель татарскаго войска, Фети-Гирей-Салтанъ, объявилъ генераль-маіору Еропкину, начальствовавшему отрядомъ при гребенскихъ городкахъ, что похода своего остановить не можетъ, потому что онъ предпринять по указу Порты и отъ петербургскаго двора дано позволеніе пройти ему чрезъ русскія владѣнія; если же Еропкинь будетъ ему препятствовать, то онъ приметъ свои мѣры. Мѣры состояли въ томъ, что онъ не пошелъ къ гребенскимъ городкамъ, чтобъ не встрѣтиться съ стоявшимъ тамъ русскимъ войскомъ, а переправилъ чрезъ Терекъ войска и пошелъ горами, но все русскими же владѣніями. Тогда Еропкинь отошелъ отъ гребенскихъ городковъ и сталъ на рѣкѣ Бѣлой, куда прибылъ и главный командиръ, принцъ гессенъ-гомбургскій. Принцъ опять послалъ Фети-Гирею письмо съ увѣщаніемъ отложить походъ; опять Фети-Гирей отвѣчалъ, что онъ идетъ по указу Порты и потому возвратиться не можетъ. 11 іюня Татары начали выбираться изъ горъ у деревни Горячей, гдѣ поставлена

была для ихъ удержанія команда изъ 500 человекъ. Татары бросились на команду, которая построилась въ каре, выдержала ихъ натискъ, а между тѣмъ къ ней на помощь подоспѣлъ принцъ гессенъ-гомбургскій; Татары съ ожесточеніемъ напали и на него, но были обращены въ бѣгство и преслѣдованы на пространствѣ 10 верстъ. Это дѣло стоило русскому войску 55 человекъ убитыми и 87 ранеными. Татары остановились въ чеченскихъ земляхъ и начали возмущать тамошнихъ жителей противъ Россіи.

По полученіи извѣстія объ этихъ событіяхъ, визирь въ конференціяхъ съ Неплюевымъ возобновилъ просьбу, чтобъ Татары были пропущены чрезъ русскія владѣнія на Кавказъ. Неплюевъ въ августѣ мѣсяцѣ писалъ своему двору: «Шорта, по внушеніямъ французскимъ, пренебрегаетъ Россіею, и потому поступаетъ горячо, доводитъ каждое дѣло до крайности, грозя войною. Ваше величество приказали мнѣ отказать Шортѣ въ пропускѣ Татаръ и требовать ихъ возвращенія, поступать вообще съ твердостью, какъ, по здѣшнему состоянію, требуетъ польза Россіи. Нахожусь въ немаломъ недоумѣніи, когда дѣло доходить до крайностей, какъ и теперь относительно пропуска Татаръ. Съ одной стороны, принимая во вниманіе польскія дѣла, удаляюсь отъ ссоръ; но съ другой боюсь нарушить интересы и честь вашего величества, боюсь уступчивостію возбудить гордость Турокъ и усилить французскія мечтанія. Потому всенеподданнѣйше прошу ввердь въ указахъ о татарскихъ и польскихъ дѣлахъ, особенно о кабардинскихъ, изображать крайнюю мѣру съ тѣмъ изъясненіемъ, до чего бы ни дошло.»

Между тѣмъ резидентъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что Татары возмутили 50,000 кавказскихъ туземцевъ, вошли еще далѣе въ глубь русскихъ владѣній и старались пробраться въ Шемаху. Поэтому 29 августа Неплюевъ имѣлъ конференцію съ визиремъ и представилъ ему, что каждый своему дому господинъ и потому неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло съ Татарами. Татарамъ русскія войска распорядиться не позволяютъ. Визирь отвѣчалъ, что всего лучше было бы пропустить Татаръ въ Шемаху, и этимъ отъ такого безпокойнаго народа освободиться; а другаго средства онъ не знаетъ: если послать къ нимъ человека съ указомъ, то неизвѣстно гдѣ ихъ найти, и если чему съ ними сдѣлаться, то сдѣлается прежде, чѣмъ посланный къ нимъ доѣдетъ;

всего лучше дожидаться новыхъ извѣстій. При этомъ визирь увѣ-
рялъ въ желаніи Порты сохранить дружбу съ Россією. Неплю-
евъ отвѣчалъ, что онъ увѣренъ въ дружескихъ расположеніяхъ
Порты, но виною всему крымскій ханъ, и если корень зла не
будетъ исторгнуть, то объ имперіи поневолѣ должны будутъ
вступить въ формальную войну, ибо Россія должна будетъ при-
нять противъ хана свои мѣры. Визирь продолжалъ увѣрять что
въ какомъ бы состояніи татарскія дѣла ни находились, не могутъ
они порвать дружбы между Россією и Турцією. Дожидались не-
долго новыхъ извѣстій: Татары, преодолевъ все препятствія отъ
русскихъ войскъ, прошли кавказскія горы, соединились съ Тур-
ками и продолжаютъ походъ въ Персію; съ другой стороны, одинъ
крымскій султанъ вступилъ съ войскомъ въ Кабарду, но встрѣ-
тился съ Русскими; въ кровопролитной схваткѣ Татары потеряли
нѣсколько мурзъ; привозъ мертвыхъ тѣлъ ихъ въ Крымъ взвол-
новалъ тамошнихъ Татаръ, которые рѣшились отомстить Русскимъ,
и во множествѣ, подъ предводительствомъ Калги-салтана, двину-
лись въ Кабарду. Объявивъ объ этомъ Неплюеву, визирь требо-
валъ, чтобъ резидентъ немедленно сообщилъ объ этихъ ново-
стяхъ своему двору и увѣрилъ бы его въ дружескихъ распо-
ложеніяхъ Порты, которая проситъ императрицу приказать погра-
ничнымъ русскимъ командирамъ поступать вездѣ дружески. «Яв-
но, писалъ Неплюевъ въ Петербургъ, что Порта хану потакаетъ
и за Кабарду въ ссору вступать не запрещаетъ, также и другія
продерзости дѣлать; а ханъ не только Кабарду, но и кавказскія
и другія земли своими назоветъ и станетъ въ нихъ вступаться;
если и на Украину набѣгъ сдѣлаетъ, скажетъ, что это Татары
хотѣли отомстить за то, что Русскіе мѣшали имъ на Кавказѣ;
сама Порта ихъ этимъ оправдываетъ, а Кабарду въ своихъ гра-
ницахъ считаетъ; она поступаетъ такъ, повѣривъ французскимъ
внушеніямъ и видя, что по малолюдству русскихъ войскъ Тата-
ры берутъ верхъ, мести, тѣмъ болѣе войны не ожидаютъ, зная,
что Россія занята въ Польшѣ.»

Теперь Турки начали приглашать къ окончательному рѣшенію
дѣла о Кабардѣ; но Неплюевъ отвѣчалъ, что есть дѣло поваж-
нѣе кабардинскаго, дѣло татарское. Ему замѣчали, что Татары
все это дѣлали сами собою; имъ послали указъ, чтобъ ничего
противнаго не дѣлали, и этимъ Порта должна ограничиться, ибо

всякая имперія имѣеть свои резоны и обычаи, какъ съ подчиненными поступать; должна соображать также свои поступки съ обстоятельствами времени, и объ этихъ резонахъ всякому объявлять не можетъ. Тутъ пришли извѣстія, что Станиславъ избранъ въ Варшавѣ, но не единогласно, и русскія войска у Варшавы. Визирь пригласилъ къ себѣ Неплюева и началъ говорить: «Объ партіи въ Польшѣ, Станислава и противная равны въ силахъ: такъ надобно ихъ оставить на волю между собою согласиться; ваши войска должны остаться въ бездѣйствіи; если же стануть дѣйствовать, то стѣнятъ польскую вольность, что будетъ противно договору между Портою и Россією. Русскія войска напрасно вступили въ Польшу, ибо воинскія дѣйствія въ этой странѣ, какъ пограничной, не могутъ быть пріятны Портѣ, поэтому сосѣднимъ державамъ, Портѣ, цесарю и Россіи, надобно искать дружескихъ способовъ, какъ бы безъ малѣйшаго насилія привести Поляковъ къ согласію, когда они Станислава уже назначили королемъ. Мы въ польскія дѣла не мѣшались и мѣшаться не намѣрены; наблюдаемъ одно, чтобъ происходящія тамъ дѣла не нарушали чести нашего государства и заключенныхъ имъ договоровъ; Порта съ досадою слышитъ, что русскій министръ въ Польшѣ важнѣйшею причиною сопротивленія Россіи избранію Станислава публично выставляетъ его дружбу съ Портою; и Россія и цесарь принуждаютъ Поляковъ возвести на престолъ саксонскаго курфирета и корону сдѣлать наслѣдственною. Посторонніе укоряютъ Порту, что она чести своей не хранитъ и польское государство покинула. Требуйте отъ своего двора дружескихъ поступковъ въ польскихъ дѣлахъ по силѣ договора, безъ воинскихъ дѣйствій.» Неплюевъ отвѣчалъ, что Станиславъ избранъ неправильно людьми подкупленными французскими деньгами; но противная партія многочисленнѣе и заключаетъ въ себѣ лучшихъ людей. Предвидя насиліе, вѣрные дѣти польскаго государства заблаговременно обратились къ Россіи, Австріи и Пруссіи съ просьбою объ охраненіи ихъ самихъ, равно какъ правъ и вольностей ихъ отечества, присылкою войска, и Россія не могла не отозваться на эту просьбу, будучи обязана гарантією дѣйствовать противъ Станислава. Въ договорѣ между Россією и Портою ясно сказано, что если Поляки захотятъ переимѣнить существующій у нихъ порядокъ вещей, то Россія имѣеть право ввести свои вой-

ска для уничтоженія этихъ новизнъ. Императрица и союзники Полякамъ законовъ не предписываютъ и въ избраніе не мѣшаютъ, лишь бы избранъ былъ человекъ не объявленный непріателемъ и предателемъ польскаго государства, какъ объявленъ Станиславъ. Но визирь стоялъ на своемъ, что введеніе русскаго войска въ Польшу противно договору; Русскіе могли бы ввести свои войска только къ такому случаю, еслибы Поляки, соединясь противъ Россіи съ какою-нибудь державою, ввели ея войска къ себѣ, а во внутреннія польскія дѣла Россія не должна мѣшаться.

Въ октябрѣ Неплюевъ далъ знать о сверженіи муфтія, который былъ горячимъ приверженцемъ Франціи. «Не имѣя теперь другаго пріобрѣтца, Французы ищутъ чрезъ Рагоци и ренегата Бонневала воздушными проектами Порты голову наполнить, подавая надежду, что Станиславъ хотя и прогнанъ изъ Варшавы, но удержится въ Данцигѣ съ помощію французскихъ и шведскихъ войскъ и взойдетъ на польскій престолъ, благодаря посредничеству прусскаго короля. Но до сихъ поръ внушенія ихъ остаются тщетными, потому что Порта думаетъ о Тахмасъ-Кулы-ханѣ, а не о Станиславѣ, ибо войска ея разбѣжались, а Персіане грозятъ впаденіемъ въ ея границы.» 6 ноября французскій посланникъ объявилъ визирю, что избраніе Станислава Лещинскаго произведено законно, а избраніе курфирста противно польскимъ правамъ и обычаямъ, и произведено единственно насиліемъ русскихъ войскъ, при чемъ Поляковъ было очень немного. За это французскій король вступилъ въ войну съ цесаремъ, который не можетъ подать помощи Россіи, ибо кромѣ Франціи имѣетъ противъ себя Испанію и Савою, а Голландія, Англія и Пруссія, по меньшей мѣрѣ, останутся нейтральными, потому что всѣмъ поступокъ Австріи и Россіи въ Польшѣ противенъ. Портѣ необходимо объявить войну Россіи; а если Порта, при настоящихъ обстоятельствахъ, не постарается отомстить Россіи за нарушеніе договора введеніемъ войскъ въ Польшу и за отлученіе Кабарды, то навлечетъ на себя бѣду, когда въ Польшѣ утвердится королемъ курфирстъ и соединится съ Россіею, а цесарь между тѣмъ освободится отъ опасности. Визирь отвѣчалъ послу сдержанно, озираясь на свои персидскія дѣла, но разглашенія Вильнёва произвели сильное впечатлѣніе на Турокъ. На другой день, 7 числа, опубликовано было съ пушечною стрѣльбой, что Турки получили верхъ надъ

Персіянами, Тахмасть-Кулы-ханъ окружень турецкимъ войскомъ и просить мира. 9 ноября при Портѣ былъ держанъ генеральный совѣтъ, въ которомъ объявлено, что Тахмасть-Кулы-ханъ просить мира, что Дагестанцы и Калмыки по единоврѣю просятъ у Порты покровительства, что войско русское въ Кабардѣ, что русская государыня, вопреки договору, ввела свое войско въ Польшу, выгнала Станислава и на его мѣсто, съ согласія цесаря, возвела курфирста саксонскаго, близкаго родственника цесарю, что Франція объявила за это войну цесарю. Послѣ долгихъ разсужденій, согласились, что надобно помириться и заключить союзъ съ Персією, что если Россія войскъ своихъ изъ Польши не выведетъ, то надобно объявить ей войну, чтобъ Россія цесарю противъ Французовъ, а цесарь Россіи противъ Турокъ не помогали; но если Россія и Австрія будутъ крѣпко держаться вмѣстѣ, то опасно имѣть дѣло съ обѣими, и лучше подождать, пока совершенно персидскія дѣла успокоятся, а между тѣмъ велѣтъ хану крымскому со всеѣмъ дворомъ переѣхать въ Буджакъ и ждать тамъ указа. «Надѣяться никакъ нельзя, писалъ Неплюевъ, чтобъ Турки не захотѣли воспользоваться нынѣшнею европейскою войною, потому что они вашему величеству и цесарю римскому вѣчные непріатели.»

Визирь объявилъ австрійскому резиденту, что Россія Порту *уничтожаетъ* не только изгубленіемъ многихъ Татаръ въ Дагестанѣ и захватомъ Кабарды, но и введеніемъ войска въ Польшу, вопреки договору и не предупѣдивъ объ этомъ Порту, своими войсками назначила королемъ курфирста саксонскаго, и такимъ образомъ ввела наслѣдственность; такъ пусть цесарь склонитъ Россію дать Портѣ въ этомъ удовольствованіе, а если удовольствованія не будетъ, то Порта за свою честь объявитъ войну. Резидентъ отвѣчалъ, что государь его справедливъ и, давши Россіи слово, исполнитъ договоръ, станетъ ее защищать, если на нее кто-нибудь нападетъ. Визирь отдалъ отъ себя письмо къ принцу Евгенію, требуя, чтобъ отвѣтъ былъ доставленъ въ 30 дней. «Порта времени терять не будетъ, говорилъ визирь: прошло время, когда Россія могла кормить завтраками, мы ее не очень уважаемъ, и хотя у насъ война съ Персіянами, но это не помѣшаетъ: противъ Россіи не нужно всеѣхъ нашихъ силъ, довольно однихъ Татаръ, которыхъ соберется до 300.000.» Призвавши по-

томъ Неплюева, визирь началъ ему говорить, что онъ отправилъ одно письмо къ принцу Евгению, а другое приготовилъ къ русскому канцлеру, и требуетъ скорого отвѣта. Неплюевъ отвѣчалъ, что скорого отвѣта дать нельзя, потому что надобно будетъ прежде согласиться съ вѣнскимъ дворомъ.—«Мы признаемъ Русскую имперію независимую отъ Римской: давно ли установилась такая зависимость?» сказалъ визирь.—«Это дѣлается не вслѣдствіе зависимости, а вслѣдствіе союза,» возразилъ Неплюевъ.—«Такое же сношеніе, продолжалъ визирь, слѣдовало бы имѣть и съ Портою, государствомъ пограничнымъ и не малымъ; но Россія, не давши знать Портѣ, ввела 60,000 войска въ Польшу и назначила королемъ курфирета саксонскаго, что Портѣ противно; и хотя Порта желаетъ всячески съ Россією дружбу сохранить, но за честь свою принуждена будетъ другія мѣры принять.» Неплюевъ отвѣчалъ, что немедленно по смерти королевской онъ самъ объяснилъ Портѣ, по какимъ побужденіямъ русское войско введено въ Польшу; что же касается до избранія курфирета, то и непріатели Россіи не могутъ доказать, чтобъ она кого-нибудь предлагала Полякамъ въ короли. Визирь продолжалъ толковать, что Россія оскорбила Порту, назначивши, безъ ея согласія, королемъ курфирета саксонскаго; да и кромѣ польскихъ дѣлъ, Порта оскорблена Россією: 1) союзный трактатъ относительно Персіи пренебреженъ; 2) въ проходѣ Татаръ чрезъ Дагестанъ много ихъ погублено; 3) при Тахмасъ-Кулы-ханѣ находится русскій министръ. На эти обвиненія Неплюеву, разумѣется, отвѣчать было очень легко. Наконецъ визирь сказалъ, что Франція побуждаетъ Порту воспользоваться благоприятными обстоятельствами и объявить войну обоимъ императорскимъ дворамъ, но Порта не обращаетъ вниманія на эти внушенія и принимаетъ мѣры только для охраненія своей чести. Переводчикъ Порты, подѣ клятвою, какъ христіанинъ, сообщилъ Неплюеву о причинахъ крутаго поворота въ отношеніяхъ Порты къ Россіи: визирь Али-паша никогда не хотѣлъ мѣшаться въ польскія дѣла и теперь не хочетъ; но Французы напѣли всѣмъ въ уши, что вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу есть явное нарушеніе договора, существующаго между Россією и Портою, что Россія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оказываетъ явное презрѣніе къ Портѣ; враги визира, пользуясь этимъ, вездѣ кричатъ, что честь Порты Оттоманской оскорблена;

а тутъ еще ханъ крымскій пишетъ ко всѣмъ знатымъ людямъ, жалуется на Россію за Кабарду и также выставляетъ на видъ безчестію, которое терпитъ Порта отъ захватовъ Русскихъ. Все это безчестіе приписывается визирю; въ народѣ ропотъ. Али-паша, видя предъ собою гибель, принужденъ дѣлать демонстраціи, созвалъ совѣтъ для разсужденія о поступкахъ Россіи и внушаетъ, что намѣренъ требовать удовлетворенія за нарушение договора; для этого пишетъ письмо къ канцлеру и требуетъ немедленнаго отвѣта. При этомъ переводчикъ Порты внушалъ, какъ слѣдуетъ канцлеру отвѣчать на письмо визира: надобно выставить, что явный непріятель Россіи, Станиславъ Лещинскій, вступилъ въ Польшу и присвоилъ себѣ корону съ французскою помощію; русская императрица ввела свои войска въ Польшу для его изгнанія, ибо, по трактату съ Портою, Россія имѣетъ право вводить войска въ Польшу для изгнанія своихъ непріятелей, и когда Станиславъ будетъ изгнанъ, тогда и русскія войска возвратятся, и Россія не будетъ вмѣшиваться въ королевскіе выборы. Переводчикъ Порты открылъ также, что у Турокъ общее мнѣніе, будто цесарь союзникъ Россіи только на словахъ, а не на дѣлѣ, потому что онъ Россію въ польскія дѣла ввелъ, а самъ ни одного человѣка въ Польшу не послалъ. Неплюевъ сказалъ на это, что цесарь долженъ свои войска держать противъ Франціи, которая уже объявила ему войну.—«Еслибъ тѣсный союзъ былъ, возражалъ переводчикъ, то цесарь непременно бы послалъ хотя 15,000 своего войска въ Польшу, чтобъ показать единство дѣйствія. Вы думайте какъ хотите, а постороннихъ не заставьте вѣрять, пока на самомъ дѣлѣ не увидятъ этого единства, и, по дружбѣ вамъ сказать, Порта Россію очень легко цѣнить, помня прутскія дѣла.»

Въ свитѣ французскаго посланника Неплюевъ имѣлъ преданнаго человѣка, который увѣдомлялъ его о всемъ, что дѣбалось и говорилось противъ Россіи; то былъ Бонъ, племянникъ генерала, находившагося въ русской службѣ. Бонъ давалъ знать, что хотѣли прежде всего свергнуть визира, считая его преданнымъ Россіи; потомъ толковали, что надобно помочь Швеціи—возвратить отъ Россіи всѣ завоеванія Петра Великаго, ибо безъ этого Франція не можетъ получить никакой пользы отъ союза съ нею. Шведы могутъ и въ Германію и въ Польшу вступить только мо-

ремь, но русскій флотъ можетъ пресѣчь имъ совершенно этотъ путь. Англичане и Голландцы будутъ очень рады подъ рукою способствовать французскому намѣренію для пользы своего купечества въ Балтійскомъ морѣ. Съ другой стороны, пока Ливонія будетъ въ русскихъ рукахъ, Россія всегда будетъ имѣть возможность помогать противъ Франціи цесарю, не только нынѣшнему, но и наслѣдникамъ его, изъ какихъ бы германскихъ домовъ они ни были, ибо у Россіи съ Германіею есть общій интересъ и раздѣлить ихъ трудно, потому что между ними никакихъ споровъ ни на землѣ, ни на морѣ быть не можетъ. Шли толки и о томъ, чтобъ возвратить Полякамъ Смоленскъ и Кіевъ и выгнать Русскихъ изъ завоеванныхъ ими земель у береговъ Каспійскаго моря; однимъ словомъ, хотѣли привести Россію въ положеніе, въ какомъ она была сто лѣтъ тому назадъ, и думали, что для исполненія этихъ плановъ тогдашнія обстоятельства были самыя благопріятныя, ибо легко возбудить противъ Россіи множество непріятелей внѣшнихъ, а если война начнетъ распалаться, то и внутри встанетъ смута, вслѣдствіе раздора между Русскими и иностранцами, имѣющими участіе въ правленіи, тѣмъ болѣе, что правленіе вообще очень слабо.

Страшное пораженіе, претерпѣнное турецкимъ войскомъ отъ Персіанъ, сильно помѣшало Вильнѣву. Въ декабрѣ онъ представилъ визірю, что если Станиславъ не получитъ помощи, то принужденъ будетъ возвратиться во Францію, и потому онъ, посоль, именемъ государя своего требуетъ, чтобъ Порта объявила войну Россіи; въ противномъ случаѣ цесарь, Россія и креатура ихъ, польскій король Августъ выгонять Турокъ изъ всѣхъ европейскихкихъ провинцій, и тогда французскій король за Порту не заступится, и о цѣлости ея заботиться не будетъ, какъ до сихъ поръ дѣлалъ. Вильнѣву отвѣчали, что Порта сама очень желала бы воспользоваться нынѣшнею европейскою войною для борьбы съ Россіею и цесаремъ, и считаетъ нужнымъ для себя, чтобъ королемъ въ Польшѣ былъ Станиславъ, но при войнѣ персидской нужно ей прежде всего закрѣпить союзъ съ Франціей, именно, чтобъ Франція не мирилась съ цесаремъ безъ согласія Порты. Вильнѣвъ не могъ самъ собою согласиться на это требованіе, долженъ былъ просить разрѣшенія своего двора.

1734-й годъ Неплюевъ началъ ободрительными донесеніями, не

совѣтуя своему двору улаживать дѣла съ Портою: «Лучше Туркамъ не мѣшать въ азіатскій походъ вязнуть: тогда всячески будетъ удобно. съ ними поступить, какъ вашему величеству будетъ угодно. Кабарды уступить нельзя и этимъ отворить Татарамъ дверь въ Дагестанъ. Здѣшнее государство въ сильномъ разслабленіи и совсѣмъ увязло въ Азію, такъ что давно въ такомъ дурномъ состояніи не было. Долго будетъ дожидаться такого удобнаго случая привести ихъ въ резонъ и смирить, а ложныя ихъ мнѣнія о Русской имперіи уничтожить, однажды навсегда покой себѣ доставить и пограничныя свои народы отъ ига татарскаго освободить. Голландскимъ посломъ мы чрезвычайно довольны и не сомнѣваемся въ его доброжелательности и откровенности; не можемъ и на англійскаго пожаловаться, только онъ не имѣетъ здѣсь такого кредита; впрочемъ довольно того, что онъ публично нашу сторону держать, и потому Порта не можетъ считать цесаря очень слабымъ. Французскій посольскій склоняетъ всячески Порту противъ цесаря, показывая его слабость, и совѣтуетъ какъ можно скорѣе помириться съ Персіею, хотя бы отдавши ей все, потому что вмѣсто тамошнихъ пустыхъ мѣстъ Порта можетъ отъ цесаря въ Сербіи и Венгріи получить знатныя выгоды. Французскій посольскій предложилъ свое посредничество въ примиреніи съ Персіею, для чего французскій консуль Главани уже отправился къ Тахмасъ-Кулы-хану. Въ Константинополѣ Вильнёвъ внушаетъ, что бояться Россіи нечего, противъ нея довольно Татаръ, притомъ же есть надежда возмутить козаковъ; голландскій посольскій намъ сказывалъ, что сынъ Орлика, жившій у французскаго посла подъ именемъ офицера, отправленъ тайно на Запорожье или въ Украину возмущать козаковъ и хлопотать о ихъ соединеніи съ Татарами. Но какъ бы то ни было, въ нынѣшнемъ году Турки никакимъ образомъ не могутъ начать военныхъ дѣйствій въ Европѣ, и вашему величеству предстоитъ рѣшить вопросъ, дожидаться ли, пока они освободятся отъ персидской войны, или теперь же наступить на разслабленныя турецкія силы и укрѣпить Персіянъ.»

Пришли отвѣты на визирскія письма и отъ принца Евгенія, и отъ русскаго канцлера. Неплюевъ былъ встревоженъ разнорѣчіемъ, которое находилось въ этихъ отвѣтахъ: «Турки, писалъ онъ, не вѣрятъ, чтобъ между вашимъ величествомъ и цесаремъ въ та-

кой степени союзъ былъ, какъ мы показываемъ; толкуютъ они это по многимъ поступкамъ цесарскаго двора и наконецъ по письму принца Евгенія; но, разумѣется, еще сильныя поднимутся толки, когда увидятъ письмо канцлера, въ которомъ объявлено, что польскія дѣла предприняты вмѣстѣ съ цесаремъ, и оборонительный союзъ выставленъ въ высочайшей степени; а въ письмѣ принца Евгенія не только не написано, что цесарь въ польскихъ дѣлахъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ вашимъ величествомъ, но и союзницею цесаря ваше величество не названы. О письмѣ принца Евгенія здѣсь толкуютъ публично; англійскій посоль при мнѣ выговаривалъ цесарскому резиденту, какъ это общимъ интересамъ предосудительно.» Скоро Неплюевъ узналъ, что ханъ въ Бендерахъ, что при немъ находится старый Орликъ, назначаемый въ козацкіе гетманы. Въ Россіи Турки старались возмутить козаковъ съ помощію Орлика, въ австрійскихъ владѣніяхъ Венгровъ съ помощію Рагоци; Неплюевъ успѣлъ достать любопытное письмо къ этому венгерскому изгнаннику отъ Станиславова приверженца, люблинскаго воеводы Тарло. «Ударилъ благополучный часъ, писалъ Тарло: пространнѣйшихъ земель наслѣдіе передъ вами; избавленіе паннонскон вольности отъ ига германскаго приспѣло; мы получаемъ письма отъ многихъ благородныхъ Венгровъ, даютъ намъ знать, что у нихъ все готово къ возстанію, только желаютъ знаменитаго вождя, и всѣ надежды и мысли ихъ обращены къ вашему высочеству. Еслибы венгерская и польская сила соединились вмѣстѣ къ защитѣ общаго дѣла вольности, то дѣйствительно могла бы сокрушиться наконецъ гордость владычества австрійскаго, тяжкая обоимъ народамъ и всему свѣту. Надѣмся, что и русскіе народы, которые отягощены владычествующею у нихъ австрійскою факціею и германскимъ министерствомъ, дерзнутъ что-нибудь предпринять у себя; мы не преминули побуждать ихъ къ великодушному усилію сладостію вольности и всѣми другими способами, о чемъ сообщить вамъ въ Константинополѣ посоль французскій.»

1-го марта Неплюевъ имѣлъ конференцію съ визиремъ, предъ началомъ которой подалъ ему отвѣтное письмо вице-канцлера и согласно съ его содержаніемъ распространился о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Россіи и о правильности ея дѣйствій въ Польшѣ, о согласіи ихъ съ договоромъ, существующимъ у Россіи съ Пор-

тою. Визирь отвѣчалъ на это, что они сами получаютъ частыя и вѣрныя извѣстія о томъ, что дѣлается въ Польшѣ, знаютъ очень хорошо, что тамъ вольность въ неволю превращена, законы попораны, государство разорено и разоряется русскими войсками; договоръ нарушенъ; Россія одна ввела свое войско и хочетъ посадить короля по своей волѣ. Неплюевъ отвѣчалъ, что всѣ эти извѣстія ложны, выдуманы Французами и Станиславцами, пусть Турки спросятъ людей безпристрастныхъ, какъ дѣлаются дѣла въ Польшѣ.

Между тѣмъ крымскій ханъ уже началъ непріятельскія дѣйствія, сдѣлалъ набѣгъ на русскія владѣнія къ рѣкѣ Орели. Это заставило обратить вниманіе на Запорожье.

Мы видѣли, съ какою осторожностію русское правительство относилось къ Запорожцамъ, просившимъ принять ихъ снова въ подданство.

Въ январѣ 1732 года генераль Вейсбахъ доносилъ, что, велѣдствіе тайной посланки его въ Запорожье за повѣренными для выслушанія указа о прощеніи ихъ винъ, явились къ нему трое знатныхъ Запорожцевъ, которые спрашивали: что имъ дѣлать, если крымскій ханъ будетъ отъ нихъ требовать отряда въ кабардинскій походъ, или велеть имъ переходить на другое мѣсто ближе къ Крыму? Вейсбахъ отвѣчалъ, что онъ самъ отвѣчать имъ не можетъ, а спросить въ Петербургѣ. При этомъ генераль спросилъ, сколько у нихъ войска. Запорожцы отвѣчали, что много, добрыхъ и вооруженныхъ соберется до 10,000 человекъ. О бытѣ Запорожцевъ въ это время было извѣстно, что въ сѣчи находилось 38 куреней, а людей съ полторы тысячи; другіе Запорожцы кочевали куренями по рѣкамъ Бугу, Великому Ингулу, Исуні, Ингульду, Сакагани, Базудуку, Малой и Великой Каменкахъ и по Сурѣ, а по сю сторону Днѣпра по рѣкамъ Протовчѣ, Самарѣ и по самому Днѣпру по обоемъ берегамъ, начиная отъ границы по самое устье.

Изъ Петербурга, на спросъ Вейсбаха, отвѣчали въ мартѣ: «Грамоты отъ насъ къ Запорожцамъ и никакого письменнаго обнадеживанія послать и ихъ всѣхъ вдругъ въ подданство принять въ настоящее время, когда у насъ съ Турками миръ еще твердо содержится, нельзя, ибо такой поступокъ Турки могутъ почесть нарушеніемъ мирнаго договора, въ которомъ Запорожцы означены въ

турецкой сторонѣ и особливо то мѣсто, на которомъ они живутъ, и прочая земля отъ самой Самары рѣки внизъ Днѣпра уступлена Портѣ, а они, Запорожцы, не захотятъ отказаться отъ своихъ вольностей, звѣриной и рыбной ловли и перейти жить въ наши границы. Поэтому вы должны съ ними поступать по нашимъ прежнимъ указамъ, дѣлая имъ, при всякомъ случаѣ, тайно словесныя обнадеживанія, что послѣ, при удобныхъ обстоятельствахъ мы ихъ примемъ, но чтобъ до тѣхъ поръ имѣли терпѣніе. Внутрите имъ, чтобъ они всевозможными способами уклонялись отъ посылки вспомогательнаго отряда къ хану въ кабардинскій походъ: но если отговориться будетъ никакъ нельзя, то пусть отправятъ часть козаковъ и накажутъ имъ тайно, чтобъ они, приближаясь къ Кабардѣ, отправили отъ себя кого-нибудь въ крѣпость св. Креста къ тамошнему командиру съ увѣдомленіемъ, сколько въ походѣ крымскихъ, кубанскихъ и другихъ войскъ и ихъ Запорожцевъ, ханъ ли самъ или какой султанъ командуетъ и съ какимъ намѣреніемъ идутъ на Кабарду, и что командиръ крѣпости имъ прикажетъ, тобъ они и дѣлали. Что же касается ханскаго намѣренія переселить Запорожцевъ на другую сторону Днѣпра ближе къ Крыму, то въ случаѣ ихъ сопротивленія ханъ станетъ искать способа накрѣпко прибрать ихъ всѣхъ въ свои руки, или, подъ предлогомъ ослушанія, разорить ихъ, и съ нашей стороны тогда имъ, пока у насъ миръ съ Турками, никакой помощи подать или прямо въ подданство принять нельзя: и потому здѣсь разсуждается, что имъ противиться хану не надобно, пусть переходятъ безъ спора: находясь по близости къ Крыму, они могутъ удобнѣе противъ него дѣйствовать. Впрочемъ все это полагается на васъ: вы о тамошнихъ мѣстахъ можете знать лучше.» Теперь церемониться болѣе было нечего, и Запорожцевъ приняли въ подданство.

Послѣ сдачи Данцига, Неплюевъ писалъ: «Если ваше величество успѣете въ нынѣшнемъ году польскія дѣла совершенно успокоить, то не лучше ли въ будущемъ году Турокъ остановить, не дожидаясь, когда Персіяне, утомясь, склонятся къ миру съ ними, ибо слабость персидская видима; а если вы начнете съ Турками войну, то Персіяне могутъ ободриться и можно будетъ подать имъ помощь; персидская война Туркамъ тягостнѣе, чѣмъ союзъ цесаря съ вашимъ величествомъ и его помощь Россіи, потому

что Персія всю Азію завязала. Если же Турки во время европейской войны отъ Персіянъ освободятся, то всё свои силы употребятъ противъ вашего величества, потому что хотя бы и противъ Пѣмцевъ пачали, то тягость войны, по безсилію Пѣмцевъ, все же ляжетъ на Россію. Предоставляю высокоумному соизволенію вашего величества заблаговременно принять мѣры къ укрощенію этихъ варваровъ, чтобъ, не выпустивъ ихъ изъ персидской войны, привести въ резонъ и Россійской имперіи покой доставить, потому что теперь еженедѣльно плѣнныхъ подданныхъ вашего величества привозятъ; мы требуемъ у турецкихъ министровъ ихъ выдачи, но они, не отказывая, кормятъ, завтраками, давая время хозяевамъ укрывать плѣнныхъ. Что касается англійскаго посла, то какъ мы ни старались его и переводчика его удобрять, однако кромѣ словесной ласки и нѣкоторыхъ публичныхъ дѣлъ, едвали много успѣли; а цесарскій резидентъ не понимаетъ или понимать не хочетъ; намъ же и всему здѣшнему свѣту видимо, что его Турки спать кладутъ, желая государя его отлучить отъ союза съ Россією.» Вслѣдъ за тѣмъ Неплюевъ писалъ: «Англійскій посолъ лордъ Кинуль, послѣдуя переводчику своему Лукѣ Кирику, обращается съ нами, съ голландскимъ посломъ и съ римско-цесарскимъ резидентомъ волкомъ въ овечьей кожѣ, отдавшись Туркамъ и французскому послу въ руки: намъ даль знать, что велъ разговоръ съ визиремъ въ оправданіе поступковъ вашего величества, а на самомъ дѣлѣ Россію во всемъ обвинялъ, Порту во всемъ оправдывалъ; только уговаривалъ ее не разрывать съ Россією и обратиться о всѣхъ дѣлахъ письменно къ англійскому королю, который, по своему могуществу, держитъ всю Европу въ равновѣсіи и въ состояніи заставить одуматься и Россію и Австрію, тѣмъ болѣе, что ему союзъ Россіи съ цесаремъ не безподозрителенъ, и самовластіе Россіи въ польскихъ дѣлахъ неприятно. Трудно себѣ представить поведеніе англійскаго посла: по письмамъ князя Кантемира изъ Лондона, лордъ Кинуль получаетъ крѣпкіе указы отъ своего двора, чтобъ былъ съ нами въ тѣсномъ согласіи и дружбѣ и удалялся отъ французскаго посла; но онъ еще чаще бываетъ у Вильнёва, и съ Стадницімъ ежедневно, публично и приватно, вездѣ пьетъ и ѣсть, то самъ къ нему, то Стадницкій у него, и всѣмъ Станиславцамъ сходбище и лучшій пріемъ у англійскаго, чѣмъ у французскаго посла.»

Въ ноябрѣ 1734 года Неплюевъ писалъ: «Порта увидала, съ одной стороны, что Французы до Саксоніи и тѣмъ менѣе до Вѣны не дошли и на успѣхъ Станислава надежду потеряли; съ другой стороны, Тахмасъ-Кулы-ханъ уязвилъ ихъ за живое своимъ вступленіемъ въ Ширванъ, и потому кажется, что Порта не признаетъ полезнымъ вмѣшаться въ европейскую войну, пока не окончатъ дѣлъ съ Персією; вотъ почему она молчитъ и о переходѣ Запорожцевъ въ подданство вашего величества, и желаетъ только, чтобъ они были переведены внутрь границъ Россіи, называя ту землю, гдѣ они теперь живутъ, своею, что, по договору, и дѣйствительно такъ.»

Въ началѣ 1735 года изъ Константинополя приходили тѣ же вѣсти. «Визирь, пріятели его и враги, и всѣ вообще разсуждаютъ, что Портѣ нельзя съ христіанскими державами, и особенно съ Россією войну начнать; и Французы теперь къ возбужденію Турокъ иной путь приняли, только пугаютъ ихъ, что Россія тотчасъ по окончаніи польскихъ дѣлъ нападетъ на нихъ, и потому они должны, для своей безопасности, приготовить къ оборонѣ границы, и Порта находится въ большомъ затрудненіи: приготовленіями къ войнѣ боится возбудить подозрѣніе обоихъ императорскихъ дворовъ, а не приготовляться также опасно въ случаѣ нападенія, ибо Турки знаютъ, сколько досадъ надѣлали Россіи и Австріи, которыя, съ своей стороны, знаютъ, что если Турки не объявили имъ войны, такъ единственно по безсилію. Визирь наконецъ рѣшился приводить границы въ оборонительное положеніе, но при этомъ распускать слуги, что Порта не имѣетъ никакого злаго намѣренія противъ императорскихъ дворовъ.» Но при этомъ Неплюевъ не переставалъ жаловаться на поведеніе англійскаго посла. 19 марта пріѣхали къ русскому резиденту австрійскій резидентъ Тальманъ и голландскій посолъ Калкунъ, при чемъ послѣдній жаловался, что терпитъ сильныя притѣсенія отъ турецкихъ министровъ по согласію ихъ съ французскимъ и англійскимъ послами, и не видитъ способа быть здѣсь полезнымъ общему благу, пока лордъ Кинунъ и переводчикъ его Лука Кирикъ, *злой инструментъ*, не будутъ удалены изъ Константинополя, и если этого нельзя добиться у англійскаго короля, то онъ писалъ штатамъ, чтобъ отозвали его, Калкуна.

За болѣзнію Неплюева, помощникъ его Вешняковъ былъ въ

концѣ марта на конференціи у визиря, который требоваль, чтобъ русскія войска не занимали Каменца; при этомъ визирь, улыбнувшись, спросилъ: «Какая же эта польская воля, которая должна быть ненарушима, когда Поляки такую силою принуждаются къ тому, къ чему явно не имѣють склонности?» Вешняковъ отвѣчалъ: «Во всякомъ обществѣ обыватели должны имѣть волю, однако не такую, чтобъ всякій дѣлалъ что хотѣлъ по прихоти своей; воля должна быть не такая, какъ у дикихъ звѣрей, но разсудительная, законами дозволенная; такая воля въ Польшѣ сохранена вѣрными и законными дѣтьми отечества и высокою защитою ея императорскаго величества.» На это визирь сказалъ, что онъ въ споръ вступать не намѣренъ, оставляя дѣламъ идти какъ идутъ; однако онъ знаетъ, какъ что идетъ.

Визирь зналъ, какъ что идетъ и готовился къ войнѣ; изъ этихъ приготовленій самымъ опаснымъ въ глазахъ Неплюева и Вешнякова было образованіе регулярнаго войска, совершившееся съ помощію ренегата Бонневалья и двоихъ его товарищей, также Французовъ-ренегатовъ. Вешняковъ писалъ императрицѣ отъ 30 апрѣля: «Нельзя безъ ужаса смотрѣть на слѣдствія этого дѣла для всего христіанства и особенно для сосѣднихъ Турціи державъ. Одно средство помѣшать дѣлу—это удалить Бонневалья съ двумя его товарищами изъ Турціи; сдѣлать же этого иначе нельзя, какъ еслибы одна изъ христіанскихъ державъ перезвала ихъ къ себѣ на выгодныхъ условіяхъ. Бонневаль сильно жалуется, что несчастіе и французскій посоль довели его до такой напасти противъ его желанія и намѣренія; сильно тяготится онъ, что, будучи человѣкомъ такихъ великихъ способностей и достоинствъ, находится между такими варварами и совершенно невѣдущими скотами. Вышеписанныхъ ради резоновъ, господинъ контръ-адмиралъ и резидентъ Неплюевъ и я приедемъ дерзновеіе вашему величеству донести, не изволите ли повелѣть предложить чрезъ голландскаго посла свой покровъ и убѣжище этимъ Французамъ для общаго блага.»

Дѣла пошли къ развязкѣ скорѣе, чѣмъ ожидали русскіе резиденты: 13 мая они донесли, что Порта приняла рѣшеніе отправить крымскаго хана съ 70,000 войска въ Персію опять чрезъ русскія владѣнія, и всѣ представленія, сдѣланныя на этотъ счетъ Вешняковымъ визирю, остались напрасными. Англійскій

посоль высказалъ Вешнякову свое мнѣніе, что Россія могла бы пропустить Татаръ, находясь въ нейтралитетѣ, и что онъ это мнѣніе свое передалъ и визирю. «Не знаемъ уже, какъ съ симъ министромъ быть, ибо такъ явно и безстыдно злодѣйствуетъ,» писалъ Вешняковъ. Переводчикъ Порты сказалъ одному изъ русскихъ пріятелей: «Удивляюсь, что же русскіе резиденты спали! Порта о Кабардѣ, о дагестанскихъ народахъ и о всѣхъ своихъ претензіяхъ при всякомъ случаѣ упоминала, слѣдовательно ждала только благоприятнаго времени одно за другимъ отыскивать, и теперь дождалась этого времени; а прежде всего она должна окончить свои персидскія дѣла.» Визирь объявилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, что не отправивши хана дагестанскимъ путемъ, Портѣ нельзя никакимъ образомъ покончить персидской войны. Извѣстіе, полученное въ Константинополѣ 21 іюня, что Тахмасъ-Кулы-ханъ поразилъ турецкое войско при Эривани, заставило еще болѣе спѣшить отправленіемъ хана черезъ Дагестанъ, потому что только этимъ средствомъ надѣялись отвлечь побѣдителя. «При такомъ благополучномъ случаѣ, писалъ Неплюевъ, отъ вашего величества зависитъ смирить турецкую гордость, ибо они, при вступленіи хотя малаго русскаго корпуса въ ихъ землю, принуждены будутъ у вашего величества мира просить и постановить выгодныя условія съ перемѣною договора, если на конечную свою гибель не ослѣпнутъ. Сей непріятель день и ночь умышляетъ на зло противъ вашего величества, ибо предъ полученіемъ вѣдомости о пораженіи сочинили проектъ для посылки въ Швецію съ предложеніемъ союза противъ Россіи. Если такого непріятели при полезномъ случаѣ не укротить и дать ему время поправиться, тогда надобно ожидать отъ него болѣшихъ бѣдствій,—неоднократно показали: они, что, при всякомъ хотя мало полезномъ для нихъ случаѣ, змѣнный свой ядъ изблевать готовы. Если вашего величества соизволеніе будетъ на войну, въ такомъ случаѣ, хотя бы паче чаянія и Татары зачѣмъ не пошли, можно законныя причины найти къ нимъ привязаться, ибо Тахмасъ-Кулы-ханъ съ ними скоро мира не заключить, тѣмъ болѣе, если услышитъ, что и Россія поднялась противъ нихъ. Если же вашему величеству неугодно будетъ Турокъ укротить войною, то самый вѣрный способъ удержать ихъ — это показывать болѣе готовности къ войнѣ, чѣмъ охоты къ миру.»

Въ іюль резиденты увѣдомили о новой важной новости, сверженіи великаго визиря Али-паши, при чемъ Вешняковъ писалъ: «Кажется Всевышній къ тому все предусмотрѣлъ, чтобъ отдать ихъ въ волю вашего величества, лишивъ ихъ послѣдней надежды спасенія, визиря Али-паши, какъ недостойныхъ такого великаго и дивнаго ума, единственнаго человѣка, имѣвшаго истинное раченіе о благѣ общемъ.» Между тѣмъ англійскій посоль получилъ отъ своего двора внушеніе, чтобъ поведеніемъ своимъ не подавалъ повода къ жалобамъ русскаго и австрійскаго резидентовъ. Лордъ Кингуль явился къ Неплюеву и Вешнякову съ оправданіями, говорилъ, что его главная обязанность была служить обомъ императорскимъ дворамъ, ибо такова воля его государя; что если онъ имѣлъ сношенія съ французскимъ посломъ, такъ это единственно съ цѣлю имѣть свѣдѣнія о всѣхъ его движеніяхъ; польза его сближенія съ Портою очевидна: благодаря этому сближенію до сихъ поръ сохраняется миръ; что же касается до Луки Кирика, то онъ оклеветанъ своими врагами, которыхъ у него много, потому что онъ умнѣе всѣхъ другихъ переводчиковъ, и если вы хотите, прибавилъ Кингуль, то я прекращу съ французскимъ посломъ всякія сношенія.» Неплюевъ отвѣчалъ ему, что они не смѣютъ предписывать ему правилъ какъ вести себя; но должны ему сказать, что его тѣсная связь съ Вильнёвомъ и Стадницкимъ истолкована при Портѣ такъ, что онъ, по предписанію своего государя, гораздо болѣе сочувствуетъ французскимъ, чѣмъ австро-русскимъ интересамъ; что же касается Луки Кирика, то онъ Неплюевъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія своего въ Константинополѣ, очень хорошо знаетъ всѣ отношенія и не могъ ошибиться относительно поведенія переводчика англійскаго посольства. Резиденты доносили, что внушенія, полученные лордомъ Кингулемъ изъ Лондона, только раздражили его и Луку Кирика, и они будутъ теперь еще враждебнѣе дѣйствовать противъ императорскихъ дворовъ и лично противъ нихъ, Неплюева съ Вешняковымъ; что теперь лордъ Кингуль видится съ французскимъ посломъ, вмѣсто четырехъ, только одинъ разъ въ недѣлю, но это нисколько не измѣнило ихъ прежнихъ отношеній; голландскій посоль далъ знать, что лордъ Кингуль принимаетъ сильное участіе въ переговорахъ о союзѣ Турціи съ Швеціею противъ Россіи. Положеніе дѣлъ показалось резидентамъ такъ

смутно послѣ сверженія Али-паши, что въ полѣ мѣсяцѣ они почли за полезное передать всю имѣвшуюся у нихъ денежную сумму (31,250 левковъ) посламъ венеціанскому, голландскому и царскому резиденту, на случай, если лишатся свободы. Въ послѣднемъ случаѣ доносить въ Петербургъ о константинопольскихъ дѣлахъ они поручили своему другу, переводчику дубровицкому (рагузинскому) Андрею Магрина.

Неплюевъ, по болѣзни, былъ отозванъ, и 8 сентября выѣхалъ изъ Константинополя; тогда же, оставшійся на его мѣстѣ, Вешняковъ донесъ, что лордъ Кингуль совершенно измѣнился въ своемъ поведеніи и отпустилъ отъ себя Луку Кирика. Между тѣмъ назначенъ былъ новый визирь, Исмаиль-паша, по отзыву Вешнякова, человѣкъ не безъ осторожности, но посредственнаго ума, низкаго происхожденія, обыкновеннаго у Турокъ воспитанія, слѣдовательно не откуда было ему получить высокихъ мыслей и знанія государственныхъ правилъ; держится султанскою матерью, которая съ нимъ однородка, Грузинка, одного привоза и покупки. Рейсъ-эффенди, человѣкъ хамелеоноваго свойства, поддѣляется во всемъ къ визирямъ и избѣгаетъ всякихъ интригъ; также ведетъ себя и переводчикъ Порты; но судьба его еще не рѣшена, развѣ молитва денежная превозможетъ за него и за брата его, волошскаго господаря (Гику), ибо визирь кой-что имѣетъ противъ нихъ. Это здѣсь главные лица, другія же имѣютъ мало голоса; Муфтиѣй человѣкъ старый и глупый.»

30 октября голландскій посолъ сообщилъ Вешнякову важную новость: прискакалъ курьеръ съ письмами очаковского паши, который доносить, что русскія войска перешли Донъ и вступили въ Кубанскую область, а другія, въ числѣ 80.000, появились у Перекопи. Приѣхалъ другой курьеръ изъ Крыма съ вѣстію, что русскія войска въ 19 часахъ пути отъ Перекопи, что запорожскіе козаки разорили одну татарскую деревню, изъ которой увезли 400 семей. При Портѣ засуетились, немедленно собрали совѣтъ изъ всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и по окончаніи совѣта явился къ Вешнякову отъ визиря переводчикъ Порты съ требованіемъ объясненія, что все это значить. Вешняковъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ о движеніяхъ русскихъ войскъ, и если извѣстія вѣрны, то можно объяснить ихъ тѣмъ, что императрица, не получая никакого удо-

влетворенія по дружескимъ представленіямъ своимъ Портѣ, наконецъ, не будучи въ состояніи сносить болѣе татарскихъ про-дерзостей, рѣшилась отомстить хану, ибо Порта въ 1733 году и послѣ давала знать, что Россія сама можетъ управляться съ Та-тарами; но при этомъ Порта можетъ быть удостовѣрена, что про-тивъ нея ничего не будетъ предпринято, и, безъ сомнѣнія, импе-ратрица охотно возобновить съ нею миръ на разумныхъ усло-віяхъ. Переводчикъ Порты, по словамъ Вешнякова, былъ тихъ и въ смятеніи. «Не могу изобразить, писалъ Вешняковъ, какъ вели-ка здѣсь между министерствомъ констернація, не знаютъ за что взяться и что дѣлать, и потому можно ожидать, что если не бу-детъ бунта, то поступать умѣренно и вступать въ переговоры, на что буду склонять. Правительство сильно боится народа, и потому начало таить вѣдомости и складывать вину на Татаръ²⁴. Итакъ, Россія начала непріятельскія дѣйствія противъ Турціи, когда еще Станиславъ Лещинскій жилъ въ Кенигсбергѣ и не от-казывался отъ польской короны, когда одно русское войско должно было еще занимать Польшу, а другое дѣйствовать на Рейнѣ въ пользу императора. Изъ донесеній Неплюева мы узна-ли, что именно онъ своими представленіями долженъ былъ болѣе всего заставить свое правительство снѣжить начатіемъ не-пріятельскихъ дѣйствій противъ Турціи. Съ одной стороны, наг-лость Порты, рассчитывавшей на безнаказанность, нарушеніе руе-ской территоріи должны были сильно раздражить русское пра-вительство; съ другой стороны, резидентъ доносить о слабости Порты, о возможности легко получить отъ нея удовлетвореніе, но только въ томъ случаѣ, если Россія будетъ дѣйствовать не-медленно, чѣмъ побудить и Персіянъ продолжать войну, которая обезпечить успѣхи русскихъ войскъ. Отсюда понятно, что Рос-сія должна была употребить всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать заключенію мира между Персією и Турцією.

Съ этою цѣлью отправленъ былъ еще въ 1733 году въ Пер-сію чрезвычайнымъ посланникомъ князь Сергій Дмитріевичъ Го-лицынъ. На дорогѣ узналъ онъ о заключеніи мира между Пер-сією и Турцією, бросилъ свой багажъ и налегкѣ поѣхалъ для свиданія съ Кулы-ханомъ, чтобы, «смотря по состоянію обстоя-тельствъ, всякими пристойными способами домогаться его не только противъ Турокъ поощрять, но и къ разрыву мира при-

весть.» Въ маѣ 1734 года Голицынъ пріѣхалъ въ Испагань и началъ конференцію съ довѣреннымъ человѣкомъ отъ Кулы-хана, Хулефою. «Хотя я, писалъ Голицынъ, всячески стараюсь, чтобъ поощрять Кулы-хана къ разрыву съ Турками, однако встрѣчаю при этомъ немалыя трудности: Кулы-ханъ человѣкъ гордый, величавый и не любитъ, когда отъ него настойчиво чего-нибудь требуютъ, поэтому надобно съ нимъ обращаться очень осторожно. Хлопоталъ я, чтобъ онъ обязался, безъ сообщенія Россіи, не принимать отъ Турокъ никакихъ предложеній и не заключать мира, а если Турки начнутъ войну съ Россією, то и онъ долженъ ее начать: сначала онъ согласился, но потомъ ежедневно началъ присылать новые запросы, проводя только время.» Голицынъ предложилъ помощь Персіи съ русской стороны; Кулы-ханъ отвѣчалъ: «Очень благодаренъ и на дружбу русскую благодаренъ; только теперь не хочу отягощать своихъ пріятелей, да и не могу понять, какимъ образомъ эта помощь можетъ быть мнѣ доставлена: къ Багдаду русскія войска не пойдутъ, развѣ къ Шемахъ. Но если обстоятельства принудятъ меня разорвать теперь миръ съ Турками, то надѣюсь и безъ посторонней помощи съ ними управиться, и, если буду счастливъ, побью ихъ и вступлю въ Анатолю, то и Россія можетъ напасть на Турокъ съ другой стороны, и кто что себѣ добудетъ, то у него и останется.» По мнѣнію Голицына, Кулы-хана побуждало къ миру печальное состояніе Персіи: народъ разоренъ войною, всякій долженъ отдавать послѣднее; въ войскѣ Кулы-хана не любятъ, такъ что едвали не всякій желаетъ ему погибели, держится онъ однимъ страхомъ: за малыя вины казнятъ смертію, давятъ, и это случается каждый день въ его присутствіи. Кромѣ того, Кулы-ханъ сильно сердился на русское правительство за то, что оно не отдавало Персіи Баку и Дербента, выставляя условіе мирнаго договора, что эти города будутъ отданы тогда только, когда Персія совершенно освободится отъ непріятелей. Когда Голицынъ жаловался Кулы-хану, что персидскій сердаръ требуетъ отъ русскихъ властей высылки въ персидскія границы кочевыхъ народовъ, находившихся до сихъ поръ подъ покровительствомъ Россіи, то Кулы-ханъ отвѣчалъ, что эти народы подданные персидскіе, которые приходятъ къ нему теперь сами, и отгонять ихъ отъ себя неприлично, точно такъ, какъ съ русской стороны удер-

живать ихъ не слѣдуетъ; и когда Голицынъ продолжалъ настаивать на недружелюбность этого поступка, то Кулы-ханъ съ сердцемъ отвѣчалъ: «Полно говорить о такомъ маломъ дѣлѣ, послу о соломѣ представлять неприлично, а мнѣ слышать стыдно; надобно о другомъ важномъ дѣлѣ говорить; ты присланъ отъ такой великой монархини, и всѣ говорили, что имѣешь полную мочь, а между тѣмъ не можешь отдать такихъ малыхъ и разоренныхъ городишковъ, какъ Баку и Дербентъ, отговариваясь, что не имѣешь полномочія; вижу давно, что ваша дружба только на словахъ; я васъ испыталъ. Вы мнѣ съ вашею мнимою помощію наскучили; помощь эта только на словахъ; самъ разсуди: если я отъ васъ потребую теперь только десять тысячъ войска, то знаю, что вы этого мнѣ дать не можете. Полно меня обманывать! Благодарю Бога, что мнѣ въ вашей помощи нужды нѣтъ, особенно теперь, когда я помирился съ Турками. Поэтому объявляю, что, соединясь съ ними и съ другими мусульманскими народами, съ разныхъ сторонъ пойдемъ войною противъ Россіи, до самой Москвы. Я былъ на Турокъ сердитъ и хотѣлъ идти на нихъ войною, но вы принудили меня остановиться, потому что Баку и Дербента и требуемыхъ мною людей не отдаете и ни въ чемъ другомъ не соглашаетесь. Предлагаю вамъ два дѣла, одно легкое, другое тяжелое: первое—безъ всякой отговорки выдайте мнѣ моихъ бунтовщиковъ: Даргу-салтана, Юзь-башу-мусу-бека и Али-Кулы-хана; за это пойду отбирать турецкіе города—Генжу, Тифлисъ, Эривань, и когда трубы мои затрубятъ въ этихъ городахъ, тогда пошлю къ русскимъ командирамъ съ требованіемъ отдачи Баку и Дербента, и надѣюсь, что, по силѣ ряцинскаго договора, мнѣ ихъ отдадутъ безъ всякаго отлагательства и затрудненія. И за то, что получу эти города прежде времени, даю на себя вѣчную кабалу никогда не мириться съ Турками; прямо отсюда пойду въ Константинополь, а вы, если хотите, ступайте съ другой стороны, и если возьму города съ той стороны, то отдамъ ихъ вамъ; ибо когда Богъ меня такъ возвысилъ, то я въ покоѣ сидѣть не умѣю.» Кулы-ханъ требовалъ, чтобъ Голицынъ немедленно отправилъ въ Петербургъ за отвѣтомъ, и чтобъ этотъ отвѣтъ пришелъ до полученія ратификаціи мира съ Турками.

Персидское войско дѣйствительно осадило Генжу, но по неискусству въ осадномъ дѣлѣ, не могло скоро взять ее. Голицынъ,

находившійся въ войскѣ при Кулы-ханѣ, счелъ эту медленность противною русскимъ интересамъ, потому что Турки могли усилиться, и потому предложилъ Кулы-хану подъ рукою помощь для скорѣйшаго отобранія турецкихъ крѣпостей. Въ началѣ ноября онъ обратился къ генералу Левашеву, находившемуся въ Баку, и тотъ прислалъ ему инженернаго офицера и четырехъ бомбардировъ, которыхъ Голицынъ одѣлъ въ персидское платье. Кулы-ханъ былъ очень доволенъ, а 16 декабря Голицынъ объявилъ ему, что императрица, имѣя полную надежду на скорое очищеніе Персіи отъ непріятелей, согласна и до истеченія срока возвратить ему оставшіеся въ русскомъ владѣніи персидскіе города, подъ тѣмъ условіемъ, что города эти никогда не будутъ отданы въ непріятельскія руки и что Кулы-ханъ свято исполнитъ рязанскій договоръ, по которому обязанъ признавать непріятеля Россіи своимъ собственнымъ непріятелемъ и письменно подтвердить данное ему, Голицыну, обѣщаніе навсильнѣйшимъ образомъ стоять противъ общаго врага. Кулы-ханъ такъ обрадовался, что измѣнился въ лицѣ, и объявилъ, что готовъ все сдѣлать, чтобъ отблагодарить императрицу за такую милость, пусть императрица располагаетъ имъ какъ своимъ послѣднимъ слугою, и обратясь къ сторонѣ Генжи, крикнулъ: «Горе вамъ! Не только вы всѣ, но и самъ вашъ султанъ погибнетъ отъ персидской сабли, если Богъ продолжитъ мою жизнь.»

Въ 1735 году Кулы-ханъ продолжалъ войну съ Турками, но не могъ взять Генжи, что приводило въ сильное безпокойство и его самого и Голицына. Лѣтомъ, оставя небольшое войско подъ Генжею, Кулы-ханъ отправился къ Барсу, и въ двухъ битвахъ поразилъ турецкое войско. Послѣ этого благопріятнаго оборота дѣлъ, Голицынъ отправился въ Россію, такъ какъ заключенъ былъ окончательный договоръ съ персидскимъ правительствомъ, и русскія войска очистили Баку, Дербентъ и даже крѣпость Св. Креста ²⁵.

Такимъ образомъ изъ Персіи приходили благопріятныя извѣстія, что Кулы-ханъ будетъ воевать съ Турками, и это заставляло склониться на представленія Неплюева о выгодѣ немедленнаго начатія войны съ Портою, въ расчетѣ на легкость и непродолжительность этой войны. Мы видѣли, что въ Петербургѣ уже давно хотѣлось начать ее: отдали Персіи области, завоеванныя Петромъ

Великимъ, и какъ ни оправдывали эту отдачу тѣмъ, что эти области вмѣсто пользы причиняютъ страшный вредъ, служа кладбищемъ для русскаго войска, однако все было очень непріятно начинать царствованіе уступками пріобрѣтеній великаго дяди; поэтому желалось вознаградить себя за эти уступки пріобрѣтеніями со стороны Турціи, желалось возратить то, что было уступлено Петромъ, изгладить такимъ образомъ безчестіе прутскаго мира. Минихъ сильно желалъ турецкой войны, желалъ славы, которая необходимо приносила съ собою силу, и рассчитывалъ на вѣрныя и полныя побѣды, тогда какъ послѣднія данцигскія лавры были не безъ тернія: роковое слово: «Гагельсбергъ» было постоянно въ устахъ враговъ фельдмаршала. «Россія находилась тогда въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могли обѣщать ей вѣрный успѣхъ въ предпріятіи. Казна была полна, войско въ хорошемъ состояніи, и при государственномъ устройствѣ сосѣднихъ европейскихъ государствъ (Польши и Швеціи), ихъ нечего было опасаться; не было опасности и со стороны Азіи. Анна взошла на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ слѣдовать правиламъ своего дяди Петра I-го, совершить начатое имъ, опираясь болѣе на честность и способность иностранцевъ, чѣмъ природныхъ Русскихъ. При такомъ поворотѣ (ибо до Анны вельможи, въ рукахъ которыхъ находилась власть, старались только о томъ, чтобъ разрушить начатое Петромъ В.) почли нужнымъ армию и всю націю занять чѣмъ-нибудь виѣшнимъ и вмѣстѣ слѣдовать плану Петра I. И такъ какъ теперь приняли за основаніе не увеличивать болѣе своихъ предѣловъ на счетъ европейскихъ государствъ, а только удерживать ихъ при существующемъ правительственномъ устройствѣ, то и обратились къ востоку» — ²⁶. Желали войны, но непродолжительной; хотѣли напугать Турокъ и заставить ихъ исполнить требованія Россіи; поэтому Остерманъ, въ письмѣ къ великому визирю, объявлялъ, что императрица поступками Турокъ и Татаръ вынуждена употребить силу, но употребляетъ ее съ сожалѣніемъ, и только для того, чтобъ установить миръ на прочныхъ основаніяхъ; если слѣдовательно Порта также желаетъ мира, то должна выслать на границы полномочныхъ министровъ для переговоровъ.

23 іюля Минихъ получилъ грамоту отъ кабинетъ-министровъ, что императрица желаетъ предупредить Турокъ, которые намѣрены

будущею весною наступить на Россію со всѣми своими силами; что на него, Миниха, возложено нынѣшнею же осенью предпринять осаду Азова, для чего онъ долженъ прямо изъ Польши идти къ Дону, а въ Польшѣ распорядиться такъ, чтобъ его отсутствіе не могло принести дѣламъ никакого вреда. Въ Польшѣ должно было оставаться 40,000 войска. Кабинетъ-министры требовали отъ Миниха, чтобъ онъ содержалъ все дѣло въ величайшей тайнѣ, отъ которой особенно зависитъ успѣхъ. «Повелѣніе объ азовской осадѣ, писалъ Минихъ императрицѣ, принимаю я съ тѣмъ болшею радостію, что уже давно, какъ вашему величеству извѣстно, я усердно желалъ покоренія этой крѣпости, и потому жду только высокаго указа, чтобъ немедленно туда двинуться; при этомъ я надѣюсь, что сдѣланы уже всѣ приготовления къ осадѣ, о которыхъ предложено нѣсколько лѣтъ тому назадъ и для которыхъ генераль-квартирмейстеръ Дебрини отправленъ на Донъ. Что касается войны, то самъ я объ этомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ не говаривалъ и ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію подавать не буду; но Поляки и министры иностранные имѣютъ извѣстія изъ Константинополя о турецкихъ деклараціяхъ, и люди недоброжелательные, которыхъ ежедневно можно встрѣтить въ королевской передней, и здѣсь, точно также какъ въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ, ласкаютъ себя надеждою, что намъ войны съ Турками не миновать»²⁷.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія императрицы Анны Иоанновны.

Неудачный поход генерала Леонтьева на Крымъ. — Совѣщаніе Миниха съ Запорожцами насчетъ будущей кампаніи. — Ссора Миниха съ принцемъ Гессенъ-гомбургскимъ. — Вѣсти изъ Персіи и Австріи. — Кампанія 1736 года. — Осада Азова. — Крымскій походъ Миниха. — Столкновеніе его съ княземъ Шаховскимъ. — Взятіе Перекопа, Козлова, Бакчисарая. — Возвращеніе Миниха къ Днѣпру. — Взятіе Кинбурна и Азова. — Столкновенія Миниха съ Леси. — Переписка его съ императрицею. — Донесенія резидента Вешнякова изъ Константинополя. — Выѣздъ его оттуда. — Извѣстія изъ Персіи, изъ Вѣны. — Кампанія 1737 года. — Взятіе Очакова. — Донесеніе австрійскаго военнаго агента Береклау. — Крымскій походъ Леси. — Дѣйствія Австрійцевъ. — Немировскій конгрессъ. — Кампанія 1738 года. — Второй походъ Леси въ Крымъ. — Австрійскія извѣстія о способѣ веденія Русскими войны. — Дѣйствія Персіянъ и Австрійцевъ. — Посредничество Франціи. — Донесенія русскаго посланника Кантемира изъ Парижа. — Кампанія 1739 года. — Интриги Орлика. — Ставучанская битва. — Взятіе Хотина. — Занятіе Яссы. — Миръ.

Въ августъ 1735 года Минихъ переправился черезъ Донъ и остановился въ Новопавловскѣ. Здѣсь 29 августа получилъ онъ высочайшій указъ, въ которомъ отдавалось на его волю—начать ли осаду Азова нынѣшнею же осенью, или отложить до весны, а зимою держать крѣпость въ тѣсной блокадѣ. Минихъ отвѣчалъ, что избираетъ послѣднее; но, чтобъ не терять времени, немедленно отправится къ украинской линіи въ мѣстечко Кишенки къ тамошней арміи, чтобъ съ нею предпринять походъ на Крымъ: время для этого самое благоприятное, потому что Татары переметнулись на кубанскую сторону для персидскаго похода. Въ это время Минихъ избавился отъ непріятнаго ему человѣка: умеръ командовавшій украинскою арміею генераль Вейсбахъ, на котораго возложена была крымская экспедиція; онъ считалъ себя стар-

ше фельдмаршала и потому не хотѣлъ подчиняться ему. Жалуясь на Вейсбаха, Миннихъ писалъ, что генераль Леси, который также старше его, никогда не предъявлялъ подобныхъ претензій.

Въ сентябрѣ, находясь въ Полтавѣ, Миннихъ и вся свита его занемогли мѣстною лихорадкою; но болѣзнь не помѣшала фельдмаршалу распорядиться отправленіемъ къ Крыму генераль-лейтенанта Леонтьева съ 22,000 регулярнаго и 26,000 иррегулярнаго войска (но собственно Леонтьевъ могъ выступить только съ 39,795 человекъ). Увѣдомляя объ этомъ императрицу, фельдмаршалъ писалъ: «Если крымская экспедиція окончится благополучно, то плѣнныхъ христіанъ, которыхъ тамъ считаютъ до 20,000 семействъ, куда прикажете отвозить, для поселенія?» Леонтьевъ выступилъ въ походъ 1 октября отъ рѣки Орели по направленію къ рѣкѣ Самарѣ. Отъ постоянной засухи вода въ степныхъ рѣкахъ была очень низка, и войско переправлялось чрезъ нихъ безпрепятственно; но на случай поднятія воды къ обратному пути солдаты все же строили мосты. Самъ Миннихъ переѣхалъ изъ Полтавы въ мѣстечко Царицынку, лежащее на границѣ, гдѣ предполагалъ оставаться до тѣхъ поръ, пока приведетъ въ безопасное состояніе сообщенія и постирунги вплоть до Перекопи, чтобъ войско могло имѣть надежный обратный путь. 6 октября Леонтьевъ стоялъ на рѣкѣ Воронѣ, а на другой день достигъ рѣчки Осакаровки, гдѣ мѣстами степь лѣтомъ была выжжена Татарами, однако уже поднялась молодая трава, и армія въ дровахъ, водѣ и конскомъ кормѣ нужды не терпѣла. У рѣки Конскихъ воды Русскіе напали на аулы ногайскихъ Татаръ, убили болѣе тысячи человекъ, захватили слишкомъ 2000 штукъ рогатаго скота, 95 лошадей, 47 верблюдовъ. «При чемъ, писалъ Миннихъ, наше войско со всякою бодростію поступило и никому пощады не было.» Этимъ дѣломъ и ограничился походъ: съ 13 числа начались дожди, потомъ снѣгъ, крѣпкіе морозы, и 16 числа на урочищѣ Горькія воды Леонтьевъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ вопросъ, идти ли далѣе или возвратиться? Отвѣтъ былъ, что надобно возвратиться, потому что уже пало около 3000 лошадей; схваченные Татары и возвратившійся изъ Крыма прасоль объявили, что далѣе лѣсу и воды нѣтъ, и до Перекопи еще десять дней пути, и въ это время при такой погодѣ всѣ лошади перемерутъ.

Минихъ сильно досадоваль на возвращеніе Леонтьева ни съ чѣмъ, тѣмъ болѣе, что это была его мысль идти въ Крымъ осенью, послѣ уборки хлѣба; но дѣлать было нечего. Въ ноябрѣ онъ вызваль въ Царицынку запорожскаго кошеваго Милашевича съ другими знатными козаками для совѣщаній о будущемъ походѣ. Фельдмаршалъ спрашиваль ихъ, въ какомъ числѣ они могутъ собраться къ походу? Запорожцы отвѣчали, что войско ихъ ежедневно прибываетъ и убываетъ, и потому о числѣ его подлинно показать никакъ нельзя, надѣются однако собрать до 7000 человекъ хорошо вооруженныхъ, но не все будутъ на коняхъ. Потомъ, спрошенные, какимъ образомъ и въ какое годовое время, по ихъ мнѣнію, удобнѣе идти въ крымскій походъ, Запорожцы отвѣчали: армія должна выступить въ походъ 10 апрѣля отъ рѣки Орели, потому что въ это время въ степи отъ недавнихъ снѣговъ и дождей еще не можетъ быть нужды въ водѣ, трава вездѣ въ полномъ росту и неприятелемъ созжена быть не можетъ, также по пашнямъ озими весною способны быть могутъ; въ Крыму нынѣшнимъ лѣтомъ былъ урожай, слѣдовательно и тамъ армія въ хлѣбѣ нуждаться не будетъ; Ногайцы противъ регулярнаго войска не устоятъ и русская армія безпрепятственно войдетъ въ Крымъ: переконскія укрѣпленія остановить ея не могутъ.

Серіозная война еще не начиналась, а уже генералы перессорились. Минихъ оставилъ войска въ Польшѣ подъ начальствомъ генераль-фельдцейгмейстера принца гессенъ-гомбургскаго, который долженъ былъ выводить ихъ на Украину. Фельдмаршалъ былъ недоволенъ нѣкоторыми его распоряженіями и выразилъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ нему; принцъ отвѣчалъ: «Что ваше графское сіятельство въ наставленіе мнѣ писать изволите, чтобъ впредь того не чинить: и за оное (хотя при моихъ лѣтахъ знаю, что чинить надлежитъ) вашему сіятельству благодарствую; однако при томъ доношу, что я уже имѣю честь быть въ службѣ ея величества четырнадцать лѣтъ, а еще того не чинилъ, чтобъ ея величеству противно было, и того не надѣялся, чтобъ я отъ вашего графскаго сіятельства за то, что къ лучшей пользѣ интересовъ ея величества чинилъ, могъ реприманды получить и весьма чувствительные, и прошу меня оными обойти»²⁸.

Изъ Персіи также начали приходить въ Петербургъ не совсѣмъ благопріятныя вѣсти. Послѣ отъѣзда Голицына, резидентомъ при

Кулы-ханъ остался секретарь Калушкинъ, который, пріѣхавъ къ нему подъ Карсъ, удивленъ былъ бездѣйствиємъ персидскаго войска. Причиною бездѣйствія было то, что Турки хлопотали о мирѣ, обѣщали сдать Эриванъ и исполнили обѣщаніе, послѣ чего Кулы-ханъ отправился въ Тифлисъ, куда послѣдовалъ за нимъ и Калушкинъ. 13 октября изъ Тифлиса резидентъ послалъ къ Остерману отчаянное письмо, въ которомъ извѣщаль, что Кулы-ханъ согласился на миръ съ Турками, обѣщая впрочемъ Калушкину, что безъ участія Россіи миръ не состоится. Въ ноябрѣ Калушкину было объявлено, что Порта противится включенію Россіи въ мирный договоръ, ибо Россія сама съ нею ищетъ ссоры, нападая на Польшу, которая находится подъ покровительствомъ султана. Калушкинъ объяснилъ Кулы-хану, что Польша государство вольное, избираетъ сама себѣ короля, и теперь избрала сына прежняго своего короля; но французскій король, другъ Турціи, хотѣлъ ей навязать тестя своего въ короли; Поляки просили Россію защитить ихъ вольность, что она и исполнила. «Вижу вашу правду, сказали на это Кулы-ханъ; Богъ меня не помилуй, если я заключу миръ съ Турками безъ Россіи, потому что такую великую милость русской императрицы никогда изъ памяти моей не выпущу; ни я, ни все персидское государство за эту милость заслужить не можемъ; я не забылъ, отъ кого я дѣйствительное доброжелательство видѣлъ и кто иранскому государству руку помощи подаль: все это сдѣлала Россія, выше которой никого въ свѣтѣ не почитаю»²⁹.

Такия же увѣренія слышались и со стороны европейскаго союзника: въ Вѣнѣ императорскіе министры прославляли предъ Ланчинскимъ опыты дружбы, которые оказывала Россія Австріи, и увѣряли, что цесарь не преминетъ отплатить такими же услугами. Въ іюлѣ Карлъ VI велѣлъ послу своему въ Петербургѣ, графу Остейну, принести императрицѣ торжественнѣйшую благодарность за великодушное вспоможеніе войскомъ, при чемъ отозваться съ похвалою и кротостію о дисциплинѣ русскихъ полковъ³⁰. Россія не преминула потребовать отъ Австріи *такихъ же услугъ*, потому что Порту надобно было принудить къ началу мирныхъ переговоровъ болѣе сильными средствами.

Въ мартѣ 1736 года Минихъ лично началъ осаду Азова; но когда калаячи и укрѣпленіе Лютикъ были взяты, фельдмаршалъ пору-

чить окончаніе дѣла генералу Левашову, а самъ отправился на Днѣпръ къ войску, назначенному въ крымскій походъ и собиравшемуся въ городкѣ Царицынкѣ, на украинской линіи, подъ начальствомъ принца гессенъ-гомбургскаго. 14 апрѣля онъ писалъ императрицѣ изъ Царицынки: «Хотя капитанъ-паша изъ Царьграда къ Азову и отправленъ и туда прибудетъ, только надѣюсь, что онъ будетъ свидѣтелемъ, а не помощникомъ городу, какъ Французы при Данцигѣ, ибо Азовъ отъ 5 апрѣля, по диспозиціи моей, кругомъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою, уже осажденъ и никакой помощи получить не можетъ, а наши войска съ верхняго Дона ежедневно прибавляются, артиллеріи съ излишествомъ вскорѣ прибудетъ, также и морскія суда — 13 галеръ и 9 прамовъ. Я бы желалъ, чтобъ турецкаго войска было побольше туда отправлено, ибо чрезъ это силы непріятели раздѣлились бы, для крымской экспедиціи не малая польза, и Туркамъ напрасный убытокъ. На помощь Крыму большаго турецкаго войска придти не можетъ, ибо отправленіе водою требуетъ большаго транспорта, котораго скоро сдѣлать нельзя, а на сухомъ пути предстоятъ четыре переправы чрезъ большія рѣки — Донъ, Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ, и Турки должны будутъ пройти почти двойное разстояніе противъ нашего. Что Порта хочетъ избѣгать съ нами сраженій и вести оборонительную войну, это намъ выгодно, потому что развязываетъ намъ руки противъ татарскихъ ордъ. Что касается азовскихъ подкоповъ и минъ, то прошу ваше величество положиться въ этомъ на мое попеченіе и искусство въ инженерномъ дѣлѣ. Крѣпко надѣюсь, что какъ скоро осадная артиллерія подъ Азовъ прибудетъ, то городъ вскорѣ сдастся, сопротивленіе не можетъ продолжаться далѣе 15 мая, послѣ чего можно будетъ съ Дону отъ 15 до 16,000 человекъ подлѣ берега Чернаго моря прямою дорогою отправить въ Крымъ; это войско въ половинѣ іюня соединится въ Крымъ съ главною арміею; къ этому же времени должны подойти и тѣ полки, которые идутъ изъ Польши и Богеміи, и нанесутъ Туркамъ большій страхъ. Татарамъ не должно давать времени, и потому спѣшу съ крымскою экспедиціею. Всенижайше прошу въ благополучномъ сихъ экспедицій произведеніи никакого сомнѣнія не имѣть; ни въ войскѣ, ни въ провіантѣ и водѣ и въ прочемъ никакого недостатка и опасностей быть не можетъ.»

17 апрѣля пріѣхаль въ Царицынку другой новопожалованный фельдмаршалъ, Леси, возвратившійся изъ рейнскаго похода, и тотчасъ же имѣлъ конференцію съ Минихомъ; было рѣшено: Леси на другой же день ѣхать подъ Азовъ, а двѣпровской арміи немедленно выступать къ Крыму; къ полкамъ, которые шли къ Днѣпру съ Дона и Донца, также изъ Богеміи и Силезіи, послать указы, чтобъ по возможности послѣшали къ Царицынкѣ, гдѣ взявши на два мѣсяца провіанта, идти за арміею, дѣйствующею противъ Крыма. 20 апрѣля Минихъ выступилъ изъ Царицынки съ арміею, простиравшеюся до 54,000 человекъ и раздѣленною на пять колоннъ: генераль-майоръ Шпигель командовалъ первою колонною, составлявшею авангардъ; принцъ гессенъ-гомбургскій велъ вторую; генераль-лейтенантъ Измайловъ третью; генераль-лейтенантъ Леонтьевъ четвертую и генераль-майоръ Таракановъ пятую. 21 Минихъ перешелъ рѣку Самару и вошелъ въ турецкія владѣнія; 30 апрѣля армія остановилась у рѣчки Бѣлозерки, въ трехъ стахъ верстахъ отъ Царицынки и здѣсь держанъ былъ совѣтъ, какою дорогою идти къ Перекопи, прямо ли степью, или подлѣ Днѣпра: на основаніи мнѣнія запорожскаго кошеваго и другихъ знающихъ козаковъ, избранъ былъ второй путь. Остановкою на Бѣлозеркѣ Минихъ воспользовался для того, чтобъ написать императрицѣ донесеніе насчетъ украинской линіи. Для работъ на этой линіи онъ потребовалъ 53,263 человекъ; распорядившійся въ Малороссіи князь Шаховской представилъ въ Петербургъ, что такое число работниковъ безъ разоренія народа наряжено быть не можетъ, и съ казаковъ, употребленныхъ на работу, податей брать будетъ нельзя. Въ Петербургѣ согласились съ мнѣніемъ Шаховскаго и отказали Миниху. Тогда тотъ написалъ, что, находя работу необходимою, по присяжной должности снова представляетъ о ней: «При существованіи укрѣпленной линіи, писалъ Минихъ, армію не нужно раздроблять, оставляя полки и цѣлые корпуса для защиты границъ, для чего достаточно было бы гарнизоновъ съ ландмилиціею и казаками. Генераль-майоръ Дебринья, управлявшій работами по линіи, только испортилъ дѣло, потому что самъ не смотрѣлъ, а полагался на рапорты, на лошади онъ ѣздить не можетъ, пѣшкомъ линіи обходить далеко и трудно, въ коляскѣ объѣзжать нельзя по причинѣ ямъ и неровностей. Я прошлою зимою, по узкой и непрямой дорогѣ, съ опасностію

жизни, объѣхалъ верхомъ ливію и осмотрѣлъ все подробно; я нашель, что необходимо прикрыть новою линією бахмутскую провинцію съ ея соляными варницами и магазиномъ въ Изюмѣ. Граница отъ Днѣпра до Донца прикрыта весною разливающимися рѣками и непроходимыми болотами, сверхъ того въ военное время содержатся форпосты на рѣкѣ Самарѣ, и такимъ образомъ эта граница имѣть двойную оборону: несмотря на то, на ней работа произведена, крѣпости построены и сдѣлано безъ пропорцій множество негодныхъ редутовъ; а бахмутская провинція, лежащая открыто по той сторонѣ Донца близъ турецкой границы, забыта. Какія же слѣдствія? не только тамошніе жители и прѣзжіе за солью захватываются въ плѣнъ Татарами, но и генералъ Леси, во время проѣзда чрезъ степь, подвергся нападенію и грабежу, и едва успѣлъ спастись подъ защиту линіи. Донскіе казаки за рѣками Дономъ и Донцомъ прикрыты, и какъ привычный къ войнѣ народъ противъ татарскихъ набѣговъ сами обороняться будутъ; и этихъ разбойниковъ, безпрестанно нападающихъ на бахмутскую провинцію, они могли бы удерживать, еслибы съ турецкой стороны Калмыкамъ, Ногайцамъ и Крымцамъ не было дано позволенія къ грабежу въ нашихъ границахъ, а нашимъ козакамъ и Калмыкамъ на такихъ разбойниковъ ходить и за границу ихъ преслѣдовать подъ смертною казнію, не знаю по какой политикѣ, запрещено, хотя и мы могли бы выставить то же оправданіе, какое выставляютъ и Турки, т.-е. что безъ указа все сдѣлано. Вслѣдствіе этого ваше величество потеряли многія тысячи подданныхъ своихъ, которые умножаютъ число турецкихъ рабовъ и отчасти противъ насъ самихъ служатъ. Такія разбойничества утаиваются, объ нихъ не доносятъ, и никто лучше генерала князя Шаховскаго объ нихъ не знаетъ, ибо ему ежегодно извѣстна прибавка и убавка жителей во всей Украинѣ. Оставить ливію отъ Донца до Лугани недооуланною, и только по счастливомъ окончаніи нынѣшней войны возобновить работы — это все равно, какъ еслибы корабль во время бури оставить между камнями и въ опасности, а послѣ бури въ гавань его вводить. Въ прошломъ году такъ много тысячъ людей къ этой работѣ прислано, что съ ними пять такихъ линій отдѣлать и бахмутскую провинцію прикрыть можно было бы; эти люди тогда вслѣдствіе плохого присмотра безъ дѣла гуляли, отчасти нарочно трудились,

чтобъ линію испортить, ибо вмѣсто телѣжекъ шубы и концы кафтановъ своихъ употребляли для переноски земли, и гдѣ мѣста равнять было нужно, тутъ безчисленное множество ямъ выкапывали. А когда теперь подь мою дирекцію, при опасномъ военномъ времени, всѣ распоряженія сдѣланы, инженеры въ разныхъ разстояніяхъ разставлены, непріятель возбужденъ, армія отъ границъ отдалается, время не терпитъ и важная польза получена быть можетъ, то вмѣсто требуемыхъ 24,000 ни одного человѣка не даютъ, остальныхъ поздно и когда уже время прошло присылаютъ, подь предлогомъ, чтобъ народъ не разорить: но кто противъ нападающаго непріятели укрѣпленіе строить и противъ разбойниковъ ворота затворяетъ, тотъ не разоряетъ, а защищаетъ. Тяжкій отвѣтъ должны дать Богу и вашему величеству генералы князь Шаховской и Таракановъ за то, что во время ихъ управленія въ Украинѣ народъ до конца разоренъ; въ государствование великодушнѣйшей императрицы, неуспынно некущейся о благѣ подданныхъ, кезацкіе города, на обыкновенныхъ дорогахъ лежащія, опустошаются, и заложенные помѣщиками слободы внутри земли, въ сокровенныхъ мѣстахъ свободны отъ прохода войскъ, подводъ и постоевъ; хлѣбъ въ нихъ перекуривается въ вино, что умножаетъ пьянство и гулянье, а въ магазины вашего величества провіантъ покупается такъ же дорого, какъ на Балтійскомъ морѣ, и едва за деньги его достать можно, магазины отъ того пусты, и войска безъ хлѣба. Владѣльцы слободъ обѣщаютъ козакамъ на нѣсколько лѣтъ вольность, и тѣ какъ бѣшеные туда бѣгутъ, покинувъ дворы и землю; когда вольные годы прошли, то они къ другому помѣщику побѣгутъ, и такими переходами нѣблый годъ работу пропустятъ. Когда такимъ образомъ козакъ по всѣмъ помѣщикамъ переходилъ и нигдѣ счастья не нашелъ, то охотно бы возвратился въ старый свой городъ, ибо тамъ обыкновенно лучшія мѣста: но это имъ запрещено подь жестокимъ наказаніемъ, и города остаются пустыми, а командующіе въ Украинѣ генералы заботятся только о приращеніи новозаложенныхъ слободъ своихъ. Козаки многими тысячами въ Польшу, къ Запорожцамъ, Татарамъ и Туркамъ бѣгаютъ и противъ Россіи служатъ; а Украина, такая благословенная земля, опустошается. Наказной переяславскій полковникъ Тамара сегодня мнѣ сказалъ, что въ нынѣшнемъ году до 1800 козаковъ изъ его полку сбѣжали, о

чемъ онъ въ надлежащее мѣсто и репортоваль. Въ прежнія времена гетманскіе козаки могли выставить въ поле до 100,000 человекъ; въ 1733 году число служащихъ убавлено до 30,000, и въ нынѣшнемъ году до 20,000, изъ которыхъ теперь 16,000 человекъ наряжены въ крымскій походъ; имъ велѣно въ началѣ апрѣля быть у Царицынки въ полномъ числѣ, но мы уже прошли 300 верстъ отъ Царицынки, а козаковъ гетманскихъ при арміи только 12,730 человекъ, и половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ, и отчасти плохолоудны, отчасти худоконны, большую часть ихъ мы принуждены возить съ собою какъ мышей, которые напрасно только хлѣбъ ѣдятъ. Напротивъ того Запорожцы изъ того же народа, бѣглецы изъ той же Украины, на каждого человекъ по 2 и по 3 хорошихъ лошади имѣютъ, сами люди добрые и бодрые, хорошо вооруженные; съ 3 или 4000 тысячами такихъ людей можно было бы разбить весь гетманскій корпусъ. Изъ слободскихъ полковъ наряжены были 4200 человекъ: изъ нихъ теперь при арміи только 2360 человекъ, отчасти плохіе люди, отчасти худоконные. Причины тому такія напримѣръ, что старый полковникъ, искусный солдатъ дома оставленъ, а полковникомъ сдѣлали молодаго человека, брата острогожскаго полковника Тевяшова, и дали ему команду надъ козаками; но такъ какъ этимъ старые офицеры обижены, то они надъ командой такого молодаго человека, который никогда непріятели не видалъ, только смѣются, и отъ нихъ происходятъ безпорядки и всякія неустойности. Помннутый острогожскій полковникъ Тевяшовъ въ прошломъ году въ походъ не пошелъ, потому что страдалъ головою болѣзнію, а теперь занимается важнымъ дѣломъ, лошадей собираетъ; дѣло въ томъ, что онъ жену взялъ изъ Арсеньевской фамиліи, самъ богатъ и патроновъ имѣетъ. Полтавскій полковникъ Кочубей имѣетъ въ Москвѣ важное порученіе при составленіи новаго уложенія для Украины, для такой земли, гдѣ никакого права нѣтъ, но кто больше дастъ, тотъ и дѣло въ судѣ выиграетъ. Въ изюмскій полкъ, требующій особенно добраго полковника, опредѣлили человека совершенно неспособнаго: онъ при оберъ-гофмейстерѣ князѣ Трубецкомъ бандуристомъ былъ. Прочіе гетманскіе и слободскіе полковники по домамъ сидятъ, хотя полки ихъ въ походъ идутъ: причина та, что они люди богатые; смотря на нихъ, лучшіе сотники и козаки также дома оста-

ются, и только бѣдные, безъ связей, идутъ въ походъ. Генералъ князь Шаховской лучше бы сдѣлалъ, еслибъ заблаговременно уѣхалъ отъ двора вашего величества, осмотрѣлъ назначенныхъ въ походъ казаковъ и поставилъ ихъ въ опредѣленный срокъ. Я теперь генерала Тараканова понуждаю поставить 10,000 человекъ ландмилиціи, но съ господами сенаторами трудно дѣло имѣть. Ваше величество благоволите генерала Ушкава или другаго какаго-нибудь вѣрнаго человека, хотя на одинъ мѣсяць, прислать въ бахмутскую провинцію и изюмскіе города: онъ на тамошнее разореніе, также какъ и я, безъ слезъ смотрѣть не будетъ, какъ не только дворы, но цѣлыя улицы и слободы давно впускъ лежать, и тогда узнается, что разореніе народное происходитъ отъ чего-нибудь другаго, а не отъ работы на линіи.»

20 мая Минихъ донесъ, что онъ уже въ Крыму и ханъ съ огромнымъ войскомъ отброшенъ: когда армія дошла до перекопской линіи (рва, тянущагося на 7 верстъ отъ Азовскаго до Чернаго моря), то была неприятно удивлена: ее обнадежили, что линія вездѣ осыпалась, такъ что мѣстами верхомъ и въ телѣгахъ переѣхать можно, а на дѣлѣ увидали, что ровъ очень глубокъ, склонъ такъ крутъ, какъ каменная стѣна, и голова закружится, когда посмотришь на дно, брустверкъ по всему валу вновь сдѣланъ, и башни насажены янычарами. Но передніе русскіе плутонги лѣтомъ пометались въ ровъ: когда они съ помощію пикъ и рогаatokъ всходили на валь, задніе плутонги и артиллерія производили безпрестанную пальбу. Черезъ полчаса Русскіе были на валу. Турки, сидѣвшіе въ одной башнѣ, оборонялись цѣлый часъ и были все истреблены; сидѣвшіе же въ другой башнѣ, отъ Чернаго моря, въ числѣ 130 человекъ, сдались военнопленными; вечеромъ занята была третья каланча къ Гнилому морю; 22 мая сдалась и самая крѣпость перекопская съ условіемъ, чтобъ турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 2554 человекъ, былъ выпущенъ. 24 числа войско пошло далѣе по направленію къ Козлову, и 30 числа на разсвѣтѣ донскіе казаки и гусары ворвались нечаянно въ татарской лагерь; достигли шатра внука ханскаго, Калги-салтана, перебили нѣсколько сотъ Татаръ, но не поддержанные главнымъ войскомъ, которое слишкомъ далеко было назади, должны были отступить, при чемъ потеряли слишкомъ 100 человекъ убитыми. 31 мая войско расположилось лагеремъ въ

34 верстахъ за Перекопью противъ деревни Ходжамбахъ. Отправивъ генерала Леонтьева съ 10,000 регулярнаго войска и съ 3000 козаковъ къ Кинбурну, Минихъ держалъ военный совѣтъ по вопросу: идти ли дальше? Принимая въ соображеніе, что войско въ схваткахъ съ непріятелемъ имѣло до сихъ поръ постоянный успѣхъ, что городъ Перекопъ съ линією, каланчами, турецкимъ гарнизономъ, бунчукъ и знамена Калги-салтана въ нашихъ рукахъ и знатные люди непріятельскіе побиты, генералитетъ единогласно рѣшилъ идти съ поспѣшностію къ Козлову, но не далѣе²¹. Миѣніе подписали генералы: Князь Репнинъ, Магнусъ фонъ Биронъ, фонъ Шпигель, Измаиловъ, принцъ гессенъ-гомбургскій и Минихъ. 5 іюня войско приблизилось къ Козлову, и гренадеры съ частію артиллеріи, также половина донскихъ и запорожскихъ козаковъ отправлены были для изгнанія изъ города непріятеля: но городъ уже былъ оставленъ гарнизономъ и жителямъ и наибольшая часть его выжжена. Татары вышли изъ города такъ торопливо, что оставили Русскимъ богатую добычу: свинцу досталось на всю армію, да еще не мало побросали въ море; хлѣбомъ армія запаслась на 24 дня; козаки изъ близъ лежащихъ деревень нахватили до 10,000 барановъ; получено было также много мѣдной посуды, жемчугу, парчей и прочаго добра. «Пыцѣ армія, писалъ Минихъ, ни въ чемъ недостатка не имѣеть, и вся на коштѣ непріятельскомъ содержаться будетъ, что во время военныхъ операций великимъ авантажемъ служить, но послो-вицѣ, мы усилъи свою лошадь къ непріятельскимъ яслямъ привязать.» Это обезпеченіе арміи насчетъ провіанта заставило перемѣнить рѣшеніе военнаго совѣта и двинуться изъ Козлова далѣе къ Бакчисараю. Татары шли постоянно впереди русскаго войска и пользовались всякимъ случаемъ къ нападѣнію. Два самыхъ сильныхъ нападѣнія были 17 іюня у Бакчисарая, при чемъ Русскіе потеряли убитыми и взятыми въ плѣнъ 284 человекъ: «Мы полную викторію получили, писалъ Минихъ: но въ то время наши люди въ такомъ были сердцѣ, что ивкакъ невозможно было ихъ удержать, чтобъ въ Бакчисараѣ и въ ханскихъ палатахъ огня не водложили, отъ чего четверть города и ханскія палаты, кромѣ кладбища и бань, сгорѣли. Объ этихъ палатахъ ханскихъ и о городѣ на французскомъ діалектѣ събланное капитаномъ Манштейномъ описаніе при семь прилагаю: палаты строены

по китайскому обыкновенію, и чище этого строенія мало видано.» 25 іюня было рѣшено возвратиться въ Перекопъ и приблизиться къ Днѣпру, чтобъ арміи дать отдыхъ, особенно въ ожиданіи сильныхъ жаровъ, также для того, чтобъ быть въ состояніи сдѣлать отпоръ Туркамъ, которые, по вѣстямъ, собирались на Дунаѣ и намѣрены были идти къ Днѣпру или Очакову. Татарская туча, видѣвшаяся до сихъ поръ впереди войска, теперь видѣлась назади. Татары были въ страшномъ горѣ: они думали, что Русскіе пойдутъ отъ Бакчисарая къ Каѣѣ, и опустошили все по дорогѣ къ этому городу. 6 іюля войско достигло Перекопи, и въ тотъ же день Минихъ получилъ извѣстіе отъ Леси о сдачѣ Азова и отъ Леонтьева о сдачѣ Кишбурна. 17 іюня Леси велѣлъ полковнику Ломану съ тремястами гренадеръ, семьюстами мушкетеровъ и шестьюстами козаковъ взять непріятельскій палисадникъ. Ломанъ, при пушечной пальбѣ съ русскихъ батареей и судовъ, взялъ палисадникъ, окруженный ровомъ въ три сажени глубиною, побивалъ и гналъ Турокъ до самыхъ городскихъ воротъ, отнял у нихъ пушку и бочку пороху. Послѣ этого азовскій паша прислалъ фельдмаршалу письмо, въ которомъ изъявлялъ нѣкоторую склонность къ сдачѣ. «Но хотя бы эта склонность и отмѣнилась, писалъ Леси, то по сдѣланіи брешь-батарей, которая чрезъ семь дней будетъ окончена, въ скорыхъ числахъ надѣюсь взять городъ штурмомъ.» Но до штурма не дошло: 19 числа наша прислала съ просьбою о капитуляціи, а на другой день прислала и городовые ключи; по договору, все мусульманское населеніе города было отпущено въ Турцію. При осадѣ Азова было употреблено съ чѣмъ-нибудь 23,000 человекъ; изъ нихъ было убито менѣе 200 человекъ, ранено 1,500; въ числѣ легко раненыхъ находился самъ фельдмаршалъ.

Въ Петербургѣ были недовольны возвращеніемъ войска къ Перекопи и требовали, чтобъ Минихъ возобновилъ нападеніе на Крымъ въ августѣ и сентябрѣ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что онъ возвратился для того, чтобъ имѣть съ своими границами свободное сообщеніе и посылать какъ можно чаще донесенія императрицѣ, также Турокъ чрезъ Днѣпръ не пропустить, войско провіантомъ удовлетворить и отдыхъ дать: люди отъ дальняго и постояннаго хода очень устали, лошади, за неимѣніемъ въ достаточномъ количествѣ воды, большею частию попадали, и хотя до

сихъ поръ сильныхъ жаровъ не видали, однако больныхъ при войскѣ не мало и болѣзни все усиливаются. «Въ порученной мнѣ важнѣйшей экспедиціи, писалъ Минихъ, понынѣ исполнено столько, сколько въ человѣческой возможности было. Теперь моя цѣль—привести полки въ доброе состояніе, укрѣпить перекопскую линію, усилить крѣпость и держать Тагарь въ Крыму, чрезъ что они сами себя принуждены будутъ разорить, усилить кивбурнскую крѣпость, и, умножа тамошнее войско, не перепускать Турокъ на сю сторону. Что касается новаго сильнаго нападенія на Крымъ въ августъ и сентябрь, то это зависитъ отъ снабженія арміи достаточнымъ провіантомъ, ибо въ разоренномъ Крыму получить уже болѣе ничего нельзя, также отъ движенія турецкаго, и если будетъ возможность, ничего не упущу для исполненія воли вашего величества.»

Эта воля не была исполнена: 24 іюля Минихъ съ генералами: принцемъ гессенъ-гомбургскимъ, Измайловымъ, Лесли, княземъ Репнинымъ и Аракчеевымъ, имѣлъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: такъ какъ провіанта при здѣшней арміи имѣется только дней на десять или съ нуждою на двѣ недѣли съ прибавкою въ пищу мяса; такъ какъ отъ здѣшняго худаго воздуха и отъ солевой воды, особенно же при настоящихъ жарахъ въ людяхъ болѣзни умножаются и здоровые въ слабость приходятъ; такъ какъ лошади безпрестанно падаютъ, и живыя, вмѣсто того, чтобъ поправляться, ежедневно въ худшее состояніе приходятъ, и нельзя надѣяться, чтобъ армія, оставаясь здѣсь, пришла въ лучшее состояніе: то необходимо здѣшнее мѣсто оставить, идти къ Днѣпру, гдѣ лучшій воздухъ, добрая вода и ближее полученіе провіанта. Такъ какъ для входа въ Крымъ регулярному войску съ артиллерією и обозами другаго пути нѣтъ, какъ чрезъ перекопскую линію, а напротивъ того Татары могутъ всегда перебираться, минуя эту линію, чрезъ Гнилое море, и такъ какъ въ крѣпости перекопской регулярному гарнизону за недостаткомъ хорошаго воздуха и воды и за несвободнымъ сообщеніемъ быть трудно: то перекопскую крѣпость и каланчи до подошвы разорить и подорвать, а пушки и аммуницію съ собою взять.

Минихъ двинулся съ армією къ Днѣпру, складывая вину отступленія на Леси, который долго не присылалъ ни войска, ни провіанта. Но Леси писалъ: «Я какъ прибылъ подъ Азовъ, то

начать изыскивать всякіе способы отправить провіантъ водою и сухимъ путемъ; но галеры не могутъ пройти въ море, да хотя бы и прошли, то негдѣ имъ пристать въ Крымъ; сухимъ путемъ нельзя было послать за немѣнѣемъ лошадей, телѣгъ и, до взятія Азова, людей; я много разъ писалъ объ этомъ въ кабинетъ, и къ самому фельдмаршалу Миниху писалъ, чтобъ не надѣялся на присылку отъ меня провіанта. Что же касается распоряженія его, чтобъ я, по взятіи Азова, шелъ къ нему съ полками, то по выступленіи изъ Азова турецкаго гарнизона, 4 іюля отправилъ я къ нему генераль-лейтенанта графа Дукласа черезъ Изюмъ съ двумя драгунскими полками. Съ 27 іюня по второе число августа, 35 дней далъ я солдатамъ отдохнуть, а между тѣмъ приготавливалъ ихъ къ походу; они же разрывали около города шанцы и апроши, и исправляли другія нужнѣйшія работы; 2 августа, выбравши лучшихъ и здоровыхъ пѣхоты пять тысячъ человекъ да 300 конныхъ и снабдивъ ихъ на два мѣсяца провіантомъ, отправилъ къ Перекопи черезъ степь, какъ вдругъ получаю отъ фельдмаршала Миниха увѣдомленіе, что онъ отошелъ отъ Перекопи, и я долженъ былъ идти для соединенія съ нимъ къ Изюму.» Минихъ размѣстилъ полки на зимнія квартиры, но при этомъ велѣлъ имъ быть въ готовности къ походу, такъ чтобъ могли выступить въ 24 часа по полученіи приказа. Фельдмаршалъ осенью и зиму занимался укрѣпленіемъ важнѣйшихъ мѣстъ на Украинѣ. Запорожская сѣчь и два ретраншемета при Самарѣ приведены были въ оборонительное положеніе, такъ что безъ формальной атаки непріятель не могъ имъ ничего сдѣлать; запорожскіе казаки письменно обязались зимовать въ сѣчи въ количествѣ отъ 2 до 3000 человекъ; Васильковъ обведенъ былъ ретраншементомъ. Въ Кіевѣ крѣпостныя работы производились ежедневно, и въ декабрѣ оставались неукрѣпленными только нѣкоторые отдаленные монастыри. Минихъ очень цѣнилъ здоровое, выгодное положеніе Кіева, поэтому хотѣлъ сосредоточить при немъ корпусъ въ 20,000 и больше, построить магазины и нѣсколько казармъ³². Татары иногда прорывались черезъ линію, и хотя имъ не позволяли большихъ разбоевъ, но естественно рождался у нѣкоторыхъ вопросъ: къ чему же служилъ походъ фельдмаршала Миниха въ Крымъ,—походъ, въ которомъ была потеряна, какъ считали, почти половина арміи, и все по нераспорядительности

главнокомандующаго, потому что отъ непріятельскаго оружія погибло не болѣе 2000 человекъ? Миниха упрекали, зачѣмъ онъ выступилъ въ походъ въ самое неудобное время года? зачѣмъ повелъ войско *на азовъ*, въ одномъ предположеніи, что оно можетъ кормиться на счетъ непріятеля? кромѣ того, Миниха упрекали въ жестокости относительно солдатъ: вмѣсто того, чтобы идти ночью, или выступать за нѣсколько часовъ до разсвѣта, въ прохладное время, войско выступало въ походъ нѣсколько часовъ спустя по восходѣ солнца, что страшно развило болѣзни. Усталость и жаръ такъ изнуряли солдатъ, что нѣкоторые падали мертвыми на ходу. Наконецъ, къ большому несчастію, между генералами господствовало несогласіе. Принцъ гессенъ-гомбургскій, котораго упрекали въ лѣни и нерадѣніи, скучалъ тигостями похода и позволялъ себѣ дурно отзываться о главнокомандующемъ не только предъ офицерами, но даже предъ солдатами; оказывая сожалѣніе къ нимъ, онъ внушалъ, что виновать во всемъ фельдмаршалъ, который безъ сомнѣнія хочетъ поморить ихъ всѣхъ отъ голода и усталости. Эти внушенія усиливали неудовольствіе войска, которое начинало роптать при малѣйшей усталости. Принцъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ генераловъ и между прочими Магнуса Бирона, и подъ Бакчисараемъ предложилъ имъ воспротивиться приказаніямъ фельдмаршала, если тотъ предприметъ дальнѣйшее движеніе, и если Минихъ будетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, арестовать его и передать команду старшему по немъ, т.-е. ему принцу. Генералы не согласились на это предложеніе, и принцъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что написалъ оберъ-камергеру Бирону жалобу на Миниха, а Биронъ передалъ ее въ оригиналъ Миниху, и легко понять, какія послѣ того установились отношенія между Минихомъ и принцемъ ²².

Выходъ арміи изъ Крыма съ огромными потерями, ссора между генералами, дурныя вѣсти изъ Персіи, медленность Австріи въ исполненіи своихъ обѣщаній — все это сильно тревожило императрицу. Ея тревожное состояніе всего лучше видно изъ слѣдующаго письма къ Остерману: «Андрей Ивановичъ, изъ посланныхъ вчерашихъ къ вамъ рапортовъ и челобитной, изъ письма, которое онъ пишетъ къ оберъ-камергеру, довольно усмотришь, какое несогласіе въ нашемъ генералитетѣ имѣется; чрезъ это не можно иначе быть какъ великой вредъ въ нашихъ инте-

ресахъ при такихъ нынѣшнихъ великихъ конъюнктурахъ. Я вамъ объявляю, что война турецкая и сила ихъ меня никогда не поко- рить, толко такіе кондувиты, какъ нынѣ главные командиры имѣ- ютъ, мнѣ уже много печали дѣлають, потому надобно и впредь того же ждать, какъ бездушно и нерезонабельно они поступаютъ, что весь свѣтъ можетъ знать. Отъ меня они награждены не толь- ко великими рангами и богатствомъ, и впередъ имъ я своею ми- лостию обнадежила, только все не такъ, ихъ поступки несходны съ моею милостию. Того ради принуждена буду другія мѣры взять и черезъ сіе вамъ объявляю: 1) Намъ однимъ турецкое государ- ство вовсе разорить или стубить не возможно будетъ, и нынѣш- няго году довольно это показало наше войско, какъ люди и ло- шади пропали, хотя на будущій годъ она (армія) и будетъ ком- плетована, толко это все люди молодые будутъ. 2) По всеѣмъ видностямъ Персія миръ съ ними (Турками) хочетъ дѣлать. 3) Видѣть по всеѣмъ ихъ (Австрійцевъ) дѣламъ, что они своимъ обнадеживаніемъ насъ доволъствовать хотять.... по вѣдомостямъ они свое войско по зимтерквартирамъ распускають. 4) Теперь надобно разсудить и требую вашего совѣту: 1) что при такомъ несогласіи нашего генералитету дѣлать и какъ имъ знать дать о ихъ поступкахъ, которые не только касаются до нашихъ инте- ресовъ, но и до чести нашей. 2) Пруцкой трактатъ былъ вели- кой вредъ и безчестье нашему государству, которой въ ту пору отъ нужды былъ дѣланъ, и ежели такой способъ найдется, чтобъ этотъ трактатъ уничтоженъ былъ, также старыя наши границы присовокупить — не лучше ли войну прекратить, толко какъ въ томъ дѣлѣ зачинать, то мы на ваше искусство и вѣрность надѣм- ся; вы можете обнадежены быть, что я васъ и фамилію вашу ни- коли въ своей милости не оставлю и желаемъ вамъ скорога здо- ровья и пребываю въ милости.»³⁴

Не знаемъ, къ кому относится выраженіе императрицы: «Изъ письма, которое *онъ* пишетъ къ оберъ-камергеру.» Кто это онъ? Принцъ гомбургскій или Минихъ, потому что и Минихъ напи- саль къ оберъ-камергеру сильное письмо по слѣдующему случаю. Фельдмаршалу Леси, по возвращеніи изъ азовскаго похода, дано было приказаніе собрать точныя свѣдѣнія о состояніи миниховой арміи. Миниха это взорвало, и 9 октября онъ написалъ импе- ратрицѣ: «Принимая въ соображеніе, какія неуспѣшныя старанія и

труды безъ упущенія времени требуются отъ командующаго арміею, дабы высочайшій интересъ вашего величества утраченъ не былъ, я принужденъ всенижайше донести, что слабость здоровья моего вседневно умножается и отнимаетъ надежду исправлять надлежащимъ образомъ ввѣренное мнѣ дѣло. Поэтому всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество поручить команду надъ арміею фельдмаршалу фонъ Леси, а меня отъ оной уволить, ибо я не въ состояннн нахожусь тѣхъ трудовъ, которые донынѣ со всевозможною ревностію несъ, болѣе продолжать.» Анна отвѣчала 22 октября: «Господинъ генераль-фельдмаршалъ. Въ сихъ дняхъ получили мы вашу челобитную, въ которой вы объ отпускѣ своемъ изъ службы нашей просите. Мы не можемъ вамъ утаить, что сей вашъ поступокъ весьма намъ оскорбителенъ и толь наипаче къ великому нашему удивленію служить имѣеть, понеже не надѣемся, что въ какомъ другомъ государствѣ слыхано было, чтобъ главный командиръ, которому главная команда всей арміи поручена, во время самой войны и когда навящная служба отъ него ожидается, къ государю своему такъ поступить похотѣлъ, особливо еще безъ всякой законной и праведной причины и еще съ употребленіемъ такихъ чувственныхъ толкованій, какъ вы въ письмѣ своемъ къ нашему оберъ-камергеру употребляете. Подлинно, что мы, по нашей къ вамъ всегдашней милости и положенной на васъ совершенной конфиденціи, никогда того отъ васъ ожидать не имѣли. Мы же и нынѣ еще уповаемъ, что вы сіе свое намѣреніе не токмо вовсе оставите, но такожде вѣрнымъ и усерднымъ продолженіемъ службы вашей и намъ поводъ и причину къ неотмѣнному продолженію нашей къ вамъ милости подадите, якожь вы въ такомъ случаѣ на оную и о томъ обнаджены быть можете, что мы во всемъ такіа учрежденія учинимъ, что ни вамъ и никому въ службѣ нашей какая обида учинена была, что мы вамъ во всемилостивѣйшую резолюцію объявить запотребно разсудили, по которой неотмѣнное исполненіе ожидая, пребываемъ къ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны—Анна.»

Минихъ отвѣчалъ 9 ноября длиннымъ письмомъ: «Ожидая, что вашего величества соизволеніе (что ни Минихъ и никто другой не потеряеть обиды) непремѣнно исполнено будетъ, всенижайше благодарствую, что онымъ всемилостивѣйшимъ писаніемъ пожаловать мнѣ нижайшему въ нынѣшнихъ печальныхъ обращеніяхъ

ободреніе придать соизволили, и какъ никто вашего величества высочайшему соизволенію противиться не можетъ: такъ и я оное при всякомъ случаѣ за законное приѣмлю и за великое и за совершенное счастье причитаю такой великой, богоизбранной и безпримѣрной монархинѣ, какъ ваше императорское величество, всеподданнѣйше служить. Такъ какъ во время войны благополучіе государствъ зависитъ отчасти отъ арміи, то командующему генералу отъ всѣхъ пристрастій честолюбія и своего прибытка совершенно свободно быть должно, и какъ самому о себѣ, такъ и о происходящихъ событіяхъ нелѣзное разсужденіе имѣть, можетъ ли онъ такую важную должность настоящимъ образомъ исполнить; въ противномъ случаѣ лучше отъ такой команды удалиться, нежели рисковать славой своей государыни и государственнымъ интересомъ. Достопамятнѣйшая побѣда, которую Греки получили надъ Персами, приписывается благоразумному воздержанію генерала Аристидесъ, который товарищу своему Милціадію команду уступилъ, чрезъ что Греція отъ сильнаго непріателя освободилась: такимъ образомъ успѣхъ арміи зависитъ отъ нераздѣльной команды. Графъ Монтекукули во время французской войны 1674 года призналъ за лучшее удалиться отъ команды, чѣмъ ее дѣлить съ курфиретомъ бранденбургскимъ, который начальствовалъ надъ остальнымъ нѣмецкимъ войскомъ. Въ наше время во время шведской войны графъ Шуленбургъ команду уступилъ графу Флемингу и получилъ отъ короля Августа увольненіе отъ службы. Въ послѣднихъ италянскихъ войнахъ графъ Кенігсекъ уступилъ команду надъ цесарскимъ войскомъ графу Валису. Ваше императорское величество потому всемилостивѣйше разсудить соизволите, что всенижайшимъ требованіемъ увольненія отъ службы я не имѣлъ ничего болѣе въ виду, кромѣ одного охраненія вашего величества славы и интереса, что мнѣ никогда, въ семь, такъ и въ будущемъ вѣкѣ въ предосужденіе быть не можетъ; я лучше хотѣлъ оставить тридцатилѣтнюю тяжкую службу и уступить славную команду своему товарищу, нежели хотя малымъ чѣмъ вашего величества высочайшую славу и интересъ уронить, отъ котораго своего принципія никогда не отстану, ибо отъ него зависитъ счастливое веденіе начатой нынѣ войны. Командующему надъ арміею генералу надобно быть во 1) сильнымъ и здоровымъ; 2) отъ вашего величества всемилостивѣйшую

конфиденцію и при арміи достаточный кредит имѣть; 3) надобно ему быть свободну отъ всякихъ непріятностей, ибо и безъ того команда лежитъ на немъ тяжелымъ бременемъ. Что касается моего здоровья, то извѣстно, что въ прошломъ году въ Полтавѣ я былъ боленъ горячкою; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года, по возвращеніи изъ-подъ Азова, заболѣлъ сильною лихорадкою, и едва получилъ облегченіе, выступилъ съ охотою въ крымскій походъ, гдѣ отнялся у меня лѣвый бокъ, такъ что почти во всю кампанію меня принуждены были снимать съ лошади; по окончаніи похода въ такомъ находилъя безсиліи, что не безъ труда могъ на ногахъ стоять, и хотя попеченіемъ присланнаго по всемілостивѣишему вашего величества ко мнѣ милосердію доктора мнѣ теперь получше, только боюсь, чтобъ почти не впасть мнѣ въ безсиліе.

«При арміи вашего величества команда въ такомъ раздѣленіи имѣется, что генералитетъ и офицеры въ несоединенномъ на меня упованіи состоятъ, такъ что во многихъ требующихъ быстроты случаяхъ намѣренія мои не могутъ быть приведены въ исполненіе; притомъ нѣкоторыми изъ кабинета вашего величества указами приведенъ я былъ въ немалое сомнѣніе, что вашего величества высокая ко мнѣ конфиденція предъ прежнимъ умалилась. Особенно было мнѣ прискорбно, что указы приходили въ такое время, когда я, не оставляя арміи ни одного часа, изъ Крыма, изъ Бакчисарая, куда никогда никакой непріятель не проникалъ, вывелъ ее обратно съ немалою викторіею, и взятою у непріятеля артиллеріею и плѣнными. И такъ какъ раздѣленная команда къ успѣшному дѣйствию никогда вести не можетъ, а я никому никогда не завидовалъ, то и просилъ безъ всякаго сомнѣнія поручить главную команду товарищу моему генералъ-фельдмаршалу Леси одному.»

А Леси писалъ 8 октября: «Понеже я съ начала отбытія моего въ Польшу уже четвертый годъ въ домишкѣ моемъ не бывалъ и бѣдной фамиліи моей не только не видалъ, но за отдаленіемъ и мало писемъ получалъ, паче же дѣти мои одни безъ всякой науки, а другіе безъ призрѣнія находятся: того ради ваше императорское величество приѣмлю дерзновеніе утруждать, чтобъ нынѣшнее зимнее время соизволили отъ команды меня уволить въ Ригу.» Но вмѣсто увольненія въ отпускъ фельдмаршалъ получаетъ выговоръ за несоблюденіе предписанной тайны, тогда какъ тай-

ны, по его убѣжденію, ему не предписывалось; онъ отвѣчалъ: «Въ присланномъ ко мнѣ отъ 24 октября указѣ между прочимъ написано, что велѣно мнѣ о прямомъ состояніи арміи подъ рукою провѣдать и вѣрныя о томъ рапорты прислать, учинить то подъ рукою, что разумѣется тайно; а нынѣ съ немалымъ ея величествомъ неудовольствомъ извѣстна, что о вышешисанномъ указѣ при арміи вѣдомо, и не можно понять, отъ меня-ль самого о семъ указѣ разглашено или изъ моей канцеляріи пронесено, но какъ бы то ни было, оное ея императорскому величеству весьма чувственно. Но въ томъ отъ 14 сентября указѣ именно изображено: по прибытіи моемъ къ арміи мнѣ о состояніи оной какъ въ людяхъ, такъ и во всемъ прочемъ ея величеству особливый свой вѣрный репортъ прислать и для того-бъ мнѣ путь свой туда съ наискорѣйшимъ поспѣшеніемъ предвоспріять, а чтобъ о томъ развѣдавъ подъ рукою репортовать, того въ указѣ не написано, и затѣмъ, чтобъ къ тайности весьма было склонно, дознаться не могъ, и за распущеніемъ той арміи на квартиры о состояніи полковъ видѣть и обстоятельно и вѣрно доносить было невозможно, и для того, опасаясь ея величества за неисполненіе высокаго гнѣву, принужденъ былъ о томъ генералу-фельдмаршалу графу фонъ Миниху объявить.»³⁵

Несмотря на эти неблагопріятныя условія для веденія успѣшной войны, императрица, какъ мы видѣли, надѣялась прекратить ее выгоднымъ миромъ, т.-е. уничтоженіемъ прутекаго договора. Эту надежду поселили въ ней донесенія резидента Вешнякова.

Въ началѣ 1736 года все еще хотѣли дать видѣ, что Россія, вынужденная враждебными дѣйствіями Татаръ, ведетъ войну противъ нихъ однихъ; съ Портою разрыва не было, и Вешняковъ оставался въ Константинополь, откуда 1-го января онъ прислалъ такое описаніе состоянія Турціи: султанъ самъ дѣлъ не знаетъ и очень не далекъ; его умомъ и волею владѣеть кизляръ-ага; всѣ думаютъ, что надобно оставить дѣла въ этомъ положеніи, пока все рухнетъ вѣлѣдствіе или вѣшняго несчастія или внутренняго волненія. Визирь человекъ тупой, чуждый всякаго знанія свѣта, все дѣлаетъ его кега, а этотъ слѣдуетъ совѣтамъ Бонневалля и французскаго посла: первый совѣтуетъ заблаговременно вооружаться, но не враждебно относиться къ Россіи и ласкать ея посланника; второй же требуетъ сильнаго наступан-

тельного дѣйствія, и недавно подалъ Портѣ на турецкомъ языкѣ сочиненіе, въ которомъ разсматривается вопросъ: французская ли или русская, теперь возрастающая, сила болѣе вредна европейскому равновѣсію; выводится, что Туркамъ всего опаснѣе Россія, которая хочетъ овладѣть Азовомъ и Крымомъ взамѣнъ уступленныхъ Персіи провинцій, точно такъ какъ прутскія несчастія были вознаграждены приобрѣтеніями по ништадтскому миру, и такимъ образомъ Турціи предстоитъ участь Швеціи. Но, какъ видно, Бонневалевы внушенія дѣйствительнѣе. Послѣ кегаи вліятельнѣе рейсъ-эфенди, а муфти человекъ старый и маломыслный. Крымцы, представляя свою опасность со стороны Россіи, требуютъ немедленной помощи, въ противномъ случаѣ грозятся или бѣжать, или отыскать защитника надежнѣе. И Порты вооружается, но безъ всякаго шума и озлобленія въ народѣ противъ Россіи, ибо говорятъ, что Татары сами вызвали русскія нападенія. «Дерзновенно и истинно донесу, пишетъ Вешняковъ, что въ Турціи нѣтъ ни начальниковъ политическихъ, ни руководителей военныхъ, ни разумныхъ правителей финансовыхъ; все находится въ страшномъ разстройствѣ, и при малѣйшемъ бѣдствіи будетъ находиться на краю бездны. Страхъ предъ Турками держится на одномъ преданіи, ибо теперь Турки совершенно другіе, чѣмъ были прежде: сколько прежде они были воодушевлены духомъ славы и свирѣпства, столько теперь малодушны и боязливы, все какъ будто предчувствуютъ конецъ своей незаконной власти, и да сподобитъ Всевышній ваше величество ее искоренить. Попеченія объ общемъ благѣ въ Турціи нѣтъ, заботятся только о частныхъ выгодахъ; достойные и искусные люди изгублены и погибаютъ, остались только одни недостойные, вслѣдствіе чего добрый порядокъ пренебреженъ какъ въ политическомъ, такъ въ военномъ и экономическомъ правленіи, и оставивъ прежнія свои основныя правила, новыхъ не приобрѣли и потому ослабѣли. Татары, зная все это, теперь, какъ здѣсь все говорятъ, въ вѣрности къ Портѣ начинаютъ колебаться. Насчетъ христіанскихъ поданныхъ Турки опасаются, что все возстанутъ, какъ только русскія войска приблизятся къ границамъ. Здѣшніе константинопольскіе Греки большею частію бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣющіе, ихъ главный интересъ — деньги, и ненавидятъ насъ больше самихъ Турокъ; но Греки областные, и еще

болѣе Болгары, Волохи, Молдаване и другіе такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ случаѣ жизни не пожалѣютъ для вашего императорскаго величества, какъ уповаемую избавительницу. Все это Турки знаютъ.»

Турки дѣйствительно трусили, и рейсъ-эффенди въ мартѣ говорилъ секретарю русскаго посольства, что Порта усердно желаетъ мира и дружбы съ императрицею, только не понимаетъ, для чего дѣлаются такія большія приготовленія при русскихъ границахъ, что заставляетъ и Турцію готовиться съ своей стороны; отъ ссоръ никакое государство пользы не получаетъ, и потому лучше всё недоразумѣнія дружески окончить. Рейсъ-эффенди поручилъ секретарю просить Вешнякова приложить всевозможное стараніе къ примиренію и этимъ прославить начало своего министерства. Но Вешняковъ поставлялъ свою славу въ другомъ и писалъ императрицѣ: «Теперь самое полезное время не только къ сломенію звѣрскаго гордости, но и къ окончательному ниспроверженію всего этого беззаконнаго сонмища. Хотя я малая и недостойная жертва, но для славы вашего величества и спокойствія отечества, готовъ истину представленнаго мною запечатлѣть моею кровію, лишь бы Всевышній сподобилъ начать дѣло. Ничто не препятствуетъ, всё страхомъ поражены, ваше величество законно владѣть сердцами всѣхъ добрыхъ христіанъ, находящихся подъ игомъ издыхающаго варварства.»

Въ началѣ апрѣля въ Константинополь стало извѣстно объ осадѣ Азова и движеніи русскихъ войскъ къ Очакову. Правители, тремца предъ народомъ, который имъ приписывалъ разрывъ, безпрестанно сѣбжались на совѣщанія, а въ народѣ разглашали, что виновникомъ всему ханъ съ своими Татарами, раздражившій Россію вопреки султановымъ указамъ, что Азовъ мѣсто ничтожное, а между тѣмъ охранять его очень трудно. Портѣ дѣлались приготовленія для обороны ближайшихъ областей; но главная надежда полагалась на то, что Франція, Англія, Голландія и Швеція, кто дипломатическимъ заступничествомъ, кто интригами и дѣйствительною помощію до окончательнаго разрушенія Турцію не допустить, ибо интересъ ихъ требуетъ не допускать Турцію до разрушенія, а Россію до великихъ завоеваній. При Портѣ начали ласкать министровъ всѣхъ названныхъ державъ, льстить и цесар-

скому резиденту. Послѣдній совѣтоваль Портѣ поступать какъ можно тише въ дѣлахъ и не притѣснять русскаго резидента; то же совѣтоваль и Бонневаль, представляя, что дурное обращеніе съ Вешняковымъ будетъ непріятно всѣмъ христіанскимъ государствамъ.

Въ іюнѣ визирь съ войскомъ выступилъ изъ Константинополя, велѣвши ѣхать за собою и Вешнякову, а между тѣмъ пословъ цесарскаго, голландскаго и англійскаго просилъ о посредничествѣ для возстановленія мира между Россією и Турцією. «Въ правительствѣ и народѣ сильный страхъ, писалъ Вешняковъ: съ ужасомъ начинаютъ произносить русское имя, и до сихъ поръ не только я, но и послѣдній изъ моихъ слугъ браннаго слова не слышали. Еще удивительнѣе, что когда я ходилъ по Перѣ, то многіе Турки на улицѣ мѣсто уступали, чего прежде никогда не бывало. Въ началѣ мая выданъ былъ султанскій указъ подъ смертною казнію не дѣлать никакой обиды Франкамъ, никого въ брань не называть Русскимъ, тѣмъ менѣе обижать самихъ Русскихъ. И съ христіанскими подданными своими Турки обходятся очень ласково. Такъ какъ Турція находится въ крайней слабости, то отъ вашего величества зависитъ повелѣть войскамъ своимъ идти прямо на Константинополь: какъ скоро они вступятъ въ Буджакъ, то тамошніе Татары покорятся, Молдавія и Валахія поднимутся непремѣнно; по переходѣ черезъ Дунай и овладѣніи магазинами встанетъ и остальное народонаселеніе, отягченное и разоренное до такой степени, что домовъ своихъ отступается; христіане поднимутся во всей Греціи; останется напугать Константинополь и и заставить бѣжать султана: для этого достаточно нѣсколько морскихъ судовъ подвести къ каналу и высадить тысячъ двадцать войска; самое способное для этого время будущія осень и зима.» Вешнякова привезли въ Адріанополь, откуда онъ писалъ: «Хотя я совершенно свободенъ, однако, для избѣжанія дерзостей отъ черни словомъ или дѣломъ, веду себя очень тихо, никуда не выхожу, даже въ церковь, чтобъ не оклеветали христіанъ.» Изъ Адріанополя Вешнякова перевезли въ Бабаду (въ Болгаріи), а 22 октября онъ получилъ письмо отъ переводчика Порты, что отпускается съ честью и безопасно до русскихъ границъ³⁶.

Русскій резидентъ выѣхалъ изъ Турціи; русскій резидентъ, находившійся въ Персіи, Калужкинъ присылалъ печальныя извѣ-

стія: турецкая сторона брала верхъ, потому что въ Персіи всё, отъ мала до велика, жаждали мира; притомъ турецкій посланникъ щедро обдаривалъ вліятельныхъ людей, тогда какъ съ русской стороны никто не слыхалъ ни малѣйшаго обѣщанія подарка. Калушкинъ далъ знать, что 5 февраля Тахмасъ-Кулы-ханъ избранъ всѣмъ народомъ въ шахи, при чемъ старый шахъ Тахмасибъ и сынъ его Аббасъ были совершенно отстранены отъ престола и получили только названіе мирзы; новый шахъ получилъ имя Надира. Вслѣдъ за этимъ Калушкинъ доносилъ, что его шаховъ величество ударился въ непорядочныя забавы: всякій день поутру веселится съ музыкою у жень своихъ и подпиваетъ, а послѣ обѣда созываетъ всѣхъ знатныхъ къ себѣ и напиваются такъ, что ихъ безъ памяти вонь выносятъ, и всему войску далъ волю пить, отъ чего ежедневно происходятъ большіе безпорядки. Въ іюнѣ Калушкинъ получилъ изъ Петербурга указъ передать Надиру, что Россія объявила войну Портѣ, осадила Азовъ, и теперь для Персіи самое благопріятное время дѣйствовать противъ Турокъ, которые должны обратить всё свои усилія противъ Россіи и потому персидскому войску противиться не могутъ. Надиръ велѣлъ отвѣчать на это Калушкину, что хотя онъ теперь оружіемъ противъ Порты не дѣйствуетъ, однако Турками мутить и ихъ миромъ проводить и обманываетъ, и безъ Россіи никакъ мириться не намѣренъ; теперь же ему необходимо идти въ походъ на бунтовщиковъ Бахтіарцевъ. Странно, замѣтилъ на это Калушкинъ, что шахъ своими усиленными домогательствами поднялъ Россію противъ Турокъ, а теперь ее оставляетъ одну, отъ Россіи удаляется и пристаётъ къ новымъ друзьямъ Туркамъ, которые ищутъ только гибели Персамъ; здравому смыслу противно—оставя главное дѣло, отъ котораго зависитъ все благополучіе государства, схватиться за самое ничтожное, именно идти наказывать Бахтіарцевъ. Шахово величество говоритъ, что онъ обманываетъ Турокъ, но изъ всего видно, что Турки преодолѣли его коварствомъ.» Когда приближенный къ шаху мирза Махти передалъ эти слова Надиру, тотъ велѣлъ отвѣчать:» Осада Русскими Азова, взятіе трехъ крѣпостей турецкихъ, отправленіе войска въ Крымъ и на Кубань,—все это дѣло ничтожное; Персіи въ Азовѣ никакой нужды нѣтъ, точно такъ какъ Россіи въ Багдадѣ. Шахъ требуетъ отъ русскаго двора отвѣта, согласенъ ли онъ вмѣстѣ направить

походъ въ Царьградъ, при чемъ императрица должна сама подняться въ этотъ походъ, или, по крайней мѣрѣ, послать верховнаго министра. Нечего войною спѣшить, не постановя между собою твердаго соглашенія; надобно прежде обдумать, чтобъ войну начать и кончить съ честію, а не такъ какъ теперь съ русской стороны дѣлають, и такими поступками мы отъ мира отдалимся, а къ войнѣ не пристанемъ. Шахъ не хочетъ мириться съ Портою, пока не получитъ отвѣта отъ русскаго двора, а между тѣмъ онъ къ миру и къ войнѣ готовъ, какъ того Россія пожелаетъ.»

Донося объ этихъ разговорахъ, Калушкинъ писалъ, что персидскіе вельможи становятся къ нему день ото дня холоднѣе, видя съ русской стороны безпрестанныя побужденія шаху къ продолженію войны турецкой, тогда какъ въ Персіи всѣ желаютъ мира съ Портою. И нельзя было не желать мира, потому что, по донесеніямъ резидента, Персія находилась въ опасномъ положеніи: Азербиджанцы взбунтовались; Афганцы приготовили большое войско, чтобъ не пускать Надира въ Кандагаръ; Грузія отложила и соединенные владѣльцы ея поразили персидское войско недалеко отъ Тифлиса; Дагестанцы начали разбойничать, а шаху набрать войска негдѣ за скудостію въ людяхъ и за крайнимъ разореніемъ, всего войска у него пятидесяти тысячъ не наберется, поэтому до сихъ поръ и Бахтіарцевъ покорить не можетъ. Бѣдность была страшная: мать бывшего при русскомъ дворѣ посла Ахметъ-хана нанялась въ работницы въ домъ Калушкина; изъ дома Хулефы, находившагося теперь посломъ въ Петербургъ, безпрестанно приходили къ Калушкину просить денегъ, потому что жены его умирали съ голоду. Отсюда падкость вельможъ къ взяткамъ, чѣмъ пользовались Турки и не щадили подарковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Надиръ рѣшился тянуть переговоры съ Россією и потребовалъ, чтобъ императрица прислала къ нему министра въ Кандагаръ, къ границамъ индѣйскимъ, а зачѣмъ — не извѣстно. Видя такіе поступки Надира, Калушкинъ прислалъ въ Петербургъ просить — возвести на престоль стараго шаха, воспользовавшись удаленіемъ Надира въ Кандагаръ ³⁷.

У другаго, европейскаго союзника, цесаря, Ланчинскій въ началѣ года съ трудомъ могъ выхлопотать согласіе на немедленное возвращеніе вспомогательнаго русскаго войска изъ Богеміи, ибо оно надобилось самой императрицѣ въслѣдствіе нерасположенія

Турокъ къ миру. Фельдмаршалъ Леси въ мартѣ пріѣхалъ изъ своей квартиры въ Нейгаузѣ на короткое время въ Вѣну и былъ принятъ тамъ съ большимъ отличіемъ: цесарь подарилъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами и пять тысячъ червонныхъ въ бархатномъ красномъ мѣшкѣ съ золотыми снурками. Окончивъ войну на западѣ, Австрія немедленно должна была начать другую съ Турками, вслѣдствіе союза съ Россією. Австрійскіе министры толковали, что обиженная сторона, т.-е. Россія естественно должна объявить, какого требуетъ удовлетворенія отъ Турокъ, и для полученія этого удовлетворенія употребляются добрыя услуги. Ланчинскій отвѣчалъ, что время для добрыхъ услугъ уже прошло и отъ нихъ теперь нельзя ожидать никакой пользы; Порты еще можетъ бояться союза между обоими императорскими дворами, но какъ скоро Австрія, вмѣсто объявленія войны, предложитъ добрыя услуги, то этотъ страхъ исчезнетъ; предложенное отовсюду посредничество только мѣшаетъ Россіи получить удовлетвореніе отъ Порты. Ланчинскій въ сентябрѣ доносилъ своему двору, что самъ цесарь, генералитетъ и гражданскіе правители очень желаютъ войны съ Турками; но нѣкоторые генералы представляютъ, что ее можно начать развѣ только весной 1737 года, потому что полки, шедшіе изъ Италіи въ Венгрію, утомлены; въ нихъ много больныхъ, провіантъ въ магазинахъ не въ достаточномъ количествѣ, на фуражъ надѣяться нельзя, потому что въ турецкихъ областяхъ вездѣ мѣста гористыя; прежде всего надобно добыть городъ Виддинъ, который Турки недавно сильно укрѣпили, а въ цесарской гвѣхотѣ особенно много больныхъ, наконецъ артиллерійскихъ лошадей мало, надобно привести ихъ изъ Германіи. Въ ноябрѣ Ланчинскій представилъ канцлеру графу Синцендорфу, что между Турками и Персіянами заключенъ договоръ, слѣдовательно теперь съ цесарской стороны необходимо принять серьезные рѣшенія, не упуская времени, нельзя болѣе откладывать формальнаго объявленія войны Порты, что зима слыветъ длиною, а проходитъ скоро. Синцендорфъ отвѣчалъ, что долженъ быть присланъ въ Вѣну русскій генераль для сочиненія точнаго операціоннаго плана, чтобъ бремя войны падало одинаково на обѣ державы, Турки ближе къ австрійскимъ землямъ, чѣмъ къ русскимъ и потому могутъ надѣяться скорѣе оторвать что-нибудь отъ первыхъ, чѣмъ отъ послѣднихъ. Ланчинскій возражалъ, что,

по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, Турки намѣрены обратить всю тяжесть войны на Россію, а не на Австрію. Синцендорфъ представлялъ, что въ письмѣ военнаго президента графа Кеннигсегга къ визирю объявленіе войны довольно явно. Ланчинскій возражалъ, что онъ письмо читалъ, и дѣйствительно въ немъ о войнѣ упоминается, но гораздо болѣе высказывается желаніе мира, условіями котораго письмо и оканчивается. Синцендорфъ кончилъ разговоръ тѣмъ, что прежде всего надобно начертать основательный планъ военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ ²⁸.

Для составленія плана военныхъ дѣйствій Миннихъ въ концѣ 1736 года отправился въ Петербургъ. 23 января 1737 года онъ выѣхалъ оттуда, и съ дороги благодарилъ императрицу «за всемилостивѣйшее отправленіе съ высочайшею милостію и съ полною на все его представленія резолюціею и за пожалованіе украинскими покойнаго графа Вейсбаха и прочими деревнями, за которыя неизреченныя высокія милости долженствуетъ онъ со всею фамиліею вѣчно Бога молить и рабскія службы оказывать до послѣдней капли крови.» Въ Глуховѣ Миннихъ свидѣлся съ Леси, отдалъ ему составленный въ Петербургѣ планъ кампаніи и держалъ съ нимъ конференцію насчетъ общихъ дѣйствій. 40,000 рекрутъ пополнили армію; въ Брянскѣ усиленно работали надъ судами, которыя должны были спуститься внизъ по Днѣпру и дѣйствовать на Черномъ морѣ. Надобно было спѣшить распоряженіями, потому что 12 февраля, на масляницѣ, непріятель переправился чрезъ Днѣпръ выше Переволочны, при чемъ истребленъ былъ на льду рѣки русскій отрядъ, состоявшій съ небольшимъ изъ 100 человекъ, но при немъ находился генералъ Лесли: генералъ былъ убитъ, сынъ его взятъ въ плѣнъ; въ тотъ же день Татары напали на подполковника Свѣчина; тотъ отбивался пять часовъ до самой ночи, и отбилъ, при чемъ взялъ въ плѣнъ мурзу съ тремя Татарами и освободилъ изъ плѣна 150 Малороссіянъ. Но 16 числа непріятель переправился обратно за Днѣпръ, потому что полили дожди и надобно было опасаться скорого вскрытія рѣкъ. Несмотря на то, Миннихъ былъ очень смущенъ этимъ событіемъ и писалъ въ Петербургъ: «Безчисленные примѣры въ исторіи военнаго искусства показываютъ, что еще не сыскано никакой возможности границы, растянутыя отъ двухъ до трехъ

сотъ миль, какъ отъ Кіева и отъ Днѣпра до Азова и Дона, охранить такъ, чтобъ легкій непріятель въ какое-нибудь мѣсто не прорвался, потому что если вездѣ войска имѣтъ, то на такомъ протяженіи надобно его сильно раздробить.» Миннихъ жаловался также на Запорожцевъ, которые дали знать о приближеніи непріятели только 11 февраля³⁹.

Послѣ этого непріятель не появлялся болѣе въ русскихъ предѣлахъ и далъ Миниху время приготовиться къ походу: цѣлю похода былъ Очаковъ. Въ концѣ апрѣля войско выступило въ походъ въ числѣ отъ 60 до 70,000 человекъ; между именами генераловъ находилось давно знакомое имя — Александра Ивановича Румянцева. Въ 1735 году онъ былъ освобожденъ изъ ссылки, восстановленъ въ прежнемъ чинѣ генераль-лейтенанта, получилъ опять Александровскую ленту, сдѣланъ астраханскимъ, а потомъ казанскимъ губернаторомъ и назначенъ командующимъ войсками, отправленными противъ взбунтовавшихся Башкирцевъ; теперь, когда бунтъ стихъ, Румянцева назначили правителемъ Малороссіи, но скоро потомъ перевели въ дѣйствующую армію⁴⁰.

Степи войско прошло безпрепятственно; только недалеко отъ Очакова Татары выжгли степь, отъ чего русская армія должна была оканчивать походъ въ пыли и пеплѣ. 30 іюня она приблизилась къ Очакову, и въ военномъ совѣтѣ было положено сдѣлать нападеніе на крѣпость какъ можно скорѣе, чтобъ гарнизонъ, и безъ того уже сильный, не дождался новой помощи отъ Турокъ. Въ ту же ночь начаты были осадныя работы, которымъ мѣшали краткость ночи и лунный свѣтъ. На другой день 1-го іюля въ 6 ч. утра началась сильная перестрѣлка, и къ вечеру непріятель принужденъ былъ отступить за палисадникъ, а Русскіе приступили къ крѣпости подъ ружейный выстрѣлъ; уронъ съ обѣихъ сторонъ считали равнымъ, взятыхъ въ плѣнъ не было, «ибо наше войско, а особливо казаки, никому пощады не чинили.» Днемъ Турки тушили производимые русскою артиллеріею пожары въ городѣ, но въ ночи произошелъ почти въ самой среднѣй города сильный пожаръ, и на разсвѣтъ 2 числа большая часть города находилась въ пламени. Фельдмаршалъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и на разсвѣтъ же приказалъ палить безпрестанно изъ мортиръ и пушекъ, сколько онѣ снести могли, и велѣлъ подойти къ городу половинѣ арміи съ барабаннымъ боемъ и распушен-

ными знаменами и всѣми полковыми пушками, чтобъ испугать непріятеля генеральнымъ штурмомъ и отвлечь отъ тушенія огня. Это средство удалось, пожаръ тушили плохо, и чрезъ нѣсколько часовъ два пороховые магазина взлетѣли на воздухъ. Между тѣмъ русское войско съ праваго крыла подъ начальствомъ генераловъ Румянцева и Бирона, а съ лѣваго Кейта и Левендаля приступило къ городу такъ близко, что фельдмаршалъ принужденъ былъ подкрѣпить его остальнымъ войскомъ, которое повелъ самъ съ обнаженною шпагою, въ сопровожденіи герцога Антона Ульриха Брауншвейгскаго. Но Русскіе подъ самымъ гласисомъ задержаны были широкимъ и столь глубокимъ ровомъ, что спустившіеся въ него солдаты не могли другъ другу помочь вылѣзти, и русское войско очутилось въ 15 или 20 шагахъ отъ палисадника безъ всякаго прикрытія подъ безпрестаннымъ непріятельскимъ огнемъ. Несмотря на то, «акція въ такую сильную горячность пришла,» что съ обѣихъ сторонъ всѣ гранаты и патроны изъ сумъ выстрѣлены были, такъ что пока патронные ящики были привезены къ осаждающимъ изъ лагера, Турки бросали лопатками, кирками, топорами, камнями и землею, а Русскіе отбрасывали имъ эти вещи обратно. Русскіе во время этой «акціи» отошли нѣсколько назадъ. Такъ представляется дѣло въ донесеніи Миниха⁴¹; другія извѣстія не противорѣчаютъ донесенію, но чрезъ прибавку нѣкоторыхъ чертъ выставляютъ дѣло рѣзче. По одному изъ нихъ, войска, находясь два часа подъ огнемъ, двинулись наконецъ назадъ въ значительномъ безпорядкѣ; въ то же время нѣсколько сотъ Турокъ сдѣлали вылазку и убили много отступавшихъ Рускихъ, преимущественно раненыхъ, не могшихъ скоро идти; еслибы сераскиръ сдѣлалъ вылазку съ цѣлымъ гарнизономъ, то нанесъ бы русскому войску рѣшительное пораженіе и заставилъ бы его не только снять осаду, но и оставить турецкія владѣнія. Фельдмаршалъ былъ въ отчаяніи, думая, что все погибло⁴². Другое извѣстіе прибавляетъ, что у Миниха выпала изъ рукъ шпага, и онъ, ломая руки, закричалъ: «Все пропало»⁴³! Но страшный пожаръ, все болѣе и болѣе распространявшійся въ городѣ, поправилъ дѣло осаждающихъ: онъ нагналъ на Турокъ такой страхъ, что нѣсколько тысячъ конницы и пѣхоты бросились изъ города къ морю; но Русскіе, ободрившись, наступили на нихъ съ артиллеріею, побили и потопили людей и лошадей. Тогда осажденные,

въ 10-мъ часу пополудни убрали съ валу всѣ знамена, на одномъ бастіонѣ выставили бѣлое знамя и прислали къ фельдмаршалу янычарскаго офицера съ просьбою прекратить непріятельскія дѣйствія на 24 часа; Минихъ обѣщаль исполнить просьбу, если Турки отдадутъ одни ворота русскому караулу и пришлютъ аманатовъ; но въ это самое время пришло извѣстіе, что русскіе гусары и козаки уже ворвались въ крѣпость съ морской стороны тѣмъ проходомъ, которымъ сераскиръ съ пашами хотѣлъ бѣжать къ галеромъ, и который въ смятеніи оставался открытымъ. Такимъ образомъ Очаковъ былъ взятъ приступомъ, и сераскиръ опять прислалъ къ фельдмаршалу, славаясь на всю его волю, прося только о пощадѣ жизни. Турки объявили, что въ этотъ день, отъ разсвѣта до десятаго часа, погибло болѣе 10,000 человекъ обоюга пола какъ отъ русскаго огня, такъ отъ пожараго и взрыву магазиновъ. Побѣдителямъ досталось въ плѣнъ 4650 человекъ; Русскіе потеряли убитыми 8 штабъ-офицеровъ, 39 оберъ-офицеровъ, 975 нижнихъ чиновъ; ранены были 5 генераловъ, два бригадира, 27 штабъ-офицеровъ, 55 оберъ-офицеровъ и 2752 человека нижнихъ чиновъ. «Очаковская крѣпость, писалъ Минихъ, будучи сильна сама собою и окрестностями, имѣя многочисленный гарнизонъ, 86 мѣдныхъ пушекъ и 7 мортиръ, снабженная провіантомъ и военными запасами съ излишествомъ, имѣя также свободное сообщеніе съ моря, гдѣ находилось 18 галеръ, и немалое число прочихъ судовъ съ пушками, ожидая на помощь изъ Бендеръ 30,000 войска, а въ августѣ самого визиря съ 200,000, могла бы обороняться три или четыре мѣсяца долѣе, чѣмъ Азовъ, и однако взята на третій день. Богу одному слава! Я считаю Очаковъ наиважнѣйшимъ мѣстомъ, какое Россія когда-либо завоевать могла и которое водою защищать можно: Очаковъ пресѣкаетъ всякое сухопутное сообщеніе между Турками и Татарами, крымскими и буджакскими, и притомъ держитъ въ уздѣ дикихъ Запорожцевъ; изъ Очакова можно въ два дня добрымъ вѣтромъ въ Дунай, а въ три или четыре въ Константинополь поспѣть, а изъ Азова нельзя. Поэтому слава и интересъ ея величества требуютъ не медлить ни часу, чтобъ такое важное мѣсто утвердить за собою, и такъ какъ огнемъ, кромѣ крѣпости, все разорено, то не должно жалѣть денегъ на построеніе казармъ, цейхгаузовъ, церкви, гошпиталей, магазиновъ, лавокъ и прочаго,

надобно прислать изъ адмиралтейства великое множество архитекторовъ, плотниковъ, каменщиковъ, также матеріаловъ; о бревнахъ и доскахъ я уже писалъ къ командирующему въ Малороссіи князю Борятинскому и кievскому губернатору Сукину; я армию, сколько возможно, стану работать, но кабинету слѣдуетъ чрезвычайную помощь подать рабочими людьми и деньгами. Сегодня давалъ одинъ изъ плѣнныхъ Турокъ, не изъ самыхъ важныхъ, 20,000 рублей выкупу за себя, и надѣюсь, что миллионъ рублей отъ всѣхъ плѣнныхъ получить можно. Въ Брянскѣ суда надобно достроивать и послать туда искуснаго и прилежнаго флагмана и мастеровъ; взять въ службу старыхъ морскихъ офицеровъ изъ Грековъ, которымъ Черное море извѣстно; на порогахъ при низкой осенней водѣ большія каменья подорвать, чему я велю сдѣлать пробу. Отъ состоянія флотилии и отъ указа ея величества только будетъ зависѣть, и я въ будущемъ году пойду прямо въ устье Днѣстра, Дуная и далѣе въ Константинополь.»

Относительно укрѣпленія Очакова не было отказа: въ Малороссію къ князю Борятинскому отправлены были указы о носылкѣ въ Очаковъ плотниковъ, каменщиковъ, всякаго рода работниковъ и матеріаловъ, и кого и чего въ Украинѣ не достанетъ брать изъ ближнихъ губерній; отправлены были указы въ Кіевъ и Брянскъ о сыскѣ по Днѣпру и Деснѣ готовыхъ бревенъ и досокъ и немедленной сплавкѣ ихъ къ Очакову. Минихъ представилъ къ полученію двухмѣсячнаго жалованья всѣхъ офицеровъ и рядовыхъ за то, что они «вступали противъ непріятели, какъ вѣрнымъ рабамъ императорскаго величества надлежитъ, зѣло храбро, не щадя живота своего.» Но въ Петербургѣ опредѣлено было выдать жалованье только за мѣсяцъ и только тѣмъ, которые дѣйствительно были при атакѣ, генералитетъ и штабъ-офицеры обнадѣжены особенными наградами. Минихъ писалъ: «При благодарственномъ молебствіи за взятіе Очакова архангельскаго драгунскаго полка священникъ Аѳанасій Кляпцевъ чинилъ проповѣдь, по моему разумѣнію, видится, изрядную и вашему величеству угодную и человекъ суть (sic) добраго состоянія и достойный высочайшей милости.» Фельдмаршалъ переслалъ въ Петербургъ и проповѣдь, о которой можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто: «О Александре великій и всебезсмертній славы прежняго вѣка монархе! аще бы были дніе живота вашего въ нынѣшнее время,

довольно бы было со удивленіемъ очесамъ и уму вашему, видивше таковыя російскаго воинства операціи, ихъ же къ похваленію вся историческія писанія изречти не возмогутъ, за счастіемъ всемилостивѣйшей государыни нашей, трудами же и вѣрностію что суть нынѣшняго вѣка имперіи російской воинства, ибо неусыпными трудами и деннымъ и ночнымъ попеченіемъ Петра перваго, который въ жизни сей кто и каковъ былъ, сей и нынѣ богомужественнымъ дѣйствиємъ живъ російскій Самсонъ, каковый дабы могъ явиться, никто въ мірѣ не надѣялся, но явшемуся весь міръ удивлялся: засталъ онъ въ Россіи свою силу слабую, и содѣлалъ по имени своему каменную, адамантовую; засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ некрѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, а ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду грозное; тажеже неслыханное отъ вѣка дѣло совершивше, строеніе и плаваніе корабельное, новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ неуступающій, власть же російскую, прежде на землѣ зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкою, состоятельною сотвори.» Въ началѣ проповѣди ораторъ называетъ Іоанна Богослова «самой небесной монархіи министрѣмъ и секретаремъ тайнъ Божіихъ.»

Приведши въ оборонительное состояніе Очаковъ, «непріятельскую въ ноги занозу,» какъ выражался Миннихъ, онъ 3 іюля двинулся къ Бугу и пошелъ вверхъ по этой рѣкѣ, въ ожиданіи турецкаго войска. 21 числа въ удобномъ мѣстѣ, при устьѣ рѣчки Чичаклеп, армія начала переправляться на другую сторону Буга по недостатку конскихъ кормовъ отъ степныхъ пожаровъ, и, приблизившись къ Лиману, остановилось въ 40 верстахъ отъ Очакова. По Днѣстру, какъ писалъ Миннихъ, нельзя было предпринять никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій по отсутствію судовъ и мостовъ; въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ было не болѣе трехъ дождей, отъ чего вода въ Бугѣ и Лиманѣ позеленѣла и стала вредною для больныхъ; такъ какъ степные пожары продолжались, то фельдмаршалъ принужденъ былъ 24 іюля отпустить Запорожцевъ къ Кизикерменю; 1 августа гвардію съ плѣнными и генерала Румянцева съ нѣкоторыми драгунскими и ландмилицкими полками по прежней дорогѣ, которою войско подошло къ Очакову; 17 августа донскихъ козаковъ прямо къ Самарѣ; наконецъ, видя въ кормахъ крайній недостатокъ, 22 августа отпустилъ и генерала Бирона съ остальными драгунскими полками и

частію украинскихъ козаковъ; при фельдмаршалѣ на Лиманѣ осталось 27 пѣхотныхъ полковъ съ гусарами и остальными козаками. Въ концѣ августа Минихъ отправился водою въ Очаковъ и Кинбурнъ для осмотра этихъ крѣпостей и для совѣту съ морскими офицерами, находившимися на прибывшихъ сверху судахъ: но контръ-адмиралъ Дмитріевъ-Мамоновъ, несмотря на строгія предписанія фельдмаршала, не пріѣхалъ въ Очаковъ; вообще морскихъ служителей Минихъ нашель очень мало, особенно офицеровъ; старшій изъ нихъ, капитанъ Брантъ, былъ боленъ, а другіе офицеры, на требованіе Миниха, чтобъ были готовы на своихъ судахъ къ морскому походу, отвѣчали, что на ихъ флотѣ въ море показаться никакъ нельзя, суда годны только на Дибрѣда на Лиманѣ. «И понеже, писалъ Минихъ, по моему разсужденію, благополучное произведеніе будущей кампаніи и всѣ авантажи зависятъ отъ того, кто на морѣ сильнѣе быть можетъ, того ради всеподданнѣйше прошу указать о строеніи довольноаго числа годнаго флота; а понеже нынѣ уже время позднее, а разстояніе отъ границъ не малое: того ради я и съ достальнымъ войскомъ слѣдую къ границамъ, куда прибыть надѣюсь поздно.»

Минихъ на 1737 годъ довольствовался взятіемъ Очакова, выставляя при всякомъ удобномъ случаѣ чрезвычайную важность этого приобрѣтенія; но вотъ пошли слухи, что Очаковъ взять вопреки всѣмъ принятымъ военнымъ правиламъ, и эти слухи пустиль австрійскій полковникъ фонъ Беренклау, находившійся при Минихѣ во время взятія Очакова. Беренклау писалъ, что Очаковъ былъ атакованъ противъ военныхъ обычаевъ, неустроивши надлежащихъ батарей, не дождавшись всей осадной артиллеріи, только съ четырьмя мортирами и шестью пушками. На это обвиненіе Минихъ отвѣчалъ, что военный совѣтъ рѣшилъ брать крѣпость немедленно приступомъ, безъ формальныхъ атакъ, потому что около Очакова весь фуражъ былъ отравленъ и пожженъ, такъ что русскую армію можно было держать подъ Очаковымъ не болѣе осьми дней. Минихъ прибавилъ при этомъ: «Если рѣшеніе военнаго совѣта было неизвѣстно Беренклау, то это можно считать опытомъ умѣнья сохранять тайну; что же касается артиллеріи, то выходитъ, что Беренклау ея не видалъ, ибо дѣйствовали 13 пушекъ, 8 мортиръ и 4 гаубицы.» Потомъ Беренклау упрекалъ Миниха въ томъ, что русское войско во время штурма

стояло безъ всякаго прикрытія, и въ солдатъ стрѣляли какъ въ собакъ на смерть. Минихъ возражалъ: «Когда русское войско, пользуясь пожаромъ, приступило къ крѣпости и стояло безъ всякаго прикрытія, то тутъ полковника Беренклау было не видно. Въ настоящее время, по воинскимъ правиламъ, войско во время штурма или сраженія въ прикрытіи никогда не бываетъ: такъ и наше войско въ означенное время стояло безъ прикрытія и безпрестанно стрѣляло, отъ чего непріятельскій гарнизонъ, кромѣ плѣнныхъ, былъ весь побитъ и вокругъ крѣпости мертвыя тѣла людскія и конскія сплошь лежали въ кучахъ непроходимыхъ. При этомъ генеральномъ штурмѣ, какъ иначе быть не можетъ, съ нашей стороны около тысячи человекъ побито, и приличнѣе сказать, что они пали какъ храбрые люди и прямые солдаты, а не какъ собаки были перестрѣляны; турецкій же гарнизонъ, стоявшій за стѣною и палисадами, потерялъ отъ 18 до 19 тысячъ побитыми.» Беренклау писалъ къ своимъ, что очаковскимъ штурмомъ русская армія разорена въ конецъ, такъ что въ ней не болѣе 40,000 человекъ здоровыхъ, уронъ нынѣшняго года превышаетъ уронъ прошлаго; большая часть драгунъ иѣвши, и у конныхъ лошади очень плохи, притомъ на дорогѣ къ Очакову пало до 14,000 лошадей и паръ воловъ. Минихъ возражалъ: «По подлиннымъ репортамъ отъ полковыхъ командировъ при штурмѣ побито 1022 человекъ, и ранено 2841, и изъ раненыхъ большая часть вылѣчили и службу исправляютъ, а во время похода къ Очакову въ людяхъ и лошадяхъ почти никакой потери не было.» По донесенію Беренклау, въ бытность подъ Очаковымъ пали многія тысячи лошадей и воловъ, потому что отъ 7 до 17 іюля не было фуражировано, хотя фуражировать было можно. Минихъ возражалъ: «Это извѣстіе основательно въ томъ смыслѣ, что служители Беренклау опоздали, не вышли вмѣстѣ съ фуражиромъ и донесли ему, что фуражировать запрещено. Фуражировали до 5 іюля, когда армія за неимѣніемъ фуража, отошла отъ Очакова. Отъ этого недостатка фуража и чрезмѣрныхъ жаровъ пало лошадей 1720, да воловъ 685 паръ, но ихъ въ арміи было съ излишествомъ, и отъ непріятели гороздо болѣе получено въ добычу, чѣмъ сколько потеряно.» Беренклау писалъ, что по взятіи Очакова армія приведена была въ такое безсиліе, что не могла предпринять ничего болѣе, и еслибъ Турки на нее напали, то

не встрѣтили бы сопротивленія. Минихъ на это могъ отвѣчать одно, что армія отведена отъ Очакова съ вѣкторіею, въ добромъ состояніи. Беренклау объявлялъ, что на русское войско напалъ великій страхъ и оно быстро удалялось отъ Очакова, рассылая козаковъ далеко въ степь, чтобъ выжигать ее и тѣмъ затруднять преслѣдованіе Турокъ.— Эту «безстрашную и безстыдную ложь» Минихъ опровергнулъ указаніемъ на медленность движенія, особенно сравнительно съ походомъ къ Очакову. Русскій дворъ ждался австрійскому на Беренклау, который позволилъ себѣ такъ клеветать на Миниха. Беренклау не появлялся болѣе въ русскомъ лагерѣ; но у фельдмаршала былъ адъютантъ, извѣстный Манштейнъ, который въ своихъ мемуарахъ дѣлаетъ ему не менѣе сильныя упреки, какъ и Беренклау. «Надобно было имѣть счастье Миниха, чтобъ выйти съ успѣхомъ изъ этого дѣла, говорить Манштейнъ: потому что послѣ ошибокъ, сдѣланныхъ фельдмаршаломъ, онъ заслуживалъ быть разбитымъ и принужденнымъ снять осаду. Онъ началъ нападеніе, не разузнавши сначала, какимъ образомъ городъ былъ укрѣпленъ, даже не зная его положенія: онъ велѣлъ приступать къ сторонѣ, наиболѣе укрѣпленной, не имѣя необходимыхъ вещей для перехода черезъ ровъ, о существованіи котораго не имѣли понятія, пока не подошли къ нему; тогда какъ было бы гораздо легче овладѣть городомъ со стороны моря, гдѣ онъ защищался простою стѣною, и то во многихъ мѣстахъ поврежденною.»

Въ началѣ октября Минихъ съѣхался въ Полтавѣ съ вице-адмираломъ Сенявинымъ, который былъ назначенъ командиромъ очаковской флотиліи съ обязанностию поступать во всемъ по наставленіямъ фельдмаршала. Минихъ уговорился съ Сенявинымъ, какія суда строить въ Брянскѣ и какъ спускать ихъ къ морю, при чемъ положилъ Сенявину въ Очаковъ не ѣхать, а быть въ Брянскѣ для надзора за постройкою судовъ. Фельдмаршалъ писалъ императрицѣ: «На вице-адмирала крѣпкую надежду имѣть можно, что онъ порученное ему дѣло исправить, отъ приготовленія же новаго надежнаго флота зависить возможность принудить Турокъ къ миру, потому что я тогда могу за непріятельскимъ флотомъ всюду слѣдовать и брать турецкіе корабли какъ крѣпости.» Такъ какъ положено было устроить верфь нѣсколько выше запорожской сѣчи, то Минихъ писалъ по этому случаю:

«Поступками запорожскихъ козаковъ я очень доволенъ, всѣ мои предписанія они исполняютъ, жалованьемъ и провіантомъ довольствованы, кромѣ того получили большую добычу въ нынѣшнюю и прошлогоднюю кампанію, и потому очень довольны, присылали ко мнѣ депутатовъ съ благодарностію. Хотя они люди дикіе, но своевольныхъ теперь между ними не много, и нельзя думать, чтобъ они могли затѣять что-нибудь противное; строеніе верфи не можетъ ихъ раздражить, потому что она выше ихъ сѣчи и не въ близкомъ разстояніи: однако за поступками ихъ я прилежно наблюдаю.» Но въ то время какъ Минихъ уговаривался въ Полтавѣ съ командиромъ очаковской флотиліи, Очаковъ долженъ былъ выдержать осаду отъ Турокъ. Комендантомъ Очакова былъ генераль-майоръ Штоффельнъ; гарнизонъ въ началѣ состоялъ изъ 8000 человекъ, но болѣзни уменьшили его до 5000, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ подъ стѣнами крѣпости появилось 20,000 Турокъ и столько же Татаръ. Несмотря на нѣсколько отчаянныхъ приступовъ, гарнизонъ отбился, и Турки побѣжали отъ Очакова, потерявши подъ его стѣнами больше 20,000 человекъ какъ отъ оружія осажденныхъ, такъ и отъ болѣзней, происходившихъ отъ поздняго времени года и отъ непрерывныхъ дождей. Гарнизонъ потерялъ слишкомъ двѣ тысячи.

Обратимся къ дѣйствіямъ другаго фельдмаршала. 3 мая Леси выступилъ изъ Азова съ двадцатипяти тысячнымъ корпусомъ, въ которомъ почти поровну было регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ. Армія должна была переправляться черезъ рѣки Міусъ, Калміусъ, Калчукъ, Берды, Молочныя Воды, 7 іюля перешла Гнилое море и направилась къ Карасу-Базару; села и деревни по рѣкамъ Салгиру и Индаки были разорены и выжжены. 12 іюля, за 29 верстъ отъ Карасу-Базара, Леси встрѣтилъ татарское войско подъ предводительствомъ самого хана, разбилъ и гналъ его 15 верстъ до самыхъ горъ, которыя скрыли бѣгущихъ. Послѣ этого регулярное войско отдыхало на рѣкѣ Карасу, а нерегулярное разсѣялось во всѣ стороны разорять и жечь; въ этомъ дѣлѣ особенно отличились Калмыки, которые въ одинъ день привели въ лагерь тысячу человекъ плѣнныхъ и много другой добычи. 14 іюля русское войско снова поразило непріятеля передъ Карасу-Базаромъ и выжгло этотъ городъ; потомъ, иди къ Сангару, опустошило все на 15 или 20 верстъ; непріятельскія нападе-

нія не причиняли большаго урону, но сильно тяготили жары, недостатокъ воды и конскихъ кормовъ, такъ что, по рѣшенію военнаго совѣта, 24 іюля фельдмаршалъ направился къ Молочнымъ Водамъ, а оттуда къ Волчьимъ и Самарскимъ вершинамъ. Увѣдомляя императрицу о своемъ походѣ, Леси оканчивалъ такъ: «А чтобъ болше въ Крыму быть и для раззоренія перекопской линіи иттить, онаго за вышечисанными препятствіи ни по которымъ мѣрамъ безъ великаго арміи раззоренія миновать было нельзя; а нынѣ оная, кромѣ одного лошадинаго упадка, при всякомъ благополучіи состоитъ» 44.

Теперь посмотримъ, какъ дѣйствовали союзники-Австрійцы. Мы видѣли, что графъ Кенигсеггъ отправилъ визирю письмо, въ которомъ высказывалось желаніе мира. Такой тонъ письма всего болѣе долженъ былъ способствовать къ тому, что отвѣтъ былъ присланъ неудовлетворительный, и въ Вѣнѣ увидали необходимость войны противъ Турокъ. Начались конференціи, въ которыхъ кромѣ министровъ и генералитета участвовали президентъ камеры и директоръ банка, ибо дѣло шло о средствахъ къ войнѣ. По указу цесаря придумывались всевозможные способы, какъ бы достать денегъ внутри государства; цесарь сказалъ: «Гдѣ бы ни взять и во что бы ни стало, хочу царицѣ сдержать слово, потому что она честно исполняетъ свои обѣщанія.» Въ началѣ мая вся цесарская армія должна была собраться на турецкихъ границахъ. Наступилъ май, пришло извѣстіе, что Минихъ перешелъ Днѣпръ, и Ланчинскій началъ ѣздить по министрамъ съ «докучными и пространными представленіями,» что пришло время цесарскому войску вступать въ Турцію. Министры отвѣчали: «Хотя русская армія черезъ Днѣпръ и перешла, однако цесарское войско въ то же время въ непріятельскую землю вступить, если не раньше; весна холодная, и русская армія не найдетъ за Днѣпромъ довольно фуражу. Не безпокойтесь, все будетъ исправно: мы должны дѣйствовать, потому что, такъ сильно истратившись, мы будемъ требовать себѣ отъ Турокъ вознагражденія, а безъ военныхъ дѣйствій получить его нельзя. Несмотря на то, отъ 7-го мая Ланчинскій писалъ, что медленность Австрійцевъ его сокрушаетъ; изъ Петербурга присылали ему приказанія торопить министровъ и объявить имъ, что русская императрица никакъ не согласится на остановку военныхъ дѣйствій, къ мирнымъ до-

говорамъ можетъ быть приступлено только съ оружіемъ въ рукахъ, къ Миниху отправлены новые указы, чтобъ отнюдь не оставивался вслѣдствіе дѣлаемыхъ Турками предложеній. — «И у насъ рѣшено, отвѣчали министры, чтобъ не допускать до перемирія, не надобно давать непріятелю времени собирать силу, а мы, съ своей стороны, дѣлаемъ все, чтобъ какъ можно скорѣе начать военныя дѣйствія; кавалерія, за немѣнѣемъ травы въ поляхъ, везла съ собою сѣно.» Генераль Секедорфъ откровенно признался, что дѣло не за нимъ, а за деньгами, нужно три милліона гульденовъ, а на-лицо только одинъ. Наконецъ генералы отправились изъ Вѣны къ арміи, которая начала двигаться къ границамъ; прошелъ май, іюнь; въ началѣ іюля въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ждали отъ фельдмаршала Секедорфа извѣстія о вступленіи его въ непріятельскую землю, «а между тѣмъ, писалъ Ланчинскій, усматривается здѣсь опасеніе насчетъ продолженія войны: и на нынѣшнюю кампанію денегъ съ трудомъ сыскали; поэтому нетерпѣливо ожидается извѣстіе о началѣ конгресса, мира алчно желаютъ.» Наконецъ пришло извѣстіе, что въ самомъ началѣ іюля Секедорфъ перешелъ турецкую границу со стороны Ниссы и началъ успѣшно непріятельскія дѣйствія. Скоро пришло извѣстіе о сдачѣ Ниссы; но за то въ Босніи дѣла шли неудачно, такъ что извѣстіе о взятіи Очакова Минихомъ не могло ослабить грустнаго впечатлѣнія отъ извѣстій изъ Босніи.⁴⁵

Между тѣмъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ отправлены были въ Немировъ на конгрессъ съ турецкими уполномоченными дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ баронъ Шафировъ, оберъегермейстеръ Волынскій и тайный совѣтникъ Неплюевъ, бывшій резидентомъ въ Константинополѣ; имъ дано было на содержаніе и другіе расходы 20,000 рублей, три тысячи золотыхъ червонныхъ, да мягкой рухляди на 4,000 рублей; съ цесарской стороны уполномоченными на конгрессъ были назначены графъ Остейнъ, посланникъ въ Петербургъ, и баронъ Тальманъ, посланникъ въ Константинополѣ. Русскіе уполномоченные получили отъ своего двора инструкцію смотрѣть на цесаря не какъ на посредника, но какъ на дѣйствительнаго союзника Россіи и содоговаривающуюся сторону, и потому не позволять австрійскимъ уполномоченнымъ такихъ поступковъ, которые бы давали имъ видъ посредниковъ. Шафировъ, Волынскій и Неплюевъ должны были

ѣхать сначала въ Кіевъ и самимъ отъ себя Туркамъ не отзываться, перваго шага не дѣлать, а предоставить графу Остейну, потому что конгрессъ собирается по настоянію австрійскаго двора. Такъ какъ графъ Остейнъ безъ сомнѣнія будетъ сноситься съ находящимся при визирѣ барономъ Тальманомъ, то при всякой посылкѣ отъ Остейна къ Тальману русскіе уполномоченные должны, подѣ видомъ провожанія или подѣ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ, посылать надежнаго челоуѣка не только для надлежащаго присматриванія подѣ рукою поступковъ обоихъ цесарскихъ министровъ, но и для провѣдыванія о всѣхъ турецкихъ движеніяхъ, равно какъ постоянно отыскивать всякіе способы и пути для добыванія надежныхъ вѣдомостей, которыя сообщать какъ въ Петербургъ, такъ и фельдмаршалу Миниху. Морскія державы Англія и Голландія предлагаютъ свою медицію, но намъ принять ее трудно, потому что морскія державы для торговли и другихъ связей своихъ съ Турками всегда имѣютъ причину щадить Порту: вотъ почему съ здѣшной стороны убѣгали отъ принятія этой медиціи, стараясь всегда отыскать непосредственный путь къ сношеніямъ съ Турціею. Такъ, если англійскій и голландскій послы, по призыву визира, явятся на конгрессъ, то полномочные министры должны съ ними обходиться дружески, только отъ принятія ихъ медиціи учтивымъ образомъ отходить, отговариваясь неимѣніемъ указа.

11 іюля уполномоченные пріѣхали въ Немировъ. Они могли надѣяться, что вѣсть о взятіи Очакова Минихомъ сдѣлаетъ турецкихъ уполномоченныхъ сговорчивѣе, но ошиблись: Турки объявили секретарю австрійскихъ уполномоченныхъ, что успѣхи Русскихъ вовсе не такъ велики, какъ разглашается, что русская армія при взятіи Очакова потерпѣла такой уронъ, что не въ состояніи болѣе ничего предпринять, и потому у нихъ, Турокъ, будетъ довольно времени поправить свои дѣла. Цесарскіе министры съ своей стороны объявили русскимъ уполномоченнымъ, что находящейся при арміи Миниха австрійскій полковникъ Беренклау даетъ знать то же самое и упрекаетъ фельдмаршала, что городъ взять безъ всякаго порядка, отъ чего и потеряно такъ много людей. Графъ Остейнъ сообщалъ все это съ великимъ сожалѣніемъ и оговорками, чтобъ русскіе уполномоченные не оскорблялись его словами, что онъ принужденъ объявить объ этомъ какъ ми-

нистръ союзнаго государя, и просилъ, чтобъ уполномоченные не сеорили его и полковника Беренклау съ графомъ Минихомъ. Потому Остейнъ началъ жаловаться, что Турки, безопасные теперь съ русской стороны, обратять все свои силы противъ Австрiи, которая одна должна будетъ взять на свои плеча всю тяжесть войны, и отъ настоящихъ переговоровъ съ Турками нельзя ожидать успѣха, потому что Турки будутъ держать себя высоко, какъ уже и теперь видно изъ ихъ поступковъ. Въ Вѣнѣ Кенйгсеггъ жаловался Ланчинскому на безпрестанныя злоупотчія, особенно на болѣзни, свирѣпствовавшія въ цесарской арміи отъ нездороваго воздуха: хотя больные и не умираютъ, но не могутъ служить службы; заболѣваютъ и генералы; скотъ падаетъ неслышаннымъ образомъ. Шафировъ, Вольтинскій и Неплюевъ находились въ очень непріятномъ положеніи, не зная, кому и чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что не получали отъ Миниха ни одной строки, тогда какъ сами писали къ нему уже пять разъ; они не знали ничего вѣрнаго объ успѣхахъ русскаго оружія, а въ инструкціи имъ было сказано, чтобъ они соразмѣряли свои требованія именно съ этими успѣхами. До сихъ поръ, благодаря лѣту, уполномоченные стояли въ палаткахъ около Немирова; но если конгрессъ протянется и наступитъ осень, то оставаться въ палаткахъ будетъ нельзя, а въ городѣ жить негдѣ, ибо Немировъ представлялъ самое бѣдное мѣстечко. Боялись и разбойниковъ (гайдамаковъ), которые собирались большими шайками и уже разорили нѣсколько окрестныхъ деревень; кромѣ гайдамаковъ могли напасть и Татары. Цесарскіе министры требовали отъ русскихъ, чтобъ тѣ писали къ своему двору о перемѣнѣ мѣста конгресса, и предлагали Львовъ; но русскіе не соглашались по отдаленности Львова отъ русскіхъ границъ и отъ русскаго войска, и предпочитали городъ Полонный.

Между тѣмъ надобно было начать переговоры. Остейнъ убѣдилъ русскихъ уполномоченныхъ оказать учтивость турецкимъ, сдѣлать имъ первый визитъ, какъ прежде пріѣхавшимъ. Этотъ визитъ былъ сдѣланъ 29 іюля, и цесарскіе послы были у Турокъ наканунѣ. 30 числа Турки отдали визитъ австрійскимъ уполномоченнымъ и 31 русскимъ. Остейнъ для первой конференціи приготовилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ и когда сообщилъ ее русскимъ уполномоченнымъ, то они сдѣлали въ ней поправки, по-

тому что онъ хотѣлъ показаться главою конгресса, и обратить рѣчь не только къ Туркамъ, но и къ Русскимъ. Въ это время пришло извѣстiе о смѣнѣ великаго визиря, на мѣсто котораго назначень бендерскій сераскиръ Мусукъ-Оглу-паша. Это извѣстiе произвело непрiятное впечатлѣнiе въ Немировѣ, потому что Неплюсовъ зналъ новаго визиря какъ человѣка отважнаго, и потому можно было предполагать, что онъ нападетъ на армiю Миниха.

Въ началѣ августа прiѣхалъ въ Немировъ курьеръ отъ Миниха: фельдмаршалъ давалъ знать, что онъ переходитъ съ армiею на сю сторону Буга и будетъ медленно двигаться въ надеждѣ встрѣтить турецкую армiю, съ которою хочетъ раздѣлаться оружиемъ; курьеръ рассказывалъ, что армiя потеряла подъ Очаковымъ не много болѣе двухъ тысячъ убитыми, да около трехъ тысячъ было ранено, а лошадей и воловъ потеряно около сорока тысячъ, потому что Татары всю степь выжгли. Въ то же время получено было извѣстiе о взятiи Австрiйцами города Пассы; Остейнъ придавалъ важное значенiе этому успѣху, говорилъ, что взятiе этого одного города выгоднѣе двухъ выигранныхъ сраженiй, потому что у Турокъ теперь нѣтъ болѣе прикрытiя, австрiйская армiя можетъ идти безирепитственно вдале до Константинополя.

Въ августѣ начались конференцiи. Русскiе уполномоченные объявили, что такъ какъ въ прежнихъ ссорахъ и въ настоящей войнѣ виновны татарскiе народы, то пока эти народы будутъ существовать между обѣими имперiями, миръ между ними невозможенъ, и потому земли татарскiя: Кубань, Крымъ и прочiя, до рѣки Дуная лежащiя, должны остаться со всѣми жителями и крѣпостями во владѣнiи Россiйской имперiи. Ея императорское величество желаетъ этого не для прибыли какой-нибудь, но для вѣчнаго покоя, ибо и Порта отъ этихъ дикихъ народовъ никакой выгоды не получала. Съ тою же цѣлю, т.-е. для сохраненiя мира, императрица требуетъ, чтобъ Валашское и Молдавское княжества получили независимость подъ особыми владѣльцами, только по единовѣрiю будутъ они пользоваться покровительствомъ Россiи. Эти требованiя были представлены подъ тѣмъ условiемъ, чтобъ и союзникъ императрицы, цесарь, былъ удовлетворенъ въ своихъ требованiяхъ, потому что одна сторона безъ другой мира не заключить. Турецкiе уполномоченные отвѣчали, что та-

кія требованія со стороны Россіи не соразмѣрны съ успѣхами ея войскъ; что Турція вовсе не находится въ такомъ состояніи, чтобъ должна была принять такія тяжкія условія; надобно припомнить, что Порты, находясь во время прутской кампаніи и въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ теперь Россія, удовольствовались однако однимъ городомъ Азовомъ. — Русскіе уполномоченные повторяли, что императрица желаетъ одного: именно такихъ границъ, при которыхъ былъ бы возможенъ вѣчный миръ; что русскія войска еще находятся въ походѣ, и отъ Турокъ зависитъ порѣшить съ ними дѣло въ свою пользу; что они, русскіе послы, не говорятъ, въ какомъ состояніи находится Турція, а о Прутѣ упоминать не хотятъ, потому что если говорить подробно о всѣхъ тогдашнихъ поступкахъ Порты, то уполномоченнымъ турецкимъ было бы не очень пріятно слышать. — «Если такой миръ будетъ заключенъ, говорили Турки, то не нужно и договора писать: государства другъ отъ друга удалятся такъ, что и въ сношеніяхъ не будетъ нужды; такой миръ не миръ, но порабощеніе или плѣнь.» — По окончаніи конференціи, австрійскіе уполномоченные начали говорить русскимъ, что напрасно они упоминали о Валахіи и Молдавіи, потому что первая вся, а второй не малая часть уже находятся во владѣніи цесарскомъ, и давали знать, что Австрія имѣетъ въ виду требовать Валахіи себѣ. Остейнъ упоминалъ о разговорахъ турецкихъ уполномоченныхъ еще прежде конференціи, что Порты рискнетъ и Константинополемъ, а Крыма не уступитъ; Остейнъ прибавилъ, что если императрица будетъ настаивать на уступку Крыма, то не только Немировскій конгрессъ разорвется, но и въ десять лѣтъ миръ не получится, да и другіе государи не позволятъ Россіи овладѣть Крымомъ, какъ о томъ послы ихъ въ Константинополь явно говорили; Остейнъ прибавилъ, что Австрія, съ своей стороны, готова помириться съ удержаніемъ того, чѣмъ теперь владѣтъ (*ubi possidetis*), и думаетъ, что Россія можетъ ограничиться Азовомъ, Очаковомъ, Кинбурномъ, ногайскими и кубанскими землями.

Представленія Остейна и еще болѣе извѣстіе, что Леси вышелъ изъ Крыма, заставили русскіхъ уполномоченныхъ умѣрить свои требованія. Слѣдующую конференцію началъ рейсъ-эфенди словами, что условіе о границахъ, предложенное русскими уполномоченными, несносно; какъ такого великаго владѣтеля,

т.-е. хана крымскаго, столько вѣковъ государствующаго, со многими князми, мурзами и многочисленнымъ народомъ искоренить? Русскіе уполномоченные отвѣчали, что если уступка Крыма такъ тягостна для Турціи, то Россія удовлетворится, чтобъ границею была рѣка Днѣстръ; земли отъ Азова до Дибіра, Кинбурна, Кубани и островъ Тамань останутся въ русскихъ владѣніяхъ; переконскую линію Турки должны разорить. Турецкіе уполномоченные требовали для отвѣта сорокъ дней сроку, потому что на такія важныя уступки султанъ безъ совѣта рѣшиться не можетъ.

Во всѣхъ этихъ переговорахъ участвовали только Шафировъ и Неплюевъ, Волынской былъ боленъ; оправившись, онъ поѣхалъ 16 августа къ турецкимъ уполномоченнымъ благодарить ихъ за посѣщеніе во время болѣзни; а между тѣмъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ войти съ Турками въ ближайшія объясненія. Турецкіе уполномоченные сами желали такихъ объясненій и, выславши лишннихъ людей, начали говорить: «Мы сильно желаемъ мира съ російскою имперіею; но встрѣтились нечаянно такія затрудненія, что сами не знаемъ что дѣлать: другіе въ эту войну примѣшались и хотятъ корытоваться, и мы не знаемъ, кому изъ двоихъ удовлетворить.»—«Вы, отвѣчалъ Волынской, какъ искусные министры, легко можете разсудить, кого прежде надобно удовлетворить и кто главная воюющая сторона.»—«Мы бы сыскали средство удовлетворить Россію, сказали Турки: но римскій цесарь намъ несносенъ; присталъ онъ со стороны безъ причины, для одного своего лакомства и хочетъ отъ насъ корытоваться; Россія другое дѣло, ваши условія намъ извѣстны, но цесарскіе министры только затрудняютъ и проволакиваютъ дѣло, и мы принуждены послать къ султану съ донесеніями переводчика Порты, а сами оставаться здѣсь безъ дѣла.» Волынской отвѣчалъ на это, что отсутствіе переводчика Порты не бѣда, его мѣсто въ сношеніяхъ между русскими и турецкими уполномоченными можетъ занять ассессоръ русскаго посольства Мургоза Тевкелевъ, человѣкъ, на котораго можно вполне положиться. Турки съ радостію приняли это предложеніе; и Тевкелевъ на другой же день началъ сношенія съ ними. Турецкіе уполномоченные прямо объявили ему, что съ Россіею они могутъ обо всемъ договориться безъ отписки къ Портѣ, но держать ихъ одно объявленіе, что Россія и Австрія другъ безъ друга удоволь-

ствованы́ быть не могутъ; и потому безъ рѣшенія вопроса, какъ будетъ вести себя Россія относительно цесаря, когда получить полное удовлетвореніе, они не могутъ приступить къ переговорамъ объ этомъ удовлетвореніи. Семнадцатаго же августа Шафировъ и Волинскій отправились къ графу Остейну, чтобъ сообщить ему вчерашній разговоръ Волинскаго съ Турками и не подать преждевременно повода къ подозрѣнію. Какъ только Остейнъ услышалъ, что Волинскій былъ у Турокъ, то сказалъ со смѣхомъ: «Вы у нихъ порядочно таки высидѣли; я самъ былъ не далеко и подумалъ, что уже вы окончателно заключили съ нами миръ.»—«Вы дѣйствительно были не далеко, гуляли на другой сторонѣ пруда, отвѣчалъ Волинскій, и еслибы я былъ такъ счастливъ, что какъ прѣхалъ, такъ и миръ заключилъ, то, разумѣется, поспѣшилъ бы, по близости, пригласить и васъ участвовать въ этомъ заключеніи.» Потомъ Шафировъ и Волинскій сообщили Остейну по секрету, какіе упреки дѣлають Турки Австрійцамъ за остановку дѣла. Въ Остейнѣ вдругъ произошла перемѣна; прежняя веселость исчезла, и онъ началъ толковать серьезно о необходимости въ этомъ же году общими военными дѣйствіями принудить Турокъ къ миру, что если этотъ годъ будетъ пропущенъ, то въ будущемъ мира не получить; что другія державы не позволяютъ ни Россіи, ни Австріи распространять своихъ завоеваній за Дунаемъ; наконецъ просилъ, чтобъ изъ Петербурга присылали въ Немировъ извѣстія о персидскихъ дѣлахъ. Шафировъ и Волинскій отвѣчали, что Россія до заключенія мира не прекратитъ военныхъ дѣйствій; что Австрія должна показать умѣренность въ своихъ запросахъ, чтобъ не возбудить подозрительности другихъ державъ; что сколько дѣло ни тянуть, а наконецъ надобно же изъясниться о своихъ условіяхъ. Разговоръ шель дружескій; но Шафировъ и Волинскій заключили, что Остейнъ сильно встревоженъ пересылками между русскими и турецкими уполномоченными.

Въ августѣ Тевкелевъ отправился къ Туркамъ съ объявленіемъ, что на вопросъ ихъ не будетъ отвѣта, потому что вопросъ сдѣланъ прямо съ цѣлю испытать крѣпость союза между двумя императорскими дворами. Если турецкіе послы имѣють полную мочь и прямое намѣреніе удовольствоваться Россію, то пусть объявятъ, примутъ ли объявленные имъ на конференціи условія, послѣ

чего и русскіе послы изъяснятся, какимъ образомъ отнесутся они къ своимъ союзникамъ. На это рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что хотя они и не могутъ согласиться на всѣ русскія требованія, однако могутъ найти средство удовлетворить Россію; что же касается Австріи, то они ни на четверть аршина не уступятъ ей земли: скорѣе всѣ Турки пропадутъ и Порта оттоманская исчезнетъ. Они желаютъ знать, какой способъ сыщутъ русскіе послы отстать отъ своихъ союзниковъ, а безъ этого не могутъ идти далѣе въ переговорахъ. По возвращеніи Тевкелева уполномоченные написали въ Петербургъ: «Турки хотятъ у насъ вывѣдать, чтобъ потомъ поссорить съ цесаремъ, какъ сначала пытались то же самое сдѣлать съ Австрійцами чрезъ князя молдавскаго. Мы принуждены съ ними поступать осторожно и дни два Тевкелева къ нимъ не посылали, ибо и такъ уже цесарскіе послы немалое подозрѣніе имѣютъ.

Турки дѣйствительно хотѣли тянуть время и между тѣмъ разорвать союзъ между императорскими дворами. Австрійцы объявили наконецъ свои условія, и неумѣренностію ихъ изумили и русскіхъ и турецкихъ уполномоченныхъ. Послѣдніе, разумѣется, спѣшили съ своими внушеніями, что цесарцы полгода какъ вступили въ войну и требуютъ вдвое болѣе земель противъ Русскихъ. Шафировъ, Вольнскій и Неплюевъ замѣтили Остейну насчетъ неумѣренности австрійскихъ условій и получили грубый отвѣтъ. Въ Петербургѣ разсердились на Остейна и Остерманъ сказали австрійскому резиденту Гогенгольцеру, что если графъ Остейнъ будетъ продолжать свою злобу противъ него, Остермана, то онъ принужденъ будетъ пасть къ ногамъ императрицы и просить ее освободить его отъ сношеній съ цесарскимъ дворомъ. Между тѣмъ предложили срокъ, постановленный между Австрією и Турцією для окончанія конгресса, именно 13 октября новаго стilia, и вдругъ Остейнъ объявляетъ русскимъ уполномоченнымъ, что онъ, по предписанію своего двора, долженъ предложить Туркамъ новыя, легчайшія условія мира и назначить новый срокъ для переговоровъ, именно послѣднее число октября. «Цесарь, говорилъ Остейнъ, хочеть показать всему свѣту, что онъ мира желаетъ, хочеть уменьшеніемъ своихъ требованій оправдаться, что не по его винѣ миръ не состоялся, ибо настоящія требованія государя нашего такъ малы, что не стоятъ и двадцатой доли

употребленныхъ на войну изживеній.» Русскіе министры представляли ему, что, объявить новыя, легчайшія условія мира, не получивъ отвѣта на прежде предложенныя условія,—это значитъ ободрить Турокъ; изъ уменьшенія требованій они легко поймутъ, что цесарю миръ нуженъ. Остейнъ отвѣчалъ, что имѣя отъ двора своего указъ, иначе поступить не можетъ; отложить объявленіе объ уменьшеніи требованій нельзя, потому что вѣнскій дворъ далъ уже знать объ этомъ другимъ дворамъ и Франція склоняетъ Порту къ миру. Новыя условія состояли въ томъ, что цесарь отказывался отъ всѣхъ претензій на Молдавію и Валахію, но удерживалъ крѣпость Ниссу съ остальною частию Сербіи, бывшею до мира въ турецкомъ владѣніи. Русскіе уполномоченные, съ своей стороны, объявили, что императрица не требуетъ Тамани, Темрюка и всѣхъ земель, лежащихъ по ту сторону Кубани, довольствуется Азовомъ, Очаковомъ и Кинбурномъ съ пристойными границами. Но въ отвѣтъ на эти требованія турецкіе уполномоченные объявили, что они уѣзжаютъ, не имѣя права переговаривать на такихъ основаніяхъ. Турецкіе послы выѣхали изъ Немирова 10 октября; вельдъ за ними отправились австрійскіе, а потомъ и русскіе ⁴⁶.

Австрійскій дворъ, сильно встревоженный успѣхами Турокъ и разрывомъ Немировскаго конгресса, обратился къ Франціи за дипломатическою помощію. Изъ Россіи спѣшили поддержать духъ испуганнаго союзника и 27-ноября Анна писала цесарю, что она нисколько не намѣрена удалиться отъ французскаго посредничества; но дѣла, слава Богу, еще не въ такомъ состояніи, чтобъ нельзя было имѣть основательной надежды на приличный миръ, если только со стороны императорскихъ дворовъ будетъ показана настоящая твердость и цесарь будетъ поступать съ тою ревностію, какою обнадежилъ союзный дворъ и съ какою поступаетъ Россія. Императрица изъявляла полную готовность во всемъ условиться съ цесаремъ относительно плана будущей кампаніи и «обязаться во-всемъ, что только состоятельно и въ ея возможности быть можетъ,» для чего вельдла быть въ Петербургъ обоимъ своимъ фельдмаршаламъ ⁴⁷.

Оба фельдмаршала были дѣйствительно вызваны. Въ началѣ 1738 года Минихъ возвратился въ Полтаву очень довольный: жена и дочь его получили богатые подарки, сыну дана значи-

тельная сумма денегъ на отправленіе къ заграничнымъ водамъ; все было, повидимому, улажено, какъ вдругъ онъ получаетъ въ концѣ февраля рескриптъ, изъ котораго узнаеть, что императрица увѣдомилась, будто во время прошедшей кампаніи при арміи возили провіантъ, по большей части, мукою; изъ нея, за немѣнѣемъ удобныхъ мѣстъ и дровъ, солдаты принуждены были печь хлѣбъ въ землянкахъ травой, и питались нѣкоторое время почти сырымъ тестомъ, а не печенымъ хлѣбомъ, отъ чего было не безъ потери въ людяхъ; будто при войскѣ возили съ собою принятая натурою мундирныя и амуничныя вещи, въ которыхъ во время похода нужды быть не можетъ, отъ чего происходило затрудненіе лишними обозами и расходъ подъемнымъ лошадямъ. Императрица приказывала изготовить на все войско сухарной толчи и толкна, и при выступленіи раздать на человѣка по фунту того и другаго, а когда изойдетъ, то опять раздать, чтобъ при нихъ безъ переводу было по фунту; въ мѣстахъ, неудобныхъ для печенія хлѣба, раздавать сухарями, а въ удобныхъ печь хлѣбы, готовить сухари и толчу, и съ собою излишнихъ тягостей не возить.

Оскорбленный фельдмаршалъ отвѣчалъ, что императрицѣ донесено неосновательно: «Я, писалъ Минихъ, какъ повѣренный главный командиръ, по моей присяжной должности и ревности къ службѣ, особенно заботился о томъ, чтобъ войско, и преимущественно больные не имѣли никакой нужды въ пропитаніи, чего въ прошлогодніе походы и достигнуто. Уже третій годъ, какъ я пошу на себя трудную должность комиссаріата. Когда въ 1736 году, отправляясь для осады Азова, я пріѣхалъ въ крѣпость Св. Анны, то въ тамошнихъ магазинахъ не нашелъ ни одного куля муки, хотя тамъ должно было быть 50 тысячъ мѣшковъ; солдаты помирали съ голоду и мнѣ не съ чѣмъ было двинуться подъ Азовъ. Дѣлать нечего, принялъ я комиссаріатскую должность на себя и разослалъ офицеровъ вверхъ по Дону и Донцу; припасы были собраны, и я получилъ возможность двинуться къ Азову и положить начало осадѣ. Пріѣхалъ изъ-подъ Азова въ Изюмъ: генераль-провіантмейстера Полибина нѣтъ, помощникъ его сидѣлъ подъ арестомъ за нерадѣніе; я опять началъ хлопотать о сборѣ провіанта, и съ княземъ Никитою Трубецкимъ и съ армейскими офицерами столько его отправлено, что никакого недостатка не было и азовская экспедиція благополучно окончилась. Когда въ

томъ же 1736 году предпринималась крымская экспедиція, то по прибытіи моемъ на генеральное рандеву при Царицынкѣ и въ прочихъ магазинахъ провіанта почти ничего не было, и я опять сталъ хлопотать, разослалъ офицеровъ для покупки въ разные мѣста, и столько было получено, что въ довольствѣ до Перекопи дошли, а въ Крыму такъ много всего найдено, что некуда было брать, по дорогѣ бросали и на возвратномъ пути до дѣлпровскихъ магазиновъ безъ нужды дошли. И передъ очаковскимъ походомъ въ Переволочнѣ я нашелъ провіанта очень мало, провіант-мейстеръ Рославлевъ подъ арестомъ сидѣлъ, но отъ этого толку не было, я самъ съ армейскими офицерами трудился надъ сборомъ, и дѣло опять вполне удалось. Что же касается до питанія сырымъ тестомъ, то послѣ долгихъ и зрѣлыхъ разсужденій съ генералитетомъ взято сухарей почти двѣ трети противъ муки; о толчѣ же поданы были письменныя мнѣнія отъ генералитета, на основаніи которыхъ ся не дѣлали. Провіантъ мукою и сухарями выдавали по требованію отъ полковъ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ, гдѣ можно или нельзя было дровъ достать; однако и въ дровахъ не во многихъ мѣстахъ была нужда, ибо гдѣ лѣсу не было, тамъ употреблялся камышь и толстый былникъ, какъ вездѣ въ Украинѣ и на линіи употребляютъ, кромѣ того по моему приказанію для печенія хлѣба употреблялись всѣ оставшіеся изъ-подъ провіанта и другихъ тяжестей сломанныя телѣги и роспуски; а что касается толокна, то его безъ указу вашего величества не заготовлялось и въ здѣшнихъ мѣстахъ достать очень трудно. Потеря въ людяхъ бывала отъ того, что временно выдавалась мука для печенія хлѣбовъ — этого никто доказать не можетъ, ни одинъ генералъ, ни одинъ полковой командиръ, ни одинъ докторъ не представилъ мнѣ эту причину смертности, всѣ показывали одно, что солдаты умираютъ отъ жаркаго климата и дурной степной воды. Что солдаты некутъ себѣ хлѣбъ въ землянкахъ, то и офицеры и генералы то же дѣлаютъ, и солдаты навькли печь такой хорошей хлѣбъ, что я самъ въ продолженіе всей кампаніи другаго хлѣба при столѣ моемъ не употреблялъ.»⁴⁸

Въ Петербургѣ спѣшили успокоить взволнованнаго фельдмаршала; императрица писала ему: «Основаніе сего извѣстія, по которому мы вамъ о томъ сообщить за потребно разсудили, въ томъ состоятъ, что отпавленный въ прошломъ году отсюда полков-

никъ Епишковъ, слыша отъ солдатства такіе разговоры, о томъ сюда партикулярно писалъ, и когда то до кабинета нашего дошло, обойтись не могли, чтобъ вамъ о томъ не сообщить, дабы вы будучи наилучше извѣстны, что въ томъ происходило и koliko оное извѣстіе основано или не основано, намъ о томъ потребное изъясненіе дать могли, якоже для того оное дѣло на ваше разсмотрѣніе отдано, и въ прочемъ вамъ при томъ ни малѣйше какое измѣненіе о вашихъ при повѣренной вамъ нашей армии ревностныхъ во всемъ диспозиціяхъ и извѣстномъ въ службѣ и по интересамъ нашимъ неуспыномъ радѣніи не показывали, якоже оное намъ неотмѣнно по всемілостивѣйшей благоугодности казается, и мы какъ донинѣ, такъ и впредь на оное во всемъ въ совершенной и безсумненной надеждѣ пребываемъ, въ чемъ вы весьма покойны и обнадежены быть можете.» Надъ Епишковымъ нарядили слѣдствіе, и за неправильное объявленіе учинили ему крѣпкій репримандъ ⁴⁹.

Получивши отъ императрицы изъясненіе полное довѣренности, Минихъ выступилъ въ походъ; 18 мая армія имѣла генеральное рандеву при рѣкѣ Омельникѣ; 23 іюня фельдмаршалъ съ генералитетомъ переправились чрезъ Бугъ; но изъ Очакова и Кинбурна приходили постоянно дурныя вѣсти: тамошніе гарнизоны таяли отъ заразительныхъ болѣзней, которыя начали распространяться и вверхъ по Днѣпру, появились въ Сѣчѣ; по украинской линіи устроены были карантинны. Бугъ былъ перейденъ безпрепятственно; но на Днѣстрѣ, къ которому армія приблизилась въ іюль, она была встрѣчена непріятельскими выстрѣлами. 26 іюля было довольно значительное дѣло съ акерманскимъ султаномъ, который стоялъ съ татарскимъ и турецкимъ войскомъ по сю сторону Днѣстра. Въ первыхъ числахъ августа за неимѣніемъ кормовъ армія должна была двинуться къ рѣчкѣ Каменкѣ, при чемъ принуждены были везти съ собою воду; скота и лошадей потеряно было много, а между тѣмъ непріятель окружалъ армію. «Здѣшнія мѣста, писалъ Минихъ, для воинскихъ операцій такой большой арміи очень трудны и неспособны, потому что въ малыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Днѣстръ, для всей арміи воды не довольно, высокіе и каменистые берега мѣшаютъ приблизиться съ скотомъ для водопоя, а по самому Днѣстру, по причинѣ каменистыхъ береговъ, еще хуже, нѣтъ ни кормовъ въ достаточномъ количе-

ствѣ, ни удобныхъ дорогъ, но вездѣ глухія и пустыя горы и буераки, а какія деревни и были, то Татары разоряютъ и разгоняютъ обывателей, и потому нельзя знать подлинно, гдѣ достать воды и фуражу и миновать трудныя дефилеи. Хотя непріятель сильно и часто насъ окружалъ и нападалъ, однако въ арміи въ продолженіе всей кампаніи не болѣе 700 человекъ побито и 250 ранено; напротивъ того непріятель всякій день отъ насъ немалый уронъ терпѣлъ, и конечно былъ бы разбитъ, еслибъ перешелъ на сю сторону Днѣстра; переходъ же нашей арміи на ту сторону этой рѣки при нынѣшнемъ состояніи припряжки рѣшительно невозможенъ. Генералитетъ весь въ добромъ здоровьѣ, а рядовые чрезвычайно бодры и всякій желаетъ сраженія, дабы желѣзо, свинецъ и порохъ въ честь и славу вашего величества употребить, а везти все это назадъ съ собою будетъ не безъ труда. Болѣзни, особенно въ рекрутахъ, продолжаются, только опасности никакой не видно.»

Кампанія не удалась. Минихъ утѣшалъ императрицу тѣмъ, что въ этой неудачѣ явно видна рука Божія, потому что еслибы армія перешла Днѣстръ и двинулась къ Бендерамъ, то должна была бы проходить страны, въ которыхъ свирѣпствовало моровое повѣтріе, тогда какъ теперь чрезъ отступленіе армія сохранена въ цѣлости. Но въ Петербургѣ были безутѣшны, требовали, чтобъ армія шла къ Хотину или, по крайней мѣрѣ, остановилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, и Минихъ долженъ былъ отписываться, наставляя на невозможность продолженія кампаніи: «Кто рѣшается на дѣло, успѣхъ въ которомъ невозможенъ, тотъ не имѣетъ права надѣяться на божескую помощь,» писалъ онъ 8 сентября: «провіанта у арміи только до октября мѣсяца; здѣсь уже началась необыкновенная стужа, трава вянетъ, и нѣтъ надежды продержатъ лошадей и скотъ въ полѣ долѣе 1 октября; люди прошлую зимою покоя не имѣли и въ продолженіи всей кампаніи маршировали безпрестанно, а рекруты къ арміи приведены когда уже полки изъ зимнихъ квартиръ выступили, и многіе померли, другіе больны, остальные очень истомлены; въ лошадяхъ и скотѣ немалый уронъ; мундирныя вещи по причинѣ дурнаго прошлогодняго зимняго пути не всѣ къ арміи привезены, и съ собою ничего, кромѣ самаго нужнаго, взять было нельзя; такимъ образомъ армія должна немедленно обмундироваться въ

своихъ границахъ. Бомбы мы принуждены были зарыть и потопить, а тяжелые лафеты близъ Днѣстра, гдѣ скотъ воды не имѣлъ и немалый упадокъ былъ, разбить, чтобъ неприятелю не оставить: такимъ образомъ осадная артиллерія въ Кіевѣ комплектована быть должна. Драгуны и солдаты бѣгутъ, и удержать ихъ отъ побѣга можно только надеждою возвращенія въ отечество и покоя.»

Но Миниху давали знать, что союзники, Австрійцы, громко жалуются на возвращеніе его ни съ чѣмъ изъ похода, чему приписываютъ свои неудачи и требуютъ вспомогательнаго русскаго войска для обороны своихъ земель.

4 октября изъ Кіевпечерской крѣпости Минихъ писалъ императрицѣ, что вся армія благополучно достигла границы и регулярные полки размѣщены на зимнихъ квартирахъ, а нерегулярные распущены по домамъ. «Глубокую печаль, прибавляетъ Минихъ, въ какую погруженъ генералитетъ вмѣстѣ со мною, что нельзя было исполнить повелѣній вашего величества, можетъ разогнать только высочайшее обнадеживаніе вашего величества, что нашими всеподданнѣйшими при семъ деликатномъ дѣлѣ поступками довольны быть изволите, чѣмъ бы я могъ обрадовать генералитетъ послѣ такихъ понесенныхъ имъ въ минувшую кампанію трудовъ. Жалобы австрійскаго двора на возвращеніе русской арміи, на безуспѣшность обѣихъ кампаній, въ слѣдствіе чего будто бы всѣ турецкія силы обратятся противъ Австріи, эти жалобы неосновательны: обоими нашими походами, и прошлогоднимъ и нынѣшнимъ, отвлечено было отъ австрійскихъ границъ сильное турецкое войско и всѣ Татары, и теперь когда наша армія благополучно возвратилась и въ скоромъ времени будетъ пополнена, то и впредь неприятель будетъ на нее смотрѣть и въ этой сторонѣ сильное войско держать. Что въ воинскихъ дѣйствіяхъ противъ сильнаго неприятеля не всегда можно положенное въ операціонныхъ планахъ исполнить, это цесарцы сами испытали, ибо, имѣя сильное войско, въ двѣ кампаніи не только Виддина взять не могли, но и свои крѣпости потеряли. Ваше величество уже согласилсь на отправленіе двадцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса къ Австрійцамъ, и потому мнѣ остается только исполнить высочайшую волю безъ разсужденія. Но по присяжной должности и ревности не могу не донести, что войско наше очень истомлено, въ людяхъ и лошадяхъ немалая была убыль и зимою

надобно имѣть крѣпкую осторожность, войско по границѣ въ готовности держать. Въ походѣ чрезъ Польшу, какія бы ни были взяты предосторожности, нельзя удержать нашихъ драгунъ и солдатъ отъ побѣговъ, не только рекруты, но и старые драгуны и солдаты дезертируютъ, по ихъ собственнымъ словамъ, не выдержавъ нынѣшнихъ трудныхъ походовъ, надѣясь найти тамъ свой законъ и соплеменниковъ и прожить военное время между ними въ покоѣ. Опасная болѣзнь свирѣпствуетъ въ Каменцѣ Подольскомъ, въ Бухарестѣ, Яссахъ, въ Венгріи почти до самаго Дуная, и потому очень опасно такой большой корпусъ отправить этою дорогою; да и безъ заразительныхъ болѣзней въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя нашему корпусу надобно будетъ проходить изъ Польши въ Венгрію, постоянно дурной воздухъ и нездоровая вода. Пропитаніе корпуса будетъ очень затруднительно; пойдетъ однимъ трактомъ — горы и трудныя переправы чрезъ рѣки; самая удобная дорога къ силезскимъ и богемскимъ границамъ: но это такая даль, что если корпусъ выступитъ въ походъ и зимою, то посѣтетъ къ цесарскому войску не ранѣе будущей кампаніи. Если нашъ корпусъ вступитъ въ Польшу, то Турки и Татары могутъ вторгнуться въ это государство, побить и въ плѣнъ забрать многія тысячи людей, особенно греческой вѣры, которые по той границѣ преимущественно живутъ, могутъ все разорить и сжечь, отнять у нашего корпуса средства существованія, и онъ принужденъ будетъ начать воинскія дѣйствія въ Польшѣ, что произведетъ среди недоброжелательныхъ Поляковъ опасныя послѣдствія. Къ такому корпусу надобно заблаговременно назначить добрый и искусный генералитетъ; но изъ состоящихъ при здѣшней арміи генералъ Румянцевъ обязанъ многими украинскими дѣлами, генералъ Кейтъ до сихъ поръ еще не выздоровѣлъ, генералъ Биронъ проситъ отпуска, того же хочетъ и генералъ Левендалъ, генералъ Загряжскій подъ военнымъ судомъ и неспособенъ, Бутурлинъ и князь Репнинъ исправны и надежны, но здоровьемъ слабы.»

Грустное впечатлѣніе отъ неудачи Миниховскаго похода усиливалось еще тѣмъ, что моровая язва принудила оставить Очаковъ и Кинбурнъ; гарнизоны при выходѣ разорили обѣ крѣпости. Зараза не исчезала въ степи, проникала въ Украйну; Минихъ писалъ, что употребляетъ всѣ средства для пресѣченія сообщеній

зараженныхъ мѣсть съ незараженными, но встрѣчаетъ большія препятствія, потому что обхватить караулами всю границу трудно; притомъ никакъ нельзя удержать пограничное народонаселеніе, по его легкомыслію и непостоянству, отъ переходовъ изъ одного мѣста въ другое, никакіе караулы и запрещенія подь смертную казню не помогаютъ.

8 ноября Минихъ получилъ желанный рескриптъ, въ которомъ выражалась *аппробація* поступковъ его и всего генералитета относительно возвращенія арміи отъ Днѣстра. Фельдмаршалъ, для пополненія арміи, занимался въ это время вызывомъ въ русскую службу Валаховъ; изъ нихъ устроивался особый корпусъ, начальство надъ которымъ было поручено князю Константину Кантемиру, «человѣку достойному и попечительному,» по отзыву Миниха.

Другой фельдмаршалъ Леси былъ не много счастливѣе въ своемъ походѣ 1738 года. Прежде выступленія въ походъ, онъ долженъ былъ уладить любопытное дѣло на Дону. Въ началѣ 1738 года Леси получилъ письмо отъ двоихъ заслуженныхъ старшинъ донскаго войска, Ефремова и Краснощекова. Ефремовъ писалъ премоисердому государю отцу Петру Петровичу, что наказной войсковой атаманъ Фроловъ, вопреки приказанію фельдмаршала, неудовольствовалъ ни его, ни Краснощекова знатными командами, почему имъ и въ кубанскій походъ идти было нельзя, а теперь пуцал обида: во время кубанскаго похода сына его Ефремова, полковника Степана Фролова, поносилъ скверными словами, мало того, отнял у него данныя войскомъ знамена и приказалъ ѣхать въ Черкасскъ какъ арестанту. «При семь доношу, писалъ Ефремовъ: нынѣ отсюда войсковой наказной атаманъ съ братомъ Иваномъ Фроловымъ, съ зятемъ Осдоромъ Поповымъ и съ войсковымъ дякомъ ко двору ея императорскаго величества просить вѣчнаго атамана отравились, хвалясь, что имѣють предстателей и надѣются, что одинъ изъ нихъ будетъ пожалованъ атаманомъ: поэтому покорно прошу милостивѣйшее предстательство употребить, съ изъясненіемъ о рабскихъ моихъ службахъ, за которыя бы я обѣщанной мнѣ милости не былъ лишень и пожалованъ былъ войсковымъ атаманомъ. Теперь старшина Краснощековъ въ пребезмѣрной дружбѣ находится со мною и склонень къ тому, что если ея величество меня атаманомъ по-

жаловать изволить, то онъ въ обиду себѣ не поставитъ, если же изъ Фроловыхъ кто-нибудь атаманомъ будетъ пожалованъ, то онъ весьма въ обиду себѣ причтетъ, о чемъ къ господамъ кабинетнымъ министрамъ и въ прочія мѣста Краснощековъ доносить обѣщался, и если изъ двоихъ братьевъ Фроловыхъ кто-нибудь пожалованъ будетъ войсковымъ атаманомъ, то мнѣ и старшинѣ Краснощекову весьма будетъ обидно.» Краснощековъ писалъ: «Если кто изъ Фроловыхъ тѣмъ рангомъ будетъ пожалованъ, то мнѣ будетъ весьма обидно; а я бы лучше желалъ, чтобъ атаманство по старшинству и заслугамъ Данилѣ Ефремову пожаловано было и не поставлю того себѣ въ обиду, потому что отъ Фроловыхъ теперь несносныя обиды мы претерпѣваемъ; если же они получатъ себѣ вѣчное атаманство, то намъ житье отъ нихъ будетъ плохое.» Леси отправилъ эти письма къ Остерману, прибавивъ отъ себя, что, сколько онъ могъ усмотрѣть, Ефремовъ предъ прочими во всѣхъ тамошнихъ происхожденіяхъ и распорядкахъ поискуснѣе, и въ прошлую кампанію дѣйствовалъ противъ непріятеля, не щадя себя. — Ефремовъ былъ сдѣланъ атаманомъ.

26 іюня Леси перешелъ черезъ Сивашъ въ Крымъ, 27 приблизился къ перекопской крѣпости и потребовалъ у коменданта сдачи; и когда тотъ отвѣчалъ, что опредѣленъ для охраненія крѣпости, а не для сдачи, то Русскіе начали *посыщать* крѣпость бомбами, какъ выражается Журналъ военныхъ дѣйствій; отъ этого посѣщенія 29 числа гарнизонъ сдался военноплѣннымъ. 4 іюля появилось у Перекопи непріятельское войско и начало беспокоить русскій лагерь. Здѣсь 6 числа былъ держанъ военный совѣтъ, на которомъ положено: такъ какъ армія терпитъ недостатокъ въ водѣ и конскихъ кормахъ, а непріятель прежде изнуренія нашего войска не намѣренъ вступить въ сраженіе, а далѣе идти въ Крымъ по извѣстному въ водѣ и кормахъ недостатку нельзя, то надобно идти отъ Перекопи прямѣйшимъ трактомъ къ Днѣпру для подкрѣпленія тамошней арміи. На другой день, разоривъ перекопскую крѣпость, армія двинулась въ походъ; Турки и Татары, по обыкновенію, провожали ее, и наконецъ сдѣлали сильное нападеніе, такъ что Русскіе сначала замѣшались, но скоро оправались и такъ погналы непріятеля, что самъ ханъ едва спасся бѣгствомъ. Русская армія потеряла 362 человекъ побитыми, ранено было 483 человекъ.

Леси чувствовалъ, что результатами его похода не могли быть довольны въ Петербургѣ и послалъ просьбу объ увольненіи, но получилъ въ отвѣтъ, что императрица благодарить его за службу и желаетъ ея продолженія. Леси обрадовался и написалъ: «Хотя по моей старости и слабости здоровья, я и возымѣлъ было смѣлость ваше императорское величество подлѣйшимъ моимъ прошеніемъ трудить; но нынѣ по высочайшему соизволенію, за превысочайшую мнѣ явленную не въ примѣръ моей недостойнѣйшей службы высокомонаршескую милость, до дня окончанія жизни моей, елико Всевышній Творецъ мнѣ да поможетъ, къ высокимъ же вашимъ императорскаго величества службамъ употреблять себя наипревностиѣйше желаю.»

Мы видѣли донесенія обоихъ фельдмаршаловъ о ихъ военныхъ дѣйствіяхъ; теперь мы должны обратить вниманіе на показанія посторонняго свидѣтеля о движеніяхъ русской арміи,—показанія австрійскаго капитана Парадиса. Парадисъ пишетъ, что Русскіе пренебрегаютъ порядочнымъ походомъ и затрудняютъ себя огромнымъ и лишнимъ обозомъ: майоры имѣютъ до 30 телѣгъ, кромѣ заводныхъ лошадей; братъ фаворита, генераль Биронъ разсказывалъ при Парадисѣ, что при немъ 300 быковъ и лошадей, 7 ословъ, 3 верблюда, и что есть такіе сержанты въ гвардіи, у которыхъ было по 16 возовъ: «Можетъ быть, пишетъ Парадисъ, что они хотѣли тѣмъ выставить богатство своего народа; но я думаю, что они тѣмъ показали слабость свою въ войнѣ, ибо такой неслыханно-большой обозъ эту знатную армію сдѣлалъ неподвижною. Я не видалъ, чтобъ когда-нибудь армія прежде двухъ, трехъ, а часто и четырехъ часовъ по восхожденіи солнца выступала въ походъ; причиною тому громадность обоза и нѣкоторое застарѣлое нерадѣніе въ русскихъ офицерахъ; генераль-авшефу нельзя быть вездѣ самому; онъ можетъ заставить себя бояться, но такой рабскій страхъ принуждаетъ трудиться только въ его присутствіи; наконецъ послѣдній дивизіонъ арріергарда вступаетъ въ лагерь очень поздно, часто на разсвѣтѣ. При безпорядкѣ обоза, возы такъ между собою перепутываются и спѣшляются, что армія принуждена иногда по два и по три часа на одномъ мѣстѣ стоять, тогда какъ воздухъ наполненъ крикомъ множества извожиковъ, которые въ этомъ поставляютъ все свое искусство. Русская армія употребляетъ болѣе 30 часовъ на такой

переходъ, на какой другая армія употребляетъ четыре часа. Всякая телѣга хочетъ обогнать идущую впереди, отчего сдѣпляются и перепутываются; скоть, находящійся въ тѣснотѣ, безъ пищи, безпрестанно погоняемый, падаетъ мертвымъ, а который и придетъ въ лагерь, то такой слабый и измученный, что даже при травѣ и водѣ (что однако рѣдко случается) не можетъ въ нѣсколько дней поправиться. Извозчики такъ измучены и выбиты изъ силъ, что не могутъ имѣть надлежащаго попеченія о скотѣ; ихъ желудокъ не перевариваетъ и сухарей съ водою; то же можно сказать и о всѣхъ солдатахъ, страдающихъ постояннымъ разстройствомъ желудка; при моемъ отъѣздѣ было болѣе 10,000 больныхъ, ихъ клали по 4 и по 5 человекъ на одну небольшую телѣгу, на которой два человека едва улечься могутъ; разумѣется, ихъ клали другъ на друга; телѣгою управлялъ человекъ, едва освободившійся отъ болѣзни, похожій болѣе на мертвого, чѣмъ на живаго. Уходъ за больными не великъ, недостаетъ искусныхъ хирурговъ; всякій ученикъ или рудометъ, пріѣзжающій сюда, тотчасъ опредѣляется полковымъ лѣкаремъ.

«Хотя Русскіе имѣютъ больше другихъ народовъ нужду беречь фуражъ, однако я не примѣтилъ, чтобъ они малѣйшее попеченіе прилагали о томъ во время походовъ, напротивъ, мнутъ его телѣгами и лошадьми и выбиваютъ, и когда изъ одного лагера переходятъ въ другой, то кругомъ лежащія мѣста все вытолочены, и если Татары армію окружаютъ, и немного стѣсняютъ, какъ они часто дѣлали, то она принуждена кормить скоть уже толченою и завялою травою, и скоть въ 24 часа сдѣлаетъ мѣсто чистымъ какъ токъ. Если на другой день тамъ же дневать стануть, то всякій по своей волѣ фуражируетъ гдѣ можетъ, и выходятъ изъ лагера безъ всякаго порядка равно какъ и приходятъ, одни вечеромъ, а нѣкоторые на другой день поутру. Правда, козаки безпрестанно разѣзжаютъ, какъ бы для ихъ прикрытія, но такъ какъ они похожи на волонтеровъ или, лучше сказать, на сволочь, то на нихъ нельзя много надѣяться, и еслибы 13 августа принято было въ разсужденіе, что по флангамъ были большія татарскія толпы, то у насъ тысячи двухъ сотъ человекъ и болѣе двухъ тысячъ скота и лошадей по пропало: Татары порубили и угнали ихъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ фрунта. Правда, что 400 человекъ, подъ командою полковника, было послано для

прикрытія фуражировъ; но отрядъ этотъ очень плохо сталъ въ лощинѣ, откуда ничего не могъ видѣть. Татары нечаянно напали на фуражировъ, а команду въ лощинѣ ничѣмъ не тронули, она оказала имъ взаимную учтивость, отпустили съ добычею, за что полковникъ подъ арестомъ ожидаетъ рѣшенія своего дѣла, и генераль Зягряжскій также нѣсколько дней подъ арестомъ былъ, для чего не сдѣлалъ лучшаго распоряженія.

«Въ кавалеріи у русской арміи большой недостатокъ: донскихъ козаковъ и Калмыковъ, которыхъ можно назвать храбрыми, немного, едва двѣ тысяч; съ семью или осмью стами гусаръ венгерскихъ и сербскихъ нельзя стоять противъ большаго числа Татаръ; правда, есть драгуны, но лошади ихъ такъ дурны, что драгуновъ за кавалерію почитать нельзя; оружіемъ своимъ и багажемъ они такъ покрываютъ и отягощаютъ лошадей, что тѣ едва могутъ двигаться, и часто случалось видѣть, какъ драгуны, сходя съ лошадей, валяли ихъ на землю. Такимъ образомъ необходимо фуражировъ прикрывать инфантеріею, которая и безъ того измучена походомъ, да кромѣ того имѣетъ очень плохую пицу: я никогда не видалъ, чтобъ хотя четыре капральства кашу сварили. Всякому извѣстно, что для прикрытія фуражировъ надобно пѣхоты вдвое или втрое больше, чѣмъ конницы. Изъ этого ясно, что пока состояніе русской арміи не измѣнится, ей нельзя предпринять долговременную осаду»⁵⁰.

Плохой успѣхъ кампаніи 1738 года долженъ былъ сильно расположить къ миру и въ Петербургѣ, не только въ Вѣнѣ; въ Петербургѣ должны были располагать къ миру и неблагопріятныя отношенія на западѣ и востокѣ, движенія враждебныхъ Россіи партій въ Швеціи, Польшѣ, волненія Башкирцевъ. Мы видѣли, что еще въ 1737 году было принято посредничество Франціи. Франція безъ значительныхъ жертвованій, безъ побѣдъ, заключила чрезвычайно выгодный миръ съ Австріею. Миръ этотъ, переговоры о которомъ, какъ мы видѣли, начались въ половинѣ 1735 года, заключенъ былъ окончательно только осенью 1738 года: лишенный русскими войсками польской короны, Станиславъ Лещинскій удерживалъ королевскій титулъ и получилъ во владѣніе Лотарингію, которая послѣ его смерти переходила къ Франціи — приобрѣтеніе чрезвычайной важности для послѣдней. Герцогъ лотарингскій, Францъ Стефанъ, зять императора Карла VI,

взаѣмъ своего наслѣдственнаго владѣнія, получалъ Парму и Пиаченцу и въ будущемъ Тоскану, по смерти послѣдняго ея герцога; Неаполь и Сицилю Карль VI уступилъ испанскому принцу дону-Карлосу. Такимъ образомъ польскій вопросъ и возгорѣвшаяся по его поводу война между Франціею и Австріею послужили только къ тому, что Франція получила большія выгоды, Австрія — ущербъ. Но торжество Франціи было далеко неполное: честь ея сильно страдала, ибо она покинула Польшу, поднявшуюся за Станислава вслѣдствіе ея обѣщаній. Восторжествовавши надъ Австріею, отомстивши ей за побѣды Евгенія Савойскаго одержанныя во время войны за испанское наслѣдство, Франція должна была уступить ея могущественной союзницѣ, испытать неудачу подъ Данцигомъ и отдать Польшу въ распоряженіе Россіи. Эти неудачи заставили Францію еще болѣе хлопотать о томъ, чтобъ сблизиться съ Россіею, разорвать ея союзъ съ Австріею, особенно въ ожиданіи кончины императора Карла VI, когда возникнетъ самый важный вопросъ, вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ. И вотъ, благодаря неудачамъ Австріи въ войнѣ турецкой, Франціи предоставляется возможность достигнуть своей цѣли. Большимъ торжествомъ было для нея то, что Россія, отвергнувшая союзъ съ нею вслѣдствіе отношеній польскихъ и турецкихъ, не надѣявшаяся получить отъ Франціи никакой пользы для себя относительно Турціи по разрозненности интересовъ, теперь обращается къ Франціи за посредничествомъ для заключенія мира съ той же Турціею. Россія сочла выгоднымъ для себя союзъ австрійскій, именно въ виду дѣйствовать соединенными силами противъ Турокъ; оба императорскіе двора дѣйствительно начали войну съ Портою; но Австрія вела ее такъ, что принудила Россію искать посредничества Франціи для прекращенія войны. Франція беретъ на себя посредничество, ибо, во первыхъ, это ее поднимаетъ, даетъ ей важное значеніе; во вторыхъ, даетъ ей возможность разорвать союзъ Россіи съ Австріею, заставивъ Австрію заключить сепаратный миръ съ Портою; втретьихъ, если даже союзъ императорскихъ дворовъ и не вдругъ разорвется, то Франція все же получитъ возможность сблизиться съ Россіею, имѣть въ Петербургѣ своего посланника, имѣть средство знать внутреннее состояніе страны, гдѣ существуетъ сильное неудовольствіе настоящимъ правительствомъ, слѣдовательно

можно будетъ, подавши помощь недовольной сторонѣ, свергнуть это правительство, если оно будетъ попрежнему упорствовать въ своемъ нерасположеніи къ Франціи. Въ Швеціи Франція успѣла приобрести для себя покорное орудіе: отъ нея зависитъ напустить ее на Россію при первой надобности. Игра въ партіи удалась въ Швеціи: отъ чего же она не можетъ удался въ Россіи, отъ чего нельзя свергнуть господствующихъ Нѣмцевъ и не отдать власть въ руки Русскихъ, которые, изъ благодарности, будутъ на сторонѣ Франціи, или, что всего вѣроятнѣе, перевесутъ столицу опять въ Москву и откажутся отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ, а это также будетъ чрезвычайно выгодно для Франціи.

Въ маѣ 1738 года Остерманъ писалъ французскому посланнику въ Константинополь Вильнёву, что императрица, согласно съ цесаремъ, даетъ ему полную мочь для заключенія прелиминарнаго трактата съ Портою и пользуется этимъ случаемъ для засвидѣтельствованія христіаннѣйшему королю, какъ она цѣнитъ посредничество его величества и въ какой мѣрѣ полагается на искусство и благоразуміе его, Вильнёва. При этомъ Остерманъ сообщилъ французскому посланнику, что императрица, принимая посредничество Франціи, не могла отказаться и отъ принятія посредничества морскихъ державъ; слѣдовательно Порта имѣетъ полную свободу заключить прелиминарные пункты или съ однимъ Вильнёвомъ или соединенно съ посланниками морскихъ державъ. Съ русской стороны уполномоченъ былъ для заключенія мира фельдмаршалъ Минихъ, съ австрійской герцогъ лотарингскій, съ которыми Вильнёвъ долженъ былъ непосредственно сноситься. Условія мира были самыя умѣренныя со стороны Россіи: она требовала одного Азова⁵¹ и разоренія укрѣпленій Очакова и Кинбурна. Но Турки тянули переговоры и особенно стали пренебрегать ими, получивши обезпеченіе со стороны персидской.

Мы видѣли, что шахъ Надиръ, воспользовавшись войною между Россіею и Турціею, обратилъ все свое вниманіе на Востокъ, занялся покореніемъ Кандагара, а потомъ походомъ въ Индію. Цѣлый 1737 годъ онъ тянулъ мирные переговоры съ Турціею, выжидая, какой оборотъ приметъ война между нею и Россіею, а Калужкину твердили, что шахъ медлитъ заключеніемъ мира съ Портою единственно изъ дружбы къ Россіи⁵².

Со стороны европейскаго союзника Россіи, цесаря, Турки также были обезпечены. Въ началѣ года Ланчинскій доносилъ: «Что мнѣ всемилостивѣйше повелѣвается, дабы здѣшній дворъ къ надлежащей союзнической твердости наиприлежнѣйше поощрять и отъ заключенія сепаратнаго мира пристойнымъ образомъ удержать, то я рабскою вѣрностію засвидѣтельствовать могу, что здѣсь къ такому срамному поступку нималого оказательства нѣтъ, и оный по великодушію цесарскому весьма нечаятеленъ; но морщатся и говорятъ, что сію кампанію могутъ съ крайнимъ послѣднимъ трудомъ еще отправить и протори на оную хотя съ неописанною тягостію собрать, но какъ бы имъ далѣе поступить, примѣниться не могутъ; всѣ камеральные приходы подѣлакомъ, и уже болѣе отъ чужестранныхъ никто взаймы не дастъ для того, что ипотеки не находится, провинціи же вконецъ изнурены, и не диво, понеже въ тѣ двѣ послѣднія войны цесарская армія изъ казны во всемъ снабдена будучи, сверхъ того еще лѣтомъ и зимою домашними проторами содержится, и отъ непріятельской земли ничего не профитировала: и того ради алчно желаютъ мира.» Въ началѣ іюля Австрійцы блестящимъ образомъ начали кампанію, поразили турецкое войско, заняли Меацію; въ Вѣну привезли болѣе 30 знаменъ, взятыхъ у непріятеля; но послѣ этого успѣха положено было вести войну только оборонительную, дожидаясь пока Русскіе подкрѣпятъ союзниковъ взятіемъ Бендеръ или какимъ-нибудь другимъ значительнымъ дѣломъ. Въ то же время пришло извѣстіе изъ Константинополя отъ Вильяма, что Турки не уклоняются отъ заключенія мира, если могутъ получить его на выгодныхъ условіяхъ, но торопиться не имѣютъ причины, потому что цесарь не имѣетъ средствъ дѣлать завоеванія въ ихъ землѣ; что же касается Россіи, то ея войску путь дальній, и Порта имѣетъ средства не допускать его въ свои границы. Въ концѣ іюля австрійскіе министры запѣли Ланчинскому печальную пѣсню, что русская армія движется чрезвычайно медленно, что поэтому всѣ турецкія силы обращены противъ нихъ, что во всемъ Банатѣ свирѣцствуетъ язва, въ темешварскомъ гарнизонѣ умираетъ по 20 и 30 человекъ на день, и австрійская армія должна была отступить сначала отъ скудости фуража въ горахъ, потомъ должна была выйти и изъ обильныхъ фуражемъ мѣстъ, чтобъ избѣжать язвы. Въ половинѣ

августа пришло грустное извѣстіе, что важная крѣпость Оршова принуждена была сдаться Туркамъ. «У насъ все злосчастно, говорилъ Синцендорфъ Ланчинскому, печальнымъ голосомъ: Турки съ огромною силою вторгнулись въ нашу сторону, и подтверждается извѣстіе, что ваша армія идетъ назадъ отъ Днѣстра.» Австрійскій дворъ сталъ требовать присылки русскаго отряда для подкрѣпленія своего войска; въ Петербургѣ это требованіе сильно не понравилось, еще больше не понравилось оно Миниху, но дѣлать нечего, надобно было согласиться, ибо несогласіемъ давался Австріи поводъ къ заключенію отдѣльнаго мира. Согласились не отправленіе вспомогательнаго корпуса, но требовали, чтобъ онъ находился на содержаніи цесарскомъ. Въ Вѣнѣ просили, чтобъ доброе дѣло было довершено, чтобъ вспомогательный корпусъ находился на русскомъ иждивеніи. Въ концѣ ноября Ланчинскій описывалъ разсужденіе австрійскихъ министровъ: «Казна цесарская вконецъ исчерпана; Россіи не придется много платить, потому что въ Трансильваніи все очень дешево, и полки русскіе не будутъ тамъ долго оставаться, и должны немедленно вступить въ непріятельскія земли и дѣйствовать, издержки не дойдутъ и до милліона гульденовъ. Если императрица не окажетъ снисхожденія и полки не придутъ, то Австрія принуждена будетъ вести только оборонительную войну; и Россія, можетъ быть, сдѣлаетъ то же: только Россіи будетъ гораздо легче, имѣя предъ собою Днѣбрь и отдаленность турецкихъ владѣній, и отъ Татаръ оборониться легко, тогда какъ австрійскія земли прямо граничатъ съ непріятельскими. Конецъ всему будетъ такой, что Россія, хотя главная воюющая держава, останется безъ потери; Австрія же, будучи только совоюющею державою и не будучи не въ состояніи вести долго и оборонительную войну, принуждена будетъ купить миръ дорогою цѣною, т.-е. уступкою Бѣлграда, Темешвара, Трансильваніи и части Валахій⁵².»

Французскій посланникъ при Портѣ, Вильнёвъ, посредничалъ въ Константинополѣ; но кромѣ непосредственной пересылки съ нимъ, для Россіи важно было имѣть своего посланника при версальскомъ дворѣ, чтобъ участвовать въ направленіи дѣятельности Вильнёва и сообщать въ Петербургъ о расположеніи французскаго правительства, о степени добросовѣстности и искренности его въ посредничествѣ. Князь Антиохъ Кантемиръ былъ пе-

ревозенъ изъ Англіи во Францію. Въ сентябрѣ 1738 года Кантемиръ пріѣхалъ въ Парижъ и былъ принятъ Амелотомъ и Флѣри «весьма ласково и учтиво,» преимущественно кардиналомъ, который съ особенною благосклонностію болѣе часу съ нимъ разговаривалъ. Флѣри увѣрялъ Кантемира въ истинной королевской склонности къ возобновленію добраго согласія съ ея величествомъ и въ усердіи, съ какимъ онъ намѣренъ, по возможности своей, содѣйствовать этому полезному дѣлу. Кантемиръ обнадеживалъ его въ сильнѣйшихъ терминахъ о подобной со стороны императрицы диспозиціи, равно какъ объ особенныхъ ея къ нему, кардиналу, эстимѣ и конфиденціи. Флѣри далъ замѣтить, что французскому правительству не нравится, что морскія державы, Англія и Голландія, также являются посредницами при заключеніи мира между Россією и Портою; Кантемиръ отвѣчалъ, что его государыня могла бы совершенно удовольствоваться посредничествомъ одной Франціи, ибо нельзя было бы передать свои интересы въ лучшія руки; но что же дѣлать, если морскія державы давно уже предложили свое посредничество? исключить ихъ было нельзя, не подавши поводъ къ неудовольствію. На замѣчаніе Кантемира насчетъ умѣренности русскихъ требованій Флѣри сказалъ, что теперь Порта, послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ въ Венгріи, не такъ стала склонна къ заключенію мира, и только успѣхи русскаго оружія на Дунайскѣ могутъ усилить эту склонность. Наконецъ Кантемиръ намекнулъ на то, что французскій посоль въ Стокгольмѣ Сень-Северинъ поддерживаетъ тамъ враждебную къ Россіи партію; Флѣри отвѣчалъ, что по всемъ извѣстіямъ изъ Стокгольма никакихъ военныхъ замысловъ съ той стороны опасаться уже нельзя, и С.-Северину сильнѣйшими королевскими указами запрещено вступаться въ домашнія дѣла тамошняго правленія. Кантемиръ въ своихъ первыхъ донесеніяхъ замѣчаетъ, что одинъ только кардиналъ желаетъ примиренія Россіи и Австріи съ Портою, остальные или совершенно равнодушны, или болѣе добра желаютъ невѣрнымъ, чѣмъ христіанамъ. Въ донесеніи отъ 8 ноября Кантемиръ извѣщалъ свой дворъ, по удостовѣренію Амелота, о посылкѣ указовъ къ Вильнёву, чтобъ тотъ внушалъ Портѣ: 1) чтобъ никакой надежды не имѣла на раздѣленіе двухъ союзныхъ дворовъ—петербургскаго и вѣнскаго; 2) чтобъ не ждала отмѣны въ предложенныхъ Россією

условіяхъ; 3) что продолженіе войны можетъ быть для нея опасно, ибо на будущую кампанію могутъ присоединиться къ Россіи и Австріи новые союзники. Амелотъ увѣрялъ Кантемира, что со стороны королевской употребляются всѣ средства для приведенія Порты къ *резонабельному* миру, что онъ самъ, Кантемиръ, не могъ бы сильнѣе дѣйствовать въ интересахъ своей государыни, чѣмъ какъ дѣйствуетъ Вильнѣвъ; но когда Кантемиръ потребовалъ съ французской стороны объявленія Портѣ, что Франція наконецъ будетъ принуждена вступить за цесаря, то Амелотъ отвѣчалъ, что такое объявленіе несогласно съ обязанностию посредника, и что сверхъ того Вильнѣвъ долженъ умѣрять свои рѣчи при такомъ дворѣ, гдѣ пословъ въ тюрьму сажаютъ. Амелотъ изъявлялъ также сожалѣніе, что Русскіе срыли укрѣпленія Очакова и Кинбурна, ибо это разсердитъ Порту, которой обѣщано возвращеніе означенныхъ городовъ съ крѣпостями. Россія настаиваетъ на сохраненіи въ цѣлости для себя Азова на томъ основаніи, что для Татаръ иначе узды не останется; а теперь Турки стануть толковать, что послѣ разоренія Очакова и Кинбурна имъ не будетъ никакой защиты отъ русскихъ козаковъ, и Вильнѣву трудно будетъ теперь настаивать на сохраненіи азовскихъ укрѣпленій. Флѣри говорилъ то же самое. ⁵⁴

На скорый миръ была плохая надежда въ концѣ 1738 года; надобно было ускорить его удачными военными дѣйствіями.

1 марта 1739 года Волынскій, князь Черкасскій и графы Остерманъ и Минихъ подали императрицѣ мнѣніе о военныхъ операціяхъ будущей кампаніи: «При составленіи плана будущей кампаніи надобно обратить особенное вниманіе на требованіе австрійскаго двора и на весь ходъ нашихъ сношеній съ нимъ. Дѣла этого двора находятся теперь въ такомъ слабомъ состояніи, что онъ Туркамъ не можетъ оказать надлежащаго сопротивленія, чѣмъ и заключеніе мира все болѣе и болѣе затрудняется. По извѣстнымъ причинамъ мы отказали цесарю въ присылкѣ вспомогательнаго корпуса, а предложили вмѣсто того значительную сумму денегъ; но цесарь денегъ не принимаетъ, а усиленно проситъ о немедленной присылкѣ вспомогательныхъ войскъ, представляя всю опасность своего положенія. Если мы исполнимъ просьбу цесаря и отправимъ къ нему войско черезъ Польшу, то въ Польшѣ можетъ составиться конфедерація, непріязненные По-

ляки соединятся съ нашими непріателями и тѣмъ приведуть насъ въ затруднительное положеніе; непріатель въ Польшѣ все разорить и тѣмъ отниметь у нашего войска продовольствіе; сомнительно, можно ли будетъ тогда что-нибудь предпринять противъ Хотина.—Съ другой стороны, если не помочь цесарю войскомъ, то онъ можетъ быть сокрушенъ превосходными турецкими силами и принужденъ будетъ заключить отдѣльный миръ, и вся непріательская сила обратится противъ насъ однихъ. Это бы еще не бѣда: и при Карловицкомъ мирѣ Россія была оставлена одна, однако потомъ очень честный и полезный миръ получила; но надобно обратить вниманіе на другія обстоятельства: Франція желаетъ окончанія войны для Австріи, съ которою находится теперь въ дружбѣ, а не для насъ, и еслибы цесарь принужденъ былъ къ отдѣльному миру, то Франція, при продолженіи у насъ войны съ Турціею, вмѣсто того, чтобъ препятствовать Швеціи сблизиться съ Портою, будетъ ей въ томъ помогать, и какъ Шведовъ, такъ и Поляковъ станетъ возбуждать противъ насъ, по старой злобѣ за польскія дѣла, для пользы своей союзницы Швеціи и чтобъ не дать намъ возможности вмѣшиваться въ другія европейскія дѣла. Если мы положимъ на вѣсы всѣ эти соображенія *за* и *противъ*, то едвали не перетянутъ послѣднія, и намъ лучше поднять противъ себя польскую конфедерацію, чѣмъ заставить цесаря заключить отдѣльный миръ. Притомъ еслибы и образовалась въ Польшѣ конфедерація, то она будетъ частная, безъ одобренія короля и Рѣчи Посполитой. Деньгами мы можемъ составить себѣ въ Польшѣ хорошую партію; отъ Швеціи на нынѣшній годъ опасаться нечего, а турецкая и татарская помощь послужитъ только Полякамъ къ разоренію собственныхъ ихъ земель; король польскій намъ доброжелателенъ, и у него много средствъ къ успокоенію Поляковъ; наконецъ Поляки, несмотря на великое съ нашей стороны къ нимъ снисхожденіе, безпрепятственно пропускаютъ нашего непріателя чрезъ свои земли, безпрестанно увѣдомляютъ его о состояніи нашего войска, снабжаютъ его провіантомъ и другими потребностями; однимъ словомъ, даютъ Туркамъ возможность продолжать съ нами войну: противъ такихъ поступковъ надобно взять надлежащія мѣры, на что мы имѣемъ полное право. Поэтому мы думаемъ, что съ главною арміею надобно идти прямо чрезъ Польшу къ Хотину и дѣйстви-

вать смотря по неприятельскимъ движеніямъ; ибо одному корпусу идти черезъ Польшу опасно, а сильной арміи Поляки побоятся и удержатся отъ конфедераціи; съ другою армією, для диверсій, дѣйствовать противъ Крыма и Кубани.»

Императрица согласилась съ этимъ мнѣніемъ, и Минихъ очень довольный отправился въ Украину, гдѣ въ его отсутствіе отбиты были отъ границъ Татары съ большимъ для нихъ урономъ. 21 марта изъ Нѣжина Минихъ писалъ: «Въ нынѣшней мой черезъ Украину проѣздъ могъ я видѣть, что счастливое отбитіе Татаръ такъ ободрило здѣшній народъ, что Орлику трудно будетъ привести въ исполненіе свои планы, составленные на нынѣшнюю кампанію.» Миргородскій полковникъ Капнистъ, бывший свидѣтелемъ впаденія и отбитія Татаръ, увѣрялъ, что ихъ непремѣнно тысячи четыре побито и потонуло, въ томъ числѣ два султана и 30 мурзь. Что планы Орлика не могли быть исполнены, доказательствомъ служить то, что запорожскій кошевой, не распечатывая, переслалъ къ Миниху грамоту, присланную къ нему отъ Орлика. Претендентъ на гетманство свободной Украины писалъ, что онъ избранъ на чинъ гетманскій и въ церкви принесъ присягу стараться всѣми силами и способами любезную отчизну, заднѣвскую Украину, освободить отъ мучительнаго и болѣе, нежели плѣнническаго московскаго подданства; [равнымъ образомъ и все войско запорожское присягнуло на томъ же. «И, продолжалъ Орликъ, стою при своей присягѣ и всѣми силами стараюсь о томъ при пресвѣтлой Портѣ и при господинѣ ханѣ, зная обстоятельно, что вся малороссійская сторона и все запорожское городское войско пришли отъ Москвы въ крайнее разореніе, и не будучи въ состояніи сносить болѣе неслыханныя обиды, возлагаютъ надежду освобожденія только на Божескую помощь и на мое стараніе; не надѣются они болѣе на войско запорожское Низовое, которое, не жалѣя несчастной своей матери отчизны, не трогаясь воплемъ отцевъ, матерей, братьевъ, сестеръ и сродниковъ, наруша свою присягу, отъ меня, вольными голосами избраннаго своего гетмана, отступило и пришло подъ протекцію непризнанной Москвы; мало того, Москву къ себѣ въ Сѣчу допустили, что все равно, какъ бы змѣю у груди своей пригрѣли и этимъ отчизну свою и себя погубили. Такимъ нарушеніемъ присяги со стороны войска запорожскаго могъ бы и я освобо-

даться отъ своихъ присяжныхъ обязательствъ, но не хочу повредить душу и стою при моемъ прежнемъ предпріятіи. Сердечно жалѣю о скорой гибели славнаго войска запорожскаго, такъ что и имени его при Днѣпрѣ не останется: въ прошломъ году, когда послы московскіе, турецкіе и нѣмецкіе вели переговоры въ Немировѣ, то русскіе и нѣмецкіе послы домогались, чтобъ Порта отвела отъ границъ великороссійскихъ и малороссійскихъ ногайскую орду и поселила гдѣ-нибудь подальше, чтобъ Татары разбойническимъ образомъ въ русскія земли не вѣзжали и пріязнь между двумя монархіями не нарушали. Турецкіе послы отвѣчали, что Порта непременно это сдѣлаетъ съ Ногайцами, но потребуетъ, чтобъ то же самое съ русской стороны сдѣлано было съ Запорожцами. На это русскіе послы сказали: Запорожцы плуты и воры, ни вамъ, ни намъ не нужны, ни намъ, ни вамъ, ни Полякамъ вѣрно не служили, отъ нихъ только нарушеніе мира между сосѣдними государствами, и потому наша государыня прикажетъ изъ Сѣчи, или, лучше сказать, разбойническаго гнѣзда, взять къ себѣ кошеваго и нѣкоторыхъ другихъ постоянныхъ козаковъ, остальныхъ же оставить вамъ, что хотите съ ними, то и дѣлайте: или вырубите, или въ плѣнъ заберите, чтобъ только разбойничье гнѣздо на вѣки было искоренено; если же Порта на это не согласится, то императрица наша знаетъ что съ ними сдѣлать. Порта, милосердая надъ войскомъ запорожскимъ, не смотря на то, что оно предъ нею погрѣшило, велѣла меня обнадежить, что она приметъ запорожское войско подъ свою крѣпкую охрану, позволить ему всякіе промыслы и подтвердить его вольности, если я поручусь, что оно впредь будетъ вѣрно и не подастъ никакого повода къ нарушенію мира съ сосѣдними государствами, и я осмѣлился принять на себя это поручительство.»

Но время Дорошенки прошло для Малороссіи безвозвратно; Запорожцы очень недавно возвратились изъ-подъ турецкаго подданства и ихъ нельзя было обмануть фразами о несносныхъ мучительствахъ московскихъ. Скоро Минихъ донесъ въ Петербургъ, что Орликъ находится у Порты и у хана въ худомъ кредитѣ, и живетъ въ одномъ монастырѣ близъ Яссы, что Запорожцамъ, за ихъ вѣрность, выдано денежное и хлѣбное жалованье, и когда пришло извѣстіе, что ханъ послалъ отъ себя возмутительное письмо къ Запорожцамъ, то Минихъ писалъ: «При нынѣшнемъ

походъ Запорожцевъ на судахъ съ генераломъ фонъ-Штофелемъ и сухимъ путемъ и при надежной командѣ въ Сѣчи, никакой опасности отъ нихъ быть не можетъ, и къ Татарамъ пристать имъ не для чего, потому что Татары сами голодны, и кромѣ того здѣсь при мнѣ до 500 человекъ изъ лучшихъ Запорожцевъ.» Но выдача денежнаго жалованья не обошлась безъ неприятныхъ послѣдствій; отправлено было въ Сѣчь 6150 рублей, при чемъ велѣно четыре тысячи отдать публично всемъ козакамъ, а 2150 рублей кошевому и старшинѣ тайно раздѣлить. Такъ и было сдѣлано, но вотъ кошевой Тукала репортуетъ фельдмаршалу, что козаки, зная о полученіи имъ и старшиною особой суммы, напали на нихъ нечаянно и жестоко избили съ немалымъ ругательствомъ и безчестьемъ, и пограбили не только вновь полученные деньги, но и тѣ, которыя у нихъ прежде были. Потомъ пришелъ другой репортъ, что Тукала лишень должности и, лежавъ нѣсколько дней боленъ, умеръ, и на его мѣсто выбранъ Иванъ Омичъ. «Хотя таковыя ихъ запорожскихъ козаковъ поступки, писалъ Минихъ, весьма непристойны и волѣ ея величества противны: однако при нынѣшнихъ обстоятельствахъ ничѣмъ огорчать ихъ нельзя, тѣмъ болѣе, что новый атаманъ человекъ добрый и къ службѣ ревностный.»

28 мая армія перешла чрезъ польскую границу отъ стороны Василькова. 3 іюня, въ лагерѣ на рѣчкѣ Каменкѣ, Минихъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ она требовала «скорѣйшаго марша и всевозможнаго усиленія произведеніемъ неприятелю чувственныхъ какихъ дѣйствъ.» Армія спѣшила къ Бугу четырьмя дивизіями, разными трактами, при чемъ дивизіи не отдалялись одна отъ другой. Къ 27 іюня армія перебралась за Бугъ въ двухъ мѣстахъ, у Константинова и Межибожа. Воспользовавшись тѣмъ, что Турки стянули свои войска къ Хотину, Минихъ послалъ козаковъ захватить и сжечь Сороки и Могилевъ на Днѣстрѣ, что и было исполнено; Минихъ поздравлялъ съ этимъ успѣхомъ императрицу, потому что при разореніи означенныхъ мѣстъ получена была большая добыча деньгами и прочимъ, и войско было ободрено въ началѣ кампаніи. 19 іюля войска перешли черезъ Днѣстръ въ Молдавію; 22 числа, въ четвергъ, сильнѣйшій неприятель напалъ на русскій лагерь передъ деревнею Синковцами, но былъ отбитъ; у Русскихъ было побито 39 че-

ловѣкъ и 112 ранено; при чемъ, по заявленію главнокомандующаго, «люди наши несказанную охоту къ бою оказывали.» 5 августа армія двинулась отъ Днѣстра къ Пруту. Не проходило дня, чтобъ нѣсколько Валаховъ не вступило въ русскую службу, что побудило Миниха разослать манифесты по Валахія для большаго привлеченія ея жителей. Русскіе направлялись къ Хотину; но Турки не хотѣли допустить ихъ къ этой важной крѣпости, и сѣраскиръ Вели-паша съ войскомъ, простиравшимся до 90,000 человекъ, сталъ крѣпкимъ лагеремъ при деревнѣ Ставучанахъ, на большой Хотинской дорогѣ, въ полторѣ мили отъ крѣпости. Кромѣ выгоднаго положенія въ гористой мѣстности, лагерь былъ окруженъ тройнымъ ретраншементомъ со многими батареями, на которыхъ было поставлено до 60 пушекъ и мортиръ; на правой рукѣ непріятель имѣлъ непроходимый густой лѣсъ и горы, передъ собою маленькую рѣчку съ прудами и болотами, слѣва—глубокіе буераки и высокія горы, съ тылу крѣпость Хотинъ; лагерь былъ расположенъ на такомъ возвышеніи, что Русскіе не могли достать до него никакою пушкою. Русская армія уже двое сутокъ была окружена непріателемъ; въ снѣгъ и дровахъ чувствовался недостатокъ, непріятель своими нападеніями не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью, а изъ лагеря Вели-паши была безпрестанная стрѣльба. Фельдмаршалъ призналъ невозможнымъ стоять долѣе на одномъ мѣстѣ и 17 августа рѣшился напасть на непріятельскій лагерь: Турки не выдержали нападенія и бросили лагерь, который достался побѣдителямъ. Извѣщая о побѣдѣ, Минихъ писалъ: «Всемогуцій Господь, Который милостію Своею намъ предводителемъ былъ, всевышнѣйшею Своею десницею защитилъ, что мы чрезъ непріятельскій непрерывный огонь и въ такой сильной баталіи убитыхъ и раненыхъ менѣе 100 человекъ имѣемъ; всѣ рядовые полученной викторіи до полуночи радовались и кричали: виватъ великая государыня! и означенная викторія даетъ намъ надежду къ великому успеху, понеже армія совсѣмъ въ добромъ состояніи и имѣетъ чрезвычайный куражъ.» Не успѣлъ еще Минихъ отослать свое донесеніе, какъ 19 августа сдался Хотинъ.

24 августа Минихъ выступилъ изъ Хотина, 28 и 29 армія перешла Прутъ, направляясь во внутренность Молдавіи; армія шла весело, имѣя обиліе въ фуражѣ и въ съѣстныхъ припасахъ; не-

пріятель былъ пораженъ страхомъ, Турки бѣжали за Дунай, Татары за Днѣстръ. 1 сентября русскій авангардъ вступилъ въ Яссы, и молдавская депутація, явившись въ лагерь къ Миниху, признала русскую императрицу государынею Молдавіи; несмотря на страшное разореніе страны, Молдаване обязались на первый годъ содержать 20,000 русскаго войска, а по прошествіи года вѣрно объявить все государственные доходы; Миниху подарили 12,000 червонныхъ и обязались давать на столъ по 1500 червонныхъ. «Ваше императорское величество соизволите всемилостивѣйше разсудить, писалъ Минихъ, что мы, при выступленіи отъ границъ, провіанта на армію взяли только на три мѣсяца, ибо для возки его съ нуждою упряжку собрать могли, потому же и на мясо скота ничего не взяли: теперь же, подъ моимъ ревностнымъ и счастливымъ приводомъ, до 10 октября провіанта въ запасѣ имѣемъ и еще достать надѣемся, припряжки и скота на мясо съ излишествомъ, отъ непріятеля получили пороху, ядере и свинца болѣе, чѣмъ сколько мы чрезъ всю кампанію издержали и болѣе двухъ сотъ мѣдныхъ пушекъ и мортиръ, славную баталію выиграли, крѣпостями и провинціями овладѣли, гордаго непріятеля усмирили: и потому на великодушную вашего императорскаго величества материнскую милость безсумнѣнную надежду имѣю, что не только симъ даннымъ добровольно мнѣ отъ здѣшнихъ статовъ *граціаломъ*, но и сверхъ того высочайшимъ знакомъ меня пожаловать соизволите, якоже я въ высочайшихъ интересахъ ничего не упущу, и уповаю, что скоро авантажный и славный миръ воспослѣдуетъ. Понеже здѣшняя молдавская земля весьма презрядная и не хуже Лифляндіи, и люди сей земли, видя свое освобожденіе отъ варварскихъ рукъ, приняли высочайшую протекцію съ слезною радостію: поэтому весьма потребно эту землю удержать въ рукахъ вашего величества; я ее со всехъ сторонъ такъ укрѣплю, что непріятель никакъ насъ изъ нея выжить не будетъ въ состояніи; будущію весною можемъ Бендерами безъ труда овладѣть, выгнать непріятеля изъ страны между Днѣстромъ и Дунаемъ и занять Валахію.»

Распорядившись относительно гарнизона и укрѣпленія Яссъ, Минихъ 10 сентября отправился къ арміи, взявши съ собою молдавскіе чины, какъ духовные, такъ и свѣтскіе. Армія уже перешла черезъ Прутъ на буджакскую или бендерскую сторону; по

прибытіи своемъ къ ней, Минихъ 12 сентября отправилъ торжество покоренія Молдавскаго княжества императрицѣ всероссійской: «Молдавскіе статуы оказывали немалую радость, видя такую славную христіанскую армію, которая, какъ они говорили, къ ихъ избавленію пришла.» Обѣдию въ церковномъ наметѣ служилъ молдавскій митрополитъ. 13 числа армія выступила въ походъ, и молдавскіе чины возвратились въ Яссы, обѣщаясь прислать депутатовъ въ Петербургъ. Армія имѣла въ виду «приключить чувствennyй вредъ буджакскимъ Татарамъ и прикрыть Яссы.»

Но въ тотъ самый день, когда Минихъ торжествовалъ покореніе Молдавіи, онъ получилъ «нечаянное и печальное» извѣстіе о заключеніи Австрійцами мира съ Турками, «мира стыднаго и весьма предосудительнаго,» по выраженію Миниха. «Богъ судья римско-цесарскому двору за таковой учиненный къ сторонѣ вашего величества нечаянный злой поступокъ и за стыдъ, который изъ того всему христіанскому оружію послѣдуетъ, и я о томъ понынѣ въ такой печали нахожусь, что не могу понять, какъ тѣсный союзникъ таковымъ образомъ поступить могъ.» Несмотря на то, Минихъ думалъ о продолженіи войны, о новыхъ завоеваніяхъ: «Всеподаннѣйше прошу во всемилостивѣйшую консидацію принять, что съ начала этой войны Турки и Татары нималѣйшаго надъ нами авантажа не имѣли и впредь имѣть не будутъ; не только здѣшніе народы съ неизреченною радостію желаютъ покоренія подъ вашу державу, но и сербскій патріархъ Арсеній слезно проситъ покровительства вашего величества, принося жалобу на слабость цесарскую, что всю ихъ землю подъ иго варварское отдасть»⁵⁵.

Но въ Петербургѣ торопились миромъ. Въ началѣ 1739 года Кантемиръ доносилъ, что у него была конференція съ цесарскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Лихтенштейномъ: читали вмѣстѣ депеши Вильнёва и согласно признали, что въ нихъ видна излишняя склонность къ защитѣ турецкихъ интересовъ; но заключили конференцію тѣмъ, чтобъ французскимъ министрамъ не подавать нималѣйшаго вида насчетъ этого и довольствоваться только изъясненіемъ, что императрица никогда не оставитъ своего союзника и не должно надѣяться отдѣльнаго мира ни съ какой стороны; что укрѣпленія Очакова и Кинбурна вѣрно разорить не по нуждѣ, а для большаго показанія умѣренности со

сторовы Россіи; что Вильнёвъ не долженъ ожидать новаго плана мирныхъ переговоровъ, ибо разореніе крѣпостей не можетъ повести ни къ какому затрудненію, если только Порта имѣетъ прямую склонность къ миру; императрица, увидавъ по опыту, что чѣмъ больше обнаруживаешь умѣренности, тѣмъ больше становится гордость невѣрныхъ, никакихъ новыхъ предложеній дѣлать Портѣ не намѣрена. Дипломаты рѣшили ограничиться этимъ, ибо въ противномъ случаѣ, при обнаруженіи подозрѣнія, боялись, что французское министерство перестанетъ сообщать имъ депеши Вильнёва или, по крайней мѣрѣ, станетъ утаивать все подозрительныя мѣста. Остерманъ замѣтилъ на донесеніи: «Сіе апробуется, ибо показаніемъ хотя малѣйшаго сумнѣнія подлинно такія несходства произойти могутъ.» Флѣри и Амелотъ продолжали увѣрять Кантемира въ ревности своей къ интересамъ союзныхъ императорскихъ дворовъ; Флѣри просилъ его удостовѣрить императрицу, что никогда она не найдетъ ни одного его слова лукавымъ или ложнымъ. Въ апрѣлѣ Кантемиръ доносилъ, что медленность въ отпращиваніи указовъ Вильнёву при обстоятельствахъ, въ которыхъ утрата времени чрезвычайно вредна, подастъ новую причину полагать, что о скорѣйшемъ заключеніи мира здѣсь немного заботятся, хотя на словахъ повседневно о противномъ удостовѣряютъ. «Я и цесарскіе министры прилагаемъ всевозможное стараніе проникнуть въ виды кардинала, но до сихъ поръ въ этомъ удачи имѣть не можемъ. Въ такихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, я, по крайней возможности, умѣряю свои слова, чтобъ не подать никакого повода къ неудовольствію, а если случай потребуетъ сильнѣйшихъ представленій, буду употреблять цесарскихъ министровъ.» Такъ посолъ не сказалъ ни слова ни кардиналу, ни статсъ-секретарямъ, когда узналъ, что изъ Бреста отправляется въ Балтійское море французская эскадра. Потомъ Кантемиръ жаловался на отказъ французскихъ министровъ сообщать ему депеши Вильнёва. «Благосклонность кардинала къ цесарю, писалъ Кантемиръ, не надежна; да еслибъ кардиналъ и дѣйствительно желалъ тѣсной дружбы между своимъ королемъ и цесаремъ, то кардиналъ уже старъ, а всякій другой министръ, его преемникъ, станетъ держаться старыхъ правилъ, основаніемъ которыхъ было униженіе австрійскаго дома. Можно почти смѣло сказать, что здѣшній дворъ охотно бѣ вступилъ съ Россіею въ

тѣсныя обязательства, еслибъ имѣлъ надежду разлучить ее съ цесаремъ»⁵⁶.

Между тѣмъ происходили и непосредственныя сношенія съ Вильнёвомъ. Въ началѣ года Остерманъ писалъ къ нему, что изъ письма его, Остермана, къ кардиналу Флѣри онъ, Вильнёвъ, можетъ усмотрѣть, что императрица отдаетъ полную справедливость ревности и необыкновенному благоразумію, съ какими онъ поступаетъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ; что императрица откровенно сознается, сколько она ему обязана за это, и хотя неутомимыя заботы маркиза до сихъ поръ не имѣли желаннаго результата, однако ея величество надѣется, что Провидѣніе дастъ ему средства счастливо окончить великое дѣло. Турки не хотятъ отдать Азова, выставляя опасеніе, что Россія заведетъ тамъ флотъ и будетъ угрожать имъ Портѣ; но это химера, ибо русскій флотъ, нѣкогда тамъ находившійся, слишкомъ дорого стоилъ Россіи, и она другаго не заведетъ; какъ бы то ни было впрочемъ, императрица готова дать формальное обязательство, что въ Азовѣ не будетъ флота, что Таганрогъ не будетъ возстановленъ. Всѣ опасенія, высказанныя турецкими министрами суть пустыя слова, ибо они сами очень хорошо знаютъ, какъ трудно Россіи предпринять какое-нибудь движеніе для распространенія своихъ границъ насчетъ Порты, не возбудивъ противъ себя европейскихъ державъ, и особенно могущественную Францію. Остерманъ заключаетъ свое письмо увѣреніемъ, что союзъ между Россією и Австрією неразрывенъ и что отдѣльный миръ только съ одною изъ этихъ державъ невозможенъ.

Въ апрѣлѣ сочили нужнымъ еще смягчить условія. Остерманъ писалъ Вильнёву: «Чтобъ заключеніемъ мира не умедлить и удовлетворить требованіямъ своего союзника, ея величество наконецъ на то соизволила, чтобъ всѣ наружныя и другія азовскія крѣпости, кромѣ стѣны и рва, были разорены и впредь никогда не возобновлялись; но ея величество имѣетъ право построить новую крѣпость между Азовомъ и Черкасскимъ островомъ, а Порта будетъ имѣть право построить крѣпость у Кубани въ опредѣляемыхъ ей миромъ границахъ; если же Турки и этимъ будутъ недовольны и будутъ упорно настаивать на совершенное разореніе Азова, то ея величество и на это готова согласиться, пред-

оставляя себѣ только право на устьѣ Дона для безопасности отъ внезапнаго нападенія построить батарею или шанцы»⁵⁷.

Ставучанская побѣда и взятіе Хотина возбудили въ Петербургѣ надежду на скорѣйшее и выгоднѣйшее заключеніе мира, именно надѣялись, что Турки за возвращеніе Хотина уступятъ Азовъ со всѣми укрѣпленіями, какъ вдругъ пришла роковая вѣсть, что союзникъ уже заключилъ прелиминарныя статьи съ Турками. Мы видѣли, что въ концѣ 1738 года между обоими императорскими дворами дѣло шло о присылкѣ вспомогательнаго русскаго корпуса въ Трансильванію для подкрѣпленія здѣсь австрійскихъ войскъ. Но главное затрудненіе состояло въ томъ, что этотъ корпусъ долженъ былъ пройти черезъ Польшу, а Поляки не соглашались пропустить его. Цесарь и министры его были въ страшной досадѣ. Министры говорили Ланчинскому: «Напрасно у васъ обращаютъ вниманіе на сопротивленіе Поляковъ: отъ нихъ былъ бы только шумъ, а на дѣлѣ не воспротивились бы, и прежде пошумѣли за проходъ отъ Бендеръ, да и перестали. Надобно было только коронному гетману и знатнѣйшимъ панамъ роздать деньги. Теперь будутъ двѣ невыгоды: Турки станутъ довѣрять противнымъ Полякамъ, а тѣ поднимутъ головы и станутъ думать, будто и вправду ихъ сопротивленіе такъ сильно и важно, что они одни помѣшали проходу русскихъ войскъ; и то и другое, и теперь и впредь, интересамъ Россіи и Австріи будетъ вредно.» На помощь Ланчинскому съ представленіями о невозможности провести вспомогательный корпусъ чрезъ Польшу, отправленъ былъ въ Вѣну извѣстный намъ баронъ Бракель; но австрійскіе министры были глухи ко всѣмъ представленіямъ, твердили одно, что цесарь не можетъ отстать отъ требованія вспомогательнаго войска, ибо это единственный способъ принудить непріятеля къ миру. Въ іюлѣ Ланчинскій извѣстилъ о кровопролитномъ и для Австріицевъ злосчастномъ бою съ Турками при Гродскѣ; Австріицы потеряли до 6000 убитыми и ранеными; потомъ пришло извѣстіе, что фельдмаршалъ Валлисъ отомстилъ Туркамъ также сильнымъ пораженіемъ и получилъ возможность помочь Бѣлграду, осажденному Турками. Вслѣдъ за тѣмъ графъ Синцендорфъ объявилъ Ланчинскому, что вслѣдствіе предложенія визиря фельдмаршалу Валлису дано полномочіе для заключенія мира, и когда Ланчинскій замѣтилъ, что миръ долженъ быть общій, то Синцендорфъ

отвѣчалъ, что въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, притомъ же Россія имѣетъ при маркизѣ Вильневѣ своего эмиссара. 28 августа получено было въ Вѣнѣ извѣстіе о взятіи Хотина Минихомъ: по этому случаю одинъ изъ министровъ проговорился, что это извѣстіе желательнѣе было бы получить двумя недѣлями раньше; Синцендорфъ выразился въ томъ же смыслѣ, избѣгая дальнѣйшихъ объясненій. Наконецъ 1-го сентября Ланчинскій отправилъ къ своему двору депешу: «Съ неописаннымъ прискорбіемъ принужденъ я донести, коимъ образомъ мирная негоціація, которая въ турецкомъ лагерѣ отправлялась чрезъ генерала Нейберга и толь долгое время содѣлана была въ крайнемъ секретѣ, наконецъ вскрылась зѣло гнило, неслыханно, и такова, что добрая союзничая вѣрность и здѣшняго двора часть повреждена и репутація оружія ногами попрана. Графъ Синцендорфъ съ немалымъ печальнымъ предисловіемъ объявилъ мнѣ: «Принужденъ я о тяжелыхъ погрѣшеніяхъ здѣшнихъ генераловъ говорить и объ ужасныхъ послѣдствіяхъ злосчастнаго при Гродскѣ бою. Прибавить имѣю, что на фельдмаршала Валлиса была великая надежда какъ на искуснаго генерала, а на дѣлѣ оказалъ себя во всемъ такъ плохо, что и говорить о томъ мерзко. Послѣ той акціи, въ которой, противъ всякаго резона, въ тѣсныхъ мѣстахъ употребилъ кавалерію, всё дѣлалъ поперекъ; потомъ началъ переписку съ визиремъ и вздумалъ, что для избѣжанія дальнѣйшихъ потерь, надобно пожертвовать Бѣлградомъ; написалъ объ этомъ сюда и, не дожидаясь отвѣта, созвалъ совѣтъ для избранія генерала въ посылку къ визиру для мирныхъ переговоровъ. Генералъ Нейбергъ изъ неразумной ревности самъ вызвался и принялъ на себя дѣло, котораго не разумѣетъ; а мы и эмиссара посылать не думали.»—«Какъ же, замѣтилъ Ланчинскій, вы сами мнѣ сказали, что посылка генерала Нейберга здѣсь одобрена?»—«Помню, отвѣчалъ Синцендорфъ: но иногда говорится для покрытія; къ тому же нельзя было тогда надѣяться, чтобъ отъ этой посылки были такія злыя и въ свѣтѣ неслыханныя послѣдствія. Визирь отъ Нейберга писемъ пропускать не хотѣлъ, а наконецъ безъ вѣдома и противъ инструкціи Нейбергъ заключилъ срамныя прелиминаріи, а Бѣлградъ очень долго еще могъ стоять.» Ланчинскій спросилъ: «Что же опредѣлено объ Азовѣ?» Синцендорфъ отвѣчалъ уклончиво: «въ конференціяхъ, кромѣ французскаго посла Виль-

нѣва, присутствовалъ и вашъ эмиссаръ Каніони.» На вопросъ Ланчинскаго: «будутъ ли прелиминаріи ратификованы?» отвѣчалъ: «Теперь все въ турецкихъ рукахъ и назадъ идти нельзя, потому что, не ожидая ратификаціи, начали уже укрѣпленія Бѣлграда взрывать: Нейбергъ согласился чтобъ Бѣлградъ очистить и срыть.» Самъ цесарь «съ зѣло прискорбною миною», объявилъ Ланчинскому, что извѣстія изъ Бѣлграда «толь тяжело его проникли и опечалили, что прискорбія своего совершенно изобразить не можетъ; что срамныя прелиминаріи безъ вѣдома и указу его заключены, которыя по необходимой нуждѣ ратификоваль, понеже вспять идти нельзя было, когда, ни мало не описався, начали приводить ихъ въ исполненіе, и былъ бы отъ того вищій вредъ какъ общему, такъ и всего христіанства дѣлу; а еслибъ возможно, тобъ конечно не ратификоваль. Нынѣ уже того переменить нельзя; авослибъ всемогущему Богу угодно будетъ впредь способъ подать сего ко исправленію. Но какъ сіе дѣло учинено безъ его вѣдома и инструкціи, такъ и немедленно оно остро разыскать велѣлъ и докажетъ какъ вначалѣ предъ русскою государынею, такъ и передъ всѣмъ свѣтомъ, что въ семъ срамномъ поступкѣ не имѣетъ никакого участія; надѣется онъ на правосудное сердце русской государыни, что изъ-за этого злосчастнаго случая дружбы своей къ нему не переменить, но болѣе сожалѣть будетъ.» Ланчинскій спросилъ, упоминается ли въ злосчастныхъ прелиминаріяхъ объ интересѣ ея и. в—ства? — «Упоминается, отвѣчалъ цесарь, только не въ такой мѣрѣ какъ надлежало и какъ я желалъ.» Ланчинскій доносилъ: «Отъ ближнихъ придворныхъ слышу, что цесарь никогда такъ прискорбень не былъ: потеря Неаполя, Сициліи, знатной части Миланской области, отдачи Оршовой ему не такъ были чувствительны, какъ нынѣшній случай, и какъ ни старается, не можетъ по ночамъ спать; хотя себя и принуждаетъ къ веселымъ разговорамъ, но прямой отрады получить не можетъ; всякій можетъ видѣть, что въ лицѣ измѣнился; цесарева принимаетъ сильное участіе въ этой печали и нѣсколько дней уже нездорова.» Въ газетахъ было объявлено, что заключеніе генераломъ Нейбергомъ прелиминаріи сдѣлано безъ вѣдома и прямо вопреки указу цесаря. Это успокоило народъ, начавшій сильно роптать; но когда разнеслось, что для окончательнаго заключенія мира первымъ полномочнымъ назна-

ченъ тотъ же Нейбергъ, то ропотъ возобновился, появились подметныя письма, почему удвоены были въ Вѣнѣ караулы по ночамъ и приняты мѣры, чтобъ войска могли немедленно задавить мятежъ; но все обошлось спокойно ⁵⁸.

Во Франціи, говоря о прелиминаріяхъ австрійскаго сепаратнаго мира, обнаруживали предъ Кантемиромъ крайнее изумленіе, непониманіе дѣла; но Кантемиръ писалъ къ своему двору: «Не трудно разсудить, что это приключеніе такъ согласно съ ихъ намѣреніемъ, что еслибы сами объ немъ старались, то лучшаго успѣха получить не могли. Раздѣленіе двухъ союзническихъ дворовъ было всегда ихъ главною цѣлю. Кажется, главное намѣреніе кардинала состоитъ въ томъ, чтобъ всю Европу держать въ постоянномъ смущеніи, и тѣмъ удобнѣе усиливать свою власть при всѣхъ дворахъ и въ мутной водѣ рыбу ловить. О намѣреніи его раздѣлить Россію съ Австріею вновь мнѣ сообщено въ крайнемъ секретѣ тосканскимъ посланникомъ, которому кардиналъ самъ внушалъ, что всѣ несчастія цесарскаго двора происходятъ отъ союза съ Россіею ⁵⁹.

Но какъ бы то ни было, русское правительство не хотѣло одно продолжать войну, несмотря на то, что Турки представили еще новое условіе, именно, чтобъ азовскій округъ остался пустымъ. Вильнёвъ заключилъ миръ условно съ предоставленіемъ русской государыни права отвергнуть его. Для окончанія дѣла отправленъ былъ въ Турцію извѣстный уже здѣсь Вешняковъ. Когда онъ убѣждалъ Вильнёва измѣнить нѣкоторыя условія договора въ пользу Россіи, обѣщая за это высокое удовольствіе и достойные знаки благодарности со стороны императрицы, то французскій посоль отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ доброжелательствѣ къ Россіи и въ своихъ крайнихъ стараніяхъ соблюсти ея интересы, — но по обстоятельствамъ онъ не могъ достигнуть всего, чего бы желалъ. «Главныя причины неудачи, говорилъ Вильнёвъ, заключались въ дурномъ положеніи дѣлъ и поступкахъ вашихъ союзниковъ; главные лица при вѣнскомъ дворѣ заботятся не о государственныхъ, а о своихъ собственныхъ интересахъ, оттого тамъ господствуетъ совершенный раздоръ между всѣми, чему я самъ былъ свидѣлемъ: всѣ генералы въ арміи одинъ другаго злословили передо мною; поступки вѣнскаго двора становятся день ото дня непопнятнѣе: такъ безо всякихъ причинъ сталъ онъ давать Туркамъ

великія выгоды.» Миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ остался за Россією, но укрѣпленія его должно было срыть, окрестности его должны были остаться пустыми и служить раздѣленіемъ между обѣими имперіями; но Россія получала право построить крѣпость на донскомъ островѣ Черкасѣ, а Порты построить себѣ крѣпость на Кубани. Таганрогъ не могъ быть возобновленъ и Россія не могла имѣть кораблей на Черномъ морѣ, могла торговать на немъ только посредствомъ турецкихъ судовъ. Большая и Малая Кабарды остались свободны и должны были отдѣлять обѣ имперіи другъ отъ друга.

Вешняковъ добивался, чтобъ въ договорѣ вмѣсто Московской имперіи было поставлено: Россійская; переводчикъ Порты и согласился было, но рейсъ-эффенди объявилъ, что хотя можно и надобно сдѣлать эту перемѣну, но если не знающіе въ сералѣ услышать объ ней, то подумаютъ, что договоръ заключенъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, а не съ русскою государынею. Вешняковъ обратился къ переводчику Порты съ просьбою, чтобъ помогъ ему исполнить нѣкоторыя желанія двора своего, напримѣръ, чтобъ султанъ согласился давать русской государынѣ императорскій титулъ. Гика клялся Христовымъ именемъ, что визирь и рейсъ-эффенди охотно исполнили бы желанія императрицы, видя такое снисхожденіе съ ея стороны; но что сдѣлаешь съ здѣшнимъ невѣжественнымъ и гордымъ народомъ, который никакъ не можетъ понять, чтобъ кто-нибудь могъ оказать ему добро не по нуждѣ, заключаетъ поэтому, что и Россія дѣлаетъ уступки по нуждѣ. Императорскаго титула русской государынѣ Порты не можетъ дать потому, что даютъ его государства мелкія: Швеція, Данія, Венеція, Голландія, Гамбургъ, папа, а главные государи—цесарь, короли французскій, испанскій, англійскій и польскій не даютъ; еслибъ цесарь или Франція признали титулъ, то и Порты признала бы его немедленно. Тщетно Вешняковъ возражалъ, что султанъ самъ собою великій государь, образца ни отъ кого не требуетъ, ни отъ какой державы не зависитъ, честь его требуетъ показать другимъ образецъ собою; цесарь даетъ русской государынѣ автократорскій титулъ, который почти равенъ императорскому и причтенъ только русской государынѣ, ибо никто такихъ высочайшихъ преимуществъ не имѣетъ; другіе государи зависятъ отъ чиновъ и парламентовъ, отъ совѣтовъ и инквизицій,

употребляютъ всѣ свои силы и хитрости, чтобъ имъ противоборствовать: но русская императрица никому отчета въ дѣйствіяхъ своихъ не даетъ. Турки не спорили противъ этого, но все же предоставили вопросъ о титулѣ будущему времени. Вешняковъ доносилъ, что и французскій посоль никакъ не въ состояніи переломить упорство Турокъ. Вильнёву были благодарны и за то, что онъ сдѣлалъ: Вешняковъ вручилъ ему вексель въ 15,000 ефимковъ, а «сожительницѣ его посольшѣ» брилліантовый перстень. Перстень былъ принятъ, но отъ векселя посоль отказался, говоря: «Когда будетъ все окончено, и тогда время не уйдетъ.» Вешняковъ намекнулъ на Андреевскій орденъ; посоль пропустилъ этотъ намекъ безъ вниманія; но въ разговорѣ съ посольшею наединѣ, Вешняковъ уразумѣлъ, что ордена желаютъ. Вешняковъ отзывался о Вильнёвѣ такъ: «человѣкъ уже въ лѣтахъ, добраго нрава, ума не первокласнаго, но здраваго разсужденія, правдивъ; а чтобъ французскій министръ былъ доброхотнѣе и откровеннѣе съ нами, чѣмъ съ Турками — этого нѣтъ и требовать невозможно, ибо было бы противно французскимъ интересамъ.»

Въ 1740 году отправился въ Константинополь бывалый тамъ человѣкъ, генераль Александръ Румянцевъ, для выполненія условія объ отправленіи съ обѣихъ сторонъ торжественныхъ великихъ посольствъ. О новыхъ отношеніяхъ Румянцева къ правительству можно получить понятіе изъ письма его къ императрицѣ съ дороги изъ Кіева: «Вашего императорскаго величества высочайшій и всемилостивѣйшій указъ я здѣсь со всеподданнѣйшимъ и рабскимъ респектомъ со всесердечною радостію имѣлъ честь принять, усмотря изъ онаго вашего императорскаго величества высочайшую и неизрѣченную къ себѣ милость, что бѣдной женѣ моей, въ небытность мою на пропитаніе двѣ тысячи рублей денегъ пожаловать соизволили, а мнѣ жъ всеподданнѣйшему и всепослѣднѣйшему рабу въ Москвѣ каменный домъ князя Алексѣя Долгорукаго въ вѣчное владѣніе пожаловали; и сія высочайшая милость ко мнѣ сотворена съ единаго своего высокомонаршескаго и материнскаго милосердія, кромѣ всякихъ моихъ рабскихъ бѣдныхъ службъ. Подвергая себя и всю мою бѣдную фамилію предъ высочайшій вашего императорскаго величества маестетъ, всенижайшее мое рабское благодареніе привошу съ та-

ковымъ моимъ всеподданнѣйшимъ общаніемъ, что сію высочайшую милость ничѣмъ инымъ заслужить не могу, кромѣ излитія остатней капли крови моея⁶⁰.

Кончилась турецкая война, стоившая Россіи 100,000 человекъ и огромныхъ денежныхъ суммъ. Что же дѣлалось во время ея внутри Россіи и на окраинахъ, которыя не переставали сильно озабочивать правительство?

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Анны Иоанновны.

Кабинетъ.—Сенатъ.—Коллеги.—Областное управленіе.—Войско.—Срокъ дворянской службы.—Распоряженіе объ отставныхъ безпомѣстныхъ людяхъ.—Рекрутскіе наборы.—Флотъ.—Финансы.—Промышленность.—Длительность Татищева на сибирскихъ горныхъ заводахъ.—Крестьяне.—Первый банкъ.—Правосудіе.—Полиція.—Пожары.—Повальные больницы.—Разбои.—Иправы и обычаи.—Образованіе.—Кадетскій корпусъ.—Академія наукъ.—Россійское собраніе.—Тредіаковскій.—Манкіевъ.—Татищевъ.—Кантемиръ.—Феофанъ Прокоповичъ; его послѣднія борьбы и кончина.—Духовенство.

Мы видѣли, что въ 1731 году былъ учрежденъ кабинетъ для лучшаго отправления дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію императрицы. Тайныя дѣла еще прежде были взяты у сената и переданы въ особую канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и въ январѣ 1734 года велѣно главной полиціймейстерской канцеляріи быть въ дирекціи одного кабинета;⁶¹ въ сентябрѣ 1739 года принадлежащія кабинету дѣла велѣно росписать по экспедиціямъ «дабы впредь конфузіи происходить не могли»⁶². По смерти канцлера графа Голловкина, Остерманъ назывался *первымъ* кабинетъ-министромъ. Жалованья кабинетъ-министры получали по 6000 рублей. Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ; но сначала думали, или, вѣроятноже, хотѣли заставить думать, что это переселеніе временное, и потому только часть сенаторовъ была взята въ Петербургъ, другая оставлена въ Москвѣ, здѣсь же оставлена и тайная канцелярія; но уже въ августѣ 1732 года тайная канцелярія переведена была въ Петербургъ, въ Москвѣ только оставлена ея контора⁶³. Въ ноябрѣ 1732 года оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ подавъ репортъ: нынѣ въ Петербургѣ сенаторовъ семь человекъ, только пользаго собранія никогда не бываетъ, и рѣдко случается, чтобъ

было три или четыре человека, обыкновенно же по два, прочие же не присутствуют одни за болѣзнію, другіе за дежурствомъ при дворѣ, иные обязаны другими дѣлами, и хотя къ отсутствующимъ дѣла посылаются на домъ, однако за болѣзнями дѣлъ слушать и резолюцій крѣпить не могутъ, которыя же государственныя дѣла требуютъ основательнаго разсужденія, по такимъ безъ общаго собранія заочно согласить очень трудно.» Между прочимъ Масловъ доносилъ, что вотчинная глава новаго уложенія сочинена опредѣленными въ Москвѣ членами, а въ Петербургѣ не слушана за всегдашнимъ неполнымъ сенатскимъ собраніемъ, и такимъ образомъ остановилось 209 государственныхъ дѣлъ, да 289 челобитчиковыхъ ⁶⁴. Вѣроятно вслѣдствіе этого представленія въ іюнь 1733 года велѣно оставшимся въ Москвѣ сенаторамъ со всею канцеляріею быть въ Петербургѣ и присутствовать въ общемъ собраніи, въ Москвѣ же оставить отъ сената контору, въ которой изъ сенатскихъ членовъ быть генералу и оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову; онъ долженъ былъ имѣть то же самое значеніе, какое имѣлъ съ 1723 года оставшійся въ Москвѣ сенатскій членъ, т.-е. первенствующее значеніе ⁶⁵.

Сенаторы переѣхали въ Петербургъ съ старою привычкою съѣзжаться поздно въ засѣданіе и разѣзжаться рано; въ 1733 году императрица «накрѣпко повелѣла» съѣзжаться въ сенатъ всѣмъ въ одно время, именно въ семь часовъ пополуночи, и оставаться пять часовъ, до перваго часа пополудни. ⁶⁶ Въ 1737 году сенаторы положили съѣзжаться въ 8 часовъ пополуночи, а уѣзжать въ часъ пополудни ⁶⁷. Члены коллегій и канцелярій не смѣли уѣзжать изъ своихъ мѣстъ, пока сенаторы присутствовали въ сенатѣ ⁶⁸. Но въ 1739 году опять указъ, въ которомъ говорится, что сенаторы пріѣзжаютъ не въ указные часы, очень поздно, уѣзжаютъ рано, а нѣкоторые рѣдко и ѣздятъ; поэтому велѣно съѣзжаться по регламенту и сидѣть до втораго часа пополудни, и для самыхъ нужныхъ дѣлъ съѣзжаться и пополудни въ четвертомъ, а выѣзжать въ седьмомъ часу ⁶⁹. Сначала велѣно было кандидатовъ въ городовые воеводы и въ секретари къ разнымъ дѣламъ представлять для утвержденія въ кабинетъ; но въ началѣ 1734 года сенату возвращено было право опредѣлять воеводъ и секретарей безъ представленія императрицы ⁷⁰. Въ 1736 году императрица донесли, что въ Москвѣ не только въ

коллегіяхъ и канцеляріяхъ, но и въ сенатской конторѣ дѣла рѣшаются не только медленно, но и большею частію «по партикулярнымъ страстямъ»; графу Салтыкову присланъ былъ указъ: «При отъѣздѣ нашемъ, во всемилостивѣйшей на васъ надеждѣ, нарочно для того васъ оставили въ Москвѣ, чтобъ накрѣпко смотрѣть, дабы дѣла во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ порядочно отправлялись: поэтому мы обо всемъ этомъ съ великимъ неудовольствіемъ узнали, и нынѣ накрѣпчайше вамъ подтверждается смотрѣть, чтобъ дѣла не проволакивались, особенно же, чтобъ правосудіе безо всякихъ взятокъ вездѣ отправлялось; если же вашимъ несмотрѣніемъ и нерадѣніемъ впредь такіе же непорядки происходятъ и судьи дѣла по страстямъ рѣшать будутъ, то вы за то предъ нами въ отвѣтъ будете»⁷¹. Въ 1736 г. возобновлено было учрежденіе Петра Великаго, чрезвычайный или высшій судъ вслѣдствіе просьбы князя Константина Кантемира, что дѣло его съ мачихою о четвертой ея части послѣ мужа рѣшено неправо. Членами суда были назначены: адмиралъ графъ Головинъ, оберъ-штабмейстеръ князь Куракинъ, оберъ-егермейстеръ Волинскій, гофмаршалъ Шепелевъ и генераль-полицеймейстеръ Салтыковъ; въ судѣ присутствовала сама императрица; судъ списывался съ кабинетомъ сношеніями, а въ сенатъ, коллегіи и всѣ прочія мѣста посылали указы⁷². Вышній судъ нашель, что дѣло въ сенатѣ было рѣшено неправильно, и обвиненъ былъ оберъ-секретарь сенатскій, зачѣмъ не представлялъ сенаторамъ о неправильности ихъ разсужденій, и если представлялъ, зачѣмъ не записалъ своихъ представленій въ журналъ⁷³.

Сенаторовъ понуждала сама императрица добросовѣстнѣе исполнять свою должность, пріѣзжать не поздно и уѣзжать не рано; а сенаторы, въ свою очередь, слали строгіе указы въ коллегіи противъ позднихъ прикомовъ и равныхъ выходовъ ихъ членовъ, предписывали послѣднимъ пріѣзжать и уѣзжать по регламенту, ибо прокуроры жаловались, что *интересныя* (денежныя) и о колодникахъ дѣла отправляются медленно, составленіе счетовъ и репортовъ идетъ слабо⁷⁴. Въ 1737 году коллегіямъ возвращено право штрафовать губернаторовъ, «дабы губернаторы въ порученныхъ имъ дѣлахъ, въ сборахъ и по посланнымъ указамъ въ отвѣтахъ прилежно и рачительно поступали»⁷⁵.

За то губернаторамъ дано было право штрафовать своей гу-

берніи воеводъ, если который изъ нихъ также законныхъ причинъ не представитъ. Въ 1733 году изданъ былъ указъ о должности губернскаго прокурора ⁷⁶: «Смотрѣть ему накрѣпко, дабы губернаторъ съ товарищи должность свою хранили и въ званіи своемъ истинно и ревностно, безъ потери времени, всѣ дѣла порядочно отправляли; также смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ канцеляріи не на столѣ только дѣла вершились; смотрѣть, чтобъ въ судахъ и расправахъ праведно и нелицемѣрно поступали, а ежели что увидитъ противное этому, долженъ тотчасъ предлагать губернатору съ товарищи съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они не такъ дѣлають, и они обязаны исправить; если же не послушаютъ, то прокуроръ долженъ протестовать письменно, дѣло остановить и немедленно письменно генераль-прокурору донести, а губернаторъ съ товарищи должны себя очищать и въ сенатъ обстоятельно писать. Прокуроръ долженъ имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ губернаторъ съ товарищи всѣмъ доходамъ имѣлъ окладную книгу, и чтобъ всѣ доходы собирались на опредѣленные сроки сполна безъ доимки, также чтобъ всякіе откупы и подряды дѣлались порядочно, безъ потери времени, къ лучшей казенной пользѣ; смотрѣть, чтобъ въ губернской канцеляріи колодниковъ долговременно и безъ рѣшенія дѣлъ не держали; долженъ всѣ доношенія, отъ кого бы ни были, касающіяся интересовъ ея величества, принимать и по нимъ инстиговать, и если гдѣ будетъ пренебрежено и опущено, немедленно доносить генераль-прокурору, и «единымъ словомъ, сей чинъ око генераль-прокурора въ той губерніи.» Если же въ чемъ помянуть, или иначе должность свою вѣднѣемъ и волею преступить, то смертію казнецъ, или съ вырѣзаніемъ ноздрей въ вѣчную работу сосланъ и всего стяжанія лишень будетъ». — Въ этомъ указѣ упоминаются товарищи губернаторскіе: изъ резолюціи кабинетъ-министровъ на докладъ сената 1736 года узнаемъ, что товарищи при губернаторахъ и вице-губернаторахъ уже опредѣлены, но такъ какъ жалованье и ранги имъ не назначены, то теперь положено, впредь до сочиненія штата, давать имъ по 300 рублей въ годъ и быть имъ въ рангѣ коллежскихъ совѣтниковъ ⁷⁷. Въ 1737 году губернаторы получили право, не описываясь въ сенатъ, опредѣлять воеводъ и воеводскихъ товарищей, дабы въ дѣлахъ не было остановки, а по опредѣленіи писать въ сенатъ ⁷⁸.

Мы видѣли, что когда дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, то Москва была поручена родственнику императрицы, генералу сенатору графу Семену Андреевичу Салтыкову; видѣли, что императрица была не очень довольна управленіемъ Салтыкова; въ 1739 году сенату данъ былъ указъ: «Понеже мы Москву, яко первую и главнѣйшую въ государствѣ губернію, генераль-губернаторомъ паки снабдить, и къ такому чину особливо при происшедшихъ въ оной губерніи донынѣ упущеніяхъ и для поправленія оныхъ знатную особу опредѣлить заблаго и потребно разсудили: того ради мы къ тому нашего генераль-фельдмаршала князя Трубецкаго, будучи надежны на его ревностное и прилежное въ томъ радѣніе, избрать соизволили, и потому опредѣлили ему быть въ Москвѣ генераль-губернаторомъ и присутствовать ему въ сенатской тамъ конторѣ, такъ какъ онъ здѣсь въ сенатѣ былъ»⁷⁹.

Два царствованія — Екатерины I и Петра II прошли мирно, если не считать незначительныхъ военныхъ движеній въ странахъ прикавказскихъ; но въ царствованіе Анны Россія вела двѣ тяжелыя войны, и потому мы въ правѣ ожидать усиленной дѣятельности правительства относительно военнаго устройства. Постоянная вооруженная сила еще не привыкла себя сдерживать среди мирнаго народонаселенія и своими часто безнаказанными насиліями вызывало самоуправство со стороны послѣдняго: въ указѣ 1732 года императрица жалуется, что боярскіе люди и изъ другихъ чиновъ, также компанейщики въ Москвѣ нападаютъ и дерутся съ гвардейскими солдатами, увѣчат и даже убиваютъ ихъ⁸⁰. Военная коммиссія, бывшая подъ предѣдательствомъ Минниха, распорядилась, что съ января 1732 года жалованье русскихъ офицеровъ сравнено было съ жалованьемъ иностранныхъ офицеровъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ. Несмотря на то, русскіе люди продолжали всѣми средствами отбывать отъ военной службы. Въ 1732 году правительство должно было объявить, что многіе недоросли у герольдмейстера не явились и въ службу не опредѣлены, живутъ въ домахъ своихъ праздно; также многіе изъ морскаго флота, изъ гвардіи и арміи штабъ-и оберъ-офицеры отставлены молодые, а къ герольдмейстеру не отосланы и къ дѣламъ никуда не опредѣлены⁸¹. Недоросли изъ дворянъ, отбывая отъ службы, занисывались въ купечество: въ 1736 году велѣно од-

ного такого недоросля взять изъ купечества и отдать въ солдаты въ гарнизонъ, а съ бурмистровъ и секретаря Ратуши, которые его записали въ купечество, взять 100 рублей штрафа.⁸² Въ томъ же году правительство объявило, что многіе офицерскіе, дворянскіе, солдатскіе, рейтарскіе, козачьи, пушкарскіе и всякихъ служилыхъ людей дѣти подъ разными видами кроются, а нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ дворовую службу къ разнымъ чиновнымъ людямъ и переходятъ изъ города въ городъ, дабы званіе свое утаить и тѣмъ отъ службы отбыть; отъ такихъ людей впередъ никакого добра ожидать нельзя, ибо праздность всему злу есть корень, что и на самомъ дѣлѣ обнаруживается: многіе изъ нихъ уже пойманы на воровствахъ и въ другихъ дурныхъ дѣлахъ. Для малолѣтнихъ велѣно учредить школы, чтобы всѣ служилыхъ отцовъ дѣти, имѣя надежное пропитаніе, обучались, кто къ какимъ наукамъ склонность имѣетъ, дабы современемъ не только государству могли быть полезны, но и сами себѣ тѣми науками пропитаніе снискать могли; но они отъ наукъ бѣгутъ и сами себя губятъ⁸³.

Но никакія мѣры противъ отбыванія отъ службы не помогали, и потому сочли необходимымъ удовлетворить всеобщему желанію дворянства, ограничить срокъ военной службы и дать возможность нѣкоторымъ вовсе не вступать въ нее. Въ представленіи, поданномъ въ кабинетъ неизвѣстно кѣмъ, говорилось: «Въ отлученіи всего шляхетства отъ своихъ домовъ, всѣми ихъ домами и деревнями владѣютъ прикащики и старосты, которые не порядками своими помѣщиковъ и крестьянъ разоряютъ, шляхетство своимъ фамиліямъ вспоможенія учинить не можетъ, а въ крестьянскихъ сборахъ доимки, крестьяне помѣщикову и свою пашню заускаютъ, въ воровствахъ и разбояхъ являютя, тюрьмы таковыми вездѣ наполнены. Надобно опредѣлить двойное число оберъ-офицеровъ и росписать въ полки пополамъ, отпустить одну половину въ дома безъ жалованья, а другой половинойъ быть три года въ полку неотлучно. При томъ не соизволено ли будетъ нѣкоторое опредѣленное время положить, сколько въ военной и штатской службѣ быть, а потомъ отставлять: тобъ всякій съ прилежаніемъ и охотою службу свою отправлялъ въ такой надеждѣ, что ежели Богъ въку его продолжить, будетъ имѣть время деревнями своими довольствоваться и веселиться и эконо-

мін свои исправлять; а изъ сего еще польза: 1) особливыхъ офицеровъ и солдатъ на вѣчныхъ квартирахъ держать не для чего; но всякій помѣщикъ вначалѣ въ своихъ деревняхъ порядочный сборъ подушныхъ денегъ установить и деревни въ лучшее состояніе привести можетъ. 2) Охранены будутъ крестьяне отъ воеводскихъ и приказныхъ лишнихъ сборовъ и нападковъ. 3) Можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить. 4) Крестьянъ отъ воровства удерживать не потребны будутъ сыщики, отъ которыхъ не меньше офицерскаго бываетъ обывателямъ разоренія.» Мы знаемъ, что первая половина проекта не была новостію: такъ распоряжались, хотя на другихъ основаніяхъ, при Екатеринѣ I; но теперь предпочли вторую половину, и въ послѣдній день 1736 года изданъ былъ манифестъ, составившій эпоху въ исторіи русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка: «Всемилоствѣйше указали мы, для лучшей государственной пользы и содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень, слѣдующій порядокъ учинить: 1) Кто имѣеть двухъ или болѣе сыновей, изъ оныхъ одному, кому отецъ заблагоразсудить, оставаться въ домѣ для содержанія экономіи; также которые братья родные два или три, не имѣя родителей, пожелаютъ оставить въ домѣ своемъ для смотрѣнія деревень и экономіи, кого изъ себя одного, въ томъ давать имъ на волю; но чтобъ тѣ оставшіеся въ домахъ довольно грамотѣ и по послѣдней мѣрѣ ариѳметикѣ обучены были, дабы оные въ гражданской службѣ годны были. 2) Прочіе всѣ братья, сколь скоро къ воинской службѣ будутъ годны, должны вступитъ въ военную службу. Но понеже какое время былъ въ воинской службѣ, по сіе время опредѣленіе было не учинено, и отставляются весьма старые и дряхлые, которые, пріѣхавъ въ свои дома, экономію домашнюю, какъ надлежитъ, смотрѣтъ уже въ состояніи не находятся: и для того всѣмъ шляхтичамъ, отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ, быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ воинской службѣ отъ 20 лѣтъ возраста своего 25 лѣтъ, а по прошествіи 25 лѣтъ всѣхъ, хотя кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять съ повышеніемъ одного ранга и отпускать въ дома, а кто изъ нихъ добровольно больше служить пожелаетъ, такимъ давать на ихъ волю. 3) Которые шляхтичи, за болѣзнями или ранами, по свидѣтель-

ствамъ явятся къ службѣ неспособны, могутъ быть отставлены и отпущены въ дома свои и до урочныхъ лѣтъ. А понеже нынѣ съ Турками война, то отставлять по вышеписанному только по окончаніи войны»⁸⁴.

Въ началѣ слѣдующаго 1737 года былъ изданъ дополнительный указъ: всѣмъ недорослямъ отъ семи лѣтъ являться и записываться въ Петербургѣ у герольдмейстера, а въ Москвѣ и губерніяхъ у губернаторовъ, которые по окончаніи каждаго года присылаютъ свои записныя книги къ герольдмейстеру; потомъ недоросли должны явиться въ другой разъ, когда имъ минетъ 12 лѣтъ, при чемъ должны быть обучены чтенію и письму, и если отецъ или родственники пожелаютъ обучать ихъ долѣе въ своихъ домахъ, то позволять, только съ обязательствомъ, чтобъ къ слѣдующему смотру были обучены закону Божию, ариѳметикѣ и геометріи основательно; если же отецъ или родственники такого обязательства взять на себя не захотятъ, то записывать дѣтей, по ихъ склонности, въ государственныя академіи и другія школы. Третій смотръ въ 16 лѣтъ: тутъ недоросли могутъ являться только въ двухъ мѣстахъ—въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ въ Сенатѣ ихъ свидѣтельствуютъ, и если окажется, что ариѳметикѣ и геометріи они обучены основательно, а родители и родственники пожелаютъ и долѣе обучать ихъ въ домахъ, то отпускать ихъ до двадцатилѣтняго возраста, но опять съ подпискою, чтобъ обучались географіи, фортификаціи и притомъ исторіи; если же родители или родственники такой подписки не дадутъ, то брать дѣтей и опредѣлять до урочныхъ лѣтъ въ государственныя академіи для обученія географіи, фортификаціи и исторіи; и которые на смотрѣ съ 16 лѣтъ явятся болѣе способными къ гражданской службѣ, такихъ опредѣлять въ эту службу по усмотрѣнію Сената. Тутъ же на смотрѣ въ 16 лѣтъ родители и родственники должны указать тѣхъ недорослей, которыхъ хотятъ оставить дома для экономіи, и на послѣдній смотръ ихъ представлять уже не обязаны. Если на смотрѣ въ 16 лѣтъ недоросли окажутся необученными, то ихъ опредѣлять въ матросы безъ выслуги, не исключая и тѣхъ, которые будутъ назначены оставаться дома для хозяйства по имѣнію, потому что имъ ариѳметику и геометрію особенно знать нужно для порядочныхъ счетовъ въ домашней экономіи, для землемѣрія и защиты правъ своихъ, чтобъ не укло-

няться по невѣжеству въ богомерзкія ябеды, отъ которыхъ происходятъ напрасные убытки и разоренія; да и какой пользы въ домашней экономіи можно ожидать отъ того, кто никакого радѣнія не показалъ при изученіи такихъ нетрудныхъ и полезныхъ наукъ. Въ 20 лѣтъ послѣдняя явка въ герольдіи для опредѣленія въ военную службу, и тѣ, которые болѣе успѣли въ наукахъ, должны быть скорѣе другихъ произведены въ чины, въ награду за прилежаніе⁸⁵. По поводу этихъ указовъ сенать въ 1737 году сообщилъ въ кабинетъ, не повелѣно-ль будетъ указомъ ея величества выбрать недорослей изъ шляхетства въ сенать, коллегіи и канцеляріи для обученія приказныхъ дѣлъ и содержать ихъ такимъ образомъ: изъ недорослей отъ 15 до 17 лѣтъ, умѣющихъ читать и писать, за которыми не меньше 100 душъ, выбрать въ сенать, а за которыми не меньше 25 душъ, въ коллегіи и канцеляріи, чтобъ они могли не только опредѣленнымъ имъ жалованьемъ, но и своими собственными доходами содержать себя честно, чисто и неубого; къ тому же между канцелярскою должностію обучаться и другимъ наукамъ, приличнымъ шляхетству и гражданству, чѣмъ могутъ подать и другимъ охоту искать опредѣленія въ статскіе чины. Хотя они опредѣлятся сначала въ кописты и жалованье копистское будутъ получать, но должны называться дворянами сенатской канцеляріи, или дворянами такой-то коллегіи или канцеляріи, чѣмъ могутъ прудать другимъ охоты и отвесить отъ себя нареканія и уничиженія приказныхъ людей (т.-е. какъ мы думаемъ, нареканіе и уничиженіе, связанное съ должностію приказныхъ людей). Жалованье получаютъ годъ копистское, два года подканцеляристское, два года канцеляристское, а во прошествіи 5 лѣтъ, достойныхъ производить въ секретари. Если въ теченіи этихъ пяти лѣтъ нѣкоторые окажутся неспособными къ гражданству, такихъ отсылать въ Военную коллегію для опредѣленія въ военную службу. Кабинетъ отвѣчалъ, что такъ какъ по этому предмету довольно указовъ издано, то не слѣдовало бы и требовать мнѣнія отъ кабинета. Несмотря на то, кабинетъ согласенъ съ представленіемъ сената, только съ такимъ изъясненіемъ: чтобъ выбраны были къ тѣмъ дѣламъ люди достойные, грамотъ довольно знающіе и чисто писать умѣющіе; чтобъ они, въ бытность свою при дѣлахъ въ первые годы хотя и не будутъ называться копистами, подканцеляристами и канцеляристами, однако должно-

сти свои исправляли какъ и другіе, въ томъ имѣть за ними крѣпкое смотрѣніе, и если по окончаніи перваго же года явится достоинъ, такого вести далѣе, въ противномъ случаѣ отсылать немедленно въ Военную Коллегію для опредѣленія въ полевые полки въ солдаты ⁸⁶.

По окончаніи войны охотниковъ воспользоваться закономъ о двадцатипятилѣтнемъ срокѣ явилось слишкомъ много; подавали просьбы объ отставкѣ молодые люди, едва достигшіе тридцати лѣтъ, но записанные въ полки 10 или 12 лѣтъ и съ тѣхъ поръ считавшіе годы своей службы ⁸⁷. Это заставило правительство (7 августа 1740 года) распорядиться, чтобъ отставки какъ отъ военной, такъ и отъ гражданской службы давались только въ сенатѣ, при чемъ генераль-прокурору, князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, было предписано «смотрѣть накрѣпко, чтобъ вмѣсто немощныхъ здоровые, вмѣсто экономіи для одной праздности отъ службы никто освобожденъ не былъ. Поставлено на видъ, что указъ 31 декабря 1736 года касается только тѣхъ, которые въ продолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно, какъ вѣрнымъ рабамъ и честнымъ сынамъ отечества надлежитъ, а не такихъ, которые всякими способами отъ прямой службы отбывали и время втуне проводить искали.» Генераль-прокурору велѣно было поступать по слѣдующимъ пунктамъ, которые онъ долженъ былъ держать въ секретѣ: 1) Прежде отставки подлинно освѣдомиться о прямыхъ офицера лѣтахъ. 2) Смотрѣть, чтобъ начало службы сочтено было отъ 20 лѣтъ, и то если кто съ того же года и служить началъ, ибо еслибы кто и прежде 20 лѣтъ былъ записанъ въ службу, то этого ему какъ малолѣтнему зачтено быть не можетъ; если же вступилъ въ службу старше 20 лѣтъ, то считать съ года вступленія въ дѣйствительную службу. 3) Разсмотрѣть, просящіеся въ отставку дѣйствительно ли и порядочно ли при арміи служили и свои чины отъ солдатства службою своею и прямымъ порядкомъ получали; также освѣдомиться о домашнихъ ихъ нуждахъ, до экономіи касающихся, и только тогда отставлять. 4) Если будутъ проситься въ отставку такіе, которые хотя военными слыли, однако военную службу при арміи дѣйствительно не отправляли и въ прошедшихъ войнахъ ни при какихъ потребахъ не бывали, а по лѣтамъ и здоровью своему служить въ состояніи—такихъ не отставлять, ибо несправедливо было бы, чтобъ они съ прямо заслуженными людьми при

семь случаев в равенствѣ быть могли. 5) Чтобъ тѣ, которые по прошествіи 25 лѣтъ порядочной службы хотя объ отставкѣ просить и будутъ, а по лѣтамъ и здоровью служить еще въ состояніи и люди достойные, къ продолженію равностной своей службы были поощрены, переменять ихъ однимъ чиномъ, не взирая на ихъ къ производству линію. 6) Раньше 55 лѣтъ отъ рожденія не отставлять тѣхъ, которые въ военной службѣ не бывали, и въ однихъ статскихъ чинахъ служили, развѣ такіе явятся, которые никакой службы отправлять будутъ не въ состояніи ⁸⁸.

Таковы были распоряженія относительно войска, оставленнаго старою, допетровскою Россіею, служилыхъ людей, обязанныхъ за свои помѣстья являться на службу по первому призыву правительства. При новомъ порядкѣ вещей они были призваны къ постоянной службѣ, и тутъ явились новыя условія: во первыхъ, необходимость приготовленія къ службѣ, образованіе; во вторыхъ, необходимость дѣленія на двѣ службы—военную и гражданскую съ различными приготовленіями къ обѣимъ; въ третьихъ, являлся вопросъ объ экономіи, объ управленіи недвижимою собственностію, огромное количество которой было сосредоточено въ рукахъ этихъ служилыхъ людей. Надобно слѣдовательно дѣлить ихъ на три части: одна идетъ въ военную, другая въ гражданскую службу, третья должна оставаться для управленія имѣніями; для послѣдней же цѣли сокращается и срокъ службы.

Для землевладѣльцевъ сокращается срокъ службы, чтобъ они, еще съ свѣжими силами, могли приняться за управленіе своими имѣніями; но что дѣлать съ тѣми, которые, по выходѣ изъ службы, не имѣютъ чѣмъ управлять, не имѣютъ, куда головы приклонить? Петръ Великій назначилъ такимъ убѣжища въ монастыряхъ; но въ русскомъ войскѣ находилось много иностранныхъ офицеровъ, которые за старостию и ранами отставлялись отъ службы и не имѣли средствъ пропитанія. Въ 1732 году Военная коллегія спросила у сената, что дѣлать съ такими офицерами, потому что имъ при монастыряхъ для пропитанія *по ихъ законамъ* быть нельзя. Сенатъ отвѣчалъ: «Въ томъ никакого предосужденія нѣтъ, потому что получать будутъ пропитаніе по указамъ, а до вѣры ихъ въ томъ не касается» ⁸⁹. Въ описываемое время придумано было еще средство давать пропитаніе отставнымъ служилымъ людямъ. Въ указѣ 1736 года говорится, что при царяхъ Михаилѣ и Алексѣ

учреждены были въ новгородскомъ, въ бѣлогородскомъ, сѣвскомъ, казанскомъ, симбирскомъ и другихъ разрядахъ служилые люди прежнихъ службъ, и дана имъ помѣстная земля по ихъ окладамъ, съ которой они конную и пѣшую службу служили и пограничныя мѣста охраняли безъ жалованья; а теперь служащіе въ арміи и гарнизонахъ унтеръ-офицеры и рядовые, не имѣя надежды, что они по отставкѣ отъ службы собственное пропитаніе имѣть будутъ, и смотря на другихъ свою братью отставныхъ, безъ опредѣленія шатающихся, не такъ ревностно службу управляютъ, а многіе и бѣгаютъ, на разбояхъ и въ воровствахъ являютъ. Поэтому мы указали: отставныхъ отъ службы за ранами, болѣзнями и старостію унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и нестроевыхъ селить близъ границъ на пустыхъ мѣстахъ, и именно: по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ, на оставшихся отъ поселенія волжскихъ козаковъ и въ другихъ между Царицынымъ и Астраханью мѣстахъ; въ казанской губерніи, въ пригородкахъ— Старомъ и Новомъ Шешминскѣ, Занскѣ, Тинскѣ, Ермелинскѣ, Билярскѣ, по рѣкѣ Кондурчѣ, начавъ отъ закамской линіи до городка Краснаго Яра и въ другихъ около Башкирцевъ мѣстахъ. Отводить земли на каждую семью отъ 20 до 30 четвертей, при чемъ давать сеуды каждой семьѣ отъ 5 до 10 рублей. Этими землями владѣть имъ, женамъ и дѣтямъ ихъ вѣчно, но въ приданое за дочерьми не отдавать, также не продавать и не закладывать. Послѣ кого останется сына два или три и больше, изъ нихъ отцовскую землю наследовать одному, ему же кормить братьевъ малолѣтныхъ, и которые изъ нихъ возмужаютъ и поспѣютъ въ службу, тѣмъ отводить особые участки. При неимѣннн сыновей дочери наследницы, но съ своимъ недвижимымъ приданымъ должны выходить замужъ за солдатскихъ же дѣтей. Когда эти поселенія отчасти умножатся, то при нихъ церкви построить, священниковъ и церковныхъ причетниковъ искусныхъ и ученыхъ опредѣлить, при церквахъ учредить школы для обученія солдатскихъ дѣтей читать и писать, обучать же ихъ тѣмъ священникамъ и церковникамъ, за что опредѣлить имъ указную плату; а кто изъ дѣтей пожелаетъ обучаться высшимъ наукамъ, такихъ отсылать въ гарнизонныя школы и обучать тѣмъ наукамъ, къ которымъ окажутъ склонность^ю. Въ началѣ 1739 года сенатъ сообщилъ въ кабинетъ, что по разнымъ губерніямъ отставныхъ

находится 4152 человекъ, но желающихъ получить землю въ указанныхъ мѣстахъ явилось только шесть человекъ. На это сообщеніе послѣдовала высочайшая резолюція; изъ этихъ 4152 человекъ, которые не очень дряхлы и надежда есть, что могутъ жениться и дома свои содержать, всѣхъ отправить на поселеніе въ означенныя мѣста, и впредь всѣхъ отставныхъ солдатъ туда же посылать⁹¹. По мысли правительства, выраженной въ приведенномъ указѣ, дѣти поселенцевъ должны были учиться въ своихъ сельскихъ и гарнизонныхъ школахъ; та же обязанность указомъ 1738 года была распространена и на всѣхъ солдатскихъ дѣтей: обрѣтающихся въ школахъ солдатскихъ дѣтей, которыя отъ 15 лѣтъ и выше, всѣхъ опредѣлить въ гарнизонные и полевые полки въ солдаты; а оставшихся затѣмъ школьникомъ обучать чтенію, письму и другимъ наукамъ; непонятливыхъ обучать разнымъ художествамъ и ремесламъ, какія при полкахъ потребны⁹². Позаботились и о вдовахъ оберъ-офицерскихъ, не имѣющихъ пропитанія: ихъ велѣно опредѣлить въ женскія монастыри бѣлицами, но только такихъ, которымъ не менѣе 50 лѣтъ, если увѣчны и собственнаго пропитанія не имѣютъ⁹³.

Рекрутъ собирали со всѣхъ, положенныхъ въ подушный окладъ, кромѣ дворянъ воронежской, кievской, казанской и астраханской губерній, потому что изъ этихъ дворянъ учреждались ландмилицкіе полки; кромѣ сибирскихъ жителей, изъ которыхъ набирались тамошніе полки, и наконецъ кромѣ слободъ, приписанныхъ къ екатеринбургскимъ заводамъ, потому что отсюда, вмѣсто военной службы брали въ ученики къ горнымъ дѣламъ и для охраненія заводовъ⁹⁴. Подтверждалось въ указахъ, чтобъ рекрутъ набирали порядочно, чтобъ офицеры принимали ихъ у плательщиковъ безъ всякихъ волокитъ, въ простомъ платьѣ, какое у него случится, и никакихъ бы взятокъ и приметовъ не было; но правительство признавалось, что несмотря на жестокия наказанія, несмотря на то, напримѣръ, что въ 1701 году капитанъ Аладчениновъ съ подчиненными за взятки отъ приѣма рекрутъ, по военному суду, лишенъ былъ офицерскаго чина, битъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланъ на вѣки въ каторжную работу, — приметки и волокиты при приѣмѣ рекрутъ продолжаютъ, вымогаютъ такого мундира, который принуждены покупать дорогою цѣною, также берутъ взятки деньгами и съѣстными при-

пасами; нѣкоторые наборщики не принимали объявленных въ рекруты людей, а принуждали ставить именно дѣтей и братьевъ зажиточныхъ крестьянъ, чтобъ вымучить себѣ больше денегъ. Правительству оставалось только повторять и усиливать свои угрозы.

Въ 1732 году подано было въ кабинетъ мнѣніе, какъ видно отъ Миниха, о порядкѣ сбора рекрутъ. Авторъ записки говоритъ, что въ настоящее время наборъ дѣлается такимъ образомъ: велѣно, наиримѣръ, набрать 16,000 человекъ; эти 16,000 раздѣляются на провинціи и губерніи по пропорціи душъ мужескаго пола, и приходится на 320 душъ поставить одного рекрута; 320 человекъ крестьянъ соглашаются кого-нибудь покупать въ рекруты, чтобъ никому изъ нихъ своего брата или сына не поставить; собирается для этого съ каждаго двора по три или по четыре гривны, и на каждаго рекрута придется отъ 100 до 120 рублей, а съ другими подмогами отъ 170 до 180 рублей, и, взявши среднее число 150 рублей, со всѣхъ крестьянъ, обязанныхъ ставить рекрутъ, придется отъ двухъ до трехъ милліоновъ. Такими великими деньгами (какихъ не дается во всей Европѣ, гдѣ крестьяне побогаче Русскихъ) занимается бобыль, ни къ чему негодный, часто пьяница, больной или увѣчный; если же такого нѣтъ, то крестьяне ищутъ какого-нибудь бѣглаго мужика или бурлака. Такимъ образомъ деньги отнимаются у лучшихъ крестьянъ и отдаются негоднымъ бурлакамъ, армія, флотъ и артиллерія снабжаются самыми дурными рекрутами; въ другихъ европейскихъ государствахъ годному и добровольному человекъ даютъ задатку по 3, 4 или по 5 рублей, а въ Россіи отъ 150 до 200 даютъ негоднымъ, которыми безопасность имперіи и спокойствіе народа охранены быть не могутъ. Причины, почему въ Россіи такъ мало охотниковъ идти въ солдаты или матросы, почему такое отвращеніе отъ военной службы, что бѣгаютъ, пальцы себѣ срубаютъ и большими деньгами откупаются, суть слѣдующія: 1) во время тяжелой двадцатилѣтней шведской войны каждая семья должна была отдать въ рекруты брата или сына, и не одного, и всѣ эти рекруты погибли на войнѣ или, по крайней мѣрѣ, домой не возвратились; 2) отъ непріятеля столько людей не побито, сколько погибло отъ дурнаго распоряженія офицеровъ, наиримѣръ при строеніи петербургской крѣпости и ладожскаго канала въ первые годы; 3) но главная причина та, что солдаты изъ военной

службы не отпускаются до глубокой старости или увѣчья, такъ что когда они приходятъ домой, то роднымъ ни въ чемъ помогать не могутъ и принуждены питаться отъ ихъ милостыни: отсюда бѣгство крестьянъ отъ военной службы за границу, такъ что многія провинціи точно войною или моровымъ повѣтріемъ разорены. Зло можетъ искорениться слѣдующимъ образомъ: когда, напримѣръ, 320 душъ обязаны поставить одного рекрута, то между ними переписываются всѣ молодые и здоровые люди отъ 15 до 30 лѣтъ, исключая тѣхъ домовъ, гдѣ находится одинъ сынъ или братъ или родственникъ или приемышъ; потомъ бросается жребій, и на кого падетъ, тотъ безъ отговорки идетъ въ службу; чтобъ онъ шелъ охотнѣе, дается ему 10 рублей деньгами отъ крестьянъ, а изъ Военной Коллегіи выдается увѣрительное письмо, что если онъ прослужитъ 10 лѣтъ рядовымъ и не получитъ повышенія или самъ не захочетъ долѣе служить, то ему непременно дана будетъ отставка. Чтобъ меньше было нужды въ рекрутахъ и народу было облегченіе, надобно прилежно прискивать всѣхъ солдатскихъ и матроскихъ дѣтей и обучать въ гарнизонныхъ и другихъ школахъ, а потомъ записывать въ солдаты и матросы; они крестьянскаго житія въ деревняхъ не знаютъ, и съ молодости получаютъ охоту къ солдатской жизни, изъ нихъ будутъ лучшіе рекруты⁹⁵.

Въ апрѣлѣ 1733 года кто-то подалъ въ кабинетъ записочку: «Слышно, что доимочныхъ рекрутъ выбираютъ съ 726 года, а надлежало бы съ 719; эта доимка оставлена напрасно, ибо подлинно извѣстно, что многіе рекрутскіе подрядчики, собрали немалыя деньги, сами сколько лѣтъ корыстуются, а въ казну ни рекрутъ, ни денегъ не платятъ, и потому велѣтъ сенату справиться, для чего эта доимка безъ разсмотрѣнія оставлена и, справясь, подать вѣдомость. Доимку эту выбирать надобно лучше деньгами, которыя, по разсмотрѣнію, можно вмѣнить и въ подушный недоборъ, потому что рекрутъ довольно будетъ; а подрядчиковъ тѣ сами, кто имъ сдавалъ, могутъ показать по обнародованіи указовъ.» Вслѣдствіе этого изданъ указъ: «Рекрутскую доимку съ 719 по 726 годъ велѣтъ выбирать деньгами по 20 рублей за человѣка»⁹⁶.

Извѣстно, что со временъ Петра Великаго на Украинѣ существовалъ гусарскій полкъ, составленный изъ Сербовъ; въ послѣд-

ствіи тяжесть низоваго или персидскаго похода уменьшила въ немъ число людей, такъ что въ 1733 году Сербовъ оставалось только 197 человекъ; по докладу генерала Вейсбаха въ этомъ году вѣрно было ему сдѣлать новый вызовъ Сербовъ въ русскую службу ⁹⁷.

Мы видѣли, какъ шляхетство, помѣщики воспользовались закономъ о двадцатипятилѣтнемъ срокѣ и ринулись въ отставку. Для простыхъ солдатъ не было срока службы, и потому они избывали ее побѣгами. Въ 1732 году считалось въ бѣгахъ 20,000 человекъ солдатъ ⁹⁸. Побѣги, кромѣ другихъ причинъ, могутъ объясняться и изъ слѣдующаго указа, даннаго въ 1736 году завѣдывавшему генеральнымъ кригсъ-коммиссаріатомъ, тайному совѣтнику Новосильцеву: «Хотя такъ многократными жесточайшими указами подъ штрафомъ лишенія живота тебѣ подтверждено съ генеральнымъ кригсъ-коммиссаріатомъ наиприлежнѣйшее о томъ попеченіе имѣть, дабы армія наша мундиромъ и всѣми потребными аммуничными вещами съ крайнѣйшимъ поспѣшеніемъ снабдена и всѣ въ томъ донинѣ великіе недостатки поправлены были, однако къ величайшему нашему неудовольствію нынѣ вновь изъ полученныхъ отъ фельдмаршала Лесія доношеній усмотрѣть принуждены, что его команды полки еще донинѣ во всѣхъ потребныхъ вещахъ крайнѣйшую нужду имѣютъ, и въ весьма мизерномъ и сожалѣнія достойномъ состояніи находятся: все то отъ оплошнаго кригсъ-коммиссаріата присмотра и старанія происходитъ. И ты, боясь Бога, самъ разсудить имѣешь, коль безответно есть, что отъ вашей оплошности бѣдный солдатъ такія крайнія нужды, особливо при безпрестанныхъ его трудахъ претерпѣваетъ» ⁹⁹.

Съ учрежденія регулярной конницы, драгуновъ военныя тяжести увеличались еще сборомъ лошадей: драгунскія лошади собирались и теперь съ государства со всѣхъ чиновъ, съ духовныхъ и свѣтскихъ, съ 370 душъ по одной лошади, считая лошадь съ поставкою и кормомъ не болѣе 20 рублей ¹⁰⁰. И тутъ правительство должно было грозить смертію за взятки. Въмѣсто поставки, натурою позволено было платить по 20 рублей за лошадь ¹⁰¹.

Мы видѣли, что рѣшено было поддерживать флотъ, и потому въ 1732 году въ соотвѣтствіе комиссіи о приведеніи въ добрый

порядокъ сухопутнаго войска, учреждена была коммиссія для приведенія въ добрый порядокъ и флота подъ дирекцію графа Остермана: «понеже въ содержаніи флота и морской нашей силы не меньше нужды, пользы и безопасности государства нашего состоитъ»¹⁰². Адмиралы и вице-адмиралы обязаны были представить въ кабинетъ письменныя мнѣнія о лучшемъ содержаніи флота¹⁰³. Коммиссія просила прежде всего императрицу опредѣлить—были ли флоту въ такомъ числѣ судовъ, какое положено Петромъ Великимъ? На это послѣдовала резолюція: имѣть стараніе, чтобъ сперва привести флотъ въ положенное число 27 кораблей линейныхъ, фрегатовъ 6, паромовъ 2, бомбандирныхъ 3, пакетботовъ 8¹⁰⁴. Въ томъ же году была издана инструкція о разведеніи и посѣвѣ корабельныхъ лѣсовъ, также о ихъ сбереженіи и рубкѣ¹⁰⁵. По Волгѣ велѣно было удалить Чувашъ и Черемисъ изъ сосѣдства подчищенныхъ и посѣянныхъ дубовыхъ рощей¹⁰⁶.

Двѣ войны, слѣдовавшія одна за другою въ продолженіи семи лѣтъ, должны были потребовать отъ бѣднаго государства сильныхъ пожертвованій, и легко понять, что строгость, съ какою правительство взыскивало доимки въ началѣ царствованія Анны, когда не было войны, не могла смягчиться въ военное время. Въ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборахъ съ 1720 по 1732 годъ было въ доимкѣ: въ московской губерніи 1.944.039 рублей; въ новгородской 1.306.270; въ бѣлгородской 420.438; кievской 36.959; нижегородской 54.243; казанской 495.613; астраханской 483.044; архангельской 921.214; воронежской 326.806; сибирской 120.879; смоленской 140.996; въ петербургской акцизной камерѣ 7.056.036. 29 мая 1733 года камерь-коллегіи прокуроръ Мельгуновъ репортовалъ, что въ 1732 году надлежало въ губерніяхъ и провинціяхъ таможенныхъ, кабацкихъ и прочихъ доходовъ въ сборѣ быть 2.439.573 рубля, а по присланнымъ репортамъ тѣхъ доходовъ явилось въ сборѣ только 186.982 рубля, а остальные сполна ли въ сборѣ и что въ доимкѣ осталось — неизвѣстно, потому что изъ многихъ губерній и провинцій репортовъ не прислано. Губернаторамъ и воеводамъ, отъ которыхъ репортовъ не прислано, послано въ прошломъ 732 году и въ нынѣшнемъ году по 12 указовъ, и сверхъ того подано на нихъ въ сенатъ три доношенія и по опредѣленіямъ сенатскимъ послано три указа, велѣно тѣхъ губернаторовъ и воеводъ за не-

присылку рапортовъ держать подь карауломъ, а секретарей и подьячихъ въ оковахъ; но и послѣ этого рапортовъ все же не прислано ¹⁰⁷. Въ томъ же 1733 году императрица объявила о своемъ немаломъ неудовольствіи на то, что трудъ Петра Великаго относительно введенія порядка въ сборѣ доходовъ и отчетности является напраснымъ, указы его не исполняются; по плану Петра, она возстановила ревизіонъ-коллегію и снабдила ее регламентомъ, по которому коллегія должна была имѣть вышнюю дирекцію въ свидѣтельствѣ и въ ревизіи счетовъ о всѣхъ государственныхъ доходахъ и расходахъ, какого бы они званія ни были, начиная съ 1732 года ¹⁰⁸. Тогда же учреждена была генеральная счетная комиссія ¹⁰⁹, которая должна была провѣрить всѣ счета съ 1719 по 1732 годъ. Вслѣдъ за тѣмъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ особеннаго доимочнаго приказа, потому что съ 1720 по 1732 годъ болѣе семи милліоновъ въ доимку запущено отъ несмотрѣнія и нерадѣнія генераль-губернаторовъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, воеводъ, приказныхъ людей и самой камеръ-коллегіи ¹¹⁰. Въ 1734 году доимочному приказу велѣно было, доправивши сполна всю доимку на должникахъ, расписать штрафъ на губернаторовъ, воеводъ и приказныхъ людей, по небреженію которыхъ доимка была запущена, расположа на всѣхъ не меньше какъ по десяти процентовъ на годъ ¹¹¹. Надѣялись большихъ выгодъ отъ генеральной счетной комиссіи, и жестоко обманулись: въ ней было семь членовъ, экзекуторъ, пять секретарей, 88 подьячихъ, четверо сторожей, всего 105 человекъ, но результаты дѣятельности ея оказалась ничтожны: до 1736 года она рассмотрѣла 78 счетовъ, на сумму 2.204.712 рублей, и начетовъ явилось только 1152 рубля, тогда какъ на жалованье служащимъ и канцелярскіе расходы тратилась ежегодно большая сумма. Не-выгодное учрежденіе упразднили, замѣнивъ небольшою конторою, которая должна была находиться въ вѣдѣніи ревизіонъ-коллегіи ¹¹². Въ 1734 году съ дворцовыхъ селъ и волостей приходилось взять 134.842 рубля, а взято только 84.485 рублей; управители и крестьяне объявляли, что доходовъ взыскать нельзя за всеконечную скудостію, за недородомъ хлѣба и за побѣгомъ крестьянъ; изъ нѣкоторыхъ волостей присланы были образчики хлѣба, какимъ принуждены питаться крестьяне ¹¹³. Неутомимый взыскатель доимокъ и преслѣдователь сенаторскихъ непорядковъ, оберъ-прокуроръ

Анисимъ Масловъ, умеръ въ концѣ 1735 года; но передъ смертію донесъ императрицѣ о злоупотребленіяхъ, которыя позволялъ себѣ президентъ коммерцъ-коллегіи, баронъ Шафировъ, и товарищи его сенаторы: «Всѣмъ неурядкамъ и воровству причина та, писалъ Масловъ, что въ ревизію ни откуда не присылаютъ счетовъ, а сенатъ за это не взыскиваетъ, потому что изъ сенаторовъ господинъ баронъ Шафировъ, который теперь самый сильный въ сенатѣ голосъ имѣеть, самъ счетовъ коллегіи своей уже три года не отправляетъ въ ревизію. О прочихъ многихъ неурядкахъ и упущеніяхъ, особливо барона Шафирова и тайнаго совѣтника графа Головкина, напримѣръ о конечномъ упущеніи монетныхъ дворовъ теперь по причинѣ болѣзни своей пока ваше величество не утруждаю; но такъ какъ эти господа знаютъ, что я молчать не буду, то составляютъ противъ меня совѣты, и трудятся уже нѣсколько дней, не только пересылаясь между собою по дѣламъ, но и въ сенатѣ совѣтуются, высылая вонъ оберъ-секретаря и секретарей»¹¹⁴. Въ 1736 году опять было замѣчено, что всѣ сборы запускаются въ доимку слабостію губернаторовъ, воеводъ и сборщиковъ, и пошли имъ указы, чтобъ на 1736 г. всѣ сборы были доставлены безъ доимки, въ противномъ случаѣ недвижимыя имѣнія ихъ будутъ конфискованы безповоротво; если же Военная и Камеръ-Коллегія будутъ слабо смотрѣть за губернаторами и воеводами, то всѣ доимки и недоборы будутъ взысканы на этихъ коллегіяхъ¹¹⁵. Въ 1739 году новыя жалобы правительства на доимки, которыя приписываются прямо злоупотребленію правительственныхъ лицъ; указъ написанъ, какъ видно, съ цѣлію оправдать верховное правительство въ виду страшныхъ жалобъ на разореніе отъ безошаднаго взысканія доимокъ: «Всѣмъ извѣстно, какая высочайшая милость къ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ показывана, а именно въ прошломъ 1730 году подушныя деньги на майскую треть, а потомъ въ 1735 году на первую половину года со всего государства сложены, всего близъ 4000000 рублей. Однакожь видя такую высочайшую милость, о платежѣ такой доимки ни мало не старались и размножили на себя великія суммы, въ чемъ не иной кто причиною, но вначалѣ знатныя персоны, а на нихъ смотря или и воровя имъ, губернаторы и воеводы и опредѣленные къ такимъ сборамъ управители. Что же касается о таковой же доимкѣ на нашихъ дворцовыхъ и приписныхъ къ ка-

зеннымъ разнымъ заводамъ, такожь и цесаревны Елисаветы Петровны и синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ и имеретинской царевны вотчинахъ, то ежели бѣ бывшіе въ нихъ управители, прикащики и старосты порядочно поступали и взятковъ съ крестьянъ не брали, тобъ такой великой доимки на оныхъ вотчинахъ быть не могло; ибо заподлинно мы увѣдомились, что оныя управители не о доходахъ государственныхъ старались, но всегда о своемъ обогащеніи вымышляли, какъ бы имъ несправедливую корысть получить, и для того изъ взятковъ крестьянамъ по-такали, и отъ времени до времени отсрочивали, а крестьяне, не разумѣя ихъ такой хитрости и не разсуждая того, что такія отсрочки къ крайнему разоренію привести ихъ могутъ, давали имъ не малые посулы. Иныя же управители крестьянамъ представляли, что такіе доимки могутъ съ нихъ современемъ вовсе сложены быть, и на то собирая съ нихъ великія суммы, себѣ похищали, а ихъ отъ времени до времени обнадеживали: и тако бѣдное крестьянство, отъ такихъ вымышленныхъ имъ послаблений и обмановъ вовсе разоряются и доимки на нихъ годъ отъ года умножаются и ежели исчислить такія съ нихъ за отсрочку въ доимкахъ взятки, когда бѣ онѣ прямо въ казну нашу доходили, а не у такихъ плутовъ въ рукахъ оставались, то бы всеконечно на крестьянахъ не такая бѣ великая доимка оставалась. А понеже такихъ великихъ доимокъ складывать отнюдь невозможно, для того, что ежели оную доимку сложить, то тѣмъ только польза быть можетъ, которые упрямствомъ своимъ и ослушаніемъ такихъ податей не платили, а напротивъ того другіе, которые съ краивимъ своимъ изнеможеніемъ упомянутыя подушныя деньги сполна платили, останутся обижены, ибо того, что они заплатили, изъ казны имъ возвратитъ будетъ невозможно, да и сверхъ того войска наши въ жалованьи и въ прочемъ могутъ претерпѣть крайнюю нужду. Того ради во всенародное извѣстіе объявляемъ, что мы всемилостивѣйшее намѣрненіе имѣемъ нашимъ вѣрнымъ поданнымъ впредь особливую нашу милость показать, кромѣ складыванія доимокъ, дабы нашею милостию всѣ равно пользоваться могли, а на складываніе доимокъ надежды нималой не имѣли»¹¹⁶. Въ самомъ началѣ 1740 года подтверждено было взысканіе доимокъ на основаніи прежнихъ распоряженій. Относительно уплаты доимокъ слышались сильныя жалобы на монастыри.

Въ 1736 году предсѣдатель коллегіи экономіи донесъ, что на архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ большая доимка. По указу императрицы велѣно было заплатить ее въ два мѣсяца; но указъ не былъ исполненъ. Коллегія экономіи представила объ этомъ синоду; синодъ приказалъ заплатить немедленно, а пока не будетъ уплачено, въ монастыряхъ властямъ на свои властелинскія мѣста въ церквахъ не становиться. Но и послѣ этого доимки не только не были заплачены, но еще умножились. Коллегія экономіи послала офицеровъ для взысканія доимокъ; но до конца 1739 года доимка все еще не была заплачена. На Савинѣ Сторожевскомъ монастырѣ оставалось доимки 20415 рублей. Предсѣдатель коллегіи экономіи оканчивалъ свое донесеніе объ этомъ такъ: «Приказные и страпчіе тѣхъ монастырей хотя и содержатся скованы подъ карауломъ, точію они власти то задержаніе ни во что вмѣняютъ»¹¹⁷.

Что касается расходовъ, то въ 1734 году на содержаніе двора выходило 260000 рублей; на содержаніе императорской конюшни 100000; въ комнату принцессы Анны Леопольдовны 6000; пенсіи вдовствующей маркграфинѣ бранденбургской Маріи Доротей, сестрѣ покойнаго герцога курляндскаго, мужа императрицы 10000; пенсіи вдовствующей герцогинѣ Саксенъ-Мейнингской Елисаветѣ Софіи, свекрови императрицы 10000; пенсіи другой сестрѣ покойнаго герцога курляндскаго, герцогинѣ Елеонорѣ Брауншвейгъ-Бевернской 12000; пенсіи вдовствующей княгинѣ Амаліи Луизѣ 10000; царю грузинскому Вахтангу Леоновичу и брату его царевичу Симеону 29111; въ Коллегію иностр. дѣлъ на министерскія, курьерскія и калмыцкія дачи 102200; въ двѣ академіи—Наукъ и Адмиралтейскую 47371; въ медицинскую канцелярію 16006; въ адмиралтейство 1200000; въ артиллерію 370000; лейбъ-гвардіи на 4 полка 402112; лейбъ-гвардіи на московскій отставной баталіонъ 13176; на мекленбургскій корпусъ 13249; на полки низоваго корпуса, которые на подушный сборъ не положены 422520; на содержаніе полевыхъ драгунскихъ шести полковъ 175557; нерегулярному войску 141525; кабинетъ-министрамъ, сенаторамъ, коллежскимъ президентамъ, членамъ и прокурорамъ 96082; приказнымъ и нижнимъ служителямъ 153688; на расходы по учрежденіямъ 17072; канцелярскимъ таможеннымъ да портовымъ служителямъ и оберъ-директору 14332; въ московской полиціи и въ

В комиссіяхъ членамъ, офицерамъ и приказнымъ служителямъ 9748; служащимъ въ провинціяхъ 36525; геодезистамъ и школьнымъ учителямъ 4500; въ губерніяхъ и провинціяхъ на канцелярскіе расходы и на прогоны 14465; арестантамъ и ссыльнымъ кормовыхъ 1746; въ ревельской губерніи и въ Выборгской провинціи и въ Нарвѣ съ привозной заморской соли, которые отсылаются въ соляную контору (?) 14792; ружникамъ, придворнымъ протодьякону, уставщику и пѣвчимъ, жалованье нищимъ и на отопленіе богадѣленъ 41876; на пенсіонныя дачи 38096; на строенія 236813; сумма — 4040570 ¹¹⁸. Сюда должно прибавить 3767015 рублей подушнаго сбора, шедшаго на армію ¹¹⁹.

Прибѣгали къ разнымъ средствамъ уменьшенія расходовъ и увеличенія доходовъ: въ 1732 году сенатъ подалъ императрицѣ доношеніе: въ 1730 и 1731 годахъ фельдмаршалъ Минихъ доносилъ, что работы по Ладожскому каналу счастливо окончены и требовалъ вложенія на проходящія этимъ каналомъ суда и платы пошлинъ, объявляя, что пошлинъ съ судовъ и кабаковъ будетъ достаточно для произведенія всѣхъ остальныхъ работъ, равно какъ для содержанія канала и выкладки береговъ его дикимъ камнемъ. Но потомъ, въ прошломъ же 1731 году потребовалъ на достройку слюзовъ 50,000 рублей, объявляя опять, что этими деньгами и пошлинами исправятся всѣ дѣлкіи по каналу, почему и отпущены ему требуемые 50,000 рублей. Но въ нѣвѣстномъ 1732 году фельдмаршалъ представилъ новое требованіе—110000 рублей на ту же достройку канала: отпущено 50,000, а остальныхъ 60,000 не отпущено по неимѣнію денегъ: «Понеже, писалъ сенатъ, тѣмъ каналомъ уже другой годъ всякія суда со всякими припасами проходятъ свободно, и такой нужды, чтобъ какія вдругъ многія работы великимъ коштомъ исправлять, быть не разсуждается, того ради не соизволите ли ваше императорское величество повелѣть то канальное дѣло за неимѣніемъ нынѣ денежной казны, оканчивать по прежнимъ его генераль-фельдмаршала представленіямъ на одни только сборныя при каналѣ пошлинныя и прибыльныя деньги и сверхъ того придать еще ладожскіе таможенныя и кабацкіе доходы, которыхъ имѣеть быть на годъ больше 40,000 рублей.» При этомъ сенатъ приложилъ вѣдомость, изъ которой оказывалось, что каналъ съ 1718 года стоилъ казнѣ 2,459,900 рублей.—На доношеніе сената императрица

отвѣчала приказаніемъ отпустить 60,000 рублей и впредь отпущать изъ доимочныхъ денегъ, сколько когда будетъ востребовано фельдмаршаломъ ¹³⁰.

Въ самомъ началѣ 1735 года императрица отдала кабинетъ-министрамъ поданный ей проектъ, и для его обсуждения приказала въ кабинетѣ быть собранію изъ особъ, назначенныхъ ею самою. Въ проектѣ говорилось: 1) Въ государствѣ много ино-вѣрныхъ народовъ, называемыхъ ясачными: прежде они платили деньгами и звѣриными кожами; но когда установлена подушная подать, то на эти народы неосмотрительно наложена подать, именно 110 копѣекъ; а такъ какъ эти народы поселены на самыхъ лучшихъ мѣстахъ, въ хлѣбѣ и скотѣ имѣютъ большое довольство, притомъ звѣриныя, рыбныя ловли и пчеловодство, многіе изъ нихъ и торгуютъ, то эта подать для нихъ безмѣрно легка, тогда какъ въ другихъ государствахъ вездѣ ино-вѣрцы болѣе податей платятъ, нежели природныя единовѣрцы: поэтому надобно положить на нихъ еще прибавочную подать умѣренную, со всякой души по 150 копѣекъ на годъ, и такъ какъ ихъ около полумилліона, то прибавочной суммы будетъ тысяча двѣсти и больше. 2) Изъ без-хлѣбныхъ мѣстъ выбѣжали многіе крестьяне, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только половина противъ генеральной переписи осталось, а кой-гдѣ и меньше, снять хлѣбъ стало некому, подати за бѣглецовъ принуждены платить оставшіеся; когда же до того дойдетъ, что они, распродавъ въ подати скотъ свой и послѣдній хлѣбъ, придутъ въ нищету, тогда принуждены и они, оставя дома, или скитаться по міру, или сбѣжать въ дальнія мѣста, отчего во многіхъ мѣстахъ быть голоду и пустотѣ. Большая часть бѣглецовъ умѣщается внутри государства, тамъ гдѣ хлѣбныя и свободныя мѣста, а особливо въ ясачныхъ русскихъ волостяхъ, также въ слободахъ, называемыхъ старыхъ службъ, т.-е. въ солдатскихъ, козачьихъ, пушкарскихъ, затинщическихъ, рейтарскихъ, стрѣлецкихъ и бывшихъ засѣчныхъ лѣсныхъ сторожей, ибо многіе изъ этихъ служилыхъ людей поселены въ низовыхъ и заочкихъ городахъ въ лучшихъ мѣстахъ. Помянутые старыхъ службъ, также и ясачные крестьяне другихъ податей не платятъ и работъ не работаютъ, кромѣ что платятъ на полки, и за тѣмъ живутъ, какъ ясачные крестьяне, сами по себѣ по своей волѣ, и это ихъ своеволие приноситъ государству немалый вредъ и

дѣласть изъ ихъ земель пристанище бѣглецамъ, по причинѣ доброты земель, на которыя навозу не кладутъ и потому земледѣльцамъ только половина труда; а тамъ, откуда бѣгутъ, приходится по полтора и по два рубли на каждую душу, и надобно уравненіемъ податей пресѣчь бѣгство. Надобно ясачнымъ волостямъ ревизію сдѣлать, приемщиковъ наказывать и сверхъ того за то, что принимали, прибавить къ подушному окладу въ годъ по 10 копейкъ для страха впредь. 3) Завести магазины и наполнять ихъ при дешевыхъ цѣнахъ, а въ голодъ продавать по умѣреннымъ цѣнамъ. 4) По нынѣшнимъ хлѣбнымъ недородамъ весьма нужно уменьшить въ государствѣ винокуренные заводы, особенно во внутреннихъ и малохлѣбныхъ мѣстахъ, въ Новгородской, Московской, Нижегородской, Смоленской губерніяхъ; видимъ, что уже во многихъ мѣстахъ доходить до самаго голода, однако, вмѣсто того, чтобъ тотъ хлѣбъ могъ идти на пропитаніе оскудѣлому и голодному народу, употребляемъ его въ отраву человѣческую, въ вино для прибытка нѣсколькихъ частныхъ лицъ; на кабаки же вино подряжать изъ Малороссіи и изъ Польши. 5) Учредить особую контору и подчинить ее сенату: она должна знать, гдѣ есть хлѣбныя и безхлѣбныя мѣста, по какой цѣнѣ въ которомъ мѣсяцѣ бываетъ въ губерніяхъ во всѣхъ городахъ какой хлѣбъ въ продажѣ, знать положеніе и разстояніе мѣстъ и теченіе рѣкъ; контора эта также должна заботиться о пресѣченіи побѣговъ.

Князь Александръ Борис. Куракинъ подаль мнѣніе, что надобно сравнить прежнія ясачныя подати съ нынѣшнимъ окладомъ, и если можно будетъ наложить, то лучше хлѣбомъ, который пойдетъ на войско; но главное, чтобъ при сборѣ подушнаго оклада и этого хлѣба не обижали иновѣрцевъ и не брали съ нихъ взтокъ; слышно, что эти народы отъ воеводъ, всякихъ посмыльщиковъ и приказныхъ людей терпятъ разореніе. Куракинъ указалъ, что бѣглецы живутъ также на фабрикахъ и заводахъ, особенно въ Сибири: тамъ у мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ населены не малыя слободы бѣглыми крестьянами, надобно эти слободы освидѣтельствовать и съ владѣльцевъ взыскать за бѣглыхъ въ пользу помѣщиковъ. Утверждая необходимость общей ревизіи, Куракинъ замѣчалъ, что особой конторы, указанной въ проектѣ, не нужно, все это дѣло надобно поручить одному изъ сенаторовъ.

По мнѣнію графа Михайлы Гаврил. Головкина, синодъ долженъ былъ стараться приводить иновѣрцевъ въ христіанскую вѣру и тѣмъ ихъ обуздать; на остающихся въ прежней вѣрѣ ясакъ прибавить, а принявшихъ христіанство уровнять съ русскими. Въ сенатѣ извѣстно, что въ Польшѣ по близости отъ границъ многіе шляхтичи въ своихъ земляхъ публикуютъ съ барабаннымъ боемъ, чтобъ русскіе шли къ нимъ въ подданство и обѣщаютъ имъ многія облегченія, также и въ русскіе города посылаютъ шпионовъ и подговариваютъ многихъ къ себѣ, особенно изъ смоленской губерніи, которая за хлѣбнымъ недородомъ многихъ лѣтъ пришла въ великую скудость и разореніе; видя ихъ ласковый привѣтъ, множество идутъ за границу и селятся, получая льготы на большое число лѣтъ. По этому надобно послать туда значительное войско и велѣть не только бѣглецовъ возвратить, но и польскихъ подданныхъ, забравъ, перевести на царицынскую линію; а по границѣ лежащія мѣста передъ другими уѣздами надобно облегчить въ подушномъ окладѣ, дабы жители ихъ не имѣли охоты бѣжать за границу. Изъ челобитныхъ смоленской шляхты можно видѣть, въ какомъ худомъ состояніи эта губернія нынѣ находится, особенно когда на прошлый 1734 годъ правили вдругъ за обѣ половины года, и отъ того почти всѣхъ въ Польшу разогнали. Гдѣ земля хотя и плодоносная, а крестьянство въ добромъ охраненіи не будетъ, тамъ и хорошая земля не удержитъ, бѣгутъ туда, гдѣбы хотя нѣсколько времени могли пожить въ покоѣ. Соглашаясь на учрежденіе хлѣбныхъ магазиновъ, Головкинъ замѣчалъ относительно винокуренныхъ заводовъ: если губернаторы увидятъ, что урожай хорошъ, то могутъ дать позволеніе хлѣбъ на вино тратить, ибо когда цѣны на хлѣбъ будутъ очень низки, то крестьянство не можетъ исправиться въ платежѣ подушнаго оклада, и потому надобно устанавливать цѣны хлѣбу умѣренныя; также не должно запрещать винокуренія въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ неудобно провозить хлѣбъ за неимѣніемъ судоходныхъ рѣкъ. Если губернаторъ усмотритъ, что хлѣбъ родился худо, то надобно ему ограничить винокуреніе на половину, а въ случаѣ великой нужды, и вовсе прекратить.

Волынской въ своемъ мнѣніи указалъ, что по рѣкѣ Сакмарѣ живутъ многія тысячи бѣглыхъ. Уменьшеніе винокуренныхъ заводовъ призналъ дѣломъ самымъ нужнымъ: если взять двѣ рав-

ныя мѣры хлѣба, и изъ одной пересидѣть вино и передвоить, а другую половину перепечь въ хлѣбы, то на всякую чарку придется по цѣлому хлѣбу такому, что человѣкъ доволенъ имъ будетъ четыре дни: сколькожъ пьяница тунеядецъ такихъ хлѣбовъ въ одинъ день чарками проглотить и у сколькихъ человѣкъ на тотъ день пищи отнять! Содержатели винокуренныхъ заводовъ отнимаютъ пропитаніе у подлаго народа излишними наддачами въ хлѣбныхъ цѣнахъ, а еслибъ не они, то конечно не было бы въ государствѣ такой скудости. «Того ради, по моему слабому мнѣнію, по истинной совѣсти доношу, что всеконечно въ малохлѣбныхъ мѣстахъ винокуренные заводы разорить надобно, не взирая на то, что народнымъ вредителямъ однимъ только заводчикамъ и откупщикамъ и протекторамъ ихъ будетъ изъ того нѣкоторый убытокъ, однакожъ вмѣсто того во многихъ мѣстахъ цѣлому бѣдному народу въ пропитаніи будетъ великая польза, какъ о томъ всякъ совѣстный и добрый христіанинъ легко разсудить можетъ. Если скажутъ, что люди на винокуренныхъ заводахъ добываютъ себѣ хлѣбъ, то на это возраженіе: эти люди были бы земледѣльцы, а теперь летаютъ изъ мѣста въ мѣсто въ легкихъ работахъ и сами ѣдятъ хлѣбъ изъ чужихъ рукъ, какъ мыши, а въ государствѣ нашемъ лучшимъ изъ всѣхъ сокровищъ хлѣбъ почитать нужно, и когда земледѣлецъ отвыкаетъ отъ пашни, то уже никогда снова земледѣльцемъ не сдѣлается.»

По мнѣнію Черкасскаго и Остермана, по 40 копѣекъ на ясаковыхъ прибавить можно было бы, потому что и теперь не меньше того съ нихъ сходить, если не больше: ежегодно выбираются у нихъ старосты и выборные, которые, сверхъ подушнаго оклада, собираютъ не малую сумму денегъ подъ названіемъ мірскаго сбора, изъ котораго расходуютъ на подводы, дрова, бумагу, свѣчи, изъ той же суммы сами старосты довольствуются и даже обогащаются, прикащикамъ и воеводамъ не малая дача провзводить; а прикащики и воеводы объ уменьшеніи сборовъ не стараются, ибо чѣмъ больше старосты собираютъ, тѣмъ больше имъ даютъ. По этому надобно опредѣлить, кому такіе мірскіе сборы и расходы свидѣтельствовать и назначать, по сколько въ которомъ селѣ собирать, на какіе необходимые расходы и по сколько ихъ употреблять: чрезъ это излишніе мірскіе сборы, которые прежде шли въ частное пользованіе, обращены будутъ въ государствен-

ное пользованіе. Чтобъ не принимали бѣглыхъ, вмѣсто пожилыхъ денегъ позволить помѣщикамъ брать земли, гдѣ поселены ихъ бѣглые: этотъ способъ больше всякихъ штрафовъ устрашить, ибо крестьяне изъ своихъ дачъ не хотятъ потерять ни малѣйшей части земли, хотя бы оставалось у нихъ еще слишкомъ много; они готовы умереть за малѣйшую часть земли, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ чужое себѣ присвоить или изъ своего не уступить, что по спорнымъ о землѣ дѣламъ видно. Противъ винокуренныхъ заводовъ оба кабинетъ-министра привели еще то, что около Москвы и другихъ значительныхъ городовъ на нихъ тратится множество лѣсовъ, гдѣ уже и такъ лѣсовъ становится мало и цѣны на дрова возвысились, а по положенію нашего государства, по великой службѣ дрова нужны не менѣе хлѣба. Винокуренные заводы надобно уничтожить въ Московской, Нижегородской, Новгородской и Смоленской губерніяхъ и оставить ихъ въ Малороссіи и въ тѣхъ великороссійскихъ областяхъ, откуда отпуская хлѣба водою не бываетъ. Помѣщикамъ можно позволить въ деревняхъ сидѣть вино, но только для своихъ нуждъ.

Главный вопросъ о ясачныхъ рѣшилъ оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ, представивъ вѣдомости, что иновѣрцы платятъ теперь гораздо больше, чѣмъ платили прежде, и такого числа ихъ нѣтъ, какъ написано въ представленіи, именно по справкѣ явилось меньше половины, и чрезъ прибавку податей можно получить только 80,000 рублей, но изъ-за такихъ небольшихъ денегъ не стоить подвергаться опасности, что ясачные разбѣгутся къ чужимъ народамъ ¹²¹.

Въ 1736 году прибѣгли къ старому средству — выплачивать гражданскимъ чиновникамъ жалованье сибирскими и китайскими товарами, кромѣ служащихъ при кабинетѣ, въ академіи наукъ и иностранцевъ, служащихъ по капитуляціямъ ¹²²; въ 1739 году возстановленъ былъ законъ Петра Великаго, чтобъ чиновники, служащіе въ Москвѣ и другихъ городахъ, получали жалованье вполонину меньше противъ служащихъ въ Петербургѣ ¹²³; тогда же запрещено было изъ штатсъ-конторы изъ наличныхъ денегъ производить жалованье статскимъ чинамъ, начиная съ сенаторовъ, прежде чѣмъ будутъ удовольствованы денежною казною военная и адмиралтейская коллегіи и артиллерія; статскіе чины должны были получать жалованье изъ доимочныхъ денегъ, опять

исключая членов академіи наукъ и иностранцевъ, служащихъ по капитуляціямъ. Въ іюль 1740 года сенатъ представилъ, чтобъ дано было изъ соляной конторы замѣстообразно денегъ, по крайней мѣрѣ до 200,000 рублей, показывая, что съ начала 1740 года по 19 іюля, на чрезвычайные расходы издержано 436319 рублей, и потому въ рентереяхъ денегъ нѣтъ и платить не изъ чего. На это представленіе, послѣдовалъ выговоръ въ именномъ указѣ: императрица весьма удивительно, отъ чего нынѣ въ деньгахъ недостатокъ явился! Всѣ нужнѣйшія и государству нашему полезныя дѣла упущены и до того дошло, что о пополненіи государственныхъ доходовъ ни малой надежды нѣтъ, въ сборахъ многіе неурядки явились, и оттого сборы умалются; доимки въ нѣсколькихъ милліонахъ состоятъ, казенныя деньги частными людьми похищены и другими коварными вымыслами захвачены. Сенатъ, оставя такія дѣла, по которымъ государственная казна растеряна и раскрадена, безъ надлежащаго слѣдствія и взысканія, и не разсуждая того, откуда деньги безъ утружденія насъ и безъ отягощенія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ сыскать можно, и нѣтъ ли такихъ расходовъ, которые могли бы быть и оставлены, и не разсматривая, съ какимъ порядкомъ собираются доходы, намъ самимъ представлять стали о дачѣ въ займы изъ соляной суммы! Объ этомъ мы сенату внушить принуждены, что соляной сборъ употребляется ка экстраординарные расходы по особливимъ нашимъ соизволеніямъ: поэтому его никуда и употреблять не надлежитъ. Что же и до дѣлъ челобитчиковыхъ принадлежитъ, то многіе съ многолѣтнею волокитою и до сего времени рѣшенія получать не могутъ, а для того нѣкоторые челобитчики принуждены насъ вездѣ беспокоить и своими прошеніями утруждать; также и колодниковъ такъ умножилось, что и караулами обнять не могутъ¹²⁴.

Люди, какъ Остерманъ и ему подобные понимали, что однимъ взысканіемъ доимокъ нельзя увеличить государственные доходы, что надобно усиливать промышленную дѣятельность народа. По господствовавшему въ то время взгляду ослабленіе промышленной дѣятельности приписывали недостатку правительственнаго надзора, и въ 1734 году, на основаніи мнѣнія коммерцъ-коллегіи, сенатъ приказалъ опредѣлить оберъ-коммиссара и троехъ коммиссаровъ, достойныхъ и искусныхъ людей для смотрѣнія надъ

фабриками и приведенія ихъ въ лучший распорядокъ, деньги на жалованье этимъ новымъ чиновникамъ собирались съ фабрикантовъ ¹²⁵. Прежде всего обращено было вниманіе на распространеніе суконныхъ фабрикъ «дабы армію, безъ вывоза чужестранныхъ россійскими сукнами удовольствовать» ¹²⁶. Для этого велѣно было военной коллегіи и комиссаріату принимать русскія сукна прежде иностранныхъ и русскимъ фабрикантамъ деньги платить наравнѣ съ иностранными безъ всякаго задержанія, хотя нѣкоторое время, для размноженія тѣхъ фабрикъ. Мы видѣли уже, что по скудости народонаселенія на огромныхъ пространствахъ, въ Россіи нельзя было пробавиться вольнонаемнымъ трудомъ, и какъ въ XVI и XVII вѣкахъ правительство, раздавши земли служилымъ людямъ, должно было обезпечить ихъ относительно работниковъ, такъ и въ XVIII вѣкѣ правительство, заводи и поощряя заводить фабрики, должно было также обезпечить ихъ относительно работниковъ; поэтому и въ описываемое время встрѣчаемъ указы объ укрѣпленіи за фабрикантами оказавшихся у нихъ на фабрикахъ разнаго вѣдомства людей и крестьянъ, о позволеніи фабрикантамъ покупать людей и крестьянъ безъ земель ¹²⁷. Такъ какъ кромѣ этого фабрикантамъ давались большія льготы, освобожденіе ихъ съ дѣтьми, братьями и прикащиками отъ всякихъ службъ и постоевъ, то въ привилегіяхъ, даваемыхъ для заведенія новыхъ фабрикъ, говорилось: «повелѣваемъ ту фабрику размножить сильною рукою, а не подъ видомъ содержать, чтобъ оною отъ службъ и отъ постоевъ быть свободнымъ» ¹²⁸. Въ 1736 году составила компанія изъ московскихъ купцовъ для заведенія суконной фабрики; компаніонами были: Еремѣевъ, Васильковъ, Товаровъ, Носыревъ, Колобовъ, Журавлевъ, Бабкинъ. Изъ старыхъ суконныхъ фабрикъ знамениты были: Щеголина, Полуярославцева въ Москвѣ, и вдовы Микляевой въ Казани: съ этихъ фабрикъ брали мастеровъ для обученія учениковъ на вновь заводимыхъ фабрикахъ. Полуярославцевъ ставилъ въ годъ на армію по 70,000 аршинъ сукна; компанейщики московской фабрики Бологнинъ и Докучаевъ ставили по 180,000 аршинъ; московскій фабрикантъ Сѣриковъ могъ сдѣлать въ годъ до 25,000 аршинъ ¹²⁹. По господствовавшему въ меркантильной системѣ правилу не позволять вывоза сырыхъ произведеній за границу, въ 1736 году возстановленъ былъ указъ Петра Великаго, запрещава-

шій вывозить козлиныя сырыя кожи; въ слѣдующемъ году указъ былъ повторень ¹³⁰.

Кромѣ суконныхъ фабрикъ особенное вниманіе правительства было обращено на устройство конскихъ заводовъ и горное дѣло. Независимо отъ страсти къ лошадямъ всемогущаго фаворита, продолжительная война должна была указать на печальное состояніе русской конницы; мы видѣли, какъ иностраннымъ наблюдателямъ смѣшны казались русскіе драгуны, подавлявшіе своихъ жалкихъ лошаденокъ. Въ указѣ 1732 года говорилось: «Извѣстно всѣмъ, коимъ образомъ до сего времени при нашей кавалеріи употребляемыя лошади, по породѣ своей, къ стрѣльбѣ и порядочному строю весьма неспособны, и также за малостію въ нужныхъ случаяхъ такую службу показать не могутъ, какой отъ порядочной и доброконной кавалеріи ожидать надлежитъ; а такихъ рослыхъ и добрыхъ лошадей изъ чужихъ краевъ доставать великое издивеніе и трудъ требуется и не всегда возможно. Того ради указали мы въ пристойныхъ мѣстахъ учредить конные заводы» ¹³¹. Для этого составлена была особая коммиссія, порученная оберъ-шталмейстеру графу Левенвольду; но такъ какъ послѣдній отвлекаемъ былъ дипломатическими порученіями, то устройство конскихъ заводовъ было поручено извѣстному Волинскому. Онъ былъ отправленъ въ Москву, чтобъ тамъ составить коммиссію и разослать въ разныя губерніи офицеровъ для осмотра и описи удобныхъ мѣстъ. Посланные нашли 104 удобныя мѣстности, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, можно было содержать до 36,000 лошадей. Въ кабинетѣ положено было на первое время выбрать удобныя мѣста въ дворцовыхъ и ясачныхъ дачахъ на 2000 заводныхъ кобылъ и на 240 жеребцовъ, вслѣдствіе чего въ казанской и нижегородской губерніяхъ выбрано было десять мѣстъ ¹³². Но мы видѣли, что по случаю польской войны, и Волинскій долженъ былъ отправиться къ дѣйствующей арміи. Послѣ въ 1739 году встрѣчаемъ распоряженія объ устройствѣ конскихъ заводовъ въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ; тогда же велѣно было учредить государственныя лошадиныя заводы въ синодальной области и въ архіерейскихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ ¹³³.

Относительно горнаго дѣла въ 1733 году учреждена была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ графа Михайлы Головки-

на; она должна была рѣшить старый вопросъ: что выгоднѣе — на казенномъ ли коштѣ содержать желѣзные и мѣдные заводы, или отдать частнымъ людямъ и на какихъ условіяхъ¹³⁴? Сильнымъ побужденіемъ къ поднятію этого вопроса были жалобы старика Геннина на затруднительность его положенія. Геннинъ въ 1732 году жаловался на усольскаго воеводу Овцына, который приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ не велѣлъ ходить на заводскія работы и употребляетъ ихъ въ подряды у соляныхъ промышленниковъ къ строенію судовъ, на томъ основаніи, что эти крестьяне лодочные плотники; но если такой воеводской порядокъ допустить писалъ Геннинъ, то и вся Пермь, отбывая отъ работъ, станетъ говорить, что всѣ лодейные плотники и ихъ свойственники; къ заводамъ отъ воеводы радѣнья нѣтъ: всѣхъ заводскихъ крестьянъ желаетъ взять подъ свой приказъ и власть. Казеннымъ заводамъ еще противность отъ тѣхъ, которымъ слѣдовало больше другихъ имѣть объ нихъ попеченіе, а именно отъ горной экспедиціи коммерцъ-коллегіи: нынѣ до того дошло, что некому юстицкихъ и счетныхъ и всѣхъ конторскихъ дѣлъ управлять и въ добромъ порядкѣ содержать, а онъ, Геннинъ, въ томъ неускусень, да хотя бы и умѣлъ, да некогда за частыми отлучками на другіе заводы для ихъ исправленія и для строенія новыхъ заводовъ; а отъ сената и отъ коммерцъ-коллегіи спрашиваютъ дѣлъ много подъ штрафомъ, и хотя у всѣхъ горныхъ и заводскихъ дѣлъ подъячихъ имѣется со 130 человекъ, и безъ того быть нельзя, только смотрѣть за канцелярскими дѣлами, распредѣлять ихъ и въ добромъ порядкѣ вести, счета свидѣтельствовать и юстицкія дѣла отправлять некому; а тюрьма наполнена колодниками, также много тамъ ссыльныхъ, и опасно, чтобъ сообщась съ тюремными сидѣльцами, не сдѣлали какого зла, потому что мѣсто съ Башкирами пограничное. Никто туда ѣхать не хочетъ, думая ему, Геннину тѣмъ досадить, и чтобъ онъ одинъ пропасть, и не могъ обѣщанную сумму желѣза и мѣди поставить. Частными людьми мѣдные и желѣзные заводы строятся не въ дальнемъ разстояніи отъ казенныхъ заводовъ, а другіе на казенной заводской землѣ; заводы строились и строятся безъ вѣдома его по точнымъ изъ бывшей бергъ-коллегіи указамъ, и не справясь прежде съ сибирскимъ оберъ-бергъ-амтомъ, и болѣе въ небытность его, Геннина; а изъ сената требуютъ отъ него мнѣнія,

чтобъ прислать въ коммерцъ-коллегію, а потомъ чтобъ эта коллегія дала свое мнѣніе, не будетъ ли отъ частныхъ заводовъ казеннымъ вредъ. Но такого важнаго дѣла ему одному дѣлать невозможно; да и коммерцъ-коллегія, не выдавъ дѣла на мѣсть, чрезъ репортъ дать мнѣнія не можетъ: надобно прислать особую комиссію. Представляя все это, Геннинъ писалъ Остерману: «По возможности труждаюсь при казенныхъ заводахъ, чтобъ къ государственной славѣ и интересу привести, и того ради на всѣ стороны есориться понужденъ, чтобъ губернаторъ и провинціальныя воеводы вымышленно помѣшательства не чинили, также же чтобъ господа сенаторы, а наипаче коммерцъ-коллегія помогали, сверхъ того утруждаю кабинетъ, понеже ея и. в.—ство изволила мнѣ указать, дабы я писалъ прямо къ ней, ежели какая остановка заводамъ будетъ или чего когда понадобится. Нынѣ опасенъ болѣе кабинетъ и сенать утруждать моими частыми докуками, не знаю, что дѣлать: докукою скучать ли, или не требовать и молчать, и буде такъ дѣлать, то заводы могутъ остановиться, а на мнѣ того спрашиваютъ, и того ради прошу вашего графскаго сіятельства въ томъ меня въ своей милости содержать и къ пользѣ государственныхъ горныхъ и заводскихъ дѣлъ вспоможеніе учинить для славы государственной, а я бы радъ, чтобъ сильное лице здѣсь было нежели я, и который бы болѣе патронъ и голосъ имѣлъ; что мнѣ чужестранцу дѣлать, когда меня оставляютъ и на меня гнѣваются? я живу вонистину въ великой печали.»

Въ іюль 1733 года Геннинъ писалъ Остерману рѣшительно: «Припадая къ ногамъ вашимъ, прошу, чтобъ я отсюда былъ уволенъ, а быть бы мнѣ при артиллеріи, понеже мнѣ такія великія дѣла одному болѣе управить несосно, и вижу, что я въ дѣлахъ оставленъ и никакой помощи нѣтъ, но болѣе помѣшательства, дабы мнѣ здѣсь отъ того напрасно, будто за неисправленіе, въ чемъ я не виноватъ, не пропасть за мои вѣрныя въ Россіи чрезъ тридцать три года службы. А я признаваю, что мой злодѣй и носитель на меня ассессоръ Горчаковъ болѣе виноватъ и доносить вездѣ, будто я имѣю здѣсь людей съ кѣмъ управлять довольно, а онъ самъ чрезъ коварства свои отсюда отбылъ; а коммерцъ-коллегія ему вѣрять и, можетъ быть, и другіе. А которыхъ управителей нынѣ здѣсь я имѣю, оныя почти всѣ плуты и пья-

ницы, и болѣе оныя за плутовства содержатся подъ карауломъ, также и о тѣхъ ихъ плутовствахъ слѣдуются дѣла, нежели настоящія заводскія дѣла дѣлаются, а какъ ихъ перемѣнить — я людей не имѣю»¹³⁵. Въ слѣдующемъ году, на смѣну Геннина, отправленъ былъ въ Сибирскую и Казанскую губерніи для завѣдыванія горными заводами извѣстный Василій Никитичъ Татищевъ.

Устроивши все какъ слѣдуетъ въ Екатеринбургѣ и Перми, Татищевъ долженъ былъ ѣхать въ томскій и кузнецкій уѣзды и стараться построить тамъ сильныя заводы; если самому нельзя, то отправить за тѣмъ же товарищевъ въ Нерчинскъ, Иркутскъ и другія дальнія мѣста. Татищевъ долженъ былъ въ Башкиріи отыскать то мѣсто, гдѣ еще во времена царя Алексѣя Михайловича найдена была серебряная руда: долженъ былъ стараться нѣкоторыя работы исправлять вольнымъ наймомъ, потому что Демидовъ, у котораго нѣтъ и четвертой части приписныхъ крестьянъ противъ казенныхъ заводовъ, несмотря на то отпускаетъ желѣза вдвое болѣе противъ казенныхъ заводовъ. Татищеву порученъ былъ надзоръ надъ всѣми частными горными заводами бароновъ Строгановыхъ, дворянъ Демидовыхъ и другихъ; онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобъ заводчики негоднаго желѣза и нечистой мѣди не продавали, расплачивались съ мастерами добросовѣстно, лишнею передачею мастеровъ другъ отъ друга не переманивали, не держали бѣглыхъ крестьянъ и другъ друга не притѣсняли, смотрѣть накрѣпко, чтобъ они на своихъ заводахъ не выдѣлывали никакихъ военныхъ орудій. Во всѣхъ законныхъ требованіяхъ Татищевъ долженъ былъ помогать имъ совѣтомъ и дѣломъ, защищать отъ обидъ, и въ случаѣ распріи между ними давать правый и скорый судъ¹³⁶.

Татищевъ донесъ, что въ Сибири въ разныхъ мѣстахъ найдено рудъ множество, такъ что можно хотя тридцать заводовъ построить, и предлагалъ вызвать охотниковъ для построения заводовъ: правительство согласилось¹³⁷. Въ сентябрѣ 1735 года Татищевъ писалъ изъ Екатеринбурга императрицѣ: «Сего сентября 5 числа ѣздилъ я отсюда на рѣку Кушву и пріѣхавъ на оную 8 числа осматривалъ: оная гора есть такъ высока, что кругомъ видѣть съ нея верстъ по 100 и болѣе; руды въ оной горѣ не токмо наружной, которая изъ горъ вверхъ столбами торчитъ, но кругомъ въ длину болѣе 200 сажень, поперекъ на полдень са-

женъ на 60; раскапывали и обрѣли, что всюду лежитъ сливная однимъ камнемъ въ глубину; надѣюсь, что и во многіе годы дна не дойдемъ. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати Божіей открылось, тѣмъ же и вашего величества имя въ ней въ безсмертность славиться имѣтъ» ¹³⁸.

Сильное развитіе горнаго дѣла въ приуральскихъ странахъ и далѣе на востокъ, многосложность отношеній, увеличеніе числа промышленниковъ, частыя столкновенія между ними требовали точныхъ опредѣленій и правилъ, и Татищевъ немедленно же занялся составленіемъ горнозаводскаго устава, взявши для него за основаніе богемскій горнозаводскій уставъ ¹³⁹; но передъ началомъ дѣла онъ счелъ за нужное созвать въ Екатеринбургъ всѣхъ частныхъ промышленниковъ и прикащиковъ, къ которымъ обратился съ просьбою подавать свои мнѣнія и защищать ихъ свободно: «всякъ имѣеть волю свое мнѣніе объявить, колико ему Богъ въ томъ знанія удѣлялъ и при томъ остаться доколѣ или тотъ, или другой, познавъ лучшую истину, первое переменить; я же вамъ всѣмъ, по моей должности и по крайнему разумѣнію, служить и моимъ совѣтомъ помогать желаю.» Вѣрныи мысли Петра Великаго, Татищевъ въ своемъ уставѣ обратилъ особенное вниманіе на поддержаніе коллегіальнаго порядка въ «канцеляріи главнаго правленія сибирскими горными заводами,» какъ онъ называлъ учрежденіе, носившее до сихъ поръ названіе оберъ-бергамта; при этомъ Татищевъ указываетъ на неурядки, существовавшіе въ его время въ коллегіяхъ: «въ нѣкоторыхъ тому подобныхъ *собранныхъ правленьяхъ* не весьма уставу слѣдуютъ, яко главные, прежде выслушать нижнихъ голосовъ, свое мнѣніе объявляютъ, для котораго иногда нижніе за почтеніе, изъ маности или за страхъ, истинное свое мнѣніе и сущую надлежность не объявляя, оставляютъ и оному неправильному согласуютъ и послѣдуютъ; а потомъ, когда къ суду позваны бывають, тѣмъ отговариваются, что не они большіе; другіе же коварно при даваніи голосовъ весьма молчатъ, и когда протоколъ къ закрѣпѣ придетъ, тогда показывая себя, начинаютъ спорить и новые доводы показывать, чрезъ что въ дѣлахъ токмо дѣлають продолженіе; нѣкоторые же по закрѣпѣ дерзають противу порядка изъ домовъ своихъ протесты присылать или протоколисту отдають, ища ток-

мо другихъ невинно опорочить.» Татищевъ вооружился также противъ злоупотребленій относительно пытокъ и казней, и здѣсь слѣдуя мысли преобразователя, высказанной въ Уложеніи и процессѣ воинскаго суда. «Нѣкоторые судьи, говорится въ горномъ уставѣ, забывъ страхъ Божій и вѣчную души своей погибель и презрѣвъ законы, многократно и озлобѣ или кому друга, а напаче проклятымъ лихоимствомъ прельстятся или кто глупымъ и неразумнымъ свирѣпствомъ преисполнася, людей неподлежаще на пытки осуждаютъ и безъ всякой надлежащей причины неумѣренно и по нѣколику разъ пытаются; нѣкоторые же до смерти пытаются, и на смерть или къ лишенію чести, безъ всякаго, къ тому, надлежащаго доказательства, осуждаютъ.» По уставу Татищева, земскій судья, не могъ никого пытать безъ извѣщенія главнаго заводскаго правленія и общаго согласія. Смертный приговоръ могъ быть постановленъ только въ присутствіи всѣхъ членовъ канцеляріи главнаго правленія; человекъ изъ шляхетства и заслужившаго знатный рангъ не могъ быть пытанъ и лишенъ чести; полагалось поступать безъ всякаго послабленія въ истязаніи и наказаніи только съ сущими ворами, особенно съ ссыльными ¹⁴⁰.

Въ мартѣ 1735 года Татищевъ писалъ обоимъ кабинетъ-министрамъ, Остерману и Черкасскому вмѣстѣ, любопытное письмо: «О здѣшнихъ дѣлахъ нынѣ многа донести не имѣю, токмо что раскольниковъ по всѣмъ заводамъ стали переписывать, и хотя я думалъ, что ихъ душъ 1000 либо наберется, однако слышу отъ нихъ самихъ, что ихъ болѣе 3000 будетъ. Отъ оныхъ приходилъ ко мнѣ перво здѣшній купецъ Осеневъ и приносилъ 1000 рублей, и хотя при томъ никакой просьбы не представлялъ, однакожь я могъ выразумѣть, чтобъ я съ ними также поступалъ, какъ и прежніе; я ему отрекся, что мнѣ, не видя дѣла и не зная за что, принять сумнительно. Назавтра пришелъ паки, да съ нимъ Осокиныхъ прикащикъ Набатовъ и принесъ другую тысячу; но я имъ сказалъ, что ни десяти не возьму, понеже то было противъ моей присяги; но какъ они прилежно просили и представляли, что ежели я отъ нихъ не приму, то они будутъ все въ страхѣ, и будутъ искать другихъ мѣстъ, и я опасаясь, чтобъ какого вреда не учинить, обѣщавъ имъ оныя принять, когда о не высылкѣ ихъ указъ получу, а до тѣхъ бы мѣсть держали тѣ

деньги у себя и съ тѣмъ ихъ отпустилъ. А по выходѣ Набатова, Осеневъ мнѣ говорилъ, что генераль-поручикъ Геннинъ, прѣхавъ послѣдній разъ съ Москвы, объявилъ де мнѣ, что онъ весьма разорился и якобы ему болѣе 10,000 убытка стало, и посылалъ де меня къ Демидова прикащикамъ говорить, чтобъ за показанныя его благодѣянія тотъ его убытокъ наградили, и потому прикащикъ Демидова Степанъ Егоровъ ему генераль-поручику то число денегъ привезли и отдали, которымъ и меня склонялъ, чтобъ я такъ же поступилъ; но я ему на то сказала, что я какъ Демидову, такъ и вамъ, во всемъ томъ, что не противно моей должности, помогать и охранять готовъ безъ всякой зато мзды, а ежели въ чемъ есть имъ нужда, тобъ благонадежно мнѣ сказывали. По оному тѣ раскольники такъ стали быть благонадежны, что они мнѣ ихъ тайности стали открывать, первое: показали о дву пустыняхъ, въ которыхъ много поповъ старцевъ, старицъ и другихъ бѣглецовъ поселились въ лѣсахъ близъ Демидова заводовъ, и спрашивали, надобно-ль ихъ переписать, прося токмо, чтобъ ихъ податями не отяготить; и я имъ велѣлъ подать доношеніе, по которому пошлю ихъ переписать, а о податяхъ обѣщала донести ея в—ству, чтобъ брать съ возможныхъ; токмо и для той переписи велѣлъ выбрать человѣка, кого они хотятъ. Другое: весьма они опасаются, чтобъ въ школахъ дѣтей ихъ не принуждали по новымъ книгамъ учиться; но я имъ обѣщала только обучать ариметикѣ и геометріи, а до прочаго якобы мнѣ дѣла нѣтъ. Третье просили, чтобъ на заводахъ кабакамъ не быть, опасаясь, чтобъ чрезъ то многіе ученія ихъ не отстали, и говорили паки, что Демидовы и прочіе промышленники тотъ откупъ на себя снимутъ и меня обѣщали довольно наградить; но я имъ въ томъ весьма отказала, показуя данную мнѣ инструкцію, гдѣ написано точно на казенныхъ и партикулярныхъ заводахъ кабаки учредить. И сіе вамъ доношу не для самохвальства или по какой злости, но паче чтобъ вы о всемъ были извѣстны, и ежели потребно усмотрите, можете благонадежно за истину ея величеству донести, и я все то доказать могу. При семъ же покорно нижайше прошу вашего сіятельства милостивыхъ моихъ государей, чтобъ посланные мои доношенія изволили разсмотрѣть и ежели я въ чемъ хотя ни отъ какой страсти, но развѣ отъ неразумнѣнія пристойность преступилъ, милостивое ваше защищеніе пока-

жите и меня увѣдомить повелите, дабы я впредь отъ невѣдомаго погрѣшенія могъ остеречься.»

Остерманъ отвѣчалъ ему на это: «Мы ея и. в—ству доносили, и ея в—ство изволила указать къ вамъ писать, чтобъ вы весьма тайно и секретно того Демидова прикащика Стефана Егорова прислали сюда въ Петербургъ съ такою крайнею осторожностію, чтобъ ни хозяинъ его, ни другіе про то вѣдать не могли, понеже ея величество здѣсь оное дѣло изслѣдовать повелить секретно. И ежелибъ оный Осеневъ для доказательства потребенъ былъ, то имѣть и онаго прислать особливо.» Егоровъ былъ отправленъ въ Петербургъ и здѣсь показалъ, что въ 1729 году Геннинъ былъ на заводѣ у Демидова и говорилъ Егорову: «я теперь разорился, пропало у меня за моремъ въ банкѣ 10,000 рублей; отпиши къ хозяину, чтобъ мнѣ уступилъ желѣза здѣсь при заводѣ 20,000 пудъ за 30 копѣекъ пудъ и довезь до Петербурга на своихъ судахъ, а за провозъ я заплачу, и за то ему всегда буду слуга.» Егоровъ написалъ объ этомъ хозяину, но тотъ отвѣчалъ, чтобъ выдали Геннину 4000 рублей деньгами, что Егоровъ и исполнилъ; другихъ же дачъ деньгами Геннину не было, давали посуду мѣдную и другія мелочи.» Какъ ни тайно вели дѣло, Геннинъ однако узналъ, что Егоровъ присланъ доносителемъ на него, и написалъ Остерману, что въ продолженіе тридцати семи лѣтъ службы онъ ни отъ кого не корыстовался, во всемъ чистъ, и требовалъ строгаго допроса Егорову въ кабинетѣ и очныхъ ставокъ. Но въ декабрѣ, по приказу господъ министровъ, Егоровъ изъ-подъ караула освобожденъ и отпущенъ на заводы ¹⁴¹.

Геннинъ былъ отомщенъ тѣмъ, что скоро явились жалобы и на Татищева.

Несмотря на желаніе новаго начальника жить въ мирѣ съ частными владѣльцами заводовъ и сочинять горный уставъ сообща съ ними, въ Петербургъ пошли жалобы на него отъ главныхъ заводчиковъ—Строгановыхъ и Демидова ¹⁴¹. Строгановы жаловались, что Татищевъ нападаетъ на ихъ прикащиковъ, грозитъ бить ихъ кнутомъ на томъ основаніи, что прикащики запрещаютъ своимъ крестьянамъ привскивать руду, тогда какъ прикащики вовсе этого не запрещаютъ, не велятъ только своимъ крестьянамъ ставить руду на чужіе заводы; потомъ велить прокладывать дорогу, въ которой нѣтъ никакой надобности, потому что

дѣломъ вѣзять водою, а зимою по льду. Демидовъ жаловался, что Татищевъ беретъ у него даромъ матеріалъ для казенныхъ построекъ, беретъ на казенные заводы съ его заводовъ мастеровъ и рабочихъ. Неизвѣстно, какъ правительство удостовѣрилось, что правы жалобщики; только въ апрѣлѣ 1736 года Татищеву были посланы указы «въ слѣдствіе его нападокъ Строгановскихъ прикащиковъ и крестьянъ не вѣдать, по дѣламъ горнымъ вѣдать ихъ въ коммерцъ-коллегии, а по солянымъ въ соляной конторѣ, также и Демидова вѣдать въ коммерцъ-коллегии для вышепоказанныхъ отъ васъ обидъ и происходящихъ между вами приказныхъ ссоръ.» 24 августа 1736 года Татищевъ писалъ Остерману и Черкасскому: «Вашему сіятельству извѣстно, что я сюда ѣхать викакой охоты не имѣлъ и никогда ни къ какому дѣлу не искалъ; но когда ея и. в—ство по всевысокой ея волѣ повелѣла мнѣ здѣсь быть, а ваше сіятельство по прежней ко мнѣ и природной ко всемъ показуемой милости меня тѣмъ и всегдашнимъ отъ нападчиковъ защищеніемъ и въ положенномъ на меня дѣлѣ помощію милостивою обнадежили, и потому я не токмо съ охотою ѣхалъ, о исполненіи повелѣннаго и приобрѣтеніи великой ея и. в—ства прибыли никоего сумнѣнія не имѣлъ. Но какъ всякій человѣкъ несовершенъ, часто зло за добро, а вредное за полезное почитаетъ, чѣмъ часть благополучія, отъ того погибаетъ, такъ сіе со мною наипаче учинилось, что и отъ крайней глупости, хотя ни изъ коей собственной прихоти или злости противъ воли и намѣренія ея и. в—ства безумно такъ великихъ и сильныхъ людей господъ бароновъ Строгановыхъ и дворянина Акинѣея Демидова къ жалобамъ на меня и утружденію ея и. в—ства и вашего сіятельства подвигнулъ, и зато вижу, что достойно такъ тяжкимъ гнѣвомъ наказанъ и обѣщанной милости и помощи вашего сіятельства, видя себя лишена, въ страхѣ крайней гибели и отчаяніи всякаго благополучія пришедъ, ничего начать ниже представить смѣю. Большой паче всѣхъ страхъ и печаль наносятъ мнѣ дѣла по тайнымъ розыскамъ, которые здѣсь отъ плутовъ ссыльныхъ объявляются и о розыскѣ оными нынѣ точный ея и. в—ства указъ; но потомъ изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ съ гнѣвомъ присланъ былъ указъ, якобы я не въ свое дѣло безъ указа вступилъ»¹⁴². Новый горный уставъ не былъ утвержденъ. Татищевъ объясняетъ свои неудачи неми-

лостію Бирона, которую онъ навлекъ на себя тѣмъ, что «усмотря, что отъ бывшихъ нѣкоторыхъ Саксонцевъ въ строеніи заводовъ всѣ чины и работы, якоже и снасти, по-нѣмецки названы, которыхъ многіе не знали и правильно выговорить или написать не умѣли, сожалѣя, чтобы слава и честь отечества и его трудъ, тѣми именами нѣмецкими утѣснены не были, ибо по онымъ Нѣмцы могли себѣ неподлежаще въ размноженіи заводовъ честь привлекать, еще же изъ того и вредъ усмотря, что незнающіе тѣхъ словъ впадали въ невинное преступленіе, и дѣло во оупущеніи, яко полномочный, всѣ такія званія оставилъ, а велѣлъ писать русскими.» Представленіе его въ кабинетъ объ этой перемѣнѣ было одобрено императрицею: но Биронъ «такъ сіе за зло принявъ, что не однажды говаривалъ: якобы Татищевъ главный злодѣй Нѣмцевъ.» Но еслибъ и дѣйствительно Биронъ разсердился за перемѣну нѣмецкихъ названій на русскія, то не здѣсь однако нужно искать причины неутвержденія новаго устава; самъ Татищевъ въ другомъ мѣстѣ объясняетъ дѣло удовлетворительно перемѣною главнаго управленія горнымъ дѣломъ вообще: «бергъ-директоріумъ учинено въ 1736 году вмѣсто бергъ-коллегіи; когда Биронъ вознамѣрился оный великій государственный доходъ похитить, тогда онъ, призвавъ изъ Саксоніи Шемберга, который хотя ни малаго знанія къ содержанію такихъ великихъ казенныхъ, а паче желѣзныхъ заводовъ не имѣлъ и нигдѣ не видѣлъ, учинилъ его генераломъ бергъ-директоромъ съ полною властію, частію подчиня сенату; но потомъ видя, что сенатъ требуетъ о всемъ извѣстія и счета, а Татищевъ, которому всѣ сибирскіе заводы поручены были, письменно его худые поступки и назначеніе представилъ: тогда, остави всѣ учиненныя о томъ коммиссіи представленія, всѣ заводы подъ именемъ Шемберга тому Бирону съ нѣкоторыми темными и весьма казифъ убыточными договоры отдалъ.» По свидѣтельствѣ Татищева, Биронъ и Шембергъ въ два года похитили болѣе 400,000 рублей ¹⁴³. Коммиссія, о которой упоминаетъ Татищевъ, была составлена въ 1738 году; ей былъ предложенъ на разрѣшеніе тотъ же вопросъ: «на казенномъ ли коштѣ заводы прибыльнѣе содержать, или въ компаніи парткулярнымъ отдать.» Коммиссія отвѣчала, что выгоднѣе отдать въ компанію. На этомъ основаніи въ 1739 году изданъ былъ бергъ-регламентъ ¹⁴⁴. Но еще прежде, въ 1737 году Татищевъ,

въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ переведенъ въ оренбургскую экспедицію для устройства башкирскаго края.

Что касается самаго многочисленнаго класса промышленниковъ-земледѣльцевъ, то мы видѣли, что главное вниманіе было обращено на то, чтобъ они исправно платили подати и доимки. Съ этою цѣлю въ 1732 и 1733 году запрещено было помѣщикамъ переселять крестьянъ съ одного мѣста на другое, не подавши просьбы о томъ въ камеръ-коллегію «дабы отъ такого безуказнаго перевода въ платежѣ подушныхъ денегъ и рекрутъ и прочихъ указныхъ сборовъ не было помѣшательства и доимокъ, и ея императорскаго величества арміи въ дачѣ жалованья не было нужды» ¹⁴⁵. Но въ томъ же 1733 году во многихъ мѣстахъ не родился хлѣбъ и крестьяне пошли по міру; въ апрѣлѣ 1734 года императрица «имѣя попеченіе не токмо о томъ, дабы крестьяне въ такомъ случаѣ пропитаны были, но паче сохраняя благополучіе и цѣлость государства своего,» повелѣла публиковать указами, чтобъ помѣщики, управители и экономы крестьянъ и людей своихъ кормили, по міру ходить не допускали и сѣменами снабждали, дабы земля праздна не лежала ¹⁴⁶. Но указы не имѣли надлежащаго дѣйствія, и въ концѣ года явился новый указъ, въ которомъ говорилось, что крестьяне, не получая ссуды и вспоможенія, терпятъ въ хлѣбѣ великую нужду, земли къ будущему году засѣяны рожью не всѣ, крестьяне бродятъ по міру и иные бѣгутъ въ разныя мѣста; въ указѣ наискрѣпчайше подтверждались помѣщикамъ, духовнымъ властямъ, управителямъ и прикащикамъ кормить крестьянъ и снабдить сѣменами для посѣва яроваго хлѣба, грозя въ противномъ случаѣ жестокимъ истязаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ; губернаторы, воеводы и штабныхъ дворовъ офицеры будутъ подвергнуты тому же, если не будутъ наблюдать за исполненіемъ указа и репортовать объ ослушникахъ. Но пришли извѣстія, что бѣдствие достигаетъ высшей степени, во многихъ мѣстахъ крестьяне отъ голода пухнуть, лежать больны, а нѣкоторые и умираютъ, и потому въ началѣ 1735 года сенатъ приказалъ купить провіанта въ Нижнемъ до 5000 рублей, въ арзамасской провинціи до 2000, въ провинціяхъ и городахъ московской губерніи до 6000, и раздавать этотъ хлѣбъ совершенно немущимъ, которые крестьянъ своихъ пропитать не могутъ, въ займы съ росписками, и самимъ крестья-

намъ, ходящимъ по міру, давать въ милостыню съ записками; въ въ Москвѣ, Смоленскѣ и Твери производить такую раздачу изъ магазиновъ; при этомъ смотрѣть, чтобъ не раздавали такимъ, которые сами крестьянъ своихъ прокормить могутъ, какъ въ 1734 году дѣлалъ московскій вице-губернаторъ Вельяминовъ-Зерновъ¹⁴⁷. Крестьяне отъ голода бѣжали; ихъ ловили и отдавали прежнимъ землевладѣльцамъ; но по указу 1721 года бѣглаго при отдачѣ должно было наказывать кнутомъ, чтобъ другимъ бѣгать было неповадно; нашли жестокимъ примѣнить этотъ законъ къ крестьянамъ, бѣжавшимъ отъ голода, и въ 1736 году изданъ былъ указъ, чтобъ бѣглыхъ наказывать кнутомъ или кошками, плетью или батогами по волѣ помѣщиковъ, а дворцовыхъ и церковныхъ крестьянъ по волѣ ихъ начальниковъ, кто кого какъ пожелаетъ наказывать¹⁴⁸.

Вступленіе русскаго войска въ Польшу дало возможность отыскивать въ ея владѣніяхъ и возвращать русскихъ бѣглыхъ крестьянъ; но съ выходомъ войска оттуда, въ 1735 году эта возможность начала прекращаться. Смоленскій губернаторъ Александръ Бутурлинъ доносилъ въ 1735 году, что изъ пограничныхъ польскихъ мѣстъ бѣглыхъ крестьянъ высылаютъ, а изъ отдаленныхъ сами собою бѣглые очень рѣдко выходятъ, а принудить ихъ къ тому нельзя, хотя и ѣздить туда смоленскіе помѣщики; Поляки только видѣ дѣлаютъ, что готовы выдать, а крестьяне, по взятіи ихъ, снова уходятъ и уже скрываются, потому что крестьянство отъ польскихъ обывателей такъ приманено и приласкано слабостію и вольностію, что который мужикъ и возвратится, и тотъ уже никакой работы лишней передъ тамошней понести не можетъ, и всячески проискиваетъ, какъ бы опять уйти, и для того, будучи во дворѣ своемъ, ничего не прочитъ и не радѣтъ о себѣ. Бутурлинъ предложилъ странное средство къ удержанію русскихъ крестьянъ отъ бѣгства въ Польшу: которые крестьяне не бѣгали, съ тѣхъ брать подати по прежнему; а которые возвратились изъ бѣговъ, съ тѣхъ брать съ уменьшеніемъ, именно сколько въ Польшѣ берутъ. Увидя это, многіе и не подумаютъ бѣгать, и ушедшіе съ радостію возвратятся, даже природные Поляки многіе переселятся въ Россію для избѣжанія происходящихъ у нихъ междоусобій и безпокойствъ¹⁴⁹.

Бѣгство крестьянъ, конфискація купческаго имущества при

взысканіи доимокъ, разумѣется, препятствовали развитію торговли, процвѣтанію городовъ. Лѣтомъ 1734 года Татищевъ, ѣдучи въ Сибирь, писалъ съ дороги изъ Нижняго Остерману, что урожай плохой, потому что мало сѣяно, и крестьяне бѣгутъ толпами. Несмотря однако на это, онъ нашель, что въ городахъ хлѣбъ былъ не дорогъ, прежде былъ дороже; доискиваясь причины такого удивительнаго явленія, Татищевъ нашель, что дешевизна хлѣба происходила отъ великой скудости въ деньгахъ; сталъ спрашивать, отъ чего денегъ мало, и узналъ, что купечество вездѣ упало и почти не торгуетъ, крестьянскихъ товаровъ не покупаетъ, ибо на всемъ почти купечествѣ великая доимка показана, дворы и пожитки описаны; въ Переяславль-Рязанскомъ было описано болѣе двухъ третей посадскихъ дворовъ, отъ чего нѣкоторые и будучи въ состояніи торговать, но надѣясь оправдаться въ доимкѣ, не торгуютъ, другіе торговали на кредитъ, но теперь никто имъ не вѣритъ. Въ Нижнемъ Татищевъ зналъ многихъ купцовъ, которые торговали тысячъ на десять и больше; а въ описываемое время ничѣмъ не торговали. Макарьевскую ярмарку Татищевъ нашель въ очень дурномъ положеніи¹⁵⁰. Относительно внѣшней торговли продолжались еще завѣщанныя древнею Россіею жалкія хлопоты о продажѣ такъ называемыхъ казенныхъ товаровъ. Въ 1732 году сенатъ нашель, что отправлять казенный товаръ—поташъ на русскіхъ корабляхъ отъ Архангельска за границу на комиссію очень убыточно, что гораздо полезнѣе продавать казенные товары при русскіхъ портахъ вѣрнымъ купцамъ. При этомъ сенатъ представлялъ необходимость уменьшить добываніе поташу и смольчуга, ибо во многихъ мѣстахъ, гдѣ бывали поташные и смольчужные заводы, тамъ стали степи и на дрова лѣсу не осталось. Выгоднѣе было, по мнѣнію сената, умножить желѣзное и мѣдное производство. Но по указу императрицы поташъ и желѣзо были отданы купцамъ Шифнеру и Вольфу, по 12 ефимковъ за берковецъ; продавъ былъ весь наличный поташъ, да кромѣ того казна обязалась поставлять имъ по 2000 бочекъ ежегодно въ продолженіи пяти лѣтъ, для чего приписано было на поташные заводы 10.000 душъ крестьянъ къ прежнимъ 17.000¹⁵¹.

Для увеличенія доходовъ старались усилить промыслы, въ неурожайные годы заставляли землевладѣльцевъ кормить крестьянъ

и снабжать ихъ сѣменами; но для всего этого нужны были капиталы, а ихъ было мало въ бѣдной непромышленной странѣ; кто хотѣлъ занять денегъ для заведенія или усиленія промысла, для прокормленія крестьянъ, на покупку сѣмянъ во время голода, тотъ съ трудомъ могъ найти денегъ, и если находилъ, то долженъ былъ платить большіе проценты, которые дѣлали заемъ разорительнымъ. Въ указѣ 1733 года говорится, что многіе, имѣя нужду въ деньгахъ, принуждены занимать у иностранцевъ и своихъ съ несносными великими процентами и съ такими закладами, которые вдвое больше занятыхъ денегъ, процентовъ даютъ по 12, 15 и 20, чего во всемъ свѣтѣ не водится, и случается, что проценты вычитаютъ изъ данныхъ денегъ впередъ; есть и такіе безсовѣстные грабители, что если должникъ пропустить хотя нѣскольکو дней за срокъ, не отдають заклада, хотя бы и деньги приносились. Вслѣдствіе этого императрица, для государственной и всенародной пользы, указала монетной конторѣ давать займы деньги всякаго чина людямъ за 8 процентовъ въ годъ съ залогомъ въ золотѣ или серебрѣ, и въ случаѣ неплатежа изъ заклада бралась только данная сумма, остальное же возвращалось должнику ¹⁵².

Большіе проценты, заключая въ себѣ большую страховую премію, указывали также ясно на неудовлетворительное состояніе правосудія въ странѣ, при чемъ заимодавецъ не могъ надѣяться получить при своемъ искѣ скорое безубыточное удовлетвореніе; потому же, для обезпеченія, требовались и заклады. Въ концѣ 1732 года императрица жаловалась, что какъ въ Петербургѣ, такъ и въ областныхъ городахъ, въ правленіяхъ и судебныхъ мѣстахъ дѣла отправляются не съ такимъ порядкомъ и прилежаніемъ, какъ требуютъ регламенты и указы ¹⁵³. Въ Переяславль-Залѣскомъ двое помѣщиковъ велѣли людямъ своимъ убить одного крестьянина троицкаго Сергіева монастыря и тѣ задавили несчастнаго. Наряжена была особая коммиссія для слѣдствія по этому дѣлу и въ 1736 году открыла, что воевода и секретари изъ-за взятку покрывали виновныхъ. Воеводу и секретарей велѣно было казнить смертію «и о такой экзекуціи публиковать во всемъ государствѣ, что ежели кто также будетъ неправо и въ противность указовъ и изъ взятковъ дѣла производить, то такимъ тожъ чинено будетъ безо всякія пощады» ¹⁵⁴.

Порядочныя почты существовали только отъ Петербурга до

Москвы, отъ Москвы до Украйны и въ Украйнѣ до Кіева. Только въ 1740 году встрѣчаемъ указъ, чтобъ и во всѣ другія губерніи и провинціи къ *знатнымъ городамъ* учреждены и порядочно содержаны были почты, какъ для лучшаго отравленія купечества, такъ и для всякихъ другихъ потребностей ¹⁵⁵.

Успѣхи промышленности и торговли находились также въ тѣсной связи съ состояніемъ общественной безопасности, съ состояніемъ полиціи. Понятно, что императрица Анна относительно охраненія порядка полагалась особенно на своихъ родственниковъ по матери, Салтыковыхъ, и потому въ 1732 году назначила генераль-полиціймейстеромъ генераль-майора Салтыкова, который былъ обязанъ имѣть «главную дирекцію надъ всѣми полиціями въ государствѣ» ¹⁵⁶. Но надъ чѣмъ ему было имѣть главную дирекцію? Несмотря на распоряженія Петра Великаго, въ самыхъ значительныхъ городахъ полиціи не было; въ 1733 году полиціймейстерская канцелярія представила императрицѣ докладъ объ учрежденіи полиціи въ десяти губернскихъ и тринадцати провинціальныхъ городахъ; императрица утвердила докладъ ¹⁵⁷. Однимъ изъ побужденій къ этому распоряженію былъ докладъ принца гессен-гомбургскаго, который, возвратившись изъ Астрахани, жаловался, что въ этомъ городѣ отъ несоблюденія чистоты господствуетъ самый вредный и язвительный смрадъ. Но въ 1737 году сенатъ призналъ за лучшее отдать полицію въ городахъ, кромѣ двухъ столицъ, въ вѣдѣніе ратуши, на томъ основаніи, что если опредѣлить въ тѣ полиціи особыхъ офицеровъ и дворянъ, то надобно давать имъ жалованье и опредѣлить къ нимъ приказныхъ служителей и рассыльчиковъ съ жалованьемъ же, отъ чего будетъ казенный убытокъ; при томъ отъ этихъ офицеровъ и дворянъ будутъ обывателямъ обиды ¹⁵⁸. Въ 1733 году, принимая снова мѣры противъ бродяжничества, вспомнили указы Петра Великаго, который, вооружаясь противъ способныхъ къ работѣ тунеядцевъ, приказывалъ въ то же время строить богадѣльни для неспособныхъ работать: сенатъ приказалъ построить въ Петербургѣ 17 богадѣленъ при церквахъ, такъ чтобы съ прежде существовавшими было 20; въ нихъ должно было давать приютъ четыремъстамъ человѣкамъ мужскаго и женскаго пола, помѣщая по 20 человѣкъ въ каждую богадѣльню ¹⁵⁹.

Въ 1734 году голодъ увеличилъ число нищихъ, и потому раз-

рѣшено было подавать милостыню; кромѣ того были приняты чрезвычайныя мѣры: у помѣщиковъ и хлѣбныхъ торговцевъ описали хлѣбъ, чтобъ не продавали высокою цѣною; продажа хлѣба производилась безошлинно, движеніе хлѣба въ Петербургъ для вывоза за границу остановлено; въ провинціяхъ, терпящихъ отъ голода, велѣно остановить взысканіе подушныхъ денегъ ¹⁶⁰. Въ 1736 году правительство должно было признаться, что указы противъ бродягъ недействительны, какъ въ Петербургѣ, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ число нищихъ увеличилось и часть отъ часу увеличивается, отъ множества ихъ трудно проѣзжать, и все люди способные къ работѣ. Такихъ, если они не были наказаны, велѣно было брать въ военную службу, а наказанныхъ употреблять на казенныя работы ¹⁶¹. Черезъ два года видимъ новое признаніе правительства, что указы его противъ нищенства недействительны ¹⁶². Въ началѣ 1740 года опять именной указъ, что бродящихъ нищихъ людей многое число; а въ срединѣ года другой съ тою же жалобой и перечисленіемъ всѣхъ прежнихъ указовъ ¹⁶³.

Другое, почти постоянное въ русскихъ городахъ бѣдствіе должно было обращать на себя вниманіе полиціи — пожары. Въ 1735 году объявлено петербургскимъ жителямъ съ подпискою, чтобъ чистили трубы и смотрѣли за ихъ твердостію ¹⁶⁴. Въ слѣдующемъ году велѣно уничтожить пивоварни между жильемъ ¹⁶⁵. Полиція, содержала печниковъ и трубочистовъ; послѣдніе получали съ обывателей по копѣйки съ каждой печи ¹⁶⁶. Во время сильнаго пожара въ Петербургѣ въ 1736 году «многіе отъ солдатъ и матросовъ безпорядки происходили, и вмѣсто тушенія пожара многіе изъ нихъ только въ грабежъ и воровство, пуще разбойниковъ, ударились: на почтовомъ дворѣ, изъ тѣхъ пожитковъ, которые отъ самихъ хозяевъ выношены были, сундуки насильственно разломали, пожитки растащили, письма и бумаги разбросали и, однимъ словомъ сказать, такъ поступали, что и въ неприятельской землѣ хуже поступать было невозможно» ¹⁶⁷. Въ Москвѣ сильный пожаръ ¹⁶⁸ 3 іюля 1736 года, подъ Новинскимъ и около Арбата, во время котораго сгорѣло 817 дворовъ, заставилъ распорядиться, чтобъ улицы были широкія, свободныя и прямыя, отъ четырехъ до девяти сажень въ поперечникѣ; московская ратуша должна была содержать четыре большія заливныя

трубы¹⁶⁹. Но въ то время, какъ хлопотали о предупрежденіи пожаровъ въ отдаленныхъ частяхъ древней столицы, страшное бѣдствіе постигло части самыя значительныя и населенныя. 29 мая 1737 года, въ Троицынъ день, въ одиннадцатомъ часу утра загорѣлось недалеко отъ Каменнаго моста, въ приходѣ Антипы чудотворца, въ домѣ Милославскаго. Поварова жена зажгла въ своемъ чуланѣ восковую свѣчу передъ образомъ, а сама пошла въ кухню готовить кушанье; свѣча отпала отъ образа и зажгла чуланъ, а увидеть и погасить было некому: всѣ люди были у обѣдни¹⁷⁰. При страшномъ вихрѣ пламя начало разбрасывать во всѣ стороны, выгорѣлъ Кремль, Китай и Бѣлый городъ, въ Земляномъ выгорѣли Басманныя улицы, старая и новая, Нѣмецкая слобода, слободской дворець, Лефортовская слобода. Пожаръ длился до четвертаго часа утра, 30 числа. Сгорѣло внутри 39 церквей; обгорѣло снаружи 63, монастырей 11, дворцовъ 4, богадѣлень 17, частныхъ домовъ 2527, людей погибло 94 человекъ. Въ Кремлѣ сгорѣли: конюшенный дворъ, цейгаузъ, синодальный дворъ, житный дворъ; въ Китаѣ между сгорѣвшими зданіями упоминаются: бібліотека, комендантскій дворъ, аптека, печатный и посольскій дворы, ряды. Въ сенатскомъ архивѣ сгорѣло 926 переплетенныхъ книгъ съ дѣлами по сенатской канцеляріи, 32 книги съ дѣлами Вышняго суда, въ главной дворцовой канцеляріи въ архивѣ сгорѣли старыя и новыя дѣла и протоколы этой канцеляріи, также дѣла бывшаго приказа большаго дворца, писцовыя, приходныя, расходныя и прочія книги и всякія вѣдомости, всего въ десяти палатахъ; сгорѣлъ архивъ московской ратуши; сгорѣли окладныя и доимочныя книги московскимъ дворамъ и домовымъ банямъ, такъ что и споры о земляхъ, рѣшать стало непочему¹⁷¹. Изъ коллегій, канцелярій, конторъ и приказовъ показано убытку на 414,825 рублей; по заявленіямъ частныхъ лицъ, убытку понесено ими на 1,267,384 рубля; но многіе сказокъ не подали¹⁷².

29 мая Москва сгорѣла отъ денежной свѣчки; но 4 іюля за Москвою рѣкою, въ домѣ секретаря Остафьева произошелъ пожаръ: воровскіе люди зажгли сушило. 8 іюня за петровскими воротами, на дворѣ дѣвицы Волынской у крестьянина ея въ избѣ нашли заткнутый въ стѣну сухой порохъ, завязанный въ тряпку. На другой день прислана была къ розыску дворовая дѣвка князя

Мих. Владим. Долгорукаго Марѳа Герасимова съ тряпичей и горѣлымъ охлопкомъ, которыми она зажигала въ домѣ своего господина на Тверской и съ одного розыска повинилась; ее сожгли живую. 13 іюня загорѣлось у Іліи Пророка на Воронцовомъ полѣ: плотникъ повинился, что зажегъ съ сердца на хозяина, который въ Троицынъ день не накормилъ его и не напоилъ пивомъ. Въ томъ же мѣсяцѣ въ Петербургѣ на Адмиралтейской сторонѣ въ Греческой улицѣ, подлѣ дома цесаревны Елисаветы Петровны, у иностраннаго купца Ливзена на крышѣ найдена кубышка смоленая, внутри оклеена бумагою, обвязана мочаломъ, и сверху въ творилѣ ея насыпано пороху золотника съ два ¹⁷³.

Этимъ пожарамъ въ столицахъ лѣтомъ 1734 и 1735 годовъ предшествовали пожары лѣсные. Въ іюлѣ 1735 года императрица писала генералу Ушакову: «Андрей Ивановичъ! Здѣсь (въ Петербургѣ) такъ дымно, что окошка открыть нельзя, а все отъ того, что по прошлогоднему горитъ лѣсъ; намъ то очень удивительно, что того никто не смотритъ, какъ бы оные пожары удержатъ и уже горитъ не первый годъ. Вели осмотрѣть, гдѣ горитъ и отъ чего оное происходитъ и притомъ разошли людей и вели какъ можно поскорѣе чтобъ огонь затушить» ¹⁷⁴.

Наконецъ нужно было принимать мѣры противъ третьяго народнаго бѣдствія—появляющихся болѣзней. Здѣсь средства государства были также не достаточны, какъ и средства противъ пожаровъ у московской ратуши, у которой было четыре заливныя трубы на всю Москву. Въ 1737 году главная полиціймейстерская канцелярія представила въ медицинскую канцелярію, что въ Псковѣ въ одну недѣлю заболѣло головою болѣзнію 355 человекъ, изъ которыхъ умерло 8, болѣзнь все усиливается, а въ городѣ лѣкарей нѣтъ. Медицинская канцелярія донесла императрицѣ, что у нея лишнихъ докторовъ и лѣкарей нѣтъ; есть штатдѣ-физикусъ съ лѣкаремъ, но и тѣ нужны въ Петербургѣ; въ Москвѣ при ратушѣ есть лѣкарь, которому жалованье производится отъ той же ратуши, и необходимо, чтобъ и въ другихъ губерніяхъ и провинціяхъ обыватели содержали лѣкарей. Определено, что, по крайней мѣрѣ, въ знатные города медицинская контора должна назначить по лѣкарю, которые будутъ получать жалованье изъ ратушъ, одинаковое съ полковыми лѣкарями и кромѣ того квартиры; лѣкарства они должны заготовлять сами и брать за нихъ плату отъ больныхъ ¹⁷⁵.

Какъ относились въ провинціяхъ къ медицинѣ, можно видѣть изъ донесенія архіатеру изъ Новопавловска отъ аптекарскаго гезеля Ролофа въ 1735 году: «Съ порученною мнѣ полевой аптекою прибылъ я сюда счастливо, и сейчасъ же явился доктору Санхесу и подаль ему свою инструкцію; тотъ мнѣ сказалъ, чтобъ я шель къ коменданту Либгеру, который укажетъ мнѣ домъ. Но Либгеръ отвѣчалъ мнѣ, что дома у него нѣтъ, потому что порожніе дома берегутся для генераловъ, если пріѣдутъ, а прочіе всѣ солдатскіе дома. На другой день послѣ того приказалъ онъ мнѣ чрезъ господина квартирмейстера отвести три двора: въ каждомъ дворѣ только одна изба, въ которую если три или четыре человѣка войдутъ, то повернуться не могутъ. Я репортовалъ объ этомъ доктору Санхесу, и тотъ пошелъ вмѣстѣ со мною къ генералу Дебриньи, а генераль послалъ со мною адъютанта къ Либгеру съ приказомъ, чтобъ отвели мнѣ хорошій домъ. Либгеръ отвѣчалъ, что домовъ про аптеку у него нѣтъ. Тутъ сидѣлъ у него бригадиръ Пашковъ и говорилъ: «Всѣ пріѣзжаютъ изъ Москвы и хотятъ здѣсь великими господами быть: и лѣкаря, и доктора и аптекаря; докторъ требуетъ домъ на госпиталь, и укусуъ, и постели: все бы это привозили съ собою изъ Москвы, и дома также.» Я сказалъ: господинъ бригадиръ! Это не моя аптека, но ея величества, мнѣ она поручена, я за нее отвѣчаю. Бригадиръ отвѣчалъ на это: можешь свою аптеку подъ горой поставить и сѣномъ обвертѣть. Я отвѣчалъ, что не могу съ аптекою ея величества такъ поступить. Тогда онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я держалъ ротъ за замкомъ, онъ видѣлъ въ моей инструкціи, что я только гезель и давалъ мнѣ весьма злыя слова, и я пошелъ прочь, ибо кромѣ того хотѣлъ приказать меня прибить. О Господи! послѣ такого тяжелаго пути хотятъ такъ со мною поступать! больше четырехъ недѣль я на улицѣ спалъ, и здѣсь въ Новопавловскѣ уже двѣ ночи съ аптекою на улицѣ стоялъ.»

Когда въ 1737 году въ Москвѣ свирѣпствовала горячка съ пятнами, то народъ искалъ причину болѣзни въ томъ, что ночью на спящихъ людей привели слона изъ Персіи¹⁷⁶. Но правительство находило другія причины: въ 1738 году оно объявило, что болѣзни въ Петербургѣ могутъ умножиться отъ привоза на продажу весьма дурнаго мяса; полиція должна была послать офицеровъ и лѣкарей для осмотра продаваемого мяса¹⁷⁷. Въ томъ же

году синодъ получилъ изъ кабинета указъ ея величества, что несмотрѣніемъ священниковъ могилы копаютъ мелкія и земли надъ ними не утаптываютъ, отъ чего тяжелый духъ чрезъ рыхлую землю проходитъ ¹⁷⁸. Наконецъ въ именномъ указѣ 1739 года встрѣчаемъ жалобу императрицы на полицію, которая ни мало не смотритъ, что по пустырямъ и глухимъ мѣстамъ мертвечина валяется и множество непотребныхъ собакъ въ городѣ бѣгають и бѣсятся; 16 сентября одна бѣшеная собака вбѣжала въ лѣтній дворецъ и жестоко изѣла двоихъ дворцовыхъ слугителей и младенца ¹⁷⁹.

Отъ пожаровъ и моровыхъ повѣтрій не обезпечивала слабая полиція и бѣдныя средствами городскія ратуши; не обезпечивали они жизни и собственности гражданъ отъ другаго бѣдствія, которое продолжало свирѣпствовать въ обширныхъ размѣрахъ, — отъ разбоевъ. Въ 1732 году до свѣдѣнія императрицы дошло, что въ городахъ Московской губерніи происходятъ не малые разбои; въ Дмитровскомъ уѣздѣ воровскіе люди разбили домъ стольника Татищева; для поимки воровъ велѣно послать военные отряды ¹⁸⁰. Черезъ два года отправленъ былъ въ Москву къ графу Салтыкову изъ кабинета именной указъ: объ искорененіи многихъ разбойничьихъ компаній около Москвы, изъ которыхъ прислааны были три письма къ фельдмаршалу Брюсу съ требованіемъ денегъ и съ великими угрозами въ случаѣ неисполненія требованія ¹⁸¹. Въ 1735 году севать, по докладу полиціямейстерской канцеляріи, велѣлъ вырубать лѣса отъ Петербурга до Соснинской пристани по *проспективной* дорогѣ, чтобъ ворами пристанища не было; а такъ какъ воровство умножилось близъ самаго Петербурга, многихъ людей грабятъ и бьютъ, то для ихъ искорененія военная коллегія и полиціямейстерская канцелярія должны были отправить пристойную партію драгунъ или солдатъ ¹⁸². Велѣно было очищать и новгородскую дорогу отъ лѣсовъ по 30 сажень въ обѣ стороны, потому что умножились воровскія компаніи ¹⁸³. Въ 1736 году девять человекъ разбойниковъ днемъ ворвались въ келью игумна московскаго Срѣтенскаго монастыря, били его, ранили въ голову ножомъ, побрали деньги и вещи ¹⁸⁴. Въ апрѣлѣ 1735 года, на пасхѣ, въ Шацкомъ уѣздѣ, на Вышенской пристани воровскіе люди человекъ со 100, которые работали на той пристани на стругахъ у купцовъ по паспортамъ, пристань разбили дневнымъ разбоемъ, взяли у купцовъ, на кабакъ и въ таможи

тысячи съ двѣ денегъ, убрались въ лодки и поѣхали по рѣкѣ Вышѣ; ночью подплыли къ пристани Салтыковской и въ селѣ Благовѣщенскомъ-Салтыковѣ разбили помѣщичій дворъ, прикащиковъ мучили и жгли огнемъ, двоихъ конюховъ убили. Потомъ поѣхали внизъ по Вышѣ рѣкѣ и, выплывъ въ рѣку Цну, пристали къ селу Конобѣву, ночью напали на помѣщичій дворъ (Нарышкина), прикащика застрѣлили и деньги у него побрали; отправившись отсюда внизъ по Цнѣ, подѣхали подъ село Сасево, днемъ разбили таможеню, кабакъ и соляной дворъ, взяли денегъ тысячъ съ пять. Въ Сасево отъ шацкаго провинціального начальства было выслано нѣсколько солдатъ, которые и вступили въ бой съ разбойниками; но тѣ убили и ранили сасевскихъ крестьянъ человекъ съ десять, поѣхали внизъ по Цнѣ, разорили многихъ помѣщиковъ и прикащиковъ. Остановившись въ селѣ Ушаковѣ, они дали священнику 3 рубля денегъ, чтобъ поминалъ канобеевскаго прикащика и убитаго ихъ товарища; да еще дали три рубля, на которые велѣли купить колоколъ. Подѣхавши Цною къ селу Агламазову, вызвали священника съ образами на берегъ, подходили ко кресту и давали священнику по копейкѣ и по деньгѣ; въ селѣ Злятковѣ заставили священника служить молебень и за то дали ему денегъ пять рублей да въ церковь камки красной аршинъ. Отправлены были солдатскія команды по рѣкамъ для перехвата разбойниковъ; началась война: въ 30 верстахъ отъ Нижняго на Окѣ разбойники осилили гнавшуюся за ними команду, убили начальствовавшего ею поручика. «Разбойническія компаніи чинили въ верхъ по Окѣ великія разоренія и смертныя убійства»^{185.}

Въ 1740 году въ Ярославлѣ на полотняной фабрикѣ Ивана Затрапезнова открытъ былъ заговоръ фабричныхъ, о которомъ одинъ изъ главныхъ заводчиковъ такъ разказывалъ: «Въ прошломъ 1739 году былъ я въ большомъ кабакѣ съ другими фабричными, и во время питья сошлись съ нами изъ бурлаковъ человекъ пять, изъ нихъ одного зовутъ Смолою, и всѣ эти бурлаки работали на бумажной мельницѣ Затрапезнаго. Во время питья бурлаки начали говорить мнѣ и товарищамъ моимъ: «Что вы на фабрикѣ такъ терпите, воли вамъ пошалить нѣтъ, бьютъ васъ и держатъ въ колодахъ; лучше вамъ хозяина своего Затрапезнаго убить и фабрику его выжечь, отъ того была бы вамъ воля.» Я сталъ звать

Смолу и товарищей его дѣлать дѣло вмѣстѣ, но бурлаки не пошли, а сказали: «теперь бурлаковъ мало, соберемъ ихъ въ другой годъ съ Низу челоувѣкъ сто.» Въ нынѣшнемъ 1740 году, будучи на большомъ кабакѣ, уговорились мы съ товарищами сдѣлать такъ: собравшись, идти ночью за фабрику въ лѣсъ, изъ лѣсу, разобравъ отъ поля заборъ, войти на мануфактурный дворъ, зарѣзать караульныхъ, стоящихъ у казенной палаты; потомъ одному, зашедши отъ конюшни, зажечь, а прочимъ вломиться въ хоромы, зарѣзать хозяина и всѣхъ живущихъ при немъ людей, разломать дворъ казенной палаты, забрать все что тамъ имѣется, и идти на Низъ, на Демидовы заводы, а лодки и паспорта хотѣли промыслить у бурлаковъ, въ чемъ *посумлся* намъ тотъ же Смолла. Хозяина своего убить хотѣли мы за то, что онъ поступаетъ не такъ какъ братъ его Дмитрій: Дмитрій Затрапезновъ когда мы и провинимся, не наказываетъ, какъ хозяинъ нашъ Иванъ—за грабежи, драки и озорничества больно наказываетъ и велить въ колодахъ держать не малое время, что намъ очень скучно»¹⁸⁶. Въ 1739 году казнили въ Москвѣ разбойника князя Лихутева¹⁸⁷. Въ 1740 году въ самой петербургской крѣпости воры убили часового и украли нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ¹⁸⁸. Для сыску воровъ и разбойниковъ назначенъ былъ особый постоянный отрядъ войска подъ начальствомъ подполковника Реткина, который имѣлъ пребываніе въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1732 году изъ взятыхъ имъ 440 челоувѣкъ, 20 убійцъ были казнены смертію, 15 воровъ и разбойниковъ бѣглыхъ солдатъ были сосланы на вѣчную каторгу; 85 воровъ пристанщиковъ по наказаніи кнутомъ и батогами освобождено; бѣглыхъ солдатъ и рекрутовъ отослано на службу 6 челоувѣкъ, умерло подъ карауломъ 14, отослано къ гражданскому суду 10, прочіе освобождены. Въ 1733 году изъ 424 челоувѣкъ казнено смертію 11, сослано на вѣчную каторгу 23, пристанщиковъ наказано и освобождено 91, къ гражданскому суду послано 27, бѣглыхъ солдатъ 19, умерло подъ карауломъ 30. Въ 1734 году изъ 570 казнено смертію 24, сослано 18, по наказаніи освобождено воровъ и татей 160, къ гражданскому суду отослано 45, бѣглыхъ солдатъ 50, умерло подъ карауломъ 25, убѣжало изъ-подъ караула 2. — Въ 1735 году изъ 633 казнено смертію 94, сослано 29, по наказаніи освобождено 168, бѣглыхъ солдатъ 21, подъ карауломъ померло 56. — Въ 1736

году изъ 835 смертію казнено 102, сослано 37, по наказаніи освобождено 157, бѣглыхъ солдатъ 21, подъ карауломъ померло 26 ¹⁸⁹.

Всѣ описанныя явленія — побѣги, голодъ, повальные болѣзни, недостатокъ медицинскихъ пособій, разбои — не могли содѣйствовать быстрому увеличенію народонаселенія. Въ концѣ царствованія Анны въ великороссійскихъ губерніяхъ считалось жителей: 5,565,259 человекъ мужскаго и 5,327,929 женскаго пола ¹⁹⁰.

Жестокость казней свидѣтельствовала о жестокости нравовъ, не смягчившейся со временъ Уложенія. Тѣ же времена напоминало другое явленіе, противъ котораго съ конца XVII вѣка постоянно вооружалось правительство и все понапрасну: то была привычка къ скорой ѣздѣ, имѣвшая нерѣдко очень печальныя послѣдствія и обличавшая дикую, степную удалъ и неумѣнье сдерживать себя вниманіемъ къ безопасности и удобству другихъ членовъ общества, а это неумѣнье обличало и, къ сожалѣнію, обличаетъ до сихъ поръ незрѣлость русскаго общества, непониманіе самыхъ первыхъ приемовъ общественныхъ. Въ 1732 году правительство объявило, что, несмотря на прежніе указы, многіе люди и извозчики ѣздятъ въ саняхъ рѣзво и верховые ихъ люди передъ ними необыкновенно скачутъ и на другихъ наѣзжаютъ, бьютъ плетью и лошадьми топчутъ; за такую ѣзду указъ грозилъ жестокииъ наказаніемъ или даже смертною казнью ¹⁹¹. Угроза не помогла и въ 1737 году новый указъ съ жалобою, что прежній не исполняется и съ угрозою, что за скорую ѣзду лакеевъ будутъ бить нещадно кошками, а съ господъ брать денежный штрафъ ¹⁹². Но въ концѣ того же года какіе-то люди парой въ саняхъ съ дышломъ наскakали на фельдмаршала Миниха, ѣхавшаго также въ саняхъ, и самого его чуть не зашибли, а стоявшаго на заняткахъ адъютанта такъ ударили, что едва остался живъ, вслѣдствіе этого новый указъ — скоро и съ дышлами въ саняхъ не ѣздить ¹⁹³. И этотъ указъ оказался недѣйствительнымъ: въ ноябрѣ 1738 года отъ скорой ѣзды задавили ребенка до смерти; новое запрещеніе, и теперь уже придумали другое средство, кромѣ угрозъ: на большихъ улицахъ велѣно обывателямъ учредить денные караулы, которые должны были ловить и приводить въ полицію тѣхъ, кто помчится на бѣгунахъ или въ саняхъ съ дышлами, также извозчиковъ, которые поѣдутъ на саняхъ, а не верхами ¹⁹⁴.

Конечно въ этомъ пренебреженіи указами противъ скорой ѣзды

не безъ участія былъ господствовавшій въ то время порокъ, пьянство: этотъ порокъ не только былъ терпимъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже требовалось быть шумнымъ. Оставленный главнокомандующимъ въ Москвѣ графъ Семенъ Салтыковъ писалъ Бирону въ маѣ 1732 года: «Прошедшаго апрѣля 28, въ день коронаванія ея и. в—ства здѣсь торжествовали въ домѣ ея и. в—ства обрѣтающіеся здѣсь въ Москвѣ архіереи и господа министры и генералитетъ и дамы и статскіе чины и лейбъ-гвардіи полковъ штабъ-и-oberъ офицеры, также и другихъ полковъ штабъ-офицеры, обѣдали и всѣ веселились довольно и очень были шумны, такъ что иныхъ насилу на рукахъ снесли, а иныхъ развезли, однакожь все по благодати Божіей благополучно; токмо въ то число Ѳедоръ Чекинъ былъ неспокоенъ. Какъ еще сидѣли за столомъ и не очень были шумны, то онъ Чекинъ многова не пилъ, и которые офицеры подносили, пришли ко мнѣ и сказали, что онъ Чекинъ не пьетъ, и я ему сталъ говорить: вѣдаешь ли, что ты въ домѣ ея и. в—ства, а не хочешь пить и сказываешь, что будто вино худо, вѣдь ты это зашелъ не въ вотчинную коллегію и не на катокъ, и оное я ему сказалъ для того, что онъ Чекинъ безпрестанно живетъ въ вотчинной коллегіи, и кабакъ, что подлѣ вотчинной коллегіи, который называется катокъ; и онъ сталъ со мною въ споръ говорить и хотѣлъ браниться, только я съ нимъ браниться и въ споръ говорить не хотѣлъ въ домѣ ея и. в—ства и въ такой торжественный день; токмо я противъ него умолчалъ и такъ сдѣлалъ, что будто ничего не слыхалъ; а потомъ Григорій Петровичъ Чернышевъ черезъ столъ началъ съ нимъ говорить, что онъ не пьетъ и выбираетъ вино: вѣдаешь ты, что домъ ея и. в—ства, и онъ Чекинъ къ нему придирался, однакожь Григорій Петровичъ отъ того умолчалъ и не хотѣлъ съ нимъ браниться и показалъ, что будто ничего не слыхалъ; да герольдмейстеръ Квашнинъ-Самаринъ объявилъ мнѣ, что въ тожь число, какъ изъ стола въ залѣ въ наугольной встали и пили на колѣбкахъ, и какъ сталъ пить онъ Квашнинъ-Самаринъ, то пришедъ къ нему оный Чекинъ и толкнулъ его Квашнина-Самарина больно, отъ чего онъ упалъ и парикъ съ головы сронилъ и сталъ ему Чекину говорить: для чего ты такъ толкаешь, этакъ генераль-поручики не дѣлають, и онъ Чекинъ сказалъ, что я тебя толкнулъ въ надеждѣ, и онъ Квашнинъ-Самаринъ сказалъ ему,

что эта надежда худа что больно; и послѣ, какъ уже всѣ стали разбѣзжаться, онъ Чекинъ пришедъ въ покои, гдѣ я по ея и. в—ства милости живу и въ тотъ часъ вышелъ я въ другой покой ненадолго, и безъ меня въ тотъ часъ онъ же Чекинъ убилъ (т. е. прибилъ) дворянина Айгустова, съ которымъ у него въ вотчинной коллегіи дѣло, который былъ въ тѣ числа у меня; а какъ я вшелъ въ покои и увидаль, что оный Айгустовъ плачетъ, и я ему Чекину сталъ говорить, для чего такъ въ домѣ ея и. в—ства противно дѣлаеть и деретса, и онъ Чекинъ со мною сталъ говорить противно, и я его Чекина велѣлъ выслать изъ дому ея и. в — ства; а послѣ того онъ же Чекинъ пошелъ къ князю Ивану Юрьевичу и сталъ ему на меня жаловаться и бранилъ меня у него м....., за что и отъ него князь Ивана Юрьевича онъ Чекинъ выведенъ изъ дому. Онъ же Чекинъ дворянину Айгустову чинитъ многія обиды и разорилъ его безъ остатку, отъ котораго его разоренія оный бѣдный Айгустовъ живетъ у меня и я его кормлю для того, что онъ Чекинъ разорилъ его въ конецъ, да и гдѣ оный Чекинъ въ сосѣдствѣ не живетъ, то великія жалобы на него показываютъ въ землѣ и въ прочихъ непорядочныхъ его поступкахъ, и я съ онымъ Чекинымъ не смѣлъ ничего сдѣлать, для того что онъ имѣетъ чинъ генерала-поручика, и правда, что всѣмъ намъ этотъ его чинъ только стыдъ наноситъ»¹⁹⁵.

Изъ столицъ, отъ пировъ, происходившихъ въ высокочественный день въ домѣ ея и. в — ства, отъ любопытныхъ отношеній главнокомандующаго къ генераль-поручикамъ, перейдемъ въ провинцію, къ нравамъ и обычаямъ, въ ней господствовавшимъ. Здѣсь мы должны собственно ограничиться образомъ жизни одного высшаго, дворянскаго сословія или, какъ тогда называли, шляхетства, и только по отношенію къ нему можемъ что-нибудь сказать и о другихъ сословіяхъ. Причина, почему мы должны такимъ образомъ ограничиться, ясна: благодаря мѣрамъ Петра Великаго, дворянство сдѣлалось сословіемъ обязательно грамотнымъ, образованнымъ; вслѣдствіе этой образованности въ его средѣ явились люди, которые не хотѣли прожить молча, которые имѣли способность наблюдать окружающія ихъ явленія, подмѣчать особенно любопытныя, и прилагать къ нимъ свои новые взгляды, судить о явленіяхъ по соотвѣтствію или противорѣчію ихъ этимъ

новымъ взглядамъ. Мысль передать свои воспоминанія въ литературной формѣ пришла къ нимъ гораздо позднѣе описываемаго времени, вельдствие новыхъ побужденій, вельдствие дальнѣйшаго общественнаго развитія; но воспоминаніе ихъ молодости относится къ описываемому времени, и мы должны ими воспользоваться. Изъ другихъ сословій могли выходить люди ученые, и величайшаго изъ русскихъ ученыхъ выставило низшее сословіе, крестьянское; но эти ученые, посвящавшіе все свое время наукѣ и литературѣ, не имѣли времени и побужденій записать подробно свои воспоминанія. Такимъ образомъ о состояніи духовенства, купечества, крестьянства мы можемъ узнать изъ императорскаго указа, изъ письма правительственнаго лица или изъ записокъ дворянина; но понятно, что дворянинъ больше всего рассказывалъ о своихъ.

Въ описываемое время жили безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ старики, носившіе еще допетровскіе чины, напримѣръ стольниковъ, носили бороду и жили воспоминаніями о старой Москвѣ; для нихъ Полтава, «преславная викторія» не имѣла значенія, но подробно рассказывали они о Чигиринскомъ походѣ, въ которомъ участвовали. Жили они по старинѣ въ высокихъ хоромахъ на омшеникахъ, съ низу въ верхнія сѣни вела предлинная лѣстница, которую покрывалъ своими вѣтвями стоявшій близъ крыльца широкій и густой вязъ. Но высокіе хоромы состояли только изъ двухъ жилыхъ горницъ, раздѣленныхъ сѣнями: въ одной горницѣ хозяинъ жилъ лѣтомъ, въ другой зимою. У другихъ, побѣднѣе особой кухни не было, сѣни раздѣляли двѣ горницы, изъ которыхъ одна была бѣлая, другая черная: въ послѣдней готовили кушанье. Говорили эти старики странною рѣчью, да и не они одни, а у всѣхъ, какъ говорятъ, была такая мода или привычка: примѣшивали къ словамъ какую-нибудь ничего не значущую примолвку, напримѣръ: «*неты южъ дарюку,*» или: «*воистину положи меня.*» Явленіе любопытно, показывавшее, какъ мало слово соответствовало мысли, какъ мало обращалось вниманія на точность и ясность выраженія, вельдствие чего въ рѣчи и являлись совершенно не нужные наросты, слова и цѣлыя выраженія—паразиты. Около стариковъ толпились внучата, воспитывавшіеся уже иначе, выросавшіе подъ другими впечатлѣніями; но послушаемъ, что рассказываетъ ребенку старушка родственница, жившая въ домѣ; она рассказываетъ не сказку, а истинное проис-

шествіе, какъ ея дѣдушка, котораго она еще помнила, былъ взятъ въ плѣнъ Татарами и долго томился въ тяжелой неволѣ; старикомъ удалось ему бѣжать изъ плѣна; онъ возвращается въ свое помѣстье и видитъ, что все перемѣнилось: стараго дома его уже нѣтъ. «Чьи вы?» спрашиваетъ онъ у встрѣчнаго крестьянина; тотъ называетъ его племянниковъ.—«А гдѣ же семья прежняго помѣщика?»—«Сыновья побиты на войнѣ, жену разбойники разбили и до смерти замучили.»

Второе поколѣніе дворянъ, живущихъ въ помѣстьяхъ—это оставшіе офицеры и солдаты петровскаго войска. У нихъ уже другія преданія, какъ напримѣръ, у одного государь самъ ножицами отрѣзалъ висящіе на жилахъ отстрѣленные при нарвскомъ штурмѣ пальцы, при чемъ въ утѣшеніе страждущему изволилъ сказать: «Трудно тебѣ было.» И въ это время еще сохранился родовой бытъ, родовое единство и самоуправленіе. Младшій братъ получаетъ отъ матери въ исключительное владѣніе ея четвертую вдовью часть имѣнія, старшій братъ созываетъ всѣхъ членовъ рода, которые принуждаютъ младшаго удовольствоваться четвертымъ жребіемъ матери и не вступаться въ отцовское имѣніе. Младшій, обремененный семействомъ, не могъ жить доходами съ этого материнскаго участка, и обратился съ просьбою къ сильному благодѣтелю; по вліянію этого благодѣтеля онъ получилъ мѣсто по управленію вотчинами Троицко-Сергіева монастыря, сталъ получать отсыпной хлѣбъ и деньги. Но тутъ опять является родовое единство и авторитетъ: родственники сочли безчестіемъ для цѣлаго рода, что одинъ изъ членовъ его «опредѣлился къ монастырю, отрѣшили его, по просьбѣ своей, отъ монастырской должности и положили содержать его на своемъ общемъ иждивеніи.» Тутъ же видимъ и признаки паденія могущественнаго некогда начала: только одинъ изъ членовъ рода долѣе другихъ сдерживалъ свое обѣщаніе, помогалъ младшему, а потомъ и онъ, подобно остальнымъ, ограничился однимъ сожалѣніемъ. Служба монастырю считалась неприличною между дворянами, но по прежнему искали они средствъ покормиться отъ государственной службы: такъ привлекали ихъ новыя полицейскія должности, потому что, по свидѣтельству одного изъ нихъ, «всѣ полицейскіе офицеры живутъ довольны.» Воеводы кормились по прежнему; видимъ и еще способъ собирать кормы, извѣстіе о ко-

торомъ не встрѣчаемъ прежде: въ Рождество воевода отпускалъ сыновей своихъ и проживавшихъ у него молодыхъ родственниковъ въ уѣздъ Христаславить и съ ними посылалъ по пяти и больше порожнихъ саней: славельщики каждый день привозили эти подводы, наполненные хлѣбомъ и живыми курами, также по нѣскольку денегъ; гдѣ воеводичи не славили, тамъ собирали куръ воеводскіе люди.

Относительно военной службы этого втораго поколѣнія, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые, ничѣмъ не отличаясь, служили весь вѣкъ въ солдатахъ, встрѣчаемъ любопытныя извѣстія въ запискахъ, напримѣръ: одному изъ мелкихъ помѣщиковъ Астафьеву, служившему солдатомъ въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку, «досталось наслѣдство 900 душъ: онъ старался оное наслѣдство за себя справить по закону, но въ вотчинной коллегіи учинены были отъ родственниковъ его споры, которые хотѣли быть ему въ наслѣдствѣ участниками. Астафьевъ подарилъ свою прежнюю вотчину (50 душъ) бывшему тогда въ вотчинной коллегіи секретарю Каменеву: Каменевъ, получа деревню, рассмотрѣлъ дѣло въ коллегіи вправду и утвердилъ законнымъ наслѣдникомъ Астафьева. Тотъ, получа большое наслѣдство, не прилежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдашнее время отставки отъ службы не было или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за паспортъ получить душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и съ дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ, когда Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы, таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ Астафьевъ пользовался каждый годъ по договору. При самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставявъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ-подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Полковой писарь гораздо былъ совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за паспортъ. Астафьевъ, пользуясь частыми отпусками, не видалъ конца своему имѣнію, веселясь въ деревнѣ живучи разными забава-

ми. Одинъ изъ дядьевъ его родныхъ зазвалъ къ себѣ племянника, для котораго дѣлалъ веселое собраніе и пирь, да и взялъ съ него закладную въ 5000 рублей на село, что наилучшее, а денегъ за оное село едва получилъ Астафьевъ одну тысячу рублей. Наслѣдкомъ, за великою его слабостію, усовѣстился секретарь гвардіи держать Астафьева на своей шелковинкѣ: отставили его изъ полку въ отставку, только на провожаньи не дешево ему стало. Поживъ въ деревнѣ больше уже въ болѣзни и пьянствѣ, нежели въ веселостяхъ, укрѣпилъ деревни своей женѣ; послѣ того вскорѣ умеръ. Вдова претерпѣла великое притѣсненіе отъ наслѣдниковъ мужа своего: они запретили въ деревняхъ ее слушать и ничего ей не давать, а на отправленный изъ деревни запасъ для нея въ Москву дорогою набѣгли и разграбили какъ разбойники.»

Помѣщикъ, чтобъ получить годовой отпускъ изъ полку, давалъ секретарю взятку — по 12 *душекъ* крестьянъ, писарю по одной душѣ; чтобъ выиграть 900 душъ, дарить секретарю вотчинной коллегіи имѣніе съ 50 душами. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ государствомъ земледѣльческимъ, первобытнымъ, гдѣ нѣтъ развитой промышленности и торговли, гдѣ нѣтъ денегъ, а гдѣ нѣтъ денегъ, тамъ вольнонаемный трудъ невозможенъ и господствуетъ рабство, крѣпостное право. Встарину правительство, не имѣя денегъ, платило своимъ слугамъ жалованье землею; землевладѣльцы, не имѣя денегъ, отдавали монастырямъ на поминъ души земли. Къ землямъ прикрѣпили крестьянъ, чтобъ дать служилому человѣку постояннаго работника; чедовѣкъ, рабочая сила была дороже земли, ибо земли было много, а людей мало. Имѣніе дѣнно по населенію, а не по количеству и качеству земли, и потому сейчасъ же счетъ начался вестись душами: онъ имѣеть столько-то душъ, потому богатъ или бѣденъ, а количество земли имѣеть второстепенное значеніе, и взятки даются *душками* крестьянскими на съозъ, а не десятинами земли.

Относительно обращенія душевладѣльцевъ съ этими душками, которыми давались взятки, встрѣчаемъ примѣры хорошихъ и дурныхъ господъ: напримѣръ объ одной помѣщицѣ говорится, что она «повелѣвала своими служанками болѣе ласкою, нежели дворянскою обыкновенною властію.» Но послѣднее выраженіе: *обыкновенная* власть, показываетъ, что обхожденіе доброй помѣщицы

было явленіемъ не очень *обыкновеннымъ*; хотя съ другой стороны какъ что-то необыкновенное также выставляется и такое обращеніе: «Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною; только, признаюсь, сколько времени у нея я не жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положить на полъ и стануть сѣчь батожемъ немилосердно, и потуда сбкутъ и кухарка кричить, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетита.»

Не всегда крестьяне спокойно переносили такое обращеніе: одинъ данковскій помѣщикъ подалъ прошеніе въ воеводскую канцелярію, что крестьяне его сдѣлались ему непослушны: «воевода, собравъ сколько у него при канцеляріи было солдатъ и разсыльщиковъ, съ ружьями и коньями, послалъ подъячаго по инструкціи забрать крестьянъ ослушниковъ въ канцелярію для наказанія; но бунтующіе крестьяне приготовились заранѣе къ принятію таковыхъ незваныхъ къ себѣ гостей, не забыли вооружить себя камнями, полѣньями, дубьемъ и рогатинами, для своего защищенія. Притомъ они имѣли у себя изъ бунтовщиковъ одного главнаго уговорщика и предводителя, который объявлялъ о себѣ, что онъ отъ пули заговорить не только себя, но всѣхъ товарищей, которые съ нимъ городской командѣ противиться будутъ. Товарищи его, съ великою надеждою на своего предводителя и заговорщика пугь уповая, выступили съ женами и дѣтьми своими противъ городской команды на драку: городская команда, по малости своего числа, видя противъ себя великое множество собравшагося со всякимъ орудіемъ народа, захватила для себя удобное мѣсто въ деревнѣ, дабы кругомъ не быть обхваченной отъ бунтовщиковъ, кои неустрашимо шли прямо на посыльныхъ и передъ ними предводитель и заговорицкъ ружья, человекъ молодой, роста великаго и стройнаго; приближаясь, бунтовщики пустили изъ рукъ своихъ камни и полѣнья какъ градъ и повторили разъ за разомъ, съ великимъ крикомъ и бранью, которымъ швырянемъ они многихъ городскихъ поранили. Между тѣмъ и городскіе посыльные, защищая себя, изъ своихъ ружей сдѣлали

нѣскольکو выстрѣловъ безъ ошибки по толпѣ бунтующихъ, а одному удалось такъ небережно выстрѣлить изъ ружья по самомъ предводителѣ и заговорщикѣ пулѣ, что онъ не успѣлъ своихъ заговорныхъ словъ выговорить и палъ на землю мертвъ. Увидя бунтовщики предводителя своего мертва, дрогнули всѣ и зачали спасать себя бѣгствомъ, куда кто могъ скрыться; городскіе, видя такое смятеніе, не упустили сего случая и начали ловить бѣгущихъ, и столько нахватали ихъ, сколько имъ можно было взять съ собою. Крестьяне были всѣ молодые и здоровые, по платью и по рубахамъ не походили они на степныхъ крестьянъ, а на гулящихъ самыхъ бурлаковъ; при допросѣ они отвѣчали съ звѣрскимъ видомъ.»

Татарскаго плѣна не испытывалъ никто изъ дворянъ втораго поколѣнія; но отъ разбойниковъ они страдали такъ же какъ и предки. Первое, что могъ передать изъ своей жизни одинъ дворянинъ третьяго поколѣнія, было слѣдующее происшествіе съ его отцомъ и матерью: «Въ 1722 году случилось отцу моему ѣхать отъ свойственниковъ своихъ съ моею матерью, при коей и я находился въ младенствѣ у груди: пробѣжавъ городъ Веневъ, стали подѣзжать къ рѣкѣ Осетру, разстояніемъ отъ дому своего не болѣе пяти верстъ, время тогда было зимнее, а день приключился къ сумеркамъ, набѣжали на нихъ нѣскольکو саней, въ коихъ человекъ десять или болѣе было разбойниковъ. Отецъ мой, сидя на облуку у той кибитки, въ которой мать моя со мною сидѣла, а человекъ правилъ (какъ я отъ отца моего оное приключеніе слышалъ), вооруженъ былъ только однимъ палашемъ: узнавъ онъ изъ той воровской шайки одного мужика изъ деревни Соколовки, одного къ церкви прихода, сказалъ ему, что по сосѣдству не хорошо такъ поступать и что онъ знаетъ ихъ. Оное слово не умягчило сихъ бездѣльниковъ, а можетъ быть и пьяныхъ; они закричали воровскимъ обыкновеніемъ: «атаманъ потчивай, онъ знаетъ насъ.» Послѣ сего слова кинулись разбойники съ дубьемъ на отца моего и начали бить: отецъ мой противъ толкаго числа разбойниковъ не долго оборонялся, отбѣжалъ обороняясь отъ дороги нѣскольکو сажень, гдѣ они сбили его съ ногъ на землю и били столь безчеловѣчно, что чуть жива оставили, и накинувъ петлю на шею ему, потащили и бросили въ сани; потомъ своротя съ дороги въ сторону, привезли къ рѣкѣ Осетру

и при многомъ обыкновенномъ отъ разбойниковъ страшанъ и угрозахъ, то рѣзать, то топить въ водѣ хотѣли, ограбя всѣхъ дочиста, объявляя притомъ, что они о младенцѣ (т.-е. обо мнѣ) сожалѣніе имѣютъ, дабы не ознобили, дали нѣсколько самаго худѣйшаго одѣянія и одну безъ узды лошадь, сами ускакали возвратно. Слуга, который былъ при насъ, взявъ лошадь за гриву, повелъ ее за собою: повезли отца моего едва жива, въ саняхъ положеннаго, а мать моя и при ней престарѣлая дѣвка шли пѣшкомъ, несли меня на рукахъ попеременно. Отецъ мой чрезъ немалое время хотя и пришелъ, казалось, въ прежнее свое здорovie, однако календарь оный, данный ему отъ разбойниковъ, очень вѣренъ былъ, всегда чувствовалъ онъ къ переменной въ воздухѣ погодѣ превеликую боль во всемъ своемъ тѣлѣ.» — Разбойники навѣстили и знаменитую вдову помѣщицу, которая была такая охотница до щей съ бараниною: «Пришли къ ней ночью разбойники, вломилась въ хоромы, убили у ней любимую постельную собачку, а ей выбили переднія всѣ зубы ружейнымъ прикладомъ; забравъ пожитки и нѣсколько боченковъ съ виномъ и водкою, ушли изъ деревни вскорѣ. За разбойниками учинена была собранная отъ сосѣдей погоня: тогда разбойники покидали за собою на дорогѣ по одному боченку съ виномъ для питья погонщикамъ; погонщики выпивали вино для смѣлости за разбойниками гнаться. Слѣдъ вымысломъ разбойники погоню за собою оставили и скрылись во свояси.»

Теперь обратимся къ третьему поколѣнію, котораго воспитаніе относится къ описываемому времени. Мы видѣли старанія правительства поддержать требованіе Петра Великаго относительно образованія дворянъ. Въ указахъ мы видѣли требованія; теперь увидимъ, какъ эти требованія удовлетворялись и какъ само правительство учило тѣхъ дворянскихъ дѣтей, которые попадались въ его школы. «Отъ роду моего лѣтъ семи или болѣе, говоритъ дворянинъ, оставившій намъ свои воспоминанія, отдала меня въ томъ же селѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу прозваніемъ Брудастому, учиться. Учитель нашъ жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесъ, по той можетъ

быть причиною, что часто меня сбкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣтность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, нигде отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слуханіи урока къ вечеру и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняя резолюція—меня какъ непонятнаго сбчь. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ.» Таково было образованіе, которое могли дворянскіе дѣти получить дома на собственныхъ средства. Теперь послушаемъ, какъ шло ученіе въ правительственныхъ школахъ. Авторъ воспоминаній былъ записанъ въ московскую артиллерійскую школу: «Оная школа была еще учреждена вновѣ, на полковомъ артиллерійскомъ дворѣ, и было въ оную прислано изъ герольдіи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ, по желанію, семь сотъ человекъ; а какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ записался; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои прилежали охотно и хотѣли учиться. Но великій тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ было, для показанія одной арифметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ, волка овецъ пасти, штыкъ-юнкера Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ: былъ человекъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатный арифметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человекомъ, однако былъ вздорный, пьяный, рѣдкій день приходилъ въ школу непьяный. На послѣдокъ, для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ, сверхъ штыкъ-юнкера Алабушева, капитанъ Грин-

ковъ: человекъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій запка, однако завелъ въ школѣ порядокъ, получше Алабушева. Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ обѣщаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человекъ изъ учениковъ пожалованы были въ артиллерію сержантами и унтеръ-офицерами. Ученики были все помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ: когда позволялось покинуть ученіе и идти обѣдать, или по домамъ, тогда, бывало, учинять великій и безобразный во все голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно «шебашъ». Въ одинъ день случилось мнѣ идти за Москвою рѣкою, усмотрѣлъ я въ одномъ домѣ на окошкѣ поставленный каменный попугай, раскрашенный изрядно: я любопытствуя, остановился противъ того окна, глядѣлъ на попугая пристально; въ тотъ же самый часъ барыня дородная и хорошаго лица, подошедъ къ окну, спросила меня что я за человекъ? а какъ узнала отъ меня, что я артиллерійскій ученикъ, и притомъ дворянинъ, то просила меня учтивымъ образомъ, чтобъ я вошелъ къ ней въ хоромы. Призвала она своего сына, который тогда былъ на голубятнѣ, гонялъ тонкимъ шестомъ вверхъ голубей; мать его просила меня, чтобъ я спросилъ сына ея что онъ учитъ и хорошо ли знаетъ ариѳметику. Я узнавъ отъ него, по свидѣтельству, сказалъ ей, что онъ очень мало знаетъ. Она, услыша отъ меня сіе, прибавила своего ко мнѣ учтивства и ласковости, просила меня: не могуль я ей сдѣлать одолженія, перейти къ ней жить и показывать, когда свободно будетъ, сыну ея ариѳметики. Я разсудилъ, что приличнѣе мнѣ компанію дѣлать дворянской жентъ и ея сыну, Вишняковымъ, нежели свойственника своего управителю, у коего я былъ оставленъ на удовольствіи. Живши нѣсколько времени у Вишняковой, выучилъ сына ея ариѳметики. Сестра родная Вишнякова была въ замужствѣ за Секеринымъ, который записанъ былъ въ нашей же школѣ ученикомъ; прилежно просила она меня перейти жить къ ней, дабы вмѣстѣ ѣздить съ мужемъ ея въ школу. Я за полезное принялъ отъ нея сіе предложеніе, перешелъ къ Секериной: намѣреніе ея было, чтобъ и мужъ ея, также какъ и племянникъ, отъ меня нѣсколько занялъ ученія; но не удалось ей сего произвести по ея желанію въ дѣйство, ибо мужъ ея Секеринъ великій былъ шалунъ, ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки и тѣмъ отбылъ отъ ученія»¹⁸⁶.

Но мы видѣли, что въ новой столицѣ, подъ глазами двора, подъ наблюденіемъ энергическаго Миниха, было учреждено училище для шляхетскихъ дѣтей, такъ-называемый кадетскій корпусъ. Первоначально училище было устроено на 200 воспитанниковъ, 150 Русскихъ и 50 Остзейцевъ; но въ 1732 году Минихъ докладывавалъ, что желающихъ записалось въ корпусъ 237 человекъ Русскихъ, 32 Лифляндца и 39 Эстляндцевъ, почему просилъ составить корпусъ изъ трехъ ротъ, по 120 кадетъ въ каждой, и къ прежде назначенной суммѣ 33,896 рублей прибавить еще 26,508 рублей въ годъ, да вмѣсто деревни отъ 30 до 50 дворовъ назначить деревню отъ 80 до 100 дворовъ ¹⁹⁷. Императрица согласилась. Въ 1737 году «для содержанія лучшаго порядка и побужденія кадетскаго къ наукамъ, чтобъ сія отъ насъ учрежденная академія надлежащій государству плодъ принесла, заблаго-разсудили опредѣлять, чтобъ быть въ каждомъ году двумъ публичнымъ смотрамъ, въ присутствіи одного изъ сенаторовъ, профессоровъ Академіи Наукъ, учителей Адмиралтейской академіи и Инженерной школы.» Смотры эти и экзамены производились всѣмъ кадетамъ безъ исключенія, во первыхъ, для страха всѣмъ кадетамъ и для побужденія къ прилежнѣйшему учению; во вторыхъ, чтобъ усмотрѣть, которые къ наукамъ способны и которые нѣтъ, и не напрасно деньги на нихъ тратить ¹⁹⁸. Узнавъ, что кадеты больше всего и почти каждый день обучаются воинской экзерциціи, правительство въ 1737 году, дало корпусу указъ, что такъ какъ отъ этихъ частыхъ экзерцицій происходитъ препятствіе въ обученіи прочимъ наукамъ, то впередъ обучать кадетъ воинской экзерциціи только по одному дню въ недѣлю ¹⁹⁹. По рапорту, подданному Минихомъ въ 1733 году видно ²⁰⁰, что обязательными для всѣхъ кадетъ были только три предмета: законъ Божій, военныя экзерциціи и ариѳметика; остальнымъ же наукамъ и языкамъ учился кто хотѣлъ; такъ изъ 243 русскихъ кадетъ только 18 учились русскому языку, французскому 51, латинскому 15, за-то нѣмецкому 237! Изъ наукъ—геометріи училось 36 человекъ, несмотря на то, что Петръ Великій ввелъ эту науку въ необходимый курсъ для дворянина; географіи училось 17, гисторіи 28, юриспруденціи 11; изъ искусствъ преобладали танцы: имъ учились 110 человекъ, тогда какъ музыкѣ 39 и рисованію 34; но любопытно, что верховой ѣздѣ училось только 20 и фехтованію

47 человекъ. Если изъ Русскихъ такая большая часть считала для себя нужнымъ нѣмецкій языкъ, то Нѣмцы платили тѣмъ же относительно русскаго: Лифляндцы (27 человекъ) занимались всѣ русскимъ языкомъ; изъ 42 Эстляндцевъ занимались 24, изъ дѣтей иностранныхъ офицеровъ всѣ 14 человекъ. До насъ дошли отъ 1739 года аттестаты кадетъ, поступившихъ въ корпусъ съ начала его основанія, въ 1732 году, и достигшихъ 19, 20 и 21 года. Здѣсь замѣчательно различіе въ объемѣ предметовъ, которые усвоили себѣ молодые люди—ровесники, вступившіе въ одно время въ корпусъ и въ одно время изъ него выходившіе. Такъ у одного изъ французскаго языка отмѣчено: переводить съ нѣмецкаго на французскій екстемпоре исправно; у другаго: учить вокабулы и разговоръ; у одного въ исторіи отмѣчено: знаетъ русскую и польскую исторію; у другаго: въ универсальной дошелъ до новой исторіи, или: дошелъ до короля Магнуса; изъ географіи у одного: въ математической географіи начало доброе имѣеть; у другаго: окончилъ пять картъ европейскихъ специальныхъ: португальскую, испанскую, французскую, британскую и итальянскую. Были и такіе, которые, имѣя въ виду поступить въ гражданскую службу, занимались латинскимъ языкомъ, философіею и юриспруденціею. Въ аттестатѣ одного изъ такихъ отмѣчено: съ нѣмецкаго на латинскій komponуетъ екстемпоре; въ графѣ: философія, юсъ природы, институтіонесъ юстиніанесъ, пандектумъ и юсъ феудале, отмѣчено: въ философіи Гейнеція элемента, юсъ секундумъ ординемъ пандекторумъ до 41 книги дошелъ ²⁰¹.

Несмотря на то, что, какъ видно, кадетъ не очень обременяли занятіями, черезъ годъ, въ 1733, бѣжало изъ корпуса пять человекъ—все Русскіе ²⁰²; по представленію Миниха, положены были наказанія: за первый побѣгъ отсылать для ученія съ солдатскими дѣтьми въ гарнизонную школу на полгода, а за второй въ ту же школу на три года. Въ 1739 и 1740 годахъ кадеты начали попадаться въ воровствѣ: виновныхъ били кошками публично въ залѣ корпуса и писали въ барабанщики съ тѣмъ, чтобъ выше рядоваго солдата никогда не производить ²⁰³.

Кромѣ воспитанниковъ кадетскаго корпуса въ гражданскую службу приготавливались молодые дворяне при самыхъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ: въ сенатѣ 12, въ синодѣ

и сенатской конторѣ по 6, въ иностранной коллегіи 12, въ военной, вотчинной, юстиціи и коммерцъ-камеръ-ревизионъ-коллегіяхъ, и въ штатсъ-конторѣ по 6, въ генераль-бергъ-директоріумѣ, монетной канцеляріи и судномъ приказѣ по 4, въ канцеляріи конфискаціи 2. Они отправляли должность копистовъ, но при этомъ секретари обучали ихъ приказному порядку и знанію указовъ, а два дня въ недѣлю обучались они ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и грамматикѣ ²⁰⁴. Любопытно, что въ сенатскомъ указѣ приказнымъ служителямъ запрещено было озлоблять этихъ молодыхъ дворянъ какимъ-нибудь невѣжествомъ и ругательными словами. Самимъ дворянамъ указъ предписывалъ оказывать свою природу добрыми поступками, честнымъ обхожденіемъ и учтивостію, запрещалъ имъ ходить въ вольные и непристойные дома, пьянствовать, играть въ карты и кости; предписывалъ содержать себя чисто въ платьѣ и бѣльѣ и всякій день пудрить волосы, чтобъ не безчестно было являться предъ честными людьми, тѣмъ болѣе, что имъ позволено было въ праздники, наравнѣ съ кадетами, являться ко двору.

Мы видѣли, что первою причиною, почему кадетскій корпусъ учреждался въ Петербургѣ, было выставлено то, что въ этомъ городѣ находилась Академія Наукъ. Съ основанія этого учено-учебнаго учрежденія прошло уже 15 лѣтъ, и потому мы имѣемъ возможность бросить взглядъ на первоначальную его дѣятельность. На первый разъ было приглашено изъ-за границы нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ — Германъ, двое Бернулли, Бильфингеръ, Беккенштейнъ; но они недолго оставались въ Петербургѣ, потому что нашли себя здѣсь въ зависяности отъ чловѣка, котораго не могли уважать ни за ученые заслуги, ни за нравственныя достоинства, наконецъ ни за высокое положеніе или происхожденіе; то былъ Іоганъ Даниль Шумахеръ, родомъ изъ Эльзаса, принужденный оставить стразбургскій университетъ за какіе-то вольные стихи. Въ 1714 году онъ является въ Россію, гдѣ поступилъ въ службу секретаремъ по иностранной перепискѣ къ лейбъ-медику Петра Великаго, Арескину, завѣдывавшему всею врачебною частію въ Россіи; Арескинъ завѣдывалъ также библіотекою, собранною Петромъ, и кабинетомъ рѣдкостей: Шумахеръ былъ опредѣленъ библіотекаремъ и хранителемъ кабинета. Здѣсь уже Шумахеръ показалъ свою ловкость, умѣнье служить

людямъ прежде, чѣмъ дѣлу, заискивать, заявлять себя, пріобрѣтать связи, дѣлать себя необходимымъ для начальства: онъ заботился о попугаѣ Арескина, и когда пріѣхалъ изъ-за границы переплетчикъ, то Шумахеръ прежде велѣлъ ему переплести великолѣбно собственные книги Арескина, а потомъ уже принялся за казенныя книги въ библіотекѣ. Шумахеръ умѣлъ удержать свое мѣсто и значеніе и при Лаврентіи Блюментростѣ, преемникѣ Арескина, умершаго въ 1718 году. Явилась мысль объ основаніи академіи, которой первоначальный проектъ былъ написанъ, какъ говорятъ, сообща Блюментростомъ и Шумахеромъ, и послѣдній въ 1721 году отправляется за границу «съ учеными корреспонденціи произвести для умноженія художествъ и наукъ, а наипаче для сочиненія соціетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ.» Шумахеръ былъ обязанъ осматривать всѣ библіотеки и музеи, приглашать въ русскую службу ученыхъ и мастеровыхъ, пріобрѣтать физическіе инструменты, анатомическіе препараты, модели, рисунки машинъ и проч. Черезъ годъ Шумахеръ возвратился въ Петербургъ и продолжалъ отъ имени Блюментроста вести переписку о вызовѣ академикомъ изъ-за границы ²⁰⁵.

Наконецъ ученые пріѣхали, засѣданія академіи открылись; президентомъ былъ Блюментростъ, но у Блюментроста самымъ близкимъ, своимъ, довѣреннымъ человѣкомъ былъ Шумахеръ. «Ему, говоритъ Ломоносовъ, президентъ отдалъ подъ смотрѣніе и денежную казну, опредѣленную на академію. Посему выдача жалованья профессорамъ стала зависѣть отъ Шумахера, и все, что имъ надобно, принуждены были просить отъ него же. Сверхъ сего Шумахеръ будучи въ наукахъ скуденъ и оставивъ вовсе упражненіе въ оныхъ, старался единственно искать себѣ большой повѣренности у Блюментроста и другихъ при дворѣ частными услугами. На что уже и надѣясь поступалъ съ профессорами не такимъ образомъ, какъ бы должно было ему оказывать себя передъ людьми толь учеными и въ разсужденіи наукъ великими, отъ чего скоро воспослѣдовали неудовольствія и жалобы» ²⁰⁶.

Неудовольствія и жалобы особенно усилились, когда въ началѣ 1728 года Блюментростъ отправился за дворомъ въ Москву и поручилъ всѣ академическія дѣла библіотекарю Шумахеру. По-

нятно, что академикамъ было тяжело находиться въ распоряженіи бібліотекаря; они не могли скрывать свое неудовольствіе на такой порядокъ вещей, свое нерасположеніе и неуваженіе къ человѣку, который не имѣлъ никакого права управлять академію, кромѣ умѣнья заискивать расположеніе сильныхъ, кромѣ умѣнья избавлять президента отъ черной работы по управленію и чрезъ то сдѣлать себя для него необходимымъ. Шумахеръ, видя враждебность академиковъ, разумѣется, платилъ имъ тою же монетою, и въ письмахъ къ президенту старался выставить ихъ характеры и поведеніе въ дурномъ и смѣшномъ свѣтѣ; Блюментрость вѣрилъ Шумахеру, потому что онъ къ Шумахеру привыкъ, Шумахеръ былъ ему необходимъ; самолюбіе президента сильно раздражалось, потому что, оказывая неуваженіе къ Шумахеру, академики оказывали неуваженіе самому Блюментросту, который поручилъ всѣ дѣла Шумахеру; послѣднему было легко раздражить начальническое самолюбіе Блюментроста, выставивши академиковъ людьми *безпокойными*, которые однажды рѣшились, мимо президента, обратиться прямо къ верховный тайный совѣтъ съ жалобою, что имъ не выплачивается жалованье, при чемъ Бильфингеръ, самый *безпокойный* изъ академиковъ, имѣлъ дерзость послать своего лакея къ Шумахеру съ приглашеніемъ въ залу конференціи. Этотъ самый Бильфингеръ съ нѣкоторыми другими товарищами, неизвѣстно почему, не явился на обѣдъ къ Миниху: Шумахеръ далъ знать и объ этой дерзости Блюментросту. Внутренія Шумахера, что на *безпокойныхъ* людей должна быть гроза, сильная власть, дѣйствовали: Блюментрость облекалъ эту властію Шумахера; трое академиковъ подали президенту жалобу на *бібліотекаря*, который сдѣлался правителемъ академіи, поступаетъ высокоумно и самовольно. Эта просьба только еще болѣе раздражила Блюментроста противъ *безпокойныхъ* людей: въ отвѣтъ онъ старался натянуть, что Шумахеръ пользуется важнымъ значеніемъ законно, что онъ секретарь и бібліотекарь его императорскаго величества, и слѣдовательно имѣеть право сообщать повелѣнія его величества и наблюдать за ихъ исполненіемъ; но тутъ же вырвалось и настоящее дѣло, настоящій источникъ власти Шумахера. «Позвольте сказать вамъ, писалъ Блюментрость Бильфингеру, что въ мое отсутствіе я могу поручать кому хочу завѣдываніе академическими дѣлами.» Шумахеръ постоянно

требовалъ грозы на безпокойныхъ академикомъ, просилъ президента не стѣсняться, приводить ихъ въ надлежащій порядокъ и достигъ своей цѣли; онъ былъ прозванъ, по свидѣтельству Ломоносова, «бичемъ на профессоромъ» (*flagellum professorum*)²⁰⁸. Убѣгая этого бича, академики, при первой возможности, начали уѣзжать изъ Россіи, «за тѣмъ, говорить Ломоносовъ, что приобыкли быть всегда при наукахъ, и не навывнувъ разносить по знатнымъ домамъ поклономъ, не могли сискать себѣ защищенія.» Уѣхали Германъ, Бильфингеръ, Бернулли. Блюментроста смѣнили на президентскомъ мѣстѣ въ академіи Кейзерлингъ, Корфъ, Бревернъ — и при всѣхъ этихъ смѣнахъ, послѣдовавшихъ въ непродолжительное царствованіе Анны, несмѣняемымъ былъ одинъ Шумахеръ, для всѣхъ президентовъ онъ былъ одинаково необходимъ. Слишкомъ безпокойныхъ академикомъ онъ умѣлъ выживать изъ Россіи; другіе (какъ астрономъ Делиль), благодаря ему, не ходили въ академическія засѣданія. Кромѣ того, что академики, занимаясь наукою, не имѣли ни привычки, ни досуга разносить по знатнымъ домамъ поклонны, — кромѣ этого Шумахеръ пользовался также несогласіями, возникавшими между ними и доходившими иногда до драки въ конференціи: такъ профессоръ Юнкеръ ударилъ профессора Вейтбрехта палкою и разшибъ зеркало. Виноватымъ былъ признанъ Вейтбрехтъ, «потому что, говорить Ломоносовъ, онъ умѣлъ хорошо полатынѣ; напротивъ того юнкеръ едва разумѣлъ латинскихъ авторовъ, однако мастеръ былъ писать стихомъ нѣмецкихъ, тѣмъ себѣ и честь зажилъ и знакомство у фельдмаршала графа Мвниха.»

Ломоносовъ упрекаетъ Шумахера и зато, что академія въ началѣ своего существованія не достигала второй своей цѣли, учебной, столь важной для тогдашней Россіи: «Взяты были изъ московскихъ законоспасскихъ школъ двѣнадцать человекъ школьникомъ въ академію наукъ; оныхъ половина взяты съ профессорами въ камчатскую экспедицію, изъ коихъ одинъ удался Крашенинниковъ, а прочіе отъ худаго присмотра всѣ испортились. Оставшаяся въ Санктъ-Петербургѣ половина, бывъ нѣсколько времени безъ призрѣнія и ученія, распределены въ подъячіе и къ ремесленнымъ дѣламъ. Между тѣмъ съ 1733 года по 1738 никакихъ лекцій въ академіи не преподавано российскому юношеству.» Въ 1735 году вытребованы вновь 12 человекъ школьни-

ковъ и студентовъ въ академію изъ московскихъ спасскихъ школъ; изъ нихъ Ломоносовъ и Виноградовъ отправлены въ Германію для обученія естественнымъ наукамъ. «По отъѣздѣ помянутыхъ студентовъ за море прочіе десять человекъ оставлены безъ призрѣнія. Готовый столъ и квартира пресѣклись, и бѣдные скитались не малое время въ подлоти. Наконецъ нужда заставила ихъ просить о своей бѣдности въ сенатъ на Шумахера, который былъ туда призванъ къ отвѣту и учиненъ ему чувствительный выговоръ съ угрозами штрафа. Откуда возвратясь въ канцелярію, главныхъ на себя просителей студентовъ билъ по щекамъ и выскѣ батогами. Однакожъ принужденъ былъ профессорамъ и учителямъ приказать, чтобы давали помянутымъ студентамъ наставленія, что нѣсколько времени и продолжалось, и по экзаменѣ даны имъ добрые аттестаты для показу. А произведены лучшіе въ переводчики, и прочіе жъ распределены по другимъ мѣстамъ, и лекціи почти совсѣмъ прекратились.»

Но мы видѣли, что, по свидѣтельству того же Ломоносова, академики не могли восторжествовать надъ Шумахеромъ именно потому, что привыкли быть всегда при наукахъ, и потому мы должны обратиться къ слѣдствіямъ этой привычки, обзрѣть ученую дѣятельность первыхъ членовъ академіи, при чемъ, разумѣется, должны долѣе остановиться на тѣхъ, которые занимались изученіемъ Россіи, ея настоящаго и прошедшаго.

Въ реестрѣ служащихъ при академіи и занятій ихъ на 1737 годъ³⁰⁹ находимъ, что «профессоръ и совѣтникъ юстиціи *Гольдбахъ* сочинялъ всякія, до академической корреспонденціи съ чужеземными учеными людьми касающіяся, письма на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ; онъ же самъ издастъ математическія и другія, до наукъ касающіяся, письма. *Демль*, первый профессоръ астрономіи, имѣетъ въ своемъ правленіи обсерваторію, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральною картою Россійскаго государства, а нинѣ старается, чтобъ свой поданный прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской имперіи въ дѣйство произвести. *Вингеймъ*, второй профессоръ астрономіи, повѣряетъ на шестъ всѣ изъ чужихъ краевъ присылаемыя сюда астрономическія обсерваціи и дѣлаетъ потребныя при обсерваторіи таблицы; сочиняетъ с.-петербургскіе календари, пишетъ политическую геогра-

фію и капитуль Россійскаго государства. *Гензіусъ*, третій профессоръ астрономіи, въ обсерваторіи тѣ же обсерваціи, которыя и г. Делиль, дѣлаеть, и одинъ другому взаимно помогаетъ, а когда первый въ ночи, то другой днемъ астрономическія обсерваціи отправляетъ для того, что одному человѣку сего дѣла исправить не возможно, и нынѣ пишетъ краткое собраніе астрономическихъ наукъ. *Довернауа*, профессоръ анатоміи, дѣлаеть анатомію надъ человѣческими тѣлами и звѣрьми, разсматриваетъ ихъ составы и тѣла; нынѣ пишетъ исторію о слонѣ, моржѣ и китѣ. *Крафтъ*, профессоръ физики и экспериментальной теоретики, разсматриваетъ натуру размышленіями и частыми экспериментами, и дѣлаеть на всякій день метеорологическія обсерваціи, вписываетъ въ книгу. *Эйлеръ*, профессоръ вышней математики, сочиняетъ высокія и остроумныя математическія вещи, которыя, по прочтеніи въ конференціи, издаются въ печать. *Вейбрехтъ*, профессоръ фізіологіи также какъ и анатомикъ, разнимасть человѣческія и звѣриныя тѣла, всѣ ихъ части смотритъ и старается какъ бы употребленіе ихъ сыскать. *Аммонъ*, профессоръ ботаники и исторіи, разсматриваетъ и описуетъ все что въ трехъ частяхъ натуры случается, а именно: звѣрей, травы, камни, минералы и всѣ ость-индскія и вестъ-индскія сѣмена, а которыя изъ Сибири, Астрахани и Казани присылаются, тѣ садитъ, а травамъ дѣлаеть описаніе и рисунки; нынѣ сочиняетъ книгу о 200 разныхъ травахъ, которыя въ Сибири, Астрахани и около тѣхъ мѣстъ растутъ, и сія книга началомъ травной исторіи всея Россійскія имперіи будетъ. *Гроссъ*, профессоръ исторіи, исправляетъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на французскій языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся письма на французскій языкъ переводитъ. *Байеръ* профессоръ антиквитетовъ (древнихъ вещей), его должность въ томъ состоитъ, чтобъ греческія, римскія, а особливо оріентальныя древнія вещи и языки исправлять; трудится надъ исторію его величества блаженныя памяти царя Алексія Михайловича, и по окончаніи оныя исторіи прочихъ государей царей и великихъ князей російскихъ равнымъ образомъ сочинять будетъ; начатый китайскій лексиконъ будетъ продолжаться.

Сочинять исторію царя Алексія Михайловича и прочихъ государей Байеру было трудно по той простой причинѣ, что онъ не

зналъ по-русски; онъ могъ легко заниматься тѣми только вопроса-ми, которые рѣшались съ помощію иностранныхъ источниковъ, на-примѣръ вопросомъ о Скиѣахъ. Имя Байера получило въ нашей наукѣ громкую извѣстность, благодаря тому, что онъ первый научнымъ образомъ коснулся вопроса о происхожденіи Варяговъ-Руси, именно сталъ доказывать ихъ скандинавское происхожденіе. Извѣстно, къ какой долгой и ожесточенной борьбѣ подавалъ поводъ этотъ вопросъ въ нашей ученой литературѣ: тѣ, которые принимали мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, отправлялись въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ выводовъ Байера, который такимъ образомъ для нихъ и для противниковъ ихъ получилъ важное значеніе главы школы. Но какъ скоро вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси потерялъ свое значеніе, то имя Байера стало упоминаться очень рѣдко, и дѣятельность этого академика исчезаетъ предъ продолжительною, постоянною и разнообразною дѣятельностію другаго иностранца, приглашеннаго въ Петербургскую Академію на первыхъ ея порахъ, предъ дѣятельностію Герарда Фридриха Мюллера, заслужившаго болѣе популярное названіе Федора Ивановича Миллера. Лейпцигскій студентъ Миллеръ, рекомендованный тамошнимъ профессоромъ Менке, пріѣхалъ въ 1725 году въ Петербургъ, и, несмотря на то, что ему было только 20 лѣтъ, опредѣленъ былъ адъюнктомъ историческаго и географическаго класса при Академіи. Но въ этой Академіи, носившей тройственный характеръ, специализированіе занятій было невозможно, и молодой Миллеръ первые два года обучаетъ студентовъ латинскому языку; въ званіи вице-секретаря Академіи издаетъ «Академическіе комментаріи», издаетъ извлеченіе изъ нихъ подъ именемъ «Краткаго описанія комментаріевъ», издаетъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и примѣчанія на нихъ; понадобился латинскій лексиконъ: Миллеръ издаетъ Вейсмановъ нѣмецко-латинскій лексиконъ съ русскимъ переводомъ и съ присоединеніемъ «начальныхъ правилъ русскаго языка.»

Ломоносовъ, сильно враждовавшій впоследствии съ Миллеромъ, говоритъ: «Шумахеръ для укрѣпленія себѣ присвоенной власти приласкалъ на помощь студента Миллера и въ начатой безъ всякаго формальнаго учрежденія и указа канцеляріи посадилъ его съ собою: ибо усмотрѣлъ, что оный Миллеръ, какъ еще молодой

студентъ и недалекой въ наукахъ надежды, примется охотно за одно съ нимъ ремесло въ надеждѣ скорѣйшаго полученія чести, въ чемъ Шумахеръ и не обманулся, ибо сей студентъ, ходя по профессорамъ, переносилъ другъ про друга оскорбительныя вѣсти и тѣмъ привелъ ихъ въ немалыя ссоры, которымъ ихъ несогласіемъ Шумахеръ весьма пользовался, представляя ихъ у президента смѣшными и неугомонными.» Упомянувъ объ оставленіи Академіи учеными, не хотѣвшими находиться подъ начальствомъ Шумахера, Ломоносовъ продолжаетъ: «Но чтобы Академія не пуста осталась, или лучше дабы Шумахеръ имѣлъ подъ рукою своею молодыхъ профессоровъ, себѣ послушныхъ, представилъ въ кандидаты на профессорство пять человекъ, Ейлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта и фаворита своего Миллера, чтобы старые отъѣзжающіе профессора ихъ на свое мѣсто аттестовали. О четырехъ первыхъ отнюдь не обинулись дать свои одобренія, а Миллеру въ томъ отказали; однако въ разсужденіи сего мнѣніе ихъ не уважено: затѣмъ, что Шумахеровымъ представленіемъ Миллеръ былъ отъ Блюментроста произведенъ съ прочими въ профессоры.»

Какъ бы то ни было, Миллеръ, получивъ званіе профессора исторіи, начинаетъ усердно заниматься своимъ предметомъ: еще недостаточно зная по-русски, собираетъ матеріалы для сочиненія полной русской исторіи и географическаго описанія Россіи, переводитъ эти матеріалы на нѣмецкій языкъ, и, для распространенія за границу вѣрныхъ свѣдѣній о русской исторіи и географіи, предпринимаетъ съ 1732 года изданіе Сборника статей, относящихся къ русской исторіи (*Sammlung russischer Geschichte*). Для насъ любопытно узнать, какъ начинаетъ Миллеръ самъ знакомиться съ русскою исторіею и знакомить съ нею иностранныхъ ученыхъ. Онъ начинаетъ, какъ слѣдуетъ, съ начала, съ начальной лѣтописи: первая статья въ Сборникѣ—это извѣстіе о древней рукописи, содержащей русскую исторію игумена Феодосія кievскаго. Слова игумена Феодосія кievскаго насъ поражаютъ: мы не знаемъ такого лѣтописца. Но мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ трудомъ молодого иностранца, только-что начавшаго заниматься древними рукописями, неопытнаго въ ихъ языкѣ. Въ заглавіи рукописи: «Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго,» Миллеръ прилагатель-

ную форму Θεодосьева принялъ за существительную и явился у него игумень Θεодосій лѣтописецъ. Миллеръ не понялъ и Сильвестровой приписки; слова, «А мнѣ игуменящу» приписалъ своему лѣтописцу Θεодосію, котораго сдѣлалъ преемникомъ Сильвестра на игуменствѣ въ монастырѣ св. Михаила. Не забудемъ также, что Миллеръ, при первомъ занятіи своемъ лѣтописями, не могъ имѣть никакого руководителя, ибо Татищевъ привезъ въ Петербургъ свою исторію только въ 1739 году; Миллеръ въ 1732 году не могъ подозрѣвать, что его Abt Theodosius есть тотъ же Несторъ, за которымъ послѣ онъ самъ утверждалъ начальную лѣтопись. Въ своемъ «Извѣстіи» Миллеръ сдѣлалъ обзоръ первыхъ страницъ лѣтописи до временъ Рюрика, при чемъ, разумѣется, не могъ не коснуться вопроса о происхожденіи Варяговъ: Варяги, по его мнѣнію, суть *морскіе люди, мореплаватели*, ибо слово *Varesch* означаетъ то, что выбрасывается моремъ. За «Извѣстіемъ» слѣдуютъ извлеченія изъ лѣтописи съ 860 до 1175 года включительно. Но источники древнѣйшей русской исторіи не ограничиваются одними русскими лѣтописями; извѣстія о столкновеніяхъ Руссовъ съ Греками находятся у византійскихъ писателей, и Миллеръ въ особыхъ статьяхъ сообщаетъ эти извѣстія. О Россіи упоминается также въ сѣверныхъ источникахъ: Миллеръ составилъ извлеченіе изъ «Исторіи Норвежскихъ королей» Снорро Стурлезона. Наконецъ Миллеру хотѣлось познакомить иностранныхъ читателей съ однимъ изъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ лицъ нѣсколько позднѣйшаго времени, и онъ избралъ Александра Невскаго, котораго подвиги могли возбудить большій интересъ по отношенію ихъ къ Швеціи, Ливонскому ордену, напѣ, котораго имя связано было съ Петербургомъ и стало еще болѣе извѣстно на Западѣ вслѣдствіе установленія ордена въ честь его. Жизнеописаніе св. Александра составлено Миллеромъ по двумъ, тогда неизданнымъ, источникамъ (Степенной книгѣ и Сказанію, помѣщаемому обыкновенно въ лѣтописяхъ); кромѣ того авторъ пользовался лифляндскою хроникою Руссова, собраніемъ папскихъ посланій, извѣстіями о Татарахъ разныхъ авторовъ.

Кромѣ статей по русской исторіи, въ «Сборникѣ» видимъ статьи объ отношеніяхъ Россіи къ Востоку, статьи по исторіи и географіи прилегавшихъ къ Россіи съ востока странъ. Причину та-

кого выбора объяснить не трудно: уже при чтеніи иностранныхъ путешественниковъ по Россіи XVI и XVII вѣка легко замѣтить, что преимущественно ихъ занимаетъ Востокъ. Азія, занимаетъ ихъ особенно эта Сибирь, откуда Россія доставала главный драгоцѣнный товаръ свой—мѣха, чрезъ которую шель путь къ запобѣднымъ границамъ китайскимъ; открытіе удобныхъ путей на Востокъ, въ Китай, Индію, сильно занимало умы на западѣ Европы въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ; понятно, что взоры всѣхъ обращались на Россію, какъ на страну посредствующую между Европою и Азіею. Миллеръ хорошо зналъ это и потому предлагалъ своимъ западнымъ читателямъ преимущественно статьи о Востокѣ, о сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ. Онъ помѣстилъ въ своемъ Сборникѣ церемоніаль пріема китайскаго посольства при русскомъ дворѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ 1731 и 1732 годахъ; новѣйшую исторію восточныхъ Калмыковъ, Унковскаго; извлечение изъ путеваго журнала въ калмыцкую страну того же Унковскаго; мирный договоръ Россіи съ Персіею 21 января 1732 года съ примѣчаніями на вторую статью, въ которыхъ Миллеръ предложилъ описаніе странъ, упоминаемыхъ въ договорѣ; извѣстіе о рѣдкомъ сочиненіи Голландца Витзена «Сѣверная и Восточная Татарія,» къ которому Миллеръ составилъ ключъ; о городѣ Албазинѣ и бывшихъ за него войнахъ между Русскими и Китайцами—статью, составленную по Витзену; мирные переговоры между Россіею и Китаемъ въ 1689 году и проч.

При чтеніи Витзена и Унковскаго Миллеру пришла мысль написать подробную исторію Калмыковъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ случай получить много извѣстій отъ членовъ калмыцкихъ посольствъ, съ которыми онъ часто разговаривалъ посредствомъ переводчика Смирнова. Миллеръ уже составилъ планъ своего сочиненія и предложилъ его въ Сборникѣ.

Но исполненію этого предпріятія помѣшала поѣздка Миллера въ Сибирь. Въ 1733 году назначена была отъ Академіи ученая экспедиція, извѣстная подъ именемъ Камчатской, и Миллеръ былъ избранъ въ число ея членовъ. Послѣ самъ Миллеръ такимъ образомъ объяснялъ причины этой командировки своей: «Я такъ давно близко знаю г. Шумахера: онъ никогда не прощаетъ, если сочтетъ себя оскорбленнымъ. Его ненависть противъ меня началась съ 1732 года, когда Сенатъ прислалъ указъ профессорамъ

разсмотрѣть академическіе штаты, составленные г. Шумахеромъ. Я тогда думалъ, что долгъ мой требуетъ присоединиться при этомъ разсмотрѣніи къ прочимъ профессорамъ, моимъ товарищамъ, и такъ какъ въ проектѣ штатовъ нашлось много заслуживающаго порицанія, то и не колебался высказать мое истинное мнѣніе, къ чему меня обязывала и присяга вѣрноподаннаго имперіи. Это привело г. Шумахера въ негодованіе противъ меня. Для избѣжанія его преслѣдованій, я вынужденъ былъ отправиться въ путешествіе по Сибири, чему онъ одинъ благопріятствовалъ, лишь бы удалить меня отъ тѣхъ, которые пользовались тогда моимъ перомъ.»

Какъ бы то ни было, наука выиграла отъ этого бѣгства Миллера въ Сибирь отъ преслѣдованій Шумахера. Въ теченіи десяти лѣтъ Миллеръ обозрѣлъ страну отъ Чердыни до Якутска и границъ китайскихъ, при чемъ велъ подробныя путевыя записки, собралъ о городахъ и уѣздахъ ихъ историческія, географическія и статистическія свѣдѣнія; пересмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ архивы почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, особенно въ Чердыни, старомъ главномъ городѣ Перми, вездѣ списывалъ замѣчательнѣйшіе акты. Изъ этихъ списковъ составилось 50 фолиантовъ. Но мы обозрѣли только еще начало дѣятельности Миллера.²¹⁰

До сихъ поръ мы видѣли труды только иностранныхъ ученыхъ, призванныхъ въ Петербургскую Академію наукъ; но вотъ въ приведенномъ выше реестрѣ встрѣчаемъ и русскія имена: «*Адодуровъ*, адъюнктъ профессора физики; его главное намѣреніе физику доканчивать, дабы современемъ самому профессорскаго чина удостоиться; перевелъ сокращенную механику на російскій языкъ, а нынѣ переводитъ математику, сочиненную профессоромъ Эйлеромъ; свои труды читаетъ въ російскомъ собраніи, и притомъ слушаетъ всякихъ переводовъ, которые другіе читаютъ, и старается, чтобъ оныя переводы на російскомъ языкѣ исправно въ печать выходили, обрѣтающихся при прав. сенатѣ юнкеровъ обучаетъ по дважды въ недѣлю въ чтеніи и писаніи російскаго діалекта.»

Такимъ образомъ адъюнктъ по кафедрѣ физики читалъ свои переводы въ російскомъ собраніи и поправлялъ чужія переводы; но что же это было за російское собраніе? Такъ называ-

лась особая конференція при Академіи, имѣвшая задачею обработку русскаго языка и слога. Мы видѣли, что когда Петръ Великій, желая передать научныя свѣдѣнія русскимъ людямъ на ихъ языкѣ, заказалъ переводы разныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ и необходимые для этого лексиконы, то ему представился вопросъ, на какой языкъ переводить? Языкомъ религіи и неразрывно связаннаго съ нею знанія былъ до сихъ поръ языкъ такъ-называемый церковно-славянскій. Это былъ языкъ священный, возвышенный, единственно достойный важнаго предмета; человекъ знающій, ученый, т.-е. начетчикъ священныхъ книгъ, могъ писать только на этомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, старался писать на немъ, приближать свою рѣчь какъ можно болѣе къ нему: этимъ онъ отличался отъ невѣжественной толпы. Но подлѣ этого священнаго и ученаго языка въ устахъ народа образовался живой разговорный языкъ, который сдѣлался и письменнымъ языкомъ, ибо на немъ составлялись правительственные акты и дѣловые бумаги. Петръ потребовалъ, чтобъ переводы дѣлались и лексиконы составлялись именно на этомъ живомъ народномъ языкѣ, который называли языкомъ Посольскаго приказа. Но исполнить желаніе преобразователя было очень трудно: переводчикъ книги, составитель лексикона былъ человекъ ученый, слѣдовательно тянувшій къ церковно-славянскому языку, считавшій страннымъ, неприличнымъ писать на языкѣ *подломъ*, т.-е. слѣдовать живой народной рѣчи. А тутъ новая бѣда: еще до Петра являются въ Москву ученые южной и западной Россіи съ своими нарѣчьями, искаженными вліяніемъ польскаго элемента; при Петрѣ эти лица заняли архіерейскія каѳедры и удивительный языкъ ихъ витіеватыхъ *казаній* дорого обошелся русскому уху; вліяніе живыхъ западныхъ языковъ было сильно, особенно со стороны лексикологической. Хаосъ усиливался, но не умирало и стремленіе выйти изъ него, не умирало то чувство, которое заставляло русскаго человека оскорбляться печальнымъ состояніемъ роднаго языка, выраженія своей народности. Требованіе очищенія русскаго языка пошло отъ людей, отличавшихся наибольшею преданностію дѣлу преобразования: Татищевъ, напримѣръ, не могъ выносить обилія иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ; онъ никакъ не хотѣлъ называть новаго горнаго города Екатеринбургомъ, но всегда подписывалъ на своихъ письмахъ и

донесеніяхъ: «изъ Екатерининска.» Въ 1728 году Верховный Тайный Совѣтъ предписалъ, чтобъ «россійскіе при другихъ дворахъ министры, въ своихъ реляціяхъ, не включали терминовъ иностранныхъ, кромѣ только самыхъ необходимыхъ.» Всѣ русскіе люди, считавшіе просвѣщеніе необходимымъ, должны были страшно тяготиться неустройствомъ роднаго языка, видя какъ то, что такъ легко выразить на чужомъ языкѣ, съ такимъ трудомъ передается на русскомъ. А передавать было необходимо. Несмотря на важное значеніе, прибрѣтенное Нѣмцами въ царствованіе Анны, нѣмецкій языкъ не могъ сдѣлаться употребительнымъ даже и при дворѣ, по той простой причинѣ, что огромное большинство русскихъ знатныхъ и дѣловыхъ людей не знало по-нѣмецки; всѣ официальные бумаги, донесенія императрицъ, въ кабинетъ должны были писаться по-русски; поэтому Нѣмцы, которые хотѣли утвердиться въ Россіи, должны были стараться овладѣть русскимъ языкомъ, выражаться и писать на немъ какъ можно свободнѣе, чему примѣръ показали самый даровитый изъ иностранцевъ — Остерманъ. Понятно, что Академія должна была отозваться на требованіе устройства русскаго языка, тѣмъ болѣе, что это требованіе шло сверху. Мы видѣли, что учреждена была особая конференція подъ именемъ россійскаго собранія, но кто же былъ главнымъ дѣятелемъ здѣсь! Какъ видно, большимъ знатокомъ русскаго языка считался адъюнктъ по кафедрѣ физики Адоуровъ; но у этого Адоурова живетъ какой-то русскій ученый, возвратившійся изъ-за границы; его зовутъ Василій Кирвалловичъ Тредіаковскій.

Когда раздался громкій призывъ русскимъ людямъ къ новой, усиленной наукою жизни, въ свѣжемъ и сильномъ народѣ слышались съ разныхъ сторонъ отзывы: одинъ, крестьянскій сынъ съ береговъ Бѣлаго моря, оставляетъ отцовскій домъ и бѣжитъ въ Москву учиться въ Спасскихъ школахъ; другой, священническій сынъ съ устьевъ Волги, изъ Астрахани, также покидаетъ отцовскій домъ и бѣжитъ туда же въ Москву учиться въ Спасскихъ школахъ. Различная степень таланта, различные характеры, различный закалъ характеровъ влѣдствіе различныхъ условій времени и другихъ, но стремленіе и форма начального подвига одинаковы.

Сынъ астраханскаго священника, выучившійся по-латыни у ка-

толическихъ монаховъ, Тредіаковскій оставилъ родной городъ, домъ и отца съ матерью, убѣжалъ въ Москву, гдѣ сталъ учить-ся въ Законошасскомъ монастырѣ²¹¹. По окончаніи реторики, нашель способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ выучился французско-му языку. Оттуда, пѣшкомъ влѣдствіе крайней бѣдности, пришелъ въ Парижъ, гдѣ въ Сорбонѣ учился математическимъ, философскимъ и богословскимъ наукамъ «при щедромъ благодѣтелей содержаніи.» Изъ этихъ благодѣтелей намъ извѣстенъ только князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, который и привезъ Тредіаковскаго изъ-за границы въ Петербургъ. Въ 1730 году Академія издала трудъ Тредіаковскаго: «Бѣда въ островъ любви. Переведена съ французскаго на русскою чрезъ студента Василья Тредіаковскаго и приписана его сіятельству князю Александру Борисовичу Куракину.» (Voyage à l'île d'Amour, par Paul Talle-
mant). Въ предисловіи впервые писателемъ высказано требованіе писать книги свѣтскаго содержанія разговорнымъ языкомъ, а не славянскимъ; мы видѣли, что это требованіе было уже высказано Петромъ Великимъ; но Тредіаковскій былъ первый изъ ученыхъ, изъ литераторовъ, который рѣшился отстать отъ старой привычки: «На меня прошу васъ покорно, неизволте погнуѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь словенщизны), что я оную (Бѣду) не словенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ словенской у насъ есть языкъ церковной, а сія книга мирская. Другая: языкъ словенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь темень, и многіе его наши читая не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всеѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть что языкъ словенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всеѣми.» Эта причина и для насъ идетъ за самую важную; и для насъ всего важнѣе то, что человекъ, привыкшій писать и даже говорить *словенскимъ* языкомъ, вдругъ нашель этотъ языкъ жесткимъ для своихъ ушей, призналъ, что новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ, новый духовный обиходъ русскаго человека требуетъ новаго живаго языка для своего выраженія. Рус-

скіе люди описываемаго времени нашли необходимымъ раздѣлаться съ своимъ *словескимъ* языкомъ, какъ западные европейцы нашли необходимымъ раздѣлаться съ мертвымъ латинскимъ языкомъ и обратиться къ языку разговорному, народному. «Ежели вамъ, доброжелательный читателю, продолжаетъ Тредіаковскій, покажется, что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить.» Мы знаемъ, что Тредіаковскій (и не одинъ Тредіаковскій) не умѣтилъ въ свойство нашего природнаго языка, и причина заключалась въ томъ, что онъ не зналъ, или если зналъ, то не понималъ требованія Петра Великаго, чтобъ переводить книги языкомъ посольскаго приказа: въ изученіи памятниковъ этого живаго, сильнаго, царственнаго языка московской Руси преобразователь указалъ лучшее средство умѣтить въ свойство нашего природнаго языка.

Въ 1735 году мы видимъ Тредіаковского членомъ новоучрежденнаго руссійскаго собранія; онъ открываетъ первое собраніе торжественною рѣчью: «При благословенной державѣ величайшія монархини Анны сего дождались мы счастія, мой господа, что и о совершенствѣ руссійскаго языка попеченіе воспріемлется. Сіе козьми полезно есть руссійскому народу, т.-е. возможное дополненіе языка, чистота, красота и желаемое потомъ его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не не страшить, уповаю, и васъ трудностію и тягостію своею. Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ и новыхъ авторовъ дѣло идетъ, что и едино и само собою колько проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудятся, но и о грамматикѣ доброй и справной, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой козь много есть нужды, толь много есть и трудности; но и о дикціонаріи полномъ и довольномъ, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сизифѣ превеликій оный камень; но и о реторики и стихотворной науки, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ.»

Чтобъ понять рѣчь Тредіаковского, надобно замѣтить, что въ руссійское собраніе были помѣщены одни переводчики: Адодуровъ, Волчковъ, Шваневицъ, Таубертъ, Эмме. О самомъ Тредіа-

ковскомъ въ реестрѣ 1737 года говорится: «Тредіаковскій, секретарь, его должность также въ переводахъ и въ присутствіи при российскомъ собраніи состоитъ, при чемъ онъ свои труды читаетъ и другихъ переводы слушаетъ; онъ перевелъ съ французскаго языка Марсиліеву книгу: О военномъ состояніи Порты Оттоманской; нынѣ оканчиваетъ переводъ татарской исторіи, а впредь во всякихъ переводахъ съ французскаго на российскій языкъ трудиться будетъ.» Ясно видно, что ближайшею цѣлю учрежденія было исправленіе переводовъ общими силами всѣхъ занимающихся этимъ дѣломъ людей. Но одному изъ переводчиковъ, Тредіаковскому, не хочется ограничиться одною этою цѣлюю; онъ указываетъ на другіе необходимые труды: составленіе грамматики, лексикона, реторики, піитики; при чемъ, безъ сомнѣнія, считаетъ себя способнѣе всѣхъ другихъ заняться этими высшими трудами. Такъ онъ говоритъ въ той же рѣчи: «Изъ основательныя грамматики и красныя реторики не трудно произойти восхищающему сердце и умъ слову піитическому, развѣ одно только сложеніе стиховъ неправильностію своею утрудитъ васъ можетъ; но и то, мой господа, преодолѣть возможно и привести въ порядокъ: способовъ не нѣтъ, нѣкоторые же и я имѣю.» Дѣйствительно въ томъ же году онъ издалъ «Новый и краткій способъ къ сложенію российскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего подлежащихъ названій,» гдѣ высказалъ положеніе, что силлабическій размѣръ, которымъ до сихъ поръ писались въ Россіи вирши съ тяжелой руки западнорусскихъ ученыхъ, не приходится къ русскому языку, потому что въ немъ нѣтъ собственно долгихъ гласныхъ: «Долгота и краткость слоговъ, въ новомъ семъ российскомъ стихосложеніи, не такая разумѣется, какова у Грековъ и у Латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется; но токмо *тоническая*, т. е. въ единомъ удареніи голоса состоящая.»

Но честь выполненія всѣхъ этихъ трудовъ, которые Тредіаковскій заказывалъ российскому собранію, имѣя въ виду взять ихъ на себя,—честь всѣхъ этихъ трудовъ предвосхитилъ другой русскій ученый, имя котораго произносится съ благоговѣніемъ, тогда какъ имя Тредіаковского произносится съ насмѣшливою улыбкою: отчего же это произошло?

Несчастіе Тредіаковского происходило, во первыхъ, отъ того, что ему суждено было дѣйствовать въ самое печальное время для

русскаго ученаго, и именно ученаго, предметомъ занятій котораго были словесныя науки. Убѣжденіе въ необходимости просвѣщенія было сильно въ обществѣ; учредили Академію, вызвали ученыхъ иностранцевъ съ большими по тому времени издержками; но вообще на ученыхъ смотрѣли какъ на необходимыхъ мастеровъ, требовали отъ нихъ непосредственной пользы, и чѣмъ очевиднѣе была польза отъ извѣстной ученой дѣятельности для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ, тѣмъ цѣннѣе былъ ученый. Ломоносовъ былъ отправленъ за границу для занятія естественными науками съ цѣлю непосредственнаго приложенія; Ломоносовъ былъ первый Русскій, получившій извѣстность въ области этихъ считавшихся по преимуществу полезными наукъ: и эта извѣстность вначалѣ служила прочнымъ основаніемъ его значенія. Мы видѣли, что была потребность занятія русскимъ языкомъ, потребность его образованія, очищенія, но внутреннее, сознательное или безсознательное недовольство печальнымъ состояніемъ русскаго языка было у очень немногихъ; большинство требовало образованія и очищенія русскаго языка для того, чтобъ было легко читать на немъ; большинство прежде всего нуждалось въ переводахъ нужныхъ книгъ и сердилось, получая переводы, которые были почти такъ же непонятны для него, какъ и подлинники; хорошіе переводы были первою потребностію, и мы видѣли, что руссійское собраніе было составлено изъ переводчиковъ, которые обязаны были поправлять труды другъ друга. Таково было главное значеніе, какое могъ имѣть въ описываемое время человекъ, занимавшійся русскимъ языкомъ — значеніе переводчика; такое значеніе имѣлъ и Тредиаковскій; но понятно, что это значеніе не могло быть важно, не могло идти въ уровень съ значеніемъ ученыхъ, самостоятельно занимавшихся своими науками, съ значеніемъ извѣстныхъ астрономовъ, математиковъ, физиковъ, анатомовъ: такое значеніе, повторяемъ, первый приобрѣлъ впослѣдствіи Ломоносовъ. Но у Тредиаковскаго было еще другое значеніе. Въ числѣ явленій, съ которыми познакомились Русскіе при своемъ сближеніи съ западноевропейскою жизнію, было и то, что важныя событія въ государственной жизни, дѣла высокопоставленныхъ лицъ прославлялись поэтами; торжественная, прославительная ода требовалась, какъ теперь требуется восхвалительная газетная статья. Восхвалитель-

выя оды требовались при дворѣ Анны болѣе, чѣмъ при дворахъ ея предшественниковъ, потому что чувствовалось болѣе побужденій выставлать съ свѣтлой стороны дѣйствія правительства: съ особеннымъ удовольствіемъ слушаетъ похвалу тотъ, кто боится, что его не хвалятъ. Для удовлетворенія этой потребности явились Нѣмцы—извѣстный намъ уже Юнкеръ, Штелинь, адъютантъ Академіи, который «упражнялся по должности своей во всемъ, что касается до реторики, до стихотворной науки, до правильнаго писанія (на какомъ языкѣ?) и до прочихъ къ тому надлежащихъ наукъ; въ 1737 году переводилъ онъ съ итальянскаго на *нѣмецкій* языкъ Марселиево «Военное состояніе Оттоманской Порты.» Но восхваленія нужны были и для Русскихъ, и вотъ Тредіаковскій долженъ былъ переводить оды Юнкера и Штелина, потому что заявилъ себя «шитою», писалъ и собственные оды, издалъ и «Способъ къ сложенію російскихъ стиховъ.» Но бѣда заключалась въ томъ, что вѣрнаго взгляда, высказаннаго имъ въ «Способѣ», оцѣнить не умѣли, а собственные стихотворенія автора и переводы его находили дурными, находили, что въ нѣмецкихъ подлинникахъ безконечно болѣе гармоніи, чѣмъ въ переводахъ. Переводчикъ оказывался бездарнымъ, плохимъ, и это была главная причина, почему Тредіаковского держали въ черномъ тѣлѣ. Русскому ученому надобно было завоевать сколько-нибудь выгодное положеніе сильнымъ талантомъ, блестящими успѣхами; но Тредіаковскій сдѣлать этого не могъ и несъ наказаніе за эту невозможность. А между тѣмъ Тредіаковскій въ описываемое время былъ главнымъ представителемъ русскихъ ученыхъ изъ свѣтскихъ людей, и это разумѣется, не могло быть полезно для русскаго дѣла вообще, давая иностранцамъ основаніе слишкомъ высоко цѣнить себя и слишкомъ мало сдерживаться уваженіемъ къ Русскимъ.

Въ описываемое время общество въ Россіи не могло обезпечить писателю самостоятельнаго существованія; писатель искалъ поддержки въ покровительствѣ сильныхъ и благодарилъ за эту поддержку восхваленіемъ покровителя. Разумѣется, странно было бы упрекать Тредіаковского за восхваленіе главнаго «командира Академіи» Корфа, когда предъ нами множество писемъ отъ высокопоставленныхъ лицъ къ Бирону, писемъ, наполненныхъ самымъ рабскимъ духомъ; когда мы знаемъ, что подобныя восхваленія

не вывелись и въ XIX вѣкѣ, и когда наконецъ популярничанье, старанье служить модному, господствующему въ извѣстное время направленію въ обществѣ или стремленіе служить извѣстному сильному кружку, могущему оказать покровительство, часто вреднѣе для науки и для общества, чѣмъ приписаніе ораторскаго таланта президенту Академіи Корфу, какъ это сдѣлалъ Тредіаковскій. Не знаемъ, много ли выгодъ получилъ Тредіаковскій отъ своей лести предъ Корфомъ, на которую можно смотрѣть какъ на форменную; но мы видѣли, что у него былъ покровитель русскій вельможа, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, который привезъ его изъ-за границы и которому онъ *приписалъ* свою «Бзду на островъ Любви.» Не можемъ опредѣлить, въ чемъ могло выказаться дальнѣйшее покровительство Куракина Тредіаковскому; но безспорно, что отношенія между ними сыиграли главную роль въ печальномъ приключеніи, постигшемъ Василя Кирилловича въ 1740 году по поводу знаменитаго Ледянаго дома.

Мы знаемъ, что въ описываемое время шуты составляли необходимую принадлежность двора. Императрица Анна, которая нуждалась въ томъ, чтобъ подлѣ нея была постоянно женщина, безъ умолку болтавшая, разумѣется, должна была очень жаловать шутовъ. Въ числѣ ихъ находился одинъ князь Голицынъ, прозывавшійся Квасникомъ. Пятидесятилѣтняго Квасника вздумали женить на придворной Калмычкѣ Бужениновой, и при этомъ удобномъ случаѣ рѣшились повеселиться на славу, а главное, какъ видно, хотѣли развеселить императрицу, имѣвшую много причинъ печалиться. Придумали для новобрачныхъ выстроить ледяной домъ, что легко было сдѣлать при страшныхъ морозахъ, которыми отличалась зима 1740 года. Домъ былъ построенъ между зимнимъ дворцомъ (старымъ) и адмиралтействомъ «и гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того казался сдѣланъ былъ будто изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣту на гораздо дражайшій камень, нежели на мраморъ походилъ.» Народъ потѣшался пальбою изъ ледяныхъ пушекъ, стоявшихъ у дома, ледяными дельфинами, которые ночью выбрасывали изъ рта огонь изъ зажженной нефти, «смѣшными картинами», которыя были поставлены за ледяными стеклами дома, освѣщеннаго внутри по ночамъ множествомъ свѣчь, ледяными птицами, сидѣвшими на

ледяныхъ деревьяхъ съ ледяными вѣтками и листьями, «что все изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было,» ледянымъ слономъ въ натуральную величину съ сидѣвшимъ на немъ ледянымъ персіяниномъ; слонъ этотъ днемъ извергалъ воду, а ночью горящую нефть ²¹². Но этихъ хитростей было мало: придумали устроить живую этнографическую выставку, выписали по парѣ инородцевъ, подвластныхъ Россіи, которые должны были участвовать въ торжествѣ шутовской свадьбы, плясать по своему, пѣть свои пѣсни и за свадебнымъ столомъ насыщаться своими національными кушаньями. Къ казанскому губернатору пошелъ указъ: «Указали мы для нѣкотораго пріуготовляемаго здѣсь маскарата выбрать въ казанской губерніи изъ татарскаго, черемисскаго, мордовскаго и чувашскаго народовъ, каждаго по три пары мужеска и женска полу пополамъ, и смотрѣть того, чтобъ они собою были не гнусныя, и убрать ихъ въ наилучшее платье со всѣми приборы по ихъ обыкновенію, и чтобъ при мужскомъ полѣ были луки и прочее ихъ оружіе и музыка, какая у нихъ употребляется; а то платье сдѣлать на нихъ отъ губернской канцеляріи изъ казенныхъ нашихъ денегъ.» Такіе же указы пошли въ Архангельскъ, въ Малороссію. Въ Твери полученъ указъ: «Указали мы тѣхъ людей, которые напредъ сего собираемы были во время маскаратовъ и назывались *Весна*, нынѣ собрать въ Твери сколько есть изъ прежнихъ, и къ тому выбрать и вновь изъ тамошнихъ обывателей, чтобъ было тѣхъ 12 человекъ.» Въ Москву отправленъ приказъ: «Выбрать изъ калужскаго или алексинскаго уѣздовъ деревенскихъ восемь бабъ молодыхъ и столькожъ мужей ихъ, умѣющихъ плясать, которые бъ собою были не гнусны, да около Москвы набрать изъ пастуховъ шесть человекъ молодыхъ людей, которые бъ умѣли на рожкахъ играть. Такожъ сыскать меделанскихъ 15 хорошихъ собакъ, да набрать пѣтуховыхъ большихъ перьевъ, колокольчиковъ разныхъ рукъ кушитъ.» Сибирскій приказъ долженъ былъ прислать хвостовъ лисьихъ и волчьихъ, мѣховъ заячьихъ, тулуповъ медвѣжьихъ и проч. Изъ Новгорода Великаго потребованы 50 козловъ, да барановъ четверорогихъ и пятеророгихъ до десяти и чтобъ всѣ были большіе. Остзейскія провинціи должны были выслать верховыхъ лошадей для придворныхъ дамъ ²¹³.

Устройствомъ праздника распоряжался оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волинскій; для торжества понадобились стихи, привѣтствіе новобрачнымъ; написать и произнести это привѣтствіе поручено было Тредиаковскому. Но какъ было сдѣлано порученіе, объ этомъ такъ разказываетъ самъ Тредиаковскій въ рапортѣ своемъ въ Академію Наукъ²¹⁴. «Сего 1740 года февраля 4 дня, т.-е. въ понедѣльникъ ввечеру въ 6 или 7 часовъ, пришелъ ко мнѣ г. кадетъ Криницынъ и объявилъ мнѣ, чтобъ я шель немедленно въ кабинетъ Е. И. В. Сіе объявленіе хотя меня привело въ великій страхъ, толь наипаче, что время уже было позднее, однако я ему отвѣтствовалъ, что тотчасъ пойду. Тогда, подпоясавъ шпагу и надѣвъ шубу, пошелъ съ нимъ тотчасъ, ни мало не отговариваясь, и, сѣвъ съ нимъ на извозчика, поѣхалъ въ великомъ трепетаніи; но видя, что помянутый г. кадетъ не въ кабинетъ меня везъ, то началъ его спрашивать учтивымъ образомъ, чтобъ онъ мнѣ пожаловалъ объявилъ, куда онъ меня везеть, на что мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня везеть не въ кабинетъ, но на слоновый дворъ и то по приказу его п—ства кабинетъ-министра Ар. Петр. Волинскаго, а зачѣмъ—сказалъ, что не знаетъ. Я, услышавъ сіе, обрадовался и говорилъ помянутому г. кадету, что онъ худо со мною поступилъ, говоря мнѣ, будто надобно мнѣ было пойти въ кабинетъ, и притомъ называя его еще мальчикомъ и такимъ, который мало въ людяхъ бывалъ, и то для того, что онъ такимъ объявленіемъ можетъ человѣка вскорѣ жизни лишитъ или, по крайней мѣрѣ, въ безпамятствіе привести для того, что, говорилъ я ему, кабинетъ дѣло великое и важное, о чемъ онъ у меня и прощенія просилъ, однако же сердился на то, что я его называлъ мальчикомъ и грозилъ пожаловаться на меня е. п. А. П. Волинскому, чѣмъ я ему самъ грозилъ; но когда мы прибыли на слоновый дворъ, то помянутый г. кадетъ пошелъ напередъ, а я за нимъ въ оную камеру, гдѣ маскарадъ обучался, куда вшедъ, постоявъ мало, началъ я жаловаться его п—ству на помянутаго г. кадета, что онъ меня взялъ изъ дому такимъ образомъ, который меня въ великій страхъ и трепеть привелъ; но его п—ство, не выслушавъ моего жалобы, началъ меня бить самъ предъ всѣми толь не милостиво по обѣимъ щекамъ, и притомъ всячески браня, что правое мое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три

или четыре приема. Сие вида, помянутый г. кадетъ ободрился и сталъ притомъ на меня жаловаться его пр—ству, что его будто дорогою бранилъ и поносилъ. Тогда его пр—ство повелѣлъ и оному кадету бить меня по обѣимъ же щекамъ публично; потомъ съ часъ времени спустя, его пр—ство приказалъ мнѣ спроситься, зачѣмъ я призванъ, у г. архитектора и полковника П. М. Еропкина, который мнѣ и далъ на письмѣ самую краткую матерію, и съ которой должно было мнѣ сочинить приличные стихи къ маскарату. Съ симъ и отправился въ домъ мой, куда пришедъ, сочинялъ оныя стихи и, размышляя о моемъ напрасномъ безчестіи и увѣчи, разсудилъ поутру, избравъ время, пасть въ ноги его высоко-герцогской свѣтлости (Бирону) пожаловаться на его пр—ство. Съ симъ намѣреніемъ пришелъ я въ покои къ его высоко-герцогской свѣтлости поутру и ожидалъ времени припасть къ его ногамъ; но по несчастію туда пришелъ скоро и его пр—ство А. П. Волынской: увидавъ меня, спросилъ съ бранью, зачѣмъ я здѣсь; я ничего не отвѣтствовалъ, а онъ билъ меня тутъ по щекамъ, вытолкалъ въ шею и отдавъ въ руки фздовому сержанту, повелѣлъ меня отвести въ комиссію и отдать меня подъ караулъ, что такимъ образомъ и учинено. Потомъ, нѣсколько спустя времени, его пр—ство прибылъ и самъ въ комиссію и взялъ меня передъ себя. Тогда, браня меня всячески, велѣлъ съ меня снять шпагу съ великою яростію и всего оборвать и положить и бить палкою по голой спинѣ толь жестоко и немилостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ, дано мнѣ съ 70 ударовъ; а приказавши перестать бить, велѣлъ меня поднять, и, браня меня, не знаю что у меня спросилъ, на что въ безпамятствѣ моемъ не знаю, что и я ему отвѣтствовалъ. Тогда его пр—ство паки велѣлъ меня бросить на землю и бить еще тою же палкою, такъ что дано мнѣ и тогда съ тридцать разовъ; потомъ всего меня изнемогшаго, велѣлъ поднять и обуть, а раздранную рубашку не знаю кому зашить, и отдалъ меня подъ караулъ, гдѣ я ночевалъ на среду и твердя наизусть стихи, хотя мнѣ уже и недо стиховъ было, чтобъ оныя прочесть въ потѣшной залѣ. Въ среду подъ вечеръ приведенъ я былъ въ маскарадномъ платьи и въ маскѣ подъ карауломъ въ оную потѣшную залу, гдѣ тогда мнѣ повелѣно было прочесть наизусть оныя стихи на силу. По прочтеніи оныхъ и по окончаніи маскарадной потѣхи отведенъ я паки подъ кара-

уль въ комиссію, гдѣ и ночеваль я на четвертокъ; но въ четвертокъ призванъ я былъ поутру часовъ въ десять въ домъ къ его пр—ству, гдѣ былъ взятъ предъ него и былъ много браненъ; а потомъ объявилъ онъ мнѣ, что разстаться хочетъ со мною еще побивши меня, что я услышавъ съ великими слезами просилъ еще его пр—ство умилоствиться надо мною, всѣмъ уже изувѣченнымъ, однако не преклонилъ его сердце на милость, такъ что тотчасъ велѣлъ онъ меня вывести въ переднюю и караульному капралу бить меня еще палкою десять разъ, что и учинено. Потомъ повелѣлъ мнѣ отдать шпагу и освободить изъ-подъ караула, и, призвавъ къ себѣ, отпустилъ меня домой съ такими угрозами, что я еще ожидаю скоро или не скоро такого же печальнаго отъ него несчастія, буде Госнодь по душу не сошлетъ.»

Что люди сильные въ описываемое, да и въ позднѣйшее время, не разбирали средства, когда имъ приходились давать чувствовать свою силу слабымъ—это мы хорошо знаемъ; что Волынской принадлежалъ къ числу самыхъ неуправляемыхъ людей—это мы также знаемъ. Мы видѣли, что позволилъ себѣ библиотечарь Шумахеръ съ студентами, подавшими на него жалобу въ сенатъ; въ описываемое же царствованіе, именно въ 1737 году въ Москвѣ генералъ Чернышевъ прибилъ самъ полѣномъ и потомъ людямъ своимъ велѣлъ бить ассессора канцеляріи конфискаціи Глазунова за то, что тотъ удержалъ нужнаго ему, Чернышеву, подъячача²¹⁵. Поэтому не очень можемъ удивляться такому же поступку кабинетъ-министра Волынскаго съ секретаремъ Тредіаковскимъ. Но мы не можемъ себѣ представлять Волынскаго человѣкомъ подверженнымъ какимъ-то припадкамъ бѣшенства, способнымъ бить человѣка безо всякой причины, а причины не было бить Тредіаковскаго за то только, что онъ подошелъ съ жалобою на кадета, ибо изъ разказа ясно видно, что кадетъ не могъ предупредить Тредіаковскаго и пожаловаться на него; кадетъ начинаетъ жаловаться тогда только, когда былъ ободренъ тѣмъ, что Волынской на жалобу Тредіаковскаго отвѣчалъ пощечинами. Намъ извѣстно, какъ позволилъ себѣ Волынской распорядиться съ княземъ Мещерскимъ, но намъ извѣстно также, что онъ мстилъ Мещерскому за оскорбленіе. Слѣдовательно и въ дѣлѣ Тредіаковскаго мы должны предположить какое-нибудь особое обстоятельство, заставившее Волынскаго такъ распорядиться. Это

обстоятельство очевидно: Тредіаковскій былъ кліентъ Куракина, а Куракинъ былъ заклятой врагъ Волинскаго, который воспользовался случаемъ выместить на кліентѣ злобу, которую не могъ выместить на патронѣ. Но этого мало: въ челобитной императрицы на Волинскаго Тредіаковскій приводитъ слова Волинскаго, сказанныя на прощаніи послѣ десяти послѣднихъ палочныхъ ударовъ: «А при томъ говорилъ, чтобъ я на него жаловался кому хочу, а я де свое взялъ, и ежели де впредь станешь сочинять пѣсни, то де и паче того достанется»²¹⁶. И такъ причиною гнѣва Волинскаго на Тредіаковскаго была какая-то пѣсня, написанная нашимъ пінтою въ насмѣшку надъ Волинскимъ, разумѣется въ угоду своему патрону, князю Куракину. Между сочиненіями Тредіаковскаго не трудно отыскать такую пѣсню или «басенку», какъ называлъ ее авторъ: она носитъ названіе «Самохваль», и какъ нельзя больше относится къ самому видному недостатку Волинскаго и къ обстоятельствамъ его жизни:

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вснать,
А не было его тамъ почитай лѣтъ съ пять;
То за все предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся болью,
И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему
Подобнаго во всемъ, ни равна по всему.

и проч.

Кабинетъ - министръ Волинскій такимъ образомъ отометилъ *секретарю* Тредіаковскому, человѣку все же извѣстному, имѣвшему сильнаго покровителя, отометилъ въ Петербургѣ, во дворцѣ, въ покояхъ фаворита; что же могло дѣлаться въ глуши, въ провинціи съ товарищами Тредіаковскаго? Мы можемъ имѣть понятіе объ этомъ изъ доношенія медицинской канцеляріи въ кабинетъ 1737 года: «Къ архіатеру и медицинской канцеляріи президенту Фишеру обрѣтающийся при арміи докторъ Ацаротій письмомъ представилъ, что онъ архіатеръ о неурядкахъ и непокорствахъ лѣкарей предъ докторами неизвѣстенъ, ибо оныя надѣются на полковыхъ своихъ штабовъ и офицеровъ, имъ почитающихся, ихъ докторовъ мало слушаютъ и почитаютъ, отъ чего неурядки и въ сочиненіи рапортовъ умедленія происходятъ, и штабъ-офицеры оныхъ лѣкарей хотятъ имѣть во всемъ въ своей командѣ, понеже оныя штабы не токмо ихъ какъ лѣкарей се-

держатъ, но многихъ какъ камердинеровъ употребляютъ, заставляютъ ихъ и парики направлять; а которые лѣкари предъ штабами своими не похотятъ излишнюю услужность и раболѣпство несть, на такихъ нападаютъ и ихъ по своимъ изволамъ штрафуютъ и безчестятъ: и которые лѣкари у полковыхъ штабовъ содержатся въ страхѣ или въ милости и употребляемы за камердинера, такіе не токмо докторамъ послушаніе не имѣютъ, но и должность свою пренебрегаютъ, къ болящимъ не ходятъ, и болѣе держатся при домахъ штабъ-офицеровъ, а иные отъ штабовъ обиженные служить болѣе не хотятъ»²¹⁷.

Чинъ давалъ защиту и право, очень часто давалъ право чиновному обходиться безцеремонно съ нечиновнымъ. Но малый чинъ не защищалъ предъ большимъ, и гражданскій чинъ не защищалъ предъ военнымъ. Трѣдяковскій имѣлъ чинъ секретаря (чинъ, а не должность), но этотъ чинъ не удержалъ руку Волынскаго. Такъ какъ гражданскіе чины давали мало почета и защиты, то отсюда естественное стремленіе гражданскихъ чиновниковъ называться соответствующими по табели о рангахъ военными чинами. Но военные чины смотрѣли ревниво на такое самозванство, и въ 1736 году состоялся именной указъ: «Наискрѣпчайше подтверждаемъ, чтобъ всѣ статскіе служители именовались тѣми статскими чинами, въ которыхъ они написаны, а военными бѣ чинами отнюдь не именовались, подъ опасеніемъ лишенія чина»²¹⁸.

Но если въ незрѣломъ обществѣ одна наука безъ ранга не могла внушать уваженія къ ея служителямъ, то, съ другой стороны, преобразовательное движеніе возбуждало страсть къ знанію, къ литературѣ и въ людяхъ высокопоставленныхъ по рожденію и по рангу: таковы были поздніе птенцы Петра Великаго, обязанные ему своимъ образованіемъ, Василій Никитичъ Татищевъ и князь Антіохъ Кантемиръ.

Мы видѣли, что еще въ XVII вѣкѣ, на сѣверѣ и югѣ Россіи, начинаются попытки сколько-нибудь стройнаго, связнаго извлеченія изъ лѣтописей; видѣли также, что Петръ Великій заказалъ трудъ Поликарпову и остался имъ недоволенъ. Но во время же Петра плѣнный русскій въ Швеціи, Манкѣвъ въ 1715 году составилъ извѣстное «Ядро Россійской исторіи.» Сочиненіе это было посвящено Петру, но осталось неизданнымъ до времени Ека-

терины II. Какъ ни странны иногда отступленія автора «Идра», какъ ни ошибочны бывають иногда его показанія, вся же его книга несравненно выше «Исторіи», т. е. витѣватой родословной Грибоѣдова, или Синописа, который, слѣдуя постоянно литовскимъ и польскимъ источникамъ, перемѣшиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначущее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи. Книга Манкіева гораздо стройнѣе, послѣ описанія татарскаго нашествія разсказъ событій по княженіямъ почти вездѣ правленъ, и встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя извѣстія, до сихъ поръ не находимыя въ источникахъ. Съ большими подробностями разсказываетъ авторъ о взятіи Новгорода Делгарди; причина тому заключается въ тогдашнемъ положеніи цѣлаго русскаго народа, отчаянно боровшагося со Шведами, и въ положеніи самого автора въ особенности: настоящая вражда и «полонное терѣнье» заставили живѣе припомнить непріязнь древнюю. Книга заключается похвалою Петру, который «всю Русь художества и вѣдѣніемъ просвѣтилъ и будто снова переродилъ.» Описать подробно дѣянія Петра авторъ не могъ потому, что, какъ говорить онъ самъ, «будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жестокимъ арестомъ, едва вышпищенное по объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, принужденнымъ нахожуся перо покинуть»²¹².

Одинъ бѣжить за наукою въ Москву съ береговъ Бѣлаго моря, другой изъ Астрахани, третій пишетъ русскую исторію въ шведскомъ плѣну, подъ жестокимъ арестомъ! Таковы были богатыри новой Россіи: духовная сила, выступившая вслѣдствіе потрясеній преобразованія, была имъ *грузна*, принуждала къ подвигамъ, какъ была грузна физическая силушка древнимъ сказочнымъ богатырямъ. Къ такимъ же богатырямъ принадлежалъ и Татищевъ, который за границей, изучая горное дѣло, въ Москвѣ, въ трудахъ по монетной канцеляріи, въ Сибири, устранивая горное дѣло, въ Самарѣ, будучи начальномъ оренбургской экспедиціи, не переставалъ заниматься русскою исторіею, собирать ея матеріалы и устранивать ихъ. Школа, усиленіе науки въ Россіи, очищеніе и устройство роднаго языка, составляютъ постоянныя мысли, постоянныя заботы Татищева. Въ мнѣніи своемъ о монетной канцеляріи онъ предлагаетъ: «Учредить школу ремесель, гдѣ обучать, яко начало всѣхъ хитростей и просвѣщенія ума, ариметики, ге-

ометріи, знаменованія механики рѣзнаго или ваянія какъ цѣлыхъ тѣлесъ, такъ въ плоскости и обрonnaго, архитектуры, химіи и металургіи, т.-е. пробовать и раздѣлять металлы, которые всѣ едва не во всѣхъ ремеслахъ великую пользу и приращеніе всѣмъ мануфактурамъ приумножать способны. Языки же чужестранные учить, хотя для разговоровъ не весьма нужны, но паче чтобъ могли другихъ языковъ полезныя книги читать и разумѣть, къ тому же видимъ, что у насъ отъ [неразумія грамматическихъ и риторическихъ правилъ въ канцеляріяхъ неученые секретари и подъячіе весьма пространно и темно и сумнительно или весьма недоразумительно пишутъ и не токмо бумаги, но и времени надъ мѣру теряютъ. И когда сіе малое училище, доброе начало воспріявъ, плодъ покажетъ, тогда удобно высшія науки начать, какъ то во всѣхъ государствахъ славныя академіи, малое начало положе, современнымъ возросли»²²⁰. Приѣхавъ въ Сибирь начальникомъ тамошнихъ горныхъ заводовъ, Татищевъ также сильно хлопочетъ о школахъ.

Но среди заботъ о техническомъ образованіи въ Россіи, что заставило этого практическаго человѣка употреблять столько времени и трудовъ на русскую исторію? Татищевъ самъ рассказываетъ, что графъ Брюсъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, занимался составленіемъ русской географіи; сперва Татищевъ только помогалъ Брюсу въ этомъ дѣлѣ, а потомъ долженъ былъ одинъ взять на себя географическіе труды. Ставши разбираться въ нихъ хозяиномъ, Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя успѣть въ составленіи полной и вѣрной географіи—и вотъ онъ начинаетъ заниматься русскою исторіею, собираетъ лѣтописи, дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, потому что самъ знаетъ эти два языка; изъ книгъ же, написанныхъ на языкахъ ему неизвѣстныхъ, заставляетъ переводить все относящееся къ Россіи. Собравши матеріалы, онъ приступаетъ къ пользованію ими, хочетъ составить изъ нихъ обширный историческій трудъ. «Причина начатія сего моего труда, говоритъ онъ, хотя отъ графа Брюса: но въ продолженіи такъ многому сказанію и произведеній главнѣйшее было желаніе воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному государю, его импер. в—ству Петру Великому за его высокую ко мнѣ показанную милость, яко же къ славіи и чести моего любезнаго отечества.»

Предложивъ во введеніи понятіе исторіи, подъ которою разумѣеть *дѣланіе* въ смыслѣ всѣхъ явленій и приключеній, а не однихъ только дѣлъ человѣческихъ; предложивъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую, ученую, Татищевъ переходитъ къ пользѣ исторіи, показать которую онъ считаетъ нужнымъ потому, что ему «не безъ прискорбности случалось слушать разсужденія о бесполезности исторіи.» Но мнѣнію Татищева, богословъ, юристъ, медикъ, администраторъ, дипломатъ, полководецъ не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей безъ знанія исторіи. Для Русскихъ знаніе своей исторіи нужнѣе, чѣмъ знаніе исторіи другихъ народовъ; но и для русскихъ нужно изученіе иностранной исторіи, а для иностранцевъ русской: одни отечественные источники недостаточны для составленія вполнѣ безпристрастной исторіи, потому что отечественные писатели, въ своихъ сужденіяхъ, могли руководствоваться любовью или страхомъ. Западно-европейскіе историки безъ знанія русской исторіи никакъ не могутъ уяснить себѣ исторіи древнихъ народовъ, обитавшихъ въ областяхъ нынѣшней Россіи; притомъ иностранцы только чрезъ изученіе русской исторіи могутъ получить средство опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. Но Татищевъ, заставляя и своихъ и чужихъ учиться русской исторіи, долженъ былъ и отъ тѣхъ и отъ другихъ встрѣтить сильное возраженіе: да какой интересъ и какая польза отъ изученія исторіи народа, который сталъ извѣстенъ, получилъ значеніе только со вчерашняго дня, и что можетъ разсказать о своей исторіи народъ, который до вчерашняго дня пребывалъ въ невѣжествѣ, во тьмѣ; какія историческія памятники можно найти у такого народа? Разумѣется, Татищевъ, по средствамъ вѣка, не могъ научнымъ образомъ опровергнуть этого возраженія, показать невозможность знанія новой исторіи безъ знанія древней, невозможность писать исторію Россіи съ царя Михаила Феодоровича, или выбрать изъ древне-русской исторіи какое-нибудь царствованіе поважнѣе, на примѣръ Іоанна Грознаго, какъ хотѣли дѣлать тогда въ Академіи ²²¹; Татищевъ, какъ собиратель древнихъ памятниковъ, оскорблялся мнѣніемъ, что такихъ памятниковъ не можетъ быть много, не можетъ быть достойныхъ вниманія историческихъ памятниковъ у народа, погрязавшаго во тьмѣ невѣжества, и написалъ: «Хотя насъ европейскіе историки тѣмъ порицають, якобы мы

исторій древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны; а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое-либо обстоятельство перевели (указаніе на труды Миллера), то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презирають: *сему нѣкоторымъ наши невѣдущіе согласуютъ*, а нѣкоторые, не хотя въ древности трудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, якобы для лучшаго изясненія, но паче для потемнѣнія истины, басни сложа, внесли, и сущую правость сказанія древнихъ закрыли.» Второе печальное явленіе, на которое указываетъ Татищевъ, было необходимымъ слѣдствіемъ перваго: плохое знаніе русской исторіи по источникамъ не только въ XVII или XVIII, но и въ XIX вѣкѣ плодили людей, ученыхъ самозванцевъ, которые не хотѣли въ древности потрудиться и однако на все имѣли готовое объясненіе. Татищевъ своими словами вѣролтно обозначилъ Крекшина, извѣстнаго выдавателя басенъ подъ именемъ исторіи.

Указавъ на то, что нужно для историка (обширная начитанность, логика и реторика), изложивъ правила исторической критики, Татищевъ перечисляетъ источники русской исторіи, которые раздѣляетъ на 1) общіе (Несторовъ Временникъ, Степенная книга, Хронографъ, Синописецъ); 2) предѣльные, т.-е. мѣстные лѣтописи; 3) акты; 4) участные, т.-е. біографіи, описанія отдѣльныхъ событій, житія Святыхъ. Краткіе отзывы о разныхъ перечисленныхъ источникахъ вообще правильны; между матеріаломъ Татищевъ упоминаетъ и о такихъ сочиненіяхъ, которыя были извѣстны ему только по имени и которыхъ, несмотря на всѣ старанія, онъ нигдѣ отыскать не могъ. Но если самъ Татищевъ откровенно говоритъ, какія книги у него были и какія онъ знаетъ только по имени, подробно рассказывая, какія изъ нихъ находились у кого изъ извѣстныхъ людей, то, видя такую добросовѣстность, имѣемъ ли право обвинять его въ искаженіяхъ, подлогахъ и т. п? Еслибъ онъ былъ писатель недобросовѣстный, то онъ написалъ бы, что все имѣлъ въ рукахъ, все читалъ, все знаетъ. Мы имѣемъ полное право въ его сводѣ лѣтописей принимать одно, отвергать другое, но не имѣемъ никакого права въ неправильности нѣкоторыхъ извѣстій обвинять самого Татищева.

Сперва Татищевъ началъ было сочинять «историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ мѣстъ къ одному дѣлу, и нарѣчїемъ такимъ, какъ нынѣ наиболѣе въ книгахъ употребляемъ.» Но ясный смыслъ, къ счастью, заставилъ Татищева перемѣнить намѣреніе: онъ нашелъ въ спискахъ лѣтописи разногласія, при чемъ, сочиняя исторію, разумѣется, долженъ былъ выбирать; кромѣ того списки находились въ разныхъ рукахъ, отъ чего могли затеряться, ссылатся на нихъ нельзя, «и еслибъ, по словамъ Татищева, нарѣчїе и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобъ и вѣроятности не погубить.» Это заставило Татищева свести все списки «тѣмъ порядкомъ и нарѣчїемъ, каковыя въ древнихъ находятся, собирая изъ всехъ подлѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, не убавляя изъ нихъ ничего, кромѣ ненадлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія святыхъ, чудеса, явленія и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концы приложилъ, такожь ничего не прибавлялъ, развѣ необходимо нужное для выражѣнія слово положить, и то отличалъ вмѣстительною.» Потомъ, думая, что такой сводъ будетъ невразумителенъ для большинства читателей, и особенно неудобенъ для перевода на иностранныя языки, Татищевъ перевелъ его на употребительный въ его время языкъ.

Послѣ исчисленія матеріаловъ, Татищевъ предлагаетъ раздѣленіе своего труда на четыре части: первая заключаетъ извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ—Скифовъ, Сарматовъ и Славянъ, до 860 года; вторая заключаетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій отъ 860 года до нашествія Татаръ; третья отъ Татаръ до Іоанна III; четвертая отъ Іоанна III-го до царя Михаила Феодоровича. Татищевъ хотѣлъ остановиться на избраніи царя Михаила во первыхъ потому, что событія, начиная съ этого времени, еще въ свѣжей памяти, и писать исторію новой династіи никому не будетъ трудно; во вторыхъ потому, что «въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великія пороки, которыя если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвѣдуть на злобу, а обойти оныя—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно.» При этомъ Татищевъ говоритъ, что книгъ, могшихъ быть ему полезными, собралъ онъ болѣе 1000; жа-

лается на недостатокъ искусныхъ переводчиковъ, на неправильность польскихъ сочиненій, искажавшихъ древнія имена переводомъ ихъ на новыя; говоритъ, что принесли ему пользу лекконы: Будеевъ всеобщій историческій, Генсіусовъ или Мартиньеровъ географическій, Байлевъ исторіи критическій; но жалуется, что относительно русской исторіи въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго извѣстія, ибо иностранцы не знаютъ русской исторіи и географіи: «и они въ томъ невинны, прибавляетъ Татищевъ, когда того и у насъ нѣтъ.»

Введеніе свое Татищевъ заключаетъ указаніемъ причины всѣхъ приключеній и дѣяній: эта причина, по его мнѣнію, есть умъ или отсутствіе его, глупость. Такой односторонній взглядъ соотвѣтствовалъ тому началу, которое было тогда на очереди въ преобразованной Россіи. Преобразование произошло вслѣдствіе того, что Русскіе сознали необходимость просвѣщенія, науки, для продолженія своей исторической жизни. Отсюда развитіе ума на первомъ планѣ, тогда какъ въ древней Россіи, при недостаткѣ просвѣщенія, умственного развитія, господствовало чувство, другая «причина всѣхъ приключеній и дѣяній.» Какъ великая сила человѣческая, не умѣряясь другою, стремится къ крайности, производитъ неправильности и заблужденія, такъ и чувство, не умѣряемое развитіемъ умственнымъ, просвѣщеніемъ, вело въ древней Россіи къ извѣстнымъ печальнымъ явленіямъ, вѣру превращало въ суевѣріе. Произошелъ переворотъ, на очереди явилось другое начало, и мы также замѣчаемъ односторонность и слѣдствія ея, неправильности и заблужденія. Ревностные служители новаго начала, дѣти преобразованія, научившись и начитавшись въ своей враждѣ къ искаженію господствовавшаго въ древней Россіи начала, къ тому, что они называли суевѣріемъ, не поняли, что съ однимъ умомъ безъ чувства въ исторіи ничего не дѣлается, что чувство есть начало зиждительное, тогда какъ умъ, неумѣряемый чувствомъ, можетъ только сомнѣваться, отрицать и разрушать, но никогда ничего не создастъ и не спасетъ. Умники не поняли и не понимаютъ, что въ западной Европѣ такъ-называемые Средніе Вѣка, вѣка варварства и невѣжества, были вѣками зиждительными для государства и общества, потому что тогда господствовало чувство; а когда наступило господство другаго направленія, умственное развитіе, сомнѣніе, то зиждитель-

ства не видимъ; видимъ болѣе или менѣе правильное развитіе созданнаго, да и то только при помощи чувства, одушевленія, вѣры.

Но отъ увлеченій Татищева, понятныхъ при такомъ ревностномъ служеніи новому началу, при сильной борьбѣ съ искаженіемъ начала, господствовавшаго въ древней Россіи, возвратимся къ заслугамъ его. Татищевъ положилъ начало изслѣдованіямъ о Несторѣ, первый утвердилъ за нимъ древнѣйшую южную лѣтопись, первый указалъ мѣсто, гдѣ Несторъ долженъ былъ остановиться; первый указалъ на позднѣйшія вставки, и хотя указанныя имъ мѣста болѣе принадлежать начальному лѣтописцу, чѣмъ другія, но здѣсь важны приемы, взглядъ на дѣло, а не отдѣльныя замѣчанія, которыя могутъ быть невѣрны или спорны. Татищевъ съ презрѣніемъ отвергаетъ старанія выводить Руссовъ отъ библейскаго Раса и т. п. Руссы, по мнѣнію Татищева, Финны; но они же могутъ быть причислены и къ Варягамъ вмѣстѣ съ Скандинавами, потому что это названіе промысла (разбойничества), а не народное. Татищевъ высказалъ мысль о древности Славянъ въ Европѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь обитаютъ. Разсужденіе, гдѣ авторъ отвергаетъ обычное тогда производство Москвы отъ Мосоха и тому подобныя, можетъ служить, по тому времени, образцомъ здраваго смысла, яснаго взгляда на предметъ. Татищевъ отвергъ существованіе грамоты, данной Славянамъ Александромъ Македонскимъ; но отстранено сомнѣніе насчетъ подлинности договора Олегова съ Греками. Въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей не оставлено безъ объясненія почти ни одного выпуклаго явленія древней русской жизни.

Таковъ трудъ Татищева, извѣстный подъ названіемъ Исторіи Россійской. Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ началъ дѣло какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи; однимъ словомъ, указалъ путь и средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіею; кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя ука-

занія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнить важныя заслуги Татищева, какъ перваго указателя, не говоря уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны.

Несмотря однако на такое важное значеніе труда Татищева, трудъ этотъ былъ отвергнутъ современниками. Послушаемъ самого автора о приѣмѣ, который получила его рукопись: «Какъ скоро я исторію сію въ порядокъ привелъ и примѣчаніями въ-которыя мѣста изъяснилъ, прибывъ въ 1739 году въ С.-Петербургъ, многимъ оную показывалъ, требуя къ тому помощи и разсужденія, дабы могъ что пополнить, а невнятное изъяснить, такъ скоро я принужденъ былъ отъ разныхъ разныхъ разсужденія слышать: иному то, другому другое нечуждо было; что одинъ хотѣлъ, дабы пространнѣе и яснѣе написать, то самое другой совѣтовалъ сократить или совсѣмъ оставить..... Одни предвергали недостатокъ во мнѣ наукъ, но тѣмъ я вышеобъявленное (что преславные философы въ сочиненіи исторій погрѣшаютъ, и не науки полезныя сочиняютъ) къ моему извиненію представилъ, разсуждая, когда они болѣе науками преисполнены, тобъ сами за сіе весьма важное отечеству взялись и лучше сочинили; другіе о порядкѣ и складѣ порицали, которымъ кратко симъ изъяснилъ: что я не новое и не для увеселенія читающихъ краснорѣчивое сложеніе сочиняю, но отъ старыхъ писателей самымъ ихъ порядкомъ и нарѣчіемъ собиралъ, какъ они положили, а притомъ если что для изъясненія отъ иноязычныхъ нужно было, то я такъ переводилъ, чтобъ сущей разумъ онаго писателя показать, дабы сущія дѣянія или приключенія ясны и доказательны были, а о сладкорѣчии и критикѣ не прилежалъ; а какъ въ философіи не ученъ, для того я все дивныя, чудесныя и не довольно вѣроятныя дѣла мало, или весьма не толковалъ, опасаясь, дабы за недостаткомъ оныхъ наукъ въ чемъ не погрѣшить. Въмѣсто же того прилежалъ, чтобъ необходимо къ гражданской исторіи нужныя обстоятельства, т.-е. время — когда, мѣсто — гдѣ и родъ государей или народовъ, о которыхъ сказывается, изъяснилъ; ежели же гдѣ моего мнѣнія или довода какая погрѣшность явится, то надѣюсь, что благоразумный можетъ легко презреть, разсуждая, что

еще до днесь ни одна исторія, какимъ бы она мудрецомъ и въ наукахъ всѣхъ прославившимся сочинена ни была, никогда со-
всѣмъ совершенною не явилась, и отъ неученыхъ иногда полез-
ное улучила. Чему въ примѣръ Несторъ преподобный: за его
доброхотный къ отечеству трудъ вѣчной похвалы и благодаренія
достоинъ; ибо еслибы онъ начало не учинилъ, то бы можетъ и
другой не скоро къ сочиненію оваго взялся. Для того какъ пер-
выхъ, такъ другихъ не поносятъ, и порицать непристойно, но
паче прилежать о томъ, чтобъ тѣ погрѣшности исправить и въ
лучшее состояніе для пользы общей привести. Другіе рассужда-
ютъ, яко бы древнихъ временъ исторій вновь лучше и полнѣе
прежнихъ сочинить не можно, развѣ отъ себя что вымышлять,
котораго ради яко бы все новосочиненное о древности правымъ
назвать не можно: но на сіе отвѣчаетъ сама сія собранная исто-
рія, когда благосклонный читатель увидитъ дополненія, изъясне-
нія и доказательства отъ такихъ древнихъ писателей, о которыхъ
онъ прежде не думалъ, чтобъ въ такомъ отъ насъ отдаленіи о
насъ или нашихъ предкахъ писали, да можетъ не токмо книгъ
тѣхъ не читалъ, но именъ ихъ не слышалъ, то онъ подлинно по-
вѣритъ, что еще прилежному рачителю и въ другихъ потребныхъ
къ тому языкахъ искусному болѣе сего обрѣсти, изъяснить и до-
полнить возможно, слѣд. сей мой трудъ, и познавъ причину мо-
его начала, въ продерзость мнѣ не поставитъ.» Но всѣ возраже-
нія остались тщетными; Татищевъ не видалъ изданія своего труда.

Въ тѣсной связи съ историческими трудами Татищева нахо-
дится его разсужденіе, написанное въ 1730 году и направленное
противъ голицынскаго замысла ограничить власть императрицы Вер-
ховнымъ Совѣтомъ. Вооружаясь противъ поступка членовъ Со-
вѣта, Татищевъ говоритъ: «По закону естественному избраніе (го-
сударя) должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ
персонально, другихъ чрезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ
во многихъ государствахъ учрежденъ, а не четыремъ или пяти
человѣкамъ, какъ то нынѣ непорядочно учинено.» Отстраняя воп-
росъ о незаконности избранія Анны, потому что народъ дово-
ленъ персоною ея величества, Татищевъ обвиняетъ верховниковъ
въ томъ, что «они дерзнули собою единовластительство отста-
вить и ввести аристократію, объявляя намъ ея величества пись-
мо и пункты, яко бы она сама по своей волѣ учинила, и при-

нуждають насъ, подѣ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, яко бы мы ихъ той явной продерзости слѣдовали. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, выключая достоинство и преимущество всего шляхетства и другвхъ сановъ: то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностію разсмотрѣть, и потому представить что къ пользѣ государства надлежить, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закосятъ, и паче опасаться (должно), чтобы они, видя насъ въ оплошности, на большой бѣзпорядокъ не дерзнули.» Въ своемъ разсмотрѣніи Татищевъ говоритъ, что въ отсутствіи государя ничто не можетъ быть измѣнено иначе какъ общимъ народнымъ соизволеніемъ. Притомъ въ настоящемъ случаѣ не было никакой нужды и пользы въ измѣненіи образа правленія, а только великій вредъ. Въ Россіи полезнѣе всякихъ другихъ формъ самодержавія по обширности государства, окруженнаго враждебными соседями и по причинѣ отсутствія просвѣщенія въ народѣ, который потому не можетъ хранить законы безъ принужденія, изъ одного сознанія пользы и вреда. Вся русская исторія служить тому доказательствомъ: Россія процвѣтала отъ Рюрика до Мстислава Великаго, благодаря единовластію; бѣдствовала во время «безнужества» княжескихъ междоусобій; поднялась съ Іоанна III; опять пришла въ печальное состояніе въ смутное время, когда бояре при Шуйскомъ ограничили власть государеву. Потомъ Россія опять поднимается, благодаря усиленію самодержавія при царѣ Алексѣѣ, и получаетъ великую славу, честь и пользу отъ самовластія Петра. На возраженіе о злоупотребленіяхъ самодержавія Татищевъ отвѣчаетъ примѣромъ шляхтича, безумно разоряющаго свой домъ: но вельдствие этого явленія никто не сниметъ воли со всего шляхетства въ правленіи и не возложить его на холопей. Такъ какъ желавшіе ограниченія особенно настаивали на вредъ отъ временщиковъ и на ужасы тайной канцеляріи, то Татищевъ долженъ былъ возражать, что бываютъ временщики дурные, бываютъ и хорошіе, и тайная канцелярія, порученная хорошему человѣку, мало вредна. Но Татищевъ, подобно многимъ изъ шляхетства, не считалъ бесполезными нѣкоторыя измѣненія въ существующихъ порядкахъ онъ хотѣлъ только, чтобы перемѣны совершились законнымъ путемъ. По его мнѣнію, для высшаго управленія долженъ былъ находиться при императрицѣ сенатъ изъ 21

члена; для дѣлъ внутренней экономіи долженствовало быть другое учрежденіе изъ 100 человекъ, которые бы занимались дѣлами по третямъ года; въ случаяхъ чрезвычайныхъ, какъ напримѣръ война или кончина государя, съѣзжаться всеѣмъ и присутствовать въ общемъ собраніи цѣлый мѣсяць; на высшія мѣста въ гражданскомъ управленіи и войскахъ поступать посредствомъ баллотировки; новые законы издавать не иначе какъ послѣ подробнаго разсмотрѣнія во всеѣхъ коллегіяхъ и сенатѣ; въ тайной канцеляріи вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ государыни правителемъ должны присутствовать помѣсячно два сенатора; при арестѣ тайная канцелярія не касается имѣнія арестуемаго; для шляхетства должны быть устроены во всеѣхъ городахъ училища; моложе 18 лѣтъ не брать въ службу и не держать долѣе 20 лѣтъ; бѣдному деревенскому духовенству дать возможность содержать дѣтей въ училищахъ и самимъ не обрабатывать земли; остатки же отъ доходовъ духовенства употреблять на богоугодныя и полезныя государству дѣла; кунечество избавить отъ притѣвленій и дать средства къ умноженію мануфактуръ и усиленію торговли.

Говоря о заслугахъ Татищева для русской исторіи вообще, нельзя не упомянуть также о заслугахъ его для исторіи русскаго права; и здѣсь онъ является первымъ издателемъ памятниковъ и первымъ истолкователемъ ихъ: такъ приготовлены имъ къ изданію Русская Правда и Судебникъ царя Іоанна съ дополнительными статьями. Въ примѣчаніяхъ къ Судебнику видимъ первую попытку объяснить наши древніе юридическіе термины; и здѣсь, какъ во введеніи и въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей, разбѣсны любопытныя указанія на потерянные для насъ памятники и на современные или на ближайшія ко времени автора событія. И здѣсь заслуга Татищева увеличивается при сравненіи его понятій съ понятіями современниковъ о предпринятыхъ имъ трудахъ; такъ онъ говоритъ въ предисловіи къ изданію Русской Правды и Судебника: «Не безызвѣстно и сіе, что невѣдущіе пользы изъ того оныя древности не токмо складомъ и нарѣчіемъ порицають, но ихъ и печатать болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитають, говоря: когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны. Да оное никто мудрый не скажетъ, развѣ невѣдущій древностей, не токмо иностранныхъ, но

и своихъ. По сей причинѣ мною не въ избытокъ изъяснить, что всякая древность къ знанію полезна, для котораго многіе мудрые люди съ великимъ тщаніемъ прилежатъ древнія исторіи собирать и для пользы всѣхъ издавать.» Наконецъ Татищеву же принадлежатъ и первые труды по русской географіи.

Мы видѣли, что Татищевъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ борцовъ за новое начало, которому стала служить преобразованная Россія, и въ этомъ значеніи своемъ враждовалъ къ началу, господствовавшему въ древней Россіи, не умѣя отдѣлить самаго начала отъ тѣхъ явленій, которыя были произведены одностороннимъ господствомъ его, и которыя необходимо вызвали противодѣйствіе въ эпоху преобразованія. Въ подобныя эпохи человѣкъ бываетъ не въ состояніи назначить себѣ границы, дадѣе которыхъ идти не долженъ въ своемъ противодѣйствіи старому началу, отъ чего и бываетъ, что спѣша обрѣзать вредныя наросты, часто задѣваютъ за живое, здоровое тѣло. Вооружаясь противъ нароста, естественно образовавшагося въ древней Россіи вслѣдствіе исключительнаго господства чувства безъ умственнаго развитія, вооружаясь противъ суевѣрія, поборники умственнаго развитія часто не умѣли опредѣлить границъ между суевѣріемъ и вѣрою. Преобразовательная эпоха въ Россіи соотвѣтствовала въ извѣстномъ отношеніи реформаціонной эпохѣ на Западѣ, и только великій смыслъ и русская природа преобразователя удержали его отъ крайностей на скользкой и покатой дорогѣ реформаціоннаго движенія. Но другіе не сдерживались, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, увлекались новыми учителями, новыми книгами, а съ другой—раздражались противодѣйствіемъ старыхъ учителей, которые требовали сохраненія своихъ старыхъ правъ, не имѣя, къ несчастію, большихъ нравственныхъ средствъ для поддержанія своихъ требованій. Сдѣлаеть ревностный слуга новаго начала выходку противъ этихъ требованій, не поддержанныхъ нравственными средствами, и старые учителя или люди, служащіе старому началу во всѣхъ его проявленіяхъ, расточаютъ ему названія вольнодумца, безбожника, частію потому, что не могутъ опредѣлить настоящаго смысла этихъ словъ, частію потому, что противники ихъ, въ минуту увлеченія, переходятъ должныя границы и дѣйствительно становятся виновны, сами не желая и не замѣчая этого. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и

Татищевъ, котораго, какъ говорятъ, Петръ Великій по своему, безцеремонно проучилъ за вольнодумство. Какого рода были рѣчи, возбудившія гнѣвъ Петра, мы не знаемъ; но что въ борьбѣ съ суевѣріемъ онъ перешелъ границы — это видно изъ его сочиненій; видно также увлеченіе его въ борьбѣ съ старыми учителями, которые являлись въ его глазахъ охранителями суевѣрія; за это увлеченіе онъ былъ наказанъ потемнѣніемъ смысла при объясненіи историческихъ явленій. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Въ Россіи науки не токмо читать и писать, но языковъ, греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латынскій языкъ введены, и многія училища устроены были; но нашествіемъ Татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда имъ для приобрѣтенія большихъ доходовъ и власти полезнѣе, явился народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать; для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили.» Здѣсь что ни слово, то ошибка.

На 54-мъ году жизни печальныя обстоятельства возбуждали въ Татищевѣ религиозное чувство, подъ вліяніемъ котораго онъ написалъ завѣщаніе сыну, Домострой преобразовательной эпохи. Совѣтуя сыну поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь, Татищевъ указываетъ необходимыя для этого поученія книги: кромѣ Библии, сочиненія учителей церковныхъ; изданныя въ его время въ Россіи истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ предлагаетъ вмѣсто катихизиса; Юности честное зеркало считаетъ лучшимъ нравоученіемъ. «Прологи и житія святыхъ въ Минеяхъ Четыхъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусенъ и могъ бы довольно разсудить, ибо хотя въ нихъ многія исторіи въ истинѣ бытія кажется оскудѣвають и неразумнымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ, однакожь тѣмъ не огорчайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано и тициса подражати дѣламъ ихъ благимъ.» Татищевъ не совѣтуетъ сыну вступать въ религиозные споры, ибо отъ этого могутъ быть дурныя слѣдствія, какъ и съ нимъ самимъ случилось: «Я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или прѣніе вступалъ; но потому, что я никогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ

невѣдущихъ Божьяго закона, и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбожника почитанъ и немало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ; токмо до днесь, благодатію Божіею и великодушіемъ презрѣвъ такіа клеветы и злонамѣренія терпѣливостію преодолѣвъ, ихъ лицемернымъ поступкамъ и фарисейскимъ ученіямъ не послѣдовалъ.» Въ этой выходкѣ противъ такъ-называемыхъ человѣческихъ уставовъ указывается протестантская исходная точка, дающая такой просторъ отрицанію.

Любопытно взглянуть, какъ Домострой XVIII вѣка отнесся къ женщинамъ: «Имѣй въ памяти, говоритъ Татищевъ сыну, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемернымъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть, въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилежать, въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а затѣмъ и самому нелицемерно смотрѣть. Однакожь храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властію: сіе для мужа очень стыдно, и чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъяснить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ, а особливо высокопарныи, а лучше сказать, глупыя жены безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкою ревностію безвѣнно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такіа пустельги и негодницы больше всѣхъ въ томъ обращаются, и, думая закрыть тѣмъ враньемъ свои пороки, непрестанно бредятъ, какъ попуган, что имъ на мысль придетъ, а больше онѣ подобны соннымъ или въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ, послѣ и сами не знаютъ, а за то иногда такую бѣду или несчастіе мужу своему наносятъ, что онъ, невинно получа себѣ отъ жениной глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, принужденъ будетъ страдать и несчастіе терпѣть.» Въ этихъ словахъ слышится раздраженіе, какъ будто самъ авторъ страдалъ отъ подобной женщины... Дѣйствительно Татищевъ не зналъ семейнаго счастья и долженъ былъ развестись съ своею женою. Впрочемъ мы не имѣемъ права заподозрить въ преувеличеніи этого портрета нѣкоторыхъ русскихъ женщинъ первой половины XVIII вѣка, ибо теремъ не могъ воспитать русской женщины для свободы, и мы видѣли примѣры тому въ

первыхъ женщинахъ вырвавшихся изъ терема; мы должны только замѣтить, что подлѣ портрета женщины, нарисованнаго Татищевымъ, мы встрѣчаемъ портретъ княгини Натальи Борисовны Долгорукой; также встрѣчаемъ любопытный портретъ той молодой жены, которая такъ заботилась, хотя и понапрасну, объ ученіи своего мужа. Вообще мы должны замѣтить, что семейная реформа Петрова, освобожденіе женщины изъ терема, совершилось скоро и безпрепятственно: доказательство, что теремное заключеніе женщины коренилось не въ *умоначертаніи* нашихъ предковъ, не въ какихъ-нибудь религіозныхъ воззрѣніяхъ, занесенныхъ изъ Византіи, а въ извѣстныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ: грубость нравовъ дѣлала невозможнымъ пребываніе женщины въ мужскомъ обществѣ, ибо въ человѣкѣ не умираетъ сознаніе, что женщина есть блюстительница семейной нравственности, семейнаго наряда и потому должна находиться въ средѣ болѣе чистой; съ другой стороны, давно ли у насъ явилась возможность для дѣвушки выходить безъ провожатаго изъ дому, да и явилась ли еще полная возможность? И такъ, дѣвушка, если у нея нѣтъ провожатаго, должна оставаться дома; усильте неблагоприятныя условія, по которымъ дѣвушка, молодая женщина, и вообще женщина, вообще существо слабое не можетъ безопасно выйти изъ дому, и вы придете къ необходимости для женщины скдѣть по большей части дома; прибавьте сюда, что некуда и не зачѣмъ ей выходить изъ дому, ибо общество не можетъ представить ей приличныхъ развлеченій, и вы естественно дойдете до терема, и не станете прибѣгать за объясненіемъ явленія къ какимъ-нибудь небывалымъ византійскимъ вліяніямъ. Ниодинъ современный писатель не говоритъ, что семейныя реформы Петра встрѣтили сопротивленіе со стороны какихъ-нибудь византійскихъ вліяній: гдѣ же основаніе предполагать эти вліянія?

Любопытны разсужденія новаго Домостроя о разныхъ родахъ службы для дворянства и о другихъ сословіяхъ. Придворная служба, какъ она была въ описываемое царствованіе, не нравилась Татищеву, особенно потому, что это былъ человѣкъ, пропитанный понятіями Петровскаго царствованія, отличавшагося простотою и бережливостію. «Петръ Великій, говоритъ онъ, который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ и въ рангъ ихъ не токмо

на концѣ, но весьма низкій положили; у него оныя весьма въ презрѣннѣ были, и лучше сказать, что никого не было. Нынѣ же оныя рангами, жалованьемъ и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы; то я, взирая на ихъ строптивое житѣе и обхожденіе, тогдабъ тебѣ онаго искать не совѣтовалъ: понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едвали не все вмѣсто добродѣтели происходить; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, несмотря на то, что губятъ невинныхъ, сами вскорѣ судомъ Божескимъ погибнуть.» Относительно дворянской службы вообще Татищевъ объявляетъ сыну, что жалованьемъ если прожить можно, но скопить деньги и на нихъ пріобрѣсти болѣе 100 душъ нельзя, какъ бы велико жалованье ни было, и то надобно жить очень скупю, при чемъ можно показать себя «презрительнымъ въ людяхъ благороднаго обхожденія.» Слѣдовательно средствами для дворянина пріобрѣсть богатства остаются: монаршія награды, наслѣдство, супружество и незаконные поступки. Для купечества больше средствъ разбогатѣть, но мѣшаетъ безграмотность, незнаніе правилъ коммерціи, неимѣніе общаго банка и конторъ за границую, разореніе потребителя откупами и подрядами подъ видомъ государственной пользы, плохой кредитъ вслѣдствіе привычки купцовъ къ обманамъ.

Пріобрѣлъ ли дворянинъ во время службы что-нибудь, или нѣтъ, все же хотя подъ старость онъ долженъ былъ освободиться отъ службы, чтобъ, по крайней мѣрѣ, сохранить дѣтямъ пріобрѣтенное или полученное отъ отца имѣніе. Отсюда понятна для дворянства важность вопроса о срокѣ службы. Мы видѣли, что Татищевъ также хлопоталъ объ опредѣленіи этого срока. Въ своемъ завѣщаніи онъ начертываетъ картину дѣятельности помѣщика, пріѣхавшаго въ деревню послѣ отставки отъ службы. Если Татищевъ враждебно относился къ духовенству, приписывая ему иногда и то, въ чемъ оно вовсе не было виновато, то вражда его была направлена на высшее, черное духовенство, которое имѣло голосъ въ управленіи, въ обществѣ, и которое, несмотря на петровскія ограниченія, обладало большими еще матеріальными средствами. Но здравый смыслъ и опытность должны были заставить Татищева смотрѣть иначе на низшее бѣлое духовенство, удрученное бѣдностію, а въ селахъ и тяжелыми поле-

выми работами, не дававшими возможности священнику выдѣлиться изъ паствы своими учительскими способностями, что было причиною страшнаго нравственнаго вреда для массы народонаселенія. Дѣлая выходку противъ нѣкоторыхъ архіереевъ, которые имѣли до 30,000 дохода и не были довольны, тогда какъ фельдмаршалъ не имѣлъ столько дохода и былъ доволенъ. Татищевъ и въ мѣншіи своемъ 1730 года, какъ мы видѣли, и въ завѣщаніи требуетъ облегченія низшаго духовенства: «Старайся имѣть попа ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою, къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо гдѣ ты жить будешь; имѣй съ нимъ частое свиданіе; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобъ отъ него навозомъ не пахло; голодный, хотябъ и патриархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совѣмъ неприлично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ. А крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господь своихъ возненавидятъ, подводя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучать и тиранять, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когда жъ гдѣ есть ученый попъ и добраго поведенія человекъ, къ тому жъ неимѣющей крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ.» Невѣжество и бѣдность сельскаго духовенства были главными причинами того, что крестьяне были лишены толкованія закона Божія: «Невѣжды, лѣнныя и неученыя попы, получая отъ крестьянъ алтыны, мирволятъ и совѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ, къ тому жъ почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одно только имъ рассказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдать и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ.»

Необходимое дополненіе къ завѣщанію представляютъ Экономическія записки Татищева, имѣющія предметомъ сельское хозяйство. Здѣсь особенно важны для насъ тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ. По мнѣнію Татищева, «наивнѣйшій пунктъ—учить крестьянина грамо-

тѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій и тѣмъ можетъ назваться истиннымъ челоувѣкомъ и различить себя отъ скота... Смотрѣть надлежитъ, дабы лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены, не торжествовать, понеже лѣнливые крестьяне ни о чемъ больше не пекутся, какъ только узнать большіе праздниковъ. Работу производить, начавъ съ вечера, ночью и поутру, а въ самое жаркое время отнюдь не работать, ибо какъ людямъ, такъ и лошадямъ оное весьма вредно. Работу же производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю, какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, гдѣ не смотря за крестьянскою работою, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходять, а послѣ произносятъ на судьбу жалобу. Когда же убранъ будетъ съ поля весь хлѣбъ, то староста и прикащикъ не имѣтъ ихъ больше къ работѣ принуждать, и долженъ имъ дать покой нѣсколько времени; а за труды ихъ, выбравъ свободный день и собравъ всѣхъ, напоить и накормить изъ боярскаго кошту. Крестьянъ старыхъ и хворыхъ мужеска и жевска пола по міру не пущать, а опредѣлять ихъ въ домовую богадѣльню, которыхъ поить и кормить боярскимъ коштомъ.» Въ имѣніи долженъ быть лѣкарь, домашняя аптека, баня ²²².

Въ основномъ взглядѣ на отношенія своего времени съ Татищевымъ вполне сходится и князь Антиохъ Кантемиръ въ своихъ сатирахъ. Всецѣло преданный, какъ и Татищевъ, интересамъ новаго времени, какъ они были указаны преобразователемъ челоувѣкъ образованный, жадный къ знанію, сулившій себѣ блестящую будущность при Петрѣ, благодаря именно своей образованности, молодой Кантемиръ долженъ былъ начать свое служебное поприще съ обманутыми надеждами: Петръ былъ уже во гробѣ, его дѣло останавливалось, даже обнаруживалась реакція; преемниками Петра были—сначала женщина, обманувшая во многомъ надежды своихъ приверженцевъ, потомъ испорченный дурнымъ воспитаніемъ ребенокъ, частные интересы сильныхъ людей были на первомъ планѣ. Среди борьбы честолюбій молодой Кантемиръ явился одинокъ и былъ затертъ съ своими личными достоинствами и съ своею наукою, которыя при Петрѣ такъ легко прокладывали путь челоувѣку къ высшей дѣятельности. У Кантемира

было нѣсколько братьевъ; по уставу маюрата, отецъ имѣлъ право изъ нѣсколькихъ сыновей выбрать одного, хотя бы и младшаго, и оставить ему все недвижимое имѣніе. Старый князь Дмитрій Кантемиръ, умирая, предоставилъ назначеніе маюрата императору, при чемъ однако указывалъ на младшаго сына Антіоха, какъ на «лучшаго въ умѣ и наукахъ.» Конечно, при жизни Петра Великаго Антіохъ на этомъ основаніи и получилъ бы маюратъ; но Петра не было, и Верхов. Тайный Совѣтъ распорядился иначе, отдалъ маюратъ брату его Константину, разумѣется, не безъ помощи князя Дм. Мих. Голицына, на дочери котораго былъ женатъ Константинъ Кантемиръ. Отсюда сильное раздраженіе Антіоха противъ существующаго порядка вещей, мрачный взглядъ, усиливаемый болѣзненнымъ состояніемъ, хотя, въ свою очередь, удары судьбы усиливали болѣзненное состояніе и были не безъ вліянія на преждевременную смерть; отсюда молодой человекъ, начавшій пробовать свой талантъ въ нѣжныхъ любовныхъ стихахъ, призналъ въ себѣ исключительную способность къ сатирѣ:

Въ сатирахъ хочу состарѣти,

А не писать мнѣ нельзя—не могу стерпѣти...

Хоть муза моя всемъ сплошь имать досаждати,

Богатъ, нищъ, весель, скорбень — буду стихи твати;

И понеже ни хвалить, ни молчать не знаю,

Одно благоправіе вездѣ почитаю,

Проче въ сатиру писать въ вѣки не престану.

Будучи такъ сильно недоволенъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, т.-е. положеніемъ ихъ въ царствованіе Петра II, Кантемиръ естественно и необходимо примыкалъ къ тому немногочисленному кружку, который своею главою считалъ Феофана Прокоповича, ученѣйшаго изъ русскихъ людей, за свою ученость подпавшаго гоненію отъ печадій стараго мрака. Личныя достоинства и знанія, пролагавшія при Петрѣ путь къ чести, теперь «не въ авантажѣ обрѣтались,» и вотъ по смерти Петра II-го это печальное положеніе дѣлъ хотятъ увѣковѣчить: двѣ знатнѣйшія фамиліи хотятъ сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, свобода для очень немногихъ, вмѣсто самодержавія олигархія! Легко понять, почему Прокоповичъ, Татищевъ и Кантемиръ принимаютъ такое дѣятельное участіе въ движеніи, направленномъ противъ ограниченія самодержавія Верх. Тайнымъ Совѣтомъ, т.-е. Голицыны-

ми и Долгорукими, ибо остальные члены Совѣта сами трепетали за свое будущее, никакъ не надѣясь удержать своихъ мѣсть подлѣ Голицыныхъ и Долгорукихъ. Дѣло шло не о томъ собственно, чтобъ возвратитъ Россію къ допетровскому времени, какъ мы обыкновенно понимаемъ это время въ противоположность эпохѣ преобразованія; не во власти Долгорукихъ и Голицыныхъ было заставить Россію отказаться отъ европейскихъ условій жизни, еслибы даже они этого и хотѣли: дѣло шло о противодействіи стремленіямъ Петра В. въ извѣстныхъ частностяхъ, выгодныхъ или невыгодныхъ тѣмъ или другимъ лицамъ, тому или другому сословію, тому или другому кружку. Отсюда и могущественныя побужденія къ борьбѣ. Способности и знанія обрѣтались въ авантажѣ при Петрѣ; послѣ него обрѣлись не въ авантажѣ; напротивъ, люди, обрѣтавшіеся при Петрѣ не въ авантажѣ, подняли головы и чуть-чуть не погубили Феофана; теперь предстоитъ переворотъ, затѣянный въ Верх. Тайномъ Совѣтѣ; но этотъ переворотъ могъ ли быть выгоденъ Феофану съ товарищи, могъ ли возвратитъ имъ авантажъ? Надежды на это не было никакой: захватывали власть въ свои руки люди, считавшіе главнымъ правомъ своимъ на власть происхождение, люди, которые враждебно относились къ дѣятельности преобразователя именно за то только, что онъ вывелъ и далъ преимущественное значеніе худороднымъ людямъ за таланты и знанія. Для однихъ время Петра было райскимъ, золотымъ вѣкомъ, потому что они тогда обрѣтались въ авантажѣ; для другихъ это время вовсе не было желаннымъ, потому что они тогда обрѣтались не въ авантажѣ или, по крайней мѣрѣ, не въ такомъ, на какой считали себя въ правѣ. Послѣдніе брали рѣшительный верхъ; первые должны были употребитъ все усилія, чтобъ не дать имъ господства.

Усилія увѣнчались успѣхомъ; голицынской замысль рушился; но въ началѣ, какъ мы видѣли²²², правительство считало нужнымъ соблюдать большую осторожность относительно враговъ и друзей; мы видѣли, что изданъ былъ манифестъ, направленный противъ архіереевъ-нововводителей, пренебрегавшихъ крестными ходами, а главою архіереевъ-нововводителей считался Феофанъ; въ манифестѣ заключалась даже выходка противъ преобразователя, объявлялось, что относительно вѣры все будетъ постаринѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ Анны. Должно быть къ этому времени относятся жалобные стихи Феофана:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ.
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ странъ свѣта не видно,—
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!
Хотя же малую явить отраду
И поманить
И будто польготить стаду,
Да обманеть.
Прошелъ день пятый *), и вождь дождевыхъ
Нѣтъ отмѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.

Кантемиръ счелъ своею обязанностію написать Теофану утѣшительные стихи (*epodos consolatoria*), въ которыхъ говорить, что по яснымъ примѣтамъ наступаетъ весна, явилась благодатная Діана (Анна): она скоро затравитъ дикихъ звѣрей, раздѣлитъ добычу (кожи этихъ звѣрей), и охранитъ стадо Теофана, который представляется сѣдымъ пастухомъ, воспѣвающимъ Діану. Въ заключеніе Кантемиръ указываетъ на собственный примѣръ: его также постигло несчастье, но онъ не унываетъ:

У меня было мало козлятокъ,
Ты извѣстенъ,
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали **).
Ужь трижды солнце въ кругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
А я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый,
Лишень и стада, лишень хилжны,
Лишень нивы,
Межь пастушками брожу одинъ
Несчастливый.

*) Т.-е. пятый годъ съ кончины Петра В.

***) Георгій Дашковъ и его друзья, между которыми главный разумѣется кн. Дм. Мих. Голицынъ.

Кантемиръ надѣялся не понапрасну. Молодой человекъ былъ отправленъ министромъ въ Лондонъ на основаніи способностей и знаній, какъ дѣлывалось при Петрѣ; бѣдный пастушокъ получилъ также и стаде и ниву (деревни въ нижегородскомъ и брянскомъ уѣздахъ) и воспѣлъ за это благодатной Діанѣ громкую оду. Но если обычаемъ времени, господствующими въ немъ отношеніями объясняется вообще привычка поэтовъ XVIII вѣка сочинять высокопарныя оды въ честь сильныхъ земли, то тѣмъ болѣе понятны похвальные стихи Аннѣ Теофана и Кантемира, ибо они были диктованы благодарностію. Сказавши, что Аполлонъ запретилъ ему писать похвалы императрицѣ по немнѣию достаточнаго для того таланта, Кантемиръ заканчиваетъ свою оду такъ:

Молчу убо, но молча сильно почитаю
Тую, отъ нея же честь и жизнь признаваю.

Но для похвальной оды Кантемиръ не призналъ въ себѣ способностей; ему больше всего нравилась сатира: что же онъ осмѣивалъ въ ней?

По отношенію нашего автора ко времени Петра В. и послѣдующему за нимъ уже можно догадаться, кому больше всего достанется въ его сатиры; поклонникъ новаго начала, уместившаго развитіе посредствомъ науки, онъ прежде всего схватится съ старыми учителями, старыми руководителями общества, будетъ обвинять ихъ въ своскорыстномъ поклоненіи господствовавшему прежде началу, въ его искаженіи, раздражаясь тѣмъ, что старые руководители упрекали его злоупотребленіями, крайностями того начала, которому онъ служилъ; онъ упрекалъ ихъ въ суевѣріи, они упрекали его въ невѣріи. Борьба велась давно; началась она съ тѣхъ поръ какъ въ Москву явились новые учителя изъ Кіева и Бѣлоруссіи и уличили старыхъ учителей въ невѣжество, съ тѣхъ поръ какъ молодые люди стали ѣздить въ Кіевъ для науки и пренебрегать старыми духовниками; наплывъ новыхъ учителей успивался все болѣе и болѣе, молодые люди стали ѣздить подалѣе Кіева за наукою и возвращались еще болѣе холодными къ своимъ духовнымъ отцамъ. Но и не одни ѣздившіе за границу для науки обнаруживали эту холодность; примѣръ Тверитинова съ товарищами показывалъ, какія могутъ быть слѣдствія того,

что русскіе люди пошли въ науку къ иностраннымъ, иновѣрнымъ учителямъ. И старые учителя, которыхъ величаютъ невѣждами, оплачиваютъ своимъ порицателямъ, указывая въ наукѣ источникъ ереси, невѣрія. Это производило сильное впечатлѣніе; чтобъ ослабить его, приверженцамъ новаго нужно было выставить обвинителя въ смѣшномъ видѣ, показать, что онъ смѣшиваетъ существенное съ несущественнымъ, что онъ полагаетъ религію только въ одной внѣшности, въ одномъ обрядѣ, и дѣлаетъ это не по одному невѣжеству, но изъ самыхъ недостойныхъ побужденій, изъ честолюбія и корыстолюбія:

Расколы и ереси науки суть дѣти,
 Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
 Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ —
 Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
 И проситъ свята душа съ горькими слезами
 Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
 Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
 Праотческимъ или слѣдомъ къ Божіей проворны
 Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
 Теперь къ церкви соблазну Библию честь стали;
 Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
 Мало вѣры подая священному чину;
 Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
 Не прибѣшь ихъ палкою къ соленому мясу.
 Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
 Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишину чають,
 Шепча, что тѣмъ, что мірской жлзни ужъ отстали,
 Помѣстья и вотчины весма не пристали.

Мы видѣли, что сухой прозаикъ Татищевъ, вооружаясь противъ излишнихъ доходовъ высшаго чернаго духовенства, требовалъ усиленія матеріальныхъ средствъ низшаго, бѣлаго духовенства, указывалъ, что крайняя бѣдность дѣлаетъ его неспособнымъ исполнять обязанности своего званія. Сатирикъ Кантемиръ не даетъ себѣ этого труда указывать причину явленія; онъ хватается смѣшныя и не нравственныя черты, чтобъ только поглумиться надъ попомъ, и глумленіемъ своимъ еще ниже погрузить несчастнаго въ ту тину, изъ которой Татищеву хотѣлось бы его вытянуть для общей пользы. Говоря о зависти, Кантемиръ непре-

мѣнно выставить зависть поповъ соборныхъ; описывая какъ онъ весело и скоро пишетъ сатиры, сдѣлаеть такое сравненіе:

Проворень, весель сдѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кантемиръ не пропуститъ укорить попа и за то, что онъ «молитвы ворчить, сдѣша сумазбродно, самъ не зная, что поётъ.» Посмѣется и надъ апшетитомъ поповской семьи:

Пространный столъ, что семьи поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство скудно.

Татищевъ указываетъ причину, почему священникъ не учитъ своихъ прихожанъ, а бражничаютъ съ ними; Кантемиръ глумится надъ явленіемъ и хотя выставляетъ бѣдность священника, но не съ тѣмъ, чтобъ возбудить сочувствіе къ бѣдствующему:

Вонъ на пастырѣй взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ,
Хочеть ли кто Божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ оболъется.
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добъется.
Еслижъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало,
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ:
Плететь тутъ безъ разсмотрю и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ коло стола обводити знаетъ.
И какой стихъ за всякимъ ходомъ прищѣваетъ.
То все это разсказавъ, станеть поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
Не знаю, говорить, какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
Вѣдь не съ добра моя въ заплатяхъ де риса;
Вонъ дома назавтрѣ нѣтъ на что купить мяса,
Все де чертъ склонилъ людей и съ Нѣмцами знаться.

Говоря о трудномъ дѣлѣ, Кантемиръ не преминетъ сказать: «Труднѣй то—нежели попу не славить святую недѣлю.» Смѣшно—и довольно, а почему—сатирикъ не обязанъ этого объяснять.

Не щадя духовенства, Кантемиръ, разумѣется, предполагалъ, что и оно его щадить не будетъ; такъ, въ сатирѣ на человѣка онъ говоритъ:

Здѣсь пора бы ужъ кончить, но зрю предъ собою
Толпу людей брадатыхъ, черною главою
Кивающихъ, и слышу съ ярости вопити,
Временной, вѣчной казни мя достойна быти —
За то, что тварь изящну, чудну, несказанну,
На подобіе Творца премудро созданну,
Такъ охудить дерзнуло перо неучтиво.

Мы видѣли, что Кантемиръ приписывалъ свою бѣду Георгію Дашкову и друзьямъ его. Мы не имѣемъ права отвергать этого свидѣтельства; Дашковъ, архіерей неученый и стремившійся однако къ первенству, къ патриаршеству, враждовавшій съ Теофаномъ Прокоповичемъ, старавшійся показать, что Теофанъ не имѣетъ права на первенство, потому что основаніе этого права, ученость, ведетъ къ неправославному образу мыслей, какъ это и видно въ Теофанѣ, — такой архіерей не могъ сочувствовать молодому человѣку, жаркому поклоннику науки и ученѣйшаго архіерея — Теофана; враждебно столкнуться имъ было гдѣ, и устная сатира Кантемира относительно Дашкова вѣроятно предупредила писанную. Въ началѣ второй сатиры прямо выводится ростовскій архіепископъ, опечаленный тѣмъ, что не могъ достигнуть патриаршества:

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щоки внутрь опали,
Блѣдень и глаза красны, какъ бы ночь не спали!
Задумчивъ какъ тотъ, что чинъ патриаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати.

И въ первой сатирѣ конечно имѣлся въ виду тотъ же Дашковъ:

Епископомъ хочешь быть? уберися въ расу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою.
Въ каретѣ раздувшись, когда сердце съ гнѣву
Трепещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ ты въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣнно отцемъ называти.

Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пища проповѣдь, выпись позабудеть,
Отъ чего доходамъ вредъ, а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны, и вся церкви слава.

Георгій Дашковъ не отличался монашескимъ образомъ жизни; отличалось имъ другое духовное лице, также враждебное Оеофану, а слѣдовательно и друзьямъ его, Троицкій архимандритъ Варлаамъ, котораго нѣкоторые прочли въ патріархи за благочестіе. Благочестіе! но это лицемѣріе по словамъ друзей Оеофана, и вотъ сатирикъ рисуеъ Варлаама:

Варлаамъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ
Всѣмъ низко поклонится, къ всѣкому подойдетъ,
Въ уголь свернувшись потомъ, глаза въ землю втунитъ;
Чуть слышать что говоритъ, чуть, какъ ходитъ, стунитъ.
Безперечь четки въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово.
Молебны пѣтъ и свѣчи класть склоненъ безъ мѣру,
Умильно десятью въ часъ выхваляетъ вѣру
Тѣхъ, кои церковную славу расширили
И великолѣпнѣ храмъ Божій учинили;
Души де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться;
О доходахъ говорить церковныхъ склоняетъ,
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похвалетъ,
Другое всяко не столь дѣло годно Богу,
Тѣмъ однимъ легку смекать можемъ въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ за столомъ — и мясо противно
И вина не хочеть пить, да то и не дивно:
Дома съѣлъ цѣлый каплунъ, и на жиръ и сало
Бутылки венгерскаго съ нуждой запитъ стало.
Жалки ему въ похотяхъ погибшіе люди,
Но жадно палитъ съ подѣ зба глазъ на круглы груди,
И женѣ бы я своей заказалъ съ нимъ знаться.
Безперечь совѣтуеъ гнѣва удаляться
И досады забывать; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга, не дастъ покою и по смерти.

Но среди этихъ невѣждъ, честолюбцевъ, корыстолюбцевъ и лицемѣровъ поднимается одинъ достойный пастырь, осыпaeмый похвалами: это Оеофанъ Прокоповичъ. Оеофанъ стихами привѣтствовалъ первую сатиру девятнадцатилѣтняго Кантемира, озагла-

ленную: «На хулящихъ ученія.» Теофанъ уговаривалъ молодаго сатирика плюнуть на угрозы сильныхъ глушцовъ и продолжать свое дѣло, нападать на «велолюбящихъ ученой дружины.» Кантемиръ въ 3-й сатиры называетъ Теофана «дивнымъ первосвященникомъ, которому сила высшей мудрости открыла всѣ свои тайны; пастыремъ недремно радѣющимъ о своемъ стадѣ, часто сѣющимъ сѣмя спасенія и растящимъ его словомъ и примѣромъ, защитникомъ церковной славы, исправителемъ испорченныхъ нравовъ пастырскихъ; воля Всевышняго исходить изъ его устъ ясною и проч.

Изъ свѣтскихъ современниковъ Кантемира въ сатирахъ его замѣтно выдается фаворитъ Петра II, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. У автора могли быть съ нимъ и личныя столкновенія; но и кромѣ того, Кантемира могла раздражить противоположность судьбы Долгорукаго и его самого: оба были очень молоды, оба были знатнаго происхожденія, но одинъ, богатый дарованіями и знаніями, былъ бѣденъ и занималъ ничтожное положеніе; другой, не имѣя ни талантовъ, ни образованія, былъ на верху почестей. Вотъ что говоритъ Кантемиръ о Долгорукомъ:

Сей новый Менандровъ другъ Ксенонъ назывался,
 Коему и власть и чинъ высокій достался
 Въ двадцать лѣтъ, юность всегда и въ уздѣ ретива.
 Сего уже разуждавъ богиня плѣшива,
 Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
 Пронасть, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую.
 Часто смотря на него, я лопался съ смѣху,
 Хоть меня шутомъ Менандръ ему далъ въ утѣху.
 Не умѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
 Славы рабъ, невѣжествомъ найпаче примѣтной,
 На ловли съ младенчества воспитанъ съ цесарями,
 Какъ ничему не учась, смѣлыми словами
 И дерзкимъ лицомъ о всемъ хотѣлъ разсуждати,
 (Какъ бы знанье съ властію раздѣльно бывати
 Не могло), надъ всѣми свой совѣтъ почитати,
 И чтительныхъ сѣдникомъ молчать заставляя,
 Хотя искусъ требуетъ и труды и лѣта.

Кромѣ выходокъ противъ пороковъ духовенства, въ сатирахъ Кантемира встрѣчаемъ слѣдующія темныя стороны тогдашняго общества: судья бѣжить осторожно отъ просителя, у котораго

карманъ пустъ. Цѣловальникъ, давши взятку судѣ, прикрываетъ свое казнокрадство. Купецъ при продажѣ безпрестанно божится. Въ высшемъ обществѣ авторъ нападаетъ на щегольство, картежничество; упрекаетъ за дурное обращеніе съ крѣпостными:

Каменный душою

Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою

Вмѣсто правой лѣвою: звѣрямъ лишь прилично

Жадность крови, плоть въ слугѣ твоемъ одиночна.

Цѣлую сатиру Кантемиръ посвятилъ «безстыдной нахальчивости.» Это явленіе особенно свойственно обществамъ незрѣлымъ, каково было русское, и причиняетъ страшный вредъ. По отсутствію достаточнаго образованія въ лицахъ правительственныхъ и въ массѣ, нѣтъ способности и привычки критически и спокойно относиться къ явленіямъ и людямъ, подвергать ихъ строгой оцѣнкѣ; вслѣдствіе умственной неразвитости, человекъ привыкъ увлекаться первымъ впечатлѣніемъ, внѣшностію, уступать силѣ, натиску, считать громкую и быструю рѣчь признакомъ сильнаго ума и обширныхъ знаній. Отсюда люди дѣйствительно способные, знающіе и трудолюбивые, но скромные, добросовѣстные и занятые, слѣдовательно не имѣющіе времени бѣгать ко всѣмъ и всюду и трубить о себѣ, остаются въ тѣни, забытые, не имѣютъ достойнаго для ихъ способностей и знаній поприща, а выходятъ на верхъ люди, способные выставляться, говорить и громко говорить сами о себѣ, мозолить глаза другихъ своимъ присутствіемъ всюду и такимъ образомъ пріобрѣтать памятованіе о себѣ, извѣстность. Человекъ дѣйствительно способный и знающій работаетъ гдѣ-нибудь въ углу; кто его знаетъ, кто его помнитъ? Да если и вспомнить и спросить о чемъ-нибудь, то чудакомъ отвѣтитъ: «не знаю, надобно подумать, справиться,» а это скучно; тогда какъ нахаль всегда тутъ и все знаетъ, отвѣтъ на все готовъ; придумаетъ что-нибудь, всѣмъ расскажетъ по двадцати разъ, напишетъ три строки—обѣздитъ всѣхъ сильныхъ земли и прочтетъ. Нужды нѣтъ, что эти строки по напечатаніи сейчасъ забываются; нужды нѣтъ, что и слушающіе скучаютъ чтеніемъ неугомоннаго автора, но очень пріятно, что человекъ пришелъ, прочелъ, значитъ уважаетъ, дорожитъ мнѣніемъ, считаетъ способнымъ оцѣнить произведеніе, помнить, и его за это помнить и напоминаютъ объ немъ когда нужно. Поднимется важный вопросъ,

начнется общее дѣло—нашъ молодецъ тутъ первый, суетится и кричить громче всѣхъ. Кантемиръ не могъ не отозваться съ горечью объ этомъ явленіи.

Другой, кому боги благосклонны,
Дали мѣдное лицо, дабы всѣ законны
Стыда чувства презирать, не рдясъ, не блѣдная,
У всякихъ стучить дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется его; въ отказѣ зазору
Не знаетъ, скучая всѣмъ, дерзокъ безъ разбору.
Заслуги свои, родъ, умъ съ устъ онъ не спускаетъ,
Чужія щиплетъ дѣла, о всемъ дерзко судить,
Себя слушать и нѣмѣть всѣхъ въ бесѣдѣ нудить,
И дивиться наконецъ себѣ заставляеть.
Рѣдко кто рѣчи людей право вносить знаетъ,
И склонень, неспытавъ словъ силу всѣхъ подробно,
Судить потомъ, каковъ мозгъ, кой родить удобно
Легко тѣ слова; больша часть въ насъ по числу мѣрять
Словъ разумъ, и глушцами молчаливыхъ вѣрять.

Разумѣтся, Кантемиръ въ своихъ сатирахъ не могъ не коснуться того унижительнаго порока, который былъ такъ силенъ въ древней Россіи и отъ котораго не отставала новая ни въ одномъ словѣ общества, — именно пьянства; не могъ онъ не коснуться и того печальнаго взгляда, что финансовыя выгоды правительства связаны съ поддержаніемъ этого порока. Выставляя опасность, которую могутъ навлечь на автора его сатиры, Кантемиръ говоритъ:

Вопь Кондрать съ товарищи, сказываютъ, дышетъ
Гнѣвомъ, и стряпчихъ собравъ челобитну нишетъ,
Имя скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что хуля Клитесовъ правъ, тшуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ, и съ ними кружалны доходы.

Отвратительная картина пьянства представлена въ пятой сатирѣ; сатиръ рассказываетъ:

Прибыль я въ городъ вашъ въ день иѣвкой знаменитой;
Пришедъ къ воротамъ, нашель, что спить какъ убитой
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ
Было народъ, и солнце полкрута небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улнца тѣсна

Была отъ лежанцихъ тѣль. При взглядѣ я первомъ
 Чаяя, что морь у васъ былъ; да не пахнетъ стервомъ,
 И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
 Тамъ люди, и съ нихъ самыхъ ины подымаютъ
 Руки, или головы тяжки и румяны;
 И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ все пьяны.
 Пьяны тѣ, кои лежать, прочи не потрезвѣе,
 Не обильнѣ умою, ногами сильнѣе.
 Безразсудно часть бѣжить, и куды, не знаетъ;
 Въ сластолюбныхъ танцахъ часть гнусну грязь топтаеть,
 И мимо идущихъ грязнить, скользя упадая,
 Сами мерзки; другіе, весь стыдъ забывая,
 Тѣлу полну власть даютъ предъ стыдливымъ поломъ и проч.

Мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ находились Теофанъ, Кантемиръ и Татищевъ и имъ подобные ко времени Петра и къ послѣдовавшему за нимъ, въ какихъ надеждахъ воспитались они, утвердились при Петрѣ, и какъ обманулись въ нихъ по его смерти: отсюда тоска о золотомъ вѣкѣ минувшемъ, жалобы на настоящее, стараніе показать, что лучшее будущее возможно только тогда, когда возвратятся назадъ, къ началамъ и стремленіямъ, господствовавшимъ при Петрѣ. Положеніе *ученой дружины* послѣ Петра рѣзко выражено въ слѣдующихъ стихахъ Кантемира:

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
 Надъ всею мудрость, и вѣны одна раздѣляла,
 Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
 Златой вѣкъ до нашего не дотянулся роду;
 Гордость, лѣньность, богатство мудрость одолѣло,
 Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
 Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
 Судить за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
 Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
 Изъ всехъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
 Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ся дружбы,
 Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

Что эти стихи вылились прямо изъ сердца, переполненнаго тоскою по свѣтломъ прошедшемъ, смѣненномъ мрачнымъ настоящимъ, доказываетъ поэтическое достоинство ихъ. Превосходно выраженіе, взятое изъ знакомаго тогда всею мѣстничества: «Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.» Превосходно сравненіе:

«Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.» Дѣйствительно, многимъ во время качки преобразовательной эпохи сильно тошнило отъ науки, требуемой преобразователемъ; пріятно имъ было теперь отдохнуть, и, разумѣется, враждебно смотрѣли они на тѣхъ, которые приглашали ихъ опять въ море.

По убѣжденіямъ Кантемира, посредствомъ «мудрыхъ указовъ Петровыхъ, Русскіе стали новымъ народомъ.» Петръ есть отецъ новыхъ русскихъ людей, отецъ «ученой дружины» (въ смыслѣ древне-греческаго героя, родоначальника):

Большую часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло,
И зналъ то, вышшимъ умомъ монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,
Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыселъ служивый
Въ пути добродѣтелей умѣлъ бы наставить
Младенцевъ, осмѣлился и престоль оставить
И покой; самъ странствовалъ, чтобъ подать собою
Примѣръ въ чужихъ братья краяхъ то, что подъ Москвою
Сыскать нельзя: сличные человѣку нравы
И искусство. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы.
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памяты нашимъ отдаленнымъ.

Послѣ Петра все пошло дурно; даже и въ стараніи исполнить его предначертанія относительно просвѣщенія не умѣли вести дѣло какъ слѣдуетъ. Такъ нашъ ученый сатирикъ недоволенъ Академією Наукъ:

Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); ищутъ печатныя вѣсти:
Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
Вотъ ужъ и учителя заморски сберутся:
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣтъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣтъ.
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,

А пришедь, комплементовъ увидить не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало.

Кантемиръ имѣлъ одинакую участь съ Татищевымъ: и его сочиненія не были изданы при его жизни; сатиры ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и легко понять, что однимъ изъ главныхъ распространителей ихъ былъ «дивный первосвященникъ», Оеофанъ Прокоповичъ. Для него очень важно было распространять сочиненія, въ которыхъ осмѣивались его враги и въ которыхъ онъ выставлялся единственнымъ достойнымъ пастыремъ Христова стада; здѣсь дѣло шло не объ одномъ удовольствіи самолюбія: сатиру Кантемира Оеофанъ выставлялъ какъ щитъ отъ враговъ, которые достойнѣйшаго изъ пастырей, дивнаго первосвященника не переставали выставлять еретикомъ, волкомъ, а не пастыремъ. Въ собраніяхъ, на вечеринкахъ, люди, относившіеся къ Оеофану и врагамъ его одинаково съ Кантемиромъ, читали сатиры послѣдняго. Однажды были гости у невскаго архимандрита Петра Смѣлича; въ компаніи были синодальные члены; пѣвчіе пѣли концертъ; потомъ Тредіаковскій вынулъ тетрадь и подаль ее Оеофану, который велѣлъ читать вслухъ: то была сатира Кантемира съ выходкою противъ «Камня Вѣры» Яворскаго. Отсталые люди, враги Оеофана и науки, говорятъ:

Казань (проповѣдь) писать — пользы пѣть ни малой мѣры:
Есть для исправленія правотъ Камень Вѣры.

Мы видѣли вражду между Стефаномъ Яворскимъ и Оеофаномъ Прокоповичемъ, при чемъ первый упрекалъ втораго въ еретичествѣ. Петръ Великій старался тушить эту вражду, зная, что обвиненіе въ ереси есть обыкновенное оружіе, которое употребляютъ духовныя лица въ борьбѣ другъ съ другомъ, что самъ Стефанъ былъ обвиняемъ въ ереси константинопольскимъ патріархомъ; не выдавши Яворскаго византійскому патріарху, Петръ былъ послѣдователенъ, не выдавши Прокоповича Яворскому. Послѣдній умеръ, не выдавши изданія своей книги «Камень Вѣры, написанной въ укрѣпленіе православія среди опасностей, которыя грозили ему отъ напльва иновѣрныхъ наставниковъ съ Запада: «Приходятъ къ намъ въ овчійхъ кожахъ, а внутри волки хищные, отворяющіе подъ видомъ благочестія двери всѣмъ порокамъ. Ибо что проистекаетъ изъ этого нечестиваго ученія? Убивай, кради, любодѣйствууй, лжесвидѣтельствуй, дѣлай что угодно, будь ровень

самому сатанѣ по злобѣ, но только вѣруй во Христа, и одна вѣра спасетъ тебя. Такъ учать эти хищные волки.» Говорятъ, что подобныя выходки противъ протестантовъ въ «Камень Вѣры» заставили Петра запретить ея изданіе, чтобъ не возбудить религіозной вражды, вовсе не соотвѣтствовавшей цѣлямъ преобразованія. Но по смерти Петра взгляды перемѣнились, Теофанъ подвергся опалѣ по обвиненіямъ въ неправославіи, поднялся вопросъ о возстановленіи патріаршества, и еслибы живъ былъ Стефанъ Яворскій, то, по всеѣмъ вѣроятностямъ, патріаршество и было бы возстановлено, хотя бы на столь же короткое время, какъ и гетманство малороссійское; мы уже говорили, что немѣнѣе достойнаго лица служило важнымъ препятствіемъ возстановленію патріаршества. Георгій Дашковъ былъ архіерей не ученый и не монашеской жизни; Теофилактъ Лопатинскій былъ архіерей ученый, но также не монашеской жизни, безъ силы и серіозности въ характерѣ, человѣкъ близкій къ Яворскому, поклонникъ его и вмѣстѣ пріятель Прокоповича, хотя и былъ убѣжденъ въ его неправославіи. На Теофилакта вмѣсто патріаршества возложили тяжелое порученіе, послужившее для него источникомъ бѣдъ, поручили издать книгу Яворскаго — Камень Вѣры, и мы видѣли, какъ дѣло шло чрезъ Верховный Тайный Совѣтъ и какъ долго Теофилактъ приготавливалъ книгу къ изданію. Наконецъ книга была издана въ 1728 году; а въ слѣдующемъ году явился разборъ ея въ лейпцигскихъ ученыхъ актахъ (acta eruditorum). Протестанты не могли равнодушно отнестись къ этой книгѣ: на восточную церковь они смотрѣли какъ на союзную себѣ, расчитывая на одинакія враждебныя отношенія къ католицизму; протестанты въ польскихъ областяхъ обращались постоянно къ русскому правительству съ просьбою о помощи, выставяя единство своихъ интересовъ съ интересами православнаго народонаселенія въ Польшѣ. Преобразование, привлеченіе множества протестантовъ въ русскую службу, церковныя перемѣны могли возбудить самыя сильныя надежды, по крайней мѣрѣ, на постепенное усиленіе протестантскаго направленія въ Россіи, на постепенное исчезновеніе того, что въ глазахъ протестантовъ было суетвѣриемъ и человѣческимъ вымысломъ. И вдругъ въ Россіи выходитъ книга, направленная противъ протестантизма и, что всего хуже, авторъ ея мирволилъ католицизму, умалчалъ о различіи между русскою и римскою церковію и

бралъ противъ протестантовъ оружіе у католическихъ полеми-стовъ. Значить отношенія извратились; русскіе духовные вступають въ союзъ съ западною церковію противъ протестантизма. Вслѣдъ за лейпцигскою рецензіею появилась противъ Камня Вѣры цѣлая книга, приписанная извѣстному ученому Буддею; въ 1731 году богословъ Мосгеймъ издалъ диссертацию противъ одной главы изъ Камня Вѣры: О наказаніи еретиковъ. Протестантское движеніе вызвало католическое: если протестанты вооружились противъ книги Яворскаго какъ полезной католицизму, то католики должны были вооружиться для поддержанія союзницы, и доминиканецъ Рибейра, находившійся въ Россіи при испанскомъ посланникѣ герцогѣ Лпріа, написалъ сочиненіе противъ книги Буддея въ защиту книги Яворскаго.

Но если книга Яворскаго возбудила такой интересъ между протестантами и католиками, то понятно, что полемика, завязавшаяся по ея поводу, должна была возбудить сильное вниманіе въ Россіи, гдѣ къ общему интересу присоединялся еще интересъ личный. Стефанъ Яворскій былъ обруганъ въ книгѣ Буддея, а имя Стефана было теперь священнымъ именемъ для извѣстнаго кружка людей, противоположнаго той «ученой дружинѣ», которая считала своимъ главою Θεοφана. Рецензентъ лейпцигскихъ актовъ противопоставилъ Лопатинскому, рѣшившемуся издать такую нелѣпную книгу, архіерея новгородскаго, мужа ученаго, благоразумнаго и умѣреннаго, который не одобрилъ книги Лопатинскій разсердился, рѣшился отвѣчать на книгу Буддея и высказывалъ подозрѣніе, что эта книга вовсе не принадлежитъ Буддею, а написана Прокоповичемъ. Но время препираться съ протестантами и ссориться съ преосвященнымъ новгородскимъ было выбрано самое дурное. Анна воцарилась и самодержавствовала; люди, не любившіе Θεοφана и уже по этому самому сочувствовавшіе правленію Яворскаго, были въ опалѣ, не имѣли никакой силы; русскіе люди, получившіе теперь значеніе какъ главные виновники уничтоженія Голицынскаго замысла, кн. Черкасскій съ товарищи должны поддерживать своего ревностнаго союзника, Θεοφана, который имѣетъ еще другихъ, болѣе сильныхъ защитниковъ: Бировъ, Остерманъ, Левенвольды, Минихъ — все протестанты, и потому конечно будутъ противъ книги Яворскаго; но они должны дѣйствовать хитро: императрица религіозна и преда-

на вѣрѣ отцовъ; манифестъ 17 марта не былъ дѣломъ притворства съ ея стороны; Нѣмцы не пойдутъ прямо сами затрогивать эту сильную струну, они могутъ легко дѣйствовать черезъ Русскихъ, которыхъ заступничество за Θεофана и совѣты потушить дѣло, могущее волновать вѣрноподданныхъ разныхъ вѣрѣ и націй, Анна не могла заподозрить.

Θеофилактъ написалъ «апокризисъ или возраженіе на письмо Буддея.» Но для изданія книги нужно было высочайшее соизволеніе. Къ кому же Θεофилактъ обратился изъ Твери въ Москву для его исходатайствованія? Къ князю Дм. Мих. Голицыну! Князь отговаривался болѣзнію; тяжело было для его самолюбія признаться, что не можетъ исходатайствовать ничего при дворѣ, особенно въ самомъ скользкомъ дѣлѣ, и онъ говоритъ посланному отъ Θεофилакта, зачѣмъ тотъ спѣшитъ съ своимъ сочиненіемъ, если написалъ, то пусть исправляетъ; ученый князь приводилъ въ примѣръ св. отцовъ, которые, написавши книги, долго ихъ исправляли; и преосвященный Стефанъ долго исправлялъ Камень Вѣры, и напечатана она послѣ его смерти. Θεофилактъ обратился къ извѣстному архимандриту троицкому, Варлааму, духовнику императрицы. Θεофилакта вызвали въ Москву: онъ былъ во дворцѣ и получилъ позволеніе писать на Буддея; но потомъ его снова потребовали во дворецъ и обязали подъ смертнымъ страхомъ не писать на Буддея. Самъ Θεофилактъ такъ объяснялъ дѣло: «Въ бытность его во дворцѣ пріѣхалъ другъ новгородскаго преосвященнаго, князь Ал. Мих. Черкасскій, и знатно, что по наговору онаго архіепископа, князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго новгородскаго.»

Лопатинскому запретили писать въ защиту Яворскаго; но какой-то протестантъ написалъ противъ него и пустилъ рукопись подъ заглавіемъ: «Молотокъ на Камень Вѣры,» гдѣ Яворскій выставленъ католикомъ, іезуитомъ, и вся его дѣятельность представлена въ черномъ свѣтѣ. Автора Молотка не отыскивали; но отыскали людей, участвовавшихъ въ переводѣ книги Рибейры на русскій языкъ, двоихъ архимандритовъ и членовъ синода—новоспасскаго Евфимія Коллети и пшатъевскаго Платона Малиновскаго. Θεофанъ Прокоповичъ, раздраженный тѣмъ, что въ книгѣ Рибейры было указаніе на его склонность къ протестантизму,

считалъ, что люди, рѣшившіеся перевести такую книгу и посвятить ее императрицѣ, принадлежали къ партіи его заклятыхъ враговъ, не дававшихъ ему покоя доносами, пасквилями и подметными письмами; съ своей стороны онъ рѣшился употребить послѣднія усилія, чтобъ вскрыть и изложить эту партію, и для этого воспользовался выходками въ книгѣ Рибейры противъ сильныхъ въ Россіи иностранцевъ-лютеранъ, чтобъ связать свои интересы съ ихъ интересами и заставить ихъ помогать себѣ. Онъ донесъ императрицѣ, что дѣйствуютъ всѣ люди одной партіи: нѣкоторыхъ сослала, но другіе «того же гнѣзда сверчки сидятъ въ щеляхъ и посвистываютъ, и даль бы Богъ изыскать ихъ и прогнать.» О книгѣ Рибейры Теофанъ доносилъ: «Иностранныхъ въ Россіи мужей ругательнѣ нарицаетъ человекъ или людшкѣми и придаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно *на кого* онъ за пропитаніе иностранныхъ въ российскомъ государствѣ нарекаетъ! Всѣхъ силошъ протестантовъ, изъ которыхъ многое число честныя особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ—неправдою и невѣрностію помараль, изъ чего великопочтеннымъ особамъ немалое учинилъ огорченіе. Теофана, архіепископа новгородскаго, почтивъ титуло премудрѣйшаго, коварно порицаетъ склонностію къ протестантамъ за то, что онъ въ нѣкомъ словѣ своемъ назвалъ Буддея зѣло ученымъ человекъ. А Теофилактъ, тверскому архіепископу, сочинилъ похвалы слѣдующія: Теофилактъ Лопатинскій, тверской архіепископъ, премудрѣйшій въ школахъ и, по моему извѣстію, преострѣйшій богословъ, въ епархіи предобрѣйшій пастырь, въ синодѣ правдивѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій. Необычайная похвала, продолжаетъ Теофанъ, да еще тому, съ которымъ Рибейра, сколько мы вѣдаемъ, рѣдко когда и видался. Во утвержденіе того, что будто восточнаго исповѣданія люди благосклонны къ исповѣданію римскому, пишетъ слѣдующее: въ Россіи случалось мнѣ и съ премудрѣйшими не мало число имѣть бесѣды, между которыми едва одного могъ бы я познать, что католикамаъ онъ весьма противенъ. Мудріи Греки не гнушаются Латинами, но еще священнослуженія ихъ почитаютъ, якоже когда и самую я отправлялъ св. литургію въ великомъ монастырѣ

Троицкомъ, тогда тамъ благоговѣннѣе предстоять архимандритъ со многими, о чемъ тысящекратно свидѣтельствовать буду. Подлинно се не рядовое вранье, замѣчаетъ Теофанъ: и по моему извѣстію является, что Рибейра своимъ или чужимъ намѣреніемъ, подъ видомъ доброхотной къ исповѣданію нашему защиты, насѣялъ многое число вредныхъ плевель, къ раздраженію иностранныхъ народовъ на російскій народъ и къ междоусобной внутренней въ народъ російскомъ смутѣ.»

Коллетти и Малиновскій посажены были въ петербургскую крѣпость. По дѣлу о пасквилѣ на Теофана привлечены были въ Тайную канцелярію два монаха—Іосифъ Рѣшиловъ и Іоасафъ Маевскій, находившіеся въ сношеніяхъ съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, державшіеся около него въ надеждѣ, что онъ будетъ патриархомъ. Теперь они оговорили Теофилакта, пересказали его разговоры съ ними. Такъ однажды, въ минуту досады, онъ сказалъ: «Вотъ здѣсь житье: всего бойся. Когда бѣ можно гдѣ укрыться или хоть въ Польшу уѣхать, еслибъ то можно было. Я бы радъ былъ и этому.» Теофилактъ проговорился, что у него есть тысяча рублей своихъ денегъ, лежатъ у купца Корыхалова: «У меня они положены на свою нужду, говорилъ онъ; не дай Богъ какой на меня бѣды или сошлютъ въ ссылку—Корыхаловъ не оставитъ.» По поводу Стефана Яворскаго, Теофилактъ говорилъ: «Много претерпѣлъ онъ отъ Ѳедоса (Яновскаго), и когда бѣ та змія больше на своемъ престолѣ посидѣла, то бѣ больше скоршій высидѣла. И новгородскій архіерей Теофанъ, хотя мнѣ и другъ, ихъ же лютеранскую сторону держитъ.» По поводу рѣчи о дурномъ воспитаніи Петра II-го, Теофилактъ хвалилъ стараго учителя Зейкина, какъ человѣка благочестиваго: «А нынѣ имѣется учитель Остерманъ, да и того Долгорукіе, чтобъ не часто ему съ его величествомъ видѣться, устранили. А хотя бѣ онъ, Остерманъ, и всегда былъ при государѣ, однако въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, потому что онъ лютеранской вѣры. Надобно бы его величеству о томъ совѣтовать, да некому. Я бѣ и радъ, да не смѣю. А св. синоду согласиться невозможно, затѣмъ, что преосвященный новгородскій и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними жѣ только знаетъ.» Съ поднятія тревоги по поводу Камня Вѣры робкій Теофилактъ былъ въ постоянномъ страхѣ: «Спать не могу, говорилъ онъ; во снѣ пугаюсь и на яву

всегда боюсь; боюсь, чтобъ кто заочно не обнесъ императрицѣ; знаю, что императрица милостива, только женское сердце пуще мужскаго.» Страхъ не былъ напрасенъ: въ 1735 году его вытребовали въ Петербургъ и начали томитъ допросами.

Черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь послѣ прїѣзда Теофилакта въ Петербургъ, умеръ Теофанъ 8 сентября 1736 года, только 55 лѣтъ отъ роду. Теофанъ не признавался своимъ, что «во снѣ пугался и на-яву всегда боялся;» но сильныя тревоги въ борьбѣ, которыя могли кончиться низверженіемъ и заточеніемъ, сильное умственное напряженіе въ отыскиваніи средствъ къ защитѣ и къ предупрежденію враговъ, должны были истощить его, тѣмъ болѣе, что эти тревоженія начались и продолжались безостановочно, когда Теофану было уже 45 лѣтъ, возрастъ, въ который для продленія жизни нужно увеличеніе спокойствія, а не тревогъ; притомъ надобно замѣтить, что Теофанъ не отличался умѣренностію, любилъ хорошо пожить, и потому такъ вооружался противъ «ига неудобноносимаго,» которому подлежалъ по своимъ обѣтамъ. Говорятъ, что почувствовавъ приближеніе смерти, Теофанъ приставилъ ко лбу указательный палецъ и сказалъ: «о, глава, глава! разума упившись, куда ся приклонишь?» Слова знаменательныя въ устахъ вождя «ученой дружины, которая съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ бросилась упиваться разумомъ; но вотъ вождь дружины, «дивный первосвященникъ,» въ страшную предсмертную минуту, задастъ себѣ вопросъ, куда приклонится голова, упившаяся разума, достаточно ли этого упиванія для человѣка?

По смерти Теофана объявленъ былъ высочайшій указъ, «чтобы которыя были служителями новгородскаго архіерейскаго дома, то оныя бѣ не разошлись никуда, а были бы всѣ при томъ домѣ; а особливо тѣ ребята, которыя въ домѣ его учились, чтобъ оныя учились попрежнему и были бѣ содержимы въ таковомъ же довольствѣ, какъ и при живомъ архіереѣ. А учителю или надзирателю, который къ нимъ приставленъ, приказать, чтобъ онъ ихъ обучалъ и смотрѣлъ за ними нелѣбно.» Въ послѣдствіи Кабинетъ представилъ объ этой школѣ императрицѣ, что Теофанъ «при жизни своей, особливимъ своимъ тщаніемъ, собирая сиротъ, учредилъ семинарію и содержалъ ону» въ весьма добромъ порядкѣ со многими издивеніемъ своего персональнаго имѣнія; при кончинѣ же жизни своей во всемъ оставшемся по немъ имѣніи

учредилъ наслѣдниками вышеозначенныхъ изъ сиротъ семинаристовъ въ разсужденіи томъ, что когда изъ тѣхъ семинаристовъ кто, по окончаніи наукъ, опредѣлится куды къ дѣламъ, дабы оный тѣмъ даннымъ ему награжденіемъ могъ себѣ озаводиться постройкою двора и завестись домомъ, чтобы отъ скудости не оставилъ своей науки.» Кабинетъ ходатайствовалъ объ исполненіи желанія покойнаго Теофана «въ разсужденіи его вѣрной и ревностной службы, и особливо, что онъ такъ добропорядочно изъ сиротъ семинаріи содержалъ и не мало ихъ обучалъ въ пользу государственную.» Императрица согласилась и поручила исполненіе дѣла князю Ал. Мих. Черкасскому, *приятелю* покойнаго.

Судьба лицъ, страдавшихъ изъ-за Теофана, не облегчилась по его смерти, потому что за Теофаномъ стояли другія, болѣе сильныя лица, считавшія вреднымъ для себя стремленія враговъ Теофановыхъ. Въ 1738 году Теофилактъ Лопатинскій за «злоумышленныя, непристойныя и продерзостныя разсужденія и нареканія,» лишень архіерейства, священства и монашества и заточень въ выборгскій замокъ, куда никого къ нему не пускали, бумаги и чернилъ не давали; на содержаніе его отпускалось по гривнѣ на день. Коллетти умеръ, какъ видно, въ крѣпости; Платонъ Малиновскій лишень архимандритства, священства и монашества и, подъ именемъ Павла Малиновскаго, сосланъ въ Сибирь ²³⁴.

Торжество Теофана надъ противниками и неоспоримое первенство его въ синодѣ дали возможность строго проводить тѣ мѣры относительно духовенства, которыя были предписаны въ эпоху преобразованія, мѣры благодѣтельныя, за которыя нельзя было подвергнуться упреку въ протестантскомъ направленіи. Въ сентябрѣ 1732 года синодъ предписалъ наблюдать прежнія строгія мѣры относительно поведенія монаховъ, особенно относительно отпуска ихъ изъ монастырей; синодъ объясняетъ свой указъ тѣмъ, что многіе монахи, презрѣвъ обязанности своего званія, не только внутри монастырей не очень исправны, живутъ не по обѣщанію, но исходя самовольно изъ монастырей (что есть самая непростительная продерзость) и скитааясь безъ нужды по разнымъ мѣстамъ, ведутъ себя безчинно, и тѣ, которые должны всякими добродѣтелями нелицемѣрно украшать себя къ созиданію церкви, — тѣ злообразіемъ дѣлъ своихъ подаютъ соблазнъ къ раз-

вращенію, нимаю не помышляя, что чрезъ нихъ хуляется имя Божіе»²²⁵. Въ слѣдующемъ году синодъ запретилъ постригать въ монахи находящихся при школахъ студентовъ прежде трехлѣтняго искуса²²⁶. Въ 1734 году запрещено бѣлому духовенству принимать къ себѣ монаховъ не только на житье, но и для ночлега и на самое короткое время, потому что нынѣ, говоритъ указъ, являются чернецы повсюду своевольно бродящіе²²⁷. Въ томъ же году Теофанъ объявилъ синоду указъ императрицы, чтобъ не постригать въ монахи никого кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ: архіерей, допустившій нарушение этого указа, долженъ былъ платить 500 рублей штрафа, и монастырскія власти подвергаться растриженію и ссылке на каторжную работу²²⁸. Почему указы Петра Великаго требовали такихъ строгихъ подтвержденій, видно изъ слѣдующаго: въ 1731 году извѣстный намъ Іоасафъ Маевскій, архимандритъ Бизюкова монастыря, вмѣстѣ съ извѣстнымъ намъ также Іосифомъ Рѣшиловымъ поѣхали погулять въ монастырское сельцо Сергіевское и взяли съ собой шестнадцатилѣтняго пѣвчаго архіерейскаго Алексѣя Давыдова. Отцы, подгулявши, нарядили Давыдова въ монашеское платье, въ которомъ онъ имъ показался очень красивъ; тутъ пришла имъ мысль сдѣлать сюрпризъ преосвященному Теофилактору, постричь на самомъ дѣлѣ Давыдова, и на другой же день онъ былъ постриженъ подъ именемъ Алимпія. Теофилактъ дѣйствительно удивился, увидавъ передъ собою шестнадцатилѣтняго монаха: «На что ты, сударь мой, постригался: ты еще молодъ и совершенно монашескаго чина понести не можешь,» замѣтилъ ему добрый архіерей, и этимъ дѣло кончилось²²⁹. Стремленіе возстановить и развивать мѣры Петра В. относительно монастырей продолжались и по смерти Теофана: въ 1738 году императрица издала наказъ синоду, какъ составить инструкцію для управленія Троицкаго Сергіева монастыря²³⁰. По этому наказу архимандритъ долженъ былъ хранить весь древній церковный порядокъ благочинія, не смѣлъ ничего перемѣнять, иконостасовъ и утвари не передѣлывать; но такъ какъ правительство имѣетъ особенное стараніе о снабженіи церкви учеными священниками, ибо простой подлый народъ отъ невѣжества впадаетъ во всякое зло, а ученіе есть сѣмя премудрости и благодати Божіей, всѣваемое Духомъ Св. въ сердца человѣческія и отъ него всѣ добродѣтели

раждаются и процвѣтають; такъ какъ необходимо нужно, чтобъ въ государствѣ священнической чинъ просвѣщенъ былъ божественнымъ ученіемъ для преподаванія слова Божія, для искорененія богоненавистныхъ страстей, нечестія, всякаго злодѣанія, для обращенія невѣрныхъ, Мордвы, Чувашъ, Черемись, которыхъ легко привести въ вѣру Христову, еслибъ были учительные священники и архіереи о томъ старались бы:—то императрица повелѣваетъ немедленно въ Троицкомъ монастырѣ завести семинарію для обученія латинскому, греческому и, если возможно, еврейскому языку, начавъ отъ грамматики даже до реторики, философіи и богословія, а для того набрать учениковъ до 200 человѣкъ. Потомъ близъ Троицкаго монастыря построить сиротскій домъ или опредѣлить изъ женскихъ монастырей для воспитанія малолѣтнихъ сиротъ и принятія заорныхъ привосныхъ младенцевъ.—Относительно управленія монастыремъ и его громаднмъ недвижимымъ имуществомъ наказъ велитъ перемѣнить одноличное управленіе на коллегіальное: 12 соборныхъ монаховъ вмѣстѣ съ архимандритомъ составляютъ правленіе монастыря и рѣшаютъ дѣла на письмѣ и всѣ подписываются какъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ; безъ общаго суда архимандритъ не долженъ никого наказывать тѣлесно, не можетъ наказывать и перемѣнять соборныхъ монаховъ. — Въ описываемое время всѣхъ монаховъ въ 708 монастыряхъ считалось 7829; монахинь въ 240 монастыряхъ 6453 ²³¹. Число крестьянъ, которыми владѣло черное духовенство, простиралось до 758,802 ²³².

Распоряженія Петра возстановлялись и относительно бѣлаго духовенства: въ 1732 году возобновлено было запрещеніе свѣтскимъ людямъ допускать въ свои дома, призывать и опредѣлять для исправленія какихъ-либо требъ священниковъ, дьяконовъ и церковныхъ причетниковъ безъ вѣдома духовнаго правительства, ибо синодъ сообщилъ сенату, что въ домахъ разныхъ чинновъ людей и у знатныхъ особъ явились *продерзатели*, которые или самовольно оставили свои церкви, или, будучи обвинены въ тяжкихъ преступленіяхъ, бѣжали отъ суда, или не только епархіальными архіереями, но и самимъ синодомъ запрещены и даже совершенно отъ священства отлучены, а иногда даже и никакой степени священства не имѣютъ ²³³. Въ 1739 году синодъ получилъ указъ императрицы, въ которомъ говорилось, что хотя на

первое время и трудно сдѣлать, чтобъ при всѣхъ церквахъ были ученые священники по величинѣ государства, по множеству приходскихъ церквей, которыхъ по послѣднимъ вѣдомостямъ показано до 16,000: однако, по крайней мѣрѣ, надобно выбирать въ священники такихъ, которые бы законъ христіанскій основательно знали, къ чтенію св. писанія прилежали и, по возможности, разсудить могли что читаютъ. Но извѣстно, что теперь не только такихъ священниковъ, но при многихъ церквахъ и никакихъ нѣтъ, потому что старые священники померли, другіе за вины и непорядочную жизнь отлучены, а между тѣмъ люди безъ покаянія и причастія помираютъ, въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ принуждены жить безъ брачнаго вѣнчанія въ церкви. Синодъ долженъ всюду послать указы ея величества, чтобъ приходскіе люди по сущей справедливости и по совѣсти выбирали ко всякой церкви на одно праздное мѣсто по два или по три кандидата, которыхъ архіереи должны свидѣтельствовать относительно разума, наученія закона, прилежанія къ св. писанію и безпорочной жизни, а потомъ не меньше трехъ мѣсяцевъ всѣхъ этихъ ставленниковъ архіереи должны содержать при своихъ домахъ или въ ближнихъ городскихъ монастыряхъ и довольствоваться пищею, а между тѣмъ ученые священники обучаютъ ихъ заповѣдямъ Божіимъ, преданіямъ церковнымъ и прочимъ обязанностямъ священника, съ толкованіемъ св. писанія, въ чемъ состоитъ законъ христіанскій и проч., и каждую недѣлю всѣхъ ихъ архіереи сами экзаменуютъ, а между тѣмъ наблюдаютъ за ихъ поведеніемъ. Такъ какъ послѣ генеральной переписи церковниковъ и ихъ дѣтей не только не убавилось, но прибыло слишкомъ 37,000 человекъ, то изъ такого множества, при должномъ радѣніи архіереевъ, не только можно при всѣхъ церквахъ поставить добрыхъ священнослужителей, но можно и выбрать молодыхъ людей въ школы для обученія высшимъ наукамъ. Притомъ долженъ синодъ наиприлежнѣйшее попеченіе имѣть, чтобъ во всѣхъ епархіяхъ неотмѣнно были учреждены семинаріи ²³⁴. — Этотъ указъ огорчилъ синодъ: отъ него требуютъ наиприлежнѣйшаго попеченія объ образованіи духовенства и тѣмъ косвенно упрекаютъ въ недостаткѣ попеченія, тогда какъ не его вина, что со стороны епархіальныхъ архіереевъ онъ не находить никакой помощи въ этомъ дѣлѣ. Огорченіе синода высказалось въ его указѣ, разосланномъ

архіереямъ, чтобъ немедленно были опредѣлены ученые священники или іеромонахи для обученія ставленниковъ, и чтобъ немедленно же дано было знать въ синодъ, кто опредѣленъ, или гдѣ такихъ священниковъ не найдено; въ указѣ говорится: «хотя объ учрежденіи семинарій и многіе указы по епархіямъ посланы, однако стараніе объ этомъ обнаруживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только слабое, но почти и никакого, а почему—неизвѣстно; вина такого нерадѣнія падаетъ преимущественно на *главную духовную команду*, а тому виновные «хотя то и явственно видятъ, обаче толь отважно и нечувственно пребываютъ, какъ бы собственнаго ихъ долга въ томъ нисколько не зависить»²³⁵.

Въ 1736 году турецкая война потребовала усиленнаго набора, и велѣно было изъ синодальныхъ и архіерейскихъ дворянъ, монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ, также изъ священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей набрать 7000 человекъ²³⁶. Въ слѣдующемъ году велѣно было переписать всѣхъ священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей, и которые изъ нихъ будутъ отъ 13 до 40 лѣтъ—всѣхъ взять въ военную службу безъ разбора; но потомъ вышелъ дополнительный указъ: находящихся въ школахъ и кончившихъ въ нихъ курсъ въ военную службу не брать, а поступить съ ними слѣдующимъ образомъ: которые кончили курсъ и пожелаютъ быть въ духовныхъ чинахъ, такихъ тотчасъ къ мѣстамъ опредѣлять и накрѣпко приказать, чтобъ они во всѣ воскресные дни проповѣди сказывали и наставляли народъ въ хорошей жизни; кто изъ нихъ въ духовномъ чинѣ быть не пожелаетъ, такихъ отсылать къ губернаторамъ и воеводамъ для опредѣленія въ гражданскую службу, гдѣ они, увидѣвъ въ тѣхъ дѣлахъ практику, могутъ знатные чины заслужить. Непонятливыхъ въ наукахъ долго въ школахъ отнюдь не держать, но брать ихъ въ военную службу, чтобъ на такихъ глупыхъ или лѣнивыхъ людей напраснаго расхода и другимъ трудолюбивымъ людямъ въ ихъ наукахъ препятствія отъ нихъ не было²³⁷. Въ 1738 году киевонечерскій архимандритъ съ братією представилъ синоду, что монахи изъ польскихъ областей честные и ученые, убогая отъ нестерпимаго уніатскаго гоненія, приходятъ съ мольбою принять ихъ въ Лавру, въ противномъ случаѣ, возвратившись въ Польшу, они должны будутъ сдѣлаться уніатами. На это представленіе послѣдовала резолюція кабинетъ-министровъ: принимать

такихъ, которые знаютъ латинскій языкъ и хорошей жизни, чтобъ могли быть учителями школъ и производиться въ высшіе духовные чины ²³⁸. Относительно стараній объ улучшеніи матеріальнаго быта бѣлаго духовенства можно привести только представленіе синода въ сенатъ объ увольненіи его отъ постоевъ и нехожденіи въ ночные караулы и другіе полицейскіе наряды. Сенатъ отвѣчалъ указомъ — не ставить постоевъ на тѣхъ дворахъ духовенства, гдѣ оно само живетъ; дневать и ночевать на сѣзжіе дворы и къ офицерамъ въ дома для работъ и посылокъ и къ колодникамъ для караула духовныхъ лицъ не спрашивать, чтобъ въ церковной службѣ остановки не было; а караулы къ рогаткамъ и хожденіе на пожары исправлять имъ съ прочими нарядомъ ²³⁹.

Священники должны быть учительны, ибо отъ этого, прежде всего, зависитъ улучшеніе народной нравственности, кромѣ того это необходимо для истребленія раскола и суевѣрій. Противъ раскола продолжаютъ прежнія мѣры. Въ 1732 году сенатъ приказалъ съ записныхъ раскольниковъ—съ купечества, сверхъ обыкновенныхъ платежей, брать еще постольку, сколько кто платитъ подушныхъ денегъ въ гильдіяхъ; съ крестьянъ брать по семи гривенъ, съ разночинцевъ по рублю двадцати копѣекъ, а съ женщинъ половину. По прежнимъ указамъ у записныхъ раскольниковъ дѣтей должны были крестить православные священники и воспріемниками быть православные же люди, и отцы обязывались присягою дѣтей своихъ, крещенныхъ православными іереями, раскольниковской прелести не учить, въ семь лѣтъ представлять къ исповѣди и причастію и вѣнчать ихъ по чину церковному; также записной раскольникъ обязывался и постороннихъ никакимъ образомъ къ расколу не привлекать. На этомъ основаніи велѣно было теперь доставить вѣдомости о раскольниковыхъ дѣтяхъ для удостовѣренія, исполняются ли приведенные указы. При Петрѣ Великомъ, какъ мы видѣли, посылались опытные люди для увѣщанія раскольниковъ; тогда эти увѣщанія ограничивались областями европейской Россіи; но раскольники, избѣгая преслѣдованій и увѣщаній, давно уже проложили дорогу на сѣверовостокъ къ Уральскимъ горамъ и за нихъ. Татищевъ, принявши въ управленіе горные заводы, далъ знать, что около Екатеринбурга число раскольниковъ очень велико, и близъ заводовъ Демидова, въ

лѣсу, есть раскольническія пустыни, гдѣ находится корень суевѣрія, и требовалъ присылки опытнаго и ученаго священника для увѣщаній. Синодъ распорядился отправленіемъ туда изъ Москвы, отъ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ, воротъ священника Ивана Ѳедорова, извѣстнаго своимъ искусствомъ спорить съ раскольниками; онъ долженъ былъ отправиться въ Екатеринбургъ на три года, по прошествіи которыхъ смѣнялъ его другой священникъ. Но Ѳедорову не хотѣлось ѣхать такъ далеко и на такое долгое время: онъ обратился къ своему духовному сыну, генералу и кавалеру Григорію Петровичу Чернышеву, нельзя ли избавить отъ посылки въ Сибирь; тотъ написалъ письмо Ѳеофану Прокоповичу, что Ѳедоровъ «за всеконечную свою древностию при объявленномъ дѣлѣ уже пользы показать никакой не можетъ.» Чернышевъ отыскалъ въ одномъ изъ своихъ сель священника, который могъ замѣнить Ѳедорова: именно Тимоѳея Ипатіева, который обучался въ Новгородѣ словенороссійской грамматикѣ и прочему ученію и потомъ самъ обучалъ въ Рязани церковнопричетническихъ дѣтей, и теперь охотно ѣхалъ въ Екатеринбургъ. Преосвященный Ѳеофанъ объявилъ въ синодѣ, что, «по его мнѣнію, по требованію его превосходительства учить можно, уволивъ отъ посылки отца его духовнаго и пославъ священника Тимоѳея Ипатіева, который, какъ человекъ ученый, и притомъ желающій ѣхать весьма охотно, можетъ отправлять повелѣнное указомъ, нежели подъ неволею посланный.»

Мы знаемъ также, что кромѣ Востока много раскольниковъ бѣжало на Западъ, за польскую границу. Когда въ 1733 году русскія войска вступили въ Польшу и остались тамъ на нѣсколько лѣтъ хозяйничать, то открылась возможность сыскать посредствомъ нихъ всѣхъ бѣглыхъ, какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ, и возвратитъ въ Россію на прежнія мѣста жительства. Раскольниковъ, которые могли указать, откуда они бѣжали, возвращали на прежнія мѣста; которые же объявляли, что не помнятъ, чьи они и откуда, тѣхъ велѣно было селить въ Ингерманландію по разнымъ деревнямъ понемногу, а не въ одномъ мѣстѣ, при чемъ развѣдывать, кто между ними наставники и учителя какъ будто для того, чтобъ опредѣлить ихъ къ нимъ попрежнему; но какъ скоро они укажутъ, то всѣхъ наставниковъ и учителей забрать подъ крѣпкій караулъ. Сначала, для избѣжа-

нія неудобства и вздержекъ дальной разсылки, хотѣли поселить возвращенныхъ изъ Польши раскольниковъ на Украинѣ, но потомъ раздумали по слѣдующимъ причинамъ: 1) около тѣхъ мѣстъ находятся козаки донскихъ городковъ, изъ которыхъ многіе склонны къ расколу, и опасно, чтобъ вновь поселившіеся раскольники не совратили козаковъ или чтобъ не перешли за границу, какъ уже былъ примѣръ, что многіе, ушедъ за турецкую границу, живутъ тамъ и для другихъ пристанищемъ служатъ. 2) Украинская линія сдѣлана и ландмилицкіе полки селятся на ней для защиты государства отъ непріятеля, а отъ раскольниковъ не защиты, а всякой противности опасаться надобно; также они могутъ совращать людей изъ ландмилиціи, принимать бѣглыхъ и къ расколу приводить.

Татищевъ ловилъ въ лѣсахъ раскольниковыхъ монаховъ и монахинь и отсылалъ къ тобольскому архіерею для размѣщенія по монастырямъ; но архіерей писалъ въ синодъ, что раскольники съ дороги почти все разбѣгаются: одна монахиня такъ искусно притворилась мертвою, что ее положили въ гробъ, снесли въ убогій домъ, откуда она была выпровожена живая однимъ изъ своихъ единовѣрцевъ; въ монастыряхъ, по мнѣнію преосвященнаго, держать ихъ ненадежно, да и опасно, чтобъ они, разбѣжавшись въ мірскія жилища, большого вреда православнымъ не оказали. Сенатъ подалъ докладъ въ Кабинетъ, что такъ какъ монашество ихъ раскольничье не важно, то лучше содержать ихъ при горныхъ работахъ или ссылатъ въ Рогервикъ, съ чѣмъ Кабинетъ и согласился.

Съ противоположной, самой южной границы пришла также жалоба на раскольниковъ: въ 1738 году астраханскій епископъ Іларіонъ доносилъ въ синодъ, что гребенскіе козаки, несмотря на троекратное увѣщательное къ нимъ посланіе, упорно остаются, по примѣру отцовъ своихъ и дѣдовъ, при двоеперстномъ сложении креста, молитвѣ и прочемъ суевѣріи. Синодъ отвѣчалъ указомъ, чтобъ преосвященный возымѣлъ особенное прилежноусердное радѣніе объ увѣщаніи оныхъ суевѣрцевъ и отправилъ для того немедленно изъ духовныхъ персонъ челоуѣка ученаго и искуснаго.

Синодъ требовалъ отъ архіереевъ прилежноусерднаго радѣнія объ увѣщаніи раскольниковъ; но въ 1737 году рязанскій архі-

епископъ Алексѣй донесъ синоду, что изъ присланныхъ въ его епархію раскольниковъ и раскольницъ нѣкоторые обратилсь, а другіе въ своемъ заблужденіи пребываютъ и увѣщаній его, преосвященнаго, не принимаютъ, затыкая уши свои, аки аспидъ глухій, и притомъ ему, преосвященному, при старости своей, збѣло трудно имѣть много разглагольства съ ними, а потому не лучше ли смирять ихъ постомъ и стегать плетьюми. Синодъ отвѣчалъ: «раскольникамъ наставленіе чинить не иначе, какъ по ластырки, словомъ учительскимъ, и за трудность онаго не почитать; ибо всякое дѣло труда есть подлежательно, а кольми паче надлежитъ приложить трудъ свой о человѣкѣ гнблющемъ душою, къ чему его преосвященство призванъ и таковымъ характеромъ почтенъ»²⁴⁰.

Въ описываемое время правительство узнало, что расколъ, непризнаніе многими русскими людьми авторитета церкви повело уже, и довольно давно, къ самымъ крайнимъ результатамъ. Когда ученіе церкви признано неправильнымъ, когда человѣкъ предоставленъ такимъ образомъ самому себѣ при рѣшеніи религиозныхъ вопросовъ, то естественно является множество толковъ. Но какъ же тутъ успокоиться, добратся истины, какъ рѣшить который толкъ правильнѣе? Человѣкъ теряется въ этомъ разнорѣчій и, не находя успокоенія, стремится привести себя въ непосредственное сообщеніе съ Божествомъ, почерпнуть истину въ самомъ источникѣ, зная, что первоначально истина была добыта этимъ путемъ: Самъ Богъ воплотился для возвѣщенія истины, и потомъ Духъ Св. сошелъ на Апостоловъ, чтобъ наставить ихъ на всякую истину. Какъ выражается стремленіе войти въ непосредственное сообщеніе съ Божествомъ, это зависитъ, разумѣется, отъ среды, въ которой происходитъ явленіе. Русскій расколъ долженъ былъ дойти до этихъ крайнихъ результатовъ естественнымъ путемъ, и потому нѣтъ никакой нужды предполагать какого-нибудь чуждаго заморскаго вліянія или относить начало явленія къ слишкомъ отдаленнымъ временамъ опять съ цѣлію отыскать какое-нибудь чужое вліяніе.

Въ январѣ 1733 года управлявшій Москвою графъ Семень Андреевичъ Салтыковъ извѣстилъ сенатъ, что разбойникъ Семень Карауловъ показалъ слѣдующее: въ Москвѣ есть четыре дома,

гдѣ въ праздники, по ночамъ собираются монахи, монахини и разныхъ чиновъ люди; изъ нихъ нѣкоторые выбираются начальниками, садятся въ переднихъ мѣстахъ, другіе по лавкамъ и, подходя къ начальникамъ, кланяются въ землю, цѣлуютъ у нихъ руки, отдаютъ собранныя деньги, и нѣкоторые изъ нихъ пророчествуютъ. По этому показанію Караулова захвачено было 78 человекъ обоого пола, и оказалось, что наставницею у нихъ была монахиня Ивановскаго монастыря Настасья съ двумя другими монахинями и монахомъ. Составлена была коммисія для изслѣдованія этой «богомерзкой противности.» Въ чемъ состояло дѣло, видно изъ такого рода показаній: полотняной Тамеса фабрики ученикъ Ларіонъ Ивановъ объявилъ: былъ онъ съ прочими согласными своими разныхъ чиновъ людьми на сборищѣ въ домѣ парусной фабрики берднаго дѣла мастера Лаврентья Ипполитова, а дѣйство было такое: по приказу Ипполитова, сѣли все по лавкамъ, а первенство имѣлъ Ипполитовъ; сидѣли съ четверть часа молитвы: Господи Исусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ! Духъ Св. помилуй насъ, дай намъ Господа Исуса! Потомъ монахъ Іоасафъ, вставши съ лавки, вертѣлся кругомъ по избѣ съ часъ и говорилъ, какъ бы пророчествуя, что на него сошелъ Духъ Св. и имъ собравшимся Духъ Св. повелѣваетъ имѣть чистоту: холостымъ не жениться, дѣвкамъ замужъ не ходить, женатымъ съ женами не совокупляться. Послѣ того вертѣлась кругомъ съ часъ же Ивановскаго монастыря монахиня Анна Иванова и говорила о сошествіи на себя Духа Св. и учила тому же, чему и монахъ. Потомъ тотъ же монахъ Іоасафъ раздавалъ имъ разрѣзанный небольшими кусками хлѣбъ, а монахиня Анна давала запивать ковшомъ изъ ведра квасу, и то они вмѣняли въ Св. Причастіе. Въ заключеніе Іоасафъ велѣлъ имъ всеѣмъ прикладываться къ образу святителю и клясться въ томъ, что все бывшее содержать въ тайнѣ и отцамъ духовнымъ на исповѣди не говорить. — Старики изъ «согласія» ходили веюду, ловя людей, казавшихся имъ склонными къ важному, религіозному вопросамъ, и внушая, что надобно креститься двумя перстами, пива и вина не пить, м..... не браниться, не лжесвидѣтельствовать, жить степенно, съ женами не совокупляться. Фабрики, соединяя людей отовсюду, очень благопріятствовали распространенію «согласія.»

Въ Варсонофьевскомъ монастырѣ жилъ истинной вѣры учитель Алексѣй Трофимовъ въ кельѣ вкладчицы дѣвки Марѣи Павловой; въ кельѣ у нея собирались мужчины и женщины, челоуѣкъ по двадцати, и Трофимовъ проповѣдывалъ имъ извѣстное уже намъ ученіе; онъ и Марѣя, сидя, трепетались, потомъ Марѣя ходила по кельѣ съ часъ и что-то говорила; иногда она вертѣлась часа съ три и говорила, что Духъ Св. сошелъ, чтобъ присутствовавшіе не боялись: и въ прежнія времена св. отцы тѣмъ же путемъ спасались. То же дѣбалось въ московскомъ уѣздѣ, въ долгоруковской деревнѣ Воеводиной у крестьянина Митрофана Тимоеева. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только молились и пѣли, а не вертѣлись, потому что такого челоуѣка не было ²⁴¹. По окончаніи слѣдствія, начальники и начальницы согласія—одни были казнены смертію, другіе биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь, въ монастырь. Юрѣва новгородскаго монастыря архимандритъ Андроникъ разсказалъ Ѳеофану Прокоповичу, что «согласіе» ведется давно: еще въ 1715 году, когда онъ, Андроникъ, былъ архимандритомъ въ углицкомъ Покровскомъ монастырѣ и судьей у духовныхъ дѣлъ, поймалъ онъ много раскольниковъ, мужчинъ и женщинъ; главнымъ изъ нихъ былъ отставной московскій стрѣлецъ, Прокофій Лупкинъ, который называлъ себя Христомъ, а учениковъ своихъ апостолами; во время пѣнія молитвъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ сходилъ будто бы Духъ Св., подымало ихъ съ лавки, и ходили они скачучи въ кругъ по получасу и больше, а въ то время клали на столъ калачъ ломтиками и причащались имъ. Лупкинъ училъ, что наступило послѣднее время, родился антихристъ отъ монашескаго чина. Ѳеофанъ извѣстилъ также синодъ, что Лупкинъ и другой еретикъ Иванъ Сусловъ, который называлъ себя Богомъ, похоронены въ Ивановскомъ монастырѣ и могилы ихъ пользуются особеннымъ уваженіемъ: синодъ рѣшилъ, что трупы Лупкина и Суслова должно сжечь, надгробныя зданія разобрать, на каменьяхъ и на церковной стѣнѣ надписи сгладить ²⁴². Отъ убѣжденія, что извѣстными средствами челоуѣкъ можетъ свести на себя Духа Св. оставался одинъ только шагъ къ убѣжденію, что воплощеніе могло повториться. Въ 1730 г. донской козакъ Миронъ Елфимовъ выдавалъ себя за Христа Бога; въ 1733 г. ярославскаго уѣзда села Ивановскаго попъ Иванъ Ѳеодоровъ говорилъ отцу своему: «Ты мнѣ не отецъ: я родился во чревѣ ма-

тернѣ чрезъ Духа Св., благовѣстивъ о мнѣ Ангель и рода я царскаго ²⁴³.

Въ 1737 году синодъ получилъ указъ, въ которомъ императрица напоминала о востановленіяхъ духовнаго регламента противъ кликушъ и выражала свое неудовольствіе, что въ Москвѣ въ церквахъ и монастыряхъ являются вновь многія кликуши, которыхъ не только не унимаютъ, но и даютъ свободу въ этой притворности и шалости, сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются ²⁴⁴. Въ 1732 году самъ синодъ распорядился противъ юродивыхъ, которые производили соблазнъ въ петербургскихъ церквахъ ²⁴⁵; но въ 1739 году синодъ узналъ изъ указа императрицы, что въ Новгородѣ явились два человекъ ханжей, которые лѣтомъ и зимою жили въ шалашахъ при городской стѣнѣ, являя себя простому народу святыми; для прекращенія соблазна повелѣвалось этихъ ханжей взять тайнымъ образомъ и, безъ всякаго истязанія и наказанія, послать въ разные монастыри; а если впредь явятся подобные соблазнители, то стариковъ отсылать въ монастыри, молодыхъ отдавать въ солдаты, дѣвицъ молодыхъ — крестьянокъ отсылать къ помѣщикамъ, изъ другихъ чиновъ къ родственникамъ ²⁴⁶.

Одну изъ причинъ распространенія раскола правительство видѣло въ уклоненіи отъ исповѣди и причастія Св. Таинъ, почему въ 1737 году было подтверждено о ежегодномъ говѣніи, за уклоненіе отъ котораго велѣно взыскивать штрафы безъ всякаго послабленія ²⁴⁷. Но была опасность не отъ однихъ раскольниковъ, что видно изъ манифеста 1735 года: «Хотя многими предковъ нашихъ и нашими указами свободное отправленіе службы Божіей другихъ христіанскаго закона исповѣданій въ нашемъ государствѣ позволено; но понеже мы къ неудовольствію нашему слышать принуждены, что нѣкоторые тѣхъ исповѣданій духовныя особы нашихъ подданныхъ всякими внушеніями въ свой законъ приводить стараются; того ради заблагоразсудили повелѣть, чтобъ никто изъ нихъ отнюдь не дерзали изъ нашихъ подданныхъ въ свой законъ превращать подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ по нашимъ государственнымъ уставамъ и указамъ» ²⁴⁸.

Относительно религіознаго столкновенія русскихъ людей съ западными иновѣрцами приведемъ слѣдующій случай: въ 1737

году императрица получила просьбу изъ Ярославля, подписанную George Schustern, studiosus juris, а въ русскомъ переводѣ: юристической ученикъ. Шустернъ приносилъ слезныя жалобы на то, что ярославскій городской судья и ассессоръ Карауловъ продерзостно въ гостяхъ вопреки всѣмъ правамъ и нѣмецкой вольности, которую императоръ Петръ I-й даровалъ, велѣлъ его жестоко бить. «Я здѣсь, писалъ Шустернъ, единственный иноземецъ во всемъ городѣ для пользы народа и россійскихъ молодыхъ шляхетныхъ дѣтей, и такимъ безбожнымъ поступкомъ въ моей чести и добромъ званіи оскорбленъ, безо всякой причины кромѣ спорныхъ словъ, потому что онъ уже давно умершаго Лютера очень ругательно бранилъ, что я его собственными словами опровергалъ и для того онъ призвалъ своихъ слугъ и жестоко меня билъ.» Наряжено было слѣдствіе; Шустернъ показаль, что въ гостяхъ у флотскаго поручика Милюкова имѣлъ онъ разговоръ про Мартына Лютера, котораго Карауловъ бранилъ м....., а Шустернъ отвѣчалъ: «Попробуй, сдѣлай то самъ, что Лютеръ сдѣлалъ; намъ его не судить, за свои дѣла получить онъ воздаяніе отъ Бога, а былъ онъ честный человекъ.» Тутъ Карауловъ ударилъ его по щекѣ рукою, схватилъ парикъ и бросилъ на полъ, билъ кулакомъ, кафтанъ изодралъ, изъ горницы выбилъ вонъ, потомъ выбѣжалъ за нимъ на дворъ, кликнулъ своихъ слугъ и приказаль жестоко бить плетью, отъ чего онъ Шустернъ лежалъ восемь дней въ постелѣ. Воеводскій товарищъ, майоръ Иванъ Карауловъ показаль, что никакого разговора о Лютерѣ не было; но Шустернъ былъ пьянъ, безчинно шумѣлъ и говорилъ незнаемо какія изъ Библии задачи, которыхъ за недовольнымъ его знаніемъ россійскаго языка, не могъ онъ Карауловъ понять, и сказалъ ему, что не зная вретъ, чего разсудить нельзя. Шустернъ въ отвѣтъ сказалъ, что Русскіе дураки, не знаютъ ничего. Тутъ онъ Карауловъ присталь, для чего онъ Русскихъ бранить и началъ его Шустерна высылать вонъ, а Шустернъ схватилъ его за голову, стащилъ парикъ и бросилъ на землю. Карауловъ вытолкалъ его вонъ изъ квартиры и велѣлъ сослать съ двора. Но потомъ Шустернъ возвратился опять на дворъ и, пришедши подъ окно, гдѣ сидѣлъ Карауловъ, кричалъ и бранилъ его, называлъ канальею, вынулъ шпагу и кричалъ: поди сюда ко мнѣ! Тогда онъ, Карауловъ, охраняя свою честь, взялъ у людей сво-

ихъ плеть и вышибъ у Шустерна изъ рукъ шпагу, чтобъ онъ кого въ пьянствѣ не закололъ. Свидѣтели показали, что не слышали, въ чемъ состоялъ разговоръ у Шустерна съ Карауловымъ, но видѣли, что пьянаго Шустерна Карауловъ выгонялъ вонъ изъ комнаты, при чемъ у нихъ была драка, и потомъ видѣли, какъ на дворѣ какой-то человѣкъ билъ Шустерна плетью. Карауловъ былъ вызванъ въ Петербургъ; чѣмъ дѣло кончилось, мы не знаемъ²⁴⁹. Въ манифестѣ 1735 года говорится объ исповѣданіяхъ христіанскаго закона, лютерскомъ, реформатскомъ и римскомъ; но конечно никто не могъ подумать, чтобъ была опасность отъ еврейскаго закона, и однако флота капитанъ-лейтенантъ Возницынъ былъ превращенъ въ жидовство, и обрѣзанъ жидомъ Борохомъ Лейбовымъ; обрѣзаніе было совершено въ Польшѣ, въ Дубровиѣ. И оболститель и оболщенный были сожжены въ 1738 году²⁵⁰.

Но кромѣ борьбы съ расколомъ и оборонительныхъ мѣръ относительно западныхъ исповѣданій, принимались мѣры для распространенія христіанства на Востокъ, при чемъ имѣлось въ виду также и укрѣпленіе украинъ. Обращено было особенное вниманіе на казанскую губернію, наполненную инородцами. Распространеніе христіанства между ними являлось самымъ вѣрнымъ средствомъ для скрѣпленія связи ихъ съ Россією; но для христіанской проповѣди нужны были ученые миссіонеры, которыхъ должна была приготовить школа: и вотъ правительство обращаетъ особенное вниманіе на усиленіе школьныхъ средствъ въ Казани. Архіепископъ Сильвестръ завелъ здѣсь семинарію, гдѣ было 80 учениковъ и изъ нихъ десять человѣкъ изъ новокрещенныхъ; въ семинаріи былъ одинъ учитель, «польской націи» Свѣнцицкій, съ помощникомъ іеромонахомъ и двумя аудиторами изъ учениковъ. Семинарія содержалась на сборъ двадцатой части хлѣба съ монастырей и тридцатой съ церковей, кромѣ того къ семинаріи Сильвестръ приписалъ 77 крестьянскихъ дворовъ, вотчину одного упраздненнаго монастыря, которая давала 158 рублей оброка. Изъ этихъ доходовъ учитель получалъ 60 рублей въ годъ жалованья, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ; помощникъ его іеромонахъ, «учитель словенскаго ученія» получалъ по 10 рублей, аудиторы по 4. Въ 1733 году новый архіепископъ Иларіонъ призвалъ изъ Кіева двоихъ учителей: Головацкаго для богословія и Григорови-

ча для философіи съ жалованьемъ по 60 рублей въ годъ, да назначенный правителемъ семинаріи архимандритъ Барутовичъ пригласилъ для низшихъ классовъ или школъ третьяго учителя Соколовскаго съ тѣмъ же жалованьемъ, и студентовъ въ семинаріи было 121 человекъ. Въ 1736 году преемникъ Иларіона, Гавріиль, Барутовича уволилъ, Соколовскаго отпустилъ, учениковъ распустилъ по домамъ, оставивъ только двѣ школы—синтаксикку и поэтику. Синодъ, узнавши объ этомъ, потребовалъ у Гавріила отвѣта, при чемъ архіепископъ «укорень было не легко.» Гавріиль отвѣчалъ, что ученики Соколовскаго явились незнающими Часовника и Псалтири: по этой причинѣ и за оскуднѣіемъ семинарскихъ доходовъ, отданы отцамъ и родственникамъ для изученія означенныхъ книгъ въ твердость. Учитель Соколовскій уволенъ за недостаткомъ семинарскихъ доходовъ, тогда какъ низшія школы фару и инфиму могутъ обучать и студенты высшихъ школъ. Архіепископъ Иларіонъ съ монастырей и церковей хлѣбъ и оброчныя деньги собиралъ вдвое, потому и могъ содержать большую семинарію, притомъ же взялъ на нее изъ монастырей вотчины, и заставилъ эти монастыри кормиться Христовымъ именемъ, но теперь не только двойнаго, но и настоящаго оклада съ монастырей и церковей, благодаря башкирскому разоренію, собирать нельзя и потому семинарію содержать не на что.—Этимъ отвѣтомъ не были довольны: Гавріиль отозванъ изъ Казани и перемѣщенъ въ Устюгъ, а устюжскій архіерей Лука Конашевичъ переведенъ въ Казань съ порученіемъ изслѣдовать дѣло о семинаріи вмѣстѣ съ казанскимъ губернаторомъ княземъ Сергѣемъ Голицынымъ ²⁵¹.

Въ сентябрѣ 1740 года, императрица, видя, что мѣры, принятыя при Петрѣ Великомъ для распространенія христіанства между инородцами, не продолжаютъ, приказала отправить въ Казань учителя Московской академіи архимандрита Димитрія Сѣченова для проповѣданія христіанства; для обученія иновѣрческихъ дѣтей учредить четыре школы: въ Казани въ Федоровскомъ монастырѣ, въ казанскомъ уѣздѣ въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, въ городѣ Цивильскѣ и въ городѣ Царевококшайскѣ; обучать ихъ русской грамотѣ, при чемъ смотрѣть, чтобъ они и своихъ природныхъ языковъ не позабыли ²⁵².

ГЛАВА IV.

Окончаніе царствованія императрицы Анны Іоанновны.

Дѣла на Украйнахъ. — Малороссія. — Оренбургская экспедиція и Башкирскій бунтъ. — Сибирь. — Опасности для западныхъ окраинъ со стороны Швеціи. — Отношенія къ Польшѣ, Пруссіи и Англии. — Французская политика относительно Россіи. — Франція хочетъ пользоваться неудовольствіемъ въ Россіи противъ правительства. — Причины неудовольствія. — Ссылки и казни. — Могущество Бирона. — Усобица между Нѣмцами. — Ягужинскій, Волынскій, Бестужевъ-Рюминъ. — Болѣзнь императрицы. — Вопросъ о регентствѣ. — Кончина Анны.

Закрѣпленіе окраинъ составляетъ одну изъ самыхъ видныхъ чертъ правительственной дѣятельности въ царствованіе Анны. Относительно Малороссіи возвратились къ системѣ Петра Великаго: гетманство снова признано ненужнымъ, и Малороссія, какъ нераздѣльная часть Россіи, снова находится въ вѣдѣніи сената, а не иностранной коллегіи. Въ 1731 году князь Шаховской былъ отозванъ изъ Малороссіи, и на его мѣсто при гетманѣ Апостолѣ былъ назначенъ полковникъ Тургеневъ; но уже въ слѣдующемъ году онъ былъ смѣненъ генераль-майоромъ Семеномъ Нарышкинымъ. Князю Шаховскому поручено было устройство слободскихъ полковъ, которые, по словамъ манифеста, обрѣтались въ непорядкѣ и въ крайнее разореніе приходили, такъ что многіе, оставя воинскую службу и свои земли, принуждены были записываться за помѣщиковъ ²⁵³.

29 апрѣля 1733 года Нарышкинъ писалъ канцлеру Головкину, что наканунѣ, въ день коронаціи императрицы, былъ у гетмана обѣдъ, и хозяинъ не могъ встать со стула, и всѣ подумали, что старикъ подгулялъ; но на другой день докторъ объявилъ Нарышкину, что у гетмана параличъ, лѣвая рука и нога отнялись.

1-го іюня князь Шаховской писалъ самой государынѣ, что 26 мая онъ пріѣхалъ въ Глуховъ и былъ у гетмана, который очень боленъ, лѣвою рукою не владѣеть и ногою, говоритъ, что кой-что чувствуетъ, но нельзя думать, чтобъ онъ говорилъ правду, мало надежды, что останется живъ; никакихъ бумагъ не подписываетъ, подписываетъ вмѣсто его генеральный писарь Турковскій, и отъ того могутъ произойти безпорядки. Шаховской нашла въ Глуховѣ всю генеральную старшину, стала провѣдывать, зачѣмъ она собралась, и узнала, что старшина желаетъ при жизни гетманской принять правленіе генеральной войсковою канцеляріи, какъ было по смерти гетмана Скоропадскаго, когда правленіе осталось въ рукахъ генеральной старшины. «Отъ этого правленія, писалъ Шаховской, какія воспослѣдовали дѣла, о томъ вашему величеству извѣстно.» Шаховской узнала также, что гетманъ самъ хотѣлъ отдать правленіе войсковою канцеляріею старшинѣ безъ совѣта съ Нарышкинымъ. Послѣдній, по совѣту съ Шаховскимъ, 29 мая отправился къ гетману съ вопросомъ, для чего онъ это дѣлаетъ безъ совѣту съ нимъ, слѣдуетъ ему требовать о томъ указу ея величества, а до полученія указа писарь долженъ о всѣхъ дѣлахъ представлять ему, Нарышкину. Шаховской подтвердилъ гетману то же самое. Апостоль отвѣчалъ, что онъ приказывалъ писарю докладывать о всѣхъ дѣлахъ Нарышкину, говорилъ и другія слова, которыхъ, за слабостью, понять было нельзя; и генеральный писарь Турковскій тутъ же объявилъ, что гетманъ приказалъ ему написать письмо къ генеральной старшинѣ, чтобъ она приняла правленіе войсковою канцеляріею, и письмо это было доставлено Нарышкину. 30 мая явились къ Шаховскому нѣкоторые изъ старшины, намѣреніе управлять войсковою канцеляріею безъ указа императрицы оставили, а требовали совѣта, какимъ образомъ писать въ иностранную коллегію и просить указа. Шаховской отвѣчалъ, чтобъ они просто просили указа, кому императрица прикажетъ вѣдать войсковую канцелярію, а до полученія указа обо всѣхъ дѣлахъ докладывали генералу Нарышкину, который и долженъ давать резолюціи. Они согласились; черновая просьба объ указѣ была написана и показана Нарышкину. Но 1 іюня Турковскій пришелъ къ Нарышкину и объявилъ, что гетманъ этой просьбы писать не велѣлъ. «Не соизволите ли ваше величество, писалъ Шаховской,

указать отъ гетмана взять письменно, а генеральную старшину допросить, для чего они по совѣту генерала Нарышкина не дѣлають, а дѣлають по своимъ прихотямъ, и не соизволите ли ваше величество впредь до будущаго указа для вышеписанныхъ резоновъ приказать гетманскую канцелярію принять въ управленіе генералу Нарышкину, чтобъ старшина въ то правленіе не вступала?» Шаховскому удалось достать копію съ просьбы, которую уже заготовила старшина къ императрицѣ на случай смерти гетмана: здѣсь говорилось, что по смерти гетмана войсковая генеральная канцелярія осталась при генеральной старшинѣ, которая спрашивала: намъ ли генеральной старшинѣ до избранія новаго гетмана вѣдать правленіе всякихъ дѣлъ по совѣту съ генераломъ Нарышкинымъ?

Между тѣмъ Шаховской получилъ письмо отъ кабинетъ-министровъ Остермана и Черкаскаго, въ которомъ они требовали его мнѣнія, какъ поступить въ случаѣ смерти Апостола. Шаховской отвѣчалъ, что какъ во время болѣзни гетмана, такъ и по смерти его правленіе войсковою канцелярією поручить одному Нарышкину, потому что разъ допустивши старшину до правленія, въ случаѣ неправильныхъ ихъ дѣйствій, труднѣе будетъ ихъ отставить. «Въ бытность мою здѣсь, писалъ Шаховской, хотя гетманъ и одинъ былъ, однако нѣкоторыя дѣла по представленіямъ моимъ отправлялись медленно, тогда какъ одного человека легче склонить, чѣмъ восемь. О какихъ дѣлахъ по пунктамъ велѣно гетману совѣтоваться съ старшиною и полковниками, по тѣмъ и генераль Нарышкинъ можетъ призывать ихъ въ совѣтъ. О намѣреніи ея величества, быть ли гетману или не быть, точно не извѣстенъ, однако представляю слабое мое мнѣніе: такъ какъ по пунктамъ гетмана Хмѣльницкаго положено гетмана выбирать изъ настоящихъ козаковъ, а не изъ другаго какого-нибудь народа, только эти пункты уже нарушены самими козаками: измѣнникъ Мазепа и Скоропадскій были изъ Поляковъ, а нынѣшняго гетмана Апостола отецъ Волохъ, и если ея величество впредь гетману быть не изволить, то можно и еще многіе резоны собрать. По моему слабому мнѣнію, не соизволить ли ея величество по смерти нынѣшняго гетмана опредѣлить одну персону; какъ теперь генераль Нарышкинъ, котораго назвать намѣстникомъ гетманства, чтобъ онъ всѣ войсковыя и челобитческія дѣ-

ла отправлялъ на прежнемъ основаніи ихъ малороссійскихъ правъ и обыкновений, со всякимъ прилежаніемъ, безъ медленности и волокиты, дабы весь малороссійскій народъ могъ получать отъ него всякое удовольствіе, чѣмъ бы часть отъ часу, а не вдругъ, и къ прочимъ обычаямъ удобнѣе было ихъ склонять по волѣ ея величества; а чтобъ нынѣ вдругъ переменить и содержать ихъ не по прежнимъ правамъ, этого я не считаю полезнымъ, ибо при гетманахъ они управлялись по своимъ правамъ, и потому подается видъ, что при гетманѣ бывало такъ, а теперь иначе.»

12 іюня отправлена была Нарышкину императорская грамота съ приказаніемъ тотчасъ войсковую генеральную канцелярію принять въ свое вѣдомство, всякія малороссійскія дѣла управлять по указу и смотрѣть, чтобъ ничего въ канцелярії не дѣлалось безъ его вѣдома и приказа, особенно, чтобъ въ полки никакихъ универсаловъ и писемъ не посылали. 10 іюля отправлена къ Нарышкину новая грамота: «Когда гетманъ Апостоль умретъ, тогда все правленіе Малороссіи вѣдать вамъ съ нѣкоторымъ числомъ великороссійскихъ персонъ, да изъ Малороссіянь, изъ генеральной старшины и полковниковъ такому же числу, сколько будетъ Великороссіянь, дѣлать съ общаго согласія и совѣта, подписывать дѣла и указы всемъ, смотрѣть и предостерегать, чтобъ ничего противнаго интересамъ нашимъ и народу малороссійскому тяжести не было. Определенному генеральному войсковому суду и подскарбіямъ войсковымъ для сборовъ быть прежнимъ и на прежнемъ основаніи, какъ при гетманѣ было. Доходы, которые собирались гетману на булаву, на кухню и прочіе, собирать попрежнему определеннымъ къ тому особливимъ сборщикамъ, а изъ тѣхъ сборовъ надобно что-нибудь давать женѣ гетманской, пока она жива будетъ, а прочее, что останется, безъ указа нашего ни на какія расходы не держать. Впрочемъ имѣете вы намъ донести и представить заблаговременно, кто достоинъ вмѣстѣ съ вами управлять изъ Великороссіянь и изъ Малороссіянь, о чемъ вы должны съ нашимъ генераль-лейтенантомъ, княземъ Алексѣемъ Шаховскимъ, и какимъ порядкомъ вести то правленіе для нашего интереса, для цѣлости и благосостоянія малороссійскаго народа. До смерти гетмана все это содержать вамъ въ высшемъ секретѣ, чтобъ кромѣ васъ никто объ этомъ не вѣдалъ.»

Гетману стало лучше, и Нарышкинъ въ концѣ года отправился въ Петербургъ, какъ вдругъ 15 января 1734 года гетману стало опять хуже, а 17 числа онъ умеръ. Находившіеся въ Глуховѣ великороссійскіе члены генеральнаго суда, полковники Радищевъ и Кишкинъ и подполковникъ Синявинъ въ тотъ же день послали извѣстіе объ этомъ въ Петербургъ, и получили въ отвѣтъ, что князю Шаховскому велѣно немедленно ѣхать въ Глуховъ и принять управленіе малороссійскими дѣлами, а до его пріѣзда, они—Радищевъ, Кишкинъ и Синявинъ вмѣстѣ съ судьями генеральнаго суда должны отправлять всѣ дѣла и смотрѣть накрѣпко, чтобъ не произошло какого-нибудь смятенія или другихъ противностей, особенно смотрѣть за старшиною и за всѣмъ малороссійскимъ народомъ. 31 января отправленъ былъ указъ Шаховскому: «По увѣдомленіи о смерти гетмана Апостола имѣли мы разсужденіе, какимъ образомъ по извѣстному вамъ нашему намѣренію въ правленіи малороссійскомъ впредь поступать, и разсудили за благо учредить правленіе гетманскаго уряда, которому состоять изъ шести персонъ, и изъ великороссійскихъ вопервыхъ вамъ, а изъ малороссійскихъ обозному Лизогубу, и взять вамъ къ тому правленію на время до указа нашего изъ тамошнихъ офицеровъ двоихъ, а сюда прислать вамъ свое мнѣніе, кого вы къ тому правленію изъ Великороссійнъ, кто бъ гдѣ ни былъ, за годнаго впредь быть усматриваете; а изъ малороссійскихъ сверхъ обознаго Лизогуба здѣсь сочлись достойными Андрей Марковъ да Иванъ Мануйловъ, и если вы за ними ничего подозрительнаго и противнаго не знаете и считаете достойными, то извольте ихъ назначить въ правленіе съ вами и до нашего указа. А что въ объявительной нашей грамотѣ писано, что правленіе гетманскаго уряда опредѣлено до будущаго избранія гетмана, и сіе написано для того, чтобъ нынѣ, въ началѣ сего объявленія, народъ не имѣлъ въ томъ сомнѣнія и не дѣлалъ противныхъ толкованій; а правленію гетманскаго уряда повелѣли мы быть подъ вѣдѣніемъ нашего сената въ особой конторѣ. Еще имѣете доносить, какъ ведутъ себя въ войсковомъ генеральномъ судѣ великороссійскіе судьи, и если по вашему усмотрѣнію окажутся недостойны, то выберите другихъ, ибо надобно такихъ людей въ томъ судѣ имѣть, которые были бы правдивы, ко взяткамъ не лакомы, и не было бъ отъ нихъ народу озлобленія и обидъ, чтобъ малороссій-

скій народъ правосудіемъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и привыкалъ къ великороссійскому правленію; а смоленскаго шляхтича ротмистра Пассека отрѣшить, ибо ему въ судѣ войсковомъ быть негодится.»

Въ томъ же мѣсяцѣ Шаховскому былъ посланъ секретнѣйшій указъ: «Увѣдомились мы, что смоленская шляхта съ малороссійскими жителями въ свойство вступаетъ, съ обѣихъ сторонъ сыновей женятъ и дочерей выдаютъ. Это противно кажется нашему интересу, а гораздо приличнѣе и полезнѣе, чтобъ малороссійскій народъ имѣлъ охоту вступать въ свойство съ нашимъ великороссійскимъ народомъ, вслѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ, чтобъ вы, по вашему искусству, секретно подъ рукою, приложили особый трудъ отводить Малороссіянъ отъ свойства съ Смольянами, Поляками и другими зарубежными жителями, а побуждать ихъ искуснымъ образомъ вступать въ свойство съ Великороссіянами.» По доношенію войсковаго генеральнаго суда велѣно было приступить къ исправленію законовъ малороссійскихъ: такъ-называемыя магдебургскія и саксонскія права перевести на великороссійскій языкъ, сдѣлать сводъ изъ трехъ правъ и приложить особенное стараніе для объясненія сомнительныхъ мѣстъ. Чтобъ работа эта пошла скорѣе, велѣно было выбрать изъ Малороссіянъ знатныхъ особъ, именно изъ каждой епархіи по одному архимандриту или игумну, отъ Киевопечерскаго монастыря соборнаго старца, изъ протопоповъ одного, изъ генеральной старшины одного, изъ полковниковъ одного, изъ прочихъ чиновъ сколько надобно, чтобъ всѣхъ было двѣнадцать человекъ, которые должны съѣхаться въ Москву, сдѣлать сводъ постановленіямъ и, что надобно, сократить и прибавить въ пользу малороссійскаго народа и что къ вѣрному намъ подданству отъ онаго народа приличествуетъ. Выборы въ эту комиссію долженъ былъ произвести князь Шаховской. Велѣно также сдѣлать въ Малороссіи ревизію козакамъ, посполитымъ и *подсудьждамъ* козачьимъ, крестьянскимъ и владѣльческимъ духовнаго и мірскаго чина, которые на ихъ земляхъ живутъ, и мастеровымъ всякаго званія людямъ. Архіереямъ запрещено посвящать въ попы и дьяконы изъ малороссійской старшины и козаковъ, также изъ старшинскихъ и козачьихъ дѣтей безъ аттестатовъ полковничья и полковой старшины, а знатныхъ безъ позволенія генеральной войсковой канцеляріи,

чтобъ отъ этого уменьшенія числа козаковъ не терѣла служба. Архіереямъ запрещено также вступаться въ гражданскія дѣла и привлекать мірскихъ людей къ своимъ судамъ; запрещено за свои частныя дѣла отлучать отъ входа въ церкви и предавать клятвѣ.

Когда старшинѣ объявлена была воля императрицы о формѣ малороссійскаго управленія, то Шаховской предложилъ имъ написать за это учрежденіе благодарственную челобитную государынѣ. Челобитная была написана, всѣ приложили руки, но послѣ этого генеральный судья Михайла Забѣла сталъ говорить Шаховскому, нельзя ли удержать челобитную до тѣхъ поръ, пока съѣдутся въ Глуховъ всѣ полковники. «Дождаться полковниковъ нѣтъ нужды, отвѣчалъ Шаховской, довольно и того, что вы, генеральная старшина, подписались съ прочими.» Но требованіе Забѣлы показалось подозрительно Шаховскому; онъ сталъ секретно провѣдывать, и прежде всего спросилъ у генеральнаго писаря Турковскаго, что за причина требованія Забѣлы? Тотъ отвѣчалъ: «Забѣла обидѣлся тѣмъ, что въ челобитной подскарбій Андрей Марковъ подписался выше его.»—«Не хочеть правды сказать,» подумалъ Шаховской, и началъ опять допытываться, нѣтъ ли другой причины поважнѣе. Тогда Турковскій сказалъ правду: говорилъ ему секретно генеральный судья Борозна, что въ императрицыной грамотѣ новое управленіе назначено только до избранія новаго гетмана, и потому въ благодарственной челобитной надобно было просить гетмана: «Кому они гетманомъ быть желаютъ, писалъ Шаховской, того подлинно я знать не могу, а видно, что они гетмана желаютъ.»

Вслѣдствіе убѣжденія въ этомъ желаніи считали обязанностію соблюдать большую осторожность, доказательствомъ чему служить любопытное распоряженіе по поводу черниговскаго судьи Василья Каневскаго: онъ былъ сосланъ въ ссылку за ложный доносъ на черниговскаго епископа Иродіона; но потомъ состоялось такое опредѣленіе: «Хотя Каневскій и за настоящую свою вину въ ссылку сосланъ, только надлежитъ его изъ ссылки освободить и жить ему въ своемъ домѣ безъ должности до указа, чтобъ знали, что онъ въ ссылку сосланъ былъ за вину свою, но высокою ея импер. величества милостию освобожденъ, и впредь бы Малороссійяне въ какихъ-либо и правдивыхъ причинахъ доносить не опасались»²⁵⁴

Но Малороссія оставалась спокойною, несмотря на то, что сильно страдала отъ войны. Укажемъ изъ ея жизни нѣсколько любопытныхъ случаевъ, которые лучше другихъ представляютъ тогдашнія отношенія.

Въ 1733 году въ Кіевѣ умеръ войтъ Димитрій Полоцкій; гетманъ Апостоль, по прошенію кіевскихъ мѣщанъ и по прежнему ихъ обыкновенію, послалъ въ кіевскій магистратъ генеральнаго эсаула Лисенко для присутствія при избраніи кандидатовъ на войтовство. Магистратъ и посольство избрали троихъ кандидатовъ изъ бурмистровъ: Федора Нечая, Михайлу Корнеевича и Кузму Кричевца. По избраніи отправили къ гетману просьбу опредѣлить изъ нихъ, кто, по его мнѣнію, годился въ войты, при чемъ на выборѣ и на просьбѣ подписалось 68 человекъ урядниковъ и за все посольство; нѣкоторые урядники подали гетману на имя императрицы челобитную, что Кричевецъ достоинѣе всѣхъ другихъ, и на этой челобитной подписалось 27 человекъ. Гетманъ выборъ и челобитную препроводилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ требованіемъ указа, кому быть войтомъ. Генераль Нарышкинъ писалъ, что лучше всѣхъ Кричевецъ. Но вдругъ присылаетъ бумагу кіевскій генераль-губернаторъ графъ Вейсбахъ съ объявленіемъ, что бунчуковый товарищъ въ Полтавѣ Василій Быковскій, внукъ бывшаго кіевского войты Ивана Быковского, проситъ, чтобъ его включили въ число трехъ кандидатовъ на войтовство; что онъ Вейсбахъ велѣлъ спросить магистратъ о Быковскомъ, и 17 человекъ членовъ магистрата объявили Быковского очень достойнымъ, а не помѣстили его въ число кандидатовъ только потому, что не знали о его согласіи; тутъ же эти 17 человекъ просили опредѣлить въ войты именно Быковского, а не кого-нибудь изъ прежде выбранныхъ кандидатовъ, особенно не Кричевца, который много долженъ внутри и внѣ государства, и они опасаются, чтобъ русское купечество за границую пзъ-за него чего-нибудь не потерпѣло, какъ уже за брата его многіе платились, а другіе умерли подъ стражею; а Кричевецъ съ 11-ю товарищами подалъ доношеніе, что Быковскому, какъ бунчуковому товарищу, войтомъ быть нельзя. Кіевскій губернаторъ Шереметевъ, архіерей, печерскій архимандритъ и всѣ мѣщане стояли за Быковского, и такъ какъ самъ Вейсбахъ зналъ его за добраго служаку, то и рѣшился также за него ходатайствовать. Но въ ино-

странной коллегіи справились, что по привилегіямъ, постоянно подтверждавшимся съ царя Алексѣя Михайловича, кіевскіе мѣщане выбираютъ кандидатовъ въ войты изъ мѣщанъ же. На этомъ основаніи сенатъ приговорилъ быть войтомъ Кричевцу. Приговоръ состоялся въ іюль 1734 года; но въ сентябрѣ сенатъ получилъ слѣдующій указъ императрицы: указали мы въ кіевскіе войты какъ нынѣ опредѣленнаго изъ сената Кричевца, такъ и прочихъ представленныхъ кандидатовъ не опредѣлять, а велѣть кіевскимъ мѣщанамъ вмѣсто ихъ выбрать самимъ въ войты изъ кіевскихъ же мѣщанъ; и притомъ къ тамошнему губернатору послать секретный указъ, дабы онъ на тотъ ихъ выборъ подъ рукою смотрѣлъ и какъ возможно старался, чтобъ они выбрали изъ природныхъ великороссійскихъ людей, которые нынѣ въ Кіевѣ мѣщанами состоятъ, самаго добраго, вѣрнаго и безподозрительнаго человѣка ²⁵⁵.

Въ ноябрѣ 1735 года малороссійское духовенство подало императрицѣ просьбу за подписью троихъ архіереевъ — кіевского, черниговскаго и переяславскаго, чтобъ позволено было монастырямъ и всему духовенству покупать недвижимыя имѣнія у мірскихъ людей и чтобъ каждый былъ воленъ отдавать свои земли духовенству на поминъ души; архіереи писали, что это запрещено въ резолюціи на пункты гетмана Апостола, но такимъ запрещеніемъ нарушены прежнія постановленія и права. Императрица велѣла послать указъ кн. Шаховскому, чтобъ онъ, призвавши архіереевъ къ себѣ въ Глуховъ, пристойнымъ образомъ сдѣлалъ имъ выговоръ, дабы впредь въ прошеніяхъ своихъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ отнюдь не включали; а между тѣмъ онъ долженъ стараться секретнѣйшимъ образомъ склонять генеральную старшину, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ, чтобъ прислали просьбу о неукрѣпленіи мірскаго чина людей земель и угодій за монастырями и духовными лицами, на которую просьбу получать желаемую резолюцію. Также людямъ, находящимся при составленіи малороссійскаго уложенія, напоминать, что малороссійскій народъ отъ такого укрѣпленія земель терпитъ большое разореніе, и лишеныя родительскаго имѣнія, отказаннаго въ монастыри, служить не въ состояніи, отъ чего и го́сударственному интересу вредъ происходитъ, склонять ихъ, чтобъ пунктъ о неотчужденіи недвижимыхъ имѣній, какъ наиваж-

нѣишій, внесенъ былъ въ уложеніе. Призванные архіереи отвѣчали, что написали простотою своею, впредь писать не будутъ и просятъ прощенія ²⁵⁶.

Въ 1737 году произошло столкновение у черниговскаго архіерея Иларіона Рогалевскаго съ капитаномъ Кобылинымъ, который набиралъ козаковъ. Кобылинъ жаловался, что въ церкви, послѣ торжественнаго молебна, архіерей не допустилъ его къ кресту и сказалъ: «Чертъ тебѣ, к..... сыну далъ указъ, покажи указъ!» Князь Борятинскій, управлявшій въ это время Малороссіею, произвелъ слѣдствіе и арестовалъ архіерея, за что получилъ выговоръ отъ императрицы: «Намъ зѣло непріятно и къ великому нашему удивленію касается, что вы онаго архіепископа безъ нашего указа подъ такой крѣпкой караулъ брать велѣли, не разсуждая, что изъ такихъ поступковъ всякія слѣдствія произойти могутъ.» Иларіонъ объявилъ, что онъ дѣйствительно сказалъ Кобылину въ церкви громко: «Ты недостойнъ креста, потому что церковь св. разоряешь, хочешь съ церкви крестъ снять.» Говорилъ такъ потому, что Кобылинъ, набирая людей для прикрытія границъ, пріѣхалъ въ Елецкій монастырь, монаховъ среди монастыря неизвѣстно за что билъ, а указа никакого ему, архіепископу о томъ не объявилъ. Иларіонъ признался, что сказалъ еще: «Ты не дворянинъ, и не Кобылинъ, а кобыла; развѣ тебѣ такой указъ чертъ далъ, чтобъ ты разорялъ монастыри, а не государыня; государыня такихъ указовъ не даетъ» ²⁵⁷.

Князь Борятинскій получилъ выговоръ за то, что арестовалъ архіерея; но не видно, чтобъ получилъ выговоръ фельдмаршалъ Минихъ, который въ 1739 году, будучи проездомъ въ Глуховѣ и недовольный рѣшеніемъ генеральнаго суда по одному дѣлу, касавшемуся его имѣнія, кричалъ на судей: «Такихъ судей повѣсить, или, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь.» О законахъ малороссійскихъ отозвался: «Шельма писалъ, а каналья судилъ» ²⁵⁸.

Въ Малороссіи вторичное недопущеніе къ гетманскому избранію обошлось даже и безъ тѣхъ движеній, которыми сопровождалось первое. Но на Востокъ, въ странахъ приуральскихъ стремленіе правительства стать болѣе твердою ногою среди варварскаго народонаселенія вызвало со стороны послѣдняго сильное сопротивленіе.

1-го мая 1734 года подписана была резолюція о построеніи

города при устьи рѣки Ори, вслѣдствіе представленія сенатскаго оберъ-секретаря Ивана Кириллова, что Киргизъ-кайсацкая орда, никому не подвластная, многонародная и военная, нынѣ приходитъ въ подданство ея и. в—ства и уже меньшей орды ханъ Абуль-Хаиръ съ подданными своими, которыхъ около 30,000 человекъ, принять въ подданство въ 1731 году; а чрезъ его пересылки и большая орда прислала просить о подданствѣ; самъ ханъ желаетъ, чтобъ близъ его владѣнія, при устьѣ рѣки Ори, впадающей въ Яикъ, построены были городъ, въ которомъ общаесть по временамъ жить и службу оказывать.

Для построения этого города отпавился тотъ же Кирилловъ въ чинѣ статскаго совѣтника, и скоро долженъ былъ столкнуться съ знаменитымъ правителемъ горныхъ заводовъ, Татищевымъ. Осенью Татищевъ донесъ въ кабинетъ, что будучи въ Башкиріи, говорилъ онъ Татарамъ, что быть тамъ ярмаркѣ. Татары очень обрадовались; но Татищевъ сталъ имъ внушать, что нельзя ограничиваться этою ярмаркою: много лошадей въ Сибири купить некому, а можно бы имъ продавать ихъ у Макарья или въ Москвѣ. Татары отвѣчали, что пригонять имъ лошадей никакъ нельзя, потому что вездѣ поля засеваются хлѣбомъ, офицеры же, присылаемые къ нимъ для покупки лошадей по деревнямъ, дѣлаютъ имъ великія обиды, если же они, Татары, «попротивятся хотя и правильно,» то берутъ ихъ на Уфу и сильно ихъ разоряютъ. Татищевъ представлялъ, чтобъ учредить ярмарку въ уфимскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Бѣлой, ниже Бирска, куда купечество со всей Россіи можетъ прѣзжать; сверхъ того устроить тамъ хлѣбный магазинъ; тамъ же можно будетъ покупать недорого илецкую соль, лучшую въ Россіи, хотя только про обиходъ императрицы. Татищевъ прибавлялъ, что Татары вездѣ его спрашивали, скоро ли переимѣнять нынѣшняго уфимскаго восводу Кошелева, потому что онъ великій грабитель, и бить челомъ на него не смѣютъ. Вслѣдствіе этого представленія Татищева кабинетъ послалъ указъ Кириллову объ учрежденіи ярмарки въ уфимскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Бѣлой; кромѣ того онъ долженъ былъ подлиннѣе навѣдаться о поведеніи Кошелева и немедленно отписать въ кабинетъ. Кирилловъ отвѣчалъ, что лошадиную ярмарку учредить и въ обычай ввести никакъ нельзя, потому что Башкирецъ дожидается купцовъ къ себѣ въ домъ, а въ городъ пойдетъ развѣ по

приказной нуждѣ или для гулянья. О Кошелевѣ далъ отзывъ неблагопріятный. Въ кабинетѣ отдали это дѣло на усмотрѣніе Кириллова.

Между тѣмъ Кирилловъ, готовясь къ построению Оренбурга, жилъ въ Уфѣ и посылалъ въ кабинетъ любопытныя извѣстія о странѣ. Донося въ кабинетъ о враждѣ между Киргизами и Башкирами, онъ писалъ: «никогда не слѣдуетъ допускать ихъ въ согласіе, а въ потребномъ случаѣ надобно нарочно поднимать ихъ другъ на друга и тѣмъ смирять.»

Кирилловъ представилъ подробныя извѣстія о состояніи Башкирцевъ: до русскаго подданства они раздѣлились по родамъ, которые при русскомъ владѣніи названы волостями; кромѣ того раздѣлялись на четыре части или дороги: ногайскую, казанскую, сибирскую и осинскую. Всѣ земли и угодья раздѣлены между родами; отъ нѣкоторыхъ родовъ произошли уже новыя, которые называются аймаками, иногда тюбями. По отношенію къ Россіи Башкирцы раздѣлились на двѣ части: 1) служилые тарханы, которые не платили никакого ясаку, но служили военную службу; 2) ясачные плательщики. Но къ Башкирцамъ для своевольнаго житія, также по причинѣ обширныхъ и изобильныхъ мѣстъ, несмотрѣніемъ бывшихъ и нынѣшняго воеводъ, набредо жить великое множество горныхъ Татаръ, Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ, такъ что теперь этихъ пришельцевъ вдвое больше, чѣмъ Башкирцевъ. Изъ нихъ въ давнія времена нѣкоторые крещены, только отъ нерадѣнія духовныхъ въ слабой вѣрѣ находятся, ибо языка русскаго не знаютъ, ноши толкуютъ чрезъ толмачей, и то развѣ однажды въ годъ. А Татары, пришельцы изъ Сибири, особенно изъ Казани, ихъ духовные — ахуны, муллы, абызы гораздо прилежнѣе стараются приводить ихъ въ свой законъ и обрѣзывать, и воздержною своею жизнію простяковъ къ себѣ привлекаютъ, школы имѣютъ, мечетей множество построили, чего теперь хотя нельзя у этого своевольнаго народа пресѣчь, но впредь нужно стараться, ибо и безъ прибылыхъ людей настоящее башкирское народонаселеніе чрезвычайно увеличивается влѣдствіе многоженства. Башкирцы, Мещеряки и ясачные хотя и понемногу будутъ назначены въ службу къ городу Оренбургу, однако которое время тамъ пробудутъ, жены безъ плода останутся, а котораго убьютъ, тотъ и вовсе не возвратится. Такъ изстари

наблюдали эту политику во всемъ государствѣ надъ Татарами: во время шведской, польской и турецкой войнъ вездѣ ихъ посылали передъ войсками на прощажу, вмѣняя въ службу, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, что они въ домахъ не надобны; а теперь не только здѣсь, но и въ казанской, и въ воронежской губерніяхъ все живутъ въ домахъ и множатся, а отъ платежа подушнаго сбора или отъ корабельныхъ работъ никогда не убавятся. Воровъ безпрестанно приводятъ въ Уфу въ судъ, больше всего въ кражѣ лошадей, и почти все пришельцы изъ другихъ уѣздовъ, съ которыми воеводы привыкли поступать, ссылаясь на уложеніе и на указы: за одну и за двѣ кражи наказывать и освобождать. Такими людьми изстари торговля воеводская происходитъ: во время держанія они всякую работу на воеводу и приказныхъ людей производить, а потомъ кто больше дастъ, тотъ скорѣе и освободится; поэтому я сдѣлалъ представленіе въ провинціальную канцелярію, чтобъ уличенныхъ въ воровствѣ отнюдь не освобождали, но отправляли въ Казань для отсылки на работу, ибо и безъ воровства надобно ихъ отсюда убавлять, особенно тѣхъ, которые не Башкирцы, а пришлые, чѣмъ будутъ довольны настоящіе Башкирцы: сами о томъ просить и, приходя ко мнѣ, говорятъ, что дикаго звѣря — волковъ всѣхъ перевели, лошадей и скотъ безъ пастуховъ въ дѣсахъ и степяхъ содержать, а воровъ уфинскіе судьи перевести не могутъ. Судъ я засталъ по здѣшнему народу весьма обидный: по всякому малому крестьянскому дѣлу принуждены подавать исковыя челобитныя и въ волокитѣ конца не найдутъ; представилъ я въ воеводскую канцелярію, чтобъ волокиты убавили, и если исцы и отвѣтчики, побивши челомъ въ малыхъ дѣлахъ, съѣхали въ уѣздъ и помирились, такихъ въ городъ не волочить, а велѣть брать на мѣстѣ мировыя пошлины. Еще и то не малая была людямъ отъ города отгоня, что за водоной пролубнаго брали по копѣйкѣ съ лошади, хотя бь кто на одинъ часъ въ городъ въѣхалъ, хватали по рынку, а не у водоной, притомъ иныхъ бивали, чего ни въ какихъ городахъ нѣтъ, а сбору всего по 12 рублей въ годъ. Я такой малый сборъ, вредный интересамъ вашего величества, отставидъ, а чтобъ табельному окладу не повредить, эти 12 рублей приложилъ къ кабацкому сбору. Служилые люди, дворяне и казаки ни лошадей, ни оружія годнаго имѣть не могутъ, и въ та-

кую мизерію приведены какъ крестьяне, работаютъ на начальство, сѣно косятъ, дворяне въ денщикахъ лошадей и дворъ чистятъ, огороды копаютъ. Я денщиковъ отрѣшилъ и никуда въ работы посылать не велѣлъ, исполнять имъ только одну службу. Магометанскихъ духовныхъ, которые попадутся хотя въ малой винѣ, надобно не щадя наказывать и ссылатъ не только изъ уфинскаго, но изъ казанскаго и другихъ уѣздовъ, потому что простые Татары въ нихъ какъ въ пророковъ вѣруютъ, и они привлекли ихъ къ себѣ воздержнымъ житьемъ и въ вѣрѣ утверждаютъ и умножаютъ. Притомъ можно бы изъ нихъ лучшихъ ученыхъ отъ ихъ мечетей, школъ и простаго народа отлучать для переводовъ и толмачества, какъ и было: изъ самой Казани многіе и самые лучшіе ученые взяты въ Персію, а теперь все тутъ у мечетей живутъ.»

Мы видѣли, что Кирилловъ уже столкнулся съ Татицевымъ, объявивъ кабинету, что предложеніе послѣдняго о лошадиной ярмаркѣ неудобноисполнимо. Скоро произошло другое столкновеніе: въ мартѣ 1735 года Татицевъ далъ знать въ казанскую губернскую канцелярію, что, по извѣстію изъ Кунгура, у Татаръ великіе съѣзды и совѣты, какихъ давно не бывало, вслѣдствіе чего приняты мѣры предосторожности, и къ Башкирцамъ посланы лазутчики для провѣдыванія; притомъ Татицевъ писалъ, что посланный на Уфу курьеръ съ письмами пропалъ. Узнавши объ этомъ, Кирилловъ донесъ императрицѣ, что извѣстіе неосновательно, все обстоитъ благополучно, что письмо онаго Татицева приводитъ только къ страху и конфузій простыхъ невѣдущихъ Кунгурцевъ, что курьеры ѣздятъ безо всякой опасности и ни одинъ изъ нихъ не пропадалъ. Башкирцы дѣйствительно собираются, потому что имъ объявлена служба къ рѣкѣ Ори для построенія города. Можетъ быть искореняемые вслѣдствіе новыхъ распоряженій его, Кириллова, воришки-конокрады, убѣгая отъ поимокъ, разгласили оному дѣйствительному статскому совѣтнику (Татицеву) о пустыхъ опасностяхъ, о чемъ удобнѣе было бы ему по близости списаться съ нимъ, Кирилловымъ, и, получивъ подлинное извѣстіе, уже бояться. Теперь Башкирцы, увидавъ правленіе безъ лакомства, находятся въ такомъ подданическомъ послушаніи, въ какомъ прежде никогда не были; ибо кто не мздоимецъ, такому покорны, а кто хочетъ себя обогатить, тотъ

не восвода, а рабъ ихъ будетъ и что хотять, то восвода поне-
волѣ имъ дѣласть.

Въ апрѣлѣ Кирилловъ двинулся за рѣку Бѣлую и, разговари-
вая на дорогѣ съ ташкентскими купцами, уже составлялъ пла-
ны о приведеніи въ подданство Ташкента и Туркестана, вызвалъ
изъ Астрахани индѣйскаго купца, чтобъ распросить его объ ин-
дѣйскомъ торгѣ и о путяхъ въ Индію, а между тѣмъ писалъ
кабинетъ-министрамъ Остерману и Черкасскому: «Надѣюсь, мило-
стивые государи, частыми прошеніями досаждаю, да миновать
нельзя: ежели отъ васъ оставленъ буду, то кто поможетъ? Не
могу отъ военной коллегіи конца найти въ перемѣнѣ фини-
скихъ солдатъ. Ежели никакіе резоны не годятся, то напрасно
и въ такомъ великомъ дѣлѣ азартъ на себя взялъ, ибо тремя
батальонами, со мною на первый случай посланными, обнять и
въ вѣчномъ владѣніи утвердить двухъ провинцій нельзя. Сосѣдь
мой Василій Никитичъ еще изволить покушаться: приведя къ са-
мой распутицѣ, отпустилъ пушечки и фалконеты, нанявъ безмѣр-
ною цѣною; однако Богъ свое дѣлаетъ; до мѣста не раскидали,
но довели. Вѣдаю его намѣреніе строить на башкирскихъ зем-
ляхъ мѣдные заводы и будто бы Башкирцевъ тѣмъ лучше въ поко-
реніе привести можно; но подлинно онъ обычаевъ ихъ не знаетъ,
а когда въ Башкирцахъ заводамъ быть, то развѣ еще въ десяте-
ро бѣглыхъ прибудеть, паче же утѣшеніемъ на прежніе худые
замыслы принудимъ напрасно»²⁵⁹. Но Кирилловъ хорошо зналъ,
что если будетъ оставленъ Остерманомъ и Черкасскимъ, то мо-
жетъ помочь ему Биронъ, и потому написалъ къ нему 21 іюля:
«Не иное что придало причину получить всемилостивѣйшіе нашей
мовархини указы на всѣ мои нижайшаго раба доношенія, въ ка-
бинетъ, въ сенатъ и военную коллегію посланныя, какъ вашего
высоко-графскаго сіятельства милостивое сему новому дѣлу при-
зрѣніе, за что всемогущій Богъ да подастъ вашей фамиліи долго-
лѣтнее здравіе съ полученіемъ всѣхъ благъ по желанію сердець
вашихъ и слава имени да пребудетъ въ вѣчной незабвенной па-
мяти, что таковымъ полезнымъ дѣламъ, о которыхъ мало вѣрять,
есть скорый помощникъ. Теперь неизмѣрно и наполнены эхи отъ
всѣхъ сторонъ неудобностями, опасностями; но здѣсь въ насто-
ящемъ дѣлѣ инаково все къ тому идетъ, что въ нижайшемъ мо-
емъ проскѣ написано»²⁶⁰.

Помощь Бирона была очень нужна Кириллову при новой опасности, которой подверглось его дѣло.

Шедшій за нимъ къ Ори рѣкѣ изъ Уфы вологодскій драгунскій полкъ подвергся нападенію возставшихъ Башкирцевъ; подполковникъ Чириковъ, и съ нимъ 60 человекъ были убиты, изъ обозу 46 возовъ было оторвано и разграблено. Кирилловъ старался представить, что опасность не такъ велика; такъ онъ писалъ: «Вѣрные Башкирцы многихъ волостей побрали указы о поимкѣ воровъ, весьма ненавидятъ ихъ и ставятъ въ несчастіе свое, что такіе воры явились, просятъ отпуску для челобитья вашему величеству, чтобъ себя оправдать, а воровъ перевести.» Къ Бирону 23 іюля Кирилловъ отправилъ новое письмо: «Буде, милосердый государь, для такого малаго воровскаго нападенія, да оставлено будетъ къ великой славѣ и пользѣ зачатое дѣло, то не токмо новые многіе народы, пришедшіе въ подданство и еще желающіе подданства со многими городами, яко Ташкентъ и Араль, можемъ потерять, но и нынѣшній случай къ подобранію разсыпанныхъ бухарскихъ и самаркандскихъ провинцій и богатаго мѣста Бодокшана упустимъ, а сверхъ того старымъ подданнымъ Башкирцамъ случай подастся впредь злодѣйствовать, но ихъ махOMETанству внутреннихъ ко христианству враговъ; а ежели не послаблено и не оставлено будетъ, то Башкирцевъ загородкою новаго Оренбурга и другихъ по Яику и Вѣлой рѣкѣ городковъ современемъ въ такое подданство удобно будетъ примать какъ казанскихъ Татаръ, причта къ потерянню ихъ вольностей явное ихъ воровство; а между тѣмъ вышенамянутыя новыя владѣнія присовокунутся и страхъ на обѣ стороны прибудеть, что во время какого воровства Башкирцевъ Койсаками, а Койсаковъ Башкирцами смирать, къ чему и Калмыки близки. Всѣ прежде бывшіе въ такихъ же своевольствахъ—Малая Россія разореніемъ Батурина, яцкіе козаки Качалина и другихъ городковъ и не упускомъ за воровства казними въ надлежащее покореніе приведены, а Башкирцы самый плюгавый и неоружейный народъ, подобны Чувашѣ и Мордвѣ, никакого страху не вѣдаючи, живутъ почти безъ податей и безъ службы, попущенные къ своевольствамъ, но токмо одни воеводы бывшіе у нихъ, наживаясь, многія тысячи свозили»²⁶¹.

5 августа правительствующій сенатъ, будучи въ кабинетѣ и слу-

шавъ съ господами кабинетными министрами сообщенныхъ вѣдѣній о возмущеніи башкирскомъ, по общему согласію положили учинить слѣдующее: немедленно послать персону знатную и надежную, которому дать полную мочь и власть, употребляя вначалѣ добрые способы и уговоры, а если добрые способы не подѣйствуютъ, то употреблять оружіе. Если Башкирцы будутъ представлять о своихъ обидахъ, то изслѣдовать немедленно по сущей правдѣ, тѣхъ, на кого они покажутъ, за крѣпкій караулъ брать, обиды тотчасъ прекратить и, сколько возможно, поправить; еслибъ они поставили себѣ въ обиду строеніе крѣпости на рѣкѣ Ори, то объяснить имъ, что крѣпость эта строится только для защиты ихъ отъ Киргизъ-Койсаковъ.—Изъ Елабуги, изъ Кунгура приходили извѣстія о немалой опасности отъ Башкирцевъ и Татаръ; Башкирцы присылали въ казанскій уѣздъ поднимать тамошнихъ Татаръ — русскихъ людей рубить и деревни жечь.

Кирилловъ, несмотря ни на какія препятствія, хотѣлъ сдѣлать свое дѣло: 16 августа онъ прислалъ императрицѣ поздравленіе съ Новою Россією, которая пріобрѣтена собственнымъ ся величества предусмотрѣніемъ и впредь почтена быть можетъ не меньше сысканныхъ отъ европейскихъ державъ земель, прославленныхъ металлами и минералами. Кирилловъ доносилъ при этомъ, что онъ съ командою благополучно достигъ рѣки Ори; по дорогѣ и на мѣстѣ будущаго Оренбурга нашли благонадежные признаки рудъ мѣдныхъ и серебряныхъ, также камни—порфиръ, шму, мраморъ.

Знатная и надежная персона, назначенная для усмиренія башкирскаго бунта, былъ, какъ мы уже упомянули, опальный А. И. Румянцевъ, получившій прежній свой чинъ генераль-лейтенанта и назначенный сначала астраханскимъ, а потомъ казанскимъ губернаторомъ. Кирилловъ, получа указъ во всемъ повиноваться приказаніямъ Румянцева, писалъ 23 сентября, что онъ Оренбургъ благополучно основалъ, артиллерію укрѣпилъ, солдатскую команду въ первую крѣпость и въ казармы ввелъ и провіантомъ удовлетворялъ; потомъ, вѣдѣствіе извѣстій о башкирскихъ разбояхъ, принужденъ былъ оставить въ Оренбургѣ подполковника Чемадурова съ десятью ротами, а самъ отправился назадъ для соединенія съ Румянцевымъ, который стоялъ въ Мензелинскѣ. Кирилловъ и Румянцевъ разразнились въ мнѣніяхъ о средствахъ по-

тушенія мятежа: Кирилловъ писалъ, что Башкирцы до тѣхъ поръ не усмирятся, пока не послѣдуетъ розыскъ и казни и не введутся полки на квартиры въ уфимскій уѣздъ; Румянцевъ же писалъ, что опасается, не взволновать бы этими мѣрами всѣхъ Башкирцевъ, тогда какъ до сихъ поръ была замѣшана въ бунтѣ только часть ихъ, и думаетъ, что лучше безъ оружія привести ихъ въ повиновеніе, довольствуясь повинной челобитной отъ всего народа. Въ началѣ ноября Румянцевъ донесъ, что башкирское возмущеніе утушено, при чемъ нельзя наказать бунтовщиковъ, во-первыхъ, по малочисленности войска: при Румянцевѣ находилось только четыре драгунскихъ роты, одинъ батальонъ казанскаго гарнизона и 650 козаковъ; во-вторыхъ, провіанта нѣтъ, ни подрядчиковъ найти, ни натурою собирать нельзя. Относительно причины бунта Румянцевъ извѣщалъ о жалобахъ Башкирцевъ на суровые поступки полковника Тевкелева. Въ письмѣ, присланномъ отъ башкирскихъ старшинъ къ Румянцеву, говорилось, что имъ присланы были указы идти на оренбургскую службу; не зная подлинно, какъ ѣхать, собрались они всѣмъ міромъ и поѣхали на мѣсто, гдѣ дѣдамъ и отцамъ ихъ указы объявлялись, и послали въ Уфу освѣдомиться о подлинномъ указѣ; въ какой силѣ они на службу наряжаются. Но Тевкелевъ одного изъ ихъ посланныхъ убилъ, другаго высѣкъ, двоихъ подъ карауломъ держалъ; кромѣ того худымъ людямъ указъ далъ ловить и приводить въ Уфу лучшихъ людей, которые были въ собраніи. Узнавъ объ этомъ, лучшіе люди заплакали, что жизнь ихъ кончилась, и отъ такой неволи забунтовали; и съ Иваномъ Кирилловичемъ ссорились отъ него жъ Тевкелева. «Не повелите ль, писалъ Румянцевъ императрицѣ, до удобнѣйшаго времени такъ ихъ нынѣ въ тишинѣ оставить, ибо народъ грубый и вскорѣ такъ къ вѣрному подданству и къ накладу на нихъ податей безъ всякаго ихъ возмущенія никакъ привести невозможно; а надобно время до времени почаще старшинъ ихъ призывать, и потомъ, когда какое намѣреніе вашего величества будетъ, уготоваясь совсѣмъ заблаговременно, какъ вездѣ довольные магазины устроить, такъ и здѣшніе пригородки, для убѣжища людямъ, укрѣпить, тогда ихъ всѣхъ знатныхъ задержать и уже силою оружія къ тому приводить.»

Главный командиръ Румянцевъ былъ несогласенъ съ мнѣніемъ Кириллова; Татищевъ, въ своихъ письмахъ къ Румянцеву, вну-

шаль ему недовѣріе къ планамъ оренбургскаго основателя, открывшаго Новую Россію. 30 октября Татищевъ писалъ Румянцеву изъ *Катеринска*: «Господинъ статскій совѣтникъ обнадеживаетъ меня тѣмъ, что нынѣ въ Оренбургѣ заводъ серебряный, а на Самарѣ мѣдный заводить намѣренъ и требуетъ къ строенію оныхъ ремесленниковъ. И хотя къ тому я великую охоту имѣю, но паче же должность моя, что то болѣе положено на меня, однакожъ мнѣ оное весьма удивительно, ибо хотя бѣ все было спокойно, но заводъ не прежде строить, какъ все къ тому нужныя обстоятельства согласовать будутъ, и суща: 1) чтобъ рудъ было довольно, но того весьма нѣтъ, а по верховнымъ вѣрить нельзя, ибо сверху покажется, да въ глыбъ ничего; 2) чтобъ руды плавки достойны были; но изъ присланныхъ пробъ видимъ, что ни единой достойной нѣтъ; ежели же ко мнѣ недостойныя присланы, а лучшія оставлены, то я причины не разумѣю; 3) надобно, чтобъ лѣсовъ было довольно; но къ намъ писалъ нашъ посланный надзиратель, и полковникъ Тевкелевъ сказывалъ, что лѣсовъ тамъ весьма недовольно, и потому я въ такое сумнительное дѣло вступать не смѣю, но хочу ожидать, какъ ваше прев—ство довольно обстоятельства разсмотрите и меня увѣдомите.»

Императрица одобрила мнѣніе Румянцева, чтобы пока довольствоваться настоящимъ положеніемъ дѣлъ между Башкирцами; но приказала, чтобъ Кирилловъ пріѣхалъ изъ Уфы въ Мензелинскъ къ Румянцеву для совѣщанія о мѣрахъ окончательнаго успокоенія Башкирцевъ. Въ декабрѣ 1735 года Румянцевъ и Кирилловъ работали (т.-е. Кирилловъ написалъ, а Румянцевъ подписалъ) такое разсужденіе: 1) между Башкирцами старинные тарханы никакого ясаку не платятъ, должны служить, но служатъ они своему воровству, а не по указамъ, и потому этотъ ихъ чинъ впередъ не надобенъ; остальные Башкирцы платятъ ясакъ самый малый; 2) Мещеряки, служилые Татары по указамъ изъ другихъ городовъ накликаны и опредѣлены служить по Уфѣ, но собственными землями не надѣлены, принуждены жить на башкирскихъ и давать Башкирцамъ подать, почему пошли было въ крестьянство къ Башкирцамъ; но по пріѣздѣ Кириллова и Тевкелева они отъ башкирскаго послушанія отвращены и въ нынѣшнемъ башкирскомъ воровствѣ служили вѣрно; ихъ тысячъ съ пять способныхъ къ службѣ. 3) Тентери и бобыли—изъ разныхъ

уѣздовъ бѣгле Татари, Чуваши, Черемисы, Вотяки: Башкирцы отдаютъ имъ въ наймы свои земли и владѣютъ ими какъ крестьянами. 4) Новокрещенные ясачные, число ихъ малое — дворовъ съ 300, равнаго состоянія съ Тентерями и бобылями, и хотя презираемы въ наставленіи истиннаго благочестія, однако весьма въ службѣ вѣрны и за то разорены теперь ворами. Причина нынѣшней продерзости Башкирцевъ — это послабленіе ихъ прежнимъ своевольствамъ и воровствамъ, и потому впредь надобно: находящіеся здѣсь полки въ надлежащее состояніе привести; магазины наполнить провіантомъ, основать Оренбургъ и другія назначенныя крѣпости; Мещерякамъ, за ихъ вѣрность и службу, отдать въ вѣчное и безоборочное владѣніе тѣ земли, которыя они занимаютъ у Башкирцевъ; съ Тентерями и бобылями старыми поступать точно такимъ же образомъ; замѣшаннымъ въ воровствѣ заврѣтитъ носить ружья и по домамъ имѣть; въ уѣздѣ кузнецовъ и кузницъ не имѣть, изъ городовъ кузнецовъ и насѣкальщиковъ въ уѣздѣ не отпускатъ; пусть покупаютъ все пужное въ городахъ; пойманныхъ на воровствѣ и въ бунтѣ и повинившихся казнить или въ ссылку сослать, а не освобождать, ибо къ будущимъ воровствамъ первая надежда, что не только не пойманныхъ прощаютъ, но изъ тюремъ освобождаютъ; а пущихъ заводчиковъ, хотя они и прощеніе получили, по причинамъ частныхъ дѣлъ, одного за другимъ забрать и жестокою казнію казнить; внутри башкирскихъ земель построить городки; каждая волость должна имѣть у себя выборныхъ старшинъ, двухъ или трехъ, на которыхъ можно было бы взыскать всякое преступленіе или несправу; а теперь у нихъ всякъ большой, и указы нишуть обще: тарханамъ, батырямъ и всѣмъ Башкирцамъ; также запретить сборища дѣлать, оставить обыкновенный старинный мірекой сборъ въ семикъ у рѣчки Чесноковки: въ это время пусть совѣтуются о мірскихъ нуждахъ, письменно доносятъ и быють челомъ, а не такъ, какъ прежде бывало: собравшись поутру, воеводѣ, приказныхъ людей и толмачей на письмѣ бранивали ворами, грабителями, разорителями, а какъ эти воры ихъ одарятъ, скота на зарѣзъ и пошла прищлютъ, то пьяные къ вечеру похвальное письмо напишутъ и въ ночь разѣдутся по домамъ; горланы съ такихъ сборищъ деньгами, кафтанамъ и сукнами рублей по 30 и больше сваживали. Такъ какъ есть явное подозрѣніе на магометанское

духовенство, то оставить по одному ахуну на дорогу, а взять съ нихъ присягу, чтобъ о всякихъ дурныхъ поступкахъ объявляли и изъ другихъ вѣрѣ въ свой законъ не приводили, безъ указовъ мечетей и школъ вновь не строили, и если ахунъ умретъ, то новаго опредѣлять правительству, смотря по вѣрности, а не самимъ Башкирцамъ ставить. Башкирцы, разбогатѣвъ, завели свойство съ казанскими, слободскими и уѣздными Татарами, и этимъ способомъ во всякомъ дѣлѣ, что бѣ въ Казани ни началось, Башкирцамъ уже давно дано знать: надобно запретить въ свойство вступать безъ позволенія казанскаго губернатора и при позволеніи наложить подать съ свадьбы лошадыми. Снять запрещеніе покупать у Башкирцевъ земли и угодыя, чтобъ мѣшались съ посторонними. Мѣры эти касаются не настоящаго только, но будущаго времени: Башкирцы опасны не настоящею своею силою, но будущимъ размноженіемъ отъ многоженства и приплыва бѣглецовъ; еслибы противодѣйствовать этому размноженію безъ случая мятежа, то все бы взбунтовалось; а теперь легко начать съ открывшихся воровъ; когда они будутъ прибраны къ рукамъ, тогда остатки легче укротить и такъ въ мутной водѣ обуздать, какъ встарину по Волгѣ Черемисъ и Мордву. Если же упустить нынѣшнее удобное время и не взять предосторожности, то впередъ надобно опасаться большаго зла, особенно въ случаѣ войны съ единовѣрными имъ Турками, или если между ними явится умный воръ, какъ былъ Стенька Разинъ. Еслибъ даже и этого не случилось, то русское безславіе во всю полуденную Азію пойдетъ, потому что тамъ разглашаютъ они себя не подданными, но независимыми, защищая подъ своимъ именемъ принятыхъ бѣглецовъ. Когда же Башкирцы будутъ усмирены, то все новоподданные и желающіе принять подданство, такіе же вѣтреные народы, не посмѣютъ впредь своевольничать или, по крайней мѣрѣ, не будутъ въ примѣръ ставить башкирскую вольность. Но для усмиренія Башкирцевъ необходимъ Оренбургъ, который находится позади башкирскаго жилия и которымъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему мѣстечками, Башкирцы будутъ огорожены какъ стѣною.

Кирилловъ отправился съ этимъ мнѣніемъ въ Петербургъ, гдѣ въ началѣ 1736 года узнали, что Башкирцы ногайской и казанской дорогъ опять начали бунтовать и не пропустили къ Орен-

бургу обоза съ провіантомъ. Кирилловъ воспользовался случаемъ и подалъ императрицѣ мнѣніе: не соизволено ль будетъ воровъ Башкирцевъ отъ сибирской и казанской стороны утѣснять, разоряя сплошь, а у тѣхъ, которые къ воровству не приставали, взять въ города аманатовъ, сыновей и братьевъ знатныхъ людей, а не такихъ наемниковъ, которые въ прошлыхъ годахъ были; теперь самое удобное время дѣйствовать противъ Башкирцевъ — мартъ и апрѣль мѣсяцы: сами они голодны и лошади худы. Мнѣніе было принято, и авторъ его былъ опять отправленъ наскоро въ Уфу; Румянцевъ получилъ указъ немедленно идти изъ Казани въ башкирскія жилища, воровъ всякими мѣрами искоренять, жилища ихъ разорять, пущихъ заводчиковъ казнить смертію, прочихъ съ женами и дѣтьми ссылатъ въ ссылку, годныхъ въ службу въ остзейскія полки и во флотъ, негодныхъ въ работу въ Рогервикъ, малолѣтнихъ и женщинъ раздать въ русскихъ городахъ, кто взять пожелаетъ, съ тѣмъ, чтобъ назадъ на свободу отнюдь не отпускали, пожитки и хлѣбъ отбирать на войско и въ магазины, лошадей отсылать въ драгунскіе полки. Въ половинѣ марта Румянцевъ донесъ, что хотя около Уфы, также на сибирской и осинской дорогахъ и есть башкирскія замѣшанія, однако на обѣихъ этихъ дорогахъ уже болѣе двухъ тысячъ воровъ искоренено и нѣсколько десятковъ деревень разорено. 3 апрѣля Румянцевъ двинулся къ рѣкѣ Демѣ въ самыя воровскія жилища; тогда заводчики бунта, отпустя семейства свои въ демскія вершины, сами явились къ нему въ числѣ 19 человекъ, въ надеждѣ, что опять получатъ прощеніе; но Румянцевъ взялъ ихъ всѣхъ подъ караулъ и шель далѣе воровскими жилищами до самой крайней деревни вверхъ по рѣкѣ Демѣ; воровскія собранія не оказывали нигдѣ нималѣйшаго сопротивленія и бѣжали передъ русскимъ войскомъ; около тысячи воровъ обоого пола было побито, около ста деревень выжжено. Кирилловъ писалъ, что 24 марта вышелъ онъ на ногайскую дорогу, и воровъ Башкирцевъ разными партіями какъ скоть гнали. По рѣкамъ Бѣлой, Уршаку, Кѣгушу, Тору, Селеуку, гдѣ было самое воровское гнѣздо, сожжено около 200 деревень, въ которыхъ около 4000 дворовъ; разорена и первая во всей ордѣ мечеть Азіева, въ которой во всѣ бунты Башкирцы совѣщались о возстаніи и коранъ цѣловали; казнено 158 человекъ, побито обоого пола около 700, жи-

выхъ взято 160, да роздано въ Уфѣ 85, въ *Остзею* въ службу послано 99; такъ какъ сильное разореніе произведено самимъ Румянцевымъ по рѣкѣ Демѣ, полковниками Мартаковымъ и Тевкелевымъ на осинской и сибирской дорогахъ, изъ Сибири тамошними командами подъ управленіемъ Татищева, такъ какъ уже пропало воровъ около 4000, то такой погромъ, по словамъ Кириллова, привелъ къ тому, что воры не знали куда скрыться, ибо съ самаго начала подданства ни за которые бунты никогда такой казни и разоренія не видали. «По сему началу несумѣнная надежда есть, что сіи плуты въ совершенное подданство приведены будутъ.» Въ маѣ майоръ Останковъ поразилъ воровъ отъ Сакмарска по ногайской дорогѣ. Несмотря на то, плуты не были еще приведены въ совершенное подданство. Румянцевъ донесъ изъ лагеря, неподалеку отъ Мензелинска, что 29 іюня воръ Килмякъ-Абызь изъ-за рѣки Бѣлой, собравши Башкирцевъ ногайской и сибирской дорогъ тысячь съ семь или больше, нечаянно напалъ на его лагерь къ самому фрунту, зная, что у него команда не очень людна и то вся бывала въ «раскомандрованіи;» ворами хотѣлось Румянцева убить или взять въ плѣнъ и освободить всѣхъ своихъ аманатовъ и плѣнныхъ; но этого имъ не удалось; несмотря на сильный натискъ Башкирцевъ, при чемъ Русскіе потеряли около 150 драгунъ убитыми и ранеными, воры побѣжали, какъ только завидѣли пѣхоту, оставивъ чловѣкъ двѣсти на полѣ сраженія. По эта проигранная битва не отняла духа у Башкирцевъ Килмяковой толпы; они стали возмущать Башкирцевъ казанской и ногайской дорогъ, пожгли и разорили много деревень, которыя къ нимъ не приставали, и въ вѣрности осталось очень немного деревень, именно только тѣ, которыя находились въ лѣсахъ и засѣкахъ. «Теперь вся эта сторона въ великомъ смятеніи, писалъ Румянцевъ, и почти всѣ пристали къ ворами, даже до самаго казанскаго уѣзда. За скорою ѣздой воровъ нашимъ гонять за ними никакъ нельзя; гдѣ сойдутся, Башкирцы ни мало не стоятъ, а нашимъ гнать за ними за худобою лошадей и за отягченіемъ провіанта нельзя; въ лѣтнее время регулярнымъ войскамъ справиться съ ворами никакъ невозможно, и нерегулярныхъ при мнѣ самарскихъ козаковъ только 200 чловѣкъ, а яицкіе и до сихъ поръ не бывали; нельзя ли Калмыковъ сюда отправить хотя малое число. Башкирцы вынѣ

всѣ подозрительны явились, ибо отцы у меня содержатся, а дѣти къ ворами пристали.» Къ Калмыкамъ отправлена была грамота, чтобъ шли на Башкирцевъ; къ Миниху указъ, чтобъ отправилъ въ Башкирію два драгунскихъ полка, «понеже интересъ нашъ всемірно требуетъ, чтобъ чрезъ нынѣшнюю зиму тѣхъ бунтовщиковъ усмирить и сіе замѣшаніе къ вѣщшему расширенію не допускать.» Кирилловъ продолжалъ присылать утѣшительныя донесенія, при чемъ явно намекалъ на оплошность Румянцева. Отъ 13 августа онъ писалъ: «Объ искорененіи воровъ Башкирцевъ стараніе прилагаю, и многое число главныхъ плутовъ уже въ разныхъ мѣстахъ пропало, а прочіе бѣгами животь своей спасаютъ; и хотя въ іюнь и іюль воровскимъ обычаемъ наглости отъ нихъ были и еще можетъ быть произойдутъ въ такихъ мѣстахъ, *идь оплошныя найдутъ*: однако къ тому пришли, что сей бунтъ подлинно послѣднимъ останется, и уже сибирская дорога вся и по ногайской многіе въ совершенное подданство приведены, и остальные, если будутъ продолжать воровство, съ голоду и холоду зимою пропадать стануть; лошади и скоть во многихъ мѣстахъ выпали, и теперь еще надежъ не утихъ. Что же до строенія городковъ надлежить, и въ томъ не на одно сіе время, но вѣчный интересъ зависить, и слава побѣдоноснаго оружія вашего величества купно со отвореніемъ полезной коммерціи во всю полуденную Азію распространится, ибо въ самыхъ пустыхъ и досель неизвѣстныхъ или брошенныхъ мѣстахъ нѣсколько новыхъ провинцій подъ державу вашего величества прибудеть съ такимъ подземнымъ плодомъ, о которомъ многіе еще не вѣрятъ; и къ тому страждущее въ бесурманскихъ рукахъ христіанство (т. е. въ Хивѣ, Бухарахъ, Болхѣ, Бодокшанѣ и иныхъ) свободу получить и впредь туда изъ крайнихъ русскихъ селеній никакъ зайцкимъ Татарамъ воровскими набѣгами въ полонъ брать или красть будетъ нельзя. Опрічь внутреннихъ въ Башкирахъ городовъ, позади всего ихъ жалья, зачиная отъ Волги до Сибири и отъ Оренбурга до Аральскаго моря быть имѣетъ 45. Старанія прилагать буду, дабы дѣйствительно оныя населить и на Аральскомъ морѣ російскій флагъ объявить, а работниковъ съ государства къ работѣ оныхъ городковъ требовать не буду. Кайсацкія три орды состоятъ въ подданствѣ и присылали ко мнѣ съ тѣмъ, что они вѣрность свою и службу желаютъ показать надъ ворами Башкирцами. Понеже

въ томъ вашего величества высокій интересъ зависить, дабы сія народы всегда въ несогласіи были, позволилъ въ отмщеніе своихъ прежнихъ обидъ поискъ учинить надъ дальними сибирской и ногайской дорогъ Башкирцами. А ко всегдашнему смотрѣнію на поступки тѣхъ ордь намѣренъ опредѣлить въ каждую орду человѣка по два и быть при ханахъ и лучшихъ старшинахъ, конхъ людей изъ ссылочныхъ выберу, потому что хотя изъ нихъ въ какомъ-либо случаѣ пропадетъ—тужить не о комъ; а можетъ быть, заслуживая вины свои, прилежнѣе стануть наблюдать.» Въ сентябрѣ Кирилловъ писалъ, что нѣсколько новыхъ городковъ населилъ охочими козаками, Татарами и Калмыками: «И тако безъ всякой помѣхи и безъ государственныхъ работниковъ зачало живой линіи воспослѣдовало; ни одного мѣста нѣтъ съ недостаткомъ къ житію человѣческому: земля черная, лѣса, дуга, рыбныя, звѣриныя ловли довольныя.» Относительно Башкирцевъ писалъ: «У сихъ воровъ не такъ, какъ у другихъ ордь, никого главнаго владѣльца нѣтъ; но, подобно волжскимъ разбойникамъ, гдѣ увидать оплошно, тутъ добычи ищутъ; ежели бь они столько сильны были, какъ объ нихъ за незнаіемъ разсуждаютъ, то какъ бы я со 100 драгунъ и нѣсколько стами козакъ безъ нападенія на меня сквозь самой середины жилия пройти могъ?» Въ то же время Кирилловъ писалъ Бирону, подписываясь «вѣчнымъ рабомъ» и просилъ не оставить его бѣднаго въ здѣшнемъ странствованіи; писалъ о своей дѣятельности, что нигдѣ десяти дней на одномъ мѣстѣ не живетъ; жаловался, что отовсюду затрудняютъ его пустыми указами: «навѣщаютъ отовсюду указами, и такими, что жаль листа бумаги на отвѣты терять, только у меня время удерживаютъ; хотя бь дали мало основаться и къ порядку привести: тогда могъ бы на пустыя требованія пустыя и отвѣты на гулины писать.»

Румянцевъ былъ перемѣщенъ въ Украину, и отправленный на его мѣсто бригадиръ Хрущовъ въ концѣ октября 1736 года доносилъ, что отовсюду Башкирцы являются съ повинною и присягаютъ; заводчиковъ бунта задерживали подъ карауломъ въ видѣ аманатовъ. По донесенію Кириллова, Башкирцы принуждаемы были къ покорности голодомъ, холодомъ и нападеніями Киргизцовъ. Но изъ Петербурга полученъ былъ указъ, что «хотя при нынѣшней турецкой войнѣ въ войскѣ не безъ нужды, однако не меньше

нужно и то, чтобъ здѣшній домашній внутренній огонь былъ потушенъ какъ можно скорѣй, и потушенъ такимъ образомъ, чтобъ впередъ не опасаться новыхъ смуть,» и потому они должны сдѣлать общее представленіе о средствахъ для этого. На основаніи этого указа, Хрущовъ и Кирилловъ доносили, что войска распредѣлены ими на пять командъ, такъ чтобы въ будущемъ апрѣлѣ можно было окружить ими Башкирцевъ со всѣхъ сторонъ, главныхъ заводчиковъ и товарищей ихъ до сихъ поръ непойманныхъ искоренить, остальныхъ же привести въ полное подданство. Башкирцевъ двухъ ближнихъ дорогъ, казанской и осинской, кажется, опасаться нечего; относительно же сибирской стороны писалъ онъ къ Татищеву, который «въ началѣ втораго бунта поступалъ очень осмотрительно, и самъ, вступя къ Башкирцамъ въ малолѣдствѣ, почти съ одними крестьянами, привелъ бунтовщиковъ въ повиновеніе и два городка въ удобныхъ мѣстахъ построилъ, почему на него и впредь насчетъ тамошняго отдаленнаго края надежда имѣется» ²⁶².

Въ началѣ 1737 года Кирилловъ, Хрущовъ и Татищевъ получили изъ кабинета секретные указы, что Румянцевъ доносилъ (а Румянцеву внушилъ эту мысль Татищевъ)—когда Башкирцы будутъ успокоены, то для уменьшенія ихъ числа и приведенія въ слабость надобно взять у нихъ тысячи двѣ или три лучшихъ и вооруженныхъ людей подъ предлогомъ турецкой войны; теперь наступило удобное для этого время, но кабинетъ полагается совершенно на Татищева, Кириллова и Хрущова: если они думаютъ, что время еще неудобно, то пусть не трогаютъ Башкирцевъ. Но въ то же время Хрущовъ былъ назначенъ въ украинскую армію, его мѣсто занялъ генераль-майоръ Соймоновъ, которому, какъ предвидѣлось, не могло быть много дѣла; составлены были такія извѣстія для напечатанія въ курантахъ: «Изъ Башкиръ получены подтвердительныя вѣдомости, что тамошняя коммиссія къ окончанію приходитъ. Которые главные бунтовщики подлый народъ возмутили, тѣ переловлены, а имянно: Килмякъ-Абызь, Акай Кусюмовъ съ сыномъ, Умиръ Тахтаровъ, Сабанъ, Юсуфъ и другіе многіе, коимъ вскорѣ слѣдствіе окончится, а прочихъ уже нѣсколько сотъ въ разныхъ мѣстахъ перекажнено; также не малое число въ Казань для отводу въ Остзею—однихъ въ службу, а другихъ въ работу въ Рогервикъ послано, женска

полу и малыхъ робятъ нѣсколько тысячъ къ вывозу въ русскія города розданы, и не допущены были къ жатвѣ сѣянаго и къ сѣву новаго хлѣба, деревни воровскія всѣ разорены, и такъ тѣмъ успокоено, что, оставя прежнія своевольности, приняли вѣчную присягу, и такимъ образомъ повинуюся, новое учрежденіе сами испросили къ лучшему въ порядкѣ сего почти дикаго народа содержанію, во всякой волости старшинъ (т.-е. русскихъ старость), сотниковъ и во всякой деревнѣ десятскихъ опредѣлили, провіантъ и фуражъ на войско безденежно даютъ; съ нихъ же нѣсколько тысячъ лошадей собрано, чего никогда не бывало. И по тѣмъ спокойнымъ и прибыточнымъ государству обстоятельствамъ нынѣ обрѣтаются въ Башкирахъ тамошніе гварнизонные и ландмилицкіе полки, которые не праздно стоятъ, но Уфу и другіе новые города и городки крѣпостною работою оканчивать имѣютъ. Также чрезъ сей случай бытъя въ Башкирахъ множество осмотрѣно разныхъ рудъ и минераловъ, для которыхъ первый заводъ мѣдный и желѣзный при новомъ городѣ Табынскѣ, другой на Икѣ рѣкѣ строятся. *Изъ Оренбурга:* Здѣсь все благополучно и прошлаго лѣта зачали изъ кайсацкихъ ордъ и изъ Ташкента пріѣзжать для торгу.»

Въ это благополучное время, 14 апрѣля, умеръ строитель Оренбурга, Кирилловъ, и доканчивать его дѣло поручено было Татищеву. Въ рескриптѣ ему отъ 10 мая говорилось: «Мы на ваше вѣрное радѣніе и доброе искусство всемілостивѣйше полагаемъся, и что вы въ оной комиссіи тщательнѣйшіе свои труды прилагать не оставите, за что вы и о нашей къ вамъ высочайшей милости и дѣйствительномъ награжденіи всегда обнадежены быть можете, яко же и нынѣ въ знакъ того васъ въ наши тайные совѣтники жалуемъ.» Татищеву между прочимъ поручалось, чтобъ установленная съ Хивинцами торговля всячески усиливалась и чтобъ Киргизъ-Кайсаки были приласканы и отъ всякихъ противныхъ предпріятіи удержаны. 23 іюня Татищевъ написалъ кабинетъ-министрамъ—Остерману и Черкасскому: «Съ крайнимъ моимъ прилежаніемъ трудяся, заводы совсѣмъ опредѣлить не возмогъ, чему и болѣзнь мнѣ не мало превредила; видя же, что и такъ надмѣрно умедлилъ, опасаясь за умедленіе ея и. в—ства гнѣва, не смотря на мою болѣзнь, на носилкахъ поѣхалъ до пристани, а докончаніе заводское поручилъ совѣтнику г. Хрущову, чтобъ со-

чиняя ко мнѣ присылалъ, и надѣюсь въ мѣсяцъ все оное окончится, ибо главные заводы окончили, по которому прочихъ сочинить уже не трудно. При семь же всепокорно нижайше прошу вашего сіятельства, чтобъ благоволили о заводахъ опредѣлить указомъ, вѣдать ли мнѣ оныя или оставить и болѣе не вступаться.» Башкирцы все еще поднимались въ разныхъ мѣстахъ, и, пріѣхавши въ Мензелинскъ, Татищевъ держалъ совѣтъ съ Соймоновымъ, съ уфимскимъ воеводою Шемякинымъ и полковниками о мѣрахъ къ окончательному потушенію мятежа. При этихъ обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ Татищевъ первенствовалъ не по чину только, но по уму и опытности. Въ іюлѣ Татищевъ уже писалъ Остерману и Черкасскому о не порядкахъ: «Что я къ прежнимъ командирамъ писалъ и что здѣсь дѣлалось, то генераль-майоръ (Соймоновъ) не зналъ, а другіе запомнили. Слышу отъ многихъ, что великія пакости происходятъ, о чемъ и прежде къ статскому совѣтнику Шемякину по жалобамъ башкирскимъ на его канцелярію писалъ, и здѣсь на нѣкоторыхъ жаловались, а генераль-майоръ, какъ человекъ тихой, не довольно строго въ такихъ дѣлахъ поступаетъ, а паче что до него было, и не знаетъ. Такожъ полковникъ Бордукевичъ требовалъ денегъ на покупку подъ драгунъ команды его лошадей, и какъ я наединѣ о томъ съ офицеры разговаривалъ, то сказали, что онъ башкирскихъ лошадей, отбирая себѣ, продавалъ, и нынѣ де у него близъ 100, а нѣсколько сослано къ пріятелямъ въ деревни. При толкованіи пунктовъ Шемякинъ о воеводахъ не хотѣлъ подписаться, и спорилъ долго тѣмъ, что воеводы и подъячіе жалованья не имѣютъ и имъ брать не запрещено; но я дерзнулъ сказать, что я имѣю особый указъ, и если увѣдаю чьи не порядки, то и безъ его подписки буду поступать по указу. И генераль-майоръ ему говорилъ, чтобъ онъ, не входя въ подозрѣніе, конечно подписался. Хотя сіе все дѣлалъ я по ревности моеи къ пользѣ ея и в—ства, однакожъ опасаясь, чтобъ такою смѣлостью паче данной мнѣ власти не прогнѣвать ея и в—ство, всепокорно нижайше прошу, если противно явится, высокою вашею ко мнѣ милостию меня охранить и на лучшее наставить.»

Кромѣ совѣщаній въ большомъ числѣ членовъ, Татищевъ призналъ нужнымъ совѣтоваться о болѣе важныхъ мѣрахъ только съ Соймоновымъ, Шемякинымъ и полковникомъ Тевкелевымъ. Эти

мѣры онъ изложилъ въ секретномъ письмѣ къ Соймонову: 1) «О нарядѣ Башкирцовъ на службу. Мое мнѣніе: сей нарядъ весьма бы нуженъ и полезенъ былъ, еслибы съ весны объявленъ былъ, ибо тогда они не могли отговорки имѣть, да и главнѣйшіе воры тому не противное показывали; нынѣ же видится неудобно для того, что они возмнать, яко бы войска россійскія противъ Турокъ безсильны были, и тѣмъ могутъ паче въ воровствѣ укрѣпиться, или видя поздній нарядъ, возмнать противное. 2) О положеніи ихъ въ подушный окладъ: сіе нынѣ говорить весьма оставить, но быть довольными сборомъ ясака и за женитбы лошадей, которое близъ того придетъ; и впредь о подушномъ окладѣ скоро думать не надобно, но когда Исетская провинція и крѣпости отъ Сибири къ Оренбургу устроятся и имъ съ Кайсаками коммуникація перережется, тогда положить на нихъ ясакъ такой, чтобъ съ поголовнымъ мало разнствовалъ. 3) Воръ Майдаръ жалуется на старшинъ, яко бы вѣрные грабительствомъ своимъ новому смятенію причину дали, которое можетъ быть правда и потому разумію, что они воры, бывши въ великомъ собраніи, большаго вреда русскимъ деревнямъ не чиня, безъ всякаго отъ войскъ принужденія, разоря токмо Мещеряковъ и старшинъ, на которыхъ они наиболѣе жаловались, въ дома возвратились. Что до не порядковъ, происходящихъ отъ офицеровъ, принадлежитъ, при толкованіи онаго пункта нѣкоторые, чтобъ командирамъ до башкирскихъ пожитковъ не касаться, за тяжко поставляли, и правда, еслибы сіе съ регулярнымъ непріателемъ было; въ бунтовщикахъ же весьма иное состояніе, ибо многіе невинны находятся. Капитанъ Житковъ такимъ лакомствомъ великій вредъ сдѣлалъ тѣмъ, что изъ лакомства вѣрныхъ разорилъ и побилъ, котораго ея и. в—ство по суду велѣла казнить смертию. Здѣсь же майоръ Бронской такимъ же случаемъ великой вредъ сдѣлалъ, что, принесшихъ повинную и безоборонныхъ оступя, нѣсколько сотъ побилъ, и пожитки себѣ побралъ, который не токмо по указамъ и уставамъ не наказанъ, но и не сужденъ; а изъ того многіе, увидя, не токмо съ повинною не пошли, но и новый бунтъ воздвигнули, кольже паче извѣстно, что многіе командиры для такого лакомства, забывъ свою должность, мечутся за пожитками; другіе, по окончаніи дѣла, у драгунъ, козаковъ и вольницы взятые отъ воровъ пожитки обирали, и тѣмъ у оныхъ охоту отняли;

нѣкоторые же полковники, какъ слышу, вида въ полкахъ своихъ въ коняхъ недостатокъ, набравъ башкирскихъ лошадей, продавали и въ деревни сослали.» Наконецъ новый командиръ нашелъ, что старый сдѣлалъ важную ошибку, построилъ Оренбургъ на неудобномъ мѣстѣ: назначенное для большаго города мѣсто ежегодно понимается водою болѣе аршина; по Заяику надобно идти степью открытою 110 верстъ, и никогда безъ конвоя осмѣлиться нельзя, а по сую сторону Яика прошли великія горы, и объѣздъ не только дальній, но и чрезвычайно трудный. «Надобно городъ перенести, писалъ Татищевъ, пока еще многого не построено; кому это въ вину причесть, не знаю, ибо инженерные офицеры сказываютъ, что о неудобствахъ Кириллову представляли, да слушать не хотѣлъ, и офицера искуснаго въ городостроеніи нѣтъ.» Татищевъ обвинялъ также Кириллова, что при немъ канцелярскаго порядка, какъ уставъ повелѣваетъ, учинено не было, протокола и журнала порядочно не содѣлано, списковъ служителямъ съ ихъ окладами не учинено, и хотя подъячихъ было не мало, но всѣ набраны молодые и малоискусные, а къ тому и по вытей было не росписано, записокъ одного дѣла искать нужно по разнымъ мѣстамъ. Счеты весьма неправильны, потому что приходъ и расходъ былъ въ разныхъ рукахъ и весьма безпорядоченъ, чрезъ что учинились проронки, окладныхъ книгъ учинено не было, давано жалованье все по выпискамъ, и отъ того учинены передачи. Въ подрядѣ провіанта и провоза великія передачи,—изъ корысти или-изъ продерзости—неизвѣстно.» Но, будучи недоволенъ управленіемъ своего предшественника, Татищевъ былъ недоволенъ и настоящими отношеніями своими къ Соймонову: «Что усмиренія Башкирцевъ принадлежитъ, писалъ онъ въ декабрѣ 1737 года, то я сердечно онаго желаю и крайне прилежу, но какъ я власти и команды болѣе не имѣю, что надъ опредѣленными въ порученную мнѣ комиссію, а прочее все въ командѣ генераль-майора Соймонова, и мнѣ ему повелѣвать нельзя, да я гдѣ у него сколько людей и что ихъ къ тому намѣреніе — не вѣдаю, хотя я неоднократно репортомъ не яко командиръ, но токмо мнѣ для извѣстія требовалъ, но не получилъ, а безъ того мнѣ порядочно разсудить не можно. Онъ (Соймоновъ) человекъ доброй и служилъ довольно, но притомъ въ разсужденіи весьма медленъ и къ произвожденію холодноватъ, и для того можетъ

не все такъ дѣлается, какъ надобно, а мнѣ болѣе дѣлать нечего.»

Заведенный службою въ степь, Татищевъ долженъ былъ встрѣтиться съ знаменитымъ въ русской исторіи явленіемъ, съ козачествомъ, на которое, по своей любви къ строгому порядку и опредѣленности отношеній, взглянулъ сурово ²⁶³. Въ концѣ 1737 года, находясь въ Самарѣ, онъ подаль докладъ «о безпорядкахъ Яицкаго войска.» «Старшихъ у нихъ чрезвычайно много, и выбираются большею частію люди безграмотные. По моему, лучше имъ опредѣлить одного войсковаго атамана, двухъ есауловъ, одного писаря, а у тысячи козаковъ одного полковника или старшину; такъ какъ козаковъ съ захребетниками считаютъ отъ семи до десяти тысячъ человѣкъ, то старшинъ не можетъ быть болѣе семи. Въ кругъ ихъ приходитъ множество, гдѣ и при слушаніи указовъ безчинство, брани и крики бываютъ, и часто случается, что атаманъ унять не въ состояніи: не лучше ли исполнять указы въ избѣ, а не въ кругу, атаману съ есаулами и старшинами; если же случится войсковое важное дѣло, то призывать сотниковъ, а если будетъ дѣло о нарядѣ войска или какое скорое объявленіе, тогда созывать въ кругъ и десятниковъ, а всѣхъ не созывать, чрезъ что у нихъ чины будутъ въ большемъ почтеніи, а подлость въ страхѣ. Жалованье имъ небольшое, но и то, по причинѣ великихъ проѣздовъ, съ великою убавкою приходитъ, вмѣсто 3000 въ годъ достается по семи или осьми сотъ рублей. Наряды въ службу у нихъ безпорядочные: всегда нанимаютъ козаковъ договоромъ, при чемъ атаманъ и старшины нанимаютъ для своей корысти самыхъ бездѣльныхъ захребетниковъ, худоконныхъ и безоружныхъ: лучше раздѣлить ихъ на полки и наряду быть изъ сотенъ поочередн. Всего хуже то, что они никакого для суда закона и для правленія устава не имѣютъ, поступаютъ по своевольству, не разсуждая, что имъ полезно или вредно: по обычаю за бездѣльные дѣла казнятъ смертію, а важными пренебрегаютъ. Не соизволено ль будетъ главному командиру или губернатору, собравъ лучшихъ старшинъ, сочинить общій уставъ для донскихъ, яицкихъ, гребенскихъ и волжскихъ козаковъ; а такъ какъ для ихъ многихъ застарѣлыхъ вольностей всѣхъ неурядки вдругъ уничтожить и добрый нарядъ ввести не очень удобно, то новый уставъ сначала объявить отъ губернатора или генерала, чтобъ по волѣ ея величества всегда перемѣнить или

пополнить было можно.» Оканчиваетъ Татищевъ свой докладъ обычнымъ припѣвомъ: «Я усмотрѣлъ, что атаманъ и старшины грамотѣ не умѣютъ, законовъ знать не могутъ, и потому войсковою и другіе писаря что хотять, то пишутъ, отъ чего великіе безпорядки происходятъ: поэтому не соизволено ль будетъ повелѣть имъ учредить школы съ объявленіемъ, что впредь безграмотныхъ ни въ какія достоинства не производить.»

1738 годъ для Татищева начался очень непріятно: воровскіе Башкирцы разоряли деревни вѣрныхъ Башкирцевъ; а денегъ на жалованье войску и покупку провіанта Татищевъ не получалъ: «Я пришелъ въ крайнюю печаль, и вижу, что мнѣ изъ сего не иначе, какъ конечная погибель воспослѣдуетъ, понеже безъ денегъ, провіанта, нужной аммуниціи, припасовъ и безъ довольства людей выступить невозможно.» Съ другой стороны занимало его тяжелое слѣдственное дѣло о непорядкахъ уфимскаго воеводы Шемякина, который, пришедши однажды въ домъ къ Татищеву съ великимъ невѣжествомъ, хотѣлъ съ нимъ браниться, чтобъ имѣть причину отвести его отъ слѣдствія; но Татищевъ сдержался и спокойно велѣлъ ему уйти; тогда Шемякинъ объявилъ, что знаетъ за Татищевымъ важныя интересныя дѣла, и требовалъ, чтобъ для ихъ объявленія его отправили въ сенатъ или къ казанскому губернатору. «Я знаю за нимъ такія важныя дѣла, что или мнѣ, или ему голову отрубятъ.» Изъ Петербурга прислали указъ навѣдаться обстоятельно о турецкихъ посланцахъ къ Киргизъ-Кайсакамъ и бдительно смотрѣть за казанскими Татарами, всюду развѣзжавшими по торговымъ дѣламъ. Татищевъ отвѣчалъ, что посланцы всего удобнѣе могли проѣхать чрезъ Астрахань и Яикъ, а письмо легко переслать чрезъ казанскихъ и уфимскихъ Татаръ; Татищевъ давалъ знать, что на Яикѣ между козаками много не крещеныхъ Татаръ, которые на Донъ ѣздятъ съ торговыми и усмотрѣть за ними атаману нельзя, потому что правленіе ихъ безпорядочное и своевольное. Синодъ далъ знать въ кабинетъ о жалобѣ протопопа при оренбургской комиссіи и ректора Антипы Мартиніанова, котораго Татищевъ, въ Самарѣ, безъ объявленія вины, презрѣвъ власть св. синода, посадилъ съ утра на цѣпь, водилъ по улицѣ, какъ бы на показъ бывшимъ тогда въ Оренбургѣ киргизъ-кайсацкимъ посланцамъ, и, приведши въ канцелярію, держалъ на цѣпи до вечерень. Синодъ представлялъ

что Татищеву этого чинить весьма не надлежало и требовалъ сатисфакціи. Татищевъ по этому случаю писалъ императрицѣ: «На оное я никакого предъ вашимъ и. в—ствомъ извиненія принести не могу, но, признавъ меня виновна, предаюсь во всевластное вашего и. в—ства наказаніе, ибо я оное самъ признаю, что учинилъ противно, но при семь и обстоятельства того не ко оправданію моему, но токмо ко извѣстію всеподданнѣйше доношу. Какъ я весьма боленъ былъ, пришедъ ко мнѣ хозяинъ онаго протопопа, билъ челомъ, что протопопъ противо запрещенія велѣлъ баню въ домѣ его затопить, и зажегши оную, разломалъ, по которому я къ нему послалъ адъютанта и велѣлъ говорить, что онъ учинилъ непристойно, и чтобъ ту баню починилъ. На завтра пришедъ оный хозяинъ жаловался паки, что протопопъ жену его обидитъ непристойными словами и поступками, по которому я его протопопа призвавъ, пристойными словами представлялъ, чтобъ онъ велъ себя какъ его чести пристойно, вѣдая, что я такимъ продерзостямъ терпѣть не буду, при которомъ онъ жаловался на хозяина, яко бы его бранить непристойно, и потомъ оный протопопъ, пришедъ въ домъ свой, хозяйку оную билъ запоркою, которая ко мнѣ съ матерью прибѣжала разбитая, и сіе привело меня въ сердце, что я видя еже судить его некому, велѣлъ его призвать къ себѣ и покричавъ, велѣлъ посадить въ канцеляріи на цѣпь, доколѣ проспится, ибо было послѣ обѣда, и былъ держанъ часа два или три; но потомъ его свобода, хозяина отослалъ къ воеводѣ и велѣлъ за брань того протопопа достойно наказать; но чтобъ впредъ ту причину пресѣчь, велѣлъ его протопопа перевести на иной дворъ, по которомъ онъ протопопъ, пришедъ ко мнѣ, просилъ прощенія и чтобъ я въ синодѣ не доносилъ, и я для избѣжанія впредъ ему поношенія о жалобѣ хозяйкиной, не токмо въ синодѣ не доносилъ, но и въ канцеляріи записать не велѣлъ. Потомъ его неоднократно просилъ, чтобъ онъ ходилъ ко мнѣ чаще обѣдать, и всегда, когда придетъ, давалъ ему стулъ, съ котораго онъ невидимому содержалъ себя изрядно, и я его употребилъ себѣ въ духовника; но потомъ просилъ онъ меня, чтобъ я здѣшнимъ попамъ приходскимъ запретилъ къ офицерамъ и другимъ порученной мнѣ команды людямъ съ потребою ходить, въ которомъ я ему яко непристойномъ отказать, и сіе привело его на меня жадоваться; онъ же объявилъ

нѣсколько поповъ пришлыхъ съ собою, желающихъ служить при комиссіи и требоваль на нихъ затреть жалованья, но также изъ оныхъ нѣкоторые ни ставленныхъ, ни свидѣтельства о себѣ не имѣли и приняты безъ моего извѣстія, то я, ни словомъ его не оскорбя, велѣлъ тѣхъ поповъ допросить, и въ жалованьѣ отказать. Апрѣля 5 числа, пришедъ онъ протопопъ пьянъ въ избу хозяина своего, ударилъ капрала въ щеку, по которому казаки, не утерпя, довольно его протопопа побиили. Понеже оный протопопъ хотя и не часто пьянъ бываетъ, но когда напьется, то рѣдко безъ драки проходить, о чемъ здѣсь всемъ извѣстно, но за страхъ довольно того берегся, нынѣ же если дать волю, то опасно большаго между чужестранцы стыда; по артикулу же положено для смиренія отсылать ихъ къ духовному суду, но здѣсь никакого духовнаго суда въ близости нѣтъ, на что всеподданнѣйше прошу повелѣнія, какъ повелите въ такихъ случаяхъ съ ними впредь поступать.»

Наконецъ обнаружилась опасность и со стороны Киргизовъ. Воровъ-Башкирцы, вида, что не могутъ бороться съ Русскими собственными силами; обратились къ киргизскому хану Абуль-Хаиру, признавая его своимъ главою. Абуль-Хаиръ прельстился этою честію, женился на Башкиркѣ и началъ обнаруживать враждебныя намѣренія относительно Россіи. Въ концѣ апрѣля онъ привелъ съ собою къ Оренбургу немалое число воровъ-Башкирцевъ, по челобитью которыхъ забралъ много вѣрныхъ Башкирцевъ, правилъ на нихъ скоть и на себя заставлялъ платить штрафъ. Начальствовавшій въ Оренбургѣ, майоръ Останковъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ не судилъ по челобитью воровъ; но ханъ, вынувъ саблю, отвѣчалъ: «Городъ мой и для меня построенъ, а кто не послушаетъ, тому голову отрублю.» 9 мая Татищевъ писалъ императрицѣ: «О успокоеніи Башкирцевъ паче всякаго чаянія весь мой должный трудъ уничтожился, и они начали новыя нападенія чинить. Такъ какъ многіе ихъ старшины пишутъ, что все покорится, если штрафныхъ лошадей сложить, то я писалъ къ генералу Соймонову снабдить, что штрафъ снимется, если они пришлютъ знатныхъ людей и будутъ о томъ просить; а между тѣмъ нѣтъ способа силою ихъ къ покорности принудить. По посланному отъ меня ордеру, майоръ Останковъ бывшихъ при Абуль-Хаиръ-ханѣ изъ главныхъ воровскихъ стар-

швиъ Кусяпа да Ахмата-муллу, да посланныхъ отъ Абуль-Хаирь-хана въ Кайсаки четырехъ Башкирцевъ схватилъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, и хотя они показали, что Абуль-Хаирь не только ихъ не успокоилъ, но возмущалъ, штрафа платить не велѣлъ и сына своего въ Башкиріи ханомъ хотѣлъ сдѣлать: однако я, опасаясь, чтобъ онъ ханъ, осердясь или испугавшись, не отѣхалъ и больше пакости не сдѣлалъ, писалъ къ нему на-скоро, что будто бы майоръ тѣхъ старшинъ схватилъ безъ указа и обѣщалъ наказать виноватаго, а къ майору писалъ, чтобъ ихъ крѣпко содержалъ и хана болѣе прежняго довольствовалъ. Хотя Абулхаирь-ханъ свою присягу нарушилъ, однако я, взирая на глупую ихъ дикость, и опасаясь, чтобъ другихъ ихъ салтановъ и хановъ жестокостію не отстращать, намѣренъ съ нимъ ласково обойтись, и о погрѣшностяхъ его разговоромъ выговорить. Хотя я, не взирая на великіе во всемъ недостатки и будучи боленъ, крайне прилежу, чтобъ скорѣе въ походъ выступить и симъ воровъ къ покорности принудить, но большое препятствіе въ томъ, что офицеровъ и рядовыхъ очень много больныхъ, чему причиною воздухъ и здѣшнія сѣрныя воды.»

На всѣ эти донесенія Татищевъ получилъ грозный указъ: «Мы съ великимъ удивленіемъ и неудовольствіемъ усмотрѣли, коимъ образомъ отъ бунтующихъ Башкирцевъ новыя замѣшанія начались, а наипаче, что и ханъ Абулхаирь съ ними соединился и имѣютъ злое намѣреніе атаковать Оренбургъ, чего мы никогда не надѣялись, ибо вы въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ имянно обнадеживали весь башкирскій народъ добрымъ способомъ въ усмиреніе и должное покореніе привести, и что уже многіе съ повинными приходятъ и штрафныхъ лошадей приводятъ. Башкирцевъ въ такое своевольство привело, и Абулхаирь-ханъ къ ихъ сторонѣ сталъ быть преклоненъ оттого, что какъ вы, такъ и генераль-майоръ Соймоновъ въ удобное время, когда еще у Башкирцевъ лошади были не накормлены, нималога поиску надъ ними не учинили, и такимъ своимъ мешканіемъ дали имъ поводъ новыя безпокойства заводить. Что же доносите, якобы вашъ походъ остановился за неприсылкою денегъ, то когда провіантъ и ружья есть, то хотя бъ въ прочемъ и недостатокъ былъ, за тѣмъ останавливаться и времени терять не надлежало; а вамъ извѣстно, какой важности сіе дѣло есть. Симъ нашимъ указомъ

вамъ наискрѣпчайше подтверждаемъ, что всемѣрно надлежитъ вамъ со всею своею командою къ Оренбургу поспѣшать безъ всякаго отлагательства, а ежели надъ онымъ городомъ учинится гибель или людемъ буронъ, то особливо вы въ томъ предъ нами дадите отвѣтъ, ибо мы оную крѣпость отнюдь потерять не хотимъ.»

Татищевъ поспѣшилъ походомъ, засталъ въ Оренбургѣ все благополучно, свидѣлся съ Абуль-Хаиромъ, заставилъ его подтвердить свое подданство Россіи, хотя ханъ долго не соглашался подписываться рабомъ. Абуль-Хаиръ говорилъ: «Человѣкъ живеть въ свѣтѣ и дѣтми память о себѣ оставляетъ, но сія память и скоту равна есть, а честь пріобрѣтенная человѣку во вѣки не умираетъ, и я тѣмъ нынѣ наиболѣе долженъ радоваться, что мое имя въ такъ великомъ и славномъ государствѣ извѣстно.» Татищевъ сказалъ на это: «Не только у насъ, но и во всей Европѣ будетъ извѣстно, потому что у насъ такія дѣла напечатываютъ и всюду разошлютъ.» Киргизы подрались за подарки, данные имъ Татищевымъ. Абуль-Хаиръ сказалъ при этомъ: «Пожалуй не осуди, что этотъ дикій народъ такъ безчиненъ, а мнѣ очень пріятно, что они теперь тѣмъ хвастаютъ, чему прежде смѣялись и ругались.» Татищевъ писалъ кабинетъ-министрамъ: «Сей народъ столько глупъ, что безъ стыда просить и за столомъ наставленные конфеты собирая, въ платки вяжутъ, а тарелки, ложки, ножи серебряные класть предъ ними нельзя, и хотя нѣкоторые изъ знатныхъ тутъ ихъ бранять, но мало помогаетъ; да и ханъ, которому я быковъ, барановъ, крупъ и прочаго посылалъ, не постыдился все это прислать продавать и у меня опять просить, и я принужденъ вареное жареное мясо ежедневно посылать. Ханъ, повидимому, великое усердіе и покорность имѣеть, ибо его въ томъ польза, но очень непостояненъ, его же мало и слушаютъ, а болѣе всѣхъ силы имѣють Средней орды Жанибекъ-батырь да Чурекъ, а въ Меньшой Букей-бай-батырь, которыхъ я, какъ казеннымъ, такъ и моимъ довольно одаря, отпустилъ. По прибытіи моемъ, здѣшнюю крѣпость нашель я въ ужасномъ состояніи: оплетена была хворостомъ и ровъ полтора аршина ширины, а сажень на 50 и рва не было, такъ что зимою волки въ городѣ лошадей поѣдали. Нынѣ, сколько время допустило, поправилъ, ровъ выкопалъ 3 аршинъ ширины, 3 глубины и едва не весь валь снаружи дерномъ закладъ; только съ сожалѣніемъ вижу, какъ у насъ нижевер-

вые офицеры въ практикѣ искусства и разсужденія не имѣютъ. Въ заключеніе принужденъ донести, что денегъ при комиссіи ничего нѣтъ, и солдаты безъ жалованья цѣлый годъ претерпѣваютъ крайнюю нужду, также провіантскимъ подрядчикамъ заплатить нечѣмъ.»

Въ концѣ августа Татищевъ отправилъ съ купеческимъ караваномъ поручика Миллера въ Ташкентъ, давши ему наказъ вытребовать безошлинную для русскихъ купцовъ торговлю и постараться съѣздить въ бухарскіе города. За купцами строго смотрѣть, чтобъ жили смирно, съ тамошними купцами правильно и порядочно поступали и никакихъ обмановъ не употребляли. По дорогѣ, рѣки, озера, горы примѣчать и записывать съ разстояніемъ, особливо когда будетъ на Сырь-Дарьи. Въ Ташкентѣ развѣдывать о состояніи, силѣ и власти хана, о силѣ, власти и порядкахъ магистрата; смотрѣть, какіе товары русскіе и въ какомъ количествѣ тамъ могутъ быть проданы, какіе товары намъ нужны у нихъ есть или сдѣланы быть могутъ, сколько въ годъ золота получить можно и дорогихъ камней. Русскимъ купцамъ имѣть крѣпкое согласіе и поодиначкѣ не торговаться, но съ согласія всѣхъ. Старательно навѣдываться о русскихъ плѣнныхъ и требовать отъ хана ихъ освобожденія; когда не согласится, то выкупать, если не очень дорого будутъ просить. Если узнается о золотой или серебряной рудѣ, то достать нѣсколько фунтовъ, и мѣсто, гдѣ находится, записать. Между прочими товарами стараться купить бумаги хлопчатой тонкой пряденой пудъ 10, особливо, если можно, крашеной разныхъ цвѣтовъ, только бы крашенце было не липнучее и навѣдаться, гдѣ у нихъ лучше всего прядутъ и красятъ. Говорить тамошнимъ купцамъ, чтобъ привозили шерсти верблюжей хотя по 500 пудовъ, особливо бѣлой, также бумажныя полотна и хорошія выбойки и шелковыя матеріи широкія и хорошихъ цвѣтовъ; показывать имъ нѣмецкія выбойки и какъ лучше товары дѣлать, разговорами наставлятъ.

Что касается Башкирцевъ, то они разбойничали только тогда, когда съ русской стороны движеніе останавливалось или замедлялось, и тотчасъ же являлись съ повинною, какъ скоро видѣли наступленіе русскихъ полковъ: такъ и теперь походъ Соймонова въ горы заставилъ ихъ смириться и выдать главнаго возмутителя Бененю. Въ концѣ 1738 года, поздравляя кабинетъ-министровъ съ

усмирениемъ Башкирцевъ, Татищевъ просился прїѣхать въ Петербургъ, что ему и было дозволено. Прїѣхавши въ Петербургъ, Татищевъ 20 февраля подалъ императрицѣ доношеніе, въ которомъ настаивалъ, что мѣсто, выбранное Кирилловымъ для Оренбурга, неудобно: мѣсто низкое, отдѣленное отъ всѣхъ русскихъ городовъ высокими горами, бесплодное, безлѣсное; что удобнѣйшее мѣсто найдено имъ, Татищевымъ, въ 140 верстахъ, при урочищѣ Красная Гора. Кабинетъ-министры, обсудивъ донесеніе Татищева вмѣстѣ съ нимъ, рѣшили: городъ Оренбургъ строить при Красной Горѣ, а прежній Оренбургъ называть Орскою крѣпостью; въ помощь Татищеву опредѣлить двоихъ совѣтниковъ, да ассесора; строеніе на Аральскомъ морѣ города отложить до времени. Но въ кабинета распорядились иначе: вмѣсто Татищева назначенъ былъ генераль-лейтенантъ князь Василій Урусовъ, которому поручили всѣ башкирскія дѣла, потому что Соймоновъ переводился вице-губернаторомъ въ Казань.

Князь Урусовъ въ мартѣ 1740 года донесъ изъ Самары, что между Башкирцами, именно по сибирской дорогѣ, явился новый возмутитель, по однимъ извѣстіямъ Турокъ, по другимъ Кубанецъ, именованъ Салтанъ-Гирей, прозвищемъ Карасакаль или Черная борода. Онъ разглашаетъ, что имѣетъ силы 82,000 человекъ, живетъ на рѣкѣ Кубани, а старое его жилище въ Башкиріи, и потому старается возвратитъ себѣ прежнія юрты. Услыхавъ о башкирскомъ разореніи, онъ прїѣхалъ съ 8000 кубанскаго войска, съ 2000 Калмыковъ и съ 500 Киргизовъ; войско это онъ оставилъ въ вершинахъ рѣки Эмбы, а самъ прїѣхалъ для провѣдыванія о башкирскомъ житьѣ-бытьѣ; войско его придетъ скоро и вмѣстѣ съ Башкирцами станетъ разорять русскія жилища. Башкирцы вѣрятъ обманщику, волнуются и провозгласили уже Карасакала ханомъ. Въ апрѣлѣ Урусовъ извѣщалъ, что Карасакаль посылаемыми противъ него партіями не только не искорененъ, но усиливается большимъ числомъ воровскихъ Башкирцевъ, которые уже начали нападать на вѣрныхъ. Впрочемъ воры, услышавъ о движеніи русскихъ войскъ, очень жалбуютъ, что рано объявили Карасакала и начали рано бунтовать; говорятъ, что если къ Карасакалу обѣщаннаго имъ войска не будетъ, то они его выдадутъ русскому начальству. Урусовъ писалъ: «Вышеписанныя обстоятельства довольно показываютъ, что то происшедшее

замѣшаніе инако прекращено быть не можетъ, какъ токмо силою оружія и причиненіемъ тѣмъ ворами *потомственного* страха, ибо много оказыванное къ нимъ высочайшее милосердіе въ нечувствительныхъ ихъ воровскихъ сердцахъ почитай никакой желаемой спокойности не учинило, да и всегда такія милосердыя наказанія по жестокосердію сего народа къ лучшему споспѣшествовать едва могутъ ли.» Въ маѣ командовавшей русскимъ отрядомъ съ сибирской стороны полковникъ Арсеньевъ поймалъ главнѣйшаго вора и зачинщика Башкирца Аландзіангула, который показалъ, что Карасакаль вовсе не Кубанецъ, а Башкирецъ ногайской дороги, у котораго тамъ домъ, мать, братья, жена и дѣти; а султаномъ и ханомъ называлъ его онъ, Аландзіангуль, съ другими воровскими Башкирцами, для возмущенія прочихъ; они же разгласили и о войскѣ карасакаловомъ, котораго никогда не бывало. Въ іюнѣ Карасакаль, испугавшись сильныхъ движеній русскихъ войскъ, перешелъ съ своею шайкою Яикъ и побѣжалъ въ степь, за нимъ погнался подполковникъ Павлуцкій, и близъ Тобола нанесъ нѣсколько пораженій; но воръ ушелъ далѣе въ степь. Павлуцкій не могъ за нимъ гнаться за присталью лошадей. Въ іюлѣ Урусовъ получилъ извѣстіе, что Карасакаль пойманъ Киргизами. Тогда, для *потомственного* страха всему башкирскому народу, перевѣшали и отрубили головы 170 Башкирцамъ, захваченнымъ на возмущеніи, да въ разныхъ командахъ прежде казнено было 432 человѣка; роздано разныхъ чиновъ людямъ 1862, отослано въ остзейскіе полки и во флотъ 135, воровскихъ деревень пожжено 107 ²⁶⁴.

Но для утвержденія своей власти въ отдаленныхъ восточныхъ окраинахъ правительство считало нужнымъ казнить не однихъ бунтующихъ Башкирцевъ. Сибирь продолжала быть театромъ воиющихъ воеводскихъ злоупотребленій. Въ 1736 году Сибирь, находившаяся до сихъ поръ вся въ управленіи одного губернатора, раздѣлена была, относительно управленія, на двѣ части, западную и восточную; въ восточную часть, въ иркутскую провинцію, былъ назначенъ вице-губернаторъ, совершенно независимый отъ губернатора западной Сибири, жившаго въ Тобольскѣ; оба были подчинены сибирскому приказу ²⁶⁵. Въ томъ же году отсѣчена была голова иркутскому вице-губернатору Жолобову за взятки, за дружеское обращеніе съ шельмованными людъ-

ми, которые были сосланы за важныя вины; противъ офицеровъ, посланныхъ арестовать его, обнажилъ шпагу; пренебрегалъ до-несеніями о важныхъ дѣлахъ; самъ бралъ съ ясачныхъ людей взятки, а казеннаго сбора упустилъ 8230 соболей, тайно прово-зилъ товары; съ крестьянъ собиралъ подати на себя; удерживалъ козацкое жалованье; китайскихъ перебѣжчиковъ, за взятки, не высылалъ за границу въ противность мирнаго договора; от-биралъ у дворянъ земли и отдавалъ своевольно пашеннымъ крестьянамъ за взятки; беспорядочными поступками нажилъ 34821 рубль; пыталъ безвинно, жегъ огнемъ ²⁶⁶. Въ началѣ 1739 года данъ былъ сенату любопытный указъ относительно Сибири: «Во многихъ городахъ сибирской губерніи опредѣлены воеводами изъ тамошнихъ обывателей, а именно: изъ купечества и козаковъ и прочихъ тому подобныхъ, которые браны въ рекруты и до-служились офицерскихъ ранговъ, въ томъ числѣ и неумѣющіе грамотѣ, а иные, не служба, написаны изъ козаковъ въ дворяне и воеводы, такожъ и бывшіе у нѣкоторыхъ персонъ въ холоп-ствѣ, да и такіе, которыя бывали въ розыскахъ и наказаніяхъ, а потомъ чрезъ ихъ происки воеводами жъ опредѣлены, и по-неже оные люди къ такимъ дѣламъ произыскиваютъ не для того, чтобъ имъ трудъ и радѣніе показать, но чтобъ только самимъ обогатиться, и потому въ правленіи дѣлъ и добраго порядка и пополненія государственныхъ доходовъ ожидать отъ нихъ невоз-можно. Того ради указали мы въ оную сибирскую губернію вы-брать воеводами изъ знатнаго шляхетства добрыхъ и пожиточ-ныхъ и совѣстныхъ людей и, росписавъ, кому изъ нихъ въ ко-торомъ городѣ быть, отправить туда безъ всякаго замедленія» ²⁶⁷.

Между тѣмъ хлопотали объ извлеченіи возможныхъ выгодъ изъ сосѣдства Сибири съ Восточнымъ Океаномъ. Капитанъ-ко-мандиръ Берингъ, по возвращеніи изъ своего путешествія, кото-рымъ подтвердилась отдѣльность Азіи отъ Америки, представилъ, что далѣе Оста море волнами поднимается, также и на берегъ острова Караганскаго выбросило большой сосновый лѣсъ, кото-рый въ Камчаткѣ не растеть: поэтому онъ предполагаетъ, что Америка или другія между нею и Азіею лежація земли не дале-ко отъ Камчатки, и если подлинно такъ, то можно съ ними уста-новить торговлю. По этому представленію сенатъ приказалъ: идти ему, Берингу, на морскихъ судахъ для провѣдыванія новыхъ

земель, лежащих между Америкою и Камчаткою, также острововъ, идущихъ отъ камчатскаго носа къ Японіи, для установленія торговъ и наложенія ясяка на народы, никому не подвластные; только того накрѣпко остерегаться, чтобъ не зайти въ такія американскія и азіатскія мѣста, которыя уже находятся подъ владѣніемъ европейскихъ государей или китайскаго богды-хана и японскаго хана, чтобъ не возбудить подозрѣнія и не открыть своимъ прїѣздомъ пути къ камчатскимъ берегамъ, у которыхъ, при нынѣшнемъ тамошнемъ малолюдствѣ, они могутъ занять нужныя пристани ²⁶⁸. Въ Охотскѣ Берингу велѣно было увеличить народонаселеніе, завести хлѣбопашество и пристань съ малою судовою верфию; къ отправленнымъ изъ адмиралтейства тремъ штурманамъ и шести матросамъ придать молодыхъ козацкихъ сыновей и обучать ихъ морскому ходу, чтобъ тамъ своихъ штурмановъ и матросовъ завести; устроить въ Охотскѣ школу не для одной грамоты, но и для цифри и навигаціи. Морскія суда Берингъ долженъ былъ строить на рѣкѣ Камчаткѣ, или гдѣ найдеть удобнѣе. Командиры должны были смотрѣть накрѣпко, чтобъ Камчадалы больныхъ изъ своихъ домовъ или юртъ не выбрасывали, сами себя не умерщвляли, утопающихъ спасали. Для изслѣдованія земель по берегамъ Севернаго моря Берингъ долженъ былъ послать добрыхъ и знающихъ людей водою или сухимъ путемъ ²⁶⁹.

Заботились объ охраненіи береговъ Восточнаго Океана; но скоро движенія Швеціи, подогрѣваемая Франціею, заставили заботиться о безопасности балтійскихъ береговъ, пріобрѣтенныхъ недавно съ такими усиліями.

Въ началѣ 1735 года Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ прислалъ своему двору содержаніе отвѣта секретной комиссіи на секретныя предложенія короля. Здѣсь относительно Россіи говорилось, что эта держава заслуживаетъ великаго вниманія: «Она похитила у насъ всѣ наши крѣпости и защиты, привела насъ въ нестерпимую зависимость отъ себя и въ такое опасное положеніе, что и сама столица подвержена ея нападеніямъ и угрозамъ; поэтому справедливо принимать противъ нея всякія мѣры, ибо въ ней мы имѣемъ сильнаго и насилующаго сосѣда, если государство наше въ прежнее состояніе и безопасность не приведется. Но такъ какъ наше оборонительное состояніе слабо и недостаточно, то

необходимость требует примѣчать конъюнктуры, ибо для получения назадъ потерянныхъ провинцій, кромѣ датскаго союза, надобны субсидіи и помощь другихъ націй; конъюнктуры въ настоящее время оказываются неудобными, слѣдовательно всего лучше оказывать Россіи довѣренность и дружбу. Нужно избѣгать, сколько можно, возобновленія союза, но когда срокъ договора окончится, то въ волѣ короля и сената поступить смотря по обстоятельствамъ. Такъ какъ Россія безъ просьбы въ польскія безпокойства вмѣшалась и низвергаетъ тамъ королей и ставить новыхъ, что подобаешь одному Всевышнему, притомъ стѣснила вольности націи и неслыханныя насилія причинила, поэтому возбудила противъ себя зависть и ненависть всѣхъ благонамѣренныхъ державъ. Эти чувства, можетъ быть, вскорѣ выйдутъ наружу, и тогда Швеціи надобно имѣть свободныя руки, несвязанныя никакимъ союзнымъ договоромъ съ Россіею. Пруссія—непостоянный, своекорыстный и очень ненадежный сосѣдь. Польша своимъ несчастнымъ состояніемъ подастъ Швеціи примѣръ, что могутъ произвести несогласіе и своекорыстіе, особенно при королевскомъ избраніи. Шведскій интересъ требуетъ защищать короля Станислава и Польшу, какъ для общей свободы, такъ и для сохранения французской дружбы. Надобно и другимъ державамъ открыть глаза насчетъ поступка Россіи съ посломъ Монти вопреки народному праву, чтобъ узнали русскую гордость и безмѣрную силу. — Французскую довѣренность и дружбу надобно всякими мѣрами сохранять и утверждать: нашъ общій съ Франціею интересъ усиленъ теперь защитой польской вольности, и хотя Франція не разъ охраняла шведскій интересъ не такъ какъ должно, однако во всей Европѣ она для насъ надежнѣйшая и полезнѣйшая держава, одна въ состояніи давать намъ достаточныя субсидіи и моремъ давать помощь. — Отношенія къ Турціи у Швеціи почти одинаковы съ отношеніями къ Франціи: дружба ея намъ полезна для сокращенія русской безмѣрной силы, поэтому мы всячески должны стараться сохранять и усиливать дружбу съ Портою, и надобно какъ можно скорѣе отправить туда аккредитованнаго министра.»

Указанія на неблагопріятныя конъюнктуры для разрыва съ Россіею не нравились горячимъ патріотамъ; одинъ членъ секретной комиссіи говорилъ: «Надобно жалѣть, что мы нынѣшними конъ-

юнктурами не пользовались и войска на помощь Станиславу не послали, особенно въ то время, когда городъ Данцигъ еще не покорился: мы все ждемъ революціи въ Россіи, ждемъ уже 14 лѣтъ, и все не дождемся; видно, мы до тѣхъ поръ будемъ ждать, когда небо на Россію упадетъ и всѣхъ подавитъ: тогда намъ полезная конъюнктура будетъ.»

Вслѣдъ за этими извѣстіями Бестужевъ донесъ, что французскій посоль предложилъ 500,000 ежегодныхъ субсидій съ условіемъ, чтобъ Швеція не вступала ни въ какія обязательства съ врагами Франціи. Бестужевъ началъ всюду внушать, что это условіе не только тяжело, но и безчестно, потому что Франція хочетъ Швеціи связать руки и распоряжаться ею. Бестужевъ сильно сердился на Англію, которая не хотѣла соперничать съ Франціею въ предложеніи субсидій: «Отъ англійскаго двора, писалъ онъ, по сіе время ничего нѣтъ, и Богу извѣстно, когда отъ него что родится; трудно понять, почему Англія такъ долго медлить своими предложеніями; если съ англійской стороны и теперь также слабо будетъ поступлено, какъ и на прошломъ сеймѣ, то король противъ воли принужденъ будетъ принять французскія субсидіи.» Король на охотѣ открылъ Бестужеву и цесарскому министру, что Франція и ему, какъ ландграфу гессенскому, предложила особливья субсидіи, только онъ такой далъ отвѣтъ, что въ другой разъ не замкнется о томъ болѣе. «Графъ Горнъ, писалъ Бестужевъ, попрежнему у короля въ кредитъ приходитъ; этотъ министръ теперь со мною очень ласковъ и откровененъ, и я всячески склоняю его къ русской сторонѣ.» На предложенія французскаго посла сенать отвѣчала, что за предложенныя субсидіи Швеція обѣщаетъ не заключать наступательныхъ союзовъ противъ Франціи; но договоры, которые Швеція имѣетъ теперь съ другими державами, остаются въ прежней силѣ; также Швеція сохраняетъ за собою право и впредь вступать въ обязательства со всѣми державами, съ какими заблагоразсудитъ, и возобновлять старые договоры. Французскій посоль остался очень недоволенъ этимъ отвѣтомъ. Въ апрѣлѣ Бестужевъ писалъ, что былъ онъ у графа Горна вмѣстѣ съ цесарскимъ, саксонскимъ и англійскимъ министрами, и въ это же время пріѣхалъ къ нему король нечаянно, а за нимъ и французскій посоль. Увидавъ такое общество, Французъ очень смутился, и когда король поѣхалъ домой

и всѣ гости проводили его до кареты, одинъ французскій посоль не двинулся съ мѣста. Горнъ сказалъ по этому случаю Бестужеву: «Король и такъ посла французскаго любить, а послѣ такого поступка особенно будетъ его уязжать.»

Въ июнѣ французскій посоль объявилъ, что его правительство склоняется на всѣ шведскія требованія съ однимъ условіемъ, чтобъ Швеція никому не давала своихъ войскъ противъ Франціи. Эта нечаянная французская податливость чрезвычайно встревожила короля и министерство: никогда они не воображали, чтобъ Франція согласилась давать такія большія субсидіи безо всякой для себя пользы. Графъ Горнъ сказалъ Бестужеву, что скупость англійскаго двора заставляеть ихъ противъ воли принять французскія субсидіи. Его намѣреніе было заключить сначала договоръ съ Англією, а потомъ возобновить договоръ съ Россією; но такъ какъ съ англійской стороны теперь болѣе ожидать нечего, то онъ приглашаеть его, Бестужева, сдѣлать формальное предложеніе о возобновленіи союза, чего король и всѣ благонамѣренные люди сильно желаютъ. Короля нашель Бестужевъ неутѣшнымъ и въ сильномъ раздраженіи отъ того, что насильно принуждены принять французскія субсидіи. Бестужевъ посовѣтовался съ царскимъ и англійскимъ министрами, и тѣ объявили ему, что теперь настоящее время дѣлать предложеніе о возобновленіи союза. Предложеніе было сдѣлано немедленно, принято сенатомъ единодушно, и назначены были комиссары для конференцій съ Бестужевымъ объ условіяхъ союза. Французскій посоль явно показывалъ свое неудовольствіе, и съ своими сторонниками употреблялъ всевозможные способы воспрепятствовать русскому дѣлу, внушалъ не только въ Стокгольмѣ, но и въ провинціи разослалъ письма съ нареканіями на графа Горна и министерство, что они возобновленіемъ союза съ Россією отнимають у Швеціи французскія субсидіи. Въ конференціяхъ потребовали отъ Бестужева внесенія въ договоръ одного новаго пункта, что «король и корона шведская происшедшія въ Польшѣ безпокойства и ихъ слѣдствія не признають за «союзный случай» (casus foederis), т.-е. Россія не имѣеть права требовать у Швеціи войска для войны съ Польшею по этому случаю. Бестужевъ соглашался подписать договоръ только *въ надеждѣ* на апробацію императрицы. Горнъ сказалъ ему, что еслибъ противъ него не употребля-

лось столько происковъ и коварствъ, то онъ бы и не подумалъ требовать такой предосторожности, ибо увѣренъ, что сама императрица никогда не признаетъ польскаго дѣла за *casus foederis*; и если Бестужевъ подпишетъ договоръ съ прибавкою *въ надежду* на апробацію императрицы, то у французской партіи останется еще мысль о возможности остановить заключеніе русскаго договора; но если онъ будетъ подписанъ немедленно безо всякихъ оговорокъ, то онъ Горнъ съ своими надѣется, что Франція перерветъ переговоры о субсидіяхъ, и Швеція останется съ свободными руками. Бестужевъ согласился подписать безо всякой оговорки. Но между тѣмъ Кастежа требовалъ, чтобъ въ сенатѣ прочитано было письмо къ нему отъ хранителя печати: въ письмѣ говорилось, чтобъ Швеція отнюдь не возобновляла союза съ Россією, ибо шведскіе министры сами понимаютъ, какой вредъ принесть это Станиславу Лещинскому; притомъ извѣстно, что Россія отъ польской войны и отъ посылки вспомогательнаго войска въ Германію такъ ослабѣла, что принуждена возвратить Персіи завоеванныя провинціи, и что Турки намѣрены объявить Россіи войну. Дѣйствительно получено было извѣстіе изъ Константинополя о готовящемся предложеніи Порты, что если Швеція вступить съ нею въ наступательный союзъ, то Порта не только откажется отъ должныхъ ей Швецією денегъ, но еще будетъ платить по 500,000 ежегодныхъ субсидій. На этомъ основаніи сенаторы французской партіи представляли, что не слѣдуетъ снѣшить заключеніемъ союза съ Россією, но надобно подождать турецкаго предложенія. Но Горнъ возражалъ, что не должно обращать вниманія на такіе слухи, ибо турецкое непостоянство хорошо извѣстно, да и прилично ли коронѣ шведской вступать въ союзъ съ невѣрными, и такъ какъ переговоры съ русскимъ посломъ уже кончены, то прилично ли оттягивать заключеніе договора безъ всякой важной причины и возбуждать справедливое подозрѣніе Россіи. Король сильно поддерживалъ Горна, и послѣ многихъ споровъ большинство голосовъ рѣшило, чтобъ на другой же день заключить договоръ съ Бестужевымъ, что и сдѣлано 5 августа. Французской партіи осталось срывать свое сердце на комиссарахъ, бывшихъ въ конференціи съ Бестужевымъ, разглашая, что всѣ они были подкуплены. Правительство поспѣшило напечатать договоръ; но противная партія скупала экземпляры и жгла ихъ.

Въ началѣ 1736 года Бестужевъ доносилъ о торжествѣ русской партіи въ сенатѣ по поводу турецкихъ и французскихъ дѣлъ; но это торжество только приводило въ большее ожесточеніе противную партію, которая употребляла все средства, чтобъ отнять довѣріе народа у министерства. Когда Горнъ объявилъ французскому посланнику, что необходимость заставила короля согласиться на возобновленіе союза съ Россією, который однако не такъ связываетъ ему руки, чтобъ не было возможности, при удобномъ случаѣ, удовлетворить желаніямъ Франціи, — то графъ Кастежа въ отвѣтъ осыпалъ Горна упреками, называя возобновленіе союза съ Россією поступкомъ опрометчивымъ, оскорбительнымъ для короля французскаго, постыднымъ для Швеціи. Кастежа и Горнъ поговорили такъ крупно, что послѣ того уже не видались, развѣ очень рѣдко при дворѣ. Кастежа началъ всюду бить въ набатъ противъ Горна и подалъ государственному секретарю меморію, въ которой жаловался королю на излишнюю поспѣшность его министра и грозился дать знать о дѣлѣ сейму, будучи увѣренъ, что государственные чины не одобрятъ договора съ Россією. Король, оскорбленный этою угрозою, потребовалъ, чтобъ французское правительство отозвало Кастежа, что и было исполнено; но Кастежа дѣйствовалъ не одинъ: взволнованная имъ молодежь отзывалась съ презрѣніемъ о королѣ, Горнѣ и всей его партіи. Одинъ иностранный министръ замѣтилъ Горну, что надобно остановить дерзость молодыхъ людей; но Горнъ отвѣчалъ: «Надобно оставить нашей молодежи удовольствіе вести войну съ министерствомъ и съ Россією за карточнымъ столомъ. Бездѣлица можетъ превратиться во что-нибудь важное, если заняться ею. Вино изъ погреба французскаго посланника отуманило нашу молодежь, надобно дать ей вытрезвиться. По сторону молодежи приняты стокгольмскія дамы. Начали пить два тоста, которые послужили отмѣтною партій. Дамы, стоявшія за войну, пили тостъ: «Was wir lieben;» во главѣ этой партіи стояли три дамы: графиня Ливентъ, графиня Делгарди и баронесса Буденброкъ. Графиня Бонде пила при тостѣ: «Ich denk mirs,» и была представительницею мирной партіи. Не проходило ни одной пирушки, гдѣ бы различіе между этими двумя тостами не было причиною ссоръ и поединковъ. Молодые люди начали дарить воинственнымъ дамамъ ленты, сложенныя въ формѣ мужской шляпы,

также табакерки и игольники въ формѣ шляпъ, для означенія геронизма этихъ дамъ. Отсюда воинственная партія получила названіе *partii шляпъ* въ отличіе отъ противной, мирной партіи, которой дали названіе *partii ночныхъ колпаковъ*. Изъ верхнихъ слоевъ два тоста проникли и въ нижніе, и скоро не было ни одного мѣщанскаго дома, куда бы они не внесли раздора, не порознили членовъ семейства; изъ мѣщанскихъ домовъ тосты перешли къ гвардейскимъ солдатамъ и черни: вездѣ пили; вездѣ спорили. Средня 1736 года прошла тихо; но въ концѣ пошелъ опять разговоръ о турецкихъ предложеніяхъ, что если Швеція захочетъ отвлечь русскія силы объявленіемъ войны, то Порта обѣщаетъ дать столько денегъ, сколько Швеція потребуеъ, и до тѣхъ поръ не положить оружія, пока Шведы отберутъ у Россіи всѣ свои потерянные провинціи; французскій посоль началъ при этомъ внушать, что Франція готова давать субсидіи не только по четвертямъ года, но вдругъ на цѣлый годъ, если только Швеція предприметъ что-нибудь противъ Россіи. Но ни что не встрѣвило такъ Бестужева, какъ разглашеніе о чрезвычайномъ сеймѣ, потому что еслибъ противная партія настояла на его созваніи, то это было бы знакомъ паденія русской стороны. Бестужевъ обратился къ Горну, и получилъ такой отвѣтъ: «Сами можете легко разсудить, что съ турецкой стороны нельзя обойтись безъ попытки поссорить насъ съ Россіею, къ чему здѣшніе Турки и Французы не перестаютъ употреблять всевозможныя интриги. Но, слава Богу, король и большая часть сенаторовъ твердо стоятъ въ одномъ мнѣніи со мною; король говоритъ, что для войны надобно имѣть важныя и справедливыя причины и добрую совѣсть, чтобъ получить Божіе благословеніе; потомъ надобно имѣть всѣ средства къ войнѣ, не надѣясь на помощь и субсидіи другихъ державъ. Что же касается чрезвычайнаго сейма, то будьте покойны и не удостоивайте противную партію чести вашего подозрѣнія. Но когда обыкновенный сеймъ будетъ, то ея величество изволила бы не оставить здѣсь своихъ друзей и поддерживать ихъ, чтобъ противную партію совѣмъ испровергнуть.» Бестужевъ обнадежилъ его, что императрица крѣпко будетъ поддерживать своихъ друзей на будущемъ сеймѣ. Въ сенатѣ Горнь говорилъ: «Еще у насъ въ свѣжей памяти, какъ Турки при Прутѣ, несмотря на всѣ представленія покойнаго короля, заключили

миръ съ Россією съ исключеніемъ Швеціи. Можно ли полагаться на невѣрныхъ? притомъ разстоянія такъ велики, что и въ полгода не узнаемъ о заключеніи мира между Россією и Турцією; а заключеніе мира зависитъ отъ Россіи: отдастъ Туркамъ Азовъ, и миръ заключенъ. Россія свою пользу хорошо знаетъ: скорѣе Туркамъ что-нибудь уступить, чѣмъ приведетъ въ опасность приобрѣтенныя отъ насъ провинціи, свой флотъ, свою столицу, стоившую столько людей и денегъ; король датскій долженъ будетъ помогать Россіи велѣдствіе оборонительнаго союза, а король прусскій ждетъ только случая вырвать изъ рукъ нашихъ Штральзундъ. Морскія державы для торговли не охотно будутъ видѣть войну на сѣверѣ и нападчику помогать не будутъ.»

Въ Петербургѣ сочли нужнымъ наградить Горна за такія услуги, и къ Бестужеву отправлены были для него богатые подарки. Горнъ долго отговаривался принять ихъ; наконецъ принялъ съ такою предосторожностію: гофмейстеръ Горна, присланный для принятія подарковъ къ Бестужеву, представилъ послѣдному ассигнацію на банкъ, какъ будто вещи выписаны Бестужевымъ для Горна за деньги; Бестужевъ принялъ ассигнацію, далъ гофмейстеру квитанцію въ ея полученіи, и на другой день отвезъ Горну его ассигнацію назадъ. Это было въ апрѣлѣ 1737 года; а въ апрѣлѣ 1738 года Бестужевъ доносилъ, что послѣ возобновленія сношеній между Россією и Францією, и видя дружественное обхожденіе его Бестужева съ новымъ французскимъ посломъ С. Севериномъ, противная партія очень ослабѣла. Она никакъ не ожидала, чтобъ Франція предложила свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Портою. Нѣкоторые изъ этой партіи были у С. Северина съ представленіями о своихъ дѣлахъ и получили такой отвѣтъ, что онъ присланъ не партіи заводить, а аккредитованъ у короля и министерства, и пока между Шведами будутъ происходить несогласія, Франція Швецією пользоваться не можетъ. Но въ началѣ мая Бестужевъ донесъ, что со стороны Порты возобновлено предложеніе о наступательномъ союзѣ противъ Россіи. Горнъ, разговаривая съ нимъ объ этомъ, сказалъ: «Я ни султана, ни визиря, ни Боневала, ни Гилленборга, ни Гепкина никогда не любилъ, а теперь и больше ихъ возненавидѣлъ; надѣюсь съ Божією помощію, что всѣ они съ долгимъ носомъ останутся; а вы съ своими друзьями должны стараться, чтобъ

въ маршалы будущаго сейма выбрали камеръ-президента Палмфельда: человекъ онъ доброжелательный и добрый патриотъ, потому что противная партія, разумѣется, не дремлетъ и употребляетъ все на свѣтъ для ниспроверженія министерства.» Французскій посоль заподозрилъ себя тѣмъ, что началъ выхвалять поведеніе шведскихъ агентовъ въ Константинополь, Генкина и Карльсона, которые были жаркими приверженцами французской партіи и турецкаго союза; пошелъ также слухъ, что С. Северинъ помогаетъ противной министерству партіи въ выборѣ сеймоваго маршала.

Наступало самое заботливое время—открытіе сейма, и при такихъ важныхъ обстоятельствахъ. Что сеймъ будетъ не чета прежнимъ, показывало уже то, что на него съѣхалось такое множество дворянства, какого не бывало прежде, особенно пріѣхало много Финляндцевъ, которые вообще обнаруживали желаніе мира; но офицеры и стокгольмская молодежь по кофейнымъ и погребкамъ требовали войны и ниспроверженія министерства. Бестужевъ надѣялся, что министерство побѣдитъ, если только король будетъ постоянно на его сторонѣ. Соперникомъ Палмфельда, кандидатомъ противной партіи былъ графъ Тессинъ. Королева, надѣясь на свою популярность, велѣла объявить дворянству, что она не желаетъ избранія Тессина. Какъ скоро это стало извѣстно, то на площади, гдѣ обыкновенно дворянство сходилось для совѣщаній, поднялся страшный шумъ и крикъ: кричали, что нарушается ихъ вольность, королева запрещаетъ выбирать того, кого они хотятъ, вельдствие чего партія Тессина сейчасъ же увеличилась, и Тессинъ былъ выбранъ 525 голосами, тогда какъ Палмфельдъ получилъ только 140, какого большинства ни на одномъ сеймѣ не было. Послѣ такой неизвинительной ошибки, двору и министерству оставалось одно средство—хлопотать, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ секретную комиссію были выбраны люди ихъ стороны. Но ударъ слѣдовалъ за ударомъ; сначала должно было избрать 24 избирателя, которые и должны были выбрать 50 членовъ секретной комиссіи: всѣ 24 человекъ были выбраны изъ гилленборговой партіи, французскаго духу, большая часть между ними ребяташки никуда негодные, по отзыву Бестужева. Французскій посоль, видя явное торжество своей партіи, снялъ маску и началъ прямо дѣйствовать противъ министерства. Но свергнуть министерство было трудно потому, что его поддержи-

валь король; чтобъ заставить короля покинуть министерство, начали стращать его опасностію, которой подвергается его любовница, начали кричать, что она мѣшается въ дѣла, раздастъ должности, а отецъ ея, сенаторъ графъ Таубе, за то деньги получаетъ. Бестужевъ вмѣстѣ съ англійскимъ министромъ Финчемъ хлопотали объ удержаніи короля при министерствѣ; королевскіе конфиденты обнадеживали ихъ, что король не отступитъ отъ министерства, если только оно будетъ стоять твердо, т.-е. если всѣ члены его будутъ согласны между собою.

Объявлены были имена членовъ секретной комиссіи: изъ 50 человекъ только пять или шесть были для Бестужева ненадозрительны, остальные всѣ гилленборговой партіи, большая часть изъ нихъ люди молодые, много глухихъ и ни къ чему негодныхъ, по отзыву Бестужева, такъ что благоразумные люди и противной министерству партіи, съ графомъ Тессиниомъ во главѣ, были недовольны такими выборами. «Подай Всевышній, писалъ Бестужевъ, добрыхъ извѣстій изъ арміи вашего величества, чего наши друзья здѣсь отъ сердца желаютъ: тогда всѣ дѣла здѣсь иначе пойдутъ; сохрани Боже отъ дурныхъ извѣстій: тогда крику и шуму здѣсь довольно будетъ. Между молодымъ шляхетствомъ и офицерствомъ охота къ войнѣ еще продолжается.» Горниъ просилъ Бестужева недѣли двѣ или три съ нимъ не видаться, пока страсти успокоятся. Французскій посоль, получа отъ своего двора 50,000 ефимковъ, поддерживалъ ими свою партію, но очень скрытно. Цѣль французскаго двора, по письмамъ Бестужева, состояла въ томъ, чтобъ привести въ доброе согласіе Швецію съ Данією, устроить тройной союзъ и держать обѣ скандинавскія державы въ своемъ распоряженіи. «Я не слышу, доносилъ Бестужевъ, чтобъ французскій посоль побуждалъ здѣшний народъ къ войнѣ противъ Россіи, да и не для чего ему этого дѣлать, потому что у здѣшняго офицерства и безъ того довольно охоты и склонности къ войнѣ. Такъ какъ въ дворянской палатѣ большая часть офицеровъ находится, то большинство этой палаты намъ противно; въ духовномъ чинѣ большинство на нашей сторонѣ; относительно гражданскаго чина я не имѣю полной увѣренности, хотя в сдѣланъ подкупъ, но и съ противной стороны дѣйствуютъ также деньги; крестьянскій чинъ держится короля и министровъ, какъ меня обнадеживали мои друзья.»

30 іюня Бестужевъ доносилъ, что въ секретной комиссіи рѣшено было отправить осенью обѣщанный Туркамъ за долгъ Карла XII корабль и 10,000 мушкетовъ, остальные же 20,000 мушкетовъ послать въ будущемъ году. Такъ какъ упомянутыя выше предложенія наступательнаго союза заключались въ письмахъ визиря и Бонневалю, то рѣшено было, чтобъ визирю отвѣчалъ самъ король, а Бонневалю графъ Бонди. «Не извѣстно, писалъ Бестужевъ, какою дорогою поѣдетъ курьеръ съ этими депешами. Я увѣдомился, что майоръ Синклеръ, который въ прошломъ году былъ шпиономъ во Львовѣ и теперь сидитъ въ секретной комиссіи, самъ предложилъ, чтобъ его опять туда послать для наблюденія что будетъ происходить въ арміи вашего величества. Слышу, что онъ и отправился очень тайно, и, можетъ быть, съ нимъ пошлются дубликаты тѣхъ депешъ, которыя онъ можетъ отдать Туркамъ въ Хотинѣ, самъ будетъ держаться около тѣхъ мѣстъ и шпионить, а Поляковъ возбуждать противъ короля ихъ и Россіи, какъ онъ въ прошломъ году дѣлалъ. Будучи великимъ злодѣемъ и поносителемъ всей російской націи, онъ дѣйствуетъ здѣсь противъ короля и министерства. Мое мнѣніе, чтобъ его «анлевировать» и потомъ пустить слухъ, что на него напали гайдамаки или кто-нибудь другой. Я обнадеженъ, что такой поступокъ съ Синклеромъ будетъ пріятенъ королю и министерству.»

Курьеръ отправился въ Константинополь черезъ Марсель, повезъ письма къ визирю и Бонневалю, состоявшія въ однихъ комплиментахъ; но въ инструкціи шведскимъ агентамъ при Портѣ было сказано, чтобъ они не королевскимъ именемъ, а сами собою внушали Туркамъ не спѣшить миромъ съ Россією, и выспрашивали бы, чѣмъ Порты вознаградить Швецію, если она объявитъ войну Россіи. Дубликаты этихъ депешъ долженъ былъ везти Синклеръ. Бестужевъ повторялъ въ своемъ донесеніи: «Весьма потребно сего бездѣльнаго человѣка стеречь и его анлевировать яко шпиона, о чемъ мнѣ отъ знатнѣйшихъ персонъ подъ рукою дано знать, и я весьма обнадеженъ, что королю и министерству оное весьма пріятно будетъ.» Въ слѣдующемъ донесеніи, повторяя то же о Синклерѣ, Бестужевъ прибавилъ: «Я обнадеженъ, что взыскивать не стануть.»

Въ августѣ король тяжело занемогъ; противная партія стала пользоваться этимъ для своихъ цѣлей; тогда другая партія убѣ-

дила короля, чтобъ онъ, на время своей болѣзни, поручилъ правленіе королевѣ; это сильно не понравилось противной партіи, ибо извѣстно было, что королева будетъ поддерживать министерство, только съ большею твердостью и постоянствомъ, чѣмъ мужъ ея. Бестужевъ писалъ, что дѣла поправляются, жаръ къ войнѣ потухаетъ; что касается поведенія французскаго посла, то онъ отговаривалъ отъ войны, представляя, что теперь не-время; но когда Бестужевъ заговаривалъ съ нимъ о сохраненіи настоящаго шведскаго министерства, то онъ отъ такихъ разговоровъ уклонялся; также поступалъ и кардиналъ Флѣри въ разговорахъ съ цесарскимъ министромъ при французскомъ дворѣ. Въ октябрѣ С. Северинъ предложилъ шведскому правительству субсидіи на три года, по 300,000 ефимковъ на годъ, съ тѣмъ только, чтобъ Швеція обязалась на десять лѣтъ не вступать ни съ какою державою ни въ какія обязательства безъ сообщенія и согласія Франціи, которая взаимно обязывается тѣмъ же. Предложеніе, разумѣется, было принято. Англійскій министръ Финчъ сильно встревожился и говорилъ Бестужеву, чтобъ тотъ постарался отклонить французскія предложенія, на что будто бы, по письмамъ Рондо изъ Петербурга, онъ получилъ 30,000 ефимковъ. Бестужевъ отвѣчалъ, что денегъ не прислано; но еслибъ они и были присланы, то теперь уже поздно дѣйствовать, ибо французскія предложенія таковы, что ни одинъ Шведъ противиться имъ не будетъ и не посмѣетъ; отъ принятія французскихъ субсидій могли бы удержать однѣ англійскія. Друзья Англіи сильно сердились и прямо говорили Финчу, что Англія друзей своихъ покинула: еслибъ она не поскупилась и предложила субсидіи въ удобное время, то конечно ея субсидіи были бы приняты, и Швеція осталась бы въ англійскихъ рукахъ. Но французская партія была также недовольна Франціею: она надѣялась, что въ предложеніи субсидій будутъ такіе пункты, которые бы содѣйствовали низверженію министерства и замысламъ партіи противъ Россіи. Въ декабрѣ Бестужевъ снова извѣстилъ о Синклерѣ; шведскіе агенты въ Константинополь дали знать, что надѣются вскорѣ прислать въ Швецію съ депешами Синклера, о которомъ въ Стокгольмѣ все думали, что пропалъ, изрубленъ или повѣшенъ какъ шпіонъ. Секретная коммиссія чрезвычайно обрадовалась, что Синклеръ живъ. По этому случаю Бестужевъ писалъ: «Надобно чаять, что онъ поѣдетъ черезъ

Польшу и весьма кажется потребно этого шпиона анлевировать. Я обнадеженъ, что здѣсь не будетъ сказано объ этомъ ни слова, ибо никто не надѣется, чтобъ онъ такъ счастливо проѣхалъ; всѣ думали, что онъ сюда назадъ не возвратится.»

Сеймъ не кончился въ 1738 году, перешелъ на слѣдующій годъ вслѣдствіе того, что городовое сословіе соединилось съ дворянствомъ противъ духовенства и крестьянъ. Эта измѣна *биргеровъ*, на угощеніе и подарки которымъ было истрачено много русскихъ денегъ, опечалила Бестужева, равно какъ и добровольный выходъ Горна изъ министерства. Несмотря на то, онъ обнадеживалъ свой дворъ, что опасности нѣтъ, что французскій посоль не интригуетъ противъ Россіи, жаръ къ войнѣ съ нею у Шведовъ потухъ, и они обращаютъ свое вниманіе на Германію, тамъ ищутъ добычи по поводу столкновенія Ганновера съ Данією, а главное, не дѣлается никакихъ военныхъ приготовленій. Но съ февраля 1739 года Бестужевъ началъ сообщать тревожныя извѣстія о поступкахъ секретной комиссіи: пять сенаторовъ были удалены изъ сената за то, что поспѣшили заключить союзный договоръ съ Россією; сеймъ подтвердилъ рѣшеніе секретной комиссіи опять вслѣдствіе перевѣса, который дали противной партіи *биргеры*, присоединившись къ дворянству. Говорили, что французская партія въ одну ночь раздала биргерамъ слишкомъ 6000 ефимковъ. Бестужевъ писалъ: «Такой насильственный поступокъ французской партіи около двухъ сотъ знатнѣйшихъ фамилій такъ озлобилъ, что, пока живы, никогда этого не забудутъ и будутъ искать случая отомстить. Такая страшная вражда партій въ здѣшней націи интересамъ вашего величества теперь и всегда можетъ быть только полезна. Слышно, что на этомъ сеймѣ противная сторона истратила около 300,000 ефимковъ, а министръ англійскій, Финчъ, увѣрялъ меня, что больше. Голштинская партія, какъ слышу, не мало усилилась, и голштинскій министръ недавно началъ угощать у себя въ домѣ офицеровъ гвардіи и артиллеріи, которые королю недоброжелательны»²⁷⁰.

Изъ Петербурга посланы были въ Парижъ Кантемиру указы — настаивать, чтобъ вопервыхъ, французскій дворъ не помогаль шведской негоціаці при Портѣ; вовторыхъ, чтобъ французскіе послы въ Стокгольмѣ и Константинополѣ дѣйствовали противъ этой негоціаці королевскими деклараціями и чтобъ эти декла-

раціи были точны и рѣшительны, а не въ общихъ выраженіяхъ. Кантемиръ отвѣчалъ, что если не почитать Флѣри и Амелота совершенно безсовѣстными людьми, то нельзя сомнѣваться, что первое желаніе императрицы исполнено: такъ сильны обнадеживанія, сдѣланныя ими ему, Кантемиру, и цесарскимъ министрамъ. Но къ исполненію втораго желанія онъ не видитъ здѣсь никакой склонности: французскіе министры уклоняются отъ этого исполненія на томъ основаніи, что могутъ сдѣлаться подозрительны Портѣ, потеряютъ чрезъ это ея довѣренность и лишатъ себя возможности продолжать медиацию; Турція, говорили они, такъ мало заботится о народномъ правѣ, что посадить Вильнёва въ тюрьму, какъ скоро увидитъ, что французское правительство сопротивляется союзу Швеціи съ нею. — По мнѣнію Остермана, Кантемиръ долженъ былъ объявить французскому министерству, что если французская деликатность относительно Порты еще можетъ имѣть какое-нибудь основаніе, то относительно Швеціи невозможно понять, какимъ образомъ такая деликатность можетъ считаться нужною для французскихъ интересовъ. Одно объясненіе могло бы быть, еслибъ Франція подлинно желала продолженія войны между Россією и Турцією, чего предполагать нельзя. Какой вредъ могъ бы произойти, еслибъ Франція прямо объявила въ Швеціи, что замыслы относительно сближенія съ Портою во 1) не состоятельны, во 2) для самой Швеціи опасны, 3) французскимъ интересамъ противно все то, что теперь или на будущее время можетъ подать поводъ къ новымъ безпокойствамъ на сѣверѣ, слѣдовательно 4) Франція не можетъ допустить исполненія шведскихъ замысловъ и считаетъ ихъ противными послѣдней конвенціи своей съ Швецією. Французскимъ интересамъ нисколько не можетъ повредить, если Франція и Портѣ прямо объявятъ, что война Россіи съ Швецією французскимъ интересамъ противна, а Портѣ никогда отъ нея никакой пользы не будетъ, и что Франція должна это объявить какъ вѣрный другъ Порты и посредница въ мирныхъ переговорахъ. Но Кантемиръ давалъ знать, что кардиналъ нимало не склоненъ явно сопротивляться союзу между Швецією и Портою, желая сохранить свой кредитъ у обоихъ этихъ дворовъ, хотя и имѣть основанія подозрѣвать, что онъ станетъ содѣйствовать переговорамъ объ этомъ союзѣ, ибо онъ такъ его, Кантемира и цесарскихъ министровъ въ этомъ обнаде-

живасть, что надобно быть ему совершенно безсовѣстнымъ, если эти обнадеживанія неискренни. Флѣри говорилъ Кантемиру, что онъ всегда почиталъ С. Северина честнымъ и искуснымъ въ своемъ дѣлѣ челоувѣкомъ, потому крѣпко надѣется, что онъ точно исполнилъ королевскіе указы относительно сношеній Швеціи съ Портою, и не преминулъ бы донести, еслибы на шведскомъ сеймѣ усматривались какіе военные замыслы или намѣренія вступить въ союзъ съ Портою; но напротивъ того, С. Северинъ подтверждаетъ, что такого намѣренія принято не было и никакихъ военныхъ приготовленій не видитъ. «Для прекращенія такого кардинальскаго поступка, писалъ Кантемиръ, одинъ бы способъ былъ доказать ему тѣми доводами, которые я въ своихъ рукахъ имѣю, что ваше императорское величество основательно увѣдомлены о всѣхъ шведскихъ происхожденіяхъ; но то самое наисильнѣйше вашими указами мнѣ запрещено, и, можетъ быть, открывая то, что онъ прикрытъ намѣренъ, могло бы его раздражать, хотя впрочемъ и понудило бы къ лучшему чистосердечію.» Въ послѣдующихъ депешахъ Кантемиръ писалъ: «Мѣры, принятыя относительно шведскихъ дѣлъ, не соответствуютъ обѣщаніямъ кардинала: доношенія С. Северина старательно утаиваются; происками французскаго двора доброжелательные къ Россіи шведскіе сенаторы лишаются своихъ мѣстъ; все это не показываетъ большого доброжелательства со стороны французской; съ нашей стороны нужно думать о мѣрахъ предосторожности, тѣмъ болѣе, что отправление французской эскадры въ Балтійское море вовсе неблагоприятно.»

Когда Кантемиръ указалъ Амелоту на эту неблагоприятность, тотъ отвѣчалъ: «Удивляюсь, что французскій король не можетъ отправить четыре корабля, не подавъ всему свѣту на себя подозрѣнія; можетъ ли такое малое число кораблей имѣть военное намѣреніе? А что эскадра не будетъ увеличена, въ этомъ я васъ удостовѣряю; единственная цѣль ея отравленія — объѣхать неизвѣстные берега Балтійскаго моря для ихъ узнанія и обученія морскихъ служителей, и какъ скоро это будетъ исполнено, то эскадра возвратится назадъ, потому ни Швеція, ни Порто никакой надежды на нее имѣть не могутъ. Она могла бы подать поводъ къ подозрѣнію въ томъ случаѣ, еслибы въ Швеціи дѣлались военныя приготовленія, но извѣстно, что ничего нѣтъ, и по-

тому надобно презирать всѣми неосновательнымъ разсужденіями насчетъ отправления этой эскадры, которыми наполняются газеты.» Самъ кардиналь увѣрялъ, что при первомъ слухѣ о шведскихъ вооруженіяхъ С. Северину отправлено приказаніе изъяснить шведскимъ министрамъ, какъ дерзокъ былъ бы ихъ поступокъ и какъ мало помощи должны они ожидать отъ Франціи. Послѣ, въ концѣ іюня, когда нельзя было уже отрицать военныхъ приготовленій Швеціи, Флѣри увѣрялъ Кантемира, что эти небольшія приготовленія дѣлаются только потому, что подобныя же сдѣланы въ Россіи, что въ Финляндію переведены два или три полка для облегченія другихъ провинцій, по просьбѣ ихъ жителей, что кораблей въ Швеціи никакихъ не вооружается. Изъ Петербурга внушали Кантемиру: «Понеже время все показать имѣеть, того ради лучше больше въ сихъ дѣлахъ на тамошнее министерство не налегать, и ежелибъ паче чаянія еще вновь что у васъ открылось, о чемъ бы съ тамошнимъ министерствомъ себя открыть потребно было, то стараться, сколько возможно, сіе учинить чрезъ цесарскихъ министровъ»²⁷¹.

Въ половинѣ апрѣля «безпокойный и опасный» сеймъ кончился. Графъ Гилленборгъ назначень былъ президентомъ канцеляріи вмѣсто Горна, и Бестужевъ началъ доносить о военныхъ приготовленіяхъ въ Швеціи. «Не худо, писалъ Бестужевъ, гарнизонъ въ Выборгъ прибавить, войско между Петербургомъ и Выборгомъ умножить, флотъ держать въ осторожности, чтобъ какой-нибудь сюрпризъ надъ нимъ не учинили; но, соблюдая осторожность, не подавать отнюдь никакой причины Шведамъ къ озлобленію, ибо я навѣрное знаю, что при самомъ окончаніи сейма въ секретной комиссіи были такіе разговоры, чтобъ Россію раздражить и заставить ее начать войну; тогда Шведы объявятъ, что принимаютъ за оружіе для собственной защиты, и король датскій, по обязательствамъ оборонительнаго союза, долженъ будетъ помогать Швеціи, а не Россіи. Подобные разговоры и въ другихъ домахъ производились и теперь продолжаются. Король недавно велѣлъ мнѣ сказать чрезъ своего кассельскаго министра, барона Ассенбурга, чтобъ я не безпокоился, все постарому будетъ; но король въ сенатѣ мало силы имѣеть, новые сенаторы почти во всемъ ему противятся; огромное большинство членовъ на сторонѣ Франціи, и до будущаго сейма кардиналь Флѣри будетъ рас-

поряжаться сенатомъ и министерствомъ.» Относительно могущей произойти войны, Бестужевъ доносилъ: «Финляндскій корпусъ такъ далеко въ землѣ разставленъ, что и въ два мѣсяца собраться не можетъ; сверхъ того всѣ жители финляндскіе вообще шведскимъ правительствомъ очень недовольны. Нѣкоторые финляндскіе шляхтичи, бывшіе здѣсь на сеймѣ, обнадеживали меня, что если Шведы начнутъ войну, то Финляндцы разорять себя не допустятъ, и если императрица выдастъ милостивый манифестъ съ обнадеживаніемъ сохраненія ихъ правъ и привилегій, то они охотно поддадутся Россіи, и никто изъ домовъ своихъ не выйдетъ. И сами Шведы такое же мнѣніе имѣютъ о финляндскихъ жителяхъ.» Потомъ Бестужевъ началъ успокоивать свой дворъ, что вооруженія шведскія по всѣмъ вѣроятностямъ направляются противъ Пруссіи, а не противъ Россіи, ибо эти приготовленія слишкомъ незначительны для войны съ такою сильною имперіею; во всякомъ случаѣ Шведы не начнутъ войны съ Россіею ранѣе зимы, когда рѣки и болота замерзнутъ.

6 июля Бестужевъ донесъ: пришло извѣстіе, что Синклеръ убитъ Русскими по сю сторону Бреслава между мѣстечками Нейштадтомъ и Грюнбергомъ. Шведскіе министры тотчасъ запретили курьеру, привезшему эту новость, распространять ее. Гилленборгъ говорилъ, что лучше еслибы это дѣло было сдѣлано тайно, будто разбойниками убитъ, а не такъ явно и неосмотрительно ²⁷². Мы видѣли, какъ Бестужевъ побуждалъ свое правительство къ тому, чтобъ *инвасировать* Синклера. Велѣдствіе этого между двумя императорскими дворами было условлено схватить его, если онъ объявится въ цесарскихъ или польскихъ областяхъ. Минихъ далъ инструкцію драгунскому поручику Левицкому настичъ Синклера и постараться его убитъ или утопить, отобравши письма. Минихъ далъ инструкцію еще двоимъ офицерамъ—капитану Кутлеру и поручику Веселовскому перенять молодого Рагоци и молодого Орлика, бѣжавшихъ изъ Франціи въ Турцію, а также и Синклера, если случайно съ нимъ встрѣтятся. Кутлеръ и Левицкій провѣдали о Синклерѣ, взяли въ Варшавѣ паспортъ отъ цесарскаго резидента Киннера и исполнили свою комиссію.» Бумаги Синклера были переданы убійцами Кейзерлингу, который находился тогда въ Дрезденѣ при королѣ Августѣ ²⁷³. Когда слухъ объ убійствѣ Синклера разнесся по Сток-

гольму, 3 июля одинъ пріятель далъ знать Бестужеву, чтобъ былъ остороженъ, ибо поступокъ съ Синклеромъ произвелъ въ городѣ страшное озлобленіе, вслѣдствіе чего Бестужевъ сжегъ секретнѣйшія реляціи и счета по подкупамъ, а остальные бумаги отдалъ на сохраненіе голландскому посланнику. Гвардейскіе офицеры толковали, что если правда, что Синклеръ убитъ Русскими, то надобно поступить точно такъ же и съ Бестужевымъ; правительство тайно приказало городскимъ властямъ смотрѣть, чтобъ русскому посланнику и его слугамъ не было нанесено никакого оскорбленія. По бумагамъ, присланнымъ изъ Петербурга, Бестужевъ подалъ шведскому правительству декларацію, что русское правительство не принимало никакого участія въ убійствѣ Синклера. Гилленборгъ сказалъ Бестужеву, что они вѣрятъ безучастію русскаго правительства въ этомъ дѣлѣ, но онъ, Гилленборгъ, имѣетъ подозрѣніе на графа Миниха, который, по своей горячности, быть можетъ далъ указъ привести Синклера живаго или мертваго. Несмотря на приказы по арміи, чтобъ не толковали о Синклерѣ, ожесточеніе не ослабѣвало и распространялось даже по провинціямъ; офицеры приходили къ Гилленборгу и требовали войны съ Россією, представляя, что теперь самый удобный случай начать ее, а когда турецкая война кончится, то Россія сама нападетъ на Швецію. Гилленборгъ отвѣчалъ, что надобно подождать, что сдѣлается съ Минихомъ, и тогда принять свои мѣры. Бестужевъ писалъ, что въ случаѣ неудачи Миниха, никто не удержитъ Шведовъ отъ объявленія войны Россіи. Несмотря на заявленіе Гилленборга, что болѣе двухъ полковъ не будетъ отправлено въ Финляндію, въ августѣ мѣсяцѣ, въ чрезвычайномъ собраніи сената было рѣшено отправить въ Финляндію еще шесть тысячъ пѣхоты: противъ этого рѣшенія съ королемъ было только четыре сенатора. Но старые пріятели дали знать Бестужеву, чтобъ онъ не беспокоился, что все это дѣлается по предписанію секретной комиссіи — раздражать Россію, чтобъ она начала войну, ибо Швеціи начать наступательную войну нельзя безъ сейма.

Въ Стокгольмѣ не было другихъ разговоровъ какъ только о войнѣ съ Россією; а между тѣмъ пріятели сообщали Бестужеву, что они не дремлютъ, мѣры свои принимаютъ; они имѣютъ изъ всѣхъ провинцій вѣрное извѣстіе, что весь духовный и крестья-

скій чинъ, также большая часть городского, кромѣ жителей приморскихъ городовъ, сильно склонны къ покою и о войнѣ слышать не хотятъ, и изъ дворянства богатые и разсудительные люди также не расположены къ войнѣ. Горнъ совѣтовалъ, чтобъ Россія привела себя въ готовность къ сильной оборонѣ и спокойно смотрѣла на все шведскія глупости, не подавая никакого случая къ озлобленію; отправляемый въ Финляндію корпусъ, не имѣя чѣмъ тамъ содержаться, растаетъ самъ собою, за что Гилленборгъ съ товарищи заплатятъ своими головами. Эмиссаръ Бестужева, возвратившійся изъ Карлскроны, объявилъ, что самъ видѣлъ, какъ въ гаѣни этого города вооружаются 22 линейныхъ корабля; по провинціямъ почти все офицерство склонно къ войнѣ, но крестьянство и духовенство ея не желаютъ; офицеры по провинціямъ сильно возбуждаютъ народъ противъ Россіи, выставляя особенно убійство Синклера. Въ сентябрѣ, въ одно воскресенье, во время службы въ русской церкви священникъ и все присутствовавшіе были заперты толпою молодыхъ людей, такъ что по окончаніи службы надобно было ломать изнутри двери, чтобъ выйти; правительство поставило караулъ при церкви. Бестужеву подкинута было письмо съ угрозою, что съ нимъ поступлено будетъ какъ съ Синклеромъ. Извѣстіе о Ставучанской побѣдѣ и взятіи Хотина сильно обрадовало Бестужева; но радость была очень непродолжительна: пришло извѣстіе о заключеніи Австріею отдѣльнаго мира съ Турками: «Мнѣ непристойно объ этомъ чрезвычайномъ дѣлѣ разсуждать, писалъ Бестужевъ: только весь свѣтъ не можетъ довольно такому нечаянному и чудному поступку надивиться; я же объ немъ съ такимъ великимъ соболѣзнованіемъ и неизреченною печалію увѣдомился, что чуть параличъ меня не ударилъ. Здѣсь эта новость произвела такую радость въ правительствующей партіи, что сказать нельзя.» Въ началѣ октября опять печаль Бестужева смѣнилась радостью: пришло извѣстіе о заключеніи мира между Россіею и Турціею: «Я теперь, писалъ Бестужевъ, не только наружно, но и внутренно сталъ спокоенъ, ничего болѣе съ здѣшней стороны не опасаюсь, чрезвычайнаго сейма не будетъ и все попрежнему останется.» Члены правительствующей партіи начали толковать, что Франція ихъ провела; они были увѣрены, что Франція никогда не допуститъ Порту до мира съ Россіею, а еслибы и

допустила, то съ однимъ условіемъ, чтобъ Швеція была включена въ мирный договоръ и получила отъ Россіи нѣкоторую часть завоеванныхъ Петромъ Великимъ провинцій; на такомъ основаніи былъ составленъ планъ въ бывшей секретной комиссіи ²⁷⁴.

14 октября 1739 года Кантемиръ доносилъ, что въ передней у Амелота имѣлъ долгій разговоръ съ С. Севериномъ, пріѣхавшимъ изъ Швеціи: посланникъ высказалъ такое мнѣніе о шведскихъ дѣлахъ, что министерство шведское, чувствуя свою слабость, ни малой склонности къ началію войны не имѣетъ и что всѣ нынѣшнія движенія суть слѣдствія народной горячности, которая принуждаетъ министерство къ поступку, противному его желанію, поэтому всѣ представленія его, С. Северина, при шведскомъ дворѣ для отвращенія войны не принесутъ большой пользы, если народъ, который резонновъ не слушаетъ, упрямо войны желать будетъ.—На поляхъ этого донесенія, Остерманъ, по своему обыкновенію, написалъ отвѣтъ: «Натурально само собою слѣдуетъ, что если Швеція войну начнетъ, то это сдѣлается или съ согласія или безъ согласія Франціи. Первое можетъ случиться только въ явную противность столь многимъ торжественнымъ обнадеживаніямъ; во второмъ случаѣ, само собою разумѣется, что Франція Швеціи помогать не должна, и безъ нарушенія своихъ торжественныхъ обнадеживаній помогать не можетъ, ибо такое вспоможеніе было бы явнымъ согласіемъ. Но дѣла въ Швеціи не на такомъ основаніи находятся, какъ С. Северинъ разсуждаетъ: старое министерство испровергнуто и новое поставлено тамъ исключительно французскими стараніями; для этого подкуплены и употреблены молодые офицеры, которые по убожеству, не имѣя чего терять, желаютъ войны для своего прокормленія; но этихъ офицеровъ нельзя принять за весь народъ, который по большей части недоволенъ поступками новаго министерства и войны безразсудно не пожелаетъ, особенно когда отъ Франціи помощи не будетъ. Можно положить за вѣрное, что Шведы безъ согласія Франціи войну не начнутъ, и безъ французской помощи начать ее не въ состояніи. Съ другой стороны не видно, какой бы Франція могла имѣть интересъ помогать Швеціи въ войнѣ съ нами. Хотя бы Франція подлинно желала для своихъ интересовъ и будущихъ видовъ привести Швецію въ прежнюю силу, то надобно разсудить, что такое желаніе не лег-

ко исполнить: имѣя свободныя руки отъ Турокъ, мы можемъ всё свои силы обратить противъ Шведовъ, и Франціи скоро наскучить посылать такую убыточную помощь въ такія отдаленныя мѣста, умалчивая, что въ такомъ случаѣ мы съ другими союзниками укрѣпиться можемъ. Но хотя всё вышеписанныя разсужденія и основательны, однако надобно всегда быть осторожными, и хотя до времени отъ новыхъ домогательствъ въ этомъ дѣлѣ удержаться пристойно, однако не мѣшается на тамошніе поступки недреманнымъ окомъ всегда смотрѣть.» Отъ 24 января 1740 года Кантемиръ прислалъ любопытное донесеніе о разговорѣ своемъ съ кардиналомъ: утверждая, что Порта непремѣнно ратификуетъ мирный трактатъ и слѣдовательно Швеція ничего не успеетъ въ своихъ домогательствахъ, Флѣри вдругъ прибавилъ: «Правду сказать, по Ништадтскому миру бѣдные Шведы потеряли всё лучшія свои области, которыя желали бы себѣ возвратить, и еслибъ можно было имъ что-нибудь возвратить изъ этихъ областей, то они бы успокоились.» Кантемиръ отвѣчалъ, что императрица имѣетъ неоспоримое право на завоеванныя у Швеціи провинціи по торжественнымъ договорамъ, послѣ которыхъ между Россією и Швецією заключенъ былъ союзъ и три года тому назадъ возобновленъ съ уплатою со стороны Россіи не малой денежной суммы.— «Я знаю, сказалъ кардиналъ, что Россія имѣетъ неоспоримое право на эти провинціи,» и тѣмъ покончилъ разговоръ. «Всеподданнѣйше прошу, писалъ по этому случаю Кантемиръ, чтобъ такъ съ здѣшней, какъ съ шведской стороны, содержать себя въ предосторожности, понеже, какъ я уже часто доносилъ, премѣнчивый нравъ кардинальскій не позволяетъ на его обнадеживанія совѣмъ полагаться.» Это донесеніе произвело въ Петербургѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ полѣ Кантемиръ писалъ: «Ваше величество легко судить изволить, что отъ здѣшняго двора никакой пользы себѣ ожидать не можетъ: если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и являютя склонны къ интересамъ вашимъ, то для того только, чтобъ удержать васъ отъ вступленія съ другими державами въ какія-нибудь обязательства, здѣшнимъ видамъ противныя; когда же опасность такихъ обязательствъ минется, то и ласкательство прекратится. Съ глазъ своихъ здѣсь не спускаютъ, что во всей Европѣ только одна ваша сила здѣшнюю въ равновѣсіи держать можетъ, и что ваше величество въ

тѣснѣйшемъ союзѣ съ цесаремъ находится, отъ чего на васъ смотреть, какъ на главнѣйшее препятствіе къ совершенному униженію австрійскаго дома, что всегда было главною цѣлю здѣшняго двора. Изъ этого легко заключить, что когда случай представится для уменьшенія вашей непріятной силы, то или подъ рукою, или явно, смотря по обстоятельствамъ времени, его не пропускать» ²⁷⁵.

Между тѣмъ въ концѣ 1739 года въ шведскомъ сенатѣ разсуждали о необходимости созвать чрезвычайный сеймъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, но большинство голосовъ вмѣстѣ съ королемъ рѣшило, что сеймъ не нуженъ. Ожесточеніе противной партіи высказывалось мелкими средствами: бросали камни на крышку русской церкви, два большихъ камня брошены были ночью въ окно къ самому Бестужеву.

1740-й годъ Бестужевъ началъ донесеніемъ, что въ Стокгольмѣ начинаютъ наконецъ вѣрить миру между Россією и Портою; но за то правительствующая партія дѣлаетъ другія внушенія для удержанія въ народѣ склонности къ войнѣ съ Россією, а именно, будто Россія отъ турецкой войны въ такую великую слабость пришла, что ни людей, ни денегъ нѣтъ, къ тому же въ народѣ великое неудовольствіе, открытъ страшный заговоръ, болѣе 80 человекъ изъ знатнѣйшихъ фамилій казнено и въ ссылку сослано, списки этихъ людей читались въ Стокгольмѣ по кофейнымъ и виннымъ погребамъ; внушали, что какъ скоро Швеція нападетъ на Россію, то въ Россіи сейчасъ же вспыхнетъ возмущеніе. Сенаторъ Снаръ, будучи у тестя своего графа Гилленборга, разсуждая о настоящихъ дѣлахъ, сказалъ: «Le vin est tiré, il faut le boire (вино откупорено, надо его выпить).» — «Надлежитъ съ вашей стороны, писалъ Бестужевъ, во всякой осторожности и исправности быть, ибо эта правительствующая партія, видя, какъ далеко забрела, можетъ, для своего спасенія, рѣшиться на отчаянныя средства, въ надеждѣ: авось-либо удастся!» Наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда Бестужевъ въ торжественной аудіенціи объявилъ королю о заключеніи мира съ Портою, всякое сомнѣніе на этотъ счетъ исчезло, и Бестужевъ писалъ: «Совершеніе мира съ Портою желаемое дѣйствіе здѣсь учинило, такъ что не только въ людяхъ склонныхъ къ войнѣ и нападенію на Россію, горячность утихла, но и въ народѣ утихать начинается. По раз-

сужденію всѣхъ здѣсь разумныхъ людей, послѣ заключенія мира съ Портою нѣтъ болѣе опасности, чтобъ Шведы напали на Россію, и если военныя приготовленія здѣсь продолжаются, то единственно для собственной защиты, ибо новое министерство подало причину къ справедливому гнѣву вашего величества; чѣмъ болѣе будетъ у насъ дѣлаться военныхъ приготовленій, тѣмъ болѣе здѣшнее министерство и вся противная партія будутъ приближаться къ своему паденію.» Горнъ прислалъ къ Бестужеву довѣреннаго человѣка сказать, что министерство и вся его партія въ крайнемъ безпокойствѣ и затрудненіи, и хотя предъ людьми бодрятся и внушаютъ народу, что Россіи, истощенная турецкою войною, не въ состояніи скоро напасть на Швецію, однако сами убѣждены въ противномъ; чтобъ Бестужевъ не обращалъ никакого вниманія на военныя приготовленія Швеціи, ибо дѣла находятся въ такомъ дурномъ положеніи, что Швеція не только напасть, и защищать себя не можетъ; половина французскихъ субсидій уже издержана, сдѣланы долги, а другую половину субсидій государственныя чины велѣли беречь на самую крайнюю нужду; будущею осенью сеймъ будетъ необходимъ по разстроенному состоянію дѣлъ, и заранѣе надобно стараться о полученіи большинства; для этого нужны деньги, чтобъ разослать эмиссаровъ по сеймикамъ для выбора въ депутаты хорошихъ людей. Въ концѣ апрѣля Бестужевъ лично видѣлся съ Горномъ и говорилъ ему, чтобъ они русскими военными приготовленіями нимало не тревожились, ибо императрица, несмотря на враждебность нынѣшняго министерства, пребываетъ въ прежнихъ доброжелательныхъ чувствахъ; но чтобъ они пользовались этимъ и внушали въ народъ, въ какую крайнюю опасность нынѣшнее министерство привело Швецію безъ всякой причины и пользы. Горнъ отвѣчалъ, что такія внушенія въ Стокгольмѣ и провинціяхъ уже дѣлаются, но прежде всего нужны деньги для полученія большинства при выборѣ сеймоваго маршала и членовъ секретной коммиссіи; изъ Россіи должны быть присланы немедленно 10,000 червонныхъ, а если прежде сейма не получится большинство, то во время сейма деньги напрасно будутъ истрачены: «Еслибы мы, говорилъ Горнъ, на прошломъ сеймѣ заранѣе взяли свои мѣры и столько на наше справедливое дѣло не надѣлись, то никогда до такой крайности не дошли бы.» На это донесеніе изъ

Петербургу отвѣчали, что деньги уже переведены и доброе дѣйствіе отъ нихъ ожидается. Денегъ нельзя было жалѣть, потому что Швеція успѣла заключить оборонительный союзъ съ Турціею. Бестужевъ увѣдомлялъ, что противная партія ищетъ всякими способами помириться съ отставленными сенаторами, особенно съ графами Бонде и Белке, обѣщая на первомъ сеймѣ возстановить ихъ въ сенаторскомъ достоинствѣ, но тѣ не показывали охоты къ примиренію, и Бестужевъ писалъ: «Никакъ не надобно допускать до этого примиренія; русскій интересъ требуетъ, чтобъ между ними была всегдашняя вражда. Запрещеніе вывоза изъ Лифляндіи и Эстляндіи хлѣба произвело здѣсь желаемое дѣйствіе: здѣшніе купцы и жители сильно встревожены и озабочены, а послѣ это будетъ имъ еще чувствительнѣе, потому что во всемъ государствѣ большая скудость въ хлѣбѣ, магазиновъ нѣтъ, и если нынѣшній годъ будетъ неурожаемъ, какъ видится по погодѣ, то государство постигнетъ крайнее бѣдствіе» ²⁷⁶.

Чтобы предотвратить шведскую войну, нужно было прежде всего дѣйствовать деньгами передъ сеймомъ и во время сейма. Большія деньги надобились и въ Польшѣ, гдѣ русскій посланникъ Кейзерлингъ хлопоталъ о примиреніи партій и о составленіи изъ вліятельныхъ людей прежнихъ партій безъ различія одной большой русской партіи, которая бы обезпечивала спокойствіе Россіи со стороны Польши. Основу русской партіи въ концѣ 1734 года составляли Понятовскій и Чарторыйскіе. Въ январѣ 1735 года Кейзерлингъ писалъ: «Такъ какъ люди, по зависти къ счастію Понятовскаго, съ досадою смотрѣвшіе и на домъ Чарторыйскихъ, до сихъ поръ стараются при дворѣ, и не безъ успѣха, отнять у нихъ королевское довѣріе, то я принужденъ былъ самымъ сильнымъ образомъ представлять при дворѣ, что такъ нельзя достигнуть примиренія, ибо извѣстно, что Понятовскій и Чарторыйскіе добрые и достойные люди, которые своимъ кредитомъ и народною любовію могутъ много способствовать успокоенію государства. По этому моему представленію и совѣту, король обнадеживалъ своею милостію графа Понятовскаго, который, чрезъ мое посредство, недавно помирился съ княземъ Вишневецкимъ; король велѣлъ выдать Понятовскому 3000 червонныхъ, которые тотъ долженъ употребить, по своему усмотрѣнію, въ видахъ умирненія партій.» Считали необходимымъ какъ

можно скорѣе склонить плѣннаго примаса на сторону короля Августа, и Понятовскій предложилъ подкупить 300 червонныхъ любимца примасова, іезуита. Король, несмотря на представленіе Кейзерлинга, уже началъ раздавать чины; Кейзерлингъ вторично представилъ ему, что эта преждевременная раздача можетъ имѣть дурныя послѣдствія: надобно непременно оставить въ запасѣ приманку, которою должны быть привлечены вельможи противной партіи, ибо если всѣ чины сейчасъ же розданы будутъ доброжелательнымъ, то вельможи противной партіи не увидятъ для себя никакой выгоды признать королемъ Августа и будутъ продолжать пытаться пустою надеждою, что получатъ желаемое, подерживая Станислава. Кромѣ того, для привлеченія народа на сторону Августа важно было, чтобъ русскія войска дѣлали различіе между друзьями и врагами, и Кейзерлингъ, получивъ жалобы, что этого различія не дѣлается, писалъ къ генераламъ, чтобъ согласно намѣреніямъ императрицы, берегли жителей, признающихъ королемъ Августа, ибо въ противномъ случаѣ никто не склонится на его сторону, не видя отъ того себѣ выгоды. Но сильныя препятствія своимъ стараніямъ встрѣчалъ Кейзерлингъ между Поляками, находившимися на сторонѣ Августа: «Нельзя понять, писалъ онъ, какъ мало обращаютъ вниманія на средства, которыми можно достигнуть общаго умирненія: всякій имѣеть въ виду только собственный интересъ, и полезнѣйшіе совѣты на вѣкоторое время отлагаются, или вовсе не приводятся въ исполненіе. Я при разныхъ случаяхъ вельможамъ давалъ знать, что ваше величество армию свою съ тою рѣлію въ польскія границы ввести повелѣли, чтобъ вольность и спокойствіе республики прямымъ и основательнымъ образомъ охранить, а не для подкрѣпленія частной ненависти, зависти и вражды фамилій.»

Самымъ могущественнымъ средствомъ для успокоенія Польши были деньги, и король Августъ обратился за ними къ той же державѣ, которая своимъ войскомъ возвелъ его на престолъ польскій: Россія дала ему взаймы 100,000 червонныхъ. Деньги нужны были тѣмъ болѣе, что 200,000 талеровъ, отпращенныхъ изъ Саксоніи въ Варшаву, были захвачены люблинскимъ воеводою Тарло, который разбилъ и взялъ въ плѣнъ саксонскаго генерала Биркгольца: Понятовскій, который до сихъ поръ неудачно хлопоталъ о привлеченіи Тарло на сторону Августа, снова послалъ

къ нему съ представленіями, что напрасно надѣется онъ на французскую помощь и въ этой надеждѣ разорить отечество. Кейзерлингъ поручилъ посланнику увѣрить Тарло, что онъ, въ случаѣ призванія короля Августа, можетъ надѣяться на покровительство и милость императрицы; Кейзерлингу хотѣлось присоединеніемъ Тарло и Ожаровскаго увеличить русскую партію, образовавшуюся изъ князя Любомирскаго и Чарторыйскаго, Понятовскаго и Залускаго, епископа плоцкаго, потому что Кейзерлингъ не довѣрялъ коронному гетману Потоцкому, врагу Тарло.

Русскія войска исправили дѣло, испорченное саксонскими, генералъ Леси нанесъ Тарло сильное поражение. Въ маѣ Кейзерлингъ доносилъ, что большая часть вельможъ больше хлопочеть о частныхъ интересахъ, чѣмъ объ умиреніи отечества. Плѣнный примасъ Ѳеодоръ Потоцкій все еще не признавалъ Августа королемъ, и сильная партія поддерживала его въ Варшавѣ: она требовала, чтобъ онъ на свободѣ могъ договариваться съ королемъ. Канцлеръ, епископъ краковскій, Липскій, гетманъ Потоцкій, князь Вишневецкій и коронный маршалъ Мнишекъ неутомимо старались дать дому Потоцкихъ первенствующее значеніе въ республикѣ, и такъ какъ для пріобрѣтенія популярности между шляхтою было одно средство—захватить въ свои руки верховный судъ и раздачу чиновъ, то краковскій епископъ, какъ канцлеръ, домогался, чтобъ чины раздавались чрезъ него, по его рекомендаціи. Кейзерлингъ представлялъ саксонскимъ министрамъ весь вредъ, какой можетъ произойти отъ этого, и настаивалъ на своемъ прежнемъ требованіи, чтобъ раздача чиновъ была отложена до умирительнаго сейма (*pacificationis*); настаивалъ также, чтобъ король самъ роздалъ чины, ибо такимъ образомъ получившіе чины будутъ обязаны одному королю, а не кому-нибудь другому; требовалъ, чтобъ войсковые начальники были независимы отъ гетмановъ. Но Кейзерлингъ продолжалъ жаловаться своему двору, что, несмотря на все его представленія, прежде умирительнаго сейма чины уже раздаются сторонникамъ канцлера, Вишневецкихъ и Потоцкихъ. Чтобъ положить этому конецъ, Кейзерлингъ объявилъ вторично самому королю, что ни его величество, ни союзные дворы не могутъ надѣяться на постоянное и твердое спокойствіе, когда вся сила и власть будутъ въ рукахъ только одной партіи, и именно той партіи, которая подала первый

поводъ къ происшедшей смутѣ; что необходимо уравновѣшивать силу фамилій. Поступки двора привели Кейзерлинга къ тому убѣжденію, что король хочетъ создать свою собственную партію изъ опасенія, что русскіе приверженцы, увеличившись въ числѣ, будутъ владѣть и дворомъ и республикою. Такъ какъ коронный гетманъ Потоцкій (воевода кіевскій) не былъ приверженцемъ Россіи, то Кейзерлингъ считалъ необходимымъ, чтобъ гетманство полное дано было кому-нибудь не изъ партіи Потоцкихъ, и взялъ съ тайнаго кабинетнаго министра фонъ-Брюля обѣщаніе, что полное гетманство не будетъ никому дано безъ согласія императрицы.

Кейзерлингъ настаивалъ на созваніи умирительнаго сейма; противная партія возражала, что будетъ несогласно съ польскимъ уставомъ о вольности, если умирительный сеймъ будетъ держанъ въ то время, когда чужія войска находятся въ государствѣ. Кейзерлингъ замѣчалъ на это, что и прежде бывали случаи, когда сеймы отправлялись въ присутствіи чужестраннаго войска, и это присутствіе служило къ поддержанію польской свободы, а не къ уничтоженію ея, какъ на примѣръ присутствіе русскихъ войскъ во время сейма 1717 года, и если все, что происходитъ въ присутствіи иностранныхъ войскъ, незаконно, то незаконнымъ будетъ избраніе и коронованіе нынѣшняго короля. Въ іюнѣ Кейзерлингъ согласился, чтобъ 19,000 русскаго войска были выведены за польскія границы, но оставались вблизи ихъ, чтобъ въ Польшѣ число русскихъ войскъ вмѣстѣ съ саксонскими простиралось до 30,000. Между тѣмъ плѣнный примасъ въ писемѣ своемъ дала Августу титулъ королевскій, за что, несмотря на возраженія Кейзерлинга, король позволилъ перевести его изъ Торна въ Ловичъ и дать ему свободу. Въ іюлѣ примасъ пріѣхалъ въ Варшаву и представился королю, которому говорилъ такую рѣчь на польскомъ языкѣ: «Божіе Провидѣніе никогда не обнаруживалось столь осязательнымъ образомъ, какъ въ возвышеніи вашего величества на польскій престолъ и въ утвержденіи на немъ. Я признаю ваше величество законнымъ королемъ польскимъ, и хотя являюсь съ этимъ признаніемъ между послѣдними, однако мое признаніе такъ же полно и истинно, какъ и признаніе тѣхъ, которые съ намъ явились первые. При этомъ прошу королевской милости притѣсненнымъ и истощеннымъ обывателямъ королев-

ства, и если настоящія обстоятельства не допускают вывести всѣхъ войскъ изъ государства, то чтобъ по крайней мѣрѣ была выведена часть ихъ.» Король, которому епископъ краковскій перевелъ рѣчь примаса, отвѣчалъ на французскомъ языкѣ увѣреніями въ своей неизмѣнной милости и расположеніи. Но примасъ зналъ, что однихъ королевскихъ милостей и расположенія мало, и потому написалъ письмо русской императрицѣ: съ глубокою *adorazione* и надлежащимъ униженіемъ Федоръ Потоцкій благодарилъ за милосердіе, оказанное хворому и несчастному старику, который остатокъ жизни своей употребитъ на молитвы о многолѣтнемъ и благополучномъ государствованіи императрицы, и будетъ во всемъ послушенъ ея велѣніямъ. Кейзерлингъ писалъ, что будетъ стараться удерживать примаса въ такихъ «добрыхъ сентиментахъ;» но для этого нуженъ былъ скорый отвѣтъ императрицы Потоцкому съ обнадеживаніями въ милостяхъ и щедротахъ, которыми онъ прежде пользовался; Кейзерлингъ совѣтовалъ прислать примасу бриллиантовый крестъ. И канцлеръ Липскій, епископъ краковскій, обратился къ Кейзерлингу съ просьбою объ исходатайствованіи щедротъ императрицы, ибо все его епископство такъ разорено, что нѣтъ никакой надежды два года получить какой-нибудь доходъ; епископъ, по секрету, сообщилъ Кейзерлингу, что дворъ жалуетъ денегъ для подкуповъ на сеймикахъ и эта экономія можетъ быть большимъ препятствіемъ къ благополучному исходу дѣла; наоборотъ, королевскіе министры увѣрили посла, что дворъ употребляетъ для сеймиковъ невѣроятныя суммы.

Кейзерлингъ торопился пацификаціоннымъ сеймомъ; но магнаты и министры объявили ему, что депутаты, которые съѣдутся на сеймъ, не позволяютъ начать его и не приступятъ къ выбору сеймоваго маршала до тѣхъ поръ, пока съ русской стороны не будетъ объявлено, что во все продолженіе сейма не будетъ собираться контрибуція на содержаніе русскихъ войскъ, какъ уже объявлено со стороны короля относительно войскъ саксонскихъ. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что не знаетъ, чѣмъ же войско будетъ содержаться во все это время; можно сдѣлать одно: росписанныя фельдмаршаломъ Минихомъ контрибуціи убавить на половину. Но Поляки не согласились. Къ этой неожиданной неспрiятности присоединились еще столкновенія русскихъ интересовъ съ коро-

левскими: «Всѣ тѣ, которые вашего величества милостию и покровительствомъ пользуются, имѣють несчастіе быть неугодными здѣшнему двору.» писалъ Кейзерлингъ въ октябрѣ. Епископъ плоцкій (Залускій), одинъ изъ самыхъ преданныхъ Россіи людей, сначала предъ министромъ Сульковскимъ (побочнымъ братомъ короля) и потомъ предъ королемъ заявилъ желаніе получить мѣсто канцлера, ибо краковскій епископъ по уставу не могъ занимать этого мѣста. Но графъ Сульковскій прямо сказалъ ему, для чего онъ прежде заявилъ о своемъ желаніи русской императрицѣ и такимъ образомъ оказалъ плохое довѣріе своему королю; самъ король хотя принялъ его милостиво, однако далъ знать, для чего онъ не хотѣлъ положиться на его милость и просилъ представительства въ Петербургѣ. Земскіе послы съѣхались и дѣйствительно не выбирали маршала, настаивая на выводѣ войскъ или еще болѣе на прекращеніи контрибуціи. Въ ноябрѣ Кейзерлингъ извѣстилъ, что сеймъ безъ плода рушился, чему столько же почти причинъ, сколько въ Польнѣ частныхъ интересовъ; дворъ скупился, и министры оправдывали эту скупость тѣмъ, что сеймъ первый при новомъ королѣ, и такъ какъ республикѣ самой онъ очень нуженъ, то не для чего депутатовъ приучать къ деньгамъ, въ противномъ случаѣ на будущее время король будетъ принужденъ постоянно употреблять деньги, чтобъ сеймъ состоялся. Кейзерлингъ могъ утѣшаться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что чины были розданы по его представленію, т.-е. приверженцамъ Россіи.

Въ генварѣ 1736 года въ Варшаву пріѣхалъ молодой Огинскій и привезъ обнадеживаніе, что какъ его отецъ, воевода витепскій, такъ и другіе литовскіе вельможи, находящіеся въ Кенігсбергѣ, желаютъ пріѣхать въ Варшаву, если только будутъ имѣть средства высвободиться изъ Кенігсберга, для чего прежде всего нужны деньги для уплаты долговъ. Кейзерлингъ склонилъ дворъ къ тому, что онъ обѣщалъ выдать имъ чрезъ него, Кейзерлинга, 5000 червоновыхъ. Велѣдъ за тѣмъ королевскіе министры дали знать Кейзерлингу, что королю пріятно будетъ слышать, кому императрица желаетъ доставить Курляндію по смерти герцога Фердинанда; король нисколько не имѣетъ намѣренія доставить это герцогство какому-нибудь саксонскому принцу: ему пріятна будетъ та особа, которую изберетъ императрица, ибо король въ этомъ дѣлѣ желаетъ поступать единственно по желанію ея ве-

личества. Кейзерлингъ, донося объ этомъ императрицѣ, писалъ: «Чрезвычайно хорошо могло бы быть, еслибъ я былъ увѣдомленъ напередъ и подъ рукою о высочайшемъ намѣреніи относительно кандидата на курляндскій престолъ. Я долженъ вывести изъ сомнѣнія тѣхъ, которые опасаются, чтобъ Курляндія не отошла къ прусскому или какому-нибудь другому сильному нѣмецкому принцу; изъ этого опасенія проистекаетъ требованіе, чтобъ герцогомъ былъ избранъ непременно кто-нибудь изъ Курляндцевъ, по примѣру перваго герцога Кетлера. Но обстоятельства тогдашняго времени были совершенно другія, чѣмъ теперь: тогда имѣнія великаго магистра ордена были свободны отъ долговъ, а теперь герцогскія имѣнія обременены внѣшними и внутренними долгами, и дворъ ими содержаться не можетъ, слѣдовательно будущій герцогъ курляндскій долженъ быть богатъ, имѣть свои собственные доходы, а такого между Курляндцами найти нельзя.» Между тѣмъ Кейзерлингъ продолжалъ хлопотать о томъ, чтобъ удовлетворить знатнѣйшихъ Станиславцевъ и тѣмъ притянуть ихъ въ русскую партію: такъ онъ потребовалъ, чтобъ воеводѣ люблинскому Тарло дали воеводство сендомирское, а люблинское воеводство сыну его. Старый Тарло пріѣхалъ въ Варшаву и заявилъ предъ Кейзерлингомъ желаніе заглавить свое прѣжнее поведеніе покорностію волѣ императрицы. Кейзерлингъ вмѣстѣ съ нимъ сочинилъ проектъ приступленія Поляковъ, находившихся въ Кенигсбергѣ съ Станиславомъ, и король кромѣ 5000 червонныхъ, выданныхъ литовскимъ вельможамъ, назначилъ еще 5000 для Поляковъ, и эти деньги опять пошли чрезъ Кейзерлинга. Съ примасомъ Потоцкимъ продолжались у Кейзерлинга лады: старикъ открылъ ему, что прусскій резидентъ просилъ имѣть въ виду кандидатомъ на курляндскій престолъ втораго принца прусскаго; но что какъ республика, такъ и онъ, примасъ, никогда на это не позволитъ; что дѣло всего лучше сдѣлается такимъ образомъ, если король и республика предложать троихъ кандидатовъ изъ природныхъ Курляндцевъ, а курляндскіе чины изберутъ одного изъ нихъ. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что императрица не намѣрена навязывать никакого кандидата, и желаетъ только одного, чтобъ Курляндія сохранила прежнюю правительственную форму и право избрать себѣ герцога.

Станиславъ Лещинскій наконецъ отправился изъ Кенигсберга;

бывшіе при немъ Поляки возвратились въ отечество, признавъ королемъ Августа. Кейзерлингъ писалъ объ нихъ: «Эти Поляки надѣются единственно на милость вашего и. в—ства; я не перестаю ихъ въ томъ подкрѣплять, и надѣюсь, что они не только теперь, но и впередъ могутъ быть съ пользою употреблены для интересовъ вашего величества. Стражникъ литовскій Поцѣй отъ великодушія вашего величества желаетъ получить 3000 червонныхъ для уплаты сдѣланныхъ въ Кенігсбергѣ долговъ. Онъ пользуется довѣріемъ и любовью литовскаго шляхетства и почти единственный человѣкъ, который можетъ держать равновѣсіе съ радзивилковскимъ домомъ. Такъ какъ онъ теперь поѣхалъ на сеймики, то я ему далъ 400 червонныхъ, и назначеннымъ отъ него людямъ 250. Описать нельзя, какъ велико число тѣхъ Поляковъ, которые просятъ милости вашего величества; обо всѣхъ нельзя ваше величество утруждать, я осмѣливаюсь писать только о тѣхъ, которые съ большею пользою могутъ быть употреблены.» Благодаря этимъ вліятельнымъ Полякамъ, на сеймѣ 1736 года дѣло кончилось по желанію русскаго правительства: постановлено удержать въ Курляндіи прежнюю правительственную форму и дать королю право назначить новаго герцога; это рѣшеніе состоялось, несмотря на сильное сопротивленіе духовенства, которое грозило отлученіемъ тѣмъ депутатамъ, которые бы рѣшились говорить о курляндскихъ дѣлахъ. Кейзерлингъ подкупилъ одного посла, который рѣшился начать говорить о Курляндіи и былъ поддержанъ преданными Россіи людьми, такъ что 114 голосовъ оказалось въ пользу, и только шесть противъ самостоятельности Курляндіи; самую дѣятельную помощь Кейзерлингу оказали новый канцлеръ коронный Залускій, князья Чарторыйскіе, каштелянъ Черскій и особенно возвратившійся недавно изъ Франціи Ожаровскій, бывший прежде, какъ мы видѣли, ревностнымъ приверженцемъ Лещинскаго. Когда дѣло перешло изъ посольской избы въ сенатъ, то здѣсь духовенство и особенно епископъ Куявскій «двигали небо и землю» для уничтоженія рѣшенія посольской избы; епископъ Куявскій объявилъ Кейзерлингу, что самъ разорветъ сеймъ, если онъ, посоль, не перестанетъ проводить курляндское дѣло. Тогда Кейзерлингъ, по настоянію короля, объявилъ, что въ Россіи будетъ дозволено свободное отправленіе католическаго богослуженія и въ Курляндіи будетъ позволено произвести судъ

относительно отнятыхъ у католиковъ двухъ церквей. Король спросилъ у духовенства, хочетъ ли оно уступить изъ рукъ такія выгоды и вмѣстѣ потерять Курляндію? Послѣ этого вопроса духовенство перестало сопротивляться. «Теперь надобно, писалъ Кейзерлингъ, чтобъ ваше в—ство приняли рѣшеніе насчетъ особы будущаго герцога, ибо, по смерти стараго герцога, усилія иностранныхъ державъ увеличатся и должно будетъ ожидать большихъ затрудненій. Князь Вишневецкій и Радзивиллы, также примасъ, по представленіи ему опредѣленной вашимъ в—ствомъ пенсіи, и коронный великій маршалъ Мнишекъ показали вѣрность и ревность свою въ курляндскомъ дѣлѣ.»

Курляндское дѣло было главнымъ предметомъ заботъ Кейзерлинга. Въ 1737 году онъ поѣхалъ въ Петербургъ за инструкціями и, на возвратномъ пути въ Ригѣ узналъ о смерти герцога Фердинанда. Онъ отправился немедленно въ Митаву и оттуда, въ маѣ мѣсяцѣ, писалъ императрицѣ, что какъ можно скорѣе надобно произвести избраніе новаго герцога, что такого мнѣнія и доброжелательные польскіе вельможи: только скорымъ избраніемъ можно отнять время и случай у католическаго духовенства и чужихъ державъ возбудить новыя затрудненія и произвести въ здѣшней странѣ партіи и безпорядокъ. Кейзерлингъ относительно избранія устроилъ дѣла такъ, что по выѣздѣ изъ Митавы могъ писать императрицѣ: «Все здѣсь въ такой желанной диспозиціи находится, что я совершенно надеженъ, что никакія прусскія деньги, какъ бы велики ни были, нималѣйшаго впечатлѣнія не производятъ, ибо всякому здѣсь будущая безопасность уставовъ и вольностей своихъ пріятна; притомъ же извѣстно, какъ велика ненависть, которую республика питаетъ къ Пруссіи.» Кейзерлингъ не допустилъ до оберратовъ курляндскихъ письма къ нимъ отъ стараго искателя герцогства, Морица саксонскаго, который напоминалъ оберратамъ о своемъ прежнемъ избраніи. Морицъ писалъ и къ Кейзерлингу, предлагая пріѣхать въ Петербургъ, чтобъ покончить тамъ дѣла, и требуя отъ Кейзерлинга слова, что его въ Петербургѣ не принудятъ ни къ чему и позволять уѣхать, когда захочетъ; письмо осталось безъ отвѣта. Кейзерлингъ изъ Митавы съѣхалъ въ Дрезденъ, ко двору Августа III, чтобъ тамъ устроить вторую половину дѣла. Получивши извѣстіе, что въ Митавѣ курляндскіе чины единодушно и добровольно избрали въ герцога

россійскаго императорскаго оберъ-камергера, имперскаго графа фонъ-Бирона, Кейзерлингъ немедленно объявилъ объ этомъ королю, и тотъ отвѣчалъ, что ему особенно пріятно избраніе Бирона съ исключеніемъ другихъ кандидатовъ, и такимъ образомъ исполнено желаніе республики, которая всегда требовала избранія природнаго Курляндца. Въ сенатѣ русскіе приверженцы, составлявшіе большинство, рѣшили дѣло въ пользу избранія Бирона, несмотря на протесты епископа краковскаго, утверждавшаго, что курляндскіе чины преступили предѣлы правъ своихъ, ибо по смерти герцога только король могъ назначить сеймъ.

Въ Курляндіи и въ польскомъ сенатѣ дѣло кончилось благополучно; но что скажутъ на сеймѣ, тѣмъ болѣе, что коронный гетманъ Потоцкій обнаруживалъ враждебныя для Россіи замыслы. Самый важный вопросъ, который долженъ былъ рѣшиться на сеймѣ—это старый вопросъ объ умноженіи польской арміи. Кейзерлингъ считалъ утвердительное рѣшеніе этого вопроса опаснымъ: «Такъ какъ, писалъ онъ въ маѣ 1738 года, коронный гетманъ уже обнаружилъ свои вредныя замыслы, то надобно его силу уменьшать, а не увеличивать увеличеніемъ войска. Я здѣсь внушалъ, чтобъ это увеличеніе произошло безъ отягощенія королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ имѣній, внушалъ, что оно возбудитъ подозрѣніе воюющихъ державъ и заведетъ республику далеко. Главнымъ вождемъ диссидентовъ, которыхъ много въ Великой Польшѣ, я внушилъ смотрѣть на сеймикахъ, чтобъ увеличеніе войска никакъ не прошло: теперь представляется имъ благопріятный случай получить свободу своей религіи и одинакія съ католиками преимущества, но гораздо труднѣе будетъ этого достигнуть при сильной арміи, которая будетъ поддерживать католическое духовенство.» Но изъ Петербурга посланникъ получалъ указы — хлопотать, чтобъ Польша приняла участіе въ турецкой войнѣ; хлопотать, чтобъ Польша вступила въ войну и въ то же время препятствовать увеличенію ея войска было нельзя, и потому Кейзерлингъ писалъ, что если республика вступить въ войну не согласится, то онъ будетъ мѣшать увеличенію ея войска. Въ сентябрѣ Кейзерлингъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву, гдѣ составила комиссія для изысканія средствъ къ увеличенію войска, и уже нашла столько денегъ, что на нихъ можно было прибавить отъ 15 до 18,000 человѣкъ. Кейзерлингъ

обратился къ главнымъ своимъ друзьямъ, Понятовскому и Чарторыйскому, съ внушеніемъ, что Польша събудетъ принять участіе въ войнѣ. Тѣ отвѣчали, что они вполне согласны насчетъ необходимости войны, но вотъ бѣда: фельдмаршалъ Минихъ въ послѣднюю кампанію прошелъ чрезъ польскія владѣнія, и это даетъ возможность неблагонамѣреннымъ людямъ внушать шляхетству, что это сдѣлано нарочно, чтобъ втянуть республику въ войну, ибо Турки не преминули также войти въ польскія области и опустошить ихъ.

Въ концѣ сентября начался сеймъ, и начался волненіями по поводу прохода русскихъ войскъ чрезъ владѣнія республики. Недоброжелательные говорили, что этотъ поступокъ противенъ данному на пацификаціонномъ сеймѣ обѣщанію, что русскія войска не будутъ болѣе входить въ польскія владѣнія. Кейзерлингъ доказывалъ депутатамъ, что Минихъ имѣлъ полное право это сдѣлать, ибо Татары прежде, въ 1737 году, нанали на Украину чрезъ польскія владѣнія; если же этимъ проходомъ русской арміи кому-нибудь изъ Поляковъ былъ причиненъ убытокъ, то онъ непременно будетъ вознагражденъ. Но извѣстно, что русскими солдатами подданные республики не биты до смерти, въ плѣнъ не взяты, города и деревни не сожжены, что именно сдѣлано Татарами, и, несмотря на то, о Татарахъ никто ничего не говоритъ. Но объясненія Кейзерлинга мало помогали, и онъ успѣлъ только въ одномъ, что дѣло о проходѣ русскихъ войскъ было отложено; этимъ временемъ посланникъ воспользовался, чтобъ другаго рода убѣжденіями «приводить земскихъ пословъ къ лучшему разсужденію и намѣренію.» Такъ какъ не оказалось никакой надежды склонить сеймъ къ объявленію войны Турціи, то оставалось дѣйствовать противъ увеличенія числа войска. Видя, что большая часть пословъ убѣждена въ необходимости этого увеличенія, Кейзерлингъ вмѣстѣ съ австрійскимъ посланникомъ и королевскимъ дворомъ положили дѣйствовать тайно и осторожно, именно давать видъ, что умноженіе войска чрезвычайно для нихъ желательно, а между тѣмъ дѣйствовать такъ, чтобъ сеймъ принималъ умноженіе войска какъ дѣло преднамѣренное только (*dispositiv*). Это было легко сдѣлать именно потому, что между желающими умноженія войска было несогласіе относительно того, чѣмъ содержатъ его и отъ кого оно должно зависѣть: такъ нѣ-

которые хотѣли, чтобъ учреждена была ландмилиція, зависящая отъ короля и республики, что было оскорбительно для Потоцкаго, видѣвшаго здѣсь недовѣріе къ себѣ. А между тѣмъ срокъ сейма истекалъ, и самъ гетманъ, требовавшій сначала дѣйствительнаго умноженія войска, за день до заключенія сейма отказался отъ своего требованія и согласился, чтобъ постановлено было преднамѣренное умноженіе. Но уже было поздно, никакіе вопросы рѣшены быть не могли, и сеймъ «рушился безплодно.»

Потоцкій уѣхалъ съ сейма недовольный и не переставалъ обнаруживать вражду къ Россіи. Весною 1739 года Татары вторглись въ русскіе предѣлы изъ польскихъ владѣній, гдѣ встрѣтили, по распоряженію гетмана, самый дружественный приемъ, были снабжены всѣмъ нужнымъ. Къ Потоцкому отправленъ былъ генералъ-майоръ Даревскій, которому Кейзерлингъ далъ двѣ инструкціи—явную и тайную. Въ явной Даревскому предписывалось удостовѣрить гетмана и всѣхъ другихъ, что Россія свято сохранить договоры съ Польшею во всѣхъ пунктахъ, и для предупрежденія всякаго враждебнаго столкновенія между Русскими и Поляками ему Даревскому и велѣно быть при гетманѣ; увѣрить Потоцкаго въ милости императрицы и въ готовности показать дѣйствительные ея опыты. Въ тайной инструкціи говорилось: обнадежить коронную гетманшу дѣйствительными опытами высочайшей милости и щедрости, какъ только окажутся полезныя дѣйствія ея стараній. Такъ какъ генералъ Миръ и староста Струтинскій имѣютъ сильное вліяніе на гетмана, то стараться всякими способами привлечь ихъ на сторону Россіи. Можно дать знать генералу Миру, что онъ сильно обнесенъ при королевскомъ дворѣ и держится въ своемъ чинѣ только силою гетмана; но гетманъ старъ и слабъ, слѣдовательно его покровительство не можетъ быть продолжительно, и потому благоразуміе требуетъ искать другаго покровительства, именно покровительства русской императрицы; обнадеживать его и пенсіей и ходатайствомъ за него Кейзерлинга при польскомъ дворѣ. Нужно также деньгами и всякими другими способами привлечь на свою сторону Струтинскаго, чрезъ котораго идетъ тайная корреспонденція, чрезъ него слѣдовательно можно будетъ открывать французскія, шведскія и турецкія намѣренія. Кромѣ этихъ инструкцій Даревскій былъ снабженъ письмами отъ Понятовскаго и Чарторыйскаго, а глав-

ное отъ жены короннаго маршала Мнишка, матери гетманши Потоцкой; Кейзерлингъ болѣе всего надѣялся привлечь Потоцкаго *этимъ каналомъ*, т.-е. посредствомъ тещи, которой дано было 1500 червонныхъ и общано 20,000 ефимковъ. Дочери ея, Потоцкой, дано было 1300 червонныхъ. Кромѣ этихъ лицъ литовскому гетману, князю Вишневецкому, дано было 800 червонныхъ и женѣ его 2500; самому коронному гетману, Потоцкому, подарены были часы въ 700 червонныхъ; примасть получилъ ежегодной пенсіи 3166 червонныхъ, духовникъ его 100 червонныхъ, сеймовому маршалу на сеймѣ 1738 года дано было 1000 червонныхъ, разнымъ земскимъ посламъ 3300; князю Радзивилу, воеводѣ новогрудскому 500; нѣкоторымъ постояннымъ пенсионерамъ 1672 червонныхъ.

Извѣстіе о проходѣ Миниховой арміи чрезъ польскія владѣнія опять подняло сильное волненіе. Даревскій писалъ, что онъ въ успѣхѣ повѣренныхъ ему дѣлъ сильно сомнѣвается и считаетъ пребываніе свое при гетманѣ бесполезнымъ. Кейзерлингъ написалъ Мнишку и женѣ его, чтобъ они немедленно ѣхали къ Потоцкому и своимъ присутствіемъ приводили его къ лучшему намѣренію. Кейзерлингъ приписывалъ враждебность Потоцкаго особенно тому, что Минихъ не принялъ его ходатайства за одного жиды: «Онъ не меньше честолюбивъ, какъ и сребролюбивъ, и Турки пользуются этою его слабостію,» писалъ посланникъ. Но волненія въ Польшѣ все усиливались, толковали о конфедераціи; Поляки изъ Франціи присылали письма въ Польшу, что еще нельзя отчаяваться, чтобъ старый отецъ отечества, т.-е. Лещинскій, снова не явился въ Польшѣ. Кейзерлингъ на каждой почтѣ внушалъ Даревскому, чтобъ приклонялъ короннаго гетмана на русскую сторону, хотя бы для этого надобно было истратить большую сумму денегъ. Даревскій писалъ ему, что Минихъ уже общалъ Потоцкому 100,000 рублей, и Потоцкій хотя не принялъ, но и не отвергнулъ, а общалъ снестись съ короннымъ маршаломъ Мнишкомъ и его женою. 23 августа графиня Мнишекъ увѣдомила Кейзерлинга, что Потоцкій намѣренъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ и уже вступилъ съ Даревскимъ въ секретную и конфидендную конференцію. Но относительно короннаго гетмана Кейзерлингъ не могъ усвоиться, тѣмъ болѣе, что коронный подканцлеръ Малаховскій сообщилъ ему проектъ союза между По-

льшею и Турціею, съ которымъ подольскій стольникъ Гуровскій ѣздилъ въ Константинополь отъ Потоцкаго и нѣкоторыхъ другихъ сенаторовъ. Въ этомъ проектѣ Поляки предлагали составить конфедерацію, для чего требовали отъ Порты отъ 3 до 400,000 червонныхъ займы, и Порта обѣщала исполнить это требованіе, какъ скоро конфедерація будетъ составлена. Порта согласилась и на другое требованіе, выставить у Хотина и Сорокъ 50,000 Турокъ и Татаръ для подкрѣпленія Поляковъ въ ихъ дѣйствіяхъ противъ Русскихъ. Поляки требовали, чтобъ Порта побудила Швецію прислать къ нимъ на помощь 10,000 пѣхоты и 500 офицеровъ для обученія польскихъ войскъ. На это требованіе Порта отвѣчала, чтобъ Поляки сами снеслись объ этомъ съ Швеціею. Гуровскій получилъ въ Константинополѣ въ подарокъ 6000 ефимковъ и шесть лошадей, и по возвращеніи подговорилъ нѣсколько хоругвей коронной арміи и соединилъ ихъ съ турецкимъ войскомъ, послѣ чего издалъ универсалы, призывая къ конфедерации воеводство подольское; но подольскій воевода Ржевускій удержалъ шляхту въ покоѣ. Между тѣмъ вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы республики и грабежи козаковъ продолжали подавать поводъ къ волненіямъ, и король, для ихъ успокоенія, по внушенію Кейзерлинга, отпривилъ какъ въ Петербургъ, такъ и въ Константинополь посольства съ требованіемъ вознагражденія за убытки и достаточнаго снабженія, что впродолженіе съ обѣихъ сторонъ польскія границы не будутъ захватываемы. Но Кейзерлингъ продолжалъ беспокоиться: «Какъ знатное, такъ и мелкое шляхетство, писалъ онъ, почти повсюду желаетъ усиленія арміи; такъ какъ оно твердо увѣрено, что зависть сосѣднихъ державъ ихъ къ тому никогда не допуститъ, и такъ какъ это дѣло безъ сейма провести нельзя, а сеймы постоянно рвутся, то уже въ прошломъ году многіе были того мнѣнія, и мелкому шляхетству внушали, что усиленіе арміи можетъ быть произведено только посредствомъ конфедерации; а я конфедерации больше боюсь, чѣмъ конвенція Гуровскаго, тѣмъ болѣе, что продолжительная война можетъ имъ въ томъ способствовать и развязывать руки.»

Извѣстіе о заключеніи мира между Россіею и Портою успокоило посланника, такъ что когда въ концѣ 1739 года изъ Петербурга указали ему на опасность отъ шведскихъ интригъ, то онъ отвѣчалъ: «Слова и представленія шведскаго министра въ Польшѣ

суть пустыя чаши, которыя, если золотомъ не наполнены, у Поляковъ никакого впечатлѣнія и звука не производять; я старался развѣдать, употребляетъ ли шведскій министръ этотъ магнитъ, и узнавъ, что ничего изъ Швеціи ему не прислано, успокоился; а теперь при заключеніи мира съ Портою еще менѣе можно опасаться.»

Между тѣмъ приближалось время сейма. Весною 1740 года графъ Брюль объявилъ Кейзерлингу, что король приметъ за знакъ дружбы, если получить конфидентное изъясненіе, охотно ли императрица желаетъ, чтобъ сеймъ состоялся и что желаетъ на немъ провести, и склонна ли помогать тому, чтобъ онъ состоялся. Въ первомъ случаѣ надобно заблаговременно пресѣчь всѣ препятствія къ успѣшному окончанію сейма. Первое препятствіе— это жалобы многихъ на обиды, причиненныя русскими войсками при проходѣ ихъ чрезъ польскія области: самый легкій способъ къ отстраненію этого препятствія — назначить съ русской стороны нѣкоторую сумму денегъ, которую русскіе комиссары раздѣляютъ между вельможами, а эти между мелкою шляхтою. Но самый лучший способъ къ тому, чтобъ сеймъ не порвался, это провести умноженіе войска, чего польская нація такъ усердно желаетъ. Король не несклоненъ удовлетворить желанію націи, которая не можетъ равнодушно видѣть свои обнаженныя границы подверженными насильственному вербованію и другимъ дерзостямъ со стороны сосѣднихъ державъ. Приведеніе этого пункта всего больше поможетъ сейму состояться, и потому король заблаговременно желаетъ знать, угодно ли будетъ императрицѣ чрезъ своихъ друзей проводить умноженіе войска?

Но рѣшеніе этого вопроса было важно не для одной Россіи. Къ Кейзерлингу явился прусскій резидентъ Гофманъ съ объявленіемъ, что король его, по дружбѣ къ императрицѣ и по общему сосѣдственному интересу относительно республики польской, приказалъ ему поговорить съ нимъ откровенно и условиться, какъ дѣйствовать на сеймѣ, какъ отвращать вредное и содѣйствовать полезному. Здѣсь преимущественно важны три пункта: 1) умноженіе войска, что не можетъ быть очень пріятно для сосѣдей; 2) вопросъ торговый; 3) диссидентское дѣло. Относительно пертаго пункта Гофманъ объявилъ, что, по сентиментамъ его короля, умноженіе войска не доброе дѣло, и слѣдовательно лучше было

бы сеймъ разорвать. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что умноженіе войска будетъ не такъ велико, чтобъ могло возбудить опасенія сосѣднихъ державъ; очень сильнаго увеличенія войска не можетъ допустить и самъ король польскій, изъ опасенія чрезмѣрно увеличить значеніе гетмана; притомъ дѣло еще далеко до конца, ибо если увеличеніе войска составляетъ предметъ общаго желанія, то, съ другой стороны, существуетъ сильное разногласіе относительно способовъ этого увеличенія, разногласіе по вопросу, откуда брать деньги на содержаніе войска. Слѣдовательно все что можетъ сдѣлать настоящій сеймъ — это назначить комиссію для обсужденія вопроса. И такъ какъ умноженіе войска есть предметъ общаго желанія, то стараться противодѣйствовать исполненію этого желанія значитъ возбуждать противъ себя всеобщую ненависть, а секретно этого дѣлать нельзя, потому что надобно употреблять Поляковъ же; наконецъ если Поляки увидятъ, что чужія державы разрываютъ сеймы для воспрепятствованія умноженію войска, то обратятся къ чрезвычайному средству, къ конфедерации, что будетъ для сосѣднихъ державъ гораздо опаснѣе. Что касается религіознаго вопроса, то поднимать его на сеймѣ бесполезно; ибо всякій разъ, какъ онъ былъ поднимаемъ, постановленія противъ диссидентовъ подтверждались новыми, болѣе для нихъ тяжкими; надобно настаивать на одно, чтобъ приведено было въ дѣйствіе сеймовое постановленіе 1736 года о комиссіи для изслѣдованія диссидентскаго дѣла.

Кейзерлингъ тѣмъ болѣе опасался усиливать нерасположеніе къ Россіи, что враждебныя дѣйствія противъ нея нѣкоторыхъ и знатнѣйшихъ вельможъ продолжались. Воевода подольскій Ржевускій успѣлъ склонить извѣстнаго Гуровскаго къ тому, что тотъ инкогнито пріѣхалъ въ Варшаву и подалъ королю подробный доносъ о сношеніяхъ вельможъ съ Турками: условлено было образовать конфедерации, и когда волненіе распространится, то сильному корпусу Турокъ дѣйствовать въ Польшѣ, а другому корпусу вторгнуться въ Богемію, Силезію и идти далѣе въ глубь цесарскихъ владѣній, а Шведамъ дѣйствовать изъ Финляндіи. Связь польскихъ вельможъ съ Турціею и Швеціею еще не прекратилась, сношенія продолжаются, часть переписки идетъ черезъ него, Гуровскаго, но онъ обизуется доставлять ее королю. Въ награду за это Августъ III назначилъ Гуровскому ежегодную

пенсію. Ночью Ржевускій привезъ Гуровскаго къ Кейзерлингу, и тотъ узналъ отъ него, что гетманъ Потоцкій съ трудомъ согласился войти въ обязательство съ Портою, а покойный примасть былъ того мнѣнія, что время выбрано неудобное и они находятся не въ такой силѣ, чтобъ могли привести въ дѣйствіе задуманный планъ. Сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ воевода бельзскій Потоцкій, который въ 1739 году вмѣстѣ съ шведскимъ министромъ выпытывалъ у прусскаго резидента Гофмана, будетъ ли его король помогать этому предиріатию. Гофманъ отвѣчалъ, что онъ не берется вести это дѣло, пусть пошлютъ въ Берлинъ повѣреннаго, который сдѣлаетъ предложеніе самому королю. Воевода бельзскій отправился въ Берлинъ, и король обѣщалъ дать конфедератамъ 50,000 ружей съ штыками. Кейзерлингъ далъ Гуровскому 1000 ефимковъ ²⁷⁷.

Такъ обнаруживалась дружба прусскаго короля къ императрицѣ, дружба, о которой говорилъ Гофманъ. Мы видѣли, что помѣхою этой дружбѣ были польскія дѣла, возведеніе на польскій престолъ курфирста саксонскаго, который, опираясь на Россію и Австрію, не считалъ для себя необходимымъ удовлетворить прусскимъ требованіямъ. Въ началѣ 1735 года Ягужинскій былъ смѣненъ при прусскомъ дворѣ извѣстнымъ намъ барономъ Браклемъ, который былъ иривнать королемъ очень милостиво. «Король, писалъ Бракель, все дѣлаетъ своею головою одинъ, и министры о королевскихъ рѣшеніяхъ, ежедневно измѣняющихся по конъюнктурамъ, узнаютъ только тогда, какъ они уже состоялись. Проектъ общаго мира, предложенный морскими державами, очень не нравится при здѣшнемъ дворѣ. Король, за столомъ, за которымъ и я имѣлъ честь обѣдать, говорилъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ о Французахъ, если они примутъ проектъ и покинутъ Станислава. Нельзя описать злобу, которую всѣ здѣсь питаютъ къ королю Августу. Я долго разговаривалъ съ тайнымъ совѣтникомъ Тулемейеромъ, который разсуждалъ, что Петръ Великій съ царскимъ и здѣшнимъ дворами согласился никакъ не допускать саксонскаго наслѣднаго принца на польскій престолъ, а теперь оба императорскіе двора, обойдя Пруссію, эту конвенцію уничтожили и хотятъ насильно поддержать на польскомъ престолѣ саксонскаго курфирста противъ воли прусскаго короля, у котораго ключъ къ дверямъ Польши; слѣдовательно безъ Пруссіи

Августъ никакъ не удержится на престолѣ, хотя бы вся Европа была за него. Нельзя понять, для чего императорскіе дворы хотять усиливать саксонскаго курфирста, который самъ по себѣ силенъ, имѣеть восемь милліоновъ доходу и можетъ выставить 30,000 войска; для чего хотять ему подать случай по смерти цесаря прежде всѣхъ нарушить прагматическую санкцію, Богемію и Силезію отобрать, установить наследственность польскаго престола въ своемъ домѣ и наконецъ сдѣлаться самодержцемъ въ Польшѣ. Я отвѣчалъ, что опасенія насчетъ усиленія курфирста саксонскаго неосновательны; гораздо вреднѣе всѣмъ соебдямъ и особенно Пруссіи польскій король, который въ союзѣ съ Франціею и Швеціею и въ зависимости отъ нихъ.» Королю не нравилось, что Россія посылаетъ цесарю вспомогательный корустъ; онъ говорилъ австрійскому посланнику, князю Лихтенштейну: «На русское войско никакъ полагаться нельзя, оно вовсе не такъ хорошо, какъ о немъ разглашаютъ; притомъ за недостаткомъ мундира и прочихъ потребностей не въ состояніи предпринять дальняго похода; я уже 20 лѣтъ съ ними обхожусь и знаю, сколько на нихъ можно полагаться.» Самому Бражелю король выражалъ опасенія, чтобы Августъ III не сдѣлался самодержавнымъ въ Польшѣ и чрезъ это страшнымъ для соебдѣй; о герцогствѣ курляндскомъ сказала, что оно очень нужно для Лифляндіи и современемъ къ ней можетъ быть присоединено. — Фридрихъ Вильгельмъ прямо сказалъ Лихтенштейну: «Я знаю, что мои министры и придворные взяли и берутъ деньги отъ французскаго правительства, но я на нихъ за это не сержусь, потому что французскія деньги въ моемъ государствѣ обращаются.»

Въ іюнѣ Бражелъ писалъ, что здоровье короля очень плохо, страшно кашляетъ и лѣвая рука сохнетъ; за обѣдомъ, на которомъ былъ и посланникъ, король говорилъ съ наследнымъ принцемъ и княземъ Дессау. только о своей скорой смерти, какія пойдуть послѣ нея перемѣны и расходы, такъ что все собранное имъ въ короткое время будетъ истрачено. Но опасенія скоро разсѣялись, и въ Августѣ король просидѣлъ цѣлую ночь, пища проектъ объ улаженіи польскихъ дѣлъ: онъ никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что Августъ останется на польскомъ престолѣ, а потому, видя, что Станиславъ долженъ отказаться отъ него, предлагалъ, чтобы оба соперника отказались, и Станиславъ

и Августъ, и Поляки пусть выберутъ кого-нибудь третьяго изъ своихъ, а Станиславъ и Августъ пусть пользуются королевскимъ титуломъ и получаютъ нѣкоторую сумму денегъ. Ночь прошла даромъ: Августъ III не думалъ отказываться отъ польскаго престола, и досада Фридриха-Вильгельма, вслѣдствіе извѣстной его страсти, разрѣшилась самымъ смѣшнымъ образомъ: къ Бракелю явился камергеръ Полницъ съ просьбою, нельзя ли склонить польскаго короля, чтобъ хотя прислалъ въ подарокъ шесть человѣкъ великановъ. Бракель отвѣчалъ, что если прусскій король, въ вознагражденіе за свой плохой нейтралитетъ, поспѣшитъ поздравить Августа III польскимъ королемъ, то послѣдній конечно окажетъ свою благодарность великанами. Полницъ проговорился, что присланъ самимъ королемъ. Польскіе вельможи, приверженцы Станислава, нашедшіе убѣжище въ Пруссіи, должны были заплатить за гостепрїимство — великанами.

Въ 1736 году Бракель писалъ: «Здѣшніе министры меня обнадеживали, что король, по полученіи вѣдомости о сдачѣ Азова большую радость оказывалъ и велѣлъ меня поздравить; а такъ какъ здѣсь ласки и учтивости понапрасну не оказываются, то думаю, что явится просьба о позволеніи набрать въ Россіи нѣсколько великорослыхъ людей.» Когда въ іюль мѣсяцѣ берлинскій оберъ-директоріумъ представилъ королю вѣдомость о вредѣ, причиненномъ разливомъ рѣкъ, то Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ въ отвѣтъ: «Въ Пруссіи у меня украдено 30,000,000, Богъ взялъ у меня два милліона: да будетъ воля Господня, яко на небеси и на земли.» — «Это христіанское утѣшеніе, замѣчаетъ Бракель, подкрѣплено огромнаго роста Неаполитанцемъ, который присланъ въ подарокъ королемъ дономъ Карлосомъ.»

Весною 1737 года сильный интересъ въ Берлинѣ былъ возбужденъ вопросомъ объ избраніи курляндскаго герцога. Однажды за столомъ король сказалъ Бракелю, что бьется объ закладъ въ 1000 червонныхъ, что герцогомъ будетъ выбранъ графъ Биронъ. Бракель отвѣчалъ, что можетъ статься, только Биронъ несколько о томъ не старается, и ея величество обнадежила курляндское шляхетство, что она въ это дѣло не мѣшается. — «Однако два полка русскаго войска въ Курляндію вступили и туда же отправленъ русскій эmissарь,» замѣтилъ король. Несмотря на готовность биться объ закладъ, извѣстіе объ избраніи Бирона чрезвычайно неприятно

поразило берлинскій дворъ: надѣялись, что срокъ избранія назначенъ будетъ польскимъ королемъ и республикой, и потому будетъ время выдвинуть прусскихъ кандидатовъ. Король прямо обратился къ Браклю съ упрекомъ, что курляндское дворянство принуждено было къ избранію генераломъ Бисмаркомъ и его полками. Но все должно было ограничиться упрекомъ, потому что Пруссія находилась во враждебныхъ отношеніяхъ почти ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ, особенно съ Ганноверомъ, вслѣдствіе насильственныхъ вербовокъ, которыя Фридрихъ-Вильгельмъ позволялъ себѣ въ чужихъ владѣніяхъ; притомъ очень занималъ вопросъ о юлих-бергскомъ наслѣдствѣ; наконецъ здоровье короля день-о-то-дня становилось все хуже. Когда въ началѣ 1739 года Бракель откланивался Фридриху Вильгельму передъ отъѣздомъ своимъ въ Вѣну, то король просилъ его увѣрить императрицу, что если Швеція или Польша нападутъ на Россійскую имперію, то онъ, и безъ требованія съ русской стороны, готовъ помогать всею своею силою, въ чемъ обязуется королевскимъ словомъ и честью, только просить полнаго довѣрія и откровенности, потому что графъ Левенвольдъ не откровенно съ нимъ поступалъ, откуда и произошло несогласіе въ польскомъ дѣлѣ и нѣкоторая невольная холодность между обоими дворами; онъ, съ своей стороны, охотно все забываетъ, и надѣется также забвенія со стороны императрицы. Въ началѣ 1740 года больной король былъ очень огорченъ извѣстіями, что Франція проводитъ его относительно юлих-бергскаго дѣла и находится въ тѣсной связи съ Швеціею, которую хочетъ наградить въ Лифляндіи. Въ присутствіи Бракеля Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ шведскому послу: «Приведенная въ Финляндіи шведскія войска при теперешней продолжительной стужѣ или померзнуть или съ голоду помрутъ, и Русскимъ тамъ некого будетъ бить.»

Въ февралѣ Фридрихъ Вильгельмъ уже слегъ въ постель, тихо и покорно слушалъ внушенія духовныхъ, говорилъ съ сыномъ какъ отецъ и другъ, уговаривалъ его не предаваться французскимъ прелестямъ, особенно не позволять театровъ и маскарадовъ; объявилъ духовенству, что отъ души прощаетъ всѣмъ своимъ врагамъ, между которыми самый злой шурина его король англійскій, просилъ жену свою написать объ этомъ брату, однако не прежде кончины; а между тѣмъ велѣлъ распечатывать

всѣ письма, чтобъ знать что пишутъ о его болѣзни. Потомъ королю стало легче, онъ переѣхалъ въ Потсдамъ и продолжалъ тамъ бороться съ подагрой и водяною къ величайшему изумленію медиковъ, которые утверждали, что всякій другой человѣкъ не могъ бы бороться и половину того времени. Наконецъ 20 мая Фридрихъ Вильгельмъ I-й умеръ, и на прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ II-й. Находясь въ памяти до послѣдней минуты, Фридрихъ Вильгельмъ, въ присутствіи министра Подевиляса представлялъ своему наслѣднику пользу и необходимость союза съ Россіею, уговаривая Подевиляса утверждать новаго короля въ этомъ мнѣніи; просилъ наслѣдника ни въ чемъ не торопиться, годъ или болѣе оставить все какъ было, пока основательно не изучитъ людей. Бракель доносилъ, что старый король умеръ во-время, потому что въ Берлинѣ хлѣба уже не было, и еслибы Фридрихъ Вильгельмъ прожилъ еще два дня, то въ народѣ необходимо произошло бы волненіе. Первымъ дѣломъ новаго короля было отворить магазины и продавать хлѣбъ за половину цѣну. Потомъ онъ приказалъ навѣдаться у знаменитаго потсдамскаго корнуса, состоявшаго изъ великановъ, какимъ образомъ каждый солдатъ туда попался, и кто желаетъ продолжать службу или не желаетъ. Почти всѣ Русскіе (около 300 человѣкъ) объявили, что желаютъ возвратиться въ отечество и прислали объ этомъ просьбу къ Браклю. Тотъ писалъ императрицѣ: «Такъ какъ изъ нихъ почти всѣ вашимъ величествомъ или вашими предками присланы въ подарокъ покойному королю, то неприлично было бы требовать ихъ назадъ; впрочемъ можно найти средство освободить этихъ людей съ соблюденіемъ благопристойности.»

Новый король прислалъ къ Браклю министра Подевиляса съ объявленіемъ, что онъ предпочитаетъ русскій союзъ другимъ, при чемъ Подевилясъ внушалъ отъ себя, что въ Петербургѣ должны пользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ Фридриха II. Бракель совѣтовалъ своему двору ждать предложеній и условій изъ Берлина; предложенія обязательнаго союза дѣйствительно пошли въ-ходъ, когда въ октябрѣ получено было потрясающее извѣстіе о смерти императора Карла VI-го. Въ Берлинѣ говорили, что Франція теперь сниметъ маску, и старый кардиналъ, по извѣстной своей политикѣ, съ миролюбивою умѣренностію воспользуется

случаемъ для пріобрѣтенія нѣсколькихъ земель и мѣстъ: Думали, что курфюрстъ баварскій вступитъ въ Верхнюю Австрію, Богемію или Тироль, Турки разорвутъ миръ, Венгерцы взбунтуются. «Какія мѣры здѣшній дворъ при этомъ приметъ, писалъ Бракель, — о томъ знать нельзя, потому что король едвали съ своимъ министерствомъ будетъ объ этомъ совѣтоваться; во всѣхъ важныхъ дѣлахъ онъ дѣйствуетъ самъ собою. Несмотря на жестокою лихорадку и опасенія докторовъ, онъ работаетъ день и ночь, сочиняетъ проекты, особенно хлопочетъ объ усиленіи торговли въ своихъ земляхъ. Прилагаю извлеченіе изъ оригинальныхъ рескриптовъ, изъ которыхъ видно, какіе проекты сочинены для привлеченія рижскаго торгова въ Кѣнигсбергъ. Императорская коммерцъ-коллегія конечно будетъ думать о способахъ, какъ бы предупредить это намѣреніе» ²⁷⁸.

Понятно, что Франція сильно хлопотала о привлеченіи молодого прусскаго короля на свою сторону, и могла обѣщать себѣ успѣхъ, потому что извѣстна была склонность Фридриха II-го ко всему французскому. Кантемиръ писалъ къ своему двору изъ Парижа: «Будетъ большое счастье, если англійскій король будетъ въ состояніи уничтожить склонность новаго прусскаго короля къ здѣшнему народу; а съ французской стороны ничего не пропускаютъ для улаканія его прусскаго величества. Кардиналь мнѣ сообщилъ какъ пріятную вѣдомость, что прусскій король пріѣзжалъ инкогнито въ Стразбургъ, гдѣ былъ принятъ съ большими учтивостями. На поступки прусскихъ министровъ здѣсь какъ я, такъ и другіе иностранные министры прилежно смотримъ; до сихъ поръ примѣчается одно, что съ отличною учтивостію ихъ принимаютъ» ²⁷⁹.

Легко понять также, что Франція, давно хлопоча о томъ, чтобы сѣверо-восточная Европа оказывала ей не пренятствія, а помощь въ вопросѣ объ австрійскомъ наслѣдствѣ, не могла не обратить вниманія на Данію. Въ Копенгагенѣ французскій министръ Шавиньи настаивалъ, чтобы датскій дворъ заключилъ съ Франціею субсидный договоръ; но датское правительство боялось, что эти обязательства съ Франціею могутъ завлечь его въ опасныя дѣла, и предпочло субсидный договоръ съ Англіею, который и былъ заключенъ въ началѣ 1739 года. Въ виду шведскихъ вооруженій Алексе. Петр. Бестужевъ-Рюминъ страдалъ датскихъ министровъ

внушениями, что если на сѣверѣ начнутся безпокойства, то Россія принуждена будетъ всю торговлю свою перевести поирежнему къ Архангельску, отъ чего въ зундской пошлинѣ произойдетъ ежегодно отъ 70 до 80,000 ефимковъ недобору, умалчивая о другихъ вредныхъ для Даніи послѣдствіяхъ. «Хотя здѣсь, писалъ Бестужевъ, болѣе десяти французскихъ партизановъ противъ одного истиннаго патріота, которые не токмо къ Шведамъ, но и къ Туркамъ болѣе нежели къ Россіянамъ склонны и всѣми удобоумышленными способами домогаются оныя мои инсинуаціи опровергать; однако довольно могъ примѣтить, что на вышепомянутыя мои инсинуаціи не малая рефлексія чинится, чего ради на всѣ французскіе и шведскіе подвиги недреманно око имѣется»²⁸⁰.

Стремленія Франціи усилить свое вліяніе въ континентальныхъ государствахъ возбудили наконецъ опасенія и въ Англій, заставили ее думать о сближеніи съ Россією, которая сначала казалась такою отдаленною странюю. Мы видѣли, въ какомъ непріятномъ положеніи находился князь Кантемиръ въ Лондонѣ, когда онъ видѣлъ ясно, что англійское министерство хочетъ во что бы то ни стало держаться *диснейвой* политики невмѣшательства, а изъ Петербурга слали ему указъ за указомъ хлопотать о союзѣ и высылкѣ англійской эскадры въ Балтійское море. И послѣ долго Кантемиру приходилось вести бесполезную борьбу противъ политики невмѣшательства. Въ февралѣ 1735 года онъ доносилъ о разговорѣ своемъ съ Горасомъ Вальполемъ по поводу шведскихъ субсидій: «Господина Вальполя отвѣтъ былъ, что въ негоціаціи съ шведскимъ дворомъ слѣпить не можно, понеже министерство англійское не можетъ безразсудно прибавлять обѣщанныхъ Швеціи субсидій, для того, что министры англійскіе должны друзей своихъ въ парламентъ хранить для своего безопаства. Вамъ де извѣстно, что противная партія не спитъ и всегда ищетъ внушать народу, что король много денегъ аглинскихъ напрасно тратитъ: какимъ же образомъ министерство себя, въ дачѣ Швеціи великихъ субсидіевъ, извинить можетъ, когда старается о негоціаціяхъ мирныхъ съ надеждою добраго сукцессу. Если миръ заключится, къ чему намъ шведское войско? а если въ войну вступитъ, то тогда время довольно нанимать войско. Мы де знаемъ, что опасно, чтобъ Швеція не вступила во французскіе

интересы: да что жъ намъ дѣлать? обыкновенія нашего народа намъ руки вяжутъ и понуждаютъ всё дѣла дѣлать съ крайнею предосторожностію.» Кантемиръ жаловался, что англійское министерство «свое безопаство предпочитаетъ общему европейскому интересу.» Положеніе Голландіи очень вѣрно опредѣлилъ Кантемиръ въ разговорѣ съ лордомъ Гаррингтономъ. Когда тотъ сказалъ, что ничего нельзя сдѣлать прежде соглашенія съ Штатами, то Кантемиръ отвѣчалъ ему, что «онъ самъ вѣдаетъ, что въ Голландіи главнѣйшіе правители охотно Французовъ къ самымъ дверямъ отечества допустить, нежели войну начать, которая имъ статгалдера общаетъ, и что потому нечего отъ такихъ людей добра ожидать, если его англійское величество своимъ образомъ и другими способами не понудитъ къ защитѣ падающаго европейскаго равновѣсія, на что онъ отвѣтствовалъ, что когда его в—ство приметъ резолюцію вступить въ войну, то подлинно долженъ понудить статовъ генеральныхъ или вступить въ однѣ съ его в—ствомъ мѣры, или объявиться противъ его величества, понеже, пребывая нейтральными, аглинской торгъ великій ущербъ понесетъ.»

Въ августѣ Кантемиръ имѣлъ долгіе разговоры съ Горасомъ Вальполемъ и герцогомъ Ньюкестлемъ, извѣстилъ ихъ опасность, грозящую европейскому равновѣсію отъ чрезмѣрнаго усиленія Франціи; настаивалъ, что интересъ обѣихъ морскихъ державъ требуетъ предупредить вредныя слѣдствія этого усиленія; общалъ, что Россія будетъ помогать морскимъ державамъ, если онѣ рѣшатся наконецъ на какой-нибудь смѣлый шагъ въ пользу цесаря. Изъ отвѣтовъ обѣихъ онъ заключилъ, что король Георгъ еще самъ не знаетъ, какія мѣры приметъ, и что Англія безъ Голландіи войны не начнетъ.

Кончилась война за Польшу; началась турецкая война, и тутъ со стороны Англіи такое же отсутствіе сколько-нибудь энергическихъ мѣръ для ея прекращенія: «Министерство англійское желаетъ видѣть заключеніе мира, писалъ Кантемиръ въ 1737 году, а каковы къ тому способы интересованнымъ державамъ приличнѣе—не ихъ печаль.» Но когда Россія и Австрія приняли посредничество Франціи; когда исходъ турецкой войны показалъ всю слабость Австріи; когда политика Франціи торжествовала на сѣверѣ и югѣ Европы; когда Англія вступила въ войну съ Испа-

нією и боялась, чтобъ Франція не явилась на помощь послѣдней, то въ Англіи почли необходимымъ сблизиться съ Россією, заключить съ нею оборонительный союзъ, и для этого отправили въ Петербургъ полномочнаго министра Финча, тогда какъ до сихъ поръ здѣсь находился только резидентъ Рондо. Въ сентябрѣ 1740 года герцогъ Ньюкестль говорилъ князю Ивану Щербатову, смѣнившему въ Лондонѣ князя Кантемира: «Франція, подъ видомъ дружбы и посредничества въ примиреніи Англіи съ Испанією, ищетъ всѣхъ способовъ тѣснить Англію, точно такъ, какъ поступала и поступаетъ съ Россією относительно Швеціи, имѣя въ виду всегда одни шведскіе интересы. Поэтому теперь время, прежде шведскаго сейма, для предосторожности отъ бурбонскаго дома, заключить союзъ между Россією и Англією, въ который желательно также привлечь королей прусскаго, датскаго и польскаго, потомъ и Голландцы могутъ войти въ союзъ, но прежде они бояться открыть себя» ²⁸¹.

1740 годъ начался въ Петербургѣ приготовлениями къ чрезвычайнымъ торжествамъ ²⁸²: съ особеннымъ великолѣпіемъ, которое такъ любила императрица, хотѣли отпраздновать заключеніе мира съ Портою. 14 февраля болѣе 20,000 войска было выстроено на Невѣ передъ зимнимъ домомъ (дворцомъ), подъ командою генерала Густава Бирона. Императрица въ богатой робѣ, съ бриллиантовою короною на головѣ благоволила шествовать въ придворную церковь, препровождаемая его высококняжескою свѣтлостію, герцогомъ курляндскимъ. Въ церкви, на амвонѣ, секретарь Бакунинъ, окруженный герольдами, читалъ манифестъ, о мирѣ; послѣ чего въ передней передъ церковію раздали литавры и трубы, на Адмиралтейской и Петропавловской крѣпостяхъ загрохатали пушки, войска дали ружейный залпъ. Когда утихла пальба, преосвященный Амвросій вологодскій произнесъ «съ немалымъ краснорѣчіемъ весьма изрядную проповѣдь. Но Амвросій нисколько не замѣнялъ Θεофана, и потому ему не позволялось говорить длинныхъ проповѣдей: въ 1737 году, по случаю взятія Очакова, императрица писала кабинетъ-министрамъ: «Господа кабинетъ-министры! при благодарительномъ отправленіи службы Божіей и молебствованіи говорить казанье вологодскому архіерею, токмо не очень пространное и не долгое» ²⁸³. Послѣ молебна императрица дѣлала смотръ полкамъ, которые палили съ несказанною поспѣш-

ностію и исправностію. По возвращеніи съ смотра начались поздравленія: предводимые оберъ-гофмаршаломъ графомъ Левенвольдомъ и генераломъ фонъ-Любрасомъ, выступили впередъ «отъ всѣхъ чиновъ всероссійской имперіи, яко депутаты,» князь Черкасскій, Волынскій, фельдмаршалы Минихъ и Леси, и князь Черкасскій, отъ лица всей Россіи говорилъ поздравительную рѣчь, которая оканчивалась молитвою, чтобы Русскіе, послѣдуюа стопамя великой императрицы въ заповѣдяхъ Божіихъ, могли творить удобное предъ Господомъ. А между тѣмъ по городу, съ толпою, при звукахъ трубъ и литавръ, ѣздили герольды, читали манифестъ о мирѣ и бросали въ народъ золотые и серебряные жетоны. Темнота ночи, послѣдовавшей за этимъ торжественнымъ днемъ, была почти весьма нечувствительна, благодаря великолѣпной иллюминаціи, ибо и въ самыхъ бѣдныхъ домахъ ни на одномъ окнѣ меньше десяти свѣчъ зажечь нельзя было. На другой день маскарадъ во дворцѣ. 17 февраля угощеніе народу: герольды метали на всѣ стороны золотые и серебряные жетоны «и понеже сіе въ волнуемомъ народѣ производило; весьма веселое движеніе, то ея императорское величество и прочія высокія особы чрезъ довольное время смотрѣніемъ изъ оконъ веселиться изволили.» Когда же народъ ринулся къ приготовленному для него кушанью и пущенному изъ фонтана красному вину, то высокія особы еще болѣе увеселились. Во дворцѣ потомъ балъ и ужинъ, на Певѣ великолѣпный фейерверкъ: «И понеже огни въ приближающійся къ мѣсту фейерверка народъ нечаянно пущены были, то произвели они въ немъ слѣпой страхъ, смущенное бѣгство и великое колебаніе, что высокими и знатными зрителями при дворѣ ея и в—ства особливую причину къ веселію и забавѣ подало.»

Очень многіе могли сравнить это торжество срытія азовскихъ укрѣпленій, за которое было заплачено 100,000 русскихъ солдатъ, съ торжествомъ ништадтскаго мира при великомъ дядѣ, и, сравнивая торжества, сравнить причины ихъ. Въ манифестѣ о мирѣ провозглашалось: «Война прекращена въ благополучный миръ.... Чрезъ оный миръ границы наши такимъ образомъ распространены, что они уже претерпѣннымъ до нынѣ самовольнымъ набѣгамъ и разореніямъ болѣе подвержены не будутъ, но въ потребную безопасность приведены; прежнія извѣстнаго несчастливаго прутскаго трактата кондиціи вовсе уничтожены, и го-

сударство наше отъ такихъ весьма обидныхъ, предосудительныхъ и безславныхъ обязательствъ освобождено»²⁸⁴. Но многіе могли не понимать, какимъ образомъ границы распространены такъ, что Татары не могутъ болѣе въ нихъ вторгаться; многіе знали, что кондіціи прутскаго трактата не вовсе уничтожены. Во время фейерверка на Невѣ горѣли слова: «Безопасность имперіи возвращена;» но уже было извѣстно, что Порта заключаетъ союзъ съ Швеціею, а Швеція грозитъ войною Россіи. Послѣ мирныхъ торжествъ, весною того же года велѣно было всѣ крѣпости, и особенно *остзейскія*, въ надлежащую исправность и оборону приводить съ возможнымъ поспѣшніемъ²⁸⁵. Было извѣстно, что Франція подняла въ Швеціи антирусскую партію, и въ то же время Франція посредничала при заключеніи мира Россіи съ Портою, и въ Петербургѣ на придворномъ балу по случаю мирнаго торжества видѣли давно небывалое здѣсь лицо: открывалъ балъ менуэтомъ съ цесаревною Елисаветою Петровною французскій посолъ, маркизъ Шетарди, который во время польской войны такъ сильно дѣйствовалъ въ Берлинѣ противъ Россіи. Его ждали съ нетерпѣніемъ въ Петербургѣ, надѣялись, что съ его пріѣздомъ разъяснится дѣло и Россія успокоится насчетъ Швеціи; но живой, ловкій, любезный маркизъ относительно дѣлъ политическихъ хранить упорное молчаніе. Зачѣмъ же пріѣхалъ Шетарди въ Россію?

Французскій агентъ Лалли въ запискѣ своей о положеніи Россіи, поданной кардиналу Флѣри, говорилъ: «Я не могу дать болѣе простой и въ то же время болѣе вѣрной идеи о Россіи, какъ сравнивъ ее съ ребенкомъ, который оставался въ утробѣ матери гораздо долѣе обыкновеннаго срока, росъ тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и, вышедъ наконецъ на свѣтъ, открываетъ глаза, протягиваетъ руки и ноги, но не умѣетъ ими пользоваться; чувствуетъ свои силы, но не знаетъ, какое сдѣлать изъ нихъ употребленіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ въ такомъ состояніи допускаетъ управлять собою первому встрѣчному. Нѣмцы (если можно такъ назвать сборище Датчанъ, Прусаковъ, Вестфальцевъ, Голштинцевъ, Ливонцевъ и Курляндцевъ) были этими первыми встрѣчными. Вѣнскій дворъ умѣлъ воспользоваться такимъ положеніемъ націи и, можно сказать, что онъ управлялъ петербургскимъ дворомъ съ самаго возшествія на престолъ нынѣш-

ней царицы.» Лалли оканчиваетъ свою записку такъ: «Россія подвержена столь быстрымъ и столь чрезвычайнымъ переворотамъ, что выгоды Франціи требуютъ необходимо имѣть лицо, которое бы готово было извлечь изъ того выгоды для своего государя»²⁸⁶.

Такимъ лицомъ и былъ маркизь Шетарди, присланный затѣмъ, чтобъ освободить Россію изъ-подъ австрійскаго вліянія и подчинить французскому, и если этого нельзя было сдѣлать съ помощію настоящаго правительства, то произвести переворотъ, въ возможности котораго увѣряли. На первое было мало надежды: связь петербургскаго двора съ вѣнскимъ, какъ казалось, была еще болѣе скрѣплена выдачею замужъ племянницы императрицыной, Анны Леопольдовны Мекленбургской (дочери герцогини Екатерины Иоанновны) за принца Антона Брауншвейгскаго, племянника цесаревы. Кантемиръ писалъ, что во Франціи недовольны этимъ бракомъ: когда онъ извѣстилъ о немъ, то ни король, ни Флѣри, ни Амелотъ не отозвались никакимъ комплиментомъ. Во Франціи очень хорошо понимали значеніе Россіи; Кантемиръ писалъ въ 1740 году: «Статскаго секретаря Морена недоброжелательство къ Россіи основано на его нравѣ: человекъ высокомерный и другъ одного своего народа, онъ не только не любитъ народовъ чуждыхъ, но тѣмъ и хвастаетъ, и такъ какъ между всѣми державами Россія можетъ болѣе другихъ противиться здѣшнимъ намѣреніямъ, то его недоброжелательство и направлено преимущественно противъ нея. Въ дѣлѣ пенсіона математику Мопертюи, какъ я подъ рукою провѣдалъ, ему Морена противно показалось, что ваше величество хотѣли послѣдовать примѣру Людовика XIV, награждая ученыхъ людей и внѣ своего государства, какъ будто такая слава была позволена только здѣшнимъ государямъ»²⁸⁷. Въ инструкціи Шетарди говорилось: «Россія въ отношеніи къ равновѣсію на Сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества, и въ отношеніи настоящихъ и *будущихъ* дѣлъ Австріи союзъ ея съ австрійскимъ домомъ чрезвычайно опасенъ. Видѣли по дѣламъ польскимъ, какъ злоупотреблялъ вѣнскій дворъ этимъ союзомъ. Если онъ могъ въ недавнее время привести на Рейнъ корпусъ московскихъ войскъ въ 10,000, то, когда ему понадобится подчинить своему произволу всю имперію, онъ будетъ въ состояніи наводнить Германію толпами варваровъ. Германскіе владѣтели такъ

разъединены и такъ слабы, что отъ нихъ нельзя ожидать твердой рѣшимости предотвратить такое великое несчастье — предвѣстникъ ихъ будущаго паденія, и его величество давно обдумываетъ способы воспротивиться тому.» Указывая на то, что сдѣлано Франціею въ недавнее время въ Швецію, инструкция даетъ знать, что все это сдѣлано съ цѣлю держать Россію въ постоянномъ опасеніи со стороны Швеціи и этимъ ослаблять выгоды русскаго союза для Австріи. Потомъ инструкция прямо высказываетъ ту мысль, что самое вѣрное средство порвать союзъ между Австріею и Россіей, это правительственный переворотъ въ послѣдней: «Состояніе Россіи еще не обезпечено настолько, чтобы нельзя было ожидать внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство для своего утвержденія ничѣмъ не пренебрегало въ притѣвленіи и разогнаніи старинныхъ русскихъ фамилій; но все еще остались недовольные гнетомъ иностранцевъ: они вѣроятно прервутъ молчаніе и бездѣйствіе, когда увидятъ возможность сдѣлать это безопасно и съ успѣхомъ. Теперь король не можетъ имѣть вѣрныхъ подробностей объ этомъ положеніи; но, припоминая незначительность права, на основаніи котораго герцогиня курляндская взшла на русскій престоль мимо принцессы Елисаветы и сына герцогини голштинской, трудно предполагать, чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія. Очень важно, чтобы маркизь Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ какъ можно вѣрнѣе о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о значеніи друзей принцессы Елисаветы, о приверженцахъ дома голштинскаго, которые остались въ Россіи, о духѣ въ разныхъ отдѣлахъ войска и командировъ его, наконецъ обо всемъ, что можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота»²³⁸.

Шетарди наблюдаетъ, вывѣдываетъ, хотя ему это очень трудно по незнанію языка: онъ не можетъ безъ переводчика объясняться ни съ императрицею, ни съ Бирономъ. Но ему не такъ пужно разговаривать съ императрицею и Бирономъ, какъ съ русскими вельможами; но изъ нихъ онъ могъ объясняться только съ княземъ Куракинымъ, другіе не умѣли говорить по-французски, да и не имѣли охоты сблизаться съ французскимъ посланникомъ. Шетарди признавался, что ему надобно вооружиться большимъ терпѣніемъ. Несмотря на препятствія, Шетарди кой-что провѣ-

далъ и спѣшилъ донести своему правительству, что есть тайное волненіе, возбужденное всеобщимъ и справедливымъ неудовольствіемъ народа противъ владычества иноземцевъ; но прошедшее достаточно показало, что недовѣрчивость Русскихъ другъ къ другу и недостатокъ въ людяхъ съ головой производить то, что никогда не найдутъ начальника, способнаго руководить при переворотѣ и дать ему успѣхъ; притомъ же это подвержено затрудненіямъ почти непреодолимымъ при такомъ тиранически деспотичномъ правленіи; слѣдовательно съ этой стороны, если не увлекаться химерами, нѣтъ никакой надежды. Даже нельзя много надѣяться и на движеніе въ случаѣ смерти царицы.

Есть тайное волненіе, неудовольствіе. Мы видѣли уже причины неудовольствія въ самомъ началѣ царствованія Анны, до переѣзда двора въ Петербургъ. Съ 1732 года до 1740 причины эти не уменьшались, а увеличивались. Двѣ войны слѣдовали одна за другою: причины и выгодныя слѣдствія первой, польской войны, для непосвященныхъ въ политическія соображенія были непонятны; понятны были побужденія ко второй, турецкой войнѣ, но результаты ея были слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ огромными жертвованіями людьми и деньгами; предпріятіе явно не удалось, дѣло съ начала до конца шло не такъ, какъ хотѣли, какъ надѣялись. А тутъ вмѣстѣ съ разореніемъ отъ войны башкирскія бунты, голодъ, пожары, повальные болѣзни, неослабное и суровое взысканіе доимокъ, не перестающія жестокости: свергаютъ, заточаютъ архіереевъ, незаподозрѣваемыхъ въ народѣ относительно ихъ православія, пытаются, казнятъ вельможъ самыхъ видныхъ; нѣтъ пощады и людямъ менѣе значительнымъ. Тайная канцелярія свирѣпствуетъ страшно.

Въ бѣдѣ человекъ любитъ жаловаться, ищетъ, на кого бы сложить вину, даже и тогда, когда никто изъ существъ отвѣтственныхъ не виноватъ; тѣмъ сильнѣе жалобы, когда есть кого обвинить отвѣтственностію, когда есть существо всѣмъ неприятное, за кого никто не заступится, которое находится въ печальной необходимости заступаться самъ за себя противъ всѣхъ, имѣетъ печальную возможность это дѣлать. При Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I-й недовольные складывали вину неприятнаго имъ положенія на фаворита Меншикова, при Петрѣ II-мъ также на фаворита Долгорукаго и его родственниковъ. И теперь фа-

ворить владѣть волею государыни, управляетъ всѣмъ; но этотъ фаворитъ хуже всѣхъ прежнихъ: тѣ хотя и дѣлали много зла изъ корыстныхъ цѣлей, но все же были свои русскіе и неохотники до иностранцевъ; а теперешній фаворитъ иностранецъ. Нѣмецъ, и окруженъ своими земляками. Въ указахъ часто говорится о великомъ Дядѣ, о необходимости возстановить его полезныя отечеству распоряженія; но главное правило великаго Дяди— не давать первенства иностранцамъ предъ русскими, управлять посредствомъ своихъ — это правило было забыто, а оно-то было всего дороже для Русскихъ. Народное чувство было сильно оскорблено, когда увидали небывалое явленіе—фаворита иностранца; когда увидали перваго кабинетъ-министра—иностранца, двоихъ дѣйствующихъ фельдмаршаловъ — иностранцевъ, президентовъ коллегій—иностранцевъ. Съ этимъ явленіемъ не могли помирить никакіе таланты, никакая благонамѣренность, никакой блестящій успѣхъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; а тутъ какъ нарочно главное лицо, фаворитъ былъ человекъ безъ достоинствъ бесплодно для Россіи кормившійся на ея счетъ.

Сначала радовались паденію прежняго фаворита и его родственниковъ, но скоро неудовольствіе на новыхъ любимцевъ заставило благодумнѣе относиться къ старымъ, и когда подвергся опалѣ лучшій изъ Долгорукихъ, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ, то онъ уже явился героемъ-обличителемъ, погибшимъ за правду, за народное дѣло: въ народѣ толковали, что Анна назначила наслѣдникомъ престола своего любимца Левольда (Левенвольда, оберъ-штаалмейстера), что князь Василій въ этомъ поперечилъ, и за то сосланъ³⁸⁹.

Скоро начали подвергаться опаламъ люди видные, за которыми въ народѣ дурнаго не знали, и тѣмъ охотнѣе считали ихъ невинными жертвами ненавистныхъ иноземцевъ. Между людьми, сочувствовавшими попыткѣ Голицына ограничить власть Анны, находился князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ, который, какъ говорили, заболѣлъ и умеръ съ горя, что попытка не удалась. Дочь его Прасковья бросилась къ волшебству, чтобъ чарами склонить къ себѣ императрицу на милость. Дѣло открылось, и княжну Юсупову въ 1730 году сослали въ женскій Тихвинскій монастырь. Въ 1735 году ее взяли въ тайную канцелярію по доносу служанки и стряпчаго: донесли, что она жаловалась на Анну, гово-

рила, что было бы лучше, еслибъ царствовала Елисавета, бранила Бирона, разказывала, что при Петрѣ Великомъ Анну и сестеръ ея царевнами не называли, а просто Ивановнами. За это Юсупову высѣкли кошками, постригли, назвали Проклою и отправили въ Сибирь, въ Введенскій дѣвичій монастырь (при Успенскомъ Далматовѣ монастырѣ). Тамъ она оказалась *безчинна*, монастырское платье сбросила, Проклою не называлась: за это въ 1738 году ее высѣкли шелепами²⁹⁰.

Въ 1733 году съ удивленіемъ должны были узнать объ опалѣ челоѵка знатнаго происхожденія, занимавшаго важное мѣсто, смоленскаго губернатора, князя Александра Черкаскаго. Это дѣло Черкаскаго есть одно изъ самыхъ любопытныхъ дѣлъ тайной канцеляріи въ томъ отношеніи, что доказывало всего лучше безсмыслицу тогдашняго розыска, пытокъ: челоѵкъ невинный былъ приговоренъ къ смерти, потому что оклеветалъ себя изъ страха предъ дыбою. Въ Гамбургѣ къ извѣстному Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину является служившій прежде камеръ-пажемъ при дворѣ мекленбургской герцогини Екатерины Ивановны, Ѳеодоръ Красный Милашевичъ и открываетъ дѣло великой важности: смоленскій губернаторъ князь Черкасскій говорилъ ему, что теперь въ Россіи честнымъ людямъ жить нельзя, кто получше, тѣ пропадаютъ очень скоро; къ нему, Черкасскому императрица была особенно милостива, Биронъ разсердился и удалилъ его отъ двора въ Смоленскъ. Въ Голштиніи живетъ внукъ Петра Великаго, законный наслѣдникъ престола, которому онъ, Черкасскій, привелъ на вѣрность многихъ Смольнянъ. Губернаторъ поручилъ Милашевичу ѣхать въ Голштинію и отдать герцогу два письма, одно отъ него Черкаскаго, другое отъ генерала Потемкина. Милашевичъ утверждалъ, что генераль Александръ Потемкинъ со всею смоленскою шляхтою хочетъ поддаться Станиславу Лещинскому; утверждалъ, что цесаревна Елисавета ходила къ польскому послу, Потоцкому, въ мужскомъ платьѣ. Легко понять, какъ обрадовался опальный Бестужевъ-Рюминъ случаю освободиться отъ опалы, выслужиться у новаго правительства открытіемъ такого важнаго дѣла. Чтобъ не упустить случая побывать въ Петербургѣ и сблизиться съ фаворитомъ, онъ самъ повезъ Милашевича въ Петербургъ. Самъ Ушаковъ поскакалъ въ Смоленскъ арестовать Черкаскаго и изслѣдовать дѣло о преступ-

ныхъ замыслахъ Потемкина—и не могъ ничего открыть. Несмотря на то, дѣло Черкаскаго началось въ особой комиссіи, и несчастный оклеветалъ себя. Его приговорили къ смертной казни; но приговоръ былъ смягченъ: Черкаскаго сослали въ Сибирь. Въ 1739 году Милашевичъ попался по другому дѣлу и, будучи приговоренъ къ смертной казни, объявилъ, что оклеветалъ Черкаскаго, который дѣйствительно совѣтовалъ ему ѣхать въ Голштинію, чтобъ удалить его изъ Смоленска, ибо ревновалъ его къ дѣвицѣ Корсакъ, въ которую былъ влюбленъ. Милашевичъ поѣхалъ въ Киль, не засталъ тамъ герцога, и не имѣя денегъ, бросился въ Гамбургъ къ Бестужеву съ вымышленнымъ доносомъ²⁹¹.

Въ 1736 году имѣли наслажденіе добратся до князя Дмитрія Михайловича Голицына. Поводомъ послужила тяжба зятя его князя Константина Кантемира съ мачихою, княжною Настасьею. Все обвиненіе изложено въ допросѣ сыну князя Дмитрія, дѣйствительному статскому совѣтнику князю Алексѣю Голицыну: «Въ прошломъ 1735 году отецъ твой, князь Дмитрій Голицынъ, писалъ къ тебѣ, что по челобитью вдовы княгини Настасьи Кантемировой на зятя твоего, лейбъ-гвардіи поручика князя Константина Кантемира, въ насильномъ владѣніи недвижимаго ея имѣнія, которое ей дано послѣ мужа ея, велѣно производить судъ, а такого человѣка, который бы въ томъ судѣ отъ стороны того зятя твоего повѣреннымъ быть могъ, не имѣеть, и годнымъ почитаетъ бывшего тогда камеръ-коллегіи камерира Лукьяна Перова, и чтобъ ты его Перова съ прошеніемъ къ тому наговаривалъ, чтобъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ и явиться ему отцу твоему. Ты онаго Перова сыскалъ и просилъ, чтобъ онъ обязался по тому дѣлу повѣреннымъ быть, и ежели пожелаетъ, то общалъ его произвестъ въ судный московскій приказъ секретаремъ. Когда Перовъ склонился, тогда ты написалъ къ отцу своему письмо и доношеніе въ сенатъ о произведеніи его въ московскій судный приказъ въ секретари и, запечатавъ то доношеніе въ одинъ конвертъ, послалъ съ нимъ Перовымъ къ отцу твоему. Объявлялъ ты камеръ-коллегіи членамъ, что отецъ твой велѣлъ ихъ просить объ отпускѣ въ С.-Петербургъ; какъ на то члены отказали, что для партикулярнаго дѣла Перова отпустить не возможно, тогда ты сталъ просить, чтобъ ему дали указъ о взисканіи репортовъ, вѣдомостей и отвѣтовъ по камеръ-контрамъ. По окончаніи вышеписаннаго суднаго

дѣла писалъ къ тебѣ отецъ твой, приказывалъ просить камеръ-коллегіи членовъ о произведеніи Перова въ камеръ-коллегію секретаремъ. Потомъ какъ оный Перовъ секретаремъ произведенъ, писалъ къ тебѣ отецъ твой, что хотя по упомянутому дѣлу судъ и оконченъ, однакожь Перовъ еще для того дѣла потребенъ и чтобъ ты просилъ камеръ-коллегіи членовъ о бытіи ему Перову въ Петербургѣ въ камеръ-конторѣ секретаремъ. Въдая ты многіе указы, что никому государевыхъ людей къ своимъ собственнымъ дѣламъ не употреблять, для чего ты Перова проясками своими отнялъ отъ государственныхъ дѣлъ, исходатайствовалъ изъ Москвы для партикулярнаго своего дѣла въ Петербургѣ, и жалованье ему давано безъ всякаго труда по должности его? Въ чины вѣдно было производить за службы, показанныя ея и в. — ству и государству, а ты искалъ онаго Перова въ секретари произвести для своего партикулярнаго дѣла.»—7-го генваря 1737 года данъ былъ указъ судить кн. Дмитрія Голицына въ сенатѣ кабинетному министру, сенаторамъ, вышняго суда членамъ вмѣстѣ съ генералитетомъ и флагманами и съ коллежскими президентами и членами. Въ чемъ обвиненъ былъ сынъ, въ томъ же обвиненъ былъ и отецъ; кромѣ того прибавлено: 1) отговаривался всегда болѣзнію, не хотя государынѣ и государству по должности своей служить, положенныхъ на него дѣлъ не отправлялъ; указы противнымъ образомъ толковалъ и всячески правду испровергать старался. 2) Нѣкоторыя доношенія, присланныя къ нему изъ Москвы, подлежація для подавія въ сенатъ, у себя удержалъ и утаилъ. 3) Научилъ Перова по дѣлу зятя своего кн. Кантемира въ судѣ поступать, вымышлять по тому дѣлу неправость. 4) Когда Перовъ нѣкоторыя слова отъ него противу закона Божія и совѣсти услышалъ и ему отвѣтствовалъ, что надобно совѣстно разсуждать, и на то онъ князь Дмитрій такъ Богу противно сказалъ, что будто совѣсть подлежитъ до одного суда Божія, а не до человѣческаго. 5) Да онъ же, по призванію въ вышній судъ къ отвѣту, не токмо такія Богу противныя слова подтвердилъ, но еще и злѣе того ядъ свой изблевалъ, объявляя предъ судомъ, что когда бы изъ ада сатана къ нему пришелъ, тобы хотя онъ предъ Богомъ и погрѣшилъ, однакожь и съ нимъ бы для пользы своей совѣтовалъ и совѣтовъ отъ него требовалъ и принималъ. За такія противности, коварства и безсовѣстные поступки, а

наипаче за вышеупомянутыя противныя и богомерзкія слова, судъ приговорилъ Голицына къ смертной казни; но императрица по высочайшему милосердію, повелѣла послать его въ ссылку въ Шлюссельбургъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, а движимое и недвижимое имѣніе все отписать²⁹².

Новый знаменитый заточникъ не нашелъ уже въ Шлюссельбургъ стараго знаменитаго заточника, фельдмаршала князя Василя Владиміровича Долгорукаго: онъ былъ переведенъ въ Ивановгородъ. Но въ своемъ новомъ мѣстѣ заточенія Долгорукій былъ потревоженъ возобновленіемъ дѣла своихъ родственниковъ. О березовскихъ ссыльныхъ не забывали: для отобранія у князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и дѣтей его алмазныхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, и у *разрушенной* (такъ называли княжну Екатерину) портрета Петра II былъ отправленъ гвардейскій сержантъ Рагозинъ. Возвратившись въ Москву изъ своей поѣздки въ апрѣлѣ 1732 года, онъ подалъ графу Салтыкову опись вещей, найденныхъ у Долгорукихъ, о портретѣ же объявилъ, что, по показанію князя Алексѣя и дочери его, онъ былъ написанъ на бумажкѣ за стекломъ и носился на рукѣ; при отъѣздѣ изъ Москвы въ ссылку стекло разбилось, а бумажка затерялась—куда не знаютъ²⁹³. Въ 1736 году майоръ Семень Петровъ былъ въ Березовѣ для допрашиванія Долгорукихъ; въ слѣдующемъ году сынъ боярскій Кашперовъ и атаманъ Лихачевъ были биты батогами и сосланы на службу въ Оренбургъ за то, что бывали у Долгорукихъ и обѣдывали и ихъ къ себѣ принимали; за то же биты плетью и сосланы въ Охотскъ три священника да дьяконъ²⁹⁴. Наконецъ, въ мартѣ 1738 года въ канцеляріи свидѣтельства счетовъ сибирской губерніи служащій въ ней канцеляристъ Осипъ Тишинъ объявилъ, что, будучи при слѣдствіи майора Петрова въ 1736 году, онъ слышалъ отъ князя Ивана Долгорукаго злыя и вредительныя слова: неприличными словами онъ бранилъ императрицу за то, что разорила фамилію и родъ ихъ весь, послушавши такой же... цесаревны Елисаветы, которая мстила ему князю Ивану за то, что онъ хотѣлъ заключить ее въ монастырь, говорилъ что императрица наказывала цесаревну плетью за дурное поведеніе; выражался объ Аннѣ «какая она государыня: она Шведка!» порицая ея отношенія къ Бирону. Для розыска по этому доносу отправлены были въ Сибирь гвардіи капитанъ-поручикъ Федоръ

Ушаковъ и поручикъ Суворовъ. Сначала князь Иванъ во всемъ заперся; но потомъ, когда нужно было приложить руку къ бѣлому допросу, повинился; разсказалъ и о написаніи ложной духовной. Его подняли на дыбу; но съ пытки онъ прибавилъ только одно, что на исповѣди духовнику, березовскому священнику Федору Кузнецову, покался въ подписаніи ложной духовной, и духовникъ сказалъ: «Богъ тебя простить.» Священникъ подтвердилъ показаніе князя Ивана, въ свое же оправданіе сказалъ, что не объявилъ о словахъ духовнаго сына проста, думая, что Долгорукій и сосланъ за подписаніе ложной духовной. Тишину объявили его вины: слышалъ давно о воровской духовной и не донесъ, разбалтывалъ о своемъ доносѣ и бралъ съ Долгорукихъ не малыя взятки; несмотря на то, въ награду за важность сдѣланнаго имъ доноса, ему дали секретарство и 600 рублей денегъ. Тишинъ потомъ припомнилъ, что Долгорукій говорилъ: «я никого такъ не боюсь, какъ Павла Ягужинскаго, онъ нашъ гонитель.» Долгорукій признался, что говорилъ эти слова, ибо съ Ягужинскимъ у него и у отца его была ссора. Князь Александръ Долгорукій какъ-то успѣлъ достать ножъ, прокололъ имъ себѣ руку и животъ; но рану зашили. Долгорукихъ изъ разныхъ мѣстъ свезли въ Новгородъ и тамъ допрашивали о сочиненіи духовной. Подробности ихъ показаній уже приведены нами прежде въ своемъ мѣстѣ; здѣсь приведемъ только сказанное княземъ Василиемъ Владиміровичемъ въ оправданіе свое, почему онъ не объявилъ о духовной въ 1730 году: «Думалъ я, что и кромѣ моего показанія императрица извѣстно, понеже по пришествіи въ Москву ея величество изволила ему сказывать, что князь Василій Лукинъ доносилъ ей во время шествія изъ Курляндіи о дерзости князя Сергѣя и князя Ивана Григорьевыхъ, что они министровъ бить хотѣли, ежели совѣту ихъ слушать не стануть, и притомъ ея величество спросила меня: было ли такъ? и я ей донесъ, что о ихъ дураческомъ дерзновеніи что мнѣ и доносить, когда уже князь Василій Лукинъ доносилъ; къ тому же графъ Гаврила Головкинъ о томъ, что князь Алексѣй съ братьями дочь свою желалъ наследницею престола учинить, вѣдалъ, и оный графъ Головкинъ благодарилъ меня, что отъ этихъ замысловъ князь Алексѣй съ братьями отвращалъ, почему надѣялся я, что и чрезъ графа Головкина ея величеству уже донесено». Для суда надъ Долгорукими назначено

было генеральное собраніе. И 12 ноября 1739 года выданъ былъ именной указъ, изъ котораго узнали, что въ Новгородѣ князю Ивану Алексѣевичу отсѣчена голова послѣ колесованія; князю Василию Лукичу, князьямъ Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ просто отсѣчены головы, князей Василия и Михайлу Владимировичей велѣно держать въ ссылкѣ и кромѣ церкви нигуда не пускать ²⁹⁵.

Разумѣется, трудно было повѣрить, чтобы такъ жестоко наказаны были люди только за намѣреніе, предпринятое ими десять лѣтъ тому назадъ и не приведенное въ исполненіе, послѣ чего эти люди уже потерпѣли тяжкое наказаніе: и вотъ для объясненія новгородскихъ казней придумали обширный заговоръ противъ настоящаго нелюбимаго правительства. Въ 3-мъ № Байрейтскихъ вѣдомостей (*Bayreuther Zeitungen*) 7 января появилась статья съ подробнымъ описаніемъ заговора Долгорукихъ, Голицыныхъ и Гагариныхъ съ цѣлію низвергнуть ненавистное иноземное правительство, Бирона, придворнаго банкира жида Липмана, безъ котораго фаворитъ ничего не дѣлаетъ, и возвести на престолъ цесаревну Елисавету, которая должна выйти замужъ за Нарышкина, находившагося во Франціи и съ которымъ она была обручена.

Дали политическое значеніе и дѣлу Вас. Ник. Татищева. Мы видѣли, что онъ былъ задержанъ въ Петербургѣ и на его мѣсто начальникомъ оренбургской экспедиціи былъ отправленъ князь Урусовъ. Полковникъ Тевкелевъ, сотрудникъ Кириллова и Татищева, подалъ на послѣдняго доносъ Бирону въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Биронъ передалъ дѣло на разсмотрѣніе графа Михайлы Головкина, который по этому случаю писалъ герцогу въ мартѣ 1739 года: «Предъ недавнимъ временемъ изволилъ ваша свѣтлость со мною говорить о Васильѣ Татищевѣ, о его непорядкахъ, и притомъ изволилъ мнѣ приказывать, что къ тому пристойно, о томъ бы надлежащимъ порядкомъ я представилъ, какъ въ подобныхъ таковыхъ же случаяхъ ея величеству и вашей свѣтлости слабымъ моимъ мнѣніемъ служилъ. И по тому вашей свѣтлости приказу навѣдывался, какія его Василья Татищева несправы, и развѣдалъ, что полковникъ Тевкелевъ вашей свѣтлости о томъ доносилъ, того для я призывалъ его полковника и обо всемъ обстоятельно выпросилъ. Я изъ онаго дѣла усмотрѣлъ два вида: 1) о непорядкахъ, нападкахъ и взяткахъ Василья Татищева; 2)

что онъ Василій Татищевъ еще не поставилъ на мѣрѣ, гдѣ Оренбургу быть пристойно, а посему, что до перваго вида касается, то необходимо надобно его Василья Татищева отъ тамошней команды отрѣшить и изслѣдовать по близости въ Казани особливо учрежденной на то комиссіи, гдѣ какъ ему Вас. Татищеву, такъ и полковнику Тевкелеву для доказательствъ быть надобно, и что по слѣдствію явится, тогда о томъ и разсудить можно будетъ что дѣлать; что же по второму виду разсуждать, то сперва доношу, что когда Оренбурга не было, тогда Россія много у себя повсягодно добра и людей теряла, для того что башкирская земля почти вся окружена Россією и отвсюду открыта, и тогда Башкирцы иногда своимъ именемъ, а иногда именами другихъ степныхъ народовъ, русскую землю разоряли и пустошили, и хотя по посылкамъ къ нимъ нечто и возвращали, однакожь больше у себя оставляли; какъ предъ нѣсколькими годами братъ мой графъ Иванъ Головкинъ посланъ былъ для такогояъ возврату и, уласкавъ ихъ Башкирцевъ, взялъ у нихъ 20000 семей русскихъ, и по возвращеніи брата моего по старому ихъ обыкновенію не одну тысячу къ себѣ выгнали, и такъ невидимо повсягодно людей изъ государства умалили и другимъ народамъ продавали, а особливо въ Бухары, и тамошній Абулфансъ ханъ набралъ себѣ изъ русскихъ гвардію, въ трехъ тысячахъ состоящую, а Иванъ Кириловъ усмотрѣлъ сіе мѣсто, гдѣ Оренбургъ, за способно быть, болѣе для коммерціи, и понеже оное мѣсто отъ жилья въ степь подалось, того ради принужденъ былъ дороги отъ него распорядить: 1) къ Уфѣ, 2) къ Самарѣ, 3) въ Сибирь къ екатеринбургскимъ заводамъ, и по тѣмъ дорогамъ построилъ крѣпостцы для коммуникаціи и для безопаснаго проѣзду и провозу какъ провіанта, такъ и прочаго, и въ тѣ крѣпостцы поселилъ козаковъ и роздалъ имъ для ихъ удовольства земли, и то его учрежденіе очень хорошо, а Всемогущій тотъ распорядокъ устроилъ для нижеслѣдующаго, ибо сіи дороги стали быть мунетуемъ на Башкирцевъ, на прикладъ, ежели они либо похотятъ взбунтовать и соберутся хотя сто человекъ, то разъѣзды по крѣпостцамъ тотчасъ свѣдаютъ и не дадутъ имъ усилиться, къ томужь по прежнему своему обыкновенію Русскихъ разорять и продавать имъ невозможно, ибо нынѣ вездѣ связаны тѣмъ, что вездѣ крѣпостцы, а мимо крѣпостей въ степь проѣзду имъ нѣтъ и вездѣ за ними глаза, и по-

сему необходимо будутъ смиренны, слѣдовательно гдѣ нынѣ Оренбургъ, тутъ ему и быть необходимо, для того что онъ сталъ на границѣ киргизской, и дороги отъ него охватили всю башкирскую землю; къ тому жъ, когда Кирилловъ Оренбургъ закладывалъ, тогда Башкирцы ему давали великія деньги, чтобъ онъ на томъ мѣстѣ его не строилъ, и для того надобно ему тутъ и быть»²⁹⁶.

Эта многоглаголивая записка Головкина, разумѣется, нисколько не рѣшала дѣла относительно Оренбурга, и мы видѣли, что кабинетъ-министры согласились съ мнѣніемъ Татищева; но Бирону не было дѣла до Оренбурга; для него важенъ былъ первый видъ записки, и Татищевъ былъ преданъ суду. Для избѣжанія перерывовъ, мы не будемъ здѣсь говорить о ходѣ этого суда; замѣтимъ только, что преданъ былъ суду русскій человѣкъ, бывшій, по смерти Феофана Прокоповича, главнымъ представителемъ новой Россіи, новорожденной русской науки,—русскій человѣкъ, котораго усердіе и услуги императрицъ и ея власти были безспорны; безспоренъ былъ его горячій патріотизмъ—и его опала могла быть приписана только ненависти Нѣмцевъ къ русской знаменитости или выказавшейся въ чемъ-нибудь враждѣ русскаго патріота къ ненавистному владычеству иноземцевъ.

Подвергся опалѣ такой знаменитый воспитанникъ Петра Великаго, какъ Татищевъ; но давно уже содержался подъ крѣпкимъ арестомъ другой русскій человѣкъ, неразлучный съ преобразователемъ, его перо, знаменитый Алексѣй Васильевичъ Макаровъ. Человѣкъ незнатнаго происхожденія, Макаровъ, какъ близкій человѣкъ къ Петру и Екатеринѣ, встрѣчалъ отъ всей знати самыя льстивыя, самыя униженныя заискиванія, потому что могъ въ удобное время представить чью-нибудь просьбу государю или государынѣ. Легко понять, что Макарову менѣе всего могли простить за это, когда онъ пересталъ быть надобнымъ человѣкомъ. Анна велѣла отобрать у Макарова письма, писанныя ею въ то время, когда ее звали просто Ивановною; Макарова затянули въ дѣла по казеннымъ злоупотребленіямъ, по недостатку отчетности, по какимъ-то злоумышленіямъ. Доказательствъ виновности не было, а между тѣмъ дѣло тянулось, и старика держали подъ арестомъ. Въ августѣ 1737 года онъ писалъ императрицѣ изъ Москвы: «Содержусь я бѣдный съ женою и дѣтьми подъ крѣпкимъ арестомъ

два года и девять мѣсяцевъ, и въ запечатанныхъ пожиткахъ платье и бѣлье и прочія тѣлнныя вещи отъ долговременнаго лежанія безъ просушки и отъ копоти послѣ бывшаго пожара безъ разбора тратятся (въ томъ числѣ заготовленное къ замужеству большой моей дочери материнское первой моей жены и мое), также, видя меня въ долговременномъ арестѣ содержащагося, деревнишки мои посторонніе нападками разоряютъ, деньги, отданныя въ долги, на должникахъ пропадаютъ, а взыскивать на нихъ и по деревенскимъ обидамъ оправдаться нечѣмъ, ибо все крѣпости съ другими письмами забраны, что видя жена моя и дѣти многопродолжительное время безъ отрады весьма сокрушились, а на ихъ горестныя слезы смотря, я низайшій рабъ отъ такихъ тяжкихъ печалей пришелъ въ крайнюю болѣзнь и слабость.» Императрица, вслѣдствіе этой просьбы, отправила указъ московскому генераль-губернатору, Салтыкову: «Понеже дѣло Алексѣя Макарова по указу нашему дѣйствительно разсматривается и къ окончанію приведено быть имѣеть, того ради, по особливому нашему милосердію, указали мы его Макарова арестъ такимъ образомъ облегчить, чтобъ ему въ церковь Божию ѣхать и прочія домашнія нужды исправлять позволено было, только бѣ въпрочемъ по компаніямъ ни куда не ѣздить, толь меньше изъ Москвы съѣзжать дерзнулъ, и въ томъ его обязать надлежащимъ реверсомъ, также и къ запечатаннымъ пожиткамъ его допустить и ихъ ему въ диспозицію отдать можно, однако же взявъ отъ него по обстоятельному всѣхъ тѣхъ вещей описанію крѣпкій же реверсъ, что изъ оныхъ безъ позволенія ничего не продать или инымъ какимъ образомъ на сторону не отдать и не растратить, а крѣпости его деревень изъ писемъ его прійскать и къ вамъ отправить велѣно.»

Былъ въ приближеніи у Петра Великаго, который считалъ его полезнымъ, необходимымъ человѣкомъ, а теперь не только не въ приближеніи, но подѣ арестомъ. Какая вина? никакой вины нѣтъ; одна вина: Русскій, а теперь въ приближеніи одни иноземцы. «Макаровъ человѣкъ умный и милостивый и всемъ былъ приступень, когда былъ въ силѣ, а нынѣ не такъ; мы надѣялись было, что онъ останется въ прежней силѣ при дворѣ государыни, а вышло не такъ, для того, что нынче при домѣ ея величества больше все иноземцы»²⁹⁷.

Люди высшихъ чиновъ говорили: «Нынѣ силу великую имѣютъ оберъ-камергеръ (Биронъ) и фельдмаршалъ Минихъ, которые что хотятъ, то и дѣлаютъ, и всѣхъ насъ губятъ; всѣ отъ нихъ пропали и никто не смѣетъ съ ними говорить. Однакожъ Богъ имъ заплатитъ и сами того же будутъ ждать.» Люди среднихъ чиновъ говорили: «Биронъ взялъ силу, и государыня безъ него ничего не дѣлаетъ. Всѣмъ нынѣ овладѣли иноземцы. Лещинскій изъ Данцига уѣхалъ мильонахъ на двухъ, не даромъ его графъ Минихъ упустилъ; это все въ его волѣ было. Графъ Ягужинскій обо всемъ писалъ къ государынѣ; а когда графъ Минихъ пріѣхалъ въ Петербургъ и повидался съ Барономъ, то и нѣтъ ничего, и все пропало: знать, что подѣлился съ нимъ. Вотъ какія фигуры дѣлаются у насъ! Государыня ничего безъ Бирона не дѣлаетъ—все дѣлаетъ Биронъ. Нѣтъ у насъ никакого добраго порядку. Овладали все у насъ иноземцы. Биронъ всѣмъ овладалъ»²⁹⁸. Въ монастыряхъ говорили. «Какъ не боготворить чрево, когда, тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати, употребляютъ на объяденія и пьянства, и какъ сатанѣ жертвы не приносятъ, когда слезныя и кровавыя сборы употребляютъ на потѣхи? А на все это государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣтъ имъ никого, хоть всѣ пропади; да хотя и есть у нихъ да да не у многихъ, а хотябъ и у всѣхъ были, такъ они брегутъ ли о нашихъ русскихъ крестьянахъ? Чай хуже собакъ почитаютъ. Пропашее наше государство!»²⁹⁹

Разумѣется, люди, платившіе слезныя и кровавыя подати, не молчали: они приписывали свои бѣды женскому правленію: «Гдѣ ей столько знать какъ мужской полъ? будетъ вѣрвать боярамъ; бабьи города никогда не стоятъ, бабьи сѣни высоко не стоятъ.—Хлѣбъ не родится, потому что женскій полъ царствомъ владѣетъ.—При первомъ императорѣ намъ житье было добро, а нынѣ намъ стало что годъ, то хуже; какое нынѣ житье за бабою?»—Крестьянинъ винился, что говорилъ дурныя слова про Анну отъ горести, что за неплатежъ подушныхъ денегъ битъ былъ на правѣжѣ.—Раскольникъ пророчествовалъ, что въ 1733 году на Благовѣщеневъ день будетъ страхъ великъ и гнѣвъ Божій, и сама Анна будетъ взята на судъ въ Москву; она изъ Москвы поѣхала какъ бы ей отъ того отбыть.

Кто же можетъ избавить отъ женскаго незаконнаго и несчастнаго правленія? Разумѣется—царь. Уже въ 1730 году слышался говоръ, что Петръ II отравленъ Долгорукимъ и осемью другими боярами; но есть царевичъ, живетъ въ горахъ. Въ 1734 году въ тамбовскихъ мѣстахъ появились два самозванца — Тимошей Труженикъ, назвавшійся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, и Стародубцевъ, назвавшійся царевичемъ Петромъ Петровичемъ: оба были схвачены и казнены.

Въ генварь 1738 года въ селѣ Ярославцѣ, Кіевскаго полка, оставились работники, шедшіе за Десну для рубки лѣса. Одинъ изъ нихъ позвалъ къ себѣ священника и началъ ему говорить: «Я царь Алексѣй Петровичъ и хожу многіе годы въ нищенствѣ: поди объяви это въ церкви предъ всѣмъ народомъ; хотя мнѣ смерть или животъ будетъ, только бѣ всѣмъ явно было, что я царь Алексѣй Петровичъ подлинно; а какъ сіе въ дѣло пойдетъ, и Господь подастъ мнѣ счастье, я тебя тогда не оставлю; встрѣть меня въ церкви съ крестомъ и хоругвями, понеже пишеть обо мнѣ, чтобъ я явился въ Москвѣ съ Болгары, однако все равно, что вмѣсто Болгаръ съ малороссійскимъ народомъ въ Москвѣ явлюсь; а если не сдѣлаешь по моему, то отрублю тебѣ голову.» Священникъ отвѣчалъ, что во всемъ его слушать готовъ. На другой день самозванецъ позвалъ къ себѣ солдатъ, стоявшихъ въ Ярославцѣ на почтѣ, и говорилъ имъ: «Я царь Алексѣй Петровичъ и ходилъ по разнымъ мѣстамъ, а нынѣ прямо о себѣ объявляю, пожалуйста послужите мнѣ вѣрою и правдою, какъ служили отцу моему, а я васъ за это не оставлю.» Солдаты пали на землю и со слезами говорили: «Хотя до большихъ нашихъ бояръ дойдетъ и хотя донесется и до самой государыни, мы готовы за тебя стоять.»—«Вставайте, сказалъ имъ на это самозванецъ: я вашу нужду знаю, будетъ вскорѣ радость: съ Турками заключу миръ вѣчный, а васъ въ маѣ мѣсяцѣ всѣ полки и козаковъ пошлю въ Польшу и велю всѣ земли огнемъ жечь и мечемъ рубить.» Между тѣмъ мѣстное начальство узнало о необыкновенномъ событіи, и сотникъ прислалъ козаковъ схватить самозванца; но солдаты примкнувъ штыки къ ружьямъ, взять его не дали и повели въ церковь, около которой собралась огромная толпа народа; священникъ въ ризахъ съ крестомъ на блюдѣ вышелъ на паперть, за нимъ несли хоругви; самозванецъ взялъ

крестъ съ блюда, приложился и вошелъ съ нимъ въ церковь, гдѣ были зажжены свѣчи и отворены царскія двери; самозванецъ царскими дверями вошелъ въ алтарь, поцаловалъ на престолѣ Евангеліе и сталъ въ царскихъ дверяхъ съ крестомъ въ рукахъ; священникъ началъ молебенъ; на ектеніяхъ говорилъ: помолимся о благовѣрномъ нашемъ государѣ царѣ Алексѣѣ Петровичѣ и о государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и о государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ и о государынѣ принцессѣ Аннѣ; весь народъ подходилъ къ самозванцу, прикладывались къ кресту и цѣловали у него руку; потомъ самозванецъ положилъ крестъ, взялъ Евангеліе, и народъ точно также подходилъ къ Евангелію. По окончаніи молебна священникъ началъ читать акаѣистъ Николаю чудотворцу; но въ это самое время вбѣгаетъ въ церковь сотникъ Климовичъ со множествомъ козаковъ, схватываетъ самозванца за кафтанъ, вытаскиваетъ изъ алтаря и изъ церкви, при чемъ бьетъ палкою, потомъ отводитъ къ себѣ на квартиру, кладетъ на ноги колодки, а на другой день отсылаетъ въ канцелярію Переяславскаго полка. Въ тайной канцеляріи самозванецъ объявилъ, что онъ польскій шляхтичъ изъ города Поддубны, Иванъ Петровъ Миницкій; лѣтъ 20 тому назадъ онъ вышелъ въ Россію, приставши къ одному гренадеру Кропотова полка; потомъ бродилъ по монастырямъ, гдѣ его постричь не могли вслѣдствіе строгихъ указовъ, ограничившихъ постриженіе, но употребляли при управленіи вотчинами; въ послѣднее же время жилъ въ работникахъ. Побужденіемъ къ самозванству выставилъ видѣніе: явился ему Христосъ и сказалъ: поди, явись мірови и объяви о себѣ, что ты царь Алексѣй Петровичъ; ты на это родился и искорени Польшу, чтобъ пришли въ соединеніе вѣры. Видѣніе повторилось; онъ рассказалъ объ немъ монаху Іоакинѣу Максимовичу, и тотъ отвѣчалъ ему: «Не наше это чернеческое дѣло, явися съ тѣмъ мірови.» Максимовичъ, призванный къ допросу, объявилъ, что Миницкій, находясь въ услуженіи въ Киевопечерскомъ монастырѣ въ разныхъ должностяхъ, бывалъ въ изступленіи ума и ничего не дѣлалъ; когда онъ, Максимовичъ однажды спросилъ его, зачѣмъ онъ не работаетъ? то Иванъ отвѣчалъ: «Что мнѣ работать! я человекъ не простой, явился мнѣ Михаилъ Архангель.»

Дѣло сочли важнымъ по усердію, какое оказали солдаты къ

самозванцу, и рѣшили произвести сильное впечатлѣніе восточными варварскими казнями. Миницкій и священникъ села Ярославца были посажены живые на колья; нѣкоторые изъ участниковъ были четвертованы, другимъ отрубили головы ³⁰⁰.

Тайная канцелярія работала съ необываемъ усердіемъ, преслѣдуя дѣло и слово, охраняя спокойствіе страны и честь обер-камергера. Внизу ни одно дерзкое слово противъ фаворита не оставалось безъ жестокаго наказанія; наверху онъ былъ окруженъ раболѣпствомъ. Все искало его покровительства, все осыпало его лестью. Цесаревна Елисавета собственноручно писала ему: «Сіятедьнѣйшій графъ! Ведаю всегдашнюю вашу благосклонность не хотѣла упустить чтобъ не увѣдомить ваше сіятельство о прибытіи моемъ суда (въ Петербургъ) и желаю вашему сіятельству благополучногояъ прибытія въ Санктпетербурхъ впрочемъ желая вашему сіятельству здравіе и благополучнаго пребыванія остаюсь Елисаветъ.» Жена князя Алексѣя Мих. Черкаскаго, княгиня Марья, писала: «Всенижайше благодарствую ваше сіятельство за всѣ показанныя вашимъ с—ствомъ къ мужу моему милости, а паче за всякія предстательствы у ея и. в—ства, какъ и нынѣ я увѣдомилась изъ письма моего мужа, что ея и. в—ство всемилостивѣйше изволила пожаловать деньгами, о которой ея и. в—ства къ намъ всеподданнѣйшимъ ея в—ству рабамъ милости не сумнѣваюся, что и вашего сіятельства по милости своей къ намъ предстательство было. И паки благодарствую ваше сіятельство всенижайше прошу и впредь въ своихъ высокихъ милостяхъ содержать неотмѣнно. Нижайшая услужница княгиня Марья Черкаскаая.» Дочь ея, княжна Варвара, посылала Бирону туфли, тканья серебромъ. Баронесса Марья Строганова обращалась къ нему съ жалобами на Татищева. Жалобы, какъ мы видѣли, дѣйствовали, да и нельзя было не дѣйствовать: баронесса для графини Бирони дѣлала жемчужныя нашивки.

Родственникъ императрицы, графъ Семень Андреевичъ Салтыковъ, управлявшій Москвою, думалъ, что можетъ держаться только при благосклонности фаворита, и потому писалъ къ нему обо всемъ. 2 мая 1732 года онъ писалъ: «Прошедшаго апрѣля 30 дня получилъ я отъ ея и. в—ства милостивое письмо и притомъ пожаловала мнѣ рабу на именины вмѣсто табакерки 1000 рублей: истинно ко мнѣ рабу милость не по моей рабской службѣ,

истинно съ такой радости и радуюсь и плачу.» Въ томъ же году Салтыковъ счелъ нужнымъ подарить Бирону мѣхъ лисій, черный. Мы видѣли, что императрица была недовольна Салтыковымъ. Получивши отъ нея выговоръ, Семень Андреевичъ обратился къ Бирону: «Вашему высокографскому сіятельству, милостивому государю и отцу, слезночитою моею совѣстію доношу, что по указамъ ея и. в—ства всенижайшее мое исполненіе чиню и всякою моею ревностію и вѣрно безъ всякихъ страстей и во всемъ правленіи дѣль имѣю всегда неусыпное мое попеченіе и болѣе къ смотрѣнію моему я уже не знаю какъ и дѣлать, что такъ ея и. в—ству извѣстно, якобы о моихъ неисправностяхъ. Милостиваго государя и отца со всенижайшею моею покорностію прошу при благополучномъ времени о всемъ доложить ея и. в—ству и чтобъ повелѣно было мнѣ быть въ С.-Петербургѣ, чтобъ я могъ ея и. в—ству о всемъ доносить обстоятельно и свою невинность представить; я уже здѣсь былъ опасенъ, чтобъ мнѣ безвинно не понести гнѣву ея и. в—ства, и какъ я сей указъ получилъ отъ всемилостивѣйшей государыни, съ того времени и понынѣ съ такой моей несносной печали чуть живъ хожу, только не даю себя знать людямъ, чтобъ меня не могли признать въ такой моей несказной печали.» Биронъ отвѣчалъ любопытнымъ письмомъ: «Ваше сіятельства письмо я съ моимъ почтеніемъ получилъ, но токмо что я изъ онаго усмотрѣлъ не малую вашу печаль и о томъ сердечно сожалѣю, а особливо для того, что я про тотъ указъ, который отъ ея и. в—ства ваше сіятельство получить изволили, до полученія вашего письма былъ неизвѣстенъ, понеже онъ писанъ не здѣсь, и не тѣмъ ея в—ства секретаремъ, который при мнѣ обрѣтается. Что же до меня надлежитъ, въ томъ я уповаю ваше сіятельство довольно сами можете засвидѣтельствовать, что я во внутреннія государственныя дѣла ни во что не вступаюсь, кромѣ того ежели такая вѣдомость ко мнѣ придетъ, по которой можно мнѣ кому у ея в—ства помогать и услужить сколько возможно или что надлежитъ до общаго къ пользѣ и интересу вашему, хотя бъ и не по моей должности что было, однако жъ старанія моего никогда прилагать не оставляю, ибо, какъ вашему сіятельству извѣстно, что я уже давно въ службѣ ея в—ства обрѣтаюсь, а еще надѣюсь, что никто на меня ни въ какой обидѣ жаловаться причины не имѣеть, особливо же ваше-

му сіятельству отъ сердца моего желаю всякаго благополучія, и тому радуясь, когда ваше сіятельство находитесь въ состояніи. О порядкѣ дворцовыхъ волостей нынѣ я потому жъ неизвѣстенъ и ни отъ кого при дворѣ не слыхалъ, что они разорены или въ лучшее содержаніе приведены, тако жъ и доходы прибавлены или умалились; но токмо какъ предъ симъ отъ многихъ ея величеству учинилось извѣстно, что Раевской, который ими править, яко бы человекъ непотребный и весьма худаго состоянія и отъ несмотрѣнія его волости дворцовыя всѣ разорены: то я еще прошлаго года вашему сіятельству о томъ ясно сообщилъ, и какъ на оное мое сообщеніе ваше сіятельство изволили ко мнѣ отозваться, что тѣ люди напрасное поношеніе терпятъ и ни въ чемъ невинны, то уже я затѣмъ болѣе в. с—ству и припоминать не хотѣлъ. О прибытіи вашемъ сюда я, изыскавъ благополучное время, ея величеству докладывать буду»³⁰¹.

Биронъ во внутреннія государственныя дѣла не вмѣшивался, только принималъ просьбы, чтобъ оказать услугу просящимъ, да принималъ еще участіе въ дѣлахъ, касавшихся общей пользы, и такое участіе, что правительственное лицо, хотѣвшее держаться на своемъ мѣстѣ и дѣйствовать съ успѣхомъ, должно было непременно посылать свои доклады оберъ-камергеру. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ участіи князь Яковъ Шаховской, племянникъ извѣстнаго намъ князя Алексѣя Шаховскаго, управлявшаго Малороссією, и столкнувшася, какъ мы видѣли, съ Минихомъ. Незадолго до смерти своей, старый князь былъ въ Петербургѣ, и оттуда, отправляясь въ Малороссію, заѣхалъ въ Москву для излѣченія глазной болѣзни. Въ это время Минихъ увѣдомилъ Бирона, что козацкое войско, отправленное Шаховскимъ въ походъ, явилось въ неисправномъ видѣ. Слѣдствіемъ этого была сцена, которую пусть опишетъ самъ князь Яковъ. «Въ одинъ тогда день герцогъ Биронъ вышелъ въ аудіенцъ-камеру, гдѣ уже много знатнѣйшихъ придворныхъ и прочихъ господъ находилось, и подошедъ ко мнѣ спрашивалъ: есть ли дядѣ моему отъ болѣзни легче и скоро ли онъ въ Малороссію къ своей должности изъ Москвы поѣдетъ? Я какъ и о семъ имѣлъ отъ дяди моего комиссію, чтобъ въ пристойномъ случаѣ еще на нѣсколько недѣль для лѣченія своего глаза въ Москвѣ ему пребыть выпросить дозволенія и объяснительно увѣрить, что и въ

отсутствіе его порученныя ему въ Малороссіи дѣла съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при немъ, происходить будутъ, представилъ о томъ его свѣтлости; но онъ, отъ фельдмаршала Миниха будучи иначе къ поврежденію дяди моего увѣдомленъ, нѣсколько суровымъ видомъ и вспылчивыми рѣчьми на мою просьбу отвѣтствовалъ, что онъ уже знаетъ, что желаніе моего дяди пробить еще въ Москвѣ для того только, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужныя и время нетерпящія къ военнымъ подвигамъ, а особливо тамъ, дѣла нынѣ неисправно исполняемыя свалить на отвѣты другихъ: вотъ де и теперь малороссійское козацкое войско, къ арміи въ Крымъ идти готовящееся, больше похоже на маркитантовъ, чѣмъ на военныхъ людей. Я, слѣдуя моимъ правиламъ, чтобы во всякихъ случаяхъ справедливость предпочитать всему, робкимъ быть за стыдъ почитая, на тѣ его свѣтлости рѣчи не запнувшись съ твердымъ духомъ отвѣчалъ, что то донесено несправедливо. На сіи мои слова герцогъ Биронъ осердася, весьма вспылчиво мнѣ сказала, что какъ я такъ отважно говорю? Ибо де о семъ въ тѣхъ же числахъ фельдмаршалъ графъ Минихъ государынѣ представлялъ, и можно ль де кому подумать, чтобъ онъ то представилъ ей в—стwu ложно. Я ему на то отвѣтствовалъ, что можетъ быть фельдмаршалъ графъ Минихъ онаго войска самъ еще не видалъ, а кто ни есть изъ подчиненныхъ, дядѣ моему недоброжелателей, то худо ему рекомендовалъ; для лучшаго же о истинѣ удостовѣренія счастливъ бы былъ мой дядя, когда бъ противъ такого увѣдомленія приказано было кому-нибудь нарочно посланному оное козацкое войско освидѣтельствовать и сыскать, съ которой стороны и кѣмъ тѣ несправедливыя представленія монархинѣ учинены? Ибо когда персональные кредиты, а не существенныя доказательства дѣль въ удостовѣреніяхъ преимущество брать будутъ, тогда наисправедливѣйшіе и радѣтельнѣйшіе, отъ ухищреній коварныхъ завистниковъ безопасными быть надежду потерявъ, лишатся своей крѣпости и негодными ко услугамъ монархинѣ и отечеству сдѣлаются.—Такая моя смѣлость навяцше разсердила его, и онъ въ великой запальчивости мнѣ сказалъ: *вы Русскіе часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете.* Сія его сїятельства рѣчи не столько въ робкое, какъ огорчительное смятеніе меня привели, на что я скоро ему съ печально чувствитель-

нымъ видомъ отвѣтствовала: сіе будетъ высочайшая милость и вскорѣ всеобщее благосостояніе умножится, когда коварность обманщиковъ истребляема, а добродѣтельныхъ невинность отъ притѣсненія защищаема будетъ, и когда дядя мой и я въ какихъ несправедливыхъ ея в—ству представленіяхъ найдемся, помилованія просить не будемъ. Въ такихъ я колкихъ и дерзкихъ съ его свѣтлостію разговорахъ находясь, увидѣлъ, что всѣ бывшіе въ той палатѣ господа одинъ по одному ретировались вонъ и оставили меня въ комнатѣ одного съ его свѣтлостію, которой ходилъ по палатѣ, а я во унылости предъ нимъ стоя, съ перерывкою продолжалъ объ оной матеріи рѣчи близъ получаса, которыхъ подробно всѣхъ теперь писать не упомяну, но послѣднее то было, что я увидѣлъ въ боковыхъ дверяхъ за занавѣшеннымъ не весьма плотно сукномъ, стоящую и тѣ наши разговоры слушающую ея и. в—ство, которая, потомъ открывъ скоро сукно, изволила позвать къ себѣ герцога; а я съ сей высокопочтенной акціи съ худымъ выигрышемъ съ поспѣшеніемъ домой ретировался»³⁰².

«Худаго выигрыша» не было для Шаховскихъ, потому что, во-первыхъ, старикъ князь Алексѣй умѣлъ показать свою преданность Бирону тѣмъ, что обо всемъ посылалъ ему доклады; а вторыхъ потому, что Биронъ не любилъ Миниха. Мы уже видѣли, что такъ-называемая нѣмецкая партія, господствовавшая при Аннѣ, въ самомъ началѣ не представляла крѣпкой связи между своими членами, почему и не можетъ быть называема собственно партією. Два самыхъ видныхъ иностранца по талантамъ и дѣятельности, фельдмаршалъ Минихъ и вице-канцлеръ Остерманъ, не умѣли подѣлиться и столкнулись въ соперничествѣ; обихъ не терпѣлъ могущественный фаворитъ, который хотѣлъ править безъ способностей и знанія дѣлъ, и видѣлъ, что въ Остерманѣ и Минихѣ онъ вовсе не имѣетъ покорныхъ орудій, что оба они работаютъ для себя, и только по наружности сохраняютъ къ нему вынужденное уваженіе. Тѣсно связаны были Остерманъ и Левенвольды, и смерть оберъ-шталмейстера Левейвольда, случившаяся въ 1735 году, не могла не быть чувствительна для этого кружка, потому что покойный, какъ говорили, пользовался одинакимъ фаворомъ какъ и Биронъ. Оберъ-камергеръ освободился отъ соперника, Минихъ освободился отъ врага, Остер-

манъ лишился друга. Но Остерманъ былъ силенъ самъ по себѣ; мнѣніе о его необходимости въ дѣлахъ внутреннихъ, и особенно виѣшнихъ, утвердилось; императрица въ затруднительныхъ обстоятельствахъ прибѣгала къ *оракулу*, какъ величали Остермана. Относительно Миниха интересы Бирона и Остермана были соединены; оба боялись его честолюбія, оба считали выгоднымъ пугать его честолюбіемъ. Въ концѣ войны его подозрѣвали въ желаніи сдѣлаться господаремъ Молдавіи на томъ основаніи, что онъ хотѣлъ продолженія войны послѣ заключенія мира Австрійцами ³⁰³. По окончаніи войны его не оставили въ Малороссіи, передали ея управленіе генералу Кейту, хотя Минихъ желалъ этого мѣста; рассказывали, что Минихъ просилъ себѣ управленія Малороссіею съ титуломъ князя украинскаго, и будто императрица сказала по этому случаю: «Минихъ очень скромнѣнъ; я всегда думала, что онъ будетъ просить у меня титула великаго князя московскаго» ³⁰⁴. Миниха пожаловали подполковникомъ Преображенскаго полка, и въ началѣ 1740 года онъ явился въ Петербургъ съ свѣжею славою Ставучанъ и Хотина, съ досадою отъ обманутыхъ надеждъ, съ жаждою новыхъ надеждъ, готовымъ орудіемъ для движенія, предметомъ безпокойства для сильныхъ, не хотѣвшихъ дѣлиться своею силою.

Минихъ былъ страшнѣнъ Бирону какъ фельдмаршалъ, какъ военная знаменитость. Его нельзя было перевѣнчивать Леси, человекомъ честнымъ, скромнымъ, но имѣвшимъ репутацію недаровитаго полководца. У Бирона были въ войскѣ братья; былъ своякъ, генераль Бисмаркъ, родомъ изъ Пруссіи; но въ прусской службѣ ему не посчастливилось: онъ долго содержался въ строгомъ заключеніи и потомъ ему не давали полка за то, что убилъ своего слугу; онъ перешелъ въ русскую службу, женился на сестрѣ жены Бирона и сдѣлался генераль-лейтенантомъ ³⁰⁵; но твердое знаніе прусскаго военнаго артикула, который онъ вводилъ и въ русское войско, не равняло Бисмарка съ Минихомъ. Минихъ былъ страшнѣнъ тѣмъ, что его некуда было удалить. Другое дѣло баронъ Корфъ, который, какъ говорили, вздумалъ перейти дорогу оберъ-камергеру ³⁰⁶: ему дали сначала невліятельное мѣсто президента Академіи Наукъ, а потомъ отправили посланникомъ въ Данію. Въ отгѣсненіи Корфа Бирону помогло то обстоятельство, что набожная императрица не могла сблизиться съ вольнодумцемъ Корфомъ.

Но и Минихъ былъ долго въ отсутствіи изъ Петербурга, былъ на войнѣ, хотя война только увеличила его значеніе. А Остерманъ былъ постоянно тутъ и всёмъ заправлялъ. Чтò болѣе всего раздражало Бирона и другихъ, входившихъ въ близкія отношенія къ Остерману, — такъ это его хитрость и скрытность: никто не зналъ что онъ думаетъ, чего желаетъ въ извѣстномъ случаѣ, куда вестъ дѣло, какъ относится къ тому или другому дѣлу, къ тому или другому человѣку: захочетъ кто-нибудь узнать объ этомъ — оракуль отвѣчаетъ темно, двусмысленно, надобно ломать себѣ голову, чтобъ проникнуть смыслъ оракула, а это страшно раздражало, особенно раздражало Бирона, который все болѣе и болѣе привыкалъ къ раболѣпству. Отсюда естественное желаніе отдѣлаться отъ Остермана, найти человѣка, который бы могъ замѣнить Остермана и въ то же время былъ бы покорнымъ орудіемъ фаворита, будучи обязанъ ему всёмъ. Между иностранцами такого найти было нельзя; еслибы даже и можно было сейчасъ же сыскать иностранца даровитаго, то ему нужно было долговременное приготовленіе, чтобы хотя сколько-нибудь сравняться съ Остерманомъ въ опытности по дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ. Надобно было обратиться къ русскимъ, къ разсѣяннымъ птенцамъ Петровымъ, дѣтямъ преобразованія. Прежде всего вниманіе обратилось на Ягужинскаго, въ которомъ хотя и нельзя было надѣяться имѣть вполне покорное орудіе, особенно во время *шумства*, но возвращеніе изъ изгнанія (ибо такое значеніе имѣло удаленіе его въ Берлинъ), высокая честь быть кабинетъ-министромъ ручались за благодарность, а главное, Остерману выставлялся опасный соперникъ, въ одну берлогу помѣшалось два медвѣдя, и графъ Андрей Ивановичъ станетъ непременно тише, будетъ искать въ фаворитѣ поддержки противъ Ягужинскаго, а тотъ будетъ искать поддержки противъ Остермана, притомъ же загородится ротъ тѣмъ людямъ, которые кричатъ, что Нѣмцы управляютъ Россією: въ кабинетѣ будетъ два русскихъ министра противъ одного Нѣмца. 28 апрѣля 1735 года Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, вызванный изъ Берлина, былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ, получивъ также должность оберъ-шталмейстера, упразднившуюся смертію Левенвольда.

Но Ягужинскій скоро умеръ (въ апрѣлѣ 1736 года) и надобно было искать ему преемника. Выборъ остановился на Артеміи Петровичѣ Волинскомъ.

Мы видѣли, въ какомъ непріятномъ, унизительномъ положеніи находился Волынскій въ началѣ царствованія Анны; но родство съ Салтыковыми и заступничество Бирона, покровителя Салтывыхъ, поддержали его. Мы упоминали о немъ какъ предсѣдатель комиссіи, составленной въ Москвѣ для устройства конскихъ заводовъ. Ревностію здѣсь онъ могъ всего скорѣе угодить фавориту, страстному охотнику и знатоку въ лошадяхъ. Австрійскій посланникъ, графъ Остейнъ, ненавидѣвшій Бирона, говаривалъ, что когда фаворитъ говорилъ о лошадяхъ или съ лошадьми, то онъ говорилъ какъ человѣкъ; а когда говорилъ о людяхъ или съ людьми, то говорилъ какъ лошадь³⁰⁷. Но мы видѣли, что польская война отвлекла Волынскаго отъ конюшенныхъ дѣлъ и вызвала его въ дѣйствующую армію. Объ отношеніяхъ его къ Бирону въ это время можно судить по письму его отъ 20 апрѣля 1734 года: «Пріемлю смѣлость о моемъ несчастіи доносить, какъ я съ начала вступленія въ Польшу и чрезъ все прошедшее время съ какимъ усердіемъ служилъ и трудился, не отрицаяя ни отъ чего; такъ о томъ его графское сіятельство г. оберъ-штабмейстеръ фонъ Левенвольдъ и прочіе всѣ могутъ засвидѣтельствовать, какія я имѣлъ безпокойствы: однакожь все то исполнялъ истинно со всякою охотою моею, и наконецъ по особливому несчастію моему приключилась мнѣ злая животная болѣзнь, и такъ былъ нѣсколько въ великой опасности къ смерти, и хотя потомъ нѣкоторую свободу и получилъ, однакожь не только верхомъ на лошади стало невозможно ѣздить, но и нѣшемъ ходить зѣло трудно, и затѣмъ отъ генерала фельдмаршала Миниха отпущенъ въ С.-Петербургъ и прибылъ сюда въ Кёнигсбергъ, гдѣ взявъ доктора, пользуясь, и побывъ здѣсь нѣкоторое время для пользованія моего, а потомъ паки буду продолжать до Петербурга по возможности путь мой, и сіе несчастіе мое донесши, всепокорно предаю себя въ непремѣнную вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя моего и истиннаго патрона милость»³⁰⁸.

Конечно по старанію истиннаго патрона Волынскій былъ сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ, полнымъ генераломъ и былъ назначенъ однимъ изъ уполномоченныхъ на Немировскій конгрессъ. Мы видѣли, что и здѣсь болѣзнь помѣшала ему пріѣхать вмѣстѣ съ другими товарищами. Передъ отъѣздомъ изъ Немирова онъ

написалъ своимъ дѣтямъ слѣдующее письмо: «Любезные мои дѣти: Анѣтушка, Еленушка, Машчика, Петрушенка здравствуйте и буди на васъ милость и благословеніе Божіе. О себѣ объявляю вамъ, что мы сей день отъѣзжаемъ отсюда до Кіева, куда надѣюся въ семь дней прибудемъ и тамъ отъ ея и. в.—ства указа ожидать о возвращеніи нашемъ будемъ, токмо чаю оной къ намъ уже и посланъ. Дай Всевышній мнѣ васъ скорѣе и въ добромъ здоровьѣ видѣть и обще съ вами его Всецедраго благодарить, а я, слава Богу, въ совершенномъ моемъ здоровьѣ, такъ что прощаяся на разъѣздѣ съ здѣшними господами польскими, и они у меня, и я у нихъ попили нарочито дни съ четыре. Потому можете, любезные дѣти, увѣрены быть, что я конечно здоровъ, понеже больному нельзя пить; а я жъ и здоровой, вѣдаете, что неохотникъ, однакожъ за любовь ихъ, что ко мнѣ всѣ особливо ласковы были, принужденъ былъ.»

Назначеніе Волынскаго въ число уполномоченныхъ на Немировскій конгрессъ было ступенью къ высшему назначенію. По смерти Ягужинскаго одно мѣсто кабинетъ-министра оставалось празднымъ, слѣдовательно кабинетъ, при незначительности Черкаскаго, сосредоточивался въ одномъ человѣкѣ—Остерманѣ, чего не хотѣлъ Биронъ. Въ Волынскомъ онъ надѣялся найти человѣка, по способностямъ и опытности могущаго перевѣшивать Остермана и въ то же время долженствоваващаго быть покорнымъ слугою фаворита, ибо всѣмъ былъ обязанъ ему и по своему прошедшему и по множеству сильныхъ враговъ нуждался въ постоянномъ его покровительствѣ. Биронъ считалъ себя въ правѣ говорить: «Волынской мнѣ обязанъ тѣмъ, что онъ не былъ повѣшенъ еще тогда, когда дворъ былъ въ Москвѣ»³⁰⁹. Хотя въ этихъ словахъ и было преувеличеніе, однако послѣ извѣстнаго намъ казанскаго дѣла безъ сильнаго покровительства трудно было подняться такъ, какъ поднялся Волынской. Говорятъ, будто Ягужинскій пророчествовалъ передъ смертію: «Я предвижу, что Волынской посредствомъ лести и интригъ пробьется въ кабинетъ-министры, но не пройдетъ и двухъ лѣтъ какъ принужденъ будетъ его новѣсить.» Говорятъ о прошедшемъ человѣкѣ и на языкъ попадается слово—висьблиця; говорятъ о его будущемъ, и опять то же слово—значить человѣкъ для избѣжанія висьблицы долженъ имѣть сильное покровительство; и Биронъ, въ расчетъ на невоз-

возможность для Волынского держаться самостоятельно, вводить его въ кабинетъ, отвѣчая иностранцамъ, которые высказывали на этотъ счетъ свое удивленіе и безпокойство: «Я хорошо знаю, что говорить о Волынскомъ и какіе пороки онъ имѣеть; но гдѣ же между русскими найти лучшаго и способнѣйшаго человѣка?»

И вотъ Волынской у цѣли своихъ желаній: онъ кабинетъ-министръ. Онъ участвуетъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ, онъ ходитъ съ докладами къ государынѣ, имѣеть возможность говорить съ нею, выставлять свои способности и усердіе, накидывать тѣнь на людей непріятныхъ, принимать секретныя порученія. У Волынскаго закружилась голова; властолюбіе было страшно возбуждено, является стремленіе играть главную роль, затмить всѣхъ; но тутъ препятствія, которыя доводятъ раздраженіе до крайности, враги дразнятъ со всѣхъ сторонъ. Главный врагъ, способный дразнить, раздражать страшно человѣка, подобнаго Волынскому— это Остерманъ, оракуль, у котораго не добынешься ничего яснаго, опредѣленнаго, и Остерманъ имѣеть важныя причины дразнить Волынскаго, подставлять ему ногу: Волынской введенъ въ кабинетъ для противодѣйствія Остерману. И Волынскому при его горячкѣ трудно бороться съ Остерманомъ, спокойно обдумывающимъ какъ бы уколоть врага и поставить его въ непріятное положеніе. Волынской, начетчикъ и говорунъ, станетъ излагать мнѣніе по какому-нибудь дѣлу; другой кабинетъ-министръ, князь Черкасскій, не начетчикъ и не говорунъ, немнѣющій своихъ мнѣній, увлекся, пристаеетъ къ мнѣнію Волынскаго; но безстрастный графъ Андрей Ивановичъ спокойно произноситъ свое слово, свое не такъ. И это постоянно: Волынской выходитъ изъ себя, Волынской, считающій себя и считаемый отъ многихъ другихъ умницею: онъ постоянно рассуждаетъ не такъ, одинъ Остерманъ непогрѣшительнѣ! Но этого мало: Остерманъ согласится, но съ докладомъ къ государынѣ самъ не пойдетъ; Волынской отправится и получить гнѣвъ государыни за неугодное ей рѣшеніе, а Остерманъ въ сторонѣ; онъ съ докладомъ не ходитъ, а ходитъ такъ и наговариваетъ государынѣ на другихъ, возбуждаетъ ея подозрѣніе; онъ въ кредитъ, его слушаютъ, а Волынской въ работѣ и непріятностяхъ. Съ другимъ товарищемъ своимъ по кабинету, княземъ Алекс. Мих. Черкасскимъ, Волынской былъ сначала въ большихъ ладахъ. Черкасскій былъ недоволенъ Остер-

маномъ, Бирономъ, Анною; ему казалось, что за такія важныя услуги онъ былъ мало награжденъ, онъ досадовалъ, что ему не дано главной роли: чтобы онъ, по своимъ способностямъ, сдѣлалъ съ своею главною ролью, онъ объ этомъ не разсуждалъ, только неприятно было, что другіе пользуются большимъ вліяніемъ на дѣла, чѣмъ онъ; вѣроятно онъ не слыхалъ, что насмѣшники говорили, когда ихъ было только двое въ кабинетѣ съ Остерманомъ: насмѣшники говорили, что Остерманъ душа кабинета, а князь Черкасскій тѣло. Притомъ, несмотря на огромное богатство, Черкасскій былъ корыстолюбивъ и сердился, что мало получалъ матеріальнаго вознагражденія за свое усердіе; наконецъ самая благовидная причина неудовольствія была ссылка его племянника, князя Александра, по дѣлу очень сомнительнаго свойства. И вотъ князь Алексѣй Михайловичъ отводитъ душу жалобами въ бесѣдахъ съ новымъ товарищемъ. Черкасскій жаловался, что Остерманъ такъ силенъ, что ни онъ, Черкасскій, ни страшный начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ не смѣютъ противъ него говорить. «Остерману, говорилъ Черкасскій, противно, что сенатъ есть, хотѣлось бы ему, чтобы сената не было, а сѣзжались бы коллежскіе президенты для совѣщанія; Остерманъ боится, что сенатъ усилится, если въ немъ много будетъ членовъ. Черкасскій жаловался и на Бирона, называлъ его злымъ человѣкомъ за то, что племянника его, князя Александра, напрасно въ ссылку послалъ; страшали его пытками и онъ на себя много напрасно говорилъ, а доноситель научаемъ и обнадеженъ былъ Алексѣемъ Бестужевымъ. Черкасскій жаловался на государыню: «Государыня мнѣ говорила: Богъ тебя не оставитъ, также и я, пока буду жива, тебя не оставлю; а какую я отъ нея милость вижу? Вотъ бездѣлица: пожаловали было намъ троимъ китайскіе товары — Головкину, Остерману и мнѣ; когда Головкинъ умеръ, тогда изволила сказать: вотъ вамъ и его часть отдаю; а послѣ того изъ тѣхъ товаровъ лучшіе выбрала себѣ на 30,000 рублей, а остальные велѣла раздѣлить на нѣсколько частей; а теперь не подарила мнѣ доимки на крестьянахъ моихъ, велѣла взыскивать. Выйду въ отставку.»

Такія откровенности были вначалѣ, а потомъ Черкасскій удался отъ Волинскаго, увидавши, что можетъ быть опасно сближеніе съ человѣкомъ, на котораго косятся сверху, косятся не только Остерманъ, но и Биронъ.

За что же истинный патронъ сталъ коситься на своего клиента? За то, что клиентъ, ставши кабинетъ-министромъ, пересталъ быть человѣкомъ пишущимъ. Волынской былъ человѣкъ живой, дѣятельный; новая должность заняла его, а если кабинетъ-министръ хотѣлъ и любилъ заниматься, то какой предметъ могъ быть чуждъ его вниманія, когда всё дѣла сосредоточивалось въ кабинетъ и раздѣленія занятій между его членами не было? Кромѣ того Волынской любилъ почитать, пописать и поговорить съ читавшими людьми, и потому онъ не могъ найти много времени для того, чтобъ постоянно быть въ приемной герцога курляндскаго. Это отсутствіе, разумѣется, было замѣчено. Что же это значить? уже началъ пренебрегать, хочетъ жить самъ по себѣ, не нуждается болѣе? неблагодарный! Да куда онъ дѣвался? что онъ дѣлаетъ?—«У него дѣла много, ваша высокогерцогская свѣтлость, говорятъ добрые люди: все проекты пишетъ, все, по его, не такъ, всёхъ бранить.» А его высокогерцогская свѣтлость приобрѣлъ къ этому времени окончательно дурную привычку — не церемониться ни съ кѣмъ, обходиться со всѣми какъ съ лакеями: застанеть кто герцога въ хорошую минуту, приметъ хорошо, ласково; застанеть въ невеселомъ расположеніи духа—приметъ какъ нельзя хуже. Волынской прежде, когда искалъ въ Биронѣ, могъ переносить это, вѣроятно даже и не очень замѣчалъ: мысли были не тѣмъ заняты; но теперь, когда исканіе прекратилось, цѣль была достигнута, Волынской сталъ внимательнѣе къ такому обхожденію, обидчивѣе; вѣдь онъ кабинетъ-министръ! Отсюда сильное раздраженіе, и первая мысль: Нѣмецъ, какого происхожденія, чѣмъ добился до такого положенія и смѣетъ такъ обходиться съ лучшими русскими людьми! Посѣщать Бирона стало непріятно Волынскому, а человѣку естественно избѣгать непріятнаго: кто его знаетъ, какъ приметъ, что за охота терпѣть униженіе? И вотъ Волынской еще рѣже является къ Бирону и жалуется, что Биронъ передъ прежнимъ гораздо запальчивѣе сталъ, и при кабинетныхъ докладахъ государынѣ герцогъ больше другихъ на него гнѣвался; потрафить на его нравъ невозможно, временемъ показываетъ себя милостивымъ, а иногда и очами не смотритъ. Черкасскій вторитъ ему, что Бирона нравъ перемѣнился и безмѣрно сталъ запальчивъ и не любить кто съ кѣмъ дружно живетъ; вышѣ опасно жить, что безмѣрно на всёхъ напрасная сусница, а

ту суспицію внушилъ паче всѣхъ графъ Остерманъ, его вымыселъ въ томъ состоитъ, чтобъ на всѣхъ подозрѣнїе привести, а самому только быть въ кредитѣ. Нѣмцы — Биронъ и Остерманъ виновники всему злу, они перебивали дорогу Волынскому, и Волынской жаловался: «Нынѣ пришло наше житье хуже собаки!» жаловался съ горя, что иноземцы передъ нимъ преимущество имѣютъ.

Биронъ видитъ, что Волынской уже не тотъ, къ нему является рѣдко, но съ государынею старается быть какъ можно чаще и говорить съ нею какъ можно долѣе. Этого Биронъ выносить не могъ, и при первомъ случаѣ высказалъ свое негодованіе Волынскому: когда было получено донесеніе Миниха о недостаткѣ провіанта, тогда какъ его было много на Днѣпрѣ, то Волынской пошелъ къ Бирону съ представленіемъ о несправедливомъ требованіи фельдмаршала, думалъ вѣроятно получить хорошій приемъ вслѣдствіе вражды между Бирономъ и Минихомъ, но получилъ приемъ очень не хорошій: «Напрасно ты ко мнѣ съ этимъ пришелъ, закричалъ на него герцогъ: мнѣ какое дѣло! поди самъ докладывай государынѣ, ты можешь и по часу говорить съ государыней.»

Но подозрительность и досада Бирона усилилась по самому неприятному для него дѣлу, отъ котораго зависѣло его будущее. Совершилось событіе, напоминавшее волшебныя сказки: сынъ курляндскаго конюха сдѣлался герцогомъ курляндскимъ. Но владѣтельный и наслѣдственный герцогъ курляндскій былъ оберъ-камергеромъ русской императрицы и, сдѣлавшись герцогомъ, остался при петербургскомъ дворѣ. Это показывало ясно, что все значеніе его основывалось на отношеніяхъ къ этому двору, къ Россіи, слѣдовательно для сохраненія своего значенія Бирону нужно было утвердить свое высокое положеніе въ Россіи. Это положеніе зависѣло отъ фавора императрицы; но что будетъ по смерти ея? Законъ Петра Великаго, что царствующій государь имѣетъ право назначить себѣ преемника, существовалъ во всей силѣ; если Анна была избрана, то потому, что Петръ II-й не распорядился назначеніемъ себѣ преемника. Анна хотѣла утвердить на рускомъ престолѣ свою линію, а единственною отраслью этой линіи была мекленбургская принцесса Анна Леопольдовна, дочь герцогини Екатерины Ивановны. Кто будетъ мужемъ принцессы Ан-

ны—этотъ вопроть занималъ очень многихъ, и сильно занималъ Бирона. Естественно было человѣку въ его положеніи схватиться за мысль объ утвержденіи своего положенія въ Россіи посредствомъ брака сына своего на принцессѣ Аннѣ. Биронъ тѣмъ болѣе могъ питать такія надежды, что принцесса чувствовала обращеніе къ назначенному ей въ женихи принцу Антону брауншвейгъ-бевернскому; со стороны императрицы Биронъ не могъ ожидать препятствій; было одно препятствіе — молодому Петру Бирону было только 16 лѣтъ, но при высшихъ соображеніяхъ такія препятствія исчезаютъ. Оставалось приобрести расположеніе молодой принцессы, чтобы ея склонностью прикрыть все, и вотъ Бироны начинаютъ сильно ухаживать за нею. Наконецъ пришло время покончить дѣло. Самъ Биронъ взялся предложить принцессѣ въ женихи принца Антона, въ полной увѣренности, что предложеніе будетъ отвергнуто; и дѣйствительно принцесса отвѣчала, что она скорѣе положить голову на плаху, чѣмъ выйти за принца Антона. Биронъ въ восторгѣ рѣшился пользоваться благопріятною минутою: дочь генерала Ушакова, бывшая за камергеромъ Чернышевымъ и пользовавшаяся приближеніемъ у принцессы, должна была предложить Аннѣ Петра Бирона; но принцесса страшно оскорбилась этимъ предложеніемъ и подъ влияніемъ этого чувства объявила, что перемѣнила прежнее намѣреніе и готова выйти за принца Антона. Императрица очень обрадовалась этому рѣшенію, и Бирону ничего болѣе не оставалось какъ притворяться также обрадованнымъ¹⁰.

Но какъ относились къ этому дѣлу русскіе люди? Волынскій узналъ о намѣреніи Бирона женить сына на принцессѣ Аннѣ отъ медика цесаревны Елисаветы, Лестока; Лестокъ рассказывалъ, что слышалъ отъ самой цесаревны, что императрица представила племянницѣ на выборъ обоихъ жениховъ, молодого Бирона и принца Антона; принцесса отзергла Петра Бирона и сказала: «Когда на то воля вашего величества, то лучше пойду за принца брауншвейгскаго, потому что онъ въ совершенныхъ лѣтахъ и стараго дома.» Волынскій, рассказывая объ этомъ своимъ друзьямъ, называлъ намѣреніе Бирона годуновскимъ намѣреніемъ. Князь Черкасскій говорилъ: «Еслибъ принцъ Петръ былъ женатъ на принцессѣ, тобъ тогда герцогъ еще не такъ прибралъ насъ въ руки. Какъ это супружество не сдѣлалось? потому что госуда-

рыня къ герцогу и къ принцу Петру милостива, да и принцесса къ принцу Петру благосклоннѣе казалась, нежели къ принцу брауншвейгскому; конечно до этого Остерманъ не допустилъ и отговѣтоваль: онъ, какъ дальновидный человекъ и хитрый, можетъ быть думаль, что намъ это противно будетъ, или и ему самому не хотѣлось. Слава Богу, что это не сдѣлалось: принцъ Петръ человекъ горячій, сердитый и нравный, еще запальчивѣе, чѣмъ родитель его; а принцъ брауншвейгскій хотя не высокаго ума, однако человекъ легкосердный и милостивый.» Волынскій также выставялъ вредныя слѣдствія брака принцессы Анны съ сыномъ Бирона: опасная русскому государству власть Бирона еще болѣе усилится, иноземцы окончательно стануть владычествовать надъ Русскими, стануть Русскихъ отягощать податями, вывозить казну, истощать государство, и этимъ подвергнуть его страшной опасности въ случаѣ непріятельскаго нападенія.

Что дѣло не ограничилось только сожалѣніями и опасеніями, которыя высказывали другъ другу близкіе между собою люди, видно изъ наивныхъ словъ принцессы Анны, сказанныхъ Волынскому послѣ невольной помолвки ея за нелюбимаго принца Антона. Увидавши ее грустною, Волынскій спросилъ о причинѣ печали и получилъ въ отвѣтъ: «Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала, а все вы для своихъ интересовъ къ тому привели.» Волынскій сказалъ на это, что ни онъ, ни князь Черкасскій ни въ чемъ не виноваты, потому что ни о чемъ не знали; потомъ спросилъ, чѣмъ же она недовольна? Принцесса отвѣчала, что женихъ очень тихъ и не смѣлъ въ поступкахъ своихъ; Волынскій сказалъ на это, что она можетъ недостатки принца восполнять своимъ благоразуміемъ; что если принцъ Антонъ тихъ и несмѣлъ, то ей же лучше, потому что будетъ ей больше послушенъ, а еслибъ ея мужемъ былъ Петръ Биронъ, то хуже бы ей было. Послѣ свадьбы Волынскій наставлялъ принцессу, что надобно ей друзей приобрѣтать; училъ, какъ она должна поступать съ мужемъ; относительно Бирона говорилъ ей, что у него нравъ подозрительный и вспыльчивый: пусть будетъ осторожна и ласкова къ фамиліи Бирановъ. Герцогъ курляндскій, страшно раздраженный противъ принцессы Анны за отказъ выйти за мужа за его сына, бранилъ ее Волынскому, говорилъ, что она *уничтожително* и непріятно себя къ

людямъ показываетъ. На это Волынской отвѣчалъ, что принцесса робко предъ государынею и напрасно такъ робко себя ведетъ и дикой къ людямъ себя показываетъ; напрасно также ввѣрилась фрейлинѣ Менгденъ, потому что фрейлина не очень дальняго ума, а принцесса имѣетъ нравъ тяжелый. Несмотря на такой не очень лестный отзывъ, подозрительный Биронъ не могъ не замѣтить, что старый его клиентъ сильно забѣгаетъ къ молодому двору и пользуется его расположеніемъ; это, разумѣется, стало самою сильною причиною нерасположенія герцога къ Волынскому. У послѣдняго былъ пріятель изъ Нѣмцевъ, кабинетъ-секретарь Эйхлеръ, котораго привязывала къ Волынскому ненависть къ Остерману; Эйхлеръ, родившійся въ Россіи, былъ въ большомъ приближеніи у фаворита Петра II-го, князя Ив. Алекс. Долгорукаго, и за нимъ ухаживали какъ за министромъ. Послѣ паденія Долгорукаго, Эйхлера затерли; но Ягужинскій снова вывелъ его, а по смерти Ягужинскаго Биронъ сдѣлалъ его тайнымъ секретаремъ императрицы³¹¹. Эйхлеръ, который вовсе не желалъ ссоры между Бирономъ и Волынскимъ, ибо эта ссора могла быть очень выгодна Остерману, остерегалъ Волынскаго, чтобъ тотъ не возбуждалъ подозрѣній герцога сближеніемъ съ принцессою Анною. Однажды заклоутой врагъ Волынскаго, князь Алекс. Борисовичъ Куракинъ бранилъ его громко во дворцѣ. Когда потомъ пріѣхалъ во дворецъ и Волынской, то подошли къ нему принцесса Анна и цесаревна Елисавета и спрашивали, за что его Куракинъ бранить. Волынской отвѣчалъ, что самъ не знаетъ, и «ихъ высочества изволили милостиво о немъ сожалѣть». Эйхлеръ, бывшій свидѣтелемъ этихъ сожалѣній, говорилъ послѣ Волынскому: «Я тебя подружески предостерегаю: не очень ты къ принцессѣ близко себя веди, можешь ты за то съ другой стороны въ суспицію впасть; вѣдь герцоговъ нравъ ты знаешь, каково ему покажется, что мимо его другою дорогою ищешь.» Это было лѣтомъ 1739 года до отъѣзда двора въ Петергофъ; но потомъ и въ Петергофѣ Эйхлеръ предостерегалъ Волынскаго, чтобъ онъ къ принцессѣ не ходилъ часто: «Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что и такъ на тебя отъ герцога курляндскаго за то суспиція.»

Остерманъ враждебенъ, Биронъ враждебенъ, князь Куракинъ громко бранить въ самомъ дворцѣ — значить не опасается гнѣва императрицы. Биронъ преслѣдуетъ Волынскаго за то, что тотъ

по цѣлому часу разговариваетъ съ императрицею; но Волынской видить, что эти продолжительные разговоры ни къ чему не ведутъ, и сильно недоволенъ Анною. «Правду пишутъ о женскомъ полѣ, что нравъ измѣнчивый имѣеть, и когда женщина веселое лицо показываетъ, тутъ-то и бойся скрытаго въ сердцѣ ея гнѣва,» рассуждалъ Волынской при любимомъ человѣкѣ своемъ Кубанцѣ, отъ котораго у него не было тайнъ. Рассуждая такимъ образомъ, онъ разумѣлъ Анну, которая въ какомъ-нибудь дѣлѣ сначала покажетъ персону милостивую, а потомъ за то же дѣло гнѣвается. «Вотъ гнѣвается, иногда и самъ не знаю за что; надобно ей судъ съ грозою и милостью имѣть, а того бѣда—иногда такъ, а иногда сякъ, и ничего постояннаго нѣтъ; и въ самыхъ государяхъ то худо, ежели скрытность бываетъ.» Однажды, выразившись очень рѣзко объ умственныхъ способностяхъ Анны, Волынской прибавилъ: «Резолюціи никакой отъ нея не добьешься, герцогъ что захочетъ, то и дѣлаетъ.» Секретарь Анны Эйхлеръ жаловался на пребезмѣрную подозрительность ея, что во всѣхъ безъ причины сомнѣвается; какъ бы кто вѣренъ ни былъ, безъ подозрѣнія миновать не можетъ, и Богъ знаетъ какъ угодить стало.»

Эти слова не могли утѣшить Волынскаго. Надежда при частыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ императрицею выказать свое усердіе и затмить всѣхъ своими способностями исчезла. Особенно сердился онъ на императрицу за головинское дѣло: Анна поручила ему подъ рукою разузнать о поступкахъ адмирала Николая Головина, президента адмиралтейской коллегіи; Волынской донесъ, что Головинъ взялъ съ одного иностранца 7000 рублей; но доносъ остался безъ всякаго дѣйствія, и Головинъ, узнавши объ немъ, сдѣлался смертельнымъ врагомъ Волынскаго. Для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, Волынской стремился приобрести полное довѣріе императрицы: но оказывалось, что никакого довѣрія не было, Анна выдавала его. И російскій императорскій кабинетъ-министръ съ завистію говорить о независимомъ положеніи польскаго пана: «Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, ни на что не смотрятъ и все имъ даромъ; польскому шляхтичу не смѣть и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся.»

Къ этимъ непріятностямъ присоединялась постоянная нужда въ деньгахъ; доходовъ не ставало на петербургскую жизнь ка-

бинеть-министра, онъ принужденъ былъ занимать деньги. Волинскій такъ объясняетъ причины разстроеннаго состоянія своихъ дѣлъ: «Когда я былъ посаженъ въ тюрьму въ Турціи (съ Шереметевымъ и Шафировымъ), отецъ мой, имѣвъ меня одного сына, опечалился и впалъ въ параличную болѣзнь, отчего и языкъ отнялся у него. Въ то время мачиха моя, которая была весьма непотребнаго состоянія, разорила домъ весь, разогнала людей и деревни, такъ что мнѣ по смерти отца моего отъ 800 дворовъ крестьянъ осталось 37. Свидѣтель Богъ, что со всѣхъ моихъ деревень 500 рублей дохода нынѣ не имѣю, и рѣдкій годъ, чтобъ я въ Москвѣ и въ деревняхъ на 300 или 400 рублей хлѣба не купилъ. Во весь мой вѣкъ ни едино благополучіе мнѣ не воспомнѣвалось, кромѣ однихъ убытковъ, и что больше себѣ чести получалъ, тѣмъ болѣе долговъ присовокупилъ; чѣмъ больше прилагаю трудовъ, тѣмъ больше ненависти и злобы вмѣсто всякой помощи нажилъ.»

Но человекъ съ такою энергіею, какъ Волинскій, не могъ предаваться бездѣйственному отчаянію: онъ писалъ проекты и читалъ ихъ въ небольшомъ кругу образованныхъ и преданныхъ ему людей. Этотъ кружокъ состоялъ изъ извѣстнаго намъ графа Млатона Мусина-Пушкина, президента коммерцъ-коллегіи, Федора Соймонова, оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара, Андрея Хруцова, совѣтника, и Петра Еропкина, архитектора. Эти люди своими похвалами возбуждали въ Волинскомъ блестящія надежды: ему уже мечталось, какое могущественное впечатлѣніе произведутъ его труды, какъ всѣ должны будутъ преклониться предъ его дарованіями, какъ прославится его имя. Главное мѣсто между его трудами занимало «Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ,» раздѣленное на шесть частей: 1) объ укрѣпленіи границъ и объ арміи; 2) о церковныхъ чинахъ; 3) о шляхетствѣ; 4) о купечествѣ; 5) о правосудіи, и 6) объ экономіи. Приведемъ изъ него нѣсколько мыслей: «Мы, министры, хотимъ всю вѣрность на себя принять и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ. Напрасно намъ о себѣ такъ много думать: есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ, тѣмъ ревность и другихъ пресѣкаемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ и ненадлежащихъ намъ, а что дѣлать — и сами не знаемъ.» Переходя къ сенату, Волинскій

требовалъ уничтоженія генераль-прокурора, какъ препятствующаго свободной дѣятельности сенаторовъ; требовалъ увеличенія числа сенаторовъ, которые должны ежегодно обозрѣвать всѣ губерніи для усмотрѣнія тамошнихъ непорядковъ. Относительно арміи требовалъ поселенія ея на границахъ въ слободахъ. Требовалъ распространенія просвѣщенія между духовенствомъ и шляхетствомъ: для духовенства учредить академіи, а знатное шляхетство посылать за границу учиться разнымъ наукамъ и правамъ, чтобъ у насъ были свои природные министры. Учредить по приходамъ сборъ для содержанія священниковъ, чтобъ имъ не нужно было заниматься хлѣбопашествомъ. Ввести шляхетство въ духовный и приказный чинъ, потому что до сихъ поръ въ канцеляріяхъ все люди подлые. Купечество защищать отъ воеводскихъ обидъ; возстановить магистратъ и т. д.

Хрущовъ говорилъ о «Генеральномъ разсужденіи,» что «эта книга будетъ лучше Телемаковой.» Но Волынской не ограничился «Генеральнымъ разсужденіемъ» и другими подобными же проектами: у него слишкомъ накупѣло на сердца, и онъ рѣшился написать императрицѣ представленіе о недостойнствѣ окружающихъ ее людей, выставляя преимущественно Остермана, и о печальномъ состояніи людей достойныхъ, разумѣя себя. Прежде чѣмъ подать записку императрицѣ, авторъ показавъ ее нѣкоторымъ лицамъ, все неприязненнымъ Остерману: князю Черкасскому, Эйхлеру, Лестоку, генераль-бергъ-директору Шёнбергу, президенту юстицъ-коллегии по лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ барону Менгдену, родственнику Миниха. Князь Черкасскій сказалъ: «Остро очень писано: ежели попадется то письмо въ руки Остермановы, то онъ тотчасъ узнаеть, что противъ него писано.» Шёнбергъ, Эйхлеръ, Менгденъ уговаривали Волынскаго подать письмо государынѣ: «Это письмо самый портретъ графа Остермана,» говорили они. Не совѣтовалъ подавать Кубанецъ; но Волынской, увлеченный похвалами сочиненію и ненавистію къ Остерману, подалъ, вручивши прежде нѣмецкій переводъ письма Бирону, въ надеждѣ, что герцогъ, узнавши портретъ Остермана, будетъ доволенъ. Намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело письмо на Бирона, но на императрицу самое дурное: Волынской забылъ, что выставляя въ черномъ свѣтѣ людей, окружавшихъ императрицу, онъ оскорблялъ ея самолюбіе, ибо къ ней прямо относился упрекъ за дур-

ной выборъ приближенныхъ. Анна спросила его, кого именно онъ описывалъ въ своемъ сочиненіи; Волынской отвѣчалъ, что Куракина, Головина, а больше всего Остермана. «Ты подаешь мнѣ письмо съ совѣтами, какъ будто молодыхъ лѣтъ государю,» сказала на это Анна, и слова ея обдали холодомъ несчастнаго автора.

Но если Волынской не достигалъ своей цѣли подачею записки, то эта подача непосредственно не имѣла для него и вредныхъ послѣдствій. На радостяхъ заключенія мира съ Турціей, Волынской получилъ 20,000 рублей, какъ человѣкъ особенно нуждающійся въ деньгахъ. Мы видѣли, что онъ распорядился празднествами по случаю свадьбы шута Голицына и видѣли, какъ онъ воспользовался случаемъ, чтобъ отомстить Тредіаковскому за пѣсенку. И этотъ поступокъ Волынскаго, позволившаго себѣ прибить несчастнаго шуту въ комнатахъ герцога курляндскаго, остался бы для него безъ вредныхъ слѣдствій, еслибы онъ не имѣлъ неосторожности страшно оскорбить Бирона въ дѣлѣ о вознагражденіяхъ Полякамъ, потерпѣвшимъ во время прохода русскихъ войскъ чрезъ области Рѣчи Посполитой. Биронъ, какъ герцогъ курляндскій, вассалъ Польши, имѣлъ сильныя побужденія заискивать расположеніе правительства республики, т.-е. вельможъ и шляхты, и потому онъ настаивалъ, что надобно дать Полякамъ удовлетвореніе. При разсужденіи объ этомъ дѣлѣ въ кабинетѣ Волынской настаивалъ на противномъ и, разгорячившись, сказалъ, съ явнымъ намекомъ на Бирона, что, не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ республики, не имѣетъ побужденій удабривать изстари враждебный Россіи народъ. Вѣроятно Волынской думалъ, что въ кабинетѣ онъ можетъ дѣлать безопасно какія угодно выходки противъ Бирона, потому что герцогъ не имѣлъ здѣсь доброжелательныхъ себѣ людей. Но слова Волынскаго были переданы Бирону и привели его въ страшную ярость, потому что задѣвали его за самое чувствительное мѣсто: Биронъ безъ пользы для Россіи кормился на ея счетъ: но по этому самому онъ хотѣлъ убѣдить самъ себя и другихъ заставить убѣдиться, что онъ приноситъ чрезвычайную пользу Россіи, которая погибнетъ, если его высокогерцогская свѣтлость перестанетъ оказывать милостивое вниманіе къ ея дѣламъ; ничѣмъ слѣдовательно нельзя было его больше уколотъ, какъ мнѣніемъ, что онъ своими частными

отношеніями приносить вредъ интересамъ Россіи; особенно это должно было страшно раздражить его въ описываемое время, въ 1740 г., когда онъ занять былъ вопросомъ о своей будущности, о средствахъ утвердиться въ Россіи по смерти Анны, — вопросомъ труднымъ вслѣдствіе неудавшихся плановъ относительно Анны Леопольдовны. И тутъ-то одинъ изъ кабинетъ-министровъ провозглашаетъ, что Биронъ вреденъ Россіи! Притомъ предстоитъ трудная борьба для достиженія главной цѣли, отъ которой зависитъ все будущее: въ такихъ обстоятельствахъ надобно приобретать друзей и стереть съ лица земли врага, который по своему значенію и энергіи можетъ быть очень опасенъ. Да и почему Вольтинскій вдругъ сталъ такъ смѣлъ? Это не даромъ; надобно начать дѣло, и тогда можетъ быть вскроются очень важныя вещи. Но какъ начать дѣло? Нельзя придаться къ словамъ, сказаннымъ во время совѣщанія кабинетъ-министровъ, да и кто изъ нихъ будетъ доносчикомъ. Биронъ вспомнилъ, или ему указали на два основанія, на которыхъ можно было начать дѣло: на записку Вольтинскаго, поданную императрицѣ: это доносъ, доносъ важный о злоупотребленіяхъ лицъ приближенныхъ къ престолу; пусть доносчикъ укажетъ, кто эти лица и докажетъ ихъ преступленія. Второе основаніе, по которому Биронъ могъ выступить съ жалобой на Вольтинскаго, — это оскорбленіе, нанесенное послѣднимъ герцогу: Вольтинскій прибилъ Тредиаковскаго въ комнатахъ Бирона.

И герцогъ курляндскій пишетъ просьбу императрицѣ на Вольтинскаго. Онъ прежде всего выставляетъ на видъ, что его вмѣшательство въ русскія дѣла было всегда чуждо пристрастныхъ и партикулярныхъ цѣлей; онъ вмѣшивался въ дѣла единственно для того, чтобъ охранять интересы императрицы, ея спокойствіе и дражайшее здравіе. Но есть люди, которые стараются очернить самые безпорочные поступки: прошлымъ лѣтомъ въ Петергофѣ кабинетъ-министръ Вольтинскій подалъ нѣкоторое письмо, и въ немъ хотѣлъ привести въ подозрѣніе людей, которые при высочайшей персонѣ употребленными быть счастье имѣютъ. Спокойствіе императрицы требуетъ, чтобъ написанное темными и скрытыми изображеніями было изъяснено явственнѣе. Если же авторъ не можетъ указать именно на лицо, то онъ виновенъ въ страшно непристойномъ и продерзостномъ поступкѣ: такія наставленія годны только для малолѣтныхъ государей, а не для такой вели-

кой, умной и мудрой императрицы, которой великія качества и добродѣтели весь свѣтъ съ крайнѣйшимъ удивленіемъ превозносить. Наконецъ Биронъ жалуется на поступокъ Волынскаго съ Тредіаковскимъ и утверждаетъ, что если Волынскому простится такой поступокъ, то это будетъ первый примѣръ безнаказаннаго оскорбленія, нанесеннаго владѣтельному герцогу приватною особою, что навлечетъ ему, Бирону, вѣчное безчестье во всемъ свѣтѣ, ибо при всѣхъ иностранныхъ дворахъ уже извѣстно, какъ Волынскій распорядился въ его покояхъ. Если Волынскій другихъ старается привести въ подозрѣніе предъ императрицею, то справедливость требуетъ, чтобъ и его собственные дѣла и департаменты были разсмотрѣны и изслѣдованы, тѣмъ болѣе, что въ нихъ великія денежныя суммы употреблены, а ожидаемая польза, какъ сама императрица часто упоминать изволила, донинѣ не велика была; много проектовъ онъ насочинилъ, а въ дѣйствіе мало приведено.

Биронъ требовалъ суда надъ Волынскимъ въ полной надеждѣ, что его легко засудятъ. Но той же самой причинѣ Анна не хотѣла отдавать Волынскаго подъ судъ: она знала, что онъ будетъ жертвою личной вражды, и новая, видная жестокость падетъ на нее. Анна не соглашалась; но Биронъ не уступалъ: «Или я, или онъ,» говорилъ герцогъ. Анна плакала; Биронъ грозилъ выѣхать изъ Россіи: Анна согласилась нарядить судъ. Биронъ торжествовалъ, и не онъ одинъ: торжествовалъ Остерманъ, который приготовился принять дѣло Волынскаго въ свои руки, дать ему надлежащее направленіе. Биронъ поставилъ Волынскаго противъ Остермана; а теперь самъ Биронъ губитъ Волынскаго, Остерманъ въ сторонѣ. Торжествовалъ и князь Куракинъ. Куракинъ, которому позволялось говорить то, что другимъ не позволялось, началъ однажды въ-лицо хвалить императрицу за то, что она приводитъ въ исполненіе предначертанія великаго дяди; только одно еще не исполнено. «Что же такое?» спросила Анна. — «Петръ I, отвѣчалъ Куракинъ, нашелъ Волынскаго на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку; такъ какъ Волынскій послѣ того не исправился, то если ваше величество не затынете узелъ, намѣреніе императора не исполнится.»

Съ Бирономъ, Остерманомъ и Куракинымъ не могло быть примиренія; Волынскій попробовалъ, нельзя ли помириться съ Ми-

нихомъ, съ которымъ у него были также нелады. Сначала Минихъ, враждуя съ Ягужинскимъ, сблизился съ врагомъ послѣдняго—Волынскимъ. Еще до переѣзда двора въ Петербургъ Минихъ уговаривалъ Волынскаго рассказать все что знаетъ за Ягужинскимъ, и Волынской исполнилъ его просьбу, рассказывая и не одному ему разныя разности про Ягужинскаго, вслѣдствіе чего и царяжено было слѣдствіе надъ послѣднимъ. Но пріязнь Миниха къ Волынскому была непродолжительна: видя, что гораздо легче подняться посредствомъ оберъ-штабмейстера Левенвольда, чѣмъ посредствомъ Миниха, Волынской перепросился въ команду перваго, что озлобило Миниха по причинѣ сильной вражды его съ Левенвольдомъ. Волынской хвалился, что онъ свелъ въ большую дружбу князя Черкаскаго съ Левенвольдомъ, отъ чего Черкасскому былъ «великій барышъ,» ибо «Левольдъ, поѣ выраженію Волынскаго, каковъ бы ни былъ, а онъ столько крѣпокъ въ милости ея величества, что никогда поколебимъ быть не можетъ.» Но крѣпкій человѣкъ скоро умеръ, и тогда Волынской обратился къ другому крѣпкому человѣку—Бирону. Теперь, когда этотъ крѣпкій человѣкъ сталъ готовить ему гибель, Волынской обратился снова къ Миниху. 25 марта поѣхалъ онъ къ нему съ просьбою заступиться за него предъ Бирономъ. Случившійся тутъ родственникъ Миниха, баронъ Менгденъ, изъявилъ опасеніе, что заступничество ни къ чему не поведетъ, потому что «герцогъ безмѣрно гнѣвенъ на Волынскаго и говорить, что болѣе съ нимъ вмѣстѣ жить не хочетъ.» Но, какъ видно, Минихъ говорилъ съ Бирономъ въ пользу Волынскаго, потому что герцогъ курляндскій сильно разсердился: «Что это за союзъ между Минихомъ и Волынскимъ, двумя заклятыми врагами!» говорилъ онъ.

Сначала Волынскому запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору; это было на Страстной недѣлѣ. Но онъ продолжалъ еще ѣздить въ кабинетъ. Когда онъ сидѣлъ здѣсь, а пріятель его Эйхлеръ проходилъ чрезъ кабинетную палату въ секретную экспедицію и въ манежъ, то Волынской спрашивалъ его: проходитъ ли гнѣвъ государыни? Эйхлеръ отвѣчалъ: «Не сомнѣвайся, пройдетъ, только потерпи и дай время, ибо ея величество на дѣло твое подъ рукою смотрѣть изволить.» Волынской не зналъ, за что именно собралась на него бѣда и обратился съ вопросомъ объ этомъ къ одному изъ близкихъ своихъ знакомыхъ, секретарю иностранной

коллегии де-ла-Суда. Тотъ отвѣчалъ: «Тебя называютъ проектистомъ, что ты умѣешь проекты писать, а лучшее де то, какое ты подашь государынѣ письмо въ Петергофъ, о томъ сильно толкуютъ, и притомъ, что ты дерзновенно сдѣлалъ, что секретаря Третьяковского изъ палаты его свѣтлости взялъ.»

12 апрѣля Волынскому былъ объявленъ домовый арестъ. Составлена была комиссія изъ Григорья Чернышева, Андрея Ушакова, Александра Румянцева, князя Ивана Трубецкаго, Михайлы Хрущова, князя Репнина, Василья Новосильцева, Ивана Неплюева, Петра Шипова. 15 апрѣля Волынскій привезенъ былъ въ комиссію, гдѣ ему прочли дспросные пункты на основаніи записки, поданной имъ императрицѣ. Волынскій сталъ говорить: «Причину я имѣлъ, что были на меня доносители шталмейстеры, которыхъ поджигалъ князь Александръ Куракинъ; а графъ Остерманъ во всѣхъ случаяхъ говорилъ мнѣ скрытно, и въ одно время графъ Остерманъ горное дѣло отъ себя отваливалъ, а принудилъ меня доложить горное дѣло ея величеству, и какъ я докладывалъ и за то отъ ея величества гнѣвъ принялъ. Павелъ Ягужинскій губилъ меня и говорилъ, что за голову мою не жаль дать 30,000 червонныхъ; къ тому же нападки имѣлъ я отъ Долгорукихъ и Голицыныхъ. Доношеніе и письмо подалъ я съ горести и нетерпѣливости своей.»—Тутъ члены комиссіи прервали его замѣчаніемъ, чтобъ отъ разговоръ удержался, а отвѣчалъ ясно на вопросные пункты. Вопросные пункты состояли въ слѣдующемъ: «Понеже вы ея имп. в—ству, будто въ наставленіе и наученіе, подали нѣкоторое письмо о разныхъ при дворахъ происходящихъ безсовѣстныхъ поступкахъ, а всякаго вѣрнаго раба присяжная должность есть, если оны что противное интересамъ государя своего усмотритъ, то государю своему прямо донести съ именованіемъ персонъ и съ подлиннымъ ихъ боссовѣстныхъ поступковъ доказательствомъ, а не такими темными и самодержавной своей государыни непристойными въ генеральныхъ и сумнительныхъ изображеніяхъ составленными письмами, худыхъ и добрыхъ, совѣстныхъ и безсовѣстныхъ людей у ея величества въ подозрѣніе привести старался. Того ради ея и. в—ство указала вамъ отвѣтствовать: 1) кого въ службѣ ея в—ства знаете, которые на совѣстныхъ людей вымышленно затѣваютъ, вредятъ и всячески ихъ добрыя дѣла помрачаютъ и опровергаютъ, дабы тѣмъ куражъ и охоту

къ службѣ у всѣхъ отнять. Волынской отвѣчалъ: въ поданномъ письмѣ своемъ онъ такихъ именовалъ: графа Павла Ягужинскаго, князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, князя Александра Куракина, адмирала графа Николая Головина, ибо всѣ они такъ его Волынскаго вредили и помрачали, что публично бранивали; но только о вышеозначенномъ о всемъ написано было имъ отъ горести и отъ горячести объ одной своей только персонѣ, а чтобъ они кромѣ его другихъ совѣстныхъ людей вредили — за ними и за другими онъ не знаетъ, и въ томъ, что такъ продерзостно поступалъ, признаетъ себя виновнымъ и проситъ ея в—ства прощенія.

Второй пунктъ: «Кого вы знаете, кои приводятъ ея в—ство въ сумнѣніе, чтобъ никому вѣрить не изволила и всѣ подозрѣніемъ огорчены были и казались быть всякой милости недостойными?» Отвѣтъ: «Написалъ въ такомъ намѣреніи, что графъ Остерманъ имѣетъ себя весьма скрытно, и только, чтобъ онъ былъ въ сторонѣ, а другой бы могъ отвѣтствовать; а написалъ онъ это отъ горести своей, которую разумѣлъ о прежнихъ на него нападеніяхъ и о скрытныхъ графа Остермана поступкахъ; графъ Остерманъ во всѣхъ дѣлахъ скрытно съ нимъ поступалъ, хотя онъ Волынской много передъ нимъ плакивалъ, однако онъ ничего того не отмѣнилъ.»

Третій пунктъ: «Кого знаете, кои ея в—ству опасности представляютъ иногда и о такихъ дѣлахъ, которыя за самыя бездѣльныя почитать можно, однакожь оныя наибольше расширяють, всякія изъ того приключенія толкуютъ, а ничего прямо не изясняютъ, но все скрытными и темными терминами выговариваютъ и притомъ персону свою печальными и ужасными минами показываютъ?» Отвѣтъ: «Разумѣлъ Остермана; слышалъ онъ объ этомъ отъ покойнаго оберъ-штабмейстера Левенвольда и князя Алексѣя Черкасскаго, а самъ онъ Волынской того не знаетъ и ничего за Остерманомъ подлинно не присмотрѣлъ, ибо съ присутствія его въ кабинетѣ Остерманъ ни съ какимъ докладомъ предъ ея в—ствомъ не бывалъ, а видѣлъ его графа Остермана въ таковыхъ минахъ токмо между собою при конференціяхъ о кабинетныхъ дѣлахъ.»

Четвертый пунктъ: «Кого знаете, кои къ поправленію или къ успокоенію себя самого рекомендуютъ, в что будто бы уже въ томъ никому иному повѣрить невозможно или, по крайней мѣрѣ,

такія мудрости и затрудненія въ томъ дѣлѣ показываютъ, что иной никто того исправить не можетъ.» Отвѣтъ: «Знаетъ онъ это за однимъ Остерманомъ; примѣтилъ онъ, что хотя бѣ что онъ Волинскій надлежащее и сдѣлалъ, но все не годится; только одно то хорошо, что Остерманъ сдѣлаетъ.»

Пятый пунктъ: «Кто обманщики, кои стараются себя наибольше въ кредитъ привести и показать яко бы особливую вѣрность и усердіе, хотя ничего того нѣтъ?» Отвѣтъ: «Написалъ объ одномъ Остерманѣ; а по какимъ именно дѣламъ такимъ образомъ Остерманъ поступалъ, онъ Волинскій не упомянуть.»

Шестой пунктъ: «Въ какой силѣ вы то написали, что государь, каковъ онъ премудрый ни былъ, принужденъ во всѣхъ дѣлахъ держаться того полтика совѣтовъ, разсуждаючи такъ: да кому же мнѣ повѣрить стало, когда ни въ комъ другомъ вѣрности и довѣрія нѣтъ, или кому мнѣ приказать то дѣло, что никто такъ хорошо сдѣлать не умѣетъ, какъ только такой человѣкъ, и уже покажется такъ, что и во всѣхъ дѣлахъ безъ его трудовъ или безъ его совѣтовъ обойтись никакимъ образомъ невозможно. Такія продерзостныя разсужденія государыни и ея извѣстной высочайшей премудрости, достоинству и самовластву весьма неприличны и не мало оскорбительны.» — Отвѣтъ: «Написалъ объ Остерманѣ по примѣру тому, что Петръ Толстой во многихъ дѣлахъ Петра Великаго обманывалъ.»

Седьмой пунктъ: «Кто именно, которые такимъ образомъ безкредитны учинены, чтобъ не вмѣли къ предвоспріятію надежды и не смѣли по совѣти говорить?» Отвѣтъ: «Написалъ въ такой силѣ, что не смѣлъ онъ Волинскій по хитрымъ Остермана поступкамъ противъ него говорить и ея в—ству по совѣти доносить.»

Осьмой пунктъ: «Кто уповаетъ, что какъ бы худо и вредительно дѣлано ни было, будетъ безгласно, ибо никто уже не отважится ни въ чемъ предостерегать?» Отвѣтъ: «Написалъ объ Остерманѣ.»

Девятый пунктъ: «Про кого вы написали, что какъ бы кто праводушенъ и ревностенъ ни былъ, потеряетъ свой куражъ, охоту и ревность къ службѣ, понеже необходимо принужденъ себя предостерегать и сколько возможно убѣгать отъ такихъ дѣлъ, кои хотя малѣйшимъ опасностямъ подлежатъ, дабы изъ того въ

какую напрасную суспицію не впасть или въ бесполезную съ кѣмъ ссору и злобу не войти и себя въ жертву не предать?» Въ отвѣтъ указано на извѣстный случай съ графомъ Головинымъ.

Десятый пунктъ: «Кто желаютъ молчаніемъ пользоваться и спокойно жить, думая, что не наше, нечего жалѣть, что разорвется и пропадаетъ—не мое и было!» Отвѣтъ: «По поводу головинскаго дѣла говорилъ онъ Волынской князю Василью Урусову, для чего онъ, видя въ адмиралтействѣ безпорядки и противные поступки, не доносилъ и о томъ молчалъ, и на то Урусовъ говорилъ, какъ ему въ томъ было подняться, что онъ человѣкъ одинокій и доносить смѣлости не имѣлъ, понеже состоитъ въ командѣ графа Головина.

Одиннадцатый пунктъ: «Должны вы при имянномъ показаніи безсовѣстные поступки доказать?» Отвѣтъ: «Причиталъ всѣ безсовѣстные поступки къ графу Остерману, графу Головину, князю Александру Куракину; а прямо безсовѣстныхъ поступковъ за Остерманомъ, Головинымъ, Куракинымъ и за другими не знаетъ, написалъ съ злобы мнѣніемъ своимъ.»

Двѣнадцатый пунктъ: «При подаваніи того письма разсуждали ли вы о важности такой вашей дерзости—самовластной своей государынѣ подобныя ученія и наставленія подать, кои и малолѣтнимъ едвали пристойны быть могли?» Отвѣтъ: признаетъ вину свою и проситъ прощенья.

Тринадцатый пунктъ: «Вы дерзнули въ самыхъ тѣхъ покояхъ, въ коихъ его высококняжеская свѣтлость, владѣющій герцогъ курляндскій пребываніе свое имѣть изволить, явныя насильства производить, людей бить и силою оттуда выталкивать, то имѣете отвѣчать, для чего вы то учинить дерзнули?» Отвѣтъ: признаетъ себя виновна и проситъ прощенья.

Когда Волынской отвѣчалъ на пункты, и члены комиссія сказали ему, чтобъ ѣхалъ домой, то онъ началъ говорить: «Пожалуйте окончайте поскорѣе.» На это Румянцевъ сказалъ ему: «Мы засѣданію своему время безъ васъ знаемъ; надобно вамъ совѣсть свою во всемъ очистить и отвѣтствовать съ изъясненіемъ, не такъ, что кромѣ надлежащаго отвѣтствія постороннее въ генеральныхъ терминахъ говоривъ, и для того приди въ чувство и отвѣтству о всемъ обстоятельно.» На другой день допросы

продолжались; Волинскій говорилъ: «Вчерашняго числа, какъ по него прислали, состоялъ онъ въ немаломъ страхѣ, что куды быть велѣно и для чего—не вѣдалъ, и какъ прибылъ, увидаль, что собранный судъ въ знатныхъ и во многихъ персонахъ состоитъ, то разсудилъ за важность и былъ въ робости.» Коммиссія на это сказала ему, чтобъ не плодилъ посторонняго, что къ дѣлу его не принадлежитъ, но отвѣчалъ о чемъ спросятъ. Тогда Волинскій обратился къ Неплюеву: «Вѣдаю, сказалъ онъ, что вы графа Остермана креатура и что со мною имѣли вы ссору, пожалуйста оставьте.» Неплюевъ отвѣчалъ, что напрасно излишнее онъ плодитъ и партикулярной ссоры онъ, Неплюевъ, съ нимъ не имѣлъ и не бранивался. Волинскій сталъ жаловаться, что «горячести и дерзновенія его пришли ему отъ графа Остермана, что все съ нимъ поступалъ скрытно, и такой онъ человѣкъ, что никому безъ закрытія ничего не объявить и женѣ своей безъ закрытія не скажетъ.» Тутъ Неплюевъ прервалъ его: «О такихъ дѣлахъ, въ каковыхъ графъ Остерманъ обращается, женѣ и вѣдать непристойно, и самъ о томъ можешь разсудить.»

Въ третьемъ засѣданіи коммисіи, 17 апрѣля, Волинскій говорилъ, что «все дѣлалъ онъ по злобѣ на графа Остермана, Куракина и Головина, и поступалъ все противъ ихъ, думалъ, что былъ министръ, и мыслилъ, что онъ былъ высоко уменъ; а нынѣ видить, что отъ глупости своей все вралъ съ злобы своей.» При этихъ словахъ онъ становился на колѣна и кланялся. Чернышевъ сказалъ ему: «Все ты говоришь плутовски, какъ и напередъ сего по прежнимъ своимъ дѣламъ также ты въ отвѣтахъ скрывалъ и безпамятствомъ своимъ отговаривался, но какъ въ плутовствѣ обличень, то и повинную принесть.» Волинскій отвѣчалъ на это: «Не поступай со мною сурово: вѣдаю я, что ты таковъ же горячъ какъ и я, дѣтокъ ты имѣешь, воздастъ Господь дѣткамъ твоимъ!» Волинскій продолжалъ жаловаться на свою горячестъ: «О какая бѣда, что самъ на себя навралъ; надѣялся на свое перо, что писать гораздъ, и все на то горячестъ меня привела!» Жаловался на Бирона, который сказалъ ему, чтобъ подаль письмо государынѣ. Припомнилъ, какъ однажды князь Куракинъ пришелъ къ ея величеству пьяный; государыня сказала: что ты, Куракинъ, пьянъ? а Куракинъ ей доносилъ, что пьянство напустилъ на него Волинскій.

Волынский не долго ограничивался жалобами на Бирона, Остермана, Куракина и Головина; сталъ признаваться, что позволялъ себѣ дерзкіе отзывы о самой императрицѣ; но все ограничивалось одними словами: «Злаго намѣренія и умысла, чтобъ себя сдѣлать государемъ я подлинно не имѣлъ,» утверждалъ Волынский. По этому показанію не повѣрили. 22 мая онъ былъ поднятъ на дыбу и пытанъ полчаса, было ему 8 ударовъ; съ пытки говорилъ то же. Все что могъ еще припомнить, это то, что хвалилъ житье польскихъ пановъ, которые никого не боятся. Ему говорили: «Самъ онъ знаетъ, въ какихъ злодѣйственныхъ словахъ и разсужденіяхъ противъ ея величества погрѣшилъ, то бѣ и о прочихъ своихъ умыслахъ повинную принеси, яко то безъ напѣсточайшаго истязанія оставить не можно, ибо самъ онъ вѣдаетъ, что токмо за несниманіе полицейскими служителями, идучи мимо двора его, шапокъ, не оставилъ имъ того просто, но мучимы были жестокими побоями.» Волынский ни въ чемъ не признавался; было ему 18 ударовъ, и съ пытокъ не сказалъ ничего новаго. Кромѣ признанія въ словахъ выпытать ничего не могли; изъ дѣлъ еще до пытокъ Волынский признался во взяткахъ: бралъ съ купцовъ парчами, объярью, тафтами; московскіе питейные компанейщики подарили ему двѣ тысячи рублей, Моисей Рагузинскій тысячу, да далъ безъ росписки займа двѣ тысячи; Демидова зять Федоръ Владиміровъ подарилъ ему тысячу рублей. Это взялъ онъ, будучи кабинетъ-министромъ. Изъ казны бралъ деньги, но возвращалъ; карлу Ерохина опредѣлилъ въ конюшенной канцеляріи съ жалованьемъ по 50 рублей въ годъ, а держалъ при себѣ для своихъ партикулярныхъ услугъ; а что въ Казани взялъ взятокъ около 6 или 7 тысячъ рублей, въ томъ государынѣ повинился и получилъ прощеніе ³¹².

27 іюня Волынскому отсѣкли руку и голову; Еропкину и Хрущову также отсѣкли головы; Соймонова, Суду и Эйхлера били кнутомъ и сослали въ Сибирь на каторжную работу.

Кто послѣ этого могъ рѣшиться оскорбить его высококняжескую свѣтлость, владѣющаго герцога курляндскаго? кто могъ осмѣлиться сказать, что герцогъ приноситъ русскіе интересы въ жертву своимъ интересамъ? Несмотря на то, владѣющій герцогъ курляндскій не былъ спокоенъ: гибель Волынскаго была торжествомъ для Бирона, но еще большимъ торжествомъ для Остермана, а

Остерманъ былъ опаснѣе Волынскаго для Бирона; онъ былъ тѣмъ болѣе опасенъ, что его нельзя было поймать на *горячести*, какъ Волынскаго. И Биронъ никакъ не хотѣлъ, чтобъ Остерманъ по-прежнему оставался душою кабинета, особенно когда и тѣло кабинета, князь Черкасскій, вслѣдствіе признаній Волынскаго, оказывался вовсе недоброжелательнымъ. Потребность для Бирона имѣть въ кабинетѣ совершенно своего человѣка была теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія императрицы и открытой вражды герцога курляндскаго съ Анною Леопольдовною и ея мужемъ. И вотъ Биронъ нашелъ человѣка, на вѣрность котораго могъ положиться: то былъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Мы видѣли печальное положеніе Алексѣя Петровича въ началѣ царствованія Анны, его опалу, переводъ изъ Копенгагена въ Гамбургъ; но мы видѣли также, какъ онъ воспользовался доносомъ Краснаго-Милашевича на князя Александра Черкаскаго, повезъ доносчика въ Петербургъ и здѣсь успѣлъ заявить Бирону всю свою преданность. Слѣдствіемъ было то, что Алексѣя Петровича снова перевели въ Копенгагенъ, а послѣ паденія Волынскаго вызвали въ Петербургъ и назначили кабинетъ-министромъ. Это назначеніе послѣдовало въ крещеніе предполагаемаго наслѣдника престола, внука императрицы отъ Анны Леопольдовны, Іоанна Антоновича. Разрѣшеніе Анны Леопольдовны сыномъ нанесло Бирону сильный ударъ: онъ сталъ такъ задумчивъ, что никто не смѣлъ къ нему подойти ³¹³. Тѣмъ нужнѣе былъ для него въ кабинетѣ Бестужевъ, на котораго онъ могъ вполнѣ положиться: новый кабинетъ-министръ не могъ сблизиться съ Остерманомъ по зачатой ненависти Бестужевыхъ къ послѣднему; не могъ сблизиться съ Черкасскимъ, который видѣлъ въ Алексѣѣ Петровичѣ виновника безчестія фамиліи, виновника ссылки князя Александра Черкаскаго.

Случай, когда Бирону повадилась преданность Бестужева, не замедлилъ. 5 октября 1740 года императрицѣ за обѣдомъ сдѣлалось очень дурно. Ъздовой поскакалъ къ оберъ-гофмаршалу Левенвольду: его свѣтлость герцогъ просить во дворецъ. Левенвольдъ отправился немедленно и нашелъ Бирона въ сильномъ волненіи: «Императрицѣ трудно: что дѣлать?»—«Я не знаю, отвѣчалъ растерявшійся Левенвольдъ: надобно позвать министровъ.» За министрами послали; но первый кабинетъ-министръ, оракуръ

Остерманъ боленъ, да еслибы и здоровъ былъ, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, не пріѣхалъ бы, притворившись больнымъ. «Ступайте къ Остерману,» сказалъ Биронъ Левенвольду. Тотъ поѣхалъ и возвратился съ неприятнымъ для герцога отвѣтомъ: оракулъ объявилъ, что прежде всего надобно думать о наслѣдствѣ престола, и если быть наслѣдникомъ малолѣтнему принцу Іоанну, то матери его, Аннѣ Леопольдовнѣ, надобно быть правительницею, и при ней быть совѣту, въ которомъ можетъ присутствовать и герцогъ.—«Какой тутъ совѣтъ!» сказалъ въ сердцахъ Биронъ: «сколько головъ, столько разныхъ мыслей будетъ.» Въ это время доложили, что пріѣхали Черкасскій и Бестужевъ. Биронъ вышелъ къ нимъ и началъ говорить: «Императрица въ превеликомъ страхѣ отъ болѣзни; я предлагалъ ей объявить наслѣдницею племянницу свою, принцессу Анну; но она на мое представленіе не согласилась; говорить, что не только наслѣдницею, и правительницею принцессу Анну не объявить, и слышать о томъ не хочетъ, а изволить наслѣдникомъ опредѣлять внука своего, которому при крещеніи его оное обѣщать изволила. О томъ, кому правительство поручить, надобно подумать.» Но какъ двоимъ кабинетъ-министрамъ думать безъ Остермана, который назывался первымъ кабинетъ-министромъ? Черкасскій и Бестужевъ поѣхали къ Остерману въ одной каретѣ и дорогою начали разсуждать о томъ, кому быть регентомъ. «Больше некому быть кромѣ герцога курляндскаго, потому что онъ въ русскихъ дѣлахъ искусенъ,» сказалъ Черкасскій. Бестужевъ, разумѣется, не противорѣчилъ. Но съ Остерманомъ этотъ вопросъ было не такъ легко рѣшить. У Остермана было порѣшено насчетъ манифеста о наслѣдованіи престола Іоанну Антоновичу; но когда дошло дѣло до регентства, то оракулъ прекратилъ разсужденія, сказавши: «Это дѣло не другое, торопиться не надобно, надобно подумать.»

Остерманъ, по своему обыкновенію, не хотѣлъ явно вдаваться въ опасный вопросъ; пусть рѣшатъ его другіе, а онъ уже съумѣетъ приладиться къ обстоятельствамъ. Возвратившись къ Бирону, Черкасскій и Бестужевъ нашли у него Левенвольда и Минниха. Начался опять разговоръ о регентствѣ. Миннихъ отошелъ въ сторону, чтобъ не быть принужденнымъ высказаться преждевременно; но Биронъ подозвалъ его: «Слышите, графъ, что говорятъ господа министры о правительствѣ?»—«Нѣтъ, не слыхалъ,» отвѣ-

чалъ Минихъ.—«Они говорятъ, продолжалъ Биронъ, что не хотѣть сдѣлать такъ, какъ въ Польшѣ, чтобъ многія персоны въ совѣтъ сидѣли.» Тутъ Бестужевъ рѣшился произнести роковыя слова: «Кромѣ вашей свѣтлости некому быть регентомъ.» И вдругъ ему стало страшно, и началъ онъ, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, заминать сказанное, возражать самому себѣ или для того, чтобъ заставить забыть свои слова, или вызвать другихъ къ ихъ подтвержденію, набрать соучастниковъ: «Разумѣется, началъ Бестужевъ понѣмецки, въ другихъ государствахъ странно покажется, что обошли отца и мать императора.»—«Правда, не безъ ненависти будетъ въ другихъ государствахъ, ежели обойти отца и мать,» проговорилъ Биронъ, находившійся въ одинаковомъ положеніи съ Бестужевымъ. Въ это время Черкасскій началъ шептать наухо Левенвольду: «Что вы шепчете, говорите громко!» сказалъ ему тотъ, и Черкасскій началъ вслухъ представлять о необходимости избранія Бирона въ регенты. Тутъ Минихъ уже не могъ отстать отъ другихъ. Дѣло пошло. Чтобъ поднять Бирона, начали унижать его соперниковъ, представлять, какая бѣда была бы для Россіи, еслибы принцесса Анна Леопольдовна была назначена правительницею: «Отецъ ея, герцогъ мекленбургскій, поссорилъ Россію съ императорскимъ римскимъ дворомъ, говорилъ Минихъ; а о характерѣ его извѣстно, что за человекъ? Если сюда прѣдетъ, то вѣзмъ головы перерубить. А мужъ принцессы, принцъ Антонъ былъ со мною въ двухъ кампаніяхъ: только я еще не знаю, рыба онъ или мясо.»

Но этими толками ничего еще не было рѣшено. Положили собраться на другой день выслушать манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ принца Іоанна и снова посоветоваться о регентствѣ; сочли нужнымъ призвать къ этому совѣщанію и другихъ знатнѣйшихъ людей. Бестужевъ распорядился послѣднимъ дѣломъ, и его потомъ обвиняли, что онъ призвалъ очень немногихъ. На другой день прѣехали во дворецъ генераль Ушаковъ, генераль-прокуроръ князь Никита Трубецкой, князь Куракинъ, и нашли уже тамъ Черкасскаго, Бестужева, Миниха, которые поспѣшили объявить имъ въ чемъ дѣло: «Наслѣдникомъ провозглашается малолѣтній принцъ Іоаннъ; но его мать, принцессу Анну, императрица никакъ не хочетъ назначить правительницею: такъ кому же править? ежели ея и в—ства соизволеніе будетъ герцога ре-

гентом опредѣлить, то по близости герцогства его осторожиѣе и правѣе будетъ въ правленіи государственномъ поступать и отчетъ долженъ дать. Ежели же быть правительницею принцессы Анны; то опасно: ея родитель относительно земель своихъ находится въ великомъ безпокойствѣ; чтобъ не сталъ домогаться Россійское государство привести въ войну, понеже онъ человекъ горячій и стараться будетъ генералиссимусомъ быть; а ежели принца Антона брауншвейгскаго, мужа принцессы, къ тому принять, то опасаться надобно, чтобъ онъ не совсѣмъ отдался въ диспозицію вѣнскаго двора; къ тому и о нравѣ его неизвѣстно, а нравъ герцога курляндскаго всѣ знаютъ.» Слыша эти рѣчи отъ людей, такъ высоко поставленныхъ, застигнутые врасплохъ, безъ возможности подумать, сговориться, присутствующіе, разумѣется, могли только изъяснить свое полное согласіе. Биронъ вышелъ, объявилъ о слабомъ здоровѣ императрицы, и о томъ, что она не хочетъ назначать правительницею племянницу свою, и получилъ въ отвѣтъ, что въ такомъ случаѣ кромѣ его, герцога, быть регентомъ некому. Для соблюденія приличія, Биронъ сталъ отговариваться: тутъ со всѣхъ сторонъ просьбы, увѣренія, что всѣ почтутъ своимъ долгомъ помогать ему при исполненіи столь многотрудной обязанности.

Много было обнаружено горячаго усердія къ его свѣтлости; но дѣло было еще далеко до окончанія: нужно было согласіе умирающей Анны; но какъ его получить? Когда императрица поднесень былъ для подписанія манифестъ о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ, и когда всѣ подписавшіе бумагу, кромѣ Бирона, выходили изъ спальни, Минихъ остановился и, держась за ручку двери, рѣшился сказать больной: «Милостивая императрица! мы согласились, чтобъ герцогу быть нашимъ регентомъ: мы просимъ о томъ подданнѣйше.» Больная ничего не отвѣчала, и когда Минихъ вышелъ, спросила у Бирона, что такое говорилъ фельд-маршалъ? Биронъ не рѣшился повторить словъ Миниха и отвѣчалъ, что самъ ничего не слыхалъ.

Минихъ просилъ за Бирона. Нѣмцамъ вообще было важно, чтобъ на первыхъ порахъ власть осталась въ рукахъ одного изъ нихъ. Баронъ Менгенъ прибѣгаетъ къ Бестужеву и откровенно объявляетъ: «Если герцогъ регентомъ не будетъ, то мы, Нѣмцы, всѣ пропадемъ! а вѣдь герцогу самому о себѣ просить нельзя:

такъ нельзя ли объ этомъ какъ нибудь стороною просить ея величество?» Бестужевъ хотя не былъ Нѣмцемъ, однако тоже боялся пропасть, если герцогъ регентомъ не будетъ. Бестужевъ сильно хлопочетъ, сидитъ ночь, пишетъ опредѣленіе о регентствѣ Бирона для поднесенія императрицѣ къ подписи. Бумага внесена въ спальню къ больной, но лежитъ тамъ покойно, дѣло нейдетъ къ ходъ. Бестужевъ пишетъ челобитную отъ лица всѣхъ вельможъ, объявившихъ свое согласіе на регентство Бирона, Мннихъ первый ее подписываетъ; но и эта бумага остается безъ движенія. Бестужевъ сочиняетъ *позитивную декларацию* и листъ, «якобы вся нація герцога регентомъ желаетъ.» — «Трудное дѣло, думаетъ сочинитель, снабдить декларацию подписями: сенатъ и синодъ ничего не знаютъ; но все равно: тѣ, которые подписали прежнюю челобитную, подпишутъ и декларацию, а на нихъ смотря, и синодъ и сенатъ подписать не откажутся» ³¹⁴.

Наконецъ, девять тяжелыхъ дней прошли: 16 октября императрица подписала назначеніе Бирона регентомъ, и 17-го скончалась: врачи причиною смерти объявили подагру въ соединеніи съ каменною болѣзнію.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Дѣла Польскія 1733 года. Ср. Русскій Вѣстникъ 1841 года, т. IV, и Приложение къ книгѣ Герье: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году.»

2. Droysen-Friedr. Wilhelm I, König v. Preuss. II, 100 и слѣд.

3. Польскія дѣла 1733 года.

4. Droysen II, стр. 205.

5. Польскія дѣла 1733 года.

6. Кабинетныя дѣла 1733 года въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр.

Дѣлъ.

7. Szujskiego-Dzieje Polski IV, 1, 302.

8. Тамъ же, стр. 301, 302.

9. Manstein. — Сборникъ Русск. Истор. Общ. V, 434.

10. Донесеніе Миниха императрицѣ, въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д., въ кабинетныхъ дѣлахъ 1734 года.

11. Дѣла Прусскія 1733 года. — Droysen, II, 234 и слѣд.

12. Донесеніе Миниха.

13. Манштейнъ. — Шуйскій IV, I, 305.

14. Донесенія Миниха; Манштейнъ.

15. Указъ въ Государств. Архивѣ.

16. Дѣла Польскія, Австрійскія и Прусскія 1734 года.

17. Дѣла Датскія 1733 и 1734 годовъ.

18. Дѣла Шведскія тѣхъ же годовъ.

19. Дѣла Англійскія тѣхъ же годовъ.

20. Manstein.

21. Шуйскій, 308 и слѣд.

22. Кабинетныя дѣла Москов. Архива Мин. Иностр. Д. 1734 и 1735 года.

23. Тамъ же.

24. Дѣла Турецкія 1733 — 1735 годовъ.

25. Дѣла Персидскія тѣхъ же годовъ.

26. Tagebuch des Gr. von Münnich in — Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches, von Dr. Ernst Herrmann; 5. 127, 129. Дневникъ этотъ составленъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Миниху людей, Юнкеромъ, бывшимъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ. См. Herrmann-Geschichte des russ. Staates, IV, Beilage VII.

27. Кабинетныя дѣла 1735 года въ Москов. Архивѣ Министер. Иностр. Д.

28. Тамъ же.

29. Дѣла Персидскія 1735 года.

30. Дѣла Австрійскія того же года.

31. Кабинетныя дѣла 1736 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣл. — Манштейнъ говоритъ, что почти всѣ генералы совѣтовали стоять лагеремъ подлѣ Перекопа до конца кампаніи, посылая отряды внутрь полуострова для его опустошенія: но Минихъ, имѣя въ виду покореніе Крыма, настаивалъ на движеніе впередъ цѣлой арміи, и когда генералы возражали, что у нея достанетъ хлѣба только на 12 дней, то фельдмаршалъ отвѣчалъ, что армію надобно продовольствовать на счетъ непріятельской страны. Манштейнъ прибавляетъ, что съ этого совѣта Минихъ и принцъ гессенъ-гомбургскій перестали быть друзьями. — Но мы знаемъ, что они перестали быть друзьями прежде; здѣсь и средство опредѣлить значеніе Манштейна: важный источникъ относительно событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, онъ однако многого не зналъ. На описанномъ совѣтѣ могло быть непосредственное столкновеніе у Миниха съ принцемъ, и это приняли за начало вражды.

32. Тамъ же.

33. Манштейнъ.

34. Письмо хранится въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣл.

35. Кабинетныя дѣла 1736 года въ томъ же Архивѣ.

36. Дѣла Турецкія 1736 года.

37. Дѣла Персидскія того же года.

38. Дѣла Австрійскія того же года.

39. Кабинетныя дѣла 1737 года въ Москов. Архивѣ Министер. Иностр. Дѣл.

40. Румянцевъ былъ сосланъ въ село Чеборчино Алаторскаго уѣзда; при немъ для караула находился капитанъ Шиповъ. Дѣла Сената по бывшему кабинету въ Архивѣ Минист. Юстиціи № 31—1108.

41. Кабинетныя дѣла 1737 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

42. Манштейнъ.

43. Записка, хранящаяся въ Госуд. Архивѣ.

44. Кабинетныя дѣла 1737 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

45. Дѣла Австрійскія 1737 года.

46. Дѣла Нѣмировскаго конгресса въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
47. Дѣла Австрійскія 1737 года.
48. Кабинетныя дѣла 1738 года въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.
49. Дѣла Сената по бывшему кабинету въ Архивѣ Минист. Юстици, № 15—1092.
50. Кабинетныя дѣла 1738 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
51. Тамъ же.
52. Дѣла Персидскія 1737 года.
53. Дѣла Австрійскія 1738 года.
54. Дѣла Французскія того же года.
55. Кабинетныя дѣла 1739 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
56. Дѣла Французскія 1739 года.
57. Кабинетныя дѣла.
58. Дѣла Французскія 1739 года.
59. Дѣла Австрійскія того же года.
60. Дѣла Турецкія 1739 и 1740 годовъ.
61. Пол. Собр. Зак., № 6529.
62. Тамъ же, № 7907.
63. Тамъ же, № 6151.
64. Дѣла Сената по бывшему кабинету въ Архивѣ Мин. Юстици, № 6—1083.
65. Пол. Собр. Зак., № 6434.
66. Тамъ же, № 6499.
67. Тамъ же, № 7195.
68. Тамъ же, № 7351.
69. Тамъ же, № 7818.
70. Тамъ же, № 6538.
71. Тамъ же, № 6864.
72. Тамъ же, № 7113.
73. Тамъ же, № 7143.
74. Тамъ же, № 6413, 6573.
75. Тамъ же, № 7240.
76. Тамъ же, № 6475.
77. Тамъ же, № 6870.
78. Тамъ же, № 7528.
79. Тамъ же, № 7819.
80. Тамъ же, № 5925.
81. Тамъ же, № 5927.
82. Тамъ же, № 6945.
83. Тамъ же, № 6949.
84. Проектъ въ Госуд. Архивѣ; манифестъ въ Пол. Собр. Зак., № 7142.

85. Тамъ же, № 7171.
86. Тамъ же, № 7201.
87. Манштейнъ.
88. Дѣла Сената по бывшему кабинету, № 94—1171.
89. Пол. Собр. Зак., № 6230.
90. Тамъ же, № 7136.
91. Тамъ же, № 7727.
92. Тамъ же, № 7627.
93. Тамъ же, № 7761.
94. Тамъ же, № 6490.
95. Дѣла Сената по кабинету, № 6—1083.
96. Тамъ же.
97. Пол. Собр. Зак., № 6473.
98. Дѣла Сената по бывшему кабинету, № 6—1083.
99. Тамъ же, № 39—1116.
100. Пол. Собр. Зак., № 6497.
101. Тамъ же, № 6528.
102. Тамъ же, № 5937.
103. Тамъ же, № 5939.
104. Тамъ же, № 5989.
105. Тамъ же, № 6027, 6048, 6049, 6111; 6114.
106. Тамъ же, № 6032.
107. Цифры доимокъ и рапортъ Мельгунова, въ Госуд. Архивѣ.
108. Пол. Собр. Зак., № 6391.
109. Тамъ же, № 6392.
110. Тамъ же, № 6412.
111. Тамъ же, № 6587.
112. Тамъ же, № 6863.
113. Изъ бумагъ Государств. Архива.
114. Дѣла Сената по бывшему кабинету, № 6—1083.
115. Пол. Собр. Зак., № 7037.
116. Тамъ же, № 7732, 8000.
117. Дѣла Сената по бывшему кабинету, № 103—1180.
118. Тамъ же, № 31—1108.
119. Тамъ же, № 39—1116; сравни, приложение 10 къ XX тому.
120. Тамъ же, № 6—1083.
121. Проектъ и мнѣнія въ Государ. Архивѣ.
122. Пол. Собр. Зак., № 7107.
123. Тамъ же, № 7812.
124. Тамъ же, № 7813, 8186.
125. Тамъ же. № 6546.

126. Тамъ же, № 6551.
127. Тамъ же, № 6858.
128. Тамъ же, № 7060.
129. Дѣла Сената по кабинету, № 15—1092.
130. Пол. Собр. Зак., № 7077, 7183.
131. Тамъ же, № 6067.
132. Дѣла Сената по кабинету, № 9—1086.
133. Пол. Собр. Зак., № 7889, 7954.
134. Тамъ же, № 6411.
135. Дѣла Сената по кабинету, № 21—1098.
136. Пол. Собр. Зак., № 6559.
137. Тамъ же, № 6841.
138. Дѣла Сената по кабинету, № 56—1032. Татищевъ намекаетъ здѣсь на то, что Анна значить благодать.
139. Тамъ же, № 56—1133.
140. Горный Журналь 1828 и 1831 годовъ; Германа — Историческое начертаніе горнаго дѣла въ Россіи, стр. 138 и слѣд. Попова — Татищевъ и его время, глава III.
141. Пол. Собр. Зак., № 6840, 6938, 6939.
142. Дѣла Сената по кабинету, № 56—1032.
143. Лексиконъ Россійскій Татищева I, 144, 145; II, 22.
144. Пол. Собр. Зак., № 7589, 7766.
145. Тамъ же, № 6117, 6453.
146. Тамъ же, № 6653.
147. Тамъ же, № 6682.
148. Тамъ же, № 6951.
149. Дѣла Сената по кабинету, № 28—1105.
150. Тамъ же, № 56—1105.
151. Тамъ же, № 6—1083.
152. Пол. Собр. Зак., № 6300.
153. Тамъ же, № 6286.
154. Тамъ же, № 7108.
155. Тамъ же, № 8182.
156. Тамъ же, № 6164.
157. Тамъ же, № 6378.
158. Тамъ же, № 7211.
159. Тамъ же, № 6406.
160. Тамъ же, № 6569.
161. Тамъ же, № 7041.
162. Тамъ же, № 7621.
163. Тамъ же, № 8128, 8209.

164. Тамъ же, № 6692.
165. Тамъ же, № 6947.
166. Тамъ же, № 7232.
167. Дѣла Сената по кабинету, № 71—1148.
168. Тамъ же, № 69—1146.
169. Пол. Собр. Зак., № 7055.
170. Записки Данилова, стр. 54.
171. Дѣла Сената по кабинету, № 28—1105.
172. Тамъ же, № 71—1148.

173. Тамъ же. — Сгорѣлъ также Выборгъ. Въ 1738 году Ал. Петр. Бестужевъ-Рюминъ писалъ изъ Копенгагена о тамошнихъ слухахъ, что «Выборгъ отъ Шведовъ тайно сожженъ и яко будто и прежніе въ Петербургѣ пожары, чтобъ паче всего адмиралтейство сжечь, отъ оныхъ же зажигатели употреблены были.» — Въ январь 1740 Бестужевъ писалъ, что, по слухамъ, Шведы хотятъ тайно сжечь русскій флотъ въ Кронштадтѣ и Ревель, а въ Петербургѣ адмиралтейство. — Дѣла Датскія 1738 и 1740 годовъ.

174. Письмо въ Государ. Архивъ.
175. Пол. Собр. Зак., № 7245.
176. Записки Данилова, стр. 52.
177. Пол. Собр. Зак., № 7489.
178. Тамъ же, № 7616.
179. Тамъ же, № 7899.
180. Тамъ же, № 6212.
181. Тамъ же, № 6645.
182. Тамъ же, № 6772.
183. Тамъ же, № 6822.
184. Дѣла Сената по бывшему кабинету, № 69—1146.
185. Тамъ же, № 35—1112.
186. Тамъ же, № 28—1105.
187. Записки Данилова, стр. 57.
188. Пол. Собр. Зак., № 8260.
189. Дѣла Сената по кабинету, № 28—1105. — Въ июнь 1737 года адмиралтейская коллегія получила указъ изъ кабинета: Обрѣтающійся здѣсь персидскій посолъ Хулефа представлялъ, что на морѣ Каспійскомъ вновь появились разбойники изъ руссiйской націи, человекъ 70, на судахъ и живутъ близъ Баки на островѣ Акрабъ для грабежа проезжихъ людей и уже три судна астраханскихъ купцовъ ограбили. Велѣно отправить на разбойниковъ пристойную команду солдатъ съ штабъ-офицеромъ.
190. См. приложение 14.

191. Пол. Собр. Зак., № 5940.
192. Тамъ же, № 7170.
193. Тамъ же, № 7460.
194. Тамъ же, № 7695.
195. Письмо въ Государ. Архивъ. — Кабакъ Катоковъ, бывший въ Кремль, у Тайническихъ воротъ, былъ сведень по высочайшему указу въ 1733 году. Дѣла Сената по кабин., № 31—1108.
196. Записки Данилова. — Записки Болотова (въ Русской Старинѣ).
197. Пол. Собр. Зак., № 6050.
198. Тамъ же, № 7313.
199. Тамъ же, № 7363.
200. Рапортъ въ Государ. Архивъ.
201. См. Приложение II.
202. Пол. Собр. Зак., № 6395.
203. Дѣла Сената по кабинету, № 15—1092.
204. Пол. Собр. Зак., № 7248.
205. Пекарскаго — Дополнит. извѣстіе для біографіи Ломоносова.
206. Билярскаго — Матеріалы для біографіи Ломоносова.
207. Пекарскаго — упомянутая книга.
208. Билярскаго — упомянутая книга.
209. Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ—въ Лѣтописяхъ Русс. Литер., изд. Тихонравова, т. V.
210. См. мою статью: Герардъ Фридрихъ Миллеръ; Современникъ 1854 года, № 10.
211. Куника — Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Академіи Наукъ.
212. Записки Нащокина, стр. 64. — Крафта — Подробное и обстоятельное описаніе... Ледянаго дома.
213. Дѣла Сената по кабинету, № 94—1171.
214. Москвитянинъ 1845 г. II, 44.
215. Дѣла Сената по кабинету, № 69—1146.
216. Шишкина А. П. Вольтеръ, въ Отеч. Зап. 1860 г., стр. 101.
217. Пол. Собр. Зак., № 7162.
218. Тамъ же, № 7021.
219. См. мое сочиненіе: Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка, помѣщенное въ Архивъ Историко-Юридич. свѣдѣній Калачова, кн. II, пол. I.
220. Предложеніе его въ Государ. Архивъ.
221. Пол. Собр. Зак., № 6993.
222. См. подробности о Татищевѣ, какъ писателѣ, въ моемъ сочиненіи: «Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка, и въ книгѣ Н. Попова: «Татищевъ и его время.»

223. Исторія Россіи XIX, 290.
224. Чистовича — Θεοφανъ Прокоповичъ и его время.
225. Пол. Собр. Зак., № 6177.
226. Тамъ же, № 6504.
227. Тамъ же, № 6561.
228. Тамъ же, № 6583.
229. Чистовичъ, стр. 478.
230. Пол. Собр. Зак., № 7660.
231. Дѣла Сената по кабинету, № 103—1180.
232. Пол. Собр. Зак., № 7928.
233. Тамъ же, № 6025.
234. Тамъ же, № 7734.
235. Тамъ же, № 7749.
236. Тамъ же, № 7070.
237. Тамъ же, № 7385.
238. Тамъ же, № 7645.
239. Тамъ же, № 6937. — Къ 29 сентября 1729 года относится любопытное распоряженіе: «По его и. в—ства указу и по приказанію св. прав. синода духовной дикастеріи членъ Серапіонъ архимандритъ Знаменскій приказалъ московскихъ соборовъ протопопамъ и сороковымъ старостамъ поповскимъ сказать указъ съ подпискою, чтобъ всѣхъ церквей священники и діаконъ ходили и въ бесѣдахъ сидѣли въ скуфьяхъ и гуменцы были всегда у нихъ вычищены, понеже скуфья и гуменца знакъ священства, и носилибъ шапки образцовыя, а въ шляпахъ, такожь и въ немѣцкихъ камзолахъ и въ прочихъ неприличныхъ священному чину одеждахъ отнюдь бы не ходили.» Копія указа вклеена въ Журналы Верх. Тайн. Совѣта. — Такъ какъ повтореніе указа послѣ не встрѣчается, то можно думать, что имъ прерращена была попытка нѣкоторыхъ духовныхъ приравниваться въ одеждѣ къ мірскимъ людямъ.
240. Собраніе постановленій по части раскола I, 223 и слѣд.
241. Дѣла Тайной Канцеляріи 1733 года.
242. Собраніе постановленій по части раскола.
243. Дѣла Тайной Канцеляріи означенныхъ годовъ.
244. Пол. Собр. Зак., № 7450.
245. Тамъ же, № 6136.
246. Тамъ же, № 7959.
247. Тамъ же, № 7226.
248. Тамъ же, № 6693.
249. Дѣла Сената по кабинету, № 23—1100.
250. Пол. Собр. Зак., № 7612.

251. Дѣла Сената по кабинету, № 23—1105.
252. Пол. Собр. Зак., № 8236.
253. Записки Марковича, I, 400.
254. Дѣла Сената по кабинету, № 29—1106.
255. Тамъ же, № 6—1083.
256. Тамъ же, № 67—1144.
257. Тамъ же, № 94—1171.
258. Записки Марковича, II, 55.
259. Дѣла Сената по кабинету, № 54—1131.
260. Письмо въ Государ. Архивъ.
261. Тамъ же.
262. Дѣла Сената по кабинету, № 87—1164.
263. Тамъ же, № 90—1167.
264. Тамъ же, № 1106—1183, 114—1191.
265. Пол. Собр. Зак., № 6876.
266. Тамъ же, № 7009.
267. Тамъ же, № 7730.
268. Тамъ же, № 6042.
269. Тамъ же, № 6041, 6291, 6351.
270. Дѣла Шведскія 1735—1739 г.; ср. въ Büsching's Magazin, t. XV, статью Кёппена, мекленбургскаго министра при шведскомъ дворѣ: *Les anecdotes de la révolution de Stockholm.*
271. Дѣла Французскія 1739 года.
272. Дѣла Шведскія того же года.
273. См. Приложение 16.
274. Дѣла Шведскія 1739 года.
275. Дѣла Французскія 1739 и 1740 годовъ.
276. Дѣла Шведскія 1739 и 1740 годовъ.
277. Дѣла Польскія 1735—1740 годовъ.
278. Дѣла Прусскія тѣхъ же годовъ. — Въ извлеченіи, присланномъ отъ Бракля находится только заглавіе проекта о привлеченіи рижскаго торго въ Кёнигсбергъ: *Entwurf des Poppen zu Pillau-Wie der Handel von Riga allmählich nach Königsberg zuziehen sey.*
279. Дѣла Французскія 1740 года.
280. Дѣла Датскія 1735—1740 годовъ.
281. Дѣла Англійскія 1735—1740 годовъ.
282. Краткое описаніе торжества, съ которымъ славный миръ въ С.-Петербургѣ празднованъ, въ примѣч. на С.-Петерб. Вѣдомости 1740 года.
283. Кабинетныя дѣла 1737 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
284. Пол. Собр. Зак., № 8060.

285. Дѣла Сената по бывшему кабинету, № 15—1092.
286. Пекарскаго — Маркизь де-ла-Шетарди, стр. 29.
287. Дѣла Французскія 1739 и 1740 годовъ.
288. Пекарскаго — Шетарди, стр. 34 и слѣд.
289. Дѣла Тайной Канцеляріи 1732 года.
290. Тамъ же, 1731 годъ.
291. Тамъ же, 1733 годъ.
292. Дѣло Голицына въ Госуд. Архивѣ.—Пол. Собр. Зак., № 7151.—
Въ февраль 1737 года медицинская канцелярія просила: «Понеже московскаго медицинскаго огорода докторъ ботаникъ Герберъ репортовалъ, что въ бывшихъ сосланнаго князя Дмитрея Голицына помѣстьяхъ, въ Архангельскомъ малые ранжереи содержаны, въ которыхъ имѣются разные индѣйскіе и нѣкоторые медицинскіе планеты, а именно церіи опунціи и прочее, такожъ и нѣкоторые другіе находящіе въ огородѣ иностранныя планеты, и что за оными токмо простой російской огородникъ присмотръ имѣть все потратиться могутъ; а понеже въ московскомъ медицинскомъ огородѣ не токмо аптекарскіе ученики, но и московской гошпитали лѣкарскіе ученики въ ботаники и матеріи медиченской обучаются: того ради медицинская канцелярія всенижайше просить, дабы повелѣно было изъ вышенисанныхъ ранжерей тѣ планеты, которые докторомъ ботаникомъ Герберомъ отобраны будутъ, въ московскій медицинскій огородъ отдать, также бы повелѣно было изъ нѣкоторыхъ сортовъ помаранцевыхъ и лавриныхъ деревь, которые не весьма велики и не къ убрасѣ огороднаго служить могутъ, въ вышенисанной же медицинской огородъ уступить.» Просьба была исполнена.—Дѣла Сената по кабинету, № 69—1146.
293. Донесеніе Самтыкова въ Госуд. Архивѣ.
294. Дѣла Тайной Канцеляріи 1737 года.
295. Дѣло Долгорукихъ въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи въ Госуд. Архивѣ.
296. Записка Головкина въ Государ. Архивѣ.
297. Чистовича — Ѳефанъ Прокоповичъ, стр. 561.
298. Пекарскаго — Шетарди, стр. 50, 51.
299. Чистовича — Ѳефанъ Прокопов., стр. 547.
300. Дѣла Тайной Канцеляріи — 1730—1738 годовъ.
301. Вся эта цереписка находится въ Государ. Архивѣ.
302. Записки князя Якова Петр. Шаховскаго, I, 10 и слѣд.
303. Пекарскаго — Шетарди, стр. 102.
304. Манштейнъ.
305. Пекарскаго — Шетарди, стр. 6, 12.

306. Тамъ же, стр. 88.

307. Манштейнъ.

308. Письмо въ Государ. Архивъ. Болѣзнь свою Вольтинскій описываетъ такъ: «Въ паху повредило у меня перепонку и вышли кишки столько много, что чрезъ пятеры сутокъ едва, чрезъ припарки умягча, могли въ животъ вправить.»

309. Herrmann — Geschichte des russ. Staates, IV, 612, 613.

310. Тамъ же, 633 и слѣд.

311. Тамъ же, 615.

312. Дѣло о Вольтинскомъ въ Государ. Архивъ.

313. Herrmann, 638.

314. Хранящіяся въ Государств. Архивъ дѣла: объ А. П. Бастужевъ-Рюминѣ, князѣ Черкасскомъ, Минихѣ и Левенвольдѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Письмо къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ отъ неизвѣстнаго изъ Англїи съ жалобой на архимандрита Геннадїя и священника Варѣоломея. «Ревностїю нашего святаго закона возбужденъ нѣкоторый христіанинъ къ стопамъ и къ престолу вашего священнаго величества о защищенїи и заступленїи нашей святой вѣры и достоинство архїереевъ и священниковъ всенїжайшее предложенїе чина того. Ибо въ Лондонѣ обрѣтается два священника греческіе, Геннадїй архимандритъ съ Варѣоломеемъ, племянникомъ его, которые давно уже въ ересь впали, тогда, когда во время Самуила патріарха Александрїйскаго, купно съ епископомъ Арсенїемъ, для собиранїя милостыни въ разныя страны посланы были, которую милостыню собравъ, оною между собою подѣлились, а помянутый епископъ въ великую Россїю прїѣхавъ, оставя товарища своего въ городѣ Лондонѣ. И хотя оные отъ Космы патріарха призываны были, дабы вспоможенїе собранное милостынею церкви, въ убожествѣ обрѣтающейся, учинили, однако повелѣній его слушаться не похотѣли, и того для отъ упомянутаго патріарха публичное запрещенїе и отрѣшенїе отъ сообщенїя съ вѣрными законно получили, которые оное запрещенїе уничтожа ежеденно священнодѣйствовать дерзають, и, что горше есть, претворяють себѣ законъ (similant religionem) съ великимъ присутствующихъ людей соблазномъ. паче же помянутый Варѣоломей достоинство нашихъ патріарховъ поносить и ихъ за ничто имѣть и св. литургїю отъ св. отецъ Василїя, Аванасїя, Іоанна Златоустаго и Григорїя установленную, уничтожаетъ яко смѣху достойное людское вымышленїе. Сїе и тому подобное сказываютъ они съ Варѣоломеемъ дерзновенно, ибо никакого

суда не опасаются, потому что подъ протекцію августѣйшаго величества вашего обрѣтаются, и изъ того августѣйшее величество ваше усмотрѣть можете, какую пользу святая вѣра наша чрезъ отпадшихъ отъ пути истиннаго получить уповать можетъ.»

Реляція князя Кантемира по поводу этого дѣла отъ 16 ноября 1733 года: «Обрѣтаемый въ здѣшней греческой церкви архимандритъ Геннадій и племянникъ его Вареоломей въ священнослуженіи со всякимъ учтивствомъ послѣдуютъ уставамъ благочестиваго греческаго исповѣданія и никакой отмѣны я усмотрѣть не могъ, кромѣ того, что священникъ Вареоломей для разумнѣя здѣшнему народу службу отправляетъ на англійскомъ языкѣ, и не только оные оба ни въ какую ересь не впали, но напротиву священникъ Вареоломей съ начала моего сюды прѣзду весьма ревностное противъ еретиковъ поученіе имѣлъ на англійскомъ языкѣ, отъ чего удержаться я ему совѣтовалъ, дабы то причину не подало здѣшнему епископу запретить публичное греческаго исповѣданія священнослуженіе и по всему тому письмо отъ неизвѣстнаго къ вашему императорскому величеству съ продерзостию писанное, какъ я по совѣти могу донести, никакого основанія не имѣетъ, и писано по самой злобѣ; авторъ же того письма есть нѣкто Павелъ, который называется греческимъ священникомъ, посланнымъ отъ константинопольскаго патріарха для собранія здѣсь милостыни, и оное подтверждать смѣлость приемлю для того, что онъ Павелъ въ ссорѣ, которую здѣсь имѣлъ съ пономъ Вареоломеемъ, грозилъ ему, что онъ на него донестъ хочетъ вашему императорскому величеству. Священникъ Вареоломей къ ссорѣ ихъ причину подалъ гѣмъ, что безъ моего вѣдома статскаго секретаря дюка Ньюкастля въ канцелярію, чрезъ безымянное письмо далъ знать, что оный Павелъ подложно сказывается греческимъ священникомъ и посланнымъ отъ патріарха константинопольскаго, и хоть потому много сходности есть, понеже онъ Павелъ никакого греческаго письма отъ патріарха не имѣетъ, однакожь я попу Вареоломею тогда запретилъ, чтобъ онъ впредь въ такія дѣла не вступалъ. Сколько же касается проклятія, которому архимандритъ Геннадій преданъ былъ отъ александрійскаго патріарха, и отъ онаго чрезъ того же патріарха онъ освобожденъ, какъ явствуютъ того патріарха письма, которыя я самъ у него архимандрита видѣлъ; а священникъ Вареоломей,

будучи посвященъ отъ св. правител. російскаго синода, отъ патріарха александрійскаго проклять или прощень какъ не быть, такъ и быть не могъ.» (Москов. Архивъ Минист. Иностр. Дѣл.)

2) Господа кабинетъ-министры. Изъ реляціи нашихъ министровъ изъ Немирова мы усмотрѣли, коимъ образомъ бывшій при арміи нашей цесарскій полковникъ Беренъклау непотребныя и лживыя производилъ разглашенія о непорядочныхъ генерала фельдмаршала Миниха при взятіи Очакова поступкахъ, и о томъ къ своему въ Немировѣ обрѣтающемуся министру графу Остеннуну писалъ, также и при самомъ взятіи Очакова при нашей арміи генераль-фельдмаршалу Миниху такія жъ слова говорилъ, и объ оныхъ его разговорахъ генераль-фельдмаршалъ Минихъ нашему оберъ-камергеру писменно знать далъ, которое письмо вамъ сообщено. Того ради мы заочно разсудили, чтобъ вы резидента Гохгольцера, призвавъ къ себѣ, то поминутаго полковника Беренъклауа лживые и неосновательные репорты ему обстоятельно объявили съ формальнымъ требованіемъ, чтобъ онъ при своемъ дворѣ о такихъ непристойныхъ Беренъклауа разглашеніяхъ надлежащее представленіе учинилъ, дабы онъ не токмо при арміи нашей не былъ, но и совершенная бы сатисфакція за такія его лживыя слова дана была, чтобъ впредь такимъ непотребнымъ людямъ поводу не дать неосновательныхъ и вредительныхъ разглашеней розпространять, и о томъ учинить по сему нашему указу неперемѣнно. Анна. Изъ Петергофа 7 августа 1737. (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣл.)

3) Изъ кабинета въ св. прав. синодъ: «Извѣстно св. Синоду, коимъ образомъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ обрѣтался въ Лондонѣ при церкви греческаго исповѣданія архимандритъ Гречанинъ Геннадій, которому опредѣлено было и повсегодно перевозено по сей 1737 годъ жалованья по 500 рублевъ; а нынѣ доноситъ полномочный министръ князь Антиохъ Кантемиръ, что оный архимандритъ Геннадій минувшаго февраля 3 числа умре, притомъ онъ князь Кантемиръ представляетъ, что содержаніе тамо публичной греческаго исповѣданія церкви не токмо для пріѣзжающихъ туда изъ Архипелага Грековъ нужно, но содержаніе такого привилегіума къ высокой славы ея императорскаго величества имени служить, въ Лондонѣ жъ при немъ князь Кантемиръ обрѣтается оди́нъ священникъ Гречанинъ же Варфоло-

мей, и ежели оному въ той церкви служеніе попрежнему продолжать, то онъ священникъ просить, чтобъ прислать къ нему въ помощь изъ Россіи другаго искуснаго священника молодого, которой могъ научиться поангльски и потому въ состояніи былъ исправлять поученія на томъ языкѣ, какъ оный Варѳоломей чинить. И понеже помянутую церковь въ Лондонѣ содержать весьма потребно, того ради все вышеписанное сообщается св. Синоду для надлежащаго и скорѣйшаго въ ономъ о всемъ и особливо о духовной особѣ ко отправленію въ той церкви службы способной; чтобъ опредѣляемый туда архимандритъ или священникъ отсюда отправленъ быть могъ на первыхъ съ весны корабляхъ. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣль. Марта 12 дня 1737 года.) Въ кабинетъ изъ св. синода: «Въ доношеніи Синоду бывшаго въ Лондонѣ и въ Англіи греческаго іеродіакона Симеона Номикаса представлено: въ прошломъ 716 году, какъ присланъ князь Куракинъ въ Лондонъ въ характерѣ полномочнаго посланника и бывалъ съ свитою своею многократно въ нашей церкви, тогда Арсеній митрополитъ евандскій, по совѣту Англичанъ новопросвѣщенныхъ, объявилъ оному посланнику, что хотятъ Англичане публичную церковь воздвигнуть подъ такими кондиціями: 1) чтобъ оной церкви дать имя «Тисъ Омоніасъ»; 2) чтобъ въ оной отправлять литургію только Златоустаго сначала, дабы у простѣйшихъ новопросвѣщенныхъ ради различія церемоній не было какого сумнительства, на трехъ языкахъ—греческомъ, русскомъ и аглипскомъ; 3) ежели возможно, чтобъ оная церковь была подъ протекціею блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго ради защищенія отъ ненавидящихъ благочестія. И послѣ такого князю Куракину объявленія, по пришествіи его императорскаго величества въ Голандію, помянутый преосвященный о всемъ ономъ предложилъ подробну, противъ чего его величество и обѣщаль оной церкви вспомошествовать и содержать въ своей высокой протекціи, и указалъ архимандриту Геннадію ради церкви возвратиться пакы въ Англію и опредѣлить годоваго жалованья по 500 рублевъ, которой, взявъ письменное отъ епископскаго собранія позволеніе, и возвратился и нынѣ де пребывающій по немъ племянникъ его іеромонахъ Варѳоломей, родомъ по отцѣ Французенинъ, а по матери греческаго исповѣданія, которой ни на латинскомъ, ни на аглинскомъ языкахъ не умѣеть, только

что по-французски, италянски и аглински и просто по-гречески говорить, а что де предики сказываетъ—Богъ его вѣдаетъ, откуда ему такая премудрость, только де, какъ онъ примѣчаетъ, ради показанія себя непростымъ, съ тѣхъ языковъ, на которыхъ читать умѣеть, собираетъ, и по аглински щебечетъ, и отъ неискуснаго сплетенія соблазнъ только и отъ противныхъ поношеніе находится; не держитъ же при церкви никого себѣ спомощника; но самъ священнодѣйствуя вкупѣ и попъ и пономарь и дьячекъ, отъ чего де великое въ церкви нестроеніе и разореніе благочестію, а ходитъ де весьма страннымъ образомъ: до обѣдни монахъ, а послѣ обѣдни бѣлецъ, и притомъ предлагаетъ (т.-е. Симеонъ) какъ бы въ томъ поступитъ мнѣніе свое такое: дабы первѣе послать его Симеона въ Англію въ чинѣ іеродіаконскомъ съ свидѣтельствомъ объ немъ на латинскомъ языкѣ, а онъ де Симеонъ тамо просвѣщенныхъ покойнымъ Арсеніемъ митрополитомъ или дѣтей ихъ, понеже и дѣти купно съ ними были помазаны миромъ, принскавъ, станетъ утверждать, что на мѣсто Коссаново будетъ отъ св. синода присланъ архимандритъ изъ ученыхъ и искусныхъ людей, чтобъ тамошніе открылись какъ покойному архіерею Арсенію, и о представленіи ихъ ему онъ Симеонъ стараться будетъ. Св. синодомъ опредѣлено: въ кабинетъ сообщить съ таковымъ представленіемъ, что въ Лондонѣ вѣщнія ради російскія славы и расширенія православновосточныхъ церкви и лучшей церковной церемоніи, съ чего (какъ оной Симеонъ представляетъ), наипаче и прежде просвѣщенные Англичане возлюбили вѣру грекоросійскаго закона, и впредь такимъ же бы образомъ могли показать свое къ російской церкви желаніе и приобщеніе, потребно видится отправить изученныхъ въ богословіи и искусныхъ и добросовѣстныхъ людей, архимандрита, который бы по-гречески могъ знать или хотя въ латинскомъ ученіи совершенъ былъ, и ово въ разговорахъ, ово же на предикахъ о истинѣ грекоросійскаго исповѣданія показывать доволенъ былъ, да при немъ архимандритъ двухъ іеромонаховъ (въ томъ числѣ и обрѣтающагося нынѣ въ Лондонѣ Варѣоломея до указу), которые бы обучилися греческаго и аглинскаго языковъ, дабы со временемъ могли для Грековъ, изъ Архипелага туда пріѣзжающихъ, на греческомъ, а для Англичанъ на аглинскомъ языкѣ, сверхъ отправленія службъ и требъ церков-

ныхъ, и казанье говорить; и означеннаго Симеона іеродіакономъ же; да дву дьячковъ и одного пономаря.» (Тамъ же, 1-го сентября 1738 года.)

4) *Указъ изъ кабинета къ генералу Румянцеву 8 марта 1738 года.* Присланъ къ намъ отъ генерала фельдмаршала графа фонъ Минниха сообщенный ему отъ васъ календарь, печатанный въ польскомъ городѣ Львовѣ на польскомъ языкѣ на нынѣшній 1738 годъ, который сочиненъ чрезъ доктора философіи и математики, профессора Станислава Дончевскаго, и находится въ ономъ въ прогностикахъ многіе непристойныя и весьма предосудительныя о нашемъ имперіи злостно вымышленныя пасажи, за что оной безсовѣстной авторъ за такую продерзость по всенароднымъ правамъ не токмо великаго штрафа, но и жестокаго наказанія достоинъ. И понеже по близости нашей Украйны къ польскимъ границамъ въ оной такіе календари безъ сумнѣнія у нѣкоторыхъ людей есть, а весьма непристойно, чтобъ оныя мерзостныя составленія въ нашемъ государствѣ для соблазну неразеудительнаго народу производились, того ради повелѣваемъ вамъ во всей Малой Россіи и въ слободскихъ полкахъ какъ у духовныхъ и мірскихъ всякаго чина людей, такъ и во всѣхъ монастыряхъ такіе календари всѣ безъ остатку отыскать, и собравъ оныя, яко мерзостныя пашквили, заставить въ Глуховѣ на площади публично чрезъ палача зжечь и учинить крѣпчайшее запрещеніе, чтобъ никто изъ подданныхъ нашихъ такихъ календарей у себя не имѣли и не держали такожъ бы оныхъ изъ Польши чрезъ границу въ нашу Украйну и далѣе въ другіе нашей имперіи мѣста вывозить подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія отнюдь не дерзали, а употребляли бъ наши подданные календари, изданные въ печать какъ здѣсь въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Кіевѣ, которыхъ для того тамо довольно напечатать потребно. (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

3) Изъ кабинета въ св. синодъ: Изъ копій съ доношенія князя Кантемира св. Синодъ усмотрить, конемъ образомъ объявленныя отъ Греченина іеродіакона Симеона Номикаха на священника Вареолема порицанія неосновательны, и что отъ него никакого въ предикахъ и въ прочихъ поступкахъ соблазну людямъ не происходитъ, и онъ по-англійски пишетъ и говоритъ какъ урожденный Англичанинъ. Церкви жъ публичной греческаго пе-

повѣданія въ Лондонѣ нѣтъ, но отправляется служба Божія въ нанятомъ маломъ домѣ, а греческаго исповѣданія прихожанъ аглинской націи едва десять человѣкъ соберется. По снмъ обстоятельствомъ, по разсужденію кабинета, не видится нынѣ нужды о бытіи въ Лондонѣ при оной церкви греческаго исповѣданія архимандриту, но признается за удобно отправить туда въ помощь священнику Вареоломею изъ ученыхъ и искусныхъ людей одного священника и при немъ двухъ или одного дьячка; но весьма потребно такого священника изыскать, который бы былъ добросовѣстный и постояннаго нрава и воздержнаго житія и содержалъ себя тамо безъ всякаго виду къ подозрѣнію и порицанію, честно какъ чину священническому приличествуетъ и принадлежить, и тѣмъ бы могъ отъ воспріявшихъ изъ Англичанъ грекороссійскій законъ въ кредитъ и почтеніе, но и другимъ къ присовокупленію въ оный поводъ и охоту придавать, такожь и съ пріѣзжими туда Греками съ потребнымъ нисхожденіемъ и пріятностію обходиться, дабы чрезъ такія онаго поступки при умноженіи греческаго закона прихожанъ впредь современнымъ и церковь публичная построена и при ней и архимандритъ употреблень быть могъ. Андрей Остерманъ, к. Алексѣй Черкасской, Артемій Вольнской. (Москов. Архивъ Мин. Ин. Д.)

6) Р. С. Къ письму Бирона къ Вольнскому 3 октября 1737 года: «Въ одномъ письмѣ вашего превосходительства упомянуть изводите, что нѣкоторые люди въ отсутствіи вашемъ стараются кредитъ вашъ у ея и. в—ства нарушить и васъ повредить. Я истинно вамъ могу донести, что ничего по сіе время о томъ не слыхалъ и такихъ людей не знаю; а хотя бъ кто и отважился васъ при ея и. в—ствѣ оклеветать, то сами вы извѣстны, что ея в—ство по своему великодушію и правдолюбію никакимъ неосновательнымъ и отъ одной ненависти происходящимъ внушеніямъ вѣрять не изволить, въ чемъ ваше пр—ство благонадежны быть можете.» (Москов. Архивъ Минист. Иностр. Дѣль.)

7) Изъ письма Вольнскаго къ Бирону отъ 26 іюля 1737 года изъ Немирова: «Я до самаго вѣззда моего въ Украину столько не зналъ, что она почти вся пуста и какое множество онаго народа пропало, а и нынѣ столько выгнано, что не осталось столько земледѣльцевъ, сколько хлѣба имъ и для самихъ себя посѣять надобно, и хотя и причтено то въ ихъ упрямство, что многія поля

безъ пашни остались, но ежели по совѣсти разсудить, то и работать некому и не на чемъ, понеже сколько въ прошломъ году воловъ выкуплено и въ подводахъ поморено, нынѣ сверхъ того изъ одного Нежинскаго полку взято въ армію 14,000 воловъ, а что изъ прочихъ полковъ взято, о томъ совершенно донести не могу. Не изволите ль взять въ Петербургъ майора Шипова на время подъ претекстомъ нѣкоторыхъ дѣлъ по его комиссіи, отъ котораго можете обстоятельно увѣдать, какова стала Украина и сколько Малороссіянъ поморено и каковъ въ прошломъ годѣ въ Крымскомъ походѣ уронъ въ армейскихъ полкахъ и что потеряно нерегулярныхъ.»

8) Отъ того же къ тому же 10 августа 1737 года: «Вашей свѣтлости высокосклоннѣйшее (письмо) я съ должнѣйшимъ почтеніемъ принять въ цѣлости получилъ со всеніяжайшимъ моимъ благодареніемъ, изъ котораго увидѣвъ толь милостивое объявленное мнѣ о содержаніи меня въ непремѣнной высокой милости обнадеживаніе всепокорно и нижайше благодарствую, прилежно и усердно прося милостиво меня и впредь оныя не лишитъ и яко вѣрнаго и истиннаго раба содержать въ неотъемлемой протекціи вашей свѣтлости, на которую я положилъ всю мою несумнѣнную надежду, и хотя всего того, какія я до сего времени ея п. в—ства паче достоинства и заслугъ моихъ высочайшія милости чрезъ милостивыя вашей свѣтлости предстательствы получилъ, не заслужилъ и заслужить не могу, никогда однакожъ отъ всего моего истиннаго и чистаго сердца вашей свѣтлости и всему вашему высокому дому всякаго приращенія и благополучія всегда желалъ и желать буду, и елико возможность моя и слабость ума моего достигаетъ, долженъ всегда поистинѣ совѣсти моей служить и того всячески искать даже до изытія живота моего.»

9) Изъ реліціи генерала Александра Ивановича Румянцева къ Бирону изъ Бабадага отъ 11 декабря 1740 года: «Изъ высочайшаго его импер. в—ства указу усмотрѣть я могъ, что успшая государыня императрица, яко истинная мать отечества, какъ въ жизни своей всегда неусыпное материнское попеченіе о благополучіи имперіи своей имѣть изволила, и оную великими своими дѣлами и сильными прогрессами навящѣ прославить, то и при концѣ жизни своей не хотѣла насъ бѣдныхъ рабовъ сырыхъ и плачущихъ оставить, высочайшимъ своимъ тестаментомъ наслѣд-

ника намъ великаго государя императора Іоанна Третіяго опредѣлить соизволила, а за младенческими его лѣтами ваше высочество регентомъ всероссійскаго имперія избрала, вѣдая вашего высочества достойные въ себѣ того правленія квалиты, которые ваше высочество еще при жизни ея импер. в—ства оказать изволили и тѣми своими мудрыми дѣлами довольно себя ея импер. в—ству изъяснили, что не токмо мы, яко вѣрные ваши раби и дѣти отечества, но и весь честной свѣтъ то беспристрастно признать и засвидѣтельствовать можетъ. И такимъ своимъ высочайшимъ государскимъ и материнскимъ опредѣленіемъ безсмертную славу себѣ оставить изволила. Я, повергнуши себя предъ высочайшими вашего высочества ногами, по моей рабской и всеподданнѣйшей должности приѣмлю смѣлость чрезъ сіе мое всенижайшее вашему высочеству поздравленіе принести и дражайшую вашего высочества руку цѣловать. Приѣмлю мое рабское всенижайшее дерзновеніе вашего высочества всенижайше просить, дабы я, послѣднѣйшій, однако вѣрнѣйшій вашего высочества рабъ, не отринуть былъ отъ высокія вашего высочества милости и протекціи, которую всегда имѣлъ на себѣ, что и при жизни ея импер. в—ства все мое благополучіе (составляло), и имѣлъ счастье вашего высочества милосердымъ прирѣніемъ (пользоваться), что и нынѣ повергнуши мя и всю мою бѣдную фамилію предъ честнѣйшими вашего высочества ногами и повторнѣ милосердія прошу, дабы я не исчисленъ былъ изъ числа вашего высочества вѣрнѣйшихъ рабовъ. А я по Бозѣ моему единое твердое упованіе вашего высочества на высочайшую милость имѣю и до конца жизни моей и до изліянія послѣдней капли крови моей въ числѣ вашего высочества вѣрнѣйшихъ рабовъ быть общаюсь (Москов. Архивъ минист. иностр. дѣлъ).

10) *Экстрактъ о годовыхъ и чрезвычайныхъ расходахъ.* Въ прошломъ 1724 году, когда его и. в—ство Петръ Великій изволилъ сухопутную армію и артиллерію положить на подушный сборъ, адмиралтейское содержаніе на таможенные и кабацкіе сборы, прочія жъ коллегіи и канцеляріи на особливые въ нихъ доходы, которые въ прежнемъ и въ нынѣшнемъ, поданномъ ея и. в—ству для всемилостивѣйшей конфирмаціи штатахъ объявлены; а затѣмъ неположенныхъ въ штатъ во всемъ государствѣ разныхъ доходовъ осталось 1,133,633 рубля. И хотя оныя въ настоящихъ годахъ сполна въ сборѣ не бывали, однакожъ умно-

жались доимкою, которую собирали за прошлые годы, а по случаямъ и изъ остаточныхъ, которые имѣли быть въ остаткахъ отъ положенныхъ въ прежнемъ штатѣ расходовъ. Изъ тѣхъ собираемыхъ доходовъ понынѣ отправлялись по указамъ повсягодные государственные положенные расходы, а прочіе нынѣ вновь по указамъ отправлять велѣно, а именно: 1) Въ городскую канцелярію на всякія строельныя дворцовыя и публичныя дѣла 200,000 рублей; 2) изъ военной коллегіи изъ подушныхъ денегъ прежде отпускалось на пять полковъ пѣхотныхъ 160,410 рублей 65 к., на мекленбургскій корпусъ 13,249 рублей 18 коп., козакамъ и прочимъ 1,367 рублей, убитыхъ пноземцевъ женамъ и дѣтямъ и прочимъ 3,768 рублей 34 коп., итого 178.995 рублей 17 коп., а нынѣ отпускается изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ; 3) низоваго корпуса на генералитетъ и ихъ канцелярію на пѣхотныхъ на 12 полковъ, которые на подушные деньги не положены, къ вышеписаннымъ 160,410 рублямъ 65 коп. изъ государственной суммы 462,306 рублей 85 коп., а съ оными 622,000,717 руб. 50 коп.; 4) на нерегулярныя въ томъ корпусѣ войска 30,473 р. 50 коп.; 5) на украинскіе и низовскіе новые 24 полка, ежели не опредѣлено будетъ изъ остаточныхъ по новому штату подушныхъ денегъ дополнять, то надлежитъ отпускать изъ общей суммы въ дополненіе къ четырехгривеннымъ деньгамъ 255,382 рубля 20 коп.; 6) лейбъ-гвардіи на измайловскій полкъ 83,460 рублей 78 коп.; 7) конной гвардіи къ подушному сбору прежняго лейб-регимента въ прибавку 39,000 рублей; 8) на всю пѣхотную гвардію за окладной провіантъ 42,257 рублей 40 коп.; 9) отставнаго гвардіи баталіона 13.176 рублей 64 коп.; 10) на фортецію 70,000 рублей; 11) донскимъ, янцкимъ, терскимъ, гребенскимъ, аграханскимъ козакамъ и пригородочнымъ служилымъ людямъ и прочимъ тому подобнымъ 64,827 рублей 32 коп.; 12) обрѣтающимся въ Шлюссельбургѣ гвардіи отставнымъ и нижегородской губерніи солдатской ротѣ 1,840 рублей 7 коп.; 13) заполошнымъ и отставнымъ офицерамъ и ихъ женамъ и дѣтямъ и кормовщикамъ и прочимъ до 12,000, рублей; 14) въ ружные монастыри и церкви на вино церковное, ладонь, свѣчи и на жалованья и въ городѣхъ на строенія, на приказные расходы и на прогоны 145,971 рубль 45 коп.; 15) на содержаніе астраханской аптеки 5,864 рубля; 16) на строеніе въ Москвѣ цейхгауза по 20,000 рублей въ годъ; 17) на строеніе выборгскихъ и кексгольмскихъ крѣпостей по

17,939 рублей; 18) на строеніе на Васильевскихъ буграхъ крѣпости по 19,000 рублей: итого 1,662,493 рубля 98 коп. Да по примѣрамъ прошлыхъ годовъ на всякіе разные обыкновенно повсягодные и чрезвычайные расходы въ годъ исходило до 700,000 рублей, а именно: въ домъ ея и в—ства и на строенія въ Москвѣ дворцовъ въ дворцовую канцелярію, въ конюшенный приказъ, въ интендантскую контору, въ иностранную коллегію и на другія случившіеся расходы. Да нынѣ генераль фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ на разныя дѣла требуетъ: 1) на додѣлку Ладожскаго канала сверхъ того числа, что собирается по каналу пошлины и съ кабаковъ и ладожскихъ таможенныхъ пошлинъ, которыхъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, быть имѣеть съ 40,000 рублей, 110,000; 2) къ прежде даннымъ деньгамъ на починку и на дѣло вновь новгородской дороги до С.-Петербурга къ 37,000 еще 42,580 рублей; 3) на дѣло вновь изъ Тверцы рѣки во Мстинно озеро канала 120,000 рублей; 4) на починку и на дѣло вновь крѣпостей Уфимской, Парицынской, Новонавловской 103,874 руб. 19 коп. А съ вышеписанными положенными государственными и чрезвычайными расходами, которыхъ точно положить не можно, больше 2 милліоновъ.—Докладъ сената 1732 года (Архивъ Мин. Юстиціи, Дѣла Сената по бывшему кабинету, № ⁶/₁₀₈₃).

11) Минихъ подалъ докладъ о выпускѣ двоихъ кадетовъ изъ корпуса въ кираспрскій полкъ, при чемъ представилъ ихъ аттестаты за рукою директора корпуса Теттау, данные на основаніи генеральнаго экзамена 1738 года; оба кадета поступили въ корпусъ въ 1732 году и имѣли по 20 лѣтъ. Аттестать кадета Карла Шульца: 1) Франц. языкъ: переводить съ нѣмецкаго на французскій экстермпоре исправно; 2) Россійскій языкъ: съ нѣмецкаго на русскій переводить; 3) Гисторія: знаетъ русскую и польскую гисторію; 4) Географія: въ математической географіи начало имѣеть доброе; 5) Нѣмецкій штиль: komponуетъ письма по заданнымъ диспозиціямъ; 6) Фехтовать: фехтуеть въ контру; 7) Геометрія: отчасти стереометрію обучилъ; 8) Верховая ѣзда: ѣздитъ шпорами и стремянами, можетъ обучать и дрезировать лошадей.—Аттестать кадета Федосея Байкова: 1) Геометрія: геометрію, планиметрію, стереометрію и тригонометрію практическую со всѣми доказательствами знаетъ прензрядно и отвѣтствовалъ съ похвалою; 2) Нѣмецкій языкъ: съ нѣмецкаго на русское переводить начинать; по-нѣмецки пишетъ и ортографію знаетъ посредственно;

3) Фехтованіе: лекціоны принимаетъ и начинаеть волтожировать; 4) Арпѣметика: всѣ твердо знаетъ; 5) дѣлаеть ландшафты красками и портреты миниатурою весьма изрядно; 6) Танцованіе: танцуетъ мнноветь; 7) Фортификація: фортификацію окончилъ всю и отвѣтствовалъ весьма презрѣдно; 8) Верховая ѣзда: обучается въ позитурахъ изрядно ѣздитъ рысью и скачетъ. — Въ аттестатахъ другихъ кадетовъ означено: Гисторія: въ универзальной дошелъ до новой исторіи; Географія: окончилъ пять картъ европейскихъ специальныхъ: португальскую, гишпанскую, французскую, британскую и италянскую; Танцованіе: танцуетъ балеть. Или: Французскій языкъ: учитъ вокабулы и разговоръ; изъ Арпѣметики: въ дѣленіи долей; въ Гисторіи: въ универзальной дошелъ до Карола Магнуса. Аттестатъ кадета Магнуса Фока, дававшій право на поступленіе къ гражданскимъ дѣламъ: 1) Французскій азыкъ: переводитъ съ нѣмецкаго на французскій екстемпоре; 2) Латинскій языкъ: съ нѣмецкаго на латинскій компоуетъ екстемпоре; 3) Философія, юсь натуры, ннституціонѣсъ юстиніанѣсъ, пандектумъ и юсь феудале: въ философіи Гейнеции элемента, юсь секундумъ ординемъ пандекторумъ до 41 книги дошелъ; 4) Россійскій языкъ: съ русскаго на нѣмецкій експонируетъ. Всѣ аттестаты 1739 года. (Архивъ Минист. Юстиціи, Дѣла Сената по кабинету № 15/1092).

12) Письмо А. И. Румянцева къ императрицѣ Аннѣ 20 августа 1735 года: «Всемиловѣйшая государыни императрица. Я бѣдный всенижайшій и послѣдній вашего и. в.—ства рабъ сего августа 13 дня получилъ вашего и. в.—ства высочайшій и всемиловѣйшій указъ изъ прав. сената, что в. и. в.—ство пожаловало меня виннаго предъ в. и. в.—ствомъ и всякой казни достойнаго всенижайшаго своего послѣдняго раба прежнимъ моимъ чиномъ генераломъ-лейтенантомъ и кавалеромъ орьдина св. Александра. И всемиловство жъ повелѣла мнѣ быть губернаторомъ въ Астрахани. И получа оный в. и. в.—ства всемиловѣйшей и высочайшей указъ и усмотря въ немъ в. и. в.—ства высокопоказанную ко мнѣ бѣдному и уже всякой надежды отчаянному и неимущему ни откуда помощи высокую императорскую и матернюю милость и принявъ шпагу и кавалерію, со всею моею бѣдною и всенижайшею фамиліею въ церкви Божіей ко всевышнему Творцу со слезами моими о вашемъ императорскомъ и дражайшемъ здравіи моленіе принесь и в. и. в.—ству чрезъ сіе мое слезное и всенижайшее доношеніе за показанныя высокія и не-

изрѣченныи ко мнѣ бѣдному и послѣднему своему рабу милости повергая себя предъ ногами в. п. в—ства, должное рабское и и всенижайшее благодареніе приношу.» (Архивъ Минист. Юстиц., Дѣла Сената по кабинету № 54/1131.)

13) Экстрактъ. Въ челобитьи бунчуковаго товарища Данилы Забѣлы показано: когда слушалъ государь первый Петръ Великій, императоръ болѣе часу въ Вышнемъ судѣ его дѣла съ персонами многими присутствующими, хотя пные преставились, а иные еще суть въ живыхъ, которые о его дѣлѣ вѣдаютъ и скажутъ, что какъ государь гетманиху Скоропадскую блудницею называлъ, а Андрея Марковича плутомъ и дуракомъ, и какъ мужичей породы не должны они быть въ простыхъ козакахъ, и кто жидовской породы въ такихъ нѣтъ постоянства, и многими словами сенаторове укоряли. А его обнадеживалъ государь милостію своею и многіе сенаторы генералы присутствующіе въ Вышнемъ судѣ слышали, какъ его жаловалъ деньгами императоръ изъ кабинета, а по преставленіи Петра Великаго и государыни Екатерины Алексѣевны тожъ изъ кабинета его деньгами жаловала, и отъ сената дали ему при печати государственный указъ, гдѣ написано собственною рукою государя о полковничьемъ урядѣ и многихъ селахъ.... Марковичъ съ сестрою своею гетманихою Скоропадскою держали его подъ карауломъ въ 1709 году за измѣнника Мазепу, что онъ Забѣла его проклиналъ и говорилъ, что Богъ поможетъ нашему императору, что одолѣетъ Шведа и выиграетъ, а Мазепа проклятый пропалъ и имя его вовѣки пропало, за что Андрей Марковичъ оскорбился великимъ гнѣвомъ, сказалъ, что тебѣ до того и проклятымъ на что ты зовешь Мазепу, какъ Мазепа выиграетъ, гдѣ ты поденешься; потомъ вышла гетманиха Скоропадская изъ комнаты въ Глуховѣ, и видя, что онъ спорить съ Андреемъ Марковичемъ, тожъ оскорбилась на ево и говорила слова надобные, которые не можетъ спомнить, токмо сіе ему въ памяти, что сказала: мы де и гетманству сему не ради, что еще Мазепа въ живыхъ гетманъ, и никто не силенъ у ево булаву взять и скинуть съ гетманства; а мы съ нужды хотъ взяли, то намъ се прощено будетъ, а ты хотя и мудрый человѣкъ, а проклинаешь Мазепу напрасно. И тогда гетманиха Скоропадская съ Андреемъ Марковичемъ велѣла его взять подъ караулъ (Архивъ Минист. Юстиціи, Дѣла по бывшему кабинету № 67/1144).

14) По генералитетской переписи 1738 года жителей—въ Мос-

квѣ (съ уѣздомъ) 151,529 (кромѣ того 1677 ямщивовъ). Въ Дмитровѣ 43,128.—Въ Клину 76,704.—Въ Волоколамскѣ 15,349.—Рузѣ 15,683.—Можайскѣ 30,077.—Вереѣ 13,992.—Боровскѣ 23,758.—Коломнѣ 50,933.—Переяславль Рязанскомъ 74,652.—Костромѣ 19,888.—Нерехтѣ 58,978.—Шуѣ 10,089.—Владимирѣ 116,141.—Муромѣ 67,842.—Суздаль 126,003.—Переяславль Залесскомъ 85,338.—Ростовѣ 67,330.—Угличѣ 40,519.—Кашинѣ 59,289.—Бѣжецкомъ Верхѣ 61,010.—Тульѣ 30,483.—Ярославль 126,705.—Пошехоньѣ 47,573.—Калугѣ 24,372.—Козельскѣ 49,462.—Всего въ московской губерніи 2,065,527 (да 7,673 ямщика).—Въ Новгородѣ 168,802 (да 6,198 ямщ.).—Олонецкѣ 34,325.—Во Псковѣ 4,493.—Твери 37,252 (631 ям.).—Торжкѣ 18,007.—Ржевѣ Володимеровой 37,849.—Бѣлѣозерѣ 50,210.—Великихъ Лукахъ 50,927.—Всего въ новгородской губерніи 551,290 (8,030 ямщ.).—Въ Смоленскѣ 104,763 (1,196 ямщ.).—Вязьмѣ 61,964.—Во всей смоленской губерніи 217,303 (1,441 ямщ.).—Въ Архангельскѣ и Холмогорахъ 31,026.—Вагѣ 25,816.—Вологдѣ 92,077 (1,154 ямщ.).—Устюгѣ 47,524.—Галичѣ 42,148.—Увжѣ 33,968.—Всего въ архангельской губерніи 386,234 (1,197 ямщ.).—Въ Казани 192,422.—Пензѣ 76,038.—Саранскѣ 48,439.—Сибирскѣ 108,714.—Соликамскѣ 49,867.—Кунгурѣ 20,508.—Вяткѣ 41,262.—Всего въ казанской губерніи 799,352 (1,186 ямщ.).—Въ Нижнемъ-Новгородѣ 156,375.—Балахнѣ 41,206.—Юрьевцѣ Повольскомъ 40,889.—Арзамасѣ 90,329.—Алатырѣ 74,401.—Всего въ нижегородской губерніи 440,226 (1,325 ямщиковъ).—Курскѣ 56,353.—Сѣвскѣ 63,625 (1,017 ямщиковъ).—Рылскѣ 38,532.—Путивлѣ 40,931.—Брянскѣ 55,064.—Кромахъ 33,767.—Орлѣ 44,506.—Всего въ бѣлгородской губерніи 565,546 (да неокладныхъ 3,892, да ямщиковъ 3,592).—Воронежѣ 17,021.—Ельцѣ 28,995.—Ливнахъ 26,817.—Тамбовѣ 49,370.—Козловѣ 27,195.—Рязкѣ 48,757.—Шацкѣ 81,756.—Всего въ воронежской губерніи 514,969 (2,877 ямщ.).—Въ Астрахани 1,150.—Въ Красномъ Яру 23.—Въ Черномъ Яру 14.—Въ Царицынѣ 408.—Во всей астраханской губерніи 1,595.—Въ Тобольскѣ 57,818 (2,866 ямщ.).—Томскѣ 12,479.—Енисейскѣ 10,089.—Иркутскѣ 7,545.—Илимскѣ 7,251.—Всего въ сибирской губерніи 132,918 (6,723 ямщ.).—Итогъ: купечества 184,947, да не въ окладѣ 170; крестьянъ 4,958,341, дворовыхъ 46,019.—(Архивъ Мин. Юстиціи Дѣла Сената по бывшему кабинету № ⁸⁶/₁₁₆₃).

По синодскимъ вѣдомостямъ въ концѣ царствованія Анны въ Петербургѣ было 35 приходскихъ церквей, 6,151 дворъ, духовенства—270 муж. 236 жен.; военныхъ 18,141 м., 7,427 ж.; разночинцевъ 9,354 м., 8,764 ж.; приказныхъ 1,697 м., 1,409 ж.; посадскихъ 2,686 м., 2,083 ж.; дворовыхъ людей 7,246 м., 3,889 ж.; поселянъ 3,575 м., 1,364 ж.; итого православныхъ 42,969 м., 25,172 ж., раскольниковъ не показано.—Въ Москвѣ приходскихъ церквей 266, дворовъ, 13,832; духовенства 2,588 м., 2,868 ж.; военныхъ 5,731 м., 9,617 ж.; разночинцевъ 14,109 м., 18,366 ж.; приказныхъ 3,375 м., 3,858 ж.; посадскихъ 11,543 м., 12,164 ж.; дворовыхъ 18,181 м., 17,778 ж.; поселянъ 9,482 м., 8,828 ж.; итого православныхъ 65,009 м. 73,479 ж.; раскольниковъ 170 м., 134 ж.—Въ Александровой слободѣ 77 церквей, 6,785 дворовъ, жителей 23,804 м., 24,104 ж.—Во Владимірѣ церквей 201; дворовъ 17,581; жителей 70,014 м., 67,828 ж.—Въ Переяславлѣ Залѣскомъ церквей 164; жителей 29,390 м., 30,402 ж.—Въ Дмитровѣ церквей 130, дворовъ 8,216, жителей 25,853 м., 25,136 ж.—Въ Сѣвскѣ церквей 149, дворовъ 5,045, жителей 37,919 м., 37,171 ж.—Въ Тамбовѣ церквей 129, дворовъ 11,988, жителей 58,950 м., 58,431 ж.—Въ Козловѣ 103 церкви, дворовъ 7,596, жителей 25,502 м., 25,393 ж.—Въ Пензѣ 183 церкви, дворовъ 15,502, жителей 58,133 м., 55,050 ж.—Во Ржевѣ Володимеровой 123 церкви, дворовъ 12,080, жителей 44,671 м., 43,790 ж.—Въ Галичѣ 149 церквей, 9,623 двора, жителей 35,539 м., 32,224 ж.—Всего приходскихъ церквей 16,901, дворовъ 1,282,405; духовенства 124,923 м., 124,950 ж.—Военныхъ 392,422 м., 359,901 ж.—Разночинцевъ 439,741 м., 442,864 ж.—Приказныхъ: 15,997 м., 16,931 ж.—Посадскихъ 218,951 м., 229,075 ж.—Дворовыхъ 318,824 м., 323,413 ж.—Крестьянъ и бобылей 4,045,982 м., 3,821,338 ж.—Раскольниковъ 8,419 м., 9,457 ж., всего 5,565,259 м., 5,327,929 жен.—(Тамъ же, № ⁸/₁₀₈₅).

15) Донесеніе Кейзерлинга изъ Варшавы 1736 года. «Езуитскій прокураторъ въ Литвѣ его величество короля чрезъ меморіаль просилъ у вашего и. в—ства исходатайствовать, дабы заарестованный въ Вильнѣ патеръ ихъ ордена Алексѣй Ладыженской, которой вашего и. в—ства подданной, освобожденъ былъ. Сей меморіаль его в—ства король мнѣ сообщилъ и притомъ поручилъ ваше и. в—ство его именемъ просить дабы помянутому езуиту назадъ въ монастырь его возвратиться толь наипаче позволеніе

дано было, что онъ уже предъ 24 годами езуитской орденъ принялъ, и тѣмъ бы причиненное безпокойство здѣшнему духовенству, которое въ здѣшнемъ королевствѣ въ дѣлахъ великую силу всегда имѣеть, утолено быть могло. (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Польскія 1736 года св. 120 а, № 9). Просьба короля не была исполнена: Ладыженскаго въ 1737 году велѣно бить нещадно шелепами и сослать въ тобольскій гарнизонъ въ солдаты (Дѣла Сената по бывшему кабинету въ Архивѣ Минист. Юстиціи, № ⁹⁴/₁₁₇₁).

16) Изъ дѣла о баронѣ Свинклеръ. а) Отъ императрицы Анны къ фельдмаршалу Миниху. «Мы сообщаемъ вамъ при семъ, что по отправленіи нашего послѣдняго рескрипта отъ римско-цесарскаго и королевско-польскаго дворовъ намъ о злключномъ случаѣ съ Свинклеромъ вице сообщено. Вы изъ того усмотрите, коль богомерзко, безумно и безотвѣтственно тѣ люди поступили и мы великую причину имѣемъ толь паче сожалѣть, понеже сіе дѣло явно происходило, уже повсюду извѣстно учинилось, и легко чаять мочно, какое злое дѣйство оное въ Швеціи имѣть можетъ, что же наизлѣйшее есть, недоброжелательнымъ виду подобнымъ претекстомъ служить можетъ, насъ за наступателя поставлять. Что мы при такихъ обстоятельствахъ здѣсь нынѣ учинить за благо изобрѣли, состоитъ въ слѣдующемъ: что тотчасъ какъ въ Швеціи, такъ и ко всѣмъ нашимъ при чужестранныхъ дворахъ обрѣтающимся министрамъ декларація отъ насъ отправлена. Мы оную для того вамъ сообщаемъ, дабы и вы, съ своей стороны, по тому поступить и по силѣ оной говорить и мѣры принять могли. При чемъ мы оное, что мы уже о такихъ убицахъ къ вамъ писали, ежели они точію изъ нашихъ людей суть, повторяемъ, ихъ надлежитъ самымъ тайнымъ образомъ отвезть и содержать, пока не увидимъ, какое окончаніе сіе дѣло получить, и не изыщутся ли еще способы оное утолить.» 9 іюля 1739 г.

б) Изъ рескрипта къ барону Кейзерлингу въ Дрезденъ: «Сіе безумное, богомерзкое предпріятіе намъ подлинно толь наипаче чувствительно, понеже не токмо мы къ тому никогда указу оправдать не велѣли, но и не чаемъ, чтобъ кто изъ нашихъ оное опредѣлить могъ. Иное было бы писма отобрать, а иное людей до смерти бить, но ктомуужъ еще безъ всякой нужды. Однакожъ какъ бы оное ни было, то сіе зѣло досадительное дѣло есть, и всякія досадительныя слѣдства имѣть можетъ.»

с) Миннихъ императрицѣ: «Я знаю, что всѣ вашего и. в—ства дѣла и поведеніи ни на чемъ, какъ на великодушіи и честности основаны, чего я самъ съ самыхъ моихъ молодыхъ лѣтъ по сіе время навикнуть тщился, и хотя я мой животъ и все въ службѣ вашего и. в—ства съ радостію положить всегда готовъ; то однакожь сіе меня никогда подвигнуть не можетъ, чтобъ нѣчто учинить что честности противно, и сіе еще толь наименше, понеже я не токмо вашего и. в—ства указами къ тому не уполномочень, но и самъ совершенно знаю, коль мало оное отъ вашего и. в—ства апробовано и вамъ пріятно было бѣ. И тако вашему и. в—ству должностнѣйше засвидѣтельствую, что я въ семъ приключеніи ни малѣйшаго участія не имѣю, и никогда и ни въ какое время никому для произведенія такого скареднаго дѣла комиссіи не давалъ, ниже уполномочивалъ, или толко къ тому поводъ подалъ. А что до именованнаго въ Берлинской вѣдомости Кутлера касается, то я всѣ полковыя книги разсмотрѣть велѣлъ, и хотя находится, что одинъ сего имени Кутлеръ въ службѣ вашего и. в—ства капитаномъ обрѣтался, однакожь оной еще въ прошломъ году со многими другими офицерами, которые отчасти сами о томъ просили, отчасти же и для своего поступка свои абшиты получили, изъ которыхъ многіе въ польскую службу вступили, а другіе еще и понынѣ подъ именемъ російскихъ офицеровъ по разнымъ мѣстамъ въ Польшѣ живутъ и Богъ знаетъ отъ кого и чрезъ кого тамо содержаны быть имѣютъ.»

д) Рескриптъ Миниху 26 іюля: «Хотя мы совершенно увѣрены находимся, что вы въ семъ мерзостномъ приключеніи столькожь мало участія, какъ мы, имѣете, и вамъ ничто тому подобное безъ нашего указа учинить никогда въ мысль не придетъ; такожь мы и никако не чаемъ, чтобъ кто изъ нашихъ офицеровъ съ пренебреженіемъ всей чести и совѣсти такъ мерзостно погрѣшнить и въ такомъ на большой дорогѣ смертномъ убивствѣ виною быть могъ; то однакожь вы сіе дѣло наиприлежнѣйше и жесточайше изслѣдуйте, и безъ всякаго укосненія и малѣйшей утайки и умолчанія всего того что вамъ о семъ всемъ дѣлѣ свѣдомо быть можетъ, намъ обстоятельно донесете. Намъ и нашей чести весма въ томъ нужда есть, чтобъ сіе дѣло и правдивое основаніе онаго развѣдать, и мы прежде успокоиться не можемъ, пока оное не учинится.»

е) Изъ рескрипта Браклю въ Вѣну: «Когда сей Зинклеръ въ прошломъ году изъ секретнаго аусшуса съ тайными комиссіями

въ Константинополь посланъ и таковыя комиссіи не инако какъ Турковъ еще болѣе отъ мира удалить имѣли, тогда между обоими дворами договоренось: сего эмиссара, ежели въ цесарскихъ областяхъ или въ Польшѣ его достать можно, заарестовать. Намъ здѣсь, по указу, многократно обнадеживаніе чинено, что во всѣхъ цесарскихъ наслѣдныхъ земляхъ къ тому именныя указы отправлены. Ежели сіи обнадеживанія сущи были, для чегожъ онъ не заарестованъ какъ онъ по другому подозрѣнію въ Бреславѣ допрашиванъ. А ежели въ противность такимъ поданнымъ обнадеживаніямъ таковыя указы не отправлены, то для чего они посто­роннимъ людямъ безъ начальственнаго указа сыскныя давали и тако на заарестованіе позволили? Намъ же никогда въ мысли не приходило, что отъ нашихъ людей онъ до шпенскихъ границъ преслѣдованъ быть могъ, якоже мы по сіе время вѣрить не хотимъ, что то наши люди были, но нѣкоторыя интриги въ томъ обращаются, отъ кого бъ оныя не произошли. Мы подлинно въ томъ не виновны, но сіе предпріятіе не инако какъ за крайнѣйшую мерзость поставлять можемъ, а между тѣмъ обоимъ дворамъ въ томъ нужда, дабы оное дѣло всячески заминать. Чего ради необходимо потребно, чтобъ какъ отъ оберъ-амта браславскаго, такъ и отъ прочихъ шлезинскихъ мѣстъ все въ крайнѣйшемъ секретѣ и тайно содержено, и что извѣстно быть не имѣеть, въ томъ отреченось было.»

г) Изъ реляціи Кейзерлинга отъ 14/3 сентября: «Имянь убицовъ удобно заминить не мочно, пбо они паспортъ отъ цесарскаго резидента (Киннера въ Варшавѣ) имѣютъ, въ которомъ имена ихъ и секретарь означенъ и такимъ образомъ на почтовыхъ дворахъ въ знаемость пришли.»

г) Изъ секретнѣйшаго рескриптакъ Кейзерлингу: «Пакеты Силклерскихъ писемъ чрезъ тайнаго совѣтника Сума исправно нами получены. И понеже мы къ пресѣченію происшедшаго отъ сего мерзостнаго дѣла какъ въ Швеціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ слуху и шуму запотребно изобрѣли такія письма скрытнымъ образомъ въ Швецію и тамошнему двору въ руки доставить: того ради мы къ тому иного способу кромѣ сего не изыскали, что письмо якобы отъ римско-католикаго духовнаго писанное вымыслить, которымъ бы онъ показалъ, что одинъ незнакомой чело­вѣкъ подъ секретомъ исповѣди ему открылъ, коимъ образомъ онъ, купно съ нѣкоторыми другими прелщенъ полученіемъ злой

корысти офицера шведскаго на дорогѣ подстерегалъ онаго ограбить, и какъ онъ, супротивляясь, по немъ выстрѣлилъ, то онъ другаго способа не имѣлъ его и обрѣтавшіяся при немъ вещи въ руки получить, какъ чтобъ онаго умертвить.»

і) Изъ инструкціи Миниха драгунскому поручику Левицкому 23 сентября 1738 года: «Понеже изъ Швеціи посланъ въ турецкую сторону съ нѣкоторою важною комиссіею и съ писмамп маеоръ Синклеръ, которой ѣдетъ не своимъ, но подъ именемъ одного называемаго Гагберха, котораго ради высочайшихъ ея и в—ства интересовъ всемѣрно потребно зѣло тайнымъ образомъ въ Польшѣ перенять и со всѣми имѣющимися при немъ писмами. Ежели по вопросамъ объ немъ гдѣ увѣдаете, то тотчасъ ѣхать въ то мѣсто и искать съ нимъ случая компанію свести или инымъ какимъ образомъ ево видѣть; а потомъ наблюдать, не можно ли ево или на пути, или въ какомъ другомъ скрытномъ мѣстѣ, гдѣ бѣ Поляковъ не было, постычь. Ежели таковой случай найдете, то старатца его умертвить или въ воду утопить, а писма прежде безъ остатка отобрать.

і) 29 генваря 1739 года дана Минихомъ такая же инструкція капитану Кутлеру и поручику Веселовскому относительно ѣхавшихъ изъ Франціи въ Турцію молодаго Рагоци и молодаго Орлика, а также и Синклера, если случайно съ нимъ встрѣтятся.

к) Изъ инструкціи, подписанной Остерманомъ, Волынскимъ и Ушаковымъ, Преображенскаго полка подпоручику Коновницыну 16 іюля 1739 года: «Вчерашняго числа въ Шлиссенбургѣ сержантомъ Колобовымъ препровождены два человѣка, которыхъ оттуда съ имѣющимися при нихъ людьми надлежитъ немедленно отвезти въ Сибирь, въ отдаленное и такое мѣсто, гдѣ бѣ они тайно и скрытно содержаны быть могли такимъ образомъ, чтобъ отнюдь никто объ нихъ ничего увѣдать не могъ. И понеже вы въ Сибири знакомы и тамошнія мѣста знаете, того ради ея и в—ство указала вамъ оную комиссію поручить. Вы, сыскавъ такое мѣсто или монастырь, тамо при оныхъ людехъ до указу съ конвоемъ вашимъ неотмѣнно быть и ваиприлежитѣйшее стараніе и попеченіе имѣть, чтобъ они тамо секретно были и никто про оныхъ знать и ихъ видѣть не могъ, и для того ни самихъ ихъ, ни людей ихъ изъ квартиры не спускать, также искуснымъ образомъ вамъ смотрѣть, чтобъ они никуда писемъ отъ себя посылать не

могли; однакожь о томъ, что вы такой приказъ имѣете, имъ не объявлять, но во всемъ съ учтивостію безъ озлобленія съ ними поступать; и токмо имъ твердить, чтобъ они для собственной ихъ безопасности себя также и людей своихъ въ тайнѣ держали.»

l) Изъ реляціи Миниха отъ 1-го августа 1739 года. «По полученіи вашихъ и. в—ства указовъ отъ 4-го августа прошлаго 1738 г. и отъ 16 генваря сего году, какимъ наилучшимъ и способнѣйшимъ образомъ какъ о Синклерѣ, такъ о Раготин и Орликъ комисія исполнить, и ихъ анлевировать довольное разсужденіе еще до посылки ради исполненія того нарочныхъ я имѣлъ; токмо въ поимкѣ ихъ предусматривалися крайнія затрудненія и невозможности; а что касается до его Синклеровой персоны, не взирая на консиквенцію другихъ государствъ, то понеже какъ извѣстно онъ Синклеръ весьма злой російской имперіи непріятель, и съ Турками и Татарами всякія интриги противу вашего и. в—ства и вашего в—ства союзниковъ и всего христіанства интересовъ употреблялъ и потому хотя Турка или Татарина или его убить, то мнится все равно, въ каковомъ разсужденіи, что ежели сія важная комиссія анлевированіемъ, о которомъ, ежели возможность допустить, посланнымъ офицерамъ зѣло прилежно отъ меня рекомендовано, исполнено быть не можетъ, то въ крайнемъ случаѣ такъ поступать велѣно какъ въ приобщенныхъ при семъ инструкціи копіяхъ показано. 29 минувшаго іюня изъ тѣхъ посланныхъ отъ поручика Левицкаго полученъ репортъ отъ 17 числа тогожь, коимъ образомъ съ маеромъ Синклеромъ при прусскихъ границахъ порученная комиссія исполнена, а отобранныя депеши взяты отъ него Левицкаго полномочнымъ министромъ барономъ Кейзерлингомъ. Послѣ того получено мною извѣстіе, яко изъ тѣхъ посланныхъ капитанъ Кутлеръ и поручикъ Левицкой отправились изъ Варшавы прямо въ С.-Петербургъ, а подпоручикъ Веселовскій къ арміи.

m) Убийць Синклера, Кутлера и Левицкаго, тайно отправили въ Сибирь и содержали близъ Тобольска, въ селѣ Абалакѣ; Веселовскаго содержали въ Казани. Въ 1743 году императрица Елисавета велѣла произвести Кутлера въ подполковники, Левицкаго въ майоры, находящихся съ ними четырехъ сержантовъ въ прапорщики, и оставить еще ихъ нѣкоторое время въ Сибири. Потомъ въ томъ же году ихъ перевели въ казанскій гарнизонъ съ

тѣмъ, чтобъ они перемѣнили имена, Кутлеръ назывался бы Туркелемъ, а Левицкій Ликевичемъ. (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Д.)

17) Реляція Бракля изъ Берлина отъ 19 февраля 1740 года: «Принужденъ нахожусь о невѣроятныхъ и отчасу умножающихся продерзостиахъ и мотовствѣ молодаго Румянцова (знаменитаго впоследствии Задунайскаго, Петра Александровича) жалобы никакъ ни произнестъ. И не безопасно, что онъ отъ дракъ по ночамъ, отъ чего онаго ни добрымъ, ни злымъ увѣщаніемъ удержатъ немочно, или живота, или, по послѣдней мѣрѣ, здоровья лишится, или онъ за часто получаемымъ ругательствомъ и побоями тайно куда уѣдетъ, къ чему оной и неоднократно собирался, но принятыми моими предосторожностями по сіе время въ томъ препятствованъ. Онъ отнюдь ничему обучаться не хочетъ, и приставленные къ нему мастера и учителя жалятся о его лѣности и заблѣстѣ, и уже никто съ нимъ никакого дѣла имѣть не хочетъ. Я какъ на выкупъ заложенныхъ его галантерей и вещей, такъ и на потребныя расходы уже слишкомъ 600 ефимковъ за него выдасть, и ни въ чемъ до нужды онаго не донужаю; однакожь на сіе не смотря, онъ многіе мотовскіе долги чинитъ, и еще вчера свое бѣлье и платье продать или заложить искалъ, чтобъ свои безпутныя мотовства съ солдатами, лакеями и съ другими бездѣльными людьми продолжать могъ, а я уже болѣе не въ состояніи его въ рукахъ держать.»—Реляція отъ 23 февраля: «Молодой Румянцевъ 21 числа въ ночи тайно изъ своей квартиры ушелъ, свое платье и вещи за окно выбросать, уборы въ своей квартирѣ перепортировать и перебить, а росейскаго служителя, который ему слѣдовалъ, и отъ злаго его намѣренія удерживать хотѣлъ, на улицѣ двумъ мужикамъ, вещи онаго носившимъ, такъ ужасно разбить велѣлъ, что онъ по сіе время на постели тронуться не можетъ. Еще жъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ декларовалъ, что оной отцу свосему впередъ сказывалъ, ежели отъ него въ Германію онъ посланъ будетъ, то ничего добраго дѣлать не станетъ, и такъ поступать хочетъ, что онаго вскорѣ паки назадъ взять принуждены будутъ. Правды изъ устъ его ни одного слова не исходить, и онъ наимерзостнѣйшимъ шалостямъ, которыя токмо вымыслить мочно, предавъ.» Реляція 26 февраля: «Молодаго Румянцова я наконецъ сыскалъ и добрымъ порядкомъ къ возвращенію въ квартиру его уговорить велѣлъ. Онъ купилъ себѣ ло-

шадь, намѣрясь чрезъ Польшу въ Кіевъ къ отцу своему ѣхать. Оной вчера просилъ у меня въ своихъ погрѣшеніяхъ прощенія, однакожь притомъ представлялъ, чтобъ я какъ нанскорѣе отсюда въ отечество ему возвратиться толь паче позволилъ, понеже онъ за своимъ худымъ поступкомъ публично показаться болѣе не можетъ, къ тому жъ у него къ гражданскому чину и обученію оному весьма склонности нѣтъ, но хочеть солдатомъ быть, которымъ, по его превращенному мнѣнію, ничего знать или учить окромѣ того, что къ солдатскому дѣлу принадлежитъ, ненадобно.» (Дѣла Пруссіи въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д.)

18) Списокъ зъ грамоты мѣсные. Князь великій Дмитрей Константиновичъ Нижняго Поваграда и городецкой и курмышкой. Пожаловалъ есмь бояръ своихъ и князей далъ имъ мѣсную грамоту по ихъ челобитію и по печалованію архимандрита нижегородскаго печерскаго отца своего духовнаго Юны и по благословенію владычю Серапіона нижегородскаго и городецкаго и сарскаго и курмышскаго: кому сѣмъ сидѣть и кому подъ кѣмъ сидѣть. велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію алибуртовичу князю волынскому. а подъ Дмитріемъ садится князю ивану васильевичу городецкому. да противъ его въ скамье садитца дмитрію ивановичу лобанову, да въ лавкѣ же подъ княземъ иваномъ князю ѳедору полскому андреевичу. да садитись боярину его василью петровичу новосильцову да противъ въ скамье садитись казначею боярину тарасію петровичу новосилцову. А пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ исполону государя своего дважды великого князя дмитрія константиновича, а втретье окупилъ великую княгиню марѳу. да садитись боярину князю петру ивановичу березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю дмитрію ѳедоровичу курмышскому. А къ мѣсной грамотѣ князь великій велѣлъ бояромъ своимъ и дяку руки прикладывать. а мѣстную грамоту писалъ великого князя дякъ петръ давыдовъ сынъ русинь. (Государств. Архивъ. Списокъ съ грамоты находится при дѣлѣ о Волынскомъ.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Продолженіе царствованія императрицы Анны Іоанновны: Событія въ Варшавѣ по смерти Августа II-го. — Усиленіе партіи Станислава Лещинскаго. — Поведеніе Франціи. — Дѣйствія польскихъ вельможъ. — Россія требуетъ исключенія Лещинскаго изъ кандидатовъ на польскій престолъ. — Декларации Франціи и Австріи. — Конвокаціонный сеймъ. — Дѣйствія русскаго уполномоченнаго, графа Карла Густава Левенвольда, въ Варшавѣ. — Понятовскій, князя Чарторыйскіе, примасъ Ѳедоръ Потоцкій. — Обращеніе противниковъ Лещинскаго къ Россіи. — Россія и Австрія выставляютъ своимъ кандидатамъ на польскій престолъ курюрета саксонскаго. — Сопротивленіе Пруссіи и сношенія съ нею. — Неудача Рудомины, присланнаго Станиславцами въ Петербургъ. — Избирательный сеймъ. — Большинство избираетъ Лещинскаго. — Протестъ меньшинства. — Приходъ русскихъ войскъ. — Причины, заставившія Россію употребить вооруженное вмѣшательство. — Походъ генерала Леси. — Избраніе Августа III въ польскіе короли. — Отношенія между Левенвольдомъ и русскими генералами. — Образованіе конфедераціи въ пользу Лещинскаго, утвердившагося въ Данцигѣ. — Походъ Леси подъ Данцигъ. — Минихъ смѣняетъ его. — Минихъ беретъ предѣстїи и бомбардируетъ городъ. — Персїанска ея съ прусскимъ королевемъ. — Движенія конфедератовъ на помощь Данцигу и неудачи ихъ. — Неудачный приступъ Русскихъ къ Гательбергу. — Французская помощь Данцигу. — Первый бой Русскихъ съ Французами. — Сдача Данцига. — Пѣздки Левенвольда въ Вѣну, Лейпцигъ и Берлинъ. — Сношенія съ Данією, Швецією, Англією. — Положеніе дѣлъ въ Польшѣ. — Успѣхи русскихъ войскъ противъ Станиславцевъ. — Минихъ въ Польшѣ. — Неудовольствіе жителей Ляты. — Походъ генерала Леси къ Рейну на помощь къ императору Карлу VI. — Столкновенія Россіи съ Турцією. — Посольство кн. Голицына въ Персію. — Причины турецкой войны..... 5

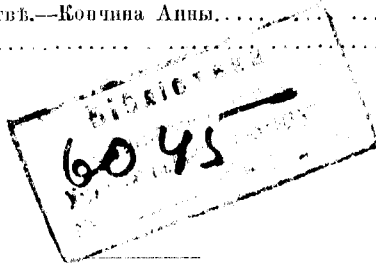
ГЛАВА II. Продолженіе царствованія императрицы Анны Іоанновны: Неудачный походъ генерала Леонтъева на Крымъ. — Совѣщаніе Миниха съ Запорожцами насчетъ будущей кампаніи. — Ссора Миниха съ принцемъ Гессенъ-гомбургскимъ. — Вѣсти изъ Персіи и Австріи. — Кампанія 1736 года. — Осада Азова. — Крымскій походъ Миниха. — Столкновеніе его съ княземъ Шаховскимъ. — Взятіе Перекопи, Козлова, Бакчисарая. — Возвращеніе Миниха къ Дѣбру. — Взятіе Кинбурна и Азова. — Столкновенія

Миниха съ Леси.—Переписка его съ императрицею.—Донсенія резидента Вешнякова изъ Константинополя.—Выѣздъ его оттуда.—Извѣстiя изъ Персiи, изъ Вѣны.—Кампанiя 1737 года.—Взятiе Очакова.—Донесенiе австрiйскаго военнаго агента Беренклау.—Крымскiй походъ Леси.—Дѣйствiя Австрiйцевъ.—Немировский конгрессъ.—Кампанiя 1738 года.—Второй походъ Леси въ Крымъ.—Австрiйскiя извѣстiя о способѣ веденiя Русскими войны.—Дѣйствiя Персiянъ и Австрiйцевъ.—Посредничество Францiи.—Донсенiя русскаго посланнику Кантемира изъ Парижа.—Кампанiя 1739 года.—Интриги Орлика.—Ставучанская битва.—Взятiе Хотина.—Завятiе Яссъ.—Миръ..... 90

ГЛАВА III. Продолженiе царствованiя императрицы Анны Иоанновны: Кабинетъ.—Сенатъ.—Коллеги.—Областное управленiе.—Войско.—Срокъ дворянской службы.—Распоряженiе объ отставныхъ безпомѣтныхъ людяхъ.—Рекрутскiе наборы.—Флотъ.—Финансы.—Промышленность.—Дѣтельность Татищева на сибирскихъ горныхъ заводахъ.—Крестьяне.—Первый банкъ.—Правосудiе.—Полицiя.—Пожары.—Повальные болѣзни.—Разбои.—Нравы и обычаи.—Образованiе.—Кадетскiй корпусъ.—Академiя наукъ.—Россiйское собранiе.—Тредиаковскiй.—Манкiевъ.—Татищевъ.—Кантемиръ.—Феофанъ Прокоповичъ; его послѣднiя борьбы и кончина.—Духовенство..... 169

ГЛАВА IV. Окончанiе царствованiя императрицы Анны Иоанновны: Дѣла на Украйнахъ.—Малороссiя.—Оренбургская экспедицiя и Башкирскiй бунтъ.—Сибирь.—Опасности для западныхъ окраинъ со стороны Швеции.—Отношенiя къ Польшѣ, Пруссiи и Англiи.—Французская политика относительно Россiи.—Францiя хочетъ пользоваться неудовольствiемъ въ Россiи противъ правительства.—Причины неудовольствiя.—Ссылки и казни.—Могущество Бирона.—Усобица между Нѣмцами.—Ягужинскiй, Вольинскiй, Бестужевъ-Рюминъ.—Болѣнь императрицы.—Вопросъ о регентствѣ.—Ковчигна Анны..... 314

ПРИЛОЖЕНIЯ 463

О П Е Ч А Т К И.

<i>Напечатано:</i>			<i>Должно читать:</i>
<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>		
64	6	объявили	объявила.
75	3	сильные	сильные
128	12	сообщать	сообщать
138	17	полное	полной
142	25	полковника	полковникъ
		Степана Фролова.	Степанъ Фроловъ
146	4	отпустили	отпустила
150	29	не въ состоянн	въ состоянн
160	19	подасть	подаеть
163	13	часть	честь
164	29	отдачи	отдача
175	27	быль	быть
190	16	платы	плоты
203	17	заслужившаго	заслужившнй
204	8	привезли и отдали	привезъ и отдалъ
205	10	имѣть	имѣте
223	4	воспоминаніе	воспоминанн
224	38	извѣстіе о которомъ	извѣстн о которомъ
240	25	херактеръ	характеръ
256	15	средства, когда имъ приходились.	средствъ, когда имъ приходилось.
258	35	трудъ	такой трудъ
259	2	вся же	все же
—	32	начальномъ	начальникомъ
264	27	начитавшись	начитавшись,
268	36	порядкахъ	порядкахъ;
271	37	никогда	нѣкогда
294	9	все люди	все люди
296	8	которыя	которая
328	32	артиллерію	артиллеріею
335	28	Болхъ	Балхъ
337	12	онъ	Кирилловъ
345	2	также	такъ какъ
350	34	быть назначенъ	былъ назначенъ
394	8	съ Ганноверомъ	въ Ганноверу
—	28	въ Финляндіи	въ Финляндію
397	37	вступить	вступимъ
400	9	съ толною	съ помною
407	14	княжною	княгинею
411	14	7 января	7 января 1740 года.
414	15	московскому генераль-губернатору Салтыкову.	въ Москву графу Салтыкову.